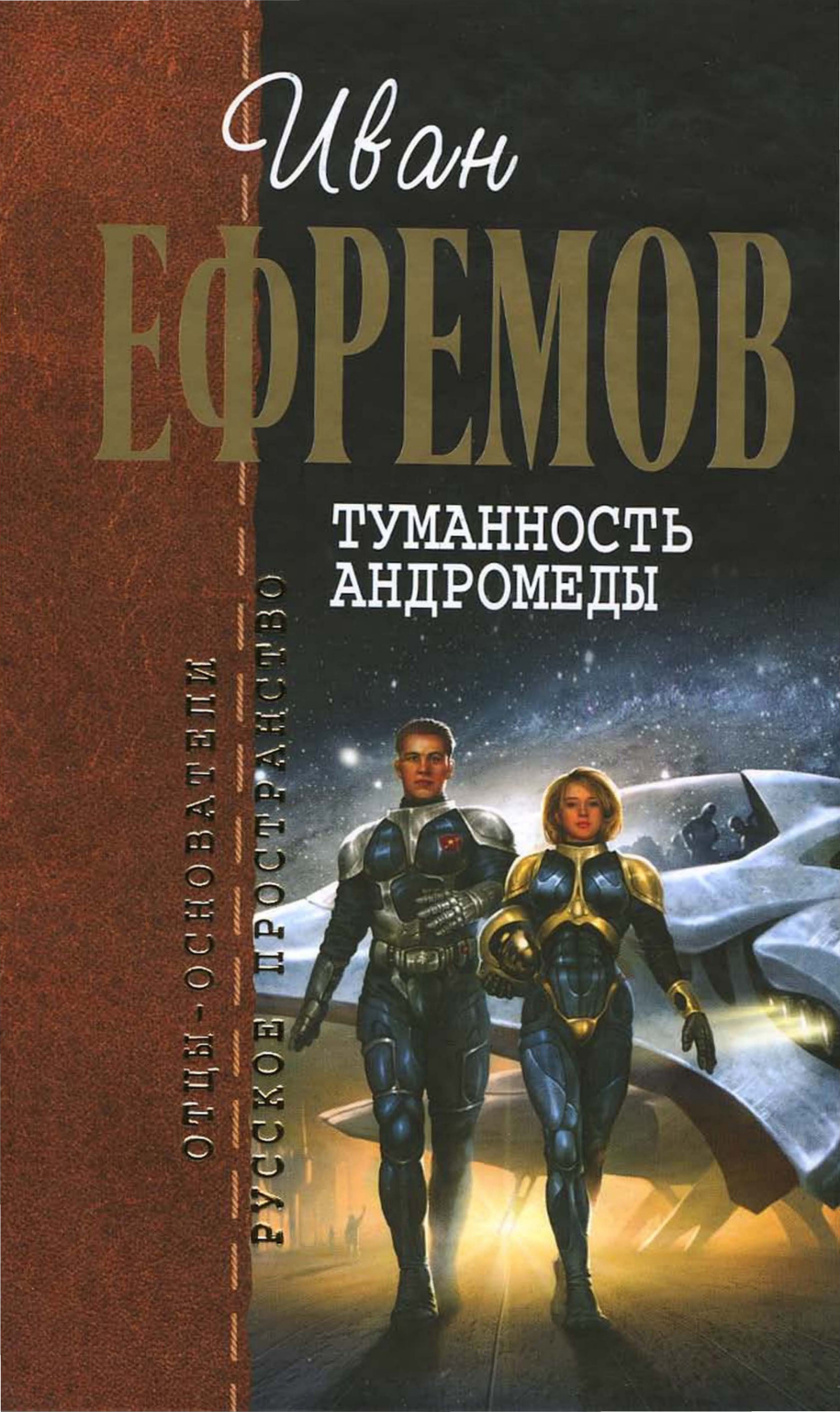
Иван

ЕФРЕМОВ

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ



ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Иван

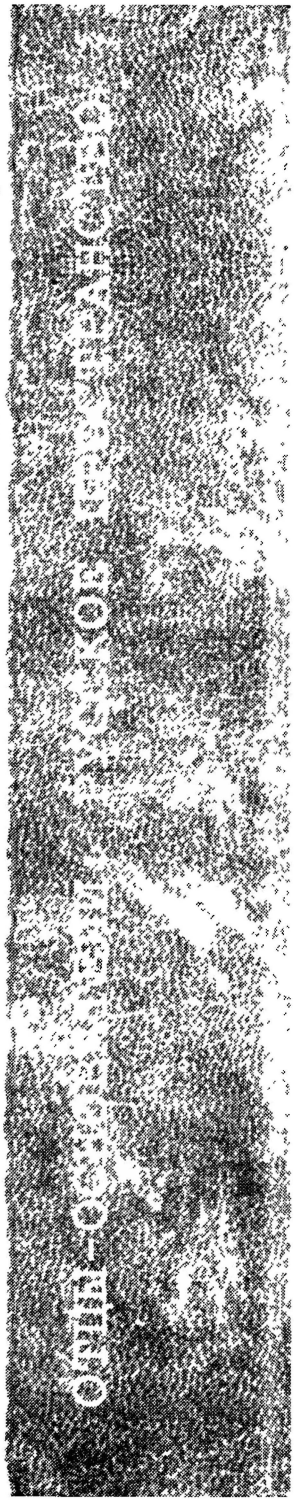
ЕФРЕМОВ

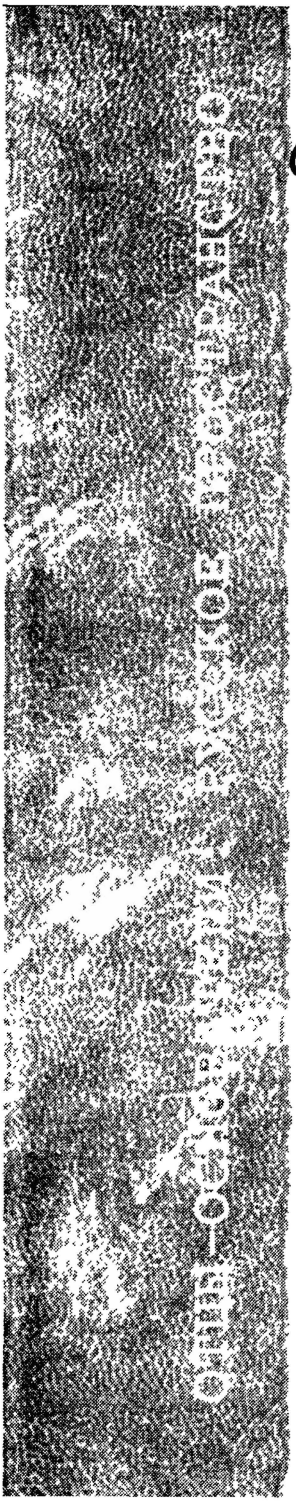
Обработал и создал книгу - vmakhankov

Иван

ЕФРЕМОВ

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ
НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ
ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ
ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ





Иван

ЕФРЕМОВ

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

СЕРДЦЕ ЗМЕИ
ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ
ЧАС БЫКА
ПЯТЬ КАРТИН

Москва
Эксмо
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е 92

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 г.

Ефремов И.А.
Е 92 Туманность Андромеды: Фантастические произведения / Иван Ефремов. — М.: Эксмо, 2007. — 768 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-21474-7

Иван Ефремов — писатель, в корне изменивший лицо отечественной фантастики романом-утопией о далеком будущем Земли «Туманность Андромеды», первой публикации которого в этом году исполняется 50 лет.

Впервые под одной обложкой с ним выходит его продолжение — «Час Быка», где действие происходит спустя 300 лет на планете Торманс, расположенной на «краю Вселенной». В сборник также вошли повесть «Сердце Змеи» и рассказ «Пять картин», созданные автором в рамках того же мира — мира «Туманности Андромеды».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-21474-7

© Ефремов И.А., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

СЕРДЦЕ ЗМЕИ

Сквозь туман забытья, обволакивающий сознание, прорвалась музыка. «Не спи! Равнодушие — победа Энтропии черной!..» Слова известной арии пробудили привычные ассоциации памяти и повели, потащили за собой ее бесконечную цепь.

Жизнь возвращалась. Громадный корабль еще содрогался, но автоматические механизмы неуклонно продолжали свое дело. Вихри энергии вокруг каждого из трех защитных колпаков остановили невидимое вращение. Несколько секунд колпаки, похожие на большие ульи из матового зеленого металла, оставались в прежнем положении, затем внезапно и одновременно отскочили вверх и исчезли в ячеях потолка, среди сложного сплетения труб, поперечин и проводов.

Два человека остались недвижимы в глубоких креслах, окруженных кольцами — основаниями исчезнувших колпаков. Третий осторожно поднял отяжелевшую голову и вдруг легко встряхнул темными волосами. Он поднялся из глубины мягчайшей изоляции, сел и наклонился вперед, чтобы прочитать показания приборов. Они во множестве усеивали наклонную светлую доску большого пульта, протянувшегося поперек всего помещения в полуметре от кресел.

— Вышли из пульсации! — раздался уверенный голос. — Вы опять очнулись раньше всех, Кари? Идеальное здоровье для звездолетчика!

Кари Рам, электронный механик и астронавигатор звездолета «Теллур», мгновенно повернулся, встретив еще затуманенный взгляд командира.

Мут Анг, с усилием двигаясь, облегченно вздохнул и встал перед пультом.

— Двадцать четыре парсека... Мы прошли звезду. Новые приборы всегда неточны... вернее, мы плохо владеем ими... Можно выключить музыку. Тэй проснулся!

Кари Рам услышал в наступившей тишине лишь неровное дыхание очнувшегося товарища.

Центральный пост управления звездолета напоминал довольно большой круглый зал, надежно скрытый в глубине гигантского корабля. Выше пультов приборов и герметических дверей помещение обегал синеватый экран, образуя полное кольцо. Впереди, по центральной оси корабля, в экране был

вырез, в котором находился прозрачный, как хрусталь, диск локатора диаметром почти в два человеческих роста. Огромный диск как бы сливался с космическим пространством и, отблескивая в огоньках приборов, походил на черный алмаз.

Мут Анг сделал неуловимое движение, и тотчас все три человека, находившиеся на посту управления, почти одинаковым жестом прикрыли глаза. Колоссальное оранжевое солнце загорелось с левой стороны на экране. Его свет, ослабленный мощными фильтрами, был едва переносим.

Мут Анг покачал головой.

— Еще немного, и мы пронеслись бы через корону звезды. Больше не буду прокладывать точный курс. Гораздо безопаснее пройти стороной.

— Тем и страшны новые пульсационные звездолеты, — ответил из глубины кресла Тэй Эрон, помощник командира и главный астрофизик. — Мы делаем расчет, а затем корабль мчится вслепую, как выстрел в темноту. И мы тоже мертвы и слепы внутри защитных вихревых полей. Мне не нравится этот способ полета в космос, хотя он и быстрее всего, что могло придумать человечество.

— Двадцать четыре парсека! — воскликнул Мут Анг. — А для нас прошел как будто миг...

— Миг сна, подобного смерти, — хмуро возразил Тэй Эрон, — а вообще на Земле...

— Лучше не думать, — выпрямился Кари Рам, — что на Земле прошло больше семидесяти восьми лет. Многие из друзей и близких мертвы, многое изменилось... Что же будет, когда...

— Это неизбежно в далеком пути с любой системой звездолета, — спокойно сказал командир. — На «Теллуре» время для нас идет особенно быстро. И хотя мы забираемся дальше всех в космос, вернемся почти теми же...

Тэй Эрон приблизился к расчетной машине.

— Все безупречно, — сказал он несколько минут спустя. — Это Кор Серпентис, или, как его называли древние арабские астрономы, Унук аль Хай — Сердце Змеи. Потому что эта звезда в середине длинного созвездия.

— А где же ее близкий сосед? — спросил Кари Рам.

— Скрыт от нас главной звездой. Видите, спектр К-ноль. С нашей стороны — затмение, — ответил Тэй.

— Раздвиньте щиты всех приемников! — распорядился командир.

Их окружила бездонная чернота космоса. Она казалась более глубокой, потому что слева и сзади горело оранжево-

золотым огнем Сердце Змеи, затмившее все звезды и Млечный Путь. Только внизу, споря с ней, сияла пламенем белая звезда.

— Эпсилон Змеи совсем близко, — громко сказал Кари Рам.

Молодой астронавигатор хотел заслужить одобрение командира. Но Мут Анг молча смотрел направо, где выделялась чистым белым светом далекая и яркая звезда.

— Туда ушел мой прежний звездолет «Солнце», — медленно проговорил командир, почувствовав за своей спиной выжидательное молчание, — на новые планеты...

— Так это Альфекка в Северной Короне?

— Да, Рам, или, если хотите европейское название, — Гемма... Но пора за дело!

— Будить остальных? — с готовностью спросил Тэй Эрон.

— Зачем? Мы сделаем одну-две пульсации, если убедимся, что впереди пусто, — ответил Мут Анг. — Включайте оптические и радиотелескопы, проверьте настройку памятных машин. Тэй, включите ядерные моторы. Пока будем двигаться на них. Дайте ускорение!

— До шести седьмых световой?

И в ответ на молчаливый кивок командира Тэй Эрон быстро проделал необходимые манипуляции. Звездолет даже не вздрогнул, хотя ослепительное, радужное пламя полыхнуло во весь обзор экранов и совсем скрыло слабые звезды ниже сверкающего Млечного Пути. Среди тех звезд было и земное Солнце.

— У нас несколько часов, пока приборы завершат наблюдения и окончат четырехкратную проверку программы, — сказал Мут Анг. — Надо поесть, потом каждый из нас может уединиться и отдохнуть немного. Я сменю Кари.

Звездолетчики вышли из центрального поста. Кари Рам пересел во вращающееся кресло посредине пульта. Астронавигатор закрыл кормовые экраны, и пламя ракетных моторов исчезло.

Огненное Кор Серпентис продолжало мерцать дерзкими отблесками на бесстрастной полировке приборов. Диск переднего локатора оставался черным, бездонным колодцем, но это не смущало, а радовало астронавигатора. Расчеты, занявшие шесть лет труда могучих умов и исследовательских машин Земли, оказались безошибочными.

Сюда, в широкий коридор пространства, свободного от звездных скоплений и темных облаков, был направлен «Теллур» — первый пульсационный звездолет Земли. Этот тип звездолетов, передвигавшихся в нуль-пространстве, должен был достигнуть гораздо больших глубин Галактики, чем прежние

ядерно-ракетные, анамезонные звездолеты, летавшие со скоростью пять шестых и шесть седьмых скорости света. Пульсационные корабли действовали по принципу сжатия времени и были в тысячи раз быстрее. Но их опасной стороной было то, что звездолет в момент пульсации не мог быть управляем. Люди также могли перенести пульсацию лишь в бессознательном состоянии, скрытые внутри мощного магнитного поля. «Теллур» передвигался как бы рывками, всякий раз тщательно изучая, свободен ли путь для следующей пульсации.

Мимо Змеи, в почти свободном от звезд пространстве высоких широт Галактики, «Теллур» должен был пройти в созвездие Геркулеса, к углеродной звезде.

«Теллур» послали в неимоверно далекий рейс, чтобы его экипаж изучил загадочные процессы превращения материи непосредственно на углеродной звезде, очень важные для земной энергетики. Подозревалось, что звезда была связана с темным облаком в форме вращающегося электромагнитного диска, обращенного ребром к Земле. Ученые ожидали, что они увидят повторение истории образования нашей планетной системы сравнительно недалеко от Солнца.

«Недалеко» — это сто десять парсеков, или триста пятьдесят лет пути светового луча...

Кари Рам проверил приборы-охранители. Они показывали, что все связи автоматов корабля в исправности. Молодой астролетчик предался размышлениям.

Далеко-далеко, на расстоянии семидесяти восьми световых лет, осталась Земля — прекрасная, устроенная человечеством для светлой жизни и вдохновенного творческого труда. В этом обществе без классов каждый человек хорошо знал всю планету. Не только ее заводы, рудники, плантации и морские промыслы, учебные и исследовательские центры, музеи и заповедники, но и милые сердцу уголки отдыха, одиночества или уединения с любимым человеком.

И от этого чудесного мира человек, предъявляя к себе высокие требования, углублялся все дальше в космические ледяные бездны в погоне за новыми знаниями, за разгадкой тайн природы, не покорявшейся без жестокого сопротивления. Все дальше шел человек от Луны, залитой убийственным рентгеновским и ультрафиолетовым излучением Солнца, от жаркой и безжизненной Венеры с ее океанами нефти, липкой смоляной почвой и вечным туманом, от холодного, засыпанного песками Марса с чуть теплящейся подземной жизнью. Едва началось изучение Юпитера, как новые корабли достигли ближайших звезд. Звездные звездолеты посетили Альфу и Проксиму Цен-

тавра, звезду Барнарда, Сириус, Эту Эридана и даже Тау Кита. Конечно, не сами звезды, а их планеты или ближайшие окрестности, если это были двойные звезды, как Сириус, лишенные планетных систем.

Но межзвездные корабли Земли еще не побывали на планетах, где жизнь уже достигла своей высшей формы, где обитали мыслящие существа — люди.

Из далеких бездн космоса ультракороткие радиоволны несли вести населенных миров; иногда они приходили на Землю через тысячи лет после того, как были отправлены. Человечество только училось читать эти передачи и стало представлять, какой океан знаний, техники и искусства совершает свой круговорот между населенными мирами нашей Галактики. Мирами, еще не достижимыми. Что уж говорить про другие звездные острова — галактики, разделенные миллионами световых лет расстояния!.. Но от этого становилось только больше стремление достичь планет, населенных людьми, пусть не похожими на земных, но тоже построившими мудрое, правильно развивающееся общество, где каждый имеет свою долю счастья, наибольшего при их уровне власти над природой. Впрочем, было известно, что есть совершенно похожие на нас люди, и этих, вероятно, больше. Законы развития планетных систем и жизни на них однородны не только в нашей Галактике, но и во всей известной нам части космоса.

Пульсационный звездолет — последнее изобретение гения Земли — дает возможность прийти на призывы далеких миров. Если полет «Теллура» окажется удачным, тогда... Только, как все в жизни, новое изобретение имеет две стороны.

— И вот другая сторона...— Задумавшись, Кари Рам не заметил, что произнес последние слова вслух.

Вдруг позади раздался приятный и сильный голос Мут Анга:

Другая сторона любви —
Что глубоко и широко, как море,
То отзовется душным коридором,
И этого не избежать — оно в крови!

Кари Рам вздрогнул:

— Я не знал, что вы тоже увлекаетесь старинной музыкой, — улыбнулся командир звездолета. — Этому романсу не меньше пяти веков!

— Я вовсе ничего не знаю! — воскликнул астронавигатор. — Я думал о нашем звездолете. О том, когда мы вернемся...

Командир стал серьезным.

— Мы проделали только первую пульсацию, а вы думаете о возвращении?

— О нет! Зачем бы я старался попасть в число избранных для полета? Мне показалось... ведь мы вернемся на Землю, когда там пройдет семьсот лет и, несмотря на удвоившееся долголетие человека, даже правнуки наших сестер и братьев уже будут мертвы...

— Разве вы этого не знали?

— Знал, конечно, — упрямо продолжал Рам. — Но мне пришло в голову другое.

— Я понял. Кажущаяся бесполезность нашего полета?

— Да! Еще до изобретения и постройки «Теллура» ушли обычные ракетные звездолеты на Фольмагаут, Капеллу и Арктур. Фольмагаутская экспедиция ожидается через два года — уже прошло пятьдесят. Но с Арктура и Капеллы корабли придут еще через сорок—пятьдесят лет: до этих звезд ведь двенадцать и четырнадцать парсеков. А сейчас уже строят пульсационные корабли, которые могут оказаться на Арктуре в одну пульсацию. За то время, пока мы совершим свой полет, люди окончательно победят время или пространство, если хотите. Тогда наши земные корабли окажутся гораздо дальше нас, а мы вернемся с грузом устарелых и бесполезных сведений...

— Мы ушли с Земли, как уходят из жизни умершие, — медленно сказал Мут Анг, — и вернемся отсталыми в развитии, с пережитками прошлого. — Об этом я и думал!

— Вы правы и глубоко неправы. Развитие знаний, накопление опыта должны быть непрерывны. Иначе нарушатся законы развития, которые всегда неравномерны и противоречивы. Представьте, что древние естествоиспытатели, кажущиеся нам наивными, стали бы ожидать, ну, скажем, изобретения современных квантовых микроскопов. Или земледельцы и строители давнего прошлого, обильно полившие нашу планету своим потом, стали бы ждать автоматических машин и... так и не вышли бы из сырых землянок, питаясь крохами, уделяемыми природой!

Кари Рам звонко рассмеялся. Мут Анг продолжал без улыбки:

— Мы так же призваны выполнить свой долг, как и каждый член общества. За то, что мы первые прикоснемся к невиданным еще глубинам космоса, мы умерли на семьсот лет. Те, кто остался на Земле, чтобы пользоваться всей радостью земной жизни, никогда не испытают великих чувств человека, заглянувшего в тайны развития Вселенной. И так все. Но возвращение... Вы напрасно опасаетесь будущего. В каждом этапе своей истории человечество в чем-то возвращалось назад, не-

смотря на общее восхождение по закону спирального развития. Каждое столетие имело свои неповторимые особенности и вместе с тем общие всем черты... Кто может сказать, может быть, та крупица знания, что мы доставим на нашу планету, послужит новому взлету науки, улучшению жизни человечества. Да и мы сами вернемся из глубины прошлого, но принесем новым людям наши жизни и сердца, отданные будущему. Разве мы придем чужими? Разве может оказаться чужим тот, кто служит в полную меру сил? Ведь человек — это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств, а в этом мы, испытавшие всю трудность долгого пути через космос, не окажемся хуже тех, будущих...— Мут Анг помолчал и совсем другим, насмешливым тоном закончил: — Не знаю, как вам, а мне так интересно заглянуть в будущее, что ради этого одного...

— ...можно временно умереть для Земли! — воскликнул астронавигатор.

Командир «Теллура» кивнул головой.

— Идите мойтесь, ешьте, следующая пульсация уже скоро! Тэй, вы зачем вернулись?

Помощник командира пожал плечами.

— Хочется скорее узнать путь, проложенный приборами. Я готов сменить вас.

И без дальнейших слов астрофизик нажал кнопку в середине пульта. Вогнутая полированная крышка беззвучно отодвинулась, и из глубины прибора поднялась скрученная спиралью лента серебристого металла. Ее пронизывал тонкий черный стержень, означавший курс корабля. Как драгоценные камни, горели на спирали крохотные огоньки-звезды разных спектральных классов, мимо которых шел путь «Теллура». Стрелки бесчисленных циферблатов начали хоровод почти осмысленных движений. Это расчетные машины уравновешивали прямую линию следующей пульсации так, чтобы проложить ее в возможно наибольшем удалении от звезд, темных облаков и туманностей светящегося газа, которые могли скрывать еще неведомые небесные тела.

Увлеченный работой, Тэй Эрон не заметил, как прошло несколько молчаливых часов. Громадный звездолет продолжал свой бег в черную пустоту пространства. Товарищи астрофизика тихо сидели в глубине полукруглого дивана, поблизости от массивной тройной двери, изолировавшей пост управления от других помещений корабля.

Веселый звон маленьких колокольчиков сигнализировал окончание вычислений. Командир звездолета медленно подошел к пультам.

— Удачно! Вторая пульсация может быть почти втрое длиннее первой...

— Нет, тут тридцатипроцентная неопределенность! — Тэй показал на конечный отрезок черного стержня, едва заметно вибрировавшего в такт колебаниям связанных с ним стрелок.

— Да, полная определенность — пятьдесят семь парсеков. Отбросим пять на возможность скрытых ошибок — пятьдесят два. Готовьте пульсацию.

Снова проверялись все бесчисленные механизмы и связи корабля. Мут Анг соединился с каютами, где находились погруженные в сон остальные пять членов экипажа «Теллура».

Автоматы физиологического наблюдения отметили, что организм спящих в нормальном состоянии. Тогда командир включил защитное поле вокруг жилых помещений корабля. На матовых панелях левой стены побежали красные струи — потоки газа в спрятанных позади них трубках.

— Пора? — слегка хмурясь, спросил командир Тэй Эрон.

Тот кивнул. Трое дежурных молча опустились в глубокие кресла, закрепляя себя в них воздушными подушками. Когда был застегнут последний крючок, каждый достал из ящичка в левом подлокотнике прибор для впрыскивания, готовый к употреблению.

— Итак, еще на полтораста лет земной жизни! — сказал Кари Рам, приложив аппарат к обнаженной руке.

Мут Анг зорко посмотрел на него. Глаза юноши светились легкой насмешкой, свойственной здоровому и вполне уравновешенному человеку. Командир подождал, пока его товарищи откинулись в креслах и закрыли глаза — впали в бессознательное состояние. Тогда он включил рычажки на маленькой коробке у своего колена. Бесшумно и неотвратимо, как сама судьба, спустились с потолка массивные колпаки. За минуту до этого Мут Анг включил механических роботов, управлявших пульсацией и защитным полем. Под колпаком в слабом свете голубоватого ночника командир прочитал показания контрольных приборов и только после этого усыпил себя...

Звездолет вышел из четвертой пульсации. Теперь загадочное светило — цель полета — выросло на экранах правой, «северной», стороны до размеров Солнца, видимого с Меркурия.

Колоссальная звезда из редкого класса «темных» углеродных звезд подвергалась детальному изучению. «Теллур» шел на субсветовой скорости в расстоянии меньше четырех парсеков от гигантской тусклой звезды КНТ-8008, едва видимой с Земли

даже в мощные телескопы. Подобные звезды (их поперечник равнялся ста пятидесяти — ста семидесяти диаметрам нашего Солнца) отличались обилием углерода в своих атмосферах. При температуре в две-три тысячи градусов атомы углерода соединялись в особые молекулы-цепочки, из трех атомов каждая. Атмосфера звезды с такими молекулами задерживала излучение фиолетовой части спектра, и свет гиганта был очень слабым сравнительно с его размерами.

Но центры углеродных гигантов, разогретые до ста миллионов градусов, были могучими генераторами нейтронов и превращали легкие элементы в тяжелые и даже зауарановые, вплоть до калифорния и россия, как был назван самый тяжелый из элементов с атомным весом 401, созданный уже четыре столетия назад. Ученые считали, что фабриками тяжелых элементов Вселенной были углеродные звезды. Они рассеивали эти элементы в пространстве после периодических взрывов. Обогащение общего химического состава нашей Галактики идет именно за счет действия темных углеродных гигантов.

Пульсационный звездолет дал наконец человечеству возможность изучить углеродную звезду с близкого расстояния, понять существо происходящих в ней процессов превращения материи. К их разъяснению физики Земли еще не подобрали всех ключей.

Экипаж звездолета проснулся, и каждый занялся теми исследованиями, ради которых он умер для Земли на семьсот лет. Движение корабля казалось теперь очень медленным, но более скорый бег и не был нужен.

«Теллур» шел, слегка отклоняясь к югу от углеродной звезды, чтобы держать экран локатора вне ее излучения. И его черное зеркало недели, месяцы и годы оставалось по-прежнему беспросветно темным. «Теллур», или, как он значился в реестре космофлота Земли, «ИФ-1 (Зет-685)», первый звездолет обращенного поля, или шестьсот восемьдесят пятый по общему списку космических кораблей, не был так велик, как субсветовые звездолеты дальнего действия. От их постройки отказались лишь недавно — с изобретением пульсационных кораблей.

Те колоссальные корабли несли экипаж до двухсот человек, и смена поколений давала возможность проникать довольно глубоко в межзвездное пространство.

С каждым возвращением дальнего звездолета на Земле появлялось несколько десятков выходцев из другого времени — представителей далекого прошлого. И хотя уровень развития этих пережитков прошлого был очень высок, все же новые времена оказывались для них чуждыми, и часто глубокая меланхо-

лия или отрешенность становилась уделом космических скитальцев.

Теперь пульсационные звездолеты забросят людей еще дальше. Пройдет немного времени, по мерке астролетчиков, и в человеческом обществе появятся тысячелетние Мафусаилы. Те, кому выпадет на долю отправиться на другие галактики, вернутся на родную планету миллионы лет спустя. Таковой оказалась оборотная сторона дальних космических рейсов, коварная препона, поставленная природой своему неугомонному сыну. На новых звездолетах экипажи насчитывали всего восемь человек. Этим путешественникам в безмерные дали космоса и одновременно в будущее было запрещено в отмену прежних поощрительных постановлений иметь детей во время путешествия.

И хотя «Теллур» был меньше своих предшественников, все же он представлял собою огромный корабль, где просторно разместился его малочисленный экипаж.

Пробуждение после продолжительного сна вызвало, как всегда, подъем жизненной энергии. Экипаж звездолета — преимущественно молодые люди — проводил свободное время в гимнастическом зале.

Они придумывали труднейшие упражнения, фантастические танцы или, надев отталкивающие пояса и кольца на руки и на ноги, совершали головоломные трюки в антигравитационном углу зала. Астролетчики любили плавать в большом бассейне с ионизированной светящейся водой, сохранившей прекрасную голубизну колыбели народов Земли — Средиземного моря.

Кари Рам сбросил рабочий костюм и устремился к бассейну, но его остановил веселый голос:

— Кари, помогите! Без вас не получается этот поворот.

Высокая девушка-химик, Тайна Дан, в короткой тунике из зеленой, в тон ее глазам, сверкающей ткани, была самой веселой и молодой участницей экспедиции. Она не раз возмущала спокойного Кари своей порывистой резкостью, но танцы он любил не меньше Тайны, прирожденной плясуньи. Он с улыбкой подошел к ней.

Слева, с высоты помоста над бассейном, его приветствовала Афра Деви, биолог звездолета. Она старательно укладывала массу своих черных волос перед упражнением на трапеции. К Афре приблизился, осторожно ступая по пружинящей пластмассе, Тэй Эрон, протягивая за спиной девушки мускулистую, сильную руку. Раскачиваясь в такт движениям доски, Афра откинулась назад, на эту надежную опору. На секунду оба

замерли, смуглые, сильные и уверенные, с гладкой кожей, которую дает человеку лишь здоровая жизнь на воздухе и солнце. Едва уловимым движением молодая женщина выгнулась еще сильнее, сделала полный оборот вокруг руки помощника командира, и оба полетели над залом, сплетаясь точно в танце.

— Он все забыл! — пропела Тайна Дан, прикрывая глаза механика кончиками горячих пальцев.

— Разве не красиво? — ответил тот вопросом и притянул к себе девушку в первом движении танца, войдя в полосу звукового фона.

Кари и Тайна были лучшими танцорами корабля. Только они умели отдавать себя полностью мелодии и ритму, выключая все другие думы и чувства. И Кари унесся в мир танца, не ощущая ничего, кроме наслаждения согласованными легкими движениями. Рука девушки, лежавшая у него на плече, была сильна и нежна. Зеленые глаза потемнели.

— Вы и ваше имя — одно, — шепнул Кари. — Я запомнил, что «тайна» на древнем языке — это неведомое, неразгаданное.

— Вы радуете меня, — без улыбки ответила девушка, — мне всегда казалось, что тайны остались только в космосе и на нашей Земле их нет более. Нет их у людей — все мы просты, ясны и чисты!

— И вы жалеете об этом?

— Иногда. Мне хотелось бы встретить такого человека, как в давнем прошлом: вынужденного скрывать свои мечты, свои чувства от окружающей злобы, закалять их, выращивать неколебимыми, полными невероятной силы.

— О, я понимаю! Но я думал не о людях и жалел лишь о неразгаданных тайнах... Как в древних романах: повсюду таинственные развалины, неведомые глубины, непокоренные высоты, а еще раньше — заколдованные, проклятые и обладающие загадочными силами рощи, источники, заповедные тропы, дома.

— Да, Кари! Хорошо бы и здесь, в звездолете, найти тайные уголки, запрещенные проходы.

— И они вели бы в неведомые комнаты, где скрывалось...

— Что скрывалось?

— Не знаю, — помолчав, признался механик и остановился.

Но Тайна вошла в игру и, нахмурившись, потянула его за рукав. Кари последовал за девушкой, и они вышли из спортивного зала в тускло освещенный боковой проход. Указатели вибрации равномерно и неярко мигали, будто стены корабля боролись с надвигавшимся сном. Девушка сделала несколько быстрых бесшумных шагов и замерла. Тень скуки мелькнула на ее лице так быстро, что Кари не мог бы поручиться, что он дей-

ствительно заметил у нее этот признак душевной слабости. Незнакомое чувство больно резануло его. Механик снова взял руку Тайны.

— Пойдем в библиотеку. Мне два часа до смены.

Она послушно направилась к центру корабля.

Библиотека, или зал общих занятий, находилась непосредственно за центральным постом управления, как на всех звездолетах. Кари и Тайна открыли герметическую дверь третьего поперечного коридора и вышли к двустворчатому эллипсу люка центрального прохода. Едва только Кари наступил на бронзовую пластинку и тяжелые створки беззвучно разошлись, как молодые люди услышали могучий вибрирующий звук. Тайна радостно сжала пальцы Кари.

— Мут Анг!

Оба скользнули в библиотеку. Рассеянный свет, казалось, вился дымкой под матовым потолком. Два человека ютились в глубоких креслах между колонками фильмотек, скрытые в тенях углублений. Тайна увидела врача Свет Сима и квадратную фигуру Яс Тина, инженера пульсационных устройств, грезившего о чем-то, закрыв глаза. Слева, под гладкими раковинками акустических устройств, склонился над серебристым футляром ЭМСР сам командир «Теллура».

ЭМСР — электромагнитный скрипкорояль — давно уже заменил жестко звучащий темперированный рояль, сохранив его многоголосую сложность и придав ему богатство скрипичных оттенков. Усилители звука этого инструмента могли придавать ему в нужные моменты потрясающую силу.

Мут Анг не заметил вошедших. Он немного подался вперед, подняв лицо к ромбическим панелям потолка. Как и в старинном рояле, пальцы музыканта определяли все оттенки звучания, хотя производили звук не при помощи молоточка и струны, а тончайшими электронными импульсами почти мозговой тонкости.

Гармонично сплетенные темы единства Земли и космоса стали раздваиваться, отдаляться. Противоречия спокойной печали и жестокого дальнего грома накипали, усиливались, прерываясь звенящими нотами, словно криками отчаяния. И вдруг мерное, мелодичное развертывание темы замерло. Удар столкновения был сокрушителен, и все рассыпалось лавиной диссонансов, скользнув, как в темное озеро, в нестройные жалобы невозвратной утраты.

Неожиданно под пальцами Мут Анга родились ясные и чистые звуки прозрачной радости, она слилась с тихой печалью аккомпанемента.

В библиотеку беззвучно скользнула Афра Деви в белом халате. Свет Сим, врач корабля, стал делать командиру какие-то знаки. Мут Анг поднялся, и тишина согнала власть звуков, как быстрая ночь тропиков — вечернюю зарю.

Врач и командир вышли, провожаемые встревоженными взглядами слушателей. Со вторым астронавигатором на дежурстве случилась очень редкая беда — приступ гнойного аппендицита. Вероятно, он не выполнил абсолютно точно программы врачебной подготовки к космическому путешествию. И теперь Свет Сим запросил разрешение командира на срочную операцию.

Мут Анг выразил сомнение. Современная медицина, овладевшая методами импульсного нервного регулирования человеческого организма, как в электронных устройствах, могла устранять многие заболевания.

Но врач звездолета настоял на своем. Он доказал, что у больного останется залеченный очаг, который может дать новую вспышку при огромных физиологических перегрузках, переносимых звездолетчиками.

Астронавигатор лег на широкое ложе, опутанный проводами импульсных датчиков. Тридцать шесть приборов следили за состоянием организма. В затемненной комнате размеренно замигал и слабо зазвенел гипнотизирующий прибор. Свет Сим окинул взглядом аппараты и кивнул Афре Деви, помощнику врача. Каждый член экипажа «Теллура» совмещал несколько профессий.

Афра придвинула прозрачный куб. В синеватой жидкости лежал членистый металлический аппарат, похожий на крупную сколопендру. Афра извлекла из жидкости аппарат и из другого сосуда вытащила коническую втулку с присоединенными к ней тонкими проводами, или шлангами. Легкий щелчок зажима — и металлическая сколопендра зашевелилась, издавая едва слышное жужжание.

Свет Сим кивнул, и аппарат исчез в раскрытом рту астронавигатора, продолжавшего спокойно дышать. Засветился полупрозрачный экран, косо поставленный над животом больного. Мут Анг придвинулся ближе. В зеленоватом сиянии серые контуры внутренностей были совершенно отчетливы, и по ним медленно двигался членистый прибор. Легкая вспышка мелькнула, когда прибор дал импульс запирающей мышце — сфинктеру желудка, проник в двенадцатиперстную кишку и стал ползти по сложным извилинам тонких кишок. Еще немного — и тупой конец сколопендры уперся в основание червеобразного отростка.

Здесь, в области нагноения, боли были сильнее, и от давления прибора непроизвольные движения кишок так усилились, что пришлось прибегнуть к успокоительным лекарствам. Еще несколько минут, и аналитическая машина выяснила причину заболевания — случайное засорение отростка, — установила характер нагноения и рекомендовала нужную смесь антибиотиков и обеззараживающих лекарств. Членистый аппарат выпустил длинные гибкие усики, глубоко погрузившиеся в аппендикс. Гной был отсосан, попавшие в аппендикс песчинки удалены. Последовало энергичное промывание биологическими растворами, быстро заживившими слизистую оболочку отростка и слепой кишки. Больной мирно спал, пока внутри его продолжал действовать замечательный прибор, управляемый автоматами. Операция кончилась, и врачу оставалось лишь извлечь прибор.

Командир «Теллура» успокоился. Как ни велико было могущество медицины, все же нередко непредусмотренные особенности организма (ибо заранее определить их среди миллиардов индивидуальностей было немыслимо) давали неожиданные осложнения, нестрашные в огромных лечебных институтах планеты, но опасные в небольшой экспедиции.

Ничего не случилось. Мут Анг вернулся к скрипкороялю, в обезлюдевшую библиотеку. Командиру не захотелось играть, и он погрузился в размышления.

Не раз уже командир звездолета возвращался к мыслям о счастье, о будущем.

Четвертое путешествие в космос... Но еще никогда он не думал совершить такой далекий прыжок через пространство и время. Семьсот лет! При той стремительности жизни, нарастании новых достижений, открытий, при тех горизонтах знания, какие уже достигнуты на Земле! Трудно сравнивать, но семьсот лет значили мало в эпохи древних цивилизаций, когда развитие общества, не подстегнутое знаниями и необходимостью, шло лишь к дальнейшему распространению человека, заселению еще пустых пространств планеты. Тогда время было безмерным и все изменения человечества текли медленно, как некогда ледники на островах Арктики и Антарктики. Миллионы лет искали пищу, убивали зверей и друг друга.

Столетия как бы проваливались в пустоту бездействия. Что такое одна человеческая жизнь, что такое сто, тысяча лет?

Почти с ужасом Мут Анг подумал: каково было бы людям древнего мира, если бы они могли знать наперед медлительность тогдашних общественных процессов, понять, что угнетение, несправедливость и неустроенность планеты будут тянуться еще так много лет? Вернуться через семьсот лет в Древнем

Египте означало бы попасть в то же рабовладельческое общество, с еще худшим угнетением; в тысячелетнем Китае — к тем же войнам и династиям императоров, или в Европе — от начала религиозной ночи средневековья попасть в разгар костров инквизиции, разгула свирепого мракобесия.

Но теперь попытка заглянуть в будущее сквозь насыщенные изменениями, улучшениями и познанием семь столетий вызывает головокружение от жадного интереса к потрясающим событиям.

И если подлинное счастье — движение, изменение, перемены, то кто же может быть счастливее его и его товарищей? И все же не так просто! Человеческая натура двойственна, как окружающий и создавший ее мир. Наряду со стремлением к вечным переменам нам всегда жаль прошлого, вернее, того хорошего в нем, что отфильтровывается памятью и что прежде вырастало в представления о минувших золотых веках.

Тогда невольно искали хорошее в прошлом, мечтали о его повторении, и только сильные души могли предвидеть, почувствовать поступь неизбежного грядущего улучшения и устройства человеческой жизни. С тех пор в душе человека глубоко лежит сожаление о минувшем, печаль о невозвратно ушедшем, чувство грусти, охватывающее нас перед руинами и памятниками прошлой истории человечества. Это сожаление о прошедшем особенно усиливалось у людей зрелых, пожилых, накапливало печаль у вдумчивого и чуткого человека.

Мут Анг поднялся из-за инструмента и потянулся сильным телом.

Да, все это так ярко и интересно описано в исторических повестях. Что же может пугать молодежь звездолета в момент, когда она совершает прыжок в будущее? Одиночество, отсутствие близких? Пресловутое одиночество человека, попавшего в будущее, столько раз обсуждалось и описывалось в старых романах. Одиночество всегда мыслилось как отсутствие близких, родных, а эти близкие составляли ничтожную кучку людей, связанных часто лишь формальными родственными узами. Но теперь, когда близок любой из людей, когда нет никаких границ или условностей, мешающих общению людей в любых уголках планеты?!

«Мы, люди «Теллура», потеряли всех своих близких на Земле. Но там, в наступающем грядущем, нас ждут не менее близкие, родные люди, которые будут знать и чувствовать еще больше, еще ярче, чем покинутые нами навсегда наши современники». — Вот о чем и какими словами должен говорить командир с молодыми людьми своего экипажа.

В центральном посту управления Тэй Эрон установил излюбленный им режим вечера. Неярко горели только самые необходимые лампы, и большое круглое помещение казалось уютнее в сумеречном свете. Помощник командира мурлыкал простую песенку, занимаясь неустанной проверкой вычислений. Путь звездолета подходил к концу — сегодня надо было повернуть корабль в направлении созвездия Змееносца, чтобы пройти мимо исследованной углеродной звезды. Приближаться к ней стало опасно. Лучевое давление начинает возрастать настолько, что при субсветовой скорости корабля может нанести страшный, непоправимый удар.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, Тэй Эрон обернулся.

Мут Анг наклонился над плечом помощника, читая суммированные показания приборов в квадратных окошечках нижнего ряда. Тэй Эрон вопросительно посмотрел на своего командира, и тот кивнул головой. Повинуясь едва заметному движению пальцев помощника, по всему кораблю зазвучали сигналы внимания и стандартные металлические слова:

— Слушайте все!

Мут Анг придвинул к себе микрофон, зная, что во всех отделениях звездолета люди замерли, невольно обратив лица к замаскированным отверстиям звучателей: человек еще не отвык смотреть по направлению звука, когда хотел быть особенно внимательным.

— Слушайте все! — повторил Мут Анг. — Корабль начинает торможение через пятнадцать минут. Всем, кроме дежурных, лежать в своих каютах. Первая фаза торможения окончится в восемнадцать часов, вторая фаза, при шести «Ж», будет продолжаться шесть суток. Поворот корабля произойдет после сигналов УО — ударной опасности. Все!

В восемнадцать часов командир поднялся с кресла и, пересиливая обычную боль торможения в пояснице и затылке, объявил, что, пожалуй, отправится спать на все шесть суток замедления хода. Весь экипаж «Теллура» теперь не оторвать от приборов: ждут последних наблюдений углеродной звезды.

Тэй Эрон хмуро посмотрел на удалявшегося командира. С каждым усовершенствованием возрастали надежность и сила космических звездолетов. Трудно даже сравнить мощь «Теллура» с теми скорлупками, плававшими по морям Земли, которые издавна получили название кораблей. И все же его звездолет тоже не более как скорлупка в бездонных глубинах пространства... Как-то спокойнее, когда командир бодрствует во время маневра.

* * *

Кари Рам чуть не подскочил от неожиданности, услышав веселый смех Мут Анга. Несколько дней назад весь экипаж был встревожен известием о внезапной болезни командира. В его каюту допускался лишь врач, и все невольно понижали голос, проходя мимо гладкой двери, плотно закрытой, как во время аварии. Тэй Эрон вынужден был провести всю намеченную программу — поворот корабля, новый разгон его, чтобы уйти из области лучевого давления углеродной звезды и начать пульсацию назад, к Солнцу. Помощник шел рядом со своим командиром и сдержанно улыбался. Оказалось, командир в сговоре с врачом намеренно устранился от командования, чтобы дать возможность Тэй Эрону провести всю операцию самому, ни на кого не надеясь. Помощник ни за что не признался бы в жестоких сомнениях перед поворотом, но корил командира за причиненное всему экипажу волнение.

Мут Анг шутливо оправдывался и убеждал Тэй Эрона в полной безопасности звездолета в пустоте космического пространства. Приборы не могли ошибиться, четырехкратная проверка каждого расчета исключала возможность неточности. Пояса астероидов и метеоритов у звезды не могло быть в зоне сильного лучевого давления.

— Неужели вы более ничего не ждете? — осторожно осведомился Кари Рам.

— Неучтенная случайность, конечно, возможна. Но великий закон космоса, названный законом усреднения*, за нас. Можно быть уверенным, что здесь, в этом пустом уголке космоса, ничего нового не встретится. Мы вернемся немного назад и войдем в пульсацию испытанным нами направлением, прямо к Солнцу, мимо Сердца Змеи... Уже несколько дней, как мы идем к Змееносцу. Теперь скоро!

— Да, странно: нет ни радости, ни ощущения хорошего дела, ничего, что бы оправдывало нашу смерть для Земли на семьсот лет, — задумчиво сказал Кари. — Да, я знаю — десятки тысяч наблюдений, миллионы вычислений, снимков, памятных записей... Новые тайны материи раскроются там, на Земле... Но как незримо и невесомо все это! Зародыш будущего, и ничего более!

---

* Закон усреднения — математическое выражение, в котором конечные результаты подсчетов обозначаются неким средним числом. Крайние наибольшие и крайние наименьшие величины отбрасываются.

— Сколько же борьбы, труда и смертей вынесло человечество, а до него триллионы поколений животных на слепом пути исторического развития из-за вот этих зародышей будущего! — с азартом возразил Тэй Эрон.

— Все так для ума. А для чувства мне важен только человек — единственная разумная сила в космосе, которая может использовать стихийное развитие материи, овладеть им. Но мы, люди, так одиноки, бесконечно одиноки! У нас есть несомненные доказательства существования множества населенных миров, но никакое другое мыслящее существо еще не скрестило своего взгляда с глазами людей Земли! Сколько мечтаний, сказок, книг, песен, картин в предчувствии такого великого события, и оно не сбылось! Не сбылась великая, смелая и светлая мечта человечества, рожденная давным-давно, едва рассеялась религиозная слепота!

— *Слепота!* — вмешался Мут Анг. — А знаете, как наши недавние предки уже в эпоху первого выхода в космос представляли осуществление этой великой мечты? Военное столкновение, зверское разрушение кораблей, уничтожение друг друга в первой же встрече.

— Немыслимо! — горячо воскликнули Кари Рам и Тэй Эрон.

— Наши современные писатели не любят писать о мрачном периоде конца капитализма, — возразил Мут Анг. — Вы знаете из школьной истории, что наше человечество в свое время прошло весьма критическую точку развития.

— О да! — подхватил Кари. — Когда уже открылось людям могущество овладения материей и космосом, а формы общественных отношений еще оставались прежними и развитие общественного сознания тоже отстало от успехов науки.

— Почти точная формулировка. У вас хорошая память, Кари! Но скажем иначе: космическое познание и космическое могущество пришли в противоречие с примитивной идеологией собственника-индивидуалиста. Здоровье и будущность человечества несколько лет качались на весах судьбы, пока не победило новое и человечество в бесклассовом обществе не соединилось в одну семью... Там, в капиталистической половине мира, не видели новых путей и рассматривали свое общество как незыблемое и неизменное, предвидя и в будущем неизбежность войн и самоистребления.

— Как могли они называть это мечтами? — недобро усмехнулся Кари.

— Но они называли.

— Может быть, критические точки проходит каждая цивилизация везде, где формируется человечество на планетах иных

солнц, — медленно сказал Тэй Эрон, бросая беглый взгляд на верхние циферблаты ходовых приборов. — Мы знаем уже две необитаемые планеты с водой, атмосферой, с остатками кислорода, где ветры вздымают лишь мертвые пески и волны таких же мертвых морей. Наши корабли сфотографировали...

— Нет, — покачал головой Кари Рам, — не могу поверить, чтобы люди, уже познавшие безграничность космоса и то могущество, которое им несет наука, могли...

— ...рассуждать, как звери, только овладевшие логикой? Но ведь старое общество складывалось стихийно, без заранее заданной целесообразности, которая отличает высшие формы общества, построенные людьми. И разум человека, характер его мышления тоже были еще на первичной стадии прямой или математической логики, отражавшей логику законов развития материи, природы по непосредственным наблюдениям. Как только человечество накопило исторический опыт, познало историческое развитие окружающего мира, возникла диалектическая логика как высшая стадия развития мышления. Человек понял двойственность явлений природы и собственного существования. Осознал, что, с одной стороны, он как индивидуальность очень мал и мгновенен в жизни, подобен капле в океане или маленькой искорке, гаснущей на ветру. А с другой — необъятно велик, как Вселенная, обнимаемая его рассудком и чувствами во всей бесконечности времени и пространства.

Командир звездолета умолк и в задумчивости начал ходить перед своими помощниками. На их молодые лица легла тень суровой сосредоточенности. Мут Анг первый нарушил наступившую тишину.

— В моей коллекции исторических книг-фильмов есть одна, очень характерная для той эпохи. Этот перевод на современный язык сделан не машиной, а Санией Чен, историком, умершим в прошлом веке. Прочитаем ее! — Он улыбнулся жадному интересу молодых людей и вышел в коридор носового отсека.

— Никогда я не буду настоящим командиром! — вздохнул виновато Тэй Эрон. — Невозможно знать все, что знает наш Анг.

— А он при мне говорил, что он плохой командир из-за широкого диапазона своих интересов, — отозвался Кари, усаживаясь в кресло дежурного навигатора.

Тэй Эрон удивленно посмотрел на товарища. Они молчали, и негромкое пение приборов казалось неизменным. Громадный корабль, набрав предельную скорость, уверенно устремлялся в сторону от углеродной звезды в избранный квадрат, где в глубочайшей черноте пространства тонули, слабо мерцая,

далекие галактики — четыре звездных острова. Они были на таком расстоянии, что свет, шедший оттуда, бессильно умирал в глазу человека — чудесном приборе, для которого достаточно было всего несколько квант.

Внезапно что-то случилось. На экране большого локатора вспыхнула и заколебалась светящаяся точка. Раздался пронзительный звон, от которого у астролетчиков замерло дыхание.

Тэй Эрон, не раздумывая, дал сигнал общей тревоги вызов командира, приказывавший всем остальным членам экипажа занимать места аварийного назначения.

Мут Анг ворвался в пост управления и двумя прыжками очутился у пульта. Черное зеркало локатора ожило. В нем, как в бездонном озере, плавал крохотный шарик света — круглый, с резкими краями. Он качался вверх и вниз, медленно сползая направо. Астролетчики удивились, что роботы, предупреждавшие столкновение корабля с метеоритами, бездействовали. Значит ли это, что на экране не их отраженный поисковый луч, а чужой?!

Звездолет продолжал идти тем же курсом, и световая точка теперь трепетала в нижнем правом квадрате. Догадка заставила содрогнуться Мут Анга, закусить губы Тэй Эрона, до боли сжать край пульта Кари Рама. Нечто небывалое летело навстречу, испуская сильный луч локатора, такой же, какой бросал далеко вперед себя «Теллур».

Так отчаянно было желание, чтобы догадка оправдалась, чтобы после безумного взлета надежды не свалиться в пучину разочарования, уже сотни раз случавшегося со звездолетчиками Земли, что командир замер, боясь произнести хотя бы одно слово. И как будто его тревога передалась тем, впереди.

Светящаяся точка на экране погасла, зажглась снова и замигала с промежутками, учащая вспышки, по четыре и две. Эта регулярность чередования могла быть порождена лишь единственной во всей Вселенной силой — человеческой мыслью.

Больше не оставалось сомнений: навстречу шел звездолет.

Здесь, в безмерной дали пространства, впервые достигнутой земным кораблем, это мог быть только звездолет другого мира, с планет другой, отдаленной звезды.

Луч главного локатора «Теллура» также стал прерывистым. Кари Рам передал несколько сигналов условного светового кода. Казалось совершенно невероятным, что там, впереди, эти простые движения кнопки вызывают на экране неведомого корабля правильные чередования вспышек.

Голос Мут Анга в репродукторах корабля выдавал его волнение.

— Слушайте все! Навстречу идет чужой корабль! Мы отклоняемся от курса и начинаем экстренное торможение. Прекратить все работы! Экстренное торможение! По местам посадочного расписания!

Нельзя было терять ни секунды. Если встречный корабль шел примерно с той же скоростью, что и «Теллур», то скорость сближения звездолетов была близка к световой, достигая двухсот девяноста пяти тысяч километров в секунду. Локатор давал в распоряжение людей несколько секунд. Тэй Эрон, пока Мут Анг говорил в микрофон, что-то шепнул Кари. Бледный от напряжения, юноша понял с полуслова и произвел какие-то манипуляции на пульте локатора.

— Блестяще! — воскликнул командир, следя, как на контрольном экране луч очертил стрелу, изогнув ее налево, назад и завился в спираль.

Прошло не больше десяти секунд. На экране промелькнул светящийся стреловидный контур, отогнулся к правой стороне черного круга и завертелся мгновенной спиралью. Вздох облегчения, почти стон, вырвался одновременно у людей на центральном посту. Те, неведомые, летевшие навстречу из таинственных глубин космического пространства, поняли! Пора!

Зазвенели тревожные звонки. Теперь уж не луч чужого локатора, а твердый корпус корабля отразился на главном экране. Тэй Эрон молниеносным движением выключил робота, пилотировавшего корабль, и сам дал «Теллуру» ничтожнейшее отклонение влево. Звон умолк, черное озеро экрана погасло. Люди едва успели заметить световую черту, промелькнувшую на обзорном локаторе правого борта. Корабли разошлись на невообразимой скорости и унеслись вдаль.

Пройдет несколько дней, прежде чем они сойдутся снова. Мгновение не упущено, оба звездолета затормозят, повернут и ходом, рассчитанным точными машинами, снова приблизятся к месту встречи.

— Слушайте все! Начинаем экстренное торможение! Дайте сигналы готовности по секциям! — говорил в микрофон Мут Анг.

Зеленые огни готовности секций выстраивались в ряд над погасшими индикаторами моторных счетчиков. Двигатели корабля замолкли. Весь звездолет замер в ожидании. Командир окинул взглядом пост управления и молча кивнул головой на кресла, включив в то же время робота, предназначенного управлять торможением. Помощники видели, как Мут Анг нахмурился над шкалой программы и повернул главную клемму на цифру «8».

Проглотить пилюлю — понизитель сердечной деятельности, броситься в кресло и нажать включатель робота было делом нескольких секунд.

Звездолет ощутимо уперся в пустоту пространства — так в древности спотыкались ездовые животные, и их всадники летели через голову на милость судьбы. И сейчас гигантский корабль как будто поднялся на дыбы. Его «всадники» полетели в глубину гидравлических кресел и в легкое беспамятство.

В библиотеке «Теллура» собрался весь экипаж. Только один дежурный остался у приборов ОЭС, охраняющих связи сложнейших электронных аппаратов корабля. «Теллур» повернул после торможения, но успел отдалиться от места встречи больше чем на десять миллиардов километров. Звездолет шел медленно, со скоростью в одну двадцатую абсолютной, в то время как все его расчетные машины непрерывно проверяли и исправляли курс. Надо было вновь найти незримую точку в необъятном космосе и в ней совсем уже ничтожную пылинку — чужой звездолет. Восемь суток должно было длиться почти невыносимое ожидание. Если все расчеты и поведение корабля не дадут отклонения более допустимого, если те, неведомые, также не ошибутся и обладают столь же совершенными приборами и послушным кораблем, тогда звездолеты сойдутся настолько близко, чтобы нащупать друг друга в непроглядной тьме лучами локаторов.

Тогда впервые за всю историю человек соприкоснется с братьями по мысли, силам и стремлениям. С теми, чье присутствие давно уже было предугадано, доказано, подтверждено бесконечно прозорливым умом человека. Чудовищные пропасти времени и пространства, разделявшие обитаемые миры, до сих пор оставались непреодолимыми. Но вот люди Земли подадут руку другим мыслящим существам космоса, а от них — еще дальше, новым братьям с других звезд. Цепь мысли и труда протянется через бездны пространства как окончательная победа над стихийными силами природы.

Миллиарды лет надо было копошиться в темных и теплых уголках морских заливов крохотным комочкам живой слизи, еще сотни миллионов лет из них формировались более сложные существа, наконец вышедшие на сушу. В полной зависимости от окружающих сил, в темной борьбе за жизнь, за продолжение рода прошли еще миллионы веков, пока не развился большой мозг — наисильнейший инструмент поисков пищи, борьбы за существование.

Темпы развития жизни все ускорялись, борьба за существование становилась острее, и убыстрялся естественный отбор. Жертвы, жертвы, жертвы — пожираемые травоядные, умирающие от голода хищники, погибающие слабые, заболевшие, состарившиеся животные, убитые в борьбе за самку, во время защиты потомства, погубленные стихийными катастрофами.

Так было на всем протяжении слепого пути эволюции, пока в тяжелых жизненных условиях эпохи великого оледенения дальний родич обезьяны не заменил осмысленным трудом звериный поиск пищи. Тогда он превратился в человека, познав величайшую силу в коллективном труде, в осмысленном опыте.

Но и после того протекло еще много тысячелетий, наполненных войнами и страданием, голодом и угнетением, невежеством и надеждой на лучшее будущее.

Потомки не обманули своих предков: лучшее будущее наступило, человечество, объединенное в бесклассовом обществе, освобожденное от страха и гнета, поднялось к невиданным высотам знаний и искусства. Ему под силу оказалось и самое трудное — покорение космических пространств. И вот наконец вся тяжкая лестница истории жизни и человека, вся мощь накопленного знания и безмерных усилий труда завершилась изобретением звездолета дальнего действия «Теллур», заброшенного в глубокую пучину Галактики. Вершина развития материи на Земле и в Солнечной системе соприкоснется через «Теллур» с другой вершиной, вероятно, не менее трудного пути, проходившего также миллиарды лет в другом уголке Вселенной.

Эти мысли в той или другой форме тревожили каждого члена экипажа. Сознание величайшей ответственности момента заставило стать серьезной даже юную Тайну. Ничтожная горстка представителей многомиллиардного земного человечества — смогут ли они быть достойными его подвигов, труда, физического совершенства, ума и стойкости?

Как подготовить себя к предстоящей встрече? Помнить о всей кровавой и великой борьбе человечества за свободу тела и духа!

Самым важным, захватывающим и таинственным был вопрос: каковы те, что идут сейчас нам навстречу? Страшны или прекрасны они на наш, земной, взгляд?

Афра Деви, биолог, взяла слово.

Молодая женщина, ставшая еще более красивой от нервного возбуждения, часто поднимала взгляд к картине над дверью. Исполненная перспективными красками, большая панорама Лунных гор Экваториальной Африки с потрясающим кон-

трастом угрюмых лесных склонов и светоносного скалистого гребня как бы оттеняла ее мысли.

Афра говорила, что человечество давно отрешилось от когда-то распространенных теорий, что мыслящие существа могут быть любого вида, самого разнообразного строения. Пережитки религиозных суеверий заставляли даже серьезных ученых необдуманно допускать, что мыслящий мозг может развиваться в любом теле, как прежде верили в богов, являвшихся в любом облике. На самом деле облик человека, единственного на Земле существа с мыслящим мозгом, не был, конечно, случаен и отвечал наибольшей разносторонности приспособления такого животного, его возможности нести громадную нагрузку мозга и чрезвычайной активности нервной системы.

Наше понятие человеческой красоты и красоты вообще родилось из тысячелетнего опыта — бессознательного восприятия конструктивной целесообразности и совершенства приспособленности к тому или другому действию. Вот почему красивы и могучи машины, и морские волны, и деревья, и лошади, хотя все это резко отличается от человеческого облика. А сам человек еще в животном состоянии благодаря развитию мозга избавился от необходимости узкой специализации, приспособления только к одному образу жизни, как свойственно большинству животных.

Ноги человека не годятся для беспрерывного бега на твердой, тем более на вязкой почве и, однако, могут ему обеспечить длительное и быстрое передвижение, помогают взбираться на деревья и лазить по скалам. А рука человека — наиболее универсальный орган, она может выполнять миллионы дел, и, собственно, она вывела первобытного зверя в люди.

Человек еще на ранних стадиях своего формирования развился как универсальный организм, приспособленный к разнообразным условиям. С дальнейшим переходом к общественной жизни эта многогранность человеческого организма стала еще больше, еще разнообразнее, как и его деятельность. И красота человека в сравнении со всеми другими наиболее целесообразно устроенными животными — это, кроме совершенства, еще и универсальность назначения, усиленная и отточенная умственной деятельностью, духовным воспитанием.

— Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, также высоко совершенно, универсально, то есть прекрасно! Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть! Не знаю, как это выглядит в действительности, встретимся ли мы со сходством формы или кра-

сотой в каком-то другом отношении, но это неизбежно! — закончила свое выступление Афра Деви.

— Мне нравится теория, — поддержал биолога Тэй Эрон, — только...

— Я поняла, — перебила Афра. — Даже ничтожные отклонения от привычного облика создают уродство, а тут вероятность отклонений слишком велика. Ведь незначительные отклонения формы: отсутствие носа, век, губ на человеческом лице, вызванные травмой, воспринимаются нами как уродство и страшны именно тем, что они на общей человеческой основе. Морда лошади или собаки очень резко отличается от человеческого лица, и тем не менее она не уродлива, даже красива. Это потому, что в ней красота целесообразности, в то время как на травмированном человеческом лице гармония нарушена...

— Следовательно, если они будут по облику очень далеки от нас, то не покажутся нам уродливыми? А если такие же, как мы, но с рогами и хоботами? — не сдавался Тэй.

— Рога мыслящему существу не нужны и никогда у него не будут. Нос может быть вытянут наподобие хобота (хотя хобот при наличии рук, без которых не может быть человека, тоже не нужен). Это будет частный случай, необязательное условие строения мыслящего существа. Но все, что складывается исторически, в результате естественного отбора, становится закономерностью, неким средним из множества отклонений. Тут-то выступает во всей красоте всесторонняя целесообразность. И я не жду рогатых и хвостатых чудовищ во встречном звездолете — там им не быть! Только низшие формы жизни очень разнообразны; чем выше, тем они более похожи друг на друга. Палеонтология показывает нам, в какие жесткие рамки вправляло высшие организмы эволюционное развитие — вспомните о сотнях случаев полного внешнего сходства у высших позвоночных из совершенно различных подклассов — сумчатых и плацентарных.

— Вы победили! — согласился Тэй Эрон с Афрой и не без гордости за подругу оглядел присутствующих.

Неожиданно стал возражать Кари Рам, слегка покраснев от юношеского смущения. Он говорил, что чужие существа, даже обладая вполне человеческой и красивой оболочкой — телом, — могут оказаться бесконечно далекими от нас по разуму, по своим представлениям о мире и жизни. И будучи столь отличными, они могут стать жестокими и ужасными врагами.

Тогда на защиту биолога стал Мут Анг.

— Только недавно я думал об этом, — сказал командир, — понял, что на высшей ступени развития никакого непонимания

между мыслящими существами быть не может. Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек — микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появлялась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть никаких «иных», совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы...

Радостные восклицания заглушили слова командира.

— Не слишком ли сильно? — неодобрительно сказал Мут Анг.

— Нет, — смело возразила Афра Деви, — всегда восхищаешься совпадением мыслей у целого ряда людей. В этом залог их верности и чувство товарищеской опоры... особенно если подходишь с разных сторон науки...

— Вы имеете в виду биологию и социальные дисциплины? — спросил молчавший до сих пор Яс Тин, по обыкновению устроившийся в удобном углу дивана.

— Да! Самым ярким во всей социальной истории земного человечества было неуклонное возрастание взаимопонимания с ростом культуры и широты познаний. Чем выше становилась культура, тем легче было разным народам и расам бесклассового общества понять друг друга, тем ярче светили всем общие цели устройства жизни, необходимость объединения сначала нескольких стран, а затем и всей планеты, всего человечества. Сейчас, при том уровне развития, которое достигнуто Землей и, несомненно, теми, кто идет нам навстречу...— Афра, помолчав, закончила: — Готовьтесь встретить друзей.

— Это так, — согласился Мут Анг, — две разные планеты, достигшие космоса, легче сговорятся, чем два диких народа одной планеты!

— Но как же насчет неизбежности войны даже в космосе, в которой были убеждены наши предки с довольно высоким уровнем культуры? — спросил Кари Рам.

— Где она, та знаменитая книга, обещанная вами, — вспомнил Тэй Эрон, — о двух космических кораблях, которые при первой же встрече хотели уничтожить друг друга?

Командир снова направился в свою комнату. На этот раз ничто не помешало, Мут Анг вернулся с маленькой восьмилучевой звездочкой микрофильма и вставил ее в читающую машину. Фантазия древнего американского автора интересовала всех звездолетчиков.

* * *

Рассказ, называвшийся «Первый контакт», в драматических тонах описывал встречу земного звездолета с чужим в Крабовидной туманности, на расстоянии более тысячи парсеков от Солнца. Командир земного звездолета отдал приказ приготовить все звездные карты, материалы наблюдений и вычислений курса к мгновенному уничтожению, а также направить на чужой корабль все пушки для разрушения метеоритов. Затем земные люди начали решать ответственейшую проблему: имеют ли они право попытаться вступить в переговоры с чужим звездолетом или должны немедленно атаковать и уничтожить его? Смысл великой тревоги людей Земли заключался в опасении, что чужие разгадают путь земного корабля и как завоеватели явятся на Землю.

Дикие мысли командира принимались экипажем корабля за непреложные истины. Встреча двух независимо возникших цивилизаций, по мнению командира, должна неминуемо вести к подчинению одной и победе той, которая обладает более сильным оружием. Встреча в космосе означала либо торговлю, либо войну — ничего другого не пришло в голову автору.

Скоро выяснилось, что чужие очень сходны с земными людьми, хотя видят лишь в инфракрасном свете, а переговариваются радиоволнами; тем не менее люди сразу разгадали язык чужих и поняли их мысли. У командира чужого звездолета были такие же убогие социальные познания, как у людей Земли. Он ломал голову над задачей, как выйти из рокового положения живым и не уничтожать земного корабля.

Долгожданная великолепная случайность — первая встреча представителей разных человечеств — грозила обернуться страшной бедой. Корабли висели в пространстве на расстоянии около семисот миль друг от друга, и звездолеты уже более двух недель вели переговоры через робота — сферическую лодку.

Оба командира заверяли друг друга в миролюбии и тут же твердили, что не могут ничему верить. Положение было бы безвыходным, если бы не главный герой повести — молодой астрофизик. Спрятав под одежду бомбы страшной взрывной силы, он вместе с командиром явился в гости на чужой звездолет. Они предъявили ультиматум: поменяться кораблями. Часть экипажа черного звездолета должна была перейти на земной, а часть землян — на чужой, предварительно обезвредив все свои пушки для разрушения метеоритов, обучиться управлению разными системами, перевезти все имущество. А пока оба героя с бомбами должны были оставаться на чужом звездолете, чтобы в

случае какого-либо подвоха мгновенно взорвать корабль. Командир чужого звездолета принял ультиматум. Размен кораблей и их обезвреживание произошли благополучно. Черный звездолет с людьми, а земной корабль с чужими поспешно удалились от места встречи, скрывшись в слабом свечении газа туманности.

...Гул голосов наполнил библиотеку. Еще во время чтения то один, то другой из молодых астролетчиков выказывал признаки нетерпения, несогласия, сгорая от желания возразить. Теперь они принялись говорить, едва избегая величайшей невежливости, какой считалась попытка перебить собеседника. Все обращались к командиру, будто он стал ответствен за древнюю повесть, извлеченную им из забвения.

Большинство говорило о полном несоответствии времени действия и психологии героев. Если звездолет смог удалиться от Земли на расстояние четырех тысяч световых лет всего за три месяца пути, то время действия повести должно было быть даже позднее современного. Никто еще не достиг таких глубин космоса. Но мысли и действия людей Земли в повести ничем не отличаются от принятых во времена капитализма, много веков назад! Немало и чисто технических ошибок, вроде невозможно быстрой остановки звездолетов или общения чужих мыслящих существ между собою радиоволнами. Если их планета, как указывалось в рассказе, обладала атмосферой почти такой же плотности, как и земная, то неизбежным было развитие слуха, подобного человеческому. Это требовало несравненно меньшей затраты энергии, чем производство радиоволн или сообщение биотоками. Невероятна также и быстрая расшифровка языка чужих, настолько точная, что могла быть закодированной в переводную машину...

Тэй Эрон отметил убогое представление о космосе в повести, тем более удивительное, что великий древний ученый Циолковский за несколько десятков лет до того, как был написан рассказ, предупреждал человечество, что космос устроен гораздо сложнее, чем мы ожидаем. Вопреки мыслителям-диалектикам некоторые ученые считали, что они находятся почти у пределов познания.

Прошли века, множество открытий бесконечно усложнило наше представление о взаимозависимости явлений и тем самым как будто отдалило и замедлило познание космоса. Вместе с тем наука нашла огромное количество обходных путей для разрешения сложных проблем и технических задач. Примером подобных обходов было создание пульсационных космических кораблей, передвигающихся будто бы вне обычных законов

движения. Именно в этом преодолении кажущихся тупиков математической логики и заключалось могущество будущего. Но автор «Первого контакта» даже не почувствовал необъятности познания, скрытой за простыми формулировками великих диалектиков его времени.

— Никто не обратил внимания еще на одно обстоятельство, — вдруг заговорил молчаливый Яс Тин. — Рассказ написан на английском языке. Все имена, прозвища и юмористические выражения оставлены английскими. Это непросто! Я лингвист-любитель и изучал процесс становления первого мирового языка. Английский язык — один из наиболее распространенных в прошлом. Писатель отразил, как в зеркале, нелепую веру в незыблемость, вернее, бесконечную длительность общественных форм. Замедленное развитие античного рабовладельческого мира или эпохи феодализма, вынужденное долготерпение древних народов были ошибочно приняты за стабильность вообще всех форм общественных отношений: языков, религий и, наконец, последнего стихийного общества, капиталистического. Опасное общественное неравновесие конца капитализма считалось неизменным. Английский язык уже тогда был архаическим пережитком, потому что в нем было фактически два языка — письменный и фонетический, и он полностью непригоден для переводных машин. Удивительно, как автор не сообразил, что язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идет изменение человеческих отношений и представлений о мире! Полузабытый древний язык санскрит оказался построенным наиболее логически и потому стал основой языка-посредника для переводных машин. Прошло немного времени, и из языка-посредника сформировался первый мировой язык нашей планеты, с тех пор еще претерпевший много изменений. Западные языки оказались недолговечными. Еще меньше прожили взятые от религиозных преданий, из совсем чуждых и давно умерших языков имена людей.

— Яс Тин заметил самое главное, — вступил в разговор Мут Анг. — Страшнее, чем научное незнание или неверная методика, — косность, упорство в защите тех форм общественного устройства, которые совершенно очевидно не оправдали себя даже в глазах современников. В основе этой косности, за исключением менее частых случаев простого невежества, лежала, конечно, личная заинтересованность в сохранении того общественного строя, при котором этим защитникам жилось лучше, чем большинству людей. А если так, то что за дело было им до человечества, до судьбы всей планеты, ее энергетических запасов, здоровья ее обитателей!

Неразумное расходование запасов горючих ископаемых, лесов, истощение рек и почв, опаснейшие опыты по созданию убийственных видов атомного оружия — все это, вместе взятое, определяло действия и мировоззрение тех, кто старался во что бы то ни стало сохранить отжившее и уходящее в прошлое, причиняя страдания и внушая страх большинству людей. Именно здесь зарождалось и прорастало ядовитое семя исключительных привилегий, выдумок о превосходстве одной группы, класса или расы людей над другими, оправдание насилия и войн — все то, что получило в давние времена название фашизма. Им обычно заканчивались националистические распри.

Привилегированная группа неизбежно будет тормозить развитие, стараясь, чтобы для нее оставалось все по-прежнему, а униженная часть общества будет вести борьбу против этого торможения и за собственные привилегии. Чем сильнее было давление привилегированной группы, тем сильнее становилось сопротивление, жестче формы борьбы, и развивалась обоюдная жестокость, и, следовательно, деградировало моральное состояние людей. Перенесите это с борьбы классов в одной стране на борьбу привилегированных и угнетенных стран между собою. Вспомните из истории борьбу между странами нового, социалистического общества и старого, капиталистического, и вы поймете причину рождения военной идеологии, пропаганды неизбежности войн, их вечности и космическом распространении. Я вижу здесь сердце зла, ту змею, которая, как ее ни прячь, обязательно укусит, потому что не кусать она не может. Помните, каким недобрым красно-желтым светом горела звезда, мимо которой мы направились к нашей цели...

— Сердце Змеи! — воскликнула Тайна.

— Сердце Змеи! И сердце литературы защитников старого общества, пропагандировавшей неизбежность войны и капитализма, — это сердце ядовитого пресмыкающегося.

— Следовательно, наши опасения — тоже отголоски змеиного сердца, еще оставшиеся от древних! — серьезно и печально сказал Кари. — Но я, наверно, самый змеиный человек из всех нас, потому что у меня еще есть опасения... сомнения, как там их назвать.

— Кари! — с укором воскликнула Тайна.

Но тот упрямо продолжал:

— Командир хорошо говорил нам о смертных кризисах высших цивилизаций. Все мы знаем погибшие планеты, где жизнь уничтожена из-за того, что люди на них не успели справиться с военной атомной опасностью, создать новое об-

щество по научным законам и навсегда положить конец жажде истребления, вырвать это змеиное сердце! Знаем, что наша планета едва успела избежать подобной участи. Не появись в России первое социалистическое государство, положившее начало великим изменениям в жизни планеты, расцвел бы фашизм, и с ним — убийственные ядерные войны! Но если они там, — молодой астронавигатор показал в сторону, с которой ожидался чужой звездолет, — если они еще не прошли опасного пика?

— Исключено, Кари, — спокойно ответил Мут Анг. — Возможна некая аналогия в становлении высших форм жизни и высших форм общества. Человек мог развиваться лишь в сравнительно стабильных, долго существующих благоприятных условиях окружающей природы. Это не значит, что изменения совсем отсутствовали, наоборот — они были даже довольно резкие, но лишь в отношении человека, а не природы в целом. Катастрофы, большие потрясения и изменения не позволили бы развиться высшему мыслящему существу. Так и высшая форма общества, которая смогла победить космос, строить звездолеты, проникнуть в бездонные глубины пространства, смогла все это дать только после всепланетной стабилизации условий жизни человечества и, уж конечно, без катастрофических войн капитализма... Нет, те, что идут нам навстречу, тоже прошли критическую точку, тоже страдали и гибли, пока не построили настоящее, мудрое общество!

— Мне кажется, есть какая-то стихийная мудрость в историях цивилизаций разных планет, — сказал с загоревшимися глазами Тэй Эрон. — Человечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев!

— Совершив подъем на высшую ступень коммунистического общества, человечество обрело космическую силу, и оно могло обрести ее только этим путем, другого не дано! — воскликнул Кари. — И не дано никакому другому человечеству, если так называть высшие формы организованной, мыслящей жизни.

— Мы, наши корабли — руки человечества Земли, протянутые к звездам, — серьезно сказал Мут Анг, — и эти руки чисты! Но это не может быть только нашей особенностью! Скоро мы коснемся такой же чистой и могучей руки!

Молодежь не выдержала и восторженными криками встретила заключение командира. Но и старшие, достигшие мужественной сдержанности чувств, окружили Мут Анга с явным волнением.

* * *

Где-то впереди, все еще на чудовищном расстоянии, летел навстречу корабль с планеты чужой и далекой звезды. И люди Земли впервые за миллиарды лет развития жизни на своей планете должны соприкоснуться с другими... тоже людьми. Неудивительно, что астролетчики, как ни сдерживали себя, пришли в лихорадочное возбуждение. Удалиться на отдых, остаться наедине с собой в горячем нетерпении ожидания казалось невозможным. Но Мут Анг, рассчитав время встречи звездолетов, приказал Свет Симу дать всем успокоительного лекарства.

— Мы, — твердо отвечал он на протесты, — должны встретить своих собратьев в наилучшем состоянии души и тела. Предстоит еще огромный труд: нам придется понять их и суметь рассказать о себе. Взять их знание. И отдать свое! — Мут Анг сдвинул брови. — Никогда еще я так не опасался своего неумения, некомпетентности. — Тревога изменила обычно спокойное лицо командира, пальцы стиснутых рук побелели.

Астролетчики, может быть, только сейчас ощутили, какую ответственность налагала на каждого небывалая встреча. Они беспрекословно приняли пилюли и разошлись.

Мут Анг оставил только Кари, потом поколебался, окидывая взглядом могучую фигуру Тэй Эрона, и жестом пригласил его тоже в пост управления. Со вздохом усталости командир вытянулся в кресле, склонил голову и закрыл лицо руками.

Тэй и Кари молчали, опасаясь нарушить раздумья командира. Звездолет шел очень медленно, делая двести тысяч километров в час, — так называемой тангенциальной скоростью, употреблявшейся при вхождении в зону Роша какого-либо небесного тела. Роботы, управлявшие кораблем, держали его на тщательно вычисленном обратном курсе. Пора было появиться лучу локатора чужого корабля, и то, что его не было, заставляло Тэй Эрона с каждой минутой тревожиться сильнее.

Мут Анг выпрямился с веселой и немного грустной улыбкой, хорошо знакомой каждому члену экипажа.

«Приди, далекий друг, к заветному порогу...»

Тэй нахмурился, вглядываясь в беспросветную черноту переднего экрана. Песенка командира показалась ему неподходящей в такой серьезный момент. Но Кари подхватил еще более веселый припев, лукаво поглядывая на угрюмого помощника.

— Попробуйте помахать нашим лучом, Кари, — вдруг сказал Мут Анг, прерывая себя, — по два градуса в каждую сторону и наперекрест!

Тэй слегка покраснел. Не додумался до простой меры, а мысленно укорил командира!

Прошло еще два часа. Кари представлял себе, как луч их локатора там, впереди, в колоссальном удалении скользит налево, направо, вверх и вниз, пробегая с каждым взмахом сотни тысяч километров черной пустоты. Такие взмахи сигнального «платка» превосходили самую буйную фантазию старых земных сказок о великанах.

Тэй Эрон погрузился в созерцательное оцепенение. Мысли текли медленно, не вызывая эмоций, Тэй вспомнил, как после отлета с Земли его не покидало чувство странной отрешенности.

Наверно, это чувство было свойственно человеку в первобытной жизни — ощущение полной несвязанности, отсутствия каких-либо обязательств, забот о будущем. Вероятно, подобные ощущения появлялись у людей во времена больших бедствий, войн, социальных потрясений. И у Тэй Эрона прошлое, все, что было оставлено на Земле, ушло навсегда и невозвратно; неизвестное будущее отделено пропастью в сотни лет, за которой ждет только совсем новое. Поэтому никаких планов, проектов, чувств и пожеланий для того, что впереди. Только принести туда добытое из космоса, вырванное из его глубин новое познание. Вперед, только вперед! И вдруг случилось такое, что заслонило собою и ожидание новой земли, и заботы помощника командира.

Мут Анг пытался представить себе жизнь идущего навстречу корабля. Командир представлял себе корабль чужих и его обитателей сходными с земным кораблем, земными людьми, земными переживаниями. Он убедился, что легче представить чужих, выдумывая самые невероятные формы жизни, чем подчинить свою фантазию строгим рамкам законов, о которых так убедительно говорила Афра Деви.

Еще не подняв опущенной головы, по внезапному напряжению товарищей Мут Анг почувствовал появление сигнала на экране локатора. Он не увидел ее, эту световую точку, — так быстро она исчезла, черкнув по черному блестящему диску. Сигнальный звонок едва звякнул. Астролетчики вскочили и перегнулись через столы пультов, инстинктивно стараясь приблизиться к экрану. Как ни мгновенно было появление светящейся точки, оно означало очень многое. Чужой звездолет повернул им навстречу, а не скрылся в глубинах пространства. Кораблем управляют не менее искусные в космических полетах существа, они сумели рассчитать обратный курс достаточно точно и быстро и теперь нащупывают «Теллур» лучом на ог-

ромном расстоянии. Две невообразимо маленькие точки, затерявшиеся в необъятной тьме, ищут друг друга... И в то же время это два огромных мира, полных энергии и знания, касаются один другого направленными пучками световых волн. Кари повел луч главного локатора с деления «1488» на «375». Еще, еще... Световая точка вернулась, исчезла, снова мелькнула в черном зеркале, сопровождаемая мгновенно умиравшим звуковым сигналом.

Мут Анг взялся за верньеры локатора и стал описывать спираль от периферии к центру того колоссального круга, который очерчивался лучом в районе приближавшегося звездолета.

Чужие, видимо, повторили маневр. После долгих усилий световая точка укрепилась в пределах третьего круга черного зеркала. Она металась лишь от вибрации обоих кораблей. Звонок раздавался теперь непрерывно, и его пришлось приглушить. Не было сомнения, что луч «Теллура» также уловлен приборами чужого звездолета и корабли идут навстречу, сближаясь за час не меньше чем на четыреста тысяч километров.

Тэй Эрон извлек из машины заданные ей расчеты и определил, что корабли разделяет расстояние около трех миллионов километров. До встречи звездолетов осталось семь часов. Через час можно было начинать интегральное торможение, которое отодвинет встречу еще на несколько часов, если чужой звездолет сделает то же самое и если он тормозится по сходным расчетам. Возможно, чужие смогут остановиться быстрей или же придется снова миновать друг друга, и это опять отдалит встречу, а ожидание становится почти невыносимым.

Но чужой звездолет не причинил лишних мучений. Он начал тормозиться сильнее, чем «Теллур», потом, установив темп замедления земного звездолета, повторил его. Корабли сходились ближе и ближе. Экипаж «Теллура» снова собрался в центральном посту. Звездолетчики следили, как в черном зеркале локатора световую точку заменило пятно.

Это собственный луч «Теллура», отразившись от чужого звездолета, вернулся к кораблю. Пятно стало похоже на крохотный цилиндр, опоясанный толстым валиком (форма, даже отдаленно не напоминавшая «Теллур»). Еще ближе — и на концах цилиндра появились куполовидные утолщения.

Сияющие контуры увеличивались и расплывались, пока не достигли периферии черного круга.

— Слушайте все! По местам! Окончательное торможение при восьми «g»!

Гидравлические кресла долго вдавливались в свои подставки, в глазах у людей краснело и темнело, на лицах выступал липкий пот. «Теллур» остановился и повис в пустоте, где не было верха и низа, сторон или дна, в леденящей космической тьме, в ста двух парсеках от родной звезды — желтого Солнца.

Едва придя в себя после торможения, астролетчики включили экраны прямого обзора и гигантский осветитель, но ничего не увидели, кроме яркого светового тумана впереди и левее носа корабля. Осветитель погас, и тогда сильный голубой свет ударил в глаза всем смотревшим на экран, окончательно лишив их возможности что-либо увидеть.

— Поляризатор-сетку, тридцать пять градусов и фильтр световых волн! — распорядился Мут Анг.

— На длину волны шестьсот двадцать? — осведомился Тэй Эрон.

— Вероятно, это будет наилучшим!

Поляризатор погасил голубое сияние. Тогда могучий оранжевый поток света вонзился в черную тьму, повернул, задел край какого-то сооружения и, наконец, осветил весь чужой звездолет.

Корабль с другой звезды находился всего в нескольких километрах. Такое сближение делало честь как земным, так и чужим астронавигаторам. С расстояния трудно было точно определить размеры звездолета. Внезапно из чужого корабля ударил в зенит толстый луч оранжевого света, по длине волны совпадавшего с тем, который излучал «Теллур». Видимо, чужие так же, как и земляне, использовали свет для сигнализации, делая его лучи видимыми в космической пустоте. Луч появился, исчез, возник снова и остался стоять вертикально, возносясь к незнакомым созвездиям на краю Млечного Пути.

Мут Анг потер лоб рукой, что делал всегда в минуты напряженного раздумья.

— Вероятно, сигнал, — осторожно сказал Тэй Эрон.

— Без сомнения. Я понял бы его так: неподвижный столб нашего света означает «Стойте на месте, буду подходить я». Попробуем ответить.

Земной звездолет погасил свой прожектор, переключил фильтр на волну четыреста тридцать и повел голубым лучом к своей корме. Столб оранжевого света на чужом корабле мгновенно погас.

Астролетчики ожидали чуть дыша. Чужой корабль больше всего походил на катушку: два конуса, соединенных вершинами. Основание одного из конусов, видимо переднего, прикрыто куполом, на заднем установлена широкая, открытая в про-

странство воронка. Середина корабля выступала толстым, слабо светившимся кольцом неопределенных очертаний. Сквозь кольцо просвечивали контуры цилиндра, соединявшего конусы. Внезапно кольцо сгустилось, сделалось непроницаемым, закрутилось вокруг середины звездолета, как колесо турбины. Чужой корабль стал вырастать на обзорных экранах, за три-четыре секунды он заполнил собою все поле видимости. Люди Земли поняли, что перед ними корабль больше «Теллура». Он превосходил земной звездолет (по величине) раза в три.

— Афра, Яс и Кари — в шлюзовую камеру, к выходу из корабля вместе со мной, Тэй останется на посту. Планетарный осветитель включить! Зажжем посадочное освещение левого борта! — отдавал распоряжения командир.

В лихорадочной спешке названные астролетчики надели легкие скафандры, применявшиеся для планетных исследований и для выхода из корабля в космическое пространство, в отдалении от смертоносного излучения звезд.

Мут Анг критически осмотрел всех, проверил работу своего скафандра и включил насосы. Они мгновенно всосали воздух из шлюзовой камеры внутрь корабля. Едва показатель разрежения достиг зеленой черты, командир повернул одну за другой три рукоятки. Беззвучно, как и все, что происходило в космосе, сдвинулись в стороны броневые плиты, изоляционный слой и коробка воздушной ячейки. Отскочила круглая крышка выходного люка, и тотчас гидравлические шланги выдавили вверх пол шлюзовой камеры. Четверо астролетчиков оказались на высоте четырех метров над передней частью «Теллура», на круглой, огражденной площадке, так называемой площадке верхнего обзора.

Чужой звездолет в поясе голубых огней оказался совершенно белым. У него была не зеркальная металлическая поверхность, отражающая все виды излучений космоса, как броня «Теллура», а матовая, светившаяся ярчайшей белизной горного снега. Только центральное кольцо продолжало испускать слабое голубое сияние.

Исполинская громада корабля заметно приближалась к «Теллуру». В космическом пространстве, далеко от любых полей тяготения, оба звездолета ощутительно притягивали друг друга. И это служило порукой тому, что корабль чужого мира не был из антиматерии. «Теллур» выставил с левого борта гигантские причальные упоры в виде телескопических пружинных труб.

Концы упоров были снабжены подушками из упругой пластмассы с предохранительным слоем — на тот случай, если бы

то, к чему предстояло прикоснуться в космосе, оказалось из антиматерии. Куполовидный нос чужого звездолета прорезался наверху черным зиянием, похожим на раскрывшийся в наглой усмешке рот. Оттуда выдвинулся балкон, огражденный частыми тонкими столбиками. В черной пасти зашевелилось что-то белое. Три товарища Афры услышали вырвавшийся у нее стон разочарования. Пять мертвенно-белых, непомерно широких фигур появились на выступающей площадке звездолета. Ростом примерно соответствуя людям Земли, они были гораздо толще, спины горбились гребневидными выступами. Вместо круглых прозрачных шлемов землян на приподнятых поперечными валиками плечах чужих помещалось нечто вроде большой известковистой раковины, обращенной выпуклостью назад. Спереди веером расходились и торчали большие шипы, образуя навес, под которым неразличимая темнота чуть отблескивала черным стеклом.

Первая появившаяся белая фигура сделала резкий жест, из которого стало ясно, что у чужих две руки и две ноги. Белый корабль повернулся носом к борту земного звездолета и выдвинул более чем на двадцать метров гармонику из пластин красного металла.

Мягкий пружинящий толчок — и оба корабля соприкоснулись. Но на концах стержней не вспыхнула ослепительная молния полного атомного распада, закапсюлированного мощным магнитным полем: материя встретившихся звездолетов была одной и той же.

Стоявшие на обзорной площадке «Теллура» услышали в своих телефонах тихий довольный смешок командира и переглянулись в недоумении.

— Я думаю утешить всех, и прежде всего Афру, — сказал Мут Анг. — Представьте себе нас с их стороны! Пузырчатые куклы с суставчатыми конечностями и огромными круглыми головами... пустыми на три четверти!

Афра звонко рассмеялась.

— Все дело в начинке скафандров, в том, что там внутри, а снаружи — дело произвольное!

— Ног и рук столько же, сколько у нас, — начал Кари.

Но тут вокруг выдвинутого белым кораблем металлического каркаса возник складчатый белый футляр, пустым рукавом протянувшись к «Теллуру». Передняя фигура на площадке, в которой Мут Анг чутьем угадал равного себе по рангу командира, стала делать не оставляющие сомнений жесты, приближая к груди вытянутые к «Теллуру» руки. Люди не заставили себя ждать и выдвинули из нижней части корпуса соединитель-

ную трубу-галерею, употреблявшуюся для сообщения между кораблями в пространстве. Галерея «Теллура» была круглого сечения, у белого звездолета — вертикально-эллиптическая. Земные техники быстро изготовили из мягкого дерева переходную раму. На космическом морозе дерево мгновенно изменило свою молекулярную систему и стало прочнее стали. За это время на выступе чужого корабля появился куб из красного металла с черной передней стенкой — экраном. Две белые фигуры склонились над ним, выпрямились и отступили. Перед взглядами землян на экране засветилось подобие человеческой фигуры, верхняя часть которой ритмически расширялась и опадала. Маленькие белые стрелки то устремлялись внутрь фигуры, то вылетали наружу.

— Гениально просто: дыхание! — воскликнула Афра. — Они покажут нам, чем дышат, состав своей атмосферы, но как?

Будто отвечая на ее вопрос, дышащая модель на экране исчезла, заменившись новой фигурой. Черная точка в сероватом кольцевидном облачке — несомненно, ядро атома, окруженное тонкими орбитами светящихся точек — электронов. Мут Анг почувствовал, как сжалось горло, он не мог произнести ни слова. На экране были уже четыре фигуры: две в центре, одна под другой, связанные толстой белой чертой, и две боковые, соединенные черными стрелками.

Все земляне с бьющимися сердцами считали электроны. Нижний, видимо, основной элемент океана: один электрон вокруг ядра — водород. Верхний, главный элемент атмосферы и дыхания: девять электронов вокруг ядра — фтор!

— О-о! — жалобно вскрикнула Афра Деви. — Фтор!..

— Считайте, — перебил командир, — налево вверху — шесть электронов: углерод, направо — семь: азот. Вот и все ясно. Передайте, чтобы изготовили такую же таблицу нашей атмосферы и нашего обмена веществ — все будет то же, только вместо центрального верхнего, фтора, у нас кислород с его восемью электронами. Как жаль, отчаянно жаль!

Когда земляне выдвинули свою таблицу, астролетчики заметили, как пошатнулась передняя белая фигура на мостике своего корабля и поднесла руку к раковине скафандра жестом, понятным человеку Земли. Видимо, те же чувства, но еще более сильные, были у командира чужого звездолета.

Эта же белая фигура перегнулась через ограждение мостика и сделала рукой резкий взмах, как бы разрубая что-то в пустоте. Шиловидные выросты его головной раковины угрожающе наклонились к «Теллуру», который находился на несколько метров ниже белого корабля. Потом командир чужих поднял

обе руки и провел ими вниз на некотором расстоянии одна от другой, как бы показывая две параллельные плоскости.

Мут Анг повторил его жест. Тогда командир чужого звездолета высоко поднял одну руку жестом безмолвного привета, повернулся и скрылся в черной пасти. За ним последовали остальные.

— Пойдемте и мы, — сказал Мут Анг, нажимая опускающий рычаг.

Афра даже не успела поглядеть на великолепное сверкание звезд в черной пустоте космоса, которое всегда приводило ее в особенный созерцательный восторг.

Люк закрылся, вспыхнуло освещение шлюзовой камеры, стало слышно легкое шипение насосов — первый признак того, что воздух достиг земной плотности. Звездолетчики стали снимать скафандры.

— Будем строить перегородки, а потом соединять галереи? — спросил Яс Тин командира, едва освободившись от шлема.

— Да. Это и хотел сказать командир из звездолета. Какое горе: у них на планете газ жизни — фтор, смертельно ядовитый для нас! А им так же смертелен наш кислород. Многие наши материалы, краски и металлы, стойкие в кислородной атмосфере, могут разрушиться при соприкосновении с их дыханием. Вместо воды у них жидкий фтористый водород — та самая плавиковая кислота, которая у нас разъедает стекло и разрушает почти все минералы, в состав которых входит кремний, легкорастворимый во фтористом водороде. Вот почему нам придется ставить прозрачную перегородку, стойкую против кислорода, а они поставят свою, из вещества, не разрушаемого фтором. Но пойдемте, надо спешить. Мы обсудим все, пока будет изготовляться переборка!

Матово-синий пол гасительной камеры, отделявшей жилые помещения от машин «Теллура», превратился в химическую мастерскую. Толстый лист хрустально-прозрачной пластмассы был отлит из заготовленных еще на Земле составов и теперь медленно цементировался, прогреваемый отопительными коврами. Неожиданное препятствие сделало невозможным прямое общение людей Земли с чужими.

Белый корабль не проявлял никаких признаков жизни, хотя наблюдатели непрерывно следили за ним у обзорных экранов.

В библиотеке «Теллура» кипела работа. Все члены экипажа отбирали стереофильмы и магнитные фотозаписи о Земле, репродукции лучших произведений искусства. Спешно гото-

вились диаграммы и чертежи математических функций, схемы кристаллических решеток веществ, наиболее распространенных в земной коре, на других планетах и на Солнце. Регулировали большой стереоэкран, заделывали в устойчивый к фтору чехол обертонный звучатель, точно передающий голос человека.

В короткие перерывы еды и отдыха астролетчики обсуждали необыкновенную атмосферу родины встреченных путешественников космоса.

Круговорот веществ, использующий лучистую энергию светила и позволяющий жизни существовать и накапливать энергию в борьбе с рассеянием энергии — энтропией, — обязательно должен был и у чужих следовать общей схеме земных превращений. Свободный активный газ, будь то кислород, фтор или какой-нибудь еще, мог накопиться в атмосфере только в результате жизнедеятельности растений. Животная жизнь и человек в том числе расходовали кислород или фтор, связывая его с углеродом — основным элементом, из которого состояли тела и растений и животных.

На чужой планете должен был быть фтористоводородный океан. Расщепляя с помощью лучистой энергии своего светила фтористый водород, как у нас на Земле воду (кислородистый водород), растения той планеты накапливали углеводы и выделяли свободный фтор, которым в смеси с азотом дышали люди и животные, получая энергию от сгорания углеводов во фторе. Животные и люди должны выдыхать фтористый углерод и фтористый водород.

Подобный обмен веществ дает в полтора раза больше энергии, чем земной с его кислородной основой. Немудрено, что он послужил для развития высшей мыслящей жизни. Но диалектически большая активность фтора по сравнению с кислородом требует и более сильной радиации светила. Чтобы лучистая энергия была в состоянии расщепить молекулы фтористого водорода в растительном фотосинтезе, нужны не желто-зеленые лучи, как для воды, а лучи более мощных квант, голубые и фиолетовые. Очевидно, что светило чужих — голубая высокотемпературная звезда.

— Противоречие! — вмешался в разговор вернувшийся из мастерской Тэй Эрон. — Фтористый водород легко превращается в газ.

— Да, при плюс двадцати градусах, — ответил, заглядывая в справочник, Кари.

— А замерзает?

— При минус восьмидесяти.

— Следовательно, их планета должна быть холодной! Это не вяжется с голубой горячей звездой.

— Почему? — возразил Яс Тин. — Она может быть удалена от светила. Океаны могут находиться в умеренных или полярных зонах планеты. Или...

— Вероятно, может быть еще много «или», — сказал Мут Анг. — Как бы то ни было, звездолет с фторной планеты перед нами, и мы скоро узнаем все подробности их жизни. Важнее сейчас понять другое: фтор очень редок во Вселенной. Хотя последние исследования передвинули фтор с сорокового по степени распространения места на восемнадцатое, но наш кислород занимает во Вселенной третье место по общему количеству своих атомов после водорода и гелия, а уже за ним следуют азот и углерод. По другой системе подсчета кислорода в двести тысяч раз больше, чем фтора. Это может означать только одно: планет, богатых фтором, чрезвычайно мало в космосе, а планет со фторной атмосферой, то есть таких, на которых долго существовала растительная жизнь, обогатившая атмосферу свободным фтором, и совсем ничтожное число, исключение из правила.

— Теперь мне понятен жест отчаяния у командира их звездолета, — задумчиво произнесла Афра Деви. — Они ищут себе подобных, и их разочарование было очень сильно.

— Если очень сильно, то, значит, они ищут давно и, кроме того, уже встречались с мыслящей жизнью...

— И она была обыкновенная, нашего типа, кислородная, — подхватила Афра.

— Но могут быть и другие типы атмосферы, — возразил Тэй Эрон, — хлорная, например, или серная, еще сероводородная.

— Не годятся они для высшей жизни! — торжествующе воскликнула Афра. — Все они дают в обмене веществ в три и даже в десять раз меньше энергии, чем кислород, наш могучий живительный кислород Земли!

— Только не серная, — пробурчал Яс Тин, — у нее энергия одинакова с кислородом.

— Вы подразумеваете атмосферу из сернистого ангидрида и океан из жидкой серы? — спросил Мут Анг.

Инженер согласно кивнул.

— Но ведь в этом случае сера заменяет не кислород, а водород нашей Земли, — нахмурилась Афра, — то есть самый обычный элемент космоса? Вряд ли редкая во Вселенной сера сможет быть частой заменительницей водорода. Ясно, что такая атмосфера — явление еще более редкое, чем фтор.

— И лишь для очень теплых планет, — ответил Тэй, листая справочник, — океан из серы будет жидким только выше ста и до четырехсот градусов тепла.

— Мне кажется, что Афра права! — вмешался командир, — Все эти предполагаемые атмосферы — слишком большая редкость по сравнению с нашей стандартной из наиболее распространенных в космосе элементов. Это не случайно!

— Не случайно, — согласился Яс Тин. — Но случайностей в бесконечном космосе немало. Возьмем нашу «стандартную» Землю. На ней да и на соседях ее — Луне, Марсе, Венере — много алюминия, вообще редкого во Вселенной.

— И тем не менее найти повторение этих случайностей в той же бесконечности — дело десятков, если не сотен, тысячелетий, — угрюмо сказал Мут Анг. — Даже с пульсационными звездолетами. Если они ищут давно, то как я понимаю их!

— Как хорошо, что наша атмосфера из самых обычных элементов Вселенной и нас ждет встреча с великим множеством подобных же планет! — сказала Афра.

— А впервые встретились с отнюдь не подобной! — отозвался Тэй.

Афра вспыхнула и только собралась возразить, как явился химик корабля с докладом, что прозрачный щит готов.

— Но мы можем войти в их звездолет запросто в космических костюмах? — осведомился Яс Тин.

— Так же, как и они в наш. Вероятно, состоится не один обмен визитами, но первые знакомства начнем с показа, — ответил командир.

Астролетчики закрепили прозрачную стену на конце передаточного рукава, а белые фигуры чужих начали ту же работу в своей галерее. Затем земляне и чужие встретились в пустоте, помогая друг другу скреплять распоры и переходную раму. Поглаживание по рукаву скафандра или по плечу — этот жест нежности и дружбы был в равной мере понятен тем и другим.

Грозя рогообразными выростами головных раковин, чужие пытались рассмотреть лица землян сквозь дымчатые шлемы. Но если головы земных людей были видны сравнительно отчетливо, то слабо выпуклые передние щитки шлемов чужих, укрытые под шипастыми навесами «раковин», оставались непроницаемы для земных глаз. Только безошибочное человеческое чутье говорило, что из этой темноты следят внимательные глаза, напряженно и доброжелательно.

На приглашение войти в «Теллур» белые фигуры ответили отрицательными жестами отталкивания. Один из них коснулся

своего скафандра и затем быстро развел руками, как бы разбрасывая что-то.

— Боятся за скафандр в кислородной атмосфере, — догадался Тэй.

— Они хотят, как и мы, начать со встречи в галерее, — сказал командир.

Оба звездолета — снежно-белый и металлически-зеркальный — составляли теперь одно целое, неподвижно повисшее в бесконечности космоса. «Теллур» включил мощные обогреватели, и его экипаж смог войти в соединительную трубу-галерею в обычных рабочих костюмах — плотно облегающих синих комбинезонах из искусственной шерсти.

На чужой стороне галереи вспыхнуло голубое освещение, похожее на свет горных высот Земли. На границе двух по-разному освещенных камер прозрачные перегородки казались аквамариновыми, будто из застывшей чистой воды моря.

Наступившая тишина нарушалась только учащенным дыханием взволнованных землян. Тэй Эрон коснулся локтем плеча Афры и почувствовал, что молодая женщина вся дрожит. Помощник командира крепко прижал к себе биолога, и Афра ответила ему быстрым благодарным взглядом.

В глубине соединительной галереи показалась группа из восьми чужих... Чужих ли? Люди не поверили зрению. В глубине души каждый ожидал необычайного, никогда не виданного. Полное сходство чужих с людьми Земли казалось чудом. Но то было лишь при первом взгляде. Чем дольше всматривались земляне, тем больше различий находили в том, что не было скрыто под темной одеждой — сочетанием коротких просторных курток с длинными шароварами, напоминавшими старинные одежды Земли.

Погас голубой свет — они включили земное освещение. Прозрачные перегородки потеряли свой зеленый цвет и стали белыми, почти невидимыми. За этой едва заметной стеной стояли люди. Можно ли было поверить, что они дышат ядовитейшим для Земли газом и купаются в морях всеразъедающей плавиковой кислоты! Пропорциональные очертания тел, рост, соответствующий среднему росту землян. Странный чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железняке — гематите. Серый тон этого минерала был одинаков с кожей обитателей фторной планеты.

Круглые головы поросли густыми иссиня-черными волосами... Но самой замечательной особенностью их лиц были глаза. Невероятно большие и удлиненные, с резко косым разрезом, они занимали всю ширину лица, косо поднимались наружными уголками к вискам, выше уровня глаз земных людей. Белки густого бирюзового цвета казались непропорционально удлиненными по отношению к черной радужине и зрачкам.

Соответственно размерам и положению глаз прямые и четкие, очень черные брови смыкались с волосами высоко на висках и почти сходились к узкой переносице, образуя широкий тупой угол. Волосы над лбом от середины спускались к вискам такой же четкой и прямой линией, совершенно симметричной бровям. Поэтому лоб имел очертания вытянутого горизонтального ромба. Нос, короткий и слабо выступавший, обладал, как у землян, направленными вниз ноздрями. Небольшой рот с фиолетовыми губами показывал правильный ряд зубов такого же чистого небесного цвета, как и белки глаз. Верхняя половина лица казалась очень расширенной. Ниже глаз лицо сильно суживалось к подбородку с чуть угловатыми очертаниями. Строение ушей осталось невыясненным: виски у всех пришельцев прикрывались через темя золотистыми жгутами.

Среди чужих были женщины и мужчины. Женщины угадывались по высоте стройных шей, округлости очертаний лиц и по очень пышной массе коротко стриженных волос. У мужчин был более высокий рост, большая массивность тела, более широкие подбородки — в общем, те же черты, какими различались оба пола землян.

Афре показалось, что руки чужих имеют только по четыре пальца. Соответствуя человеческим пропорциям, пальцы людей фторной планеты как будто не обладали суставами: они сгибались плавно, не образуя угловатых выступов.

Ног нельзя было разглядеть: ступни их утопали в мягком настиле пола. Одежды в свете, естественном для земных глаз, казались темно-красного, почти кирпичного цвета.

Чем дольше вглядывались астролетчики, тем менее странным казался облик пришельцев с фторной планеты. Более того, людям Земли становилась понятнее своеобразная экзотическая красота чужих. Их главным очертанием были огромные глаза, смотревшие сосредоточенно и ласково на людей, излучая тепло мудрости и дружбы.

— Какие глаза! — не удержалась Афра. — С такими легче становиться людьми, чем с нашими, хотя и наши великолепны!

— Почему так? — шепнул Тэй.

— Чем крупнее глаза, тем большее количество элементов сетчатки, тем большее число деталей из окружающего мира может усвоить такой глаз.

Тэй кивнул в знак понимания.

Один из чужих выступил вперед и сделал приглашающий жест. Тотчас же земное освещение на той стороне галереи погасло.

— Ох! — горестно воскликнул Мут Анг. — Я не предусмотрел!

— Я сделал, — спокойно отозвался Кари, — выключил обычный свет и зажег две сильные лампы с фильтрами четыреста тридцать.

— Мы выглядим мертвецами, — огорченно сказала Тайна, — неважный вид у человечества в таком свете! Смотрите, какие все мы зеленые, будто из болота.

— Ваши опасения напрасны, — сказал Мут Анг. — Их спектр наилучшей видимости уходит далеко в фиолетовую сторону, может быть, и в ультрафиолетовую. Это подразумевает гораздо больше теплоты и оттенков, чем видится нам, но я не могу представить как.

— Пожалуй, мы им покажемся много желтее, чем на самом деле, — сказал, подумав, Тэй.

— И это гораздо лучше, чем синеватый трупный цвет. Только посмотрите вокруг! — не унималась Тайна.

Земляне сделали несколько снимков и вытолкнули в маленький шлюз обертонный звучатель, работающий на кристаллах осмия. Чужие подхватили его и поставили на треножник. Кари направил в чашечную антенну узкий пучок радиоволн. Во фторной атмосфере звездолета зазвучали речь и музыка Земли. Тем же путем был передан прибор для анализа воздуха, который позволил установить температуру, давление и состав атмосферы неведомой планеты. Как и следовало ожидать, внутренняя температура белого звездолета оказалась ниже земной и не превышала семи градусов. Давление атмосферы было больше земного, и почти одинаковой — сила тяжести.

— Сами они, вероятно, теплее, — сказала Афра, — как мы теплее нашей привычной двадцатиградусной температуры. Я думаю, что у них теплота тела около четырнадцати наших градусов.

Чужие передали свои приборы закрытыми в двух сетчатых ящичках, не позволяющих угадать их назначение.

Из одного ящичка послышались высокие, прерывистые чистые звуки, как бы тающие вдали. Земляне поняли, что чужие слышат более высокие ноты, чем они. Если их слух по диа-

пазону был примерно равен земному, то часть низких нот человеческой речи и музыки пропадала для обитателей фторной планеты. Чужие снова зажгли земное освещение, и земляне выключили голубой свет. К прозрачной стене подошли двое — мужчина и женщина. Они спокойно сбросили свои темно-красные одежды и замерли, взявшись за руки, потом стали медленно поворачиваться, давая землянам рассмотреть их тела, которые оказались более сходными земными, чем их лица. Гармоничная пропорциональность фигур фторных людей полностью отвечала понятиям красоты на Земле. Несколько более резкие переходы в очертаниях, какая-то резкость всех линий впадинок и выпуклостей создавали впечатление некоторой угловатости, вернее, более четкой скульптурности тела чужих. Вероятно, впечатление усиливалось серым цветом кожи, более темной в складках и впадинах.

Их головы красиво и гордо были посажены на высоких шеях; мужчина обладал широкими плечами человека труда и борьбы, а широкие бедра женщины — матери мыслящего существа — нисколько не противоречили ощущению интеллектуальной силы посланцев неведомой планеты.

Когда чужие отступили со знакомым приглашающим жестом и погасили желтый земной свет, земляне уже не колебались.

По просьбе командира перед прозрачной преградой встали, взявшись за руки, Тэй Эрон и Афра Деви. Несмотря на неземное освещение, придавшее телам людей холодный оттенок голубого мрамора, все астролетчики вздохнули с восхищением — настолько очевидной была нагая красота их товарищей. Это поняли и чужие. Смутно видимые в неосвещенной галерее, они стали обмениваться между собой взглядами и непонятными короткими жестами.

Афра и Тэй стояли гордо и открыто, полные того нервного подъема, который появляется в моменты исполнения трудных и рискованных задач. Наконец чужие кончили съемку и зажгли свой свет.

— Теперь я не сомневаюсь, что у них есть любовь, — сказала Тайна, — настоящая, прекрасная и великая человеческая любовь... если их мужчины и женщины так красивы и умны!

— Вы совершенно правы, Тайна, и от этого еще радостнее, потому что они поймут нас во всем, — отозвался Мут Анг.

— Да! Взгляните на Кари! Кари, не полюбите девушку с фторной планеты, это было бы катастрофой для вас.

Астронавигатор очнулся от транса и отвел глаза, прикованные к обитателям белого звездолета.

— А я мог бы! — грустно улыбнулся он. — Мог бы, невзирая на всю разницу наших тел, на чудовищную удаленность наших планет. Сейчас я понял все могущество и силу человеческой любви.

В это время чужие выдвинули вперед зеленый экран. На нем начали двигаться маленькие фигурки. Они шли процессией, поднимаясь на крутой склон, и несли на себе какие-то большие предметы. Поднявшись на плоскую вершину, каждая фигурка сбрасывала свою ношу и падала лицом вниз. Похожая на земную мультипликацию, картина свидетельствовала об утомлении, желании отдыха. Земляне тоже почувствовали, насколько утомили их напряженное многочасовое ожидание и первые впечатления встречи. Жители фторной планеты, видимо, надеялись на встречу с другими людьми и подготовились к ней, создав, например, подобные «разговорные» фильмы.

Экипаж «Теллура», не готовый к встрече, вышел из затруднения. К перегородке придвинули экран для скорых зарисовок, и художник «Теллура» Яс Тин начал набрасывать последовательные серии рисунков. Сначала он изобразил таких же утомленных человечков, затем нарисовал одну большую рожицу с таким явно вопросительным выражением, что чужие оживились, как при появлении Тэй Эрона и Афры Деви. Потом художник изобразил Землю, обходящую по орбите Солнце, разделил орбиту на двадцать четыре части и зачернил ее половину. Чужие вскоре ответили похожей схемой. С той и с другой стороны включились метрономы, которые помогли установить продолжительность малых делений времени, а затем вычислить и большие. Астролетчики узнали, что фторная планета вращается вокруг своей оси приблизительно за четырнадцать земных часов, а обегает свое голубое солнце в течение девятисот суток. Перерыв на отдых, который предложили чужие, равнялся пяти земным часам.

Ошеломленные, расходились люди из соединительной трубы. Погасли огни в галерее, потухло и наружное освещение кораблей. Оба звездолета, темные, замерли неподвижно рядом друг с другом, как будто все живое в них погибло, заледенело в чудовищном холоде и глубочайшем мраке пространства.

Но внутри кораблей жизнь, горячая, пытливая и деятельная, шла своим чередом. Бесконечно изобретательный человеческий мозг изыскивал новые способы, как передать братьям по мысли, рожденным на планетах удаленных звезд, знания и надежды, взращенные тысячелетиями безмерных трудов, опасностей и страданий. Знания, освободившие человека сначала от власти дикой природы, затем от произвола дикого общест-

венного строя, болезней и преждевременной старости, поднявшие людей к бездонным высотам космоса.

Вторая встреча в галерее началась с показа звездных карт. И землянам, и обитателям фторной планеты были совершенно незнакомы рисунки созвездий, мимо которых шли пути кораблей. (Лишь на Земле астрономам удалось установить точное положение голубого светила: в небольшом звездном облаке Млечного Пути, около Тау Змееносца.) Путь чужого звездолета шел к звездному скоплению на северной окраине Змееносца и пересекся с ходом «Теллура», когда тот достиг южных границ созвездия Геркулеса.

В галерее чужих встала какая-то решетка из пластин красного металла высотой в рост человека. Что-то завертелось позади нее, видимое в просветах между пластинами. Внезапно все они сдвинулись, повернулись ребром и исчезли. На месте решетки показалось громадное пустое пространство с проносящимися в отдалении слепяще синими шарами спутников фторной планеты. Медленно приближалась и она сама. Широкий синий пояс непроницаемой облачности обвивал ее экватор. На полюсах и в околополярных зонах планета светилась серовато-красными отблесками, а умеренные зоны своей чистейшей белизной были похожи на оболочку чужого звездолета. Здесь, сквозь слабо насыщенную парами атмосферу, смутно угадывались контуры морей, материков и гор, чередовавшихся неправильными вертикальными полосами. Планета была больше Земли. Ее быстрое вращение возбуждало вокруг нее мощное электрическое поле. Сиреневое сияние вытягивалось длинными отростками по экватору в черноту окружающего пространства.

Затаив дыхание, час за часом сидели люди перед прозрачной стенкой, за которой неведомое устройство продолжало развертывать с потрясающей реальностью картины фторной планеты. Люди Земли увидели лиловые волны океана из фтористого водорода, омывавшие берега черных песков, красных утесов и склонов иззубренных гор, светящихся голубым лунным сиянием. Ближе к полюсам окружающий воздух синел все больше, становился глубже и чище темно-голубой свет фиолетовой звезды, вокруг которой быстро неслась фторная планета.

Горы здесь поднялись округлыми куполами, валами, плоскими вздутиями с ярким опаловым блеском. Синие сумерки лежали в глубоких долинах, направлявшихся от полярных гор к фестончатой полосе морей на юге. Большие заливы дымились опалесцирующим покровом голубых облаков. Гигантские постройки из красного металла и каких-то травяно-зеленых кам-

ней обрамляли края морей, бесконечно длинными вереницами всползали по вертикальным долинам к полюсам. Эти исполинские скопления построек, заметные с громадной высоты, разделялись широкими полосами густой растительности с зеленовато-голубой листвой или плоскими куполами гор, светившихся изнутри, будто опалы или лунные камни Земли. Круглые шапки льдов из застывшего фтористого водорода на полюсах казались драгоценными сапфирами.

Синие, голубые, лазурные, лиловые краски преобладали повсюду. Самый воздух словно был пронизан голубоватым свечением, точно слабый разряд в газовой трубке. Мир чужой планеты казался холодным и бесстрастным, будто видение в кристалле — чистое, далекое и призрачное. Мир, в котором не чувствовалось тепла, ласкающего разнообразия красных, оранжевых и желтых цветов Земли.

Цепи городов виднелись в обоих полушариях планеты, в зонах, соответствовавших полярной и умеренной зонам Земли. К экватору горы становились все острее и темнее. Зубчатые пики торчали из мутной от паров поверхности моря, ребра хребтов протягивались в широтном направлении, окаймляя тропические области фторной планеты.

Там плотными массами клубились синие пары: от нагрева голубой звезды легко испарявшийся фтористый водород насыщал атмосферу, подступал колоссальными облачными стенами к умеренным зонам, сгущался и каскадами лился обратно в теплую экваториальную зону. Плотины, достойные гигантов, обуздывали стремительность этих потоков, заключенных в арки и трубы и служивших источником энергии силовых станций планеты.

Нестерпимым блеском сверкали поля огромных кристаллов кварца — видимо, кремний играл роль нашей соли в водах фтористоводородного моря.

Города на экране приближались. Их очертания резко обрисовывались в холодном голубом свете. Везде, куда хватает глаз, вся площадь обитаемых зон планеты, за исключением таинственной экваториальной области, тонувшей в голубом молоке паров, была устроена, изменена, улучшена руками и творческой мыслью человека. Гораздо сильнее изменена, чем наша Земля, еще сохранившая в неприкосновенности огромные площади заповедников, древних руин или заброшенных разработок.

Труд бесчисленных поколений миллиардов людей вырастал выше гор, оплетал всю поверхность фторной планеты. Жизнь властвовала над стихиями бурных вод и густой атмосфе-

ры, пронизанной убийственно сильными лучами голубой звезды и неимоверно мощными зарядами электричества.

Люди Земли смотрели не отрываясь, и сознание как бы раздваивалось: в памяти одновременно возникало видение своей родной планеты. Не так, как представляли себе родину древние предки, в зависимости от места своего рождения и жизни: то равнинами просторных полей и сыроватых лесов, то каменистыми грустными горами, то радостно сверкающими в теплом солнце берегами прозрачных морей. Вся Земля в разнообразии своих климатических зон — холодных умеренных и жарких стран — проходила перед мысленным взором каждого астролетчика. Бесконечно прекрасными были и серебристые степи — области вольного ветра, — и могучие леса из темных елей и кедров, белых берез, крылатых пальм и гигантских голубоватых эвкалиптов. Туманные берега северных стран в стенах мшистых скал и белизна коралловых рифов в голубом сиянии тропических морей. Властно-холодное, пронизывающее сверкание снеговых хребтов и призрачная, зыбкая дымка пустынь. Реки — величавые, медленные и широкие или неистово мчащиеся табунами белых коней по крупным камням ущелистых русел. Богатство красок, разнообразие цветов, голубое земное небо с облаками, как белые птицы, солнечный зной и пасмурная, дождливая хмурь, вечные перемены времен года. И среди всего этого богатства природы — еще более великое разнообразие людей, их красоты, стремлений, дел, мечтаний и сказок, горя и радости, песен и танцев, слез и тоски...

То же могущество осмысленного труда, поражающего изобретательностью, искусством, фантазией, прекрасной формой повсюду: в строениях, заводах, машинах, кораблях.

Может быть, чужие тоже видят своими огромными раскосыми глазами гораздо больше землян в холодных голубых красках своей планеты, а в переделке своей более однообразной природы ушли дальше нас, детей Земли? Назревала догадка: мы, создания кислородной атмосферы, в сотни тысяч раз более обыкновенной в космосе, нашли и найдем еще огромное количество подходящих для жизни условий, найдем, встретимся, соединимся с братьями-людьми с других звезд. А они, порождения редкого фтора, с их необыкновенными фтористыми белками и костями, кровью с синими тельцами, впитывающими фтор, как наши красные — кислород?

Эти люди заперты в ограниченном пространстве своей планеты. Наверно, они давно уже странствуют в поисках себе подобных или хотя бы планет с подходящей им атмосферой из фтора. Но как им найти в безднах Вселенной столь

редкие жемчужины, как пробиться к ним через тысячи световых лет? Так близко и понятно их отчаяние, великое разочарование при встрече с кислородными людьми, вероятно, не в первый раз.

В галерее чужих ландшафты фторной планеты заменились видом колоссальных построек. Откосы наклоненных внутрь стен походили на здания тибетской архитектуры. Нигде не было прямых углов, горизонтальных плоскостей — формы плавно изгибались, переходя от вертикали к горизонтали винтообразными или спиральными поворотами. Вдали возникло темное отверстие, по очертанию похожее на скрученный овал. Когда оно выросло, приближаясь, стало видно, что нижняя часть овала представляет собой спирально изогнутую широкую дорогу, поднимающуюся и углубленную в здание размерами с целый город. Оправленные в красное большие голубые знаки, издали напоминавшие волновую рябь, виднелись над входом. Вход приближался. В глубине его становился виден слабо освещенный гигантский зал со светящимися, как флюоресцирующий плавиковый шпат, стенами.

И внезапно, без предупреждения, картина исчезла. Изумленные астролетчики, приготовившиеся увидеть нечто необычайное, почувствовали буквально удар. Галерея по ту сторону прозрачной стены осветилась обычным голубым светом. Появились чужие звездолетчики. На этот раз они двигались очень быстро, резкими движениями.

В этот момент на экране возникла череда последовательных картинок. Они замелькали в таком темпе, что экипаж едва мог уследить за изображениями. Где-то во тьме космоса двигался такой же белый звездолет, какой висел сейчас бок о бок с «Теллуром». Видно было, как крутилось, сверкало, разбрасывая во все стороны лучи, его центральное кольцо. Вдруг кольцо остановило вращение, и корабль повис в космической бездне, недалеко от маленькой голубой звезды-карлика.

Из звездолета устремились вдаль лучи, черточками мелькавшие на экране, в левом углу которого появился второй звездолет. Летящие черточки достигли его, неподвижно стоявшего рядом с земным кораблем, в котором люди узнали свой «Теллур». И белый звездолет, принявший зов своего товарища, отодвинулся от «Теллура» куда-то в черную даль.

Мут Анг вздохнул так громко, что подчиненные обернулись к своему командиру с немым вопросом.

— Да! Они скоро уйдут. Где-то очень далеко шел второй их корабль. Они каким-то способом переговаривались, хотя я не могу себе представить, как это возможно в неизмеримых безд-

нах, разделяющих корабли. И теперь что-то случилось со вторым звездолетом, его зов достиг наших чужих, хотя правильнее будет сказать — наших друзей.

— Может быть, он не поврежден, а нашел что-нибудь важное? — тихо спросила Тайна.

— Может быть. Как бы то ни было, они уходят. Надо торопиться изо всех сил, чтобы успеть переснять, записать как можно больше сведений. И главное — карты, их курс, их встречи... Я не сомневаюсь, что у них были встречи с кислородными, как мы, людьми.

Из переговоров с чужими выяснилось, что они могут задержаться на земные сутки. Люди, подстегнутые специальными лекарствами, работали совершенно неистово и не уступали неистощимой энергии быстрых серых жителей фторной планеты.

Переснимались учебные книжки с картинками и словами, тут же записывалось звучание чужого языка. Передавались коллекции с минералами, водами и газами в стойких прозрачных ящиках. Химики обеих планет старались понять значение символов, выражавших состав живых и неживых веществ. Афра, бледная от усталости, стояла перед диаграммами физиологических процессов, генетическими схемами и формулами, схемой эмбриологических стадий развития организма обитателей фторной планеты. Бесконечные цепочки молекул фторостойких белков были в то же время изумительно похожи на наши белковые молекулы: те же фильтры энергии, те же ее плотины, возникшие в борьбе живой материи с энтропией.

Прошло двадцать часов. В галерее появились Тэй и Кари; едва живые от усталости, они несли ленты звездных карт, отражавших весь путь «Теллура» от Солнца к месту встречи. Чужие заспешили еще больше. Фотомагнитные ленты памятных машин землян записывали расположение незнакомых звезд, изображенные неведомыми знаками расстояния, астрофизические данные, перекрещивавшиеся сложными зигзагами пути обоих белых кораблей. Все это должно было быть потом расшифровано по приготовленным заранее чужими таблицам объяснений.

И наконец люди не удержались от радостных восклицаний. Сначала у одной, потом у другой, третьей, четвертой, пятой звезды на экране появились увеличенные кружки, в которых завертелись планеты.

Изображение неуклюжего, пузатого звездолета сменилось целой стаей других, более изящных кораблей. На опущенных из-под их корпусов овальных платформах стояли в своих скафандрах существа — несомненные люди. Знак атома с осе-

мью электронами — кислорода — увенчивал изображение планет и кораблей, но звездолеты на схеме соединялись только с двумя из изображенных планет: одной — расположенной близко к красному большому Солнцу; другой — вращавшейся вокруг яркой золотистой звезды спектрального класса Эф. По-видимому, жизнь на планетах трех других звезд, тоже кислородная, еще не достигла высокого уровня, позволявшего выход в космос, или мыслящие существа еще не успели появиться там.

Выяснить это людям Земли не удалось, но в их руках были неоценимые сведения о путях, ведущих к этим населенным мирам, отдаленным на многие сотни парсеков от места встречи звездолетов.

Пора было расставаться.

Экипажи обоих звездолетов выстроились друг перед другом за прозрачной стеной. Бледно-бронзовые люди Земли и серокожие люди фторной планеты, название которой осталось неясным землянам. Они обменивались ласковыми и грустными жестами, улыбками и обоюдно понятными взглядами умных, внимательных глаз.

Небывалая острая тоска овладела людьми «Теллура». Даже отлет с родной Земли, с тем чтобы вернуться семь веков спустя, не казался такой болезненно невозвратимой утратой. Нельзя было примириться с сознанием, что еще несколько минут — и эти красивые, странные и добрые люди навсегда исчезнут в космических безднах, в своем одиноком и безнадежном искании родной по природе мыслящей жизни.

Может быть, только теперь астролетчики полностью, всем существом поняли, что самое важное во всех поисках, стремлениях, мечтах и борьбе — это человек. Для любой цивилизации, любой звезды, целой галактики и всей бесконечной Вселенной главное — это человек, его ум, чувства, сила, красота, его жизнь!

В счастье, сохранении, развитии человека — главная задача необъятного будущего после победы над Сердцем Змеи, после безумной, невежественной и злобной расточительности жизненной энергии в низкоорганизованных человеческих обществах.

Разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, то есть к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств.

Командир чужих сделал какой-то знак. Тотчас же молодая женщина, которая демонстрировала красоту обитателей фторной планеты, рванулась в сторону, где стояла Афра. Широко раскинув руки, она прижалась к перегородке в стремлении обнять прекрасную женщину Земли. Афра, не замечая катившихся по щекам слез, распласталась на прозрачной стене, как бьющаяся о стекло пленная птица. Свет у чужих потух, и почерневшее стекло стало пучиной, в которой потонули все порывы землян увидеть еще раз чужих, оказавшихся столь близкими.

Мут Анг приказал включить земное освещение, но галерея по ту сторону перегородки оказалась пуста.

— Наружная группа, надеть скафандры для отсоединения галереи! — Властно ворвался в тоскливое молчание голос Мут Анга. — Механики — к двигателям, астронавигатор — в пост управления! Всем подготовиться к отлету!

Люди разошлись из галереи. Унесли приборы. Только Афра, освещенная тусклым светом из открытого бортового люка, стояла в неподвижности, будто скованная леденящим холодом межзвездных пространств.

— Афра, мы закрываем люк! — окликнул ее Тэй Эрон откуда-то из глубины корабля. — Хочется проследить за их отлетом.

Молодая женщина вдруг очнулась и с криком: «Стойте! Тэй, стойте!» — побежала к командиру. Удивленный помощник стоял в недоумении, но Афра вернулась очень быстро. Рядом с ней бежал Мут Анг.

— Тэй, прожектор в галерею! Вызовите техников, экран установите назад! — распоряжался на бегу командир.

Люди заторопились, как при аварии. Сильный луч пробился в глубину галереи и замигал с теми же интервалами, как луч локатора «Теллура» в первый, момент встречи кораблей. Чужие, прервав работы, появились в галерее. Земляне зажгли голубой свет «430». Дрожащая Афра склонилась над рисовальной доской, отражавшей на экране торопливые наброски биолога. Двойные спиральные цепочки механизмов наследственности должны были быть, в общем, одинаковыми у земных и фторных людей. Изобразив их, Афра нарисовала диаграмму обмена веществ в человеческом организме, сводящуюся к одинаковому превращению лучистой энергии звездных светил, добытой через растения. Молодая женщина оглянулась на неподвижные серые фигуры и накрест перечеркнула атом фтора с его девятью электронами, поставив вместо него кислород, Чужие дрогнули. Командир выступил вперед и вплотную приблизил лицо к про-

зрачной перегородке, вглядываясь громадными глазами в неловкие чертежи Афры. И вдруг поднял надо лбом сцепленные в пальцах руки и низко склонился перед женщиной Земли.

Они поняли то, что только намеком в последний момент расставания родилось в мозгу Афры, и, вызванное тоскою разлуки, осмелилось вырваться. Афра думала об изменении, дерзкой замене химических превращений, приводивших в действие весь величайшей сложности организм человека. Путем воздействия на механизм наследственности заменить фторный обмен веществ на кислородный! Сохранить все особенности, всю наследственность фторных людей, но заставить их тела работать на иной энергетической основе. Эта гигантская задача была еще так далека от возможности своего осуществления, что даже семь веков разлуки «Теллура» с Землей, веков непрерывного нарастания успехов науки, вряд ли намного приблизят ее решение.

Но как бесконечно много смогут сделать соединенные усилия обеих планет! Если же к ним присоединятся и другие мыслящие собратья... фторное человечество не пройдет бесследной тенью, затерявшейся в глубинах Вселенной.

Когда люди разных планет с неисчислимых звезд и галактик неизбежно соединятся в космосе, серокожие обитатели фторной планеты, может быть, не будут отверженцами из-за редчайшей случайности строения своих тел.

И может быть, тоска неизбежной разлуки и утраты была преувеличенной? Недоступно далекие по строению своих планет и тел, фторные люди и люди Земли похожи в жизни и уже совсем близки в разуме и чувствах Афре, смотревшей в огромные раскосые глаза командира белого звездолета; казалось, что все это она прочла в них. Или это было только отражением ее собственных мыслей?

Но чужие, видимо, обладали той же верой в могущество человеческого разума, которая была свойственна людям Земли. Вот почему даже робкая искра надежды, высказанной женщиной-биологом, так много значила для них, что их приветственные жесты более не походили на знак прощания, а ясно говорили о будущих встречах.

Оба звездолета медленно расходились, опасаясь повредить друг друга силой своих вспомогательных моторов. Белый корабль на минуту раньше окутался облаком слепящего пламени, за которым, когда оно угасло, не оказалось ничего, кроме тьмы космоса.

Тогда и «Теллур», осторожно разогнавшись, вошел в пульсацию, которая служила как бы мостом, сокращавшим прежде необозримую длину межзвездных путей. Надежно укрытые в защитных футлярах люди уже не видели, как укорачивались летевшие навстречу световые кванты и далекие звезды впереди голубели и делались все более фиолетовыми. Потом звездолет погрузился в непроницаемый мрак нулевого пространства, за которым цвела и ждала горячая жизнь Земли.

1958 г.

Туманность Андромеды

Еще не была закончена первая публикация этого романа в журнале, а искусственные спутники уже начали стремительный облет нашей планеты.

Перед лицом этого неопровержимого факта с радостью сознаешь, что идеи, лежащие в основе романа, правильны.

Размах фантазии о техническом прогрессе человечества, вера в непрерывное совершенствование и светлое будущее разумно устроенного общества — все это так весомо и зримо подтверждено сигналами маленьких лун. Чудесное по быстроте исполнение одной мечты из «Туманности Андромеды» ставит передо мной вопрос: насколько верно развернута в романе историческая перспектива будущего? Еще в процессе писания я изменял время действия в сторону его приближения к нашей эпохе. Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты и жизни, описанные в романе, не могут быть осуществлены ранее чем через три тысячи лет. Я исходил в расчетах из общей истории человечества, но не учел темпов ускорения технического прогресса.

При доработке романа я сократил намеченный срок на тысячелетие. Но запуск искусственных спутников Земли подсказывает мне, что события романа могли бы совершиться еще раньше. Поэтому все определенные даты в «Туманности Андромеды» изменены на такие, в которые сам читатель вложит свое понимание и предчувствие времени.

Особенностью романа, не сразу, может быть, понятной читателю, является насыщенность научными сведениями, понятиями и терминами. Это не недосмотр или нежелание разъяснить сложные формулировки. Только так мне показалось возможным придать колорит будущего разговорам и действиям людей времени, в которое наука должна глубоко внедриться во все понятия, представления и язык.

И. Ефремов

Глава первая
ЖЕЛЕЗНАЯ ЗВЕЗДА

В тусклом свете, отражавшемся от потолка, шкалы приборов казались галереей портретов. Круглые были лукавы, поперечно-овальные расплывались в наглом самодовольстве, квадратные застыли в тупой уверенности. Мерцавшие внутри них синие, голубые, оранжевые, зеленые огоньки подчеркивали впечатление.

В центре выгнутого пульта выделялся широкий и багряный циферблат. Перед ним в неудобной позе склонилась девушка. Она забыла про стоявшее рядом кресло и приблизила голову к стеклу. Красный отблеск сделал старше и суровее юное лицо, очертил резкие тени вокруг выступавших полноватых губ, заострил чуть вздернутый нос. Широкие нахмуренные брови стали глубоко-черными, придав глазам мрачное, обреченное выражение.

Тонкое пение счетчиков прервалось негромким металлическим лязгом. Девушка вздрогнула, выпрямилась и заломила тонкие руки, выгибая уставшую спину.

Позади щелкнула дверь, возникла крупная тень, превратилась в человека с отрывистыми и точными движениями. Вспыхнул золотистый свет, и густые темно-рыжие волосы девушки словно заискрились. Ее глаза тоже загорелись, с тревогой и любовью обратившись к вошедшему.

— Неужели вы не уснули? Сто часов без сна!..

— Плохой пример? — не улыбаясь, но весело спросил вошедший. В его голосе проскальзывали высокие металлические ноты, будто склепывавшие речь.

— Все другие спят, — несмело произнесла девушка, — и... ничего не знают, — добавила она вполголоса.

— Не бойтесь говорить. Товарищи спят, и сейчас нас только двое бодрствующих в космосе, и до Земли пятьдесят биллионов километров — всего полтора парсека!

— И анамезона только на один разгон! — Ужас и восторг звучали в возгласе девушки.

Двумя стремительными шагами начальник тридцать седьмой звездной экспедиции Эрг Ноор достиг багряного циферблата.

— Пятый круг!

— Да, вошли в пятый. И... ничего. — Девушка бросила красноречивый взгляд на звуковой рупор автомата-приемника.

— Видите, спать нельзя. Надо продумать все варианты, все возможности. К концу пятого круга должно быть решение.

— Но это еще сто десять часов...

— Хорошо, посплю здесь, в кресле, когда кончится действие спорамина. Я принял его сутки назад.

Девушка что-то сосредоточенно соображала и наконец решилась:

— Может быть, уменьшить радиус круга? Вдруг у них авария передатчика?

— Нельзя! Уменьшить радиус, не сбавляя скорости, — мгновенное разрушение корабля. Убавить скорость и... потом без анамезона... полтора парсека со скоростью древнейших лунных ракет? Через сто тысяч лет приблизимся к нашей солнечной системе.

— Понимаю... Но не могли они...

— Не могли. В незапамятные времена люди могли совершать небрежность или обманывать друг друга и себя. Но не теперь!

— Я не о том, — обида прозвучала в резком ответе девушки. — Я хотела сказать, что «Альграб», может быть, тоже ищет нас, уклонившись от курса.

— Так сильно уклониться он не мог. Не мог не отправиться в рассчитанное и назначенное время. Если бы случилось невероятное и вышли из строя оба передатчика, то звездолет, без сомнения, стал бы пересекать круг диаметрально, и мы услышали бы его на планетарном приеме. Ошибиться нельзя — вот она, условная планета!

Эрг Ноор указал на зеркальные экраны в глубоких нишах со всех четырех сторон поста управления. В глубочайшей черноте горели бесчисленные звезды. На левом переднем экране быстро пролетел маленький серый диск, едва освещенный своим светилом, очень удаленным отсюда, от края системы Б-7336-С+87-А.

— Наши бомбовые маяки работают отчетливо, хотя мы сбросили их четыре независимых года назад. — Эрг Ноор указал на четкую полоску света вдоль длинного стекла в левой стене. — «Альграб» должен быть здесь уже три месяца тому назад. Это значит, — Ноор поколебался, как бы не решаясь произнести приговор — «Альграб» погиб!

— А если не погиб, а поврежден метеоритом и не может развивать скорость?.. — возразила рыжеволосая девушка.

— Не может развивать скорость! — повторил Эрг Ноор. — Да разве это не то же самое, если между кораблем и целью встанут тысячелетия пути? Только хуже — смерть придет не сразу, пройдут годы обреченной безнадежности. Может быть, они позовут — тогда узнаем... лет через шесть... на Земле.

Стремительным движением Эрг Ноор вытянул складное кресло из-под стола электронной расчетной машины. Это была малая модель МНУ-11. До сих пор из-за большого веса, размеров и хрупкости нельзя было устанавливать на звездолетах электронную машину-мозг типа ИТУ для всесторонних операций и полностью поручить ему управление звездолетом. В посту управления требовалось присутствие дежурного навигатора, тем более что точная ориентировка курса корабля на столь далекие расстояния была невозможна.

Руки начальника экспедиции замелькали с быстротой пианиста над рукоятками и кнопками расчетной машины. Бледное, с резкими чертами лицо застыло в каменной неподвижности, высокий лоб, упрямо наклоненный над пультом, казалось, бросил вызов силам стихийной судьбы, угрожавшим живому мирку, забравшемуся в запретные глубины пространства.

Низа Крит, юный астронавигатор, впервые попавшая в звездную экспедицию, затихла, не дыша наблюдая за ушедшим в себя Ноором. Какой он спокойный, полный энергии и ума, любимый человек!.. Любимый давно уже, все пять лет. Нет смысла скрывать от него... И он знает, Низа чувствует это... Сейчас, когда случилось это несчастье, ей выпала радость дежурить вместе с ним. Три месяца наедине, пока остальной экипаж звездолета погружен в сладкий гипнотический сон. Еще осталось тринадцать дней, потом заснут они — на полгода, пока не прейдут еще две смены дежурных: навигаторов, астрономов и механиков. Другие — биологи, геологи, чья работа начинается только на месте прибытия, — могут спать и дольше, тогда как астроному... о, у них самый напряженный труд!

Эрг Ноор поднялся, и мысли Низы оборвались.

— Я пойду в кабину звездных карт. Ваш отдых через... — он взглянул на циферблат зависимых часов, — девять часов. Успею выспаться, перед тем как сменить вас.

— Я не устала, я буду здесь сколько понадобится, только бы вы смогли отдохнуть!

Эрг Ноор нахмурился, желая возразить, но уступил нежности слов и золотисто-карих глаз, доверчиво обращенных к нему, улыбнулся и молча вышел.

Низа уселась в кресло, привычным взглядом окинула приборы и глубоко задумалась.

Над ней чернели отражательные экраны, через которые центральный пост управления совершал обзор бездны, окружавшей корабль. Разноцветные огоньки звезд казались иглами света, пронзавшими глаз насквозь.

Звездолет обгонял планету, и ее тяготение заставляло корабль качаться вдоль изменчивого напряжения поля гравитации. И недобрые величественные звезды в отражательных экранах совершали дикие скачки. Рисунки созвездий сменялись с незапоминаемой быстротой.

Планета К2-2Н-88, далекая от своего светила, холодная, безжизненная, была известна как удобное место для рандеву звездолетов... для встречи, которая не состоялась. Пятый круг... И Низа представила себе свой корабль, несущийся с уменьшенной скоростью по чудовищному кругу, радиусом в миллиард километров, беспрерывно обгоняя ползущую как черепаха планету. Через сто десять часов корабль закончит пятый круг... И что тогда? Могучий ум Эрга Ноора сейчас собрал все силы в поисках наилучшего выхода. Начальник экспедиции и командир корабля ошибаться не может — иначе звездолет первого класса «Тантра» с экипажем из лучших ученых никогда не вернется из бездны пространства! Но Эрг Ноор не ошибется...

Низа Крит вдруг почувствовала отвратительное, дурнотное состояние, которое означало, что звездолет отклонился от курса на ничтожную долю градуса, допустимую только на уменьшенной скорости, иначе его хрупкого живого груза не осталось бы в живых. Едва рассеялся серый туман в глазах девушки, как дурнота наступила снова — корабль вернулся на курс. Это неимоверно чувствительные локаторы нащупали в черной бездне впереди метеорит — главную опасность звездолетов. Электронные машины, управляющие кораблем (ибо только они могут проделывать все манипуляции с необходимой быстротой — человеческие нервы не годятся для космических скоростей), в миллионную долю секунды отклонили «Тантру» и, когда опасность миновала, столь же быстро вернули на прежний курс.

«Что же помешало таким же машинам спасти «Альграб»? — подумала пришедшая в себя Низа. — Он наверняка поврежден встречей с метеоритом. Эрг Ноор говорил, что до сих пор каждый десятый звездолет гибнет от метеоритов, несмотря на изобретение столь чувствительных локаторов, как прибор Волла Хода, и защитные энергетические покрывала, отбрасывающие мелкие частицы». Гибель «Альграба» поставила их самих в рискованное положение, когда казалось, что все хорошо продумано и предусмотрено. Девушка стала вспоминать все случившееся с момента отлета.

Тридцать седьмая звездная экспедиция была направлена на планетную систему близкой звезды в созвездии Змееносца, единственная населенная планета которой — Зирда — давно говорила с Землей и другими мирами по Великому Кольцу.

Внезапно она замолчала. Более семидесяти лет не поступало ни одного сообщения. Долг Земли, как ближайшей к Зирде планеты Кольца, был выяснить, что случилось. Поэтому корабль экспедиции взял много приборов и нескольких выдающихся ученых, нервная система которых после многочисленных испытаний оказалась способной вынести годы заключения в звездолете. Запас горючего для двигателей — анамезона, то есть вещества с разрушенными мезонными связями ядер, обладавшего световой скоростью истечения, был взят в обрез не из-за веса анамезона, а вследствие огромного объема контейнеров хранения. Запас анамезона рассчитывали пополнить на Зирде. На случай, если с планетой произошло бы что-либо серьезное, звездолет второго класса «Альграб» должен был встретить «Тантру» у орбиты планеты К2-2Н-88.

Низа чутким ухом уловила изменившийся тон настройки поля искусственного тяготения. Диски трех приборов справа замигали неровно, включился электронный щуп правого борта. На засветившемся экране появился угловатый блестящий кусок. Он двигался, как снаряд, прямо на «Тантру» и, следовательно, находился далеко. Это был гигантский обломок вещества, какие встречались необычайно редко в космическом пространстве, и Низа поспешила определить его объем, массу, скорость и направление полета. Только когда щелкнула автоматическая катушка журнала наблюдений, Низа вернулась к своим воспоминаниям.

Самым острым из них было мрачное кроваво-красное солнце, выраставшее в поле зрения экранов в последние месяцы четвертого года пути. Четвертого для всех обитателей звездолета, несшегося со скоростью 5/6 абсолютной единицы — скорости света. На Земле прошло уже около семи лет, называвшихся независимыми.

Фильтры экранов, щадя человеческие глаза, изменяли цвет и силу лучей любого светила. Оно становилось таким, каким виделось сквозь толстую земную атмосферу с ее озонным и водяным защитными экранами. Неописуемый призрачно-фиолетовый свет высокотемпературных светил казался голубым или белел, угрюмые серо-розовые звезды становились веселыми, золотисто-желтыми, наподобие нашего Солнца. Здесь горящее победным ярко-алым огнем светило принимало глубокий кровавый тон, в котором земной наблюдатель привык видеть звезды спектрального класса М5. Планета находилась гораздо ближе к своему солнцу, чем наша Земля — к своему. По мере приближения к Зирде ее светило стало огромным алым диском, посылавшим массу тепловых лучей.

За два месяца до подхода к Зирде «Тантра» начала попытки связаться с внешней станцией планеты. Здесь была только одна станция на небольшом, лишенном атмосферы природном спутнике, находившемся ближе к Зирде, чем Луна к Земле.

Звездолет продолжал звать и тогда, когда до планеты осталось тридцать миллионов километров и чудовищная скорость «Тантры» замедлилась до трех тысяч километров в секунду. Дежурила Низа, но и весь экипаж бодрствовал, сидя в ожидании перед экранами в центральном посту управления.

Низа звала, увеличивая мощность передачи и бросая вперед веерные лучи.

Наконец они увидели крохотную блестящую точку спутника. Звездолет стал описывать орбиту вокруг планеты, постепенно приближаясь к ней по спирали и уравнивая свою скорость со скоростью спутника. «Тантра» и спутник как бы сцепились невидимым канатом, и звездолет повис над быстро бегущей по своей орбите маленькой планеткой. Электронные стереотелескопы корабля теперь прощупывали поверхность спутника. И внезапно перед экипажем «Тантры» появилось незабываемое зрелище.

Огромное плоское стеклянное здание горело в отблесках кровавого солнца. Прямо под крышей находилось нечто вроде большого зала собраний. Там застыло в неподвижности множество существ, непохожих на землян, но, несомненно, людей. Астроном экспедиции Пур Хисс, новичок в космосе, заменивший перед самым отъездом испытанного работника, волнуясь, продолжал углублять фокус инструмента. Ряды смутно видимых под стеклом людей оставались совершенно неподвижными. Пур Хисс повысил увеличение. Стало видно возвышение, обрамленное пультами приборов, с длинным столом, на котором, скрестив ноги, перед аудиторией сидел человек с безумным, устремленным вдаль взором пугающих глаз.

— Они мертвы, заморожены! — воскликнул Эрг Ноор.

Звездолет продолжал висеть над спутником Зирды, и четырнадцать пар глаз, не отрываясь, следили за стеклянной могилой — это действительно была могила. Сколько лет сидят здесь эти мертвецы? Семьдесят лет назад замолчала планета, если прибавить шесть лет полета лучей — три четверти века...

Все взгляды обратились к начальнику. Эрг Ноор, бледный, всматривался в палевую дымку атмосферы планеты. Сквозь нее тускло просвечивали едва заметные штрихи гор, отблески морей, но ничто не давало ответа, за которым они явились сюда.

— Станция погибла и не восстановлена за семьдесят пять лет! Это означает катастрофу на планете. Надо спускаться, про-

бивать атмосферу, может быть, сесть. Здесь собрались все — я спрашиваю мнения Совета...

Возражать стал только астроном Пур Хисс. Низа с негодованием рассматривала его большой хищный нос и низко посаженные некрасивые уши.

— Если на планете катастрофа, то никаких шансов на получение анамезона у нас нет. Облет планеты на небольшой высоте и тем более приземление уменьшат наш резерв планетарного горючего. Кроме того, неизвестно, что случилось. Могут быть мощные излучения, которые погубят нас.

Остальные члены экспедиции поддержали начальника.

— Никакие планетные излучения не опасны кораблю с космической защитой. Выяснить, что случилось, — разве не за этим мы посланы сюда? Что ответит Земля Великому Кольцу? Установить факт — еще очень мало, надо объяснить его. Простите мне эти ученические рассуждения! — говорил Эрг Ноор, и обычные металлические нотки в его голосе зазвенели насмешкой. — Вряд ли мы сможем уклониться от своего прямого долга...

— Температура верхних слоев атмосферы нормальна! — радостно воскликнула Низа.

Эрг Ноор улыбнулся и стал снижаться осторожно, виток за витком, замедляя спиральный бег звездолета, приближавшегося к поверхности планеты. Зирда была немного меньше Земли, и на низком облете не требовалось очень большой скорости. Астрономы и геологи сверяли карты планеты с тем, что наблюдали оптические приборы «Тантры». Материки сохранили в точности прежние очертания, моря спокойно блестели в красном солнце. Не изменили свои формы и горные хребты, известные по прежним снимкам, — только планета молчала.

Тридцать пять часов люди не покидали своих наблюдательных постов.

Состав атмосферы, излучение красного светила — все совпадало с прежними данными о Зирде. Эрг Ноор раскрыл справочник по Зирде и отыскал столбец данных по ее стратосфере. Ионизация оказалась выше обычной. Смутная и тревожная догадка начала созревать в уме Ноора.

На шестом витке спусковой спирали стали видны очертания больших городов. По-прежнему ни одного сигнала не прозвучало в приемниках звездолета.

Низа Крит сменилась, чтобы поесть, и, кажется, задремала. Ей показалось, что она спала всего несколько минут. Звездолет шел над ночной стороной Зирды не быстрее обычного земного спиролета. Здесь, внизу, должны были расстилаться города, заводы, порты. Ни единого огонька не мелькнуло в кромешной

тьме внизу, как ни выслеживали их мощные оптические стереотелескопы. Сотрясающий гром рассекаемой звездолетом атмосферы должен был слышаться за десятки километров.

Прошел час. Не вспыхнуло ни одного огня. Томительное ожидание становилось невыносимым. Ноор включил предупредительные сирены. Ужасный вой понесся над черной бездной внизу, и люди Земли надеялись, что он, слившись с грохотом воздуха, будет услышан загадочно молчавшими обитателями Зирды.

Крыло огненного света смахнуло зловещую тьму. «Тантра» вышла на освещенную сторону планеты. Внизу продолжала расстилаться бархатистая чернота. Быстро увеличенные снимки показали, что это сплошной ковер цветов, похожих на бархатно-черные маки Земли. Заросли черных маков протянулись на тысячи километров, заменив собою все — леса, кустарники, тростники, травы. Как ребра громадных скелетов, виднелись среди черного ковра улицы городов, красными ранами ржавели железные конструкции. Нигде ни живого существа, ни деревца — только одни-единственные черные маки!

«Тантра» бросила бомбовую наблюдательную станцию и снова вошла в ночь. Спустя шесть часов станция-робот доложила состав воздуха, температуру, давление в прочие условия на поверхности почвы. Все было нормальным для планеты, за исключением повышенной радиоактивности.

— Чудовищная трагедия! — сдавленно пробормотал биолог экспедиции Эон Тал, записывая последние данные станции. — Они убили сами себя и всю свою планету!

— Неужели? — скрывая навертывающиеся слезы, спросила Низа. — Так ужасно! Ведь ионизация вовсе не так сильна.

— Прошло уже порядочно лет, — сурово ответил биолог. Его горбоносое лицо черкеса, мужественное, несмотря на молодость, сделалось грозным. — Такой радиоактивный распад тем и опасен, что накапливается незаметно. Столетия общее количество излучения могло увеличиваться кор за кором, как мы называем биодозы облучения, а потом сразу качественный скачок! Разваливающаяся наследственность, прекращение воспроизведения потомства плюс лучевые эпидемии. Это случается не в первый раз — Кольцу известны подобные катастрофы...

— Например, так называемая «Планета лилового солнца», — раздался позади голос Эрга Ноора.

— Трагично, что ее странное солнце обеспечивало обитателям очень высокую энергетику, — заметил угрюмый Пур Хисс, — при светимости в семьдесят восемь наших солнц и спектральном классе А нуль.

— Где эта планета? — осведомился биолог Эон Тал. — Не та ли, которую Совет собирается заселять?

— Та самая. В память ее назван был погибший теперь «Альграб».

— Звезда Альграб, иначе Дельта Ворона! — воскликнул биолог. — Но до нее очень далеко!

— Сорок шесть парсек. Но мы строим все более дальние звездолеты...

Биолог кивнул головой и пробормотал, что вряд ли следовало называть звездолет именем погибшей планеты.

— Но звезда не погибла, да и планета цела. Не пройдет и века, как мы засеем и заселим ее, — уверенно ответил Эрг Ноор.

Он решился на трудный маневр — изменить орбитальный путь звездолета с широтного на меридиональный, вдоль оси вращения Зирды. Как уйти от планеты, не выяснив, все ли погибли? Может быть, оставшиеся в живых не могут призвать на помощь звездолет из-за разрушения энергостанций и порчи приборов?

Не впервые видела Низа Эрга Ноора за пультом управления в момент ответственного маневра. С непроницаемо-твердым лицом, с резкими, всегда точными движениями, он казался ей легендарным героем.

И снова «Тантра» совершала безнадежный путь вокруг Зирды, на этот раз от полюса к полюсу. Кое-где, особенно в средних широтах, появились широкие зоны обнаженной почвы. Там в воздухе висел желтый туман, сквозь который просвечивали рябью гигантские гряды развеваемых ветром красных песков.

А дальше опять простирались траурные бархатные покрывала черных маков — единственных растений, устоявших против радиоактивности или давших под ее влиянием жизнеспособную мутацию.

Все стало ясно. Искать где-то в мертвых развалинах анамезонное горючее, запасенное для гостей из иных миров по рекомендации Великого Кольца (Зирда не имела еще звездолетов, а только планетолеты), было не только безнадежно, но и опасно. «Тантра» принялась медленно раскручивать спираль полета в обратную сторону от планеты. Набрав скорость в семнадцать километров в секунду на ионно-триггерных, или планетарных, моторах, употреблявшихся для полетов между планетами, взлетов и посадок, звездолет ушел от умершей планеты. «Тантра» взяла курс на необитаемую, известную только под условным шифром систему, где были сброшены бомбовые маяки и где должен был ожидать «Альграб». Включились анамезонные двигатели. Их сила за пятьдесят два часа разогнала звездолет до его

нормальной скорости в девятьсот миллионов километров в час. До места встречи оставалось пятнадцать месяцев пути, или одиннадцать по зависимому времени корабля. Весь экипаж, за исключением дежурных, мог погружаться в сон. Но еще месяц шло общее обсуждение, расчеты и подготовка доклада Совету. Из данных справочников по Зирде извлекли упоминания о рискованных опытах с частично распадавшимися атомными горючими. Нашли выступления видных ученых погибшей планеты, предупреждавших о появлении признаков вредного влияния на жизнь и настаивавших на прекращении опытов. Сто восемнадцать лет назад по Великому Кольцу было послано краткое предупреждение, достаточное для людей высокого разума, но, видимо, не принятое всерьез правительством Зирды.

Не оставалось сомнения, что Зирда погибла от накопления вредной радиации после многочисленных неосторожных опытов и опрометчивого применения опасных видов ядерной энергии вместо мудрого изыскания других, менее вредных.

Давно уже разрешилась загадка, дважды экипаж звездолета сменял трехмесячный сон на столь же длительную нормальную жизнь.

А сейчас уже много суток «Тантра» описывает круги вокруг серой планеты, и с каждым часом уменьшается надежда на встречу с «Альграбом». Подходит что-то грозное...

Эрг Ноор остановился на пороге, глядя на задумавшуюся Низу. Ее склоненная голова с копной густых волос походила на пушистый золотой цветок. Задорный мальчишеский профиль, косовато посаженные глаза, часто щурившиеся от сдерживаемого смеха, а сейчас широко раскрытые, пытающие неизвестное с тревогой и мужеством! Девочка сама не отдает себе отчета, какой большой внутренней поддержкой она со своей беззаветной любовью стала для него. Ему, который, несмотря на долгие годы испытаний, закаливших волю и чувства, все же устает быть начальником, готовым в любую минуту принять на себя любую ответственность за людей, корабль, успех экспедиции. Там, на Земле, давно уже не осталось столь единоличной ответственности — всегда принимает решение та группа людей, которая и призвана выполнять работу. А если случается что-либо особенное, мгновенно можно получить любой совет, самую сложную консультацию. Здесь советов получать негде и командиры звездолетов пользуются особыми правами. Было бы легче, если бы такая ответственность длилась два-три года, а не десять-пятнадцать лет — средний срок звездной экспедиции!

Он шагнул в центральный пост.

Низа вскочила навстречу Эргу Ноору.

— Я подобрал все нужные материалы и карты, — сказал он, — зададим работу машине!

Начальник экспедиции вытянулся в кресле и медленно переворачивал металлические листки, называя цифры координат, напряжение магнитных, электрических и гравитационных полей, мощность потоков космических частиц, скорость и плотность метеорных струй. Низа, побледнев от напряжения, нажимала кнопки и поворачивала выключатели расчетной машины. Эрг Ноор получил серию ответов, нахмурился и задумался.

— На нашем пути есть сильное поле тяготения — область скопления темного вещества в Скорпионе, около звезды 6555-ЦР+11-ПКУ, — заговорил Ноор. — Чтобы избежать траты горючего, следует отклониться сюда, к Змее. В старину летали безмоторным полетом, используя гравитационные поля в качестве ускорителей, по их краям...

— Можем ли мы применить этот способ? — спросила Низа.

— Нет, для этого наши звездолеты слишком быстры. Скорость в пять шестых абсолютной единицы, или двести пятьдесят тысяч километров в секунду, увеличила бы в земном поле тяготения наш вес в двенадцать тысяч раз — следовательно, превратила бы всю экспедицию в пыль. Мы можем лететь так только в пространстве космоса вдали от больших скоплений материи. Как только звездолет начинает входить в гравитационное поле, так приходится снижать скорость тем сильнее, чем сильнее поле.

— Следовательно, тут противоречие. — Низа по-детски подперла рукой голову, — чем сильнее поле тяготения, тем медленнее надо лететь!

— Это верно лишь для громадных субсветовых скоростей, когда звездолет сам становится подобным световому лучу и может двигаться только по прямой или по так называемой кривой равных напряжений.

— Если я правильно поняла, вам надо нацелить наш «луч» — «Тантру» — прямо на солнечную систему.

— В этом вся огромная трудность звездоплавания. Точный прицел на ту или другую звезду практически невозможен, хотя мы применяем все мыслимые исправления расчетов. Приходится все время пути исчислять накапливающуюся ошибку, меняя курс корабля, почему и невозможно полностью автоматизированное управление. А теперь у нас опасное положение. Остановка или хотя бы сильное замедление полета для нас после разгона будут равны смерти, так как снова набрать скорость будет уже нечем. Вот опасность, смотрите: область 344+2У совсем не исследована. Здесь нет звезд, извест-

но только гравитационное поле — вот его край. С окончательным решением подождем астрономов — после пятого круга мы разбудим всех, а пока... — Начальник экспедиции потер виски и зевнул.

— Действие спорамина кончается, — воскликнула Низа, — вы можете отдохнуть!

— Хорошо, я устроюсь здесь, в этом кресле. Вдруг случится чудо — хоть бы один звук!

В тоне Эрга Ноора мелькнуло что-то заставившее сердце Низы забиться от нежности. Захотелось прижать к себе эту упрямую голову, гладить темные волосы с преждевременной проседью...

Низа встала, тщательно сложила справочные листы и потушила свет, оставив только слабое зеленое освещение вдоль панелей с приборами и часами. Звездолет шел совершенно спокойно в полнейшей пустоте пространства, огибая свой исполинский круг. Рыжеволосый астронавигатор неслышно заняла свое место у «мозга» громадного корабля. Привычно тихо пели приборы, настроенные на определенную мелодию, — малейший непорядок отозвался бы фальшивой нотой. Но тихая мелодия лилась в заданной тональности. Изредка повторялись негромкие удары, похожие на звуки гонга, — это включался вспомогательный планетарный мотор, направлявший курс «Тантры» по кривой. Грозные анамезонные двигатели молчали. Покой долгой ночи царил в сонном звездолете, как будто не было серьезной опасности, нависшей над кораблем и его обитателями. Вот-вот в рупоре приемника зазвучат долгожданные позывные и два корабля начнут тормозить свой неимоверно быстрый полет, сблизятся на параллельных курсах и, наконец, точно уравняв свои скорости, как бы улягутся рядом. Широкая трубчатая галерея соединит оба корабельных мирка, и «Тантра» вновь обретет свою исполинскую силу.

В глубине души Низа была спокойна: она верила в своего начальника. Пять лет путешествия не были ни долги, ни утомительны. Особенно после того как пришла к Низе любовь... Но и ранее захватывающе интересные наблюдения, электронные записи книг, музыки и фильмов давали возможность непрерывно пополнять свои знания и не так чувствовать утрату своей прекрасной Земли, пропавшей как песчинка, в глубинах бесконечной тьмы. Спутники были людьми огромных познаний, а когда нервы утомлялись впечатлениями или долгой напряженной работой... что ж, в продолжительном сне, поддерживаемом настройкой на гипнотические колебания, большие куски времени проваливались в небытие, пролетая мгновенно. И рядом с лю-

бимым Низа была счастлива. Ее тревожило только сознание, что другим было труднее, и особенно ему, Эргу Ноору. Если бы только она могла!.. Нет, что может молодой, совсем еще невежественный астронавигатор рядом с такими людьми! Но, может быть, помогала ее нежность, всегдашнее напряжение доброй воли, горячее желание отдать все, чтобы облегчить этот тяжкий труд.

Начальник экспедиции проснулся и поднял отяжелевшую голову. Ровная мелодия звучала по-прежнему, все так же прерываемая редкими ударами планетарного двигателя. Низа Крит находилась у приборов, слегка сгорбившись, с тенями усталости на юном лице. Эрг Ноор бросил взгляд на зависимые часы звездолетного времени и одним упругим рывком поднялся из глубокого кресла.

— Я проспал четырнадцать часов! И вы, Низа, не разбудили меня! Это... — Он осекся, встретившись с ее радостной улыбкой. — Сейчас же на отдых!

— Можно я посплю здесь, как и вы? — попросила девушка. Получив разрешение, она быстро сбегала за едой, умылась и устроилась в кресле.

Эрг Ноор, освеженный волновым душем, занял ее место у приборов. Проверив показания индикаторов ОЭС — охраны электронных связей, он начал расхаживать стремительными шагами. Блестящие, обведенные темными кругами карие глаза украдкой следили за ним.

— Почему не спите? — повелительно спросил он астронавигатора.

Та тряхнула коротко остриженными рыжими кудрями — женщины во внеземных экспедициях не носили длинных волос.

— Я думаю... — нерешительно начала она, — и сейчас, на грани опасности, преклоняюсь перед могуществом и величием человека, проникнувшего далеко в глубины пространств. Вам здесь многое привычно, а я первый раз в космосе. Подумать только — я участник грандиозного пути через звезды к новым мирам!

Эрг Ноор слабо улыбнулся и потер лоб.

— Я должен вас разочаровать — вернее, показать истинный масштаб нашего могущества. Вот, — он остановился у проектора, и на задней стенке рубки появилась светящаяся спираль Галактики.

Эрг Ноор показал на едва заметную среди окружавшего мрака разлохмаченную краевую ветвь спирали из редких звезд, казавшихся тусклой пылью.

— Вот пустынная область Галактики, бедная светом и жизнью окраина, где находится наша солнечная система и мы сей-

час. Но и эта ветвь, видите, простирается от Лебедя до Киля Корабля и, вдобавок к общей удаленности от центральных зон, содержит затемняющее облако, здесь... Чтобы пройти вдоль этой ветви, нашей «Тантре» понадобится около сорока тысяч независимых лет. Черный прогал пустого пространства, отделяющий нашу ветвь от соседней, мы пересекли бы за четыре тысячи лет. Видите, наши полеты в безмерные глубины пространства — это пока еще топтание на крохотном пятнышке диаметром в полсотни световых лет! Как мало знали бы мы о мире, если бы не могущество Кольца! Сообщения, мысли, образы, посланные из непобедимого для человеческой короткой жизни пространства, рано или поздно достигают нас, и мы познаем все более отдаленные миры. Все больше накапливается знаний, и эта работа идет непрерывно!

Низа притихла.

— Первые межзвездные полеты... — задумчиво продолжал Эрг Ноор. — Небольшие корабли, не обладавшие ни скоростью, ни мощными защитными устройствами. Да и жили наши предки вдвое меньше нас — вот когда было истинное величие человека!

Низа упрямо вскинула голову, как обычно, когда высказывала свое несогласие.

— Потом, когда найдут иные способы побеждать пространство, а не ломиться напрямик сквозь него, скажут про вас — вот герои, завоевавшие космос такими первобытными средствами!

Начальник экспедиции весело улыбнулся и протянул руку к девушке.

— И про вас, Низа!

Та вспыхнула.

— Я горжусь тем, что здесь, вместе с вами! И готова отдать все, чтобы снова и снова побывать в космосе.

— Да, я знаю, — задумчиво сказал Эрг Ноор. — Но не все так думают!..

Девушка женским чутьем поняла мысли начальника. В его каюте есть два стереопортрета в чудесном фиолетово-золотистом цвете. На обоих — она, красавица Веда Конг, историк древнего мира, с прозрачным взглядом голубых, как земное небо, глаз под крылатым взмахом длинных бровей. Загорелая, ослепительно улыбающаяся, поднявшая руки к пепельным волосам. И хохочущая на медной корабельной пушке — памятнике незапамятной древности.

Эрг Ноор, утратив стремительность, медленно сел напротив астронавигатора.

— Если бы вы знали, Низа, как грубо судьба погубила мою мечту там, на Зирде! — вдруг глухо сказал он и осторожно положил пальцы на рукоятку пуска анамезонных двигателей, как будто собираясь предельно ускорить стремительный бег звездолета. — Если бы Зирда не погибла и мы могли получить горючее, — продолжал он в ответ на немой вопрос собеседницы, — я повел бы экспедицию дальше. Так было условлено с Советом. Зирда сообщила бы на Землю, что требовалось, а «Тантра» ушла бы с теми, кто захотел... Оставшихся взял бы «Альграб», который после дежурства здесь был бы вызван к Зирде.

— Но кто бы остался на Зирде? — возмущенно воскликнула девушка. — Разве Пур Хисс? Но он большой ученый, неужели и его не повлекло бы знание?

— А вы, Низа?

— Я? Конечно!

— Но... куда? — вдруг твердо спросил Эрг Ноор, пристально глядя на девушку.

— Куда угодно, хоть... — Она показала на черную бездну между двумя рукавами звездной спирали Галактики, возвратив Ноору такой же пристальный взгляд и слегка приоткрыв губы.

— О, не так далеко! Вы знаете, Низа, милый астронавигатор, что около восьмидесяти пяти лет назад была тридцать четвертая звездная экспедиция, прозванная «Ступенчатой». Три звездолета, снабжая друг друга горючим, отдалялись все дальше от Земли в направлении созвездия Лиры. Те два, что не несли экипажа исследователей, отдали анамезон и возвратились обратно. Так восходили на высочайшие горы спортсмены-альпинисты. Наконец третий, «Парус»...

— Тот, не вернувшийся!.. — взволнованно шепнула Низа.

— Да. «Парус» не вернулся. Но он дошел до цели и погиб на обратном пути, успев послать сообщение. Целью была большая планетарная система голубой звезды Веги, или Альфы Лиры. Сколько человеческих глаз в бесчисленных поколениях любовались этой яркой синей звездой северного неба! Вега отстоит на восемь парсек, или на тридцать один год пути по независимому времени, и люди еще не отдалялись от нашего Солнца на такие расстояния. Как бы то ни было, «Парус» достиг цели... Причина его гибели неизвестна — метеорит или крупная неисправность. Возможно, что он сейчас еще несется в пространстве и герои, которых мы считаем мертвыми, еще живут...

— Как ужасно!

— Такова судьба каждого звездолета, который не может идти с субсветовой скоростью. Между ним и родной планетой сразу встают тысячелетия пути.

— Что сообщил «Парус»? — быстро спросила девушка.

— Очень немногое. Сообщение прерывалось и потом совсем замолкло. Я помню его дословно: «Я Парус, я Парус, иду от Веги двадцать шесть лет... достаточно... буду ждать... четыре планеты Веги... ничего нет прекраснее... какое счастье!..»

— Но они звали на помощь, где-то хотели ждать!

— Конечно, на помощь, иначе звездолет не стал бы расходовать чудовищную энергию на посылку сообщения. Что же было делать — больше ни слова от «Паруса» не поступило.

— Двадцать шесть независимых лет обратного пути. До Солнца осталось около пяти лет... Корабль был где-то в нашем районе или еще ближе к Земле.

— Вряд ли... Разве в том случае, если превысил нормальную скорость и шел близко к квантовому пределу. Но это очень опасно!

Эрг Ноор коротко пояснил расчетные основания разрушительного скачка в состоянии материи по приближении к скорости света, но заметил, что девушка слушает невнимательно.

— Я поняла вас! — воскликнула она, едва начальник экспедиции закончил свои объяснения. — Я поняла бы сразу, но гибель звездолета мне заслонила смысл... Это всегда так ужасно, и с этим невозможно примириться!

— Теперь до вас дошло основное в сообщении, — хмуро сказал Эрг Ноор. — Они открыли какие-то особенно прекрасные миры. И я давно уже мечтаю повторить путь «Паруса» — с новыми усовершенствованиями это теперь возможно и с одним кораблем. С юности я живу мечтой о Веге — синем солнце с прекрасными планетами!

— Увидеть такие миры... — прерывающимся голосом произнесла Низа.

— Но чтобы вернуться, надо шестьдесят земных, или сорок независимых, лет... Тогда это... полжизни.

— Да, большие достижения требуют больших жертв. Но для меня это даже не жертва. Моя жизнь на Земле была лишь короткими перерывами звездных путей. Ведь я родился на звездолете!

— Как это могло случиться? — поразилась девушка.

— Тридцать пятая звездная состояла из четырех кораблей. На одном из них моя мать была астрономом. Я родился на полпути к двойной звезде МН19026+7АЛ и тем самым дважды нарушил законы. Дважды потому, что рос и воспитывался у родителей на звездолете, а не в школе. Что было делать! Когда экспедиция вернулась на Землю, мне было уже восемнадцать лет. В подвиги Геркулеса — совершеннолетия — мне засчита-

ли то, что я обучился искусству вести звездолет и стал астронавигатором.

— Но я все-таки не понимаю... — начала Низа.

— Мою мать? Станете старше — поймете! Тогда сыворотка АТ — Анти-Тья — еще не могла долго сохраняться. Врачи не знали этого... Как бы то ни было, меня приносили сюда, в такой же пост управления, и я таращил свои полубессмысленные глазенки на экраны, следя за качающимися в них звездами. Мы летели в направлении Теты Волка, где оказалась близкая к Солнцу двойная звезда. Два карлика — синий и оранжевый, скрытые темным облаком. Первым сознательным впечатлением было небо безжизненной планеты, которое я наблюдал из-под стеклянного купола временной станции. На планетах двойных звезд обычно не бывает жизни из-за неправильности их орбит. Экспедиция совершила высадку и в течение семи месяцев вела горные исследования. — Там, насколько помню, оказалось чудовищное богатство платины, осмия и иридия. Невероятно тяжелые кубики иридия стали моими игрушками. И это небо, первое мое небо, черное, с чистыми огоньками немигающих звезд и двумя солнцами невообразимой красоты — ярко-оранжевым и густо-синим. Помню, что иногда потоки их лучей перекрещивались, и тогда на нашу планету лился такой могучий и веселый зеленый свет, что я кричал и пел от восторга!.. — Эрг Ноор закончил: — Довольно, я увлекся воспоминаниями, а вам давно пора отдыхать.

— Продолжайте, я никогда не слышала ничего интереснее, — взмолилась Низа, но начальник оказался непреклонен.

Он принес пульсирующий гипнотизатор, и от повелительных ли глаз или от снотворного прибора девушка уснула так крепко, что очнулась накануне поворота на шестой круг. Уже по холодному лицу начальника Низа поняла, что «Альграб» так и не появился.

— Вы проснулись в нужное время! — объявил он, едва Низа вернулась, приведя себя в порядок после электрического и волнового купания. — Включайте музыку и свет пробуждения. Всем!

Низа быстро нажала ряд кнопок, и во всех каютах звездолета, где спали члены экспедиции, стали перемежаться вспышки света и раздалась особая, постепенно усиливающаяся музыка низких вибрирующих аккордов. Началось постепенное, осторожное пробуждение заторможенной нервной системы и возвращение ее к нормальной деятельности. Спустя пять часов в центральном посту управления звездолета собрались все окончательно пришедшие в себя участники экспедиции, подкрепленные едой и нервными стимуляторами.

Известие о гибели вспомогательного звездолета каждый принял по-разному. Как и ожидал Эрг Ноор, экспедиция оказалась на высоте положения. Ни слова отчаяния, ни взгляда испуга. Пур Хисс, проявивший себя не слишком храбрым на Зирде, не дрогнув встретил сообщение. Молодая Лума Ласви — врач экспедиции — только чуть побледнела и украдкой облизнула пересохшие губы.

— Вспомним о погибших товарищах! — сказал начальник, включая экран проектора, на котором появился «Альграб», снятый перед отлетом «Тантры».

Все встали. Медленно сменялись на экране фотографии то серьезных, то улыбающихся людей — семи человек экипажа «Альграба». Эрг Ноор называл каждого по имени, и путешественники отдавали прощальное приветствие погибшему. Таков был обычай астролетчиков. Звездолеты, отправлявшиеся совместно, всегда имели комплекты фотографий всех людей экспедиции. Исчезнувшие корабли могли долго скитаться в космическом пространстве, и их экипажи еще долго могли оставаться в живых. Это не имело значения — корабль никогда не возвращался. Разыскать его, подать помощь не было никакой реальной возможности. Конструкция машин кораблей достигла уже такого совершенства, что мелкие поломки почти никогда не случались или легко подвергались исправлению. Серьезная авария машин еще ни разу не была ликвидирована в космосе. Иногда корабли успевали, как «Парус», подать последнее сообщение. Но большая часть сообщений не достигала цели: точно ориентировать их было невероятно трудно. Передачи Великого Кольца за тысячелетия разведали точные направления и могли, кроме того, варьировать их, передавая с планеты на планету. Звездолеты обычно находились в неизученных областях, где направления передачи могли быть лишь случайно угаданы.

Среди астролетчиков господствовало убеждение, что в космосе существуют, кроме всего, какие-то нейтральные поля, или нуль-области, в которых все излучения и сообщения тонут, как камни в воде. Но астрофизики до сих пор считали нольполя досужей выдумкой склонных к чудовищным фантазиям путешественников космоса.

После печального обряда и совещания, не занявшего много времени, Эрг Ноор включил анамезонные двигатели. Через двое суток они замолчали, и звездолет стал приближаться к родной планете на двадцать один миллиард километров в сутки. До Солнца осталось приблизительно шесть земных (независимых) лет пути. В центральном посту и библиотеке-лаборатории закипела работа: вычислялся и прокладывался новый курс.

Надо было пролететь все шесть лет, расходуя анамезон только на исправление курса корабля. Иными словами, следовало вести звездолет, тщательно сберегая ускорение. Всех тревожила неисследованная область 344+2У между Солнцем и «Тантрой», обойти которую никак не удавалось: по сторонам ее до Солнца встречались зоны свободных метеоритов, кроме того, при повороте корабль лишался ускорения.

Спустя два месяца вычисленная линия полета была готова. «Тантра» стала описывать пологую кривую равного напряжения.

Великолепный корабль был в полной исправности, скорость полета держалась в вычисленных пределах. Теперь только время — около четырех зависимых лет полета — лежало между звездолетом и родиной.

Эрг Ноор и Низа, отдежурившие свой срок и усталые, погрузились в долгий сон. Вместе с ними ушли во временное небытие два астронома, геолог, биолог, врач и четыре инженера.

В дежурство вступила следующая очередь — опытный астронавигатор Пел Лин, проделывавший свою вторую экспедицию, астроном Ингрид Дитра и добровольно присоединившийся к ним электронный инженер Кэй Бэр. Ингрид, с разрешения Пела Лина, часто удалялась в библиотеку рядом с постом управления. Вместе с Кэй Бэром, своим давним другом, она писала монументальную симфонию «Гибель планеты», вдохновленная трагической Зирдой. Пел Лин, устав от музыки приборов и созерцания черных провалов космоса, усаживал за пульт Ингрид, а сам с увлечением принимался за расшифровку таинственных надписей, доставленных с загадочно покинутой обитателями планеты в системе ближайших звезд Центавра. Он верил в успех своего невозможного предприятия.

Еще два раза сменялись дежурные, звездолет приблизился к Земле почти на десять тысяч миллиардов километров, а анамезонные моторы включались всего на несколько часов.

Подходило к концу дежурство группы Пела Лина, четвертого с тех пор, как «Тантра» ушла с места несостоявшейся встречи с «Альграбом».

Астроном Ингрид Дитра, закончив вычисления, повернулась к Пелу Лину, меланхолически следившему за непрерывным трепетанием красных стрелок измерителей напряжения гравитации на голубых градуированных дужках. Обычное замедление психических реакций, которого не избегали самые крепкие люди, сказывалось во второй половине дежурства. Звездолет месяцы и годы шел под автоматическим управлением по заданному курсу. Если внезапно случалось какое-нибудь из ряда вон выходящее происшествие, непосильное для суждения

управляющего звездолетом автомата, то обычно оно вело к гибели корабля, ибо не спасало и вмешательство людей. Человеческий мозг, как бы хорошо тренирован он ни был, не мог реагировать с потребной скоростью.

— По-моему, мы давно углубились в неизученный район 344+2У. Начальник хотел дежурить здесь сам, — обратилась Ингрид к астронавигатору.

Пел Лин взглянул на счетчик дней.

— Два дня еще, и нам все равно сменяться. Пока не предвидится ничего, что стоило бы внимания. Доведем дежурство до конца?

Ингрид согласно кивнула. Из кормовых помещений вышел Кэй Бэр и занял свое обычное кресло около стойки механизмов равновесия. Пел Лин зевнул и поднялся.

— Я посплю несколько часов, — обратился он к Ингрид.

Та послушно перешла от своего стола вперед к пульту управления.

«Тантра» шла, не раскачиваясь, в абсолютной пустоте. Ни одного, даже далекого, метеорита не обнаруживалось сверхчувствительными приборами Волла Хода. Курс звездолета лежал сейчас немного в сторону от Солнца — примерно на полтора года полета. Экраны переднего обзора чернели поразительной пустотой — казалось, звездолет направлялся в самое сердце тьмы. Только из боковых телескопов по-прежнему вонзались в экраны иглы света бесчисленных звезд.

Странное тревожное ощущение пробежало по нервам астронома. Ингрид вернулась к своим машинам и телескопам, снова и снова проверяя их показания и картируя неизвестный район. Все было спокойно, а между тем Ингрид не могла оторвать глаз от зловещей тьмы перед носом корабля. Кэй Бэр заметил ее беспокойство и долго прислушивался и приглядывался к приборам.

— Не нахожу ничего, — наконец заметил он. — Что тебе показалось?

— Сама не знаю, тревожит эта необычная тьма впереди. Мне кажется, что наш корабль идет прямиком в темную туманность.

— Темное облако должно быть здесь, — подтвердил Кэй Бэр, — но мы только «чиркнем» по его краю. Так и вычислено! Напряжение поля тяготения возрастает равномерно и слабо. На пути через этот район мы обязательно должны приблизиться к какому-то гравитационному центру. Не все ли равно — темному или светящему?

— Все это так, — более спокойно сказала Ингрид.

— Тогда о чем ты тревожишься? Мы идем по заданному курсу даже быстрее намеченного. Если ничего не изменится, то мы дойдем до Тритона даже с нашей нехваткой горючего.

Ингрид почувствовала, как радость загорается в ней при одной мысли о Тритоне, спутнике Нептуна, и станции звездолетов, построенной на нем на внешней окраине солнечной системы. Попасть на Тритон значило вернуться домой...

— Я думал, мы с тобой займемся музыкой, но Лин ушел отдыхать. Он будет спать часов шесть-семь, а я пока подумаю один над оркестровкой финала второй части — знаешь, где у нас никак не удается интегральное вступление угрозы. Вот это... — Кэй пропел несколько нот.

— Ди-и, ди-и, да-ра-ра, — внезапно откликнулись, казалось, сами стены поста управления.

Ингрид вздрогнула и оглянулась, но через мгновение сообразила. Напряжение поля тяготения возросло, и приборы откликнулись изменением мелодии аппарата искусственной гравитации.

— Забавное совпадение! — слегка виновато рассмеялась она.

— Пришло усиление гравитации, как и нужно для темного облака. Теперь ты можешь быть совершенно спокойна, и пусть себе Лин спит.

С этими словами Кэй Бэр вышел из поста управления. В ярко освещенной библиотеке он уселся за маленький электронный скрипкорояль и весь ушел в работу. Вероятно, прошло несколько часов, когда герметическая дверь библиотеки распахнулась и появилась Ингрид.

— Кэй, милый, разбуди Лина.

— Что случилось?

— Напряжение поля тяготения нарастает больше, чем должно быть по расчетам.

— А впереди?

— По-прежнему тьма! — Ингрид скрылась.

Кэй Бэр разбудил астронавигатора. Тот вскочил и ринулся в центральный пост к приборам.

— Ничего угрожающего нет. Только откуда здесь такое поле тяготения? Для темного облака оно слишком мощно, а звезды здесь нет... — Лин подумал и нажал кнопку пробуждения каюты начальника экспедиции, еще подумал и включил каюту Низы Крит.

— Если ничего не произойдет, тогда они попросту сменят нас, — пояснил он встревоженной Ингрид.

— А если произойдет? Эрг Ноор сможет прийти к нормали только через пять часов. Что делать?

— Ждать, — спокойно ответил астронавигатор. — Что может случиться за пять часов здесь, так далеко от всех звездных систем?..

Тональность звучания приборов непрерывно понижалась, без отсчетов говоря об изменении обстановки полета. Напряженное ожидание потянулось медленно. Два часа прошли точно целая смена. Пел Лин внешне оставался спокоен, но волнение Ингрид уже захватило Кэй Бэра. Он часто оглядывался на дверь рубки управления, ожидая, как всегда, стремительного появления Эрга Ноора, хотя и знал, что пробуждение от долговременного сна идет медленно.

Продолжительный звонок заставил всех вздрогнуть.

Ингрид уцепилась за Кэй Бэра.

— «Тантра» в опасности! Напряжение поля стало в два раза выше расчетного!

Астронавигатор побледнел. Подошло неожиданное — оно требовало немедленного решения. Судьба звездолета находилась в его руках. Неуклонно увеличивавшееся тяготение требовало замедления хода корабля не только из-за возрастания тяжести в корабле, но и потому, что, очевидно, прямо по курсу находилось большое скопление плотной материи. Но после замедления набирать новое ускорение было нечем! Пел Лин стиснул зубы и повернул рукоятку включения ионных планетарных двигателей-тормозов. Звонкие удары вплелись в мелодию приборов, заглушая тревожный звон аппарата, вычислявшего соотношение силы тяготения и скорости. Звонок выключился, и стрелки подтвердили успех — скорость снова стала безопасной, придя к норме с возрастающей гравитацией. Но едва Пел Лин выключил торможение, как звон раздался снова — грозная сила тяготения требовала замедления хода. Стало очевидно, что звездолет шел прямо к могучему центру тяготения.

Астронавигатор не решился изменить курс — произведение большого труда и величайшей точности. Пользуясь планетарными двигателями, он тормозил звездолет, хотя уже становилась очевидной ошибка курса, проложенного через неведомую массу материи.

— Поле тяготения велико, — вполголоса заметила Ингрид. — Может быть...

— Надо еще замедлить ход, чтобы повернуть! — воскликнул астронавигатор. — Но чем же потом ускорить полет?.. — Губительная нерешительность прозвучала в его словах.

— Мы уже пронизали внешнюю вихревую зону, — отозвалась Ингрид, — идет непрерывное и быстрое нарастание гравитации.

Посыпались частые звенящие удары — планетарные моторы заработали автоматически, когда управлявшая кораблем электронная машина почувствовала впереди огромное скопление материи. «Тантра» принялась раскачиваться. Как ни замедлял свой ход звездолет, но люди в посту управления начали терять сознание. Ингрид упала на колени. Пел Лин в своем кресле старался поднять налившуюся свинцом голову, Кэй Бэр ощутил бессмысленный, животный страх и детскую беспомощность.

Удары двигателей зачастили и перешли в непрерывный гром. Электронный «мозг» корабля вел борьбу вместо своих полубесчувственных хозяев, по-своему могучий, но недалекий, так как не мог предвидеть сложных последствий и придумать выход из исключительных случаев.

Раскачивание «Тантры» ослабело. Стерженьки, показывавшие запасы планетарных ионных зарядов, быстро поползли вниз. Очнувшийся Пел Лин сообразил, что тяготение возрастает слишком стремительно, — надо немедля принимать экстренные меры для остановки корабля, а затем резкого изменения курса.

Пел Лин передвинул рукоятку анамезонных двигателей. Четыре высоких цилиндра из нитрида бора, видимые в специальную прорезь пульта, засветились изнутри. Яркое зеленое пламя забилось в них бешеной молнией, заструилось и закрутилось четырьмя плотными спиралями. Там, в носовой части корабля, сильное магнитное поле облекло стенки моторных сопел, спасая их от немедленного разрушения.

Астронавигатор передвинул рукоять дальше. Сквозь зеленую вихревую стенку стал виден направляющий луч — серовато-поток К-частиц. Еще движение, и вдоль серого луча прорезалась ослепительная фиолетовая молния — сигнал, что анамезон начал свое стремительное истечение. Весь корпус звездолета откликнулся почти неслышной, трудноперенесимой высокочастотной вибрацией...

Эрг Ноор, приняв необходимую дозу пищи, лежал в полусне под невыразимо приятным электромассажем нервной системы. Медленно отходила пелена забытья, еще окутывавшая мозг и тело. Пробуждающая мелодия звучала мажорнее в нарастающей частоте ритма...

Внезапно что-то недоброе вторглось извне, прервало радость пробуждения от девяностодневного сна. Эрг Ноор осознал себя начальником экспедиции и принялся отчаянно бороться, пытаясь вернуть нормальное сознание. Наконец он сообразил, что звездолет экстренно тормозится анамезонными двигателями — следовательно, что-то случилось. Он попытался встать. Но тело еще не слушалось, ноги подогнулись, и он

мешком упал на пол своей каюты. Все же ему удалось проползти до двери, открыть ее. В коридоре Эрг Ноор поднялся на четвереньки и ввалился в центральный пост.

Уставившиеся на экраны и циферблаты, люди испуганно оглянулись и подскочили к начальнику. Тот, не в силах встать, выговорил:

— Экраны, передние... переключите на инфракрасную... остановите... моторы!

Боразоновые цилиндры погасли одновременно с умолкшей вибрацией корпуса. На правом переднем экране появилась огромная звезда, светившая тусклым красно-коричневым светом. На мгновение все оцепенели, не сводя глаз с громадного диска, возникшего из тьмы прямо перед носом корабля.

— О глупец! — горестно воскликнул Пел Лин. — Я был убежден, что мы около темного облака! А это...

— Железная звезда! — с ужасом воскликнула Ингрид Дитра.

Эрг Ноор, придерживаясь за спинку кресла, встал с пола. Его обычно бледное лицо приняло синеватый оттенок, но глаза загорелись всегдашним острым огнем.

— Да, это железная звезда, — медленно сказал он, — ужас астролетчиков!

Никто не подозревал ее в этом районе, и взоры всех дежурных обратились к нему с надеждой.

— Я думал только об облаке, — тихо и виновато сказал Пел Лин.

— Темное облако с такой силой гравитации должно внутри состоять из твердых, сравнительно крупных частиц, и «Тантра» уже погибла бы. Избежать столкновения в таком рое невозможно, — твердо и тихо сказал начальник.

— Но резкие изменения напряжения поля, какие-то завихрения? Разве это не прямое указание на облако?

— Или на то, что у звезды есть планета.

Начальник ободряюще кивнул головой и сам нажал кнопки пробуждения.

— Быстрее сводку наблюдений! Вычислим изограви!

Звездолет опять покачнулся. В экране с колоссальной быстротой мелькнуло что-то невероятно огромное, пронеслось назад и исчезло.

— Вот и ответ... Обогнали планету. Скорее, скорее за работу! — Взгляд начальника упал на счетчики горючего. Он крепче впился в спинку кресла, хотел что-то сказать и умолк.

Глава вторая
ЭПСИЛОН ТУКАНА

Тихий стеклянный звон возник на столе в сопровождении оранжевых и голубых огоньков. По прозрачной перегородке заискрились разноцветные блики. Заведующий внешними станциями Великого Кольца Дар Ветер продолжал следить за светом Спиральной Дороги. Ее гигантская дуга горбилась в высоте, прочерчивая по краю моря матово-желтую полосу отражения. Не отрывая от нее взгляда, Дар Ветер вытянул руку и переставил рычажок на Р — размышление не окончилось. Сегодня в жизни этого человека происходила крупная перемена. Утром из жилого пояса южного полушария прибыл его преемник Мвен Мас, выбранный Советом Звездоплавания. Последнюю передачу по Кольцу они проведут вместе, потом... Вот это «потом» и осталось еще нерешенным. Шесть лет он выдерживал требовавшую неимоверного напряжения работу, для которой подбирались люди выдающихся способностей, отличавшиеся великолепной памятью и широтой, энциклопедичностью познаний. Когда со зловещим упорством стали повторяться приступы равнодушия к работе и жизни — одного из самых тяжелых заболеваний человека, — Эвда Наль, знаменитый психиатр, исследовала его. Испытанный старый способ — музыка грустных аккордов в пронизанной успокоительными волнами комнате голубых снов — не помог. Осталось лишь переменить род деятельности и лечиться физическим трудом там, где нужна была еще повседневная и ежечасная мускульная работа. Его милый друг — историк Веда Конг — вчера предложила работать у нее раскопщиком. На археологических раскопках машины не могли проделывать все работы — конечный этап выполнялся человеческими руками. В добровольцах недостатка не было, но Веда обещала ему долгую поездку в область древних степей, в близости с природой.

Если бы Веда Конг!.. Впрочем, она знает все до конца. Веда любит Эрга Ноора, члена Совета Звездоплавания начальника тридцать седьмой звездной экспедиции. Эрг Ноор должен был дать знать о себе с планеты Зирда. Но если нет никакого сообщения, а все расчеты межзвездных полетов исключительно точны, не годится думать о завоевании любви Веды! Вектор дружбы — вот все самое большое, что связывает ее с ним. И все же он поедет работать у нее!

Дар Ветер передвинул рычаг, нажал кнопку, и комната залилась ярким светом. Хрустальное окно составляло стену развернутого на простор помещения, вознесенного над землей и

морем. Поворотом другого рычажка Дар Ветер наклонил эту стену на себя, и помещение открылось звездному небу, отрезав металлической рамой огни дорог, строений и маяки морского побережья внизу.

Циферблат галактических часов с тремя концентрическими кольцами делений приковал внимание Дар Ветра. Передача информации по Великому Кольцу шла по галактическому времени, каждую стотысячную галактической секунды, или раз в восемь дней, сорок пять раз в год по земному счету времени. Один оборот Галактики вокруг оси составлял галактические сутки.

Очередная и последняя для него передача наступила в девять часов утра по времени Тибетской обсерватории — следовательно, в два часа ночи здесь, на Средиземноморской обсерватории Совета. Осталось немногим больше двух часов.

Прибор на столе зазвонил и замигал снова. За перегородкой показался человек в светлой, отливавшей шелковистым блеском одежде.

— Мы приготовились к передаче и приему, — коротко бросил он, не выказывая никаких внешних знаков почтительности, хотя во взгляде скрывалось восхищение начальником.

Дар Ветер молчал, молчал и помощник, стоя в свободной позе, с гордой осанкой.

— В кубическом зале? — наконец спросил Дар Ветер и, получив утвердительный ответ, осведомился, где Мвен Мас.

— У аппарата утренней свежести. Принимает настройку после дороги. К тому же, мне кажется, он взволнован...

— Я бы волновался на его месте тоже, — задумчиво произнес Дар Ветер. — Так было шесть лет назад...

Помощник порозовел от усилий оставаться бесстрастным. Он с юношеским пылом сочувствовал своему начальнику, быть может сознавая, что сам когда-то пройдет через радости и горе большой работы и великой ответственности. Заведующий внешними станциями ничем не выразил своих переживаний — считалось неприличным обнаруживать их в его годы.

— Когда Мвен Мас появится, сразу ведите его ко мне.

Помощник удалился. Дар Ветер подошел к углу, где прозрачная перегородка была зачернена от потолка до пола, и широким жестом раскрыл две створки, заделанные в панели цветного дерева. Вспыхнул свет, исходивший откуда-то из глубины похожего на зеркало экрана.

Заведующий внешними станциями с помощью отдельной клеммы включил вектор дружбы — прямое соединение, проводившееся между связанными глубокой дружбой людьми, чтобы общаться между собою в любой момент. Вектор дружбы соеди-

нял несколько мест постоянного пребывания человека — жилище, место работы, излюбленный уголок отдыха.

Экран засветился, в глубине его обозначились знакомые сочетания высоких панелей с бесчисленными столбцами закодированных обозначений электронных фильмов, заменивших архаические фотокопии книг. Когда человечество перешло на единый алфавит, названный линейным по отсутствию сложных знаков, фильмование даже старых книг стало еще более простым и доступным автоматическим машинам. Синие, зеленые, красные полосы — знаки центральных фильмотек, где хранились научные исследования, давно уже издававшиеся всего в десятке экземпляров. Стоило набрать условный ряд знаков, и хранилище-фильмотека автоматически передавало полный текст книги-фильма. Эта машина и была личной библиотекой Веды. Легкий щелчок — изображение угасло и вновь засветилось, показав другую комнату, также пустую. Со вторым щелчком прибор перенес изображение в зал со слабо освещенными столиками-пультами. Сидевшая у ближайшего стола женщина подняла голову, и Дар Ветер узнал милое узкое лицо с большими серыми глазами. Белозубая улыбка крупного, смело очерченного рта приподнимала щеки холмиками по сторонам чуть вздернутого носа с детски закругленным кончиком, и от этого лицо становилось еще мягче и приветливее.

— Веда, осталось два часа. Надо переодеться, а мне хотелось, чтобы вы пришли в обсерваторию пораньше.

Женщина на экране подняла руки к густым светло-пепельным волосам.

— Повинуюсь, мой Ветер, — тихо рассмеялась она, — иду домой.

Ухо Дар Ветра не обманула веселость тона.

— Храбрая Веда, успокойтесь. Каждый, кто выступает по Великому Кольцу, когда-нибудь выступал впервые...

— Не тратьте слов, чтобы развлечь меня, — упрямо подняла голову Веда Конг, — я скоро буду.

Экран погас. Дар Ветер прикрыл створки и повернулся, чтобы встретить своего заместителя. Мвен Мас вошел широкими шагами. Черты лица и темно-коричневый цвет гладкой блестящей кожи указывали на его происхождение от негритянских предков. Белый плащ спадал тяжелыми складками с могучих плеч. Мвен Мас сжал обе ладони Дар Ветра в своих крепких худых руках. Оба начальника внешних станций — бывший и будущий — были очень высокими. Ветер, чья родословная шла от русского народа, казался шире и массивнее более стройного африканца.

— Мне кажется, сегодня должно произойти нечто важное, — начал Мвен Мас с той доверчивой прямотой, которая отличала людей Эры Великого Кольца.

Дар Ветер пожал плечами.

— Важное произойдет для всех трех. Я отдам мою работу, вы ее возьмете, а Веда Конг впервые будет говорить со Вселенной.

— Она очень красива? — полувопросом-полуутверждением откликнулся Мвен Мас.

— Увидите. Впрочем, в сегодняшней передаче нет ничего особенного. Веда прочтет лекцию по нашей истории для планеты КРЗ 664456+БШ 3252.

Мвен Мас проделал в уме поразительно быстрое вычисление.

— Созвездие Единорога, звезда Росс 614, планетная система известна с незапамятных времен, но они ничем себя не проявляли. Я люблю старинные названия и слова, — с чуть заметной ноткой извинения добавил он.

Дар Ветер подумал, что Совет умеет выбирать людей. Вслух он сказал:

— Тогда вам будет хорошо с Юнием Антом — заведующим электронными запоминающими машинами. Он величает себя заведующим лампами памяти. Не от лампы — убогого светильника древности, а от первых электронных приборов, неуклюжих, в стеклянных колпаках, с выкачанным воздухом, напоминавших тогдашние электрические светильники.

Мвен Мас рассмеялся так задушевно и открыто, что Дар Ветер почувствовал, как растет его симпатия к этому человеку.

— Лампы памяти! Наши памятные сети — коридоры в километры длиной, составленные из миллиардов элементов-клеточек! Но, — спохватился он, — я даю волю своим чувствам, а не уяснил необходимого. Когда заговорила Росс 614?

— Пятьдесят два года назад. С тех пор они овладели языком Великого Кольца. До них всего четыре парсека. Лекцию Веды они получат через тринадцать лет.

— А потом?

— После лекции — прием. Через наших старых друзей мы получаем какие-нибудь новости по Кольцу.

— Через шестьдесят один Лебедя?

— Ну конечно. Или иногда через сто семь Змееносца, пользуясь вашей старинной терминологией.

Вошел человек в той же серебристой одежде Совета Звездоплавания, как и помощник Дар Ветра. Невысокий, живой и горбоносый, он располагал к себе острым, внимательным

взглядом темных, как вишни, глаз. Вошедший потер свою круглую гладкую голову.

— Я Юний Ант, — назвал он себя высоким резким голосом, очевидно, адресуясь к Мвену Масу.

Тот почтительно приветствовал его. Заведующие памятными машинами превосходят всех ученостью. Они решали, что из полученных сообщений следует увековечить в памятных машинах, что направить в линию общей информации или дворцы творчества.

— Еще один из бреваннов, — проворчал Юний Ант, пожимая руку новому знакомцу.

— Что такое? — не понял Мвен Мас.

— Моя выдумка. На латинском языке. Так я прозвал всех недолго живущих — работников внешних станций, летчиков межзвездного флота, техников заводов звездолетных двигателей. Ну, и нас с вами. Мы тоже не живем больше половины нормальной продолжительности жизни. Что делать, зато интересно! Где Веда?

— Хотела быть пораньше... — начал Дар Ветер.

Его слова были заглушены тревожными музыкальными аккордами, раздавшимися вслед за звонким щелчком на циферблате часов Галактики.

— Предупредительный по всей Земле. Всем энергостанциям, всем заводам, сетевому транспорту и радиостанциям. Через полчаса прекратить отпуск энергии и накопить ее в емкостных конденсаторах достаточно, чтобы пробить атмосферу каналом направленного излучения. Передача возьмет сорок три процента земной энергии. Прием — лишь на поддержание канала восемь процентов, — пояснял Дар Ветер.

— Именно так я себе и представлял это, — кивал головой Мвен Мас.

Вдруг его сосредоточенный взгляд загорелся восхищением. Дар Ветер оглянулся. Незамеченная ими, у светящейся прозрачной колонны стояла Веда Конг. Для выступления она надела лучший из нарядов, наиболее красивший женщину и изобретенный тысячи лет назад, в эпоху критской культуры.

Тяжелый узел пепельных волос, высоко подобранных на затылке, не отягощал сильной стройной шеи. Гладкая кожа обнаженных плеч слегка поблескивала под мягким светом ламп. Низко открытая грудь поддерживалась корсажем из голубой ткани. Широкая и короткая юбка, расшитая по серебряному полю голубыми цветами, открывала голые загорелые ноги в туфельках вишневого цвета. Крупные, нарочито грубо заделанные в золотую цепь вишневые камни — фаанты с Венеры —

горели на нежной коже в тон пылавшим от волнения щекам и маленьким ушам.

Мвен Мас, впервые видевший ученого-историка, рассматривал ее с нескрываемым восхищением. Веда подняла встревоженные глаза на Дар Ветра.

— Хорошо, — ответил он на немой вопрос своего прекрасного друга.

— Я много раз выступала, но не так, — заговорила Веда Конг.

— Совет следует обычаю. Сообщения для разных планет всегда читали красивые женщины. Это дает представление о чувстве прекрасного обитателей нашего мира, вообще говорит о многом, — продолжал Дар Ветер.

— Совет не ошибся выбором! — воскликнул Мвен Мас.

Веда проницательно посмотрела на африканца.

— Вы одиноки? — тихо спросила она. Мвен Мас утвердительно кивнул головой.

— Вот поэтому вы и восхищаетесь... Вы хотели поговорить со мной, — повернулась она к Дар Ветру.

Друзья вышли на широкую кольцевую террасу, и Веда с наслаждением подставила лицо свежему морскому ветру.

Заведующий внешними станциями рассказал о своих колебаниях в выборе новой работы; тридцать восьмая звездная экспедиция, или антарктические подводные рудники, или археология.

— О нет, только не звездная! — воскликнула Веда, и Дар Ветер ощутил свою бестактность. Увлеченный переживаниями, он нечаянно задел больное место в душе Веды.

Ему на помощь пришла мелодия тревожных аккордов, донесшаяся на балкон.

— Пора, полчаса до включения в Кольцо! — Дар Ветер осторожно взял Веду Конг за руку. В сопровождении остальных они спустились по движущейся лестнице в глубокое подземелье — высеченную в скале кубическую комнату.

Здесь не было ничего, кроме приборов, матовые панели черных стен казались бархатными. Их прорезали четкие линии хрустальных полос. Золотистые, зеленые, голубые и оранжевые огоньки слабо освещали шкалы, знаки, цифры. Изумрудные острия стрелок дрожали у черных полукружий, словно все эти широкие стены находились в напряженном, трепетном ожидании.

Несколько кресел, большой стол черного дерева, частично вдвинутый в огромный, мерцающий жемчужным отблеском полусферический экран, обведенный массивной золотой рамой.

Дар Ветер знаком подозвал к себе Мвена Маса, указав другим на высокие черные кресла. Мвен Мас приблизился, ступая

осторожно, на носках, как некогда ходили его предки в спаленных солнцем саваннах, подкрадываясь к огромным и свирепым зверям. Мвен Мас затаил дыхание. Отсюда, из неприступного каменного погреба, сейчас раскроется окно в бесконечные просторы космоса, и люди соединятся мыслями и знаниями со своими братьями на других мирах. Представители земного человечества перед Вселенной — сейчас они, пять человек. Но с завтрашнего дня ему, Мвену Масу, придется руководить этой связью. Ему будут вверены все рычаги величайшей силы. Легкий озноб пробежал по спине африканца. Пожалуй, он только сейчас понял, какое бремя ответственности он взвалил на себя, дав согласие Совету. И когда он взглянул на Дар Ветра, неторопливо действовавшего рукоятками управления, то в его взоре мелькнуло выражение, похожее на восторг, светившийся в глазах молодого помощника Дар Ветра.

Раздался тяжелый, грозный звон, будто зазвучала массивная медь. Дар Ветер быстро повернулся и передвинул длинный рычаг. Звон умолк, и Веда Конг увидела, что узкая панель на правой стене осветилась на всю высоту комнаты. Стена как будто провалилась, исчезла в беспредельной дали. Открылся призрачный контур пирамидальной горной вершины, увенчанной исполинским каменным кругом. Ниже этой колоссальной шапки сплавленного камня кое-где виднелись пятна чистейшего горного снега.

Мвен Мас узнал вторую из высочайших гор Африки — Кению.

Снова тяжкий медный удар потряс подземную комнату, заставляя находившихся там людей настораживаться и напрягать все внимание.

Дар Ветер взял руку Мвена Маса и положил ее на горевшую гранатовым глазом круглую рукоятку. Мвен Мас послушно передвинул ее до упора. Теперь вся сила Земли, вся энергия, получаемая с тысячи семисот шестидесяти могучих электростанций, перебросилась на экватор, к горе пятикилометровой высоты. Над ее вершиной заклубилось разноцветное сияние, сгустилось в шар и вдруг устремилось вверх, точно копье в вертикальном полете, пронизывающее глубины неба. Над сиянием встала тонкая колонна, похожая на вихревой столб-смерч. По столбу струилась вверх, спирально завиваясь по его поверхности, ослепительно светящаяся голубая дымка.

Направленное излучение пронизывало земную атмосферу, образуя постоянный канал для приема и передачи на внешние станции, служивший вместо провода. Там, на высоте тридцати шести тысяч километров над Землей, висел суточный спутник —

большая станция, обращавшаяся вокруг планеты за сутки в плоскости экватора и оттого как бы неподвижно стоявшая над горой Кения в Восточной Африке — точкой, выбранной для постоянного сообщения с внешними станциями. Другой большой спутник вращался на высоте пятидесяти семи тысяч километров через полюсы по меридиану и сообщался с Тибетской приемо-передающей обсерваторией. Там условия образования передаточного канала были лучшими, но зато отсутствовало постоянное сообщение. Эти два больших спутника соединялись еще с несколькими автоматическими внешними станциями, располагавшимися вокруг всей Земли.

Узкая панель справа погасла — канал включился в приемную станцию спутника. Теперь засветился жемчужный, оправленный в золото экран. В центре его появилась причудливо увеличенная фигура, стала яснее, улыбнулась громадным ртом. Гур Ган, один из наблюдателей суточного спутника, вырос на экране сказочным исполином. Он весело кивнул и, вытянув трехметровую руку, включил все окружение внешних станций нашей планеты. Оно сомкнулось воедино посланной с Земли силой. Во все стороны Вселенной устремились чувствительные глаза приемников. Тусклая красная звезда в созвездии Единорога, с планет которой недавно раздался призыв, лучше фиксировалась со спутника 57, и Гур Ган соединился с ним. Только три четверти часа мог продолжаться невидимый контакт Земли и другой звезды. Нельзя было терять ни минуты этого драгоценного времени.

По знаку Дар Ветра Веда Конг встала на отливавший синим блеском круг металла перед экраном. Невидимые лучи падали мощным каскадом сверху и заметно углубили оттенок ее загорелой кожи. Беззвучно заработали электронные машины, переводившие речь Веды на язык Великого Кольца. Через тринадцать лет приемники планеты темно-красной звезды запишут посылаемые колебания общеизвестными символами, и, если там говорят, электронные переводные машины обратят символы в звук живой чужой речи.

«Жаль только, — думал Дар Ветер, — что те, далекие, не услышат звучного, мягкого голоса женщины Земли, не поймут его выразительности. Кто знает, как устроены их уши? Могут быть разные типы слуха. Только зрение, повсюду использующее проницающую атмосферу часть электромагнитных колебаний, почти одинаково во всей Вселенной, и они увидят очаровательную, горящую волнением Веду».

Дар Ветер, не сводя глаз с полуприкрытого прядью волос маленького уха Веды, стал прислушиваться к ее лекции.

Веда Конг сжато и ясно рассказывала про основные вехи истории человечества. О древних эпохах существования человечества, о разобщенности больших и малых народов, сталкивавшихся в экономической и идейной вражде, разделявшей их страны, она говорила очень коротко. Эти эпохи получили собирательное название ЭРМ — Эры Разобщенного Мира. Но не перечисление истребительных войн, ужасных страданий или якобы великих правителей, наполнявшее древние исторические книги, оставшиеся от Античных веков, Темных веков, или веков Капитализма, интересовало людей Эры Великого Кольца. Гораздо важнее была противоречивая история развития производительных сил вместе с формированием идей, искусства, знания, духовной борьбы за настоящего человека и человечество. Развитие потребности созидания новых представлений о мире и общественных отношениях, долге, правах и счастье человека, из которых выросло и расцвело на всей планете могучее дерево коммунистического общества.

В последний век ЭРМ, так называемый век Расщепления, люди наконец поняли, что все их бедствия происходят от стихийно сложившегося еще с диких времен устройства общества, поняли, что вся сила, все будущее человечества — в труде, в соединенных усилиях миллионов свободных от угнетения людей, в науке и переустройстве жизни на научных основах. Были поняты основные законы общественного развития, диалектически противоречивый ход истории, необходимость воспитания строгой общественной дисциплины, тем более важной, чем больше увеличивалось население планеты.

Борьба старых и новых идей обострилась в век Расщепления и привела к тому, что весь мир раскололся на два лагеря — старых — капиталистических и новых — социалистических — государств с различными экономическими устройствами. Открытие к тому времени первых видов атомной энергии и упорство защитников старого мира едва не привело к крупнейшей катастрофе все человечество.

Но новое общественное устройство не могло не победить, хотя эта победа задержалась из-за отсталости воспитания общественного сознания. Переустройство мира немыслимо без коренного изменения экономики, без исчезновения нищеты, голода и тяжелого, изнурительного труда. Но изменение экономики потребовало очень сложного управления производством и распределением и было невозможно без воспитания общественного сознания каждого человека.

Коммунистическое общество не сразу охватило все народы и страны. Искоренение вражды и особенно лжи, накопившейся

от враждебной пропаганды во время идейной борьбы века Расщепления, потребовало развития новых человеческих отношений. Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого, которые по невежеству пытались найти в воскрешении прошлого легкие выходы из трудностей, стоявших перед человечеством.

Но неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьей.

Так началась ЭМВ — Эра Мирового Воссоединения, состоявшая из веков Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию и Общего Языка.

Общественное развитие все ускорялось, и каждая новая эпоха проходила быстрее предыдущей. Власть человека над природой стала расти гигантскими шагами.

В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд — два-три часа на общее благо — человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанию.

Эти представления возникли из отвращения к тяжелому и вынужденному труду древности.

Скоро люди поняли, что труд — счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики. Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся — вот что нужно человеку. Развитие кибернетики — техники автоматического управления, широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание каждого человека позволили менять профессии, быстро овладевать другими и без конца разнообразить трудовую деятельность, находя в ней все большее удовлетворение. Все шире развивавшаяся наука охватила всю человеческую жизнь, и творческие радости открывателя новых тайн природы стали доступны огромному числу людей. Искусство взяло на себя очень большую долю в деле общественного воспитания и устройства жизни. Пришла самая великолепная во всей истории человечества ЭОТ — Эра Общего Труда с ее веками Упрощения Вещей, Переустройства, Первого Изобилия и Космоса.

Изобретение уплотнения электричества, приведшее к созданию аккумуляторов огромной емкости и компактных, но мощных электромоторов, было крупнейшей технической рево-

люцией нового времени. Еще раньше научились с помощью полупроводников вязать сложнейшие сети слабых токов и создавать самоуправляющиеся кибернетические машины. Техника стала тончайшей, ювелирной, высоким искусством и вместе с тем подчинила себе мощности космического масштаба.

Но требование дать каждому все вызвало необходимость существенно упростить обиход человека. Человек перестал быть рабом вещей, а разработка детальных стандартов позволила создавать любые вещи и машины из сравнительно немногих основных конструктивных элементов подобно тому, как все великое разнообразие живых организмов строится из небольшого разнообразия клеток, клетка — из белков, белки — из протеинов и т.д. Одно только прекращение невероятной расточительности питания прежних веков обеспечило пищей миллиарды людей.

Все силы общества, расходовавшиеся в древности на создание военных машин, содержание не занятых полезным трудом огромных армий, политическую пропаганду и показную мишуру, были брошены на устройство жизни и развитие научных знаний.

По знаку Веды Конг Дар Ветер нажал кнопку, и рядом с прекрасным историком вырос большой глобус.

— Мы начали, — продолжала Веда, — с полного перераспределения жилых и промышленных зон планеты... Коричневые полосы на глобусе вдоль тридцатых градусов широты в северном и южном полушариях означали непрерывную цепь городских поселений, сосредоточенных у берегов теплых морей, в зоне мягкого климата, без зимы. Человечество перестало расходовать колоссальную энергию на обогревание жилищ в зимние периоды, на изготовление громоздкой одежды. Наиболее плотное население сосредоточилось у колыбели человеческой культуры — Средиземного моря. Субтропический пояс расширился втрое после растопления полярных шапок.

На севере от северного жилого пояса простирается гигантская зона лугов и степей, где пасутся бесчисленные стада домашних животных.

К югу (в северном полушарии) и к северу (в южном) были пояса сухих и жарких пустынь, ныне превращенные в сады. Здесь прежде находились поля термоэлектрических станций, собиравших солнечную энергию.

В зоне тропиков сосредоточено производство растительного питания и древесины, в тысячи раз более выгодное, чем в холодных климатических зонах. Давно уже, после открытия искусственного получения углеводов — сахаров — из солнечного света и углекислоты, мы перестали возделывать сахаро-

носные растения. Дешевое промышленное произведение полноценных питательных белков нам еще не под силу, поэтому мы разводим богатые белком культурные растения и грибки на суше и колоссальные поля водорослей в океанах. Простой способ искусственного производства пищевых жиров получен нами через информацию Великого Кольца: любые витамины и гормоны мы делаем в любом количестве из каменного угля. Сельское хозяйство нового мира освободилось от необходимости добывать все без исключения питательные продукты, как это было в старину. Пределов производства сахаров, жиров и витаминов для нас практически нет. Для производства одних лишь белков имеются гигантские площади суши и моря. Человечество давно освободилось от страха голода, десятки тысячелетий господствовавшего над людьми.

Одна из главных радостей человека — стремление путешествовать, передвигаться с места на место — унаследована от наших предков — бродячих охотников, собирателей скудной пищи. Теперь всю планету обвивает Спиральная Дорога, исполинскими мостами соединяющая через проливы все материки. — Веда провела пальцем по серебристой нити и повернула глобус. — По Спиральной Дороге беспрерывно движутся электропоезда.

Сотни тысяч людей могут очень быстро перенестись из жилой зоны в степную, полевую, горную, где нет постоянных городов, а лишь временные лагеря мастеров животноводства, посевов, лесной и горной промышленности. Полная автоматизация всех заводов и энергостанций сделала ненужным строительство при них городов или больших селений — там находятся лишь дома для немногих дежурных: наблюдателей, механиков и монтеров.

Планомерная организация жизни наконец прекратила убийственную гонку скорости — строительство все более и более быстрых транспортных машин. По Спиральной Дороге поезда проходят двести километров в час. Только в случае какого-либо несчастья пользуются скоростными кораблями, мчащимися тысячи километров в час.

Несколько сот лет назад мы сильно улучшили лик нашей планеты. Еще в век Расщепления совершилось открытие внутриатомной энергии. Тогда же научились освобождать некую ничтожную долю ее и превращать в тепловую вспышку, убийственные свойства которой были немедленно использованы в качестве военного оружия. Накопились большие запасы ужасных бомб, которые потом пытались использовать для производства энергии. Губительное влияние излучения на жизнь за-

ставило отказаться от старой ядерной энергетики. Астрономы открыли путем изучения физики далеких звезд два новых пути получения внутриатомной энергии — Ку и Ф, гораздо более действенные и не оставляющие опасных продуктов распада.

Оба эти способа используются нами и теперь, хотя для звездолетных двигателей применяется еще один вид ядерной энергии — анамезонный, ставший известным при наблюдении больших звезд Галактики через Великое Кольцо.

Все накопленные издавна запасы старых термоядерных материалов — радиоактивных изотопов урана, тория, водорода, кобальта, лития — было решено уничтожить, как только додумались до способа выбросить продукты их распада за пределы земной атмосферы. Тогда в век Переустройства были сделаны искусственные солнца, «подвешенные» над полярными областями. Мы сильно уменьшили ледяные шапки, образовавшиеся на полюсах Земли в четвертичную эпоху оледенения, и изменили климат всей планеты. Вода в океанах поднялась на семь метров, в атмосферной циркуляции резко сократились полярные фронты и ослабли кольца пассатных ветров, высушивавшие зоны пустынь на границе тропиков. Почти прекратились и ураганные ветры, вообще всякие бурные нарушения погоды.

До шестидесятых параллелей дошли теплые степи, а луга и леса умеренного пояса пересекли семидесятую широту.

Антарктический материк, на три четверти освобожденный ото льда, оказался рудной сокровищницей человечества — там сохранились нетронутыми горные богатства на всех других материках, сильно выработанные после безрассудного распыления металлов в повсеместных и сокрушительных войнах прошлого. Через Антарктиду же удалось замкнуть Спиральную Дорогу.

Еще до этого капитального изменения климата были прорыты огромные каналы и прорезаны горные хребты для уравновешивания циркуляции водных и воздушных масс планеты. Вечные диэлектрические насосы помогли обводнить даже высокогорные пустыни Азии.

Возможности производства продуктов питания выросли во много раз, новые земли стали удобными для жизни. Теплые внутренние моря стали использоваться для выращивания богатых белком водорослей.

Старые, опасные и хрупкие планетолеты все же дали возможность достигнуть ближайших планет нашей системы. Землю охватил пояс искусственных спутников, с которых люди вплотную ознакомились с космосом. И тут четыреста восемь

лет назад случилось событие настолько важное, что ознаменовало новую эру в существовании человечества — ЭВК, Эру Великого Кольца.

Давно мысль людей билась над передачей на дальнее расстояние изображений, звуков, энергии. Сотни тысяч талантливейших ученых работали в особой организации, называющейся и до сих пор Академией Направленных Излучений, пока не добились возможности дальних направленных передач энергии без каких-либо проводников. Это стало возможным, когда нашли обходный путь закона — поток энергии пропорционален синусу угла расхождения лучей. Тогда параллельные пучки излучений обеспечили постоянное сообщение с искусственными спутниками, а следовательно, и со всем космосом. Защищающий жизнь экран ионизированной атмосферы служил вечным препятствием к передачам и приемам из пространства. Давно-давно, еще в конце Эры Разобщенного Мира, наши ученые установили, что потоки мощных радиоизлучений изливаются на Землю из космоса. Вместе с общим излучением созвездий и галактик до нас доходили призывы из космоса и передачи по Великому Кольцу, искаженные и полупогасшие в атмосфере. Мы тогда не понимали их, хотя уже научились улавливать эти таинственные сигналы, считая их за излучения мертвой материи.

Ученый Кам Амат, индиец по происхождению, догадался провести на искусственных спутниках опыты с приемниками изображений, с бесконечным терпением десятки лет осваивая все новые комбинации диапазонов.

Кам Амат уловил передачу с планетной системы двойной звезды, называвшейся издавна 61 Лебедя. На экране появился не похожий на нас, но, несомненно, человек и указал на надпись, сделанную символами Великого Кольца. Надпись сумели прочесть только через девяносто лет, и она украшает на нашем земном языке памятник Каму Амату: «Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольце великой силы».

Язык символов, чертежей и карт Великого Кольца оказался легко постигаемым на достигнутом человечеством уровне развития. Через двести лет мы могли уже переговариваться при помощи переводных машин с планетными системами ближайших звезд, получать и передавать целые картины разнообразной жизни разных миров. Только недавно мы приняли весть с четырнадцати планет большого центра жизни Денеба в Лебеде — колоссальной звезды светимостью в четыре тысячи восемьсот солнц, находящейся от нас на расстоянии в сто два-

дцать два парсека. Развитие мысли там шло иным путем, но достигло нашего уровня.

А с древних миров — шаровых скоплений нашей Галактики и колоссальной обитаемой области вокруг галактического центра — идут из безмерной дали странные картины и зрелища, еще не понятые, не расшифрованные нами. Записанные памятными машинами, они передаются в Академию Пределов Знания — так называется научная организация, работающая над проблемами, едва-едва намечающимися нашей наукой. Мы пытаемся понять далеко ушедшую от нас за миллионы лет мысль, немногим отличающуюся от нашей благодаря единству путей исторического развития жизни от низших органических форм к высшим, мыслящим существам.

Веда Конг отвернулась от экрана, в который смотрела словно загипнотизированная, и бросила вопросительный взгляд на Дар Ветра. Тот улыбнулся и одобрительно кивнул головой. Веда гордо подняла лицо, протянула вперед руки и обратилась к тем невидимым и неведомым, которые через тринадцать лет получат ее слова и увидят ее облик:

— Такова наша история, трудная, сложная и долгая дорога восхождения к высотам знания. Мы зовем вас — сливайтесь с нами в Великом Кольце, чтобы нести во все концы необъятной Вселенной могучую силу разума, побеждая косную неживую материю!

Голос Веды торжествующе зазвенел, обретя силу всех поколений земных людей, ныне поднявшихся так, что их помыслы обращались уже за пределы собственной Галактики к другим звездным островам Вселенной.

Протяжный медный звон — это Дар Ветер передвинул рукоятку и выключил передающий поток энергии. Экран погас. На прозрачной панели справа остался светящийся столб несущего канала.

Веда, усталая и тихая, утонула в глубине большого кресла и не сводила своих внимательных глаз с Дар Ветра. Дар Ветер усадил за стол управления Мвена Маса, а сам склонился над его плечом. В полной тишине лишь иногда чуть слышно пощелкивали стопоры рукояток. Внезапно экран в золотой оправе исчез, и невероятная глубина раскрылась на его месте. Веда Конг, впервые видевшая это чудо, громко вздохнула. Действительно, даже хорошо знавшему путь сложной интерференции световых волн, каким достигалась такая широта и глубина обзора, зрелище всегда казалось поразительным.

Темная поверхность чужой планеты приближалась издалека, вырастая с каждой секундой. Это была чрезвычайно редкая

система двойной звезды, где два солнца уравновешивали себя таким образом, что орбита их планеты оказалась правильной, и на ней могла возникнуть жизнь. Оба солнца — оранжевое и алое, меньшие, чем наше, освещали казавшиеся красными льды застывшего моря. На краю плоских черных гор в загадочных фиолетовых отблесках виднелось гигантское приземистое здание. Луч зрения уперся в площадку на его крыше, как бы пронизал ее, и все увидели серокожего человека с круглыми, как у совы, глазами, обведенными кольцами серебристого пуха. Его рост был велик, но тело очень тонко, с длинными, словно шупальца, конечностями. Человек нелепо боднул головой, будто отдал поспешный поклон, и, устремив на экран свои бесстрастные, точно объективы, глаза, открыл безгубый рот, прикрытый похожим на нос клапаном мягкой кожи. Тотчас зазвучал мелодичный и нежный голос переводящей машины:

— Заф Фтет, заведующий внешней информацией шестьдесят один Лебедя. Сегодня мы передаем для желтой звезды СТЛ 3388+04ЖФ... Передаем для...

Дар Ветер и Юний Ант переглянулись, а Мвен Мас на секунду сжал запястье Дар Ветра. Это были галактические позывные Земли, вернее, солнечной планетной системы. Когда-то она считалась наблюдателями иных миров единым большим спутником, обращавшимся вокруг Солнца за пятьдесят девять земных лет. Один раз за этот период случается совместное противостояние Юпитера и Сатурна, сдвигающего Солнце заметно для астрономов ближних звезд. В ту же ошибку впадали и наши астрономы в отношении многих планетных систем, присутствие которых у разных звезд было открыто еще в давние времена.

Юний Ант более поспешно, чем в начале передачи, проверил настройку памятной машины и показания бдительных часовых исправности — приборов ОЭС.

Бесстрастный голос электронного переводчика продолжал:

— Мы приняли вполне хорошую передачу от звезды... — снова посыпался ряд цифр и отрывистых звуков, — случайно, не во время передач Великого Кольца. Они не расшифровали языка Кольца и тратят напрасно энергию, передавая в часы молчания. Мы отвечали им в периоды их собственно передач — результаты станут известны приблизительно через три десятых секунды... — Голос замолк. Сигнальные приборы продолжали гореть, за исключением угасшего зеленого глазка.

— Это еще не выясненные перерывы в передаче, может быть, прохождение легендарного нейтрального поля астролетчиков между нами, — пояснил Веде Юний Ант.

— Три десятых галактической секунды — это ждать около шестисот лет, — хмуро буркнул Дар Ветер. — Интересно, зачем это нам?

— Насколько я понял, звезда, с которой они связались, — Эпсилон Тукана созвездия южного неба, — откликнулся Мвен Мас, — отстоящая на девяносто парсек, что близко к пределу нашей постоянной связи. Дальше Денеба мы ее еще не установили.

— Но мы принимаем и центр Галактики, и шаровые скопления? — спросила Веда Конг.

— Нерегулярно, случайным приемом или через памятные машины других членов Кольца, образующих протянутую в пространство Галактики цепь, — ответил Мвен Мас.

— Сообщения, посланные тысячи и десятки тысяч лет назад, не теряются в пространстве и в конце концов достигают нас, — добавил Юний Ант.

— Но это значит, что мы судим о жизни и познаниях людей иных, очень далеких миров с опозданием, например, для зоны центра Галактики на двадцать тысяч лет?

— Да, безразлично, передается ли это памятными записями близких миров или улавливается нашими станциями, мы видим дальние миры такими, какими они были в очень древние времена. Видим давным-давно умерших и забытых в своем мире людей.

— Неужели мы, достигшие столь большой власти над природой, здесь бессильны? — ребячески возмутилась Веда. — Неужели нельзя достигнуть дальних миров другим путем, иным, чем волновой, или фотонный, луч, орудием?

— Как я понимаю вас, Веда! — воскликнул Мвен Мас.

— В Академии Пределов Знания занимаются проектами преодоления пространства, времени, тяготения — глубинами основ космоса, — вмешался Дар Ветер, — только они не дошли до стадии опытов и не смогли...

Внезапно зеленый глаз вспыхнул, и Веда вновь ощутила головокружение от углубившегося в бездну пространства экрана.

Резко ограниченные края изображения показывали, что это запись памятной машины, а не непосредственно уловленная передача.

Сначала показалась поверхность планеты, видимая, конечно, с внешней станции-спутника. Громадное бледно-фиолетовое, призрачное от неимоверного накала солнце заливало пронизывающими лучами синий облачный покров ее атмосферы.

— Так и есть — Эпсилон Тукана, высокотемпературная звезда класса В9 — светимость семьдесят восемь наших солнц, — прошептал Мвен Мас.

Дар Ветер и Юний Ант утвердительно кивнули.

Зрелище изменилось, как бы сузившись и спустившись почти на самую почву неведомого мира.

Высоко поднимались округлые купола гор, казавшихся отлитыми из меди. Неизвестная порода, или металл зернистого строения, рдела огнем под удивительно белым сверкающим светом голубого солнца. Даже в несовершенной передаче приборов неведомый мир блистал торжественно, с каким-то победным великолепием.

Отблески лучей окаймляли контуры медных гор серебристо-розовой короной, отражавшейся широкой дорогой на медленных волнах фиолетового моря. Вода цвета густого аметиста казалась тяжелой и вспыхивала изнутри красными огнями, как скоплениями живых маленьких глаз. Волны лизали массивное подножие исполинской статуи, стоявшей недалеко от берега в гордом одиночестве. Женщина, изваянная из темно-красного камня, запрокинула голову и, словно в экстазе, тянулась простертыми руками к пламенной глубине неба. Она вполне могла бы быть дочерью Земли — полное сходство с нашими людьми потрясало не меньше, чем поразительная красота изваяния. В ее теле, точно исполнившаяся мечта скульпторов Земли, сочеталась могучая сила и одухотворенность каждой линии лица и тела. Полированный красный камень статуи источал из себя пламя неведомой и оттого таинственной и влекущей жизни.

Пять людей Земли безмолвно смотрели на изумительный новый мир. Только из широкой груди Мвена Маса вырвался долгий вздох — при первом же взгляде на статую каждый нерв его напрягся в радостном ожидании.

Против статуи, на берегу, резные серебряные башни отмечали начало широкой белой лестницы, взброшенной свободно над чащей стройных деревьев с бирюзовой листвой.

— Они должны звенеть! — шепнул Дар Ветер в ухо Веды, указывая на башни, и та согласно наклонила голову.

Передаточный аппарат новой планеты продолжал последовательно и беззвучно развертывать новые картины.

На секунду мелькнули белые стены с широкими выступами, прорезанные порталом из голубого камня, и экран раскрылся в высоком помещении, залитом сильным светом. Матово-жемчужная окраска изборожденных желобками стен сообщала необыкновенную четкость всему находившемуся в зале. Внимание приковывала группа людей, стоявших перед полированной изумрудной панелью.

Пламенный красный цвет их кожи соответствовал оттенку статуи в море. В нем не было ничего необычайного для Зем-

ли — некоторые племена индейцев Центральной Америки, судя по сохранившимся от древности цветным снимкам, обладали почти такой же, менее глубокого тона, кожей.

В зале находились две женщины и двое мужчин. Обе пары носили разные одежды. Стоявшие ближе к зеленой панели отличались золотистыми короткими одеяниями, похожими на изящные комбинезоны, снабженные несколькими застежками. У других двух были окутывавшие их с головы до пят одинаковые плащи такого же жемчужного оттенка, как и стены.

Стоявшие у панели проделывали плавные движения, прикасаясь к косым струнам, натянутым у ее левого края. Стена полированного изумруда или стекла становилась прозрачной. В такт их движениям в кристалле плыли, сменяя друг друга, четкие изображения. Они исчезали и возникали быстро, так что даже тренированным наблюдателям — Юнию Анту и Дар Ветру — было трудно полностью понять их смысл.

В чередовании медных гор, фиолетового океана и бирюзовых лесов улавливалась история планеты. Цепь животных и растительных форм, иногда чудовищно непонятных, иногда прекрасных, проходила призраками прошлого. Многие животные и растения казались похожими на тех, чьи остатки сохранила летопись пластов земной коры. Долго тянулась восходящая лестница форм жизни — совершенствующейся живой материи. Бесконечно долгий путь развития ощущался еще более длинным, трудным и мучительным, чем известная каждому жителю Земли его собственная родословная.

В призрачном сиянии прибора замелькали новые картины: огни больших костров, нагромождения каменных глыб на равнинах, битвы со свирепыми зверями, торжественные обряды похорон и религиозных служб. Во всю панель выросла фигура мужчины, прикрытого плащом из пестрой шкуры. Опираясь одной рукой на копье и подняв другую к звездам широким обнимающим жестом, он наступил ногой на шею поверженного чудовища с жесткой гривой вдоль спины и оскаленными длинными клыками. На заднем плане стояла цепь женщин и мужчин, попарно взявшихся за руки и, казалось, что-то распевавших.

Изображение исчезло, на месте живых видений возникла темная поверхность полированного камня.

Тогда двое в золотистых одеждах отступили направо, а их место заняла вторая пара. Неуловимо быстрым движением плащи были отброшены, и на жемчужном фоне стен живым пламенем возникли темно-красные тела. Мужчина протянул обе руки к женщине, она ответила ему улыбкой такой гордой и ослепительной радости, что жители Земли отозвались неволь-

ными улыбками. А там, в жемчужном зале неимоверно далекого мира, двое начали медленный танец. Вероятно, это не был танец ради танца, а скорее ритмическое позирование. Танцующие, очевидно, ставили себе целью показать совершенство, красоту линий и пластическую гибкость своих тел. Но в ритмической смене движений угадывалась величавая и в то же время грустная музыка, как будто воспоминание о великой лестнице безымянных и неисчислимых жертв развития жизни, приведшего к столь прекрасному мыслящему существу — человеку.

Мвену Масу показалось, что он слышит мелодию — веер высоких чистых нот, опирающийся на гулкий и мерный ритм низких звуков. Веда Конг стиснула руку Дар Ветру, и тот не обратил на это внимания. Юний Ант смотрел, не шевелясь и не дыша, а на его огромном лбу проступили капельки пота.

Люди Тукана были так похожи на людей Земли, что постепенно утрачивалось впечатление иного мира. Но красные люди обладали такой отточенной красотой тела, какая не была еще достигнута всеми на Земле, и жила в мечтах и творениях художников, воплощаясь в небольшом числе необычайно красивых людей.

«Чем труднее и дольше был путь слепой животной эволюции до мыслящего существа, тем целесообразнее и разработанное высшие формы жизни и, следовательно, тем прекраснее, — думал Дар Ветер. — Давно уже люди Земли поняли, что красота — это инстинктивно воспринимаемая целесообразность строения, приспособления к определенному назначению. Чем разнообразнее назначение, тем красивее форма — эти красные люди, вероятно, более разносторонни и ловки, чем мы. Может быть, их цивилизация шла больше за счет развития самого человека, его духовного и физического могущества, и меньше за счет техники? Наша культура долго оставалась насквозь технической и только с приходом коммунистического общества окончательно встала на путь совершенствования самого человека, а не только его машин, домов, еды и развлечений».

Танец прекратился. Юная краснокожая женщина вышла на середину зала, и луч зрения прибора сосредоточился на ней одной. Ее раскинутые руки и лицо поднялись к потолку зала.

Невольно глаза людей Земли последовали за ее взглядом. Потолка не было совсем, или по очень искусно созданной оптической иллюзии там находилось звездное небо с настолько яркими и крупными звездами, что, вероятно, это было лишь изображение. Сочетание чуждых созвездий не вызывало никаких знакомых ассоциаций. Девушка взмахнула рукой, и на указательном пальце ее левой руки появился синий шарик. Из

него ударил серебристый луч, ставший громадной указкой. Круглое светящееся пятнышко на конце луча останавливалось то на одной, то на другой звезде потолка. И тотчас изумрудная панель показывала неподвижное изображение, данное очень широким планом. Медленно перемещался указательный луч, и так же медленно возникали видения пустынных или населенных жизнью планет. С тягостной безотрадностью горели каменистые или песчаные пространства под красными, голубыми, фиолетовыми, желтыми солнцами. Иногда лучи странного свинцово-серого светила вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали, насыщенные электричеством и плававшие, подобно медузам, в густой оранжевой атмосфере или океане. В мире красного солнца росли невообразимой высоты деревья со скользкой черной корой, тянувшие к небу, словно в отчаянии, миллиарды кривых ветвей. Другие планеты были сплошь залиты темной водой. Громадные живые острова, то ли животные, то ли растительные, плавали повсюду, колыхая в спокойной глади бесчисленные мохнатые щупальца.

— У них нет поблизости планет с высшими формами жизни, — вдруг сказал Юний Ант, неотрывно следивший за картой незнакомого звездного неба.

— Нет, — возразил Дар Ветер, — с одной стороны у них лежит плоская звездная система, одно из позднейших образований Галактики. Но мы знаем, что плоские и сферические системы, новые и древние, нередко чередуются. И действительно, со стороны Эридана у них есть система с мыслящей жизнью, входящая в Кольцо.

— ВВР 4955+МО 3529... и так далее, — вставил Мвен Мас. — Но почему же они не знают о ней?

— Система вошла в Великое Кольцо двести семьдесят пять лет назад, а это сообщение отправлено раньше, — ответил Дар Ветер.

Краснокожая девушка далекого мира стряхнула с пальца синий шарик и повернулась лицом к зрителям с раскрытыми руками, будто готовясь обнять кого-то, незримо стоявшего перед ней. Она слегка откинула голову и плечи назад — так сделала бы и женщина Земли в страстном призыве. Губы полураскрытого рта шевелились, повторяя неслышные слова. Так она замерла, зовущая, бросая в ледяной мрак межзвездных пространств свою горячую человеческую мольбу о товарищах — людях других миров.

И снова ее блистающая красота заставила оцепенеть наблюдателей Земли. В ней не было чеканной бронзовой суровости земных краснокожих людей. Круглое лицо с небольшим

носом и огромными, широко расставленными синими глазами, с маленьким ртом скорее напоминало северные народности Земли. Густые волнистые черные волосы не были жесткими. В каждой линии лица и тела сквозила веселая и легкая уверенность, бессознательно воспринимавшаяся как ощущение большой силы.

— Неужели они ничего не знают о Великом Кольце? — почти простонала Веда Конг, склоняясь перед прекрасной сестрой из космоса.

— Теперь, наверное, знают, — отозвался Дар Ветер, — ведь то, что мы видим, произошло триста лет назад.

— Восемьдесят восемь парсек, — пророкотал низкий голос Мвена Маса, — восемьдесят восемь. Все, кого мы видели, давно уже мертвы.

И, словно подтверждая его слова, видение чудесного мира погасло, потух и зеленый указатель связи. Передача по Великому Кольцу окончилась.

С минуту все находились в оцепенении. Первым опомнился Дар Ветер. Досадливо закусив губу, он поспешно передвинул гранатовую рукоятку. Выключение столба направленной энергии отозвалось густым медным гулом, предупреждающим инженеров энергостанций о том, что необходимо снова разлить могучий поток по его обычным каналам. Только проделав все операции с приборами, заведующий внешними станциями обернулся к своим товарищам.

Юний Ант, высоко подняв брови, перебирал исчерканные листочки.

— Часть мемонограммы (памятной записи) со звездной картой на потолке надо сейчас же отправить в Институт Южного Неба! — обратился он к молодому помощнику Дар Ветра.

Тот посмотрел на Юния Анта удивленно, как будто проснувшись от необычайного сна.

Суровый ученый затаил усмешку — разве видение не было в самом деле грезой о прекрасном мире, посланной в пространство три века назад? Грезой, которую так осязаемо увидят сейчас миллиарды людей на Земле и на станциях Луны, Марса и Венеры.

— Вы были правы, Мвен Мас, — улыбнулся Дар Ветер, — объявив еще до передачи, что сегодня случится необыкновенное. Впервые за четыреста лет существования для нас Великого Кольца из глубин Вселенной явилась планета с братьями не только по разуму, но и по телу. Я весь наполнен радостью открытия! Хорошо началась ваша деятельность! Древние люди сочли бы это счастливым предзнаменованием, или, как скажут

наши психологи, случилось совпадение обстоятельств, благоприятствующее уверенности и подъему в дальнейшей работе.

Дар Ветер спохватился, нервная реакция сделала его многословным. Излишества речи в Эру Великого Кольца считались одним из самых позорных недостатков человека, и заведующий внешними станциями умолк, не закончив фразы.

— Да, да! — рассеянно отозвался Мвен Мас.

Юний Ант уловил нотку отрешенности в его голосе, замедленных движениях и насторожился. Веда Конг тихо провела пальцем по кисти Дар Ветра и кивнула на африканца.

«Может быть, он чересчур впечатлителен?» — мелькнуло в уме Дар Ветра, и он пристально посмотрел на своего преемника.

Но Мвен Мас, почувствовав скрытое недоумение собеседников, выпрямился и стал прежним внимательным знатоком своего дела. Движущаяся лестница перенесла их наверх, к широким окнам и звездному небу, снова ставшему столь же далеким, как и во все тридцать тысячелетий существования человека, — вернее, его вида, называвшегося Гомо сапиенс — Человеком разумным.

Мвен Мас и Дар Ветер должны были остаться.

Веда Конг шепнула Дар Ветру, что никогда не забудет этой ночи.

— Я сама показалась себе такой жалкой! — заключила она, улыбаясь наперекор своим грустным словам.

Дар Ветер понял, что она имеет в виду, и отрицательно покачал головой.

— А я уверен, что если бы красная женщина увидела вас, Веда, то она гордилась бы своей сестрой. Право, наша Земля не хуже их мира! — Лицо Дар Ветра засветилось любовью.

— Ну, это вашими глазами, милый друг, — улыбнулась Веда. — Вы спросите Мвена Маса!.. — Она шутя прикрыла глаза ладонью и скрылась за выступом стены.

Когда Мвен Мас наконец остался один, наступило утро. В прохладном неподвижном воздухе разлился сероватый свет, море и небо приняли одинаковую хрустальную прозрачность: серебристую у моря, с розовым оттенком у неба.

Мвен Мас долго стоял на балконе обсерватории, вглядываясь в полузнакомые очертания зданий.

На невысоком плато поодаль высилась гигантская алюминиевая арка, перечеркнутая девятью параллельными рядами алюминиевых полос, разделенных промежутками опалово-кремовых и серебристо-белых пластических стекол — здание Совета Звездоплавания. Перед ним стоял памятник первым

людям, вышедшим на просторы космоса. Склон крутейшей горы в облаках и вихрях заканчивался звездолетом старинного типа — рыбообразной ракетой, нацелившей заостренный нос в еще недоступную высоту. Цепочка людей, поддерживая друг друга, с неимоверными усилиями карабкалась вверх, спирально обвивая подножие памятника, — летчики ракетных кораблей, физики, астрономы, биологи, смелые писатели-фантасты... Рассвет уже рдел на корпусе древнего звездолета и на легких ажурных контурах зданий, а Мвен Мас все еще мерил балкон широкими шагами. Еще ни разу он не испытывал такого потрясения. Воспитанный в общих правилах Эры Великого Кольца, он прошел суровую физическую закалку и с успехом выполнил свои подвиги Геркулеса. Так в память прекрасных мифов Древней Эллады назывались трудные дела, выполнявшиеся каждым молодым человеком в конце школьного периода. Если юноша справлялся с подвигами, то считался достойным приступить к высшей ступени образования.

Мвен Мас устроил водоснабжение рудника в Западном Тибете, восстановил араукариевый лес на плоскогорье Нахэбта в Южной Америке и истреблял акул, вновь появившихся у берегов Австралии. Его жизненная закалка и выдающиеся способности позволили ему выдержать многие годы настойчивого учения и подготовить себя к тяжелой и ответственной деятельности. Сегодня, в первый же час его новой работы, случилась встреча с родным Земле миром, и в его душе появилось что-то новое. С тревогой Мвен Мас чувствовал, что в нем открылась какая-то бездна, над которой он ходил все годы своей жизни, не подозревая о ее существовании. Так непереносимо сильна жажда новой встречи с планетой звезды Эпсилон Тукана — этим миром, будто возникшим по образам лучших сказок земного человечества. Не забыть ему краснокожей девушки, ее простертых зовущих рук, нежных полураскрывшихся губ!..

И то, что чудовищное расстояние в двести девяносто световых лет, недоступное никаким возможностям земной техники, отделяло его от чудесного мира, не ослабляло, а только усиливало жгучую мечту.

В душе Мвена Маса выросло нечто живущее теперь само по себе и непокорное контролю воли и спокойного разума. Африканец жил, почти отшельнически погрузившись в занятия, еще никогда не любил и не испытывал ничего похожего на тревогу и небывалую радость, зароненную в его душу сегодняшней встречей через громадные поля пространства и времени.

Глава третья
В ПЛЕНУ ТЬМЫ

На оранжевых столбиках указателей анамезонного горючего черные толстые стрелки стояли на нулях. Курс звездолета пока не отклонялся от железной звезды, так как скорость была еще велика и корабль неуклонно приближался к жуткому, невидимому для человеческих глаз светилу.

Эрг Ноор с помощью астронавигатора, дрожа от напряжения и слабости, уселся за счетную машину. Планетарные двигатели, отключенные от робота-рулевого, утихли.

— Ингрид, что такое железная звезда? — тихо спросил Кэй Бэр, все это время недвижно простоявший за спиной астронома.

— Невидимая звезда спектрального класса Т, погасшая, но еще не остывшая окончательно или не разогревшаяся снова. Она светит длинноволновыми колебаниями тепловой части спектра — черным, для нас инфракрасным светом — и становится видимой лишь через электронный инвертор. Сова, видящая тепловые инфракрасные лучи, могла бы ее обнаружить.

— Почему же она железная?

— На всех, какие сейчас изучены в спектре и составе много железа. Поэтому если звезда велика, то ее масса и поле тяготения огромны. Боюсь, что мы встретились именно с такой...

— Что же теперь?

— Не знаю. Видишь сам — у нас нет горючего. Но мы продолжаем лететь прямо на звезду. Надо затормозить «Тантру» до скорости в одну тысячную абсолютной, при которой возможно достаточное угловое отклонение. Если не хватит и планетарного горючего, то звездолет будет постепенно приближаться к звезде, пока не упадет. — Ингрид нервно дернула головой, и Бэр ласково погладил ее по голой, покрывшейся гусиной кожей руке.

Начальник экспедиции перешел к пульту управления и сосредоточился на приборах. Молчали все, не смея дышать, молчала и только что проснувшаяся Низа Крит, инстинктивно поняв всю опасность положения. Горючего могло хватить лишь на замедление корабля, но с потерей скорости звездолету становилось все труднее вырваться без моторов из цепкого притяжения железной звезды. Если бы «Тантра» не подошла так близко и Лин сообразил бы вовремя... Впрочем, какое утешение в этих пустых «если»?

Прошло около трех часов, и Эрг Ноор наконец решился. «Тантра» содрогнулась от мощных толчков триггерных мото-

ров. Ход корабля замедлялся час, другой, третий, четвертый. Неуловимое движение начальника — ужасная дурнота у всех людей. Страшное коричневое светило исчезло из переднего экрана, переместилось на второй. Незримые цепи тяготения продолжали тянуться к кораблю, отражаясь в приборах. Он рванул рукоятки к себе — двигатели остановились.

— Вырвались! — с облегчением шепнул Пел Лин. Начальник медленно перевел взгляд на него:

— Нет! Остался лишь запретный запас горючего для орбитального обращения и посадки.

— Что же делать?

— Ждать! Я отклонил немного звездолет. Но мы проходим слишком близко. Идет борьба между тяготением звезды и уменьшающейся скоростью «Тантры». Она летит сейчас как лунная ракета. Если мы сможем оторваться от звезды, тогда пойдем к Солнцу. Правда, время путешествия сильно возрастет. Лет через тридцать мы пошлем сигнал вызова, а еще через восемь лет придет помощь...

— Тридцать восемь лет! — едва слышно шепнул Бэр на ухо Ингрид.

Та резко дернула его за рукав и отвернулась.

Эрг Ноор откинулся в кресле и опустил руки на колени. Молчали люди, тихо пели приборы. Другая, нестройная и оттого казавшаяся угрожающей мелодия вплеталась в песнь настройки навигационных приборов. Почти физически ощутимый зов железной звезды, реальная сила ее черной массы, гнавшейся за потерявшим свою мощь кораблем.

Щеки Низы Крит горели, сердце учащенно колотилось. Девушке становилось невыносимо это бездейственное ожидание.

...Медленно проходили часы. Один за другим в центральном посту появлялись проснувшиеся члены экспедиции. Число молчальников увеличивалось, пока все четырнадцать человек не оказались в сборе.

Замедление корабля понизило его скорость, которая стала меньше скорости убегания. «Тантра» не могла уйти от железной звезды. Забывшие о сне и пище люди не покидали поста управления много тоскливых часов, в которые курс «Тантры» искривлялся все более, пока корабль не понесся по роковому орбитальному эллипсу. Судьба «Тантры» стала ясна каждому.

Внезапный вопль заставил всех вздрогнуть. Астроном Пур Хисс вскочил и взмахнул руками. Его исказившееся лицо стало неузнаваемым, непохожим на человека Эры Кольца. Страх, жалость к самому себе и жажда мести стерли всякие следы мысли с лица ученого.

— Он, это он, — завопил Пур Хисс, показывая на Пела Лина, — тупица, пень, безмозглый червяк!.. — Астроном захлебнулся, стараясь припомнить давно вышедшие из употребления бранные слова пращуров.

Стоявшая рядом Низа брезгливо отодвинулась. Эрг Ноор поднялся.

— Осуждение товарища ничему не поможет. Прошли времена, когда ошибки могли быть намеренными. А в этом случае, — Ноор небрежно повертел рукоятками счетной машины, — как видите, вероятность ошибки здесь тридцать процентов. Если добавить к этому неизбежную депрессию конца дежурства и еще потрясение от раскачки звездолета, я не сомневаюсь, что вы, Пур Хисс, сделали бы ту же ошибку.

— А вы? — с меньшей яростью выкрикнул астроном.

— Я — нет. Мне пришлось видеть такое же чудовище в тридцать шестой звездной... Я виноват — надеясь сам вести звездолет в неизученном районе, я не предусмотрел всего, ограничившись простой инструкцией.

— Как вы могли знать, что они без вас заберутся в этот район?! — воскликнула Низа.

— Я должен был это знать, — твердо ответил Эрг Ноор, отклоняя дружескую помощь Низы, — об этом есть смысл говорить лишь на Земле...

— На Земле! — возопил Пур Хисс, и даже Пел Лин озадаченно нахмурился. — Говорить это, когда все потеряно и впереди только гибель.

— Впереди не гибель, а большая борьба, — твердо ответил Эрг Ноор, опускаясь в кресло перед столом. — Садитесь! Спешить некуда, пока «Тантра» не сделает полтора оборота...

Присутствующие безмолвно повиновались, а Низа обменялась улыбкой с биологом — торжествующей, несмотря на всю безнадежность момента.

— У звезды, несомненно, есть планета, я предполагаю — даже две, судя по кривизне изограв. Планеты, как видите, — начальник экспедиции быстро набросал аккуратную схему, — должны быть большими и, следовательно, обладать атмосферой. Нам нет пока необходимости садиться — у нас еще много атомарного твердого кислорода.

Эрг Ноор умолк, собираясь с мыслями.

— Мы станем спутником планеты, описывая вокруг нее орбиту. Если атмосфера планеты окажется годной и мы израсходуем свой воздух, планетарного горючего хватит, чтобы сесть и чтобы позвать, — продолжал он. — За полгода мы вычислим

направление, передадим результаты Зирды, вызовем спасательный звездолет и выручим наш корабль.

— Если выручим... — покривился Пур Хисс, сдерживая загоревшуюся радость.

— Да, если! — согласился Эрг Ноор. — Но это ясная цель. Надо собрать все силы на ее достижение. Вы, Пур Хисс и Ингрид, ведите наблюдения и расчеты размеров планет, Бэр и Низа, по массе планет вычислите скорость убегания, а по ней — орбитальную скорость и оптимальный радиант обращения звездолета.

Исследователи стали готовиться на всякий случай и к посадке. Биолог, геолог и врач готовили к сбрасыванию разведочную станцию-робот, механики настраивали посадочные локаторы и прожекторы, собирая ракету-спутник для передачи сообщения на Землю.

После испытанного ужаса и безнадежности работа шла особенно споро и прерывалась лишь во время качания звездолета в завихрениях гравитации. Но «Тантра» уже так сильно убавила скорость, что ее колебания больше не были убийственны для людей.

Пур Хисс и Ингрид определили наличие двух планет. От приближения к внешней пришлось отказаться — огромная, холодная, окутанная мощной, вероятно, ядовитой атмосферой, она грозила гибелью. Если выбирать род смерти, то, пожалуй, лучше было бы сгореть у поверхности железной звезды, чем утонуть во тьме аммиачной атмосферы, вонзив корабль в тысячекилометровую толщу льда. Такие же страшные исполинские планеты были и в солнечной системе: Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

«Тантра» неуклонно приближалась к звезде. Через девятнадцать суток выяснились размеры внутренней планеты — она была больше Земли. Находясь на близком расстоянии от своего железного солнца, планета с бешеной скоростью неслась по своей орбите — ее год был вряд ли больше двух-трех земных месяцев. Невидимая звезда Т, вероятно, достаточно обогревала ее своими черными лучами — при наличии атмосферы там могла быть жизнь. В этом случае посадка становилась особенно опасной...

Чужая, развивавшаяся в условиях иных планет, другими путями эволюции, жизнь в общей для космоса форме белковых тел была чрезвычайно вредна для обитателей Земли. Защитные приспособления организмов от вредных отбросов, от болезнетворных бактерий, выработанные за миллионы веков на нашей планете, были беспомощны против чужих форм жизни. В равной степени жизнь с других планет подвергалась опасности на нашей Земле.

Основная деятельность животной жизни: убивая — пожирать и пожирая — убивать, при соприкосновении животных разных миров проявлялась с удручающе обнаженной жестокостью. Невероятные болезни, молниеносные эпидемии, чудовищно размножавшиеся вредители, ужасные повреждения сопутствовали первым исследованиям обитаемых, но безлюдных планет. Да и населенные мыслящими людьми миры предпринимали множество опытов и предварительной подготовки, прежде чем вступить в прямую звездолетную связь. На нашей Земле, удаленной от центральных, обильных жизнью, сгущенных зон Галактики, еще не бывало гостей с планет других звезд, представителей иных цивилизаций. Совет Звездоплавания только недавно закончил подготовку к приему друзей с недалеких звезд из Змееносца, Лебедя, Большой Медведицы и Райской Птицы.

Эрг Ноор, озабоченный возможной встречей с неизвестной жизнью, распорядился извлечь из дальних кладовых средства биологической защиты.

Наконец «Тантра» уравняла свою орбитальную скорость со скоростью внутренней планеты железной звезды и начала вращаться вокруг нее. Расплывчатая, бурая, с отсветом огромной кроваво-коричневой звезды, поверхность планеты — вернее, ее атмосфера — становилась видимой только в электронном инверторе. Все без исключения члены экспедиции были заняты у приборов.

— Температура поверхности слоев на освещенной стороне триста двадцать градусов Кельвина!

— Вращение вокруг оси — приближенно двадцать суток!

— Локаторы дают наличие воды и суши.

— Толщина атмосферы — тысяча семьсот километров.

— Уточненная масса — сорок три целых две десятых земной.

Сообщения поступали непрерывно, и характер планеты становился все яснее.

Эрг Ноор сводил получаемые цифры, собирая материал для вычисления орбитального режима. Сорок три и две десятых земной массы — планета была велика. Сила ее тяготения придавит корабль к почве. В беспомощных насекомых на клею превратятся люди...

Начальник экспедиции вспомнил страшные рассказы — полулегенды-полубыли — о старых звездолетах, по разным причинам попадавших на громадные планеты. Тогда корабли с малыми скоростями, со слабым горючим часто гибли. Рев моторов и судорожное содрогание корабля, который, будучи не в силах вырваться, как бы прилипал к поверхности планеты.

Звездолет оставался целым, но хрустели ломавшиеся кости людей — неописуемый ужас, переданный в отрывочных воплях последних прощальных сообщений...

Экипажу «Тантры» не грозила такая участь, пока они будут вращаться вокруг планеты. Но если придется сесть на ее поверхность, то только очень сильные люди смогут таскать тяжесть своего живого веса в этом будущем их пристанище. Пристанище, назначенное им на десятки лет жизни... Смогут ли они выжить в таких условиях? Под гнетом давящей тяжести, в вечном мраке инфракрасного черного солнца, в плотной атмосфере? Но как бы то ни было — это не гибель, это надежда на спасение, и выбора нет!

«Тантра» описывала свою орбиту близко к границе атмосферы. Сотрудники экспедиции не могли упустить случая исследовать доселе неведомую планету, находившуюся сравнительно недалеко от Земли. Освещенная — вернее, нагретая — сторона планеты отличалась от теневой не только гораздо более высокой температурой, но и громадными скоплениями электричества, мешавшими даже мощным локаторам, показания которых искажались до неузнаваемости. Эрг Ноор решил вести изучение планеты с помощью бомбовых станций. Сбросили физическую станцию, и автомат доложил о поразительном наличии свободного кислорода в неоново-азотной атмосфере, присутствии водяных паров и температуре в двенадцать градусов тепла. Эти условия были, в общем, сходны с земными. Только давление толстой атмосферы превышало нормальное давление Земли в один и четыре десятых раза да сила тяжести больше чем в два с половиной раза превосходила земную.

— Здесь можно жить! — слабо улыбнулся биолог, передавая начальнику сообщение станции.

— Если мы можем жить на такой мрачной и тяжелой планете, то, наверное, здесь уже кто-нибудь живет — мелкий и вредный!

К пятнадцатому обороту звездолета подготовили станцию-бомбу с мощным телепередатчиком. Однако вторая физическая станция, сброшенная в тень, когда планета повернулась на сто двадцать градусов, исчезла, не подав сигналов.

— Угодила в океан, — закусив губу от досады, констатировала геолог Бина Лед.

— Придется прощупать главным локатором, прежде чем сбрасывать робот-телевизор! У нас их только два!

«Тантра», испуская пучок направленного радиоизлучения, вращалась над планетой, прощупывая смутные из-за искажений контуры материков и морей. Обрисовались очертания ог-

ромной равнины, вдавшейся в океан или разделявшей два океана почти на экваторе планеты. Звездолет описывал лучом зигзаги, захватывая полосу в двести километров шириной. Внезапно экран локатора вспыхнул яркой точкой. Свисток, хлестнувший по напряженным нервам, подтвердил, что это не галлюцинация.

— Металл! — воскликнул геолог. — Открытое месторождение.

Эрг Ноор покачал головой.

— Как ни мгновенна была вспышка, я успел заметить определенность ее контуров. Это или большой кусок металла — метеорит, или...

— Корабль! — одновременно вмешались Низа и биолог.

— Фантастика! — отрезал Пур Хисс.

— Может быть, действительность, — возразил Эрг Ноор.

— Все равно спор бесполезен, — не сдавался Пур Хисс. — Ничем нельзя проверить. Не будем же мы садиться.

— Проверим через три часа, когда придем снова к этой равнине. Обратите внимание — металлическая вещь находится на равнине, которую выбрал бы и я для посадки... Мы сбросим телевизорную станцию именно туда. Поставьте луч локатора на шестисекундное упреждение!

План, намеченный начальником экспедиции, удался, и «Тантра» вторично ушла в трехчасовой облет темной планеты. Теперь при подходе к материковой равнине корабль встретило донесение телеробота. Люди впились в загоревшийся экран. Щелкнул, включившись, и незаметно заметался зрительный луч, подобно человеческому глазу очертивший контуры предметов там, далеко внизу, в тысячекилометровой темной бездне. Кэй Бэр отчетливо представил, как поворачивается похожая на маяк головка станции, высунувшаяся из твердого панциря. В зоне, освещенной лучом автомата, бежали по экрану, тут же фотографируемые, невысокие обрывы, холмы, черные извивы промоин. Внезапно через экран пронеслось видение сверкающего рыбообразного контура, и снова расстелилась отброшенная лучом тьма с вырванными из нее уступами плоскогорья.

— Звездолет! — выдохнули сразу несколько ртов. С нескрываемым торжеством Низа посмотрела на Пур Хисса. Экран погас, «Тантра» снова отдалилась от телепередатчика, но биолог Эон Тал уже фиксировал ленту электронного снимка. Дрожавшими от нетерпения пальцами он сунул ленту в проектор полусферического экрана. Внутренние стенки полого полушария отразили увеличенное изображение.

Знакомые сигарообразные очертания носового отсека, вздутая кормовая часть, высокий гребень приемника равновесия... Как ни невероятно было это зрелище, как ни немыслима, ни невозможна встреча на планете тьмы — это действительно был земной звездолет! Он стоял горизонтально, в положении нормальной посадки, подпертый мощными стойками, неповрежденный, как будто только что опустился на планету железной звезды.

«Тантра», описывая свои очень быстрые из-за близости к планете круги, посылала сигналы, остававшиеся безответными. Прошло несколько часов. В центральном посту снова собрались все четырнадцать человек экспедиции. Тогда Эрг Ноор, сидевший в глубоком раздумье, встал.

— Я предполагаю посадить «Тантру». Может быть, наши братья нуждаются в помощи; может быть, их корабль поврежден и не может идти к Земле. Тогда мы возьмем их, погрузим анамезон и спасемся сами. Сажать спасательную ракету нет смысла. Она ничего не сможет сделать для снабжения нас горючим, а энергии израсходует столько, что нечем будет послать сигнал на Землю.

— А если они сами очутились здесь из-за нехватки анамезона? — осторожно спросил Пел Лин.

— Тогда у них должны остаться ионные планетарные заряды — они не могли израсходовать все полностью. Видите, звездолет сидит правильно — значит, они садились на планетарных моторах. Мы возьмем ионное горючее, взлетим снова и, перейдя на орбитальное положение, будем звать и ждать помощи с Земли. В случае удачи пройдет всего восемь лет. А если удастся достать анамезон — тогда мы победили.

— Может быть, планетарное горючее у них не ионные заряды, а фотонные? — усомнился один из инженеров.

— Мы можем использовать его в главных двигателях, если переставить из вспомогательных чашечные отражатели.

— Остается риск посадки на тяжелую планету и риск пребывания на ней, — проворчал Пур Хисс. — Страшно подумать об этом мире мрака!

— Риск, конечно, остается, но он существует в самой основе нашего положения, и мы его вряд ли увеличиваем. А планета, на которую сядет наш звездолет, не так уж плоха. Только бы сохранить корабль!

Эрг Ноор кинул взгляд на циферблат уравнителя скоростей и быстро подошел к пульту. С минуту начальник экспедиции стоял перед рычагами и верньерами управления. Пальцы его больших рук шевелились, как бы беря аккорды на музыкальном инструменте, спина горбилась и лицо каменело.

Низа Крит подошла к начальнику, смело взяла его правую руку и приложила ладонью к своей гладкой щеке, горячей от волнения. Эрг Ноор благодарно кивнул, погладил пышные волосы девушки и выпрямился.

— Идем в нижние слои атмосферы и на посадку! — громко сказал он, включая сигнал.

Вой пронесся по кораблю, и люди поспешно разбежались по местам, замкнув себя в гидравлические плавающие сиденья.

Эрг Ноор опустился в мягкие объятия посадочного кресла, поднявшегося из люка перед пультом. Загремели удары планетарных двигателей, и звездолет с воем кинулся вниз, навстречу скалам и океанам неведомой планеты. Локаторы и инфракрасные отражатели прощупывали первозданный мрак внизу, красные огни горели на шкале высоты у заданной цифры — пятнадцати тысяч метров. Гор выше десяти километров не приходилось ожидать на планете, где вода и нагрев черного солнца работали над выравниванием поверхности, как и на Земле.

Первый же облет обнаружил на большей части планеты вместо гор лишь незначительные возвышенности, немного большие, чем на Марсе. Видимо, деятельность внутренних сил, созидающих горные поднятия, почти совсем прекратилась или приостановилась.

Эрг Ноор передвинул ограничитель высоты полета на две тысячи метров и включил мощные прожекторы. Под звездолетом простирался огромный океан — подлинное море ужаса. Беспросветно черные волны вздымались и опадали над неведомыми глубинами.

Биолог, вытирая выступивший от усилий пот, старался поймать отраженный от волн световой зайчик в прибор, определяющий ничтожнейшее колебание отражательной способности — альбедо, чтобы определить соленость или минерализацию этого моря мрака.

Блестящая чернота воды сменилась чернотой матовой — началась суша. Скрещенные лучи прожекторов распахивали узкую дорогу между стенами тьмы. На ней проступали неожиданные краски — то желтоватые пятна песка, то серовато-зеленая поверхность скалистых пологих гряд.

«Тантра», послушная искусной руке, понеслась над материком.

Наконец Эрг Ноор обнаружил ту самую равнину. Из-за незначительной высоты ее нельзя было назвать плоскогорьем. Но было очевидно, что возможные приливы и бури темного моря не могут достичь этой равнины, поднимавшейся над низменными участками суши на высоту примерно ста метров.

Передний локатор левого борта дал свисток. «Тантра» нацелилась прожекторами. Теперь совершенно отчетливо стал виден звездолет первого класса. Покрытие его носовой части из кристаллически перестроенного анизотропного иридия сверкало в лучах прожектора как новое. Около корабля не было видно временных построек, не горело никаких огней — темный и безжизненный стоял звездолет, никак не реагируя на приближение собрата. Лучи прожекторов пробежали дальше, сверкнули, отразившись, как от синего зеркала, от колоссального диска со спиральными выступами. Диск стоял наклонно, на ребре, частично погруженный в черную почву. На мгновение наблюдателям показалось, что за диском торчат какие-то скалы, а дальше сгущается черная тьма. Там, вероятно, был обрыв или спуск куда-то на низменность...

Оглушительный вой «Тантры» сотряс ее корпус. Эрг Ноор хотел сесть поближе к обнаруженному звездолету и предупреждал людей, которые могли оказаться в смертоносной зоне, радиусом около тысячи метров от места посадки. Слышимый даже внутри корабля, прокатился чудовищный гром планетарных моторов, в экранах появилось облако раскаленных частиц почвы. Пол стал круто подниматься вверх и заваливаться назад. Бесшумно и плавно гидравлические шарниры повернули сиденья кресел перпендикулярно к ставшим отвесно стенам.

Гигантские коленчатые упоры отскочили от корпуса и, растопырившись, приняли на себя первое прикосновение к почве чужого мира. Толчок, удар, толчок — «Тантра» раскачивалась носовой частью и замерла одновременно с полной остановкой двигателей. Эрг Ноор поднял руку к пульту, оказавшемуся над головой, повернул рычаг выключения упоров. Медленно, короткими толчками звездолет стал оседать носом, пока не принял прежнего горизонтального положения. Посадка окончилась. Как всегда, она давала настолько сильную встряску человеческому организму, что астролетчики должны были некоторое время приходить в себя, полулежа в своих креслах.

Страшная тяжесть придавила каждого. Как после тяжелой болезни, люди едва могли приподняться. Однако неугомонный биолог успел взять пробу воздуха.

— Годен для дыхания, — сообщил он. — Сейчас произведу микроскопическое исследование!

— Не нужно, — отозвался Эрг Ноор, расстегивая упаковку посадочного кресла. — Без скафандров нельзя покидать корабль. Здесь могут быть очень опасные споры и вирусы.

В шлюзовой каюте у выхода были заранее приготовлены биологические скафандры и «прыгающие скелеты» — стальные,

обшитые кожей каркасы с электродвигателем, пружинами и амортизаторами для индивидуального передвижения при увеличенной силе тяжести, которые надевались поверх скафандров.

Всем не терпелось почувствовать под ногами почву, пусть чужую, после шести лет скитания в межзвездных безднах. Кэй Бэр, Пур Хисс, Ингрид, врач Лума и два механика-инженера должны были оставаться в звездолете, чтобы вести дежурство у радио, прожекторов и приборов. Низа стояла в стороне со шлемом в руках.

— Откуда нерешительность, Низа? — окликнул девушку начальник, проверявший свою радиостанцию в верхушке шлема. — Идемте к звездолету!

— Я... — Девушка замялась. — Мне кажется, он мертвый, стоит здесь уже давно. Еще одна катастрофа, еще жертва беспощадного космоса — я понимаю, это неизбежно, но всегда тяжело... особенно после Зирды, после «Альграба»...

— Может быть, смерть этого звездолета даст нам жизнь, — откликнулся Пур Хисс, поворачивая обзорную короткофокусную трубу по направлению корабля, по-прежнему остававшегося неосвещенным.

Восемь путешественников выкарабкались в переходную камеру и остановились в ожидании.

— Включите воздух! — скомандовал Эрг Ноор оставшимся в корабле, которых уже отделила непроницаемая стена.

Только после того как давление в камере достигло пяти атмосфер, гидравлические домкраты выдавили плотно припаявшуюся дверь. Давление воздуха почти выбросило людей из камеры, не давая ничему вредному из чужого мира проникнуть внутрь кусочка Земли. Дверь стремительно захлопнулась. Луч прожектора проложил яркую дорогу, по которой исследователи заковыляли на своих пружинных ногах, едва волоча свои тяжелые тела. В конце светового пути возвышался огромный корабль. Полтора километра показались необычайно длинными и от нетерпения и от жестокой тряски неуклюжих скачков по неровной, усеянной мелкими камнями почве, сильно нагретой черным солнцем.

Сквозь толстую атмосферу, изобилующую влагой, звезды просвечивали бледными, расплывчатыми пятнами. Вместо сияющего великолепием космоса небо планеты передавало лишь намеки на созвездия. Их красноватые тусклые фонарики не могли бороться с тьмой на почве планеты.

В окружающем глубочайшем мраке корабль выделялся особенно рельефно. Толстый слой боразоно-циркониевого лака местами истерся на обшивке. Вероятно, звездолет долго странствовал в космосе.

Эон Тал издал восклицание, отдавшееся во всех телефонах. Он показал рукой на открытую дверь, зияющую черным пятном, и спущенный вниз малый подъемник. На почве около подъемника и под кораблем торчали, несомненно, растения. Толстые стебли поднимали на высоту почти метра черные, параболически углубленные чаши, зазубренные по краю, точно шестерни, — не то листья, не то цветы. Скопище черных неподвижных шестерней выглядело зловеще. Еще больше настораживало немое зияние двери. Нетронутые растения и открытая дверь — значит, давно уже люди не пользовались этим путем, не охраняют свой маленький земной мирок от чужого.

Эрг Ноор, Эон и Низа вошли в подъемник. Начальник повернул пусковой рычаг. С легким скрежетом механизм заработал и послушно вознес троих исследователей в раскрытую настежь переходную камеру. Следом поднялись и остальные. Эрг Ноор передал на «Тантру» просьбу погасить прожектор. Мгновенно маленькая кучка людей затерялась в бездне тьмы. Мир железного солнца надвинулся вплотную, как будто желая растворить в себе слабый очаг земной жизни, приникший к почве громадной темной планеты.

Зажгли вращающиеся наверху шлемов фонарики. Дверь из переходной камеры внутрь корабля оказалась закрытой, но незапертой и легко поддалась. Исследователи вошли в средний коридор, свободно ориентируясь во тьме проходов. Конструкция звездолета отличалась от «Тантры» лишь в незначительных деталях.

— Корабль построен несколько десятков лет назад, — сказал Эрг Ноор, приближаясь к Низе.

Девушка оглянулась. Сквозь силиколл шлема полуосвещенное лицо начальника казалось загадочным.

— Невозможная мысль, — продолжал Эрг Ноор, — вдруг это...

— «Парус»! — воскликнула Низа, забыв о микрофоне, и увидела, что все обернулись к ней.

Группа разведчиков проникла в главное помещение корабля — библиотеку-лабораторию, и затем ближе к носу, в центральный пост управления. Ковыляя в своем скелетообразном каркасе, шатаясь и ударяясь о стены, начальник экспедиции добрался до главного распределительного щита. Освещение звездолета оказалось включенным, но тока не было. В темноте помещений продолжали светиться лишь фосфоресцирующие указатели и значки. Эрг Ноор нашел аварийную клемму, и тут, на удивление всем, загорелся тусклый, показавшийся ослепительным свет. Должно быть, он вспыхнул и у подъемника, по-

тому что в телефонах шлемов зазвучал голос Пур Хисса, осведомившегося о ходе осмотра. Ему ответила Бина, геолог. Начальник застыл на пороге центрального поста. Проследив глазами за его взглядом, Низа увидела наверху, между передними экранами, двойную надпись — на земном языке и кодом Великого Кольца — «Парус». Ниже под чертой шли галактические позывные Земли и координаты Солнечной системы.

Исчезнувший восемьдесят лет назад звездолет нашелся в неведомой ранее системе черного солнца, так долго считавшейся лишь темным облаком.

Осмотр помещений звездолета не помог понять, куда делись люди. Кислородные резервуары не были исчерпаны, запасов воды и пищи могло хватить еще на несколько лет, но нигде не было ни следов, ни останков экипажа «Паруса».

Странные темные натеки виднелись кое-где в коридорах, в центральном посту и библиотеке. На полу в библиотеке тоже было пятно — оно коробилось многослойной пленкой, как если бы здесь высохло что-то пролитое. В кормовом машинном посту перед распахнутой дверью задней переборки свисали оборванные провода, а массивные стойки охладителей из фосфористой бронзы сильно погнулись. Так как в остальном корабль был совершенно цел, то эти повреждения, требовавшие могучего удара, остались непонятными. Исследователи выбились из сил, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновение и несомненную гибель экипажа «Паруса».

Попутно пришло другое, чрезвычайно важное открытие — запасы анамезона и планетарных ионных зарядов, сохранившиеся на корабле, обеспечивали взлет «Тантры» с тяжелой планеты и путь до Земли.

Переданное немедленно на «Тантру» сообщение сняло сознание обреченности, овладевшее людьми после пленения их корабля железной звездой. Отпала необходимость длительной работы по передаче сообщения на Землю. Зато предстоял огромнейший труд по перегрузке контейнеров с анамезоном. Нелегкая сама по себе задача здесь, на планете почти с тройной земной тяжестью, превращалась в дело, требовавшее высокой инженерной изобретательности. Но люди эпохи Кольца не боялись трудных умственных задач, а радовались им.

Биолог вынул из магнитофона в центральном посту незаконченную катушку полетного дневника. Эрг Ноор с геологом открыли герметически запертый главный сейф, хранивший результаты экспедиции «Паруса». Люди поволокли на себе значительный груз — множество рулонов фотонно-магнитных фильмов, дневники, астрономические наблюдения и вычисления.

Сами будучи исследователями, члены экспедиции не могли даже на короткий срок оставить столь драгоценную находку.

Едва живые от усталости разведчики встретились в библиотеке «Тантры» с горящими нетерпением товарищами. Здесь, в привычной обстановке, за удобным столом под ярким светом, могильная тьма окружавшего мрака и мертвый, покинутый звездолет стали видением ночного кошмара. Только каждого давило не снимаемое ни на секунду тяготение страшной планеты, да и при каждом движении то один, то другой из исследователей морщился от боли. Без большой практики было очень трудно координировать собственное тело с движением рычагов стального «скелета». От этого ходьба сопровождалась толчками и жестоким встряхиванием. Даже из короткого похода люди вернулись основательно избитыми. У геолога Бины Лед, по-видимому, получилось легкое сотрясение мозга, но и она, тяжело привалившись к столу и сдавливая виски, отказалась уйти, не прослушав последней катушки корабельного дневника. Низа ожидала от этой восемьдесят лет хранившейся в мертвом корабле на жуткой планете записи чего-то невероятного. Ей представлялись хриплые призывы о помощи, вопли страдания, трагические прощальные слова. Девушка вздрогнула, когда из аппарата раздался звучный и холодный голос. Даже Эрг Ноор, великий знаток всего, что касалось межзвездных полетов, не знал никого из экипажа «Паруса». Укомплектованный исключительно молодежью, этот звездолет отправился в свой бесконечно отважный рейс на Вегу, не передав в Совет Звездоплавания обычного фильма о людях экипажа.

Неизвестный голос излагал события, случившиеся семь месяцев спустя после передачи последнего сообщения на Землю. За четверть века до этого, при пересечении пояса космического льда на краю системы Вега, «Парус» был поврежден. Пробоину в кормовой части удалось заделать и продолжать путь, но она нарушила точнейшую регулировку защитного поля моторов. После длившейся двадцать лет борьбы двигатели пришлось остановить. Еще пять лет «Парус» летел по инерции, пока не уклонился в сторону по естественной неточности курса. Тогда было послано первое сообщение. Звездолет собирался послать второе сообщение, когда попал в систему железной звезды. Дальше получилось, как и с «Тантрой», с той лишь разницей, что корабль без ходовых моторов, раз затормозившись, улететь совсем не мог. Он не смог сделаться спутником планеты, так как ускорительные планетарные моторы, находившиеся в корме, пришли в такую же негодность, как и анамезонные. «Парус» благополучно сел на низкое плато вблизи моря. Эки-

паж принялся выполнять три стоявшие перед ним задачи: попытку отремонтировать двигатели, посылку призыва на Землю и изучение неведомой планеты. Не успели еще собрать ракетную башенку, как люди начали непонятным образом исчезать. Посланные на розыски тоже не возвращались. Исследование планеты прекратили, покидать корабль для строительства башенки стали только все вместе и подолгу отсиживались в наглухо запертом корабле в перерывах между невероятно изнурительной от силы тяжести работой. Торопясь отправить ракету, они даже не предприняли изучение чужого звездолета поблизости от «Паруса», по-видимому, находившегося здесь уже давно.

«Тот диск!» — мелькнуло в уме у Низы. Она встретилась глазами с начальником, и тот, поняв ее мысли, кивнул утвердительно головой. Из четырнадцати человек экипажа «Паруса» осталось в живых восемь. Дальше в дневнике следовал примерно трехдневный перерыв, после которого сообщение передавал высокий молодой женский голос:

«Сегодня, двенадцатого числа седьмого месяца триста двадцать третьего года Кольца, мы, все оставшиеся, закончили подготовку ракеты-передатчика. Завтра в это время...»

Кэй Бэр инстинктивно взглянул на часовую градуировку вдоль перематывавшейся ленты — пять часов утра по времени «Паруса» и кто знает сколько по этой планете...

«Мы отправим надежно рассчитанное... — Голос прервался, затем снова возник, более глухой и слабый, как если бы говорившая отвернулась от приемника. — Включаю! Еще!..»

Прибор смолк, но лента продолжала перематываться. Слушавшие обменялись тревожными взглядами.

— Что-то случилось! — начала Ингрид Дитра.

Из магнитофона полетели торопливые, сдавленные слова: «Спаслись двое... Лаик не допрыгнула... подъемник... дверь не смогли закрыть, только вторую! Механик Сах Ктон пополз к двигателям... ударим планетарными... они, кроме ярости и ужаса, — ничто! Да, ничто...»

Лента некоторое время вращалась беззвучно, затем тот же голос заговорил снова:

«Кажется, Ктон не успел. Я одна, но я придумала. Прежде чем начну, — голос окреп и зазвучал с убедительной силой: — Братья, если вы найдете «Парус», предупреждаю, не покидайте корабль никогда».

Говорившая громко вздохнула и сказала негромко, как бы самой себе:

«Надо узнать про Ктона. Вернусь, объясню подробнее...»

Щелчок — и лента продолжала сматываться еще около двадцати минут до конца катушки. Но напрасно ожидали внимательные уши — неизвестной не пришлось ничего объяснить, как, вероятно, не пришлось и вернуться.

Эрг Ноор выключил аппарат и обратился к своим товарищам:

— Наши погибшие сестры и братья спасают нас! Разве не чувствуете вы рук сильного человека Земли! На корабле оказался анамезон. Теперь мы получили предупреждение о смертельной опасности, подстерегающей здесь нас! Я не знаю, что это такое, но, наверное, это чужая жизнь. Будь это космические, стихийные силы, они не только убили бы людей, но повредили и корабль. Получив такую помощь, нам было бы стыдно теперь не спастись и не донести до Земли открытия «Паруса» и свои. Пусть великие труды погибших, их полувековая борьба с космосом не пропадут даром.

— Как же вы думаете запастись горючим, не выходя из корабля? — спросил Кэй Бэр.

— Почему не выходя из корабля? Вы знаете, что это невозможно и нам придется выходить и работать снаружи. Но мы предупреждены и примем меры...

— Я догадываюсь, — сказал биолог Зон Тал, — барраж вокруг места работы.

— Не только, но и всего пути между кораблями! — добавил Пур Хисс.

— Конечно! Так как мы не знаем, что нас подстерегает, то барраж сделаем двойной — излучением и током. Протянем провода, по всему пути создадим световой коридор. За «Парусом» стоит неиспользованная ракета — в ней хватит энергии на все время работы.

Голова Бины Лед со стуком ударилась о стол. Врач и второй астроном придвинулись, преодолевая тяжесть, к бесчувственному товарищу.

— Ничего! — объявила Лума Ласви. — Сотрясение и перенапряжение. Помогите мне дотащить Бину до постели.

И это простое дело могло бы отнять слишком много времени, если бы механик Тарон не догадался приспособить автоматическую тележку — робота. С помощью ее всех восьмерых разведчиков развезли по постелям — пора было отдохнуть, иначе перенапряжение не приспособленного к новым условиям организма обернется болезнью. В трудный момент экспедиции каждый человек стал незаменим.

Вскоре две автоматические тележки для универсальных перевозок и дорожных работ, сцепленные вместе, принялись

выравнивать дорогу между звездолетами. Мощные кабели протянулись по обеим сторонам намеченного пути. У обоих звездолетов установили наблюдательные башенки с толстыми колпаками из силикобора. В них сидели наблюдатели, посылавшие время от времени вдоль пути веера смертоносных жестких излучений из пульсационных камер. Во все время работы не угасал ни на секунду свет сильных прожекторов. В киле «Паруса» открыли главный люк, разобрали переборки и приготовили к спуску на тележки четыре контейнера с анамезоном и тридцать цилиндров с ионными зарядами. Погрузка их на «Тантру» являлась гораздо более сложной задачей. Звездолет нельзя было открыть, как мертвый «Парус», и тем самым впустить в него все наверняка убийственные порождения чужой жизни. Поэтому люк только подготовили и, раскрыв внутренние переборки, перевезли с «Паруса» запасные баллоны с жидким воздухом. По задуманному плану с момента открытия люка и до окончания погрузки контейнеров приемную шахту следовало непрерывно продувать сильным напором сжатого воздуха. Кроме того, борт корабля прикрывался каскадным излучением.

Люди постепенно осваивались с работой в стальных «скелетах», немного привыкли к почти тройной силе тяжести. Ослабели нестерпимые боли во всех костях, начавшиеся вскоре после посадки.

Прошло несколько земных дней. Таинственное «ничто» не появлялось. Температура окружающего воздуха стала резко падать. Поднялся ураганный ветер, крепчавший с каждым часом. Это заходило черное солнце — планета поворачивалась, и материк, на котором стояли звездолеты, уходил на «ночную» сторону. Охлаждение благодаря конвекционным токам, теплоотдаче океана и толстой атмосферной шубе было нерезким, но все же к середине планетной «ночи» наступил сильный мороз. Работы продолжались с включенными обогревателями скафандров. Первый контейнер удалось спустить из «Паруса» и довезти до «Тантры», когда на «восходе» разбушевался новый ураган, гораздо сильнее закатного. Температура быстро поднялась выше нуля, струи плотного воздуха несли огромное количество влаги, молнии сотрясали небо. Ураган настолько усилился, что звездолет стал вздрагивать от напора чудовищного ветра. Все усилия людей сосредоточились на укреплении контейнера под килем «Тантры». Устрашающий рев урагана нарастал, на плоскогорье крутились опасные столбчатые вихри, очень похожие на земные торнадо. В полосе света вырос огромный смерч из снега и пыли, упиравшийся воронкой вершины в пятнистый и темный низкий небосвод. Под его напором провода высоковольт-

ного тока оборвались, голубоватые вспышки замыканий засверкали среди сворачивавшихся кольцами проволок. Желтоватый огонь прожектора, поставленного около «Паруса», погас, как задутый ветром.

Эрг Ноор отдал распоряжение укрыться в корабле, прекратив работу.

— Но там остался наблюдатель! — воскликнула геолог Бина Лед, указывая на едва заметный огонек силикоборовой башенки.

— Я знаю, там Низа, и сейчас отправлюсь туда, — ответил начальник экспедиции.

— Ток выключился, и «ничто» вступило в свои права, — серьезно возразила Бина.

— Если ураган действует на нас, то, несомненно, он действует и на это «ничто». Я уверен, что, пока буря не ослабеет, опасности нет. А я здесь так тяжел, что меня не сдует, если я, прижавшись к почве, проползу. Давно уже хотелось подстеречь «ничто» в башенке!

— Разрешите мне с вами? — подпрыгнул в своем «скелете» к начальнику биолог.

— Пойдемте, но только вы — более никто.

Два человека долго ползли, цепляясь за неровности и трещины камней, стараясь не попасться на дороге вихревых столбов. Ураган упорно силился оторвать их от почвы, перевернуть и покатить. Один раз это ему удалось, но Эрг Ноор ухватил катящегося Эона, навалился животом и уцепился руками в когтистых перчатках за край большого камня.

Низа открыла люк своей башенки, и ползуны по очереди протиснулись в него. Здесь было тепло и тихо, башенка стояла прочно, надежно укрепленная в мудром предвидении бурь.

Рыжекудрая девушка-астронавигатор и хмурилась и радовалась приходу товарищей. Низа честно призналась, что провести сутки наедине с бурей на чужой планете было бы неприятно.

Эрг Ноор сообщил на «Тантру» о благополучном переходе, и прожектор корабля погас. Теперь в первобытном мраке светился только слабенький огонек внутри башенки. Почва дрожала от порывов бури, ударов молний и шествия грозных смерчей. Низа сидела на вращающемся стуле, опершись спиной на реостат. Начальник и биолог уселись у ее ног на кольцевидный выступ основания башенки. Толстые в своих скафандрах, они занимали почти все место.

— Предлагаю поспать, — негромко зазвучал в телефонах голос Эрга Ноора. — До черного рассвета еще верных двенадцать часов, только тогда ураган стихнет и станет тепло.

Его товарищи охотно согласились. Придавленные тройной тяжестью, скорчившиеся в скафандрах, стиснутых жесткими каркасами, в тесной башенке, сотрясаемой бурей, люди спали — так велики приспособляемость человеческого организма и скрытые в нем силы сопротивления.

Время от времени Низа просыпалась, передавала дежурному на «Тантре» успокоительные сведения и дремала снова. Ураган заметно ослабел, содрогания почвы прекратились. Теперь могло появиться «ничто», или, вернее, «нечто». Наблюдатели башенки приняли ПВ — пилюли внимания, чтобы взбодрить угнетенную нервную систему.

— Мне не дает покоя чужой звездолет, — призналась Низа. — Мне так хочется узнать, кто «они», откуда, как попали сюда...

— И мне тоже, — ответил Эрг Ноор. — Давно уже по Великому Кольцу передавались рассказы о железных звездах и их планетах-ловушках. Там, в более населенных частях Галактики, где корабли летали уже давно и часто, есть планеты погибших звездолетов. Много старинных кораблей прилипало к этим планетам, много потрясающих историй рассказывается о них — теперь почти преданий, легенд о тяжком завоевании космоса. Может быть, на этой планете есть звездолеты еще более древних времен, хотя в нашей редко населенной области встреча трех кораблей — явление совершенно исключительное. В окрестностях нашего Солнца до сих пор не было известно ни одной железной звезды — мы открыли первую.

— Вы думаете предпринять исследование звездолета-диска? — спросил биолог.

— Обязательно! Как может простить себе ученый упущение такой возможности! Дисковые звездолеты в смежных с нами населенных областях неизвестны. Это какой-то дальний, может быть, странствовавший в Галактике несколько тысячелетий после гибели экипажа или непоправимой порчи. Может быть, многие передачи по Кольцу станут нам понятнее после получения тех материалов, которые мы доставим с этого корабля. Странная форма у него — дисковидная спираль, ребра на его поверхности очень выпуклы. Как только кончим перегрузку «Паруса», займемся чужаком, — сейчас пока нельзя оторвать ни одного человека.

— Но мы обследовали «Парус» за несколько часов...

— Я рассматривал диск в стереотелескоп. Он заперт, нигде не видно никакого отверстия. Проникнуть внутрь любого космического корабля, надежно защищенного от сил, много более могучих, чем все земные стихии, очень трудно. Попробуйте про-

биться в запертую «Тантру», сквозь ее броню из металла с перестроенной внутренней кристаллической структурой, сквозь верхнее боразонное покрытие, — это задача похуже осады крепости. Еще труднее, когда корабль совершенно чужой, с незнакомыми принципами устройства. Но мы попытаемся его разгадать.

— А когда мы посмотрим найденное в «Парусе»? — спросила Низа. — Там должны быть потрясающе интересные наблюдения тех прекрасных миров, о которых шла речь в сообщении.

Телефон донес добродушный смешок начальника:

— Я, мечтавший с детства о Веге, больше всего сгораю от нетерпения. Но для этого у нас будет много времени на пути домой. Прежде всего — вырваться из этого мрака, со дна преисподней, как говорили в старину. Исследователи «Паруса» не делали посадки, иначе мы нашли бы множество вещей с тех планет в коллекционных кладовых корабля. Вспомните, мы обнаружили, несмотря на тщательный осмотр, только фильмы, измерения и записи съемок, пробы воздуха и баллоны с взрывной пылью...

Эрг Ноор умолк и прислушался. Даже чуткие микрофоны не доносили ветрового шума — буря стихла. Снаружи сквозь почву слышался скрежещущий шорох, передававшийся стенкам башенки.

Начальник двинул рукой, и понявшая его без слов Низа выключила освещение. Мрак в нагретой инфракрасным излучением башенке казался плотным, как черная жидкость, будто сооружение стояло на дне океана. Сквозь прозрачную твердь силикоборового колпака замелькали вспышки коричневых огоньков, отчетливо видимых людьми. Огоньки загорались, на секунду образуя маленькую звездочку с темно-красными или темно-зелеными лучами, гасли и опять появлялись. Звездочки вытягивались цепочками, которые изгибались, свивались в кольца и восьмерки, беззвучно скользили по гладкой, твердой, как алмаз, поверхности колпака. Люди в башенке ощутили странную резь в глазах, острую мгновенную боль вдоль крупных нервов тела, точно короткие лучи коричневых звездочек иглами втыкались в нервные стволы.

— Низа, — прошептал Эрг Ноор, — передвиньте регулятор на полный накал и сразу включите свет.

Башенка осветилась ярким голубым земным светом. Ослепленные им люди не увидели ничего — вернее, почти ничего. Низа и Эон успели заметить, или это только показалось, что мрак с правой стороны башенки не сразу исчез, а на мгновение остался каким-то растопыренным, усаженным щупальцами сгустком. Это «нечто» молниеносно вобрало в себя щупальца и отпрыгнуло назад вместе со стеной тьмы, отброшенной светом.

Эрг Ноор ничего не увидел, но не имел оснований не доверять быстрой реакции своих молодых товарищей.

— Может быть, это призраки? — предположила Низа. — Призрачные сгустки тьмы вокруг зарядов какой-то энергии вроде, например, наших шаровых молний, а вовсе не формы жизни? Если здесь все черное, то и здешние молнии тоже черные.

— Ваша догадка поэтична, — возразил Эрг Ноор, — только она вряд ли верна. Прежде всего «нечто» явно нападало, домогаясь нашей живой плоти. Оно или его собратья уничтожили людей с «Паруса». Если оно организованно и устойчиво, если может двигаться в нужном направлении, накапливать и выделять какую-то энергию, тогда, конечно, ни о каком воздушном призраке речи быть не может. Это создание живой материи, и оно пытается нас пожрать!

Биолог присоединился к доводам начальника:

— Мне кажется, что здесь, на планете мрака, мрака только для нас, чьи глаза не чувствительны к инфракрасным лучам тепловой части спектра, другие лучи — желтые и голубые — должны очень сильно действовать на это создание. Реакция его так мгновенна, что погибшие товарищи с «Паруса» не могли ничего заметить, освещая место нападения... А когда замечали, то было поздно и умиравшие уже не могли ничего рассказать...

— Сейчас мы повторим опыт, как ни неприятно приближение «этого».

Низа выключила свет, и снова трое наблюдателей сидели в непроглядной темноте, поджидая создания мира тьмы.

— Чем вооружено оно? Почему его приближение чувствуется сквозь колпак и скафандр? — задавал вслух вопросы биолог. — Какой-то особый вид энергии?

— Видов энергии совсем мало, и эта, несомненно, электромагнитная. Но самых различных модификаций ее, бесспорно, существует множество. У этого существа есть оружие, действующее на нашу нервную систему. Можно представить себе, каково прикосновение такого щупальца к незащищенному телу!

Эрг Ноор поежился, а Низа Крит внутренне содрогнулась, заметив цепочки коричневых огоньков, быстро приближавшиеся с трех сторон.

— Существо это не одно! — тихо воскликнул Зон. — Пожалуй, не следует допускать их прикасаться к колпаку.

— Вы правы. Пусть каждый из нас повернется затылком к свету и смотрит только в свою сторону. Низа, включайте!

На этот раз каждый из исследователей успел заметить отдельную подробность, из которых составилось общее представление о существах, похожих на гигантских плоских медуз,

плывших на небольшой высоте над почвой и колыхающих внизу густой бахромой. Несколько щупалец были короткими по сравнению с размерами существа и достигали в длину не более метра. В острых углах ромбического тела извивались по два щупальца значительно большей длины. У основания щупалец биолог заметил огромные пузыри, чуть светившиеся изнутри и как бы рассылавшие по толще щупальца звездчатые вспышки.

— Наблюдатели, почему вы включаете и выключаете свет? — вдруг возник в шлемах чистый голос Ингрид. — Нужна помощь? Буря кончилась, и мы приступаем к работе. Сейчас придем к вам.

— Ни в коем случае! — строго приказал начальник. — На лицо большая опасность. Вызовите всех!

Эрг Ноор рассказал о страшных медузах. Посоветовавшись, путешественники решили выдвинуть на тележке часть планетарного двигателя. Огненные струи длиною в триста метров понеслись над каменистой равниной, сметая все видимое и невидимое на своем пути. Не прошло и получаса, как люди тянули оборванные кабели. Защита была восстановлена. Стало очевидно, что анамезон должен быть погружен до наступления планетной ночи. Ценой неимоверных усилий это удалось сделать, и изможденные путешественники, плотно закрыв люки, укрылись за несокрушимой броней звездолета, спокойно прислушиваясь к его содроганиям. Микрофоны доносили снаружи рев и грохотание урагана, и от этого маленький ярко освещенный мирок, недоступный силам тьмы, делался еще уютнее.

Ингрид и Лума раздвинули стереоэкран. Фильм был выбран удачно. Голубая вода Индийского океана заплескалась у ног сидящих в библиотеке. Шли игры Посейдона — мировые соревнования по всем видам водного спорта. В эпоху Кольца все люди дружили с морем так близко, как это могли только народы приморских стран в прошлом. Прыжки, плавание, ныряние на моторных досках, на ветровых плотиках. Тысячи прекрасных юных тел, покрытых загаром. Звонкие песни, смех, торжественная музыка финалов...

Низа склонилась к сидевшему рядом биологу, глубоко задумавшемуся и унесшемуся душой в бесконечную даль, к ласковой родной планете с ее покоренной природой.

— Вы участвовали в таких соревнованиях, Эон?

Биолог взглянул на нее непонимающими глазами.

— А, в этих? Нет, ни разу. Я задумался и сразу не понял.

— Разве вы думали не об этом? — Девушка показала на экран. — Правда, необыкновенно свежеет восприятие красоты

нашего мира после мрака, бури, после электрических черных медуз?

— Да, конечно. И от этого еще больше хочется добыть такую медузу. Я как раз ломал голову над этой задачей.

Низа Крит отвернулась от смеющегося биолога и встретилась с улыбкой Эрга Ноора.

— Вы тоже размышляли, как изловить этот черный ужас? — насмешливо спросила она.

— Нет, но думал об исследовании диска-звездолета.

Лукавые огоньки в глазах начальника почти рассердили Низу.

— Теперь мне понятно, почему в древности мужчины занимались войной. Я думала, что это только хвастовство вашего пола... считавшегося сильным в неустроенном обществе.

— Вы не совсем правы, хотя отчасти поняли нашу древнюю психологию. Но у меня так — чем прекраснее и любимее моя планета, тем больше хочется послужить ей. Сажать сады, добывать металлы, энергию, пищу, создавать музыку — так, чтобы я прошел и оставил после себя реальный кусочек сделанного моими руками, головой. Я знаю только космос, искусство звездоплавания и этим могу служить моему человечеству. Но ведь цель — не самый полет, а добыча нового знания, открывание новых миров, из которых когда-нибудь мы сделаем такие же прекрасные планеты, как наша Земля. А вы, Низа, чему вы служите? Почему и вас так влечет тайна звездолета-диска? Только ли одно любопытство?

Девушка порывистым усилием преодолела тяжесть усталых рук и протянула их начальнику. Тот взял их в свои большие ладони и нежно погладил. Щеки Низы заалели, усталое тело наполнилось новой силой. Как тогда, перед опаснейшей посадкой, она прижалась щекой к руке Эрга Ноора, простив заодно и биологу его кажущуюся измену Земле. Чтобы окончательно доказать свое согласие с обоими, Низа предложила только что пришедшую ей в голову идею. Снабдить один из водяных баков самозахлопывающейся крышкой. Положить туда в виде приманки сосуд со свежей кровью, а не консервированной из врачебного запаса. Кровь даст любой из астролетчиков. Если черное «нечто» проникнет туда и крышка захлопнется, то через заранее подготовленные краны надо продуть баллон инертным земным газом и заварить наглухо края крышки.

Эон пришел в восторг от изобретательности «рыжеволосой девчонки».

Эрг Ноор возился с настройкой человекоподобного робота и подготовлял мощный электрогидравлический резак, с помо-

щью которого он надеялся проникнуть внутрь спиралодиска с далекой звезды.

В уже знакомом мраке стихли бури, мороз сменился теплом — наступил девятисуточный «день». Работы оставалось на четыре земных дня — погрузка ионных зарядов, некоторых запасов и ценных инструментов. Кроме того, Эрг Ноор счел необходимым взять некоторые личные вещи погибшего экипажа, чтобы после тщательной дезинфекции доставить их на Землю как память родственникам. В эпоху Кольца люди не обременяли себя вещами — переноска их на «Тантру» не составила затруднения.

На пятый день выключили ток, и биолог вместе с двумя добровольцами — Кэй Бэром и Ингрид — заперся в наблюдательной башенке у «Паруса». Черные существа появились почти немедленно. Биолог приспособил инфракрасный экран и мог следить за убийственными медузами. Вот к баку-ловушке подобралась одна из них; сложив щупальца и свернувшись в округлый ком, она стала пробираться внутрь. Внезапно еще один черный ромб появился у раскрытого устья бака. Первое чудовище растопырило щупальца — вспышки звездчатых огоньков замелькали с неуловимой быстротой, превращаясь в полосы вибрирующего темно-красного света, которые на экране невидимых лучей засверкали зелеными молниями. Первое отодвинулось, тогда второе мгновенно свернулось в ком и упало на дно бака. Биолог протянул руку к кнопке, но Кэй Бэр задержал ее. Первое чудовище тоже свернулось и последовало за вторым. Теперь в баке находились две страшные медузы. Оставалось лишь удивляться, как они могли до такой степени уменьшить свой видимый объем. Нажим кнопки — крышка захлопнулась, и тотчас пять или шесть черных чудовищ облепили со всех сторон огромную, облицованную цирконием посуду. Биолог дал свет, сообщил на «Тантру» просьбу включить защиту. Черные призраки растаяли по своему обыкновению мгновенно, но двое остались в плену под герметической крышкой бака.

Биолог подобрался к баку, притронулся к крышке — и получил такой пронзительный нервный укол, что не сдержался и закричал от неистовой боли. Левая рука его повисла парализованная.

Механик Тарон надел защитный высокотемпературный скафандр. Лишь тогда удалось продуть бак чистым земным азотом и заварить крышку. Краны также запаяли, окружили бак куском запасной корабельной изоляции и водворили в коллекционную камеру. Победа была одержана дорогой ценой — паралич руки биолога не проходил, несмотря на усилия врача. Эон Тал сильно страдал, но и не подумал отказаться от похода к

спиралодиску. Эрг Ноор, отдавая дань его ненасытному стремлению к исследованиям, не смог оставить его на «Тантре».

Спиралодиск — гость из дальних миров — оказался дальше от «Паруса», чем это показалось путешественникам вначале. В расплывшемся вдали свете прожекторов они неверно оценили размеры корабля. Это было поистине колоссальное сооружение, не меньше четырехсот метров в поперечнике. Пришлось снять кабели с «Паруса», чтобы дотянуть защитную систему до диска. Таинственный звездолет навис над людьми отвесной стеной, уходившей далеко вверх и терявшейся в пятнистой тьме неба. Угольно-черные тучи клубились, скрывая верхнюю треть исполинского диска. Малахитово-зеленая масса покрывала корпус. Ее сильно растрескавшийся слой был около метра толщины. В зиянии трещин из-под него выглядывал ярко-голубой металл, просвечивавший синим в местах, где стерся малахитовый слой. Обращенная к «Парусу» сторона диска была снабжена спирально свернутым валообразным возвышением, двадцати метров в поперечнике и около десяти метров в вышину. Другая сторона звездолета, тонувшая в кромешной тьме, казалась более выпуклой, представляя собой как бы срез шара, присоединенный к диску тридцатиметровой толщины. По этой стороне тоже изгибался спиралью высокий вал, словно на поверхность выступала наружная сторона погруженной в корпус корабля спиральной трубы.

Колоссальный диск глубоко утонул своим краем в почве. У подошвы отвесной металлической стены люди увидели сплавленный камень, растекшийся в стороны, как густая смола.

Много часов затратили исследователи в поисках какого-нибудь люка. Но он был либо скрыт под малахитовой окалиной, либо вообще запирался так искусно, что не оставлял следов на поверхности корабля. Не нашли они ни отверстий оптических приборов, ни кранов продувочной системы. Металлическая скала казалась сплошной. Предвидевший это Эрг Ноор решил вскрыть корпус корабля с помощью электрогидравлического резака, одолевавшего самые твердые и вязкие покрытия земных звездолетов. После короткого совещания все согласились взрезать верхушку спирального вала. Именно там должна была проходить какая-то пустота, труба или кольцевой ход по кораблю, сквозь который можно было рассчитывать добраться до внутренних помещений звездолета без риска упереться в ряд последовательных переборок.

Серьезное изучение спиралодиска могло быть выполнено только специальной экспедицией. Для посылки ее на эту опасную планету следовало доказать, что внутри гостя далеких миров сохранились в неприкосновенности приборы и материалы,

что уцелел весь обиход тех, кто вел корабль через такие бездны пространства, перед которыми пути земных звездолетов были лишь первой робкой вылазкой в просторы космоса.

Спиральный вал на другой стороне диска подходил вплотную к почве. Туда подтащили прожектор и высоковольтные провода. Синеватый свет, отраженный от диска, тусклым туманом рассеялся по равнине и достиг темных высоких предметов неопределенных очертаний, вероятно скал, прорезанных воротами бездонной темноты. Ни отсвет туманных звездных пятнышек, ни лучи прожектора не давали ощущения почвы в этих воротах мрака. Вероятно, там и был спуск на низменную равнину, замеченную при посадке «Тантры».

Низко и глухо урча, подползла автоматическая тележка, выгрузившая единственного на корабле универсального робота. Нечувствительный к тройной тяжести, он быстро передвинулся к диску и стал у металлической стены, похожий на толстого человека с короткими ногами, длинным туловищем и громадной, угрожающе наклоненной вперед головой.

Повинуясь управлению Эрга Ноора, робот поднял своими четырьмя верхними конечностями тяжелый резак и стал, широко расставив ноги, готовый к исполнению опасного предприятия.

— Управлять роботом будем только Кэй Бэр и я в скафандрах высшей защиты, — распорядился в телефон начальник экспедиции. — Остальные, в легких биологических скафандрах, отойдите подальше...

Начальник запнулся. Что-то прошло сквозь его сознание, вызвало сокрушающую тоску в сердце, заставило подогнуть колени. Гордая воля человека сникла, заменившись тупой покорностью. Весь в липком поту, Эрг Ноор безвольно шагнул к черным воротам. Крик Низы, отдавшийся в его телефоне, вернул сознание. Он остановился, но темная сила, возникшая в его психике, снова погнала его вперед.

Вместе с начальником так же медленно, останавливаясь и, видимо, борясь с собой, пошли Кэй Бэр и Эон Тал — те, что стояли у границы светового круга. Там, в воротах мрака, в клубах тумана возникло движение формы, неизъяснимой для человеческого представления и тем более устрашавшей. Это не была уже знакомая медузообразная тварь; в серой полутени двигался черный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине. На трех концах креста виднелись линзы, отблескивавшие в свете прожектора, с трудом пробивавшего туман влажных испарений. Основание креста утопало во мраке неосвещенного углубления почвы.

Эрг Ноор шел быстрее других, приблизился к непонятному предмету на сотню шагов и упал. Прежде чем оцепеневшие люди смогли сообразить, что дело идет о жизни и смерти начальника, черный крест стал выше круга протянутых проводов. Он склонился вперед, словно стебель растения, явно намереваясь перегнуться через защитное поле и достичь Эрга Ноора.

Низа с исступлением, придавшим ей силу атлета, подскочила к роботу и завертела рукоятками управления на его затылке. Медленно и как бы неуверенно робот стал поднимать резак. Тогда девушка, отчаявшись в своем умении управлять сложной машиной, прыгнула вперед, прикрывая собой начальника. Из трех оконечностей креста вылетели какие-то змеящиеся светлые струи или молнии. Девушка упала на Эрга Ноора, широко раскинув руки. Но, на счастье, робот уже повернул раструб резака со скрытым внутри острием к центру черного креста. Тот конвульсивно изогнулся, как бы падая навзничь, и скрылся в непроглядной темени у скал. Эрг Ноор и оба его товарища сразу пришли в себя, подняли девушку и отступили за край спиралодиска. Опомнившиеся спутники уже катили импровизированную пушку из планетарного двигателя. С неиспытанным ранее чувством жестокой ярости Эрг Ноор направил разрушительную струю излучения к скалам-воротам, с особой тщательностью подметая равнину и стараясь не пропустить ни одного квадратного метра почвы. Эон Тал стал на колени перед неподвижной Низой, негромко спрашивая в телефон и стараясь разглядеть подробности ее лица под силиколлом шлема. Девушка лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Признаков дыхания ни услышать в телефон, ни уловить через скафандр биолог не смог.

— Чудовище убило Низу! — горько вскричал Эон Тал, едва завидев подошедшего Эрга Ноора.

Сквозь узкую смотровую полоску шлема нельзя было рассмотреть глаза начальника.

— Немедленно доставьте ее на «Тантру», к Луме! — В голосе Эрга Ноора более чем когда-либо звучали металлические ноты. — Помогите и вы разобраться в характере поражения... Мы останемся вшестером и доведем до конца исследование. Пусть геолог отправится с вами и собирает всевозможные горные породы по пути от диска до «Тантры» — мы не можем задерживаться более на этой планете. Здесь надо вести исследование в танках высшей защиты, а мы только погубим экспедицию. Возьмите третью тележку и поспешите!

Эрг Ноор повернулся и, не оглядываясь, направился к звездолету-диску. «Пушку» выставили вперед. Ставший за нее инженер-механик включал реку огня каждые десять минут, об-

водя весь полукруг вплоть до края диска. Робот поднес резак к гребню второй внешней петли спирального вала, который здесь, у погруженного в почву края диска, приходился на уровне груди автомата.

Громкое гудение проникло даже сквозь толщу скафандров высшей защиты. По выбранному участку малахитового слоя зазмеились мелкие трещины. Куски этой твердой массы отлетали, гулко ударяясь о металлическое тело робота. Боковые движения резака отделили целую плиту слоя, обнажив зернистую поверхность ярко-голубого цвета, приятного даже в свете прожектора. Наметив квадрат, достаточный, чтобы пропустить человека в скафандре, Кэй Бэр заставил робота энергичным нажимом провести в голубом металле глубокий разрез, который не пробил всей его толщи. Робот прочертил вторую линию под углом к первой и стал двигать острием резака взад и вперед, увеличивая напряжение. Разрез в металле углубился более чем на метр. Когда механический помощник прочертил третью сторону квадрата, то разрезы стали расходиться, выворачиваясь наружу.

— Осторожно! Все назад! Падайте! — завопил в микрофон Эрг Ноор, выключая робота и отшатнувшись.

Толстенный кусок металла вдруг отвернулся, как крышка консервной банки. Струя невообразимо яркого радужного пламени ударила из отверстия по касательной вдоль спирального вздутия. Только это спасло незадачливых исследователей, да еще то, что голубой металл моментально заплавился и вновь закрыл прорезанное отверстие. От могучего робота остался ком сплавленного металла, из которого жалобно торчали короткие металлические ноги. Эрг Ноор и Кэй Бэр уцелели лишь благодаря предусмотрительно надетым скафандрам. Взрыв отбросил их далеко от странного звездолета, разбросал остальных, опрокинул «пушку» и оборвал высоковольтные кабели.

Очнувшись от потрясения, люди поняли, что остались беззащитными. По счастью, они лежали в свете уцелевшего прожектора. Никто не пострадал, но Эрг Ноор решил, что с них довольно. Бросив ненужные инструменты, кабели и прожектор, исследователи погрузились на неповрежденную тележку и поспешно отступили к своему звездолету.

Удачное стечение обстоятельств при неосторожном вскрытии чужого звездолета вовсе не зависело от предусмотрительности начальника. Вторая попытка сделать это должна была окончиться много плачевнее... А Низа, милый астронавигатор, что она?.. Эрг Ноор надеялся, что скафандр должен был ослабить смертоносную силу черного креста. Не убило же биолога прикосновение к черной медузе. Но здесь, вдали от могущест-

венных земных врачебных институтов, смогут ли они справиться с воздействием неведомого оружия?..

В переходной камере Кэй Бэр приблизился к начальнику и показал на заднюю сторону левого наплечника. Эрг Ноор повернулся к зеркалам, которые всегда находились в переходных камерах для обязательного осмотра самих себя при возвращении с чужой планеты. Тонкий лист цирконо-титанового наплечника распоролся. Из рваной борозды торчал кусок небесно-голубого металла, вонзившийся в изоляционную прокладку, но не проткнувший внутреннего слоя скафандра. С трудом удалось вырвать осколок металла. Ценой большой опасности и в конце концов случайно образец загадочного металла спирало-дискового звездолета теперь будет доставлен на Землю.

Наконец Эрг Ноор, освобожденный от скафандра, смог войти — вернее, проковылять под давящим тяготением страшной планеты — внутрь своего корабля.

Вся экспедиция ожидала его с огромным нетерпением. Катастрофа у диска наблюдалась в стереовизофоны, и нечего было спрашивать о результатах попытки.

Глава четвертая
РЕКА ВРЕМЕНИ

Веда Конг и Дар Ветер стояли на круглой маленькой площадке винтолета, медленно плывшего над бесконечными степями. Легкий ветерок разводил широкие волны по цветущим густым травам. Вдали налево виднелось стадо черно-белого скота — потомков животных, выведенных путем скрещивания яков, коров и буйволов.

Невысокие холмы, тихие реки с широкими долинами — простором и покоем веяло от этого устойчивого и плоского участка земной коры, некогда называвшегося Западно-Сибирской низменностью.

Дар Ветер задумчиво смотрел на землю, когда-то покрытую бесконечными унылыми болотами и редкими чахлыми лесами сибирского севера. Он мысленно видел картину древнего мастера, еще в детстве произведшую на него неизгладимое впечатление.

Над излучиной огромной реки, образовавшей высокий мыс, стояла серая от старости деревянная церковь, сиротливо обращенная к простору заречных полей и лугов. Тонкий крест на куполе чернел под рядами низких тяжелых туч. На маленьком кладбище позади церкви несколько ив и берез склоняли

под ветром свои растрепанные вершины. Низко опущенные ветви почти касались полуистлевших крестов, поваленных временем и бурями, среди свежей мокрой травы. За рекой громоздились серо-фиолетовыми глыбами ощутимо плотные облака. Широкая река отсвечивала безжалостным железным блеском. Тот же холодный блеск лежал повсюду. Дали и ближний план были мокры от назойливого осеннего дождя холодных и неуютных северных широт. И вся гамма синевато-серо-зеленых красок картины говорила о просторах неурожайной земли, где человеку жить трудно, холодно и голодно, где так чувствуется его одиночество, характерное в давние времена людского неразумия.

Окном в очень далекое прошлое казалось Дар Ветру эта картина в музее в глубине прозрачной защитной брони, обновленная и подсвеченная невидимыми лучами.

Дар Ветер безмолвно оглянулся на Веду. Молодая женщина положила руку на поручень борта платформы. Склонив голову, она сосредоточенно думала, следя за клонящимися по ветру стеблями высоких трав. Ковыль серебрился широкими медленными разливами, неторопливо плыла над степью круглая площадка винтолета. Маленькие знойные вихри внезапно налетали на путешественников, развевали волосы и платье Веды, с озорством дули жаром в глаза Дар Ветру. Но автоматический выравниватель работал быстрее мысли, и летящая площадка только вздрагивала или едва заметно покачивалась.

Дар Ветер нагнулся над рамкой курсографа. Полоска карты двигалась быстро, отражая их собственное передвижение, — пожалуй, они забрались слишком далеко на север. Они давно пересекли шестидесятую параллель, прошли над слиянием Иртыша с Обью и приблизились к возвышенностям, называвшимся Сибирскими увалами.

Степное пространство стало привычным обоим путешественникам, четыре месяца работавшим на раскопках древних курганов в знойных степях алтайских предгорий. Исследователи прошлого как будто погрузились в те времена, когда лишь редкие отряды вооруженных всадников пересекали южные степи.

Веда повернулась и молча показала вперед. Там, в струях нагретого воздуха, плавал темный островок, казалось, оторванный от почвы. Спустя несколько минут винтолет приблизился к небольшому холму — вероятно, отвалу когда-то бывшего здесь рудника. Ничего не осталось от строений шахт — только бугор, густо поросший вишенником.

Круглая летящая площадка вдруг резко накренилась.

Дар Ветер, как автомат, перехватил Веду за талию и кинулся к поднявшемуся краю платформы. Винтолет выровнялся на долю секунды только для того, чтобы плашмя рухнуть к подножию холма. Сработали амортизаторы, и обратный толчок швырнул Веду и Дар Ветра на склон холма, прямо в чащу жестких кустарников. После минутного молчания по степному безмолвию разнесся низкий грудной смех Веды. Дар Ветер представил себе собственную изумленную и поцарапанную физиономию и принялся вторить Веде в безотчетной радости, что она невредима и что авария обошлась благополучно.

— Недаром винтолетам запрещается лететь выше восьми метров, — слегка задыхаясь, произнесла Веда Конг. — Теперь я понимаю...

— При порче машина сразу валится, и одна надежда — на амортизаторы. Ничего не поделать, закономерная расплата за легкость и малые размеры. Пожалуй, что нас ожидает еще одна расплата за все благополучные полеты, — с чуть наигранным равнодушием сказал Дар Ветер.

— А именно? — посерьезнела Веда.

— Безупречная работа приборов устойчивости подразумевает большую сложность механизмов. Боюсь, для того чтобы в них разобраться, мне потребуется много времени. Придется выбираться по способу наибеднейших предков...

Веда с лукавым огоньком в глазах протянула руку, и Дар Ветер легко поднял молодую женщину. Они спустились к упавшему винтолету, смазали царапины заживляющим раствором, заклеили разорванное платье. Дар Ветер уложил Веду в тень куста, а сам принялся изучать причины аварии. Как он и догадывался, что-то произошло с автоматическим выравнивателем, блокирующее приспособление которого выключило двигатель. Едва Дар Ветер открыл коробку прибора, как ему стало ясно, что с ремонтом ничего не получится — слишком долго придется вникать в суть сложнейшей электроники. С легким вздохом досады он выпрямил уставшую спину и покосился на куст, под которым доверчиво прикорнула Веда Конг. Жаркая степь, насколько хватает глаз, была совершенно безлюдна. Две большие хищные птицы медленно кружили над колеблющимся голубоватым маревом...

Послушная машина стала мертвым диском, беспомощно улегшимся на сухой земле. Странное чувство одиночества и оторванности от всего мира подступило к Дар Ветру.

И в то же время он ничего не боялся. Пусть наступит ночь, тогда видимость невооруженного глаза станет более дальней; они обязательно увидят какие-нибудь огни и пойдут к ним.

Они полетели налегке, не захватив ни радиотелефона, ни фонарей, ни еды.

«Когда-то в степи можно было погибнуть от голода, если не возить с собой большие запасы пищи... И воды!» — думал бывший заведующий внешними станциями, прикрывая глаза от яркого света. Он наметил кусочек тени от куста вишни рядом с Ведой и беспечно растянулся на земле, покалывавшей тело сквозь легкую одежду сухими стебельками трав. Тихий шелест ветра и зной погружали душу в забытье: медленно текли мысли; неспешно сменяя одна другую, проходили в памяти картины давно прошедших времен — длинной чередой шли древние народы, племена, отдельные люди... Будто текла оттуда, из прошлого, огромная река меняющихся с каждой секундой событий, лиц и одежд.

— Ветер! — услышал он сквозь дрему зов любимого голоса, очнулся и сел.

Солнце красным шаром уже касалось потемневшей линии горизонта, ни малейшего дуновения не чувствовалось в замершем воздухе.

— Господин мой, Ветер, — шаловливо склонилась перед ним Веда, подражая древним женщинам Азии, — не угодно ли проснуться и вспомнить обо мне?

Проделав несколько гимнастических упражнений, Дар Ветер окончательно стряхнул с себя сон. Веда согласилась с его планами дожидаться ночи. Темнота застала их в оживленном обсуждении прошедшей работы. Внезапно Дар Ветер заметил, что Веда вздрагивает. Ее руки стали холодными, и он сообразил, что легкое платье Веды вовсе не защищает ее от ночной прохлады этих северных мест.

Летняя ночь шестидесятой параллели была светлой — им удалось собрать большую кучу хвороста.

Громко щелкнул электрический разряд, извлеченный Дар Ветром из могучего аккумулятора винтолета, и скоро яркое пламя костра сгустило темноту вокруг, насыщая людей своим животворным теплом.

Съежившаяся Веда распустилась вновь, как цветок под солнцем, и оба поддались почти гипнотической задумчивости. Где-то глубоко в душе человека за те сотни тысяч лет, в которые огонь был его главным прибежищем и спасением, осталось неистребимое чувство уюта и покоя, порождаемое огнем в часы, когда холод и темнота окружали человека...

— Что гнетет вас, Веда? — нарушил молчание Дар Ветер.

— Я вспомнила ту, с платком... — тихо ответила Веда, не сводя глаз с рассыпающихся золотом углей.

Дар Ветер сразу понял. Накануне своего полета они закончили в приалтайских степях вскрытие большого кургана скифов. Внутри сохранившегося деревянного сруба находился скелет старика вождя, окруженный костяками лошадей и рабов, прикрытых краем курганной насыпи. Старый вождь лежал с мечом, щитом и панцирем, а в его ногах оказался скрюченный скелет совсем юной женщины. К костяным чертам ее черепа прилегал шелковый платок, когда-то туго обмотанный вокруг лица. Сохранить платок не удалось, несмотря на все ухищрения, но за несколько минут, пока он не рассыпался в тонкую пыль, удалось точно воспроизвести очертания прекрасного лица, отпечатавшегося на ткани тысячи лет тому назад. Платок передавал еще одну страшную подробность — отпечаток вылезших из орбит глаз женщины, несомненно задушенной этим платком и брошенной в могилу своего мужа, чтобы сопровождать его в неведомых путях загробного мира. Ей было не больше девятнадцати, ему — не меньше семидесяти лет, преклонный для тех времен возраст.

Дар Ветер вспомнил дискуссию, разгоревшуюся по поводу находки среди молодых сотрудников экспедиции Веды. По доброй воле или насильно пошла женщина за своим мужем? Зачем? Во имя чего? Если из-за большой, преданной любви, то как же можно было убивать ее, а не сберечь как лучшую память о себе в покинутом мире живых?

В спор вступила Веда Конг. Она долго вглядывалась в темный бугор кургана загоревшимися глазами, стараясь проникнуть умственным взором в толщу прошедших времен.

— Старайтесь понять тех людей. Просторы древних степей были действительно беспредельными для единственных средств сообщения того времени — лошадей, верблюдов, быков. И на гигантском просторе обитали отдельные группы кочевников-скотоводов, не только ничем не связанных между собой, но состоявших в неугасимой вражде. Множество обид и злобы копилось из поколения в поколение; каждый пришелец был врагом, каждое племя — добычей, обещавшей скот и рабов, то есть людей, работавших по принуждению, как скот, под кнутом. Такое устройство общества порождало, с одной стороны, большую, совсем неизвестную нам свободу отдельного человека в мелких его страстях и желаниях и, с другой стороны, невероятную замкнутость в общении людей между собой и узость помыслов. Если народность или племя состояло из небольшого числа людей, способных прокормиться охотой и сбором плодов, то эти свободные кочевники жили в постоянном страхе нападения и порабощения или истребления со стороны воинственных сосе-

дей. Но при изоляции страны и многочисленности населения, могущего создать большую военную силу, люди также платили за безопасность от военных набегов своей свободой, так как в таких сильных государствах всегда развивались деспотия и тирания. Так было в Древнем Египте, Ассирии и Вавилонии.

Женщины, особенно красивые, в древности являлись добычей и игрушками сильного. Им нельзя было существовать без власти и защиты мужчины.

Собственные стремления и воля женщины значили так мало, нестерпимо мало, что перед лицом той жизни... кто знает... Может быть, смерть казалась более легкой участью...

Громко треснула горящая ветка, вернув Дар Ветра к действительности. Отзываясь на его думы, Веда придвинулась ближе, медленно ворошила костер, следя за перебегавшими по углам язычками синеватого пламени.

— Сколько терпеливого мужества надо было в те времена, чтобы остаться самой собой, не опускаться, а возвышаться в жизни!.. — тихо промолвила Веда Конг.

— Мне кажется, — возразил Дар Ветер, — что мы преувеличиваем тяжесть древней жизни. Мало того что она была привычной, ее неустроенность влекла за собой разнообразие случайностей. Воля и сила человека высекали и из этой жизни вспышки романтических радостей, как искры из серого камня.

— Я тоже становлюсь в тупик, — сказала Веда, — как долго не могли наши предки понять простого закона, что судьба общества зависит только от них самих, что общество таково, каково морально-идейное развитие его членов, зависящее от экономики.

— Что совершенная форма научного построения общества — это не просто количественное накопление производительных сил, а качественная ступень — это ведь так просто, — ответил Дар Ветер. — И еще понимание диалектической взаимозависимости, что новые общественные отношения без новых людей совершенно так же немыслимы, как новые люди без этой новой экономики. Тогда — понимание привело к тому, что главной задачей общества стало воспитание, физическое и духовное развитие человека. Когда это наконец пришло?

— В ЭРМ, в конце века Расщепления, вскоре после ВВР — Второй Великой Революции.

— Хорошо, что не позже! Истребительная техника войны...

Дар Ветер умолк и повернулся к темной прогалине слева, между костром и склоном холма. Тяжелый топот и мощное отрывистое дыхание послышались совсем близко и заставили вскочить обоих путешественников.

Громадный черный бык вырос перед костром. Пламя мерцало кровавыми отблесками в его злобно выкаченных глазах. Сопя и разбрасывая копытами сухую землю, чудовище готовилось к нападению. В слабом свете бык казался невероятно огромным, опущенная голова походила на гранитный валун, горой громоздилась высокая холка, облепленная буграми мускулов. Никогда еще ни Веде, ни Дар Ветру не приходилось стоять близко к смертоносной и злобной силе животного, чей нерассуждающий мозг был недоступен разумному убеждению.

Веда крепко стиснула руки на груди и стояла, не шелохнувшись, будто загипнотизированная видением, внезапно выросшим из тьмы. Дар Ветер, повинуясь могучему инстинкту, стал перед быком, заслонив собой Веду, как тысячи тысяч раз делали его предки. Но руки человека новой эры были безоружны.

— Веда, прыжок направо... — едва успел произнести он, как животное ринулось на них.

Хорошо натренированные тела обоих путешественников могли поспорить в быстроте с первобытным проворством быка. Великан пронесся мимо и с треском врезался в гущу кустарника, а Веда и Дар Ветер отступили в темноту в нескольких шагах от винтолета. В стороне от костра ночь была вовсе не такой темной, и платье Веды, несомненно, было видно издалека. Бык выбрался из кустарника. Дар Ветер ловко подбросил свою спутницу, и она, сделав сальто, оказалась на площадке винтолета. Пока животное поворачивалось, взрыв копытами землю, Дар Ветер очутился на машине рядом с Ведой. Они обменялись мимолетными взглядами, и в глазах своей спутницы он не прочитал ничего, кроме откровенного восторга. Крышка двигателя была снята еще днем, когда Дар Ветер пытался проникнуть в премудрое устройство. Теперь, собрав всю свою огромную силу, он оторвал от бортового ограждения площадки кабель уравнительного поля, сунул его оголенный конец под пружину главной клеммы трансформатора и предостерегающе отодвинул Веду. В это время бык зацепил рогом за перила, и винтолет покачнулся от могучего рывка. Дар Ветер ткнул концом кабеля в нос животному. Желтая молния, глухой удар — и свирепый бык рухнул тяжелой грудой.

— Вы убили его! — с негодованием воскликнула Веда.

— Не думаю, земля сухая! — довольно улыбнулся хитроумный герой.

И в подтверждение его слов бык слабо замычал, поднялся и, не оглядываясь, побежал прочь неуверенной рысью, словно чувствуя свой позор. Путешественники вернулись к костру. Новая порция хвороста оживила потухшее пламя.

— Мне больше не холодно, — сказала Веда. — Поднимемся на холм.

Вершина бугра скрыла костер, бледные звезды северного лета расплывались у горизонта туманными шариками.

С запада не было ничего видно, на севере, на склонах холмов, едва заметные, мерцали ряды каких-то огней, с юга, тоже очень далеко, горела яркая звезда наблюдательной башни скотоводов.

— Неудачно, придется идти всю ночь... — пробормотал Дар Ветер.

— Нет, нет, смотрите! — И Веда показала на восток, где внезапно вспыхнули четыре огня, расположенные квадратом. До них было не больше нескольких километров. Заметив направление по звездам, они спустились к костру. Веда Конг задержалась перед тусклым пламенем углей, как будто стараясь вспомнить что-то.

— Прощай, наш дом... — задумчиво сказала она. — Наверное, у кочевников всегда были такие жилища — непрочные и недолгие. И я сегодня стала женщиной той эпохи.

Она повернулась к Дар Ветру и доверчиво положила руку ему на шею.

— Я так остро почувствовала необходимость защиты!.. Я не боялась, нет! Но какая-то заманчивая покорность силе судьбы, так кажется...

Веда заложила руки за голову и гибко потянулась перед огнем. Секунду спустя ее затуманившиеся глаза вновь обрели свой задорный блеск.

— Что ж, ведите... герой! — Тон низкого голоса стал неопределенно загадочен и нежен.

Светлая ночь, напоенная запахами трав, жила шорохами зверьков, выкриками ночных птиц. Веда и Дар Ветер осторожно ступали, опасаясь провалиться в невидимую нору или трещину сухой земли. Метельчатые стебли ковыля скользили по щиколоткам. Дар Ветер сосредоточенно осматривался, едва только в степи показывались темные груды кустов.

Веда тихонько рассмеялась.

— Может быть, следовало взять аккумулятор и кабель?

— Вы легкомысленны, Веда, — добродушно возражал Дар Ветер, — более, чем я ожидал!

Молодая женщина вдруг стала серьезной.

— Я слишком сильно почувствовала вашу защиту...

И Веда начала говорить — вернее, думать вслух — о дальнейшей деятельности своей экспедиции. Первый этап работ на степных курганах окончился, ее сотрудники возвращались к

прежним или устремлялись к новым занятиям. Но Дар Ветер не выбрал себе еще другого дела. Он был свободен и мог следовать за любимой. Судя по доходившим до них сообщениям, работа Мвена Маса шла хорошо. Даже если бы она шла плохо, Совет не назначил бы Дар Ветра так скоро вновь на то же место. В эпоху Великого Кольца считалось неполезным держать людей подолгу на одной и той же работе. Притуплялось самое драгоценное — творческое вдохновение, и только после большого перерыва можно было вернуться к старому занятию.

— После шести лет общения с космосом не показалась ли мелкой и монотонной наша работа? — Ясный и внимательный взгляд Веды искал его взгляда.

— Работа вовсе не мелка и не однообразна, — возразил Дар Ветер, — но она не дает мне того напряжения, к которому я привык. Я становлюсь благодушным и слишком спокойным, будто меня лечат голубыми снами!

— Голубыми?.. — переспросила Веда, и заминка ее дыхания сказала Дар Ветру больше, чем невидимая в темноте краска на щеках. — Я начну исследование с древней пещеры, — перебила она сама себя, — но не раньше, чем соберется новая группа добровольцев раскопщиков. До того поеду на морские раскопки, товарищи звали помочь.

Дар Ветер понял, и сердце радостно стукнуло. Но в следующую секунду он запрятал чувства в дальний уголок души и поспешил на помощь Веде, спокойно спросив:

— Вы имеете в виду раскопки подводного города к югу от Сицилии? Я видел замечательные вещи оттуда во Дворце Атлантиды.

— Нет, теперь мы ведем работы на побережьях восточного Средиземноморья, Красного моря и у берегов Индии. Поиски сохранившихся под водой сокровищ культуры, начиная с Крито-Индии и кончая наступлением Темных веков.

— То, что пряталось, а чаще и просто бросалось в море при крушении островков цивилизации, под напором новых сил, варварски свежих, невежественных и беспечных, — это я понимаю, — задумчиво говорил Дар Ветер, продолжая следить за белесоватой равниной. — Понимаю и великое разрушение древней культуры, когда античные государства, сильные своей связью с природой, не смогли ничего изменить в мире, справиться со все более отвратительным рабством и паразитирующей верхушкой общества.

— И люди сменили античное рабство на феодализм и религиозную ночь средневековья, — подхватила Веда. — Но что же осталось вам непонятным?

— Просто я плохо представляю крито-индийскую культуру.

— Вы не знаете новых исследований. Ее следы теперь находятся на огромном пространстве от Америки через Крит, юг Средней Азии и Северную Индию до Западного Китая.

— Я не подозревал, что в столь древние времена уже могли быть тайники для сокровищ искусства, как у Карфагена, Греции или Рима.

— Поедете со мной, увидите, — тихо сказала Веда.

Дар Ветер молча шел рядом. Начался пологий подъем. Они дошли до гребня увала, когда Дар Ветер внезапно остановился.

— Благодарю за приглашение, я поеду...

Веда чуть недоверчиво повернула голову, но в сумерках северной ночи глаза ее спутника были темны и непроницаемы.

За перевалом огни оказались совсем близкими. Светильники в поляризующих колпаках не рассеивали лучей и от этого казались дальше, чем на самом деле. Сосредоточенное освещение служило признаком ночной работы. Гул напряженного тока становился сильнее. Контуры ажурных балок серебристо блестели под высокими голубыми лампами. Предостерегающий вой заставил их остановиться — сработал заградительный робот.

— Опасно, идите налево, не приближаясь к линии столбов! — проревел невидимый усилитель.

Они послушно повернули к группе передвижных белых домиков.

— Не смотрите в сторону поля! — продолжал заботливый автомат.

Двери в двух домиках открылись одновременно, два снопа света, скрестившись, легли на темную дорогу. Группа мужчин и женщин радушно приветствовала путников, удивляясь столь несовершенному способу передвижения, к тому же ночью.

Тесная кабинка с перекрещивающимися струями насыщенной газом и электричеством ароматной воды с веселой игрой точечных электроразрядов на коже была местом тихой радости.

Освеженные путешественники встретились за столом.

— Ветер, милый, мы попали к собратьям по работе!

Веда налила золотистого питья в узкие бокалы, сразу запотевшие от холода.

— «Десять тонусов» тут! — весело потянулся он к своему бокалу.

— Победитель быка, вы дичаете в степи, — запротестовала Веда. — Я сообщаю интересные новости, а вы думаете только о пище!

— Здесь раскопки? — усомнился Дар Ветер.

— Только не археологические, а палеонтологические. Изучают ископаемых животных пермской эпохи — двести миллионов лет тому назад. Трепещу с нашими жалкими тысячами...

— Сразу изучают, не выкопав? Как же так?

— Да, сразу. Но как это делается, еще не узнала.

Один из сидевших за столом, тощий желтолицый человек, вмешался в разговор:

— Сейчас наша группа сменяет другую. Только что закончили подготовку и приступаем к просвечиванию.

— Жесткими излучениями? — догадался Дар Ветер.

— Если вы не очень устали, советую посмотреть. Завтра мы будем перемещать площадку дальше, а это не представляет интереса.

Веда и Дар Ветер обрадовано согласились. Гостеприимные хозяева поднялись из-за стола, повели их к соседнему дому. Там, в нишах с циферблатом индикатора над каждой, висели защитные костюмы.

— Ионизация от наших мощных трубок очень велика, — с оттенком извинения сказала высокая, чуть сутулая женщина, помогая Веде облачиться в плотную ткань, прозрачный шлем и закрепляя на ее спине сумки с батареями.

В поляризованном свете каждый холмик на бугристой степной почве выделялся неестественно четко. За контуром обнесенного тонкими рейками квадратного поля послышался глухой стон. Земля вспучилась, растрескалась и осыпалась воронкой, в центре которой возник остроносый сверкающий цилиндр. Спиральный гребень обвивал его полированные стенки, на переднем конце вращалась сложная электрофреза из синеватого металла. Цилиндр перевалился через край воронки, повернулся, показав быстро мелькавшие позади лопатки, и начал вновь зарываться в нескольких метрах в стороне от воронки, уткнув свой полированный нос почти отвесно в землю.

Дар Ветер заметил, что за цилиндром тянется двойной кабель — один изолированный, другой блестевший голым металлом. Веда тронула его за рукав и показала вперед, за ограду магниевых реек. Там выбрался из-под земли второй такой же цилиндр, одинаковым движением перевалился налево и снова исчез, нырнув в землю, как в воду.

Желтолицый человек сделал знак поторопиться.

— Я узнала его, — прошептала Веда, догоняя ушедшую вперед группу.

— Это Ляо Лан, палеонтолог, раскрывший загадку заселения Азиатского материка в палеозойской эре.

— Он китаец по происхождению? — спросил Дар Ветер, вспомнив темный взгляд слегка раскосых узких глаз ученого. — Стыдно сознаться, но я не знаю его работ.

— Я вижу, вы мало знакомы с палеонтологией, — заметила Веда. — Пожалуй, палеонтология иных звездных миров вам лучше известна.

Перед мысленным взором Дар Ветра промелькнули бесчисленные формы жизни: миллионы странных скелетов в толщах горных пород на разных планетах — память прошедших времен, скрытая в наслоениях каждого обитаемого мира. Память, созданная самой природой и ею же записываемая до тех пор, пока не появится мыслящее существо, обладающее способностью не только запоминать, но и восстанавливать забытое.

Они оказались на небольшой площадке, прикрепленной к концу крутой ажурной полуарки. В центре пола находился большой тусклый экран. Все восемь человек уселись на низкие скамьи вокруг экрана в молчаливом ожидании.

— Сейчас «кроты» закончат, — заговорил Ляо Лан. — Как вы уже догадались, они прошивают слои горных пород голым кабелем и ткут металлическую сетку. Скелеты вымерших животных залегают в рыхлом песчанике на глубине четырнадцати метров от поверхности. Ниже, на семнадцатом метре, вся площадь подслоена металлической сеткой, подключенной к сильным индукторам. Создается отражающее поле, отбрасывающее рентгеновские лучи на экран, где получается изображение окаменелых костей.

Два больших металлических шара повернулись на массивных цоколях. Загорелись прожекторы, вой сирены возвестил об опасности. Постоянный ток в миллион вольт повеял свежестью озона, заставил все клеммы, изоляторы и подвески источать голубое сияние.

Ляо Лан, казалось, небрежно поворачивал и нажимал кнопки щита управления. Большой экран светился все сильнее, а в его глубине медленно проплывали какие-то нечеткие контуры, разбросанные там и сям в поле зрения. Движение остановилось, размытые очертания большого пятна заняли почти весь экран, сделались резче.

Еще несколько манипуляций на щите управления, и перед наблюдателями в туманном сиянии показался скелет неведомого существа. Широкие когтистые лапы скрючились под туловищем, длинный хвост изогнулся кольцом. Бросилась в глаза необычайная толщина и массивность костей с широкими перекрученными концами, с выростами для прикрепления могучих мускулов. Череп с замкнутой пастью оскаливал крупные перед-

ние зубы. Он был виден сверху и казался тяжелой костяной глыбой с неровной, изрытой поверхностью. Ляо Лан изменил глубину фокуса и увеличение — весь экран заняла голова древнего пресмыкающегося, влачившего жизнь двести миллионов лет назад на берегах когда-то бывшей здесь реки.

Крыша черепа состояла из удивительно толстых, не менее двадцати сантиметров толщины, костей. Над глазницами торчали костяные выросты, такие же выступы прикрывали сверху височные впадины и выпуклости черепных дуг. На затылочном крае поднимался большой конус с отверстием огромного теменного глаза. Ляо Лан издал громкий вздох восхищения.

Дар Ветер, не отрываясь, смотрел на неуклюжий, тяжелый остов древней твари. Увеличение мускульной силы вызвало утолщение костей скелета, подвергавшихся большой нагрузке, а увеличивавшаяся тяжесть скелета требовала нового усиления мышц. Так прямая зависимость в архаических организмах заводила пути развития множества животных в безысходные тупики, пока какое-нибудь важное усовершенствование физиологии не позволяло снять старые противоречия и подняться на новую ступень эволюции. Казалось невероятным, что такие существа могли находиться в ряду предков человека с его прекрасным, позволяющим изумительную подвижность и точность движений телом.

Дар Ветер смотрел на толстые надбровные выступы, выражавшие тупую свирепость пермского гада, и видел рядом гибкую Веду с ее ясными глазами на умном живом лице... Какая чудовищная разница в организации живой материи! Он невольно скосил глаза, стараясь разглядеть черты Веды под шлемом, и, когда снова вернулся к экрану, на нем было уже другое изображение. Широкий, параболический, плоский, как тарелки, череп земноводного — древней саламандры, обреченной лежать в теплой и темной воде пермского болота в ожидании, пока что-либо съедобное не приблизится на доступное расстояние. Тогда — быстрый рывок, широкая пасть захлопывалась, и... снова бесконечно терпеливое бессмысленное лежание. Что-то раздражало Дар Ветра, угнетая его доказательствами бесконечно длительной и жестокой эволюции жизни. Он выпрямился, и Ляо Лан, угадав его состояние, предложил им вернуться для отдыха в дом. Неуемно любопытная Веда с трудом оторвалась от наблюдения, увидев, что ученые поспешили включить машины для электронного фотографирования и одновременной звукозаписи, чтобы не расходовать напрасно мощный ток.

Скоро Веда улеглась на широком диване в гостиной женского домика. Дар Ветер еще побродил некоторое время по

укатанной площадке перед домом, перебирая в памяти впечатления.

Северное утро умыло росой запылившиеся за день травы. Невозмутимый Ляо Лан вернулся с ночной работы и предложил отправить своих гостей до ближайшей авиабазы на «эльфе» — маленьком аккумуляторном автомобиле. База прыгающих реактивных самолетов находилась всего в ста километрах на юго-востоке, в низовье реки Тром-Юган. Веда попросила связаться с ее экспедицией, но на раскопках не оказалось радиопередатчика достаточной мощности. С тех пор как наши предки поняли вред радиоизлучений и ввели строгий режим, направленные лучевые передачи стали требовать значительно более сложных устройств, особенно для дальних переговоров. Кроме того, сильно сократилось число станций. Ляо Лан решил связаться с ближайшей наблюдательной башней скотоводов. Такие башни переговаривались между собою направленными передачами и могли сообщить все что угодно на центральную станцию своего района. Юная практикантка, собиравшаяся вести «эльф», чтобы доставить его обратно, посоветовала заехать по дороге на башню: тогда гости смогут переговорить сами по ТВФ — телевизофону. Дар Ветер и Веда обрадовались. Сильный ветер завивал вбок редкую пыль, трепал густые, коротко остриженные волосы девушки-водителя. Они едва уселись на узком трехместном сиденье — громоздкое тело бывшего заведующего внешними станциями стеснило его спутниц. В чистом синем небе едва виднелся тонкий силуэт наблюдательной башни. Скоро «эльф» остановился у ее подножия. Широко раскинутые металлические ноги поддерживали пластмассовый навес, под которым стоял такой же «эльф». В центре сквозь навес проходили направляющие штанги лифта. Крошечная кабинка втащила всех по очереди мимо жилого этажа на самый верх, где их приветствовал загорелый, почти обнаженный юноша. По внезапному смущению их независимого водителя Веда поняла, что догадливость коротко стриженного палеонтолога имеет более глубокие корни...

Круглая комнатка с хрустальными стенами заметно раскачивалась, и легкая башня однотонно гудела, как сильно натянутая струна. Потолок и пол комнаты были окрашены в темный цвет. Вдоль окон стояли узкие столы: с биноклями, счетными машинами, тетрадями записей. С высоты девяноста метров просматривался огромный участок степи, до границ видимости соседних башен. Велось постоянное наблюдение за стадами и производился учет кормовых запасов. Зелеными концентрическими кольцами лежали в степи дойные лабиринты, через которые два раза в сутки прогоняли молочные стада. Молоко, не

скисавшее, как у африканских антилоп, сливалось и замораживалось тут же, в подземных холодильниках, и могло храниться очень долго. Перегон стад осуществлялся с помощью «эльфов», имевшихся в каждой башне. Наблюдатели могли во время дежурств заниматься, поэтому большинство из них были еще не закончившими образования учащимися. Юноша провел Веду и Дар Ветра по винтовой лестнице в жилой этаж, висевший между скрещенными балками на несколько метров ниже. Помещение здесь обладало глухими звукоизолирующими стенами, и путешественники очутились в полной тишине. Только непрекращающееся покачивание напоминало о том, что комната находится на гибельной, при малейшей неосторожности, высоте.

Другой юноша как раз работал у радио. Сложная прическа и яркое платье его собеседницы на экране показывали, что связь установлена с центральной станцией, — работавшие в степи носили легкие и короткие комбинезоны. Девушка на экране соединилась с поясной станцией, и скоро в ТВФ башни появилось печальное лицо и маленькая фигурка Миико Эйгоро — главной помощницы Веды Конг. В ее темных раскосых, как у Ляо Лана, глазах появилось радостное удивление, и маленький рот приоткрылся от неожиданности. Секунду спустя на Веду и Дар Ветра смотрело бесстрастное лицо, не выражавшее ничего, кроме делового внимания. Поднявшись наверх, Дар Ветер застал девушку-палеонтолога в оживленной беседе с загорелым юношей и вышел на кольцевую площадку, окаймлявшую стеклянную комнату. Влажная свежесть утра давно уступила место знойному полдню, стершему яркость красок и мелкие неровности почвы. Степь расстилалась широко, свободно под жарким и чистым небом. Дар Ветер снова вспомнил свою неясную тоску по северной и сырой земле своих предков. Облокотясь на перила зыбкой площадки, бывший заведующий внешними станциями теперь, как никогда раньше, почувствовал сбывшиеся мечты древних людей. Суровая природа отодвинута рукой человека далеко на север, и живительное тепло юга пролилось на эти равнины, когда-то стынувшие под холодными тучами.

Веда Конг вошла в хрустальную комнату и объявила, что дальше их взялся везти радиооператор. Девушка-палеонтолог поблагодарила историка долгим взглядом. Сквозь прозрачную стену была видна широкая спина застывшего в созерцании Дар Ветра.

— Вы задумались, — услышал он позади, — может быть, обо мне?

— Нет, Веда, я думал об одном положении древнеиндийской философии. Оно говорит, что мир не создан для человека,

и сам человек только тогда становится велик, когда понимает всю ценность и красоту другой жизни — жизни природы...

— Вы не договорили, и я не понимаю.

— Пожалуй, не договорил. Я бы добавил к этому, что одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, темные стороны жизни. И одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше!

— Я поняла, — тихо сказала Веда и после долгого молчания добавила: — Вы изменились, Ветер.

— Конечно, изменился. Четыре месяца рыть простой лопатой тяжелые камни и полуистлевшие бревна в ваших курганах. Поневоле станешь проще смотреть на жизнь, и ее простые радости сделаются милее...

— Не шутите, Ветер, — нахмурилась Веда, — я говорю серьезно. Когда я узнала вас, командовавшего всей силой Земли, говорившего с дальними мирами... Там, на ваших обсерваториях, вы могли быть сверхъестественным существом древних, как это они называли, — богом! А здесь, на нашей простой работе, наравне со многими, вы... — Веда умолкла.

— Что же я, — с любопытством допытывался ее собеседник, — потерял величие? Но что же вы сказали бы, увидев меня тем, кем я был до перехода в Институт астрофизики, — машинистом Спиральной Дороги? В этом тоже меньше величия? Или механиком плодосборных машин в тропиках?

Веда звонко засмеялась.

— Открою вам тайну юной души. В школе третьего цикла я была влюблена в машиниста Спиральной Дороги — никого более могущественного я не могла себе представить... Впрочем, вот идет радиооператор. Едемте, Ветер!

Перед тем как впустить Веду и Дар Ветра в кабину, летчик еще раз осведомился, позволяет ли здоровье обоих вынести большое ускорение прыгающего самолета. Он строго соблюдал правила. Получив вторичный утвердительный ответ, летчик усадил обоих на глубокие сиденья в прозрачном носу аппарата, похожего на громадную дождевую каплю. Веда почувствовала себя очень неудобно: сиденья запрокинулись назад в задранном вверх корпусе. Зазвенел сигнальный гонг, могучая пружина швырнула самолет почти отвесно вверх, тело Веды медленно погрузилось в глубь кресла, точно в упругую жидкость. Дар Ветер с усилием повернул голову, чтобы ободряюще улыбнуться Веде. Летчик включил двигатель. Рев, давящая тяжесть во всем теле, и каплеобразный самолет понесся, описывая дугу на высоте двадцати трех тысяч метров. Казалось, прошло всего несколько минут, а путешественники с ослабевшими коленями

уже выходили перед своими домиками в приалтайских степях, и летчик махал им рукой, требуя отойти подальше. Дар Ветер сообразил, что двигатель придется включить от самой земли. Здесь не было катапульты, как на базе. Он помчался, увлекая Веду, навстречу легко бежавшей Миико Эйгоро. Женщины обнялись, как после долгой разлуки.

Глава пятая
КОНЬ НА ДНЕ МОРСКОМ

Море, теплое, прозрачное, едва колыхало свои поразительно яркие зелено-голубые волны. Дар Ветер медленно вошел по самую шею и широко раскинул руки — старался утвердиться на покатом дне. Глядя поверх пологих волн на сверкающую даль, он снова чувствовал себя растворяющимся в море и сам становился частью необъятной стихии. Сюда, в море, он принес давно сдерживаемую печаль. Печаль разлуки с захватывающим величием космоса, с безграничным океаном познания и мысли, с суровой сосредоточенностью каждого дня жизни. Теперь его существование было совсем другим. Возраставшая любовь к Веде скрашивала дни непривычной работы и грустную свободу размышлений отлично натренированного мозга. С энтузиазмом ученика он погрузился в исторические исследования. Река времени, отраженная в его мыслях, помогла совладать с переменой жизни. Он был благодарен Веде Конг за то, что та с достойной ее чуткостью устроила путешествие на винтолете в страну, преображенную трудом человека. Как и в огромности моря, в величии земных работ собственные утраты мельчали. Дар Ветер примирялся с непоправимым, которое всегда наиболее трудно дается смирению человека...

Тихий полудетский голос окликнул его. Он узнал Миико и, взмахнув руками, лег на спину, поджидая маленькую девушку. Она стремительно бросилась в море. С ее жестких смоляных волос скатывались крупные капли, а желтоватое смуглое тело под тонким слоем воды казалось зеленым. Они поплыли рядом навстречу солнцу, к одинокому пустынному островку, поднимавшемуся черным бугром в километре от берега. Все дети Эры Кольца вырастали на море отличными пловцами, а Дар Ветер обладал еще врожденными способностями. Сначала он плыл не торопясь из опасения, что Миико устанет, но девушка скользила рядом легко и беспечно. Дар Ветер заспешил, несколько озадаченный искусством Миико. Но даже когда он понесся изо всех сил, Миико не отставала, а ее неподвижное милое личико оста-

валось по-прежнему спокойным. Послышался глухой плеск волн с мористой стороны острова. Дар Ветер перевернулся на спину, а разогнавшаяся девушка описала круг и вернулась к нему.

— Миико, вы плаваете чудесно! — с восхищением воскликнул Дар Ветер и, набрав полную грудь воздуха, задержал дыхание.

— Я плаваю хуже, чем ныряю, — призналась девушка, и Дар Ветер снова удивился.

— Мои предки были японцы, — продолжала Миико. — Когда-то было целое племя, в котором все женщины были ныряльщицами — ловили жемчуг, собирали питательные водоросли. Это занятие переходило из рода в род, и за тысячу лет они достигли замечательного искусства. Случайно оно проявилось у меня теперь.

— Никогда не подозревал...

— Что отдаленный потомок женщин-водолазок станет историком? У нас в роду существовала легенда. Был больше тысячи лет назад японский художник Янагихара Эйгоро.

— Эйгоро? Так ваше имя?..

— Редкий случай в наше время, когда имена даются по любому понравившемуся созвучию. Впрочем, все стараются подобрать созвучия или слова из языков тех народов, от которых происходят. Ваше имя, если я не ошибаюсь, из корней русского языка?

— Совершенно верно. Даже не корни, а целые слова. Одно — подарок, второе — ветер, вихрь...

— Мне неизвестен смысл моего имени. Но художник действительно был. Мой прадед отыскал одну его картину в каком-то хранилище. Большое полотно — вы можете увидеть его у меня, — историку оно интересно. Очень ярко изображена суровая и мужественная жизнь, бедность и неприхотливость народа... Поплывем дальше?

— Минуту еще, Миико! Как же женщины-водолазки?

— Художник полюбил водолазку и поселился навсегда среди племени. И его дочери тоже были водолазки, тоже промышляли всю жизнь в море. Смотрите, какой странный остров — круглый бак или низкая башня, как для производства сахара.

— Сахара! — невольно фыркнул Дар Ветер. — Для меня в детстве такие пустые острова были приманкой. Одиноко стоят они, окруженные морем, неведомые тайны скрываются в темных скалах или рощах — все что угодно можно встретить здесь, что хочется в мечте.

Звонкий смех Миико был ему наградой. Девушка, молчаливая и всегда немного грустная, сейчас неузнаваемо изменилась.

Весело и храбро устремляясь вперед, к тяжело плещущим волнам, она по-прежнему оставалась для Ветра закрытой дверью — совсем не так, как прозрачная Веда, чье бесстрашие было скорее великолепной доверчивостью, чем действительным упорством.

Между большими глыбами у самого берега пролегли глубокие, пронизанные солнцем подводные коридоры. Устланные темными холмиками губок, обрамленные бахромой водорослей, эти подводные галереи вели к восточной стороне островка, куда подходила неведомая темная глубина. Дар Ветер пожалел, что не взял у Веды точной карты побережья. Плоты морской экспедиции блестели на солнце у западной косы в нескольких километрах. Ближе виднелся пологий песчаный берег, и там сейчас вся экспедиция на отдыхе. Сегодня в машинах смена аккумуляторов. А он поддался детской страсти исследования безлюдных островов.

Грозный обрыв андезитовых скал навис над пловцами. Изломы каменных глыб были свежими — недавнее землетрясение обрушило обветшавшую часть берега. Со стороны открытого моря шел сильный накат. Миико и Дар Ветер долго плыли по темной воде у восточного берега, пока не нашли плоский каменный выступ, куда Дар Ветер вытолкнул Миико.

Потревоженные чайки носились взад и вперед, удары волн передавались через скалы, сотрясая массу андезита. Ничего, кроме голого камня и жестких кустов, ни малейших следов зверя или человека.

Пловцы поднялись на верхушку островка, поглядели на мечущиеся внизу волны и вернулись. Терпкий запах шел от кустов, торчавших вверху из расщелин. Дар Ветер вытянулся на теплом камне, лениво заглядывая в воду на южную сторону выступа.

Миико села на корточки у самого края скалы и пыталась разглядеть что-то внизу. Здесь не было береговой отмели или наваленных грудами камней. Крутой обрыв нависал над темной маслянистой водой. Солнце вспыхивало ослепительной каймой вдоль его ребра. Там, где срезанный скалой свет отвесно входил в прозрачную воду, едва-едва мерцало ровное дно из светлого песка.

— Что вы видите там, Миико?

Задумавшаяся девушка не сразу обернулась.

— Ничего. Вас влекут к себе пустынные острова, а меня — дно моря. Мне тоже кажется, что там всегда можно найти интересное, сделать открытие.

— Тогда зачем вы работаете в степи?

— Это непросто. Для меня море такая большая радость, что я не могу быть все время с ним. Нельзя слушать любимую му-

зыку во всякое время — так и я с морем. Зато встречи с ним драгоценны...

Дар Ветер утвердительно кивнул.

— Так нырнем туда? — Он показал на белое мерцание в глубине.

Миико подняла и без того приподнятые у висков брови.

— Разве вы сумеете? Тут не меньше двадцати пяти метров — это только для опытного ныряльщика...

— Попытаюсь... А вы?

Вместо ответа Миико встала, оглядевшись, выбрала большой камень и подтащила его к краю скалы.

— Сначала дайте мне попробовать. С камнем — это против моих правил. Но как бы там не оказалось течения — очень чисто дно...

Девушка подняла руки, согнулась, выпрямилась, откинувшись назад. Дар Ветер следил за ее дыхательными движениями, чтобы перенять их. Миико больше не произнесла ни слова. После нескольких упражнений она схватила камень и ринулась, как в пропасть, в темную пучину.

Дар Ветер ощутил смутное беспокойство, когда прошло больше минуты, а храброй девушки не было и следа. Он стал, в свою очередь, искать камень для груза, соображая, что ему надо взять гораздо больший. Только он поднял сорокакилограммовый кусок андезита, как появилась Миико. Девушка тяжело дышала и казалась сильно уставшей.

— Там... Там... конь, — едва выговорила она.

— Что такое? Какой конь?

— Статуя огромного коня... там, в естественной нише. Сейчас я посмотрю как следует.

— Миико, это трудно. Мы поплывем обратно, возьмем водолазные аппараты и лодку.

— О нет! Я хочу сама, сейчас! Это будет моя победа, а не прибора. Потом позовем всех.

— Только я с вами! — Дар Ветер ухватился за свой камень.

Миико улыбнулась.

— Возьмите меньший, вот. И как же с дыханием?

Дар Ветер послушно проделал упражнения и кувырнулся в море с камнем в руках. Вода ударила его в лицо, повернула спиной к Миико, сдавила грудь, тупой болью отдалась в ушах. Он пересиливал ее, напрягая мускулы тела, стискивая челюсти. Холодный серый полумрак сгущался внизу, веселый свет дня быстро мерк. Холодная и враждебная сила глубины одолевала, в голове мутилось, резало глаза. Вдруг твердая рука Миико тронула его плечо, и он коснулся ногами плотного, тускло сереб-

рящегося песка. С трудом повернув шею по направлению, указанному Миико, он откачнулся, от неожиданности выпустил из рук камень — и тотчас же его подбросило вверх. Он не помнил, как очутился на поверхности, ничего не видя в красном тумане, судорожно пытаясь отдышаться... Спустя немного времени последствия подводного давления отступили, и виденное воскресло в памяти. Всего лишь мгновение, а как много подробностей успели заметить глаза и запомнить мозг!

Темные скалы сходились вверху гигантской стрельчатой аркой, под которой стояло изваяние исполинского коня. Ни одной водоросли или раковины не лепилось на отполированной поверхности статуи. Неведомый скульптор прежде всего хотел выразить силу. Он увеличил переднюю часть туловища, непомерно расширил чудовищную грудь, высоко поднял круто изогнутую шею. Левая передняя нога была поднята, прямо выдвигая на зрителя округлость коленного сустава, а громадное копыто почти прикасалось к груди. Три других ноги с усилием отталкивались от почвы, отчего колоссальный конь нависал над смотрящим, как бы давя его сказочной мощью. На крутой дуге шеи грива обозначалась зазубренным гребнем, голова почти упиралась в грудь, а глаза из-под опущенного лба смотрели с грозною злобой, отраженной и в маленьких прижатых ушах каменного чудовища.

Миико успокоилась за Дар Ветра и, оставив его простертым на плоской скале, нырнула снова. Наконец девушка измучилась глубокими погружениями и насладилась зрелищем своей находки. Она уселась рядом и долго молчала, пока не восстановилось нормальное дыхание.

— Интересно, каков может быть возраст статуи? — задумчиво спросила самое себя Миико.

Дар Ветер пожал плечами, вспомнив, что удивило его больше всего.

— Почему статуя коня совершенно не обросла водорослями или раковинами?

Миико стремительно повернулась к нему.

— Да, да! Я знаю такие находки. Они оказывались покрытыми особым составом, не допускающим прирастания живых существ. Тогда эпоха статуи — конец последнего века ЭРМ.

В море между берегом и островком показался пловец. Приблизившись, он приподнялся из воды, приветственно взмахнул руками. Дар Ветер узнал широкие плечи и блестящую темную кожу Мвена Маса. Скоро высокая черная фигура взобралась на камень, и полная добродушия улыбка засияла на мокром лице нового заведующего внешними станциями. Он быстро покло-

нился маленькой Миико, широким, свободным жестом приветствовал Дар Ветра.

— Мы приехали на один день вместе с Рен Бозом просить вашего совета.

— Рен Боз?

— Физик из Академии Пределов Знания...

— Знаю его немного. Он работает над вопросами взаимоотношения пространство—поле. Где же вы его оставили?

— На берегу. Он не плавает, как вы, во всяком случае...

Легкий всплеск прервал речь Мвена Маса.

— Я поплыву на берег, к Веде! — крикнула из воды Миико.

Дар Ветер ласково улыбнулся девушке.

— Плывет с открытием! — пояснил он Мвену Масу и рассказал о находке подводного коня.

Африканец слушал его без интереса. Его длинные пальцы шевелились, ощупывая подбородок. В его взгляде Дар Ветер прочитал беспокойство и надежду.

— Вас тревожит что-то серьезное? Тогда зачем же медлить?

Мвен Мас воспользовался приглашением. Сидя на краю скалы над пучиной, скрывавшей таинственного коня, он рассказал о своих жестоких колебаниях. Его встреча с Рен Бозом не была случайной. Видение прекрасного мира звезды Эпсилон Тукана никогда не оставляло его. И с той ночи появилась мечта — приблизиться к этому миру, любым путем преодолев необъятную бездну пространства. Чтобы между отправлением и получением сообщения, сигнала или картины не было недоступного человеческой жизни срока в шестьсот лет. Ощутить биение той прекрасной и столь близкой нам жизни, протянуть руку братьям-людям через бездны космоса. Мвен Мас сосредоточил усилия на ознакомлении с неразрешенными вопросами и незаконченными опытами, какие уже тысячелетие велись в исследовании пространства как функции материи. Той проблемы, о которой мечтала Веда Конг в ночь ее первого выступления по Великому Кольцу...

В Академии Пределов Знания подобные исследования возглавлялись Рен Бозом — молодым математико-физиком. Встреча его с Мвеном Масом и последующая дружба была предопределена общими стремлениями.

Теперь Рен Боз считает, что проблема разработана до возможности постановки эксперимента. Опыт не может быть, как и все, что связано с космическими масштабами, проведен лабораторным путем. Громадность вопроса требует и громадного эксперимента. Рен Боз пришел к необходимости проделать опыт через внешние станции с силовой затратой всей зем-

ной энергии, включая и резервную станцию Ку-энергии на Антарктиде.

Ощущение опасности пришло к Дар Ветру, когда он пристально смотрел в горящие глаза и на вздрагивающие ноздри Мвена Маса.

— Вам нужно узнать, как поступил бы я? — спокойно задал он решающий вопрос.

Мвен Мас кивнул и провел языком по пересохшим губам.

— Я не ставил бы опыта, — отчеканил Дар Ветер, игнорируя гримасу горя на лице африканца, мгновенно промелькнувшую и исчезнувшую незаметно для менее внимательного собеседника.

— Я так и думал, — вырвалось у Мвена Маса.

— Тогда зачем вы придавали значение моему совету?

— Мне казалось, что мы сумеем убедить вас.

— Что же, попробуйте! Поплывем к товарищам. Они, наверное, готовят водолазные приборы — смотреть коня.

Веда пела, и два незнакомых женских голоса вторили ей.

Увидев плывущих, она сделала призывный знак, по-детски сгибая пальцы раскрытых ладоней. Песня умолкла. Дар Ветер узнал в одной из женщин Эвду Наль. Впервые он видел ее без белой врачебной одежды. Ее высокая гибкая фигура выделялась среди остальных белизной кожи, еще не загоревшей. Видимо, знаменитая женщина-психиатр была очень занята последнее время. Иссиня-черные волосы Эвды, разделенные прямым пробором, были высоко подняты у висков. Высокие скулы над чуть впалыми щеками подчеркивали длинный разрез ее черных пристальных глаз. Лицо неуловимо напоминало древнего египетского сфинкса — того, который с очень древних времен стоял на краю пустыни у пирамидальных гробниц царей древнейшего на земле государства. Теперь, спустя десять веков после того, как исчезла пустыня, на песках шумят плодородные рощи, а сам сфинкс накрыт стеклянным колпаком, не скрывающим впадин его изъеденного временем лица.

Дар Ветер помнил, что свою родословную Эвда Наль вела от перуанцев или чилийцев. Он приветствовал ее по обычаю древних южноамериканских солнцепоклонников.

— Работа с историками пошла вам на пользу, — сказала Эвда. — Благодарите Веду...

Дар Ветер поспешил обернуться к милому другу, но Веда взяла его за руку и подвела к совсем незнакомой женщине.

— Это Чара Нанди! Мы все здесь в гостях у нее и у художника Карта Сана, потому что они живут на этом берегу уже месяц. Их переносная студия — в конце залива.

Дар Ветер протянул руку молодой женщине, взглянувшей на него громадными синими глазами. На миг у него замерло дыхание — в этой женщине было что-то, отличавшее ее от всех других. Она стояла между Ведой Конг и Эвдой Наль, красота которых, отточенная сильным интеллектом и дисциплиной долгой исследовательской работы, все же тускнела перед необычной силой прекрасного, исходившей от незнакомки.

— Ваше имя чем-то похоже на мое, — проговорил Дар Ветер.

Углы маленького рта незнакомки дрогнули в сдержанной усмешке.

— Как и вы сами похожи на меня.

Дар Ветер посмотрел поверх черной копны ее густых и блестящих, слабо вьющихся волос и широко улыбнулся Веде.

— Ветер, вы не умеете говорить женщинам любезности, — лукаво произнесла Веда, склонив набок голову.

— Разве это нужно теперь, с той поры как исчезла надобность в обмане?

— Нужно, — вмешалась Эвда Наль. — И надобность эта никогда не минет!

— Буду рад, если мне объяснят, — слегка нахмурился Дар Ветер.

— Через месяц я читаю осеннюю речь в Академии Горя и Радости, в ней будет многое о значений непосредственных эмоций... — Эвда кивнула приближавшемуся Мвену Масу.

Африканец, по обыкновению, шел размеренно и бесшумно. Дар Ветер заметил, что смуглые щеки Чары загорелись жарким румянцем, как будто солнце, пропитавшее все тело женщины, внезапно выступило сквозь загорелую кожу. Мвен Мас равнодушно поклонился.

— Я приведу Рен Боза. Он сидит там, на камне.

— Пойдемте к нему, — предложила Веда, — и навстречу Миико. Она убежала за аппаратами. Чара Нанди, вы с нами?

Девушка покачала головой:

— Идет мой повелитель. Солнце опустилось, и скоро начнется работа...

— Тяжело позировать, наверное? — спросила Веда. — Это настоящий подвиг! Я не могла бы.

— И я думала, что не смогу. Но если идея художника захватит, тогда сама вступаешь в творчество. Ищешь воплощение образа в собственном теле... Тысячи оттенков есть в каждом движении, каждом изгибе! Ловить их, как улетающие звуки музыки...

— Чара, вы находка для художника!

— Находка! — прервал Веду громкий бас. — И как я нашел ее! Невероятно! — Художник Карт Сан потряс высоко поднятым могучим кулаком. Его светлые волосы разлохматились на ветру, обветренное лицо покраснело.

— Проводите нас, если есть время, — попросила Веда, — и расскажите.

— Плохой я рассказчик. Но это все равно интересно. Я интересуюсь реконструкцией разных расовых типов, бывших в древности до самой ЭРМ. После успеха моей картины «Дочь Гондваны» я загорелся воссоздать другой расовый тип. Красота тела — лучшее выражение расы через поколения здоровой, чистой жизни. В каждой расе в древности была своя отточенность, своя мера прекрасного, выработавшаяся еще в условиях дикого существования. Так понимаем мы, художники, которых считают отстающими от вершин культуры... Всегда считали, наверное, еще с пещер древнекаменного века. Ну вот, я говорю не то... Придумал я картину «Дочь Тетиса», иначе — Средиземного моря. Меня поразило в мифах Древней Греции, Крита, Двуречья, Америки, Полинезии то, что боги выходили из моря. Что может быть чудесней эллинского мифа об Афродите — богине любви и красоты древних греков! Само имя: Афродита Анадиомена — рожденная пеной, восставшая из моря... Богиня, родившаяся из пены, оплодотворенной светом звезд над ночным морем, — какой народ придумал что-либо более поэтичное?..

— Из звездного света и морской пены, — услышала Веда Конг шепот Чары и украдкой взглянула на девушку.

Твердый, будто вырезанный из дерева или из камня профиль Чары говорил о древних народах. Маленький, прямой, чуть закругленный нос, чуть покатый широкий лоб, сильный подбородок, а главное — большое расстояние от носа до уха — все характерные черты народов античного Средиземноморья были отражены в лице Чары.

Веда незаметно осмотрела ее с головы до ног и подумала, что все в ней немного «слишком». Слишком гладкая кожа, слишком тонкая талия, слишком широкие бедра... И держится подчеркнуто прямо — от этого ее крепкая грудь слишком выдается. Может быть, художнику нужно именно такое, сильно выраженное?

Путь пересекла каменная гряда, и Веда изменила свое только что созданное представление. Чара Нанди необыкновенно легко перескакивала с камня на камень, будто танцуя.

«В ней, безусловно, есть индийская кровь, — решила Веда. — Спрошу потом...»

— Чтобы создать «Дочь Тетиса», — продолжал художник, — мне надо было сблизиться с морем, сродниться с ним — ведь моя критянка, как Афродита, должна выйти из моря, но так, чтобы всякий понял это. Когда я собирался писать «Дочь Гондваны», я три года работал на лесной станции в Экваториальной Африке. Создав картину, я поступил механиком на почтовый глиссер и два года развозил почту по Атлантическому океану — всем этим, знаете, рыболовным, белковым и солевым заводам, которые плавают там на гигантских металлических плотах.

Однажды вечером я вел свою машину в Центральной Атлантике, на запад от Азор, где противотечение смыкается с северным течением. Там всегда ходят большие волны — грядами, одна за другой. Мой глиссер то взметывался под низкие тучи, то стремительно летел в провалы между волнами. Винт ревел, я стоял на высоком мостике рядом с рулевым. И вдруг — никогда не забуду!

Представьте себе волну выше всех других, мчащуюся навстречу. На гребне этой колоссальной волны, прямо под низкими и плотными жемчужно-розовыми тучами, стояла девушка, загорелая до цвета красной бронзы... Вал несся беззвучно, и она летела, невыразимо гордая в своем одиночестве посреди необъятного океана. Мой глиссер взметнулся вверх, и мы пронеслись мимо девушки, приветливо помахавшей нам рукой. Тут я разглядел, что она стояла на лате, — знаете, такая доска с аккумулятором и мотором, управляемая ногами.

— Знаю, — отозвался Дар Ветер, — для катания на волнах.

— Больше всего меня потрясло, что вокруг не было ничего — низкие облака, пустой на сотни миль океан, вечерний свет и девушка, несущаяся на громадной волне. Эта девушка...

— Чара Нанди! — сказала Эвда Наль. — Это понятно. Но откуда она взялась?

— Вовсе не из пены и света звезд! — Чара рассмеялась неожиданно высоким звенящим смехом. — Всего лишь с плота белкового завода. Мы стояли тогда у края саргассов, где разводили хлореллу, а я работала там биологом.

— Пусть так, — примирительно согласился Карт Сан. — Но с того момента вы стали для меня дочерью Средиземного моря, вышедшей из пены, неизбежной моделью моей будущей картины. Я ждал целый год.

— Можно прийти к вам посмотреть? — попросила Веда Конг.

— Пожалуйста, только не в часы работы — лучше вечером. Я работаю очень медленно и не выношу ничьего присутствия в это время.

— Вы пишете красками?

— Наша работа мало изменилась за тысячи лет существования живописи. Оптические законы и глаз человека — те же. Обострилось восприятие некоторых оттенков, придуманы новые хромкатоптрические краски с внутренними рефлексами в слое, некоторые приемы гармонизации цветов. А в общем художник незапамятной древности работал как я. И кое в чем лучше... Вера, терпение — мы стали слишком стремительны и неуверенны в своей правоте. А для искусства подчас лучше строгая наивность... Опять я уклоняюсь в сторону! Мне... нам пора... Пойдемте, Чара.

Все остановились поглядеть вслед художнику и его модели.

— Теперь я знаю, кто он такой, — молвила Веда. — Я видела «Дочь Гондваны».

— И я тоже, — отозвались в одно слово Эвда Наль и Мвен Мас.

— Гондвана — от страны гондов в Индии? — спросил Дар Ветер.

— Нет. От собирательного названия южных материков. В общем, страна древней черной расы.

— И какова «Дочь черных»?

— Картина проста — перед степным плоскогорьем, в огне ослепительного солнца, на опушке грозного тропического леса идет чернокожая девушка. Половина ее лица и ощутимого, твердого, будто литого из металла тела в пылающем свете, половина в глубокой полутени. Белые звериные зубы нанизаны вокруг высокой шеи, короткие волосы связаны на темени и прикрыты венком огненно-красных цветов. Правой, поднятой выше головы рукой она отстраняет с пути последнюю ветку дерева, левой — отталкивает от колена усаженный колючками стебель. В остановленном движении тела, свободном вздохе, сильном взмахе руки — беспечность юной жизни, сливающейся с природой в одно, вечно изменчивое, как поток. Это единение читается как знание — интуитивное ведовство мира... В темных глазах, устремленных вдаль, поверх моря голубоватой травы, к едва заметным контурам гор, так ощутимо видится тревога, ожидание великих испытаний в новом, только что раскрывшемся мире!

Эвда Наль умолкла.

— Но как смог это передать Карт Сан? — спросила Веда Конг. — Может быть, через сдвинутые узкие брови, чуть наклоненную вперед шею, открытый беззащитный затылок. Удивительные глаза, наполненные темной мудростью древней природы... И самое странное — это одновременное ощущение беспечной танцующей силы и тревожного знания.

— Жаль, я не видел! — вздохнул Дар Ветер. — Придется ехать во Дворец истории. Я вижу краски картины, но как-то не могу представить позу девушки.

— Позу? — остановилась Эвда Наль. — Вот вам «Дочь Гондваны»... — Она сбросила с плеч полотенце, высоко подняла согнутую правую руку, немного откинулась назад, встав вполоборота к Дар Ветру. Длинная нога слегка приподнялась, сделав маленький шаг, и, не закончив его, застыла, коснувшись пальцами земли. И тотчас ее гибкое тело словно расцвело.

Все остановились, не скрывая восхищения.

— Эвда, я не представлял себе!.. — воскликнул Дар Ветер. — Вы опасны, точно полуобнаженный клинок кинжала.

— Ветер, опять неудачные комплименты! — рассмеялась Веда. — Почему «полу», а не «совсем»?

— Он совершенно прав, — улыбнулась Эвда Наль, снова становясь прежней. — Именно не совсем. Наша новая знакомая, очаровательная Чара Нанди, — вот совсем обнаженный и сверкающий клинок, говоря эпическим языком Дар Ветра.

— Не могу поверить, чтобы кто-то сравнялся с вами! — раздался за камнем хрипловатый голос.

Эвда Наль первая увидела рыжие подстриженные волосы и бледные голубые глаза, смотревшие на нее с таким восторгом, какого ей еще не удавалось видеть на чьем-либо лице.

— Я Рен Боз! — застенчиво сказал рыжий человек, когда его невысокая узкоплечая фигура появилась из-за большого камня.

— Мы искали вас. — Веда взяла физика за руку. — Вот это Дар Ветер.

Рен Боз покраснел, отчего стали заметны веснушки, обильно покрывавшие лицо и даже шею.

— Я задержался наверху. — Рен Боз показал на каменистый склон. — Там древняя могила.

— В ней похоронен знаменитый поэт очень древних времен, — заметила Веда.

— Там высечена надпись, вот она, — физик раскрыл листок металла, провел по нему короткой линейкой, и на матовой поверхности выступили четыре ряда синих значков.

— О, это европейские буквы — письменные знаки, употреблявшиеся до введения всемирного линейного алфавита! Они нелепой формы, унаследованной от пиктограмм еще большей древности. Но этот язык мне знаком.

— Так читайте, Веда!

— Несколько минут тишины! — потребовала она, и все послушно уселись на камнях.

Веда Конг стала читать:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли!..

— Это великолепно! — Эвда Наль поднялась на колени. — Современный поэт не сказал бы ярче про мощь времени. Хотелось бы знать, какое из наваждений Земли он считал лучшим и унес с собой в предсмертных мыслях?

Вдали показалась лодка из прозрачной пластмассы с двумя людьми.

— Вот Миико с Шерлисом, одним из здешних механиков. О нет, — поправилась Веда, — это сам Фрит Дон, глава морской экспедиции! До вечера, Ветер, вам нужно остаться втроем, и я беру с собой Эвду.

Обе женщины сбежали к легким волнам и дружно поплыли к острову. Лодка повернула к ним, но Веда замахала рукой, посылая ее вперед. Рен Боз, неподвижный, смотрел вслед плывущим.

— Очнитесь, Рен, приступим к делу! — окликнул его Мвен Мас, и физик улыбнулся смущенно и кротко.

Участок плотного песка между двумя грядами камней превратился в научную аудиторию. Рен Боз, вооружившись обломком раковины, чертил и писал, в возбуждении бросался ничком, стирая написанное собственным телом, и снова чертил. Мвен Мас подтверждал согласие или ободрял физика отрывистыми восклицаниями. Дар Ветер, уперев локти в колени, смахивал со лба пот, выступивший от усилий понять говорившего. Наконец рыжий физик умолк и, тяжело дыша, уселся на песке.

— Да, Рен Боз, — проговорил Дар Ветер после продолжительного молчания, — вы совершили выдающееся открытие!

— Разве я один?.. Уже очень давно древний физик Гейзенберг выдвинул принцип неопределенности — невозможности одновременного определения импульса и места для мелких частиц. На самом деле невозможность стала возможностью при понимании взаимопереходов, то есть репагулярном исчислении. Примерно в то же время открыли мезонное кольцевое облако атомного ядра и состояние перехода между нуклеоном и этим кольцом, то есть подошли вплотную к понятию антитяготения.

— Пусть так. Я не знаток биполярной математики, тем более такого ее раздела, как репагулярное исчисление, исследование преград перехода. Но то, что вы сделали в теневых функциях, — это принципиально ново, хотя еще плохо понятно нам,

обычным людям, без математического ясновидения. Но осмыслить величие открытия я могу. Одно только... — Дар Ветер запнулся.

— Что, что именно? — встревожился Мвен Мас.

— Как перевести это в опыт? Мне кажется, в нашем распоряжении нет возможности создать такое напряжение электромагнитного поля.

— Чтобы уравновесить гравитационное поле и получить состояние перехода? — спросил Рен Боз.

— Вот именно. А тогда пространство за пределами системы останется по-прежнему вне нашего воздействия.

— Это так. Но, как всегда в диалектике, выход надо искать в противоположном. Если получить антигравитационную тень не дискретно, а векториально...

— Ого!.. Но как?

Рен Боз быстро начертил три прямые линии, узкий сектор и пересек все это частью дуги большого радиуса.

— Это известно еще до биполярной математики. Несколько веков назад ее называли задачей четырех измерений. Тогда еще были распространены представления о многомерности пространства — они не знали теневых свойств тяготения, пытались проводить аналогии с магнитоэлектрическими полями и думали, что сингулярные точки означают или исчезновение материи, или ее превращение в нечто необъяснимое. Как можно было представить себе пространство с таким знанием природы явлений? Но ведь они, наши предки, догадывались — видите, они поняли, что если расстояние, скажем, от звезды А до центра Земли вот по этой линии ОА будет двадцать квинтильонов километров, то до той же звезды но вектору ОВ расстояние равно нулю... Практически не нулю, но стремящейся к нулю величине. И они говорили, что время обращается в нуль, если скорость движения равна скорости света. Но ведь кохлеарное исчисление тоже открыто совсем не так давно!

— Спиральное движение знали тысячи лет назад, — осторожно вмешался Мвен Мас.

Рен Боз пренебрежительно отмахнулся:

— Движение, но не его законы! Так вот, если поле тяготения и электромагнитное поле — это две стороны одного и того же свойства материи, если пространство есть функция гравитации, то функция электромагнитного поля — антипространство. Переход между ними дает векториальную теневую функцию нуль-пространства, которое известно в просторечии как скорость света. И я считаю возможным получение нуль-пространства в любом направлении. Мвен Мас хочет на Эпсилон Тука-

на, а мне все равно, лишь бы поставить опыт. Лишь бы поставить опыт! — повторил физик и устало опустил короткие белесые ресницы.

— Для опыта вам нужны не только внешние станции и земная энергия, как говорил Мвен, но ведь и еще какая-то установка. Вряд ли она просто и быстро осуществима.

— Тут нам повезло. Можно использовать установку Кора Юлла в непосредственной близости от Тибетской обсерватории. Сто семьдесят лет назад там производились опыты по исследованию пространства. Потребуется небольшое переоборудование, а добровольцев помощников в любое время у меня пять, десять, двадцать тысяч. Стоит лишь позвать, и они возьмут отпуска.

— У вас действительно все предусмотрено. Остается еще одно, но самое серьезное — опасность опыта. Могут быть самые неожиданные результаты — ведь по законам больших чисел мы не можем ставить опыт в малом масштабе. Сразу брать внеземной масштаб...

— Какой же ученый испугается риска? — пожал плечами Рен Боз.

— Я не о личном! Знаю, что тысячи явятся, едва потребуется неизведанное опасное предприятие. Но в опыт включаются внешние станции, обсерватории — весь круг аппаратов, стоивших человечеству гигантского труда. Аппаратов, открывших окно в космос, приобщивших человечество к жизни, творчеству, знаниям других населенных миров. Это окно — величайшее людское достижение, и рисковать его захлопнуть хотя бы на время вправе ли вы, я, любой отдельный человек, любая группа людей? Мне хотелось бы узнать, есть у вас чувство такого права и на чем оно основано?

— У меня есть, — поднялся Мвен Мас, — а основано оно... Вы были на раскопках... Разве миллиарды безвестных костяков в безвестных могилах не взывали к нам, не требовали и не укоряли? Мне видятся миллиарды прошедших человеческих жизней, у которых, как песок между пальцев, мгновенно утекла молодость, красота и радости жизни, — они требуют раскрыть великую загадку времени, вступить в борьбу с ним! Победа над пространством и есть победа над временем — вот почему я уверен в своей правоте и в величии задуманного дела!

— Мое чувство другое, — заговорил Рен Боз. — Но это другая сторона того же самого. Пространство по-прежнему неодолимо в космосе, оно разделяет миры, не позволяет нам разыскать близкие нам по населению планеты, слиться с ними в одну бесконечно богатую радостью и силой семью. Это было бы самым великим преобразованием после Эры Мирового Воссо-

единения с той поры, как человечество наконец превратило нелепое раздельное существование своих народов и слилось воедино, совершив гигантский подъем на новую ступень власти над природой. Каждый шаг на этом новом пути важнее всего остального, всех других исследований и познаний. Едва умолк Рен Боз, как опять заговорил Мвен Мас:

— Есть и еще одно, мое личное. В юности мне попался сборник старинных исторических романов. В нем была одна повесть — о ваших предках, Дар Ветер. На них совершилось нашествие какого-то великого завоевателя — свирепого истребителя людей, какими была богата история человечества в эпохи низших обществ. Повесть рассказывала об одном сильном юноше, безмерно любившем. Его девушку взяли в плен и увезли — тогда это называлось «угнать». Представьте, связанных женщин и мужчин гнали, как скот, на родину завоевателей. География Земли была никому не известна, единственные средства передвижения — верховые и вьючные животные. Этот мир тогда был более загадочен и необъятен, опасен и более труднопроходим, чем для нас пространство космоса. Юный герой искал свою мечту, годами скитаясь по неимоверно опасным путям и горным тропам Азии. Трудно выразить юношеское впечатление, но мне и до сих пор кажется, что я тоже мог бы идти к любимой цели сквозь все преграды космоса!

Дар Ветер слабо улыбнулся:

— Понимаю ваши ощущения, но мне не ясна та логическая основа, которая связывает русскую повесть и ваши устремления в космос. Рен Боз мне понятнее. Впрочем, вы предупредили, что это личное...

Дар Ветер умолк. Он молчал так долго, что Мвен Мас беспокойно зашевелился.

— Теперь я понимаю, — снова заговорил Дар Ветер, — зачем раньше люди курили, пили, подбадривая себя наркотиками в часы неуверенности, тревог, одиночества. Сейчас я также одинок и неуверен — что мне сказать вам? Кто я такой, чтобы запретить вам великий опыт, но разве я могу разрешить его? Вы должны обратиться в Совет, тогда...

— Нет, не так! — Мвен Мас встал и его огромное тело напряглось, как в смертельной опасности. — Ответьте нам: вы произвели бы эксперимент? Как заведующий внешними станциями. Не как Рен Боз... Его дело — другое!

— Нет! — ответил твердо Дар Ветер. — Я подождал бы еще.

— Чего?

— Постройки опытной установки на Луне!

— А энергия?

— Лунное поле тяготения меньше, и меньше масштаб опыта, можно обойтись несколькими Ку-станциями.

— Все равно — ведь на это потребуется сотня лет, и я не увижу никогда!

— Вам — да. Человечеству не так уж важно — теперь или поколение спустя.

— Но для меня это конец, конец всей мечте! И для Рен Боза...

— Для меня — невозможность проверить опытом, а следовательно, и невозможность исправить, продолжать дело.

— Один ум — пустяки! Обратитесь к Совету.

— Совет уже решил — вашими мыслями и словами. Нам нечего ждать от него, — тихо произнес Мвен Мас.

— Вы правы. Совет тоже откажет.

— Больше ни о чем не спрашиваю вас. Я чувствую себя виноватым — мы с Реном взвалили на вас бремя решения.

— Это мой долг, как старшего по опыту. Не ваша вина, если задача оказалась и величественной и крайне опасной. От этого мне грустно и тяжело...

Рен Боз первый предложил вернуться во временный поселок экспедиции. Трое унылых людей поплелись по песку, каждый по-своему переживал горечь отказа от попытки небывалого опыта. Дар Ветер искоса поглядывал на спутников и думал, что ему труднее всех. В его натуре было что-то бесшабашно-отважное, с чем ему приходилось бороться всю жизнь. Чем-то похож он был на древних разбойников — почему он чувствовал себя так полно и радостно в озорной борьбе с быком?.. И душа его возмущалась, протестуя против решения мудрого, но не отважного.

Глава шестая
ЛЕГЕНДА СИНИХ СОЛНЦ

Из каюты-госпиталя вышли врач Лума Ласви и биолог Эон Тал. Эрг Ноор рванулся вперед.

— Низа?

— Жива, но...

— Умирает?

— Пока нет. Находится в жестоком параличе. Захвачены все стволы спинного мозга, парасимпатическая система, ассоциативные центры и центры чувств. Дыхание чрезвычайно замедленно, но равномерно. Сердце работает — один удар в сто секунд. Это не смерть, но полный коллапс, который может длиться неопределенное время.

— Сознание и мучения исключены?

— Исключены.

— Абсолютно? — Взгляд начальника был требователен и остр, но врач не смутилась.

— Абсолютно!

Эрг Ноор вопросительно посмотрел на биолога. Тот утвердительно кивнул.

— Что думаете делать?

— Поддерживать в равномерной температуре, абсолютном покое, слабом свете. Если коллапс не будет прогрессировать, то... не все ли равно — сон... пусть до Земли... Тогда — в Институт Нервных Токов. Поражение нанесено каким-то видом тока. Скафандр оказался пробитым в трех местах. Хорошо, что она почти не дышала!

— Я заметил отверстия и залепил их своим пластырем, — сказал биолог.

Эрг Ноор с безмолвной благодарностью пожал ему руку выше локтя.

— Только... — начала Лума, — лучше поскорее уйти от повышенной тяжести... И в то же время опасно не столько ускорение отлета, сколько возвращение к нормальной силе тяжести.

— Понимаю: вы боитесь, что пульс еще более замедлится. Но ведь это не маятник, ускоряющий свои качания в усиленном гравитационном поле?

— Ритм импульсов организма подчиняется, в общем, тем же законам. Если удары сердца замедлятся хотя бы вдвое — двести секунд, тогда кровоснабжение мозга станет недостаточным, и...

Эрг Ноор задумался так глубоко, что забыл об окружающих, очнулся и глубоко вздохнул.

Его сотрудники терпеливо ждали.

— Нет ли выхода в том, чтобы подвергнуть организм повышенному давлению в обогащенной кислородом атмосфере? — осторожно спросил начальник и уже по довольным улыбкам Лумы Ласви и Эона Тала понял, что мысль правильна.

— Насытить кровь газом при большем парциальном давлении — замечательно... Конечно, мы примем меры против тромбоза, и тогда пусть один удар в двести секунд. Потом выровняется...

Эон показал крупные белые зубы под черными усами, и сразу его суровое лицо стало молодым и бесшабашно-веселым.

— Организм останется бессознательным, но живым, — облегченно сказала Лума. — Мы пойдем готовить камеру. Я хочу использовать большую силиколловую витрину, взятую для Зирды. Туда поместится плавающее кресло, которое мы пре-

вратим в постель на время отлета. После снятия ускорения устроим Низу окончательно.

— Как только приготовитесь, сообщите в пост. Мы не станем задерживаться лишней минуты. Довольно тьмы и тяжести черного мира!..

Люди заспешили в разные отсеки корабля, как кто мог борясь с гнетом черной планеты.

Победной мелодией загремели сигналы отлета.

С еще никогда не испытанным чувством полного и отрешенного облегчения люди погружались в мягкие объятия посадочных кресел. Но взлет с тяжелой планеты — это трудное и опасное дело. Ускорение для отрыва корабля находилось на пределе человеческой выносливости, и ошибка пилота могла привести к общей гибели.

С сокрушительным ревом планетарных двигателей Эрг Ноор повел звездолет по касательной к горизонту. Рычаги гидравлических кресел вдавливались все глубже под нарастающей тяжестью. Вот-вот рычаги дойдут до упора, и тогда под прессом ускорения, как на наковальне, изломятся хрупкие человеческие кости. Руки начальника экспедиции, лежавшие на кнопках приборов, стали неподъемно тяжелыми. Но сильные пальцы работали, и «Тантра», описывая гигантскую пологую дугу, поднималась все выше из густой тьмы к прозрачной черноте бесконечности. Эрг Ноор не отрывал глаз от красной полосы горизонтального уравнителя — она качалась в неустойчивом равновесии, показывая, что корабль готов перейти из подъема на спуск по дуге падения. Тяжкая планета еще не выпустила «Тантру» из своего плена. Эрг Ноор решил включить анамезонные моторы, способные поднять звездолет с любой планеты. Звенящая вибрация заставила содрогнуться корабль. Красная полоса поднялась на десяток миллиметров от линии нуля. Еще немного...

Сквозь перископ верхнего обзора корпуса начальник экспедиции увидел, как «Тантра» покрылась тонким слоем голубоватого пламени, медленно стекавшим к корме корабля. Атмосфера пробита! В пустоте пространства по закону сверхпроводимости остаточные электротоки струились прямо по корпусу корабля.

Звезды опять заострились иглами, и «Тантра», освободившись, улетала все дальше от грозной планеты. С каждой секундой уменьшалось бремя тяготения. Легче и легче становилось тело. Запел аппарат искусственной гравитации, и его обычное земное напряжение после бесконечных дней жизни под прессом черной планеты показалось неописуемо малым. Люди вскочили с кресел. Ингрид, Лума и Эон выделывали трудней-

шие па фантастического танца. Но скоро пришла неизбежная реакция, и большая часть экипажа погрузилась в короткий сон временного отдыха. Бодрствовали только Эрг Ноор, Пел Лин, Пур Хисс и Лума Ласви. Следовало рассчитать временный курс звездолета и, описав гигантскую дугу, перпендикулярную к плоскости обращения всей системы звезды Т, миновать ее ледяной и метеоритный пояса. После этого можно было разогнать корабль до нормальной субсветовой скорости и приступить к длительной работе определения истинного курса.

Врач наблюдала за состоянием Низы после взлета и возвращения к нормальной для землянина силе тяжести. Вскоре ей удалось успокоить всех сообщением, что паузы между ударами пульса равны ста десяти секундам. При повышении кислородного режима это не было гибелью. Лума Ласви предполагала обратиться к тиратрону — электронному возбудителю деятельности сердца и нейросекреторным стимуляторам.

Пятьдесят пять часов ныли стены корабля от вибрации анамезонных моторов, пока счетчики не показали скорости в девятьсот семьдесят миллионов километров в час — близко к пределу безопасности. Расстояние от железной звезды за земные сутки увеличивалось больше чем на двадцать миллиардов километров. Трудно передать облегчение, испытывавшееся всеми тринадцатью путешественниками после тяжелых испытаний: убитой планеты, погибшего «Альграба» и, наконец, ужасного черного солнца. Радость освобождения оказалась неполной: четырнадцатый член экипажа — юная Низа Крит недвижно лежала в полусне-полусмерти в отгороженном отделении госпитальной каюты...

Пять женщин корабля — Ингрид, Лума, второй электронный инженер, геолог и учительница ритмической гимнастики Ионе Мар, исполнявшая еще обязанности распределителя питания, воздушного оператора и коллектора научных материалов, — собрались словно на древний похоронный обряд. Тело Низы, полностью освобожденное от одежды, промытое специальными растворами ТМ и АС, уложили на толстом ковре, сшитом вручную из мягчайших губок Средиземного моря. Ковер поместили на воздушный матрац, заключили в круглый купол из розоватого силиколла. Точный прибор — термобарооксистат — мог годами поддерживать нужную температуру, давление и режим воздуха внутри толстого колпака. Мягкие резиновые выступы удерживали Низу в одном положении, изменять которое врач Лума Ласви собиралась один раз в месяц.

Больше всего следовало опасаться омертвевших пролежней, возможных при абсолютной неподвижности. Поэтому Лума решила установить надзор за телом Низы и отказалась на первые год-два предстоящего пути от продолжительного сна. Каталептическое состояние Низы не проходило. Единственно, чего удалось добиться Луме Ласви, — это учащения пульса до удара в минуту. Как ни мало было такое достижение, оно позволяло устранить вредное для легких насыщение кислородом.

Прошло четыре месяца. Звездолет шел по истинному, точно вычисленному курсу, в обход района свободных метеоритов. Экипаж, измученный приключениями и непосильной работой, погрузился в семимесячный сон. На этот раз бодрствовало не три, а четыре человека — к дежурным Эргу Ноору с Пур Хиссом присоединились врач Лума Ласви и биолог Эон Тал.

Начальник экспедиции, вышедший из труднейшего положения, в какое когда-либо попадали звездолеты Земли, чувствовал себя одиноко. Впервые четыре года пути до Земли показались ему бесконечными. Он не собирался обманывать самого себя — потому что только на Земле он мог надеяться на спасение своей Низы.

Он долго откладывал то, что сделал бы на следующий день отлета, — просмотр электронных стереофильмов с «Паруса». Эргу Ноору хотелось вместе с Низой увидеть и услышать первые вести прекрасных миров, планет синей звезды, летних ночей Земли. Чтобы Низа вместе с ними пришла к осуществлению самых смелых романтических грез прошлого и настоящего — открытию новых звездных миров — будущих дальних островов человечества...

Фильмы, снятые в восьми парсеках от Солнца восемьдесят лет тому назад, пролежавшие в открытом корабле на черной планете Т-звезды, сохранились превосходно. Полушаровой стереоэкран унес четырех зрителей «Тантры» туда, где сияла высоко над ними голубая Вега.

Быстро сменялись короткие сюжеты — вырастало ослепительное голубое светило, и шли небрежные минутные кадры из жизни корабля. Работал за вычислительной машиной неслыханно молодой двадцативосьмилетний начальник экспедиции, вели наблюдения еще более молодые астрономы. Вот обязательные ежедневные спорт и танцы, доведенные членами экспедиции до акробатического совершенства. Насмешливый голос пояснил, что первенство на всем пути к Веге оставалось за биологом. Действительно, эта девушка с короткими льняными волосами показывала труднейшие упражнения и невероятные изгибы своего великолепно развитого тела.

При взгляде на яркие, совсем реальные изображения гемисферного экрана, сохранившего нормальные световые оттенки, забывалось, что эти веселые, энергичные молодые астролетчики давно пожраны гнусными чудовищами железной звезды.

Скупая летопись жизни экспедиции быстро промелькнула. Усилители света в проекционном аппарате начали жужжать — так яростно горело фиолетовое светило, что даже здесь, в его бледном отражении, оно заставило людей надеть защитные очки. Звезда, почти в три раза больше Солнца по диаметру и по массе — колоссальная, сильно сплюснутая, бешено вращающаяся с экваториальной скоростью триста километров в секунду. Шар неописуемо яркого газа с поверхностной температурой в одиннадцать тысяч градусов, распростерший на миллионы километров крылья жемчужно-розового огня. Казалось, что лучи Веги ощутимо били и давили все попадавшееся на их пути, летели в пространство могучими копьями в миллионы километров длиной. В глубине их сияния скрывалась ближайшая к синей звезде планета. Но туда, в этот океан огня, не мог окунуться никакой корабль Земли или ее соседей по Кольцу. Зрительная проекция сменилась голосовым докладом о сделанных наблюдениях, и на экране возникли полупризрачные линии стереометрических чертежей, показывавших расположение первой и второй планет Веги. «Парус» не смог приблизиться даже ко второй планете, удаленной от звезды на сто миллионов километров.

Чудовищные протуберанцы вылетали из глубин океана прозрачного фиолетового пламени — звездной атмосферы, протягивались в пространство всесжигающими руками. Так велика была энергия Веги, что звезда излучала свет наиболее сильных квант — фиолетовой и невидимой части спектра. Даже в защищенных тройным фильтром человеческих глазах она вызывала страшное ощущение призрачности, почти невидимого, но смертельно опасного фантома... Пролетали световые бури, преодолевая тяготение звезды. Их дальние отголоски опасно толкали и раскачивали «Парус». Счетчики космических лучей и других видов жестких излучений отказались работать. Внутри надежно защищенного корабля стала нарастать опасная ионизация. Можно было только догадываться о неистовстве лучистой энергии, чудовищным потоком устремлявшейся в пустоту пространства, там, за стенами корабля, о квинтиллионах киловатт бесполезно расточаемой мощности.

Начальник «Паруса» осторожно подвел звездолет к третьей планете — большой, но одетой лишь тонкой прозрачной атмосферой. Видимо, огненное дыхание синей звезды согнало прочь покров легких газов, длинным, слабо сиявшим хвостом

тянувшийся за планетой по ее теневой стороне. Разрушительные испарения фтора, яд окиси углерода, мертвая плотность инертных газов — в этой атмосфере ничто земное не просуществовало бы и секунды.

Из недр планеты выпирали острые пики, ребра, отвесные иззубренные стены красных, как свежие раны, черных, как бездны, каменных масс. На обдутых бешеными вихрями плоскогорьях из вулканических лав виднелись трещины и провалы, источавшие раскаленную магму и казавшиеся жилами кровавого огня.

Высоко взвивались густые облака пепла, ослепительно голубые на освещенной стороне, непроницаемо черные на теневой. Исполинские молнии в тысячи километров длиной били по всем направлениям, свидетельствуя об электрической насыщенности мертвой атмосферы.

Грозный фиолетовый призрак огромного солнца, черное небо, наполовину скрытое сверкающей короной жемчужного сияния, а внизу, на планете, — алые контрастные тени на диком хаосе скал, пламенные борозды, извилины и круги, непрерывное сверкание зеленых молний...

Стереотелескопы передали, а электронные фильмы записали это с бесстрастной, нечеловеческой точностью.

Но за приборами стояло живое чувство путешественников — протест разума против бессмысленных сил разрушения и нагромождения косной материи, сознание враждебности этого мира неистовствующего космического огня. И, загипнотизированные зрелищем, четверо людей обменялись одобрительными взглядами, когда голос сообщил, что «Парус» идет на четвертую планету.

Через несколько секунд под килевыми телескопами корабля уже росла последняя, краевая планета Веги, размерами близкая к Земле. «Парус» круто снижался. Очевидно, путешественники решили во что бы то ни стало исследовать последнюю планету, последнюю надежду на открытие мира, пусть не прекрасного, но хотя бы годного для жизни.

Эрг Ноор поймал себя на том, что он мысленно произнес эти уступительные слова: «хотя бы». Вероятно, так же шли и мысли тех, кто управлял «Парусом» и осматривал поверхность планеты в мощные телескопы.

«Хотя бы!..» В этих трех слогах заключалось прощание с мечтой о прекрасных мирах Веги, о находке жемчугов-планет на дне просторов Вселенной, во имя чего люди Земли пошли на добровольное сорокапятилетнее заключение в звездолете и больше чем на шестьдесят лет покинули родную планету.

Но, увлеченный зрелищем, Эрг Ноор не сразу подумал об этом. В глубине полусферического экрана он мчался над поверхностью безмерно далекой планеты. К настоящему горю путешественников, тех — погибших — и этих — живых, планета оказалась похожей на знакомого с детства ближайшего соседа в солнечной системе — Марс. Та же тонкая прозрачная газовая оболочка с черновато-зеленым, всегда безоблачным небом, та же ровная поверхность пустынных материков с грядами развалившихся гор. Только на Марсе царствовал обжигающий холод ночи и резкая смена дневных температур. Там были мелкие, похожие на гигантские лужи болота, испарявшиеся почти до полной сухости, был скудный, редкостный дождь или иней, ничтожная жизнь омертвелых растений и странных, вялых, зарывавшихся в землю животных.

Здесь ликующий пламень голубого солнца нагревал планету так, что она вся дышала жаром самых знойных пустынь Земли. Водяные пары в ничтожном количестве поднимались в верхние слои воздушной оболочки, а огромные равнины затенялись лишь вихрями тепловых токов, непрерывно возмущавших атмосферу. Планета вращалась быстро, как и все остальные. Ночное охлаждение рассыпало горные породы в море песка. Песок, оранжевый, фиолетовый, зеленый, голубоватый или слепяще-белый, затоплял планету огромными пятнами, издалека казавшимися морями или зарослями выдуманных растений. Цепи разрушенных гор, более высоких, чем на Марсе, но столь же мертвых, были покрыты блестящей черной или коричневой корой. Синее солнце с его могучим ультрафиолетовым излучением разрушало минералы, испаряло легкие элементы.

Светлые песчаные равнины, казалось, излучали само пламя. Эрг Ноор припомнил, что в старину, когда учеными было не большинство населения Земли, а лишь ничтожная по численности группа людей, среди писателей и художников распространились мечты о людях иных планет, приспособившихся к жизни в повышенной температуре. Это было поэтично и красиво, подымало веру в могущество человеческой природы. Люди в огненном дыхании планет голубых солнц, встречающие своих земных собратьев!.. Большое впечатление на многих, в том числе и на Эрга Ноора, произвела картина в музее восточного центра южного жилого пояса: туманящаяся на горизонте равнина пламенного алого песка, серое горящее небо, и под ним — безликие человеческие фигуры в тепловых скафандрах, отбрасывающие невероятно резкие черно-синие тени. Они застыли в очень динамичных, полных изумления позах перед углом какого-то металлического сооружения, раскаленного чуть

не добела. Рядом — обнаженная женщина с распущенными красными волосами. Светлая кожа сияет в слепящем свете еще сильнее песков, лиловые и малиновые тени подчеркивают каждую линию высокой и стройной фигуры, стоящей как знамя победы жизни над силами космоса.

Смелая, но совершенно нереальная мечта, противоречащая всем законам биологического развития, теперь, в эпоху Кольца, познанным гораздо глубже, чем во времена, когда была написана картина.

Эрг Ноор вздрогнул, когда поверхность планеты на экране ринулась навстречу. Неведомый пилот повел «Парус» на снижение. Совсем близко поплыли песчаные конусы, черные скалы, россыпи каких-то сверкавших зеленых кристаллов. Звездолет методически вил спираль облета планеты от одного полюса к другому. Никакого признака воды и хотя бы самой примитивной растительной жизни. Опять «хотя бы»!..

Появилась тоска одиночества, затерянности корабля в мертвых далях, во власти пламенной синей звезды... Эрг Ноор чувствовал, как свою, надежду тех, кто снимал фильм, наблюдая планету в поисках хотя бы прошлой жизни. Как знакомы каждому, кто летал на пустые, мертвые планеты без воды и атмосферы, эти напряженные поиски мнимых развалин, остатков городов и построек в случайных формах трещин и отдельностей безжизненных скал, в обрывах мертвых, никогда не знавших жизни гор!

Быстро бежала на экране сожженная, развеиваемая буйными вихрями, лишенная всяких следов тени земля далекого мира. Эрг Ноор, осознавший крушение давней мечты, силился сообразить, как могло родиться неверное представление о сожженных мирах синей звезды.

— Наши земные братья будут разочарованы, когда узнают, — тихо сказал биолог, близко придвинувшийся к начальнику. — Много тысячелетий миллионы людей Земли смотрели на Вегу. В летние ночи Севера все молодые, любившие и мечтавшие, обращали взоры на небо. Летом Вега, яркая и синяя, стоит почти в зените — разве можно было не любоваться ею? Уже тысячи лет назад люди знали довольно много о звездах. По странному направлению мысли они не подозревали, что планеты образовывались почти у каждой медленно вращавшейся звезды с сильным магнитным полем, подобно спутникам, имеющимся почти у каждой планеты. Они не знали об этом законе, но мечтали о собратьях на других мирах и прежде всего на Веге — синем солнце. Я помню переводы красивых стихов о полубожественных людях с синей звезды с какого-то из древних языков.

— Я мечтал о Веге после сообщения «Паруса», — повернулся к Эону Талу начальник. — Теперь ясно, что тысячелетняя тяга к дальним и прекрасным мирам закрыла глаза и мне и множеству мудрых и серьезных людей.

— Как вы теперь расшифруете сообщение «Паруса»?

— Просто. «Четыре планеты Веги совершенно безжизненны. Ничего нет прекраснее нашей Земли. Какое счастье будет вернуться!»

— Вы правы! — воскликнул биолог. — Почему раньше это не пришло в голову?

— Может быть, и приходило, но не нам, астролетчикам, да, пожалуй, и не Совету. Но это делает нам честь — смелая мечта, а не скептическое разочарование побеждает в жизни!

На экране облет планеты закончился. Последовали записи станции-робота, сброшенного для анализа условий на поверхности планеты. Затем раздался сильнейший взрыв — это сбросили геологическую бомбу. До звездолета достигло гигантское облако минеральных частиц. Завыли насосы, забирая пыль в фильтрах боковых всасывающих каналов. Несколько проб минерального порошка из песков и гор сожженной планеты заполнили силиколловые пробирки, а воздух верхних слоев атмосферы — кварцевые баллоны. «Парус» отправился назад в тридцатилетний путь, преодолеть который ему не было суждено. Теперь его земной товарищ несет людям все, что с таким трудом, терпением и отвагой удалось добыть погибшим путешественникам...

Продолжение записей — шесть катушек наблюдений — подлежало специальному изучению астрономами Земли и передаче наиболее существенного по Великому Кольцу.

Просматривать фильмы о дальнейшей судьбе «Паруса» — тяжелой борьбе с аварией и звездой Т, а особенно трагическую последнюю звукокатушку, — никому не захотелось. Слишком еще были сильны собственные переживания. Решили отложить просмотр до очередной побудки всего экипажа. Перегруженные впечатлениями, дежурные разошлись отдохнуть, оставив начальника в центральном посту.

Эрг Ноор более не думал о сокрушенной мечте. Он пытался оценить те горькие крохи знания, которые удастся принести человечеству ценой таких усилий и жертв двум экспедициям — его и «Паруса». Или достижения горьки только от большого разочарования?

Эрг Ноор впервые подумал о прекрасной родной планете как о неисчерпаемом богатстве человеческих душ, утонченных и любознательных, освобожденных от тяжких забот и опасностей природы или примитивного общества. Прежние страда-

ния, поиски, неудачи, ошибки и разочарования остались и теперь, в эпоху Кольца, но они перенесены в высший план творчества в знании, искусстве, строительстве. Только благодаря знанию и творческому труду Земля избавлена от ужасов голода, перенаселения, заразных болезней, вредных животных. Спасена от истощения топлива, нехватки полезных химических элементов, преждевременной смерти и слабости людей. И те крохи знания, что принесет с собой «Тантра», тоже вклад в могучую лавину мысли, с каждым десятилетием совершающую новый шаг вперед в устройстве общества и познании природы!

Эрг Ноор открыл сейф путевого журнала «Тантры» и вынул коробку с металлом от спирального звездолета с черной планеты. Тяжелый кусок яркой небесной голубизны плотно улегся на ладони. Эрг Ноор знал, что на родной планете и ее соседях в солнечной системе и ближайших звездах такого металла нет. Это еще одно, пожалуй, самое важное сообщение, помимо вести о гибели Зирды, которое они доставят Земле и Кольцу...

Железная звезда очень близка к Земле, посещение черной планеты специально подготовленной экспедицией теперь, после опыта «Паруса» и «Тантры», будет не столь опасно, какой бы набор черных крестов и медуз ни существовал в этой вечной тьме. Спиральный звездолет они вскрыли неудачно. Если бы они имели время хорошенько обдумать предприятие, то еще тогда поняли бы, что гигантская спиральная труба является частью двигательной системы звездолета.

Снова в памяти начальника экспедиции возникли события последнего рокового дня. Низа, распростершаяся щитом поперек него, беспомощно упавшего вблизи чудовища. Недолго цвело ее юное чувство, соединившее в себе героическую преданность древних женщин Земли с открытой и умной отвагой современной эпохи...

Пур Хисс неслышно возник позади, чтобы заменить начальника на дежурстве. Эрг Ноор вышел в библиотеку-лабораторию, но не направился в коридор центрального отсека к спальням, а открыл тяжелую дверь госпитальной каюты.

Рассеянный свет земного дня поблескивал на силиколловых шкафах с лекарствами и инструментами, отражался от металла рентгеновской аппаратуры, приборов искусственного кровообращения и дыхания. Начальник экспедиции отстранил доходивший до потолка плотный занавес и вошел в полумрак. Слабое освещение, похожее на лунное, становилось теплым в розовом хрустале силиколла. Два тиратронных стимулятора, включенных на случай внезапного коллапса, едва слышно пощелкивали, поддерживая биение сердца парализованной. Внут-

ри колпака, в розовато-серебряном свете, неподвижно вытянувшаяся Низа казалась погруженной в спокойный, счастливый сон. Много поколений здоровой, чистой и сытой жизни предков отточили до высокого художественного совершенства гибкие и сильные линии тела женщины — самого прекрасного создания могучей жизни Земли. Люди давно знали, что их уделом оказалась очень богатая водой планета. Вода стимулировала обилие растительной жизни, а та создала огромные запасы свободного кислорода. Тогда разлилась буйным потоком животная жизнь, многие сотни миллионов лет проходившая постепенное совершенствование, пока не появилось мыслящее существо — человек. Гигантский исторический опыт развития жизни на планетных системах бесчисленных миров показал, что чем труднее и дольше был слепой эволюционный путь отбора, тем прекраснее получались формы высших, мыслящих существ, тем тоньше была разработана целесообразность их приспособления к окружающим условиям и требованиям жизни, та целесообразность, которая и есть красота.

Все существующее движется и развивается по спиральному пути. Эрг Ноор зримо представил себе эту величайшую спираль всеобщего восхождения в применении к жизни и обществу людей. Впервые он понял с поражающей ясностью, что чем труднее условия жизни и работы организмов как биологических машин, чем тяжелее путь развития общества, тем туже скручена спираль восхождения и ближе друг к другу ее «витки» — следовательно, тем медленнее проходит процесс и стандартнее, более похожи друг на друга возникающие формы.

Он не прав в своей погоне за дивными планетами синих солнц и неверно учил Низу! Полет к новым мирам не ради поисков и открытия каких-то ненаселенных, случайно устроившихся сами собою планет, а осмысленная шаг за шагом поступь человечества по всему рукаву Галактики, победным шествием знания и красоты жизни... такой, как Низа...

С внезапной тяжелой тоской Эрг Ноор опустился на колени перед силиколловым саркофагом Низы. Дыхание девушки не было заметно, ресницы бросали лиловые полоски теней под плотно закрытыми веками, сквозь чуть приоткрытые губы поблескивала белизна зубов. На левом плече, на руке у локтя и у основания шеи виднелись бледные синеватые пятна — места ударов зловредного тока.

— Видишь ли ты, помнишь ли ты что-нибудь в своем сне? — мучительно спрашивал Эрг Ноор в порыве большого горя, чувствуя, как становится мягче воска его воля, как стесняется дыхание и сжимается горло.

Начальник экспедиции стиснул переплетенные пальцы рук так, что они посинели, пытаясь передать Низе свои мысли, страстный призыв к жизни и счастью. Но рыжекудрая девушка оставалась неподвижной, точно статуя розового мрамора, с тончайшим совершенством воспроизведшая живую модель.

Врач Лума Ласви тихо вошла в госпиталь и почувствовала чье-то присутствие. Осторожно откинув занавес, она увидела коленопреклоненного начальника, неподвижного, словно памятник тем миллионам мужчин, которым приходилось оплакивать своих возлюбленных. Не в первый раз заставала она Эрга Ноора здесь, и острая жалость шевельнулась в ее душе. Эрг Ноор хмуро поднялся. Лума быстро подошла к нему и, волнуясь, прошептала:

— Мне надо поговорить с вами.

Эрг Ноор кивнул и, отстранив рукой занавеску, вошел, прищуриваясь, в переднее отделение госпиталя. Он не сел на предложенный Лумой стул, а остался стоять, прислонившись к стойке грибовидного излучателя. Лума Ласви вытянулась перед ним во весь свой небольшой рост, стараясь казаться выше и значительнее для предстоящего разговора. Взгляд начальника дал ей подготовиться.

— Вы знаете, — неуверенно начала она, — что современная неврология проникла в процесс возникновения эмоций в сознательной и подсознательной областях психики. Подсознание уступает воздействию тормозящих лекарств через древние области мозга, ведающие химической регуляцией организма, в том числе и нервной системы и отчасти высшей нервной деятельности.

Эрг Ноор поднял брови. Лума Ласви почувствовала, что говорит слишком подробно и длинно.

— Я хочу сказать, что медицина владеет возможностью воздействия на те мозговые центры, которые ведают сильными переживаниями. Я могла бы...

Понимание вспыхнуло в глазах Эрга Ноора и отразилось в беглой улыбке.

— Вы предлагаете воздействовать на мою любовь, — быстро спросил он, — и тем самым избавить меня от страдания?

Врач наклонила голову.

Эрг Ноор благодарно протянул руку и отрицательно покачал головой.

— Я не отдам своего богатства чувств, как бы они ни заставляли меня страдать. Страдание, если оно не выше сил, ведет к пониманию, понимание — к любви; так замыкается круг. Вы добры, Лума, но не надо!

И с обычной стремительностью начальник скрылся за дверью.

Торопясь, как во время аварии, электронные инженеры и механики вновь, после тринадцати лет, устанавливали в центральном посту и в библиотеке экраны ТВФ земных передач. Звездолет вошел в зону, в которой становился возможен прием рассеянных атмосферой радиоволн мировой сети Земли.

Голоса, звуки, формы и краски родной планеты ободряли путешественников и в то же время возбуждали их нетерпение — длительность космических путей становилась все более невыносимой.

Звездолет звал искусственный спутник 57 на обычной волне дальних космических рейсов, каждый час ожидая отклика этой могучей передаточной станции связи Земли и космоса.

Наконец зов звездолета достиг Земли.

Весь экипаж бодрствовал, не отходя от приемников. Возвращение к жизни после тринадцати земных и девяти зависимых лет отсутствия связи с родиной! Люди с ненасытной жадностью встречали земные сообщения, обсуждали по мировой сети новые важные вопросы, ставившиеся, как обычно, любым желающим.

Так, случайно уловленное предложение почвоведа Хеба Ура вызвало шестинедельную дискуссию и сложнейшие расчеты.

«Предложение Хеба Ура — обсуждайте!» — гремел голос Земли. «Все, кто думал и работал в этом направлении, все, обладающие сходными мыслями или отрицательными заключениями, — высказывайтесь!» Радостно звучала для путешественников эта обычная формула широкого обсуждения. Хеб Ур внес в Совет Звездоплавания предложение систематического изучения доступных планет синих и зеленых звезд. По его мнению, это особые миры мощных силовых излучений, которые могут химически стимулировать инертные в земных условиях минеральные составы к борьбе с энтропией, которая и есть жизнь. Особые формы жизни минералов, более тяжелых, чем газы, будут активны в высоких температурах и неистовой радиации звезд высших спектральных классов. Хеб Ур считал неудачу экспедиции на Сириус, не обнаружившей там никаких следов жизни, закономерной, поскольку эта быстро вращающаяся звезда была двойной и не обладала мощным магнитным полем. Никто не спорил с Хебом Уром, что двойные звезды не могли считаться образователями планетных систем космоса, но суть предложения вызвала активное противодействие со стороны экипажа «Тантры».

Астрономы экспедиции во главе с Эргом Ноором составили сообщение, которое было послано как мнение первых людей, видевших Вегу в фильме, снятом «Парусом».

И люди Земли с восхищением услышали голос, говоривший с приближавшегося звездолета.

«Тантра» высказывается против посылки экспедиции по положениям Хеба Ура. Голубые звезды действительно излучают такую массу энергии на единицу поверхности своих планет, что она достаточна для жизни из тяжелых соединений. Но любой живой организм — это фильтр и плотина энергии, противодействующая второму закону термодинамики или энтропии путем создания структуры, путем великого усложнения простых минеральных и газовых молекул. Такое усложнение может возникнуть только в процессе исторического развития огромной длительности — следовательно, при длительном постоянстве физических условий. Как раз постоянства условий нет на планетах высокотемпературных звезд, быстро разрушающих сложные соединения в порывах и вихрях мощнейших излучений. Там нет ничего длительно существующего, да и не может быть, несмотря на то, что минералы приобретают наиболее стойкое кристаллическое строение с кубической атомной решеткой.

По мнению «Тантры», Хеб Ур повторяет одностороннее суждение древних астрономов, не понявших динамики развития планет. Каждая планета теряет свои легкие вещества, уносящиеся в пространство и рассеивающиеся. Особенно сильная потеря легких элементов идет при сильном нагреве и лучевом давлении синих солнц.

«Тантра» приводила перечень примеров и кончала утверждением, что процесс «утяжеления» планет у голубых звезд не допускает образования жизненных форм.

Спутник 57 передал возражение ученых звездолета прямо в обсерваторию Совета.

В конце концов настала минута, которую с таким нетерпением ждали Ингрид Дитра и Кэй Бэр, как, впрочем, и все без исключения члены экспедиции. «Тантра» начала замедлять субсветовую скорость полета и миновала ледяной пояс солнечной системы, приближаясь к станции звездолетов на Тритоне. Такая скорость больше не была нужна — отсюда, со спутника Нептуна, «Тантра», летящая со скоростью девятьсот миллионов километров в час, достигла бы Земли меньше чем за пять часов. Однако разгон звездолета требовал столько времени, что корабль, начав полет с Тритона, миновал бы Солнце и удалился бы от него на огромное расстояние.

Чтобы не расходовать драгоценный анамезон и не обременять корабли громоздким оборудованием, внутри системы летали на ионных планетолетах. Скорость их не превышала восьмисот тысяч километров в час для внутренних планет и двух с поло-

виной миллионов для самых удаленных внешних. Обычный путь от Нептуна до Земли занимал два с половиной — три месяца.

Тритон — очень крупный спутник, лишь немного уступавший в размерах гигантским третьему и четвертому спутникам Юпитера — Ганимеду и Каллисто — и планете Меркурий. Поэтому он обладал тонкой атмосферой, главным образом из азота и углекислоты.

Эрг Ноор посадил звездолет на полюсе Тритона в указанном месте, поодаль от широких куполов здания станции. На уступе плоскогорья, около обрыва, пронизанного подземными помещениями, сверкало стеклами здание карантинного санатория. Здесь, в полной изоляции от всех других людей, путешественникам предстояло провести пятинедельный карантин. За этот срок искусные врачи тщательно проверяют их тела, в которых могла бы гнездиться какая-нибудь новая инфекция. Опасность была слишком велика, чтобы пренебрегать ею. Поэтому все, кто садился на другие, хотя бы ненаселенные, планеты, неизбежно подвергались этой процедуре, как бы долго ни продолжалось их пребывание на звездолете. Сам корабль внутри тоже исследовался учеными санатория, прежде чем станция давала разрешение на вылет к Земле. Для давно освоенных человечеством планет, как Венера, Марс и некоторые астероиды, карантин проводился на их станциях перед вылетом.

Пребывание в санатории переносилось легче, чем в звездолете. Лаборатории для занятий, концертные залы, комбинированные ванны из электричества, музыки, воды и волновых колебаний, ежедневные прогулки в легких скафандрах по горам и окрестностям санатория. И, наконец, связь с родной планетой, правда, не всегда регулярная, но как отрадно, что сообщение может достигнуть Земли всего за пять часов!

Силиколловый саркофаг Низы со всеми предосторожностями перевезли в санаторий. Эрг Ноор и биолог Эон Тал покинули «Тантру» последними. Они ступали легко даже с утяжелителями, надетыми, чтобы не совершать внезапных скачков из-за малой силы тяжести на этой планетке.

Погасли осветители, горевшие вокруг посадочного поля. Тритон выходил на освещенную Солнцем сторону Нептуна. Как ни тускл был сероватый свет, отраженный Нептуном, исполинское зеркало громадной планеты, находившейся всего в трехстах пятидесяти тысячах километров от Тритона, рассеивало тьму, создавая на спутнике светлые сумерки, похожие на весенние сумерки высоких широт Земли. Тритон облетал вокруг Нептуна навстречу вращению своей планеты с востока на запад почти за шесть земных суток, и его «дневные» периоды

длились около семидесяти часов. За это время Нептун успевал четыре раза обернуться вокруг оси, и сейчас тень спутника заметно бежала по туманному диску.

Почти одновременно начальник и биолог увидели небольшой корабль, стоявший далеко от края плато. Это не был звездолет со вздутой задней половиной и высокими гребнями равновесия. Судя по очень острому носу и узкому корпусу, корабль должен был быть планетолетом, но отличался от знакомых контуров этих кораблей толстым кольцом на корме и длинной веретенообразной пристройкой наверху.

— Здесь, на карантине, еще корабль? — полувопросительно сказал Эон. — Разве Совет изменил свое обыкновение?..

— Не посылать новых звездных экспедиций до возвращения прежних? — отозвался Эрг Ноор. — Действительно, мы выдержали свои сроки, но сообщение, которое мы должны были отправить с Зирды, запоздало на два года.

— Может быть, это экспедиция на Нептун? — предположил биолог.

Они прошли двухкилометровый путь до санатория и поднялись на широкую террасу, отделанную красным базальтом. В черном небе ярче всех звезд сверкал крохотный диск Солнца, видимый отсюда, с полюса медленно вращающегося спутника. Жестокий стосемидесятиградусный мороз чувствовался сквозь обогревающий скафандр как обычный холод земной полярной зимы. Крупные хлопья снега из замерзшего аммиака или углекислоты медленно падали сверху в неподвижной атмосфере, придавая всей окрестности тихий покой земного снегопада.

Эрг Ноор и Эон Тал загипнотизированно смотрели на падение снежинок, подобно далеким, жившим в умеренных широтах предкам, для которых появление снега означало конец трудов земледельца. И этот необычный снег тоже предвещал окончание их труда и путешествия.

Биолог, отвечая своим подсознательным чувствам, протянул руку начальнику.

— Кончились наши приключения, и мы целы благодаря вам!

Эрг Ноор сделал резкий отстраняющий жест.

— Разве все целы? А я цел благодаря кому?

Эон Тал не смутился.

— Я уверен — Низа будет спасена! Здешние врачи хотят начать лечение безотлагательно. Получена инструкция от самого Грим Шара — руководителя лаборатории общих параличей.

— Известно, что это?

— Пока нет. Но ясно, что Низа поражена родом тока, который изменяет химизм нервных узлов автономных систем. По-

нять, как уничтожить его необычно длительное действие, — значит вылечить девушку. Раскрыли же мы механизм стойких психических параличей, столько столетий считавшихся неизлечимыми. Тут что-то похожее, но вызванное внешним возбудителем. Когда произведут опыты над моими пленниками — все равно, живы они или нет, — тогда и моя рука станет служить мне снова!

Чувство стыда заставило нахмуриться начальника экспедиции. В своем горе он забыл, как много сделал для него биолог. Неприлично для взрослого человека! Он принял руку биолога, и оба ученых выразили обоюдную симпатию в старинном мужском жесте.

— Вы думаете, что убийственные органы у черных медуз и у этой крестообразной мерзости одного рода? — спросил Эрг Ноор.

— Не сомневаюсь. Тому порукой моя рука... — Биолог не заметил случайного каламбура. — В накоплении и видоизменении электрической энергии выразилось общее жизненное приспособление черных существ — обитателей богатой электричеством планеты. Они — явные хищники, а тех, кто служит их жертвами, мы пока не знаем.

— Но помните, что случилось с нами всеми, когда Низа...

— Это другое. Я долго думал об этом. С появлением страшного креста раздался сломивший наше сознание инфразвук огромной силы. В этом черном мире и звуки тоже черные, неслышимые. Угнетая сознание инфразвуком, это существо потом действует родом гипноза, более сильным, чем у наших, ныне вымерших, гигантских змей: например, анаконды. Вот что едва не погубило нас, если бы не Низа...

Начальник экспедиции посмотрел на далекое Солнце, светящее сейчас и на Земле. Солнце — вечную надежду человека еще с доисторического его прозябания среди беспощадной природы. Солнце — олицетворение светлой силы разума, разгоняющего мрак и чудовищ ночи. И радостная искра надежды стала его спутником на остаток странствования...

Заведующий станцией Тритон явился в санаторий за Эргом Ноором. Земля вызывала начальника экспедиции, а появление заведующего в запретных помещениях карантина означало конец изоляции, возможность окончить тринадцатилетнее путешествие «Тантры». Начальник экспедиции скоро вернулся, еще более сосредоточенный, чем обычно.

— Вылетаем сегодня же. Меня попросили взять шесть человек с планетолета «Амат», который оставляют здесь для освоения новых рудных месторождений на Плутоне. Мы возьмем экспедицию и собранные ею на Плутоне материалы.

Эта шестерка переоборудовала обычный планетолет и совершила безмерно отважный подвиг. Они нырнули на дно преисподней, под густую неоново-метановую атмосферу Плутона. Летели в бурях аммиачного снега, ежесекундно опасаясь разбиться во тьме о колоссальные иглы прочного, как сталь, водяного льда. Они сумели найти область, где выступали обнаженные горы. Загадка Плутона наконец решена — эта планета не принадлежит к нашей солнечной системе. Она захвачена ею во время пути Солнца через Галактику. Вот почему плотность Плутона гораздо больше всех других далеких планет. Странные минералы из совсем чужого мира открыты исследователями. Но еще важнее, что на одном хребте обнаружены следы почти нацело разрушенных построек, свидетельствующих о какой-то невообразимо древней цивилизации. Добытые исследователями данные, конечно, должны быть проверены. Разумная обработка строительных материалов еще требует доказательств... Но налицо изумительный подвиг. Я горжусь тем, что наш звездолет доставит героев на Землю, и горю нетерпением услышать их рассказы. Карантин у них кончился три дня тому назад... — Эрг Ноор смолк, утомившись длинной речью.

— Но ведь тут есть серьезное противоречие! — вскричал Пур Хисс.

— Противоречие — мать истины! — спокойно ответил астроному Эрг Ноор старой пословицей. — Пора готовить «Тантру»!

Испытанный звездолет легко оторвался от Тритона и понесся по гигантской дуге, перпендикулярной к плоскости эклиптики. Прямой путь к Земле был невозможен: любой корабль погиб бы в широком поясе метеоритов и астероидов — осколков разбитой планеты Фаэтона, когда-то существовавшей между Марсом и Юпитером и разорванной тяготением гиганта солнечной системы.

Эрг Ноор набирал ускорение. Он не собирался везти героев на Землю положенные семьдесят два дня, а решил, пользуясь колоссальной силой звездолета, при минимальном расходе анамезона, дойти за пятьдесят часов.

Передача с Земли прорывалась в пространство к звездолету — планета приветствовала победу над мраком железной звезды и мраком ледяного Плутона. Композиторы исполняли сочиненные в честь «Тантры» и «Амата» романсы и симфонии.

Космос гремел торжествующими мелодиями. Станции на Марсе, Венере и астероидах вызывали корабль, вливая свои аккорды в общий хор уважения к героям.

— «Тантра», «Тантра», — наконец зазвучал голос с поста Совета, — дается посадка на Эль Хомру!

Центральный космопорт находился на месте бывшей пустыни в Северной Африке, и звездолет ринулся туда сквозь насыщенную солнечным светом атмосферу Земли.

Глава седьмая
СИМФОНИЯ ФА МИНОР ЦВЕТОВОЙ ТОНАЛЬНОСТИ 4,750 МЮ

Пластины прозрачной пластмассы служили стенами широкой веранды, обращенной на юг, к морю. Бледный матовый свет с потолка не спорил с яркой луной, а дополнял ее, смягчая грубую черноту теней. На веранде собрался почти весь состав морской экспедиции. Только самые юные ее работники затеяли игру в залитом луной море. Пришел со своей прекрасной моделью художник Карт Сан. Начальник экспедиции Фрит Дон, встряхивая длинными золотистыми волосами, рассказал об исследовании найденного Миико коня. Определение материала статуи для выяснения подъемного веса привело к неожиданным результатам. Под поверхностным слоем какого-то сплава оказалось чистое золото. Если конь был литым, то вес изваяния, даже с вычетом вытесненной им воды, достигал четырехсот тонн. Для подъема такого чудовища вызывались большие суда с особыми приспособлениями.

На вопросы, как объяснить нелепейшее употребление ценного металла, один из старших сотрудников экспедиции вспомнил встреченную в исторических архивах легенду об исчезновении золотого запаса целой страны: тогда золото служило эквивалентом стоимости труда. Преступные правители, виновные в тирании и разорении народа, перед тем как исчезнуть, убежав в другую страну — тогда были препятствия к сообщению разных народов между собою, называвшиеся границами, — собрали весь запас золота и отлили из него статую, которую поставили на самой людной площади главного города государства. Никто не смог найти золото. Историк высказал догадку, что никто тогда не догадался, какой металл скрывается под слоем недорогого сплава.

Рассказ вызвал оживление. Находка колоссального количества золота была великолепным подарком человечеству. Хотя тяжелый желтый металл давно уже не служил символом ценностей, он оставался очень нужным для электрических приборов, медицинских препаратов и особенно для изготовления анамезона.

В углу с наружной стороны веранды собрались в тесный кружок Веда Конг, Дар Ветер, художник, Чара Нанди и Эвда

Наль. Рядом застенчиво уселся Рен Боз. Не было только Мвена Маса.

— Вы были правы, утверждая, что художник — вернее, искусство вообще — всегда и неизбежно отстает от стремительного роста знаний и техники, — говорил Дар Ветер.

— Вы меня не поняли, — возражал Карт Сан. — Искусство уже исправило свои ошибки и поняло свой долг перед человечеством. Оно перестало создавать угнетающие монументальные формы, изображать блеск и величие, реально не существующие, ибо это внешнее. Развивать эмоциональную сторону человека стало важнейшим долгом искусства. Только оно владеет силой настройки человеческой психики, ее подготовки к восприятию самых сложных впечатлений. Кто не знает волшебной легкости понимания, дающейся предварительной настройкой — музыкой, красками, формой?.. И как замыкается человеческая душа, если ломиться в нее грубо и принудительно. Вам, историкам, лучше, чем кому другому, известно, сколько бед вытерпело человечество в борьбе за развитие и воспитание эмоциональной стороны психики.

— В далеком прошлом было время, когда искусство стремилось к отвлеченным формам, — заметила Веда Конг.

— Искусство стремилось к абстракции в подражание разуму, получившему явный примат над всем остальным. Но быть выраженным отвлеченно искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной. Это был ложный путь.

— Какой же путь вы считаете настоящим?

— Искусство, по-моему, — отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность и есть красота, без которой я не вижу счастья и смысла жизни. Иначе искусство легко вырождается в прихотливые выдумки, особенно при недостаточном знании жизни и истории...

— Мне всегда хотелось, чтобы путь искусства был в преодолении и изменении мира, а не только его ощущением, — вставил Дар Ветер.

— Согласен! — воскликнул Карт Сан. — Но с той оговоркой, что не только внешнего мира, но и, главное, внутреннего мира эмоций человека. Его воспитания... с пониманием всех противоречий.

Эвда Наль положила на руку Дар Ветра свою, крепкую и теплую.

— От какой мечты вы отказались сегодня?

— От очень большой...

— Каждый из нас, кто смотрел, — продолжал свою речь художник, — произведения массового искусства древности — кинофильмы, записи театральных постановок, выставок живописи, — тот знает, какими чудесно отточенными, изящными, очищенными от всего лишнего кажутся наши современные зрелища, танцы, картины... Я уже не говорю об эпохах упадка.

— Он умен, но многословен, — шепнула Веда Конг.

— Художнику трудно выражать словами или формулами те сложнейшие явления, которые он видит и отбирает из окружающего, — вступилась Чара Нанди, и Эвда Наль одобрительно кивнула.

— А мне хочется, — продолжал Карт Сан, — идти так: собрать и соединить чистые зерна прекрасной подлинности чувств, форм, красок, разбросанных в отдельных людях, в одном образе. Восстановить древние образы в высшем выражении красоты каждой из рас давнего прошлого, смешение которых образовало современное человечество. Так, «Дочь Гондваны» — единение с природой, подсознательное знание связи вещей и явлений, насквозь еще пронизанный инстинктами комплекс чувств, ощущений.

«Дочь Тетиса» — Средиземного моря — сильно развитые чувства, бесстрашно широкие и бесконечно разнообразные, — тут уже другая ступень слияния с природой — через эмоции, а не через инстинкты. Сила Эроса, открыто и чисто подчиненная возвышению человека. Древние культуры Средиземноморья — критяне, этруски, эллины, протоиндийцы, в их среде возник образ человека, который мог создать эту эмоциональную культуру. Как повезло мне найти Чару: случайно в ней соединились черты античных греко-критян и более поздних народов Центральной Индии.

Веда улыбнулась правоте своей догадки, а Дар Ветер прошептал ей, что трудно было бы найти лучшую модель.

— Если мне удастся «Дочь Средиземного моря», то неизбежно выполнение третьей части замысла — золотоволосая или светло-русая северная женщина со спокойными и прозрачными глазами, высокая, чуть медлительная, пристально вглядывающаяся в мир, похожая на древних женщин русского, скандинавского или английского народов. Только после этого я смогу приступить к синтезу — созданию образа современной женщины, в котором соединю лучшее от всех трех этих пращуров.

— Почему только «дочери», а не «сыновья»? — улыбнулась Веда.

— Надо ли пояснять, что прекрасное всегда более законченно в женщине и отточено сильнее по законам физиологии... — нахмурился художник.

— Когда будете писать свою третью картину, приглядитесь к Веде Конг, — начала Эвда Наль. — Вряд ли...

Художник быстро встал.

— Вы думаете, я не вижу! Но борюсь с собой, чтобы в меня не вошел этот образ сейчас, когда я полон другим. Но Веда...

— Мечтает о музыке, — слегка покраснела та. — Жаль, что здесь солнечный рояль, немой ночью!

— Системы, работающей на полупроводниках от солнечного света? — спросил Рен Боз, перегибаясь через ручку кресла. — Тогда я мог бы переключить его на токи от приемника.

— Долго это? — обрадовалась Веда.

— Час придется поработать.

— Не надо. Через час начнется передача новостей по мировой сети. Мы увлеклись работой, и два вечера никто не включал приемника.

— Тогда спойте, Веда, — попросил Дар Ветер. — У Карта Сана есть вечный инструмент со струнами времен Темных веков феодального общества.

— Гитара, — подсказала Чара Нанди.

— Кто будет играть?.. Попробую — может быть, справлюсь сама.

— Я играю! — Чара вызвалась сбегать за гитарой в студию.

— Побежим вместе, — предложил Фрит Дон.

Чара задорно взметнула черную массу своих волос. Шерлис повернул рычаг и сдвинул боковую стену веранды, открыв вид вдоль берега на восточный угол залива. Фрит Дон понесся огромными прыжками. Чара бежала, откинув назад голову. Девушка сперва отстала, но к студии оба подбежали одновременно, нырнули в черный, неосвещенный вход и через секунду снова неслись вдоль моря под луной, упрямые и быстроногие. Фрит Дон первым достиг веранды, но Чара прыгнула через открытую боковую створку и оказалась внутри комнаты.

Веда восхищенно всплеснула руками.

— Ведь Фрит Дон — победитель весенних десятиборий!

— А Чара Нанди окончила высшую школу танцев: обе ступени — древних и современных, — в тон Веде отозвался Карт Сан.

— Мы с Ведой учились тоже, но только в низшей, — вздохнула Эвда Наль.

— Низшую теперь проходят все, — поддразнил художник.

Чара медленно перебирала струны гитары, подняв свой маленький твердый подбородок. Высокий голос молодой женщины зазвенел тоской и призывом. Она пела новую, только что пришедшую из южной зоны песню о несбывшейся мечте. В мелодию вступил низкий голос Веды и стал тем лучом стремления, вокруг которого вилось и замирало пение Чары. Дуэт получился великолепным — так противоположны были обе певицы и так они дополняли друг друга. Дар Ветер переводил взгляд с одной на другую и не мог решить, кому больше идет пение — Веде, стоявшей, облокотясь на пульт приемника, опустив голову под тяжестью светлых кос, серебрившихся в свете луны, или Чаре, склонившейся вперед, с гитарой на круглых голых коленях, с лицом, таким темным от загара, что на нем резко белели зубы и чистые синеватые белки глаз.

Песня умолкла. Чара нерешительно перебирала струны. И Дар Ветер стиснул зубы. Это была та самая песня, когда-то отдалившая его от Веды, — теперь мучительная и для нее.

Раскаты струн следовали порывами, аккорд догонял другой и бессильно замирал, не достигнув слияния. Мелодия шла отрывисто, точно всплески волн падали на берег, разливались на миг по отмелям и скатывались один за другим в черное бездонное море. Чара ничего не знала — ее звонкий голос оживил слова о любви, летящей в ледяных безднах пространства, от звезды к звезде, пытаясь найти, понять, ощутить, где он... Тот, ушедший в космос на подвиг искания, он уже не вернется — пусть! Но хоть на единственный миг узнать, что с ним, помочь мольбой, ласковой мыслью, приветом! Веда молчала. Чара, почувствовав неладное, оборвала песнь, вскочила, бросила гитару художнику и подошла к неподвижно стоявшей светловолосой женщине, виновато склонив голову.

Веда улыбнулась.

— Станцуйте мне, Чара!

Та покорно кивнула, соглашаясь, но тут вмешался Фрит Дон:

— С танцами подождем — сейчас передача!

На крыше дома выдвинулась телескопическая труба, высоко поднявшая две перекрещенные металлические плоскости с восемью полушариями на венчавшем сооружение металлическом круге. Комнату наполнили могучие звуки.

Передача началась с показа одного из новых спиральных городов северного жилого пояса. Среди градостроителей господствовали два направления архитектуры: город пирамидальный и спирально-винтовой. Они строились в особо удобных для жизни местах, где сосредоточивалось обслуживание автоматических заводов, пояса которых, чередуясь с кольцами

рощ и лугов, окружали город, обязательно выходивший на море или большое озеро.

Города строились на возвышенностях, потому что здания шли уступами, так, что не было ни одного, фасад которого не был бы открыт полностью солнцу, ветрам, небу и звездам. С внутренней стороны зданий находились помещения машин, складов, распределителей, мастерских и кухонь, иногда уходившие глубоко в землю. Сторонники пирамидальных городов считали преимуществом их сравнительно небольшую высоту при значительной вместимости, в то время как строители спиральных поднимали свои творения на высоту более километра. Перед участниками морской экспедиции предстала крутая спираль, светившаяся на солнце миллионами опалесцировавших стен из пластмассы, фарфоровыми ребрами каркасов из плавленого камня, креплениями из полированного металла. Каждый ее виток постепенно поднимался от периферии к центру. Массивы зданий разделялись глубокими вертикальными нишами. На головокружительной высоте висели легкие мосты, балконы и выступы садов. Искрящиеся вертикальные полосы контрфорсами уширялись к основанию, обнимая между тысячами аркад громадные лестницы. Они вели к ступенчатым паркам, лучами расходящимся к первому поясу густых рощ. Улицы тоже изгибались по спирали — висячие по периметру города или внутренние, под хрустальными перекрытиями. На них не было никаких экипажей — непрерывные цепи транспортеров скрывались в продольных нишах.

Люди, оживленные, смеющиеся, серьезные, быстро шли по улицам или прогуливались под аркадами, уединялись в тысячах укромных мест: среди колоннад, на переходах лестниц, в висячих садах на крышах уступов...

Зрелище могучего города продолжалось недолго: началась речевая передача.

— Продолжается обсуждение проекта, внесенного Академией Направленных Излучений, — заговорил появившийся на экране человек, — о замене линейного алфавита электронной записью. Проект не встречает всеобщей поддержки. Главное противоречие — сложность аппаратов чтения. Книга перестанет быть другом, повсюду сопутствующим человеку. Несмотря на всю внешнюю выгодность, проект будет отклонен.

— Долго обсуждали! — заметил Рен Боз.

— Крупное противоречие, — откликнулся Дар Ветер. — С одной стороны — заманчивая простота записи, с другой — трудность чтения.

Человек на экране продолжал:

— Подтверждается вчерашнее сообщение — тридцать седьмая звездная заговорила. Они возвращаются...

Дар Ветер замер, ошеломленный силой противоречивых чувств. Боковым зрением он увидел медленно вставшую Веду Конг со все шире раскрывающимися глазами. Обострившийся слух Дар Ветра уловил ее прерывистое дыхание.

— ...со стороны квадрата четыреста один, и корабль только что вышел из минус-поля в одной сотой парсека от орбиты Нептуна. Задержка экспедиции произошла вследствие встречи с черным солнцем. Потерь людей нет! Скорость корабля, — закончил диктор, — около пяти шестых абсолютной единицы. Экспедиция ожидается на станции Тритон через одиннадцать дней. Ждите сообщения о замечательных открытиях!

Передача продолжалась. Следовали другие новости, но их уже никто не слушал. Все окружили Веду, поздравляли.

Она улыбалась с горящими щеками и тревогой, спрятанной в глубине глаз. Приблизился и Дар Ветер. Веда почувствовала твердое пожатие его руки, ставшей нужной и близкой, встретила прямой взгляд. Давно он не смотрел так. Она знала грустную удаль, сквозившую в его прежнем отношении к ней. И знала, что сейчас он читает в ее лице не только радость...

Дар Ветер тихо опустил ее руку, улыбнулся по-своему, неповторимо ясно, — и отошел. Товарищи из экспедиции оживленно обсуждали сообщение, Веда осталась в кольце людей, искоса наблюдая за Дар Ветром. Она видела, как к нему подошла Эвда Наль, спустя минуту присоединился Рен Боз.

— Надо найти Мвена Маса, он еще ничего не знает! — как бы спохватившись, воскликнул Дар Ветер. — Пойдем со мной, Эвда. И вы, Рен?

— И я, — подошла Чара Нанди. — Можно?

Они вышли к тихому плеску волн. Дар Ветер остановился, подставляя лицо прохладному дуновению, и глубоко вздохнул. Повернувшись, он встретил взгляд Эвды Наль.

— Я уеду, не возвращаясь в дом, — ответил он на безмолвный вопрос.

Эвда взяла его под руку. Некоторое время все шли в молчании.

— Я думала, надо ли так? — прошептала Эвда. — Наверное, надо, и вы правы. Если бы Веда...

Эвда умолкла, но Дар Ветер понимающе сжал ее ладонь и приложил к своей щеке. Рен Боз шел за ними по пятам, осторожно отодвигаясь от Чары, а та, скрывая насмешку, искоса поглядывая огромными глазами, широко шагала рядом. Эвда едва слышно рассмеялась и вдруг подала физику свободную

руку. Рен Боз схватил ее хищным движением, показавшимся комичным у этого застенчивого человека.

— Где же искать вашего друга? — Чара остановилась у самой воды.

Дар Ветер всмотрелся и в ярком свете луны увидел отчетливые отпечатки ног на полосе мокрого песка. Следы шли через совершенно одинаковые промежутки, с симметрично развернутыми носками с такой геометрической правильностью, что казались отпечатанными машиной.

— Он шел туда. — Дар Ветер показал в сторону больших камней.

— Да, это его следы, — подтвердила Эвда.

— Почему вы так уверены? — усомнилась Чара.

— Посмотрите на правильность шагов — так ходили первобытные охотники или те, кто унаследовал их черты. А мне кажется, что Мвен, несмотря на свою ученость, ближе любого из нас к природе... Не знаю, как вы, Чара? — Эвда обернулась к задумавшейся девушке.

— Я? О нет! — И, показывая вперед, она воскликнула: — Вот он!

На ближайшем камне появилась громадная фигура африканца, блестевшая под луной, как полированный черный мрамор. Мвен Мас энергично потрясал руками, точно угрожая кому-то. Грозные мышцы могучего тела вздувались и перекатывались буграми под блестящей кожей.

— Он как дух ночи из детских сказок! — взволнованно шепнула Чара.

Мвен Мас заметил приближающихся, спрыгнул со скалы и появился одетый. В немногих словах Дар Ветер рассказал о случившемся, и Мвен Мас выразил желание немедленно повидать Веду Конг.

— Идите туда с Чарой, — сказала Эвда, — а мы тут побудем немного...

Дар Ветер сделал прощальный жест, и на лице африканца отразилось понимание. Какой-то полудетский порыв заставил его прошептать давно забытые слова прощания. Дар Ветер был тронут и в задумчивости пошел прочь, сопровождаемый молчаливой Эвдой. Рен Боз в замешательстве потоптался на месте и повернул следом за Мвеном Масом и Чарой Нанди.

Дар Ветер и Эвда дошли до мыса, отгораживающего залив от открытого моря. Огоньки, окаймлявшие огромные диски плотов морской экспедиции, стали отчетливо видны.

Дар Ветер столкнул прозрачную лодку с песка и стал у воды перед Эвдой, еще более массивный и могучий, чем

Мвен Мас. Эвда поднялась на носки и поцеловала уходящего друга.

— Ветер, я буду с Ведой, — ответила она на его мысли. — Мы вернемся вместе в нашу зону и там дождемся прибытия. Дайте знать, когда устроитесь, — я всегда буду счастлива помочь вам...

Эвда долго провожала глазами лодку на серебряной воде...

Дар Ветер подплыл ко второму плоту, где еще работали механики, спеша закончить установку аккумуляторов. По просьбе Дар Ветра они зажгли три зеленых огня треугольником.

Через полтора часа первый же пролетавший спиролет повис над плотом. Дар Ветер сел в опущенный подъемник, на секунду показался под освещенным днищем корабля и скрылся в люке. К утру он входил в свое постоянное жилище, неподалеку от обсерватории Совета, которое не успел еще переменить. Дар Ветер открыл продувочные краны в обеих своих комнатах. Спустя несколько минут вся накопившаяся пыль исчезла. Дар Ветер выдвинул из стены постель и, настроив комнату на запах и плеск моря, к которому он привык за последнее время, крепко заснул.

Он проснулся с ощущением утраченной прелести мира. Веда далеко и будет далеко теперь, пока... Но ведь он должен ей помочь, а не запутывать положение! Крутящийся столб наэлектризованной прохладной воды обрушился на него в ванной. Дар Ветер стоял под ним так долго, что озяб. Освеженный, он подошел к аппарату ТВФ, раскрыл его зеркальные дверцы и вызвал ближайшую станцию распределения работ. На экране возникло молодое лицо. Юноша узнал Дар Ветра и приветствовал его с едва уловимым оттенком почтения, что считалось признаком тонкой вежливости.

— Мне хотелось бы получить трудную и продолжительную работу, — начал Дар Ветер, — связанную с физическим трудом: например, антарктические рудники.

— Там все занято, — в тоне говорившего сквозило огорчение, — занято и на месторождениях Венеры, Марса, даже Меркурия. Вы знаете, что туда, где труднее, охотнее стремится молодежь.

— Да, но я уже не могу себя причислить к этой хорошей категории... Но что есть сейчас? Мне нужно немедленно.

— Есть на разработку алмазов в Средней Сибири, — медленно начал тот, глядя на невидимую Дар Ветру таблицу, — если вы стремитесь на горные работы. Кроме этого, есть места на океанских плотах — заводах пищи, на солнечную насосную станцию в Тибет, — но это уже легкое. Другие места — тоже ничего особенно трудного.

Дар Ветер поблагодарил информатора и попросил дать время додумать, а пока не отдавать алмазных разработок.

Он выключил станцию распределения и соединился с Домом Сибири — обширным центром географической информации по этой стране. Его ТВФ включили в памятную машину новейших записей, и перед Дар Ветром медленно поплыли обширные леса. Заболоченная и разреженная лиственничная тайга на вечномерзлой почве, когда-то распространенная здесь, исчезла, уступив место величественным лесным великанам — сибирским кедрам и американским секвойям, некогда почти вымершим. Исполинские красные стволы поднимались великолепной оградой вокруг холмов, накрытых бетонными шапками. Стальные трубы десятиметрового диаметра выползали из-под них и перегибались через водоразделы ближайшим рекам, вбирая их целиком в разверстые пасти воронок. Глухо гудели чудовищные насосы. Сотни тысяч кубометров воды устремлялись в ими же промытые глубины алмазоносных вулканических труб, с ревом крутились, размывая породу, и вновь изливались наружу, оставляя в решетках промывочных камер десятки тонн алмазов. В длинных, залитых светом помещениях люди сидели за движущимися циферблатами разборочных машин. Блестящие камни потоком мелких зерен сыпались в калиброванные отверстия приемных ящиков. Операторы насосных станций беспрерывно следили за указателями расчетных машин, вычислявших непрерывно меняющееся сопротивление породы, давление и расход воды, углубление забоя и выброс твердых частиц. Дар Ветер подумал, что радостная картина залитых Солнцем лесов сейчас не для его настроения, и выключил Дом Сибири. Мгновенно раздался вызывной сигнал, и на экране возник информатор станции распределения.

— Я хотел уточнить ваши размышления. Только что получено требование — освободилось место в подводных титановых рудниках на западном побережье Южной Америки. Это самое трудное из имеющегося сегодня... Но туда надо прибыть срочно!

Дар Ветер встревожился:

— Я не успею пройти психофизического испытания на ближайшей станции АПТ — Академии Психофизиологии Труда.

— По сумме ежегодных испытаний, обязательных в вашей прежней работе, вам эта проба не требуется.

— Пошлите сообщение и дайте координаты! — немедля отозвался Дар Ветер.

— Западная ветвь Спиральной Дороги, семнадцатое южное ответвление, станция 6Л, точка КМ-40. Посылаю предупреждение.

Серьезное лицо на экране исчезло. Дар Ветер собрал все мелкие вещи, принадлежавшие ему лично, уложил в шкатулку пленки с изображениями и голосами близких и важнейшими записями собственных мыслей. Со стены он снял хроморефлексную репродукцию древней русской картины, со стола — бронзовую статуэтку артистки Белло Галь, похожей на Веду Конг. Все это, с небольшим количеством одежды, поместилось в алюминиевый ящик с кругами выпуклых цифр и линейных знаков на крышке. Дар Ветер набрал сообщенные ему координаты, открыл люк в стене и толкнул туда ящик. Он исчез, подхваченный бесконечной лентой. Потом Дар Ветер проверил свои комнаты. Уже много веков на планете отсутствовали какие-либо специальные уборщики помещений. Их функции выполнялись каждым обитателем, что было возможно только при абсолютной аккуратности и дисциплинированности каждого человека, а также при тщательно продуманной системе устройства жилья и общественных зданий с их автоматами очистки и продува.

Окончив осмотр, он повернул рычаг перед дверью вниз, давая сигнал на станцию распределения помещений, что занимавшиеся им комнаты освободились, и вышел. Наружная галерея, застекленная пластинами молочного цвета, нагрелась от Солнца, но на плоской крыше морской ветерок, как всегда, был прохладен. Легкие пешеходные мостики, переброшенные на высоте между решетчатыми зданиями, казалось, парили в воздухе и манили к неторопливой прогулке, но Дар Ветер снова не принадлежал себе. По трубе автоматического спуска он попал в подземную магнитоэлектрическую почту, и маленький вагончик понес его к станции Спиральной Дороги. Дар Ветер не поехал на Север, к Берингову проливу, где пролегала соединительная дуга Западной ветви. Этот путь до Южной Америки, особенно так далеко на юг, как до семнадцатого ответвления, занимал около четырех суток. По широтам жилых зон Севера и Юга шли линии тяжелых грузовых спиролетов, опоясывавшие планету поперек океанов и соединявшие кратчайшим путем ветви Спиральной Дороги. Дар Ветер поехал по Центральной ветви до южной жилой зоны и рассчитывал убедить заведующего авиаперевозками счесть его срочным грузом. Помимо того что путь сокращался до тридцати часов, Дар Ветер мог повидаться с сыном Грома Орма — председателя Совета Звездоплавания; Гром Орм избрал его наставником-ментором своего сына.

Мальчик вырос и с будущего года приступал к свершению двенадцати подвигов Геркулеса, а пока работал в Дозорной службе в болотах Западной Африки.

Кто из юношей не рвется в Дозорную службу — следить за появлением акул в океане, вредоносных насекомых, вампиров и гадов в тропических болотах, болезнетворных микробов в жилых зонах, эпизоотий или лесных пожаров в степной и лесной зонах, выявляя и уничтожая вредную нечисть прошлого Земли, таинственным образом вновь и вновь появлявшуюся из глухих уголков планеты? Борьба с вредоносными формами жизни никогда не прекращалась. На новые средства истребления микроорганизмы, насекомые и грибки отвечали появлением новых, стойких к самым сильным химикалиям форм и штаммов. Только в ЭВМ — Эру Мирового Воссоединения — обучались правильно пользоваться сильными антибиотиками, не порождая опасных последствий.

«Если Дис Кен назначен в болотные дозоры, — думал Дар Ветер, — он уже в юные годы становится серьезным работником».

Сын Грома Орма, как и все дети Эры Кольца, был воспитан в школе на берегу моря в северной зоне. Там же он прошел первые испытания на психологической станции АПТ.

Молодежи всегда поручалась работа с учетом психологических особенностей юности с ее порывами вдаль, повышенным чувством ответственности и эгоцентризмом.

Громадный вагон несся бесшумно и плавно. Дар Ветер поднялся в верхний этаж с прозрачной крышей. Далеко внизу и по сторонам Дороги проносились строения, каналы, леса и горные вершины. Узкий пояс автоматических заводов на границе между земледельческой и лесной зонами ослепительно засверкал на солнце куполами из «лунного» стекла. Суровые формы колоссальных машин смутно виднелись сквозь стены хрустальных зданий.

Мелькнул памятник Жинну Каду, разработавшему способ дешевого изготовления искусственного сахара, и аркада Дороги начала рассекать леса тропической земледельческой зоны. В необозримую даль тянулись полосы и чащи с разными оттенками листвы, коры, разной формой и высотой деревьев. По узким гладким дорогам, разделявшим отдельные массивы, медленно ползли уборочные, опылительные и учетные машины, паутиной блестели бесчисленные провода. Когда-то символом изобилия было золотящееся от спелости хлебное поле. Но уже в ЭМВ — Эру Мирового Воссоединения — поняли экономическую невыгодность однолетних культур, а с перенесением земледелия исключительно в тропическую зону отпало трудоемкое ежегодное выращивание травянистых и кустарниковых растений. Деревья, долголетние, слабее истощающие почву, устой-

чивые к климатическим невзгодам, стали основными сельскохозяйственными растениями еще за сотни лет до Эры Кольца.

Деревья хлебные, ягодные, ореховые, с тысячами сортов богатых белками плодов, дающие по центнеру питательной массы на корень. Колоссальные массивы плодоносных рощ двумя поясами в сотни миллионов гектаров охватывали планету, настоящий пояс Цереры — мифической богини плодородия. Между ними находилась лесная экваториальная зона — океан тропических влажных лесов, снабжавший планету древесиной — белой, черной, фиолетовой, розовой, золотистой, серой с шелковыми переливами, твердой, как кость, и мягкой, как яблоко, тонущей в воде камнем и легкой, будто пробка. Десятки сортов смол, более дешевых, чем синтетические, и в то же время с драгоценными техническими или лечебными свойствами, добывались здесь.

Вершины лесных гигантов поднимались на уровень полотна Дороги — теперь по обе стороны шелестело зеленое море. В его темных глубинах, посреди уютных полян, скрывались дома на высоких металлических сваях и чудовищные паукообразные машины, которым под силу было превращать эти заросли из восьмидесятиметровых стволов в покорные штабеля бревен и досок.

Слева показались купола знаменитых гор экватора. На одной из них — Кении — находилась установка связи Великого Кольца. Море лесов отошло влево, уступая место каменистому плоскогорью. По сторонам поднялись кубические голубые постройки.

Поезд остановился, и Дар Ветер вышел на широкую площадь, вымощенную зеленым стеклом, — станцию Экватор. Около пешеходного моста, перекинутого над сизыми плоскими кронами атласских кедров, возвышалась пирамида из белого фарфоровидного аплита с реки Луалабы. На ее усеченной верхушке стояло изваяние человека в рабочем комбинезоне Эры Разобщенного Мира. В правой руке он держал молоток, левой высоко поднимал вверх, в бледное экваториальное небо, сверкающий шар с четырьмя отростками передающих антенн. Это был памятник создателям первых искусственных спутников Земли, совершившим этот подвиг труда, изобретательности, отваги. Все тело человека, откинувшегося назад и как бы выталкивающего шар в небо, выражало вдохновенное усилие. Это усилие передавалось ему от фигур людей в странных костюмах, окружавших пьедестал у ног изваяния.

Дар Ветер всегда с волнением всматривался в лица скульптур этого памятника. Он знал, что люди, построившие самые первые искусственные спутники и вышедшие на порог космо-

са, были русскими, то есть тем самым удивительным народом, от которого вел свою родословную Дар Ветер. Народом, сделавшим первые шаги и в строительстве нового общества, и в завоевании космоса...

И сейчас, как всегда, Дар Ветер направился к памятнику, чтобы еще раз, глядя на образы древних героев, искать в них сходство с современными людьми и отличие от них. Из-под серебряных пушистых ветвей южноафриканских лейкодендронов, окаймлявших слепящую отраженным солнцем пирамиду памятника, показались две стройные фигуры, остановились. Один из юношей стремительно бросился к Дар Ветру. Обхватив рукой массивное плечо, он украдкой осмотрел знакомые ему черты твердого лица: крупный нос, широкий подбородок, неожиданно веселый изгиб губ, не вяжущийся с хмуроватым выражением стальных глаз под сросшимися бровями.

Дар Ветер с одобрением взглянул на сына знаменитого человека, строителя базы на планетной системе Центавра и главы Совета Звездоплавания пятое трехлетие подряд. Грому Орму не могло быть меньше ста тридцати лет, он был втрое старше Дар Ветра.

Дис Кен подозвал товарища — темноволосого юношу.

— Мой лучший друг Тор Ан, сын Зига Зора, композитора. Мы вместе работаем в болотах, — продолжал Дис, — вместе хотим совершить наши подвиги и дальше тоже работать вместе.

— Ты по-прежнему увлекаешься кибернетикой наследственности? — спросил Дар Ветер.

— О да! Тор меня увлек еще больше — он музыкант, как его отец. Он и его подруга... они мечтают работать в области, где музыка облегчает понимание развития живого организма, то есть над изучением симфонии его построения.

— Ты говоришь как-то неопределенно, — нахмурился Дар Ветер.

— Я еще не могу, — смутился Дис. — Может быть, Тор скажет лучше.

Другой юноша покраснел, но выдержал испытующий взгляд.

— Дис хотел сказать о ритмах механизма наследственности, живой организм при развитии из материнской клетки надстраивается аккордами из молекул. Первичная парная спираль развертывается в плане, аналогичном развитию музыкальной симфонии. Иными словами, программа, по которой идет постройка организма из живых клеток, — музыкальна!

— Так?.. — преувеличенно удивился Дар Ветер. — Но тогда и всю эволюцию живой и неживой материи вы сведете к какой-то гигантской симфонии?

— План и ритмика этой симфонии определены основными физическими законами. Надо лишь понять, как построена программа и откуда берется информация этого музыкально-кибернетического механизма, — с непобедимой уверенностью юности подтвердил Тор Ан.

— Это чье же?

— Моего отца, Зига Зора. Он недавно обнародовал космическую тринадцатую симфонию фа минор в цветовой тональности 4,750 мю.

— Обязательно послушаю ее! Я люблю синий цвет... Но ближайшие ваши планы — подвиги Геркулеса. Вы знаете, что вам назначено?

— Только первые шесть.

— Ну конечно, другие шесть назначаются после выполнения первой половины, — вспомнил Дар Ветер.

— Расчистить и сделать удобным для посещения нижний ярус пещеры Кон-и-Гут в Средней Азии, — начал Тор Ан.

— Провести дорогу к озеру Ментал сквозь острый гребень хребта, — подхватил Дис Кен, — возобновить рощу старых хлебных деревьев в Аргентине, выяснить причины появления больших осьминогов в области недавнего поднятия у Тринидада...

— И истребить их!

— Это пять, что же шестое?

Оба юноши слегка замялись.

— У нас обоих определены способности к музыке, — краснея, сказал Дис Кен. — И нам поручено собрать материалы по древним танцам острова Бали, восстановить их — музыкально и хореографически.

— То есть подобрать исполнительниц и создать ансамбль? — рассмеялся Дар Ветер.

— Да, — потупился Тор Ан.

— Интересное поручение! Но это групповое дело, так же как и озерная дорога.

— О, у нас хорошая группа! Только они тоже хотят просить вас быть ментором. Это было бы так хорошо!

Дар Ветер выразил сомнение в своих возможностях относительно шестого дела. Но мальчики, просиявшие и подпрыгивающие от радости, заверили, что «сам» Зиг Зор обещал руководить шестым.

— Через год и четыре месяца я найду себе дело в Средней Азии, — проговорил Дар Ветер, с удовольствием вглядываясь в радостные юные лица.

— Как хорошо, что вы перестали заведовать станциями! — воскликнул Дис Кен. — Я и не думал, что буду работать с таким

ментором! — Внезапно юноша покраснел так, что лоб его покрылся мелкими бисеринками пота, а Тор даже отодвинулся от него, преисполнившись укоризны.

Дар Ветер поспешил прийти на помощь сыну Грома Орма в его промахе.

— Много ли у вас времени?

— О нет! Нас отпустили на три часа — мы привезли сюда больного лихорадкой с нашей болотной станции.

— Вот как, лихорадка еще появляется! Я думал...

— Очень редко и только в болотах, — торопливо вставил Дис. — Для того и мы!

— Еще два часа в нашем распоряжении. Пойдемте в город, вам, наверное, хочется посмотреть Дом нового?

— О нет! Мы хотели бы... чтобы вы ответили на наши вопросы — мы подготовились, и это так важно для выбора пути...

Дар Ветер согласился, и все трое направились в одну из прохладных комнат Зала Гостей, овеваемых искусственным морским ветром.

Два часа спустя другой вагон уносил Дар Ветра, утомленно дремавшего на диване. Он проснулся на остановке в городке химиков. Гигантская постройка в виде звезды с десятью стеклянными лучами возвышалась над большим угольным месторождением. Добывавшийся здесь уголь перерабатывался в лекарства, витамины, гормоны, искусственные шелка и меха. Отходы шли на изготовление сахара. В одном из лучей здания из угля добывались редкие металлы — германий и ванадий. Чего только не было в драгоценном черном минерале!

Старый товарищ Дар Ветра, работавший здесь химиком, пришел на станцию. Когда-то были три веселых молодых механика на индонезийской станции плодоуборочных машин в тропическом поясе... Теперь один из них — химик, ведающий большой лабораторией крупного завода, второй так и остался садоводом, создавшим новый способ опыления, а третий — третий он, Дар Ветер, теперь снова возвращающийся к лону Земли, даже еще глубже — в ее недра. Друзья успели повидаться не больше десяти минут, но и такое свидание было гораздо приятнее встреч на экранах ТВФ.

Дальнейший путь оказался недолгим. Заведующий широтной воздушной линией внял убеждениям, проявив общую благожелательность людей эпохи Кольца. Дар Ветер перелетел океан и оказался на Западной ветви Дороги, южнее семнадцатого ответвления, в тупике которого на берегу океана он пересел на глиссер.

Высокие горы подходили к берегу вплотную. На отлогой подошве склонов шли террасы белого камня, задерживавшие насыпанную почву с рядами южных сосен и виддрингтоний, чередовавшие в параллельных аллеях свою бронзовую и голубовато-зеленую хвою. Выше голые скалы зияли темными ущельями, в глубине которых дробились в водяную пыль водопады. На террасах редкой цепью протянулись домики с синевато-серыми крышами, выкрашенные в оранжевый и ослепительно желтый цвет.

Далеко в море выдавалась искусственная мель, заканчивавшаяся обмытой ударами волн башней. Она стояла у кромки материкового склона, круто спадавшего в океан на глубину километра. Под башней вниз шла отвесно огромная шахта в виде толстейшей цементной трубы, противостоявшей давлению глубоководья. На дне труба погружалась в вершину подводной горы, состоявшей из почти чистого рутила — окиси титана. Все процессы переработки руды производились внизу, под водой и горами. На поверхность поднимались лишь крупные слитки чистого титана и муть минеральных отходов, расходившаяся далеко вокруг. Эти желтые мутные волны закачали глиссер перед пристанью с южной стороны башни. Дар Ветер улучил момент и выскочил на мокрую от брызг площадку. Он поднялся на огороженную галерею, где собрались, чтобы встретить нового товарища, несколько человек, свободных от дежурства. Работники этого представлявшегося Дар Ветру таким уединенным рудника не казались хмурыми анахоретами, каких он под влиянием собственного настроения чаял здесь встретить. Его приветствовали веселые лица, немного усталые от суровой работы. Пять мужчин, три женщины — здесь работали и женщины...

Прошло десять дней, и Дар Ветер освоился с новой деятельностью.

Здесь было собственное силовое хозяйство — в глубине старых выработок на материке запрятались установки ядерной энергии типа Э, или, как он назывался в старину, второго типа, не дававшего жестких остаточных излучений, а потому удобного для местных установок.

Сложнейший комплекс машин перемещался в каменном чреве подводной горы, погружаясь в хрупкий красно-бурый минерал. Самой трудной была работа в нижнем этаже агрегата, где происходила автоматизированная выемка и дробление породы. В машину поступали сигналы из находившегося наверху центрального поста, где обобщались наблюдения за ходом режущих и дробящих устройств, меняющейся твердостью и вязкостью ископаемого и сведения стволов мокрого обогащения.

В зависимости от меняющегося содержания металла увеличивалась или уменьшалась скорость выемочно-дробильного агрегата. Всю проверочно-наблюдательную деятельность механиков нельзя было передать кибернетическим машинам-роботам из-за ограниченности защищенного от моря места.

Дар Ветер стал механиком по проверке и настройке нижнего агрегата. Потянулись ежедневные дежурства в полутемных, набитых циферблатами камерах, где насос кондиционера едва справлялся с удручающей жарой, усугубленной повышенным давлением из-за неизбежного просачивания сжатого воздуха.

Дар Ветер и его молодой помощник выбирались наверх, долго стояли на балюстраде, вдыхая свежий воздух, потом шли купаться, ели и расходились по своим комнатам в одном из верхних домиков. Дар Ветер пытался возобновить свои занятия новым, кохлеарным разделом математики. Ему казалось, что он забыл свое прежнее общение с космосом. Как все работники титанового рудника, он с удовлетворением провожал очередной плот с аккуратно выложенными брусками титана. После сокращения полярных фронтов бури на планете сильно ослабели, и многие морские грузоперевозки производились на буксируемых или самоходных плотах. Когда людской состав рудника менялся, Дар Ветер продлил свое пребывание вместе с двумя другими энтузиастами горных работ.

Ничто не продолжается вечно в этом изменчивом мире, и рудник остановился для очередного ремонта выемочно-дробильного агрегата. Впервые Дар Ветер проник в забой перед щитом, где только специальный скафандр спасал от жары и повышенного давления, а также от внезапных струй ядовитого газа, вырывавшихся из трещин. Под ослепительным освещением бурые рутиловые стены сверкали своим собственным алмазным блеском и отливали красными огнями, будто взглядами яростных глаз, спрятавшихся в минерале. В забое стояла необыкновенная тишина. Искровое электрогидравлическое долото и огромные диски — излучатели ультракоротких волн — впервые за многие месяцы неподвижно застыли. Под ними копошились только что прибывшие геофизики, расставляя приборы, чтобы, воспользовавшись случаем, проверить контуры залежи.

Наверху стояли тихие и жаркие дни южной осени. Дар Ветер ушел в горы и необыкновенно остро почувствовал величие каменных масс, тысячелетиями недвижно вздымавшихся здесь перед морем и небом. Шелестели сухие травы, снизу едва доносился плеск прибоя. Усталое тело просило покоя, но мозг жадно схватывал впечатления мира, обновленные после долгой и трудной работы в подземелье.

И бывший заведующий внешними станциями, вдыхая запах нагретых скал и пустынных трав, поверил, что впереди предстоит еще много хорошего — тем больше, чем лучше и сильнее он будет сам.

Посеешь поступок — пожнешь привычку.
Посеешь привычку — пожнешь характер.
Посеешь характер — пожнешь судьбу, —

пришло на ум древнее изречение. Да, самая великая борьба человека — это борьба с эгоизмом! Не сентиментальными правилами и красивой, но беспомощной моралью, а диалектическим пониманием, что эгоизм — это не порождение каких-то сил зла, а естественный инстинкт первобытного человека, игравший очень большую роль в дикой жизни и направленный к самосохранению. Вот почему у ярких, сильных индивидуальностей нередко силен и эгоизм и его труднее победить. Но такая победа — необходимость, пожалуй, важнейшая в современном обществе. Поэтому так много сил и времени уделяется воспитанию, так тщательно изучается структура наследственности каждого. В великом смешении рас и народов, создавшем единую семью планеты, внезапно откуда-то из глубин наследственности проявляются самые неожиданные черты характера далеких предков. Случаются поразительные уклонения психики, полученные еще во времена великих бедствий Эры Разобщенного Мира, когда люди не соблюдали осторожности в опытах и использовании ядерной энергии и нанесли повреждения наследственности множества людей...

У Дар Ветра тоже прежде была длинная родословная, теперь уже ненужная. Изучение предков заменено прямым анализом строения наследственного механизма, анализом, еще более важным теперь, при долгой жизни.

С Эры Общего Труда мы стали жить до ста семидесяти лет, а теперь выясняется, что и триста — не предел...

Шорох камней заставил Дар Ветра очнуться от сложных и неясных размышлений. Сверху по долине спускались двое: оператор секции электроплавки — застенчивая и молчаливая женщина — и маленький, живой инженер наружной службы. Оба, раскрасневшиеся от быстрой ходьбы, приветствовали Дар Ветра и хотели пройти мимо, но тот остановил их.

— Я давно собираюсь просить вас, — обратился он к оператору, — исполнить для меня тринадцатую космическую фа минор синий. Вы много играли нам, но ее ни разу.

— Вы подразумеваете космическую Зига Зора? — переспросила женщина и на утвердительный жест Дар Ветра рассмеялась.

— Мало людей на планете, которые могли бы исполнить эту вещь... Солнечный рояль с тройной клавиатурой беден, а переложения пока нет... и вряд ли будет. Но почему бы вам не вызвать ее из Дома Высшей Музыки — проиграть запись? Наш приемник универсален и достаточно мощен.

— Я не знаю, как это делается, — пробормотал Дар Ветер. — Я раньше не...

— Я вызову ее вечером! — обещала музыкантша Дар Ветру и, протянув руку спутнику, продолжила спуск.

Остаток дня Дар Ветер не мог отделаться от чувства, что произойдет нечто важное. Со странным нетерпением он ждал одиннадцати часов — времени, назначенного Домом Высшей Музыки для передачи симфонии.

Оператор электроплавки взяла на себя роль распорядителя, усадив Дар Ветра и других любителей в фокусе полусферического экрана музыкального зала, напротив серебряной решетки звучателя. Она погасила свет, объяснив, что иначе будет трудно следить за цветовой частью симфонии, могущей исполняться лишь в специально оборудованном зале и здесь поневоле ограниченной внутренним пространством экрана.

Во мраке лишь слабо мерцал экран и чуть слышался снаружи постоянный шум моря. Где-то в невероятной дали возник низкий, такой густой, что казался ощутимой силой, звук. Он усиливался, сотрясая комнату и сердца слушателей, и вдруг упал, повышаясь в тоне, раздробился и рассыпался на миллионы хрустальных осколков. В темном воздухе замелькали крохотные оранжевые искорки. Это было как удар той первобытной молнии, разряд которой миллионы веков назад на Земле впервые связал простые углеродные соединения в более сложные молекулы, ставшие основой органической материи и жизни.

Нахлынул вал тревожных и нестройных звуков, тысячеголосый хор боли, тоски и отчаяния, дополняя которые метались и гасли вспышки мутных оттенков пурпура и багрянца.

В движениях коротких и резких вибрирующих нот наметился круговой порядок, и в высоте завертелась расплывчатая спираль серого огня. Внезапно крутящийся хор прорезали длинные ноты — гордые и звонкие. Они были полны стремительной силы.

Нерезкие огненные контуры пространства пронизали четкие линии синих огненных стрел, летевших в бездонный мрак за краем спирали и тонувших во тьме ужаса и безмолвия.

Темнота и молчание — так закончилась первая часть симфонии.

Слушатели, слегка ошеломленные, не успели произнести ни слова, как музыка возобновилась. Широкие каскады могучих звуков в сопровождении разноцветных ослепительных переливов света падали вниз, понижаясь и ослабевая, и меркли в меланхолическом ритме сияющие огни. Вновь что-то узкое и порывистое забилось в падающих каскадах, и опять синие огни начали ритмическое танцующее восхождение.

Потрясенный Дар Ветер уловил в синих звуках стремление к усложняющимся ритмам и формам и подумал, что нельзя лучше было отразить первобытную борьбу жизни с энтропией... Ступени, плотики, фильтры, задерживающие каскады спадающей на низкие уровни энергии. «Так, так, так! Вот они, эти первые всплески сложнейшей организации материи!»

Синие стрелы сомкнулись хороводом геометрических фигур, кристаллических форм и решеток, усложнявшихся соответственно сочетаниям минорных созвучий, рассыпавшихся и вновь соединявшихся, и внезапно растворились в сером сумраке.

Третья часть симфонии началась мерной поступью басовых нот, в такт которым загорались и гасли уходившие в бездну бесконечности и времени синие фонари. Прилив грозно ступающих басов усиливался, и ритм их учащался, переходя в отрывистую и зловещую мелодию. Синие огни казались цветами, гнувшимися на тонких огненных стебельках. Печально никли они под наплывом низких, гремящих и трубящих нот, угасая вдали. Но ряды огоньков или фонарей становились все чаще, их стебельки — толще. Вот две огненные полосы очертили идущую в безмерную черноту дорогу, и поплыли в необъятность Вселенной золотистые звонкие голоса жизни, согревая прекрасным теплом угрюмое равнодушие двигавшейся материи. Темная дорога становилась рекой, гигантским потоком синего пламени, в котором все усложнявшимся узором мелькали просверки разноцветных огней.

Высшие сочетания округлых плавных линий, сферических поверхностей отзывались такой же красотой, как и напряженные многоступенчатые аккорды, в смене которых стремительно нарастала сложность звонкой мелодии, разворачивавшейся все сильнее и сильнее...

У Дар Ветра закружилась голова, и он уже не смог следить за всеми оттенками музыки и света, улавливая лишь общие контуры исполинского замысла. Океан высоких кристально чистых нот плескался сияющим, необычайно могучим, радостным синим цветом. Тон звуков все повышался, и сама мелодия стала неистово крутящейся, восходящей спиралью, пока не оборвалась на взлете, в ослепительной вспышке огня.

Симфония кончилась, и Дар Ветер понял, чего недоставало ему все эти долгие месяцы. Необходима работа, более близкая к космосу, к неутомимо разворачивающейся спирали человеческого устремления в будущее. Прямо из музыкального зала он направился в переговорную комнату и вызвал центральную станцию распределения работы северной жилой зоны. Молодой информатор, направлявший Дар Ветра сюда, на рудник, узнал его и обрадовался.

— Сегодня утром вас вызывали из Совета Звездоплавания, но я не мог связаться. Сейчас соединю вас.

Экран померк и снова вспыхнул, на нем возник Мир Ом — старший из четырех секретарей Совета. Он выглядел очень серьезным и, как показалось Дар Ветру, грустным.

— Большое несчастье! Погиб спутник пятьдесят семь. Совет зовет вас для выполнения труднейшей работы. Я посылаю за вами ионный планетолет. Будьте готовы!

Дар Ветер застыл в изумлении перед погасшим экраном.

Глава восьмая
КРАСНЫЕ ВОЛНЫ

На широком балконе обсерватории свободно гулял ветер. Он переносил через море из Африки запахи цветущих растений жаркой страны, будившие в душе тревожные стремления. Мвен Мас никак не мог привести себя в то ясное, твердое, лишенное сомнений состояние, какое требовалось накануне ответственного опыта. Рен Боз сообщил из Тибета, что перестройка установки Кора Юлла закончена. Четыре наблюдателя спутника 57 охотно согласились рискнуть жизнью, лишь бы помочь в опыте, подобного которому на планете давно уже не производилось.

Но эксперимент ставился без разрешения Совета, без широкого предварительного обсуждения всех возможностей, и это придавало всему делу привкус трусливой скрытности, столь несвойственной современным людям.

Великая цель, поставленная ими, как будто оправдывает все эти меры, но... надо бы, чтобы душа была совершенно чиста! Возникал древний человеческий конфликт — цели и средства к ее достижению. Опыт тысячи поколений учит, что надо уметь точно определить переходную грань, как делает это в абстрактных вопросах математики репагулярное исчисление. Как бы добиться такого исчисления в интуиции и морали?..

Африканцу не давала покоя история Бета Лона. Тридцать два года тому назад один из знаменитых математиков Земли —

Бет Лон нашел, что некоторые признаки смещения во взаимодействии мощных силовых полей могут быть объяснены существованием параллельных измерений. Он поставил серию интересных опытов с исчезновением предметов. Академия Пределов Знания нашла ошибку в его построениях и дала принципиально иное объяснение наблюдавшимся явлениям. Бет Лон был могучим умом, гипертрофированным за счет слабого развития моральных устоев и торможения желаний. Сильный и эгоистичный человек, он решил продолжать опыты в том же направлении. Чтобы получить решающие доказательства, он привлек мужественных молодых добровольцев, готовых на любой подвиг, лишь бы послужить знанию. Люди в опытах Бета Лона исчезали бесследно, как и предметы, и ни один не подал вести о себе «с той стороны» другого измерения, как на то рассчитывал жестокий математик. Когда Бет Лон отправил в «небытие» — вернее, попросту уничтожил — группу в двенадцать человек, он был предан суду. Сумев доказать, что он был убежден в том, что люди странствуют живыми в другом измерении и что он действовал только с согласия своих жертв, Бет Лон был приговорен к изгнанию, провел десять лет на Меркурии и затем уединился на острове Забвения. История Бета Лона, по мнению Мвена Маса, походила на его собственную. Там тоже был запрещен тайный опыт, поставленный по отвергнутым наукой мотивам, и это сходство очень не нравилось Мвену Масу.

Послезавтра очередная передача по Кольцу, и тогда он свободен на восемь дней — для опыта.

Мвен Мас запрокинул голову. Звезды показались ему особенно яркими и близкими. Многих он знал по их древним именам как старых друзей. Да разве они и не были исконными друзьями человека, заправлявшими его пути, возвышавшими его мысли, ободрявшими мечтания!

Неяркая звездочка, склонившаяся к северному горизонту, — это Полярная, или Гамма Цефея. В Эру Разобщенного Мира Полярная была в Малой Медведице, но поворот краевой части Галактики вместе с солнечной системой идет по направлению к Цефею. Распростертый вверху, в Млечном Пути, Лебедь, одно из интереснейших созвездий северного неба, уже потянулся к югу своей длинной шеей. В ней горит красавица двойная звезда, названная древними рабами Альбирео. На самом деле там три звезды: Альбирео I, двойная и Альбирео II — огромная голубая далекая звезда с большой планетной системой. Она почти на таком же расстоянии от нас, как и гигантское светило в хвосте Лебедя, Денеб, — белая звезда светимостью в четыре тысячи восемьсот наших солнц. В прошлой передаче наш верный друг

61 Лебедя уловил сообщение Альбирео II — предупреждение, полученное на четыреста лет позднее времени посылки, но чрезвычайно интересное. Знаменитый космический исследователь Альбирео II, чье имя передавалось земными звуками как Влихх оз Ддиз, погиб в районе созвездия Лиры, встретившись с самой грозной опасностью космоса — звездой Оокр. Земные ученые относили эти звезды к классу Э, названному так в честь величайшего физика древности Эйнштейна, предугадавшего существование таких звезд, хотя впоследствии это долго оспаривалось и был даже установлен предел массы звезды, известный под названием предела Чандрасекара. Но этот древний астрофизик исходил в своих расчетах лишь из элементарной механики тяготения и общей термодинамики, совершенно не приняв во внимание сложной электромагнитной структуры гигантских и сверхгигантских звезд. Но именно электромагнитные силы и обусловливали существование звезд Э, которые соперничали размерами с красными гигантами класса М — такими как Антарес или Бетельгейзе, но отличались большей плотностью, примерно равной плотности Солнца. Исполинская сила тяготения такой звезды останавливала лучеиспускание, не позволяя свету покидать звезду и уноситься в пространство. Бесконечно долго существовали в пространстве эти невообразимо громадные тайные массы, скрыто поглощая в своем инертном океане их тяготения. В древнеиндийской религиозной мифологии «ночами Брамы» назывались периоды бездеятельного покоя верховного божества, по верованиям древних, сменявшиеся «днями», или периодами, созидания. Это в самом деле походило на длительное накопление материи, позднее заканчивавшееся разогревом поверхности звезды до класса О-нулевое — до ста тысяч градусов, хотя процесс и не имел никакого отношения к божеству. В конце концов получалась колоссальная вспышка, разбрасывавшая в пространстве новые звезды с новыми планетами. Так некогда взорвалась Крабовидная туманность, достигшая теперь диаметра в пятьдесят биллионов километров. Этот взрыв был равен силе одновременного взрыва квадрильона убийственных водородных бомб ЭРМ.

Совершенно темные звезды Э угадывались в пространстве лишь по своему тяготению, и гибель звездолета, проложившего курс поблизости чудовища, была неизбежна. — Невидимые инфракрасные звезды спектрального класса Т тоже являлись опасностью на пути кораблей, как и темные облака крупных частиц или совсем остывшие тела класса ТТ.

Мвен Мас подумал, что создание Великого Кольца, связавшего населенные разумными существами миры, было круп-

нейшей революцией для Земли и соответственно для каждой обитаемой планеты. Прежде всего — это победа над временем, над краткостью срока жизни, не позволяющей ни нам, ни другим братьям по мысли проникать в отдаленные глубины пространства. Посылка сообщения по Кольцу — это посылка в любое грядущее, потому что мысль человека, оправленная в такую форму, будет продолжать пронизывать пространство, пока не достигнет самых отдаленных его областей. Возможность исследовать очень далекие звезды стала реальной, это только вопрос времени. Недавно нас достигло сообщение от громадной, но очень далекой звезды, называвшейся Гаммой Лебедя. До нее две тысячи восемьсот парсек, и сообщение идет больше девяти тысяч лет, но оно понятно нам и могло быть расшифровано близкими по характеру мышления членами Кольца. Совсем другое, если сообщение идет с шаровых звездных систем и скоплений, которые древнее наших плоских систем.

То же самое с центром Галактики — в ее осевом звездном облаке есть колоссальная зона жизни на миллионах планетных систем, не знающих ночной тьмы, освещаемых излучением центра Галактики. Оттуда получены непонятные сообщения — картины сложных, невыразимых нашими понятиями структур. Академия Пределов Знания уже четыреста лет ничего не может расшифровать. А может быть... У африканца захватило дух от внезапной мысли. С близких планетных систем — членов Кольца приходят сообщения внутренней жизни каждой из населенных планет — ее науки, техники, ее произведений искусства, в то время как дальние древние миры Галактики показывают внешнее, космическое движение своей науки и жизни? Как переустраивают планетные системы по своему усмотрению? «Подметают» пространство от мешающих звездолетам метеоритов, сваливают их, а заодно и неудобные для жизни холодные внешние планеты в центральное светило, продлевая его излучение или намеренно повышая температуру обогрева своих солнц. Может быть, и этого мало — переустраиваются соседние планетные системы, где создаются наилучшие условия для жизни гигантских цивилизаций.

Мвен Мас соединился с хранилищем памятных записей Великого Кольца и набрал шифр одного из дальних сообщений. На экране медленно поплыли странные картины, пришедшие на Землю с шарового звездного скопления Омега Центавра. Оно было вторым из самых близких к солнечной системе и отстояло всего на шесть тысяч восемьсот парсек. Двадцать две тысячи лет пронизывал мировое пространство свет его ярких звезд, чтобы достичь глаз земного человека.

Плотный синий туман стелился ровными слоями, которые были проткнуты вертикальными черными цилиндрами, довольно быстро вращающимися. Едва уловимо контуры цилиндров время от времени сжимались, становились похожими на низкие конусы, соединенные основаниями. Тогда слои синего тумана разрывались на резкие огненные серпы, бешено вращающиеся вокруг оси конусов, чернота исчезала куда-то ввысь, вырастали колоссальные ослепительно белее колонны, из-за которых косыми кулисами высовывались граненые острия зеленого цвета.

Мвен Мас тер лоб в усилиях уловить хоть что-то, поддающееся осмыслению.

На экране граненые острия обвились спиралями вокруг белых колонн и вдруг осыпались потоком металлически сверкавших шаров, сложившихся в широкий кольцевой пояс. Пояс начал расти в ширину и в высоту.

Мвен Мас усмехнулся и выключил запись, вернувшись к прежним размышлениям.

«Из-за отсутствия населенных миров или, вернее, связи с ними в высоких широтах Галактики мы, люди Земли, еще не можем выбиться из нашей затемненной экваториальной полосы Галактики. Не можем подняться над космической пылью, в которую погружена наша звезда — Солнце, и ее соседи. Поэтому узнавать Вселенную нам труднее, чем другим...»

Мвен Мас перевел взгляд к горизонту, туда, где ниже Большой Медведицы, под Гончими Псами, лежало созвездие Волосы Вероники. Это был «северный» полюс Галактики. Именно в этом направлении открывалась вся широта внегалактического пространства, так же как и на противоположной точке неба — в созвездии Скульптора, недалеко от известной звезды Фомальгаут, у «южного» полюса галактической системы. В краевой области, где находится Солнце, толщина ветвей спирального диска Галактики всего около шестисот парсек. Перпендикулярно к плоскости экватора Галактики можно было бы пройти триста–четыреста парсек, чтобы подняться над уровнем ее гигантского звездного колеса. Этот путь, неодолимый для звездолета, не представлял невозможного для передач Кольца. Но пока ни одна планета звезд, расположенных в этих областях, еще не включилась в Кольцо...

Вечные загадки и безответные вопросы превратились бы в ничто, если бы ему удалось совершить еще одну величайшую из научных революций — победить время, научиться преодолевать любое пространство в любой промежуток времени, наступить ногой властелина на бесконечные просторы космоса. Тогда не только наша Галактика, но и другие звездные острова станут от

нас не дальше мелких островков Средиземного моря, что плещется сейчас внизу в ночном мраке. В этом оправдание отчаянной попытки задуманной Рен Бозом и осуществляемой им, Мвеном Масом, заведующим внешними станциями Земли. Если бы они могли лучше обосновать постановку опыта, чтобы получить разрешение Совета...

Огни Спиральной Дороги изменили цвет с оранжевого на белый: два часа ночи — время усиления перевозок. Мвен Мас вспомнил, что завтра Праздник Пламенных Чаш, на который его звала Чара Нанди. Заведующий внешними станциями не мог забыть знакомства на морском берегу и эту красно-бронзовую девушку с отточенной гибкостью движений. Она была как цветок искренности и сильных порывов, редкий в эпоху хорошо дисциплинированных чувств.

Мвен Мас вернулся в рабочую комнату, вызвал Институт Метагалактики, работавший ночью, и попросил прислать ему на завтрашнюю ночь стереотелефильмы нескольких галактик. Получив согласие, он поднялся на крышу внутреннего фасада. Здесь находился его аппарат для дальних прыжков. Мвен Мас любил этот непопулярный спорт и достиг немалого мастерства. Закрепив лямки от баллона с гелием вокруг себя, африканец упругим скачком взвился в воздух, на секунду включив тяговый пропеллер, работавший от легкого аккумулятора. Мвен Мас описал в воздухе дугу около шестисот метров длиной, приземлился на выступе Дома Пищи и повторил прыжок. Пятью скачками он добрался до небольшого сада под обрывом известняковой горы, снял аппарат на алюминиевой вышке и соскользнул по шесту на землю, к своей жесткой постели, стоявшей под огромным платаном. Под шелест листьев могучего дерева он уснул.

Праздник Пламенных Чаш получил свое название от известного стихотворения поэта-историка Зан Сена, описавшего древнеиндийский обычай выбирать красивейших женщин, которые подносили отправлявшимся на подвиг героям боевые мечи и чаши с пылавшей в них ароматной смолой. Мечи и чаши давно исчезли из употребления, но остались символом подвига. Подвиги же безмерно умножились в отважном, полном энергии населении планеты. Огромная работоспособность, в прошлом известная лишь у особо выносливых людей, называвшихся гениями, полностью зависела от физической крепости тела и обилия гормонов-стимуляторов. Забота о физической мощи за тысячелетия сделала то, что рядовой человек планеты стал подобен древним героям, ненасытным в подвиге, любви и познании.

Праздник Пламенных Чаш стал весенним праздником женщин. Каждый год, в четвертом месяце от зимнего солнце-

ворота, или, по-старинному, в апреле, самые прелестные женщины Земли показывались в танцах, песнях, гимнастических упражнениях. Тонкие оттенки красоты различных рас, проявлявшиеся в смешанном населении планеты, блистали здесь в неисчерпаемом разнообразии, точно грани драгоценных камней, доставляя бесконечную радость зрителям — от утомленных терпеливым трудом ученых и инженеров до вдохновенных художников или совсем еще юных школьников третьего цикла.

Не менее красив был осенний мужской праздник Геркулеса, совершавшийся в девятом месяце. Вступившие в зрелость юноши отчитывались в совершенных ими подвигах Геркулеса. Впоследствии вошло в обычай в эти дни проводить всенародные смотры совершенных за год замечательных поступков и достижений. Праздник стал общим — мужским и женским — и разделился на дни Прекрасной Полезности, Высшего Искусства, Научной Смелости и Фантазии. Когда-то и Мвен Мас был признан героем первого и третьего дней...

Мвен Мас появился в гигантском Солнечном зале Тирренского стадиона как раз во время выступления Веды. Он нашел девятый сектор четвертого радиуса, где сидели Эвда Наль и Чара Нанди, и стал под тенью аркады, вслушиваясь в низкий голос Веды. В белом платье, высоко подняв светловолосую голову и обратив лицо к верхним галереям зала, она пела что-то радостное и показалась африканцу воплощением весны.

Каждый из зрителей нажимал одну из четырех располагавшихся перед ним кнопок. Загоравшиеся в потолке зала золотые, синие, изумрудные или красные огни показывали оценку артисту и заменяли шумные аплодисменты прежних времен.

Веда кончила петь, была награждена пестрым сиянием золотых и синих огней, среди которых затерялись немногочисленные зеленые, и алая, как обычно, от волнения, присоединилась к подругам. Тогда подошел и Мвен Мас, встреченный приветливо.

Африканец оглядывался, ища взглядом своего учителя и предшественника, но Дар Ветра нигде не было видно.

— Где вы спрятали Дар Ветра? — шутливо обратился Мвен Мас ко всем трем женщинам.

— А куда вы девали Рен Боза? — ответила Эвда Наль, и африканец поспешил уклониться от ее проницательных глаз.

— Ветер роется под Южной Америкой, добывая титан, — сказала более милосердная Веда Конг, и что-то дрогнуло в ее лице.

Чара Нанди жестом защиты притянула к себе прекрасного историка и прижалась щекой к ее щеке. Лица обеих женщин, таких разных, были сходны объединявшей их кроткой нежностью.

Брови Чары, прямые и низкие под широким лбом, казались контуром парящей птицы и гармонировали с длинным разрезом глаз. У Веды брови поднимались вверх.

«Птица взмахнула крыльями...» — подумал африканец.

Густые и блестящие черные волосы Чары падали на затылок и плечи, оттеняя строгий цвет приглаженных и высоко зачесанных волос Веды.

Чара взглянула на часы в куполе зала и поднялась.

Одеяние Чары поразило африканца. На смуглых плечах девушки лежала платиновая цепочка, оставлявшая открытой шею. Ниже ключиц цепочка застегивалась светящимся красным турмалином.

Крепкие груди, похожие на широкие опрокинутые чаши, выточенные изумительно точным резцом, были почти открыты. Между ними от застежки к поясу проходила полоска темно-фиолетовой ткани. Такие же полоски шли через середину каждой груди, оттягиваясь назад цепочкой, сомкнутой на обнаженной спине. Очень тонкую талию девушки обхватывал белый, усеянный черными звездами пояс с платиновой пряжкой в виде лунного серпа. Сзади к поясу прикреплялась как бы половина длинной юбки из тяжелого белого шелка, тоже украшенного черными звездами. Никаких драгоценностей на танцовщице не было, кроме сверкающих пряжек на маленьких черных туфлях.

— Скоро мой черед, — безмятежно сказала Чара, направляясь к аркаде прохода, оглянулась на Мвена Маса и исчезла, провожаемая шепотом вопросов и тысячами взглядов.

На сцене появилась гимнастка — великолепно сложенная девушка не старше восемнадцати лет. Под речитатив музыки, озаренная золотистым светом, гимнастка проделала стремительный каскад взлетов, прыжков и поворотов, застывая в немыслимом равновесии в моменты напевных и протяжных переходов мелодии. Зрители одобрили выступление множеством золотых огней, и Мвен Мас подумал, что Чаре Нанди будет нелегко выступать после такого успеха. В легкой тревоге он осмотрел безликое множество людей напротив и вдруг заметил в третьем секторе художника Карта Сана. Тот приветствовал его с веселостью, показавшейся африканцу неуместной, — кто, как не художник, написавший с Чары картину «Дочь Средиземного моря», должен был обеспокоиться судьбой ее выступления?

Только африканец успел подумать, что после опыта он поедет смотреть картину, как огни вверху погасли. Прозрачный пол из органического стекла загорелся малиновым светом раскаленного чугуна. Из-под нижних козырьков сцены заструились потоки красных огней. Они метались и набегали, сочетаясь с

ритмом мелодии в пронизывающем пении скрипок и низком звоне медных струн. Несколько ошеломленный стремительностью и силой музыки, Мвен Мас не сразу заметил, что в центре пламеневшего пола появилась Чара, начавшая танец в таком темпе, что зрители затаили дыхание.

Мвен Мас ужаснулся — что же будет, если музыка потребует еще большего убыстрения? Танцевали не только ноги, не только руки — все тело девушки отвечало на пламенную музыку не менее жарким дыханием жизни. Африканец подумал, что если древние женщины Индии были такие, как Чара, то прав поэт, сравнивший их с пламенными чашами и давший наименование женскому празднику.

Красноватый загар Чары в отсветах сцены и пола принял яркий медный оттенок. Сердце Мвена Маса неистово забилось. Этот цвет кожи он видел у людей сказочной планеты Эпсилон Тукана. Тогда же он узнал, что может существовать такая одухотворенность тела, способного своими движениями, тончайшим изменением прекрасных форм выразить самые глубокие оттенки чувств, фантазии, страсти, мольбы о радости.

Прежде весь устремленный в недоступную даль девяноста парсек, Мвен Мас понял, что в необъятном богатстве красоты земного человечества могут оказаться цветы, столь же прекрасные, как и бережно лелеемое им видение далекой планеты. Но длительное стремление к невозможной мечте не могло исчезнуть так быстро. Чара, приняв облик краснокожей дочери Эпсилон Тукана, укрепила упрямое решение заведующего внешними станциями.

Эвда Наль и Веда Конг — сами отличные танцовщицы, впервые видевшие танцы Чары, были потрясены. Веда, в которой говорил ученый-антрополог и историк древних рас, решила, что в далеком прошлом женщин Гондваны, южных стран, всегда было больше, чем мужчин, которые гибли в боях со множеством опасных зверей. Позднее, когда в многолюдных странах юга образовались деспотические государства древнего Востока, мужчины гибли в постоянных войнах, зачастую вызванных религиозным фанатизмом или случайными прихотями деспотов. Дочери Юга вели трудную жизнь, в которой оттачивалось их совершенство. На Севере, при редком населении и небогатой природе, не было государственного деспотизма Темных веков. Там мужчин сохранялось больше, женщины ценились выше и жили с большим достоинством.

Веда следила за каждым жестом Чары и думала, что в ее движениях есть удивительная двойственность: они одновременно нежные и хищные. Нежность — от плавности движений

и невероятной гибкости тела, а хищное впечатление исходит от резких переходов, поворотов и остановок, происходящих с почти неуловимой быстротой хищного зверя. Эта вкрадчивая гибкость получена темнокожими дочерьми Гондваны в тысячелетия тяжелой борьбы за существование. Но как гармонично она сочеталась в Чаре с твердыми и мелкими критско-эллинскими чертами лица!

В короткое замедление адажио вплелись учащавшиеся диссонансные звучания каких-то ударных инструментов. Стремительный ритм взлетов и падений человеческих чувств в танце выражался чередованием насыщенных движений и почти полной остановкой их, когда танцовщица застывала недвижным изваянием. Пробуждение дремлющих чувств, бурная вспышка их, изнеможенное сникание, гибель и новое возрождение, опять бурное и неизведанное, жизнь скованная и борющаяся с неотвратимой поступью времени, с четкой и неумолимой определенностью долга и судьбы. Эвда Наль почувствовала, как близка ей психологическая основа танца, как щеки ее покрываются краской и учащается дыхание... Мвен Мас не знал, что балетная сюита написана композитором специально для Чары Нанди, но перестал страшиться ураганного темпа, видя, как легко справляется с ним девушка. Красные волны света обнимали ее медное тело, обдавали алыми всплесками сильные ноги, тонули в темных извивах ткани, зарей розовели на белом шелке. Ее закинутые назад руки медленно замирали над головой. И вдруг, без всякого финала, оборвалось буйное звучание повышавшихся нот, остановились и погасли красные огни. Высокий купол зала вспыхнул обычным светом. Усталая девушка склонила голову, и ее густые волосы скрыли лицо. Вслед за тысячами золотых вспышек послышался глухой шум. Зрители оказывали Чаре высшую почесть артиста — благодарили ее, встав и поднимая над головами сложенные руки. И Чара, бестрепетная перед выступлением, смутилась, откинула с лица волосы и убежала, обратив взгляд к верхним галереям.

Распорядители праздника объявили перерыв. Мвен Мас устремился на поиски Чары, а Веда Конг и Эвда Наль вышли на гигантскую, в километр шириной, лестницу из голубого непрозрачного стекла — смальты, спускавшуюся от стадиона прямо в море. Вечерние сумерки, прозрачные и прохладные, потянули обеих женщин искупаться по примеру тысяч зрителей праздника.

— Не напрасно я сразу заметила Чару Нанди, — заговорила Эвда Наль. — Она замечательная артистка. Сегодня мы видели танец силы жизни! Это, вероятно, и есть Эрос древних...

— Я теперь поняла Карта Сана, что красота в самом деле важнее, чем нам кажется. Она — счастье и смысл жизни, он хорошо сказал тогда! И ваше определение верное, — согласилась Веда, сбрасывая туфли и погружая ноги в теплую воду, плескавшуюся на ступенях.

— Верное, если психическая сила порождена здоровым, полным энергии телом, — поправила Эвда Наль, снимая платье и бросаясь в прозрачные волны.

Веда догнала ее, и обе поплыли к огромному резиновому острову, серебрившемуся в полутора километрах от набережной стадиона. Плоская, вровень с уровнем воды, поверхность острова окаймлялась рядами навесов в форме раковин из перламутровой пластмассы достаточного размера, чтобы укрыть от солнца и ветра трех-четырех людей и полностью изолировать их от соседей.

Обе женщины улеглись на мягком, колышущемся полу «раковины», вдыхая вечно свежий запах моря.

— С тех пор как мы виделись на берегу, вы сильно загорели! — сказала Веда, оглядывая подругу. — Были у моря, или это пилюли загарного пигмента?

— Пилюли ЗП, — призналась Эвда. — Я была на солнце только вчера и сегодня.

— Вы в самом деле не знаете, где Рен Боз? — продолжала Веда.

— Приблизительно знаю, и этого мне достаточно, чтобы беспокоиться! — тихо ответила Эвда Наль.

— Разве вы хотите?.. — Веда умолкла, не закончив мысли, и Эвда подняла лениво приспущенные веки и прямо посмотрела ей в глаза.

— Мне Рен Боз кажется каким-то беспомощным, еще незрелым мальчишкой, — нерешительно возразила Веда, — а вы такая цельная, с могучим разумом, не уступающая никакому мужчине. У вас внутри всегда чувствуется стальной стержень воли.

— Это мне говорил и Рен Боз. Но вы не правы в его оценке, такой же односторонней, как и сам Рен. Это человек смелого и могучего ума, громадной работоспособности. Даже в наше время немного найдется равных ему людей на планете. В сочетании с его способностями остальные его качества кажутся недоразвитыми, потому что они как у средних людей или даже более инфантильны. Вы правильно назвали Рена — он мальчишка, но в то же время он — герой в точном смысле этого понятия. Вот Дар Ветер — в нем тоже есть мальчишество, но оно просто от избытка физической силы, а не от недостатка ее, как у Рена.

— А как вы расцениваете Мвена? — заинтересовалась Веда. — Теперь вы лучше познакомились с ним?

— Мвен Мас — красивая комбинация холодного ума и архаического неистовства желаний.

Веда Конг расхохоталась:

— Как бы мне научиться такой точности характеристик!

— Психология — моя специальность, — пожала плечами Эвда. — Но позвольте мне теперь задать вам вопрос. Вы знаете, что Дар Ветер очень привлекает меня?..

— Вы опасаетесь половинчатых решений? — зарделась Веда. — Нет, здесь не будет гибельных половинок и неискренности. Все до звонкости ясно... — И под испытующим взглядом ученого-психиатра Веда спокойно продолжала: — Эрг Ноор... наши пути разошлись давно. Только я не могла подчиниться новому чувству, пока он в космосе, не могла отдалиться и тем ослабить силу надежды, веры в его возвращение. Теперь это снова точный расчет и уверенность. Эрг Ноор все знает, но идет своим путем.

Эвда Наль обняла тонкой рукой прямые плечи Веды.

— Это значит — Дар Ветер?

— Да! — твердо ответила Веда.

— А он знает?

— Нет. Потом, когда «Тантра» будет здесь... Не пора ли вернуться? — воскликнула Веда.

— Мне пора покинуть праздник, — сказала Эвда Наль, — отпуск кончается. Предстоит большая новая работа в Академии Горя и Радости, а мне надо еще повидать дочь.

— У вас большая дочь?

— Семнадцать. Сын много старше. Я выполнила долг каждой женщины с нормальным развитием и наследственностью — два ребенка, не меньше. А теперь хочу третьего — только взрослого!

Эвда Наль улыбнулась, и ее сосредоточенное лицо засветилось лаской любви, изогнутая крутым луком верхняя губа приоткрылась.

— А я представила себе славного большеглазого мальчишку... с таким же ласковым и удивленным ртом... но с веснушками и курносого, — лукаво сказала Веда, глядя прямо перед собой.

Ее подруга, помолчав, спросила:

— У вас еще нет новой работы?

— Нет, я жду «Тантру». Потом будет долгая экспедиция.

— Поедем со мной к дочери, — предложила Эвда, и Веда охотно согласилась.

* * *

Во всю стену обсерватории высился семиметровый гемисферный экран для просмотра снимков и фильмов, снятых мощными телескопами. Мвен Мас включил обзорный снимок участка неба близ северного полюса Галактики — меридиональную полосу созвездий от Большой Медведицы до Ворона и Центавра. Здесь, в Гончих Псах, Волосах Вероники и Деве, находилось множество галактик — звездных островов Вселенной в форме плоских колес или дисков. Особенно много их было открыто в Волосах Вероники — отдельные, правильные и неправильные, в различных поворотах и проекциях, подчас невообразимо далекие, отстающие на миллиарды парсек, подчас образующие целые «облака» из десятков тысяч галактик. Самые крупные галактики достигают от двадцати до пятидесяти тысяч парсек в диаметре, как наш звездный остров или галактика НН 89105+СБ23, в старину называвшаяся М-31, или туманность Андромеды. Маленькое, слабо светящееся туманное облачко было видно с Земли простым глазом. Уже давно люди раскрыли тайны этого облачка. Туманность оказалась исполинской колесообразной звездной системой, в полтора раза большей, чем даже наша гигантская Галактика. Изучение туманности Андромеды, несмотря на расстояние в четыреста пятьдесят тысяч парсек, отделявшее ее от земных наблюдателей, очень помогло познанию нашей собственной Галактики.

С детства Мвен Мас помнил великолепные фотографии различных галактик, полученные с помощью электронного инверстирования оптических изображений или радиотелескопами, проникающими еще дальше в глубины космоса, как, например, два исполинских телескопа — Памирский и Патагонский, каждый в четыреста километров диаметром. Галактики — чудовищные скопления сотен миллиардов звезд, разделенные миллионами парсек расстояния, — всегда будили в нем неистовое желание узнать законы их устройства, историю их возникновения и дальнейшую судьбу. И главное, что теперь тревожило каждого обитателя Земли, — вопрос о жизни на бесчисленных планетных системах этих островов Вселенной, о горящих там огнях мысли и знания, о человеческих цивилизациях в столь безмерно удаленных пространствах космоса.

На экране появились три звезды, называвшиеся у древних арабов Сиррах, Мирах и Альмах — альфа, бета и гамма Андромеды, расположенные по восходящей прямой. По обе стороны от этой линии располагались две близкие галактики — гигантская туманность Андромеды и красивая спираль М-33 в созвездии

Треугольника. Мвен Мас не захотел еще раз увидеть их знакомые светящиеся очертания и переменил металлическую пленку.

Вот галактика, известная с древности, названная тогда НГК 5194, или М-51 в созвездии Гончих Псов, отстоящая на миллионы парсек. Это одна из немногих галактик, видимых от нас плашмя, перпендикулярно плоскости «колеса». Ярко светящееся плотное ядро из миллионов звезд, с двумя спиральными рукавами. Их длинные концы кажутся все слабее и туманнее, пока не исчезают в темноте пространства, протягиваясь в противоположные друг другу стороны на десятки тысяч парсек. Между рукавами, или главными ветвями, чередуясь с черными провалами — сгустками темной материи, протягиваются короткие струи звездных сгущений и облаков светящегося газа, изогнутые в точности как лопатки турбины.

Очень красива колоссальная галактика НГК 4565 в созвездии Волосы Вероники. С расстояния в семь миллионов парсек она видна ребром. Наклоненная на одну сторону, как парящая птица, галактика широко простирает в стороны свой, очевидно состоящий из спиральных ветвей, тонкий диск, а в центре сильно сплющенным шаром горит ядро, кажущееся плотной светящейся массой. Отчетливо видно, насколько плоски звездные острова — галактику можно сравнить с тонким колесом часового механизма. Края колеса нечетки, как бы растворяются в бездонной тьме пространства. На таком же краю нашей Галактики находятся Солнце и крошечная пылинка — Земля, сцепленная силой знания со множеством обитаемых миров и распростершая крылья человеческой мысли над вечностью космоса!

Мвен Мас переключил датчик на наиболее интересовавшую его всегда галактику НГК 4594 из созвездия Девы, также видимую в плоскости ее экватора. Эта галактика, удаленная на расстояние в десять миллионов парсек, походила на толстую линзу горящей звездной массы, окутанную слоем светящегося газа. По экватору чечевицу пересекала толстая черная полоса — сгущение темной материи. Галактика казалась таинственным фонарем, светящим из бездны.

Какие миры скрывались там, в ее суммарном излучении, более ярком, чем у других галактик, в среднем достигавшем спектрального класса Ф? Есть ли там обитатели могучих планет, бьется ли так же, как у нас, мысль над тайнами природы?

Полная безответность громадных звездных островов заставляла Мвена Маса стискивать кулаки. Он понимал всю чудовищность расстояния — до этой галактики свет идет тридцать два миллиона лет! На обмен сообщениями понадобится шестьдесят четыре миллиона лет!

Мвен Мас порылся в катушках, и на экране загорелось большое, яркое и округлое пятно света среди редких и тусклых звезд. Неправильная черная полоса рассекала пятно пополам, оттеняя сильно светящиеся огненные массы по обеим сторонам черноты, которая расширялась на концах и затемняла обширное поле горящего газа, кольцом охватывавшего яркое пятно. Так выглядел полученный невероятными ухищрениями техники снимок сталкивающихся галактик в созвездии Лебедя. Это столкновение гигантских галактик, равных по размерам нашей или туманности Андромеды, было давно известно как источник радиоизлучения, пожалуй, самый мощный в доступной нам части Вселенной. Быстро двигавшиеся колоссальные газовые струи порождали электромагнитные поля такой невообразимой мощности, что они посылали во все концы Вселенной весть о титанической катастрофе. Сама материя отправляла этот сигнал бедствия радиостанцией мощностью в квинтиллиард, или тысячу квинтиллионов киловатт. Но расстояние до галактик было так велико, что сиявший на экране снимок показывал их состояние сотни миллионов лет назад. Как выглядят сейчас проходящие одна сквозь другую галактики, мы увидим так много времени спустя, что неизвестно, просуществует ли человечество так невообразимо долго.

Мвен Мас вскочил и уперся руками в массивный стол так, что захрустели суставы.

Сроки пересылки в миллионы лет, недоступные для десятков тысяч поколений, означающих убийственное для сознания «никогда» даже для отдаленнейших потомков, могли бы исчезнуть от взмаха волшебной палочки. Эта палочка — открытие Рен Боза и их совместный опыт.

Невообразимо далекие точки Вселенной окажутся на расстоянии протянутой руки!

Древние астрономы считали галактики разбегающимися в разные стороны. Свет, проходивший в земные телескопы от далеких звездных островов, был изменен — световые колебания удлинялись, преобразуясь в красные волны. Это покраснение света свидетельствовало об удалении галактик от наблюдателя. Люди прошлого привыкли воспринимать явления односторонне и прямолинейно — они создали теорию разбегающейся или взрывающейся Вселенной, еще не понимая, что видят одну сторону великого процесса разрушения и созидания. Именно одна лишь сторона — рассеяния и разрушения, то есть переход энергии на низшие уровни по второму закону термодинамики, воспринималась нашими чувствами и построенными для усиления этих чувств приборами. Другая же

сторона — накопления, собирания и созидания — не ощущалась людьми, так как сама жизнь черпала свою силу из энергии, рассеиваемой звездами-солнцами, и соответственно этому образовалось наше восприятие окружающего мира. Однако могучий мозг человека проник и в эти скрытые от нас процессы созидания миров в нашей Вселенной. Но в те давние времена казалось, что чем дальше от Земли находилась какая-нибудь галактика, тем большую скорость удаления она показывала. С углублением в пространство дело дошло до близких к свету скоростей галактик. Пределом видимой Вселенной стало то расстояние, с которого галактики казались бы достигшими скорости света — действительно никакого света мы бы от них не получили и никогда не смогли бы их увидеть. Теперь мы знаем причины покраснения света далеких галактик. Их не одна. От далеких звездных островов до нас доходит только свет, испускаемый их яркими центрами. Эти колоссальные массы материи окружены кольцевыми электромагнитными полями, очень сильно воздействующими на лучи света не только своей мощностью, но и протяженностью, накапливающей замедление световых колебаний, которые становятся более длинными красными волнами. Астрономы давно знали, что свет от очень плотных звезд краснеет, линии спектра смещаются к красному концу и звезда кажется удаляющейся, как, например, вторая составляющая Сириуса — белый карлик Сириус Б. Чем дальше галактика, тем больше централизуется достигающее до нас излучение и тем сильнее смещение к красному концу спектра.

С другой стороны, световые волны в очень далеком пути по пространству «раскачиваются», и кванты света теряют часть энергии. Теперь это явление изучено — красные волны могут быть и усталыми, «старыми» волнами обычного света. Даже всепроникающие световые волны «стареют», пробегая немыслимые расстояния. Какая же надежда преодолеть его человеку, если не наступить на само тяготение его противоположностью, как то следует из математики Рен Боза?

Нет, уменьшилась тревога. Он прав, производя небывалый опыт!

Мвен Мас, как всегда, вышел на балкон обсерватории и принялся быстро расхаживать. В утомленных глазах еще светились далекие галактики, славшие к Земле волны красного света как сигналы о помощи, призывы к всепобеждающей мысли человека. Мвен Мас засмеялся тихо и уверенно. Эти красные лучи станут так же близки человеку, как те, что обдавали красным светом жизни тело Чары Нанди на празднике Пламенных

Чаш, Чары, неожиданно явившейся к нему медной дочерью звезды Эпсилон Тукана, девушкой его грез.

И он ориентирует вектор Рен Боза именно на Эпсилон Тукана уже не только в надежде увидеть прекрасный мир, но и в честь ее — его земной представительницы!

Глава девятая
ШКОЛА ТРЕТЬЕГО ЦИКЛА

Четыреста десятая школа третьего цикла находилась на юге Ирландии. Широкие поля, виноградники и купы дубов спускались от зеленых холмов к морю. Веда Конг и Эвда Наль приехали в час занятий и медленно шли по кольцевому коридору, обегавшему учебные комнаты, развернутые по периметру круглого здания. Был пасмурный день с мелким дождем, и занятия шли в помещениях, а не на лужайках под деревьями, как обычно.

Веда Конг, почувствовавшая себя девчонкой-школьницей, кралась и подслушивала у входов, устроенных, как в большинстве школ, без дверей, с выступами стен, кулисообразно заходившими друг за друга. Эвда Наль вошла в игру. Женщины осторожно заглядывали в классы, стараясь найти дочь Эвды и остаться незамеченными.

В первой комнате они обнаружили начерченный во всю стену синим мелом вектор, окруженный спиралью, разворачивавшейся вдоль него. Два участка спирали были окружены поперечными эллипсами с вписанной в них системой прямоугольных координат.

— Биполярная математика! — с шутливым ужасом воскликнула Веда.

— Здесь что-то большее! Подождем минуту, — возразила Эвда.

— Теперь, когда мы познакомились с теневыми функциями кохлеарного, то есть спирального поступательного движения, возникающими по вектору, — объяснял пожилой преподаватель с глубоко посаженными горящими глазами, — мы подходим к понятию «репагулярное исчисление». Название исчисления — от древнего латинского слова, означавшего «преграда, запор», точнее, переход одного качества в другое, взятый в двустороннем аспекте. — Преподаватель показал на широкий эллипс поперек спирали. — Иными словами, математическое исследование взаимопереходящих явлений.

Веда Конг скрылась за выступом, утащив подругу за руку.

— Это новое! Из той области, о которой толковал ваш Рен Боз на морском берегу.

— Школа всегда дает ученикам самое новое, постоянно отбрасывая старое. Если новое поколение будет повторять устарелые понятия, то как мы обеспечим быстрое движение вперед? И без того на передачу эстафеты знания детям уходит так бесконечно много времени. Десятки лет пройдут, пока ребенок станет полноценно образованным, годным к исполнению гигантских дел. Эта пульсация поколений, где шаг вперед и девять десятых назад — назад, пока растет и обучается смена, — самый тяжелый для человека биологический закон смерти и возрождения. Многое из того, что мы учили в области математики, физики и биологии, устарело. Другое дело — ваша история: эта стареет медленнее, так как сама очень стара.

Они заглянули в другую комнату. Стоявшая спиной преподавательница и увлеченные лекцией школьники ничего не заметили. Здесь были рослые юноши и девушки по семнадцати лет. Их порозовевшие щеки говорили, насколько захвачены они уроком.

— Мы, человечество, прошли через величайшие испытания. — Голос учительницы звенел волнением. — И до сих пор главное в школьной истории — изучение исторических ошибок человечества и их последствий. Мы прошли через непосильное усложнение жизни и предметов быта, чтобы прийти к наибольшей упрощенности. Усложнение быта приводило к упрощению духовной культуры. Не должно быть никаких лишних вещей, связывающих человека, переживания и восприятия которого гораздо тоньше и сложнее в простой жизни. Все, что относится к обслуживанию повседневной жизни, так же обдумывается лучшими умами, как и важнейшие проблемы науки. Мы последовали общему пути эволюции животного мира, которое было направлено на освобождение внимания путем автоматизации движений, развития рефлексов в работе нервной системы организма. Автоматизация производительных сил общества создала аналогичную рефлекторную систему управления в экономическом производстве и позволила множеству людей заниматься тем, что является основным делом человека, — научными исследованиями. Мы получили от природы большой исследовательский мозг, хотя вначале он был предназначен только для поисков пищи и исследования ее съедобности.

— Хорошо! — шепнула Эвда Наль и тут увидела дочь.

Девушка, ничего не подозревая, задумчиво смотрела на волнистую поверхность оконного стекла, не дававшую возможности видеть что-либо вне класса.

Веда Конг с любопытством сравнивала ее с матерью. Те же прямые длинные черные волосы, переплетенные у дочери голубой нитью и подвязанные двумя большими петлями. Тот же сужавшийся книзу овал лица, в котором было что-то детское от слишком широкого лба и выступавших под висками скул. Снежно-белая кофточка из искусственной шерсти подчеркивала темноватую бледность ее кожи и резкую черноту глаз, бровей и ресниц. Ожерелье красного коралла гармонировало с безусловно оригинальной внешностью этой девушки.

Дочь Эвды была одета в такие же широкие и короткие, выше колен, штаны, как и все в классе, только отличавшиеся красной бахромой, вшитой в боковые швы.

— Индейское украшение, — шепнула Эвда Наль на вопросительную улыбку подруги.

Эвда и Веда поспешили отступить в коридор: из класса, закончив лекцию, выходила учительница. Следом устремились несколько учеников, среди них и дочь Эвды. Внезапно девушка замерла, увидев мать — свою гордость и всегдашний пример для подражания. Эвда не знала, что в школе существовал кружок ее почитателей, решивших идти в жизни той же дорогой, что и знаменитая Эвда Наль.

— Мама! — прошептала девушка и, бросив застенчивый взгляд на спутницу матери, прильнула к Эвде.

Учительница остановилась и подошла ближе.

— Я должна уведомить школьный совет, — сказала она, не подчиняясь протестующему жесту Эвды Наль. — Мы извлечем некую пользу из вашего приезда.

— Лучше извлекайте пользу вот из кого. — Эвда представила Веду Конг.

Учительница истории залилась румянцем и стала совсем юной.

— Очень хорошо! — Она пыталась сохранить деловой тон. — Школа накануне выпуска старших групп. Жизненное напутствие Эвды Наль в сочетании с обзором древних культур и рас, данным Ведой Конг, — удача для нашей молодежи! Правда, Реа?

Дочь Эвды захлопала в ладоши. Учительница устремилась легкой побежкой гимнастки в служебные помещения, находившиеся в длинной прямой пристройке.

— Реа, ты пропустишь труд, и мы погуляем в саду? — предложила Эвда дочери. — Я не успею навестить тебя еще раз до выбора тобой подвигов. В прошлый раз мы окончательно не решили...

Реа безмолвно взяла мать за руку. Занятия в каждом цикле школы чередовались с уроками труда. Сейчас был один из лю-

бимых уроков Реи — шлифовка оптических стекол, но что могло быть интереснее и важнее приезда матери?

Веда пошла к видневшейся вдали маленькой астрономической обсерватории, оставив мать и дочь наедине. Реа, по-детски прильнув к сильной руке матери, шла рядом, сосредоточенно думая.

— Где твой маленький Кай? — спросила Эвда, и девушка заметно опечалилась.

Кай был ее учеником. Старшие школьники навещали расположенные поблизости школы первого или второго циклов и наблюдали за учением и воспитанием выбранных подопечных. При тщательности воспитания интегральная помощь учителям была необходима.

— Кай перешел во второй цикл и уехал далеко отсюда. Мне так жалко... Зачем нас переводят с одного места в другое каждые четыре года, от цикла к циклу?

— Ты же знаешь, что психика утомляется и тупеет в однообразии впечатлений.

— Я только не понимаю, почему первый из четырех трехлетних циклов носит название нулевого — ведь в нем происходит тоже очень важный процесс воспитания и обучения малышей от года до четырех.

— Старое и неудачное название. Но мы избегаем менять установившиеся термины без крайней нужды. Это всегда влечет за собою ненужную трату человеческой энергии. Оберегать человечество от этого призван каждый без исключения.

— Но ведь разделение циклов — они учатся и живут отдельно, их постоянные переезды с места на место — тоже большая трата сил?

— С лихвой окупающаяся обстановка восприятия, полезного эффекта обучения, которые иначе с каждым годом неизбежно падают. Вы, маленькие люди, по мере роста и воспитания превращаетесь в качественно различные существа. Совместная жизнь разных возрастных групп мешает воспитанию и раздражает самих учащихся. Мы свели разницу к минимуму, разделив детей на четыре возрастных цикла, и все же это несовершенно. Но посоветуемся сначала о твоих мечтах и делах. Мне придется прочитать всем вам лекцию, и, может быть, твои вопросы разъяснятся сами собой.

Реа стала поверять матери свои сокровенные думы с открытой доверчивостью ребенка Эры Кольца, никогда не испытавшего обидной насмешки или непонимания. Девушка была воплощением юности, ничего еще не знающей о жизни, но уже полной задумчивого ожидания. С исполнением семнадцатиле-

тия девушка кончала школу и вступала в трехлетний период подвигов Геркулеса, выполняя работу уже среди взрослых. После подвигов окончательно определялись влечения и способности. Тогда следовало двухлетнее высшее образование, дававшее право на самостоятельную работу в избранной специальности. За долголетнюю жизнь человек успевал пройти высшее образование по пяти-шести специальностям, меняя род работы, но от выбора первой и трудной деятельности — Геркулесовых подвигов — зависело многое. Поэтому они выбирались после тщательного обдумывания и обязательно со старшим советчиком.

— Вы уже прошли выпускные психологические испытания? — сдвигая брови, спросила Эвда.

— Прошли. У меня от двадцати до двадцати четырех в первых восьми группах, восемнадцать и девятнадцать в десятой группе и тринадцатой и даже семнадцать в семнадцатой группе! — гордо воскликнула Реа.

— Это превосходно! — обрадовалась Эвда. — Тебе открыто все. Ты не переменила выбора первого подвига?

— Нет. Буду медсестрой на острове Забвения, а потом весь наш кружок, кружок твоих последователей, будет работать в Ютландском психологическом госпитале.

Эвда не поскупилась на добродушные шутки в адрес ретивых психологов, но Реа упросила мать стать ментором для членов кружка, тоже стоявших перед выбором подвигов.

— Мне придется прожить здесь до конца отпуска, — засмеялась Эвда.

— Что будет делать Веда Конг?

Реа вспомнила про спутницу матери.

— Она хорошая, — серьезно сказала Реа, — и почти так же красива, как ты!

— Гораздо красивее!

— Нет, я знаю... Вовсе не потому, что ты — моя мама, — настаивала Реа. — Может быть, с первого взгляда она лучше. Но ты несешь в себе внутренние силы, каких у Веды Конг еще нет. Я не говорю, что не будет. Когда будет — тогда...

— Затмит твою маму, как луна звезду?

Реа затрясла головой.

— А разве ты останешься на месте? Ты пройдешь еще дальше ее!

Эвда провела по гладким волосам, заглянув в поднятое к ней лицо дочери.

— Не достаточно ли восхвалений, дочь? Мы упустим время!..

Веда Конг тихо шла по аллее, углубляясь в рощу широколиственных кленов, шелестевших влажной тяжелой листвой.

Первые призраки вечернего тумана пытались подняться с близкого луга, но мгновенно развеивались ветром. Веда Конг думала о подвижном покое природы и о том, как удачно выбираются всегда места для постройки школ. Важнейшая сторона воспитания — это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе — это, собственно, остановка развития человека, так как, разучаясь наблюдать, человек теряет способность обобщать. Веда думала об умении учить — драгоценнейшей способности в эпоху, когда наконец поняли, что образование, собственно, и есть воспитание и что только так можно подготовить ребенка к трудному пути человека. Конечно, основа дается врожденными свойствами, но ведь они могут остаться втуне, без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем.

Ученый-историк вернулась к тем уже отдаленным дням, когда она сама была слепленным из противоречий юным существом третьего цикла, трепещущим от желания пожертвовать собой и в то же время судящим о всем мире только от себя, с эгоцентризмом здоровой молодости. «Как много сделали тогда учителя — поистине нет более высокого дела в нашем мире!»

Учитель — в его руках будущее ученика, ибо только его усилиями человек поднимается все выше и делается все могущественнее, выполняя самую трудную задачу — преодоление самого себя, самолюбивой жадности и необузданных желаний.

Веда Конг повернула к окаймленному соснами маленькому заливу, оттуда доносились юношеские голоса, и скоро наткнулась на десяток мальчишек в пластмассовых передниках, усердно обрабатывавших длинный дубовый брус топорами — инструментами, изобретенными еще в пещерах каменного века. Юные строители почтительно приветствовали историка и объяснили, что они, в подражание историческим героям, хотят построить судно без помощи автоматических пил и сборочных станков. Корабль предназначается для плавания к развалинам Карфагена, которое они хотят совершить во время вакаций вместе с учителями истории, географии и труда.

Веда пожелала успеха корабельщикам и собралась идти дальше. Вперед выступил высокий и тонкий юноша с совершенно желтыми волосами.

— Вы приехали вместе с Эвдой Наль? Тогда можно мне задать несколько вопросов?

Веда согласилась.

— Эвда Наль работает в Академии Горя и Радости. Мы проходили общественную организацию нашей планеты и неко-

торых других миров, но нам еще не говорили о значении этой Академии.

Веда рассказала о великом учете, проводимом Академией в жизни общества, — подсчете горя и счастья в жизни отдельных людей, исследования горя по возрастным группам. Затем следовал анализ изменений горя и радости по этапам исторического развития человечества. Какова бы ни была разнокачественность переживаний, в массовых итогах, обработанных методами больших чисел — стохастики, получались важные закономерности. Советы, направлявшие дальнейшее развитие общества, обязательно старались добиваться лучших показателей. Только при возрастании радости или ее равновесии с горем считалось, что развитие общества идет успешно.

— Значит, Академия Горя и Радости самая главная? — спросил другой мальчик со смелыми и задорными глазами.

Другие засмеялись, и первый собеседник Веды Конг пояснил:

— Оль везде ищет главенство. И сам мечтает о великих начальниках прошлого.

— Опасный путь, — улыбнулась Веда. — Как историк могу вам сказать, что эти великие начальники были самыми связанными и зависимыми людьми.

— Связанными обусловленностью своих действий? — спросил желтоволосый юноша.

— Именно. Но то было в неравномерно и стихийно развивавшихся древних обществах ЭРМ и более ранних. Теперь главенства нет потому, что действия каждого Совета немыслимы без всех остальных Советов.

— А Совет Экономики? Без него никто не может предпринимать ничего большого, — осторожно возразил смутившийся, но нерастерявшийся Оль.

— Верно, потому что экономика — единственная реальная основа нашего существования. Но мне кажется, что у вас не совсем правильное представление о главенстве. Вы уже проходили цитоархитектонику человеческого мозга?

Юноши ответили утвердительно.

Веда попросила дать ей палку и нарисовала на песке круги основных управляющих учреждений.

— Вот в центре Совет Экономики. От него проведем прямые связи к его консультативным органам: АГР — Академия Горя и Радости, АПС — Академия Производительных Сил, АСПБ — Академия Стохастики и Предсказания Будущего, АПТ — Академия Психофизиологии Труда. Боковая связь — с самостоятельно действующим органом — Советом Звездопла-

вания. От него прямые связи к Академии Направленных Излучений и внешним станциям Великого Кольца. Дальше...

Веда расчертила песок сложной схемой и продолжала:

— Разве это не напоминает вам человеческий мозг? Исследовательские и учетные центры — это центры чувств. Советы — ассоциативные центры. Вы знаете, что вся жизнь состоит из притяжения и отталкивания, ритма взрывов и накоплений, возбуждения и торможения. Главный центр торможения — Совет Экономики, переводящий все на почву реальных возможностей общественного организма и его объективных законов. Это взаимодействие противоположных сил, сведенное в гармоническую работу, и есть наш мозг и наше общество — то и другое неуклонно движется вперед. Когда-то давно кибернетика, или наука об управлении, смогла свести сложнейшие взаимодействия и превращения к сравнительно простым действиям машин. Но чем больше развивалось наше знание, тем сложнее оказывались явления и законы термодинамики, биологии, экономики и навсегда исчезали упрощенные представления о природе или процессах общественного развития.

Юноши слушали Веду не шелохнувшись.

— Что же главное в таком устройстве общества? — обратилась она к любителю начальников. Тот смущенно молчал, но первый юноша поспешил на выручку.

— Движение вперед! — храбро объявил он, и Веда восхитилась.

— Приз за превосходный ответ! — воскликнула она и, оглядев себя, сняла с левого плеча застежку из эмали, изображавшую белого альбатроса над голубым морем. Молодая женщина протянула вещицу юноше на раскрытой ладони.

Тот замялся в нерешительности.

— На память о сегодняшнем разговоре и о движении вперед! — настаивала Веда, и юноша взял альбатроса.

Придерживая отпадающий наплечник блузки, Веда направилась обратно в парк. Застежка была подарком Эрга Ноора, и внезапное стремление отдать ее означало многое, в том числе и странное желание скорее сбросить с себя прежнее, ушедшее или уходящее, которое знала за собой Веда.

Круглый зал в центре здания собрал все население школьного городка. Эвда Наль в черном платье встала на центральное возвышение, освещенное сверху, и спокойно обвела взглядом ряды амфитеатра. Аудитория замерла, слушая ее негромкий, ясный голос. Орущие усилители употреблялись лишь в технике безопасности. Необходимость больших аудиторий отпала с развитием телевизионных стереотелефонов ТВФ.

— Семнадцать лет — перелом жизни. Скоро вы произнесете традиционные слова в собрании Ирландского округа: «Вы, старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами». В этой древней формуле между строк заключено очень многое, и сегодня мне следует сказать вам об этом.

Вас с детства учат диалектической философии, когда-то в секретных книгах античной древности называвшейся «Тайной Двойного». Считалось, что ее могуществом могут владеть лишь «посвященные» — сильные, умственно и морально высокие люди. Теперь вы с юности понимаете мир через законы диалектики, и ее могучая сила служит каждому. Вы пришли в жизнь в хорошо устроенном обществе, созданном поколениями миллиардов известных тружеников и борцов за лучшую жизнь. Пятьсот поколений прошло со времени образования первых обществ с разделением труда. За это время смешались различные расы и народности. Капля крови, как говорили в старину, — наследственные механизмы, скажем мы теперь, — есть в каждом из вас от каждого народа. Была проделана гигантская работа по очищению наследственности от последствий неосторожного пользования излучениями и от распространенных прежде болезней, проникавших в ее механизмы.

Воспитание нового человека — это тонкая работа с индивидуальным анализом и очень осторожным подходом. Безвозвратно прошло время, когда общество удовлетворялось кое-как, случайно воспитанными людьми, недостатки которых оправдывались наследственностью, врожденной природой человека. Теперь каждый дурно воспитанный человек — укор для всего общества, тягостная ошибка большого коллектива людей.

Но вам, еще не освободившимся от возрастного эгоцентризма и переоценки своего «я», следует ясно представить, как много зависит от вас самих, насколько вы сами — творцы своей свободы и интереса своей жизни. Выбор путей у вас очень широк, но эта свобода выбора вместе с тем и полная ответственность за выбор. Давно исчезли мечты некультурного человека о возвращении к дикой природе, о свободе первобытных обществ и отношений. Перед человечеством, объединившим колоссальные массы людей, стоял реальный выбор: или подчинить себя общественной дисциплине, долгому воспитанию и обучению, или погибнуть — других путей для того, чтобы прожить на нашей планете, хотя ее природа довольно щедра, нет! Горе-философы, мечтавшие о возвращении назад, к первобытной природе, не понимали и не любили природу по-настоящему,

иначе они знали бы ее беспощадную жестокость и неизбежное уничтожение всего, не подчинившегося ее законам.

Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. Когда мы говорим: «Хочу», — мы подразумеваем: «Знаю, что так можно».

Еще тысячелетия тому назад древние эллины говорили: «Метрон — аристон», то есть самое высшее — это мера. И мы продолжаем говорить, что основа культуры — это понимание меры во всем.

С возрастанием уровня культуры ослабевало стремление к грубому счастью собственности, жадному количественному увеличению обладания, быстро притупляющемуся и оставляющему темную неудовлетворенность.

Мы учим вас гораздо большему счастью отказа, счастью помощи другому, истинной радости работы, зажигающей душу. Мы помогали вам освободиться от власти мелких стремлений и мелких вещей и перенести свои радости и огорчения в высшую область — творчество.

Забота о физическом воспитании, чистая, правильная жизнь десятков поколений избавили вас от третьего страшного врага человеческой психики — равнодушия пустой и ленивой души. Заряженные энергией, с уравновешенной, здоровой психикой, в которой в силу естественного соотношения эмоций больше доброты, чем зла, вы вступаете в мир на работу. Чем лучше будете вы, тем лучше и выше будет все общество, ибо тут взаимная зависимость. Вы создадите высокую духовную среду как составляющие частицы общества, и оно возвысит вас самих. Общественная среда — самый важный фактор для воспитания и учения человека. Ныне человек воспитывается и учится всю жизнь, и восхождение общества идет быстро.

Эвда Наль приостановилась, пригладила волосы тем же жестом, что и сидевшая не сводя с нее глаз Реа, затем снова заговорила:

— Когда-то люди называли мечтами стремление к познанию действительности мира. Вы будете так мечтать всю жизнь и будете радостны в познании, движении, в борьбе и труде. Не обращайте внимания на спады после взлетов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи. Действительность свободы сурова, но вы подготовлены к ней дисциплиной вашего воспитания и

учения. Поэтому вам, сознающим ответственность, дозволены все те перемены деятельности, которые и составляют личное счастье. Мечты о тихой бездеятельности рая не оправдались историей, ибо они противны природе человека-борца. Были и остались свои трудности для каждой эпохи, но счастьем для всего человечества стало неуклонное и быстрое восхождение к все большей высоте знания и чувств, науки и искусства.

Эвда Наль кончила лекцию и сошла вниз, к передним сиденьям, где ее приветствовала Веда Конг, как Чару на празднике. И все присутствовавшие встали, повторяя этот жест, словно высказывая восхищение невиданным искусством.

Глава десятая
ТИБЕТСКИЙ ОПЫТ

Установка Кора Юлла находилась на вершине плоской горы, всего в километре от Тибетской обсерватории Совета Звездоплавания. Высота в четыре тысячи метров не позволяла существовать здесь никакой древесной растительности, кроме привезенных с Марса черновато-зеленых безлистных деревьев с загнутыми внутрь, к верхушке, ветвями. Светло-желтая трава клонилась под ветром к долине, а эти обладающие железной упругостью пришельцы чужого мира стояли совершенно неподвижно. По откосам горных склонов текли каменные реки из кусков рассыпавшихся скал. Поля, пятна и полосы снега сияли особенной белизной, которую приобретает чистый горный снег под сверкающим небом.

За остатками стен из трещиноватого диорита — развалинами монастыря, с изумительной дерзостью построенного на этой высоте, — возвышалась стальная трубчатая башня, поддерживавшая две ажурные дуги. На них, открытая в небо наклонной параболой, сверкала огромная спираль бериллиевой бронзы, усеянная блестящими белыми точками рениевых контактов. Вплотную к первой спирали прилегла вторая, обращенная открытой стороной к почве и прикрывавшая восемь больших конусов из зеленоватого боразонового сплава. Сюда шли ответвления подводящих энергию труб шестиметрового сечения. Долину пересекали столбы с направляющими кольцами — временный отвод от магистрали обсерватории, принимавшей во время передачи энергию всех станций планеты. Рен Боз, скребя пальцами в лохматой голове, с удовлетворением разглядывал изменения в прежней установке. Сооружение было собрано силами добровольцев в невероятно короткий срок. Самым трудным

оказалось строительство глубоких открытых траншей, вырезанных в неуступчивом камне горы без доставки сюда больших горных машин, но теперь и это миновало. Добровольцы, естественно ожидавшие в награду зрелища великого опыта, отправились подальше от установки и облюбовали для своих палаток пологий склон горы к северу от здания обсерватории.

Мвен Мас, в чьих руках находились все связи космоса, сидел на холодном камне напротив физика и, слегка поеживаясь, рассказывал новости Кольца. Спутник 57 последнее время использовался для поддержания связи со звездолетами и планетолетами и не работал для Кольца. Мвен Мас сообщил о гибели Влиxx оз Ддиза у звезды Э, и усталый физик оживился.

— Высшее напряжение тяготения в звезде Э при дальнейшей эволюции светила ведет к сильнейшему разогреву. Получается фиолетовый сверхгигант чудовищной силы, преодолевающий колоссальное тяготение. У него уже нет красной части спектра — несмотря на мощность гравитационного поля, волны лучей света не удлиняются, а укорачиваются.

— Становятся крайними фиолетовыми, — согласился Мвен Мас, — и ультрафиолетовыми.

— Не только. Процесс идет дальше. Все более мощными становятся кванты, наконец преодолевается переход нуль-поле и получается зона антипространства — вторая сторона движения материи, неизвестная у нас на Земле из-за ничтожности наших масштабов. Мы не смогли бы достичь ничего подобного, если бы сожгли весь водород океана Земли.

Мвен Мас молниеносно проделал в уме сложнейший подсчет.

— Пятнадцать тысяч триллионов тонн воды перечислим на энергию водородного цикла по принципу относительности — масса/энергия, грубо — триллион тонн энергии. Солнце в минуту дает двести сорок миллионов тонн — всего десятилетнее излучение Солнца!

Рен Боз довольно усмехнулся.

— А сколько же даст голубой сверхгигант?

— Затрудняюсь подсчитать. Но судите сами. В Большом Магеллановом облаке есть скопление НГК 1910 около туманности Тарантул... Простите меня, я привык сам с собой оперировать древними названиями и обозначениями звезд.

— Совершенно неважно.

— Вообще туманность Тарантул настолько ярка, что если бы она находилась на месте известной каждому туманности Ориона, то она светила бы так же, как полная луна. В звездном скоплении 1910 диаметром всего в семьдесят парсек — не менее

сотни сверхгигантских звезд. Там находится двойной голубой сверхгигант ЭС Золотой Рыбы с яркими линиями водорода в спектре и темными у фиолетового края. Он больше орбиты Земли, со светимостью полмиллиона наших солнц! Вы имели в виду именно такую звезду? В этом же скоплении есть еще большие по размеру звезды, с орбиту Юпитера диаметром, но они только еще разогреваются после Э-состояния.

— Оставим в покое сверхгиганты. Люди тысячелетия смотрели на кольцевые туманности в Водолее, Большой Медведице и Лире и не понимали, что перед ними нейтральные поля нульгравитации по закону репагулюма — перехода между тяготением и антитяготением. Там именно и скрывалась загадка нульпространства.

Рен Боз вскочил с порога блиндажа управления, сложенного из больших, залитых силикатом глыб.

— Я отдохнул. Можно начинать!

Сердце Мвена Маса забилось, волнение сдавило горло. Африканец глубоко и прерывисто вздохнул. Рен Боз остался спокойным, только лихорадочный блеск его глаз выдавал концентрацию мысли и воли, которую собирал в себе физик, приступая к опасному делу.

Мвен Мас сжал большой рукой маленькую крепкую кисть Рен Боза. Кивок головы, и силуэт заведующего внешними станциями показался уже на спуске горы, по дороге к обсерватории. Холодный ветер зловеще завыл, скатываясь с обледенелых горных гигантов, стороживших долину. Дрожь пронизала Мвена Маса. Он невольно ускорил свои и без того быстрые шаги, хотя торопиться было некуда: опыт начинался после захода солнца.

Мвен Мас удачно связался со спутником 57 по радио лунного диапазона. Установленные на станции отражатели и направляющие фиксировали Эпсилон Тукана за те несколько минут движения спутника от тридцать третьего градуса северной широты до Южного полюса, в которые звезда была видна с его орбиты.

Мвен Мас занял место за пультом в подземной комнате, очень похожей на такую же в Средиземноморской обсерватории.

Пересматривая в тысячный раз листы с данными о планете звезды Эпсилон Тукана, Мвен Мас методически проверил вычисленную орбиту планеты и снова связался со спутником, условившись, что в момент включения поля наблюдатели спутника 57 будут очень медленно изменять направление по дуге, в четыре раза большей параллакса звезды.

Медленно тянулось время. Мвен Мас никак не мог отделаться от дум о Бете Лоне — преступном математике. Но вот на

экране ТВФ появился Рен Боз у пульта опытной установки. Его жесткие волосы торчали более обычного.

Предупрежденные диспетчеры энергостанций сообщили готовность. Мвен Мас взялся за рукоятки пульта, но движение Рен Боза на экране остановило его.

— Надо предупредить резервную Ку-станцию на Антарктиде. Наличной энергии не хватит.

— Я сделал это, она готова.

Физик размышлял еще несколько секунд:

— На Чукотском полуострове и на Лабрадоре построены станции Ф-энергии. Если бы договориться с ними, чтобы включить в момент инверсии поля, — я боюсь за несовершенство аппарата...

— Я сделал это.

Рен Боз просиял и махнул рукой.

Исполинский столб энергии достиг спутника 57. В гемисферном экране обсерватории появились возбужденные молодые лица наблюдателей.

Мвен Мас приветствовал отважных людей, проверил совпадение и следование столба энергии за спутником. Тогда он переключил мощность на установку Рен Боза. Голова физика исчезла с экрана.

Индикаторы забора мощности склоняли свои стрелки направо, указывая на непрерывное возрастание конденсации энергии. Сигналы горели все ярче и белее. Как только Рен Боз подключил один за другим излучатели поля, указатели наполнения скачками падали к нулевой черте. Захлебывающийся звон с опытной установки заставил вздрогнуть Мвена Маса. Африканец знал, что делать. Движение рукоятки, и вихревая мощность Ку-станции влилась в угасающие глаза приборов, оживила их падающие стрелки. Но едва Рен Боз включил общий инвентор, как стрелки прыгнули к нулю. Почти инстинктивно Мвен Мас подключил сразу обе Ф-станции.

Ему показалось, что приборы погасли, странный бледный свет наполнил помещение. Звуки прекратились. Еще секунда, и тень смерти прошла по сознанию заведующего станциями, притупив ощущения. Мвен Мас боролся с тошнотворным головокружением, стиснув руками край пульта, всхлипывая от усилий и ужасающей боли в позвоночнике. Бледный свет стал разгораться ярче с одной стороны подземной комнаты, с какой — этого Мвен Мас не смог определить или забыл. Может быть, от экрана или со стороны установки Рен Боза...

Вдруг точно разодралась колеблющаяся завеса — и Мвен Мас отчетливо услышал плеск волн. Невыразимый, незапоми-

наемый запах проник в его широко раздувшиеся ноздри. Завеса сдвинулась налево, а в углу колыхалась прежняя серая пелена. Необычайно реальные встали высокие медные горы, окаймленные рощей бирюзовых деревьев, а волны фиолетового моря плескались у самых ног Мвена Маса. Еще левее сдвинулась завеса, и он увидел свою мечту. Краснокожая женщина сидела на верхней площадке лестницы за столом из белого камня и, облокотясь на его полированную поверхность, смотрела на океан. Внезапно она увидела — ее широко расставленные глаза наполнились удивлением и восторгом. Женщина встала, с великолепным изяществом выпрямив свой стан, и протянула к африканцу раскрытую ладонь. Грудь ее дышала глубоко и часто, и в этот бредовый миг Мвен Мас вспомнил Чару Нанди.

— Оффа алли кор!

Мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса. Он открыл рот, чтобы ответить, но на месте видения вздулось зеленое пламя, сотрясающий свист пронесся по комнате. Африканец, теряя сознание, почувствовал, как мягкая, неодолимая сила складывает его втрое, вертит, как ротор турбины, и, наконец, сплющивает о нечто твердое... Последней мыслью Мвена Маса была участь станции и Рен Боза...

Находившиеся поодаль на склоне сотрудники обсерватории и строители видели очень мало. В глубоком тибетском небе промелькнуло нечто, затемнившее свечение звезд. Какая-то невидимая сила обрушилась сверху на гору с опытной установкой. Там она приняла очертания вихря, который захватил массу камней. Черная воронка с километр в поперечнике, точно выброшенная из гигантской гидравлической пушки, пронеслась к зданию обсерватории, взмыла вверх, завернулась назад и снова ударила по горе с установкой, вдребезги разбив все сооружение и разметав обломки. Мгновение спустя все стихло. В наполненном пылью воздухе остался запах горячего камня и гари, смешавшийся со странным ароматом, напоминавшим запах цветущих берегов тропических морей.

На месте катастрофы люди увидели, что по долине между горой и обсерваторией идет широкая борозда с оплавленными краями, а обращенный к долине склон горы начисто оторван. Здание обсерватории осталось целым. Борозда достигла юго-восточной стены, разрушила распределительную галерею памятных машин и уперлась в купол подземной камеры, залитой четырехметровым слоем плавленого базальта. Базальт был сточен, будто на исполинском шлифовальном станке. Но часть

слоя уцелела, спасши Мвена Маса и подземную комнату от полного уничтожения.

Ручей серебра застыл в углублении почвы — это расплавились предохранители приемной энергостанции.

Скоро удалось восстановить кабели аварийного освещения. При свете прожектора на маяке подъездной дороги люди увидели поразительное зрелище — металл конструкций опытной установки был размазан по борозде тонким слоем, отчего она сверкала, будто хромированная. В отвесный обрыв отрезанного, точно ножом, склона горы вдавился кусок бронзовой спирали. Камень расплылся стекловатым слоем, как сургуч под горячей печатью. Погруженные в него витки красноватого металла с белыми зубцами рениевых контактов сверкали в электрическом свете вделанным в эмаль цветком. От взгляда на это ювелирное изделие двухсот метров в диаметре ощущался страх перед неведомой, действовавшей здесь силой.

Когда расчистили заваленный обломками спуск в подземную камеру, то нашли Мвена Маса на коленях, уткнувшим голову в камень нижней ступеньки. Видимо, заведующий внешними станциями в момент прояснения сознания делал попытки выбраться. Среди добровольцев отыскались врачи. Могучий организм африканца с помощью не менее могучих лекарств справился с контузией. Мвен Мас встал, дрожа и шатаясь, поддерживаемый с обеих сторон.

— Рен Боз?..

Обступившие ученого люди помрачнели. Заведующий обсерваторией хрипло ответил:

— Рен Боз жестоко изуродован. Вряд ли долго проживет...

— Где он?

— Нашли за горой, на ее восточном склоне. Должно быть, его выбросило из помещения. На вершине горы более ничего нет... даже развалины стерты начисто.

— И Рен Боз лежит там же?

— Его нельзя трогать. Раздроблены кости, сломаны ребра...

— Что такое?

— Живот распорот, и вывалились внутренности...

Ноги Мвена Маса подкосились, и он судорожно ухватился за шеи державших его людей. Но воля и разум действовали.

— Рен Боза надо спасать во что бы то ни стало! Это величайший ученый!..

— Мы знаем. Там пятеро врачей. Над ним поставили стерильную операционную палатку. Рядом лежат двое пожелавших дать кровь. Тиратрон, искусственное сердце и печень уже работают.

— Тогда ведите меня в переговорную. Соединитесь с мировой сетью и вызовите центр информации северного пояса. Как спутник пятьдесят семь?

— Вызывали. Он молчит.

— Разыщите спутник в телескопе и рассмотрите при большом увеличении в электронном инверторе...

— Машины серьезно повреждены, и новых записей на индикаторе нет.

— Все погибло, — прошептал Мвен Мас, опуская голову.

Ночной дежурный северного центра информации увидел на экране измазанное кровью лицо с лихорадочно блестевшими глазами. Он тщательно всмотрелся, прежде чем смог узнать заведующего внешними станциями — широко известную на планете личность.

— Мне нужно председателя Совета Звездоплавания Грома Орма и Эвду Наль, психиатра.

Дежурный кивнул и принялся оперировать с кнопками и верньерами памятной машины. Ответ пришел через минуту.

— Гром Орм готовит материалы и ночует в жилом Доме Совета. Вызвать Совет?

— Вызывайте. А Эвда Наль?

— Она находится в четыреста десятой школе, в Ирландии. Если нужно, я попробую вызвать ее, — дежурный посмотрел на схему, — к переговорному пункту 5654СП.

— Очень нужно! Дело жизни и смерти!

Дежурный оторвался от своих схем.

— Случилось несчастье?

— Большое несчастье!

— Я передаю дежурство своему помощнику, а сам займусь исключительно вашим делом. Ждите!

Мвен Мас опустился на придвинутое кресло, собирая мысли и силы. В комнату вбежал заведующий обсерваторией.

— Только что фиксировали положение спутника пятьдесят семь. Его нет!

Мвен Мас встал, как будто не получил никаких повреждений.

— Остался кусок передней части — порт для приема кораблей, — продолжался убийственный доклад. — Он летит по той же орбите. Вероятно, есть еще мелкие куски, но они пока не обнаружены.

— Значит, наблюдатели?..

— Несомненно, погибли!

Мвен Мас сжал кулаками нестерпимо болевшие виски. Прошло несколько томительных минут молчания. Экран вспыхнул снова.

— Гром Орм у аппарата Дома Советов, — сказал дежурный и повернул рукоятку.

На экране, отразившем большой, тускло освещенный зал, возникла характерная, всем знакомая голова председателя Совета Звездоплавания. Узкое, будто разрезающее пространство лицо с крупным горбатым носом, глубокие глаза под скептическими угловатыми бровями, волевой изгиб твердо сжатых губ.

Мвен Мас под взглядом Грома Орма опустил голову, как набедокуривший мальчишка.

— Только что погиб спутник пятьдесят семь! — Африканец бросился в признание, как в темную воду.

Гром Орм вздрогнул, и его лицо стало еще острее.

— Как это могло случиться?

Мвен Мас сжато и точно рассказал все, не утаив запретности опыта и не щадя себя. Брови председателя Совета сошлись вместе, вокруг рта обозначились длинные морщины, но взгляд оставался спокойным.

— Подождите, я поговорю о помощи Рен Бозу. Вы думаете, что Аф Нут...

— О если бы Аф Нут!

Экран потускнел. Потянулось ожидание. Мвен Мас заставлял себя держаться из последних сил. Ничего, скоро... Вот и Гром Орм!

— Я нашел Аф Нута и дал ему планетолет. Не меньше часа ему надо на подготовку аппаратуры и ассистентов. Через два часа Аф Нут будет в обсерватории. Теперь о вас — опыт удался?

Вопрос застал африканца врасплох. Он, несомненно, видел Эпсилон Тукана. Но было ли это реальным соприкосновением с недостижимо далеким миром? Или же убийственное воздействие опыта на организм и горячее желание увидеть сочетались вместе в яркой галлюцинации? Может ли он заявить всему миру, что опыт удался, что нужны новые усилия, жертвы, расходы на его повторение, что путь, выбранный Рен Бозом, удачнее, чем у его предшественников? Надеясь на памятные машины, они проводили опыт только вдвоем, безумцы! А что видел Рен, что может он рассказать?.. Если сможет... если видел!

Мвен Мас стал еще прямее.

— Доказательств, что опыт удался, у меня нет. Что наблюдал Рен Боз, не знаю...

Откровенная печаль отразилась на лице Грома Орма. За минуту до того только внимательное, оно стало суровым.

— Что предполагаете делать?

— Прошу разрешить мне немедленно сдать станции Юнию Анту. Я более недостоин заведовать. Потом — я буду с Рен Бо-

зом до конца... — Африканец запнулся и поправился: — До конца операции. Затем... затем я удалюсь на остров Забвения до суда... Я сам уже осудил себя!

— Возможно, вы правы. Но мне неясны многие обстоятельства, и я воздерживаюсь от суждения. Ваш поступок будет разобран на ближайшем заседании Совета. Кого вы считаете наиболее способным заменить вас — прежде всего в восстановлении спутника?

— Лучшей кандидатуры, чем Дар Ветер, не знаю!

Председатель Совета согласно кивнул. Он некоторое время всматривался в африканца, собираясь еще что-то сказать, но сделал молчаливый прощальный жест. Экран погас, и вовремя, потому что все помутилось в голове Мвена Маса.

— Эвде Наль сообщите сами, — прошептал он в сторону стоявшего рядом заведующего обсерваторией, упал и после тщетных попыток приподняться замер.

Центром внимания на обсерватории в Тибете сделался небольшой желтолицый человек с веселой улыбкой и необыкновенной повелительностью жестов и слов. Прибывшие с ним ассистенты повиновались ему с той радостью послушания, с какой, вероятно, шли за великими полководцами древности их верные солдаты. Но авторитет учителя не подавлял их собственных мыслей и начинаний. Это была необыкновенно слаженная группа сильных людей, достойных вести борьбу с самым страшным и неодолимым врагом человека — смертью.

Узнав, что наследственная карта Рен Боза еще не получена, Аф Нут разразился негодующими восклицаниями, но так же быстро успокоился, когда ему сообщили, что ее составляет и привезет сама Эвда Наль.

Заведующий обсерваторией осторожно спросил, для чего нужна карта и чем могут помочь Рен Бозу его далекие предки. Аф Нут хитро прищурился, изображая интимную откровенность.

— Точное знание наследственной структуры каждого человека нужно для понимания его психического сложения и прогнозов в этой области. Не менее важны данные по неврофизиологическим особенностям, сопротивляемости организма, иммунологии, избирательной чувствительности к травмам и аллергии к лекарствам. Выбор лечения не может быть точным без понимания наследственной структуры и условий, в которых жили предки.

Заведующий что-то хотел еще спросить, но Аф Нут остановил его:

— Я дал ответ для самостоятельного раздумья. На большее нет времени!

Астроном пробормотал оправдания, которые хирург не стал слушать.

На приготовленной у подошвы горы площадке воздвигалось переносное здание операционной, подводились вода, ток и сжатый воздух. Огромное количество рабочих наперебой предлагали свои услуги, и здание собрали за три часа. Из врачей, бывших строителей установки, помощники Аф Нута отобрали пятнадцать человек для обслуживания столь быстро воздвигнутой хирургической клиники. Рен Боза перенесли под прозрачный пластмассовый купол, полностью стерилизованный и продутый стерильным воздухом, подававшимся через специальные фильтры. Аф Нут и четыре его ассистента вошли в первое отделение операционной и оставались там несколько часов, обрабатываемые бактерицидными волнами и насыщенным обезвреживающей эманацией воздухом, пока само их дыхание не стало стерильным. За это время тело Рен Боза было сильно охлаждено. Тогда началась быстрая и уверенная работа.

Разбитые кости и разорванные сосуды физика соединялись танталовыми, не раздражающими живую ткань скобками и накладками. Аф Нут разобрался в повреждениях внутренностей. Лопнувшие кишки и желудок были освобождены от омертвевших участков, сшиты и помещены в сосуд с быстро заживляющей жидкостью Б314, соответствовавшей соматическим особенностям организма. После этого Аф Нут приступил к самому трудному. Он извлек из подреберья почерневшую, проткнутую осколками ребер печень и, пока ее держали на весу ассистенты, с поразительной уверенностью отпрепарировал и вытянул тонкие ниточки автономных нервов симпатической и парасимпатической систем. Малейшее повреждение самой тонкой веточки могло повести к необратимым и тяжелым разрушениям. Молниеносным движением хирург перерезал воротную вену, подключив к обоим ее концам трубки искусственных сосудов. Сделав то же самое с артериями, Аф Нут поместил печень, соединенную с телом лишь нервами, в отдельный сосуд с жидкостью Б3. После пятичасовой операции искусственная кровь текла в сосудах тела Рен Боза, подгоняемая собственным сердцем раненого и вспомогательным дубльсердцем — автоматическим насосом. Теперь стало возможным выжидать заживления извлеченных органов. Аф Нут не мог просто заменить поврежденную печень на другую из хранившихся в хирургическом фонде планеты, так как для приживления нервов нужны были дополнительные исследования, а состояние больного не позволяло терять лишней минуты. У неподвижного, распластанного, как препарированный труп, тела остался дежурить один из хи-

рургов в ожидании, пока закончит стерилизацию сменная группа.

Двери защитной ограды, построенной вокруг операционной, с шумом раздвинулись, и Аф Нут, щурясь и потягиваясь, как только что проснувшийся хищный зверь, появился в окружении своих измазанных кровью помощников. Эвда Наль, утомленная и бледная, встретила его и протянула наследственную карту. Аф Нут жадно схватил ее, проглядел и вздохнул.

— Кажется, все будет благополучно. Идемте отдыхать!

— Но... если он очнется?

— Идемте! Очнуться он не может. Разве мы столь тупы, чтобы не предусмотреть этого?

— Сколько надо ждать?

— Четыре-пять дней. Если биологические определения точны и расчеты правильны, тогда можно будет оперировать снова, поместив органы обратно. Потом — сознание...

— Сколько вы сможете здесь пробыть?

— Дней десять. Катастрофа удачно пришлась в момент перерыва занятий. Воспользуюсь случаем осмотреть Тибет — здесь я еще не бывал. Моя судьба — жить там, где больше всего людей, то есть в жилом поясе!

Эвда Наль с восторгом взглянула на хирурга. Аф Нут хмуро улыбнулся.

— Вы смотрите на меня, как, наверное, раньше смотрели на изображение бога. Не к лицу самой мудрой из моих учениц!

— Я в самом деле по-новому вижу вас. В первый раз жизнь дорогого мне человека в руках хирурга, и я хорошо понимаю переживания тех людей, которые в жизни сталкивались с вашим искусством... Знание сливается с неповторимым мастерством!

— Хорошо! Восхищайтесь, если вам это нужно. А я успею сделать вашему физику не только вторую операцию, но и третью...

— Какую третью? — насторожилась Эвда Наль, но Аф Нут, хитро прищурившись, показал на тропинку, поднимавшуюся от обсерватории.

По ней, опустив голову, ковылял Мвен Мас.

— Вот еще поклонник моего искусства... поневоле. Поговорите с ним, если не можете отдыхать, а мне необходимо...

Хирург скрылся за выступом холма, где расположился временный дом прилетевших медиков. Эвда Наль заметила издалека, как осунулся и постарел заведующий внешними станциями... Нет, Мвен Мас уже больше ничем не заведует. Она рассказала африканцу все, что сообщил ей Аф Нут, и тот облегченно вздохнул.

— Тогда и я уеду через десять дней!

— Правильно ли вы поступаете, Мвен? Я еще ошеломлена, чтобы продумать случившееся, но мне кажется, что ваша вина не требует столь решительного осуждения.

Мвен Мас болезненно сморщился.

— Я увлекся блестящей теорией Рен Боза. Я не имел права вкладывать всю силу Земли в первую же пробу.

— Рен Боз доказывал, что с меньшей силой бесполезно было бы пробовать, — возразила Эвда.

— Это верно, но следовало бы проделать косвенные эксперименты. А я оказался неразумно нетерпелив и не хотел ждать годы. Не тратьте слов — Совет подтвердит мое решение, и Контроль Чести и Права не отменит его.

— Я сама член Контроля Чести и Права!

— Кроме вас, там еще десять человек. А так как мое дело — всепланетное, то вам придется решать соединенными Контролями Юга и Севера — итого двадцать один человек, помимо вас...

Эвда Наль положила руку на плечо африканца.

— Сядем, Мвен, вы слабы на ногах. Знаете, что когда первые врачи осмотрели Рена, то они решили собрать консилиум смерти?

— Знаю. Не хватило двух человек. Врачи — консервативный народ, а по старым положениям, которые еще не додумались отменить, решить легкую смерть больного могут только двадцать два человека.

— Еще недавно консилиум смерти состоял из шестидесяти врачей!

— Это был пережиток того же страха злоупотреблений, из-за которого в древности врачи обрекали больных на долгие и напрасные мучения, а их близких — на тяжелейшие моральные страдания, когда выхода уже не было и смерть могла бы быть легкой и скорой. Но видите, как полезна оказалась традиция — двух врачей не хватило, а мне удалось вызвать Аф Нута... благодаря Грому Орму.

— Именно об этом я и хочу вам напомнить. Ваш консилиум общественной смерти пока состоит из одного человека!

Мвен Мас взял руку Эвды и поднес к своим губам. Та позволила ему этот жест большой и интимной дружбы. Сейчас она была одна у него, сильного, но угнетенного моральной ответственностью. Одна. Если бы на ее месте оказалась Чара? Нет, чтобы принять Чару сейчас, африканцу потребовался бы душевный подъем, на который еще не было сил. Пусть все идет как идет до выздоровления Рен Боза и до Совета Звездоплавания!

— Вам не известно, какая третья операция предстоит Рену? — переменила Эвда разговор.

Мвен Мас соображал некоторое время, вспоминая беседу с Аф Нутом.

— Он хочет воспользоваться вскрытым состоянием Рен Боза и очистить организм от накопившейся энтропии. То, что делается медленно и трудно с помощью физиохемотерапии, в соединении с такой капитальной хирургией получится несравненно быстрее и основательнее.

Эвда Наль вызвала в памяти все, что знала об основах долголетия — очистке организма от энтропии. Рыбьи, ящеричные предки человека оставили в его организме наслоения противоречивых физиологических устройств, и каждое из них обладало своими особенностями образования энтропических остатков жизнедеятельности. Изученные за тысячелетия, эти древние структуры — когда-то очаги старения и болезней — стали поддаваться энергетической очистке — химическому и лучевому промыванию и волновой встряске стареющего организма.

В природе освобождение живых существ от увеличивающейся энтропии и есть необходимость рождения от разных особей, происходящих из различных мест, то есть из разных наследственных линий. Эта перетасовка наследственности в борьбе с энтропией и черпание новых сил из окружающего мира — самая сложная загадка науки, над пониманием которой уже тысячи лет бились биологи, физики, палеонтологи и математики. Но биться стоило — возможная продолжительность жизни уже достигла почти двухсот лет, а самое главное — исчезла изнурительная, тлеющая старость.

Мвен Мас угадал мысли психиатра.

— Я подумал о новом великом противоречии нашей жизни, — медленно сказал африканец. — Могущественная биологическая медицина, наполняющая организм новыми силами, и все усиливающаяся творческая работа мозга, быстро сжигающая человека. Как все сложно в законах нашего мира!

— Это верно, и поэтому мы задерживаем пока развитие третьей сигнальной системы человека, — согласилась Эвда Наль. — Чтение мыслей очень облегчает общение индивидуумов между собой, но требует большой затраты сил и ослабляет центры торможения. Последнее — самое опасное...

— И все равно большинство людей — настоящих работников — живут только половину возможных лет из-за сильнейших нервных напряжений. Насколько я понимаю, с этим медицина бороться не может — только запрещать работу. Но кто же оставит работу ради лишних лет жизни?

— Никто, потому что смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в бесплодном и тоскливом ожидании непрожитых радостей, — задумчиво произнесла Эвда Наль, невольно подумав, что на острове Забвения люди живут, пожалуй, дольше.

Мвен Мас снова понял ее невысказанные мысли и сурово предложил вернуться на обсерваторию для отдыха. Эвда повиновалась.

...Два месяца спустя Эвда Наль разыскала Чару Нанди в верхнем зале Дворца информации, похожем на готический храм своими высокими колоннами. Косые лучи солнца, падавшие сверху, перекрещивались на половине высоты зала, создавая сияние вверху и мягкий сумрак внизу.

Девушка стояла, опираясь на колонну, сцепив за спиной опущенные руки и скрестив ноги. Эвда Наль, как всегда, не смогла не оценить ее простого наряда — короткого, серого с голубым, сильно открытого платья.

Чара взглянула через плечо на приближавшуюся Эвду, и ее грустные глаза оживились.

— Зачем вы здесь, Чара? Я думала, вы готовитесь поразить нас новым танцем, а вас потянуло к географии.

— Время танцев прошло, — серьезно сказала Чара. — Я выбираю работу в знакомом мне кругу деятельности. Есть место на заводе искусственного выращивания кожи во внутренних морях Целебеса и на станции выведения долгоцветных растений в бывшей пустыне Атакама. Мне было хорошо на работе в Атлантическом океане. Так светло и ясно, так радостно от силы моря, от бездумного слияния с ним, от ловкой игры и соревнования с могучими волнами, которые всегда тут, рядом, и стоит лишь кончить работу...

— Мне тоже — стоит поддаться меланхолии, и вспоминается работа в психологическом санатории в Новой Зеландии, где я начинала совсем юной медицинской сестрой. И Рен Боз сейчас, после своего ужасного ранения, говорит, что всего счастливее он был, когда работал регулировщиком винтолетов. Но ведь вы понимаете, Чара, что это слабость! Усталость от огромного напряжения, требующегося, чтобы удержаться на той творческой высоте, которую удалось достичь вам, истинной артистке. Еще сильнее она будет потом, когда ваше тело перестанет быть таким великолепным зарядом жизненной энергии. Но пока не перестало, доставляйте всем нам радость вашего искусства и красоты.

— Вы не знаете, Эвда, каково мне. Каждая подготовка танца — радостное искание. Я сознаю, что людям еще раз будет

отдано нечто хорошее, которое принесет радость, затронет глубину чувств... Живу этим. Приходит момент осуществления замысла, и я отдаю всю себя взлету страсти, горячему и безрассудному... Наверное, это передается зрителям, и оттого столь сильно воспринимается танец. Всю себя — всем вам...

— И что же? Потом резкий спад?

— Да! Я точно улетевшая и растворившаяся в воздухе песня. Я не создаю ничего запечатленного мыслью.

— Есть гораздо большее — ваш вклад в души людей!

— Это очень невещественно и недолговечно — я имею в виду самое себя!

— Вы еще не любили, Чара?

Девушка опустила ресницы.

— Это похоже? — ответила она вопросом.

Эвда Наль покачала головой.

— Я про очень большое чувство, на какое способны вы, но далеко не все...

— Я понимаю — при большей бедности интеллектуальной жизни мне остается богатство эмоциональной.

— Существо мысли правильно, но я бы пояснила, что вы так одарены эмоционально, что другая сторона не будет бедной, хотя, конечно, более слабой, по естественному закону противоречий. Но мы говорим отвлеченно, а мне нужно вас по спешному делу, непосредственно относящемуся к разговору. Мвен Мас...

Девушка вздрогнула.

Эвда Наль взяла Чару под руку и повела в одну из боковых абсид зала, где отделка темного дерева сурово гармонировала с пестротой сине-золотых цветных стекол в широких, аркадами, окнах.

— Чара, милая, вы — светолюбивый земной цветок, пересаженный на планету двойной звезды. По небу ходят два солнца — голубое и красное, и цветок не знает, к какому же повернуться. Но вы — дочь красного солнца, и зачем же вам тянуться к голубому?

Эвда Наль сильно и нежно привлекла девушку к своему плечу, и та вдруг вся прижалась к ней. Знаменитый психиатр с материнской лаской гладила густые, чуть жестковатые волосы, думая о том, что тысячелетиям воспитания удалось заменить мелкие личные радости человека на большие и общие. Но как еще далеко до победы над одиночеством души, особенно такой вот сложной, насыщенной чувствами и впечатлениями, взращенной богатым жизнью телом!.. Вслух она сказала:

— Мвен Мас... Вы знаете, что случилось с ним?

— Конечно, вся планета обсуждает его неудачный опыт!

— А вы что думаете?

— Что он прав!

— Я тоже. Поэтому надо его вытащить с острова Забвения. Через месяц — годовое собрание Совета Звездоплавания. Его вину обсудят и передадут решение на утверждение Контроля и Права, наблюдающего за судьбой каждого человека Земли. У меня есть основательная надежда на мягкое суждение, но надо, чтобы Мвен Мас был здесь. Не годится человеку со столь же сильными, как у вас, чувствами долго находиться на острове, тем более в одиночестве!

— Разве я настолько древняя женщина, чтобы строить планы жизни в зависимости от дел мужчины, пусть избранного мной?

— Чара, дитя мое, не нужно. Я видела вас вместе и знаю, что вы для него... как и он для вас. Не судите его за то, что он не повидался с вами, что скрылся от вас. Поймите: каково человеку, такому же, как вы, прийти к вам, любимой, — это так, Чара! — жалким, побежденным, подлежащим суду и изгнанию? К вам — одному из украшений Большого Мира!

— Я не о том, Эвда. Нужна ли я ему сейчас — усталому, надломленному?.. Я боюсь, у него может не хватить сил для большого душевного подъема, на этот раз не разума, а чувств... для такого творчества любви, на какое, мне кажется, способны мы оба... Тогда к нему придет вторая утрата веры в себя, а разлада с жизнью он не вынесет. И я думала, что мне сейчас лучше быть в пустыне Атакама.

— Чара, вы правы, но лишь с одной стороны. Есть еще одиночество и излишнее самоосуждение большого и страстного человека, у которого нет никакой опоры, раз он ушел из нашего мира. Я сама поехала бы туда... Но у меня — едва живой Рен Боз, и он, как тяжело раненный, имеет преимущество. Дар Ветер — он назначен строить новый спутник, и в этом его помощь Мвену Масу. Я не ошибусь, если скажу вам твердо: поезжайте к нему, не требуя от него ничего, даже ласкового взгляда, никаких планов на будущее, никакой любви. Только поддержите его, посейте в нем сомнение в собственной правоте и тогда верните в наш мир. В вас есть сила сделать это, Чара! Поедете?

Девушка, учащенно дыша, подняла к Эвде Наль детски доверчивые глаза, в которых стояли слезы.

— Сегодня же!

Эвда Наль крепко поцеловала Чару.

— Вы правы, надо спешить. По Спиральной Дороге мы доедем вместе до Малой Азии. Рен Боз лежит в хирургическом санатории на острове Родосе, а вас я направлю в Дейр эз Зор, на базу спиролетов технико-медицинской помощи, совершаю-

щих рейсы в Австралию и Новую Зеландию. Предвкушаю удовольствие летчика доставить танцовщицу Чару — увы, не биолога Чару, — в любой желаемый пункт...

Начальник поезда пригласил Эвду Наль и ее спутницу в главный пост управления. По крышам огромных вагонов проходил закрытый силиколловым колпаком коридор. По нему от одного конца поезда до другого ходили дежурные, наблюдая за приборами ОЭС. Обе женщины поднялись по винтовой лестнице, прошли через верхний коридор и попали в большую кабину, выдававшуюся над обтекателем первого вагона. В хрустальном эллипсоиде на высоте семи метров над полотном дороги сидели в креслах два машиниста, разделенные высоким пирамидальным колпаком электронного водителя-робота. Параболоидные экраны телевизоров позволяли видеть все, что делается по сторонам и позади поезда. Дрожавшие в крыше усики антенны предупреждающего устройства должны были донести о появлении постороннего предмета на дороге за пятьдесят километров, хотя такой случай мог произойти только при совершенно исключительном стечении обстоятельств.

Эвда и Чара уселись на диване у задней стенки кабины на полметра выше сидений машинистов. Обе поддались гипнозу летящей навстречу широкой Дороги. Гигантский путь рассекал хребты, несся над низменностями по колоссальным насыпям, пересекал проливы и морские бухты по низким, глубоко сидевшим в воде эстакадам. На скорости в двести километров в час лес, посаженный по откосам исполинских выемок и насыпей, стелился сплошным ковром, красноватым, малахитовым или темно-зеленым в зависимости от рода деревьев — сосен, эвкалиптов или олив. Спокойное море Архипелага по обеим сторонам эстакады приходило в движение от дуновения воздуха, рассеченного вагонами поезда десятиметровой ширины. Полосы крупной ряби разбегались веерами, затемняя прозрачную голубую воду.

Обе женщины сидели молча, следя за дорогой, погруженные в свои думы, полные забот. Так прошло четыре часа. Еще четыре часа они провели в мягких креслах салона второго этажа, среди других пассажиров, и расстались на станции недалеко от западного побережья Малой Азии. Эвда пересела в электробус, доставивший ее в ближайший порт, а Чара продолжала путь до станции Восточный Тавр — первой меридиональной ветви. Еще два часа пути, и Чара очутилась на знойной равнине, в дымке горячего сухого воздуха. Здесь, на окраине бывшей Сирийской пустыни, находился Дейр эз Зор — аэропорт опасных для населенных мест спиролетов.

Навсегда запомнила Чара Нанди томительные часы, проведенные в Дейр эз Зоре в ожидании очередного спиролета. Девушка без конца обдумывала свои слова и поступки, стараясь представить себе встречу с Мвеном Масом, строила планы розысков на острове Забвения, где все исчезло в смене ничем не отмеченных дней.

Наконец внизу разостлались бесконечные поля термоэлементов в пустынях Нефуд и Руб-эль-Хали — гигантских силовых станций, превращавших солнечное тепло в электроэнергию. Задернутые ночными и пылевыми шторками, они выстроились правильными рядами на закрепленных и выровненных барханных песках, на срезанных с наклоном к югу плоскогорьях, на лабиринтах засыпных оврагов — памятники гигантской борьбы человечества за энергию. С освоением новых видов ядерной энергии П, Ку и Ф время суровой экономии давно миновало. Недвижно стояли леса ветродвигателей вдоль южного берега Аравийского полуострова, также составляющие резервную мощность северного жилого пояса. Спиролет почти мгновенно пересек едва маячившую внизу границу берега и понесся над Индийским океаном. Пять тысяч километров были незначительным расстоянием для такой быстроходной машины. Скоро Чара Нанди, напутствуемая призывами быстрейшего возвращения, выходила из спиролета, неуверенно переступая ослабевшими ногами.

Заведующий посадочной станцией послал свою дочь вести маленький лат — так назывались плоские глиссеры — на остров Забвения. Обе девушки откровенно наслаждались стремительным бегом суденышка по крупным волнам открытого моря. Лат шел прямо на восточный берег острова Забвения, к большой бухте, где находилась одна из медицинских станций Большого Мира.

Кокосовые пальмы, склоняя перистые листья к мерно шелестевшим на отмелях волнам, приветствовали прибытие Чары. Станция оказалась безлюдной — все работники уехали в глубь острова на уничтожение клещей, обнаруженных на лесных грызунах.

При станции находились конюшни. Лошадей разводили для работы в местах, подобных острову Забвения, или в санаториях, где нельзя было пользоваться винтолетами из-за шума или наземными электрокарами из-за отсутствия дорог. Чара отдохнула, переоделась и пошла посмотреть красивых и редких животных. Там она встретила женщину, ловко управлявшуюся с машинами — раздатчиком корма и уборщиком. Чара помогла ей, и женщины разговорились. Девушка расспрашивала о том, как легче и быстрее разыскать на острове человека, и получила

совет: присоединиться к какому-либо из истребительных отрядов. Они путешествуют по всему острову и знают его даже лучше местных жителей. Совет понравился Чаре.

Глава одиннадцатая
ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ

Глиссер пересекал Палкский пролив при сильном встречном ветре, прыжками преодолевая гряды плоских волн. Еще тысячу лет назад здесь проходила гряда отмелей и коралловых рифов, называвшаяся Адамовым Мостом. Новейшие геологические процессы создали на месте гряды глубокую впадину, и темные воды плескались над пучиной, отделявшей устремленное вперед человечество от любителей покоя.

Мвен Мас стоял у перил, широко расставив ноги, и разглядывал постепенно выраставший на горизонте остров Забвения. Этот громадный остров, окруженный теплым океаном, был природным раем. Рай в примитивных, религиозных представлениях человека — счастливое посмертное убежище, без забот и труда. И остров Забвения тоже был убежищем для тех, кого не увлекала уже напряженная деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми.

Припадая к лону Матери Земли в простой, монотонной деятельности древнего земледельца, рыболова или скотовода, они проводили здесь тихие годы.

Хотя человечество отдало своим слабым собратьям большой кусок плодородной, чудесной земли, примитивное хозяйство острова не могло обеспечить своему населению полностью застрахованную от голода жизнь, особенно в периоды неурожаев или иных неурядиц, столь обычных для слабых производительных сил. Поэтому Большой Мир постоянно отдавал часть своих запасов острову Забвения.

В три порта — на северо-западе острова, на юге и восточном побережье — доставлялись продовольствие, законсервированное на долгие годы, медикаменты, средства биологической защиты и другие предметы первой необходимости. Три главных управляющих островом тоже жили на севере, востоке и юге и назывались начальниками скотоводов, земледельцев и рыболовов.

Глядя на поднимавшиеся вдали синие горы, Мвен Мас вдруг с горечью подумал, не принадлежит ли он к категории «быков» — людей, всегда причинявших затруднения человечеству. «Бык» — это сильный и энергичный, но совершенно безжалостный к чужим страданиям и переживаниям человек, ду-

мающий только об удовлетворении своих потребностей. Страдания, раздоры и несчастья в далеком прошлом человечества всегда усугублялись именно такими людьми, провозглашавшими себя в разных обличьях единственно знающими истину, считавшими себя вправе подавлять все несогласные с ними мнения, искоренять иные образы мышления и жизни. С тех пор человечество избегало малейшего признака абсолютности во мнениях, желаниях и вкусах и стало более всего опасаться «быков». Это они, «быки», не думая о нерушимых законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом. Войны и неорганизованное хозяйство Эры Разобщенного Мира привели к разграблению планеты. Тогда вырубили леса, сожгли накапливавшиеся сотнями миллионов лет запасы угля и нефти, загрязнили воздух углекислотой и смрадной гарью заводов, перебили красивых и безвредных зверей — жирафов, зебр, слонов, пока мир успел дойти до коммунистического устройства общества. Земля была засорена, реки и берега морей загрязнены стоками нефти и химических отбросов. Только после серьезной очистки воды, воздуха и земли человечество пришло к современному виду своей планеты, по которой можно всюду пройти босым, нигде не повредив ног.

Но ведь и он, Мвен Мас, не пробыв двух лет на ответственейшем посту, сокрушил искусственный спутник, созданный усилиями тысяч людей и необычайными ухищрениями инженерного искусства. Погубил четырех способных ученых, из которых каждый мог бы стать Рен Бозом... Да и самого Рен Боза едва удалось спасти. И снова образ Бета Лона, скрывавшегося где-то там, в горах и долинах острова Забвения, возник перед ним, живой, вызывающий острое сочувствие. Мвен Мас перед отъездом познакомился с портретами математика и навсегда запомнил его энергичное лицо с массивной челюстью, с глубоко и близко посаженными острыми глазами, всю его могучую, атлетическую фигуру.

Моторист глиссера подошел к африканцу.

— Сильный прибой. Нам не удастся пристать к берегу — волна бьет через мол. Придется идти в южный порт.

— Не нужно. У вас есть спасательные плотики? Я спрячу туда одежду и доплыву сам.

Моторист и рулевой с уважением посмотрели на Мвена Маса. Мутные, белесые волны громоздились на отмели, переливаясь тяжелыми грохочущими каскадами. Ближе к побережью беспорядочная толчея волн крутила песок и пену, набегая далеко на отлогий пляж. Низкие тучи сеяли мелкий теплый дождь, косо летевший по ветру и смешивавшийся с всплесками

пены. Сквозь его туманную сетку на берегу маячили какие-то серые фигуры.

Моторист и рулевой переглянулись, пока Мвен Мас снимал и упаковывал одежду. Отправлявшиеся на остров Забвения уходили из-под опеки общества, в котором каждый охранял другого и помогал ему. Личность Мвена Маса внушала невольное уважение, и рулевой решился предупредить его о большой опасности. Африканец беспечно махнул рукой. Моторист принес ему маленький герметически закупоренный пакет.

— Здесь запас концентрированной пищи на месяц — возьмите.

Мвен Мас подумал и сунул пакет вместе с одеждой в непроницаемую камеру, тщательно застегнул клапан и с плотиком под мышкой перешагнул перила.

— Поворот! — скомандовал он.

Глиссер накренился в крутом вираже. Отброшенный от суденышка, Мвен Мас вступил в яростную борьбу с волнами. С глиссера видели, как он взлетал на гребни свирепых валов, затем проваливался в их спады и возникал снова.

— Он справится, — сказал облегченно моторист. — Нас сносит, надо уходить.

Винт взревел, и суденышко прыгнуло вперед, поднятое набегающим валом. Темная фигура Мвена Маса появилась во весь рост на берегу и растворилась в дождевом тумане.

По уплотненному волнами песку двигалась группа людей в одних набедренных повязках. Они с торжеством волокли большую, бешено извивавшуюся рыбу. Увидев Мвена Маса, люди остановились, дружелюбно приветствуя его.

— Новый из того мира, — с улыбкой сказал один из рыбаков, — и как хорошо плавает! Иди к нам жить!

Мвен Мас открыто и приветливо рассматривал рыбаков, потом покачал головой.

— Мне будет трудно жить здесь, на берегу моря, смотреть в его просторную даль и думать о моем потерянном и прекрасном мире.

Один из рыбаков, с сильной проседью в густой бороде, видимо здесь считавшейся украшением мужчины, положил руку на мокрое плечо пришельца.

— Разве вас могли прислать сюда насильно?

Мвен Мас горестно усмехнулся и попытался объяснить, что привело его сюда.

Рыбак поглядел на пришельца печально и сочувственно.

— Мы не поймем друг друга. Иди туда. — Рыбак показал на юго-восток, где в прорыве туч возникали голубые ступени от-

даленных гор. — Путь далек, а здесь нет других средств передвижения, кроме... — Обитатель острова хлопнул себя по сильным мышцам ноги.

Мвен Мас был рад поскорее удалиться и пошел своим широким свободным шагом по извилистой тропе, поднимавшейся к пологим холмам.

Путь к центральной зоне острова составлял немногим больше двухсот километров, но Мвен Мас не спешил. Зачем? Медленно сменялись тягучие, не заполненные полезной деятельностью дни. Вначале, пока он еще не вполне оправился после катастрофы, его усталое тело просило покоя ласковой природы. Если бы не сознание чудовищной утраты, то он попросту наслаждался бы тишиной пустынных, овеянных ветрами плоскогорий, мраком и первобытным молчанием жарких тропических ночей.

Но дни шли за днями, и африканец, скитавшийся по острову в поисках дела по сердцу, стал остро тосковать по Большому Миру. Его не радовали более мирные долины с возделанными вручную рощами фруктовых деревьев, не баюкало почти гипнотическое журчание чистых горных рек, на берегах которых он мог теперь просиживать несчетные часы в знойный полдень или в лунную ночь.

Несчетные... В самом деле, зачем считать то, что здесь ему совсем не нужно, — время? Сколько угодно — океана времени, и вместе с тем так ничтожно мало это его отдельное, индивидуальное время!.. Один короткий и сразу же забытый миг!

Только теперь Мвен Мас почувствовал всю точность названия острова! Остров Забвения — глухая безыменность древней жизни, эгоистических дел и чувств человека! Дел, забытых потомками, потому что они творились только для личных надобностей, не делали жизнь общества легче и лучше, не украшали ее взлетами творческого искусства.

Изумительные подвиги канули в безымянное ничто.

...Африканец был принят в общину скотоводов в центре острова и уже два месяца пас стадо огромных гауробуйволов у подножия громадной горы с нелепо длинным названием на языке народа, в древности населявшего остров.

Он подолгу варил теперь черную кашу на угольях в закопченном горшке, а месяц назад ему пришлось добывать в лесу съедобные плоды и орехи, соревнуясь с жадными обезьянами, швырявшимися в него объедками. Это случилось, когда он отдал свой пищевой рацион старику, прихворнувшему в глухой долине, поступив по правилу и высшему счастью мира Кольца — прежде всего доставлять радость другим людям. То-

гда он понял, что означают поиски пропитания в пустынных, ненаселенных местах. Какая немыслимая затрата времени!..

Мвен Мас встал с камня и огляделся. Солнце садилось слева за край плоскогорья, позади громоздилась лесистая вершина куполовидной горы.

Внизу поблескивала в сумерках быстрая речка, окаймленная зарослями огромных перистых бамбуков. Там, в полудне пешего пути, находятся густо заросшие развалины тысячелетней давности — древняя столица острова. Есть и другие, большие и лучше сохранившиеся, тоже заброшенные города. До них Мвену Масу пока не было дела.

Стадо разлеглось черными глыбами в потемневшей траве. Ночь наступила быстро. Звезды загорались тысячами в меркнувшем небе. Привычная астроному тьма, знакомые линии созвездий, яркие светочи крупных звезд. Отсюда виден и роковой Тукан... Но как слабы простые человеческие глаза! Он никогда более не увидит величественных зрелищ космоса, спиралей гигантских галактик, загадочных планет и синих солнц. Все это для него лишь огоньки, безмерно далекие. Не все ли равно — звезды это или светильники, прибитые к хрустальной сфере, как считали древние! Для его зрения — все равно!

Африканец вскочил и принялся сгребать заготовленный хворост. Вот еще предмет, ставший необходимым, — маленькая зажигалка. Может быть, по примеру некоторых здешних жителей он начнет скоро вдыхать наркотический дым, чтобы сократить тягучее липкое время.

Язычки пламени заплясали, разгоняя тьму и гася звезды. Поблизости мирно сопели буйволы. Мвен Мас задумчиво смотрел на огонь.

Не темным ли домом стала для него светлая планета?

Нет, его гордое самоотречение — это просто самоуверенность незнания. Незнания самого себя, недооценка высоты насыщенной творчеством жизни, которой он жил, непонимание силы любви к Чаре. Лучше отдать свою жизнь за час великого дела Большого Мира, чем жить здесь еще целый век!

На острове Забвения находилось около двухсот врачебных станций, где врачи-добровольцы из Большого Мира предоставляли жителям всю мощь современной медицинской науки. Молодежь Большого Мира работала также в истребительных отрядах, чтобы остров не стал рассадником древних болезней или вредных животных. Мвен Мас намеренно избегал встречи с этими людьми, чтобы не чувствовать себя отверженцем мира красоты и знания.

На рассвете Мвена Маса сменил другой пастух. Африканец освободился на два дня и решил пойти в небольшой городок, чтобы получить плащ — ночи в горах стали прохладнее.

День был зноен и тих, когда Мвен Мас спустился с плоскогорья и вышел на широкую равнину — сплошное море бледно-лиловых и золотисто-желтых цветов, над которым летали пестрые насекомые. Порывы легкого ветра колыхали верхушки растений, и цветы нежно касались венчиками обнаженных колен. Дойдя до середины громадного поля, Мвен Мас остановился, поддаваясь легкой, радостной красоте и насыщенному аромату этого дикого сада. Задумчиво склонившись, он проводил ладонями по колышущимся на ветру лепесткам, ощущая себя в детском сне.

Донесся едва слышный ритмический звон. Мвен Мас поднял голову и увидел быстро шедшую по пояс в цветах девушку. Она повернула в сторону, а Мвен Мас с удовольствием посмотрел на стройную фигурку посреди моря цветов. Острое сожаление резануло Мвена Маса — это могла быть Чара, если... если бы все сложилось иначе!..

Наблюдательность ученого подсказала ему, что девушка неспокойна. Она часто оглядывалась и без нужды ускоряла шаг, словно опасаясь чего-то позади себя. Мвен Мас изменил направление и быстро подошел к девушке, выпрямляясь во весь свой громадный рост.

Неизвестная остановилась. Пестрый платок накрест туго обтягивал ее стан, подол красной юбки потемнел от росы. Тонкие браслеты на голых руках зазвенели громче, когда она откинула с лица спутанные ветром темные волосы. Печальные глаза сосредоточенно смотрели из-под коротких завитков волос, небрежно рассыпавшихся по лбу и щекам. Девушка тяжело дышала, вероятно, от длительной ходьбы. Редкие росинки пота проступили на ее смуглом красивом лице. Девушка сделала к нему несколько неуверенных шагов.

— Кто вы и куда так спешите? — спросил Мвен Мас. — Может быть, вы нуждаетесь в помощи?

Девушка пристально осмотрела его и заговорила прерывисто и торопливо:

— Я Онар из пятого поселка. Помощи мне не нужно.

— Я вижу другое. Вы устали, и что-то мучит вас. Что может грозить вам? Почему вы отказываетесь от моей помощи?

Неведомая девушка подняла глаза, засиявшие глубоко и чисто, как у женщины Большого Мира.

— Я знаю, кто вы. Большой человек, оттуда. — Она показала в сторону Африки. — Вы добрый и доверчивый.

— Будьте и вы такой же. Вас преследует кто-нибудь?

— Да! — с отчаянием вырвалось у девушки. — Он гонится за мной...

— Кто он, почему смеет вызывать страх, гнаться за вами?

Девушка вспыхнула и потупилась.

— Один человек. Он хочет, чтобы я стала его...

— Но ведь выбираете вы, отвечая или не отвечая ему? Как можно принудить к любви? Он придет сюда, и я скажу...

— Не надо! Он тоже явился из Большого Мира, только давно, и он тоже могучий... Только не такой, как вы... Он страшный!

Мвен Мас беззаботно рассмеялся.

— Куда вы идете?

— В пятый поселок. Я ходила в городок и встретила...

Мвен Мас кивнул и взял руку девушки. Та послушно оставила свои пальцы в его руке, и оба направились по боковой тропинке, ведшей в поселок.

По дороге девушка, временами тревожно оглядываясь, рассказала, что этот человек преследует ее повсюду.

Опасение открыто говорить безмерно возмущало Мвена Маса. Он не мог примириться с мыслью об угнетении, как бы случайно оно ни было теперь, на устроенной Земле!

— Почему ничего не предпринимают ваши люди, — сказал Мвен Мас, — и не знает об этом Контроль Чести и Права? Разве в ваших школах не учат истории, и вам не известно, к чему ведут даже малые очаги насилия?

— Учат... известно... — ответила Онар, глядя перед собой.

Цветущая равнина кончилась, и тропинка, описывая крутой поворот, скрывалась за кустарником. Из-за поворота появился высокой мрачный человек, загородивший дорогу. Он был обнажен до пояса, а атлетические мускулы играли под седыми волосами, покрывавшими его торс. Девушка судорожно вырвала свою руку, шепча:

— Я боюсь за вас. Уходите, человек Большого Мира!..

— Стойте! — прогремел повелительный голос.

Так грубо никто не разговаривал в эпоху Кольца. Мвен Мас инстинктивно заслонил собой девушку.

Высокий человек подошел и попытался оттолкнуть его, но Мвен Мас стоял как скала.

Тогда с быстротой молнии незнакомец нанес ему удар кулаком в лицо. Мвен Мас пошатнулся. Ни разу в жизни он не встречался с рассчитанно безжалостными ударами, наносимыми с целью причинить жестокую боль, оглушить, оскорбить человека.

Оглушенный, Мвен Мас смутно услышал горестный вскрик Онар. Он бросился на противника, но полетел наземь от двух оглушительных ударов. Онар бросилась на колени, прикрывая его своим телом, но враг с торжествующим воплем схватил ее. Он заломил девушке локти назад, и она страдальчески выгнулась и зарыдала, вся пунцовая от гнева.

Но Мвен Мас уже овладел собой. В юности в его подвигах Геркулеса были более серьезные схватки с не связанными человеческим законом врагами. Он припомнил все, чему его учили для битвы врукопашную с опасными животными.

Мвен Мас неторопливо поднялся, бросил взгляд в искаженное яростью лицо врага, намечая точку сокрушительного удара, и вдруг выпрямился, отшатнувшись. Он узнал это характерное лицо, так долго преследовавшее его в мучительных думах о праве на опыт в Тибете.

— Бет Лон!

Тот выпустил девушку и замер, пристально вглядываясь в незнакомого ему темнокожего человека, сейчас утратившего все свойственное ему добродушие.

— Бет Лон, я много думал о встрече с вами, считая вас собратом по несчастью, — вскричал Мвен Мас, — но никогда не представлял, что это будет так!

— Как так? — нагло спросил Бет Лон, пряча горевшую в его глазах злобу.

Африканец сделал отстраняющий жест.

— Зачем пустые слова? В том мире вы не произносили их и действовали пусть преступно, но во имя большой идеи. А здесь во имя чего?

— Самого себя, и только самого себя! — презрительно бросил сквозь сжатые зубы Бет Лон. — Довольно я считался с другими, с общим благом! Все это не нужно человеку, как я понял. Это знали и некоторые мудрецы древности.

— Вы никогда не думали о других, Бет Лон, — прервал его африканец. — Уступая себе во всем, кем вы стали теперь — насильник, почти животное!

Математик сделал движение, собираясь броситься на Мвена Маса, но сдержал себя.

— Довольно, вы говорите слишком много!

— Я вижу, что вы утратили слишком много, и хочу...

— А я не хочу! Прочь с дороги!..

Мвен Мас не шелохнулся. Наклонив голову, он уверенно и грозно стоял перед Бетом Лоном, чувствуя прикосновение вздрагивающего плеча девушки. И эта дрожь наполняла его ожесточением гораздо сильнее, чем полученные удары.

Математик, не шевелясь, смотрел в источавшие гневное пламя глаза африканца.

— Идите, — шумно выдохнул он, отступая с тропинки.

Мвен Мас снова взял за руку Онар и повел ее между кустов, чувствуя ненавидящий взгляд Бета Лона. У поворота тропинки Мвен Мас остановился так внезапно, что Онар уткнулась в его спину.

— Бет Лон, вернемся вместе в Большой Мир!

Математик рассмеялся с прежней беспечностью, но чуткое ухо Мвена Маса уловило нотку горечи в наглой браваде.

— Кто вы такой, чтобы предлагать мне это? Знаете ли вы?..

— Знаю. Я тот, кто также сделал запрещенный опыт, погубил доверившихся мне людей. Я шел близко от вашего пути в исследовании, и мы... Вы, и я, и другие уже накануне победы! Вы нужны людям, но не такой...

Математик шагнул к Мвену Масу и опустил глаза, но вдруг повернулся и презрительно бросил через плечо грубые слова отрицания. Мвен Мас безмолвно пошел по тропе.

До пятого поселка оставалось около десяти километров.

Узнав, что девушка одинока, африканец посоветовал ей уйти на восточное побережье, в приморские поселки, чтобы не встречаться более с жестоким и грубым человеком. Бывший знаменитый ученый становился тираном в тихой и разобщенной жизни маленьких поселков горной области. Чтобы предупредить последствия, Мвен Мас решил сразу же идти в поселок и просить о наблюдении за этим человеком. Мвен Мас попрощался с Онар у входа в поселок. Девушка рассказала ему, что недавно в лесах куполовидной горы будто бы появились тигры, убежавшие из заповедника или до сих пор еще сохранившиеся в непроницаемых дебрях, окружавших высочайшую гору острова. Крепко схватив его за руку, она просила быть осторожнее и ни за что не идти через горы ночью. Мвен Мас быстро зашагал назад. Раздумывая над случившимся, он видел перед собой последний взгляд девушки, полный тревоги и преданности. Впервые Мвен Мас подумал об истинных героях древнего прошлого — людях, которые среди унижения, злобы и физических страданий, в могучем царстве звериного себялюбия, совершили свой самый трудный подвиг — остались настоящими, хорошими людьми.

Двойственность жизни всегда ставила перед людьми свои противоречия. В древнем мире, среди опасностей и унижения, сила любви, преданности и нежности необычайно возрастала именно на краю гибели, во враждебном и грубом окружении. Подчинение прихоти грубой силы делало все мимолетным и неустойчивым. Судьба отдельного человека могла в любой мо-

мент измениться самым резким образом, обрекая на крушение его планы, надежды и помыслы, потому что в плохо устроенном обществе древности слишком многое зависело от случайных людей. Но эта древняя мимолетность надежд, любви и счастья, вместо того чтобы ослаблять, усиливала чувство.

Вот почему лучшее в человеке не могло погибнуть, несмотря на тяжкие испытания рабства Темных веков или Эры Разобщенного Мира.

Впервые африканец подумал, что в древней жизни, представлявшейся всем современным людям такой трудной, были и счастье, и надежды, и творчество, подчас, может быть, более сильные, чем теперь, в гордую Эру Кольца.

Мвен Мас почти со злобой вспомнил теоретиков науки тех времен, опиравшихся на ложно понятую медленность изменения видов в природе и предвещавших, что человечество не станет лучше в течение миллиона лет.

Если бы они больше любили людей и знали диалектику развития, подобная нелепость никогда не могла бы прийти им в голову!

За круглым плечом гигантской горы закат окрасил ее облачное покрывало. Мвен Мас бросился в речку.

Освежившись и окончательно успокоившись, он уселся на плоском камне, чтобы обсохнуть и отдохнуть. До наступления ночи ему не удалось дойти до городка, и он рассчитывал перевалить через гору при восходе луны. В задумчивости созерцая бурлящую по камням воду, африканец внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд, но никого не увидел. Это ощущение следящих за ним невидимых глаз тяготило Мвена Маса и тогда, когда он перешел речку и начал подъем.

Мвен Мас быстро шел по укатанной повозками дороге на плато в тысячу восемьсот метров высоты, поднимаясь с уступа на уступ, чтобы перевалить лесистый отрог горы и кратчайшим путем попасть к городку. Узкий серп молодой луны мог освещать путь не более полутора часов. Одолеть крутую горную тропу в безлунной ночи было бы очень трудно. Мвен Мас торопился. Редкие и невысокие деревья отбрасывали длинные тени, ложившиеся чередой черных полос на высветленную луной сухую землю. Мвен Мас шагал, внимательно глядя под ноги, чтобы не запнуться за бесчисленные мелкие корни, и думал.

Грозное ворчание, стелившееся по земле, сотрясая почву, раздалось в отдалении справа, где склон отрога полого поднимался и тонул в глубокой тени. Ему откликнулся низкий рев в лесу среди пятен и полос лунного света. В этих звуках чувствовалась сила, проникавшая в глубину души, будившая в ней дав-

но забытые чувства страха и обреченности жертвы, выбранной непобедимым хищником. Как противодействие древнему ужасу, загорелась не менее древняя ярость борьбы — наследие бесчисленных поколений безымянных героев, отстаивавших право человеческого рода на жизнь среди мамонтов, львов, исполинских медведей, бешеных быков и безжалостных волчьих стай, в изнуряющие дни охот и в ночи упорной обороны.

Мвен Мас постоял, озираясь и сдерживая дыхание. Ничто не шелохнулось в ночной тиши, но едва Мвен Мас сделал несколько шагов по тропе, как понял, что его преследуют по пятам. Тигры? Неужели сведения Онар оказались верными?

Мвен Мас пустился бежать, стараясь сообразить, что ему делать, когда хищники — их, несомненно, было два — набросятся на него.

Спасаться на невысоких деревьях, на которые тигр лазает лучше человека, бессмысленно. Сражаться? Вокруг были только камни, даже порядочной дубины не отломать от этих крепких, как железо, ветвей. И когда рычание раздалось сзади совсем близко, Мвен Мас понял, что погиб. Простертые над пыльной тропой ветви деревьев душили африканца. Ему хотелось почерпнуть мужество последних минут из вечных глубин звездного неба, изучению которых была отдана вся его прошлая жизнь. Мвен Мас понесся громадными прыжками. Судьба благоволила ему — он выскочил на опушку большой поляны. В центре ее он заметил груду рассыпанных каменных обломков, бросился туда, схватил тридцатикилограммовую остроугольную глыбу и повернулся к лесу. Теперь он увидел движущиеся неясные призраки. Полосатые, они терялись среди перекрещивавшихся теней редколесья. Луна уже коснулась своим краем верхушек деревьев. Удлинившиеся тени легли поперек поляны, и по ним, как по черным дорогам, две огромные кошки стали подползать к Мвену Масу. Как тогда, в подземной комнате Тибетской обсерватории, Мвен Мас почувствовал надвигающуюся смерть. Теперь она возникла не изнутри его, а извне, горела зеленым пламенем в фосфорических глазах хищников. Мвен Мас вдохнул налетевший в знойной духоте порыв ветра, посмотрел вверх, на сияющую славу космоса, и выпрямился, подняв над головой камень.

— Я с тобой, товарищ!

Высокая тень метнулась на поляну из тьмы склона, угрожающе поднимая корявый сук. Изумленный Мвен Мас на секунду забыл о тиграх, узнав математика. Бет Лон, почти бездыханный от бешеной гонки, встал рядом с Мвеном Масом, ловя воздух раскрытым ртом. Громадные кошки, отпрянувшие сна-

чала назад, опять начали неумолимо придвигаться. Тигр слева был уже в тридцати шагах. Вот он подтянул под себя задние лапы, готовясь прыгнуть.

— Скорей! — разнесся на всю поляну звучный крик.

Бледные вспышки гранатометов замелькали с трех сторон за спиной Мвена Маса, выронившего от неожиданности свое оружие. Ближайший тигр вздыбился во весь рост, парализующие гранаты лопнули барабанными ударами, и хищник опрокинулся на спину. Второй сделал скачок в сторону леса. Оттуда появились еще три силуэта верховых людей. Стеклянная граната с мощным электрическим зарядом разбилась о лоб тигра, и он вытянулся, уткнув тяжелую голову в сухую траву.

Один из всадников вырвался вперед. Никогда еще Мвену Масу не казалась такой красивой рабочая одежда Большого Мира — широкие, короткие, выше колен, штаны, свободная рубашка синего искусственного льна с раскрытым воротом и двумя карманами на груди.

— Мвен Мас, я чувствовала, что вы в опасности!

Разве он мог не узнать этот высокий голос, сейчас звучавший такой тревогой! Чара Нанди!

Он забыл ответить и стоял неподвижно, пока девушка не спрыгнула и не подбежала к нему. Следом подъехали пятеро ее спутников. Мвен Мас не успел их рассмотреть, так как серпик луны скрылся за лесом и душная темнота ночи скрыла лес и поляну. Рука Чары нашла локоть Мвена Маса. Он взял тонкое запястье девушки и приложил ее ладонь к своей груди, где взволнованно колотилось сердце. Едва ощутимо кончики пальцев Чары погладили выпуклую пластину мускула, и эта легкая ласка доставила Мвену Масу неиспытанный покой.

— Чара, это Бет Лон, новый друг...

Мвен Мас повернулся и обнаружил, что математик исчез. Тогда он крикнул в темноту изо всех сил:

— Бет Лон, не уходите!

— Я приду! — раздался издалека мощный голос, и в нем не было уже горькой наглости.

Один из спутников Чары — видимо, руководитель группы — снял притороченный позади седла сигнальный фонарь. Слабый свет вместе с невидимым радиолучом устремился в небо. Мвен Мас сообразил, что прибывшие ждут летательный аппарат. Все пятеро оказались мальчиками — работниками истребительного отряда, выбравшими одним из своих подвигов Геркулеса дозорную службу борьбы с вредными животными на острове Забвения. Чара Нанди присоединилась к отряду в поисках Мвена Маса.

— Вы ошибаетесь, считая нас столь проницательными, — сказал руководитель, когда все уселись вокруг фонаря и Мвен Мас приступил к неизбежным расспросам. — Нам помогла девушка с древнегреческим именем.

— Онар! — воскликнул Мвен Мас.

— Да, Онар. Наш отряд подходил к пятому поселку с юга, когда примчалась едва живая от усталости девушка. Она подтвердила слухи о тиграх, которые привели нас сюда, и убедила ехать за вами немедленно, боясь, что на вас могут напасть тигры, когда вы будете возвращаться в городок через горы. И видите, мы едва успели. Сейчас придет грузовой винтолет, и мы отправим ваших временно парализованных врагов в заповедник. Если они окажутся на самом деле людоедами, их истребят. Но нельзя погубить такую большую редкость без испытания.

— Какого испытания?

Мальчик поднял брови.

— Это вне нашей компетенции. Вероятно, прежде всего их *успокоят — сделают вливание понизителя жизненной активности*. Став на время слабым, тигр многому научится...

Громкий дрожащий звук прервал юношу. Сверху медленно опускалась темная масса. Ослепительный свет залил поляну. Полосатые кошки были заключены в мягкие контейнеры для хрупких грузов. Плохо видимая в темноте громада корабля исчезла, открыв поляну спокойному свету звезд. С тиграми отправился один из пятерых мальчиков, а его лошадь отдали Мвену Масу.

Кони африканца и Чары шли рядом. Дорога спускалась в долину речки Галле, в устье которой, на побережье, находились медицинская станция и база истребительного отряда.

— В первый раз на острове я еду к морю, — нарушил молчание Мвен Мас. — До сих пор мне казалось, что море — запретная стена, навсегда заградившая мой мир.

— Остров был для вас новой школой? — полувопросительно и радостно сказала Чара.

— Да. В короткий срок я пережил и передумал очень много. Все эти мысли давно бродили во мне...

Мвен Мас поведал о своих давних опасениях, что человечество развивается слишком рационально, слишком технично, повторяя, конечно, в несравненно менее уродливой форме ошибки древности. Ему показалось, что на планете Эпсилон Тукана очень похожее и столь же прекрасное человечество больше позаботилось о совершенстве эмоциональной стороны психики.

— Я много страдала от ощущения неполной гармонии с жизнью, — помолчав, ответила девушка. — Мне надо было

больше от чего-то древнего и гораздо меньше от окружающего. Я мечтала об эпохе нерастраченных сил и чувств, накопленных еще первобытным отбором в век Эроса, когда-то бывшим в античном Средиземноморье. И всегда стремилась пробудить настоящую силу чувств в своих зрителях. Но, пожалуй, только Эвда Наль до конца поняла меня.

— И Мвен Мас, — серьезно добавил африканец. И, глядя в широко открытые глаза Чары, он рассказал ей, как однажды она явилась ему меднокожей дочерью Тукана.

Девушка подняла лицо, и при робком свете начинавшейся зари Мвен Мас увидел глаза, такие огромные и глубокие, что ощутил легкое головокружение, отодвинулся и рассмеялся.

— Когда-то наши предки в своих романах о будущем представляли нас полуживыми рахитиками с переразвитым черепом. Несмотря на миллионы зарезанных и замученных животных, они долго не понимали мозговой машины человека, потому что лезли с ножом туда, где нужны были тончайшие измерители молекулярных и атомных масштабов. Теперь мы знаем, что сильная деятельность разума требует могучего тела, полного жизненной энергии, но это же тело порождает сильные эмоции.

— И мы по-прежнему живем на цепи разума, — согласилась Чара Нанди.

— Многое уже сделано, но все же интеллектуальная сторона у нас ушла вперед, а эмоциональная отстала... О ней надо позаботиться, чтобы не ей требовалась цепь разума, а подчас разуму — ее цепь. Мне это стало представляться таким важным, что я намерен написать книгу.

— О, конечно! — пылко воскликнула Чара, смутилась и продолжала: — Мало больших ученых отдавало себя исследованию законов прекрасного и полноты чувств... Я говорю не о психологии.

— Я понимаю вас! — отвечал африканец, любуясь девушкой, от смущения выше поднявшей гордую голову навстречу лучам восхода, опять придавшим ее коже цвет красной меди.

Чара легко и свободно сидела на высоком вороном коне, ступавшем в такт с рыжей лошадью Мвена Маса.

— Мы отстали! — воскликнула девушка, давая повод, и тотчас ее лошадь ринулась вперед.

Африканец догнал ее, и оба понеслись рядом по старой дороге. Поравнявшись со своими юными товарищами, они придержали коней, и Чара повернулась к Мвену Масу:

— А эта девушка, Онар?..

— Ей надо побывать в Большом Мире. Вы сами сказали, что на острове она осталась случайно из-за привязанности к

приехавшей сюда и недавно умершей матери. Онар было бы хорошо работать у Веды — на раскопках нужны чуткие и нежные женские руки. Да есть еще тысячи дел, где они нужны. И Бет Лон, новый, который вернется к нам, найдет ее по-новому!..

Чара сдвинула брови, пристально взглянула на Мвена Маса.

— А вы не уйдете от своих звезд?

— Каково бы ни было решение Совета, я буду продолжать дело космоса. Но сначала мне надо написать о...

— Звездах человеческих душ?

— Верно, Чара! Дух захватывает от их величайшего многообразия... -- Мвен Мас умолк, заметив, что девушка смотрит на него с нежной улыбкой. — Вы не согласны с этим?

— Конечно согласна! Я думала о вашем опыте. Вы проделали его из страстного нетерпения дать полноту мира людям. В этом вы тоже художник, не ученый.

— А Рен Боз?

— У него опыт — лишь очередной шаг по его дороге исследования.

— Вы оправдываете меня, Чара?

— Полностью! И я уверена, что еще много людей, большинство!

Мвен Мас перехватил поводья в левую руку, а правую протянут Чаре. Они въехали в маленький поселок станции.

Волны Индийского океана мерно грохотали над обрывом. В их шуме Масу слышалась ритмичная поступь басов в симфонии Зига Зора об устремляющейся в космос жизни. И мощная нота, основная нота земной природы — синее фа, — пела над морем, заставляя человека откликаться всей душой, сливаясь с *породившей его природой*.

Океан — прозрачный, сияющий, не загрязняемый более отбросами, очищенный от хищных акул, ядовитых рыб, моллюсков и опасных медуз, как очищена жизнь современного человека от злобы и страха прежних веков. Но где-то в необъятных просторах океана есть тайные уголки, в которых прорастают уцелевшие семена вредной жизни, и только бдительности истребительных отрядов мы обязаны безопасностью и чистотой океанских вод.

Разве не так же в прозрачной юной душе вдруг вырастают злобное упорство, самоуверенность кретина, эгоизм животного? Тогда, если человек не подчиняется авторитету общества, направленного к мудрости и добру, а руководится своим случайным честолюбием и личными страстями, мужество обращается в зверство, творчество — в жестокую хитрость, а преданность и самопожертвование становятся оплотом тирании, жестокой экс-

плуатации и надругательства... Легко срывается покров дисциплины и общественной культуры — всего одно-два поколения плохой жизни. Мвен Мас заглянул в этот лик зверя здесь, на острове Забвения. Если не сдержать его, а дать волю — расцветет чудовищный деспотизм, все топчущий под собой и столько веков навязывавший человечеству бессовестный произвол.

Самое поразительное в истории Земли — это возникновение неугасимой ненависти к знанию и красоте, обязательное в злобных невеждах. Эти недоверие, страх и ненависть проходят через все человеческие общества, начиная от страха перед первобытными колдунами и ведьмами и кончая избиениями опережавших свое время мыслителей в Эру Разобщенного Мира. Это было и на других планетах с высокоразвитыми цивилизациями, но еще не сумевших уберечь свой общественный строй от произвола маленьких групп людей — олигархии, возникавшей внезапно и коварно в самых различных видах... Мвен Мас вспомнил сообщения по Кольцу о населенных мирах, где высшие достижения науки применялись для запугивания, пыток и наказаний, чтения мыслей, превращения масс в покорных полуидиотов, готовых исполнять любые чудовищные приказы. Вопль о помощи с такой планеты прорвался в Кольцо и летел в пространстве уже многие сотни лет после того, как погибли и пославшие его люди, и жестокие их правители.

Наша планета находится уже на такой стадии развития, что подобные ужасы навсегда стали немыслимыми. Но все еще недостаточно духовное развитие человека, о котором неусыпно пекутся люди, подобные Эвде Наль...

— Художник Карт Сан говорил, что мудрость — это сочетание знания и чувств. Будем мудрыми! — раздался позади голос Чары.

И, промчавшись мимо африканца, Чара бросилась с высоты в шумящую пучину.

Мвен Мас видел, как она плавно перевернулась в воздухе, крылато раскинула руки и исчезла в волнах. Купавшиеся внизу мальчики истребительного отряда замерли. По спине Мвена Маса пробежал холодок восхищения, граничащего с испугом. Никогда африканец не прыгал с такой безумной высоты, но сейчас он бесстрашно встал на краю обрыва, снимая одежду. После он вспоминал, что в смутных мгновенных мыслях Чара показалась ему богиней древних людей, которая все может. Если может она, то и он!

Слабый предостерегающий крик девушки возник в шуме волн, но Мвен Мас, ринувшись вниз, его не услышал. Полет был блаженно долог. Хороший мастер прыжков, Мвен Мас

точно вошел в воду и погрузился очень глубоко. Море было так удивительно прозрачно, что дно показалось ему опасно близким. Африканец изогнул тело и получил такой оглушающий удар непогашенной инерции, что на мгновение все перестало существовать для него. Стремительной ракетой Мвен Мас вылетел на поверхность, опрокинулся на спину и закачался на волнах. Очнувшись, он увидел подплывавшую Чару Нанди. Впервые бледность испуга заставила потускнеть яркую бронзу загара девушки. Укор и восхищение светились в ее взгляде.

— Зачем вы сделали это? — едва дыша, прошептала она.

— Потому, что это сделали вы. Я пойду за вами везде... строить наш Эпсилон Тукана на нашей Земле!

— И вернетесь со мной в Большой Мир?

— Да!

Мвен Мас перевернулся, чтобы плыть дальше, и вскрикнул от неожиданности. Поразительная прозрачность моря, сыгравшая с ним плохую шутку, здесь, в отдалении от берега, стала еще большей. Они с Чарой словно парили на головокружительной высоте над дном, видимым в мельчайших деталях через неимоверно чистую воду, как сквозь воздух. Мвена Маса обуяла отвага и торжество, которое испытывали люди, попавшие за пределы земного тяготения. Полеты в бурю по океану, прыжки в черную бездну космоса с искусственных спутников вызывали такие же ощущения безграничной удали и удачи. Мвен Мас рывком подплыл к Чаре, шепча ее имя и читая горячий ответ в ее ясных и отважных глазах. Их руки и губы соединились над хрустальной бездной.

Глава двенадцатая
СОВЕТ ЗВЕЗДОПЛАВАНИЯ

Совет Звездоплавания издавна обладал собственным зданием для научных сессий, как и главный мозг планеты — Совет Экономики. Считалось, что специально приспособленное и украшенное помещение должно настраивать собравшихся на проблемы космоса и тем способствовать быстрейшему переключению с земных на звездные дела.

Чара Нанди еще никогда не бывала в главном зале Совета. С волнением она вошла в сопровождении Эвды Наль в этот странный яйцевидный зал с выгнутым параболически потолком и поверхностью эллиптических рядов сидений. По залу разливался розовато-фиолетовый свет, точно в самом деле собранный с другой звезды. Все линии стен, потолка, сидений схо-

дились в конце огромного зала, казавшемся их естественным средоточием. Там на возвышении находились демонстрационные экраны, трибуна и сиденья для руководителей заседания — членов Совета.

Золотисто-матовые панели стен пересекал ряд рельефных карт. По правой стороне шли карты планет солнечной системы, по левой — планет ближайших звезд, изученных экспедициями Совета. Второй ряд под голубым обрезом потолка занимали начерченные лучащимися красками схемы населенных звездных систем, полученные от соседей по Великому Кольцу.

Внимание Чары привлекла старинная, потемневшая и, видимо, уже не раз реставрировавшаяся картина над трибуной.

Черно-фиолетовое небо занимало всю верхнюю часть громадного полотна. Маленький серп чужой луны бросал белесый, мертвенный свет на беспомощно поднятую вверх корму старинного звездолета, грубо обрисовавшуюся на багровом закате. Ряды уродливых синих растений, сухих и твердых, казались металлическими. В глубоком песке едва брел человек в легком защитном скафандре. Он оглядывался на разбитый корабль и вынесенные из него тела погибших товарищей. Стекла его маски отражали только багровые блики заката, но неведомым ухищрением художник сумел выразить в них беспредельное отчаяние одиночества в чужом мире. На невысоком бугре справа по песку ползло нечто живое, бесформенное и отвратительное. Крупная надпись под картиной: «Остался один» — была столь же коротка, сколь выразительна.

Захваченная картиной, девушка сразу не заметила искусную архитектурную выдумку — расположение сидений веерообразными уступами, так что из галерей, скрытых в основаниях рядов, к каждому месту был отдельный проход. Каждый ряд оказывался изолированным от соседнего — верхнего или нижнего. Только усевшись с Эвдой, Чара обратила внимание на старинную отделку кресел, пюпитров и барьеров, сделанных из натурального жемчужно-серого африканского дерева. Теперь никто не стал бы затрачивать так много работы на то, что могло бы быть отлито и отполировано за несколько минут. Может быть, из свойственного людям уважения к старине дерево показалось Чаре теплее и живее пластмассы. Она с нежностью погладила изогнутый подлокотник, не переставая разглядывать зал.

Народу, как всегда, собралось много, хотя мощные телепередатчики должны были разнести по всей планете отображение всего происходившего. Секретарь Совета Мир Ом по обыкновению оглашал короткие сообщения, накопившиеся со времени прошлого заседания. Из нескольких сот человек, находив-

шихся в зале, нельзя было найти ни одного невнимательного, занятого собою лица. Чуткая внимательность ко всему была характернейшей чертой людей эпохи Кольца. Но Чара пропустила первое сообщение, продолжая рассматривать зал и читая изречения знаменитых ученых, начертанные под картами планет. Особенно понравился ей написанный под Юпитером призыв быть чутким к явлениям природы: «Смотрите, как повсюду окружают нас непонятные факты, как лезут в глаза, кричат в уши, но мы не видим и не слышим, какие большие открытия таятся в их смутных очертаниях». В другом месте была еще одна надпись: «Нельзя просто поднять завесу неизвестного — только после упорного труда, отходов, боковых уклонений мы начинаем ловить истинный смысл, и новые необъятные перспективы раскрываются перед нами. Не избегайте никогда того, что кажется сначала бесполезным и необъяснимым».

Движение на трибуне — и в зале померк свет. Спокойный сильный голос секретаря Совета дрогнул от волнения.

— Вы увидите то, что еще недавно казалось абсолютно невозможным, — снимок нашей Галактики со стороны. Более ста пятидесяти тысячелетий — полторы галактические минуты тому назад — жители планетной системы... — Чара пропустила ряд ничего не говоривших ей цифр — ...в созвездии Центавра обратились к обитателям Большого Магелланова облака — единственно близкой к нам внегалактической системы звезд, о которой известно, что там есть мыслящие миры, способные сноситься по Кольцу с нашей Галактикой. Мы еще не можем определить точное местонахождение этой магелланийской планетной системы, но тоже приняли их передачу — снимок нашей Галактики. Вот он!

На громадном экране засияло далеким серебряным светом широкое, сужавшееся к концам скопление звезд. Глубочайший мрак пространства затоплял края экрана. Такой же чернотой зияли прогалины между спиральными, разлохмаченными на концах ветвями. Бледное сияние одевало кольцо шаровых скоплений этих самых древних звездных систем нашей Вселенной. Плоские звездные поля перемежались с облаками и полосами черной остывшей материи. Снимок был сделан из неудобного поворота — Галактика пришлась сильно вкось и сверху, так что центральное ядро едва выступало горящей выпуклой массой в середине узкой чечевицы. Очевидно, для полного представления о нашей звездной системе нужно было запрашивать более отдаленные галактики, расположенные выше по галактической широте. Но еще ни одна галактика не подала признаков разумной жизни за время существования Великого Кольца.

Люди Земли, не отрываясь, смотрели на экран. Впервые человек смог взглянуть на свою звездную Вселенную со стороны, из чудовищной дали пространства.

Чаре показалось, что вся планета затаила дыхание, рассматривая свою Галактику в миллионах экранов на всех шести материках и на океанах, где только были разбросаны островки человеческой жизни и труда.

— С новостями, принятыми нашей обсерваторией по Кольцу и еще не поступавшими в мировую информацию, покончено, — снова заговорил секретарь. — Перейдем теперь к проектам, которые должны подвергнуться широкому обсуждению.

Предложение Юты Гай о создании искусственной, годной для дыхания атмосферы Марса путем выделения легких газов из глубинных горных пород автоматическими установками признано заслуживающим внимания, так как подкреплено серьезными расчетами. Будет получен воздух, достаточный для дыхания и теплоизоляции наших поселков, которые выйдут из тепличных сооружений. Много лет назад, после открытия нефтяных океанов и гор из твердых углеводородов на Венере, были запущены автоматические установки для создания искусственной атмосферы под гигантскими колпаками из прозрачных пластмасс. Они дали возможность насадить растения и устроить заводы, снабжающие человечество любыми продуктами органической химии в колоссальных количествах.

Секретарь отложил в сторону металлическую пластинку и приветливо улыбнулся. В ближнем к трибуне конце рядов сидений появился Мвен Мас в темно-красной одежде, угрюмый, торжественный и спокойный. В знак уважения к собранию он поднял над головой сложенные руки и сел.

Секретарь сошел с трибуны, уступив место молодой женщине с короткими золотыми волосами и удивленным взглядом зеленых глаз. Председатель Совета Гром Орм встал рядом.

— Обычно мы сами оповещаем о новых предложениях. Но вы услышите почти законченное исследование. Сам автор Ива Джан сообщит вам материал для ответственного раздумья.

Зеленоглазая женщина стала говорить сдавленным от застенчивости голосом. Ива начала с того общеизвестного факта, что растительность южных материков отличается голубоватым цветом листвы, характерным для древних форм земных растений. Как показало исследование растительности других планет, голубая листва свойственна более прозрачным, чем земная, атмосферам или же возникает при более жесткой, чем у Солнца, ультрафиолетовой радиации светила.

— Наше Солнце, устойчивое в своей красной радиации, нестабильно в голубой и ультрафиолетовой и около двух миллионов лет назад испытало резкое изменение фиолетовой радиации, продолжавшееся долго.

Тогда появились голубоватые растения, черная окраска у птиц и зверей, живших на открытых пространствах, черные яйца у птиц, гнездившихся в не защищенных тенью местах. В это время наша планета стала неустойчивой относительно оси своего вращения из-за изменения электромагнитного режима солнечной системы. Давно уже появились проекты перекачки морей в материковые впадины, чтобы нарушить установившееся равновесие и изменить положение земного шара относительно своей оси. Это было во времена, когда астрономы основывались лишь на элементарной механике тяготения, совершенно не принимая во внимание электромагнитного равновесия системы, гораздо более изменчивого, чем гравитация. Нам следует подойти к решению вопроса именно с этой стороны, что окажется значительно проще, дешевле и скорее. Вспомним, как в начале звездоплавания создание искусственного тяготения требовало такого расхода энергии, что было практически невозможным. Теперь, после открытия разложения мезонных сил, наши корабли снабжены простыми и надежными аппаратами искусственной гравитации. Так и опыт Рен Боза намечает обходной путь для действенного и быстрого изменения режима вращения Земли...

Ива Джан умолкла. Группа из шести человек — герои экспедиции на Плутон, сидевшие все вместе в центре зала, — стала приветствовать ее, протягивая сложенные ладони. Щеки молодой женщины вспыхнули. На экране появились призрачные контуры стереометрических чертежей.

— Я знаю, что вопрос может быть расширен. Теперь можно думать об изменении даже орбит планет и, в частности, о приближении Плутона к Солнцу, чтобы воскресить эту некогда обитаемую планету чужой звезды. Но сейчас я имею в виду лишь сдвиг нашей Земли относительно оси для улучшения климатических условий материкового полушария.

Опыт Рен Боза показал, что возможна инверсия гравитационного поля в его второй аспект — электромагнитное поле, с последующей векториальной поляризацией вот в этих направлениях...

Фигуры на экране вытягивались и поворачивались. Ива Джан продолжала:

— Тогда вращение планеты лишится устойчивости и Земля может быть повернута в желаемое положение для наиболее выгодного и длительного освещения солнечными лучами.

На длинном стекле под экраном потянулись ряды заранее вычисленных машинами параметров, и каждый, кто мог понять эти символы, убеждался, что проект Ивы Джан, во всяком случае, не беспочвен.

Ива Джан остановила движение чертежей и символов и, склонив голову, сошла с трибуны. Слушатели оживленно переглядывались и перешептывались. Обменявшись незаметными жестами с Громом Ормом, на трибуне появился молодой начальник экспедиции на Плутон.

— Несомненно, что опыт Рен Боза поведет к триггерной реакции — вспышке важнейших открытий. Мне он представляется ведущим к прежде недоступным далям науки. Так было с квантовой теорией — первому приближению к пониманию репагулюма, или взаимоперехода, с последовавшим затем открытием античастиц и антиполей. Потом последовало репагулярное исчисление, ставшее победой над принципом неопределенности древнего физика Гейзенберга. И, наконец, Рен Боз сделал следующий шаг к анализу системы «пространство—поле», придя к пониманию антигравитации и антипространства, или, по закону репагулюма, к нуль-пространству. Все непризнанные теории в конце концов стали фундаментом науки!

От группы исследователей Плутона я предлагаю передать вопрос в мировую информацию для обсуждения. Поворот планеты относительно оси уменьшит расход энергии на подогревание полярных областей, еще больше сгладит полярные фронты, повысит водный баланс материков.

— Ясен ли вопрос для постановки на голосование? — спросил Гром Орм.

В ответ вспыхнуло множество зеленых огоньков.

— Тогда начнем! — сказал председатель и сунул руку под пюпитр своего кресла.

Там находились три кнопки сигналов счетной машины: правая означала «да», средняя — «нет», левая — «не считаю возможным высказаться». Каждый член Совета тоже послал незаметный для других сигнал. Нажали кнопки и Эвда Наль с Чарой. Отдельная машина считала мнения слушателей для контроля правильности решения Совета.

Через несколько секунд загорелись большие знаки на демонстрационных экранах — вопрос был принят для обсуждения всей планетой.

На трибуну взошел сам Гром Орм.

— По причине, которую я прошу разрешения скрыть до окончания дела, следует рассмотреть сейчас поступок бывшего заведующего внешними станциями Совета Мвена Маса, а за-

тем решать вопрос о тридцать восьмой звездной экспедиции. Доверяет ли Совет основательности моих мотивов?

Зеленые огни были единодушным ответом.

— Всем ли известно случившееся в подробностях?

Снова каскад зеленых вспышек.

— Это ускорит дело. Я попрошу бывшего заведующего внешними станциями Совета Мвена Маса изложить мотивы своего поступка, приведшего к столь роковым последствиям. Физик Рен Боз еще не оправился от полученных ранений и не вызван нами как свидетель. Ответственности он не подлежит.

Гром Орм заметил красный огонь у сиденья Эвды Наль.

— Вниманию Совета! Эвда Наль хочет добавить к сообщению о Рен Бозе.

— Я прошу выступить вместо него.

— По каким мотивам?

— Я люблю его!

— Вы выскажетесь после Мвена Маса.

Эвда Наль погасила красный сигнал и села.

На трибуне появился Мвен Мас. Спокойно, не щадя себя, африканец рассказывал об ожидавшихся результатах опыта. О своем поразительном видении, реальность которого, к сожалению, не может быть доказана. Поспешность в производстве опыта, вызванная секретностью и незаконностью поступка, привела к тому, что они не продумали особых приборов для записи, рассчитывая на обычные памятные машины, приемники которых оказались разрушенными в первое же мгновение. Ошибкой было и проведение опыта на спутнике. Следовало прицепить к спутнику 57 старый планетолет и попытаться установить на нем приборы для ориентировки вектора. Во всем этом виноват он, Мвен Мас. Рен Боз занимался установкой, а вынесение опыта в космос находилось в компетенции заведующего внешними станциями.

Чара стиснула руки — обвинительные аргументы Мвена Маса показались ей вескими.

— Наблюдатели погибшего спутника знали о возможной катастрофе? — спросил Гром Орм.

— Да, были предупреждены и с радостью согласились.

— Меня не удивляет то, что они согласились, — тысячи молодых людей принимают участие в опасных опытах, ежегодно происходящих на нашей планете. Случается, и гибнут... И новые идут с не меньшим мужеством, — хмуро возразил Гром Орм, — на войну с неизвестным. Но вы, предупреждая молодых людей, тем самым подозревали возможность такого исхода. И все же произвели рискованный опыт...

Мвен Мас молча опустил голову.

Чара, не отводившая глаз от него, подавила тяжелый вздох, почувствовав на плече руку Эвды Наль.

— Изложите причины, побудившие вас пойти на это, — после паузы сказал председатель Совета.

Африканец снова заговорил, на этот раз со страстным волнением. Он рассказал, как с юности взывали к нему укором миллионы безымянных могил людей, побежденных неумолимым временем, как нестерпимо было не попытаться сделать, впервые за всю историю человечества и многих соседних миров, шаг к победе над пространством и временем, поставить первую веху на этом великом пути, на который устремились бы немедленно сотни тысяч могучих умов. Он счел себя не вправе отложить — может быть, на столетие — опыт только из-за того, чтобы не подвергать немногих людей опасности, а себя — ответственности.

Мвен Мас говорил, и сердце Чары билось сильнее от гордости за своего избранника. Вина африканца стала казаться не столь уж тяжкой.

Мвен Мас вернулся на место и стал ожидать решения на виду у всех.

Эвда Наль передала магнитофонную запись речи Рен Боза. Его слабый, задыхающийся голос загремел на весь зал через усилители. Физик оправдывал Мвена Маса. Не зная всей сложности вопроса, заведующему внешними станциями оставалось только довериться ему, Рен Бозу, а тот убедил его в обязательном успехе. Но физик не считал и себя виноватым. «Ежегодно, — говорил он, — ставятся менее важные опыты, иногда кончающиеся трагически. Наука — борьба за счастье человечества — так же требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а ученым — крупные шаги вперед...»

Рен Боз закончил кратким разбором опыта и своих ошибок с уверенностью в будущем успехе. Запись речи окончилась.

— Рен Боз ничего не сказал о своих наблюдениях во время опыта, — поднял голову Гром Орм, обращаясь к Эвде Наль. — Вы хотели говорить за него.

— Я предвидела вопрос и попросила слова, — ответила Эвда. — Рен Боз потерял сознание через несколько секунд после включения Ф-станций и более ничего не видел. Находясь на грани обморока, он заметил и запомнил лишь показания приборов, свидетельствующие о появлении нуль-пространства. Вот его запись по памяти.

На экране появилось несколько цифр, немедленно переписанных множеством людей.

— Позвольте мне добавить еще от Академии Горя и Радости, — вновь заговорила Эвда. — Подсчет народных высказываний после катастрофы дает следующее...

Ряды восьмизначных цифр потянулись на экране, распадаясь по графам осуждения, оправдания, сомнения в научном подходе, обвинений в поспешности. Но общий итог, несомненно, был в пользу Мвена Маса и Рен Боза, и лица присутствующих прояснились.

Загорелся красный сигнал на противоположной стороне зала, и Гром Орм дал слово астроному тридцать седьмой звездной — Пур Хиссу. Тот заговорил громко и темпераментно, делая длинными руками неуклюжие жесты и выпячивая кадык.

— Мы с группой товарищей-астрономов осуждаем Мвена Маса. Его поступок — проведение опыта без Совета — внушает подозрение, что Мвен Мас действовал не так бескорыстно, как это старались представить здесь высказывавшиеся!

Чара запылала от негодования и осталась на месте, только подчиняясь холодному взгляду Эвды Наль.

Пур Хисс умолк.

— Ваши обвинения тяжелы, но не обоснованы, — возразил по разрешению председателя Мвен Мас, — уточните, что вы подразумеваете под корыстью.

— Бессмертная слава при полном успехе опыта — вот корыстная подоплека вашего поступка. А трусость — вы боялись, что вам откажут в разрешении на опыт, потому и действовали поспешно и тайно.

Мвен Мас широко улыбнулся, по-детски развел руками и молча сел. Во всем облике Пур Хисса появилось злобное торжество.

Эвда Наль повторно попросила слова.

— Высказывание Пур Хисса поспешно и слишком злобно для решения серьезного вопроса. Его взгляды на тайные мотивы поступков относят нас ко времени Темных веков. Так говорить о какой-то бессмертной славе могли только люди далекого прошлого. Не находя радости и полноты в своей настоящей жизни, не чувствуя себя частицей всего творящего человечества, они страшились неизбежной смерти и цеплялись за малейшую надежду увековечения. Ученый-астроном Пур Хисс не понимает, что в памяти человечества живут лишь те, чьи мысли, воля и достижения продолжают действовать и по прекращении действия забываются и исчезают. Часто они воскресают вновь из небытия, как многие древние ученые или художники, если их творения вновь становятся необходимыми и возобновляют действие в обществе... особенно в многомиллиардном

современном обществе! Я давно уже не сталкивалась со столь примитивным пониманием бессмертия и славы и удивлена, встретив его у космического путешественника.

Эвда Наль, выпрямившись во весь рост, обернулась к Пур Хиссу, который сжался в своем кресле, освещенный множеством красных огней.

— Отбросим нелепости, — продолжала Эвда, — и посмотрим на поступок Мвена Маса и Рен Боза, взяв главным критерием счастье человечества. Прежде люди часто не умели взвесить реальную ценность своих дел и сопоставить ее с вредной оборотной стороной, которой неизбежно обладает каждое действие, каждое мероприятие. Мы давно избавились от этого и можем говорить лишь о действительном значении поступков.

И теперь, как раньше, новые пути нащупываются отдельными людьми, потому что только особая настроенность мозга, после очень длительной подготовки, может распознать новое направление, скрытое в противоречивых фактах. Но теперь, едва только определится новый путь, десятки тысяч людей принимаются за его разработку и лавина новых открытий катится в бесконечность, увеличиваясь, как снежный ком. Рен Боз и Мвен Мас пошли самым непроторенным путем. Я не обладаю достаточными познаниями, но и для меня преждевременность их опыта очевидна. В этом вина обоих и ответственность за огромный материальный ущерб и четыре человеческие жизни. По законам Земли налицо преступление, но оно совершено не из личных целей и, следовательно, не подлежит самой тяжкой ответственности.

Эвда Наль медленно вернулась на свое место, Гром Орм не нашел более желающих высказаться. Члены Совета потребовали от председателя заключительного предложения. Тонкая жилистая фигура Грома Орма наклонилась вперед на трибуне, и острый взгляд вонзился в глубину зала.

— Обстоятельства для окончательного суждения несложны. Для Рен Боза я вообще исключаю ответственность. Какой ученый не воспользуется предоставляемыми ему возможностями, особенно если он уверен в успехе? Сокрушительная неудача опыта послужит уроком. Однако несомненна и польза опыта. Она отчасти возмещает материальный ущерб, так как теперь эксперимент поможет разрешению множества вопросов, о которых в Академии Пределов Знания только еще начинали думать.

Мы решаем проблемы использования производительных сил в крупном масштабе, отбросив мелкоутилитарные приспособленческие тенденции старой экономики. Однако и до сих пор иногда люди не понимают момента удачи, потому что за-

бывают о непреложности законов развития. Им кажется, что строение должно подыматься без конца. Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь. Таким руководителем на своем очень ответственном посту не смог быть Мвен Мас. Выбор Совета оказался ошибочным. Совет подлежит в этом ответственности наравне со своим избранником. Прежде всего виноват я сам, так как инициатива приглашения Мвена Маса, принадлежащая двум членам Совета, была поддержана мною.

Я предлагаю Совету оправдать Мвена Маса в личных мотивах поступка, но запретить ему занимать должности в ответственных организациях планеты. Я тоже должен быть устранен с поста председателя Совета и направлен на ликвидацию последствий своего неосторожного выбора — строительства спутника.

Гром Орм обвел взглядом зал, читая искреннее огорчение, отразившееся на многих лицах. Но люди эпохи Кольца избегали уговаривать, уважая решения друг друга и доверяя их правильности.

Мир Ом посовещался с членами Совета, и счетная машина сообщила результат голосования. Заключение Грома Орма принималось без возражений, но с условием, чтобы работу собрания довести до конца и оставить свой пост после ее завершения.

Он поклонился, но ничего не изменилось в его наглухо скованном волей лице.

— Я должен теперь объяснить свою просьбу о переносе обсуждения звездной экспедиции, — спокойно продолжал председатель. — Благоприятный исход дела был очевиден, и я думаю, что Контроль Чести и Права согласится с нами. Но теперь я могу просить Мвена Маса занять свое место в Совете. Познания Мвена Маса необходимы для правильного решения важнейшего вопроса, тем более что член Совета Эрг Ноор не сможет принять участия в сегодняшнем обсуждении.

Мвен Мас пошел к креслам Совета. Зеленые огни доброжелательства переливались по залу, отмечая его путь.

Беззвучно сдвинулись карты планет, уступая место угрюмым черным таблицам, на которых разноцветные огоньки звезд были соединены синей нитью предполагавшихся на столетие маршрутов. Председатель Совета преобразился. Исчезла холодная бесстрастность, на сероватых щеках затеплился румянец, стальные глаза потемнели. Гром Орм оказался на трибуне.

— Каждая звездная экспедиция — подолгу лелеемая мечта, новая надежда, бережно вынашиваемая много лет, новая ступень в лестнице великого восхождения. С другой стороны, это труд

миллионов, который не может пройти без отдачи, без крупного научного или экономического эффекта, иначе остановится наше движение вперед и дальнейшее завоевание природы. Потому мы так тщательно обсуждаем, обдумываем, вычисляем, прежде чем в межзвездные дали взовьется новый корабль.

Наш долг заставил отдать тридцать седьмую экспедицию для Великого Кольца. Тем тщательнее мы обсуждали план тридцать восьмой экспедиции. Но за последний год произошло несколько событий, изменивших положение и обязывающих нас пересмотреть утвержденные предыдущими Советами и планетным обсуждением путь и задачу экспедиции. Открытие способов обработки сплавов под высоким давлением при температуре абсолютного нуля улучшило прочность корпуса звездолетов. Усовершенствование анамезонных двигателей, ставших экономичнее, позволяет большую дальность полета одиночного корабля. Предполагавшиеся в тридцать восьмую экспедицию звездолеты «Аэлла» и «Тинтажель» устарели по сравнению с только что законченным «Лебедем» — круглокорпусным кораблем вертикального типа с четырьмя килями устойчивости. Мы становимся способны на более дальние полеты.

Эрг Ноор, вернувшийся на «Тантре» из тридцать седьмой экспедиции, сообщил об открытии черной звезды класса Т, на планете которой обнаружен звездолет неизвестной конструкции. Попытка проникнуть внутрь корабля едва не привела всех к гибели, но все же удалось добыть кусок металла от корпуса. Это неизвестное у нас вещество, хотя и близкое к четырнадцатому изотопу серебра, обнаруженному на планетах чрезвычайно горячей звезды класса 08, известной уже очень давно под именем Дзеты Кормы Корабля.

Форма звездолета — двояковыпуклого диска с грубоспиральной поверхностью — обсуждена в Академии Пределов Знания.

Юний Ант пересмотрел памятные записи информации Кольца за все четыреста лет с момента нашего включения в Кольцо. Этот тип конструкции звездолетов неосуществим при нашем направлении науки и уровне знаний. Он неизвестен на тех мирах Галактики, с которыми мы обменивались сведениями.

Дисковый звездолет таких колоссальных размеров, без сомнения, гость с невообразимо далеких планет, может быть, даже с внегалактических миров. Он мог странствовать миллионы лет и опуститься на планету железной звезды в нашей пустынной области на краю Галактики.

Не требует пояснений важность изучения этого корабля путем специальной экспедиции на звезду Т.

Гром Орм включил гемисферный экран, и зал исчез. Перед зрителями медленно плыли записи памятных машин.

— Это недавно принятое сообщение с планеты ЦР519, — я опускаю для краткости детальные координаты, — их экспедиция в систему звезды Ахернар...

Странным казалось расположение звезд — и самый опытный взгляд не мог бы узнать в них давно изученные светила. Пятна тускло светящегося газа, темные облака и, наконец, большие остывшие планеты, отражавшие свет чудовищно яркой звезды.

Диаметром всего в три с половиной раза больше Солнца, Ахернар светился как двести восемьдесят солнц, будучи неописуемо яркой голубой звездой спектрального класса В5. Космический корабль, сделавший запись, удалился в сторону. Вероятно, прошли десятки лет пути. На экране возникло другое светило — яркая зеленая звезда класса S. Она вырастала, светя все ярче, пока звездолет чужого мира приближался к ней. Мвен Мас подумал, что зеленый оттенок ее света был бы гораздо красивее сквозь атмосферу. Словно в ответ на его мысль, на экране появилась поверхность новой планеты. Снимки делались с перерывами — экран не показал приближения к планете. Перед зрителями внезапно выросла страна высоких гор, окутанных во все мыслимые оттенки зеленого света. Черно-зеленые тени глубоких ущелий и крутых склонов, голубовато-зеленые и лиловато-зеленые освещенные скалы и долины, аквамариновые снега на вершинах и плоскогорьях, желто-зеленые, выжженные горячим светилом участки. Малахитовые речки бежали вниз, к невидимым озерам и морям, скрывавшимся за хребтами.

Дальше покрытая круглыми холмами равнина расстилалась до края моря, казавшегося издалека блестящим листом зеленого железа. Синие деревья клубились густой листвой, поляны расцветали пурпурными полосами и пятнами неведомых кустов и трав. А из глубины аметистового неба могучим потоком струились золотисто-зеленые лучи. Люди Земли замерли. Мвен Мас рылся в своей необъятной памяти, чтобы точно определить расположение зеленого светила.

«Ахернар — Альфа Эридана, высоко в южном небе, рядом с Туканом. Расстояние — двадцать один парсек... Возвращение звездолета с тем же экипажем невозможно», — быстро проносились острые мысли.

Экран погас, и странен показался вид замкнутого зала, приспособленного для размышлений и совещаний жителей Земли.

— Эта зеленая звезда, — снова зазвучала речь председателя, — с обилием циркония в спектральных линиях, размером

немного более нашего Солнца. — Гром Орм быстро перечислил координаты циркониевого светила.

— В ее системе, — продолжал он, — есть две планеты-близнецы, вращающиеся друг против друга на таком расстоянии от звезды, которое соответствует энергии, получаемой Землей от Солнца.

Толщина атмосферы, ее состав, количество воды совпадают с условиями Земли. Таковы предварительные данные экспедиции планеты ЦР519. Эти же сообщения говорят об отсутствии высшей жизни на планетах-близнецах. Высшая мыслящая жизнь так преобразует природу, что заметна даже для поверхностного наблюдения с летящего в высоте звездолета. Надо считать, что она или не смогла там развиться, или еще не развилась. Это необычайно редкая удача. Если бы там оказалась высшая жизнь, мир зеленой звезды был бы закрыт для нас. Еще в семьдесят втором году эпохи Кольца, более трех веков назад, наша планета предприняла обсуждение вопроса о заселении планет с высшей мыслящей жизнью, хотя бы и не достигшей уровня нашей цивилизации. Тогда же было решено, что всякое вторжение на подобные планеты ведет к неизбежным насилиям вследствие глубокого непонимания.

Мы знаем теперь, как велико разнообразие миров в нашей Галактике. Звезды голубые, зеленые, желтые, белые, красные, оранжевые, все водородно-гелиевые, но по различному составу своих оболочек и ядер называемые углеродными, циановыми, титановыми, циркониевыми, с различным характером излучения, высокими и низкими температурами, разным составом своих атмосфер и ядер. Планеты самого различного объема, плотности, состава и толщины атмосферы, гидросферы, расстояния до светила, условий вращения. Но мы знаем и другое: наша планета с ее семьюдесятью процентами покрытой водой поверхности, в совпадении с близостью к Солнцу, изливающему на нее могучий поток энергии, представляет собой не часто встречающуюся основу мощной жизни, богатой биомассой и разнообразием беспрерывных превращений.

Поэтому жизнь у нас развилась скорее, чем на других мирах, где она была угнетена недостатком воды, солнечной энергии или малыми площадями суши. И скорее, чем на планетах, слишком богатых водой. Мы видели в передачах по Кольцу эволюцию жизни на сильно затопленных планетах, жизни, отчаянно лезущей вверх по стеблям торчащих из вечной воды растений.

На нашей богатой водой планете тоже сравнительно мала площадь материков для сбора солнечной энергии путем ли пи-

щевых растений, древесины или просто термоэлектрических установок.

В древнейшие периоды истории Земли жизнь развивалась медленнее в болотах низких материков палеозойской эры, чем на высоких материках кайнозойской эры, где шла борьба не только за пищу, но и за воду.

Мы знаем, что необходим определенный, наиболее выгодный для обилия и мощности жизни процент соотношения воды и суши, и наша планета близка к этому наиболее благоприятному коэффициенту. Таких планет не столь много в космосе, и каждая представляет неоценимый вклад для нашего человечества как новая почва для его расселения и дальнейшего совершенствования.

Давно уже человечество перестало бояться стихийного перенаселения, когда-то пугавшего отдаленных предков. Но мы неуклонно стремимся в космос, расширяя все больше область расселения людей, ибо в этом тоже движение вперед, неизбежный закон развития. Трудность освоения планет, сильно отличающихся по физическим условиям от Земли, была так велика, что уже давно породила проекты о поселении человечества в космосе на специально построенных гигантских сооружениях, подобных увеличенным во много раз искусственным спутникам. Вы знаете, что один такой остров был построен накануне эпохи Кольца, — я говорю про «Надир», расположенный в восемнадцати миллионах километров от Земли. Там живет еще небольшая колония людей... Но неуспех этих тесных, сильно ограниченных вместилищ для человеческой жизни был настолько очевиден, что приходится лишь удивляться нашим предкам, несмотря на всю смелость их строительного замысла.

Планеты-близнецы зеленой циркониевой звезды очень похожи на нашу. Они непригодны или трудно осваяемы для хрупких обитателей открывшей их планеты ЦР519, отчего они поспешили передать нам эти сведения, как мы передадим им свои открытия.

Зеленая звезда находится от нас на таком расстоянии, которого не пролетел ни один наш звездолет. Достигнув ее планет, мы выдвинемся далеко в космос. И мы выдвинемся не на маленьком мирке искусственного сооружения, а на крепкой базе больших планет, просторных для организации удобной жизни, могучей техники.

Вот почему я подробно занял ваше внимание планетами зеленой звезды — мне они представляются необычайно важными для исследования. Расстояние в семьдесят световых лет теперь достижимо для звездолета типа «Лебедь», и, может быть,

следует тридцать восьмую звездную экспедицию направить к Ахернару!

Гром Орм замолчал и перешел к своему месту, повернув небольшой рычажок на пульте трибуны.

Вместо председателя Совета перед зрителями поднялся небольшой экран, на котором до уровня груди появилась знакомая многим массивная фигура Дар Ветра. Бывший заведующий внешними станциями улыбнулся, встреченный неслышными приветствиями зеленых огоньков.

— Дар Ветер находится сейчас в Аризонской радиоактивной пустыне, откуда отправляются партии ракет на высоту пятидесяти семи тысяч километров для строительства спутника, — пояснил Гром Орм. — Он хотел выступить перед вами со своим мнением члена Совета.

— Я предлагаю осуществить самое простое решение, — раздался веселый, звучащий металлом переносного передатчика голос. — Отправить не одну, а три экспедиции!

Члены Совета и зрители замерли от неожиданности. Дар Ветер не был оратором и не воспользовался эффектной паузой.

— Первоначальный план посылки обоих звездолетов тридцать восьмой экспедиции на тройную звезду ЕЭ7723...

В то же мгновение Мвен Мас представил себе эту тройную звезду, по-старинному обозначавшуюся как Омикрон 2 Эридана. Расположенная менее чем в пяти парсеках от Солнца, эта система из желтой, голубой и красной звезд обладала двумя безжизненными планетами, но интерес исследования заключался не в них. Голубая звезда в этой системе была белым карликом. Размерами с крупную планету, по массе она равнялась половине Солнца. Средний удельный вес вещества этой звезды в две тысячи пятьсот раз превосходил плотность самого тяжелого земного металла — иридия. Тяготение, электромагнитные поля, процессы создания тяжелых химических элементов на этой звезде представляли колоссальный интерес и важность для непосредственного изучения их с возможно более близкого расстояния. Тем более что посылавшаяся в старину на Сириус десятая звездная экспедиция погибла, успев предупредить об опасности. Близкий сосед Солнца — двойная голубая звезда Сириус — также обладала белым карликом более низкой температуры и больших размеров, чем Омикрон 2 Эридана В с плотностью, в двадцать пять тысяч раз большей плотности воды. Достижение этой близкой звезды оказалось невозможным из-за громадных перекрещивающихся метеорных потоков, опоясывавших звезду и столь сильно рассеянных, что не было возможности точно определить распространение губительных

обломков. Тогда и была задумана экспедиция на Омикрон 2 Эридана триста пятнадцать лет тому назад.

— ...представляет теперь, после опыта Мвена Маса и Рен Боза, — говорил в это время Дар Ветер, — столь важное значение, что отказаться от него нельзя.

Но изучение чужого, далекого звездолета, найденного тридцать седьмой экспедицией, может дать нам такие познания, которые далеко превзойдут открытия первого исследования.

Можно пренебречь прежними правилами безопасности и рискнуть разделить звездолеты. «Аэллу» послать на Омикрон Эридана, а «Тинтажель» — на звезду Т. Оба звездолета — первого класса, как «Тантра», которая справилась одна с чудовищными затруднениями.

— Романтика! — громко и презрительно сказал Пур Хисс и тут же съежился, заметив неодобрение зрителей.

— Да, настоящая романтика! — радостно воскликнул Дар Ветер. — Романтика — роскошь природы, но необходимая в хорошо устроенном обществе! От избытка телесных и душевных сил в каждом человеке быстрее возрождается жажда нового, частых перемен. Появляется особое отношение к жизненным явлениям — попытка увидеть больше, чем ровную поступь повседневности, ждать от жизни высшую норму испытаний и впечатлений.

— Я вижу в зале Эвду Наль, — продолжал Дар Ветер. — Она подтвердит вам, что романтика — это не только психология, но и физиология! Продолжаю — новый звездолет «Лебедь» послать на Ахернар, к зеленой звезде, потому что только через сто семьдесят лет наша планета узнает результат. Гром Орм совершенно прав, что исследование сходных планет и создание базы для движения в космос — наш долг по отношению к потомкам.

— Запас анамезона готов только для двух кораблей, — возразил секретарь Мир Ом. — Понадобится десять лет, чтобы, не нарушая экономики, приготовить корабль еще для одного полета. Напомню, что сейчас много производительных сил отнимет восстановление спутника.

— Я предвидел это, — ответил Дар Ветер, — и предлагаю, если Совет Экономики найдет возможным, обратиться к населению планеты. Пусть каждый на год отложит увеселительные поездки и путешествия, пусть выключат телевизоры наших аквариумов в глубинах океана, перестанут доставлять драгоценные камни и редкие растения с Венеры и Марса, остановят заводы одежды и украшений. Совет Экономики определит лучше меня, что следует приостановить, чтобы бросить сэкономленную энергию на производство анамезона. Кто из

нас откажется сократить потребности только на один год, чтобы принести нашим детям великий дар — две новые планеты в живительных лучах зеленого, приятного для наших земных глаз солнца!

Дар Ветер простер руки перед собой, обращаясь ко всей Земле, так как знал, что миллиарды глаз следят за ним в экранах телевизоров, кивнул головой и исчез, оставив пустое синеватое мерцание. Там, в Аризонской пустыне, гулкий грохот периодически сотрясал почву, говоря о том, что очередная ракета взвилась с грузом за пределы голубого небосвода. Здесь все присутствующие в зале Совета встали, поднимая левые руки, что означало открытое и полной согласие с выступавшим.

Председатель Совета обратился к Эвде Наль:

— Наш гость из Академии Горя и Радости, не выскажете ли вы свое мнение в аспекте человеческого счастья?

Эвда еще раз взошла на трибуну.

— Человеческая психика устроена так, что не приспособлена к длительному возбуждению и многократному повторению возбуждения, — это защита от быстрого износа нервной системы. Наши далекие предки едва не погубили человечество, не считаясь с тем, что человек в своей физиологической основе требует частого отдыха. Но мы, напуганные этим, прежде слишком берегли психику, не понимая, что основным средством расключения и отдыха от впечатлений является труд. Необходима не только перемена рода занятий, но и регулярное чередование труда и отдыха. Чем тяжелее труд, тем длительнее отдых, и тогда чем труднее, тем радостнее, тем больше захвачен человек весь, полностью.

Можно говорить о счастье, как о постоянной перемене труда и отдыха, трудностей и удовольствий. Долголетие человека расширило пределы его мира, и он устремился в космос. Борьба за новое — вот настоящее счастье! Отсюда — отправление звездолета на Ахернар даст человечеству больше непосредственной радости, чем две другие экспедиции, так как планеты зеленого солнца подарят новый мир нашим чувствам, а исследования физических явлений космоса, несмотря на все их значение, воспринимаются пока только в области разума. Борясь за возрастание суммы человеческого счастья, Академия Горя и Радости, вероятно, считала бы наиболее выгодной экспедицию на Ахернар, но если возможно осуществление всех трех, то что же может быть лучше!

Эвда Наль получила в награду от взволнованного зала целую лавину зеленых огней.

Поднялся Гром Орм.

— Вопрос и решение Совета уже выяснились, и мое выступление, очевидно, последнее. Будем просить человечество сократить свои потребности на четыреста девятый год Эры Кольца. Дар Ветер не сказал о находке историками золотого коня Эры Разобщенного Мира. Эти сотни тонн чистого золота можно обратить на производство анамезона и добиться скорого изготовления полетного запаса. Отправим впервые за всю историю Земли экспедиции одновременно на три звездные системы и впервые попытаемся достигнуть миров, находящихся на расстоянии семидесяти световых лет!

Председатель закрыл заседание, попросив остаться лишь членов Совета. Надо было срочно составить запросы в Совет Экономики, а также в Академию Стохастики и Предсказания Будущего для выяснения возможных случайностей в далеком пути на Ахернар.

Усталая Чара поплелась вслед за Эвдой, удивляясь, что бледные щеки знаменитого психиатра оставались свежими, как всегда. Девушке хотелось скорее остаться одной, чтобы потихоньку прочувствовать оправдание Мвена Маса. Сегодня замечательный день! Правда, Мвена Маса не увенчали как героя, на что в самых сокровенных мечтах надеялась Чара. Его надолго, если не навсегда, отстранили от большой и важной работы... Но разве его не оставили в обществе! Разве не открыта им вместе широкая и нелегкая дорога исследования, труда, любви!

Эвда Наль заставила девушку пойти в ближайший Дом питания. Чара так долго смотрела на таблицу выбора, что Эвда решила действовать сама, назвав в приемный рупор автомата цифры выбранных блюд и индекс стола. Только что они уселись за овальный двухместный стол, как в центре его открылся люк и оттуда появился маленький контейнер с заказом. Эвда Наль протянула Чаре бокал с опалесцировавшим в нем подбодряющим напитком «Лио», а сама с удовольствием выпила стакан прохладной воды и ограничилась запеканкой из каштанов, орехов и бананов со сбитыми сливками. Чара съела какое-то блюдо из тертого мяса раптов — птиц, заменивших домашних кур и дичь в современном обиходе, и была отпущена. Эвда Наль смотрела вслед Чаре, когда девушка со своим удивительным даже для эпохи Кольца изяществом сбегала по лестнице между статуями из черного металла и причудливо изогнутыми подставками фонарей.

Глава тринадцатая
АНГЕЛЫ НЕБА

Затаив дыхание следил Эрг Ноор за манипуляциями искусных лаборантов. Обилие приборов напоминало пост управления звездолета, но простор большого зала с широкими голубоватыми окнами сразу же отводил всякие мысли о космическом корабле.

В центре комнаты на металлическом столе стояла камера из толстых плит руфолюцита — материала, прозрачного и для инфракрасных и видимых лучей. Паутина трубок и проводов оплетала коричневую эмаль звездолетного водяного бака, заключавшего двух черных медуз с планеты железной звезды.

Эон Тал, выпрямившись, как на гимнастике, с беспомощно висевшей по-прежнему на перевязи рукой, издалека заглядывал на медленно поворачивавшийся барабан самописца. На лбу биолога выше широких черных бровей выступили капельки пота.

Эрг Ноор облизнул пересохшие губы.

— Ничего. За пять лет пути там остался один прах, — хрипло заметил астролетчик.

— Если так, то большая беда... для Низы и для меня, — отозвался биолог. — Понадобятся искания ощупью, возможно многолетние, чтобы определить характер поражения.

— Вы продолжаете думать, что органы, убивающие добычу, одинаковы у медуз и у креста?

— Не только я. Грим Шар и все другие пришли к той же уверенности. Но сначала были самые неожиданные мысли. Я вообразил, что черный крест вообще не имеет отношения к планете.

— Я тоже, помните, говорил вам об этом. Мне почудилось, что это существо с дискового звездолета и стерегло его. Но если подумать серьезно, то какой смысл стеречь несокрушимую крепость снаружи ее? Попытка вскрыть спиралодиск показала нелепость таких мыслей.

— Я представлял себе, что крест вообще не живой!

— Робот-автомат, поставленный на охрану звездолета?

— Да. Но теперь, конечно, я отказался от этой мысли. Черный крест — это живое существо, порождение мира мрака. Вероятно, эти твари обитают внизу, на равнине. Он появился со стороны «ворот» — прохода в утесах. Медузы, более легкие и подвижные, — это обитатели плоскогорья, на которое мы сели. Связь черного креста и спиралодиска случайна, просто наши защитные устройства не коснулись этого отдаленного уголка равнины, всегда остававшегося во мраке за гигантским диском.

— И вы считаете убийственные органы креста и медуз сходными?

— Да! У этих животных, обитающих в одних и тех же условиях, должны были возникнуть и схожие органы. Железная звезда — тепловое электрическое светило. Вся толстая атмосфера планеты сильно насыщена электричеством. Грим Шар считает, что животные собирали энергию из атмосферы, создавая сгущения наподобие наших шаровых молний. Вспомните движение коричневых звездочек по щупальцам медуз.

— И у креста были щупальца, но не было...

— Просто никто не успел заметить. Но характер поражения по нервным стволам с параличом соответствующего высшего центра — в этом все мы единодушны — одинаков у меня и у Низы! Это главное доказательство и главная надежда!

— Надежда? — встрепенулся Эрг Ноор.

— Разумеется. Смотрите, — биолог показал на ровную линию записи прибора, — чувствительные электроды, погруженные в ловушку с медузами, ничего не показывают. Чудовище забралось туда с полным зарядом своей энергии, которая никуда не могла деваться из бака после его заделки. Изоляционная защита космических пищевых сосудов вряд ли может быть проницаема — это не наши легкие биологические скафандры. Вспомните, что крест, погубивший Низу, не причинил вам вреда. Его ультразвук проник в скафандр высшей защиты, сломив волю, но поражающие разряды оказались бессильны. Они пробили только скафандр Низы — так же, как медузы пробили мой.

— Следовательно, заряд шаровых молний или чего-то похожего, который вошел в бак, должен там остаться. Но приборы ничего не показывают...

— В этом и есть надежда. Значит, медузы не рассыпались в прах. Они...

— Понимаю. Закапсулировались, заключили себя в нечто вроде кокона.

— Да. Подобное приспособление распространено среди живых организмов, вынужденных переживать неблагоприятные для существования периоды. Долгие ледяные ночи черной планеты, ее страшные ураганы на «восходах» и «закатах» — вот такие периоды. Но так как они сравнительно быстро чередуются, то я уверен, что медузы могут быстро инцистироваться и так же быстро выходить из этого состояния. Если рассуждение верно, то мы сможем довольно просто вернуть черных медуз к их убийственной жизнедеятельности.

— Восстановлением температуры, атмосферы, освещения и прочих условий черной планеты?

— Да. Все рассчитано и подготовлено. Скоро появится Грим Шар. Мы начнем продувать бак неоново-кислородно-азотной смесью при давлении в три атмосферы. Но сначала убедимся...

Эон Тал посовещался с двумя ассистентами. Какая-то установка стала медленно подползать к коричневому баку. Передняя руфолюцитовая плита отодвинулась, открывая доступ к опасной ловушке.

Электроды внутри бака заменились микрозеркалами с цилиндрическими осветителями. Один из ассистентов встал за пульт телеуправления. На экране возникла вогнутая поверхность, покрытая зернистым налетом и тускло отражавшая лучи осветителя, — стенка бака. Плавно поворачивалось зеркало. Эон Тал заговорил:

— Рентгеном просветить трудно, слишком сильна изоляция. Приходится применять более сложный способ.

Вращение зеркала отразило дно сосуда и на нем два белых комка в форме неправильных шаров с ноздреватой, волокнистой поверхностью. Комки походили на плоды недавно выведенной породы хлебных деревьев, достигавшие семидесяти сантиметров в поперечнике.

— Присоедините ТВФ к вектору Грим Шара, — обратился биолог к помощнику.

Ученый, едва убедившись в правоте общих предположений, прибежал в лабораторию. Близоруко щурясь вовсе не от слабости зрения, а по привычке, он оглядывал приготовленные аппараты. Грим Шар не походил на знаменитых ученых, которые, как правило, отличались внушительным видом и властностью характера. Эрг Ноор вспомнил Рен Боза с его застенчивой мальчишеской внешностью, так не соответствовавшей величию его ума.

— Вскройте заделанный шов! — скомандовал Грим Шар.

Механическая рука взрезала слой твердой эмалевой массы, не сдвинув с места тяжелую крышку. Шланги с газовой смесью подключились к вентилям. Сильный прожектор инфракрасных лучей заменил железную звезду.

— Температура... сила тяжести... давление... электрическая насыщенность... — повторял показания приборов находящийся у них ассистент.

Спустя полчаса Грим Шар обернулся к астролетчикам.

— Пойдемте в зал отдыха. Нет возможности предугадать время оживления этих капсул. Если Эон прав, то это произойдет скоро. Дежурные предупредят нас.

Институт Нервных Токов был построен далеко от жилой зоны, на окраине заповедной степи. Земля на исходе лета стала сухой, и ветер уносился вдаль с особенным шелестом, прони-

кавшим в настежь открытые окна вместе с легким запахом подсушенных солнцем трав.

Трое исследователей в удобных креслах погрузились в молчание, поглядывая в окна поверх раскидистых деревьев на марево далекого горизонта. Время от времени кто-нибудь закрывал усталые глаза, но ожидание было слишком напряженным, чтобы задремать. На этот раз судьба не испытывала терпения ученых. Не прошло и трех часов, как вспыхнул экран прямого соединения. Дежурный ассистент едва сдерживал себя.

— Крышка шевелится!

В одно мгновение все трое оказались в лаборатории.

— Закройте наглухо руфолюцитовую камеру, проверьте герметичность! — распорядился Грим Шар. — Перенесите условия планеты в камеру.

Легкое шипение мощных насосов, посвистывание уравнителей давления — и внутри прозрачной клетки оказалась атмосфера мрака.

— Увеличьте влажность и насыщение электричеством, — продолжал Грим Шар.

Резкий запах озона поплыл по лаборатории.

Ничего не произошло. Ученый нахмурился, окидывая взглядом приборы и силясь сообразить, что упущено.

— Нужна тьма! — вдруг раздался четкий голос Эрга Ноора.

Эон Тал даже подпрыгнул.

— Как я смог забыть! Грим Шар, вы не были на железной звезде, но я!..

— Поляризующие ставни! — вместо ответа сказал ученый.

Свет померк. Лаборатория осталась освещенной лишь огнями приборов. Ассистенты задернули пульт шторами, и все погрузилось во мрак. Кое-где едва мерцали точки самосветящихся индикаторов.

Дыхание черной планеты пахнуло в лица астролетчиков, воскресив в памяти страшные и увлекательные дни тяжелой борьбы.

Прошло несколько минут молчания, в котором слышались лишь осторожные движения Эона Тала, настраивавшего экран для инфракрасных лучей с поляризующей ширмой, предупреждавшей отбрасывание света.

Слабый звук и тяжелый удар — это упала крышка водяного бака внутри руфолюцитовой камеры. Знакомое мерцание коричневых вспышек — это щупальца черного чудовища появились над краем бака. Внезапным прыжком оно взлетело вверх, простираясь покрывалом тьмы на всю площадь руфолюцитовой камеры, и ударилось о прозрачный потолок. Тысячи коричневых звездочек заструились по телу медузы, покрывало выпучилось

куполом, как от дуновения снизу, и медуза уперлась в дно камеры собранными пучком щупальцами. Таким же черным призраком поднялось из бака второе чудовище, невольно внушая страх своими быстрыми и беззвучными движениями. Но здесь, за прочными стенами опытной камеры, окруженные управляемыми на расстоянии приборами, порождения планеты мрака были бессильны.

Приборы измеряли, фотографировали, определяли, вычерчивали сложные кривые, раскладывая устройство чудовищ на разнообразные физические, химические и биологические показатели. Ум человека вновь собирал эти разнокачественные данные, овладевая устройством неведомых порождений ужаса и подчиняя себе их.

С каждым пролетавшим незаметно часом Эрг Ноор убеждался в победе.

Все радостнее становился Эон Тал, все оживленнее Грим Шар и его молодые ассистенты.

Наконец ученый подошел к Эргу Ноору.

— Вы можете идти со спокойным сердцем. Мы останемся до конца исследования. Я боюсь включить видимый свет — здесь черным медузам нет от него убежища, как на их планете. А они должны ответить на все, что мы хотим знать.

— И вы будете знать?

— Через три-четыре дня наше исследование станет исчерпывающим для нашего уровня знаний. Но уже сейчас можно представить, каково действие парализующего устройства.

— И лечить Низу?

— Да!

Только теперь Эрг Ноор почувствовал, какую большую тяжесть носил он в себе с того черного дня, дня или ночи!.. Да не все ли равно! Дикая радость наполнила этого всегда сдержанного человека. Он с трудом преодолел нелепое желание подбросить Грим Шара в воздух, трясти и обнять маленького ученого. Эрг Ноор поразился самому себе, успокоился и минуту спустя обрел свою всегдашнюю сосредоточенность.

— Как поможет ваше изучение борьбе с медузами и крестами в будущей экспедиции!

— Конечно! Теперь мы будем знать врага. Но разве состоится экспедиция в этот мир тяжести и мрака?

— Я не сомневаюсь в этом!

Теплый день северной осени едва начался.

Эрг Ноор шел без обычной стремительности, переступая босыми ногами по мягкой траве. Впереди, на опушке, зеленая

стена кедров переплеталась с облетевшими кленами, похожими на столбы редкого серого дыма. Здесь, в заповеднике, человек не вмешивался в природу. Своя прелесть была в беспорядочных зарослях высоких трав, в их смешанном и противоречивом, приятном и резком запахе.

Холодная речка преградила путь. Эрг Ноор спустился по тропинке. Ветровая рябь на пронизанной солнцем прозрачной воде казалась зыблющейся сеткой волнистых золотых линий, наброшенной на пестрящуюся гальку дна. Незаметные кусочки мха и водорослей проплывали в воде, и под ними бежали по дну пятнышки синих теней. За речкой клонились по ветру лиловые крупные колокольчики. Запах влажного луга и багряных осенних листьев обещал радость труда человеку, потому что у каждого в уголке души еще гнездился опыт первобытного пахаря.

Яркая желтая иволга уселась на ветку, издавая насмешливый и самоуверенный свист.

Чистое небо над кедрами посеребрилось взмахом широкого крыла пенистых облаков. Эрг Ноор углубился в припахивающий горьковатой кедровой хвоей и смолой сумрак леса, пересек его и поднялся на холм, вытирая намокшую непокрытую голову. Заповедная роща вокруг нервной клиники не была широкой, и Эрг Ноор скоро вышел на дорогу. Речка наполняла каскад бассейнов из молочного стекла. Несколько мужчин и женщин в купальных костюмах выбежали из-за поворота и понеслись по дороге между рядами пестрых цветов. Вряд ли осенняя вода была теплой, но бегуны, подбодряя друг друга смехом и шутками, ринулись в бассейн, веселой кучей сплывая вниз по каскаду. Эрг Ноор невольно улыбнулся. Где-то на местном заводе или ферме настало время отдыха...

Никогда еще родная планета не казалась такой прекрасной ему, проведшему большую часть своей жизни в тесном звездолете. Великая благодарность переполняла Эрга Ноора ко всем людям, к земной природе, принимавшим участие в спасении его рыжекудрого астронавигатора — Низы. Сегодня она сама пришла ему навстречу в сад клиники! После совещания с врачами они решили поехать вместе в полярный невросанаторий. Как только удалось разомкнуть паралитическую цепь, устранив устойчивое торможение в коре мозга от разряда щупалец черного креста, Низа оказалась совершенно здоровой. Требовалось только вернуть былую энергию после столь долгого каталептического сна. Низа, живая, здоровая Низа! Какое счастье! Как ново и неожиданно ярко это чувство, переполнившее его душу.

Он увидел одинокую женскую фигуру, быстро шедшую ему навстречу от разветвления дороги. Он узнал бы ее из тысячи —

Веду Конг. Веду, прежде так много занимавшую его мысли, пока не выяснилась разность их путей. Привыкшее к диаграммам вычислительных машин мышление Эрга Ноора представило себе крутую, взмывающую в небо дугу — его стремление — и парящий над планетой, погружающийся в глубину ее прошлых веков путь жизни и творчества Веды. Обе линии широко расходились, отдаляясь друг от друга.

Знакомое до мельчайших подробностей лицо Веды Конг вдруг поразило Эрга Ноора своим сходством с Низой. Такое же узкое, с широко расставленными глазами и высоким лбом, с длинными бровями вразлет, с тем же выражением нежной насмешки у крупного рта. Даже носы у обеих, чуть вздернутые, мягко закругленные и удлиненные, были похожи, точно у сестер. Только Веда смотрела всегда прямо и вдумчиво, а упрямая головка Низы Крит часто вздергивалась вверх в юном порыве.

— Вы рассматриваете меня? — удивилась Веда.

Она протянула Эргу Ноору обе руки, и тот прижал их к своим щекам. Веда, вздрогнув, высвободилась. Астролетчик слабо усмехнулся.

— Я хотел поблагодарить их, эти руки, выходившие Низу... Она... Я все знаю! Требовалось постоянное дежурство, и вы отказались от интересной экспедиции. Два месяца!..

— Не отказалась, а опоздала, поджидая «Тантру». Все равно было поздно, а потом — она прелесть, ваша Низа! Мы внешне похожи, но она — настоящая подруга победителя космоса и железных звезд, со своей устремленностью в небо и преданностью...

— Веда!..

— Я не шучу, Эрг! Вы чувствуете, что сейчас еще не время для шуток! Надо, чтобы все стало ясно.

— Мне и так все ясно! Но я благодарю вас не за себя — за Низу...

— Не благодарите! Мне стало бы трудно, если бы вы потеряли Низу...

— Понимаю, но не верю, потому что знаю Веду Конг — совершенно чуждую такого расчета. И моя благодарность не ушла.

Эрг Ноор погладил молодую женщину по плечу и положил пальцы на сгиб руки Веды. Они шли рядом по пустынной дороге и молчали, пока Эрг Ноор не заговорил снова:

— Кто же он, настоящий?

— Дар Ветер.

— Прежний заведующий внешними станциями? Вот как!..

— Эрг, вы произносите какие-то незначащие слова. Я вас не узнаю...

— Я изменился, должно быть. Но я представляю себе Дар Ветра лишь по работе и думал, что он тоже мечтатель космоса.

— Это верно. Мечтатель звездного мира, но сумевший сочетать звезды с любовью к Земле древнего земледельца. Человек знания с большими руками простого мастера.

Эрг Ноор невольно взглянул на свою узкую ладонь с длинными твердыми пальцами математика и музыканта.

— Если бы вы знали, Веда, мою любовь к Земле сейчас!..

— После мира тьмы и долгого пути с парализованной Низой! Конечно! Но...

— Она, эта любовь, не создает основу моей жизни?

— Не может. Вы настоящий герой и потому ненасытны в подвиге. Вы и эту любовь понесете полной чашей, боясь пролить из нее каплю на Землю, чтобы отдать для космоса. Но для той же Земли!

— Веда, вас сожгли бы на костре в Темные века!

— Мне уже говорили об этом... Вот и развилка. Где ваша обувь, Эрг?

— Я оставил ее в саду, когда вышел вам навстречу. Мне придется вернуться.

— До свидания, Эрг. Мое дело здесь кончено, наступает ваше. Где мы увидимся? Или только перед отлетом нового корабля?

— Нет, нет, Веда! Мы с Низой уедем в полярный санаторий на три месяца. Приезжайте к нам и привезите его, Дар Ветра.

— Какой санаторий? «Сердце-Камень» на северном побережье Сибири? Или в Исландию — «Осенние Листья»?

— Для Северного полярного круга уже поздно. Нас пошлют в южное полушарие, где скоро начнется лето, «Белая Заря» на Земле Грахама.

— Хорошо, Эрг. Если Дар Ветер сразу не отправится восстанавливать спутник пятьдесят семь. Вероятно, сначала должна быть подготовка материалов...

— Хорош ваш земной человек — почти год в небе!

— Не лукавьте. Это — ближнее небо в сравнении с невообразимыми пространствами, которые разлучили нас.

— Вы жалеете об этом, Веда?

— Зачем вы спрашиваете, Эрг? В каждом из нас две половинки: одна рвется к новому, другая бережет прежнее и рада вернуться к нему. Вы знаете это и знаете, что никогда возвращение не достигает цели.

— Но сожаление остается... как венок на дорогой могиле. Поцелуйте меня, Веда, дорогая!..

Молодая женщина послушно выполнила просьбу, слегка оттолкнула астролетчика и быстро пошла к главной дороге —

линии электробусов. Робот-рулевой подошедшей машины остановился. Эрг Ноор долго видел красное платье Веды за прозрачной стенкой.

Смотрела и Веда через стекло на неподвижно стоящего Эрга Ноора. В мыслях настойчиво звучал рефрен стихотворения поэта Эры Разобщенного Мира, переведенного и недавно положенного на музыку Арком Гиром. Дар Ветер сказал ей однажды в ответ на нежный укор:

И ни ангелы неба, ни духи пучин
Разлучить никогда б не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли!

Это был вызов древнего мужчины силам природы, взявшим его возлюбленную. Мужчины, не смирившегося с утратой и ничего не захотевшего отдать судьбе!

Электробус приближался к ветви Спиральной Дороги, а Веда Конг все еще стояла у окна. Крепко взявшись за полированные поручни, она, наполненная светлой грустью, напевала чудесный романс.

«Ангелы — так в старину у религиозных европейцев назывались мнимые духи неба, вестники воли богов. Слово «ангел» и означает «вестник» на древнегреческом языке. Забытое много веков назад слово...»

Веда очнулась от мыслей на станции, но снова вернулась к ним в вагоне Дороги.

— Вестники неба, космоса, — так можно назвать и Эрга Ноора, и Мвена Маса, и Дар Ветра. Особенно Дар Ветра, когда он будет в ближнем, земном небе, на стройке спутника... — Веда улыбнулась шаловливо. — Но тогда духи пучин — это мы, историки, — громко сказала она, вслушиваясь в звук своего голоса, и весело рассмеялась. — Да, так, ангелы неба и духи пучин! Только вряд ли это понравится Дар Ветру...

Низкие кедры с черной хвоей — холодоустойчивая форма, выведенная для Субантарктики, — шумели торжественно и равномерно под неослабевающим ветром. Холодный и плотный воздух тек быстрой рекой, неся с собой необычайную чистоту и свежесть, свойственную лишь воздуху открытого океана или высоких гор. Но в горах соприкоснувшийся с вечными снегами ветер сухой, слегка обжигающий, подобно игристому вину. Здесь дыхание океана было ощутимо весомым прикосновением, влажно обтекавшим тело.

Здание санатория «Белая Заря» спускалось к морю уступами стеклянных стен, напоминавших своими закругленными формами гигантские морские корабли прошлого. Бледно-малиновая раскраска простенков, лестниц и вертикальных колонн днем резко контрастировала с куполовидными массами темных, шоколадно-лиловых андезитовых скал, прорезанных голубовато-серыми фарфоровыми дорожками из сплавленного сиенита. Но сейчас поздневесенняя полярная ночь высветила и равняла все краски в своем особенном белесоватом свете, как будто исходившем из глубин неба и моря. Солнце скрылось на час за плоскогорьем на юге. Оттуда широкой аркой всплывало величественное сияние, раскинувшееся по южной части неба. Это был отблеск могучих льдов антарктического материка, сохранившихся на высоком горбе его восточной половины. Их отодвинула воля человека, оставившего лишь четверть прежнего колоссального щита ледников. Белая ледяная заря, по имени которой и назывался санаторий, превратила все окружающее в спокойный мир легкого света без теней и рефлексов.

Четыре человека медленно шли к океану по серебряным отблескам фарфоровой дорожки. Лица шагавших позади мужчин казались вырубленными из серого гранита, большие глаза обеих женщин стали бездонно глубоки и загадочны.

Низа Крит, прижимаясь лицом к воротнику меховой накидки Веды Конг, взволнованно возражала ученому-историку. Веда, не скрывая легкого удивления, вглядывалась в эту внешне похожую на нее девушку.

— Мне кажется, лучший подарок, какой женщина может сделать любимому, — это создать его заново и тем продлить существование своего героя. Ведь это почти бессмертие!

— Мужчины судят по-другому в отношении нас, — ответила Веда. — Дар Ветер мне говорил, что он не хотел бы дочери, слишком похожей на любимую, — ему трудна мысль уйти из мира и оставить ее без себя, без одеяния своей любви и нежности для неведомой ему судьбы... Это пережитки древней ревности и защиты.

— Но мне невыносима мысль о разлуке с маленьким, моим родным существом, — продолжала поглощенная своими мыслями Низа. — Отдать его на воспитание, едва выкормив!

— Понимаю, но не согласна. — Веда нахмурилась, как будто девушка задела болезненную струнку в ее душе. — Одна из величайших задач человечества — это победа над слепым материнским инстинктом. Понимание, что только коллективное воспитание детей специально отобранными и обученными людьми может создать человека нашего общества. Теперь нет

почти безумной, как в древности, материнской любви. Каждая мать знает, что весь мир ласков к ее ребенку. Вот и исчезла инстинктивная любовь волчицы, возникшая из животного страха за свое детище.

— Я это понимаю, — сказала Низа, — но как-то умом.

— А я вся, до конца, чувствую, что величайшее счастье — доставлять радость другому существу — теперь доступно любому человеку любого возраста. То, что в прежних обществах было возможно лишь для родителей, бабушек и дедушек, а более всего для матерей... Зачем обязательно все время быть с маленьким — ведь это тоже пережиток тех времен, когда женщины вынужденно вели узкую жизнь и не могли быть вместе со своими возлюбленными. А вы будете всегда вместе, пока любите...

— Не знаю, но подчас такое неистовое желание, чтобы рядом шло крохотное, похожее на него существо, что стискиваешь руки... И... нет, я ничего не знаю!..

— Есть остров Матерей — Ява. Там живут все, кто хочет сам воспитывать своего ребенка.

— О нет! Но я не могла бы и стать воспитательницей, как это делают особенно любящие детей. Я чувствую в себе так много силы, и я уже раз была в космосе...

Веда смягчилась.

— Вы — олицетворение юности, Низа, и не только физически. Как все очень молодые, вы не понимаете, сталкиваясь с противоречиями жизни, что они — сама жизнь, что радость любви обязательно приносит тревоги, заботы и горе, тем более сильные, чем сильнее любовь. А вам кажется, что все утратится при первом ударе жизни...

При последних своих словах Веду вдруг осенило. Нет, не в одной лишь юности была причина тревог и жадных стремлений Низы!

Веда впала в свойственную многим ошибку — считать, что раны души заживают одновременно с телесными повреждениями. Совсем не так! Долго-долго остается еще рана психики, глубоко скрытая под здоровым физически телом, и может открыться неожиданно, иногда от совсем незначительной причины. Так и у Низы — пять лет паралича, пусть совершенно бессознательного, но оставившего память о себе во всех клеточках тела, ужас встречи со страшным крестом, чуть было не погубившим Эрга Ноора.

Угадав направление мыслей Веды, Низа глухо сказала:

— После железной звезды меня не покидает странное ощущение. Где-то в душе есть тревожная пустота. Она существует вместе с уверенной радостью и силой, не исключая их, но

и не угасая сама. Но бороться с ней я могу лишь тем, что должно захватить меня всю, не оставляя меня наедине с этим... Теперь я знаю, что такое космос для одинокого человека, и еще больше склоняюсь перед памятью первых героев звездоплавания!

— Я, кажется, понимаю, — ответила Веда. — Я была на затерянных среди океана маленьких островках Полинезии. Там в часы одиночества перед морем тебя всю охватывает бесконечная печаль, как растворяющаяся в однотонной дали тоскливая песня. Должно быть, древняя память о первобытном одиночестве сознания говорит человеку, как слаб и обречен он был прежде в своей клеточке-душе. Только общий труд и общие мысли могут спасти от этого — приходит корабль, казалось бы, еще меньший, чем остров, но необъятный океан уже не тот. Горсточка товарищей и корабль — это уже особый мир, стремящийся в доступные и покорные ему дали. Так и корабль космоса — звездолет. В нем вы с отважными и сильными товарищами! Но одиночество перед космосом... — Веда вздрогнула. — Вряд ли человек способен вынести его.

Низа прижалась к Веде еще крепче.

— Как правильно вы сказали, Веда! Оттого я и хочу всего сразу...

— Низа, я полюбила вас. Теперь я больше согласна с вашим решением... Оно мне казалось безумным.

Низа молча сжала руку Веды и ткнулась носом в ее холодную от ветра щеку.

— Но выдержите ли вы, Низа? Это так невероятно трудно!

— О какой трудности вы говорите, Веда? — обернулся услышавший ее последнее восклицание Эрг Ноор. — Вы сговорились с Дар Ветром? Он уже полчаса убеждает меня отдать молодежи мой опыт астролетчика, а не уходить в полет, из которого не возвращаются.

— И что же, удалось убеждение?

— Нет. Мой опыт звездоплавания еще более нужен, чтобы довести «Лебедя» до цели, туда, — Эрг Ноор указал на светлое беззвездное небо, где ниже Малого Магелланова облака, под Туканом и Водяной Змеей, должен был гореть яркий Ахернар, — довести по пути, не пройденному еще ни одним кораблем Земли или Кольца!

С последним словом Эрга Ноора за его спиной вспыхнул край выдвинувшегося солнца, лучи которого смели всю таинственность белой зари.

Четверо друзей подошли к морю. Океан дышал холодом, накатывая на отлогий берег ряды беспенных волн тяжелую зыбь бурной Антарктики. Веда Конг с любопытством смотрела

на стальную воду, быстро темневшую с глубиной и под лучами низкого солнца принявшую лиловатый оттенок льда.

Низа Крит стояла рядом в шубке из голубого меха и такой же круглой шапочке, из-под которой выбивалась масса темно-рыжих волос. По обыкновению, девушка слегка вскинула голову. Дар Ветер, любуясь ею, нахмурился.

— Ветер, вам не нравится Низа? — с утрированным негодованием воскликнула Веда Конг.

— Вы знаете, что я восхищаюсь ею, — угрюмо ответил Дар Ветер. — Но сейчас она показалась мне такой маленькой и хрупкой по сравнению с...

— С тем, что меня ожидает? — с вызовом спросила Низа. — Теперь вы перебросили атаку с Эрга на меня?..

— Я вовсе не думаю так поступать, — серьезно и печально ответил Дар Ветер, — но мое огорчение естественно. Прекрасное создание моей милой Земли должно исчезнуть в безднах космоса с его мраком и чудовищным холодом. Это не жалость, Низа, а печаль утраты.

— Вы почувствовали, как и я, — согласилась Веда, — яркий огонек жизни — Низа — и ледяное мертвое пространство!

— Я кажусь хрупким цветком? — спросила Низа. Странная интонация ее голоса насторожила Веду.

— Кто больше меня любит радость борьбы с холодом? — И девушка сорвала шапочку, встряхнув рыжими кудрями, сбросила шубку.

— Что вы делаете, Низа? — первой догадалась Веда Конг, бросаясь к астронавигатору.

Но Низа взлетела на скалу, нависшую над волнами, быстро разделась и передала Веде свою одежду.

Холодные волны приняли Низу, и Веда вся содрогнулась, представив себе ощущение от такого купанья. Низа спокойно отплывала дальше, сильными толчками пронизывая волны. Поднявшись на гребень, она стала махать оставшимся на берегу, вызывающе приглашая последовать за собой.

Веда Конг следила за ней с восторгом.

— Ветер, Низа — подруга не Эргу, а полярному медведю. Неужели вы, северный человек, отступите?

— По происхождению северный, а сам предпочитаю теплые моря, — жалобно сказал Дар Ветер, нехотя приближаясь к заплескам морского наката.

Раздевшись, он потрогал ногой воду и с воплем «ух!» кинулся навстречу стальному валу. Тремя широкими взмахами он взлетел на вершину волны и скользнул в темную впадину второй. Только многолетняя тренировка и круглогодовое ку-

панье спасли престиж Дар Ветра. Дыхание его прервалось, и красные круги завертелись в глазах. Несколькими резкими нырками и прыжками он вернул возможность дышать. Дар Ветер приплыл посиневший, в ознобе и понесся в гору вместе с Низой. Спустя несколько минут они наслаждались теплом мехового одеяния. Даже знобящий ветер, казалось, нес дыхание коралловых морей.

— Чем больше узнаю вас, — шепнула Веда, — тем больше убеждаюсь, что Эрг Ноор не ошибся в выборе. Вы, как никто другой, подбодрите его в трудный час, обрадуете, сбережете...

Лишенные загара щеки Низы густо порозовели.

За завтраком на высокой, вибрирующей от ветра хрустальной террасе Веда часто встречала задумчивый и нежный взгляд девушки. Все четверо были молчаливы, как обычно люди перед долгой разлукой.

— Горько узнать таких людей и тут же расстаться с ними! — вдруг вскричал Дар Ветер.

— Может быть, вы?.. — начал Эрг Ноор.

— Мое свободное время кончилось. Пора забираться на высоту! Гром Орм ждет меня.

— Пора и мне, — добавила Веда. — Я погружусь в свою пучину, в недавно открытую пещеру - хранилище Эры Разобщенного Мира.

— «Лебедь» будет готов к середине будущего года, а мы приступим к сборам через шесть недель, — тихо сказал Эрг Ноор. — Кто сейчас заведует внешними станциями?

— Пока Юний Ант, но он не хочет расставаться с памятными машинами, и Совет еще не утвердил кандидатуры Эмба Онга — инженера-физика лабрадорской Ф-установки.

— Не знаю его.

— Его мало знают, так как он занимается в Академии Пределов Знаний вопросами мегаволновой механики.

— Что это такое?

— Крупные ритмы космоса — гигантские волны, медленно распространяющиеся в пространстве. В них, например, выражаются противоречия встречных световых скоростей, дающих относительные значения больше абсолютной единицы. Но это еще совсем не разработано...

— А Мвен Мас?

— Пишет книгу об эмоциях. У него тоже немного времени в личном распоряжении — Академия Стохастики и Предсказания Будущего назначила его консультантом по полету вашего «Лебедя». Как только подберут материалы, ему придется проститься с книгой.

— Жаль! Тема важна. Пора понять правильно реальность и силу мира эмоций, — отозвался Эрг Ноор.

— Боюсь, что Мвен Мас вряд ли способен на холодный анализ, — сказала Веда.

— Так и должно быть, иначе он ничего выдающегося не напишет, — возразил Дар Ветер и поднялся, чтобы распрощаться.

— До встречи! Кончайте скорее ваши дела, а то не увидимся, — протянули руки Низа и Эрг.

— Увидимся, — уверенно обещал Дар Ветер. — В крайнем случае сделаем это в пустыне Эль Хомра, перед отлетом.

— Перед отлетом, — согласились астролетчики.

— Пойдемте, ангел неба. — Веда Конг продела свою руку под локоть Дар Ветра, притворно не обращая внимания на складку между его бровей. — Вам, наверное, надоела Земля?

Дар Ветер стоял, широко расставив ноги, на зыбкой основе едва скрепленного каркаса и смотрел вниз, в страшную бездну между разошедшимися слоями облаков. Там виднелась поверхность планеты. Ее громада, с извилистыми серыми контурами материков и темно-лиловыми — морей, остро чувствовалась даже с расстояния в пять ее диаметров.

Дар Ветер узнавал знакомые с детства по снимкам со спутников очертания. Вот вогнутая линия с направленными поперек нее темнеющими полосками гор. Направо блестит море, а прямо под ногами — узкая предгорная долина. Ему сегодня повезло: облака разошлись над тем участком планеты, где сейчас живет и работает Веда. Там, у подножия прямых уступов чугунно-серых гор, находится где-то древняя пещера, просторными этажами уходящая в глубь Земли. Там Веда выбирает из немых и пыльных обломков прошлой жизни человечества те крупицы исторической правды, без которой нельзя ни понять настоящего, ни предвидеть будущего.

Дар Ветер, склонившись с платформы из рифленых листов циркониевой бронзы, послал мысленный привет сомнительно угаданной точке, скрывшейся под наползавшим с запада крылом перистых, нестерпимо сверкавших облаков. Ночная тьма стояла там усеянной сверканием звезд стеной. Слои облаков выдвигались исполинскими плотами, повисшими один над другим. Под ними в темнеющей пропасти поверхность Земли катилась под стену мрака, словно навсегда уходя в небытие. Покров нежного зодиакального сияния одевал планету с затененной стороны, светясь в черноте космического пространства.

Над освещенной стороной планеты стлался голубой облачный покров, отражавший могучий свет стально-серого Солнца. Всякий взглянувший на облака без затемняющих фильтров лишился бы зрения, как и тот, кому пришлось бы обернуться в сторону грозного светила, находясь вне защиты тысячи километров земной атмосферы. Коротковолновые жесткие лучи Солнца — ультрафиолетовые и рентгеновские — изливались мощным, убийственным для всего живого потоком. К ним прибавлялись частые ливни космических частиц и постоянная радиация зоны ван Аллена. Вновь вспыхнувшие звезды посылали в пространство смертоносные излучения. Только надежная защита скафандра спасала работавших от гибели.

Дар Ветер перебросил предохранительный трос на другую сторону и двинулся по опорной балке навстречу сверкавшему ковшу Большой Медведицы. Гигантская труба была свинчена во всю длину будущего спутника. По обоим ее концам возвышались острые треугольники, поддерживавшие громадные диски излучателей магнитного поля. Когда установят батареи, превращающие голубую радиацию Солнца в электрический ток, можно будет избавиться от привязи и передвигаться вдоль магнитных силовых линий с направляющими пластинами на груди и спине.

— Мы хотим работать ночью, — внезапно зазвучал в его шлеме голос молодого инженера Кад Лайта. — Свет обещал дать командир «Алтая»!

Дар Ветер взглянул налево и вниз, где, как уснувшие рыбы, висели несколько сцепленных вместе грузовых ракет. Выше, под плоским зонтом — защитой от метеоритов и Солнца, — парила собранная из листов внутренней обшивки временная платформа, где раскладывались и собирались прибывшие в ракетах части. Там, как темные пчелы, скопились работники, вспыхивавшие светлячками, когда отражающая поверхность скафандра выглядывала из тени защитного зонтика. Паутина тросов расходилась от зиявших чернотой отверстий в боках ракет, откуда сквозь снятую обшивку выгружались большие детали. Еще выше, прямо над собранным каркасом, группа людей в странных, подчас забавных позах хлопотала над громоздкой машиной. Одно кольцо бериллиевой бронзы с боразонным покрытием весило бы на Земле добрую сотню тонн. Здесь эта громада покорно висела около металлического скелета спутника на тонком тросе, назначением которого было уравнять интегральные скорости вращения вокруг Земли всех этих еще не собранных частей.

Работавшие стали ловки и уверенны, когда привыкли к отсутствию — точнее, к ничтожности — силы тяжести. Но этих умелых работников скоро придется заменить новыми. Дли-

тельная физическая работа без тяжести приводила к нарушению кровообращения, которое могло стать устойчивым и при возвращении на Землю превратить человека в инвалида. Поэтому каждый работал на спутнике не более ста пятидесяти рабочих часов и возвращался на Землю, отдохнув на станции «Промежуточная», вращающейся на высоте девятисот километров над планетой, и пройдя врачебную регравитацию во Дворце Внешней Атмосферы в Каракоруме.

Дар Ветер, руководивший сборкой, старался не подвергать себя физической нагрузке, как бы ни хотелось ему подчас ускорить то или другое дело. Ему надо было продержаться здесь, на высоте пятидесяти семи тысяч километров, несколько месяцев.

Дать согласие на ночную работу означало еще более ускорить срок отправления своих молодых друзей вниз на планету и раньше времени вызвать смену. Второй планетолет, переданный стройке, «Барион», находился в Аризонской равнине, где у экранов телевизоров и пультов регистрирующих машин сидел Гром Орм.

Решение работать без перерывов на часы ледяной космической ночи сильно ускоряло сборку. Дар Ветер не мог отказаться от этой возможности. Получив согласие, люди со сборочной платформы рассыпались во все стороны и принялись протягивать еще более сложную паутину тросов. Планетолет «Алтай», служивший общежитием работникам стройки и неподвижно висевший у конца опорной балки, вдруг отцепил канаты с роликами, связывавшие его входной люк и каркас спутника. Длинные струи слепящего пламени ударили из его двигателей. Огромный корпус корабля повернулся беззвучно и быстро. Ни малейшего шума не донеслось сквозь пустоту межпланетного пространства. Искусному командиру «Алтая» понадобилось лишь несколько ударов двигателей, чтобы всплыть на высоту сорока метров над местом постройки и повернуться своими посадочными прожекторами в сторону разборочной платформы. Между кораблем и каркасом снова провели путеводные тросы, и вся масса разнородных предметов, повисших в пространстве, обрела относительную неподвижность, продолжая в то же время свое вращение вокруг Земли со скоростью около десяти тысяч километров в час.

Распределение облачных масс показало Дар Ветру, что стройка проходит над антарктической областью планеты и, следовательно, скоро войдет в тень Земли. Усовершенствованные обогреватели скафандров не могут полностью сдержать леденящего дыхания космического пространства, и горе тому путешественнику, который необдуманно израсходует энергию своих батарей! Так погиб месяц назад архитектор-сборщик, ук-

рывшийся от внезапного метеоритного дождя в холодном корпусе раскрытой ракеты и не дождавшийся прихода на солнечную сторону... Еще один инженер был убит метеоритом — этих случаев нельзя ни предвидеть полностью, ни предотвратить. Постройка спутников всегда берет свои жертвы — и кто будет следующим?.. Законы стохастики, хотя и малоприложимые к единичным песчинкам, вроде отдельных людей, говорят, что наибольшая возможность быть следующим у него, Дар Ветра... Ведь он дольше всех находится здесь, на этой высоте, открытой всем случайностям космоса... Но озорной внутренний голос подсказывал Дар Ветру, что с его великолепной персоной ничего случиться не может. Как ни нелепа была эта уверенность для математически мыслящего человека, она не оставляла Дар Ветра и помогала его спокойному балансированию на балках и решетках незащищенного каркаса в бездне черного неба.

Сборка конструкций на Земле велась особыми машинами, названными эмбриотектами потому, что они работали по принципу роста живого организма. Конечно, молекулярная постройка живого, осуществлявшаяся наследственным кибернетическим механизмом, была невообразимо более сложной, подчиненной не только физикохимической избирательности, но и еще не разгаданной волновой ритмике. Однако живые организмы росли лишь в условиях теплых растворов ионизированных молекул, а эмбриотекты работали обычно в поляризованных токах, свете или в магнитном поле. Метки и ключи, нанесенные на подлежавшие сборке части радиоактивным таллием, правильно ориентировали соединяемые машинами детали, и сборка шла с поразительной для непосвященного точностью и быстротой. Здесь, на высоте, этих машин не было, да и не могло быть. Сборка спутника представляла собою старомодную постройку с помощью рук живых людей. Несмотря на все опасности, работа казалась настолько интересной, что привлекала тысячи добровольцев. Испытательные психологические станции едва успевали просматривать всех желавших заявить Совету свою готовность отправиться в межпланетное пространство.

Дар Ветер добрался до фундаментов солнечных машин, которые раскинулись веером вокруг громадной втулки с аппаратом искусственного тяготения, и подключил свою спинную батарею к входной клемме проверочной цепи. В телефоне его шлема зазвучала несложная мелодия. Тогда он параллельно присоединил стеклянную пластинку с нанесенной на ней тонкими золотыми линиями схемой. Раздалась та же мелодия. Вращая два верньера, Дар Ветер привел в совпадение временные точки и убедился в отсутствии расхождений не только в мело-

дии, но и в тональности настройки. Важную часть будущей машины собрали безупречно. Можно было начать установку радиационных электродвигателей. Дар Ветер выпрямил уставшие от длительного ношения скафандра плечи и повертел головой. Движение отзывалось хрустом в шейных позвонках, закостеневших от продолжительной неподвижности в шлеме. Хорошо еще, что Дар Ветер оказался устойчивым к психозам, распространенным среди работавших вне земной атмосферы, — ультрафиолетовой сонной болезни и инфракрасного бешенства, иначе ему не удалось бы довести до конца почетную миссию.

Скоро первая обшивка защитит работающих от удручающей одинокости в открытом космосе, над бездной без неба и почвы!

От «Алтая» отделился небольшой спасательный снаряд, стрелой мелькнувший мимо стройки. Это выслали буксир за автоматическими ракетами, которые несли только груз и останавливались на заданной высоте. Вовремя! Куча паривших в пространстве ракет, людей, машин и материалов уходила на ночную сторону Земли. Буксир вернулся, таща за собой три длинных, отблескивавших синевой рыбообразных снаряда, весивших на Земле по сто пятьдесят тонн, не считая горючего.

Ракеты присоединялись к себе подобным вокруг разборочной платформы. Дар Ветер толчком перенесся на другую сторону каркаса и очутился среди собравшихся в кружок техников, ведавших разгрузкой. Люди обсуждали план ночной работы. Дар Ветер согласился с ними, но потребовал замены всех индивидуальных батарей на свежие, обеспечивающие тридцать часов непрерывного обогревания скафандров, помимо снабжения током фонарей, воздушных фильтров и радиотелефонов.

Вся стройка нырнула в ночной мрак, как в пучину, но долго еще мягкий пепельный зодиакальный свет от рассеянных газами верхних зон атмосферы солнечных лучей освещал застывший при ста восьмидесяти градусах мороза скелет будущего спутника. Еще сильнее, чем днем, стала мешать сверхпроводимость. Малейший износ изоляции в инструментах, батареях или аккумуляторах окутывал близлежащие предметы голубым сиянием растекавшегося прямо на поверхности тока, который невозможно было передать в нужном направлении.

Глубочайшая тьма космоса наступила вместе с усилившимся холодом. Звезды светили неистово яркими голубыми иглами. Незримый и неслышный полет метеоритов ночью казался особенно пугающим. На поверхности темного шара, внизу в течениях атмосферы вспыхивали разноцветные облака электрического сияния, искровые разряды гигантской протяженности или полосы рассеянного свечения длиной в тысячи

километров. Ураганные ветры сильнее любой земной бури проносились там, внизу, в верхних слоях воздушной оболочки. Насыщенная излучением Солнца и космоса, атмосфера продолжала оживленное перемешивание энергии, чрезвычайно затрудняя связь стройки с родной планетой.

Внезапно что-то изменилось в мирке, затерянном во мраке и чудовищном холоде. Дар Ветер не сразу сообразил, что зажглись осветители планетолета. Еще чернее стала темнота, потускнели свирепые звезды, но платформа и каркас ощутимо выделялись в белом ярком свете. Через несколько минут «Алтай» уменьшил напряжение. Свет стал желтым и менее интенсивным. Планетолет экономил энергию своих аккумуляторов. Снова, как днем, задвигались квадраты и эллипсы листов обшивки, решетки ферм крепления, цилиндры и трубы резервуаров, постепенно находя свое место на скелете спутника.

Дар Ветер нащупал поперечную балку, взялся за роликовые ручки на тросовых поручнях и, оттолкнувшись ногой, взвился вверх. У самого люка планетолета он сжал находившиеся в ручках тормоза и остановился как раз вовремя, чтобы не удариться о запертую дверь.

В переходной камере не поддерживали нормального земного давления, чтобы уменьшить потерю воздуха при входах и выходах большого числа работавших. Поэтому Дар Ветер, не снимая скафандра, шагнул во вторую, временно сооруженную вспомогательную камеру и тут отключил шлем и батареи.

Разминая уставшее от скафандра тело, Дар Ветер твердо ступал по внутренней палубе, наслаждаясь возвращением к половине нормальной тяжести. Искусственная гравитация планетолета работала непрерывно. Невыразимо приятно чувствовать себя прочно стоящим на почве человеком, а не легкой мошкой, вьющейся в зыбкой и неверной пустоте! Мягкий свет и теплый воздух, удобное кресло манили растянуться и отдаться бездумному отдыху. Дар Ветер переживал наслаждение своих предков, когда-то удивлявшее его в старинных романах. После долгой дороги в холодной пустыне, мокром лесу или обледенелых горах люди входили в теплое жилье — дом, землянку, войлочную юрту. И тогда, как здесь, тонкие стены отделяли от огромного и опасного мира, враждебного человеку, сохраняя ему тепло и свет, позволяя отдыхать, набираться сил, обдумывать дальнейшие дела.

Дар Ветер отказался от соблазна кресла и книги. Пришлось связаться с Землею — зажженное в высоте на всю ночь освещение могло создать переполох у наблюдателей обсерваторий, следивших за стройкой. Кроме того, следовало предупредить, что пополнение понадобится раньше срока.

Сегодня связь оказалась удачной — Дар Ветер говорил с Громом Ормом не кодированными сигналами, а по ТВФ, очень мощному, как у всякого межпланетного корабля. Старый председатель остался доволен и немедленно позаботился о подборе нового экипажа и усиленной доставке деталей.

Выйдя из поста управления «Алтая», Дар Ветер прошел через библиотеку, переоборудованную в спальню установленными по стенам двумя ярусами коек. Каюты, столовые, кухню, боковые коридоры и передний зал двигателей тоже снабдили добавочными койками. Планетолет, превращенный в стационарную базу, был переполнен. Дар Ветер шел, едва волоча ноги, по коридору, облицованному коричневыми плитами теплой на ощупь пластмассы, и лениво открывал и захлопывал тугие герметические двери.

Он думал об астролетчиках, проводивших десятки лет внутри подобного корабля без всякой надежды покинуть его и выйти наружу раньше убийственно долгого срока. Он живет здесь шестой месяц, каждый день покидая тесные помещения и трудясь в угнетающем просторе межпланетной пустоты. И уже тоскливо без милой Земли — ее степей, моря, кипящих жизнью центров жилых поясов. А Эрг Ноор, Низа и еще двадцать человек экипажа «Лебедя» должны будут провести в звездолете девяносто два зависимых года, или сто сорок земных лет, считая с возвращением корабля к родной планете. Никто из них не сможет прожить столько! Их тела будут сожжены и похоронены там, в безмерной дали, на планетах зеленой циркониевой звезды...

Или их жизнь прекратится во время полета, и тогда, заключенные в погребальную ракету, они улетят в космос... Так уплывали в море погребальные ладьи его далеких предков, унося на себе мертвых бойцов. Но таких героев, которые шли бы на пожизненное заключение в корабле и улетали бы без надежды на личное возвращение, еще не было в истории человечества. Нет, он не прав, Веда укорила бы его! Разве он забыл про безымянных борцов за справедливость и свободу человека в древние времена, шедших на гораздо более страшное — пожизненное заключение в сырых подвалах, на ужасающие пытки. Да, те герои были сильнее и достойнее, чем даже его современники, готовящиеся совершить величайший полет в космос, на исследование далеких миров!

И он, Дар Ветер, который еще ни разу не покидал надолго родную планету, маленький человек по сравнению с ними и вовсе не ангел неба, как его насмешливо зовет бесконечно милая Веда Конг!

Глава четырнадцатая
СТАЛЬНАЯ ДВЕРЬ

Двадцать дней ворочался во влажном мраке автоматический горный проходчик-робот, пока ему удалось разобрать завал в десятки тысяч тонн и закрепить обрушенные своды. Дорога в глубину пещеры стала доступной. Оставалось лишь проверить ее безопасность. Тележки-роботы, движимые гусеницами и архимедовым винтом, бесшумно скользнули вниз. Приборы оповещали через каждые сто метров продвижения о составе воздуха, температуре и влажности. Ловко обходя препятствия, тележки опустились до глубины в четыреста метров. Тогда Веда Конг с группой сотрудников проникла в заповедную пещеру. Девяносто лет назад, во время разведки подземных вод, среди известняков и песчаников отнюдь не рудоносного характера индикаторы вдруг отметили большое количество металла. Скоро выяснилось, что местность совпадает с описанием расположения легендарной многовековой давности пещеры Ден-Оф-Куль, что на исчезнувшем языке означало «Убежище культуры». При угрозе страшной войны народы, считавшие себя наиболее передовыми в науке и культуре, укрыли в пещере сокровища своей цивилизации. В те далекие века секретность и таинственность были очень распространены...

Веда волновалась не меньше самой юной своей сотрудницы, когда скользнула вниз по мокрой красной глине, устилавшей пол наклонного хода.

Воображение рисовало величественные залы с герметическими сейфами фильмотек, чертежей, карт, шкафы с катушками магнитофонных записей или лентами памятных машин, полки с образцами химических соединений, сплавов и лекарств. Чучела исчезнувших ныне животных в непроницаемых для влаги и воздуха прозрачных витринах, препараты растений, скелеты, собранные из окаменелых костей вымершего населения планеты. Дальше мерещились пластины из силиколла с залитыми в них картинами самых прославленных художников, целые галереи скульптур прекрасных представителей человечества, его выдающихся деятелей, мастерски изображенных животных... Модели знаменитых зданий, надписи о замечательных событиях, увековеченные в камне и металле...

Продолжая мечтать, Веда Конг проникла в гигантскую пещеру площадью около трех-четырех тысяч квадратных метров. Уходивший в тьму потолок выгибался круглым сводом, с которого свисали длинные сталактиты, блестевшие в электрическом свете. Зал наяву оказался величественным. Воплощая в реаль-

ность мысли Веды, в нишах стен, изобиловавших ребрами и выступами известковых натеков, виднелись машины и шкафы. Археологи с радостными восклицаниями рассыпались по периметру подземного зала. Многие из стоявших в нишах машин, местами еще сохранивших блеск стекла и лаковой полировки, оказались экипажами, которые так нравились людям далекого прошлого и в Эру Разобщенного Мира считались вершиной технического гения человечества. Тогда почему-то строили очень много машин, способных перевозить на своих мягких сиденьях лишь нескольких людей. Конструкция машин достигла изящества, механизм управления и движения были остроумными, но в остальном такие машины являлись вопиющей бессмыслицей. Сотнями тысяч они крутились по улицам городов и дорогам, перевозя взад и вперед людей, почему-то работавших вдали от своего жилья и каждый день торопившихся попасть на работу и вернуться обратно. Эти машины были опасны в управлении, убили огромное количество людей, сожгли миллиарды тонн драгоценных запасов органических веществ, накопленных в геологическом прошлом планеты, отравив атмосферу углекислотой. Археологи эпохи Кольца испытали разочарование, увидев, что этим странным экипажам отведено так много места в пещере.

Но на низких платформах высились более мощные поршневые двигатели, электрические моторы, реактивные, турбинные, ядерные. В стеклянных витринах, под толстым слоем известковых натеков располагались вертикальными рядами приборы — может быть, телеприемники, фотокамеры, счетные машины или другие аппараты сходного назначения. Этот музей машин, частично рассыпавшихся ржавым прахом, но частью хорошо сохранившихся, был большой ценностью, так как проливал свет на уровень техники отдаленного времени, большая часть исторических документов которого исчезла в военных и политических пертурбациях.

Верная помощница Миико Эйгоро, снова променявшая любимое море на сырость и темноту подземелий, заметила в конце зала, за толстым известковым столбом, черное отверстие прохода. Столб оказался остовом машины, а у его подножия лежала куча пластмассового праха — остатки щита, некогда запиравшего проход. Продвигаясь шаг за шагом вдоль красных кабелей разведочных ползунов-тележек, археологи проникли во вторую пещеру, находившуюся почти на одном уровне и наполненную рядами герметических шкафов из стекла и металла. Длинная надпись крупными буквами на английском языке опоясывала отвесные, кое-где осыпавшиеся стены. Веда не смогла удержаться, чтобы наскоро не расшифровать ее.

С типичной для древнего индивидуализма похвальбой строители убежища заявляли потомкам, что они достигли высот знания и сохраняют здесь для будущего свои гигантские достижения.

Миико презрительно пожала плечами.

— По одной надписи можно определить, что пещера «Убежище культуры» относится к концу ЭРМ, в последние годы существования старой формы общества. Так характерна для них неразумная уверенность в вечном и неизменном существовании своей западной цивилизации, своего языка, обычаев, морали и величия так называемого белого человека. Я ненавижу эту цивилизацию!

— Вы представляете прошлое ярко, но односторонне, Миико. Мне видятся сквозь мрачные черты омертвлелого прошлого те, кто вел борьбу за будущее. Их будущее — наше настоящее. Я вижу множество женщин и мужчин, искавших света в узкой, небогатой жизни, добрых настолько, чтобы помогать другим, и сильных настолько, чтобы не ожесточиться в моральной духоте окружающего мира. И храбрых, безумно храбрых!

— Те, кто укрывал здесь свою культуру, не были такими, — возразила Миико. — Смотрите, здесь собраны одни лишь предметы техники. Они кичились техникой, не обращая внимания на растущее моральное и эмоциональное одичание. Они с презрением относились к прошлому и не видели будущего!

Веда подумала, что Миико права. Жизнь создателей убежища была бы легче, если бы они умели соразмерять достигнутое с тем, что еще оставалось сделать для подлинного переустройства мира и общества. Тогда их замусоренная, закопченная планета с вырубленными лесами, закиданная бумагой и битым стеклом, кирпичом и ржавым железом, предстала бы перед ними как на ладони. Они, предки, лучше поняли бы, что еще делать, и перестали бы ослеплять себя самовосхвалением.

В третий зал вел узкий колодец, опускавшийся отвесно на тридцать два метра. Отправив Миико с двумя помощниками за гамма-аппаратом для просвечивания шкафов, Веда принялась осматривать третью пещеру, свободную от натеков известняка и намывов глины. Низкие прямоугольные витрины из литого стекла лишь запотели от проникшей внутрь сырости. Прильнув к стеклам, археологи рассмотрели замысловатые изделия из золота и платины, украшенные драгоценными камнями.

Судя по изделиям, эти старинные реликвии собирались в эпоху, когда люди еще не отрешились от возникшей в поклонении предкам первобытной привычки считать старое более ценным, чем новое. Веда, как и при чтении надписи, ощутила

досаду от нелепой самоуверенности людей, считавших, что их понятия о ценности и их вкусы пройдут неизменными через десятки веков и будут приняты отдаленными потомками в качестве канона.

Дальний конец пещеры переходил в высокий и прямой коридор, наклонно опускавшийся на неведомую глубину. Счетчики разведочных ползунов-роботов показывали в начале коридора триста четыре метра от поверхности. Широкие трещины рассекали нависшие своды на отдельные гигантские плиты известняка, вероятно, в тысячи тонн весом. Веда почувствовала тревогу. Опыт изучения многих подземелий подсказывал молодой женщине, что масса пород у подошвы горного хребта находится в неустойчивом равновесии. Возможно, она подверглась сдвигам от землетрясения или общего поднятия хребтов, выросших за протекшие со времени создания хранилища века на полсотни метров. Закрепить эту чудовищную массу было невозможно для обыкновенной археологической экспедиции. Только важные для экономики планеты цели оправдали бы столь крупные усилия.

Вместе с тем исторические тайны, скрытые в такой глубокой пещере, могли обладать и технической ценностью, вроде забытых, но полезных для современности изобретений.

Отказ от дальнейшего исследования был бы мудрой осторожностью. Но почему ученый должен столь бережно относиться к собственной особе? Когда миллионы людей производят рискованные работы и опыты, когда Дар Ветер с товарищами работает на высоте пятидесяти семи тысяч километров над Землей, а Эрг Ноор готовится к пути без возврата! Оба эти человека, так уважаемые Ведой, не отступили бы... Что ж, не отступит и она...

Запасные батареи, электронный съемочный аппарат, два кислородных прибора... Они пойдут вдвоем с не знающей страха Миико, оставив товарищей для изучения третьего зала.

Веда Конг посоветовала своим сотрудникам подкрепиться едой. Извлекли плитки пищи путешественников, прессованные из быстро усваиваемых белков, сахаров и уничтожающих токсины усталости препаратов в смеси с витаминами, гормонами и нервными стимуляторами. Веда, находясь в тревожном нетерпении, не хотела есть. Миико появилась лишь через сорок минут. Оказывается, она не смогла удержаться, чтобы не просветить несколько шкафов и наскоро выяснить их содержимое.

Наследница японских женщин-водолазок поблагодарила свою руководительницу взглядом и собралась в мгновение ока.

Тонкие красные кабели вытянулись по центру прохода. Бледно-лиловый свет самосветящихся газовых корон на головах женщин не мог пробить тысячелетний мрак впереди, где спуск становился все более крутым. Глухо и размеренно падали с кровли крупные холодные капли. По сторонам и снизу доносилось журчанье сбегавшей по трещинам воды. Пронизывающе сырой воздух оставался мертвенно недвижным в замкнутом темном подземелье. Только в пещерах бывает такая тишина — на страже ее стоит сама не имеющая никаких чувств мертвая и косная материя земной коры. Наверху, как глубоко бы ни было молчание, в природе всегда угадывается скрытая, притаившаяся жизнь, движение воды, воздуха или света.

Миико и Веда невольно поддались гипнозу глубокой пещеры, сокрывшей обеих в черных недрах, точно в глубинах умершего прошлого, стертого временем и оживающего лишь в призраках воображения.

Спуск проходил быстро, хотя толстый слой липкой глины лежал на полу прохода. Глыбы, вывалившиеся из стен, местами заставляли карабкаться на них, проползая в щели между потолком и обвалом. За полчаса Миико и Веда спустились на сто девяносто метров и добрались до гладкой стены, упершись в которую мирно лежали оба разведочных робота-ползуна. Достаточно было одного блика света, чтобы узнать в стене массивную и герметически запертую дверь из нержавеющей стали. Два выпуклых круга с какими-то значками, вделанные в центр двери, позолоченные стрелки и рукоятки. Запор открывался путем подбора условного сигнала. Оба археолога знали типы подобных устройств, но относившиеся к несколько более ранней эпохе. Посовещавшись, Веда и Миико исследовали запор. Он был очень похож на те настроенные с хитрой злобой сооружения, которыми люди прошлого думали защитить свои сокровища от «чужих» — в Эру Разобщенного Мира существовало такое разделение людей на «своих» и «чужих». Не раз подобные двери при попытках открыть их извергали взрывчатые снаряды, ядовитые газы, ослепляющие излучения, и ничего не подозревавшие исследователи гибли.

Механизмы из стойких металлов или особых пластмасс не разрушались тысячелетиями и унесли много жизней, пока археологи научились обезвреживать эти стальные двери.

Стало очевидным, что дверь придется вскрывать особыми приборами. Приходилось возвращаться от самого порога главной тайны пещеры. Кто мог сомневаться, что за наглухо запертой дверью должно скрываться самое важное и ценное для людей отдаленного времени? Погасив фонари и довольствуясь светом корон, Веда и Миико уселись отдохнуть и поесть.

— Что там может быть? — вздохнула Миико, не сводя глаз с двери, надменно поблескивавшей золотом значков. — Она будто смеется над нами: не пущу, не скажу!..

— А что вам удалось просветить в шкафах второго зала? — спросила Веда, отгоняя примитивную и напрасную досаду на неожиданное препятствие.

— Чертежи машин, книги, отпечатанные не на древней бумаге из дерева, а на металлических листах. Еще, по-видимому, рулоны кинофильмов, какие-то списки, звездные и земные карты.

— В первом зале — образцы машин, во втором — техническая документация к ним, в третьем — как бы это сказать... ценности эпохи, когда еще существовали деньги. Что ж, соответствует схемам.

— Где же ценности в нашем смысле? Высшие достижения духовного развития человечества: науки, искусства, литературы? — воскликнула Миико.

— Надеюсь, что они за дверью, — спокойно ответила Веда, — но не буду удивлена, если там окажется оружие.

— Что, что такое?

— Вооружение, средства массового и быстрого истребления.

Маленькая Миико задумалась, опечалилась и тихо сказала:

— Да, это закономерно, если подумать над целью этого тайника. Здесь укрыты от возможного уничтожения основные технические и материальные ценности тогдашней западной цивилизации. Но что считалось основным, если еще не существовало общественного мнения всей планеты или даже народов тех стран? Нужность и важность чего-либо на данный момент устанавливалась правящей группой зачастую вовсе некомпетентных людей. Поэтому здесь отнюдь не то, что действительно было наибольшей ценностью для человечества, а то, что та или другая группа людей сочла таким. Они намеревались сберечь прежде всего машины и, возможно, оружие, не понимая того, что цивилизация надстраивается исторически, подобно живому организму.

— Да, путем нарастания и освоения рабочего опыта, знаний, техники, запасов материалов, чистейших химических веществ и построек. Восстановить разрушенную высокую цивилизацию немыслимо из-за отсутствия высокопрочных сплавов, редких металлов, машин, способных работать с высокой производительностью и точнейшими допусками. Если все это было бы уничтожено, то откуда взять материалы и опыт, умение создавать все усложняющиеся кибернетические машины, способные удовлетворить потребности миллиардов людей?

— Также немыслимо было тогда возвращение к немашинной цивилизации, вроде античной, о которой они иногда мечтали.

— Конечно. Вместо античной культуры возник бы чудовищный голод. Индивидуалисты-мечтатели не хотели усвоить, что история не возвращается!

— Я не утверждаю категорически, что за дверью оружие, — вернулась к главному Веда, — но многое говорит за это. Если создавшие тайник ошибались, как свойственно тому времени, путая культуру с цивилизацией, не понимая непреложной обязанности воспитания и развития эмоций человека, тогда им не были жизненно необходимы произведения искусства и литературы или далекая от требований текущего момента наука. В те времена даже науку разделяли на полезную и бесполезную, не думая об ее единстве. Такая наука и искусство считались лишь приятным, но даже не всегда полезным и нужным сопровождением жизни человека. Здесь же спрятано самое важное. И я думаю об оружии, как ни наивно и нелепо кажется это для нас, современных людей.

Веда умолкла, уставившись на дверь.

— Может быть, это просто наборный механизм, и мы откроем его, прослушивая микрофоном, — вдруг сказала она, подходя к двери. — Рискнем?

Миико метнулась между дверью и подругой.

— Нет, Веда! Зачем этот нелепый риск?

— Мне кажется, что пещера едва держится. Мы уйдем, а вернуться уже не удастся... Слышите?

Неясный далекий шум иногда проникал в камеру перед дверью. Он шел то снизу, то сверху.

Но Миико осталась непреклонной. Она стояла спиной к двери, широко раскинув руки.

— Если там оружие, Веда! Как же может оно быть незащищенным?..

Через два дня в пещеру были доставлены портативные аппараты. Отражательный рентгеновский экран для просмотра механизма, фокусированный ультрачастотный излучатель для разрушения внутренней связи деталей. Но пустить приборы в дело не пришлось.

Внезапно из чрева пещеры послышался прерывистый гул. Сильное сотрясение почвы под ногами заставило людей инстинктивно метнуться к выходу — исследователи находились в третьей, нижней пещере.

Гул усиливался, переходя в глухое скрежетание. Видимо, вся масса трещинноватых пород оседала по сбросовой линии вдоль подошвы хребта.

— Все погибло! Мы не успели. Спасайтесь, наверх! — горестно закричала Веда, и люди кинулись к тележкам-роботам.

Уцепившись за кабели роботов, они вскарабкались по колодцу. Гул и содрогание каменных стен преследовали их по пятам и наконец настигли. Страшный грохот... Внутренняя стена второй пещеры рухнула в провал, образовавшийся на месте колодца — хода в третий зал. Воздушная волна буквально выдула людей вместе с пылью и мелким щебнем под высокие своды первого зала. Археологи распростерлись на полу в ожидании гибели.

Клубы пыли, ворвавшейся в пещеру, медленно оседали. Сквозь ее туман столбы сталагмитов и выступы не изменяли своих очертаний. Прежнее мертвое молчание воцарилось в подземелье...

Очнувшаяся Веда поднялась. Двое сотрудников подхватили ее, но она нетерпеливо освободилась.

— Где Миико?

Ее помощница, прислонясь к низкому сталагмиту, старательно обтирала каменную пыль с шеи, ушей и волос.

— Почти все погибло, — ответила она на немой вопрос. — Неприступная дверь останется запертой под толщей в четыреста метров камня. Третья пещера разрушена полностью, а вторая... вторая еще может быть раскопана. В ней для нас самое ценное, как и здесь.

— Это так... — Веда облизнула пересохшие губы. — Но мы виноваты в медлительности и осторожности. Мы должны были предвидеть обвал.

— Бездоказательное предчувствие. Но горевать незачем. Разве мы стали бы укреплять горные массы ради сомнительных ценностей за дверью? Особенно если там никчемное оружие.

— А если произведения искусства, бесценного человеческого творчества? Нет, мы могли бы действовать быстрей!

Миико пожала плечами и повела удрученную Веду вслед за товарищами к великолепию солнечного дня, радости чистой воды и успокаивающего боль электрического душа.

Мвен Мас по обыкновению расхаживал взад и вперед по комнате, отведенной ему в верхнем этаже Дома Истории в индийском секторе северного жилого пояса. Он перебрался сюда всего два дня назад после работы в Доме Истории Американского сектора.

Комната — вернее, веранда с наружной стеной из цельного поляризующего стекла — была обращена к синим далям холмистого плоскогорья. Мвен Мас время от времени включал ставни перекрестной поляризации. В комнате воцарялся серый полумрак, и на гемисферном экране шли медленной чередой элек-

тронные изображения отобранных предварительно Мвеном Масом картин, отрывков старых кинофильмов, скульптур и зданий. Африканец просматривал их, диктуя роботу-секретарю записи для будущей книги. Машина печатала, нумеровала листки и бережно складывала, разбирая их по темам или обобщениям.

Утомляясь, Мвен Мас выключал ставни и подходил к окну, устремляя вдаль взгляд и подолгу обдумывая виденное.

Он не мог не удивляться тому, как многое из еще недавней культуры человечества уже отошло в небытие. Исчезли совсем столь характерные для Эры Мирового Воссоединения словесные тонкости — речевые и письменные ухищрения, считавшиеся некогда признаком большой образованности. Прекратилось совсем писание как музыка слов, столь развитое еще в ЭОТ — Эру Общего Труда, исчезло искусное жонглирование словами, так называемое остроумие. Еще раньше отпала надобность в маскировке своих мыслей, столь важная для ЭРМ. Все разговоры стали гораздо проще и короче. По-видимому, Эра Великого Кольца будет эрой развития третьей сигнальной системы человека, или понимания без слов.

Время от времени Мвен Мас обращался к непрерывно бодрствовавшему механическому секретарю с новыми формулировками своих мыслей:

— С первого века Эры Кольца ведет начало флюктуативная психология искусства, основанная Людой Фир. Именно ей удалось научно доказать разницу эмоционального восприятия у женщин и у мужчин, раскрыв ту область, которая много веков существовала как полумистическое подсознание. Но доказать, в понятии современности, — меньшая часть дела. Люде Фир удалось большее — наметить главные цепи чувственных восприятий, благодаря чему стало возможным добиваться соответствия их у разных полов.

Звенящий сигнал и зеленая вспышка вдруг позвали африканца к ТВФ. Вызов, переданный в часы занятий, означал нечто серьезное. Автоматический секретарь выключился, и Мвен Мас сбежал вниз, в камеру дальних переговоров.

Веда Конг с западинками на исцарапанных щеках и глубокими тенями под глазами приветствовала его с экрана. Обрадованный Мвен Мас протянул к ней свои большие руки, вызвав слабую улыбку на озабоченном лице Веды.

— Помогите мне, Мвен. Я знаю, что вы работаете, но Дар Ветра нет на Земле, Эрг Ноор далеко, а, кроме них, у меня только вы, к кому мне просто прийти с любой просьбой. У меня несчастье...

— Что? Дар Ветер?..

— О нет! Завал на месте раскопок пещеры. — И Веда коротко рассказала о случившемся в пещере Ден-Оф-Куль.

— Вы сейчас единственный из моих друзей, кто обладает правом свободного доступа к Вещему Мозгу.

— К которому из четырех?

— Низшей Определенности.

— Я понял. Надо рассчитать возможности добраться до стальной двери с наименьшей затратой труда и материалов? Данные собраны?

— Они передо мной.

Мвен Мас записал несколько рядов цифр.

— Теперь дело за тем, когда машина примет мои данные. Подождите, сейчас я свяжусь с дежурным инженером ВМ. Мозг Низшей Определенности находится в Австралийском секторе южной зоны.

— А где Мозг Высшей Определенности?

— В Индийском секторе северной жилой зоны, там, где я... Переключаюсь, ждите.

Перед потухшим экраном Веда пыталась представить себе Вещий Мозг. В воображении возникал гигантский человеческий мозг с его бороздами и извилинами, пульсирующий и живой, хотя молодая женщина знала, что так назывались гигантские электронные исследовательские машины самого высшего класса, способные разрешить почти любую задачу, посильную для разработанных областей математики. На планете были всего четыре такие машины, специализированные по-разному.

Веда ждала недолго. Экран засветился, и Мвен Мас попросил вызвать его снова через шесть дней.

— Мвен, ваша помощь неоценима!

— Только потому, что я владею некоторыми знаниями в математике? А ваша работа неоценима потому, что вы знаете древние языки и культуры. Веда, вы слишком углубились в ЭРМ!

Африканец расхохотался так добродушно и заразительно, что Веда засмеялась тоже и, попрощавшись жестом, исчезла.

В назначенный срок Мвен Мас снова увидел молодую женщину в телевизиофоне.

— Можете не говорить — вижу, что ответ неблагоприятный.

— Да. Устойчивость ниже предела безопасности...

— В пределах наших возможностей остается лишь тоннельная выемка сейфов второй пещеры, — печально сказала Веда.

— Стоит ли дело такого сильного огорчения?

— Простите меня, Мвен, но вы тоже стояли у двери, за которой скрывалась тайна. У вас она великая и всеобщая, а у меня маленькая. Но эмоционально моя неудача равна вашей.

— Мы оба — товарищи по несчастью. Могу вас уверить, что еще не раз будем ударяться о стальные двери.

— Какая-нибудь откроется!

— Да!

— Но вы ведь не отступили совсем?

— Конечно. Соберем новые факты, указатели более правильных поворотов. Сила космоса так невероятно огромна, что с нашей стороны было наивно бросаться на нее с простой кочергой... Точно так же, как и вам открывать руками эту опасную дверь.

— А если придется ждать всю жизнь?

— Что такое моя индивидуальная жизнь для таких шагов знания!

— Мвен, где ваша страстная нетерпеливость?

— Она не исчезла, но обуздана. Страданьем...

— А Рен Боз?

— Ему легче. Он продолжает путь в поисках уточнения своей абстракции.

— Понимаю. Минуту, Мвен, что-то важное.

Экран с Ведой погас, и, когда зажегся снова, перед Мвеном Масом как будто была другая, юная и беззаботная, женщина.

— Дар Ветер спускается на Землю. Спутник пятьдесят семь завершен раньше срока.

— Так быстро? Все сделано?

— Нет, только наружная сборка и установка силовых машин. Внутренние работы проще. Его отзывают для отдыха и анализа доклада Юния Анта о новом виде сообщений по Кольцу.

— Радостно будет увидеть Дар Ветра.

— Обязательно увидите... Я не договорила. Усилиями всей планеты приготовлены запасы анамезона для нового звездолета «Лебедь». Вы будете?

— Буду. Планета покажет на прощание экипажу «Лебедя» все самое прекрасное и любимое. Они хотели также посмотреть танец Чары на празднике Пламенных Чаш. Она сама едет в центральный космопорт Эль Хомра. Встретимся там!

— Хорошо, Мвен Мас, милый!

Глава пятнадцатая
ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

В Северной Африке, к югу от залива Большой Сирт, раскинулась огромная равнина Эль Хомра. До ослабления пассатных колец и изменения климата здесь находилась хаммада — пустыня без травинки, сплошь закованная в броню полирован-

ного щебня и треугольных камней с красноватым оттенком, от которых хаммада и получила свое название «красная». Море слепящего жаркого пламени в солнечный день, море холодного ветра в осенние и зимние ночи. Теперь от хаммады остался только ветер; он гнал по твердой равнине волны высокой голубовато-серебристой травы, переселенной сюда из степей Южной Африки. Свист ветра и склоняющаяся трава будили в памяти неопределенное чувство печали и близости степной природы к душе, будто это уже встречалось в жизни. Не один раз и при различных обстоятельствах — в горе и в радости, в утрате и находке.

Каждый отлет или приземление звездолета оставляли выгоревший, отравленный круг поперечником около километра. Эти круги огораживались красной металлической сеткой и стояли неприкосновенные в течение десяти лет, что больше чем в два раза превышало длительность разложения выхлопов двигателя. После посадки или отправки корабля космопорт перекочевывал на другое место. Это накладывало отпечаток временности, недолговечности на оборудование и помещение порта, родня обслуживавших его работников с древними номадами Сахары, несколько тысяч лет кочевавшими здесь на горбатых животных с изогнутыми шеями и мозолистыми ногами, называвшихся верблюдами.

Планетолет «Барион» в свой тринадцатый рейс между строящимся спутником и Землей доставил Дар Ветра в Аризонскую степь, оставшуюся пустыней и после изменения климата из-за накопившейся в почве радиоактивности. На заре открытия ядерной энергии в ЭРМ здесь производилось множество опытов и проб нового вида техники. До сих пор осталась зараженность продуктами радиоактивного распада — слишком слабая для того, чтобы вредить человеку, но достаточная, чтобы задержать рост деревьев и кустарников.

Дар Ветер наслаждался не только прекрасным очарованием Земли — голубым небом в невестином платье из легких белых облаков, — но и пыльной почвой, редкой и жесткой травой.

Шагать твердой поступью по Земле под золотым солнцем, подставляя лицо сухому и свежему ветру! Только побывав на грани космических бездн, можно понять всю красоту нашей планеты, когда-то названной неразумными предками «юдолью горя и слез»!

Гром Орм и Дар Ветер прибыли в Эль Хомру в день отправления экспедиции.

С воздуха Дар Ветер заметил на матовой серо-стальной равнине два гигантских зеркала. Правое — почти круг, левое — длин-

ный, заостряющийся назад эллипс. Зеркала были следами недавних взлетов кораблей тридцать восьмой звездной экспедиции.

Круг — взлет «Тинтажеля», направившегося на страшную звезду Т и нагруженного громоздкими аппаратами для правильной осады спиралодиска из глубин космоса. Эллипс — след поднимавшейся более полого «Аэллы», понесшей большую группу ученых для разгадки изменений материи на белом карлике тройной звезды Омикрон 2 Эридана. Пепел, оставшийся от каменистой почвы в месте удара энергии двигателей, проникший на полтора метра вглубь, был залит связующим составом для предупреждения ветрового разноса. Осталось лишь перенести ограды с мест старых взлетов. Это сделают после отбытия «Лебедя».

Вот и сам «Лебедь», чугунно-серый в тепловой броне, которая выгорит во время пробивания атмосферы. Дальше корабль пойдет, сверкая своей отражающей все виды радиации обшивкой. Но никто не увидит его в этом великолепии, кроме роботов-астрономов, следящих за полетом. Эти автоматы дадут людям лишь фотографию светящейся точки. Обратно на Землю придет корабль, покрытый окалиной, с бороздами и воронками от взрывов мелких метеоритных частиц. Но «Лебедя» не увидит никто из окружающих его сейчас людей: всем им не прожить сто семьдесят два года ожидания возврата экспедиции. Сто шестьдесят восемь независимых лет пути и четыре года исследования на планетах, а для путешественников всего около восьмидесяти лет.

Дар Ветру, с его родом занятий, не дождаться даже прибытия «Лебедя» на планеты зеленой звезды. Как и в прошлые дни сомнений, Дар Ветер восхитился смелой мыслью Рен Боза и Мвена Маса. Пусть опыт их не удался, пусть этот вопрос, затрагивающий фундамент космоса, еще далек от разрешения, пусть он окажется ошибочной фантазией. Эти безумцы — гиганты творческой мысли человечества, ибо даже в опровержение их теории и опыта люди придут к огромному взлету знания.

Дар Ветер, задумавшись, чуть не споткнулся о сигнал зоны безопасности, повернул и заметил у подножия самодвижущейся башни телепередачи знакомую фигуру подвижного человека. Ероша непокорные волосы и прищуривая острые глаза, к нему устремился Рен Боз. Сеть тонких, едва заметных шрамов изменила лицо физика, собрав его морщинами страдальческого напряжения.

— Радостно видеть вас здоровым, Рен!

— Мне очень нужны вы! — Рен Боз протянул Дар Ветру маленькие руки, по-прежнему усыпанные веснушками.

— Что делаете вы здесь, задолго до отлета?

— Я провожал «Аэллу» — для меня очень важны данные по гравитации столь тяжелой звезды. Узнал, что явитесь вы, и остался...

Дар Ветер молчал, выжидая пояснений.

— Вы возвращаетесь на обсерваторию внешних станций по просьбе Юния Анта?

Дар Ветер кивнул.

— Ант в последнее время записал несколько нерасшифрованных приемов по Кольцу...

— Каждый месяц производится прием сообщений вне обычного времени информации. И момент включения станций сдвигается на два земных часа. За год проверка проходит земные сутки, за восемь лет — всю стотысячную галактической секунды. Так заполняются пропуски в приеме космоса. В последнее полугодие восьмилетнего цикла стали поступать, несомненно, очень дальние, непонятные нам сообщения.

— Я крайне интересуюсь ими.

— Все, что узнаю, сообщу немедленно. Или еще лучше — примите сами участие в работе!

Рен Боз обрадованно вздохнул и спросил:

— Веда Конг тоже прибудет сюда?

— Да, я жду ее. Вы знаете, что она чуть не погибла, исследуя пещеру — склад древней техники, где оказалась запертая стальная дверь?

— Ничего не слыхал.

— А, я забыл, что у вас нет глубокого интереса к истории, как у Мвена Маса. По всей планете идет обсуждение, что может находиться за дверью. Миллионы добровольцев предлагают себя для раскопок. Веда решила передать вопрос в Академию Стохастики и Предсказания Будущего.

— Эвда Наль не приедет сюда?

— Нет, не сможет.

— Многие будут огорчены. Веда очень любит Эвду, а Чара просто предана ей. Вы помните Чару?

— Это такая... пантерообразная?..

Дар Ветер воздел руки в шутливом ужасе.

— Ценитель женской красоты! Впрочем, я постоянно повторяю ошибку, какой страдали люди прошлого, не смыслившие ничего в законах психофизиологии и наследственности, Всегда хочу видеть в других свое понимание и свои чувства.

— Эвда, как и все на планете, — не поддержал самопокаяния Рен Боз, — будет следить за отлетом.

Физик показал на ряды высоких, полукольцом расположившихся вокруг звездолета треножников с камерами для бело-

го, инфракрасного и ультрафиолетового приемов. Разные группы лучей спектра в цветном изображении заставляли экран дышать подлинным теплом и жизнью так же, как обертонные диафрагмы уничтожали металлический отзвук в передаче голоса.

Дар Ветер посмотрел на север, откуда, тяжело переваливаясь, ползли перегруженные людьми автоматические электробусы. Из первой подошедшей машины выскочила и бежала, путаясь в траве, Веда Конг. Она с разбегу бросилась на широкую грудь Дар Ветра так, что ее длинные, заплетенные по бокам головы и спущенные косы взлетели ему на спину.

Дар Ветер слегка отстранил Веду, вглядываясь в бесконечно дорогое лицо с оттенком новизны, сообщенным необычайной прической.

— Я играла для детского фильма северную королеву Темных веков и едва успела переодеться, — пояснила, чуть запыхавшись, молодая женщина. — Причесаться не осталось времени.

Дар Ветер представил ее в длинном облегающем парчовом платье, в золотой короне с синими камнями, с пепельными косами ниже колен, с отважным взглядом серых глаз — и радостно улыбнулся.

— Корона была?

— О да, такая. — Веда очертила пальцем в воздухе контур широкого кольца с крупными зубцами в виде трилистника.

— Я увижу?

— Сегодня же. Я попрошу их показать тебе фильм.

Дар Ветер собрался спросить про таинственных «их», но Веда приветствовала серьезного физика. Тот улыбнулся наивно и сердечно.

— Где же герои Ахернара? — Рен Боз оглядел по-прежнему пустое вокруг звездолета поле.

— Там! — Веда указала на здание в виде шатра из пластин фисташково-молочного стекла с серебристыми ажурными ребрами наружных балок — главный зал космопорта.

— Так пойдемте.

— Мы лишние, — твердо сказала Веда. — Они смотрят прощальный привет Земли. Пойдемте к «Лебедю».

Мужчины повиновались.

Идя рядом с Дар Ветром, Веда тихонько спросила:

— У меня не очень нелепый вид с этой старинной прической? Я могла бы...

— Не нужно. Очаровательный контраст с современной одеждой — косы длиннее юбки. Пусть будет так!

— Повинуюсь, мой Ветер! — шепнула Веда магические слова, заставившие забиться его сердце.

Сотни людей не спеша направлялись к кораблю. Очень многие улыбались Веде или приветствовали ее поднятием руки гораздо более часто, чем Дар Ветра или Рен Боза.

— Вы популярны, Веда, — заметил Рен Боз. — Что это — работа историка или ваша пресловутая красота?

— Ни то и ни другое. Постоянное и широкое общение с людьми по роду работы и общественных занятий. Вы с Ветром то замкнетесь в недрах лабораторий, то уединяетесь для напряженной ночной работы. Вы делаете для человечества гораздо больше и более значительное, чем я, но только для одной, не самой близкой сердцу стороны. Чара Нанди и Эвда Наль гораздо более известны, чем я...

— Опять укор нашей технической цивилизации? — весело упрекнул Дар Ветер.

— Не нашей, а пережиткам прежних роковых ошибок. Еще тысячелетия тому назад наши предки знали, что искусство и с ним развитие чувств человека не менее важны для общества, чем наука.

— В смысле отношений людей между собой? — спросил заинтересованный физик.

— Вот именно!

— Какой-то древний мудрец сказал, что самое трудное на Земле — это сохранять радость, — вставил Дар Ветер. — Смотрите, вот еще верный союзник Веды!

Прямо к ним шел легким и широким шагом Мвен Мас, привлекая общее внимание своей огромной фигурой.

— Кончился танец Чары, — догадалась Веда. — Скоро появится и экипаж «Лебедя».

— Я бы на их месте шел сюда пешком и как можно медленнее, — вдруг сказал Дар Ветер.

— Ты начал волноваться? — Веда взяла его под руку.

— Конечно. Для меня мучительно подумать, что они уходят навсегда и этот корабль я больше не увижу. Что-то внутри меня протестует против этой обязательной обреченности. Может быть, потому, что там будут близкие мне люди.

— Вероятно, не потому, — вмешался подошедший Мвен Мас, чуткое ухо которого издалека уловило речь Дар Ветра. — Это неизбывный протест человека против неумолимого времени.

— Осенняя печаль? — с оттенком насмешки спросил Рен Боз, улыбаясь глазами товарищу.

— Вы замечали, что осень умеренных широт с ее грустью любят именно люди наиболее энергичные, жизнерадостные и глубоко чувствующие? — возразил Мвен Мас, дружески погладив плечо физика.

— Верное наблюдение! — восхитилась Веда.

— Очень древнее...

— Дар Ветер, вы на поле? Дар Ветер, вы на поле? — загремело откуда-то слева и сверху. — Вас зовет в ТВФ центрального здания Юний Ант. Юний Ант зовет. В ТВФ центрального здания...

Рен Боз вздрогнул и выпрямился.

— Можно с вами, Дар Ветер?

— Идите вместо меня. Вам можно пропустить отлет. Юний Ант любит показать по-старинному прямое наблюдение, а не запись, — в этом они сошлись с Мвеном Масом.

Космопорт обладал мощным ТВФ и гемисферным экраном. Рен Боз вошел в тихую круглую комнату. Дежурный оператор щелкнул включателем и указал на правый боковой экран, где появился взволнованный Юний Ант. Он внимательно оглядел физика и, поняв причину отсутствия Дар Ветра, кивнул Рен Бозу.

— Ведется внепрограммный прием-поиск в прежнем направлении и диапазоне 62/77. Поднимите воронку для направленного излучения, ориентируйте на обсерваторию. Я переброшу луч-вектор через Средиземное море прямо на Эль Хомру. — Юний Ант посмотрел в сторону и добавил: — Скорее!

Опытный в приемах ученый выполнил требование за две минуты. В глубине гемисферного экрана появилось изображение гигантской галактики, в которой оба ученых безошибочно узнали знакомую издавна человеку туманность Андромеды, или М-31.

В ближайшем к зрителю наружном обороте ее спирали, почти в середине линзовидного в ракурсе диска огромной галактики, зажегся огонек. Там ответвилась казавшаяся крохотной шерстинкой система звезд — несомненно, исполинский рукав в сотню парсек длины. Огонек стал расти, и одновременно увеличивалась «шерстинка», в то время как сама галактика исчезла, расплылась за пределы поля зрения. Поток красных и желтых звезд протянулся поперек экрана. Огонек стал маленьким кружком и светился на самом конце звездного потока. С края потока выделилась оранжевая звезда спектрального класса К. Вокруг нее закружились едва видные точки планет. На одной из них, закрыв ее целиком, расположился кружок света. И вдруг все завертелось в красных извивах и мелькании летящих искр. Рен Боз закрыл глаза...

— Это разрыв, — сказал с бокового экрана Юний Ант. — Я показал вам наблюдение прошлого месяца из записи памятных машин. Переключаю на отражение прямого приема.

На экране по-прежнему вертелись искры и линии темно-красного цвета.

— Странное явление! — воскликнул физик. — Как вы объясняете этот разрыв?

— Потом. Сейчас возобновляется передача. Но что вы считаете странным?

— Красный спектр разрыва. В спектре туманности Андромеды — фиолетовое смещение, то есть она приближается к нам.

— Разрыв никакого отношения к Андромеде не имеет. Это местное явление.

— Вы думаете, что случайно их отправляющая станция вынесена на самый край галактики, в зону, еще более отдаленную от ее центра, чем зона Солнца в нашей галактике?

Юний Ант окинул Рен Боза скептическим взглядом.

— Вы готовы к дискуссии в любой момент, забывая, что с нами говорит туманность Андромеды с расстояния четыреста пятьдесят тысяч парсек.

— О да! — смутился Рен Боз. — Еще лучше сказать с расстояния в полтора миллиона световых лет. Сообщение отправлено пятнадцать тысяч веков тому назад.

— И мы видим сейчас то, что было послано задолго до наступления ледниковой эпохи и возникновения человека на Земле! — Юний Ант заметно смягчился.

Красные линии замедлили свое верчение, экран потемнел и вдруг снова засветился. Сумеречная плоская равнина едва угадывалась в скудном свете. На ней были разбросаны странные грибовидные сооружения. Ближе к переднему краю видимого участка холодно поблескивал гигантский, по масштабу равнины, голубой круг с явно металлической поверхностью. Точно по центру круга висели один над другим большие двояковыпуклые диски. Нет, не висели, а медленно поднимались все выше. Равнина исчезла, и на экране остался лишь один из дисков, более выпуклый снизу, чем сверху, с грубыми спиральными ребрами на обеих сторонах.

— Это они... они!.. — наперебой воскликнули ученые, думая о полном сходстве изображения с фотографиями и чертежами спиралодиска, найденного тридцать седьмой экспедицией на планете железной звезды.

Новый вихрь красных линий — и экран погас. Рен Боз ждал, боясь отвести свой взгляд хоть на секунду. Первый человеческий взгляд, прикоснувшийся к жизни и мысли другой галактики! Но экран так и не загорелся. На боковой доске телевизиофона заговорил Юний Ант:

— Сообщение оборвалось. Ждать дольше, отнимая земную энергию, нельзя. Вся планета будет потрясена. Следует просить Совет Экономики производить внепрограммные приемы вдвое

чаще, но это станет возможным не раньше года после затрат на посылку «Лебедя». Теперь мы знаем, что звездолет на железной звезде — оттуда. Если бы не находка Эрга Ноора, то мы вообще не поняли бы виденного.

— И он, тот диск, пришел оттуда? Сколько же он летел? — как бы про себя спросил Рен Боз.

— Он шел мертвым около двух миллионов лет через разделяющее обе галактики пространство, — сурово ответил Юний Ант, — пока не нашел убежища на планете звезды Т. Очевидно, эти звездолеты устроены так, что садятся автоматически, несмотря на то, что тысячи тысяч лет никто живой не прикасался к рычагам управления.

— Может быть, они живут долго?

— Но не миллионы лет, это противоречит законам термодинамики, — холодно ответил Юний Ант. — И несмотря на колоссальные размеры, спиралодиск не мог нести в себе целую планету людей... мыслящих существ. Нет, пока наши галактики не могут еще ни достигнуть друг друга, ни обменяться сообщениями.

— Смогут, — уверенно сказал Рен Боз, распрощался с Юнием Антом и пошел обратно на поле космопорта.

Дар Ветер с Ведой и Чара с Мвеном Масом стояли немного в стороне от двух длинных рядов провожавших. Все головы повернулись к центральному зданию. Мимо бесшумно пронеслась широкая платформа, сопровождаемая взмахами рук и — что люди позволяли себе в обществе лишь в самых исключительных случаях — приветственными возгласами. Все двадцать два человека экипажа «Лебедя» находились на ней.

Платформа подъехала к звездолету. У высокого передвижного подъемника ожидали люди в белых комбинезонах, с серыми от усталости лицами — двадцать членов отлетной комиссии, составленной в основном из инженеров — рабочих космопорта. В течение последних суток они проверили с помощью машин для учета предметов все снаряжение экспедиции и еще раз опробовали исправность корабля тензорными аппаратами.

По заведенному на заре звездоплавания порядку председатель комиссии докладывал Эргу Ноору, вновь избранному начальником звездолета в экспедиции на Ахернар. Другие члены комиссии поставили свои шифры на бронзовой дощечке с их портретами и именами, которую вручили Эргу Ноору, и, распрощавшись, отошли в сторону. Тогда к кораблю хлынули провожающие. Люди выстроились перед путешественниками, пропустив их близких на маленькую, оставшуюся свободной площадку подъемника. Киносъемщики фиксировали каждый жест улетавших — последняя память, остающаяся родной планете.

Эрг Ноор увидел Веду и, сунув бронзовый сертификат за широкий пояс астролетчика, стремительно подошел к молодой женщине.

— Как хорошо, что вы пришли, Веда!..

— Разве я могла поступить иначе?

— Вы для меня — символ Земли и моей прошедшей юности.

— Юность Низы с вами навсегда.

— Я не скажу, что ни о чем не жалею, — это будет неправдой. И прежде всего жаль Низу, своих товарищей, да и самого себя... Слишком велика утрата. В это возвращение я по-новому полюбил Землю — крепче, проще, безусловнее...

— И все-таки вы идете, Эрг?

— Не могу иначе. Отказавшись, я утратил бы не только космос, но и Землю.

— Подвиг тем труднее, чем больше любовь?

— Вы всегда хорошо понимали меня, Веда. Вот и Низа.

Подошла похудевшая, похожая на мальчика рыжекудрая девушка и остановилась, опустив ресницы.

— Это оказалось так тяжело. Вы все... хорошие, ясные... красивые... Расстаться, оторвать свое живое тело от матери-Земли... — Голос астронавигатора дрогнул.

Веда инстинктивно привлекла ее к себе, шепча таинственные женские утешения.

— Девять минут до закрытия люков, — беззвучно сказал Эрг, не сводя глаз с Веды.

— Как долго еще!.. — простодушно воскликнула со слезами в голосе Низа.

Веда, Эрг, Дар Ветер, Мвен Мас и другие провожавшие с тоской и удивлением почувствовали, что нет слов. Нечем выразить чувства перед подвигом, совершавшимся для тех, кого еще нет, кто придет много лет спустя. Улетавшие и провожавшие знали обо всем... Что могли дать лишние слова?

Вторая сигнальная система человека оказалась несовершенной и уступала место третьей. Глубокие взгляды, отражавшие страстные, не передаваемые словами порывы, встречались безмолвно и напряженно или жадно впитывали в себя небогатую природу Эль Хомры.

— Пора! — обретший металл голос Эрга Ноора хлестнул по напряженным нервам.

Веда, откровенно всхлипнув, прижалась к Низе. Обе женщины несколько секунд стояли щека к щеке, крепко зажмурившись, пока мужчины обменивались прощальными взглядами и пожатиями рук. Подъемник упрятал в овальный чернеющий люк звездолета уже восьмерых астролетчиков. Эрг Ноор взял Низу за руку и что-то шепнул ей. Девушка вспыхнула, вы-

рвалась и бросилась к звездолету. Эрг Ноор и Низа поднялись одновременно.

Люди замерли, когда перед черным люком на выступе ярко освещенного борта «Лебедя» задержались на секунду две фигуры — высокого мужчины и стройной девушки, принимая последние приветы Земли.

Веда Конг стиснула руки, и Дар Ветер услышал, как хрустнули суставы пальцев. Эрг Ноор и Низа исчезли. Из черного зияния выдвинулась овальная плита такого же серого цвета, как и весь корпус. Секунда, и даже зоркий глаз не смог бы различить следов отверстия на крутых обводах колоссального корпуса.

Вертикально стоявший на растопыренных упорах звездолет имел в себе что-то человекообразное. Может быть, это впечатление создавал круглый шар носовой части, увенчанный острым колпаком и светящий сигнальными огнями, как глазами. Или ребристые рассекатели центральной контейнерной части корабля, похожие на наплечники рыцарских лат? Звездолет высился на своих упорах, словно растопыривший ноги исполин, презрительно и самоуверенно взиравший поверх толпы людей.

Грозно заревели сигналы первой готовности. Как по волшебству, у корабля появились широкие самоходные платформы, забравшие множество провожавших. Поползли, разъезжаясь в стороны, но не сводя своих жерл и лучей с корабля, треножники ТВФ и прожекторов. Серый корпус «Лебедя» померк и как-то утратил свои размеры. На «голове» корабля загорелись зловещие красные огни — сигнал подготовки старта. Вибрация сильных моторов передалась по твердой почве — звездолет стал поворачиваться на своих подставках, принимая ориентировку взлета. Дальше и дальше отъезжали провожавшие, пока не пересекли с наветренной стороны засветившуюся в темноте линию безопасности. Здесь люди поспешно соскочили, а платформы унеслись за оставшимися.

— Они больше не увидят нас или хоть нашего неба? — спросила Чара низко склонившегося к ней Мвена Маса.

— Нет. Разве в стереотелескопы...

Под килем звездолета загорелись зеленые огни. На вышке центрального здания неистово завертелся радиомаяк, рассылая во все стороны предупреждение о взлете громадного корабля.

— Звездолет получает сигнал отправления! — вдруг заревел металлический голос такой силы, что Чара, вздрогнув, прижалась к Мвену Масу. — Оставшиеся внутри круга, поднимите вверх руки! Поднимите вверх руки, иначе смерть! Поднимите

вверх руки, иначе!.. — кричал автомат, пока его прожекторы обшаривали поле в поисках случайно оставшихся внутри круга безопасности.

Не найдя никого, они погасли. Робот закричал снова, как показалось Чаре, еще более яростно:

— После сигнала колокола повернитесь спиной к кораблю и закройте глаза. Не открывайте до второго колокола. Повернитесь спиной и закройте глаза! — с тревогой и угрозой вопил робот.

— Это страшно! — шепнула Веда.

Дар Ветер спокойно снял с пояса свернутые в трубку полумаски с черными очками, одну надел на Веду, а другую натянул сам. Едва успел он закрепить пряжку, как дико зазвонил большой, высокого тона, колокол.

Звон оборвался, и в тишине стали слышны ко всему равнодушные цикады. Внезапно звездолет издал яростный вой и погасил огни. Один, два, три, четыре раза темную равнину пронизывал этот душераздирающий вой, и более впечатлительным людям казалось, что это сам корабль кричит в тоске прощания.

Вой оборвался так же неожиданно. Стена невообразимо яркого пламени встала вокруг корабля. Мгновенно в мире перестало существовать что бы то ни было, кроме этого космического огня. Башня огня превратилась в колонну, вытянулась длинным столбом, затем сделалась ослепительно яркой линией. Колокол забил во второй раз, и обернувшиеся люди увидели пустую равнину, на которой рдело гигантское пятно раскаленной почвы. Большая звезда стояла в высоте — это удалялся «Лебедь».

Люди медленно побрели к электробусам, оглядываясь то на небо, то на место отлета, сделавшееся вдруг поразительно безжизненным, точно здесь возродилась хаммада Эль Хомра — ужас и бедствие путников прошлых времен.

В южной стороне горизонта загорелись знакомые звезды. Все взгляды обратились туда, где поднялся голубой и яркий Ахернар. Там, у этой звезды, окажется «Лебедь» после восьмидесяти четырех лет пути со скоростью девятьсот миллионов километров в час. Для нас восемьдесят четыре, для «Лебедя» — сорок семь лет. Может быть, там они создадут новый мир, тоже красивый и радостный, под зелеными лучами циркониевой звезды.

Дар Ветер и Веда Конг догнали Чару и Мвена Маса. Африканец отвечал девушке:

— Нет, не тоска, а великая и печальная гордость — вот мои ощущения сегодня. Гордость за нас, поднимающихся все выше со своей планеты и сливающихся с космосом. Печаль — потому что маленькой становится милая Земля... Бесконечно давно майя — краснокожие индейцы Центральной Америки — оста-

вили гордую и печальную надпись. Я передал ее Эргу Ноору, и тот украсит ею библиотеку-лабораторию «Лебедя».

Африканец оглянулся, заметил, что его слушают подошедшие друзья, и продолжал громче:

— «Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь: кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы — земля!» И я тоже — насквозь земля! — добавил Мвен Мас.

Навстречу бежал Рен Боз, прерывисто дыша. Друзья обступили физика и узнали небывалое — первое соприкосновение мысли двух исполинских звездных островов.

— Мне так хотелось успеть до отлета, — огорченно сказал Рен Боз, — чтобы сообщить об этом Эргу Ноору. Он еще на черной планете понял, что спиралодиск — звездолет чрезвычайно далекого, совсем чужого мира и что этот странный корабль летел очень долго в космосе.

— Неужели Эрг Ноор никогда не узнает, что его спиралодиск из таких чудовищных глубин Вселенной — с другой галактики, с туманности Андромеды? — сказала Веда. — Как горько!

— Он узнает! — твердо сказал Дар Ветер. — Мы попросим у Совета энергию на особую передачу, через спутник тридцать шесть. «Лебедь» будет доступен нашему зову еще девятнадцать часов!

1955–1956 гг.
Москва — Мозжинка — Коктебель — Москва

На пути к роману «Туманность Андромеды»

Меня *попросили* рассказать о своем творческом опыте, о некоторых особенностях научной фантастики — жанра, в котором я работаю. Попытаюсь сделать это на нескольких конкретных примерах, связанных главным образом с «Туманностью Андромеды».

Дело в том, что работа над последним романом, в котором была сделана попытка изобразить людей далекого будущего, наметив в связи с этим ряд социальных и научных проблем, оказалась для меня особенно трудной, сложной. И большинство трудностей шло, на мой взгляд, от специфики самого фантастического романа... Но сначала несколько слов о том, как я сделался писателем-фантастом.

* * *

В литературу приходят по-разному. Поэтов, как мне кажется, увлекает прежде всего сила и образность самого слова, его изобразительная, музыкальная сторона. Драматурга и прозаика, вероятно, приводит к литературе стремление запечатлеть психологический, душевный облик человека, интересные характеры, сложные жизненные конфликты, подмеченные в действительности...

Меня же привела в литературу совсем иная «внутренняя пружина». Я пришел сюда от науки — научных проблем, гипотез, которые волновали меня. Существует понятие «интуиция ученого». Вы — ученый. Вас волнует какая-то проблема, о которой вы постоянно думаете. Наконец, вы находите разгадку, объяснение тому, что вас занимало. Но ведь надо еще найти аргументы, факты, чтобы все это обосновать. И тогда вы идете от вершины к исходной точке — обратным путем. Но бывает и так, что для доказательства недостает фактов, и вы не можете четко обозначить весь путь, весь ход вашей мысли. В таком случае остается только отложить свою гипотезу «в долгий ящик» в надежде, что когда-нибудь будут найдены, наконец, недостающие факты.

Именно сознание в такие моменты своего бессилия как ученого и натолкнуло меня на мысль, что писатель-фантаст обладает здесь целым рядом преимуществ. Если фантаста озарила какая-то идея, он может написать рассказ или роман, представив самую дерзкую гипотезу как существующую реальность. Желание как-то обосновать и утвердить дорогую для меня мысль и явилось «внутренней пружиной», которая привела меня к литературному творчеству.

«Пять румбов» — первый свой сборник научно-фантастических рассказов («рассказов о необыкновенном», как они назывались в подзаголовке) — я написал в конце войны, когда болезнь надолго вывела меня из строя, и я решил, наконец, осуществить давнее намерение — изложить несколько своих гипотетических научных идей в форме коротких новелл. Рассказы были написаны «на стыке» приключений и фантастики, так как тогда я признавал в литературе только динамику, сюжет.

В основу этих произведений я положил ряд гипотез, которые занимали меня как ученого. Например, рассказ «Алмазная труба». Для меня было совершенно ясно, что структуры Южно-Африканского и Средне-Сибирского плоскогорий одинаковы, что даже геологические разломы земной коры у них одного и того же характера. Следственно, если там — в Южной Африке — есть кимберлитовые трубки, то они есть (должны быть) и у нас,

в Сибири. Но доказать всего этого я, разумеется, не мог. Я просто был убежден в этом и как геолог-исследователь, не раз бродивший в тех местах, и как геолог-теоретик. Я и попытался изложить все это в одном из первых своих рассказов, в котором геологи находят на севере Сибири богатое месторождение алмазов. Рассказ полюбился геологам. Некоторые из них потом признавались мне, что носили книжку в своих полевых сумках, заразившись самой ее идеей. Через несколько лет ко мне пришел один приятель-геолог и положил на мой письменный стол (за ним и была написана «Алмазная труба») несколько алмазов, найденных почти при тех же обстоятельствах, которые упоминаются мной.

Или еще пример. В издательском предисловии к моему первому сборнику можно прочесть, что в центре Сибири не существует пещеры с рисунками первобытного человека, изображающими древних зверей тропических широт, что все это чистейший авторский вымысел (имелся в виду мой рассказ «Голец Подлунный», в котором совершается подобное открытие). Однако недавние находки в Каповой пещере на реке Белой почти дословно подтвердили гипотезу рассказа. В Каповой пещере обнаружены рисунки с изображением слонов, саблезубых тигров и т. п.

Я вовсе не хочу сказать, что обладаю каким-то сверхъестественным даром «предвидения». Просто мне хочется отчетливее пояснить, что именно своеобразная поэзия науки, романтика смелого научного поиска, дерзания руководили мной в моих первых литературных опытах. Должен признаться, что, написав эти рассказы, я вначале и не помышлял всерьез о литературной профессии. Но случилось так, что «рассказы о необыкновенном» прочитал А. Толстой (это было за несколько недель до его смерти, когда писатель уже лежал в больнице). Рассказы Толстому понравились. Особенно, помнится, при встрече со мной он одобрительно отозвался о той «правдоподобности необычайного», которую он почувствовал в них. Встреча с автором «Аэлиты» и «Петра Первого», писателем, которого я так любил и который серьезно оценил мои первые опыты, поддерживала меня в дальнейшей работе. Я стал и дальше пробовать свои силы в этом трудном, но увлекательном жанре — научной фантастике.

Мысль о полете человека в космос, на иные галактики, занимала меня давно, задолго до того, как первый советский спутник вышел на свою орбиту, показав всему миру реальность давней человеческой мечты о путешествии на другие миры и планеты. Однако более реальные очертания эта мысль обрела примерно лет десять назад. Я тогда прочел подряд десятка пол-

тора-два романов современных западных, главным образом американских, фантастов. После этого у меня возникло отчетливое и настойчивое желание дать свою концепцию, свое художественное изображение будущего, противоположное трактовке этих книг, философски и социологически несостоятельных.

Таким образом, подтолкнули меня к осуществлению давнего замысла побуждения чисто полемические. Всей этой фантастике, проникнутой мотивами гибели человечества в результате опустошительной борьбы миров или идеями защиты капитализма, охватившего будто бы всю Галактику на сотни тысяч лет, я хотел противопоставить мысль о *дружеском контакте* между различными космическими цивилизациями. Так родилась и созрела тема «Великого Кольца» (как я намеревался вначале назвать роман). Но постепенно в процессе работы над книгой главным объектом изображения сделался человек будущего. Я почувствовал, что не могу перебросить мост к другим галактикам, пока сам не пойму, каким же станет завтрашний человек Земли, каковы будут его помыслы, стремления, идеалы. Может быть, поэтому первоначальное, слишком обязывающее заглавие как-то само собой отодвинулось и на его место явилось другое, более подходящее — «Туманность Андромеды». Оно тоже символизировало тот межгалактический контакт, мысль о котором была мне так дорога, но давало больший простор, не связывало меня.

Должен сказать, что в этом романе я впервые сосредоточил главное внимание на человеке, на характерах своих героев. В первых рассказах меня занимали только сами научные гипотезы, положенные в их основу, и динамика, действие, приключения. Я с детства интересовался приключенческими произведениями, и когда сам занялся литературой, то считал, что в своих рассказах основным должен сделать действие, динамику и фон, достаточно экзотический, отобранный из окружающей нас природы в каких-то редких, случайных комбинациях (у меня, как ученого и путешественника, были для этого богатые возможности). В первых рассказах главный упор делался на *необыкновенное* в природе, сам же человек казался мне вполне обыкновенным. Пожалуй, только в некоторых из них — как «Катти Сарк», «Путями старых горняков» — я заинтересовался необыкновенным человеческим умением. Именно эта линия получила свое дальнейшее развитие в романе «На краю Ойкумены», где я впервые обратился к сложной для меня фигуре художника-эллина, а затем в «Звездных кораблях», в которых вплотную затрагивались вопросы творческого труда ученого и пришлось более серьезно размышлять над психологией, внутренним миром героев.

Читая переводную фантастику, я как в кривом зеркале увидел собственные свои просчеты, убедился на наглядных примерах, чем грозит писателю отказ от изображения характеров, уход в «чистую сюжетику». Фантастика превращается в таком случае в бездумное развлекательство. Я окончательно понял, что в новом романе главное место должен занять человек, а фантастика будет лишь «фоном» для постановки социальных и философских проблем. И тут передо мной встал целый ряд вопросов, в которых надо было самому как следует разобраться, прежде чем садиться писать...

Еще в пору занятий наукой я выработал в себе привычку фиксировать те проблемы и гипотезы, которые занимали, волновали меня. У меня существовали специальные блокноты, которые я в шутку называл «премудрыми тетрадями». В них делались различные пометки, наброски для памяти.

Когда появился интерес к литературе, круг вопросов, занимавших меня, естественно, расширился, что сказалось и на характере моих записей: они стали более подробными. Если раньше одной «премудрой тетради» мне хватало на несколько лет, то теперь я исписывал их две-три за год. Я заносил в них литературные идеи, но не просто «голую мысль», а ряд деталей, фактов, сведений, группировавшихся вокруг какого-то стержня.

Когда, например, я обдумывал «На краю Ойкумены», то брал на заметку множество сведений по истории древней Греции, любопытные подробности, факты об Африке, о культуре Египта и т. п. Где-то я, скажем, вычитал, что цвет воды в Красном море при закате такой-то — заношу в тетрадь. Попадется мне в книге интересная подробность: у древних греков бранным считалось выражение «Пошел к воронам!», соответствующее современному «Иди к черту!» — беру его на заметку. Из специальной, справочной литературы я старался извлечь разные интересные сведения. Но использовал я их в своих книгах иначе, чем, например, Жюль Верн. Если герои Ж. Верна проходили мимо гигантского баобаба, то автор прямо принимался описывать его высоту, сообщал, каков обхват ствола и т. п. Мне же казалось, что более важно выделить в том же дереве какую-то конкретную деталь, которая поможет лучше, выразительнее охарактеризовать среду, всю обстановку, окружающую героя. Моей главной задачей было воссоздать реальный мир в зримых деталях, не прибегая к популяризации и описательству. Другое дело, что мне, может быть, не всегда удавалось удачно разрешить эту задачу.

Особенно много записей появилось в моих «премудрых тетрадях», когда обдумывалась «Туманность Андромеды». Меня

интересовали вопросы передовой современной науки самого широкого профиля и преимущественно тех отраслей, которые я знал хуже: физики, химии, медицины и т. п. Несколько лет я внимательно следил за всем, что в этих науках происходило. Нужно было понять, над какими вопросами бьется мысль современных биологов, астрономов, физиков...

Когда основной подбор «сырого материала» закончился, наступил следующий этап: из всего этого следовало выбрать наиболее отдаленные, но и самые многообещающие проблемы науки и представить их в книге уже решенными. Это в свою очередь повлекло за собой невольные размышления о том, какими должны быть люди — при таком могуществе разума, знаний.

Мои раздумья над характером человека будущего шли в двух планах. Надо было представить себе и его внешний и внутренний облик. С первым было легче. Я мысленно шел здесь от внешности человека наших дней, представлял себе людей нашего северного Поморья, сибиряков, скандинавов — всех тех, к кому сами жизненные условия предъявляют повышенные требования, закаляя их, воспитывая силу, смелость, решительность. Мне казалось, что человек далекого будущего, занятый напряженным общественно-полезным трудом без необходимости переутомляться, сделается еще сильнее, выше, красивее.

Если же говорить о внутреннем мире, то здесь дело обстояло сложнее. Конечно, думалось мне, человек будущего должен быть волевым, смелым, решительным и в то же время свободным от малейших признаков бахвальства, грубости, разнузданности — тех качеств, которые теперь еще «почитаются» некоторыми физически сильными людьми. В коммунистическом обществе любое проявление грубости сделается явлением антисоциальным, а бесстрашие и отвага не перейдут в бесшабашность, безрассудную удаль.

Женщина будущего представлялась, разумеется, абсолютно полноправным членом общества, избавленным от любого ущемления, принижения ее прав. Она будет совершенно вольна и в сфере своих чувств.

И, конечно же, жизнь людей той эпохи окажется заполненной до краев: они все время будут увлечены интересной работой, многообразной интеллектуальной и физической деятельностью. Это избавит их от праздности, от постыднейшей необходимости как-нибудь «убить время». Наоборот — им будет чертовски не хватать времени!..

Словом, передо мной был целый комплекс сложных человеческих проблем, которые приходилось «держать в уме», размышляя над характерами героев романа.

Так появилась еще одна «премудрая тетрадка». В нее заносились предварительные наметки, догадки, мысли о том, какими должны стать в мире грядущего такие человеческие чувства, как ревность, любовь, гнев, дружба. Словом, основные пружины человеческого естества и, разумеется, в неразрывной связи с такими вопросами, как отношение к труду, как чувство долга...

Когда накопилось несколько таких тетрадок, я почувствовал, что могу уже что-то написать обо всем этом с определенной степенью реальности, то есть без ввода в действие простака, пионера или чудака-профессора, внезапно оказавшихся в обществе будущего. Мне хотелось взглянуть на мир завтрашнего дня не извне, а *изнутри*. Конечно, целиком это не получилось. Пришлось ввести в число действующих лиц историка — юную Веду Конг — и с ее помощью время от времени совершать путешествия в прошлое. Задача этих «исторических» отступлений — больше подчеркнуть особенности будущей эпохи.

Чтобы герои не получились резонерами, надо было занять их настоящим делом, которое оказалось бы под стать людям коммунистического общества. Самым логичным казалось обратить их помыслы к далеким звездным мирам, «зажечь» их собственной мечтой о контакте с братьями по разуму на иных галактиках. Так появилась в романе и научная база для этого — «биполярная математика», послужившая своего рода «ключом» для «Тибетского опыта» Мвена Маса и Рен Боза. Они пытаются осуществить дерзкий эксперимент — добиться состояния перехода пространства в антипространство, как бы перебросить мгновенный «мост» к планете звезды Эпсилон Тукана.

Мысль о контакте между жителями Земли и обитателями других миров — идею «Великого Кольца» — я считаю здесь главной. Это то, что больше всего занимало меня в книге. Вот почему, кстати, я и не стал писать продолжение «Туманности Андромеды», хотя многие читатели просили об этом. Я уже сказал то, ради чего и была написана сама вещь. Конечно, чисто сюжетно ее можно было продолжить: рассказать, например, о дальнейшей судьбе космической экспедиции, которая покидает Землю в самом конце романа. Но для меня это было бы уже не так интересно. Я люблю в книге главную мысль, основную, ведущую ее идею. Правда, в самой «Туманности Андромеды» непосредственный контакт людей Земли с иными галактиками является еще как бы задачей будущего, весьма отдаленной целью, к которой стремятся ее герои. Но мечта об этом присутствует в романе, создает простор для устремлений героев.

Впрочем, мне все же хотелось досказать главную мысль до конца — она не давала мне успокоиться, — и я написал, «не

переводя дыхания», рассказ «Сердце Змеи», в котором впервые встречаются звездолеты двух разных галактик.

Мне эта встреча представлялась интересной не только потому, что позволяла показать ряд любопытных моментов в поведении экипажей космических кораблей в такой знаменательный час. Хотелось дать почувствовать читателю, что встреча в космосе разумных существ с далеких миров — не простая случайность, а своеобразный итог всего их предшествующего пути. Их первый контакт стал возможен, когда обе цивилизации добились колоссальных успехов в развитии науки, техники и — что особенно важно — поднялись на высшую — коммунистическую — ступень общественного развития. Другими словами, встретились не «цивилизованные дикари», которые кладут начало новым вооруженным схваткам в масштабах галактик, а хотя и далеко разбросанные в космосе, но близкие друг другу братья по разуму.

Поэтому если уж говорить о продолжении «Туманности Андромеды», то рассказ «Сердце Змеи» можно назвать своеобразным дополнением к роману.

Образ Веды — юного историка — помог мне и как-то естественнее, свободнее провести в романе мысль, тоже отчасти связанную с историей, с прошлым, но которую я считал закономерной для будущего общества, — мысль, что культура его сделается более эмоциональной, чем-то напоминающей культуру эллинов. Из всех предшествующих цивилизаций, на мой взгляд, именно эллины сумели наиболее полно, законченно выразить культ красоты, здорового и прекрасного человеческого тела. Поэтому мне думается, что цивилизация будущего, которая станет, несомненно, еще более эмоциональной, многое возьмет и у древней Эллады. Герои «Туманности Андромеды» перенимают оттуда ряд традиций, давая им новое, более широкое толкование. Таковы подвиги Геркулеса, увлекательные состязания юношей в силе, ловкости, отваге; полный веселья, женской грации, красоты Праздник Пламенных Чаш и т. п.

Человек будущего — это, несомненно, человек гармонический. Размышляя над этим, я невольно столкнулся в романе с проблемами главным образом в плане общественном, социальном. Ведь от воспитания человека во многом зависит и судьба общества в целом. Поэтому здесь большую роль сыграет то разумное, здравое начало, какое внесет сюда само общество.

Мысль о воспитании связана со всем обликом человека будущего, которого я пытаюсь показать в «Туманности Андромеды». И в этом — человеческом — плане мой роман полемизирует с некоторыми вещами Уэллса, особенно с его «Маши-

ной времени», где нарисована пессимистическая картина «затухания» и обмельчания человечества. Конечно, с Уэллсом я не только полемизировал, но и учился у него мастерству, искусству фантастики. В частности, его роман «Люди как боги» (который я ценю у него больше других) явился своего рода «отправной точкой» для «Туманности Андромеды».

Кстати, о влияниях и традициях. Иногда почему-то считают, что фантастика, как жанр более «искусственно-литературный», держится почти исключительно на прямых и косвенных (вольных и невольных) «перепевах» современными фантастами своих более талантливых предшественников. Конечно, написать фантастический роман, не ставя перед собой никаких серьезных задач, можно и просто варьируя в разных сочетаниях находки и достижения прежних мастеров этого жанра. Но ведь писатель-фантаст, если он по-настоящему работает в литературе, всегда стремится открыть нечто свое, сказать что-то новое «о времени и о себе». И здесь большую роль играют и жизненный опыт писателя, и его собственные размышления, раздумья о мире, о человеке. Автор фантастического романа, при всей специфике жанра, живет в основном «впечатлениями бытия», и чаще всего исходной точкой его фантазий является какая-то действительная картина, деталь, жизненный случай. Потом уже мысль как бы получает неожиданный «излом», улетает в мир чистой фантазии. Поясню это на примере одного из еще не осуществленных замыслов — расскажу, как возникла у меня идея рассказа «Высокий перекресток».

Года два назад в составе делегации советских ученых мне довелось побывать в Китае. В Нанкинской обсерватории мне показали бронзовый глобус звездного неба, относящийся к I веку н. э. И что самое интересное: на нем подробнейшим образом нанесены те созвездия, которые можно увидеть только из южного полушария... Это значит, что восточные мореплаватели уже тогда (это в I веке!), столетий эдак за четырнадцать до Магеллана, проникли далеко в южные моря. Правда, никаких письменных свидетельств об этом не сохранилось, но глобус ведь существует!.. Словом, подобная штука поразила мое воображение, явилась мысль соединить в одном рассказе далекую историю с последними открытиями в области кибернетики, с исследованиями по механической памяти и т. п. Я представил себе: мозг одного из героев, прямого потомка отважных мореплавателей, хранит память об этом событии. Предание о нем передается из рода в род уже в виде каких-то почти неуловимых и смутных полувоспоминаний. Сложным путем, практически еще недоступным науке, удается «записать» эти слабые

импульсы, а затем «прочесть» их и восстановить вековую историческую загадку.

...Но прежде, чем на бумагу лягут первые слова, первые строчки, я должен до мельчайших подробностей *зрительно* представить себе ту картину, ту сцену, которую собираюсь описывать. Перед моими глазами как бы должна «ожить» воображаемая киноленте. Только когда на этой киноленте я увижу, словно воочию, все эпизоды будущей книги в определенной последовательности — кадр за кадром, — я могу запечатлеть их на бумаге. И подчас такой период *эмоциональной* подготовки, когда весь материал, казалось бы, уже собран, продуман, но все никак не пишется, продолжается довольно долго. Особенно затяжным был он при создании «Туманности Андромеды».

Работа никак не спорилась, не двигалась с места. Я начал было отчаиваться: мой «экран» не вспыхивал внутренним светом, «не оживал». Однако подспудная работа воображения, видимо, продолжалась. Однажды я почти воочию «увидел» вдруг мертвый, покинутый людьми звездолет, эту маленькую земную песчинку, на чужой далекой планете Тьмы, перед глазами проплыли зловещие силуэты медуз, на миг, как бы выхваченная из мрака, взметнулась крестообразная тень того Нечто, которое чуть было не погубило отважную астролетчицу Низу Крит... «Фильм», таким образом, неожиданно для меня начался с середины, но эти первые, самые яркие кадры дали дальнейший толчок фантазии — работа сдвинулась с места.

Все эпизоды, связанные с пребыванием астронавтов на планете Тьмы, я видел настолько отчетливо, что по временам не успевал записывать. Писалось большими «кусками» по 8—10 страниц. И после этого я не уставал, а, наоборот, испытывал огромное удовлетворение, приток свежих сил. Зато «связки», то есть переходы между отдельными фрагментами, или, как говорят кинематографисты, «монтажными кусками», давались мне с колоссальным трудом. Так, чтобы написать небольшую «связку» — перебросить действие от башенки, в которой звездоплаватели выслеживают смертоносных медуз, к спиралодиску, залетевшему на эту планету-ловушку с другой галактики, мне потребовался целый день! А ведь подобная «связка» занимала всего четверть странички печатного текста. Да и сам текст-то был не бог весть какой. Но тем не менее давался он мне с трудом, так как здесь приходилось «отрываться» от воображаемого кинофильма. А это всегда дается мне значительно труднее.

Чем же вызваны дни вынужденного простоя в работе? Только ли тем, что материал не был еще достаточно освоен, осмыслен до конца? Конечно, и это играло свою роль. Но мне

кажется, что при создании «Туманности Андромеды» я часто сталкивался и с теми специфическими особенностями жанра, которые создают иногда дополнительные трудности для писателя-фантаста. Сам подготовительный период бывает при этом длительнее, сложнее, особенно когда пытаешься представить и как-то осмыслить широкую картину грядущего. Когда, например, я писал свою очерковую книгу «Дорога Ветров» — о поездке советской палеонтологической экспедиции в пустыню Гоби, в которой я принимал участие, — дело обстояло значительно проще. Достаточно мне было просмотреть записи в своих путевых дневниках да еще взглянуть на фотографии, привезенные из Монголии, как все когда-то пережитое там сразу же оживало в памяти. Книга была написана легко и быстро.

Когда же я писал «Туманность Андромеды», приходилось, что называется, ставить себя на другие рельсы. Я работал над романом, находясь «в строгой изоляции»: жил один на даче под Москвой, почти ни с кем в это время не встречался и писал изо дня в день, писал не переставая. Единственное, чем я давал себе какую-то «разрядку», своеобразно стимулируя себя, были наблюдения за звездным небом. Вечерами и по ночам я любил разглядывать звезды в сильный бинокль, разыскивал на небосклоне Туманность Андромеды, а после снова принимался за работу... Для создания подобного романа мне нужна была не только предварительная подготовка в смысле накопления *конкретных сведений,* не только строгая продуманность всех «частностей», мелочей, но и какая-то психофизическая настроенность, временное «отключение» от повседневности для чисто технического осуществления замысла.

Так и остался у меня в памяти период работы над «Туманностью Андромеды» как время полного уединения, тишины, время, когда передо мной были только письменный стол и звездное небо, как бы придвинувшееся, приблизившееся ко мне.

В такой обстановке мне лучше удавалось находить достоверные, емкие детали иллюзорной действительности. А эти детали помогали создать ощущение правдоподобия, реальности грядущего.

Да, реальность, кажущуюся действительность фантастического создают реалистические детали. Такие детали мне самому кажутся счастливыми находками. Когда долго и сосредоточенно думаешь о необычных вещах, такие штрихи подчас как бы сами собой приходят на ум. Например, я как-то прочел о том, что в Центральной Индии существует небольшая народность, которая произошла от смеси монголоидных элементов с клас-

сическим индийским типом. Одним из результатов такого смешения были большие (типично индийские), но поставленные косо глаза (ведь монгольские глаза характерны своей узостью, что вызвано приспособлением организма к природным условиям — защитой от яркого солнца и пыли). Такая необычная деталь показалась мне и красивой и оригинальной. Я подумал: а что, если еще укрупнить, увеличить этот штрих? Если сделать глаза действительно огромными? Так из этой детали возник облик «фторных» людей в «Сердце Змеи», с которыми встречается в космосе экспедиция «землян».

В Гоби я видел «черный панцирь» (явление, известное еще под именем «пустынного загара горных пород»), который создает впечатление, что все вокруг сплошь залито смолою на сотни километров. В такие моменты казалось, будто находишься в каком-то царстве смерти. И мне вдруг подумалось, когда я работал над «Туманностью Андромеды» и писал о планете Зирде, которая погибла от повышенной радиации, что Зирда заслуживает именно такого скорбного покрывала. Лучше, конечно, было дать бархатисто-мягкие тона: что-то вроде сплошных зарослей черных маков. Зрительный образ этой картины имел под собой и научную основу. По специальным отчетам, связанным с изучением последствий атомного взрыва в Хиросиме, я знал, что растения в условиях интенсивной радиации способны давать энергичную и неожиданную мутацию. Так, «на стыке» каких-то зрительных ассоциаций и научных данных родился этот образ мертвой планеты, погибшей от губительных ядерных экспериментов.

Или еще одна деталь. В той же «Туманности Андромеды» отважный астронавт Эрг Ноор, вспоминая о своем детстве, говорит, что родился во время одного космического путешествия, когда ракета, на которой летели его родители, приближалась к системе двойной звезды. Наиболее яркая картина, оставшаяся в памяти Эрга Ноора от тех дней, — это его «первое... небо — черное, с чистыми огоньками немигающих звезд и двумя солнцами невообразимой красоты — ярко-оранжевым и густо-синим». Такая деталь пришла ко мне как будто непроизвольно. Наблюдая в телескоп одну из двойных звезд, я потом размышлял над тем, каковы должны быть там условия освещения. Так возник этот штрих. Впрочем, он должен казаться необычным лишь нам, так как взят из области тех понятий, с которыми мы не сталкиваемся в повседневной жизни. Для героев же «Туманности», астролетчиков, путешествующих по другим планетам, подобная деталь не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Поэтому и описывать ее надо без особых эмоций, помня о том, что именно *так* — спокойно, сдержанно — относятся к рассказу Эрга Ноора его друзья.

Вот почему, кстати, я все время строго слежу за тем, чтобы сохранялась взаимосвязь вещей и явлений, стараюсь не забывать, что одна деталь влечет за собой другую, и важно сохранить эту связь, не разрушить ее. Фантасту особенно противопоказано отрываться от времени и места действия. Только самый бдительный самоконтроль позволяет избегнуть нелепостей.

Вот, к примеру, интересная вещь — «Баллада о звездах» Г. Альтова и В. Журавлевой. Но одна сцена в звездолете нарушает цельное впечатление. Герой бреется, бреется самым патриархальным способом — с помощью мыла и помазка, — и авторы еще всячески «обыгрывают» эту деталь. Чепуха — от начала до конца. Уж если сейчас существует электробритва, то когда люди отправятся к звездам, будут существовать десятки других, более простых и удобных способов бритья... Это, конечно, мелочь, неудачная деталь чисто бытового характера. Но когда пишешь фантастический роман о далеком будущем, надо все время «пришпоривать» себя, держать под контролем даже мелочи, постоянно подтягивать собственное сознание до уровня людей завтрашнего дня. И, наоборот, когда обращаешься к прошлому (это я знаю по опыту работы над «Ойкуменой»), приходится сдерживаться, проявлять осторожность иного порядка: размышлять над тем, как могли видеть и представлять окружающий мир древние египтяне. Словом, это две находящиеся в диалектической связи наибольшие трудности, с которыми сталкиваешься в процессе творчества, но обе они по-своему интересны и увлекательны.

Фантастика — это путь в неизведанное, «езда в незнаемое», если воспользоваться словами Маяковского. Каждый писатель-фантаст идет здесь ощупью, на свой страх и риск нащупывая дорогу вперед. Вот почему, когда садишься за новую вещь, когда в машинку вставлен первый лист бумаги, невольно пугает сама перспектива: знаешь, что впереди будут бесконечные белые страницы, мучительные поиски слова. И стараешься оттянуть время, все ходишь и ходишь вокруг машинки. Ведь труднее всего начать — первые две-три страницы. Все думаешь: вот пошел не так, отклонился в сторону, взял фальшивую ноту.

Когда я начал однажды неуверенно набрасывать первый из своих «рассказов о необыкновенном», я и не помышлял тогда, что стану писателем. Но годы шли, и какая-то властная сила все настойчивее влекла меня к письменному столу, и я, преодолевая «сопротивление материала», стремился рассказать читателям о новой интересной гипотезе, новой мысли, мечте, занимавшей меня...

ЧАС БЫКА

«Ди пхи юй чхоу — Земля рождена в час Быка (иначе — Демона, два часа ночи)».

Старый китайско-русский словарь епископа Иннокентия. Пекин, 1909

Посвящается Т.И. Ефремовой

От автора

Третье произведение о далеком будущем, после «Туманности Андромеды» и «Сердца Змеи», явилось неожиданностью для меня самого. Я собрался писать историческую повесть и популярную книгу по палеонтологии, однако пришлось более трех лет посвятить научно-фантастическому роману, который хотя и не стал непосредственным продолжением моих двух первых вещей, но также говорит о путях развития грядущего коммунистического общества.

«Час Быка» возник как ответ на распространившиеся в нашей научной фантастике (не говоря уже о зарубежной) тенденции рассматривать будущее в мрачных красках грядущих катастроф, неудач и неожиданностей, преимущественно неприятных. Подобные произведения, получившие название романов-предупреждений, или антиутопий, были бы даже необходимы, если бы наряду с картинами бедствий показывали, как их избежать или уж по крайней мере как выйти из грозных ловушек, которые будущее готовит для человечества.

Другим полюсом антиутопий можно считать немалое число научно-фантастических произведений, от мелких рассказов до крупных романов, где Счастливое коммунистическое будущее достигнуто как бы само собой и люди эпохи всепланетного коммунизма страдают едва ли не худшими недостатками, чем мы, их несовершенные предки, — эти неуравновешенные, невежливые, болтливые и плоско-ироничные герои будущего больше похожи на недоучившихся и скверно воспитанных бездельников современности.

Оба полюса представлений о грядущем смыкаются в единстве игнорирования марксистско-диалектического рассмотрения исторических процессов и неверии в человека.

Своим романом мне хотелось возразить таким произведениям и тем самым последовать трем важнейшим утверждениям В. И. Ленина, которые удивительным образом упускались из виду создателями моделей будущего общества на Земле.

Невообразимая сложность мира и материи, которую мы только начинаем постигать во второй половине XX века и о которой он предупреждал три четверти столетия назад, потребует исполинской работы для существенных шагов в познании.

Переход к бесклассовому коммунистическому обществу и полное осуществление мечты основоположников марксизма о «прыжке из царства необходимости в царство свободы» не просты и потребуют от людей высочайшей дисциплинированности и сознательной ответственности за каждое действие. И наконец, сейчас как никогда более уместно вспомнить рекомендацию В. И. Ленина, данную писателю-фантасту А. А. Богданову: показать разграбление естественных ресурсов и природы нашей планеты капиталистическим хозяйствованием.

В «Часе Быка» я представил планету, на которую переселилась группа землян, они повторяют пионерское завоевание запада Америки, но на гораздо более высокой технической основе. Неимоверно ускоренный рост населения и капиталистическое хозяйствование привели к истощению планеты и массовой смертности от голода и болезней. Государственный строй на ограбленной планете, естественно, должен быть олигархическим. Чтобы построить модель подобного государства, я продолжил в будущее те тенденции гангстерского фашиствующего монополизма, какие зарождаются сейчас в Америке и некоторых других странах, пытающихся сохранить «свободу» частного предпринимательства на густой националистической основе.

Понятно, что не наука и техника отдаленного будущего или странные цивилизации безмерно далеких миров сделались целью моего романа. Люди будущей Земли, выращенные многовековым существованием высшей, коммунистической формы общества, контраст между ними и такими же землянами, но сформировавшимися в угнетении и тирании олигархического строя иной планеты, — вот главная цель и содержание книги.

Если удалось это хоть в какой-то мере показать и тем помочь строителям будущего — нашей молодежи — идти дальше, к всестороннему совершенству людей коммунистического завтра, духовной высоте человечества, тогда моя работа проделана не напрасно.

Август 1968 г.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭКИПАЖ ЗВЕЗДОЛЕТА «ТЕМНОЕ ПЛАМЯ»
Начальник экспедиции, историк Фай Ро́дис
Командир звездолета, инженер аннигиляционных установок Гриф Рифт
Астронавигатор-I Вир Нори́н
Астронавигатор-II Ме́нта Кор
Инженер-пилот Див Симбе́л
Инженер броневой защиты Гэн Атал
Инженер биологической защиты Нея Хо́лли
Инженер вычислительных установок Соль Саин
Инженер связи и съемки Олла Дез
Врач Звездного Флота Эвиза Тане́т
Биолог Тиви́са Хена́ко
Социолог-лингвист Че́ди Даа́н
Астрофизик и планетолог Тор Лик

ПЕРСОНАЖИ ПЛАНЕТЫ ТОРМАНС
Председатель Совета Четырех, Владыка планеты Чойо Чага́с
Его заместители: Ген Ши
Зет Уг
Ка Луф
Жена Чойо Чагаса Янтре Яха́х
Любовница Чагаса Эр Во-Биа
Инженер информации Хонтэ́ло Толло Фраэ́ль (Таэ́ль)
Начальник «лиловых» Ян Гао-Юа́р (Янга́р)
Девушка Торманса Сю Ан-Те (Сю-Те)
Предводитель «кжи» Гзер Бу-Ям

ПРОЛОГ

В школе третьего цикла начался последний год обучения. В конце его ученики под руководством уже избранных менторов должны были приступить к исполнению подвигов Геркулеса. Готовя себя к самостоятельным действиям, девушки и юноши с особым интересом проходили обзор истории человечества Земли. Самым важным считалось изучение идейных ошибок и неверного направления социальной организации на тех ступенях развития общества, когда наука дала возможность управлять судьбой народов и стран сперва лишь в малой степени, а затем полностью. История людей Земли сравнивалась со

множеством других цивилизаций на далеких мирах Великого Кольца.

Голубые рамы с опалесцирующими стеклами вверху были открыты. За ними чуть слышался плеск волн и шелест ветра в листве — вечная музыка природы, настраивающая на спокойное размышление. Тишина в классе, задумчивые ясные глаза... Учитель только что закончил свою лекцию.

Бесшумно опустив шторы над большими экранами и нажатием кнопки заставив убраться под кафедру стереопроектор ТВФ*, он уселся, любуясь сосредоточенными лицами. По-видимому, лекция удалась, как ни было трудно совместить малое и великое, могучий взлет человечества и бездну горя прошедших времен, трогательные недолгие радости отдельных людей и грозные крушения государств.

Учитель знал — после молчания последуют вопросы, тем более пытливые, чем сильнее задела молодых людей обрисованная им историческая картина. И, ожидая их, он старался угадать, что больше всего заинтересовало учеников сегодня, что могло остаться непонятным... Пожалуй, психология людей в трудные эпохи перехода от низших общественных форм к высшим, когда вера в благородство и честность человека, в его светлое будущее разъедалась нагромождением лжи, бессмысленной жестокости и страха. Сомнения обезоруживали борцов за преобразование мира или делали людей равнодушными ко всему, ленивыми циниками. Как понять чудовищные массовые психозы в конце ЭРМ — Эры Разобщенного Мира, приводившие к уничтожению культуры и избиению лучших? Молодые люди ЭВР — Эры Встретившихся Рук — безмерно далеки от всего, что связано с истерически напряженной нервозностью и страхами прошлых времен...

Мысли учителя прервались, когда из-за столиков в разных рядах одновременно поднялись девушка и юноша, похожие друг на друга манерой широко открывать глаза, что придавало обоим удивленный вид. Они переглянулись, и юноша поднял руку, обращенную ладонью вверх, — жест вопроса.

— Правильно ли сказать, что весь исторический опыт утверждает неизбежную победу высших форм над низшими как в развитии природы, так и в смене? — начал юноша.

— Правильно, Ларк, если исключить особенные стечения обстоятельств, которые очень редки, как все то, что выходит из границ великого диалектического процесса усреднения, — ответил учитель.

---

* Многие термины перенесены из романа «Туманность Андромеды».

— Например, случай с Зирдой, чьи мертвые развалины поросли черными маками? — спросила Пуна, вытягиваясь во весь невысокий рост.

— Или другие, открытые позже планеты, — добавил учитель, — где есть все для жизни: голубой свод могучей атмосферы, прозрачное море и чистые реки, теплое светило. Но ветры перевевают мертвые пески, и их шум вместе с шумом моря или грозы — единственные звуки, нарушающие безмолвие громадных пустынь. Мыслящая жизнь в диком заблуждении убила себя и все живое, едва прикоснувшись к мощи атома и космоса.

— Но мы уже заселили их?

— О да! Но какое значение это имеет для тех, чьи следы развеялись пылью миллионы лет назад, не сохранив ничего, чтоб мы смогли понять, как и зачем они уничтожили себя и всю жизнь своей планеты!

В проход между столиками скользнула Айода — молчаливая и пламенная, по общему мнению класса похожая на древних девушек Южной Азии, носивших в прическах или за поясами острейшие кинжалы и смело пользовавшихся ими для защиты своей чести.

— Я только что читала о мертвых цивилизациях нашей Галактики, — сказала она низким голосом, — не убитых, не самоуничтожившихся, а именно мертвых. Если сохранилось наследие их мыслей и дел, то иногда это опасный яд, могущий отравить еще незрелое общество, слепо воспринявшее мнимую мудрость. Иногда же — драгоценный опыт миллионов лет борьбы за освобождение из пут природы. Исследование погибших цивилизаций столь же опасно, как разборка древних складов оружия, временами попадающихся на нашей планете. Мне хотелось бы посвятить свою жизнь таким исследованиям, — тихо добавила девушка.

— Кажется, мы отклоняемся в сторону от того, с чего начал Ларк, — сказал учитель.

— Пуна спросила неточно, — поднялся плотный черноволосый юноша. Он оглянулся на товарищей, большинство которых подняли руки, едва не подскакивая от нетерпения.

— Следует ли понимать так, что начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого? — продолжал он.

— Формулировка неверна, Кими, — возразил учитель. — Нельзя приравнивать процесс общественного развития к двум чашам весов. Среди знакомых нам по Кольцу цивилизаций известны случаи быстрого и легкого перехода к высшему, коммунистическому обществу. Мы только что говорили о самоунич-

тожении разобщенного мира, достигшего больших научных и технических познаний. Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война — и так несколько раз, пока производительные силы планеты не истощались и технически не деградировали. Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками, несмотря на беспредельное могущество высшей общественной формы и помощь разума Великого Кольца.

— Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

— Разумеется!

— Тогда я неправильно поставил вопрос, — после некоторого раздумья сказал Кими. — Известны ли случаи, когда человечество на какой-нибудь другой планете достигало высокого уровня науки, техники, производительных сил, но не становилось коммунистическим и не погибало от страшных сил преждевременного познания? Много ли таких исключений из общего закона развития, который, если он общий, должен их иметь?

Учитель с минуту думал, опустив глаза на полупрозрачный зеленый пульт кафедры, под которым во время лекции загорались нужные справки и цифровые данные.

Удивительная история планеты Торманс была сенсацией в памяти старшего поколения. Конечно, о ней знали и его юные ученики. Немало книг, фильмов, песен и поэм вызвала к жизни эпопея звездолета «Темное Пламя». Тринадцать ее героев увековечены группой из сияющего красноватого камня на маленьком плоскогорье Реват, на том самом месте, откуда начал свой путь звездолет.

Аудитория молчаливо ждала. Ученики старших классов были достаточно тренированы в выдержке и самообладании. Без воспитания этих необходимых свойств человек не мог ни выполнить подвигов Геркулеса, ни даже приступить к ним.

— Вы имели в виду планету Торманс? — наконец заговорил учитель.

— Мы знаем только ее! — хором ответили ученики. — А сколько было других, ей подобных?

— Не могу сказать без детальных справок, — учитель улыбнулся чуть беспомощно, — я историк Земли и знаю о цивилизациях других планет лишь в общих чертах. Надо ли напоминать вам, что для раскрытия сложнейшего процесса истории иных миров нужно очень глубокое проникновение в суть чуждых нам экономики и социальной психологии.

— Даже для того, чтобы понять, хороша или плоха цивилизация, несет она радость или горе, расцвет или гибель! — откликнулся сидевший у окна мальчик, выделявшийся среди других серьезностью.

— Даже для того, Миран, — подтвердил учитель. — Иначе мы не будем отличаться от наших предков, скорых в действии и незрелых в суждениях. Я сказал вам о погибших от неразумия планетах, но ведь были и другие миры, где никто никого не убивал, и тем не менее разумная жизнь на них кончилась, как говорили в старину, «естественным» путем. Мыслящий вид жизни на этих планетах вымер, как вымирают неизбежно все сменяющие друг друга виды животных и человек тоже, если он пренебрежет познанием биологических явлений в их историческом развитии. Эти планеты, устроенные и прекрасные, были переданы вымиравшими их обитателями другим, для которых наиболее подходила совокупность их естественных условий. Все данные передавались по Великому Кольцу, а заселение происходило после того, как уходили последние представители погибающей цивилизации и по Кольцу проносился сигнал смерти.

— Вроде Рыцарей Счастья, — сказала застенчивая Кунти, — но ведь мы плохо знаем даже о Тормансе. Конечно, каждый читал, но сейчас, когда мы изучили нашу историю, мы правильней поймем Торманс.

— Тем более что планета населена нашими же людьми, потомками землян, и все процессы ее развития аналогичны нашим, — согласился учитель. — Это хорошая идея. Я попрошу из Дома Истории «звездочку» памятной машины с полным рассказом об экспедиции на Торманс. Для ее просмотра нам надо подготовиться. Договоритесь с распределительным бюро об освобождении от других лекций. Пусть кто-нибудь из вас, увлекшийся космофизикой, хотя бы Кими, приготовит на завтра реферат о первых звездолетах прямого луча, чтобы вы поняли обстановку и труды экипажа «Темного Пламени». Затем мы поедем на плоскогорье Реват, к памятнику, воздвигнутому экспедиции. Тогда «звездочка» даст вам полное понимание всего происшедшего...

Спустя два дня последний класс школы СП ШЦ-401 весело рассаживался под прозрачным куполом гигантского вагона Спиральной Дороги. Едва поезд набрал скорость, в центральном проходе появился Кими и объявил, что он готов читать реферат. Послышались энергичные протесты. Ученики доказывали, что не хватит внимания — слишком интересно смотреть по сторонам. Учитель примирил всех советом прослушать реферат в сере-

дине пути, когда поезд будет пересекать фруктовый пояс шириной около четырехсот километров, — это два часа хода.

Когда потянулись бесконечные, геометрически правильные ряды деревьев на месте бывшей пустынной степи Декана, Кими установил в проходе маленький проектор и направил на стенку салона цветные лучи иллюстраций.

Юноша говорил об открытии спирального устройства вселенной, после которого смогли разрешить задачу сверхдальних межзвездных перелетов. О биполярном строении мира математики знали еще в ЭРМ, но физики того времени запутали вопрос наивным представлением об антивеществе.

— Подумайте только! — воскликнул Кими. — Они считали, что перемена поверхностного заряда частицы изменяет все свойства материи и превращает «нормальное» вещество нашего мира в антивещество, столкновение с которым якобы должно вызвать полную аннигиляцию материи! Они вглядывались в черноту ночного неба, не умея ни объяснить ее, ни понять того, что подлинный антимир тут же, рядом, черный, беспросветный, неощутимый для приборов, настроенных на проявление нашего, светлого мира...

— Не горячись, Кими, — остановил юнца учитель, — ты совершаешь ошибку, судя плохо о предках. Как раз в конце ЭРМ, в эпоху отмирания старых принципов социальной жизни, наука становилась ведущей силой общества. Тогда были распространены подобные узкие и, я бы сказал, несправедливые суждения о предшественниках. Разве трудно понять, что неверный или неточный аспект явления будет ошибкой лишь в результате недобросовестного или глупо ориентированного исследования? Все же остальные «ошибки» предшественников зависят от общего уровня, на котором находилась в их время наука. Попробуйте на миг представить, что, открывая сотни элементарных частиц в микромире, они не знали еще, что все это лишь разные аспекты движения на разных уровнях анизотропной структуры пространства и времени.

— Неужели? — Кими покраснел до ушей. Учитель кивнул, и смущенный юноша продолжал, но уже с меньшим азартом:

— Антимир, черный мир, был назван учеными Тамасом, по имени океана бездеятельной энергии в древнеиндийской философии. Он во всех отношениях полярен нашему миру и поэтому абсолютно невоспринимаем нашими чувствами. Только недавно специальными приборами, как бы «вывернутыми» по отношению к приборам нашего мира, условно названного миром Шакти, начали нащупывать внешние контуры Тамаса. Мы не знаем, есть ли в Тамасе аналогичные нам формации звезд и

планет, хотя, по законам диалектической философии, движение материи должно быть и там.

— Трудно представить, но как интересно звучит — «невидимое солнце Тамаса»! — воскликнул Рэр.

— И планета-невидимка, населенная такими же пытающимися проникнуть в бездну нашего мира существами, как мы! — прозвенел из заднего ряда голос Иветты.

— И целые звездные системы, галактики с минус-гравитацией, отрицательными свойствами полей там, где они у нас положительные, мертвой недвижностью, где у нас движение. И все вообще наоборот! — подхватила Айода, облокотившаяся на мягкий выступ бортового окна.

— Кстати, о галактиках. Их классические спиральные формы были известны уже первым изобретателям телескопов, — продолжал Кими, — но потребовалось несколько столетий, чтобы понять в них реальное отражение структуры вселенной — волокон, или, вернее, пластов, нашего мира, переслоенного с Тамасом и вместе с ним закрученного в бесконечную спираль. И отдельные элементы, от галактик до атомов, в каждой ступени со своими особыми качествами всеобщих законов. Оказалось, что свет и другие излучения никогда не распространяются во вселенной прямолинейно, а навиваются на спираль, одновременно скользя по геликоиде и все более разворачиваясь по мере удаления от наблюдателя. Получили объяснение сжатие и растягивание световых волн с укорочением их по мере вхождения в глубь спирали и кажущееся разбегание звезд и галактик в дальних витках. Разгадали Лоренцево уравнение с его кажущимся исчезновением времени и возрастанием массы при скорости света. Еще шаг — и было понято нуль-пространство, как граница между миром и антимиром, между миром Шакти и Тамасом, где взаимно уравновешены и нейтрализованы полярные точки пространства, времени и энергии. Нуль-пространство тоже скручено в спираль соответственно обоим мирам, но... — Юноша запнулся. — Я еще не смог сообразить, как возникает возможность передвигаться в нем, почти мгновенно достигая любой точки нашей вселенной. Мне объяснили это приближенно, что звездолет прямого луча идет не по спиральному ходу света, а как бы поперек него, по продольной оси улитки, используя анизотропию пространства. Кроме того, звездолет в отношении времени как бы стоит на месте, а вся спираль мира вращается вокруг него... — Кими, краснея, беспомощно помотал головой под смех своих товарищей.

— Напрасно вы так отблагодарили Кими, — недовольно поднял руку учитель, — в новой картине вселенной еще многое

доступно лишь математическому «ощупыванию» отдельных явлений. Вы забыли, что наука движется во тьме незнаемых глубин мира подобно слепцу с протянутыми руками, осязая неясные контуры. И лишь после громадного труда создаются аппараты исследования, могущие осветить неизвестное и приобщить его к познанному. — Учитель оглядел притихших учеников и закончил: — Кими не сказал еще об одном, важном. Давно были угаданы области отрицательной гравитации в космосе, но лишь три века назад они получили свое объяснение как провалы из нашего мира в Тамас или в нуль-пространство. Иногда в них бесследно исчезали звездолеты иных цивилизаций, не приспособленные для движения в нулевом пространстве. Еще большей опасности подвергается звездолет прямого луча. При малейшей ошибке в уравновешивании полей он рискует соскользнуть или в наше пространство Шакти, или в пространство Тамаса. Из Тамаса вернуться невозможно. Мы просто не знаем, что делается там с нашими предметами. Происходит ли мгновенная аннигиляция, или же все активные процессы так же мгновенно замирают, превращая, например, звездолет в глыбу абсолютно мертвого вещества (это новое понятие вещества тоже явилось следствием открытия Тамаса). Теперь вы можете представить себе опасность, какой подвергались первые ЗПЛ — Звездолеты Прямого Луча, — и среди них «Темное Пламя». Но люди шли на этот чудовищный риск. Возможность мгновенно проникнуть в нужную точку пространства стоила любого риска. А ведь совсем недавно овладение бесконечностью космоса казалось абсолютно невозможным, не было видно никаких путей к разрешению этого проклятия всех времен и всех цивилизаций космоса, соединенных в Великом Кольце, но видевших друг друга только на Экранах Внешних Станций. Триста лет прошло, как человечество вступило в ЭВР — новую Эру. Осуществилась смелая мечта людей, и дальние миры находятся от нас на расстоянии протянутой руки — по времени. Конечно, практически передвижение ЗПЛ не мгновенно. Необходимо время на удаление в нуль-пространство, время на очень сложный расчет точки выхода и дотягивание звездолета из приближенной точки до цели на обычных анамезонных моторах и субсветовой скорости. Но что такое два-три месяца этой работы по сравнению с миллионами световых лет расстояний обычного спирально-светового пути в нашем пространстве! Даже прирост скорости от черепахи до обычного звездолета ничто по сравнению с ЗПЛ.

Как будто иллюстрируя слова учителя, поезд нырнул в длинный туннель. Опаловый свет зажегся в вагоне, оттеняя не-

проглядную тьму за окнами. Внезапно вспыхнула и раскрылась необъятная равнина, поросшая серебристой травой. Широко закрутились, разбегаясь в стороны, вихри, поднятые стремительным бегом вагонов. Ярко-синяя полоса вдали обозначила ступенчатые древние горы, среди которых в направлении Индийского океана находилось плоскогорье Реват. Оно было близко от станции, и, чтобы достичь его, юным путешественникам не требовалось ничего, кроме собственных, достаточно тренированных в ходьбе и беге ног.

Далекий берег угадывался лишь по оттенкам неба и опускавшегося к закату солнца. Трава хлестала по голым ногам путников, вызывая обжигающий зуд, ветер обвевал их спины сухим жаром. Восходящие токи воздуха мерцающей стеной окружили кольцевую гряду плоских холмов. Взобравшись на перевальную точку, молодые люди замерли. Неожиданная роща громадных секвой скрывала центр плоскогорья. Тридцать четыре широкие дорожки — по числу главных векторов Великого Кольца — разбегались из рощи к склонам окружающих холмов из коричневого базальта, отвесно срезанных и покрытых какими-то барельефами. Ученики не стали рассматривать их, устремляясь по белому камню главной дороги к роще. Только две круглые колонны черного гранита отмечали вход. Под протянутыми в огромной высоте ветвями секвой ослабло слепящее солнце и утих шелест ветра. Суровая мощь высоченных стволов заставила умерить шаги и понизить голоса, как будто ученики проникли в отдаленное от всего мира убежище тайны. Они переглядывались с волнением и любопытством, ожидая чего-то необыкновенного. Но когда они вышли на центральную поляну, под прежнюю неумолимую яркость неба, памятник звездолету «Темное Пламя» показался им слишком простым.

Модель корабля — полусферический купол из темно-зеленого металла — рассекалась грубой прямой расщелиной, точно разрубленная колоссальным мечом. Вокруг основания под кольцевым выступом располагались изваяния людей. Площадка — подножие памятника — состояла из туго скрученной спирали светлого, зеркально полированного металла, врезанного в черный матовый камень.

Число скульптур на каждом полукружии разруба оказалось неодинаковым: пять — с западной, восемь — с восточной. Ученики быстро разгадали несложную символику.

— Это смерть, разделившая погибших на планете Торманс и тех, кто вернулся на Землю, — тихо сказала Айода, слегка побледнев от охватившего ее чувства.

Учитель молча наклонил голову.

— А те, кто вернулись?

— Вернувшиеся жили недолго от сверхнапряжения пути и страшных испытаний.

В этот момент Ларк, приблизившийся к западному полукружию скульптур, поднял перед собой скрещенные ладони — жест призыва к молчанию. Остальные медленно подошли. Учитель остался позади, глядя на купол звездолета, вздымавшийся из длинной тени рощи и похожий на сверкающее темное зеркало. Рядом с разрубом, несколько отдаленная от других, стояла в спокойной подтянутой позе женщина с книгой в руках. Легкие складки ее костюма с короткой юбкой облегали ее тело. Только толстый сигнальный браслет астронавта выше локтя левой руки выдавал ее отношение к сверхдальней космической экспедиции. Она смотрела поверх книги, крупные пряди густых волос спадали на нахмуренный в усилии мысли лоб. Та же напряженная дума отражалась в скорбном изгибе полных губ и черточках вокруг глаз...

— Сама Фай Родис, командир экспедиции, — шепнула Пуна, первой подошедшая к статуям. В молчании памятника шаги по гладкому металлу казались вызывающе громкими, и ребята сбросили обувь.

Еще одна женщина стояла боком, выставив вперед левое плечо и погрузив руку в пышную гриву волос жестом не то отвращения, не то тревоги. Ее лицо, правильно-овальное, с явно монгольскими чертами, было обращено на зрителей. В раскосых глазах таилось сильнейшее нервное напряжение. Казалось, что Тивиса Хенако, биолог экспедиции, вот-вот крикнет: «Смотрите, как это плохо!»

И в противоположность тревоге биолога, рядом с ней, астрофизик звездолета Тор Лик свободно и спокойно облокотился на раму люка, а правую руку жестом успокоения и защиты положил на плечо Тивисы. Он стоял, беспечно скрестив ноги, и от всей его фигуры исходила не физическая, для этого он был слишком молод и тонок, а нервная сила. Отвернувшись от астрофизика и склонив крупную голову, первый астронавигатор Вир Норин простер правую руку перед грудью последнего из пятерки — инженера броневой защиты Гэн Атала.

Инженер высоко занес обе руки, держащие рукоять какого-то примитивного оружия. Его длинное лицо с узкими, близко посаженными глазами было грозно. Гэн Атал предстал перед памятью Земли как воин в усилии битвы с злобным врагом.

Статуи навсегда оставшихся на безмерно далекой планете и отдавших свои жизни неведомым людям Торманса резко ос-

вещались лучами заходящего солнца, пробивавшимися через вершины секвой. Скульптуры восьми вернувшихся оказались в сумеречной тени, точно подернутые покровом печали.

Почти на линии разруба, совсем близко от пяти погибших и несколько отступая от всех остальных, стояли, крепко обнявшись, две женщины. Одна — в полном расцвете сил, одетая в обтягивающую тонкую блузку с открытыми плечами и обычные брюки астронавта. Она смотрела искоса из-под опущенных ресниц, горькая улыбка трогала короткую верхнюю губу. К ней прижалась невысокая девушка в полном костюме звездолетчицы, то есть легкой куртке со стоячим воротником и свободных брюках. Она вся напряглась в полуобороте, как бы сдерживая прорывающиеся чувства, и, упираясь бедром в часть какого-то прибора, смотрела на зрителей с гневом, горем и редкой на Земле жалостью, в упрямом волевом усилии сжав твердо очерченный крупноватый рот. «Врач Звездного Флота Эвиза Танет и антрополог-лингвист Чеди Даан» — прочитали ученики на постаменте, медленно передвигаясь к следующей скульптуре. Командир и самый ответственный специалист корабля — инженер аннигиляционных установок Гриф Рифт был изображен в кресле пилота, с руками, лежащими на условно намеченном пульте. Он повернул высоколобое, полное суровой решимости лицо, исчерченное морщинами раздумья и воли, от приборов к другим статуям, как если бы он внезапно собрался сказать своим товарищам нечто очень важное. И не только важное — недобрая весть была ясно выражена художником в лице инженера.

Рядом, тоже сидящий в кресле, выставив вперед руку с браслетом астронавта, инженер пилотных устройств Див Симбел нагнулся, не сводя глаз с Гриф Рифта. Он был изваян в профиль, боком к зрителю. Массивная голова с крепко сжатыми челюстями в противоположность остальным, очень живым скульптурам, казалась каменно неподвижной на склоненной могучей шее. Правая рука сжимала рукоять прибора — Див Симбел ждал сигнала.

Три женские статуи на конце полукружия передавали совершенно иное настроение.

Второй астронавигатор Мента Кор сидела, уютно свернувшись, поджав под себя ноги, в углу чего-то вроде глубокого дивана. Ее широко открытые глаза под низкими бровями были устремлены вдаль над лентой вычислительной машины. Она держала ленту обеими руками почти вплотную к губам полуоткрытого в задумчивости рта. Тонкое мастерство сумело выразить торжествующую уверенность. Очевидно, астронавигатору удалось разрешить что-то очень трудное.

Нея Холли — инженер биозащиты, такая же юная, как Чеди Даан, присела на краешек выступа, нагнувшись вперед и опираясь заложенными назад руками на короткие рычаги. Резко повернув голову влево, она смотрела как бы на внезапно появившегося врага. Суровая смелость выражалась во всей ее гибкой фигуре, одетой в блузу с засученными рукавами, расстегнутую на груди. Ноги, обнаженные по всей длине, были перекрещены в явном усилии, и левая, закинутая выше правой, упиралась в педаль. Небрежные пряди волос спадали на правое плечо, щеку и частично прикрывали лоб.

— Она мне нравится больше всех, — шепнул Ларк стоявшей рядом подруге. Та промолчала, отрицательно качнув головой, и показала на третью звездолетчицу. Почти обнаженная, с вызывающим сознанием особенной силы своего тела, она выпрямилась с высоко поднятой грудью, обхватив ладонями немыслимо тонкую талию и опустив глаза. Старинная короткая прическа обрамляла ее суживавшееся к заостренному подбородку лицо. Всезнающая, неласковая усмешка играла на ее губах с ямочками в углах рта. Одно плечо прикрывали тонкие складки высеченного из черного камня шарфа, перекинутого из-под руки за спину. Может быть, скульптор был влюблен в этот образ, во всяком случае, Олла Дез, инженер связи и съемки, воплотилась в поразительно живую статую, полную чувства и женственности.

Но помещенный за Оллой на конце полукружия последний член экипажа звездолета Соль Саин не смотрел на нее. Высунувшись из-за пульта машины, инженер-вычислитель сощурился в нежной усмешке, избороздившей лукавыми морщинками его худое лицо. Казалось, он старался заглянуть на ту сторону памятника, где стояла самая близкая и любимая, теперь навсегда скрытая от него.

Солнце окончательно село, купол погас, и тропическая ночь подкралась внезапно. Но тотчас же, подчиняясь присутствию посетителей, автоматически вспыхнули лампы оранжевого света, скрытые в кольцевом козырьке над статуями. В искусно перекрещенных лучах изваяния сделались еще живее, в то время как все кругом исчезло в непроглядном мраке. Ученики затаили дыхание — они словно остались наедине с героями «Темного Пламени». Несколько минут ожидания, и звездолетчики вздохнут, улыбнутся и протянут руки своим потомкам. Но время шло, и застылая неподвижность фигур тяготила все больше. Может быть, впервые чувство неизбежности смерти, невозвратной утраты проникло глубоко в сознание молодых людей.

Кто-то шумно вздохнул. Кими потер виски, решительно шагнул к статуе Фай Родис и склонился перед ней жестом прощания, едва не наткнувшись на угол каменной книги, которую она держала перед собой. Его товарищи разбрелись, останавливаясь в задумчивости перед наиболее понравившимися изваяниями. Другие, отойдя подальше, рассматривали скульптурную группу целиком. Большинство учеников задержалось перед западной группой. Эти люди так и не вернулись на милую Землю, не прикоснулись снова к ее целительной природе, не увидели в предсмертные часы ни единого человека родной планеты. Мир Торманса, находившийся на не доступном ничему, кроме ЗПЛ, расстоянии, казался еще безнадежнее, опаснее и тоскливее, чем мертвые планеты, обнаруженные у близких солнц, или миры непонятной жизни на экранах Великого Кольца.

Молодые люди прониклись настроением тех времен, когда отправление первого ЗПЛ было подобно нырку в неведомую бездну. Они забыли про то, что жертва Земли на Тормансе не была напрасной, и стояли перед памятником, как провожавшие «Темное Пламя» более века назад в его никем еще не пройденный путь, полные смутной тревоги и вполне реального сознания великой опасности экспедиции.

Учитель добился своего — ученики подготовились к просмотру «звездочки» Дома Истории, стереофильма с описанием экспедиции, большей частью снятого на натуре. Другие события были восстановлены по записи памятных приборов и рассказам вернувшихся членов экспедиции. Молодым людям пришлось напомнить о необходимости возвращения. Несколько человек предложили переночевать на месте, но большинство приняли совет учителя — возвратиться ночным поездом, чтобы завтра же просмотреть «звездочку», которая потребует дня с перерывом на отдых.

Неохотно, часто оглядываясь, ученики собрались и пошли по дороге сквозь рощу. Едва последний человек сошел с площадки подножия, как освещение памятника погасло. Модель звездолета и статуи его команды исчезли во мраке, будто провалились в черную бездну антимира Тамаса. Слабым фосфорическим сиянием засветились края дороги. Путники могли уверенно идти и в непроглядной тьме рощи, и под звездным небом через перевал круга холмов.

В сосредоточенном молчании они пришли к станции. Привычная обстановка Спиральной Дороги, свет и множество людей ослабили впечатление, и молодежь принялась возбужденно обсуждать увиденное. Вопрос: кто кому больше понра-

вился — горячо дебатировался, пока не пришел поезд и усталые путешественники не прилегли на мягких сиденьях.

— А все-таки те пять, что погибли, лучше вернувшихся, и это не случайно! — твердил Кими, устраиваясь поудобнее.

— Вовсе нет! — возразила свернувшаяся калачиком Пуна. — Мне Гриф Рифт показался самым глубоким, твердым и умным!

— Зачем тогда он остался в корабле?

— Кто же, кроме него, мог справиться с аннигиляцией? Неужели ты не понял, что «Темное Пламя» погиб бы на Тормансе или в пути и мы никогда ничего не узнали бы!

— Это так! И все же...

— И все же я хочу спать и не спорить с тобой. Тем более что все по-разному отнеслись к людям экспедиции. Дальве в восторге от боевого Гэн Атала и Неи Холли, а ты не сводил глаз с Фай Родис и Див Симбела.

— Увидим, кто лучше! — возразили с другого ряда кресел. — Завтра, после «звездочки».

— Увидим! — сонно пробормотала Пуна, но неугомонный Кими подошел к учителю, устроившемуся в заднем конце салона. Юноша жестом спросил разрешения и получил утвердительный наклон головы.

— Вы, с опытом жизни и углубленным пониманием, — сказал Кими, — кого из них вы избрали бы своим другом?

— Ты думаешь о товарищах в подвигах или же менторе?

Кими покраснел и опустил глаза.

— Понимаю. Но в выборе подруги не может быть подражания, и я тебе не пример.

— Нет, конечно. Но я хотел узнать... думая о верности суждения и вкуса. Мы все так разошлись...

— И хорошо. Независимость суждения мы, учителя, стараемся воспитать в вас с первых шагов в жизни. Потом, после определенной суммы знаний, возникает общность понимания.

— И вы?..

— Я, если бы мог выбирать, выбрал бы Фай Родис.

— О, да! И я...

— Или Оллу Дез!

— Почему же? — недоуменно воскликнул юноша. — Они такие разные, совсем непохожие.

— В этом и дело. Видишь, я предупредил тебя. Пора спать, и мы не будем начинать сложного разговора. Но скоро тебе придется узнать уже не разумом, а чувством всю неизбежную полярность ощущений, диалектику жизни, гораздо более сложную и трудную, чем все головоломные задачи творцов теорий в науке и новых путей искусства. Помни всегда, что самое труд-

ное в жизни — это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств.

Учитель умолк и ласково подтолкнул Кими к его месту. Эти заключительные слова много раз возникали в памяти юноши в те часы, когда «звездочка» памятной машины стала развертывать повесть о планете Торманс в почти подлинной жизни экранов ТВФ.

Глава первая
МИФ О ПЛАНЕТЕ ТОРМАНС

— В заключение позвольте рассказать о происхождении названия. В пятом периоде ЭРМ в западной сфере мировой культуры нарастало недовольство цивилизацией, выросшей из капиталистической формы общества. Многие писатели и ученые пытались заглянуть в будущее. Предчувствие художников внедрялось тревогой в думы передовых людей перед близящимся кризисом в те годы, когда назревавшие противоречия заканчивались военными конфликтами. Но с изобретением дальних ракет и ядерного оружия опасение за грядущую судьбу человечества стало всеобщим и, разумеется, отразилось в искусстве. В Доме Искусств хранится картина тех времен. Короткая подпись под ней совершенно понятна нам: «Последняя минута». На обширном поле рядами стоят гигантские ракеты, подобные высоким крестам на старинном кладбище. Низко нависло мутное, бессолнечное небо, угрожающе прочерченное острыми пиками боевых головок — ужасных носителей термоядерной смерти. Люди, трусливо оглядываясь, как бы сами в страхе от содеянного, бегут гуськом к черной пещере глубокого блиндажа. Художник сумел передать чувство страшной беды, уже неотвратимой, потому что в ответ на гибель миллионов невинных людей оттуда, куда нацелены крестообразные чудовища, прилетят такие же ракеты. Погибнут не те, которые бегут в блиндаж, а изображенные на другой стороне диптиха мужчина и женщина, юные и симпатичные, преклонившие колени на берегу большой реки. Женщина прижимает к себе маленького ребенка, а мальчик постарше крепко уцепился ручонками за отца. Мужчина обнимает женщину и ребят, повернув голову назад, туда, где из накатывающегося облака атомного взрыва высунулся гигантский меч, занесенный над жалкими фигурками людей. Женщина не оглядывается — она смотрит на зрителя, и бесконечная тоска обреченности на ее лице гнетет каждого, кто видит эту картину.

Не менее сильно выражена беспомощность мужчины — он знает, что все кончено, и только хочет, чтобы — скорее.

Настроения, аналогичные отраженным в картине, среди людей, исповедовавших христианскую религию и безоговорочно веровавших в особенные, мистические, как называли тогда, силы, стоявшие над природой, появились еще раньше, после первой мировой войны ЭРМ. Моралисты давно увидели неизбежность распада прежней морали, исходившей из религиозных догм, вместе с упадком религии, но, в отличие от философов-диалектиков, не видели выхода в переустройстве общества. Примером такой реакции на действительность для нас стала сохранившаяся от этого периода небольшая книга Артура Линдсея о фантастическом путешествии на некую планету в системе звезды Арктур. Конечно, путешествие мыслилось духовно-мистическим. Ни о каких звездолетах техника того времени еще не могла и думать. На воображаемой планете происходило искупление грехов человечества. Мрачная, полная тоски жизнь, обрисованная автором, удивляет богатством фантазии. Планета называлась Торманс, что на забытом языке означало «мучение». Так родился миф о планете мучения, который затем был использован, насколько можно судить, и художниками, и писателями многих поколений. К мифу о Тормансе возвращались не раз, и это происходило всегда в периоды кризисов, тяжелой войны, голода и смутного будущего. Для нас планета Торманс была лишь одной из многих тысяч сказок, канувших в небытие. Но всем известно, что семьдесят два года назад мы получили по Великому Кольцу первое известие о странной планете красного солнца в созвездии Рыси. Историк Кин Рух, извлекший из-под спуда времен первоисточник мифа, назвал новую планету Тормансом — символом тяжкой жизни людей в неустроенном обществе.

Глубокий голос Фай Родис умолк, и в зале Совета Звездоплавания на минуту наступила тишина. Затем на трибуне появился худой человек с непокорно торчащими рыжими волосами. Его хорошо знала вся планета — и как прямого потомка знаменитого Рен Боза, первым осуществившего опыт прямого луча и едва не погибшего при этом, и как теоретика навигации ЗПЛ. Люди, видевшие памятник Рен Бозу, считали, что Вел Хэг очень похож на прадеда.

— Вычисления закончены и не противоречат гипотезе Фай. Несмотря на колоссальную удаленность Торманса, вполне возможно, что те самые три звездолета, которые ушли с Земли в начале ЭМВ, достигли этой планеты. Представим, что корабли попали в область отрицательной гравитации, провалились в

нуль-пространство и оттуда, естественно, соскользнули назад, в один миг пролетев сотни парсеков. При полном невежестве в астронавигации гибель звездолетов была неизбежной, но их спасло чисто случайное совпадение точки выхода с планетой, очень близкой по свойствам нашей Земле. Теперь известно, что планеты нашего типа вовсе не редкое явление и, как правило, имеются почти в каждой звездной системе с несколькими спутниками. Поэтому находка такой планеты сама по себе не удивительна, но выход на нее в бедных звездами широтах Галактики — это исключительное событие. В древности говорили, подметив закон предварительного преодоления обстоятельств, что безумцам сопутствует удача. Так и здесь — безумное предприятие беглецов с Земли, фанатиков, не захотевших покориться неизбежному ходу истории, увенчалось успехом. Они шли наугад на только что открытое тогда скопление темных звезд поблизости от Солнца, не подозревая, что это пятно, окруженное поясом темного вещества, вовсе не сложная система звезды-невидимки, а провал, место расползания продольной структуры пространств, обтекающей ундуляцию Тамаса. Я еще раз просмотрел записи памятных машин сообщения 886449, сто пятого ключа, двадцать первой группы информационного центра 26 Великого Кольца. Описания обитателей Торманса скудны.

Экспедиция с планеты в созвездии Цефея, чье название еще не переведено на язык Кольца, смогла получить лишь несколько снимков, и по ним можно судить, что тормансиане весьма похожи на тех людей, которые предприняли отчаянную попытку много веков назад.

Уже произведен подсчет биполярной вероятности — он равен ноль четырем. Машина Общего Раздумья по всем округам суммировала «да» с высоким индексом, и Академия Горя и Радости высказалась тоже за посылку экспедиции.

Вел Хэг покинул трибуну, и его место занял председатель Совета.

— После такой аргументации решать Совету нечего — мы подчиняемся мнению планеты!

Сплошное сияние зеленых огней в зале было ответом на слова председателя. Тот продолжал:

— Совет немедленно приступает к работе по формированию экспедиции. Самое главное, важнейшее — подбор астронавтов. «Темное Пламя» — второй наш ЗПЛ — невелик, и мы не сможем послать столько людей, сколько требуется. Управление звездолетом ведут восемь человек, все бессменные, кроме навигаторов. Пять человек сверх этого, считая начальника, — максимум того, что может взять «Темное Пламя» без невыно-

симого стеснения людей. Мы с горечью сознаем, что наши ЗПЛ еще не более чем опытные машины и те, кто их водит, по существу, испытатели опаснейшего вида передвижения в космосе. Каждый полет, особенно в неведомую область мира, по-прежнему таит в себе гибельный риск...

В одном из верхних рядов зала трижды мелькнул красный огонек. Поднялся молодой человек в широком белом плаще.

— Надо ли подчеркивать опасность? — заявил он. — Вам известно, насколько это увеличивает приток желающих даже в техническом опыте. Но речь идет о Тормансе, о возможности соединиться с нашими людьми, частицей человечества, случайно заброшенной в безмерную даль пространства!

Председатель покачал головой.

— Вы прибыли недавно с Юпитера и пропустили подробности обсуждения. Ни капли сомнения нет — мы должны это сделать. Если жители Торманса — люди с Земли, то наши и их прадеды дышали тем же воздухом, молекулы которого наполняют наши легкие. У них и у нас общий фонд генов, общая кровь, как сказали бы в ту эпоху, когда они улетали с Земли. И если жизнь у них так трудна, как это считают Кин Рух и его сотрудники, тем более мы обязаны поспешить. Мы в Совете говорили об опасности как специальном мотиве подбора людей. Напоминаю еще и еще раз: мы не можем применять силу, не можем прийти к ним ни карающими, ни всепрощающими вестниками высшего мира. Заставить их изменить свою жизнь было бы безумием, и потому нужен совсем особый такт и подход в этой небывалой экспедиции.

— На что же вы надеетесь? — озабоченно спросил человек с Юпитера.

— Если их беда — как огромное большинство всех бед — от невежества, то есть слепоты познания, тогда пусть они прозреют. И мы будем врачами их глаз. Если болезнь от трудных общих условий планеты, мы предложим им исцелить их экономику и технику — во всех случаях наш долг прийти как врачам, — ответил председатель, и все члены Совета поднялись, как один человек, чтобы выразить полное согласие.

— А если они не захотят? — возразил юпитерианец.

Председатель нехотя ответил:

— Обратитесь в Академию Предсказания Будущего. Она уже обсуждает разные варианты. Нам же, до того как члены Совета разойдутся по рабочим группам, надо всем вместе решить вопрос о начальнике экспедиции!

Имя Фай Родис, ученицы Кин Руха, знатока истории ЭРМ, вызвало сверкание поясов зеленых огней.

— Мне кажется, — добавил председатель, готовясь покинуть трибуну, — что надо подбирать людей как можно моложе, в том числе и специалистов корабля. Молодежь по психике ближе к ЭРМ и ЭМВ, чем зрелые люди, далеко ушедшие по пути самосовершенствования и иногда плохо понимающие внезапность и силу эмоций молодости.

Председатель улыбнулся бегло и лукаво, представив себе негодующие заявления, какие будут получены от молодежных групп информационным центром Совета Звездоплавания.

Место отправления ЗПЛ «Темное Пламя» выбрали так, чтобы его могло проводить наибольшее количество людей. Степная равнина в кольце низких холмов на плоскогорье Реват в Индии оказалась в этом смысле идеальной. Как все первые звездолеты прямого луча, «Темное Пламя» уходил за пределы солнечной системы на обычных анамезонных моторах и там, в рассчитанной заранее точке, экранировал свое состояние в нашей системе пространства-времени. Это давало возможность стать на границу Тамаса в нуль-пространстве.

Неуклюжая форма звездолета затрудняла его отрыв от Земли. Приходилось подниматься не на планетарных, а сразу на анамезонных двигателях. Поэтому первые ЗПЛ не могли взлетать на обычных космодромах, а лишь в удаленных и пустынных местах.

Двурогие активаторы магнитного поля выдвинулись на защиту. Собравшиеся на холмах укрылись за металлической сеткой, надев специальные полумаски, надежно прикрывавшие уши, нос и рот слоем мягкого пластика. На «рогах» активаторов загорелись сигналы, едва заметные в свете тропического утра. Зеленый купол огромного корабля дрогнул, подскочил на десяток метров и замер на те несколько секунд, в которые магнитные амортизационные шахты внутри корабля набрали полную мощность. «Темное Пламя» повис, медленно вращаясь вокруг вертикальной оси. Бледно мерцавший столб анамезона растекался под ним до границ защитной стены. Внезапно звездолет сделал второй вертикальный прыжок в небо и сразу исчез. Неожиданность, простота, а также мерзкий режущий визг совсем не походили на гремящее и торжественное отправление обычных звездолетов. Гигантские и грозные корабли уходили с Земли величественно, как бы гордясь своей силой, а этот исчез, словно убегая.

Провожавшие разошлись несколько разочарованные. Далеко не все представляли себе опасность ЗПЛ и трудность экспедиции. Лишь пылкое воображение, или глубокое знание, или и то и другое вместе заставили часть людей остаться в задумчи-

вости перед опустевшей котловиной, покрывшейся белым порошком пережженного грунта.

Человеческий разум, как ни обогатился и ни развился за последние три тысячи лет, все еще воспринимал некоторые явления лишь с одной внешней их стороны и отказывался верить, что это неуклюжее сооружение способно почти мгновенно проткнуть пространство, вместо того чтобы покорно крутиться в нем, как и лучи света, в продолжение тысяч лет по разрешенным каналам его сложной структуры.

Пользуясь своими магнитными гасителями инерции, «Темное Пламя» продолжал набирать скорость такими же убийственными для прежних звездолетов прыжками, и связь с кораблем оборвалась.

Внутри «Темного Пламени», как только приборы СПШ (скорости пространства Шакти) установились на индексе 0,10129, все члены экипажа покинули инерционную камеру, разойдясь по своим постам.

В сплющенном сфероиде кабины управления, подвешенном в центре купола, были только командир корабля Гриф Рифт, Фай Родис и Див Симбел. Отсчет за отсчетом браковались варианты Шакти — ориентации звездолета, мгновенно перебираемые электронным мозгом курсового пульта. Ловкими, молниеносными поворотами рычажков Див Симбел нарочно вводил помехи на дисторсию кривых тяготения и перебивки, имитируя случайности Финнегана. Наконец слабое свечение озарило четыре желтые звездочки в итоговом окошке, и вибрация звездолета успокоилась. «Темное Пламя» лег на курс. Инженер включил пилотную установку и замер над циферблатом устойчивости.

Фай Родис и Гриф Рифт молча встали на диск в полу кабины, спустивший их на вторую перегородку корабля. Здесь оба астронавигатора вместе с Соль Саином трудились над расчетами точки входа и точки выхода — обе должны были быть готовы одновременно, ибо звездолет скользил на границе Тамаса в нуль-пространстве лишь короткое время, затраченное на повороты после входа и на выходе. Для продвижения в нуль-пространстве времени Шакти не существовало. Точность расчета для навигации этого рода превосходила всякое воображение и не так давно еще считалась недоступной. Первый ЗПЛ «Нооген» мог выходить лишь в приблизительно намеченные области пространства. Вероятность ошибок была велика, что и привело в конце концов к гибели «Ноогена».

После изобретения каскадного метода корреляций стало возможным определение места выхода с точностью до полу-

миллиарда километров. Созданные почти одновременно приборы для «ощупывания» полей тяготения из нуль-пространства исключили катастрофы от выхода на звезду или иное опасное скопление материи. На эти приборы возлагали надежды безумно смелые исследователи Тамаса.

А сейчас Вир Норин и Мента Кор закладывали в машины все предварительные расчеты, сделанные гигантскими институтами Земли, чтобы перевести их на конкретные условия в месте аннигиляции звездолета. Работали не спеша, но и не отвлекаясь. В их распоряжении было сорок три дня.

Фай Родис жестом простилась с Рифтом и медленно пошла по мягкой дорожке к своей каюте, расположенной в ряду других по периферии второй палубы. Присутствие ее не требовалось нигде. Месяцами подготовлявшийся экипаж корабля и специалисты экспедиции не нуждались ни в каких указаниях для повседневной работы — условия, уже тысячелетия существующие для людей Земли. Пока ничего не случится, время Фай Родис принадлежало ей самой, тем более что множество дел было неизмеримо выше ее компетенции. Толстая дверь из волокнистого силиколла автоматически открылась и закрылась, пропустив Фай Родис. Она усилила приток воздуха в каюту и придала ему свой излюбленный аромат — свежий, теплый запах нагретых солнцем африканских степей. Слабо гудели стены каюты, будто и в самом деле вокруг простиралась обдуваемая ветром саванна.

Фай Родис села на низкий диван, подумала и соскользнула на белый жесткий ковер перед магнитным столиком. Среди прилепившихся к его поверхности вещей стояла оправленная в золотистый овал небольшая диорама. Родис подвинула незаметный рычажок, и маленькая вещица превратилась в просвет необъятной дали живых и сильных красок природы. Над спускавшейся в неизвестность синеватой равниной летел хрупкий парящий аппарат в виде неуклюжей платформы, с грубо торчащими углами, кривыми стойками и запыленным верхом. Уцепившись за какой-то рычаг, на нем стояли двое молодых людей. Юноша с резкими чертами лица крепко держал за талию девушку монгольского типа. Ее черные косы взвивались на ветру, а одна рука была поднята вверх — не то сигнал, не то жест прощания. Угрюмая пыльная равнина с чахлой растительностью сбегала в таившуюся впереди пропасть, прикрытую валом густых желтых облаков. Эта странная вещь досталась Родис от учителя Кин Руха, который видел в ней соответствующую его мечтам символику. Для Кин Руха, окончательно раскрывшего инфернальность прошедших времен, эта диорама стала свя-

зующей с теми давно исчезнувшими людьми, наследником мыслей и чувств которых он явился, чтобы оценить и понять неизмеримую силу их подвигов. Тех, кто не примирился с безвыходным кругом страданий, страха, болезней и тоски, оцепившими Землю с древних геологических эпох и до той поры, когда в ЭМВ удалось наконец построить подлинно высшее общество — коммунистическое.

Очень трудна работа историка, особенно когда ученые стали заниматься главным — историей духовных ценностей, процессом перестройки сознания и структурой ноосферы — суммы созданных человеком знаний, искусства и мечты.

Подлинные носители культуры раньше составляли ничтожное меньшинство. Исчезновение духовных ценностей, кроме дворцовых предметов искусства, из археологической документации совершенно естественно. Нередко исчезали в руинах и под пылью тысячелетий целые островки высоких культур, обрывая цепочку исторического развития. С увеличением земного населения и развитием монокультуры европейского типа историкам удалось перейти от субъективных догадок к подлинному анализу исторических процессов. С другой стороны, стало трудно выяснять истинное значение документации. Дезинформация и чудовищная ложь стали орудиями политической борьбы за власть. Весь пятый период ЭРМ, изучению которого Фай Родис посвятила себя, характерен колоссальными нагромождениями псевдоисторических произведений именно этого рода. В их массе тонут отдельные документы и книги, отражающие истинное сочетание причин и следствий.

Фай Родис вспоминала странное чувство ужаса и отвращения, приходившее к ней по мере того как она углублялась в избранную эпоху. В сосредоточенных размышлениях она как бы перевоплощалась в некоего среднего человека тех времен, односторонне образованного, убого информированного, отягощенного предрассудками и наивной, происходившей от незнания верой в чудо.

Ученый тех времен казался глухим эмоционально; обогащенный эмоциями художник — невежественным до слепоты. И между этими крайностями обыкновенный человек ЭРМ, предоставленный самому себе, не дисциплинированный воспитанием, болезненный, теряющий веру в себя и людей и находящийся на грани нервного надлома, метался от одной нелепости к другой в своей короткой жизни, зависевшей от множества случайностей.

Самым ужасным казалось отсутствие ясной цели и жажды познания мира у очень многих людей, без интереса глядевших в

темное, не обещавшее никаких существенных изменений будущее с его неизбежным концом — смертью.

Начинающая двадцатипятилетняя исследовательница явилась к учителю с поникшей головой. Фай Родис всегда считала себя способной к трудному поприщу древней моноистории, но теперь она почувствовала свою эмоциональную слабость. Фай Родис захотелось спуститься в еще большую древность, где отдельные очаги цивилизаций не давали возможности для моноисторического синтеза и казались гораздо прекраснее. Недостаток фактов давал простор домыслам, осветленным представлениями Эры Встретившихся Рук. Сохранившиеся произведения искусств одевали то немногое, что было известно, ореолом большого духовного взлета.

Кин Рух, не скрывая улыбки, предложил Фай продолжать изучение ЭРМ еще год. Когда Родис стала видеть, как в неустроенной жизни ЭРМ выковывались духовные, морально-этические основы будущего мира, она была поражена и полностью захвачена картиной великой борьбы за знание, правду, справедливость, за сознательное завоевание здоровья и красоты. Впервые она поняла казавшуюся загадочной внезапность перелома хода истории на рубеже ЭМВ, когда человечество, измученное существованием на грани всеистребительной войны, раздробленное классовой, национальной и языковой рознью, истощившее естественные ресурсы планеты, совершило мировое социалистическое объединение. Сейчас, из дали веков, этот гигантский шаг вперед производил впечатление неожиданного прыжка. Прослеживание корней будущего, поразительной уверенности в светлом и прекрасном существе человека стало для Фай Родис главным делом жизни. И теперь, через пятнадцать лет, по достижении ею сорокалетней зрелости, оно привело ее к руководству небывалой экспедицией в чудовищно отдаленный мир, похожий на земной период конца ЭРМ, — олигархический государственный капитализм, каким-то способом остановленный в считавшемся неотвратимым историческом общественном развитии. Если это так, то там встретится опасное, отравленное лживыми идеями общество, где ценность отдельного человека ничтожна и его жизнь без колебания приносится в жертву чему угодно — государственному устройству, деньгам, производственному процессу, наконец, любой войне по любому поводу.

Ей придется стать лицом к лицу с этим миром, и не только как бесстрастному исследователю, чья роль — смотреть, изучать и доставить на родную планету собранные материалы. Ее выбрали, конечно, не за ее ничтожные научные достижения, а как по-

сланницу Земли, женщину ЭВР, которая со всей глубиной чувств, тактом и нежностью сможет передать потомкам родной планеты радость светлой жизни коммунистического мира.

Фай Родис отстраняющим жестом выключила диораму. Взять с собой частицу мечты учителя — что это, как не отголосок ее прежнего смятения от познания ЭРМ! Сейчас, в тот момент, когда звездолет мчится навстречу неизвестной судьбе, она смотрела на летящую девушку, как на подругу. Та стояла в полной готовности, подняв для сигнала тонкую руку, перед спуском в пропасть. И Родис тоже скоро станет перед смертельно опасным для всего чужого миром Торманса. Ее спутники будут ждать от нее решающего сигнала.

Фай Родис передвинула рычажок под подушкой дивана, и часть стенки каюты превратилась в зеркало. С минуту она изучала в нем свое лицо, ища сходства с трагически напряженным лицом девушки. Однако твердое, правильное лицо зрелой женщины ЭВР с идеально вылепленной структурой сильного костяка, проступающей под выразительными мышцами и безупречной кожей, сильно отличалось от полудетского выражения девушки ЭРМ даже в очень похожих переживаниях.

Предчувствие испытаний и тревога за успех экспедиции углубили серьезность зеленых глаз Фай Родис, резче очертили упрямый и твердый вырез губ.

Фай Родис шире раскрыла глаза и подняла руку — жестом летящей на платформе, но зеркало отразило его патетическим и забавным. Коротко рассмеявшись, Родис убрала зеркало, сбросила платье и легла на диван, расслабив тело и уставив взгляд на синеватый, чуть светящийся шар над головой. Она оставалась в неподвижности около трех часов, пока в системе концентрических кругов на потолке не загорелась желтая точка и не раздался слабый звон. Фай Родис сделала несколько гимнастических упражнений. Еще несколько минут — и перед зеркалом стояла другая женщина, казавшаяся строже и суровее в мягкой облегающей одежде астронавта и с короткой, плотно уложенной прической. Она надела тяжелый сигнальный браслет на левую руку и вышла из каюты.

В круглом помещении, тоже на центральной оси корабля, под пилотским сфероидом и вычислительными машинами, уже собрались участники экспедиции. Ожили циферблаты дублерных приборов, и в тот же миг через люк в потолке в зал скользнули Мента Кор и Див Симбел. Тихо запела настроенная на си бемоль струна ОЭС, показывая, что все нормально в работе охранителей электронных связей. Звездолет более не требовал внимания и шел по заданному курсу в направлении галактического полюса.

Выжидательная тишина заставила Фай Родис сразу приступить к самому трудному — разделить людей на высаживающихся и остающихся в неприкосновенной команде корабля. Она начала с показа снимков, переданных чужой экспедицией из Цефея по Кольцу. Они достигли бы Земли обычным путем еще через два с половиной тысячелетия, если бы ЗПЛ с планет в области созвездия Дракона не шел в нашу часть Галактики и не доставил бы сообщения в 26-й сегмент Великого Кольца.

Экспедиция цефеян только два раза облетела планету Торманс и, не получив разрешения на посадку, удалилась, сделав общую съемку планеты и ее обитателей по перехваченным телепередачам.

Красное солнце Торманса — обычная звезда для земного наблюдателя — находилось в созвездии Рыси — темной, бедной звездами области высоких широт Галактики.

Никому бы не пришло в голову, что в этой глубине пространства смогли обосноваться жители Земли. Но переданные по Кольцу снимки не оставляли сомнения — это совершенно похожие на землян люди.

Трудно было судить о цвете их кожи — пожалуй, она не отличалась от более смуглых землян. Узкие и длинные глаза казались непроницаемо темными, косые, поднятые к переносице брови придавали лицам слегка трагическое выражение. Антропологи находили в профилях жителей Торманса черты монголоидной уплощенности, а небольшой рост и слабое, большей частью неправильное телосложение тоже напоминало людей конца ЭРМ и начала ЭМВ.

Поверхность планеты, снятая в разрывах облачного покрова, не походила на Землю. Скорее ее можно было сравнить с планетой Зеленого Солнца. Показатель лучевого зондирования говорил наметанному взгляду планетографов о небольшой, в сравнении с океанами Земли, глубине морей Торманса.

По-видимому, толщина атмосферы Торманса равнялась земной. Алое солнце освещало вращавшуюся «лежа» планету, ось которой совпадала с линией орбиты, и ее бег вокруг светила был стремительнее, чем у Земли.

— Если растительность и, следовательно, состав атмосферы здесь похожи на наши, если здесь нет каких-либо особо болезнетворных организмов, то на этой планете жить легко, — нарушил молчание Тор Лик. — Здесь должны отсутствовать резкие перемены климата, избыток радиации, землетрясения, ураганы и другие катастрофические явления, которые нам пришлось так долго смягчать.

— По-видимому, вы правы, — подтвердил Гриф Рифт. — Но зачем же тогда Торманс? Может быть, состояние планеты не так уж плохо и учитель Фай Родис только воскресил миф прошлого? Говорили, что он чересчур смело наименовал планету, основываясь лишь на предварительных данных. Орбитальные демографические профили экспедиции цефеян показали численность населения порядка пятнадцати миллиардов человек. Оборот водной массы и характер рельефа свидетельствует о невозможности биологического процветания столь большого числа людей. Избежать голода можно, если на планете сделаны или приняты по Кольцу научные открытия в производстве синтетической пищи, минуя посредство организмов высшего порядка. С Великим Кольцом они не сообщаются, а отказ в приеме чужого звездолета целой планетой говорит о существовании замкнутой централизованной власти, для которой невыгодно появление гостей из космоса. Следовательно, эта власть опасается высоких познаний пришельцев, что показывает низкий ее уровень, не обеспечивающий должной социально-научной организации общества. Никто другой не ответил на зов звездолета цефеян. Это значит, что олигархический строй не позволяет пользоваться мощными передатчиками никому, даже в чрезвычайных случаях.

— В таком случае на планете имеет место подавление индивидуальных интересов, ведь звездолет — такое событие, на которое должны были откликнуться миллионы людей, — сказала Фай Родис, — а из истории планет известно, что такая система всегда совпадает с научной отсталостью и техническим регрессом.

— Кин Рух прав! — воскликнула Чеди Даан. — Огромное население без ускоренного прогресса быстро истощит ресурсы планеты, ухудшит условия жизни, еще ослабит прогресс — словом, кольцо замкнулось.

— Подобными словами мой учитель обосновывал свое наименование планеты, ибо мучение людей по формуле инфернальности в таких условиях неизбежно, — подтвердила Фай Родис.

— Вы подразумеваете старую формулу или ее новую разработку, данную Кин Рухом?

— И то и другое. Теория выдвинута и названа одним философом и ученым ЭРМ.

— Я знаю, — ответила Чеди Даан, — это был Эрф Ром, живший в пятом периоде.

— Мы обсудим теорию позднее. Став спутником Торманса, мы сможем наблюдать его жизнь, — сказала Фай Родис. —

А сейчас разделимся на две группы. Каждый будет готовиться к многогранной просветительской деятельности, которая ждет как остающихся охранять «Темное Пламя», так и тех, кто ступит на запретную почву планеты.

— Но если они снова не захотят? — спросил Див Симбел.

— Я придумала прием, который откроет нам доступ на планету, — ответила Фай Родис.

— Кого вы возьмете из команды корабля? — спросил Соль Саин.

— Кроме меня и трех специалистов экспедиции, то есть Чеди, Тивисы и Тора, необходимы врач, технолог и вычислитель высшего класса, владеющий методами стохастики. В качестве технолога высадится Гэн Атал, обязанность которого по броневой защите корабля возьмет Нея Холли, вычислителем будет первый астронавигатор Вир Норин, а врач — она у нас одна.

— Благодарю, Фай, — Эвиза послала воздушный поцелуй, а Вир Норин обрадованно кивнул, не сводя с Фай Родис глаз, и легкий румянец окрасил его щеки, бледные от напряженной работы последних месяцев в тесных помещениях корабля.

Гэн Атал плотно сжал тонкие губы, и глубокая вертикальная морщина легла между его бровей.

— А как же я? — недовольно воскликнула Олла Дез. — Я подготовилась к высадке и нахожусь в самой лучшей форме. Я думала, что тоже смогу выполнять двоякую роль исследователя и демонстратора! Показать Тормансу пластические танцы...

— И вы покажете, Олла, несомненно, — возразила Фай Родис, — через экран нашего корабля. Вы нужны здесь — для связи с личными роботами и отдаленной съемки. Впрочем, если все будет благополучно, то каждый из нас будет гостем Торманса.

— А пока расчет на самое худшее, — поморщилась Олла Дез.

— На худшее, но не самое, — сказала Фай Родис.

Глава вторая
ПО КРАЮ ВЕЗДНЫ

Двадцать дней, как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь.
Двадцать дней, как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь.

Напевая эти древние слова на мелодию «Вспаханного Рая», Чеди Даан ворвалась в круглый зал, увидела Фай Родис, склонившуюся над машиной для чтения, и смутилась.

— Вхожу в мышление ЭРМ, — пояснила Чеди, — сегодня ровно двадцать дней, как мы затормозились и неподвижно висим в пространстве!

— А вам не кажется, — слова Фай Родис сопровождались ее обычной скользящей улыбкой, — что «Вспаханный Рай» не подходит для стихов ЭРМ? Дейра Мир, недавно создавшая кантату, сторонница сумрачного красно-оранжевого спектра мелодий. А мне представляется, что поэты ЭРМ — хорошие люди, потому что создавали в тех условиях добрые, хорошие вещи голубого спектра. Вы знаете, что из тех времен я больше всего ценю русскую поэзию! Она мне кажется наиболее глубокой, мужественной и человечной среди поэтического наследия всего тогдашнего мира. Хорошие люди всегда носили в себе печаль неустроенной, инфернальной жизни, и мелодии их песен не должны были быть мажорнее зеленого спектра.

— Но уцелевшие записи музыки, — возразила Чеди, — изобилуют даже желтыми мелодическими линиями.

— Это так, но не забывайте, Чеди, перевоплощаясь в девушку ЭРМ, что в творчестве того времени всегда разделялись две стороны — внешняя и внутренняя. Внутреннюю умели выражать лишь косвенно, а внешняя была маской в желтом, оранжевом и даже инфракрасном спектре мелодий, ее называли еще абстрактной, как бы надэмоциональной музыкой.

— А маска служила требованиям общества или власти?

— Часто, но не обязательно. Как всякая маска, она для художника прежде всего прикрывала разрыв между стремлениями и жизнью, какую ему приходилось вести.

— Но тогда все носили маски! — удивилась Чеди Даан.

— Так и было. Тех, кто изредка пытался жить без маски, считали безумцами, святыми или так называемыми дураками — тогдашний термин для неагрессивных людей с дефектным мышлением.

— И это доказано?

— Нет, конечно. О внутренней жизни людей той эпохи известно мало, и всегда возможна дисторсия представлений, — но, простите, я прервала вас.

— У вас гораздо больше знаний по ЭРМ и выбора, спойте мне. Такое, что вам особенно нравится.

Фай Родис, обхватив пальцами твердый подбородок, поставила локти на стол. Несколько минут она оставалась в этой позе, потом запела сильным высоким голосом:

Нет, не укор, не предвестье
Эти святые часы!

Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Чеди подавила вздох восхищения.

Миг между светом и тенью,
День меж зимой и весной,
Вся подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной!

— В синем спектре? — спросила Чеди.

— Зеленом. Я взяла мелодию из «Равнодушной Богини».

— «Миг между светом и тенью...» — задумчиво повторила строку Чеди. — Прекрасная вещь! Запомнилась навсегда. И как подходит она к нашему будущему пути по грани между звездными просторами Шакти и бездной Тамаса!

— Миг между светом и тенью — это ведь наше «Темное Пламя». Я не подумала об этом, — сказала Родис, — для меня звучал лишь внутренний смысл песни, а он привел к настоящему. Нередкое совпадение при глубоком чувстве! — И Фай Родис задумалась снова, а Чеди Даан выскользнула в круговой коридор, где чуть не столкнулась с астронавигаторами.

— Идемте с нами, Чеди, — пригласила Мента Кор, — мы бежим потанцевать. Сегодня работа шла хорошо! Мы заложили последнюю кохлеарную программу, но внутри все кипит от напряжения.

— Хорошо, только я позову себе партнера, — ответила Чеди, — Гриф Рифта. — И она подняла перед собой циферблат сигнального браслета.

Мента Кор покрыла его рукой.

— Не надо. Он поднялся на веранду. — Мента замялась, опустив взгляд. — Зачем тревожить Рифта? Мне кажется, он размышляет над величайшими проблемами.

— Как раз и нужно его отвлечь. Видимо, вы не знаете, что он пережил. Гриф Рифт потерял любимую женщину. Она погибла при вскрытии древнего склада биологических ядов. Наши предки запасли их в количестве достаточном, чтобы отравить всю планету. Мудрость людей ЭВР спасла всех от ужасной катастрофы ценой всего одной жизни. Но эта жизнь была самой драгоценной для Рифта.

Чеди Даан подошла к услужливо открывшейся перед ней дверце лифта. «Верандой» называлось пространство под куполом вокруг сфероида пилотской кабины — оно использовалось как прогулочная площадка и гимнастический зал. Там уже носились неистово и порывисто Тивиса Хенако и Тор Лик.

Чеди Даан увидела Рифта, склонившегося на перила галереи и уставившегося на серебристое зеркало бассейна для гимнастики. Заполненный преобразованным изотопом таллия, неядовитым и нелетучим, он служил для сложных упражнений в условиях нормального и повышенного тяготения.

Чеди увела инженера вниз. И хмурый повелитель звездолета невольно улыбнулся, глядя сверху вниз в разрумянившееся лицо Чеди. Они танцевали медленно и молча. Чеди почувствовала, как напряженные движения Гриф Рифта стали свободней.

— Еще несколько дней, и они, — Чеди кивнула на астронавигаторов, — получат все данные. Тогда приметесь за дело вы. — Чеди вздохнула. — Говорят, что нет ничего страшнее, чем входить в нуль-пространство. Может быть...

— Я найду для вас место в пилотской кабине. Там есть маленькое кресло за охладителем индикатора скоростей. Надо же социологу взглянуть на корни вселенной, беспощадной и убийственной для жизни, пролетающей в ее черных глубинах, как чайка в ночном урагане.

— И все же летящей!

— Да, в этом и заключается величайшая загадка жизни и ее бессмысленность. Материя, порождающая в себе самой силы для разгадки себя, копящая информацию о самой себе. Змея, вцепившаяся в свой хвост!

— Вы говорите как древний человек, живший узко, мало и без радости познания.

— Все мы, как и тридцать тысяч лет назад, оказываемся узкими и малыми, едва встретимся лицом к лицу с беспощадностью мира.

— Не верю. Теперь мы гораздо больше растворены в тысячах близких духовно людей. Кажется, что ничто не страшно, даже гибель, бесследное исчезновение такой маленькой капли, как я. Хотя... простите, я говорю только о себе.

— Я и не ощутил вас учительницей второго цикла. Но знаете ли вы, какое страшное слово «никогда» и как трудно с ним примириться? Оно непереносимо, и я убежден, что всегда было так! С тех пор как человек стал памятью воскрешать прошлое и воображением заглядывать в будущее.

— А мир построен так, что «никогда» повторяется в каждый миг жизни, пожалуй, это единственное неотвратимо повторяющееся. Может быть, по-настоящему человек только тот, кто нашел в себе силу совместить глубокое чувство и это беспощадное «никогда». Прежде, да и теперь, многие старались разрешить это противоречие борьбой с чувством. Если впереди «никогда», если любовь, дружба — это всего лишь процесс, имеющий не-

избежный конец, то клятвы в любви «навеки», дружбе «навсегда», за которые так цеплялись наши предки, наивны и нереальны. Следовательно, чем больше холодности в отношениях, тем лучше — это отвечает истинной структуре мира.

— Неужели вы не видите, насколько это не соответствует человеку? Ведь в самой своей основе он устроен как протест против «никогда», — ответил Гриф Рифт.

— Я не думала об этом, — призналась Чеди.

— Тогда примите же борьбу эмоций против мгновенности жизни, беспощадной бесконечности вселенной как естественное, как одну из координат человека. Но если человек совместил в себе глубину чувств и «никогда», не удивляйтесь его печали!

Чеди Даан взволнованно посмотрела в склоненное к ней лицо инженера и нежно погладила его большую руку.

— Пойдемте! — коротко сказал Гриф Рифт и повел ее на вторую палубу, в свою просторную каюту.

Инженер включил серый свет, употреблявшийся для рассмотрения цветовых соотношений, и отодвинул легкую панель в стене. Пластическая голограмма воскресила облик той, которая осталась прежней лишь в памяти Гриф Рифта.

Молодая женщина в широком белом платье сидела, сложив обнаженные руки на коленях и чуть подняв лицо, обрамленное серповидной рамкой тщательно причесанных светлых волос. Выпуклый гладкий лоб, тонкие косые брови и веселые, лукавые глаза гармонировали со смешливым очерком полного крупного рта. Высокая шея охватывалась несколькими рядами розовых жемчужин, спускавшихся на низко открытую по моде недавних лет грудь. Легкая юная радость исходила от всей ее фигуры. Будто в каюте звездолета очутилась фея Весны неумирающих сказок человечества, чтобы передать астронавтам то особое предчувствие сбывающегося счастья, которое свойственно только очень молодым в разгаре весны, пронизанной всеми ароматами, солнечными бликами и свежим ветром Земли.

С этим ощущением Чеди тихо вышла из каюты, когда Гриф Рифт погасил стереопластический портрет и стоял в сером свете молчаливый и неподвижный. А Чеди боролась с навертывающимися слезами и нервным комком в горле, удивляясь, как сильно подействовало на нее свидание с погибшей возлюбленной знаменитого инженера. «Социолог Эры Встретившихся Рук, — говорила она себе, — что же случилось с тобою? Или на самом деле ты становишься женщиной ЭРМ — несдержанно жалостливой, чувствительной к любому страданию. Надо подумать, будет ли это полезно в трудные дни, когда придется окунуться в жизнь Торманса?» Она давно уже решила

побыть на планете в роли обыкновенной тормансианки, не гостьи, не учительницы, а скорее ученицы. Суметь стать похожей, не отличаться, затеряться в толпах народа, виденных на снимках цефеян. Судить не извне, а изнутри — основная заповедь социолога высших форм общественного устройства. Фай Родис одобряет ее проект, только ставит условие, что окончательное решение будет принято на Тормансе...

Гриф Рифт сдержал свое обещание. Чеди забилась в глубину кресла. Все места в пилотской кабине были заняты. В центре полукружия пультов сидел Гриф Рифт, немного позади и справа Див Симбел, похожий на каменную статую борца. Слева Соль Саин устремил сощуренные глаза на верхний ряд экранов. Скулы его сухого лица резко выступили, а глубокая морщина обежала подбородок от одной щеки до другой. Оба астронавигатора, с безразличным видом стараясь показать, что они сделали все, поместились за левым концом пульта. Со своей позиции Чеди Даан могла видеть в профиль Фай Родис, сидевшую в «гостевом» кресле в двух метрах позади инженера аннигилятора. Внешне глава экспедиции казалась совершенно спокойной, но не могла обмануть чуткую Чеди, заметившую, что Фай волнуется.

«Тоже в первый раз», — подумала Чеди, оглядываясь на плотно запертую дверь. Весь остальной экипаж, кроме Гэн Атала, находился в камере биозащиты в ведении Неи Холли и Эвизы Танет. Гэн Атал уединился в тесной каюте под самым куполом, выше пилотской кабины, куда, как к полюсу, сходились линии силовых напряжений, температурной деформации и отражателей шаровых сгущений минус-поля. Пылкое воображение Чеди Даан представило инженера броневой защиты древним воином, укрывшимся за щитом, готовым парировать все неожиданные удары врага. По существу, так оно и было, только вместо рукояток меча и кинжала пальцы инженера держали рычаги куда более мощных орудий.

Тишина нарушалась тремя нотами аккорда ОЭС. Гриф Рифт повернулся к Соль Саину и сделал ему какой-то знак. Пение ОЭС умолкло, тишина стала такой глубокой, что вспыхнувшие экраны кругового обзора, казалось, зашелестели и зазвенели горстями ярких звезд слева, в направлении галактического центра. Спутанные нити иглистых светил тянулись справа, вдоль наружного рукава нашей вселенной.

По второму знаку Гриф Рифта Див Симбел повернул звездолет. Медленно ушли из передних экранов дико взлохмаченная туманность светящегося газа, край облака темной материи, подсвеченного плотным огнем шарового скопления, и длинные

нити рассеянного света в Лебеде. Чернота космической ночи надвинулась вплотную, отбрасывая в неизмеримую даль тусклые огоньки далеких звезд и галактик. Это означало, что «нос» корабля повернулся в сторону созвездия Рыси и подходил к репагулюму — как бы перегородке, разделяющей часть оборота мира и антимира, Шакти и Тамаса, вложенных один в другой.

Див Симбел раскрутил небольшое красное колесо, насаженное на торчавший из пульта конус. Звездолет дрогнул, легкое ускорение вдавило Чеди в глубину кресла. Нижние края экранов замерцали, гася резкие звездные огни отблесками работы нейтринной воронки. Гриф Рифт щелкнул чем-то, пронзительный сигнал пронесся по всем помещениям корабля, и вспыхнувшее на экранах голубое пламя заставило вздрогнуть Чеди и Фай Родис. Обе женщины инстинктивно прикрыли глаза руками, пока не привыкли к перемене цветов — голубого и синего, вихрившихся и стремительно обтекавших купол звездолета. В пилотской кабине стало темно, будто бы она погрузилась в озеро мрака, накрытое сверху чашей стремительных струй света.

Четыре гигантские круглые шкалы загорелись одна над другой на вертикальной перегородке, разделявшей два экрана, в вершине дуги пультов. Гриф Рифт кивнул в сторону Див Симбела, и инженер-пилот поспешно повернул красное колесо назад.

Чеди Даан скорее угадала, чем почувствовала вращение сфероида кабины. Циферблаты замерцали перебежкой оранжевых огней, и огромные стрелки их двинулись налево, вздрагивая и качаясь вразнобой. Гриф Рифт склонился над пультом, и его руки, освещенные лишь отблеском циферблатов, замелькали на клавишах приборов с быстротой первоклассного музыканта. Стрелки медленно выравнивались, одна за другой прекращая свое неровное трепетание, и справа на экраны начала наползать тьма. Это не был ночной мрак Земли, наполненный воздухом, запахами и звуками жизни. И не мрак космического пространства, чернота которого всегда подразумевает необъятный простор. На звездолет ползло нечто не поддающееся чувствам и разуму, не наделенное ни одним из привычных человеку свойств, не поддающееся даже абстрактному определению. Это было не вещество и не пространство, не пустота и не облако. Нечто такое, в чем все ощущения человека одновременно тонули и упирались, вызывая глубочайший ужас. Чеди Даан вцепилась в кресло и стиснула зубы, охваченная первобытным страхом. Вся дрожа, Чеди задержала взгляд на длинном суровом лице Гриф Рифта, замершего над своими приборами. Четыре циферблата над его головой теперь горели тусклым жел-

тым пламенем. Резко выделялись острия стрелок — две вверх, две вниз, — подползавших к вертикальной черте. Едва стрелки коснулись этой черты, звездолет сотрясся. На секунду перед глазами Чеди встало незабываемое грандиозное зрелище — горящие кинжальными лучами звездные облака, полосы и шары вплоть до вертикального столба с циферблатами, а слева — заполнившая все стена тьмы.

И вдруг все погасло. Чувство провала, падения в бездну без опоры и спасения придавило гаснувшее сознание Чеди. Несказанно мучительное ощущение внутреннего нервного взрыва заставило ее кричать надрывно и бессмысленно. На самом деле Чеди лишь беззвучно шевелила губами. Ей казалось, что все ее существо испаряется, точно капля воды. Потом ледяной холод сковал ее в глубине той бездны, куда она падала без конца...

С чувством целости тела к Чеди вернулось сознание. Струйки тонизирующей газовой смеси тихо обвевали ее покрытое потом лицо. Медленно, боясь не пережить вторичного распада сознания, Чеди скосила глаза на правые экраны. На них не виделось ничего, кроме мутной и серой пустоты. Налево, где раньше сияла светоносная мощь миллионов солнц центра Галактики, тоже было серое ничто. Чеди встретилась глазами с Фай Родис, которая слабо улыбнулась и, видя, что Чеди собирается что-то сказать, приложила пальцы к губам.

Гриф Рифт, Див Симбел и Соль Саин сдвинули свои кресла. В треугольнике их плеч и голов светилась теперь невысокая, прозрачная, как хрусталь, колонна. Внутри ее по едва различимой спирали текла похожая на ртуть жидкость. Малейшее замедление или ускорение ее потока вызывало скачок одной из стрелок больших циферблатов и короткий требовательный гудок откуда-то из подножия пульта. С гудком все три головы вздрагивали, напрягаясь, и снова впадали в оцепенение, едва стрелка возвращалась на черту.

Прозвучал особенно настойчивый гудок, две стрелки сдвинулись одновременно. На правом экране из серой мглы проступило пятно тьмы.

Чеди достаточно знала новые представления об устройстве вселенной, чтобы понять это пятно тьмы как выступ Тамаса. Она знала, что гравитационные поля в нашей вселенной имеют очень разнообразную форму, чаще всего волчков, воронок, сильно сплющенных конусов, протянувшихся цепями в направлениях анизотропии пространства-времени. Нет ничего удивительного, если антигравитационные для нас поля антимира, то есть гравитация Тамаса, построены аналогично и за

этим волнообразным выступом скрыты сгущения антиматерии — черные галактики и солнца-невидимки Тамаса.

Когда-то людям казалось невероятным, что в соседних галактиках, вроде Туманности Андромеды, могут оказаться обитаемые миры. А еще раньше кружилась голова от представления о жителях планет Арктура или Альтаира. Теперь человеку уже мало своей вселенной с ее миллиардами галактик, и он подбирается к ужасающему мраку антимира, который, оказывается, совсем близко. Но какую же отвагу и жажду познания надо накопить людям, чтобы не только бесстрашно встать перед стеной ужаса, но и стремиться проникнуть сквозь нее в то, чему у обыкновенного человека, вроде самой Чеди, даже нет мысленного определения! И она еще чуть не набралась смелости учить жизни самого Гриф Рифта! Нет, она говорила с ним хорошо, с дружеским пониманием и единством чувств...

«Миг между светом и тенью...» — зазвучала в памяти песня Родис... Действительно, миг. Вертикальная планка с циферблатами олицетворяет собою грань. Соскользнуть с нее, и... она знает теперь, что будет в Тамасе! Можно очутиться и в нашем мире, светлом Шакти, но он так же убийствен, если выйти слишком близко к звезде или в шаровое скопление. Так носятся по гребню волны, с той разницей, что слишком большая судьба стоит за полетом «Темного Пламени» и тринадцатью жизнями его экипажа. Гриф Рифт сказал ей о чайке, летящей в ночном урагане, — ему ли не знать! Для него это не поэтическое сравнение, а точный образ ЗПЛ. Нет, достаточно! Корни вселенной слишком страшны для нее, взращенной в заботливом обществе Земли. Интересно, что почувствовала Фай Родис, — вот она, такая же неподвижная, как трое вокруг хрустальной колонны, подняла взгляд на экраны, за которыми серая пустота, и, наверное, тоже старается представить Тамас?

Чеди не угадала мыслей Фай Родис. Ощущения, пережитые ею, были мучительнее, чем у Чеди, потому что Родис не теряла сознания. Ее сильное, великолепно тренированное тело сопротивлялось переходу в нуль-пространство почти так же, как у водителей ЗПЛ. Быстро вернувшись к норме, она думала о комнате в институте Кин Руха, на востоке Канады, где она готовилась к экспедиции.

Просторная, со стеной, застекленной огромными листами силиколла, комната выходила на долину большой реки, среди сосновых лесов заповедника. Фай Родис вспомнились самые незначительные детали — от палевого оттенка сплошного ковра до больших столов и диванов из искусственного серо-шелковистого дерева. Теплый уют способствовал работе. Особенно когда

за обращенной к речным далям прозрачной стеной ползли низкие тучи и холодный дождь несся по ветру. Тогда Фай Родис забиралась на диван в противоположной стороне комнаты, возле читального аппарата и стопок восстановленных древних фильмов, читала, думала и смотрела. Счастливое время «впитывания» информации, чтобы сделать себя способной к пониманию древних исторических процессов и путей восхождения человечества.

Однажды ей попался обрывок фильма о войне. Гриб воды и пара от ядерного взрыва стоял над океаном на заоблачной высоте, над холмами и пальмовыми рощами крутого берега. Несколько кораблей были опрокинуты и разметаны. Из берегового укрепления двое людей наблюдали за происходящим. Пожилые и грузноватые, они были в одинаковых фуражках с золотыми символами — очевидно, командиры.

Их лица, освещенные заревом морского пожара, изборожденные морщинами, с припухшими веками усталых глаз, не выражали испуга, а лишь сосредоточенное внимание. У обоих были крупные черты, массивные челюсти и одинаковая уверенность в благополучном исходе титанической битвы...

Родис вспомнила, как тогда, глядя в черную ночь за прозрачной стеной, думала об океане мужества, понадобившегося людям Земли, чтобы вывести себя из дикого состояния, а свою планету превратить в светлый, цветущий сад.

Девяносто миллиардов людей прошли под косой времени, начав с шатких шалашей на ветвях деревьев или узких щелей в обрывах скал, пока с победой разума и знания, с наступлением всепланетного коммунистического общества не кончилась ночь несчастий, издавна сопутствовавшая человечеству. Чудовищная цена!

Но сейчас гордая женщина была потрясена и, если честно признаться, испугана столкновением с реальностью вселенной, испугана не меньше, чем когда-то поддавались страху ее давно прошедшие по лику планеты сестры. Страх перед реальностью, ведущий к разрыву с ней, к созданию иллюзий и искажению действительности, всегда владел человеком, не закаленным с детства для борьбы с силами природы. Даже теперь она, полная здоровья, специально тренированная психически, дрожит перед фундаментальными структурами подлинного мира... Но тверды и непреклонны лица ее соратников в борьбе с силами антимира, перед которыми не только человек, но даже целая галактика — пылинка, без следа исчезающая во враждебной тьме Тамаса — антивремени и антипространства...

Фай Родис разглядывала троих сидевших перед ней бесстрашных пилотов корабля и спрашивала себя: где предел и

есть ли он? С изобретением ЗПЛ наступила Эра Встретившихся Рук, а что придет ей на смену в грядущем? Эра соединения Шакти и Тамаса? Уравновешивание корней двухполюсной вселенной? Но как избежать замыкания, бесструктурности, аннигиляции? Даже смутные догадки об этом ей не по силам.

И вдруг хрустальная колонна погасла, новый звук, вроде аккорда басовой струны, отдался в полу кабины. Фай Родис инстинктивно поняла, что «Темное Пламя» достиг цели, вернее — точки выхода. Что-то опять случилось с ее телом. Падение или взлет? Растягивание или сжатие? Фай Родис не могла сообразить. Исчезли все обычные чувства. Она будто бы плавала в невесомости, не ощущая ни холода, ни тепла, ни низа, ни верха, ни света, ни мрака. Потеряв все ориентиры, мозг отказался воспринимать что-либо. Однотонные мысли завертелись по кругу, догоняя одна другую в бесконечной череде повторений. Она не испытывала ни страха, ни радости, не понимала своего состояния, похожего на жизнь, уже родившуюся и еще бессмысленную, как миллиарды лет назад. Но неведомое вторглось в несущиеся по кругу мысли, разорвало их замкнутую цепь. Сознание опять раскрыло свои объятия внешнему миру. Вернувшись из небытия... Нет, это состояние нельзя было так называть. Родис была, но не существовала, или, вернее, существовала, а не была.

Она увидела роскошную россыпь звездных огней. Только пояса и шары горящей материи теперь ушли в низ экранов левой стороны. Впереди, справа, в черноте космоса, зловеще светило созвездие Пяти Красных Солнц, а в стороне — еще две близкие бледные звезды.

Гриф Рифт поднялся, провел ладонями по лицу, будто смывая с себя усталость. Див Симбел манипулировал цифровыми дисками на пульте. Звездолет дрогнул несколько раз, точно успокаивающийся зверь, и замер. Радость, неопределенная и глубокая, согрела Фай Родис. Так человек, бродивший в гибельном подземелье, выходит к голубому небу, теплому солнцу, живому запаху трав и леса. Она улыбнулась всем: Гриф Рифту, Чеди, обоим астронавигаторам, пробиравшимся вдоль пультов к лифту в помещение вычислительных машин. Перед овальной дверью откуда-то возник Гэн Атал. Он передвинул зеленый рычаг, и массивная дверь отползла направо. Инженер броневой защиты подошел к Чеди одновременно с Гриф Рифтом.

— Все! — сказал Рифт. — Теперь дело за астронавигаторами. Скоро они скажут нам, как далеко мы вышли от цели. Что вы думаете, Див?

Инженер-пилот показал на тусклое светило диаметром в четыре-пять сантиметров, наполовину скрытое рамкой экрана и ранее не замеченное Фай Родис.

— Если это солнце Торманса и оно размером с наше, то до него может быть всего триста-четыреста миллионов километров. Это пустяки.

— А если не оно? Какое-нибудь из той пятерки? — спросил Соль Саин.

— Тогда придется странствовать долго... или снова входить в нуль-пространство, но уже без заранее подготовленной на Земле сетки. Будет беда, но я верю и расчетам Земли, и нашим астронавигаторам. Не в первый раз они ведут ЗПЛ, — спокойно сказал Див Симбел.

Чеди Даан осторожно спустила ноги на упругий пол.

— Как чувствуете себя, Чеди? — заботливо спросил Гриф Рифт. — Может быть, вызвать Эвизу? Все-таки мы рисковали, подвергая вас такому испытанию. Я понадеялся на тщательную тренировку всего нашего экипажа.

— И не ошиблись, — выпрямилась Чеди, изо всех сил стараясь преодолеть слабость в ногах и мерцание перед глазами.

Трое водителей звездолета одобрительно переглянулись. Она отвечает так, как будто терять сознание дважды за короткий промежуток времени для нее было обычным делом. Чеди уловила смешливую искорку в темных глазах Соль Саина.

— Почему вы не заботитесь о Фай Родис? Она тоже впервые попала в нуль-пространство.

— О Фай Родис никто не тревожился, — Гриф Рифт понизил голос, — она не только вела раскопки на дальних планетах, но и прошла все десять ступеней инфернальности.

— Зачем? — изумилась Чеди Даан.

— Историки делают это, чтобы глубже понять ощущения людей давнего прошлого.

Чеди порозовела от наплыва смешанных чувств. Второй раз в тесном мирке из тринадцати людей она недооценила человека. Положительно, нельзя считать себя социологом раньше пятидесяти лет. Хорошо, что машинная лингвистика — область, в которой она может верить в себя. Сколько еще сюрпризов принесет ей дальнейшая работа с товарищами по экспедиции? Она пошла в свою каюту, бросив искоса взгляд на Фай Родис. Опершись на спинку кресла, та смотрела на недоброе мерцание созвездия Красных Солнц. Чеди вдруг вспомнилась картина одной из художественных выставок. Безотрадный ландшафт: гряды бурого камня, осклизлые и покрытые извилистыми полосами грязно-коричневой растительности — длинных, сте-

лющихся, похожих на водоросли косм. Низкое облачное небо подпиралось, точно колоннами, рядами красно-ржавых ажурных башен. На балках ближайших загадочных построек висели те же коричневые клоки, отклоненные в сторону упорным и равномерным ветром. Спереди крупным планом была изображена женщина в сложном скафандре. Верхняя часть шлема, приподнятая на манер забрала древних рыцарей, открывала часть лица. По характерным очертаниям лба, переносицы, бровей и глаз Чеди теперь безошибочно узнала Фай Родис, хотя нос, рот и подбородок скрывались в сложном респираторном устройстве. Да, несомненно, она была там, на мокрых планетах инфракрасных солнц! А следовательно, короткий, предпоследний прыжок «Ноогена» произошел с участием Фай Родис. И она молчала, чтобы Чеди и ее товарищи, не бывавшие в нуль-пространстве, не ощущали себя зелеными новичками перед ней.

Чеди не знала еще многого. Впрочем, и сама Фай Родис не подозревала, что в этот самый момент среди гор Предкавказья сидел у исполинского телескопа автор картины, известный астроном. Подбадривая себя пилюлями, снимающими сон, он дежурил третью ночь. Перед ним, усиленные в миллион раз, мерцали на экране красные точки пятизвездного скопления в созвездии Рыси. Где-то там, может быть у этого ничтожного красного огонька выше скопления, в тысячах лет пути светового луча, должен вынырнуть «Темное Пламя». На нем незабываемая Фай Родис, чьи многоликие образы теперь сможет истребить в его памяти только смерть...

Именно в этот момент в сфероиде пилотской кабины Фай Родис и Гриф Рифт тоже смотрели на алую звезду. Инженер-пилот догадался правильно — тусклое светило, казавшееся на экране маленьким диском, было солнцем Торманса.

Вир Норин и Мента Кор уже определили расстояние — триста восемьдесят миллионов километров предстояло пройти звездолету на анамезонных моторах — обычных космических двигателях. Если бы звездолет не был полностью заторможен, а шел хотя бы с так называемой «скоростью подхода» в 0,1 Л, то он мог достичь Торманса ровно через три с половиной часа. Но разгон и затем торможение «Темного Пламени» требовали еще около тридцати часов.

Победно зазвучали сигналы, загнавшие людей в амортизационные кабины магнитных шахт.

«Темное Пламя» скачками понесся по новому курсу. Еще до появления ЗПЛ обычные звездолеты, оборудованные магнитными гасителями инерции, получили прозвище «звездных кенгуру» именно за эту способность невероятно быстрого набора скорости.

Див Симбел и Соль Саин настроили автоматы управления корабля, чтобы пройти набор скорости, полет и торможение в едином цикле. Весь экипаж, погруженный в смягчавший неудобства гипнотический сон, не покинул амортизационных кабин. Никто на корабле, кроме ведущих путевую съемку и журнал роботов, не мог наблюдать, как вырастало алое солнце, меняя окраску на все более красный цвет. Сначала оно росло медленно, затем стало приближаться с угрожающей быстротой, изливая на звездолет свою огненную силу. Достигнув в поперечнике почти двух метров, оно выглядело не плоским диском, а шаром в широко раскинувшейся светящейся мантии. Оно отдалилось столь же быстро, как только корабль прошел апастерий, и сравнялось в размерах с Солнцем, видимым с Земли.

Звездолет закончил описывать точную кривую. Его скорость упала до назначенного минимума. В отдельной маленькой кабине, где дремали Див Симбел и Вир Норин, заработали аппараты пробуждения, которые разбудили бы дежурных в случае любой неполадки в ОЭС. Вскоре все тринадцать человек собрались в пилотском сфероиде, глядя на приближавшуюся планету. Вторая от своего светила и много ближе к нему, чем Земля к Солнцу, она тоже имела лишь один удаленный спутник экваториального обращения. Астронавты хорошо знали чистую голубизну родной планеты, становившуюся все ярче и радостнее по мере приближения к ней. Торманс же оказался густо-синим, а там, где сгущения облачного покрова отражали и слабее рассеивали лучи красного солнца, — фиолетовым. В густоте окраски планеты был оттенок неприветливости. Более нервные, чем звездолетчики, люди, может быть, увидели бы во внешнем облике Торманса нечто зловещее.

Темно-синий шар висел в черном небе, а под ним, едва заметный, плыл пепельный диск спутника.

— Все же Торманс, наверное, был третьей планетой, — громко сказал Тор Лик. — Первая давно упала на свое светило, как то будет с нашим Меркурием. Звезда эта старше... — Астрофизик умолк, глядя на приемный экран передних локаторов, прочерченный дугой пунктира.

Гриф Рифт бросился к пульту, но Олла Дез опередила его и включила связь. В длинном окошке под локатором побежали короткие вертикальные столбики, а переводная машина стала выпевать две ноты — ре и соль, повторяя их без перерыва.

— Язык Кольца! — воскликнул Гриф Рифт.

Олла Дез передвинула индекс переводной машины. Тотчас в окошке проема побежали цифры: 02, 02, 02, 02... — галактические позывные станций Великого Кольца. Звездолет вызывали!

Какие-то неслыханно чувствительные локаторы обнаружили приближение «Темного Пламени» и теперь обращались к нему на языке, общем для миллионов планет галактики и внегалактических звездных скоплений, объединенных в могучий союз Великого Кольца. Даже галактика М-31, или Туманность Андромеды, теперь с помощью звездолетов прямого луча присоединяет колоссальную мощь своего коллективного разума, своего Кольца, к нашему, и это только самое начало новой эры ЭВР. Этот условный язык, расшифрованный сыном Земли, незабвенным Кам Аматом, готовился зазвучать в обычных символах с планеты Торманс!

Но тогда как неверны были земные представления о ней! Если тормансиане входят в Кольцо, знают его язык и общаются с братьями по разуму, то никакой планеты мучений не существует. Это миф, ошибка, вызванная случайным непониманием. Вероятно, мышление цефеян слишком отличалось от обитателей созвездия Дракона, пославших ЗПЛ в двадцать шестую область восьмого оборота, и это не могла проверить станция Великого Кольца, передавшая сообщение Земле!

Чеди Даан показалось, что в звездолете повеял ободряющий ветер далекой Земли. Вместо того чтобы стучаться в двери негостеприимной, возможно враждебной, планеты, они приходят званными гостями, равные к равным. Все будет понятно тормансианам, и напрасны опасения обидеть или быть обиженными недоверием и боязнью.

Товарищи Чеди разделяли ее радость. Только в остром лице Оллы Дез промелькнуло на миг разочарование. Из неосознанного желания подражать Фай Родис Чеди Даан прежде всего посмотрела на нее, уловив брошенный Гриф Рифту взгляд веселого облегчения, почти торжества. Фай Родис слегка откинулась назад, чтобы не отворачиваться от экранов, и подала Гриф Рифту руку таким жестом, что Чеди пришла в восторг... Она еще никогда не смотрела на главу экспедиции как на женщину, особенно рядом с такими блестящими представительницами своего пола, как Олла Дез и Эвиза Танет. А сейчас в Родис будто соединились нежность матери, доброта врача и радость сознавать себя прекрасной.

Бег цифровых сигналов за стеклом приемника продолжался установленное число минут. Затем последовала вереница других знаков. Жесткий, слабо модулированный голос, каким говорили малогабаритные переводные машины на кораблях, медленно произнес: «Всем, всем, всем. Передается путевое сообщение...»

Чеди похолодела и беспомощно оглянулась. Фай Родис молниеносно нагнулась к приемнику, а Гриф Рифт сжал в ку-

лак руку, только что державшую пальцы торжествующей Родис. «Передается путевое сообщение экспедиции с планеты, — машина будто подавилась, издав несколько невнятных звуков, и продолжала по-прежнему бодро и бесстрастно: — Мы установили ориентир галактических координат и предупреждение на необитаемом спутнике населенной планеты. Слушайте сначала предупреждение: 02, 02, 02, 02, — слушайте предупреждение».

— О-ох! — вздохнул кто-то со всей горечью разочарования, едва машина на секунду умолкла.

«Предупреждение кислородной жизни. Не делайте посадки. Планету заселяет гуманоидная цивилизация большой плотности, ИТВ (индекс технической высоты) около 36, не входящая в ВК. На просьбу принять звездолет, посланную на их языке, ответили немедленным отказом. Они не хотят посетителей. Не делайте посадки на планету».

Машина сделала вторую паузу, а в окошке поползли значки и цифры, ненужные для заранее знавших координаты землян. Люди стояли в молчании, пока опять не повторились ноты и цифры галактических позывных.

— Все ясно! — Олла Дез выключила приемник.

— Да, — невесело сказал астронавигатор, — бомбовая станция на спутнике. Исправно работает третье столетие. Молодцы цефеяне!

— Вообще, если бы не они... — начала Олла Дез.

— Нас бы тут не было, — отозвался Соль Саин, сухо засмеявшись от пережитого напряжения.

Люди задвигались и заговорили, стараясь скрыть друг от друга свое разочарование.

— Прошу внимания, — прекратил разговоры Гриф Рифт и обратился к Фай Родис: — Каков план?

— Как прежде, без изменений, — ответила она, снова превратившись в прежнюю, спокойную и твердую Родис.

— Надо ли сначала приближаться к спутнику, — спросил Гриф Рифт, — теперь, когда сообщение цефеян подтверждает его необитаемость?

— И все же надо. Мы с нашим опытом можем увидеть то, что могли не понять и, следовательно, не заметить цефеяне. Может быть, на спутнике остались сооружения прежней цивилизации Торманса, лишь впоследствии пришедшей в упадок. На планете могла существовать еще более древняя цивилизация, вымершая или истребленная современными обитателями Торманса, если они пришельцы...

Гриф Рифт кивнул, безмолвно соглашаясь.

«Темное Пламя» медленно приближался к спутнику и, уравняв с ним свою орбитальную скорость, начал облет безжизненного шара диаметром около шестисот километров, как Мимас Сатурна. Мощные стереотелескопы ощупывали серую поверхность, местами пересеченную прямыми трещинами провалов и низких гор. Ленты отснятых фильмов прямо из аппаратов тянулись в увеличение, достаточное, чтобы разглядеть отдельные камни. Перекрестный облет не дал ни малейшего доказательства, что на спутнике когда-либо обосновывались разумные существа. Отыскали даже бомбовую станцию цефеян, уютно устроившуюся в полуцирке, врезанном в крутой обрыв пузырчатой светлой лавы. В это удобное, защищенное от метеоритов место на втором круге облета грохнулась бомбовая станция «Темного Пламени», возвестившая на языке Кольца, что ЗПЛ Земли прибыл сюда со специальной миссией и будет садиться на планету. Продолжение работы станции более пяти лет с момента сброса означает гибель звездолета, о чем планета СТ 3388+04ЖФ (Земля) просила сообщить по Кольцу при первой возможности.

— Не забыть бы выключить на обратном пути, — озабоченно сказал Див Симбел, — такие случаи были на радостях, когда спасались с опасных планет.

— У нашей есть предохранительное устройство, — заверил Соль Саин, — здесь дополнительный контур. Будем удаляться от Торманса и его спутника, станция будет издавать вой, пока не выключим.

— Тогда все готово! Пора идти на Торманс, — сказал, зевнув, инженер-пилот.

— Успеем отдохнуть. Фай Родис предупредила, чтобы мы подходили к планете как можно медленнее, с дневной стороны, не пользуясь локаторами и не сигналя.

— Подкрадываемся, как древние охотники к зверю, — недовольно усмехнулся Соль Саин.

— Вам не нравится? — удивился Див Симбел.

— Тут есть что-то нехорошее — скрываться, приближаться тайком!

— Фай Родис говорила о необходимости не тревожить обитателей Торманса. Если они враждебно настроены к гостям из космоса, то приход «Темного Пламени» вызовет возмущение, а нам придется один-два месяца крутиться на орбите вокруг планеты, пока мы изучим язык и ознакомимся с обычаями. Если они узнают о звездолете, летающем над их планетой, то сейчас мы даже не сможем объяснить, зачем мы здесь!

— Цефеяне же объясняли!

— Вероятно, заучив одну-две фразы. И получили отказ. А мы не должны его получить — слишком далек был путь, и Торманс — наша цель, а не мимоходом замеченная планета, — сказал Див Симбел.

— А не похоже это на нескромное подглядывание из-за угла? — не сдавался Соль Саин. — Методы, годящиеся для древних людей, а не для высшей формы общества... А вот и наш социолог! Вы какого мнения, Чеди? — Инженер-кибернетик пересказал разговор.

Та задумалась, потом решительно объявила:

— Было бы недостойно людей Земли и нашей эры, если бы явились, подсмотрели и тихо вернулись назад. Никакого вреда мы бы не причинили, но это... заглядывать в комнату человека, когда он ничего не подозревает... Мы объясним, — когда спустимся на планету, и они поймут.

— А если не поймут и не примут? — упорствовал Соль Саин, насмешливо щурясь.

— Не знаю, как бы я решила. Я согласна с Родис.

— И я думаю так же, — сказал инженер-пилот. — Тем более, что вы оба упускаете из виду существенную деталь. С громадной высоты, на какой мы можем вести устойчивый орбитальный полет, мы увидим лишь самые общие детали жизни планеты. И сможем ловить только те передачи, какие предназначены для всей планеты. Иначе говоря, мы увидим и услышим только открытую общественную жизнь. Нам больше ничего и не нужно для понимания их языка и норм поведения.

— Правильно, Див! Я не сообразила этой простой вещи сразу. Что вы скажете, Соль?

Инженер-кибернетик развел руками, соглашаясь.

— И еще одно, — продолжал Див Симбел. — У них нет высоких искусственных спутников, и мы ничего не нарушим в системе их связи.

— А может быть, вообще нет спутников, ни высоких, ни низких? — спросил Соль Саин.

— Скоро увидим, — сказал Див Симбел.

Глава третья
НАД ТОРМАНСОМ

«Экваториальная скорость планеты гамма 1 дробь 16, период обращения 22 земных часа...» — докладывал сумматор, не по-человечески четко произнося слова. Широкая лента записей ползла в приемник путевого журнала. Автоматы «Темного

Пламени» тщательно исследовали Торманс, не упуская ни одной детали.

— Удивляет количество углекислоты в нижних слоях атмосферы, — сказал Тор Лик. — А сколько еще растворено в океанах! Похоже на палеозойскую геологическую эру Земли, когда углекислота еще не была частично связана процессами углеобразования.

— Оранжерейный эффект? — осведомился Соль Саин.

— Климат здесь вообще мягок и равномерен. Экватор Торманса стоит «вертикально» по сравнению с Земным, то есть перпендикулярно к плоскости орбиты, а ось вращения однозначна с линией орбиты. Это могло бы дать резкую зональность, но Торманс бежит по орбите раза в четыре быстрее Земли...

— Нехватка воды может свести на нет эти преимущества, — вмешался Гриф Рифт, читавший кривые зондажа поверхности, — площадь океанов пятьдесят пять сотых, а медианный перепад колебаний по глубине — один-два километра.

— Само по себе это еще не говорит о недостатке влаги, — сказал Тор Лик, — будем исследовать баланс испарения, насыщенности водяными парами, распределение ветровыми потоками. Больших запасов льда на полюсах при таком климате ожидать нечего — мы их и не видим. Нет и полярных фронтов и вообще сильных перемещений воздушных масс.

Люди продолжали работу у приборов, время от времени бросая взгляд в шахту визуального обзора, которую открыл для них Гэн Атал. Пронизывая толщу стен корабля и заканчиваясь широким окном из прозрачной иттриевой керамики, шахта через систему зеркал позволяла обозревать планету невооруженным глазом.

В прозрачном окне под звездолетом едва заметно двигалась планета. «Темное Пламя» вращался на высоте двадцати двух тысяч километров чуть медленнее планеты: так было удобно просматривать поверхность Торманса. Облачный покров, сначала показавшийся землянам загадочно плотным, на экваторе изобиловал большими разрывами. В них проплывали свинцовые моря, коричневые равнины вроде степей или лесов, желтые хребты и массивы разрушенных невысоких гор. Наблюдатели постепенно привыкали к виду планеты, и все больше подробностей становилось понятным на снимках.

Торманс, почти одинаковый по размерам с Землей и похожий на нее во многих общих чертах планетарного порядка, резко разнился с ней в деталях своей планетографии. Моря занимали широкую область на экваторе, а материки были сдвинуты к полюсам. Разделенные меридиональными проливами, вер-

нее, морями, материки составляли как бы два венца, каждый из четырех сегментов, расширявшихся к экватору и сужавшихся к полюсам, похожих на Южную Америку Земли. Издалека и сверху поверхность планеты производила впечатление симметричности, резко отличной от сложных очертаний морей и суши Земли. Большие реки текли главным образом от полюсов к экватору, впадая в экваториальный океан или его заливы. Между ними виднелись обширные клинья неорошенной суши, по-видимому, пустынь.

— Что скажет планетолог, — по обыкновению сощурился Соль Саин, — диковинная планета?

— Ничего диковинного! — важно ответил Тор Лик. — Более древняя, чем наша Земля, но быстрее вращающаяся. Следовательно, полярный сдвиг материков проходил быстрее и зашел дальше, чем у нас. Симметрия, вернее, похожесть одного полушария на другое — дело случайное. Вероятно, глубины Торманса спокойнее, чем земные, — не так резки поднятия и опускания, нет или мало действующих вулканов, слабее землетрясения. Все это закономерно, удивительнее другое...

— Обогащение углекислотой при высоком содержании кислорода? — воскликнул Гриф Рифт.

— Слишком много тормансиане сожгли естественного топлива. Здесь будет нам трудно дышать и придется избегать глубоких впадин рельефа. Зато море, насыщенное углекислотой, будет прозрачным, как в древнейшие геологические эпохи Земли... наверное, с массой известкового осадка на дне. Все это не вяжется с численностью поселения, отмеченного цефеянами двести пятьдесят лет назад.

— Тут немало противоречий между планетографией и демографией, — согласился Гриф. — Может быть, не стоит стараться их разгадать, пока не спустимся на низкую орбиту. Раз нет искусственных спутников, то, кроме риска обнаружения, ничто не мешает нам облететь планету на любой высоте.

— Тем более что мы взяли уже все с первой орбиты, — горячо подхватил Тор Лик.

— Еще заняты Чеди и Фай. Нашей лингвистке удалось получить тексты достаточной длины, чтобы выяснить структуру языка методом Кам Амата. Фай Родис хочет, чтобы мы, приблизившись к планете и следя за телепередачами, уже понимали речь тормансиан.

— Разумно! Избежать неверных ассоциаций, из которых образуются стойкие клише, мешающие пониманию.

— О, вас, планетологов, неплохо подготавливают! Даже по психологии.

— Давно заметили несовершенство физикокосмологов, сосредоточившихся только на своей области. Без представления о человеке как факторе планетного масштаба случались опасные ошибки. Теперь за этим следят, — сказал Тор Лик, вставая и останавливая ленивый ход желтой ленты.

— И вместе с тем вы отлично преуспели в специальности. Едва окончив подвиги Геркулеса, вы изобрели гипсоболометр и со спутника открыли тот гигантский медно-ртутный пояс, о котором до сих пор спорят геологи как о редчайшем исключении, — добавил Гриф Рифт.

Молодой планетолог порозовел от удовольствия и, чтобы скрыть смущение, добавил:

— А исключение это залегает на глубине двадцати километров чуть ли не подо всем Синийским щитом!..

Планетолог ждал недолго. Еще несколько дней (ночи были очень короткими на такой высоте облета), и «Темное Пламя» незаметно соскользнул на орбиту высотой менее половины диаметра Торманса и, чтобы не расходовать много энергии, увеличил относительную скорость.

Чеди и Фай Родис завесили круглый зал гипнотаблицами языка Торманса. Каждый член экипажа, закончивший непосредственную работу, приходил сюда и погружался в созерцание схем, одновременно прослушивая и подсознательно запоминая звучание и смысл слов чужого языка. Не совсем чужого — семантика и альдеология его очень походили на древние языки Земли с удивительной смесью слов Восточной Азии и распространенного в конце ЭРМ английского языка. Подобно земному, язык Торманса был всепланетным, но с какими-то остаточными диалектами в разных полушариях планеты, для которых пришлось придумывать условные названия, аналогичные земным. Полушарие, обращенное вперед по бегу Торманса на орбите, назвали Северным, а заднее — Южным. Как выяснилось позднее, астрономы Торманса называли их соответственно полушариями головным и хвостовым — Жизни и Смерти.

Всеобщность языка облегчала задачу исследователей, но изменение высоты звука и носовое, то растянутое, то убыстряющееся произношение оказались много труднее земного, с его четким и чистым выговором.

— Зачем это? — негодовал Гриф Рифт, самый отстающий из всех учеников Чеди. — Разве нельзя выразить оттенок мысли лишним словом вместо завывания, вопля или мяуканья? Не возвращение ли это к предкам из числа скакавших по ветвям?

— Для иных проще одно и то же слово произнести поразному, меняя смысл, — возразила Тивиса, виртуозно «мяукавшая», по выражению командира.

— А для меня проще запомнить десять слов, чем взвыть в середине или в конце уже известного, — недовольно хмурился Гриф. — Не все ли равно, сто или сто пятьдесят тысяч слов?

— Не все равно, если орфография так сильно не совпадает с произношением, как у тормансиан, — авторитетно заявила Чеди.

— Как могло получиться столь нелепое расхождение?

— Из-за недальновидного консерватизма. Оно наблюдалось и у нас во времена до мирового языка и до рационализации разноречья, которую заставило произвести появление переводных машин. С ускорением развития общества язык стал меняться и обогащаться, а правописание оставалось на прежнем уровне. Даже хуже: упорно упрощали орфографию, облегчая язык для ленивых или тупых людей, в то время как общественное развитие требовало все большего усложнения.

— И в результате язык утрачивал свое фонетическое богатство?

— Неизбежно. По существу, процесс был сложнее. Например, у каждого народа Земли с подъемом культуры шло обогащение бытового языка, выражавшего чувства, описывающего видимый мир и внутренние переживания. Затем, по мере разделения труда, появился технический, профессиональный язык. С развитием техники он становился все богаче, пока число слов в нем не превысило общеэмоциональный язык, а тот, наоборот, беднел. И я подозреваю, что общеэмоциональный язык Торманса так же беден, как наш в конце ЭРМ, и даже еще беднее.

— Означает ли это перевес профессиональной жизни над досугом?

— Вне всякого сомнения. У каждого человека времени на занятия самообразованием, искусством, спортом, даже просто для общения друг с другом было мало. Много меньше, чем на его обязанности перед обществом и необходимые для жизни дела. Может быть и другое — неумение использовать свой досуг для самообразования и совершенствования. То и другое — признаки плохой организации и низкого уровня общественного сознания. Фай Родис говорит, что в прочитанных нами текстах радиопередач Торманса так же мало смысла, как бывало у нас в древние исторические периоды ЭРМ, когда отпечатанные на листках плохой бумаги ежедневные бюллетени новостей, теле- и радиопередач несли не больше трех-пяти процентов полезной

информации. Кроме того, Родис подозревает, по наличию большого количества семантических стереотипов, что письменность планеты почему-то на низком уровне развития. Но мы еще не видели ее, расшифровав язык по записям памятных машин.

— Еще учить и письменность? — шутливо вздохнул Вир Норин. — Сколько же нам придется крутиться над Тормансом?

— Не так уж много, — утешила его Чеди, — теперь дело пойдет интереснее. Сегодня Олла Дез начала перехват телепередач, и, наверное, не позднее чем завтра мы увидим жизнь Торманса.

Они увидели. Телевидение Торманса не достигло тончайшей эйдопластической техники Земли, но передачи оказались четкими, с хорошей цветовой гаммой.

Экипаж «Темного Пламени», за исключением дежурных, рассаживался перед громадным стереоэкраном, часами наблюдая чужую жизнь. Люди Торманса были так похожи на землян, что более ни у кого не оставалось сомнения в правоте догадки историков о судьбе трех звездолетов ЭМВ. Странное ощущение овладевало землянами. Будто бы они смотрели на свои же массовые представления, разыгрываемые на исторические темы. Они видели гигантские города, редко разбросанные по планете, точно воронки, всосавшие в себя основную массу населения. Внутри них люди Торманса жили в тесноте многоэтажных зданий, под которыми в лабиринтах подземелий происходила повседневная техническая работа. Каждый город, окаймленный поясом чахлых рощ, рассекал их широкими дорогами, точно щупальцами, протянувшимися в обширные поля, засаженные какими-то растениями, похожими на соевые бобы и картофель Земли, культивировавшиеся в огромном количестве. Самые крупные города находились вблизи берегов экваториального океана, на тех участках дельт рек, где каменистая почва давала опору большим зданиям. Вдали от рек и возделанных полей колоссальные площади суши были заняты сухими степями с редкой травянистой растительностью и бесконечно однообразными зарослями кустарников.

В поясах возделанной земли поражало отсутствие постоянных поселков. Какие-то унылые постройки, длинные и низкие, утомляли глаз повторением однообразия повсюду и в головном и в хвостовом полушариях, около больших городов и меньших концентраций населения. Тяжелые машины двигались в пыли, обрабатывая почву или собирая урожай, не менее тяжелые повозки с грохотом неслись по гладким и широким дорогам.

Земные наблюдатели не могли понять, почему так шумят эти огромные машины, пока не сообразили, что чудовищный

грохот происходит просто из-за плохой конструкции двигателей, небрежной пригонки частей.

Час за часом, не смея нарушить молчание, чтобы не помешать товарищам, обитатели Земли смотрели на жизнь далекой планеты, оглушенные массой первых впечатлений. Время от времени те или иные члены экипажа «Темного Пламени» вставали и удалялись в ту часть круглого зала за легкой перегородкой, куда на длинный стол подвели подачу пищи. Там, обмениваясь впечатлениями, люди ели и снова возвращались к экранам, боясь упустить хотя бы час из времени телепередач Торманса. Собственно, не Торманса, а планеты Ян-Ях, как она называлась на тормансианском языке. Однако название Торманс так прочно вошло в сознание членов экспедиции за все те месяцы, когда оно было главным ориентиром их раздумий, что земляне продолжали пользоваться им.

Узнали и главный город планеты, чье название в переводе на язык Земли означало Средоточие Мудрости.

И прежде всего подтвердилась догадка Фай Родис, что письменность Торманса представляла собою систему сложных знаков — идеограмм, на овладение которыми даже острым умам землян понадобилось бы много времени. К счастью, существовал упрощенный набор письменных знаков, каким обходились в повседневной жизни и в облегченном языке печатных новостей. Новые таблицы украсили стены зала на «Темном Пламени». Украсили, потому что начертание знаков соответствовало эстетическому чувству экипажа звездолета. Их сложные переплетения казались изящными абстрактными рисунками. Тексты писались или черным на ярко-желтой бумаге, или же интенсивной темно-зеленой краской на бледно-голубом фоне.

— Как красиво в сравнении с убогой простотой нашего линейного алфавита! — восхищалась Олла Дез. — Может быть, по возвращении следует представить алфавит Торманса в СВУ — Совет Всеобщих Усовершенствований?

— Не думаю, — возразила Фай Родис, — алфавитами этого вида уже пользовались на Земле, и по много веков. Консерваторы всех времен и народов отстаивали их преимущество перед чисто фонетическими, подобными тем, какие дали начало нашему линейному письму. Они доказывали, что, будучи идеограммами, эти знаки читаются в едином смысле народами, говорящими на разных языках...

— И буквы становятся не только абстрактными знаками, но и символами конкретного смысла, — подхватила Олла Дез. — Вот почему их такое огромное количество!

— И слишком мало для всего объема расширяющейся экспоненциально человеческой мысли, — добавила Чеди Даан.

— Вы верно подметили главное противоречие, — подтвердила Фай Родис, — ничто не дается даром, и преимущества идеографического письма становятся ничтожными с развитием культуры и науки. Зато стократно усиливается его недостаток — смысловая окаменелость, способствующая отставанию мышления, замедлению его развития. Сложное красивое письмо, выражающее тысячи оттенков мысли там, где их нужны миллионы, становится архаизмом, подобием пиктограмм людей каменного века, откуда оно, несомненно, и произошло.

— Я давно сдалась, Фай! — рассмеялась Олла Дез. — В СВУ меня бы объявили сторонницей пещерного мышления. Благодарю за спасение от позора.

— Вряд ли СВУ расправился бы так беспощадно с вами, — в тон ей ответила Фай Родис. — В этом Совете большинство мужчины, и притом скептики. Сочетание нестойкое перед персонами нашего пола, особенно с вашими данными.

— Вы шутите, — серьезно сказала Чеди, — а мне кажется трагичным столь долгое существование идеограмм на Тормансе. Это неизбежная отсталость мышления...

— Вернее, замедленность прогресса и архаика форм, — поправила ее Родис, — отсталость подразумевает сравнение. С кем? Если с нами, то на каком историческом уровне? Наш современный гораздо выше. Сколько позади осталось веков хорошей, разумной и дружной жизни, жадного познавания мира, счастья обогащения красотой и радостью. Кто из нас отказался бы жить в те времена?

— Я, — откликнулся Вир Норин. — Они, наши предки, знали так мало. Я не мог бы...

— И я тоже, — согласилась Фай Родис, — но безграничный океан познания так же простирается перед нами, как и перед ними. Эмоциональной разницы нет. А личное достоинство, мечты и любовь, дружба и понимание — все, что выращивает и воспитывает нас? В этом мы одинаковы. Почему же отказывать Тормансу в похожей ступени? Только из-за отсталой письменности? Тем более главное доказательство тормансианства, очевидно, отпадает. Наши демограммы не подтверждают колоссальной численности населения, подсчитанного цефеянами. Расходимся на целый порядок.

— Невероятно! — покачал головой Гриф Рифт. — В остальном цефеяне показали себя хорошими планетографами. Ошибка это или...

— Резкое падение численности, — докончила Фай Родис. — Может быть. Но тогда это катастрофа, а мы не заметили ничего особенного.

— Не обязательно катастрофа, — возразила Тивиса Хенако. — Со времени посещения цефеян прошло более двухсот пятидесяти лет. Возьмем среднюю продолжительность жизни, характерную для начала ЭМВ, — семьдесят лет. За период, равный четверной продолжительности жизни, население Торманса могло уменьшиться еще значительнее или, наоборот, возрасти по причинам чисто внутренним.

— Внутренние причины, мне думается, самый худший вид катастрофы, — сказала Чеди. — Не нравится мне пока планета Ян-Ях в своих телепередачах!

Как бы оправдывая слова Чеди, из глубины стереоэкрана послышалась мелодичная музыка, лишь изредка прерываемая диссонансными ударами и воплями. Перед землянами появилась площадь на холме, покрытая чем-то вроде бурого стекла. Стеклянная дорожка направлялась через площадь к лестнице из того же материала. Уступ, украшенный высокими вазами и массивными столбами из серого камня, всего через несколько ступеней достигал стеклянного здания, сверкавшего в красном солнце. Легкий фронтон поддерживался низкими колоннами с причудливой вязью пилястров из ярко-желтого металла. Легкий дымок курился из двух черных чаш перед входом.

По стеклянной дороге двигалось сборище молодых людей, размахивая короткими палочками и ударяя ими в звенящие и гудящие диски. Некоторые несли на перекинутых через плечо ремнях маленькие красные с золотом коробочки, настроенные на одну и ту же музыку, которую земляне причислили бы к зелено-голубому спектру. До сих пор вся слышанная ими музыка Торманса принадлежала лишь к красному или желтому вееру тональностей и мелодий.

Камера телеприемника приблизилась к идущим, выделив среди толпы две четы, оглядывавшиеся на спутников и дальше на город со странным смешением тревоги и удальства. Все четверо были одеты в одинаковые ярко-желтые накидки, расцвеченные извивами черных змей с зияющими пастями.

Каждый из мужчин подал руку своей спутнице. Продолжая двигаться боком к лестнице, они вдруг запели, вернее — пронзительно заголосили. Вызывающий напев подхватили все сопровождавшие.

Чеди Даан, Фай Родис и Тивиса Хенако, лучше всех овладевшие языком Торманса, стали напряженно вслушиваться.

Щелкнул специальный фильтр звукозаписи, модулирующий учащенную неразборчивую речь.

— Они воспевают раннюю смерть, считая ее главной обязанностью человека по отношению к обществу! — воскликнула Тивиса Хенако.

Фай Родис молчала, наклонившись к экрану, как делала всегда, пораженная чем-либо виденным. Чеди Даан закрыла ладонями лицо, повторяя наспех переведенный напев, мелодия которого сперва понравилась землянам.

«Высшая мудрость — уйти в смерть полным здоровья и сил, избегнув печалей старости и неизбежных страданий опыта жизни...

Так уходят в теплую ночь после вечернего собрания друзей...

Так уходят в свежее утро после ночи с любимыми, тихо закрыв дверь цветущего сада жизни.

А могучие мужчины — опора и охрана — идут, захлопывая ворота. Последний удар разносится во мраке подземелий времен, равно скрывающих грядущее и ушедшее...»

Чеди оборвала перевод и, удивленно взглянув на Фай Родис, добавила:

— Они поют, что долг смерти приходит на сто первом году их жизни. Или по их второму календарю Белых Звезд, который не отличается от нашего, после двадцати пяти лет. Этих четырех провожают в Храм Нежной Смерти!

— Как может существовать такое общество? — забыв приличия, негодующе вскричала Олла Дез. — Чем выше социальная структура и наука, тем позднее созревает человек.

— Потому-то мы, биологи, прежде всего еще с древности ЭРМ поставили целью продление жизни, вернее, молодости, — сказала Нея Холли, не отрывая взгляда от поднимавшейся по ступеням процессии тормансиан.

— У нас человек из-за сложности жизни и огромного объема информации считается ребенком до подвигов Геркулеса. Еще двадцать лет продолжается юность, зрелость наступает лишь к сорока годам. Затем перед нами семьдесят лет, а то и целый век зрелости, полной энергии, могучего труда и познавания жизни. Вместо десяти — двадцати лет, как в древности. Раньше человек считался старым к сорока годам. Я была бы старухой, — сказала Фай Родис.

— И человек умирал, так и не узнав ничего о многообразии и красоте мира! — возмущенно отозвался Вир Норин. — Но в такой древности, когда девяносто процентов людей не умели даже читать, это не удивительно. Долгая жизнь была обременительна, просто не нужна. Умиравших в молодости называли

любимцами богов. Но на Тормансе довольно высокая техническая цивилизация. Как же могут они срубать деревья, еще не давшие плодов? Это безумие и гибель!

— Вир, вы забыли, что перед нами не коммунистическое и даже не социалистическое общество, а классовая социальная структура. По-моему, чудовищный обычай ранней смерти имеет прямое отношение к перенаселенности и истощению ресурсов планеты, — возразила Родис.

— Понимаю, — сказала Чеди, — ранняя смерть не для всех!

— Да. Те, кто ведет технический прогресс, должен жить дольше, не говоря уже о правящей верхушке. Умирают не могущие дать обществу ничего, кроме своей жизни и несложного физического труда, то есть не способные к высокому уровню образования. Во всяком случае, на Тормансе два класса: образованные и необразованные, над которыми стоят правители, а где-то между ними люди искусства — развлекающие, украшающие и оправдывающие.

— Они тоже не умирают в двадцать пять лет! — воскликнула Олла Дез.

— Естественно. Но, пожалуй, для артистов, там, где требуется молодость и красота, предел жизни немногим больше, — ответила Фай Родис.

А в ТВФ звездолета загремела резкая, дико ритмическая музыка, сменявшаяся напевами марша, то есть согласованного ритмического хода множества людей. Взвизгивающие звуки неведомых инструментов перебивали едва уловимую нить скачущей и суетливой мелодии. Начинался фильм.

По просторам высокотравных степей тянулись неуклюжие повозки, запряженные рогатыми четвероногими, похожими на земных жвачных, не то антилоп, не то быков. Верхом на более длинноногих, напоминавших оленей животных скакали дочерна загорелые тормансиане, размахивая топорами или механизмами, аналогичными огнестрельному оружию древности Земли. Всадники неустрашимо отбивались от стай ползучих коротколапых хищников, скопищ ужасных змей с высокими, сдавленными с боков головами. Иногда на повозки нападали такие же всадники, стрелявшие на полном скаку. В перестрелке погибал или ехавший по степи караван, или нападавшие, или те и другие вместе.

Земляне быстро поняли, что смотрят фильм о расселении тормансиан по планете. Неясным осталось, кто такие нападавшие разбойники. Их нельзя было считать аборигенами планеты, так как они ничем не отличались от переселенцев.

Фильмов, постановок и картин на тему о геройском прошлом, о покорении новой планеты экипажу «Темного Пламе-

ни» пришлось увидеть множество. Яростные драки, скачки, убийства чередовались с удивительно плоским и убогим показом духовной жизни. Повсюду и всегда торжествовали молодые мужчины, наделенные качествами, особенно ценными в этом воображаемом мире развлекательных иллюзий. Драчливость, сила, быстрая реакция, умение стрелять из примитивного оружия в виде трубки, из которой силой расширения газов выталкивался увесистый кусочек металла.

Подобные темы повторялись в разных вариациях и очень быстро надоели землянам. Все же они продолжали смотреть их из-за кусочков подлинной хроники древних времен, нередко вкрапленных в глупейший сюжет. В старых обрывках проглядывало лицо девственной и богатой жизнью планеты, еще не тронутой вмешательством человека. Такой же, только с еще более могучей животной и растительной жизнью, была доисторическая Земля. Повторялась картина, некогда известная в земной истории во время заселения Америки белой расой. Пионеры по периферии, вольные, необузданные, плохо соблюдающие законы, и хранители веры и общественного порядка в обжитых центрах. Затем обуздание пионеров до полного подавления вольного общества. И неспроста столица планеты называется городом Средоточия Мудрости. Это имя возникло в пионерские времена освоения планеты Торманс.

На Тормансе изначально степи преобладали над лесами. Природа планеты не породила животных-гигантов, вроде слонов, носорогов или жирафов Земли. Самыми крупными из наземных четвероногих считались рогатые твари размером со среднего земного быка, ныне уже исчезнувшие. Колоссальные стада быкоподобных и антилопообразных существ некогда наводняли огромные степи. В мелких, прогретых лучами красного солнца морях кишели в сплошных чащах водорослей рыбы, поразительно схожие с земными.

Отсутствие сильных ветров на планете подтверждалось тем, что на возвышенных участках экваториального побережья раньше росли деревья немыслимых на Земле размеров. В более близких к полюсам зонах прежде существовали обширные болота, покрытые зарослями однообразных деревьев, похожих на земные таксодии, только с коричневатым оттенком мелких и узких, подобных расплюснутым хвоинкам, листочков.

Все это было на Тормансе, как неоспоримо свидетельствовали заснятые в отдаленные времена фильмы. Но теперь земляне повсюду видели или возделанные поля, или бесконечные площади низкого кустарника, нагретые солнцем и лишенные всякой другой растительности. Даже слабые ветры Торманса

вздымали и кружили над кустами густую пыль. Отраднее выглядели сухие степи, но и там трава казалась низкой и редкой, скорее напоминая полупустыни, когда-то распространенные в области пассатных колец Земли.

Может быть, фильмы о прошлом планеты утоляли естественную тоску тормансиан по былому разнообразию родной природы? Подавляющее большинство населения обитало в огромных городах, где, конечно, лихие скачки и стрельба на степных просторах или охотничьи экспедиции в дремучие леса под яркими и чистыми звездами навсегда отошли в невозвратимое прошлое.

Труднее поддавались объяснению зрелища иного характера, в которых красивые женщины частично обнажались, совершая эротические движения и замирая в объятиях мужчин в откровенных до отвращения позах. В то же время земляне ни разу не видели полной наготы или чистой открытости Эроса, столь обычных на родной планете. Здесь обязательно что-то оставалось скрытым, искажалось, пряталось, намекая на некие запретные или тайные качества, вероятно, с целью возбудить слабое воображение или придать особый вкус надоевшим и утратившим интерес отношениям полов.

Этот специфический эротизм сочетался с неизвестной на Земле обязательностью одежды. Никто не смел появиться в общественных местах или находиться дома в присутствии других людей иначе, как полностью прикрыв свое тело.

Женщины чаще всего носили просторные короткие рубашки с широкими и длинными рукавами и низким стоячим воротником, перехваченные мягким, обычно черным, поясом, и широкие брюки, иногда длинные, до щиколоток, юбки. Почти таков же был мужской костюм, но с более короткими полами рубашек. Только молодежь появлялась в коротких, выше колен, штанах, очень похожих на земные. В общественных собраниях или на празднествах надевали одежду из ярких и узорчатых материй и набрасывали короткие плащи или накидки с великолепной вышивкой.

Одежда показалась землянам удобной и простой в изготовлении, соответствовала теплому климату планеты и самым разнообразным условиям труда. Красивые сочетания оттенков красного и желтого, по-видимому, нравились большинству женщин и очень шли к смуглому тону их кожи и черным волосам. Мужчины предпочитали серо-фиолетовые и пурпурные цвета с контрастной отделкой на воротниках и рукавах. Часть тормансиан носила на левой стороне груди, над сердцем, нашивки в форме удлиненного горизонтального ромба с какими-

то знаками. Как подметила Чеди, тем, у которых в ромбе блестело нечто похожее на глаз, оказывалось особенное уважение. А вообще-то уважение друг к другу как будто отсутствовало. Бесцеремонная толкотня на улице, неумение уступать дорогу или помочь споткнувшемуся путнику изумляли звездолетчиков. Более того, мелкие несчастья вроде падения на улице вызывали смех у случайных свидетелей. Стоило человеку разбить хрупкий предмет, рассыпать какую-нибудь ношу, как люди улыбались, будто радуясь маленькой беде.

Если же случалась большая беда — телепередачи показывали иногда катастрофы с повозками или летательными аппаратами, — то немедленно собиралась толпа.

Люди окружали пострадавших и молча стояли, наблюдая с жадным любопытством, как одетые в желтое мужчины, очевидно врачи и спасатели, помогали раненым. Толпа увеличивалась, со всех сторон сбегались новые зрители с одинаково жадным, звериным любопытством на лицах. То, что люди бежали не для помощи, а только посмотреть, больше всего удивляло землян.

Когда передача шла непосредственно со стадиона, завода, станций сообщений, улиц города и даже из жилищ, то речи диктора или музыке неизменно сопутствовал однообразный глухой рев, вначале принятый звездолетчиками за несовершенство передачи. Оказалось, что на Тормансе совершенно не заботятся о ликвидации шума. Повозки ревели и трещали своими двигателями, небо дрожало от шума летательных аппаратов. Тормансиане разговаривали, свистели и громко кричали, совершенно не стесняясь окружающих. Тысячи маленьких радиоаппаратов вливались в общий рев нестройной смесью музыки, пения или просто громкой и неприятно модулированной речи. Как могли выдерживать жители планеты не прекращающийся ни на минуту, ослабевавший только глубокой ночью отвратительный шум, оставалось загадкой для врача и биолога «Темного Пламени».

Постепенно вникая в чужую жизнь, земляне обнаружили странную особенность в передачах всепланетных новостей. Их программа настолько отличалась от содержания общей программы передач Земли, что заслуживала особого изучения.

Ничтожное внимание уделялось достижениям науки, показу искусства, исторических находок и открытий, занимавших основное место в земных передачах, не говоря уже о полностью отсутствовавших на Тормансе новостях Великого Кольца. Не было всепланетных обсуждений каких-либо перемен в общественном устройстве, усовершенствований или проектов больших построек, организаций крупных исследований. Никто не

выдвигал никаких вопросов, ставя их, как на Земле, перед Советами или персонально перед кем-либо из лучших умов человечества.

Очень мало места отводилось показу и обсуждению новых проблемных постановок театра, пытавшихся уловить возникающие повороты и перемены в общественном сознании и личных достоинствах. Множество кинофильмов о кровавом прошлом, покорении (а вернее, истреблении) природы и массовых спортивных играх занимали больше всего времени. Людям Земли казалось странным, как могли спортивные состязания собирать такое огромное количество не участвующих в соревнованиях зрителей, почему-то приходивших в невероятное возбуждение от созерцания борьбы спортсменов. Только впоследствии земляне поняли существо дела. В спортивных соревнованиях выступали тщательно отобранные люди, посвятившие все свое время упорной и тупой тренировке в своей спортивной специальности. Всем другим не было места на состязаниях. Слабые физически и духовно тормансиане, как маленькие дети, обожали своих выдающихся спортсменов. Это выглядело смешно и даже противно. Похожее положение занимали артисты. Из миллионов людей отбирались единицы. Им предоставлялись лучшие условия жизни, право участия в любых постановках, фильмах и концертах. Их имена служили приманкой для множества зрителей, соревновавшихся за места в театрах, а сами эти артисты, называвшиеся «звездами», подвергались столь же наивному обожествлению, как и спортсмены. Положение, достигнутое «звездой», лишало ее или его всякой другой деятельности. Выступать в качестве артиста любому другому человеку, сумевшему самостоятельно достичь высот искусства, как на Земле, здесь, по-видимому, не удавалось. Вообще отпечаток узкого профессионализма лежал на всей жизни Торманса, обедняя чувства людей и сужая их кругозор. Возможно, это только казалось звездолетчикам в результате отбора событий и материалов информации. Только прямое соприкосновение с народом планеты могло решить этот вопрос.

В телепередачах и радиоинформации очень много внимания уделялось небольшой группе людей, их высказываниям и поездкам, совещаниям и решениям. Чаще всего упоминалось имя Чойо Чагаса, соображения которого на разные темы общественной жизни, прежде всего экономики, вызывали неумеренные восторги и восхвалялись как высшая государственная мудрость. Может быть, далекие от подлинной прозорливости гения, охватывающего всю глубину и широту проблемы, высказывания Чойо Чагаса в чем-то были очень важными для обита-

телей Торманса? Как могли судить об этом пришельцы, парившие на высоте шести тысяч километров?..

Фай Родис и Гриф Рифт напоминали об этом горячим и резким в суждениях молодым товарищам.

Странным образом, несмотря на постоянные сообщения о выступлениях и поездках Чойо Чагаса и еще трех человек, его ближайших помощников, составлявших Совет Четырех — верховный орган планеты Ян-Ях, — никому из звездолетчиков еще не удалось их увидеть. Чаще всего поминаемые, эти люди как бы присутствовали везде и нигде.

Лишь один раз в передаче из города Средоточия Мудрости толпа, запрудившая улицы и площади, приветствовала восторженным ревом пятерку машин, тяжело, как броневики древних времен Земли, проползавших в скопище людей. В темных стеклах ничего не проглядывалось, но тормансиане, объятые массовым психозом, кричали и жестикулировали, как на своих спортивных состязаниях.

Земляне поняли, что эти четверо во главе с Чойо Чагасом и есть истинные владыки всех и всего. Как обычно у древних народов, у жителей Торманса преобладали однообразные имена, и поэтому им приходилось носить по три имени. Иногда встречались люди с двумя именами. Видимо, двуименные составляли высшие классы общества планеты. Тормансианские имена звучали отчасти похоже на земные, но в трудном для землян диссонансе слогов. Чойо Чагас, Гентло Ши, Кандо Лелуф и Зетрино Умрог — так звали четверку верховных правителей. Имена разрешалось сокращать всем, кроме Чойо Чагаса; Ген Ши, Ка Луф, Зет Уг повторялись с назойливым однообразием в неизменном порядке после имени Чойо Чагаса, звучавшего магическим заклятием диких предков.

Олла Дез шутя объявила, что все земляне с их системой двойных, бесконечно разнообразных имен должны принадлежать на Тормансе к верховному классу.

— И ты хотела бы, не постыдилась бы? — спросила Чеди Даан.

— Мне представилась бы возможность увидеть настоящих хозяев жизни и смерти любого человека. Еще в школе второго цикла я увлекалась историческими фантазиями. Больше всего меня захватывали книги о могучих королях, завоевателях, о пиратах и тиранах. Ими полны все сказки Земли, какой бы из древних стран они ни принадлежали.

— Это несерьезно, Олла, — сказала Чеди, — величайшие страдания человечеству доставили именно эти люди, почти всегда невежественные и жестокие. Одно тесно связано с дру-

гим. В плохо устроенном обществе человек или должен развивать в себе крепкую, бесстрашную психику, служащую самозащитой, или, что бывает гораздо чаще, надеяться только на внешнюю опору — бога. Если нет бога, то возникала вера в сверхлюдей, с той же потребностью преклонения перед солнцеподобными вождями, всемогущими государями. Те, кто играл эту роль, обычно темные политиканы, могли дать человечеству только фашизм и ничего более.

— Среди них были и мудрецы, и герои, — не смутилась Олла Дез. — Мне хотелось бы повстречаться с подобными людьми. — Она закинула руки за голову и оперлась спиной о выступ дивана, мечтательно сощурив глаза.

Фай Родис пристально посмотрела на инженера связи.

— Чеди права в одном аспекте, — сказала она, — в действиях всех этих владык, помимо обусловленности, было еще отсутствие понимания далеких последствий. Это порождало безответственность, приводившую к трагическому результату. И я понимаю Оллу Дез.

— Как? — воскликнули разом Чеди, Вир и Тивиса.

— Любой человек Земли так осторожен в своих поступках, что проигрывает в сравнении с властителями нашей древности. У него нет внешних признаков могущества, хотя на самом деле он как осторожно ступающий исполинский слон перед несущимся напролом перепуганным оленем.

— Владыка — и перепуганный? — рассмеялась Олла. — Одно противоречит другому.

— А следовательно, и составляет диалектическое единство, — заключила Фай Родис.

Дискуссии подобного рода повторялись много раз, но внезапно пришел конец спокойному изучению планеты.

Ночной дежурный по радиопередачам — им был на этот раз Гэн Атал — поднял по тревоге Родис, Грифа и Чеди. Все четверо собрались у темного экрана, прорезанного лишь светящейся индикаторной линией с ее всплесками осцилляции. Переводная машина была выключена, так как звучавшие в обертонной воронке слова были теперь понятны звездолетчикам:

«Сообщение главной обсерватории Хвоста подтверждено следящими станциями. Вокруг нашей планеты обращается неизвестное небесное тело — вероятно, космический корабль. Орбита круговая, угол к экваториальной плоскости — 45, высота — 200, скорость...»

— Они умеют рассчитывать и орбиты, — буркнул Гриф Рифт.

«Размеры космического тела, по предварительным данным, значительно меньше звездолета, посетившего нас в Век

Мудрого Отказа. Второй доклад следящих станций в восемь часов утра».

— Вот мы и обнаружены, — с оттенком грусти сказал Гриф Рифт, обращаясь к Фай Родис. — Что будем предпринимать?

Родис не успела ответить, как вспыхнул большой экран и на нем появился знакомый диктор.

— Срочное сообщение! Всем слушать! Слушать город Средоточия Мудрости! — Тормансианин говорил отрывисто, резко, будто взлаивая в середине фраз. Он передал сообщение о звездолете и закончил: — В десятый час утра выступит друг Великого Чойо Чагаса, сам Зет Уг. Всем слушать город Средоточия Мудрости!

— Что будем делать? — повторил Гриф Рифт, приглушив повторное сообщение.

— Говорить с Тормансом! После выступления Зет Уга перебьем передачу, и на всех экранах появлюсь я с просьбой о посадке. Олла Дез приготовилась к такому случаю. — На щеках Фай Родис проступил румянец легкого волнения.

К назначенному времени весь экипаж звездолета собрался у экранов связи. Наступил важнейший момент. Ради него они посланы Землей и проделали весь невероятный полет прямого луча. Все зависит от того, как сложатся отношения гостей, к сожалению незваных, с тормансианами — вернее, с их владыками. Ибо решение этой небольшой кучки людей, даже, возможно, одного лишь Чойо Чагаса, определит «волю» Торманса и успех экспедиции землян.

Сигнальные часы над крылом отражателя стереоэкрана шли по времени главного города Торманса. Фай Родис, удалившаяся на время в свою каюту, появилась примерно за четверть часа до выступления Зет Уга. Вероятно, она заранее приготовила платье любимого тормансианского цвета — красного с золотисто-оранжевой подцветкой из пушистой, дававшей глубокий тон материи. Оттененные этим платьем знакомые черты Фай Родис стали непреклоннее и тверже, почти грозными, а плавные ее движения казались бликами красного солнца Торманса. Она еще короче срезала волосы, полностью открыв гордую шею. Тщательно причесанная, с завитками черных волос на щеках, без единого украшения, Фай Родис села в кресло перед экраном, не обменявшись ни словом со спутниками. Приглушенное привычное пение приборов ОЭС не нарушало настороженной тишины корабля.

Гулкие, гудящие металлом удары, как в огромный боевой щит, возвестили начало выступления одного из правителей планеты. Некоторое время экран оставался пустым, затем на

нем появился небольшого роста человек в красной накидке, вышитой причудливо извивающимися золотыми змеями. Его кожа казалась более светлой, чем у большинства людей Торманса. Нездоровая одутловатость смягчала резкие складки вокруг широкого тонкогубого рта, маленькие умные глаза сверкали решимостью и в то же время бегали беспокойно, будто тормансианин опасался что-то упустить из виду.

Олла Дез подавила вздох недоумения и разочарования и покосилась на Фай Родис. Та оставалась бесстрастной, будто облик этого человека не был для нее неожиданностью.

Зетрино Умрог провел маленькой рукой по высокому, с залысинами лбу, изборожденному поперечными морщинами.

— Народ Ян-Ях! Великий Чойо Чагас поручил мне предупредить тебя об опасности. В нашем небе появился пришелец из тьмы и холода вселенной. Управляемый корабль враждебных сил. Мы объявляем по всей планете чрезвычайное положение, чтобы отразить врага. Последуем примеру наших предков, их мудрости во время правления Ино Кау и мужеству народа, прогнавшего непрошеных пришельцев в Век Мудрого Отказа. Да здравствует Чойо Чагас!

— Может быть, довольно? Владыка высказался ясно? — шепнула Олла Дез из-за пульта.

Фай Родис кивнула головой, и Олла повернула голубой шарик до отказа, включив на полную мощность заранее настроенную установку ТВФ. Изображение Зет Уга задрожало, разбилось на цветные зигзаги и исчезло. На долю секунды Фай Родис успела заметить выражение испуга на лице владыки, поднялась и встала на круг главного фокуса. Она не отрываясь смотрела в ромбик центрального луча, а боковым зрением могла видеть себя на экранах, как в зеркале.

Перед изумленными тормансианами вместо искривленного и разбившегося изображения Зет Уга появилась удивительно похожая на них прекрасная улыбающаяся женщина, с голосом нежным и сильным.

— Люди и правители Ян-Ях! Мы пришли с Земли, планеты, породившей и вскормившей ваших предков. Случай отдалил вас в недоступную нам прежде глубину пространства. Теперь мы в силах преодолеть его и пришли к вам, как кровные прямые родичи, чтобы соединить усилия в достижении лучшей жизни. Мы никогда не были ничьими врагами и полны добрых чувств к вам, с которыми нас ничто не разделяет и возможно абсолютное понимание. Мы просим разрешения опуститься на вашу планету, познакомиться с вами, рассказать о жизни Земли и передать вам все, что мы знаем полезного и хорошего. В эки-

паже нашего корабля всего тринадцать таких же, как и вы, людей, это горсточка в сравнении со множеством жителей Ян-Ях. Мы не представляем для вас никакой опасности, если вы примете нас гостями своей планеты. Мы изучили ваш язык, чтобы избежать ошибок и непонимания.

Экран подернулся серой рябью, сделавшись плоским и пустым. Из глубины его возник, прерываясь, воющий звук, сквозь который надрывно кричал знакомый уже землянам голос диктора города Средоточия Мудрости:

— Передачу... прекращаем передачу...

Фай Родис переглянулась с Гриф Рифтом и, отступив назад, села на прежнее место. Олла Дез протянула руку к шарику выключателя, но Родис жестом остановила ее. Нагнувшись к приемнику, она заговорила громко и звонко, не обращая внимания на вой и свист помех:

— Звездолет «Темное Пламя» вызывает Совет Четырех! Вызывает Совет Четырех! Повторяем просьбу — разрешить посадку! Просим довести до сведения Чойо Чагаса, председателя Совета Четырех. Ждем ответа на косвенной частоте ваших навигационных передач. Ждем ответа!

Олла Дез выключила ТВФ. Загорелся синий огонек эллипсоидной антенны. После воя и взлаивающих криков в круглом зале наступило мертвое молчание. Его нарушила сама Родис.

— Не могу считать начало успешным, — озабоченно сказала она.

— Я бы сказал, что попытка познакомить Торманс с нами провалилась, — скупо улыбнулся Гриф Рифт.

— Хороши же эти правители! — возмущенно воскликнула Чеди. — Они боятся!

— Того же, чего боялись все воспитанные капитализмом, проникнутые завистью принужденного неравенства. Боятся конкуренции, — печально ответила Фай Родис.

— То есть того, что мы отнимем власть? — спросила Чеди.

— Конечно!

— Но ведь это дико и нелепо. Зачем нам власть в чужом мире?

— Это ясно для нас, для всей Земли, для Великого Кольца, но вряд ли много людей на Тормансе понимают это.

— Тогда зачем нам вообще просить посадки? Очевидно, мы не поймем друг друга, — пожала плечами Чеди.

— Для тех, кто сможет понять. Да и нам тоже следует понять их, даже этих странных правителей, — твердо сказала Родис.

— И вы будете настаивать?

— Попытаюсь!

Синий глазок горел час за часом, но планета молчала. Звездолет ушел на ночную сторону, когда Фай Родис поднялась и пригласила свободных от вахт спутников в столовую.

Все энергично принялись за темно-коричневые кирпичики пищевой смеси, достаточно вкусной, чтобы поддержать аппетит, и достаточно упругой, чтобы дать работу крепким зубам и челюстям, наследию предков, евших всевозможные твердые и неудобоваримые яства. Фай Родис ограничилась бокалом густого КМТ — оливково-зеленого напитка. Гриф Рифт сделал лишь несколько глотков чистой воды.

Чеди Даан, оставшаяся дежурить на перехвате телепередач, наблюдала за возобновлением всепланетных новостей. Перед глазами телекамер возникали улицы и площади разных городов Торманса, залы собраний и аудитории школ. Везде возбужденные тормансиане жестикулировали, кричали издалека или разражались потоками слов в непосредственной близости от приемных аппаратов. Задавался вопрос: «Что делать со звездолетом?», и чаще всего повторялись слова: «Долой, вон, не допустим, уничтожим!..» На широком уступе перед зданием, похожим на астрономическую обсерваторию, появился молодой человек в голубой одежде. Диктор объявил, что выступит один из Стражей Неба, организации, призванной охранять неприкосновенность планеты Ян-Ях. Человек в голубой одежде завопил: «Вы слышали гнусную ложь дрянной женщины, предводительницы шайки межзвездного ворья, с беспримерной наглостью посмевшей назвать себя кровной сестрой нашего великого народа. За одно это кощунство опасные пришельцы подлежат наказанию. Наши ученые давно установили и доказали, что предки народа Ян-Ях явились с Белых Звезд, чтобы покорить природу забытой планеты и устроить здесь жизнь, полную счастья и покоя...»

Чеди Даан, увлекшаяся нелепой речью оратора, произносимой с непривычным для землян пафосом, голосом то дрожащим, то срывающимся на крик, не заметила, как за ее спиной появилась Фай Родис и включила переводную машину. Но даже та не смогла найти эквивалента слов «гнусный», «шайка», «воры», «дрянной», «кощунство». Родис удалилась за справками, а Чеди, иногда прибегая к дифференциальному увеличению, продолжала всматриваться в толпу — молодые лица, только молодые, с тем непроницаемым и отгороженным от мира выражением, какое бывает у фанатиков или у тупых, равнодушных людей.

Внезапная догадка заставила Чеди включить на сигнальном браслете вызов Оллы Дез. Та прибежала, раскрасневшаяся,

после отражения атаки, произведенной на нее сразу Вир Норином, Тивисой и Неей Холли за ее романтическую приверженность к «владыкам». Вслед за ней вошла Фай Родис, неся листок только что выкопированного из «звездочки» словаря древних понятий.

— Нашли загадочные слова? — не утерпела Чеди, как ни хотелось ей высказать собственную догадку.

— Ругань, то есть слова на низком уровне развития психики, считающиеся оскорбительными для тех, кому адресованы.

— Зачем? Ведь они ничего не знают о нас!

— Они применяют методы проникновения в психику человека через подсознание, в свое время запрещенные у нас законом, но широко использовавшиеся в демагогии фашистских и лжесоциалистических государств ЭРМ. Страшный преступник Гитлер, расценивавший свой народ как стадное сборище обезьян, действовал в точности как эти тормансианские ораторы. Он вопил, орал, багровел в яростных припадках, извергая ругань и слова ненависти, заражая толпу ядом своих несдержанных эмоций. «В толпе инстинкт выше всего, а из него выходит вера» — вот его слова, использованные позже в олигархическом лжесоциализме Китая. С противниками не спорят. На них кричат, плюют, бьют, а при надобности уничтожают физически. Вы сами видите, что для ораторов Торманса нет ничего, кроме вбитых в голову понятий. Они обращаются не к здравому смыслу, а к животному безмыслию, так пусть вас не смущает эта ругань — она всего лишь прием в разработанной системе обмана народа.

Чеди встала и прошлась перед стеной экранов и пультов, сжав кулачки от нетерпения.

— А я, кажется, поняла, — медленно заговорила она, — даже позвала Оллу, прежде чем вы пришли, — для эксперимента...

Родис и Олла выжидательно смотрели на Чеди.

— У них существует вторая сеть всепланетных новостей. Та, которую мы ежедневно принимали, контролируется и фильтруется, так же как и наша Мировая Сеть. Но если мы делаем это для отбора наиболее интересного и важного, подлежащего первоочередному оповещению, то здесь это делается с совершенно другими целями.

— Понимаю, — кивнула Фай Родис, — показать только то, что хотят правители Торманса. Подбором новостей создается «определенное впечатление». А может быть, создаются и сами «новости».

— Без сомнения, так. Я догадалась, когда смотрела на «негодование» народа. Группы людей, которые высказываются абсолютно одинаково, с наигранным рвением. Они подобраны

в разных городах. А подлинного обзора людей и мнений мы не видим, как не видит его и население планеты.

— Если так... — начала Фай Родис.

— Должна существовать другая сеть, — продолжала Чеди. — По ней идет подлинная информация. Правители не смотрят на фальшивку. Это не только бесполезно, но и опасно для управления.

— И вы хотите настроиться на вторую сеть? — спросила Олла Дез. — Есть соображения о ее параметрах?

— Помните, мы поймали ночные рапорты обсерваторий?

Олла Дез склонилась над аппаратом волнового разреза, и стрелки его индикаторов ожили, прощупывая каналы передач.

Фай Родис обняла Чеди за плечи и слегка прижала к себе. Обе не отрываясь смотрели на слепой экран. Проплывали и стремительно проносились размытые контуры или просверки четких линий. Через несколько минут громкая речь зазвучала одновременно с появлением на экране обширного помещения, заставленного рядами столов с развернутыми на них таблицами и чертежами. Совсем непохожие на буйствующих на улицах люди в коричневых и темно-серых одеждах собрались в кружок на заднем плане. Они были намного старше экзальтированной молодежи.

«Не понимаю этой паники, — говорил один в центре собравшихся. — Надо бы принять звездолет. Подумать только, как много мы можем узнать от них, очевидно, людей более высокой культуры и столь похожих на нас...»

«В этом-то и дело, — перебил другой, — но как же быть с мифом Белых Звезд?»

«Кому он нужен сейчас?» — сердито нахмурился первый.

«Тем, кто твердил о непреложности истины в книгах величайшего гения Цоама, доставленных с Белых Звезд. А если мы с планеты этих пришельцев и там все так изменилось, тогда...»

«Довольно! У Четырех везде глаза и уши, — прервал первый говоривший, — молчим».

Будто по сигналу, люди разошлись по своим местам за столами. Глаз телекамеры переключился на лабораторию с аппаратурой и стеной сетчатых клеток, в которых копошилось нечто живое. Здесь стояли пожилые люди в желтых халатах и разговор тоже велся о звездолете землян.

«Необычайное наконец случилось, — сказала женщина с забавными косичками, на Земле годившимися для девочки. — Тысячелетия мы отрицали разумную жизнь с высокой культурой вокруг нас или считали ее величайшей редкостью. В Век Мудрого Отказа прилетал один звездолет, а теперь появился

второй, да еще с нашими прямыми родственниками. Как же можно его не принять!»

«Шш! — совершенно по-земному дал знак молчания старый, согнутый возрастом тормансианин. — Там, — он поднял палец вверх, — еще ничего не сказали».

И опять по безмолвной команде люди разошлись. Камера переключилась на высокий зал с огромными столбообразными машинами, трубами и котлами. И вдруг все погасло. Синий глазок приемника потух, зеленоватое свечение озарило окно фильтратора, и послышалась взвизгивающая тормансианская речь. Земляне, задержавшиеся в столовой, поспешили присоединиться к наблюдателям.

«Пришельцам чужой планеты. Пришельцам чужой планеты. Совет Четырех вызывает вас для переговоров. Вступайте в двустороннюю видеосвязь по особому каналу. Техник пояснит способ включения!»

Темный стереоэкран загорелся вновь. В тесной камере, похожей на обычную автоматическую установку ТВФ, сидел пожилой тормансианин в голубом. Он начал говорить в маленький рупор перед собой, пытаясь объяснить землянам параметры особой линии. Олла Дез мгновенно подключила уже настроенный ТВФ «Темного Пламени». Тормансианин откинулся назад и замер от удивления, увидев на своем экране людей звездолета.

— Звездолет «Темное Пламя» к переговорам готов, — с чуть заметной ноткой торжества сказала Олла Дез, немного спотыкаясь на тормансианском произношении.

Техник в голубом наконец оправился от неожиданности и проговорил что-то приглушенное и неразборчивое в кубик на гибкой ножке, выслушал ответ и поднял побледневшее лицо.

— Приготовьтесь. Выберите среди вас умеющего хорошо говорить на языке Ян-Ях и знающего слова почтения. Переключаю вас на Обитель Совета Четырех!

На экране появилась огромная комната, вся задрапированная вертикальными складками тяжелой ткани густого малахитово-зеленого цвета. На переднем плане стоял круглый стол с массивными, украшенными резьбой ножками в форме когтистых лап. На столе одиноко лежал бледно-голубой опалесцирующий шар. Четыре кресла из той же зеленой ткани стояли на ярком солнечно-желтом ковре. На задней стене виднелась астрономическая карта, слабо светившаяся над черным шкафом с дверцами, украшенными пестрыми и тонкими рисунками. На шкафу горела высокая лампа с бледно-голубым абажуром, окаймленным зеленой полосой, бросавшая свет на четырех лю-

дей, с неприличной важностью развалившихся в креслах. Трое скрывались в тени, впереди сидел худощавый и высокий человек в белой накидке, с обнаженной головой и торчавшими ежиком серо-черными волосами. Жесткий рот не гармонировал с притупленным коротким носом, а проницательные узкие глаза — с высоко поднятыми, как бы в усилии сообразить, бровями. Но Олла Дез могла быть довольна. Чойо Чагас производил впечатление властелина и, несомненно, был им.

Фай Родис, по-прежнему в своем красно-оранжевом платье, ступила на круг главного фокуса. Чойо Чагас выпрямился и долго рассматривал женщину Земли.

— Я приветствую вас, хотя вы явились без спроса! — наконец сказал он.

«Для того чтобы запросить «приглашение» и получить ответ, потребовалось бы несколько тысяч лет!» — подумала Родис, и губы ее дрогнули в еле заметной усмешке, вызвавшей столь же быструю реакцию — брови владыки немного сдвинулись.

— Пусть тот, кто у вас владычествует и кому поручено представлять правителей вашей планеты, объяснит цель прибытия, — продолжал он.

Фай Родис кратко и точно рассказала об экспедиции, об источниках сведений о планете Ян-Ях и истории исчезновения трех звездолетов Земли в самом начале ЭМВ. Чойо Чагас бесстрастно слушал, отвалившись назад и положив на мягкую подставку ноги, обтянутые белыми гетрами. И чем надменнее становилась его поза, тем яснее читали земляне смятение, происходившее в душе председателя Совета Четырех.

— Я не уяснил себе, от чьего имени вы говорите, пришельцы. Все вы чересчур молоды! — сказал Чойо Чагас, едва Родис окончила свое сообщение с просьбой принять «Темное Пламя».

— Мы люди Земли и говорим от имени нашей планеты, — ответила Фай Родис.

— Я вижу, что вы люди Земли, но кто велел вам говорить так, а не иначе?

— Мы не можем говорить иначе, — возразила Родис, — мы здесь частица человечества. Каждый из людей Земли говорил бы то же самое, только, может быть, в других выражениях или яснее.

— Человечество? Это что такое?

— Население нашей планеты.

— То есть народ?

— Понятие народа у нас было в древности, пока все народы планеты не слились в одну семью. Но если пользоваться этим понятием, то мы говорим от имени единого народа Земли.

— Как может народ говорить помимо законных правителей? Как может неорганизованная толпа, тем более простонародье, выразить единое и полезное мнение?

— А что вы подразумеваете под термином «простонародье»? — осторожно спросила Фай Родис.

— Неспособную к высшей науке часть населения, используемую для воспроизводства и самых простых работ.

— У нас нет простонародья, нет толпы и правителей. Законно же у нас лишь желание человечества, выраженное через суммирование мнений. Для этого есть точные машины.

— Я не уяснил себе, какую ценность имеет суждение отдельных личностей, темных и некомпетентных.

— У нас нет некомпетентных личностей. Каждый большой вопрос открыто изучается миллионами ученых в тысячах научных институтов. Результаты доводятся до всеобщего сведения. Мелкие вопросы и решения по ним принимаются соответствующими институтами, даже отдельными людьми, а координируются Советами по главным направлениям экономики.

— Но есть же верховный правящий орган?

— Его нет. По надобности, в чрезвычайных обстоятельствах, власть берет по своей компетенции один из Советов. Например, Экономики, Здоровья, Чести и Права, Звездоплаванья. Распоряжения проверяются Академиями.

— Я вижу у вас опасную анархию и сомневаюсь, что общение народа Ян-Ях с вами принесет пользу. Наша счастливая и спокойная жизнь может быть нарушена... Я отказываюсь принять звездолет. Возвращайтесь на свою планету анархии или продолжайте бродяжничать в безднах вселенной!

Чойо Чагас встал, выпрямился во весь рост и направил указательный палец прямо в Фай Родис. Три других члена Совета Четырех вскочили и дружно вскинули руки с ладонями, направленными ребром вперед, — жест высшего одобрения и восторга на Тормансе.

Побледнев, Фай Родис тоже простерла вперед руку успокаивающим жестом Земли.

— Прошу вас еще несколько минут подумать, — звонко сказала она Чойо Чагасу. — Я вынуждена связаться с нашей планетой, прежде чем начать решительные действия...

— Вот и обнаружилось истинное лицо пришельцев! — Чойо Чагас картинно повернулся к своим соратникам. — Какие решительные действия? — Он грозно сощурил свои узкие глаза.

— Смотря по тому, какие мне разрешит Земля! Если...

— Но как вы сможете связаться? — нетерпеливо прервал Чойо Чагас. — Вы только что говорили о недоступности расстояния. Или все это обман?

— Мы никогда никого еще не обманывали. В крайних случаях, израсходовав огромную энергию, можно пронзить пространство прямым лучом.

Спутники Фай Родис переглянулись с изумлением. Чеди Даан открыла было рот, но Гриф Рифт сдавил ее плечо, глазами приказывая молчать.

Олла Дез невозмутимо подошла к Родис, и взгляды четырех правителей сосредоточились на новой представительнице Земли. Олла подала Родис обыкновенный микрофон для переговоров внутри корабля и перевела раму ТВФ на экран в глубине зала, где обычно экипаж звездолета смотрел взятые с Земли стереофильмы и эйдопластические представления. Для звездолетчиков не осталось сомнения, что обе женщины действуют по заранее согласованному плану.

Фай Родис принялась вызывать в микрофон Совет Звездоплавания. Короткие и мелодичные слова земного языка звучали для тормансиан как заклинания. Четверо владык остались стоять вне света лампы, и Фай Родис не могла уследить за выражением их темных лиц.

На экране, совсем реальные в трехмерной пластике и естественных цветах, появились люди Земли. В большом зале шло заседание одного из Советов, по-видимому, отрывок из хроники.

Чеди Даан резко освободила плечо от пальцев Гриф Рифта.

— Недостойный обман! — громко произнесла она.

Фай Родис не дрогнула, а продолжала, склоняясь вперед и не сводя глаз с владык Торманса:

— Перевожу свои вопросы Земле на язык Ян-Ях! — И она стала говорить попеременно то на земном, то на тормансианском языке. — Уважаемые члены Совета, я вынуждена просить разрешения чрезвычайных мер. Правители Торманса, не выяснив мнения и вопреки желанию многих людей планеты, отказались принять наш звездолет по мотивам ошибочным и ничтожным...

— Ложь! Разве вы не видели по всепланетным передачам, как негодует народ и требует, чтобы вас не только не пускали к нам, а попросту уничтожили? — повелительно перебил Чойо Чагас.

— Мы включились в вашу особую сеть и видели другое, — невозмутимо парировала Родис и продолжала: — Поэтому я прошу позволить нам стереть с лица планеты главный город —

центр самовластной олигархии — или произвести всепланетную наркотизацию с персональным отбором.

Чойо Чагас присел на край стола, а трое остальных ринулись вперед, размахивая руками.

Олла Дез незаметно передвинула кадры эйдопластики. На экране ТВФ председатель Совета энергично заговорил, указывая на карту вверху. Члены Совета утвердительно закивали. Шло обсуждение постройки тренировочной школы для будущих исследователей Тамаса. Со стороны можно было подумать, что Фай Родис получила необходимое разрешение.

— Неслыханно! Я больше не могу! — Чеди Даан выбежала из зала, бросилась в свою каюту и заперлась там, жестоко страдая.

Следом за ней двинулись Гэн Атал, Тивиса и Мента Кор, но были остановлены повелительным тоном речи Фай Родис:

— Я получила разрешение на чрезвычайные действия. Прошу снова подумать. Буду ждать два часа по времени Ян-Ях. — Фай Родис повернулась, чтобы выйти из главного фокуса.

— Стойте! — крикнул Чойо Чагас. — На какое действие вы получили разрешение?

— На любое.

— И что решили?

— Пока ничего. Жду вашего ответа.

Родис погасила обратную связь ТВФ, оставив владык Торманса перед темным экраном их секретной сети. Они не догадались сразу выключиться, и земляне могли несколько минут наблюдать их спор и суетливые испуганные жесты.

— Положение опасно! — говорил горбоносый тормансианин с круглыми и выпуклыми глазами, как позднее узнали земляне, первый помощник Чойо Чагаса Ген Ши. — Могущество пришельцев несомненно.

— Как бы они ни лгали, звездолет обладает огромной силой и, без сомнения, могущественным оружием. Без него никто не пустился бы в дальние пути к неведомым планетам, — бубнил Зетрино Умрог, — но звездолет, севший на планету...

— Это совсем другое! — сказал Чойо Чагас и что-то крикнул в сторону. Экран выключился.

Родис устало опустилась в кресло и несколько раз провела ладонями по лицу и волосам снизу вверх, как бы умываясь. Гриф Рифт молча протянул бокал КМТ, и она приняла его с благодарной улыбкой.

— Представление получилось блестящее! — довольно сказала Олла Дез и прорвала плотину негодующего молчания.

— Недостойно! Стыдно! Люди Земли не должны разыгрывать лживые сцены и пускаться в обман! Никогда не ожидали,

что глава нашей экспедиции способна на бессовестный поступок! — наперебой заговорили Тивиса Хенако, Мента Кор, Гэн Атал и Тор Лик. Даже твердокаменный Див Симбел осуждающе смотрел на Фай Родис, в то время как Нея Холли, Вир Норин, Соль Саин и Эвиза Танет не скрывали своего восхищения ею.

Фай Родис отставила бокал, встала и подошла к товарищам. Взгляд ее зеленых, больших, даже для женщины ЭВР, глаз был печален и тверд.

— Мнения о моем поступке разделились у вас почти надвое — может быть, это свидетельство его правильности... Не нужно оправдания, я ведь сама сознаю вину. Опять перед нами, как тысячи раз прежде, стоит все тот же вопрос: вмешательства-невмешательства в процессы развития, или, как говорили прежде, судьбу, отдельных людей, народов, планет. Преступны навязанные силой готовые рецепты, но не менее преступно хладнокровное наблюдение над страданиями миллионов живых существ — животных ли, людей ли. Фанатик или одержимый собственным величием психопат без колебания и совести вмешивается во все. В индивидуальные судьбы, в исторические пути народов, убивая направо и налево во имя своей идеи, которая в огромном большинстве случаев оказывается порождением недалекого ума и больной воли параноика. Наш мир торжествующего коммунизма очень давно покончил со страданиями от психических ошибок и невежества власти. Естественно, каждому из нас хочется помочь тем, которые еще страдают. Но как не поскользнуться на применении древних способов борьбы — силы обмана, тайны? Разве не очевидно, что, применяя их, мы становимся на один уровень с теми, от кого хотим спасать? А находясь на том же уровне, какое право имеем мы судить, ибо теряем знание? Так и я сделала один шаг по древнему пути, и вы сами бросаете мне обвинение в недопустимом поступке.

Фай Родис присела к столу, по обыкновению подперев подбородок рукой и вопросительно оглядывая молчавших людей. Она не нашла среди присутствовавших Чеди Даан, поняла причину, и глаза ее стали еще печальнее.

— Разве можно полностью отвергать вмешательство, — спросил Гриф Рифт, — если с детских лет — и во всей социальной жизни — общество ведет людей по пути дисциплины и самоусовершенствования? Без этого не будет человека. Шаг выше, к народу — совершенствование его социальной жизни, а затем и совокупности народов, целой страны или планеты. Что же такое ступени к социализму и коммунизму, как не вмешательство знания в организацию человеческих отношений?

— Да, это так, но если оно создается изнутри, а не извне, — возразил Тор Лик, — здесь же мы чужие, пришельцы из совсем другого мира.

— Не чужие! Мы дети Земли, и они тоже! — воскликнула Нея Холли.

— Около двух тысячелетий они шли сами, без нас. И у нас нет чести и права теперь рассматривать тормансиан как своих, — резко возразила Тивиса.

— Может ли биолог и антрополог судить столь поверхностно? — поморщилась Эвиза Танет. — Две тысячи лет без нас, а миллионы с нами и весь последний, самый трудный путь от варварства и феодализма до ЭМВ. Все жертвы, кровь, слезы и горе великого пути с нами! Какие же они чужие? Разве вы забыли, что человек — это кульминация трех миллиардов лет естественного отбора, слепой игры на выживание, инферно, завесу над которым впервые приподнял Дарвин. Мы связаны через гены исторической преемственностью со всей животной жизнью нашей планеты, и, следовательно, тормансиане тоже. Разве мы можем отказаться от своих корней, как то по неизвестным нам причинам сделали предки современных обитателей Ян-Ях? Давно уже, как и мы, они знали, что человек погружен в неощутимый океан мысли, накопленной информации, который великий ученый ЭРМ Вернадский назвал ноосферой. В ноосфере — все мечты, догадки, вдохновенные идеалы тех, кто давно исчез с лица Земли, разработанные наукой способы познания, творческое воображение художников, писателей, поэтов всех народов и веков. Мы знаем, что человек Земли в своей психике почерпнул огромную силу, реализовавшуюся в построении коммунистического общества: удивление и преклонение перед красотой, уважение, гордость, творческую веру в нравственность, не говоря уже об основе основ — любви. То, что тормансиане прервали эту преемственность, — ненормально. Нет ли здесь нарушения первого закона Великого Кольца — свободы информации? Если есть, то, вы знаете, мы полномочны на самое суровое вмешательство...

— Убедительно! — сказал Соль Саин.

— И все же это не оправдание методов древности! — сказал Тор Лик.

— Не оправдание, я уже сказала, — ответила Фай Родис. — Но представим себе чашу весов. Бросим на одну возможность помочь целой планете, а на другую — лживую комедию, разыгранную мною. Что перевесит?

— Нечего спорить, — согласилась Мента Кор, — но существо дела не в соотношении добра и зла, горя и радости, кото-

рые, как мы знаем, абсолютны лишь в мере, а не в сравнении. Зерно опасности здесь, как понимаю, в уровне поступка, ибо, ступив на путь лжи и запугивания, где определить меру и ту грань, дальше которой нельзя идти, не падая?

— Мента, вы очень точно выразили общее мнение, — сказала внезапно появившаяся в зале Чеди Даан, — ложь вызовет ответную ложь, испуг — ответные попытки устрашения, для преодоления которых нужны новые обманы и застращивания, и все покатится вниз неудержимой лавиной ужаса и горя.

— Я убеждена, что сущность противоречия вы формулируете правильно, но эти последние ступени пока далекая абстракция, — сказала Фай Родис.

Синий глазок потух. Планета Ян-Ях вызывала «Темное Пламя». Засветились экраны на корабле и в Обители Совета Четырех.

Чойо Чагас сидел неестественно прямо, скрестив на груди руки, и смотрел на землян в упор.

— Я разрешаю посещение планеты и приглашаю быть моими гостями. Через сутки будет подготовлено и указано место посадки корабля.

Фай Родис, встав, поклонилась, вложив в это движение едва заметное кокетство и женскую насмешливость.

— Благодарю вас от имени Земли и моих спутников. Спешить с посадкой нет необходимости. Мы должны пройти иммунизацию, чтобы не занести вам тех болезнетворных начал, против которых у вас нет антител, и создать иммунитет для себя. Теперь, получив разрешение, мы возьмем пробы земли, воды и воздуха...

— Не садясь?

— Да, для этого есть аппараты — у нас их зовут чиркающими ракетами. Думаю, что дней через десять мы будем готовы к посадке. Кроме того... — Фай Родис на секунду запнулась.

— Кроме того? — остро блеснули глаза Чойо Чагаса.

— Я вызову второй звездолет. Он будет обращаться по высокой орбите вокруг Ян-Ях, ожидая нас, — на случай аварии нашего звездолета.

— Неужели водители кораблей Земли так неискусны? — раздраженно сказал Чойо Чагас, в то время как члены Совета Четырех обменялись обескураженными взглядами.

— Путешественники космоса, или бродяги вселенной, как назвали нас Стражи Неба, должны быть готовы к любым случайностям, — подчеркнула последнее слово Фай Родис.

Владыка Торманса нехотя кивнул, и телеаудиенция окончилась.

Глава четвертая
ОТЗВУК ИНФЕРНО

Громада «Темного Пламени» приблизилась к поверхности планеты. Скорость облета возрастала, и разреженный на высоте в сотни километров воздух оглушительно ревел за неуязвимыми стенками корабля, надежно защищенными и от перегрева, и от любой радиации. Этот звук чудовищной силы улавливали звукозонды Торманса. Оказывается, и здесь знали приборы, записывавшие звуковую хронику неба. Усилители донесли этот однообразный, резкий, как сигнал опасности, вопль до кабинетов ученых-наблюдателей, до высоких башен Стражей Неба и просторных апартаментов правителей, возвещая о приближении незваного гостя, пугающего и привлекательного.

Без устали трудились техники звездолета, вычисляя программы и закладывая их в тупомордые трехглазые чиркающие ракеты. Вскоре пачки спиральных трубок, зачехленные в пятиметровые рыбообразные оболочки, оторвались от корабля, описали громадные параболы и коснулись поверхности планеты в заранее установленных местах. Одна чиркнула по волнам океана, другая пронеслась в его глубинах, третья вспорола гладь реки, последующие пропахали поля, реки и зеленые зоны в разрешенных тормансианами местах. И, снова поднявшись на высоту облета, ракеты прилипали к бортам «Темного Пламени», неся для его лабораторий биологические пробы воды, земли и воздуха чужой планеты.

Нея Холли, Эвиза Танет и Тивиса Хенако третьи сутки не смыкали глаз. Под унылое пение ультрацентрифуг они не отходили от протонных микроскопов и термостатов с бесчисленными сериями бактериальных и вирусных культур. Аналитические компараторы сравнивали токсины вредоносных микробов Земли и Торманса и выводили длинные формулы иммунологических реакций, чтобы нейтрализовать доселе незнаемые болезнетворные начала. Иммунизацию получали в равной степени как намеченные к высадке, так и остающиеся в корабле. Весь экипаж состоял из тяжело дышавших людей с пылающими лицами и лихорадочным блеском глаз. Тор Лика и Менту Кор пришлось даже погрузить в гипнотический сон, так как сила реакции организма потребовала исключить всякую деятельность.

И все же через несколько дней Эвиза Танет объявила, что она недовольна результатами и не может гарантировать полноценной защиты.

— Каков срок достижения полноценности? — спросила ее Фай Родис.

Немного сконфуженная, Эвиза задумалась.

— Я ожидала встретить здесь обычный комплекс. Ведь тормансиане привезли с Земли в своих кишечниках ту же самую бактериальную флору, без которой не можем существовать и мы. Если они не были уничтожены местными микробами, а, наоборот, процветали, это означает, что земные бактерии и вирусы подавили первобытный микромир Торманса. Однако обнаружено два необыкновенных болезнетворных вируса. Они могли возникнуть только в условиях чрезвычайной скученности людей. Сейчас ничего похожего на Тормансе мы не наблюдаем.

— Это косвенное подтверждение былой перенаселенности планеты, — сказала Фай Родис, — но нам нужно спуститься на Торманс как можно скорее.

— Необходимая перестройка наших защитных реакций произойдет вряд ли раньше, чем через два месяца, — заявила Эвиза Танет таким тоном, как будто она была виновата в невозможности провести иммунизацию скорее.

Фай Родис улыбнулась ей.

— Что же делать! Хочется быть полноправным гостем новой земли, и почти никогда это не удается. Всегда случаются обстоятельства, которые торопят, не позволяют ждать. Многие рассказывали о незабываемом чувстве встречи с новой и безопасной планетой. Выходишь из корабля на чистейший воздух, под новое солнце и, словно дитя, бежишь по ласковой девственной почве. Буйное желание сбросить одежду и погрузиться всем существом в свежесть кристально чистого мира. Чтобы босые ноги ступали по мягкой траве, чтобы ветер и солнце, касаясь обнаженной кожи, передавали ей все ноты изменчивого дыхания природы. И столь немногим из сотен тысяч путешественников на иные миры удавалось испытать это!

— Значит, скафандры? — спросила Нея Холли.

— Да! Как ни жаль! Потом, когда закончится иммунизация, мы снимем их. Без шлемов, только с биофильтрами — и это уже удача! Зато мы будем готовы в три-четыре дня.

— Может быть, это к лучшему, — сказала Нея Холли. — Анализ воды Торманса показал некоторые структурные отличия от земной. Первое время все будут ослаблены привыканием к новой воде.

— Разве важно, какая вода? — спросила Фай Родис. — Простите, я знаю так мало. Если вода чиста и лишена вредных примесей?

— Простим историку древнее заблуждение, — улыбнулась Эвиза. — Наши предки долго считали воду просто водой, со-

единением водорода и кислорода, и вовсе не умели ее анализировать. Оказалось, что вода имеет сложную физико-химическую структуру с участием многих элементов. Тысячи видов воды, полезной, вредной, нейтральной, хотя в простом анализе одинаковой и совершенно чистой, встречаются в ключах, речках и озерах Земли. Торманс — другая планета, с иным характером общего круговорота воды, эрозии и минерального насыщения. Мы нашли, что эта вода в среднем может сказаться на нас некоторым угнетением нервной системы. Против него я подобрала таблетки ИГН-102. Только не забывайте бросать их в любую жидкость для питья или еды.

— Итак, скафандры, — вмешался молчавший до сих пор Гриф Рифт, — у нас будет одно преимущество...

— В случае опасности? — Эвиза наклонила голову, метнув косой взгляд на Чеди Даан.

— Догадка верна. Скафандр не поддается ни ножу, ни пуле, ни пиролучу, — подтвердил Рифт.

— Но голова, самая ценная часть тела, без шлема поддается, — весело возразила Фай Родис.

Чеди Даан пристально взглянула на Родис, как будто удивляясь ее оживлению. Действительно, сдержанная, немного суровая предводительница экспедиции сейчас, накануне испытания, будто стала другой.

— Но как же с планом Чеди? — спросил Гэн Атал.

— Его придется осуществить позднее, после акклиматизации, — ответила Фай Родис.

Чеди только плотнее сжала губы и отвернулась к большой карте Торманса, растянутой над входом в круглый зал.

— Чеди, мне сейчас пришло в голову, — окликнула ее Эвиза Танет, — вы чувствительно отнеслись к комедии, разыгранной Фай Родис и Оллой Дез. Но не думаете ли вы, что намерение слиться с народом Ян-Ях, маскируясь под девушку Торманса, тоже содержит элемент обмана? Смотреть чужими глазами на открытое вам, как природной тормансианке? Не подглядывание ли это?

— Я... да... нет, я представляла это с другой стороны. Просто стать ближе к ним, живя одинаковой жизнью, испытывая одни трудности и радости, беды и опасности!

— Но имея возможность в любой момент вернуться к своим? Обладая могуществом человека ЭВР? И счастьем возвратиться в прекрасный мир Земли? — наступала Эвиза.

Чеди оглянулась на Родис по давней привычке оценивать реакцию своего идеала, но зеленые глаза Родис смотрели на нее серьезно и непроницаемо.

— Тут двойственность, — начала Чеди, — и я думала о более важном.

— Для кого? — Эвиза была немилосердна, как исследователь.

— Для нас. А им, — Чеди показала на карту Торманса, — не будет никакого вреда. Ведь мы делаем это, чтобы не ошибиться, чтобы знать, как и чем помочь.

— Прежде надо узнать, следует ли! — сказал Гриф Рифт. — Может оказаться...

Ослепительная вспышка рыжего огня блеснула за окном прямого наблюдения. Звездолет вздрогнул. Гэн Атал мгновенно исчез в лифте, а Гриф Рифт и Див Симбел бросились к дублерам пилотского пульта.

Еще вспышка, еще одно легкое содрогание корпуса «Темного Пламени». Включенные звукоприемники донесли чудовищный грохот, заглушивший однообразный вопль рассекаемой атмосферы.

Люди побежали на места аварийного расписания и замерли у приборов, еще не отдавая себе отчета в случившемся. Звездолет продолжал мчаться сквозь тьму на ночной стороне планеты. До терминатора осталось не больше получаса. Зазвенели серебряные колокольчики сигнала «опасности нет». Рифт и Симбел спустились из пилотской кабины, а Гэн Атал — из поста броневой защиты.

— Что это было? Нападение? — встретила их Фай Родис.

— Очевидно, — угрюмо кивнул Гриф Рифт. — Вероятно, стреляли ракетами. Предвидя такую возможность, мы с Гэн Аталом держали включенным внешнее отражательное поле, хотя оно вызывает ужасный шум в атмосфере. Звездолет не получил ни малейшего повреждения. Как будем отвечать?

— Никак! — твердо сказала Фай Родис. — Сделаем вид, что мы ничего не заметили. Они знают по вспышкам, что попали оба раза, и убедятся в полной несокрушимости нашего корабля. Убеждена, что других попыток не будет.

— Пожалуй, верно, — согласился Гриф Рифт, — но поле мы оставим — пусть лучше воет, чем рисковать всем от трусливого вероломства.

— Теперь я еще больше стою за скафандры, — сказала Эвиза.

— И со шлемами НП, — отозвался Рифт.

— Шлемов не нужно, — возразила Фай Родис. — Тогда не будет контакта с жителями планеты и наша миссия принесет ничтожную пользу. Этот риск придется принять.

— Вряд ли шлемы послужат надежной защитой, — пожала великолепными плечами Эвиза Танет.

Нападения на звездолет не повторялись. «Темное Пламя» перешел на высокую орбиту и выключил двигатели. На корабле ни на минуту не прекращали готовиться к высадке. Биологические фильтры самым тщательным образом подгонялись в нос, рот и уши семерых «десантников». Личные роботы-спутники СДФ настраивались на индивидуальные биотоки. Название СДФ от первых букв латинских слов: «слуга, защитник, носильщик» — определяло название машины. Больше всего заботы, как обычно, требовали скафандры. Они изготовлялись специальным институтом из тончайших слоев молекулярно перестроенного металла, изолированного подкладкой, не раздражающей кожу. Несмотря на невероятную — для техники даже недавнего прошлого — прочность и термонепроницаемость, толщина скафандра измерялась долями миллиметра, и он внешне не отличался от тончайшего гимнастического костюма с высоким воротником, плотно облегающего все тело. Человек, одетый в такой костюм, походил на металлическую статую, только гибкую, живую и теплую.

Выбирая цвета скафандров, Олла Дез старалась каждого участника высадки, особенно женщин, представить наиболее эффектно.

Фай Родис, не задумываясь, выбрала черный с синим отливом, цвета воронова крыла, который очень подходил к ее черным волосам, твердым чертам лица и зеленым глазам. Эвиза попросила придать металлу серебристо-зеленый цвет ивового листа. Она решила не менять темно-рыжего оттенка своих волос и топазовых кошачьих глаз. Черный пояс и черная отделка воротничка еще резче выделяли пламя ее волос.

Чеди Даан выбрала пепельно-голубой, с глубоким отливом земного неба и серебряной отделкой, а Тивиса без колебаний взяла темно-гранатовый, с розовым поясом, гармонировавший с ее оливковой кожей и мрачноватыми карими глазами.

Мужчины хотели было надеть одинаковые серые скафандры, но, подчиняясь настояниям женщин, выбрали себе металлическую броню более красивых цветовых сочетаний.

Фай Родис задумчиво рассматривала лица спутников. Они выглядели бледными по сравнению со смуглыми обитателями планеты Ян-Ях, и она посоветовала всем принять пилюли загара.

— Может быть, нам следует переменить и цвет глаз, сделать их непроницаемо черными, как у тормансиан? — спросила Эвиза.

— Нет, зачем же? — возразила Родис. — Пусть они будут такие, как есть. Только сделаем их еще ярче. Это можно, Эвиза? Несколько лет назад были в моде «звездчатые» глаза.

— При условии, что у меня будет четыре дня для серии химических стимуляций!

— Четыре дня будет, сделайте всем нам лучистые глаза, напоминающие звезды, и пусть видят землянина издалека, в любой толпе!

— Интересно, какие глаза больше всего любили наши далекие предки во времена, когда еще не умели произвольно менять их цвет? — сказала Олла Дез. — Фай знает, например, вкусы ЭРМ.

— Если говорить о вкусах этой эры, то они были очень изменчивы, неясны и необоснованны. Но почему-то в те времена красота требовалась преимущественно от женщин. Произведения литературы, фото, фильмы перечисляют женские достоинства и почти не говорят о мужских.

— Неужели наши далекие сестры были такими постыдно неразборчивыми? — возмутилась Олла. — Наследство тысячелетий военного патриархата!

— Изобилие столь интересующих вас повелителей, — улыбнулась Родис, — но вернемся к глазам. На первом месте находились мои — чисто-зеленые глаза, и это вполне естественно по биологическим законам здоровья и силы.

— А кто из нас на втором месте?

— Чеди. Синие или фиалковые, яркого оттенка. Дальше по нисходящей шли серые, потом карие и голубые. Очень редкими были, а потому и высоко ценились топазовые глаза, как у Эвизы, или золотистые, как у Оллы, но они считались зловещими, потому что походили на глаза хищных животных: кошек, тигров, орлов.

— А для мужчин был какой-нибудь критерий? — спросила Эвиза.

— Зеленых глаз у них, видимо, не было, да, судя по литературе, и синих тоже, — пожала плечами Родис. — Чаще всего упоминаются серые, как сталь, или голубые, как лед, — признак сильных, волевых натур, настоящих мужчин, подчиняющих себе других, всегда готовых пустить в ход кулаки или оружие.

— По этому признаку следует бояться Гриф Рифта и Вир Норина, — рассмеялась Эвиза.

— Но если Гриф Рифт действительно командир, то Вир Норин слишком мягок, даже для мужчины ЭВР, — возразила Олла Дез.

— Глаза глазами, а все же придется надевать этот металл, — вздохнула Эвиза Танет, — и надолго расстаться с ощущением своей кожи, — и она провела ладонью по плечу и голой руке

извечным жестом человека, с детства обученного тщательному уходу за телом.

— Начнем. Кто будет ассистировать — вы, Олла, и Нея?

— Без Неи никак, — ответила Олла Дез.

— Тогда зовите ее, — и Фай Родис первая шагнула через порог в камеру биологического контроля.

Процесс одевания был долог и неприятен. Прошло немалое время, пока все семеро собрались в круглом зале. Чеди Даан еще ни разу не надевала скафандра и должна была постепенно привыкнуть к ощущению двойной кожи. Она не могла отвести глаз от Фай Родис — таким воплощением красоты сильного женского тела казалась она в черной броне, оттенявшей бледность ее лица и прозрачность зеленых глаз.

На поясе каждого укрепили овальную коробочку для деструкции продуктов метаболизма, на плечах поблескивали полоски приборов видеозаписи и треугольные зеркальца кругового обзора. На правую руку надели второй сигнальный браслет — для связи с кораблем через персонального робота, а в ложбинке между ключиц поместили цилиндр воздушного обдува. Время от времени между телом и скафандром от плеч до ступней пробегала воздушная волна, создавая приятное ощущение легкого массажа. Воздух выходил через клапаны на пятках, а со стороны казалось, будто на металлическом теле перекатываются могучие мускулы.

Фай Родис оглядывала товарищей, так странно отдалившихся и недоступных в холодном блеске облегающего металла...

— И вы собираетесь в таком виде предстать перед тормансианами? — раздался позади голос Гриф Рифта.

Родис вдруг осознала, что ее беспокоило.

— Ни в коем случае! — повернулась она к Рифту. — Мы, женщины, наденем обычные короткие юбочки тропической зоны, накинем пелеринки.

— Может быть, лучше рубашки, как у тормансианок? — спросила Тивиса, стеснявшаяся внешней открытости скафандра.

— Попробуем, может быть, они окажутся удобнее, — согласилась Родис.

— А я стою за тропический костюм для мужчин, — сказал Вир Норин.

— Шорты годятся, но рубашка без рукавов привлечет внимание к «металлическим» рукам, — возразил Гриф Рифт. — Тормансианские рубашки удобнее и для мужчин.

— Как странно, что на Тормансе, на улицах и дома, люди закутывают себя в одежду. Но на сценах, в громадных залах

общественных зрелищ или в телепередачах они едва одеты, — заметила Олла Дез.

— Действительно, тут нелепое противоречие — одно из многих, какие нам предстоит разгадать, — сказала Родис.

— Может быть, зрелища подобного рода потому и привлекательны для них, что тормансиане обычно одеты с головы до ног, — догадалась Чеди.

— Это простое и вероятное объяснение наверняка ошибочно: судя по законам психики, все гораздо сложнее, — закончила Родис дискуссию.

После первого же сеанса магнитной стимуляции, проведенного Эвизой, «десантники» разошлись, чувствуя себя в броне непривычно связанными и отчужденными. Они должны были привыкать к ней в оставшиеся до посадки дни. Тончайшая металлическая пленка, по существу, нисколько не стеснявшая движений, стала незримой стеной между ними и остающимися на корабле. Все как будто бы оставалось прежним, но уже не было единодушного «мы» в обсуждении ближайших планов — появились «они» и «мы».

На сигнал готовности звездолета с главной обсерватории Стражей Неба последовало указание о месте посадки. «Темное Пламя» должен был сесть на широкий пологий мыс на южном берегу экваториального моря, приблизительно в трехстах километрах от столицы. Увеличенные снимки этого места показали унылый, поросший высоким темным кустарником вал, вклинившийся в серо-зеленое море. И местность, и море казались безлюдными, что вызвало опасения среди остающихся в звездолете.

— Безлюдье, — основное условие для посадки ЗПЛ. Мы предупредили Совет Четырех, — напомнил товарищам Гриф Рифт.

— Могли бы выбрать место поближе к городу, — сказала Олла Дез. — Все равно они не позволили выходить всем.

— Вы забываете, Олла, — невесело сказала Родис, — близ города было бы очень трудно удержать любопытных. А здесь они поставят вокруг охрану, и никто из жителей Торманса не подойдет к нашему кораблю.

— Подойдут! Я позабочусь об этом! — с неожиданной горячностью вмешался Гриф Рифт. — Я пробью кустарник экранирующим коридором, который будет открываться звуковым паролем. Место входа я передам Фай по видеолучу. И вы сможете посылать к нам гостей, желанных, разумеется.

— Будут и нежеланные, — заметила Родис.

— Не сомневаюсь. Нея замещает Атала, и мы с ней отразим любую попытку. Надо быть начеку. После неудачи с ракетами они попробуют что-нибудь другое.

— Не раньше, чем убедятся в том, что второй звездолет, о котором я говорила, не придет. До тех пор вы будете в безопасности — три-четыре месяца, возможно, и больше. Как и мы, — тише добавила Родис.

Гриф Рифт положил руку на плечо в теплом черном металле, заглянул в печальные и бесстрашные глаза.

— Вы сами определили срок вашего возвращения на корабль, Родис. И его лучше сократить, а не удлинять.

— Я понимаю вашу тревогу, Рифт...

— Представьте, что вы встретите стену глухого, абсолютного непонимания и ее не удастся пробить. Разве дальнейшее пребывание будет оправдано? Слишком велик риск.

— Не могу поверить, что можно отвергнуть знания Земли. Ведь это дверь в беспредельное и ясное будущее из их жизни — короткой, мучительной и, я боюсь, темной, — возразила Родис.

— Чувство необходимости жертвы — самое архаическое в человеке, проходящее через все религии в истории древних обществ. Умилостивить неведомую силу, смягчить божество, придать долговечность хрупкой судьбе. От закапывания людей на алтарях перед боем, охотой, для урожая или основания построек, от колоссальных гекатомб вождей, царей, фараонов до невообразимых избиений во имя бредовых политических и религиозных идей, национальной розни. Но мы, познавшие меру, творцы великих охранительных устройств общества для уничтожения горя и жертв, — неужели мы не расстались еще с этой древней чертой психики?

Фай Родис ласково провела пальцами по волосам Грифа.

— Если мы вторгаемся в жизнь Торманса, применяя древние методы — столкновение силы с силой, если мы нисходим до уровня их представлений о жизни и мечте... — Родис умолкла.

— Тем самым принимаем и необходимость жертвы. Так?

— Так, Рифт...

Только Родис вошла в свою каюту, как ее сигнальный браслет вспыхнул — Чеди Даан, некоторое время избегавшая встречи с ней один на один, просила разрешения прийти.

— Видимо, я очень тупая, — заявила Чеди, едва переступив порог, — *я так мало знаю о великой сложности жизни...*

Фай Родис слегка пожала горячие руки девушки, обрамленные на запястьях серебряными кольцами скафандра, любуясь ее начавшим смуглеть лицом в рамке пепельно-русых волос.

— Не надо казниться, Чеди! Главное всегда и везде — не совершать поступка, продиктованного ошибочным мнением. Кто не путался в, казалось бы, неразрешимых противоречиях?

Даже боги древних верований были подвержены этому. Только природа обладает неограниченной жестокостью, чтобы решать противоречия слепым экспериментом за счет всего живущего!

Они сели на диван. Чеди вопросительно посмотрела на Родис.

— Расскажите мне о теории инферно, — после некоторого колебания попросила она и поспешно добавила: — Мне очень важно знать.

Родис задумчиво прошлась по каюте и, остановившись у стеллажа микробиблиотеки, провела пальцами по зеленым пластинкам кодовых обозначений.

— Теория инфернальности — так говорят издавна. На самом же деле это не теория, а свод статистических наблюдений на нашей Земле над стихийными законами жизни и особенно человеческого общества. Инферно — от латинского слова «нижний, подземный», оно означало ад. До нас дошла великолепная поэма Данте, который, хотя писал всего лишь политическую сатиру, воображением создал мрачную картину многоступенчатого инферно. Он же объяснил понятную прежде лишь оккультистам страшную суть наименования «инферно», его безвыходность. Надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий» — на вратах ада отражала главное свойство придуманной людьми обители мучений. Это интуитивное предчувствие истинной подоплеки исторического развития человеческого общества — в эволюции всей жизни на Земле как страшного пути горя и смерти — было измерено и учтено с появлением электронных машин. Пресловутый естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение инфернальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросая кости несчетное число раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибавших в страдании и безысходности. Жестокий отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном, направлении — наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Но это неизбежно требовало повышения остроты чувств — даже просто нервной деятельности — и вело за собой обязательное увеличение суммы страданий на жизненном пути.

Иначе говоря, этот путь приводил к безысходности. Происходило умножение недозрелого, гипертрофия однообразия, как песка в пустыне, нарушение уникальности и неповторимой драгоценности несчетным повторением... Проходя триллионы превращений от безвестных морских тварей до мыслящего организма, животная жизнь миллиарды лет геологической истории находилась в инферно.

Человек, как существо мыслящее, попал в двойное инферно — для тела и для души. Ему сначала казалось, что он спасется от всех жизненных невзгод бегством в природу. Так создавались сказки о первобытном рае. Когда стало яснее строение психики человека, ученые определили, что инферно для души — это первобытные инстинкты, плен, в котором человек держит сам себя, думая, что сохраняет индивидуальность. Некоторые философы, говоря о роковой неодолимости инстинктов, способствовали их развитию и тем самым затрудняли выход из инферно. Только создание условий для перевеса не инстинктивных, а самосовершенствующихся особей могло помочь сделать великий шаг к подъему общественного сознания.

Религиозные люди стали проповедовать, что природа, способствующая развитию инстинктов, — от воплощения зла, давно известного под именем Сатаны. Ученые возражали, считая, что процесс слепой природной эволюции направлен к освобождению от внешней среды и, следовательно, к выходу из инферно.

С развитием мощных государственных аппаратов власти и угнетения, с усилением национализма с накрепко запертыми границами инферно стали создаваться и в обществе.

Так путались и в природных, и в общественных противоречиях, пока Маркс не сформулировал простого и ясного положения о прыжке из царства необходимости в царство свободы единственно возможным путем — путем переустройства общества.

Изучая фашистские диктатуры ЭРМ, философ и историк пятого периода Эрф Ром сформулировал принципы инфернальности, впоследствии подробно разработанные моим учителем.

Эрф Ром заметил тенденцию всякой несовершенной социальной системы самоизолироваться, ограждая свою структуру от контакта с другими системами, чтобы сохранить себя. Естественно, что стремиться сохранять несовершенное могли только привилегированные классы данной системы — угнетатели. Они прежде всего создавали сегрегацию своего народа под любыми предлогами — национальными, религиозными, чтобы превратить его жизнь в замкнутый круг инферно, отделить от остального мира, чтобы общение шло только через властвующую группу. Поэтому инфернальность неизбежно была делом их рук. Так неожиданно реализовалось наивно-религиозное учение Мани о существовании направленного зла в мире — манихейство. На самом деле это была совершенно материальная борьба за привилегии в мире, где всего не хватало.

Эрф Ром предупреждал человечество не допускать мирового владычества олигархии — фашизма или государственного

капитализма. Тогда над нашей планетой захлопнулась бы гробовая крышка полной безысходности инфернального существования под пятой абсолютной власти, вооруженной всей мощью страшного оружия тех времен и не менее убийственной науки. Произведения Эрф Рома, по мнению Кин Руха, помогли построению нового мира на переходе к Эре Мирового Воссоединения. Кстати, это Эрф Ром первый подметил, что вся природная эволюция жизни на Земле инфернальна. Об этом же впоследствии так ярко написал Кин Рух.

Родис привычно набрала шифр, и небольшой квадрат библиотечного экрана засветился. Знакомый облик Кин Руха возник в желтой глубине, вперяя в зрительниц поразительно острые и белесоватые глаза. Ученый повел рукой и скрылся, продолжая говорить за кадром.

А на экране появилось усталое, печальное и вдохновенное лицо старого мужчины с квадратным лбом и высоко зачесанными седыми легкими волосами. Кин Рух пояснил, что это древний философ Алдис, которого прежде отождествляли с изобретателем морского сигнального фонаря. Трудно разобраться в именах народов, у которых фонетика не совпадала с орфографией, произношение же было утрачено в последовавшие века, что особенно сказалось на распространенном в ЭРМ английском языке.

Алдис, заметно волнуясь и задыхаясь от явной сердечной болезни, говорил: «Беру примером молодого человека, потерявшего любимую жену, только что умершую от рака. Он еще не ощущал, что он жертва особой несправедливости, всеобщего биологического закона, беспощадного, чудовищного и циничного, нисколько не менее зверских фашистских «законов». Этот нестерпимый закон говорит, что человек должен страдать, утрачивать молодость и силы и умирать. Он позволил, чтобы у молодого человека отняли все самое дорогое, и не давал ему ни безопасности, ни защиты, оставляя навсегда открытым для любых ударов судьбы из тени будущего! Человек всегда неистово мечтал изменить этот закон, отказываясь быть биологическим неудачником в игре судьбы по правилам, установившимся миллиарды лет тому назад. Почему же мы должны принимать свою участь без борьбы?.. Тысячи Эйнштейнов в биологии помогут вытащить нас из этой игры, мы отказываемся склонить голову перед несправедливостью природы, прийти к согласию с ней». Кин Рух сказал: «Трудно ясней сформулировать понятие инферно для человека. Видите, как давно поняли его принципы люди? А теперь...»

На экране возникла модель земного шара, многослойный прозрачный сфероид, освещенный изнутри. Каждый участок

его поверхности был крохотной диорамой, бросавшей стереоскопическое изображение прямо на зрителя как бы из безмерной дали. Вначале загорались нижние слои шара, оставляя прозрачными и немыми верхние. Постепенно проекция поднималась все выше к поверхности. Перед зрителем проходила наглядно история Земли, запечатленная в геологических напластованиях. Эта обычная демонстрационная модель была насыщена невиданным ранее Чеди содержанием. Кин Рух объявил, что построил схему эволюции животных по данным Эрф Рома.

Каждый вид животного был приспособлен к определенным условиям жизни, экологической нише, как назвали ее биологи еще в древности. Приспособление замыкало выход из ниши, создавая отдельный очаг инферно, пока вид не размножался настолько, что более не мог существовать в перенаселенной нише. Чем совершеннее было приспособление, чем больше преуспевали отдельные виды, тем страшнее наступала расплата.

Загорались и гасли разные участки глобуса, мелькали картины страшной эволюции животного мира. Многотысячные скопища крокодилообразных земноводных, копошившихся в липком иле в болотах и лагунах; озерки, переполненные саламандрами, змеевидными и ящеровидными тварями, погибавшими миллионами в бессмысленной борьбе за существование. Черепахи, исполинские динозавры, морские чудовища, корчившиеся в отравленных разложением бухтах, издыхавшие на истощенных бескормицей берегах.

Выше по земным слоям и геологическому времени появились миллионы птиц, затем гигантские стада зверей. Неизбежно росло развитие мозга и чувств, все сильнее становился страх смерти, забота о потомстве, все ощутительнее страдания пожираемых травоядных, в темном мироощущении которых огромные хищники должны были представлять подобие демонов и дьяволов, созданных впоследствии воображением человека. Их царственная мощь, великолепные зубы и когти, восхищавшие своей первобытной красотой, имели лишь одно назначение — рвать, терзать живую плоть, дробить кости.

И никто и ничто не могло помочь, нельзя было покинуть тот замкнутый круг инфернальности, болото, степь или лес, в котором животное появилось на свет в слепом инстинкте размножения и сохранения вида... А человек, с его сильными чувствами, памятью, умением понимать будущее, вскоре осознал, что, как и все земные твари, он приговорен от рождения к смерти. Вопрос лишь в сроке исполнения и том количестве страдания, какое выпадет на долю именно этого индивида. И чем выше, чище, благороднее человек, тем большая мера

страдания будет ему отпущена «щедрой» природой и общественным бытием — до тех пор, пока мудрость людей, объединившихся в титанических усилиях, не оборвет этой игры слепых стихийных сил, продолжающейся уже миллиарды лет в гигантском общем инферно планеты...

Вот почему первое понимание инфернальности жизни прежде приносило столько психических надломов и самоубийств в самом прекрасном возрасте — восемнадцати — двадцати лет.

— Я сопоставила два отрывка из лекций моего учителя, — сказала Фай Родис, — и теперь вам ясна пресловутая теория инфернальности. «Но миллионы лет на веру наших «да!» ты отвечаешь — «нет!», — пропела Родис, перефразируя одного из своих любимых древних русских поэтов.

— О да! — воскликнула Чеди. — Но можно ли мне будет узнать об испытаниях, каким себя подвергали некоторые историки?

— Вы, видимо, знаете обо мне больше, чем я полагала, — сказала Родис, читая ее мысли, — так узнайте еще.

С этими словами она достала звездообразный кристалл мнемозаписи, именуемый в просторечии «звездочкой», и подала его Чеди.

— Инфернальность стократно усиливала неизбежные страдания жизни, — сказала она, — создавала людей со слабой нервной системой, которые жили еще тяжелее, — первый порочный круг. В периоды относительного улучшения условий страдание ослабевало, порождая равнодушных эгоистов. С переходом сознания на высшую общественную ступень мы перестали замыкаться в личном страдании, зато безмерно расширилось страдание за других, то есть сострадание, забота о всех, об искоренении горя и бед во всем мире, — то, что ежечасно заботит и беспокоит каждого из нас. Если уж находиться в инферно, сознавая его и невозможность выхода для отдельного человека из-за длительности процесса, то это имеет смысл лишь для того, чтобы помогать его уничтожению, следовательно, помогать другим, делая добро, создавая прекрасное, распространяя знание. Иначе какой же смысл в жизни?

Простая истина, понятая до удивления не скоро. Поэтому настоящие революционеры духа вначале были редки в те древние времена.

Чтобы представить меру личного страдания прошлых времен, мы, историки, придумали систему испытаний, условно названных ступенями инфернальности. Это серия не только физических, но и психических мучений, предназначенных для того, чтобы мы, изучающие историю ЭРМ, стали бы ближе к

ощущениям предков. Мотивация их поступков и предрассудков сделалась бы понятнее для отдаленных тысячелетиями светлой жизни потомков.

Чеди Даан сосредоточенно наклонила голову.

— И вы думаете, что здесь, на Тормансе, — инферно? Что крышка всепланетного угнетения здесь захлопнулась, потому что они не достигли...

— У них всепланетная олигархия наступила очень быстро из-за однородности населения и культуры, — пояснила Родис.

Чеди Даан вышла, оглядываясь на неподвижную Фай Родис, унесшуюся мыслями то ли на неизведанную планету внизу под кораблем, то ли на бесконечно далекую Землю.

Спустя два часа Чеди явилась снова, с пылающими щеками и опущенными глазами. Без слов она подала «звездочку», схватила протянутую руку Родис, приложила ко лбу и внезапно поцеловала. Шепнув: «Простите меня за все», — она выскочила из каюты, еще неловкая в скафандре. Родис посмотрела ей вслед, и вряд ли кто-нибудь из экипажа звездолета мог представить себе столько материнской доброты на лице начальницы экспедиции.

Впечатление от только что просмотренной «звездочки» взбудоражило Чеди, затронув какие-то древние инстинкты. В памяти увиденное наплывало и выступало с болезненной резкостью, как ни хотелось Чеди поскорее забыть о нем. Зная множество подобных историй из древних книг и фильмов о прошлом, Чеди представляла себе жестокость прежних времен отвлеченно.

Сопротивление героев воодушевляло, а само описание их злоключений даже оставляло смутно приятное чувство безопасности, невозможности подобного произвола судьбы ни с самой Чеди, ни с кем иным из всего множества людей на Земле. Учитель психологии объяснял в школе, что в древности, когда было много голодных и нищих людей, сытые и обеспеченные любили читать книги и смотреть фильмы о бедных, умирающих от голода, угнетенных и униженных, чтобы сильнее прочувствовать свою обеспеченную и спокойную жизнь. Больше всего сентиментальных книг об ущербных и несчастных людях и, как антитеза к ним, о неслыханно удачливых героях и красавицах было создано в неустойчивое, тревожное время ЭРМ. Тогда люди, предчувствуя неизбежность грозных потрясений в жизни человечества, были рады каждому произведению искусства, которое могло дать драгоценное чувство хотя бы временной безопасности: «Пусть это случается с другими, но не со мной».

Чеди, как и все, проходила закалку физическими трудностями, работала в госпиталях тяжелых заболеваний — рецидивов расстроенной наследственности или очень серьезных травм с нередкими случаями эвтаназии — приговором легкой смерти, на каком бы высоком уровне развития общество ни находилось.

Но все это было естественной необходимостью жизни, понятной, преодоленной мудростью и психической закалкой, жизни, ежеминутно чувствующей свое единство с общим духовным потоком человечества, стремящегося ко все более высокому будущему. В него не нужно было верить, как в давно прошедшие времена, настолько реально и зримо оно предстояло перед уходящим в прошлое. Но то, что увидела Чеди в «звездочке» Родис, вовсе не походило на горе жизни ЭВР.

Одиночество и беспомощность человека, насильно оторванного от всего интересного, светлого и дорогого, были так обнажены, что чувство бесконечной тоски назойливо внедрялось в душу помимо воли Чеди. Унижение и мучения, каким подвергалось это одинокое, отторгнутое существо, возвращали человека ЭВР в первобытную ярость, смешанную с горечью бессилия, казалось бы, немыслимого для человека Земли.

Через испытания Фай Родис Чеди как бы окунулась в атмосферу душной, бессмысленной жестокости и вражды давно прошедших веков. Гордое, стальное достоинство женщины ЭВР не сломилось под силой психологического воздействия, может быть, потому, что перед ней была Фай Родис — олицетворение всего, к чему стремилась сама Чеди.

Молодая исследовательница человека и общества устыдилась, вспомнив, как на далекой Земле она не раз подвергала сомнению необходимость сложных охранительных систем коммунистического общества. Люди Земли из поколения в поколение затрачивали на них огромные материальные средства и силы. Теперь Чеди знала, что, несмотря на неизбежное возрастание доброты, сострадания и нежности, от суммы пережитых миллионов лет инфернальных страданий, накопленных в генной памяти, всегда возможно появление людей с архаическим пониманием доблести, с диким стремлением к власти над людьми, возвышению себя через унижение других. Одна бешеная собака может искусать и подвергнуть смертельной опасности сотни людей. Так и человек с искривленной психологией в силах причинить в добром, ничего не подозревающем окружении ужасные бедствия, пока мир, давно забывший о прежних социальных опасностях, сумеет изолировать и трансформировать его.

Вот почему так сложна организация ПНОИ — психологического надзора, работающего вместе с РТИ — решетчатой

трансформацией индивида — и непрерывно совершенствуемая Советом Чести и Права. Полная аналогия с ОЭС — охраной электронных связей космического корабля, только еще сложнее, многообразнее.

Впервые понятая как следует роль ПНОИ успокоила и ободрила Чеди. Будто материнская неусыпная забота человечества Земли достала своей могучей рукой сюда, сквозь витки Шакти и Тамаса. Глубоко вздохнув, девушка перестала чувствовать металлическую броню и уснула так спокойно, как не спала с момента приближения к Тормансу.

Глава пятая
В САДАХ ЦОАМ

Нея Холли, переселившаяся под купол звездолета на место Гэн Атала, проснулась от глухого воя приборов наружного прослушивания. Она сообразила, что «Темное Пламя» перешел на низкую орбиту, не выключая защитного поля. На экране внутреннего ТВФ она увидела водителей звездолета, оживленно беседующих с Фай Родис.

Снижение «Темного Пламени» должно было взбудоражить всю планету. Возможно было вторичное нападение именно в тот момент, когда земляне выключат защитное поле. Фай Родис, настаивавшая на выключении поля, взяла верх. Она убедила пилотов корабля в том, что в олигархическом государстве обратная связь неминуемо слаба. Пока известие о том, что поле снято и можно повторить нападение, пробьется к верховному владыке, «Темное Пламя» успеет опуститься.

Звездолет кружил над планетой Ян-Ях, приноравливаясь к назначенному месту посадки. Этот вдававшийся в море мыс был слишком мал для громадного, неповоротливого ЗПЛ. Открыли еще две смотровые шахты, и земляне не могли оторваться от них, впервые рассматривая планету на столь близком расстоянии. «Темное Пламя» делал последние витки на высоте около 250 километров. Немного более плотная, чем у Земли, атмосфера уже начала нагревать рассекавший ее корабль. Планета Ян-Ях не казалась голубой, как Земля. Преобладающий оттенок был фиолетовый, большие озера среди гор выглядели почти черными, с золотистым отливом, а океаны — густо-аметистовыми. Там, где сквозь неглубокую воду просвечивали мели, море угрюмо зеленело.

Земляне с грустным чувством вспоминали радостный зеленый оттенок Тибета, каким они видели его с такой же высоты в последний раз.

Параллельные ребра рассеченных низких гребней, верениц теснящихся друг на друга пирамид, лабиринты сухих долин на необозримых плоскогорьях Ян-Ях казались светло-коричневыми с фиолетовым оттенком. Местами тонкий растительный покров набрасывал на изрытую и бесплодную почву шоколадное покрывало. Колоссальные излияния морщинистых темно-серых лав отмечали область экваториальных разломов. Вокруг этих мрачных зон почва приобрела кирпичный цвет, а по удалении от лавовых гор становилась все желтее. Симметричные борозды песчаных дюн морщинили пустынное побережье, и планета казалась необитаемой.

Лишь присмотревшись, земляне увидели, что вдоль больших рек и в низменных котловинах, где почва голубела от влажных испарений, большие площади были разбиты на правильные квадраты. Затем проступили дороги, зеленые острова городов и огромные бурые пятна подводных зарослей на морских мелководьях. Облака не дробились пушистыми комочками, перистыми полосами или рваными ослепительно белыми полями, как на Земле. Здесь они громоздились чешуйчатыми, зернистыми массами, скучиваясь над морями хвостового и головного полушарий.

Звездолет пронизала вибрация. Гриф Рифт включил охладители. Окутанный серебряным облаком корабль ринулся вниз. Экипаж на этот раз встретил перегрузку торможения не в магнитных камерах, а в амортизационных креслах и на диванах. И снова, бессознательно соблюдая незримую грань, семеро одетых в металлическую броню собрались на диване отдельно от остальных звездолетчиков.

Место и время посадки «Темного Пламени», как потом узнали земляне, держалось в секрете. Поэтому лишь немногие обитатели планеты Ян-Ях видели, как громада корабля, внезапно возникшая из глубины неба, нависла над пустынным мысом. Горячий столб тормозной энергии ударил в рыхлую почву, подняв пыльный, дымный смерч. Бешено крутящаяся колонна долго не поддавалась напору морского ветра. Ее жаркое дыхание распространилось далеко по морю и суше, навстречу спешившим сюда длинным громыхающим машинам, набитым тормансианами в одинаковых лиловых одеждах. Они были вооружены — у каждого на груди висели коробки с торчащими вперед короткими трубками. Застигнутые жарким дыханием смерча, машины остановились в почтительном отдалении. Тормансиане всматривались в пылевую завесу, стараясь понять, что это — благополучный спуск или катастрофа? Постепенно сквозь серовато-коричневую мглу начал приступать

темный купол звездолета, стоявший так ровно, как будто он опустился на заранее подготовленный фундамент. К удивлению тормансиан, даже заросли высокого кустарника вокруг корабля оказались неповрежденными. Пришлось прорубать дорогу, чтобы пропустить машины с эмблемой четырех змей, предназначенные для прилетевших.

Непосредственно у самого звездолета растительность была уничтожена и почва расплавилась, образовав гладкую кольцевую площадку.

Внезапно основание звездолета утонуло в серебряном облаке. На тормансиан повеяло холодом. Через несколько минут почва остыла. В корабле открылись два круглых люка, напоминавших широко расставленные громадные глаза. Выпуклые полированные поверхности их загорелись зловещим отблеском в лучах красного светила, пробившихся сквозь клубы редеющей пыли. Тормансиане в лиловом, пробиравшиеся полукольцом через кустарник, остановились, оглядываясь на застрявшие позади машины. Оттуда по цепи передали распоряжение не подходить ближе. Нечеловечески мощный вздох пронесся над мысом. Спиральное движение воздуха закрутило листья, куски обуглившихся веток и осевшую пыль, вознося их высоко к фиолетовому небосводу. Ветер подхватил и отнес мусор в пустынное море. Без промедления над кольцеобразным выступом основания купола корабля расползлись в стороны толстые броневые плиты. Выдвинулась массивная труба, диаметром больше человеческого роста. На конце ее изящно и бесшумно развернулся веер из металлических балок, под которым опустилась на почву прозрачная клетка подъемника. Затаив дыхание, жители Торманса смотрели на эту блестящую, как хрусталь, коробку.

Фай Родис, шедшая впереди по трубчатой галерее, взглядом прощалась с остающимися членами экипажа. Они выстроились в ряд и, стараясь скрыть тревогу, провожали уходящих улыбками и ласковыми пожатиями.

У рычагов подъемника стоял Гриф Рифт. Он задержал металлический локоть Родис, шепнув с непривычной для него мягкостью:

— Фай, помните, я готов все взять на себя! Я сотру их город с лица планеты и разрою его на глубину километра, чтобы выручить вас!

Фай Родис обняла командира за крепкую шею, привлекла к себе и поцеловала.

— Нет, Гриф, вы никогда не сделаете этого!

В этом «никогда» было столько силы, что суровый звездолетчик покорно наклонил голову...

Перед жителями планеты Ян-Ях появилась женщина в костюме черного цвета, похожем на те, которые были разрешены лишь высшим сановникам города Средоточия Мудрости. Металлические стойки на воротнике держали перед лицом гостьи прозрачный щиток. На плечах в такт шагам вздрагивали змееобразные трубки и ослепительно блестели треугольные зеркальца, словно священные символы власти. Рядом, блестя вороненой крышкой, проворно семенил девятью столбиками-ножками какой-то механизм, неотступно следовавший за женщиной Земли...

Один за другим выходили ее спутники — три женщины и трое мужчин, каждый в сопровождении такой же механической девятиножки.

Больше всего поразили встречавших ноги пришельцев, обнаженные до колен. Они блестели разноцветным металлом, а на пятках выступали зубцы вроде коротких шпор. Металл блестел и в разрезах мужских рубашек, и в широких рукавах женских блуз. Жители Ян-Ях с удивлением увидели, что лица землян, гладкие, покрытые ровным загаром, по существу, ничем не отличались от «белозвездных людей», как тормансиане называли себя. Они поняли, что металл на телах пришельцев лишь плотно прилегающая, очень тонкая одежда.

Двое важного вида тормансиан сошли с высокой и длинной повозки, изогнувшейся в зарослях наподобие членистого насекомого. Они встали перед Фай Родис и рывком поклонились.

Женщина Земли заговорила на чистом языке Ян-Ях. Но голос ее, звенящий и высокий, металлического тембра, зазвучал из цилиндра на спине сопровождающего механизма.

— Родичи, разлучившиеся с нами на двадцать веков, наступило время встретиться снова.

Тормансиане отозвались нестройным шумом, переглядываясь с видом чрезвычайного изумления. Украшенные эмблемами змей сановники поспешно приблизились и пригласили гостей к большому экипажу. Старший по возрасту сановник извлек из нагрудной сумки лист желтой бумаги, исписанный красивыми знаками Ян-Ях. Склонив голову, он начал выкрикивать слова так, что его услышали и люди в звездолете, и тормансиане, стоявшие поодаль за кустами. При первых же словах сановника тормансиане почтительно вытянулись и одинаково склонили головы.

— Говорит великий и мудрый Чойо Чагас. Его слова к пришельцам: «Вы явились сюда, на планету счастья, легкой жизни и легкой смерти. В великой доброте своей народ Ян-Ях не отказывает вам в гостеприимстве. Поживите с нами, поучи-

тесь и расскажите о нашей мудрости, благополучии и справедливом устройстве жизни в тех неведомых безднах неба, откуда вы так неожиданно пришли!»

Оратор умолк. Земляне ожидали продолжения речи, но сановник спрятал бумажку, выпрямился и взмахнул рукой. Тормансиане ответили громким ревом.

Фай Родис оглянулась на спутников, и Чеди могла бы поручиться, что зеленые глаза на бесстрастном лице ее руководительницы смеялись, как у проказливой школьницы.

Дверь в борту машины раскрылась, и Родис шагнула на опустившуюся ступеньку. Робот-девятиножка, иначе верный СДФ, устремился следом, старший сановник сделал протестующий жест. Мгновенно из-за его спины возник плотный, одетый в лиловое человек с нашивкой в виде глаза на левой стороне груди. Фай Родис уже поднялась в машину, а СДФ уцепился передними конечностями за край подножки, когда человек в лиловом энергично пнул робота ногой прямо в колпак из вороненого металла. Предостерегающий крик Родис, обернувшейся слишком поздно, замер на ее губах. Тормансианин взлетел в воздух и, описав дугу, рухнул в чащу колючего кустарника. Лица охранников исказились яростью. Они готовы были броситься к СДФ, направляя на него раструбы нагрудных аппаратов. Фай Родис простерла руку над своим роботом, опустила заграждавший лицо щиток, и впервые сильный голос женщины Земли раздался на планете Ян-Ях без передающего устройства:

— Осторожно! Это всего лишь машина, служащая сундуком для вещей, носильщиком, секретарем и сторожем. Машина совершенно безвредна, но устроена так, что пуля, выпущенная в робота, отлетит назад с той же силой, а удар может вызвать поле отталкивания, как это сейчас случилось. Помогите вашему слуге выбраться из кустов и оставьте без внимания наших металлических слуг!

Тормансианин, заброшенный в колючки, барахтался там, завывая от злобы. Охранники и оба сановника попятились, и все семь СДФ влезли в повозку.

В последний раз земляне окинули взглядом «Темное Пламя». Уютный и надежный кусочек родной планеты одиноко стоял среди пыльной поляны на ярко освещенной чужим светилом равнине. Люди Земли знали, что шестеро оставшихся безотрывно следят за ними, но темнота в глубине люка и галереи казалась непроницаемой.

Повинуясь знаку сановника — «змееносца», как назвала его Эвиза, — звездолетчики опустились в глубокие мягкие си-

денья, и машина, раскачиваясь и подпрыгивая, понеслась по неровной дороге. Где-то под полом гудели двигатели. Взвилась коричневая тонкая пыль, скрыв купол «Темного Пламени». Раструбы мощного компрессора сдували пыль назад. Земляне осмотрелись. Сопровождавшие во главе с двумя «змееносцами» уселись поодаль, не проявляя ни дружелюбия, ни враждебности, ни даже простого любопытства. Однако Родис уловила жадную и опасливую пытливость в их украдкой бросаемых взглядах. Так могли бы вести себя дети далекого прошлого Земли, которым под страхом наказания велели не знакомиться с пришельцами и сторониться их. Высадка землян держалась в тайне. Бешено мчавшаяся машина вначале не привлекала внимания все более многочисленных пешеходов или людей в высоких, жутко раскачивавшихся на ходу повозках. Но слухи о гостях с Земли каким-то образом разнеслись в городе Средоточия Мудрости. Через четыре земных часа, когда машины стали приближаться к столице планеты, по краю широкой дороги уже толпились люди, все без исключения молодые, в рабочей одежде однообразного покроя, но всевозможных расцветок. Остались позади коричневые сухие равнины. Очень темная и плотная зелень рощ чередовалась с правильной геометрией возделанных полей, а длинные ряды низких домиков — с массивными кубами, очевидно, заводских зданий.

Наконец под колесами машины нестерпимо засверкало зеркально-стеклянное покрытие улицы, подобной тем, какие видели звездолетчики в телевизионных передачах. Вместо того чтобы углубиться в город, машины повернули на дорогу, обсаженную высокими деревьями с темно-оливковой корой прямых стволов. Длинные ветви, напоминающие опахала, были направлены к дороге и кулисообразно перекрывали соседние деревья. Дорога уходила в тень, как в глубину сцены сквозь бесконечные ряды декораций. Внезапно деревья-кулисы уступили место тройному ряду невысоких деревьев, похожих на желтые конусы, опрокинутые вверх основанием. Между ними в треугольных просветах на фоне темно-лилового неба виднелась усеянная пестрыми цветами вершина холма, господствовавшего над столицей. Глухая, четырехметровой высоты голубая стена ограничивала овальное пространство, в котором клубилась, точно стремясь переплеснуться через верх, густая роша серебристо-зеленых, подобных елям, деревьев. Этот сад или парк за пестрым ковром поляны показался прекрасным после бурых, коричневых и темно-шоколадных степей, простершихся под густым лиловым небом на протяжении трехсот километров пути от звездолета до столицы.

— Что это за роща? — впервые нарушила молчание Фай Родис, обратившись к старшему «змееносцу».

— Сады Цоам, — ответил тот, слегка кланяясь, — место, где живет сам великий Чойо Чагас и его высокие помощники — члены Совета Четырех.

— Разве мы едем не в город?

— Нет. В своей бесконечной доброте и мудрости великий приютит вас в садах Цоам. Вы будете его гостями все время, пока не покинете планету Ян-Ях... Вот мы и у цели. Дальше не может проехать ни одна машина. — Старший сановник с неожиданным проворством открыл заднюю дверцу и вылез на стеклянную гладь площадки перед воротами. Он поднял перед лицом сверкнувший диск и скрылся в отворившемся сбоку проходе. Второй «змееносец», все время молчавший, жестом пригласил землян покинуть машину.

Звездолетчики собрались перед воротами, разминаясь и поправляя трубки биофильтров. Вир Норин и Чеди Даан отошли назад, чтобы охватить взглядом многоярусное сооружение с внутренними выступами и позолоченными гребнями, служившее воротами садов Цоам.

— И тут змея! — воскликнула Чеди. — Заметили: на груди сановников, и на бортах машин, и теперь здесь, на воротах дворца владык.

— Ничего удивительного, — возразил астронавигатор, — ведь они с Земли, где этот символ так часто встречался в древних цивилизациях. Змея неспроста была выбрана атрибутом Сатаны и власти. Она обладает способностью гипноза, проникает всюду и ядовита...

— Не представляю, как они избавляются от пыли в таких хрупких и сложных архитектурных формах? — сказала, подходя, Эвиза Танет.

— Без человеческих рук тут не обойтись, но это опасное занятие, — ответил Вир Норин.

— Следовательно, не ценятся ни руки, ни жизни, — заключила Чеди, может быть, чересчур поспешно.

Ее слова потонули в громовом реве, раздавшемся из небольшой башенки в центре надвратного перекрытия:

— Приветствую вас, чужие. Входите без страха, ибо здесь вы под высокой защитой Совета Четырех, высших избранников народа Ян-Ях, и лично меня, их главы...

С последним словом распахнулись огромные створки ворот. Земляне улыбнулись: заверения владыки Торманса были напрасны — никто из них не испытывал и тени страха. Звездолетчики пошли по упругим плитам, гасившим звуки шагов. До-

рога описывала резкие зигзаги, напоминавшие знаки молнии, издавна употреблявшиеся на Земле.

— Не слишком ли много слов о безопасности? — спросила Чеди с едва заметным оттенком нетерпения.

— И поворотов, — добавила Эвиза.

Сквозь гущу деревьев вырисовывались громоздкие линии архитектуры дворца, тяжко расплывшегося за ковром желтых цветов, острые, конические соцветия которых торчали жестко, не колеблясь под ветром.

Высоченные, в четыре человеческих роста, двери казались узкими. Темные панели дверей были покрыты блестящими металлическими пирамидками. Роботы СДФ, все семь, вдруг устремились вперед, издавая прерывистый тревожный звон. Они выстроились перед дверями, преграждая путь звездолетчикам, но через несколько секунд смолкли и расступились.

— Пирамидки на дверях под током, — ответил на вопросительный взгляд Фай Родис выступивший вперед Гэн Атал.

— Да, но заряд уже выключили, — подтвердил Тор Лик, державшийся в стороне и с явной неприязнью изучавший архитектуру садов Цоам.

Внезапно и бесшумно раскрылась темная высокая щель дверного прохода, и земляне вступили в колоссальной высоты зал, резко разграниченный на две части. Передняя, с полом из шестиугольных зеркальных плит, была на два метра ниже задней, устланной толстым черно-желтым ковром. Лучи высокого светила проникали сквозь красно-золотые стекла, и от этого возвышенная часть зала была пронизана каким-то волшебным сиянием. Там восседали в знакомом порядке неизменные четыре фигуры: одна — впереди и в центре, три другие — слева и немного сзади. В низкой части зала царил тусклый свет, пробивавшийся с потолка между гигантских металлических змей, укрепленных на выступах и разевавших клыкастые пасти над гостями с Земли. Зеркальные плиты отбрасывали неясные разбегавшиеся тени, усиливая тревожное смятение, которое овладевало всяким, кто осмеливался стать лицом к лицу с Советом Четырех.

Властители Торманса, очевидно, уже были оповещены обо всем, касавшемся землян. Они не выразили удивления, когда увидели забавных девятиножек, семенивших около блестевших металлом ног звездолетчиков. Повинуясь знаку Фай Родис, все семь СДФ выстроились в линию на сумеречном зеркальном полу. Земляне спокойно взошли по боковой лестнице на возвышение и остановились, молчаливые и серьезные, не спуская глаз с владык планеты. Помедлив, Чойо Чагас встал навстречу Фай Родис и протянул руку. То же, но более поспешно сделали

остальные трое. Всего секунду понадобилось Родис, чтобы вспомнить забытые на Земле древние формы приветствия. Она пожала руку владыке, как тысячи лет назад ее предки, свидетельствуя об отсутствии оружия и злых намерений. Впрочем, вряд ли оружие отсутствовало здесь на самом деле. В каждом углублении стены, между сияющими окнами, скрывалась еле зримая фигура. Один, два, три... восемь неподвижных людей сосчитал Тор Лик. Их лица не выражали ничего, кроме угрожающей готовности. Можно было не сомневаться, что по единому знаку эти окаменелые фигуры превратятся в нерассуждающих исполнителей любого приказа. Да, любого, это явственно отражалось на тупых лицах с массивными костями черепа, проступающими под гладкой смуглой кожей.

Эвиза не удержалась от шалости и послала стражам самые чарующие взгляды, на какие только была способна. Не увидев реакции, она изменила тактику, и выражение ее лица стало умильно-восхищенным. Это подействовало. У двух ближайших к ней стражей по щекам разлился лиловатый румянец.

Земляне сели в кресла с растопыренными в виде когтистых лап ножками. Звездолетчики молчаливо рассматривали сложные узоры ковра, а напротив, с невежливой пристальностью изучая гостей, также молча сидели члены Совета Четырех. Молчание затягивалось. Вир Норин и Фай Родис, сидевшие ближе других к владыкам, могли уловить их шумное дыхание — дыхание людей, далеких от спорта, физического труда или аскетической воздержанности.

Чойо Чагас переглянулся с тонким и жилистым Гентло Ши, уже известным землянам под сокращенным именем Ген Ши, ведающим миром и покоем планеты Торманс. Тот вытянул шею и сказал, слегка присвистывая:

— Совет Четырех и сам великий Чойо Чагас хотят знать ваши намерения и пожелания.

Чеди внимательно посмотрела на владыку планеты, не понимая, как может человек, наверняка умный, слушать глупую лесть, но лицо Чойо Чагаса не выдавало никаких чувств.

— Совет Четырех знает все наши желания, — ответила Фай Родис, — нам нечего прибавить к тому, что мы просили по ТВФ.

— Ну, а намерения? — вкрадчиво спросил Ген Ши.

— Скорее приступить к изучению планеты Ян-Ях и ее народа!

— Как вы предполагаете это сделать? Отдаете ли себе отчет в непосильности задачи в такой короткий срок изучить огромную планету?

— Все зависит от двух факторов, — спокойно ответила Родис, — от сотрудничества ваших хранилищ знания, памятных машин, академий и библиотек и от скорости ваших средств передвижения по планете. Нелепо думать, что мы сами сможем узнать все то, что накоплено тысячелетиями труда ваших ученых. Но нам по силам отобрать существенное и вникнуть в суть жизни народа Ян-Ях через его историю, литературу и искусство. Многое мы можем записать памятными машинами звездолета. Мы хотели бы увезти на Землю побольше информации.

— Разве вы поддерживаете прямую связь со звездолетом? — быстро спросил Зет Уг, недавний оппонент Родис по телевидению.

— Разумеется. И мы рассчитываем показать вам многое из записей памятных машин звездолета. К сожалению, наши СДФ не могут развернуть проекцию на большом экране. Каждый робот рассчитан на аудиторию не более тысячи человек. Семь СДФ одновременно покажут фильмы семи тысячам зрителей.

Ген Ши привстал с плохо скрываемым беспокойством.

— Думаю, что это не понадобится!

— Почему?

— Народ Ян-Ях не подготовлен для таких зрелищ.

— Не понимаю, — с едва заметным смущением улыбнулась Родис.

— Ничего удивительного, — вдруг сказал молчавший все время Чойо Чагас, и при звуке его голоса, резкого, повелительного и нетерпимого, остальные члены Совета вздрогнули и повернулись к владыке, — здесь многое будет вам непонятно. А то, что вы сообщите нам, может быть ложно истолковано. Вот почему мой друг Ген Ши опасается показа ваших фильмов.

— Но ведь любое недоумение может быть разрешено только познанием, следовательно, тем важнее показать как можно больше, — возразила Родис.

Чойо Чагас лениво поднял руку ладонью к землянам.

— Не будем обсуждать пришедшее еще только на порог понимания. Я прикажу институтам, библиотекам, хранилищам искусства подготовить для вас сводки и фильмы. У нас, видимо, нет таких памятных машин, о которых вы говорите, но информация, закодированная в мельчайшие единицы, имеется по двум потокам — слова и изображения. Все это вы получите здесь, не покидая садов Цоам. При скорости движения наших газовых самолетов... — Чойо Чагас помедлил, — около тысячи километров в земной час, вы быстро достигнете любого места нашей планеты.

Настала очередь землян обменяться удивленными взглядами: владыка Торманса знал земные меры.

— Однако, — продолжал Чойо Чагас, — вам следует сказать заранее, какие места вы хотите посетить. Наши самолеты не могут опускаться везде, и не все области планеты Ян-Ях безопасны.

— Может быть, мы сначала познакомимся с общей планетографией Ян-Ях и потом наметим план посещений? — предложила Родис.

— Это правильно, — согласился Чойо Чагас, вставая, и неожиданно приветливо сказал: — А теперь пойдемте в отведенные вам комнаты дворца.

И пошел впереди, ступая бесшумно по мягким коврам, через боковой ход по коридору, стены которого поблескивали тусклым металлом.

— Неужели эта маска всегда будет прикрывать ваше лицо? — Он чуть притронулся к прозрачному щитку Фай Родис.

— Не всегда, — улыбнулась та, — как только я стану безопасной для вас и...

— Мы для вас, — владыка понимающе кивнул. — Поэтому я не зову вас разделить с нами еду. Вот здесь, — он обвел руками обширный зал с большими окнами, стекла которых были затемнены внизу, — вы можете чувствовать себя в полной безопасности. До завтра!

Фай Родис благодарно поклонилась.

Земляне осмотрели комнаты — двери в них находились напротив окон, по левой стене. Потом они снова собрались в зале.

— Странная архитектура, у нас так строят психолечебницы, — сказала Эвиза.

— Почему верховный владыка так назойливо уверяет нас в безопасности? — спросила Тивиса.

— Следовательно, ее нет, — серьезно сказала Родис. — Выбирайте комнаты, и мы обсудим, кто куда поедет, чтобы я могла высказать наши пожелания Чойо Чагасу. — Заметив удивление на лицах своих спутников, она пояснила: — Уверена, что Чойо Чагас поспешит побеседовать со мной тайно. По их представлениям, я ваша владычица, а властители должны говорить наедине.

— Неужели? — изумилась Эвиза.

— В давние времена на Земле это приносило неизмеримые бедствия. Но будем учтивыми гостями и подчинимся тому, что привычно для наших хозяев. Мне надо заранее знать ваши желания и ваши советы, иначе как я буду отвечать владыке?

— Может быть, сначала Чеди суммирует свои наблюдения при облете Торманса? — сказал Вир Норин. — Тогда и нам будет легче выбирать линию поведения.

— Не думаю, что я узнала больше, чем вы, — смутилась Чеди. — Если Фай поможет, попытаюсь... Мы столкнулись с обществом своеобразным, аналогов которому не было в истории Земли или некоммунистических цивилизаций других планет. Пока не ясно, явилось ли оно дальнейшим развитием монополистического государственного капитализма или же муравьиного лжесоциализма. Как вы знаете, обе эти формы смыкались в нашей земной истории подобным установлением олигархических диктатур. На первых порах на Земле социализм подражал капитализму в его гонке за материальной мощью и массовой дешевой продукцией, иногда принося в жертву идеологию, воспитание, искусство. Некоторые социалистические страны Азии пытались создать у себя социалистическую систему как можно скорее, принося в жертву все, что только было можно, и хуже всего — невосполнимые человеческие и природные ресурсы. В то же время в наиболее мощной капиталистической стране ЭРМ — Америке, ставшей на путь военного диктата, стало необходимостью сконцентрировать все важнейшие отрасли промышленности в руках государства, чтобы исключить флуктуацию и сопротивление предпринимателей. Это совершилось без подготовки необходимого государственного аппарата. Именно в Америке с ее антисоциалистической политикой гангстерские банды пронизали всю промышленность, государственный аппарат, армию и полицию, всюду неся страх и коррупцию. Началась борьба со все усиливающимся политическим влиянием бандитских объединений, начались политические терроры, вызвавшие усиление тайной полиции и в конечном счете захват власти олигархией гангстерского типа.

Муравьиный лжесоциализм создался в Китае, тогда только что ставшем на путь социалистического развития, путем захвата власти маленькой группой, которая с помощью недоучившейся молодежи разгромила государственный аппарат и выдвинула как абсолютно непререкаемый авторитет «великого», «величайшего», «солнцеподобного» вождя. В том и другом случае конечным результатом была бесчеловечная олигархия с многоступенчатой иерархической лестницей. Подбор на этой лестнице происходил по признаку бездумной и безответственной преданности, подкрепляемой дешевым подкупом. Монополистический государственный капитализм невозможен без олигархии, ибо при неизбежном падении производительных сил можно хорошо обеспечить лишь привилегированную вер-

хушку. Следовательно, создавалось усиление инфернальности. Бесчисленные преступления против народа оправдывались интересами народа, который на деле рассматривался как грубый материал исторического процесса. Для любой олигархии было важно лишь, чтобы этого материала было побольше, чтобы всегда существовала невежественная масса — опора единовластия и войны. Между такими государствами возникло нелепое соревнование по росту народонаселения, потянувшее за собой безумное расточительство производительных сил планеты, разрушившее великое равновесие биосферы, достигнутое миллионами веков природной эволюции. А для «материала» — народа — бессмысленность жизни дошла до предела, обусловив наркоманию во всех видах и равнодушие ко всему...

Чеди помолчала и закончила:

— Мне думается, что на Тормансе мы встретили олигархическое общество, возникшее из государственного капитализма, потому что здесь есть остатки религии и очень плохо поставлено дело воспитания. Капитализм заинтересован в техническом образовании и поддерживает проповедь религиозной морали. Муравьиный лжесоциализм, наоборот, тщательно искореняет религию, не заинтересован в высоком уровне образования, а лишь в том минимуме, какой необходим, чтобы массы послушно воспринимали «великие» идеи владык — для этого надо, чтобы люди не понимали, где закон, а где беззаконие, не представляли последствий своих поступков и полностью теряли индивидуальность, становясь частицами слаженной машины угнетения и произвола.

— Но как же мораль? — воскликнула Тивиса.

— Мораль в зависимости от обстоятельств диктуется свыше. Кроме морали религиозной и обычного права, возникшего из общественного опыта, есть духовные устои, уходящие корнями в тысячи веков социальной жизни в диком состоянии, у цивилизованного человека скрытые в подсознании и сверхсознании. Если и этот опыт утрачен в длительном угнетении и разложении морали, тогда ничего от человека не останется. Поэтому ничего постоянного в индивидуальностях быть не может, кроме отсутствия инициативы и, пожалуй, еще страха перед вышестоящими. Многообразные страхи, пронизывающие такое общество, аналогичны суеверным страхам, возникавшим в изолированных остатках архаических культур, где ужас перед богами заставлял ограждать себя сложнейшими ритуальными обрядами вместо сознательной ответственности за свои поступки.

— Но ведь это толпа! — сказала Эвиза.

— Конечно, толпа. Подавление индивидуальности сводит людей в человеческое стадо, как было в Темные Века Земли, когда христианская церковь фактически выполнила задачу Сатаны, озлобив и сделав убийцами множество людей... К несчастью, главная религиозная книга наиболее техничной и могущественной из прошлых цивилизаций — белой — была Библия, наполненная злом, предательством, племенной враждой и бесконечными убийствами... Для другой великой цивилизации прошлого — желтой — учение Конфуция породило безответную покорность обстоятельствам жизни... Но вы заставляете меня отклоняться от экономики в психологию. Кончаю. На Тормансе классовое капиталистическое общество, олигархия, властвующая над двумя основными классами, одинаково угнетенными: классом образованных, которые по необходимости живут дальше, иначе невыгодно их учить, и классом необразованных, которые умирают в двадцать пять лет.

— И вы, Родис, согласны с утверждениями Чеди? — спросил Вир Норин.

— Мне они кажутся вполне вероятными, только не совсем ясна грань между госкапитализмом и муравьиным лжесоциализмом. Может быть, общество Торманса возникло из второго?

— Может быть, — согласилась Чеди. — Если они признают науку лишь как средство захвата и утверждения власти, а мораль как способ заставить единообразно мыслить огромные массы людей, но и сами тогда, будучи невежественны и аморальны, находятся под прессом опасений и подозрений. Для этого общественного строя типичны две фазы: первая — заставить плодиться и размножаться, как кроликов, пока планета еще не освоена, внедряя священный долг размножения через религиозную мораль. Вторая фаза — поспешное уничтожение прежних духовных устоев, когда теснота перенаселения вызвала необходимость абсолютной покорности неисчислимых людских масс. В том многомиллиардном море человечества Торманса стерлась индивидуальность, утонули выдающиеся в науке и искусстве люди. И потребовалось внедрить долг и обязанность ранней смерти.

— Мне думается, Чеди права, — сказала Фай Родис, — и ее вывод о ненаучности управления верен. То и другое — и быстрое размножение и уничтожение огромных масс людей — происходило стихийно, без цели и смысла, так, что даже вся эта чудовищная жестокость была напрасной. Отвергая социальную науку, правители Торманса не исследовали, дает ли прирост населения увеличение числа одаренных особей или, наоборот, уменьшает это число. Делается ли отдельный человек счастли-

вее и здоровее, или возрастает горе и несчастье. Априорно можно сказать, что при таком бесчеловечном строе усиливалось горе. Наверняка ничего даже отдаленно похожего на нашу Академию Горя и Радости не могло быть здесь... А ресурсы планеты истощались.

— Скажите нам, Родис, — попросила Эвиза, — неужели и у нас, на Земле, когда-то было нечто подобное? Я изучала историю, но недостаточно, и этот трудный переходный период истории человечества — Эру Разобщенного Мира — представляю плохо. В чем его суть?

— В этот период начали формироваться госкапиталистические формации с тенденцией распространиться по всей планете. Именно в фазе государственного капитализма выявилась вся бесчеловечность такой системы. Едва устранилась конкуренция, как сразу же отпала необходимость в улучшении и удешевлении продуктов производства. Трудно представить, что творилось в Америке после установления этой формы! В стране, избалованной обилием вещей! Олигархия властвует лишь ради своих привилегий. Существо этой формы — в неравенстве распределения, не обусловленном ни собственностью на средства производства, ни количеством и качеством труда. В то же время во главе всего стоит частный вопрос личного успеха, ради которого люди готовы на все, не заботясь об обществе и будущем. Все продается, дело только в цене.

Лжесоциализм, усвоив от государственного капитализма демагогию и несбыточные обещания, смыкается с ним в захвате власти группой избранных и подавлении, вернее, даже физическом уничтожении инакомыслящих, в воинствующем национализме, в террористическом беззаконии, неизбежно приводящем к фашизму. Как известно, без закона нет культуры, даже цивилизации. В условиях лжесоциализма великое противоречие личности и общества не может быть разрешено. Все туже скручивается пружина сложности взаимной кооперации отдельных элементов в высшем организме и высшем обществе. Самая страшная опасность организованного общества — чем выше организация, тем сильнее делается власть общества над индивидом. И если борьба за власть ведется наименее полезными членами общества, то это и есть оборотная сторона организации.

Чем сложнее общество, тем большая в нем должна быть дисциплина, но дисциплина сознательная, следовательно, необходимо все большее и большее развитие личности, ее многогранность. Однако при отсутствии самоограничения нарушается внутренняя гармония между индивидом и внешним миром, когда он выходит из рамок соответствия своим возможностям и,

пытаясь забраться выше, получает комплекс неполноценности и срывается в изуверство и ханжество. Вот отчего даже у нас так сложно воспитание и образование, ведь оно практически длится всю жизнь. Вот отчего ограничено «я так хочу» и заменено на «так необходимо».

— Кто же был первым на этом пути? Неужели опять Россия? — заинтересовалась Эвиза.

— Опять Россия — первая страна социализма. Именно она пошла великим путем по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве. Вот ключ, который привел наших предков к Эре Мирового Воссоединения. Его мы не нашли на Тормансе, потому что здесь две тысячи лет спустя после ЭМВ еще существует инферно, олигархия, создавшая утонченную систему угнетения. Для борьбы с этой системой надо создать людей высокой психофизиологической тренировки, подобно нам, безвредных в своем могуществе. И прежде всего научить их бороться со всепроникающей «избранностью» — системой противопоставления владык и толпы, всеведущих ученых и темных невежд, звезд и бесталанных, элиты и низшего, рабочего класса. В этой системе корень фашизма и развращения людей Торманса...

Семеро землян сидели на широком диване багряно-красного цвета. Сквозь высокое окно какой-то толстой пластмассы розового оттенка виднелись деревья сада, пронизанные лучами светила Торманса. В отличие от земного Солнца, оно не описывало дуги по небу, а опускалось медленно и величественно почти по отвесной линии. Его лучи сквозь розовые окна казались лиловыми. Бронзовые лица звездолетчиков приобрели угрюмый зеленоватый оттенок.

— Итак, решено, — сказал Вир Норин, чей СДФ исполнял обязанности секретаря и кодировал результаты совещания для передачи на «Темное Пламя».

— Решено, — подтвердила Родис, — вы останетесь в столице среди ученых и инженеров. Тор Лик и Тивиса пересекут планету от полюса до полюса, побывают в заповедниках и на морских станциях, Эвиза — в медицинских институтах, Чеди и Гэн будут изучать общественную жизнь, а я займусь историей. Сейчас надо связаться с кораблем, а потом — спать. Наши хозяева рано ложатся и рано встают.

Действительно, едва угасли последние лучи заката и под высоким потолком автоматически включилось освещение, как настала полнейшая тишина. Иногда можно было заметить в темноте сада тени медленно ходивших стражей, и снова все застывало, как в мертвой воде сказочного озера.

Эвизе стало душно, она подошла к окну и стала возиться с затвором. Широкая рама распахнулась, прохладный, по-особенному пахнущий воздух сада чужой планеты повеял в комнату, и в тот же момент мерзко завыла труба. Со всех сторон побежали люди, светя фонарями и угрожающе поднимая черные воронки своего оружия.

Вир Норин одним прыжком оказался около ошеломленной Эвизы и захлопнул окно. Вой прекратился. Норин жестами пытался успокоить столпившихся под окном стражей. Фонари погасли, охранники разошлись, и земляне дали волю своим чувствам, подтрунивая над возмущенной Эвизой.

— Я убежден, что нас слушают и видят все время, — сказал Тор Лик.

— Хорошо, что язык Земли абсолютно непонятен Тормансу! — воскликнула Эвиза. — У них нет еще наших текстов достаточной длины.

— Мне думается, его легко расшифруют, — возразила Чеди, — много сходных слов и понятий. По сути дела, это один из языков пятого периода ЭРМ, изменившийся за двадцать два столетия.

— Как бы то ни было, наши разговоры пока непонятны и не будут излишне беспокоить владык Ян-Ях, — сказала Фай Родис. — Следует иногда экранироваться с помощью СДФ, чтобы не вводить их в интимные стороны нашей жизни. Например, сейчас, когда мы будем говорить со звездолетом.

Черно-синий СДФ Родис вышел к центру комнаты. Под его колпаком загудел дальний проектор ТВФ, комната погрузилась во мрак. Звездолетчики уселись поплотнее на диване. С противоположной стороны вспыхнул зеленый свет и зазвучали мелодичные звуки песни о ветке ивы над горной рекой. Неясные, торопливо двигавшиеся контуры людей вдруг обозначились резко и объемно, будто оставшиеся в корабле перелетели сюда, в сады Цоам, и сели рядом в этой высокой комнате дворца.

Экономя энергию батарей СДФ, сила которых могла понадобиться на более важные дела, каждый сжато передал свои впечатления первого дня на Тормансе. Рекорд краткости побил Тор Лик, говоривший последним: «Много пыли, слов о величии, счастье и безопасности. Наряду с этим — страх и охранительные устройства, которые не для безопасности, а для того,

чтобы сделать владык Торманса недоступными. Лица людей хмуры, даже птицы, и те не поют».

Когда погасло стереоизображение и связь со звездолетом прервалась, Родис сказала:

— Не знаю, как вас, а меня предохранительная сыворотка и биофильтры клонят в сон.

Сонливое состояние вместо обычной жажды деятельности испытывали все. Эвиза сочла это нормальным явлением и предупредила, что звездолетчики будут вялыми еще дня три-четыре.

На следующее утро, едва семеро землян успели позавтракать, как явился сановник в угольно-черном одеянии с вышитыми на нем голубовато-серебряными змеями. Он пригласил Фай Родис на свидание с «самим великим Чойо Чагасом». Остальным членам экспедиции он предложил прогулку по садам Цоам, пока не настанет время идти в центральный «Круг Сведений», куда передадут информацию «по приказу великого Чойо Чагаса».

Фай Родис, послав товарищам воздушный поцелуй, вышла в сопровождении молчаливого охранника в лиловом. Почтительно кивая, он показывал дорогу. У одного из входов, прикрытых тяжелым ковром, он застыл, раскинув руки и согнувшись пополам. Фай Родис сама отбросила ковер, и тотчас распахнулась тяжелая дверь, которая, как все двери на Тормансе, поворачивалась на петлях, а не вдвигалась в стену, как в домах Земли. Фай Родис очутилась в комнате с темно-зелеными драпировками и резной мебелью черного дерева, которую земляне уже видели со звездолета по секретному каналу телепередач.

Чойо Чагас стоял, слегка прикасаясь пальцем к хрустальному переливчатому шару на черной подставке. Вблизи «великий» мало походил на свои отображения на экране. Чагас улыбнулся хитровато и ободряюще, рукой приглашая ее садиться, и Родис улыбнулась ему в ответ, уютно располагаясь в широком кресле.

Чойо Чагас уселся поближе, доверительно наклонился вперед и сложил руки, как бы приготовившись терпеливо слушать свою гостью.

— Теперь мы можем говорить вдвоем, как и подобает вершителям судеб. Пусть звездолет только песчинка в сравнении с планетой, психологически ответственность и полнота власти одна и та же.

Фай Родис хотела было возразить — подобная формула применительно к ней не только неверна, а морально оскорбительна для человека Земли, — но сдержалась. Было бы смешно

и бесполезно обучать закоренелого олигарха основам земной коммунистической этики.

— Каковы нормы человеческого общения у вас, на Земле, — продолжал Чойо Чагас, — в каких случаях вы говорите правду?

— Всегда!

— Это невозможно. Истинной, непреложной правды нет!

— Есть ее приближение к идеалу, тем ближе, чем выше уровень общественного сознания человека.

— При чем тут оно?

— Когда большинство людей отдает себе отчет в том, что всякое явление двусторонне, что правда имеет два лица и зависит от изменяющейся жизни...

— Значит, нет абсолютной правды?

— Погоня за абсолютным — одна из самых тяжких ошибок человека. Получается односторонность, то есть полуправда, а она хуже, чем прямая ложь — та обманет меньшее число людей и не страшна для человека знающего.

— И вы всегда держитесь этого правила? Неотступно?

— Неотступно! — твердо ответила Родис и тут же про себя смутилась, вспомнив инсценировку, разыгранную на звездолете.

— Тогда скажите правду: зачем вы явились сюда, на планету Ян-Ях?

— Повторяю прежнее объяснение. Наши ученые считают вас потомками землян пятого периода древней эпохи, называемой на Земле ЭРМ — Эрой Разобщенного Мира. Вы должны быть нашими прямыми родичами. Да разве это не очевидно? Достаточно взглянуть на нас с вами.

— Народ Ян-Ях иного мнения, — раздельно сказал Чойо Чагас, — но допустим, что сказанное вами верно. Что дальше?

— Дальше нам естественно было бы вступить в общение. Обменяться достигнутым, изучить уроки ошибок, помочь в затруднениях, может быть, слиться в одну семью.

— Вот оно что! Слиться в одну семью! Так решили вы, земляне, за нас! Слиться в одну семью! Покорить народ Ян-Ях! Таковы ваши тайные намерения!

Фай Родис выпрямилась и застыла, в упор смотря на Чойо Чагаса. Зеленые глаза ее потемнели. Какая-то незнакомая сила сковала волю председателя Совета Четырех. Он подавил мимолетное ощущение испуга и сказал:

— Пусть наши опасения преувеличены, но ведь вы не спросили нас, явившись сюда. Надо ли мне называть все причины, по которым наша планета отвергает всех и всяких пришельцев из чужих миров?

— А особенно из мира столь похожих на вас людей, — подсказала Родис мысль, затаенную Чагасом.

Тот скользнул по ней подозрительным взглядом узких глаз: «Ведьма, что ли?» — и утвердительно кивнул головой.

— Я не могу поверить, что люди Ян-Ях отказались бы заглянуть в океан безбрежного знания, открытый им через нашу планету и Великое Кольцо!

— Я не знаю, что это такое.

— Тем более! — Родис удивленно посмотрела на Чойо Чагаса, наклонилась поближе. — Разве для вас не главное — умножение красоты, знания, гармонии и в человеке, и в обществе?

— Это ваша правда! А наша — это ограничение знаний, ибо они открывают человеку чудовищную пропасть космоса, на краю которой он сознает свое ничтожество, теряет веру в себя. Разрушается ценность простых и прекрасных ощущений жизни. Счастье человека — быть в ладу с теми условиями, в каких он рожден и будет пребывать всегда, ибо выход из них — это смерть, ничто, погасшая на ветру искра. И мы создали здесь счастье не для того, чтобы его разрушили пришельцы, пусть даже претендующие на кровное родство с нами!

— Счастье моллюска, укрывшегося в раковину, которую вот-вот раздавит неизбежное стечение обстоятельств, которое раньше называли на Земле, да и сейчас называют у вас, судьбой.

— У нас все предусмотрено!

— Без знания? А недавние катастрофические последствия перенаселения? Вся ваша планета покрыта кладбищами — десятки миллиардов жертв невежества и упорства, — горько сказала Фай Родис. — Обычная расплата за цивилизацию, лишенную мудрости. Допустить слепое переполнение экологической ниши*, как у любого вида животных? Печальный и позорный результат для гомо сапиенс — человека мудрого.

— Вот как! Вам известна история Ян-Ях? Откуда? — недобро прищурился Чойо Чагас.

— Только обрывок из сообщения чужого звездолета, наблюдавшего вашу планету двести восемьдесят лет назад. Ему отказали в посадке ваши предшественники, тоже воображавшие, будто они держат в своих руках судьбу планеты. — Фай Родис сказала это насмешливо и резко, понимая, что только так можно пробить скорлупу самоуверенного величия этого человека.

* Экологическая ниша — область жизнеобитания того или иного вида.

Чойо Чагас вскочил и смерил Родис с головы до ног таким взглядом, от которого у подвластных ему людей подкашивались ноги и терялась речь. Женщина Земли встала, медленно и спокойно рассматривая владыку, как нечто любопытное, подлежащее изучению. Люди Земли давно научились тонко чувствовать психологическую атмосферу, окружавшую каждого человека, и по ней судить о его мыслях и чувствах.

— Уничтожение несогласных — прием древний и устаревший, — сказала она, читая мысли владыки. — Не только за посланцев других миров, вестников космического братства разума, но и за людей своего народа в конце концов придется ответить.

— Каким образом? — сдерживая бешенство, спросил Чагас.

— Если исследователи установят на планете вредоносную жестокость и намеренную дезинформацию, препятствия для путей к познанию, что ведет к невежеству населения, тогда они могут апеллировать к арбитражу Великого Кольца.

— И тогда?

— Мы лечим болезни не только отдельных людей, но и целых обществ. И особенное внимание уделяем профилактике социальных бедствий. Вероятно, следовало бы это сделать на планете Ян-Ях несколько столетий назад...

— Вы с поучениями явились, когда мы уж сами выпутались из труднейшего положения, — успокаиваясь, сказал председатель Совета Четырех.

— Вы знаете, что земляне раньше не могли преодолеть гигантское пространство. Да мы и не подозревали, что наши предки с Земли смогли удалиться на такое невероятное расстояние. Если бы не исследователи с Цефея... Впрочем, зачем мы напрасно тратим время. Попробуйте отбросить роль всесильного владыки. Помогите нам узнать вас и попытайтесь сами узнать нас. А результат определит и дальнейшие ваши решения.

— А ваши?

— Я не могу решать единолично ничьих судеб — даже доверившихся мне спутников. Вот почему я не владыка в вашем понимании.

— Приму к сведению, — сказал Чойо Чагас, снова ставший любезным и усадивший Родис на прежнее место. — Думали ли вы о планах знакомства с нашей планетой?

Фай Родис изложила намеченный вчера план. Чойо Чагас слушал внимательно и, к удивлению Родис, не высказал никаких возражений. Он стоял, посматривая на хрустальный шар и как будто задумавшись. Родис умолкла, и он, не отводя глаз от шара, дал согласие на все поездки своих гостей.

— С одним лишь условием, — вдруг повернулся он к Фай Родис, — чтобы вы пока оставались гостьей садов Цоам!

— В качестве заложницы? — полушутя-полусерьезно спросила Родис.

— О нет, что вы! Просто я первым должен узнать про свою «прародину», — иронически ответил он.

— Неужели вы ничего не знаете о ней?

Чойо Чагас чуть вздрогнул и уклонился от всепонимающих зеленых глаз.

— Разумеется! Мы с Белых Звезд, как установлено нашими учеными. А вы совсем другие. Вы не видите себя со стороны и не понимаете, как вы отличны от нас. Прежде всего у вас неслыханная быстрота движений, мыслей, сочетающаяся с уверенностью и очевидным внутренним покоем. Все это может привести в бешенство.

— Это плохо. Вы открываете таимую в глубине неполноценность — мать всякой жестокости. Когда приходят к власти люди с таким комплексом, они начинают сеять вокруг себя озлобление и унижение, и оно расходится, подобно кругам по воде, вместо примера доблести и служения человеку.

— Чепуха! Это только вам кажется, людям с чуждой нам психикой!..

Фай Родис встала так быстро, что Чойо Чагас весь подобрался от неожиданности, как хищный зверь. Но она только прикоснулась к хрустальному шару, заинтересовавшему ее своими особенными цветовыми переливами.

— Эти гадальные шары для аутогипноза умели делать на Земле только в Японии пять тысячелетий тому назад. Древние мастера вытачивали их из прозрачных естественных кристаллов кварца. Главная оптическая ось кристалла ориентирована по оси шара. Для гадания нужны два шара, один ставят осью вертикально, другой — горизонтально, как ваш Тор... ваша планета. Где же второй шар?

— Остался у предков на Белых Звездах.

— Возможно, — равнодушно согласилась Родис, словно потеряв интерес к дальнейшему разговору.

Впервые в жизни председатель Совета Четырех ощутил необыкновенное смятение. Он опустил голову. Несколько минут оба молчали.

— Я познакомлю вас с моей женой, — внезапно сказал Чойо Чагас и бесшумно исчез за складками зеленой ткани. Фай Родис осталась стоять, не отводя взгляда от шара и слабо улыбаясь своим мыслям. Внезапно она протянула руку к поясу и вынула крохотную металлическую трубку. Приложила ее к под-

ставке гадального шара, и ничтожная пылинка черного дерева, вполне достаточная для анализа, оказалась в ее распоряжении.

Фай Родис не догадывалась, что удостоилась неслыханной чести. Личная жизнь членов Совета Четырех всегда была скрытой. Считалось, что эти сверхлюди вообще не снисходят до столь житейских дел, как женитьба, зато мгновенно могут получить в любовницы любую женщину планеты Ян-Ях. На самом деле владыки брали жен и любовниц лишь из узкого круга наиболее преданных им людей.

Чойо Чагас вошел бесшумно и внезапно. По-видимому, это было его обыкновением. Он метнул быстрый взгляд по сторонам и лишь потом посмотрел на неподвижно стоявшую гостью.

— Они на месте, — тихо сказала Родис, — только...

— Что только? — нетерпеливо воскликнул Чойо Чагас, в два шага пересек комнату и отдернул складчатую драпировку, ничем не отличавшуюся от обивки стен. В нише за ней стоял человек, широко раскрытыми глазами он смотрел на своего господина. Чойо Чагас гневно закричал, но страж не двинулся с места. Чойо Чагас бросился в другую сторону. Родис остановила его жестом.

— Второй тоже ничего не соображает!

— Это ваши шутки? — вне себя спросил владыка.

— Я опасалась встретить непонимание, вроде как вчера с окном, — с оттенком извинения призналась Родис.

— И вы можете так каждого? Даже меня?

— Нет. Вы входите в ту пятую часть всех людей, которая не поддается гипнозу. Сначала надо сломить ваше подсознание. Впрочем, вы это знаете... У вас собранная и тренированная воля, могучий ум. Вы подчиняете себе людей не только влиянием славы, власти, соответствующей обстановкой. Хотя и этими способами пользуетесь отлично. Ваш приемный зал: вы — наверху, в озарении, внизу, в сумерках, — все другие, ничтожные служители.

— Разве плохо придумано? — спросил Чойо Чагас с ноткой превосходства.

— Эти вещи очень давно известны на Земле. И куда более величественные!

— Например?

— В Древнем Китае император, он же Сын Неба, ежегодно совершал моление об урожае. Он шел из храма в специальную мраморную беседку — алтарь — через парк дорогой, по которой имел право ходить только он. Дорога была поднята до верхушек деревьев парка и вымощена тщательно уложенными плитами мрамора. Он шел в полном одиночестве и тишине, неся сосуд с

жертвой. Всякому, кто подвертывался нечаянно там, внизу, под деревьями, немедленно отрубали голову.

— Значит, для полного величия мне следовало бы вчера отрубить головы всем вам?.. Но оставим это. Как вы справились с моими стражами?

— Очень легко. Они тренированы на безответственность и бездумное исполнение. Это влечет за собой потерю разумного восприятия, тупость и утрату воли — главного компонента устойчивости. Это уже не индивидуальность, а биомашина с вложенной в нее программой. Нет ничего легче, как заменить программу...

Из-за драпировки так же внезапно, как и ее муж, появилась женщина необыкновенной для тормансианки красоты. Одного роста с Фай Родис, гораздо более хрупкая, она двигалась с особой гибкостью, явно рассчитанной на эффект. Волосы, такие же черные, как у Родис, но матовые, а не блестящие, были зачесаны назад с высокого гладкого лба, ложась на виски и затылок тяжелыми волнами. На темени сверкали две переплетенные змеи с разинутыми пастями, тонко отчеканенные из светлого, с розоватым отливом металла. Ожерелье этого же металла в виде узорных квадратов, соединенных розовыми камнями с алмазным блеском, охватывало высокую шею и спускалось четырьмя сверкающими подвесками в ложбинку между грудей, едва прикрытых фестонами упругого корсажа. Покатые узкие плечи, красивые руки и большая часть спины были обнажены, отнюдь не в правилах повседневного костюма Торманса.

Длинные, слегка раскосые глаза под ломаными бровями смотрели пристально и властно, а губы крупного рта с приподнятыми уголками были плотно сомкнуты, выражая недовольство.

Женщина остановилась, бесцеремонно рассматривая свою гостью. Фай Родис первая пошла навстречу.

— Не обманывайте себя, — негромко сказала она, — вы, бесспорно, красивы, но прекраснее всех быть не можете, как и никто во вселенной. Оттенки красоты бесконечно различны — в этом богатство мира.

Жена владыки сощурила темные коричневые глаза и протянула руку жестом величия, в котором проступало что-то нарочитое, детское. Фай Родис, уже усвоившая приветствие Торманса, осторожно сжала ее узкую ладонь.

— Как вас зовут, гостья с Земли? — спросила та высоким, резковатым голосом, отрывисто, как бы приказывая.

— Фай Родис.

— Звучит хорошо, хотя мы привыкли к иным сочетаниям звуков. А я — Янтре Яхах, в обыденном сокращении — Ян-Ях.

— Вас назвали по имени планеты! — воскликнула Родис. — Удачное имя для жены верховного владыки.

По губам женщины Торманса пробежала презрительная усмешка.

— Что вы! Планету назвали моим именем.

— Не может быть! Переименовывать планету с каждой новой властительницей — какой громадный и напрасный труд в переписке всех обозначений, сколько путаницы в книгах!

— Хлопоты с изменением имен — пустяк! — вмешался Чойо Чагас. — Нашим людям не хватает занятий, и всегда найдутся работники.

Фай Родис впервые смутилась и молча стояла перед владыкой планеты и его прекрасной женой.

Оба по-своему истолковали ее смущение и решили, что настал благополучный момент для завершения аудиенции.

— Внизу, в желтом зале, ждет инженер, приданный вам для помощи в получении информации. Он будет всегда находиться здесь и являться по первому вашему зову.

— Вы сказали «инженер»? — переспросила Родис. — Я рассчитывала на историка. Ведь я невежда в вопросах технологии. Кроме того, у нас на Земле история — важнейшая отрасль знаний, наука наук.

— Чтобы распоряжаться информацией, нужен инженер. У нас это так. — Чойо Чагас снисходительно усмехнулся.

— Благодарю. — Родис поклонилась.

— О, мы встретимся еще не раз! Когда вы покажете мне фильмы о Земле?

— Когда захотите.

— Хорошо. Я выберу время и сообщу. Да, — Чойо Чагас кивнул на драпировки, — верните их в прежнее состояние.

— Можете подать сигнал, они свободны.

Чойо Чагас щелкнул пальцами, и в ту же секунду оба стража вышли из укрытия со склоненными головами. Один из стражей пошел впереди Фай Родис через коридоры до зала, завешенного черными драпировками и устланного черными коврами. Отсюда лестница черного камня двумя полукружиями спускалась к золотисто-желтому нижнему залу. Страж остановился у балюстрады, и Фай Родис пошла вниз одна, чувствуя странное облегчение, будто за угрюмой чернотой вверху осталась тревога о судьбе экспедиции.

Посреди на желтом ковре стоял человек, бледнее обычного тормансианина, с густой и короткой черной бородой, похожий на старинный портрет эпохи ЭРМ. Могучий лоб, густые брови, нависшие над чуть выпуклыми фантастическими глазами, уз-

кая дуга черных усов... Человек будто в трансе смотрел, как спускалась по черной лестнице женщина Земли, поразительно правильные и твердые черты лица которой были полускрыты прозрачным щитком. Нечто нечеловеческое исходило от сияния ее широко раскрытых зеленых глаз под прямой чертой бровей. Она смотрела как бы сквозь него в беспредельные, ей одной ведомые дали. Тормансианин сразу понял, что это дочь мира, не ограниченного одной планетой, открытого просторам вселенной. Преодолев минутное смятение, инженер подошел.

— Я — Хонтээло Толло Фраэль, — четко произнес он трехсловное имя, обозначавшее низший ранг.

— Я — Фай Родис.

— Фай Родис, я послан в ваше распоряжение. Мое имя сложное, особенно для гостей с чужой планеты. Зовите меня просто Таэль, — инженер улыбнулся застенчиво и добро.

Родис поняла, что это первый по-настоящему хороший человек, встреченный ею на планете Ян-Ях.

— У вас есть какие-нибудь приставки к имени, означающие уважение, отмечающие ум, труд, геройство, как у нас на Земле?

— Нет, ничего подобного. Всех коротко называют «кжи» — краткожитель, жительница; ученых, техников, людей искусства, не подлежащих ранней смерти, «джи» — долгожителями, а к правителям обращаются со словами «великий», «всемогущий» или «повелитель».

Фай Родис обдумывала услышанное, а инженер нервно водил по ковру носком своей обуви, твердой и скрипучей, в отличие от бесшумных, мягких туфель «змееносцев».

— Может быть, вы хотите выйти в сад? — почти робко предложил он. — Там мы можем...

— Пойдемте... Таэль, — сказала Родис, даря инженеру улыбку.

Он побледнел, повернулся и пошел впереди. Через окно-дверь они спустились в сад, в узкие аллеи, распланированные совсем по-земному.

Фай Родис осматривалась, припоминая, где она видела нечто похожее. В какой-то из школ третьего цикла в Южной Америке?

Безлепестковые цветы-диски, ярко-желтые по краям и густо-фиолетовые в середине, качавшиеся на тонких голых стеблях над бирюзовой травой, ничем не напоминали Землю. Чуждо выглядели желтые воронковидные деревья. Через биофильтры едва уловимо проникал пряный запах других цветов, резкого синего оттенка, гроздьями свисавших с кустарника вокруг

овальной полянки. Фай Родис сделала шаг к широкой скамье, намереваясь присесть, но инженер энергично показал в другую сторону, где конический холмик увенчивала беседка в виде короны с тупыми зубцами.

— Это цветы бездумного отдыха, — пояснил он, — достаточно посидеть там несколько минут, чтобы погрузиться в оцепенение без мыслей, страха и забот. Здесь любят сидеть верховные правители, и слуги уводят их в назначенное время, иначе человек может пробыть тут неопределенно долго!

Тормансианин и гостья с Земли поднялись в беседку с видом на сады Цоам. Далеко внизу, за голубыми стенами садов, у подножия плоскогорья, раскинулся огромный город. Его стеклянные улицы поблескивали наподобие речных протоков. Но воды-то не очень хватало даже в садах Цоам.

Под землей, в скрытых трубах, шумели ручейки и кое-где вливались в скромные бассейны. От высоченных ворот даже сюда доносились нестройная музыка, слитный шум голосов, смех и отдельные выкрики.

— Там что-то происходит? — спросила Родис.

— Ничего. Там стражи и прислуга садов.

— Почему же они так невоздержанны? Разве живущие здесь правители не требуют тишины?

— Не знаю. В городе шума гораздо больше. Во дворце не слышно, а удобство других им безразлично. Слуги владык никого не боятся, если угодны своим господам.

— Тогда они их очень плохо воспитывают!

— А зачем? И что вы понимаете под этим словом?

— Прежде всего умение сдерживать себя, не мешать другим людям. В этом единственная возможность сделать совместную жизнь хорошей для всех без исключения.

— И вы достигли такого на Земле?

— Гораздо большего. Высших ступеней восприятия и самодисциплины, когда думаешь прежде о другом, потом о себе.

— Это невозможно!

— Это достигнуто уже тысячелетия назад.

— Значит, и у вас не всегда было так?

— Конечно. Человек преодолел бесчисленные препятствия. Но самым трудным и главным было преодоление самого себя не для единиц, а для всей массы. А потом все стало просто. Понимать людей и помогать им принесло ощущение собственной значимости, для чего не требуется ни особенного таланта, ни исключительной интеллектуальности, следовательно, это и есть дорога наибольшего числа людей. Они почувствовали, как становятся все более чуткими, искусными и широкими, с гро-

мадным преимуществом перед узкими интеллектуалами, хотя бы и самыми умными.

Инженер промолчал, прислушиваясь к далекому реву радио и людскому гомону.

— А теперь расскажите мне о способах хранения информации на планете Ян-Ях. И помогите получить ее.

— Что интересует вас прежде всего?

— История заселения планеты с момента прихода сюда ваших людей и до последнего времени. Особенно интересны для меня периоды максимальной заселенности и последовавшего за этим резкого спада населения Ян-Ях. Конечно, с экономическими показателями и изменением преобладающей идеологии.

— Все, что касается нашего появления здесь, запрещено. Также запрещена вся информация о периодах Большой Беды и Мудрого Отказа.

— Не понимаю.

— Владыки Ян-Ях не разрешают никому изучать так называемые запретные периоды истории.

— Невероятно! Мне кажется, тут какое-то недоразумение. А пока познакомьте меня хотя бы с той историей, какая разрешена, но только с точными экономическими показателями и статистическими данными вычислительных машин.

— Данные вычислительных машин никому не показываются и ранее не показывались. Для каждого периода они обрабатываются специальными людьми в секретном порядке. Обнародовалось только позволенное.

— Какое же значение эти сведения имеют для науки?

— Почти никакого. Каждый период правители старались представить таким, каким хотели.

— Есть ли возможность добыть подлинные факты?

— Лишь косвенным путем, в рукописных мемуарах, в литературных произведениях, избежавших цензуры или уничтожения.

Фай Родис встала. Инженер Толло Фраэль тоже поднялся, потупившись, униженный в своем рабстве исследователя. Родис положила руку на его плечо.

— Так и поступим, — мягко сказала она. — Сначала общий очерк истории в разрешенном объеме, потом постарайтесь достать все, что уцелело от прошлых цензур, исправлений, вернее, искажений и прямой дезинформации. Не печальтесь, на Земле были похожие периоды. А что получилось позднее, скоро увидите.

Инженер молча проводил ее до дворца.

Глава шестая
ЦЕНА РАЯ

— Эвиза, где Родис?

— Не знаю, Вир.

— Я не видел ее три дня.

Чеди искала ее повсюду — от Круга Сведений до покоев верховного владыки, но туда ее не допустили.

— Родис исчезла после показа наших стереофильмов, как только Тивиса и Тор улетели в хвостовое полушарие Торманса, так и не дождавшись разрешения снять скафандры, — сказал Вир.

— Увы, — согласилась Эвиза, — придется еще немного поносить броню. Я привыкла к металлической коже, а освобождение от трубок и лицевых щитков было чудесным. Биофильтры мешают гораздо меньше... Но вот Гэн Атал! Знаете ли вы что-нибудь о Родис?

— Родис в Зале Мрака. Я поднимался по черной лестнице, а она шла рядом с Чойо Чагасом в сопровождении стражей, которых так недолюбливает Чеди.

— Не нравится мне все это, — сказал Вир Норин.

— Почему вы тревожитесь? — невозмутимо спросил Гэн Атал. — Фай уединяется с Чагасом. Владыка с владыкой, как она шутит.

— Эти плохо воспитанные и считающие себя выше дисциплины владыки похожи на тигров. Они опасны несдерживаемыми эмоциями, толкающими их на нелепые выходки. А СДФ Родис стоит здесь выключенный.

— Сейчас увидим, — инженер броневой защиты сделал в воздухе крестообразный жест рукой.

Тотчас коричнево-золотистый, в цвет скафандра Гэна, СДФ подбежал к его ногам. Несколько секунд — и цилиндр на высокой ножке, выдвинувшейся из купола спины робота, загорелся лиловато-розовым светом. Перед стеной комнаты сгустилось, фокусируясь, изображение части пилотской кабины «Темного Пламени», превращенной в пост связи и наблюдения.

Милое лицо Неи Холли казалось усталым в бликах зеленых, голубых и оранжевых огоньков на различных пультах.

Нея приветствовала Гэна воздушным поцелуем и, вдруг насторожившись, спросила:

— Почему не в условленное время?

— Нужно взглянуть на «доску жизни», — сказал Гэн.

Нея Холли перевела взгляд на светло-кремовую панель, где ярко и ровно горели семь зеленых огней.

— Вижу сам! — воскликнул Гэн, попрощался с Неей и выключил робот.

— Мы все узнали! — сказал он Эвизе и Виру. — Родис цела, и сигнальный браслет на ней, но, может быть, ее держат... как это называется...

— В плену! — подсказал Вир Норин.

— Кто в плену? — прозвенела позади Чеди.

— Фай Родис! Вир видел ее в Зале Мрака с Чойо Чагасом три дня назад, а мы совсем не встречались с ней.

— Так идемте в Зал Мрака, и пусть Гэн покажет, куда они ушли, — стремительная Чеди пошла впереди.

В конце серповидно изогнутой галереи они спустились на черные ковры в круге черных колонн, альковов и стен Зала Мрака, как называли тот зал звездолетчики.

Гэн Атал отошел к лестнице с балюстрадой, подумал несколько секунд и уверенно направился к темному пространству между двух сближенных колонн. За ними оказалась запертая дверь. После нескольких неудачных попыток открыть ее Гэн Атал резко постучал.

— Кто смеет ломиться в покой владыки Ян-Ях? — рявкнул сверху усиленный электронными приспособлениями голос охранника.

— Мы, люди Земли, ищем свою владычицу! — заорал, подражая усилителю, Вир Норин.

— Ничего не знаю. Вернитесь к себе и ждите, пока владыки не сочтут нужным явиться вам!

Земляне переглянулись. Чеди шепнула что-то Вир Норину, и на губах астронавигатора заиграла совсем мальчишеская улыбка.

— Владыка Торманса делает так! — И он щелкнул пальцами.

Через несколько секунд послышался легкий топот девятиножки, и в черном зале появился красно-фиолетовый СДФ.

— Что вы задумали, Вир? — с беспокойством спросила Эвиза. — Как бы не напортить Родис!

— Хуже не будет. Пришла пора дать небольшой урок всяким там владыкам и верховным существам, которых здесь такое множество.

Эвиза отошла в сторону с осуждающим, но все же заинтересованным видом, а Чеди и Гэн Атал восхищенно придвинулись к Вир Норину. По команде астронавигатора СДФ выдвинул вперед круглую, зеркально блеснувшую коробочку на толстом кольчатом кабеле.

— Закройте ушные фильтры, — распорядился Вир.

Невообразимый визг прорезал безмолвие дворца. Коробочка СДФ описала в воздухе параллелограмм, и огромная дверь рухнула внутрь темного прохода, откуда послышались испуганные крики.

Вир Норин повел рукой, излучатель ультразвука спрятался под СДФ, уступив место обычному раструбу фонопередатчика.

— Фай Родис! Вызываем Фай Родис! — от громкого рева СДФ сверху посыпались кусочки стекол, закачался и погас грушевидный светильник, подвешенный между колонн.

— Зовем Фай Родис! — еще громче завопил СДФ, и вдруг земляне почувствовали, что пол черного зала уходит из-под ног, а они скользят по наклонной галерее. От неожиданности, при всей молниеносной реакции землянина, Вир Норин не успел выключить свой СДФ. Девятиножка продолжала взывать к Фай Родис в беспросветной черноте подвала, куда скатились все четверо землян.

Вир Норин черкнул ладонью по воздуху, и СДФ умолк. Слепящие прожекторы скрестили свои лучи на лицах землян. Те едва могли рассмотреть, что провалились в круглый подвал со стенами из неотделанного, грубо склепанного железа. С пяти сторон зияли низкие проходы, и в каждом появилась группа охранников в лиловой униформе, направивших черные раструбы своего оружия на звездолетчиков.

Девятиножка выставила излучатель защитного поля, похожий на гриб с приостренной шляпкой. Земляне спокойно осматривались, соображая, как выбраться из ловушки. Безмятежный вид нарушителей священного покоя дворца привел охранников в ярость. Разевая черные рты в неслышном крике, они бросились к группе землян и были отброшены к железным стенам. Из левого прохода появились люди с нашивками «глаз в треугольнике».

— Подлое приспособление! — негодующе воскликнула Чеди.

— Остроумное, с их точки зрения, — сказал Гэн Атал.

— Я думаю, как пробить потолок и подняться в Желтый Зал, — с сомнением сказал Вир Норин. — Но на это уйдет слишком много энергии.

— Не лучше ли подождать развития событий? — посоветовала Эвиза.

— Пожалуй! — согласился астронавигатор.

Долго выжидать не пришлось. Лиловые стражи сделали несколько выстрелов из своего оружия. Звездолетчики ничего не слышали — защитное поле не пропускало даже звуков, только заметили вспышки малинового пламени, вырывавшиеся из раструбов. Отраженные защитным полем пули ударили назад

по тем, кто их выпустил. Стрелявшие с искаженными лицами упали на железный пол.

Вир Норин озабоченно поглядел на указатель, беспокоясь о разряде батарей и жалея, что еще четыре могучих помощника бесполезно стоят выключенными в их комнатах наверху. Фай Родис просила выключать роботов, чтобы каким-нибудь случайным сигналом не заставить их нарушить строгие правила.

Внезапно — здесь, на Тормансе, все случалось внезапно, так как из-за незнания характера тормансиан и их общественных отношений гостям с Земли было трудно угадывать развитие событий — смятение прекратилось, лиловые охранники скрылись в проходах, унося раненых, а в монотонное гудение защитного поля врезался сигнал Фай Родис:

— Выключайте СДФ, Вир!

Облегченно вздохнув, астронавигатор убрал «зонтик» и услышал в усилителях приказ Чойо Чагаса: «Недоразумение прекратить, разойтись, «глазам» проводить гостей наверх, в их покои!»

Через несколько минут большой подъемник доставил четырех героев к тому изгибу коридора, откуда начинались хоры Зала Мрака. У распахнутого окна в сад четким силуэтом выделялась Фай Родис. Сквозняк чуть шевелил ее короткие черные волосы. Первой к ней бросилась Чеди. Родис положила руки на ее плечи. Губы ее улыбались, но глаза были печальны, печальней, чем в первые дни пребывания на Тормансе.

— Наделали переполоха, милые! — воскликнула Родис без осуждения. — Я еще не пленница... еще!

— Скрыться так надолго! — укорила Эвиза.

— Действительно, я поступила плохо. Но я столько увидела за эти дни, что забыла о вашей тревоге.

— Все равно надо было немного отрезвить их здесь, — сердито нахмурился Гэн Атал. — Жизнь становится неприятной от бессмысленных ограничений, глупейшего самодовольства и рассеянного вокруг страха.

— Но Фай нужно отдохнуть, — перебила Чеди.

Отдаваясь живительному душу отрицательных ионов, в то время как тонкие лапки СДФ легкими прикосновениями биологически активизированных перчаток массировали ее, Фай Родис перебирала воспоминания о днях, проведенных в покоях Чойо Чагаса. Это испытание поколебало ее уверенность в намеченном ранее плане.

Все началось с демонстрации стереофильмов Земли. Два СДФ установили несущий канал, по которому «Темное Пламя» начал передавать жизненные и яркие изображения, называе-

мые на Земле по-старинному стереофильмами. Для жителей Ян-Ях они казались чудом, перенесенной сюда подлинной жизнью далекой планеты.

Члены Совета Четырех, их жены, несколько высших сановников, инженер Таэль, затаив дыхание, следили, как перед ними развертывались картины природы и жизни людей Земли.

К величайшему удивлению тормансиан, ничего таинственного и непонятного не было во всех областях жизни этого великолепного дома человечества. Гигантские машины, автоматические заводы и лаборатории в подземных или подводных помещениях. Здесь, в неизменных физических условиях, шла неустанная работа механизмов, наполнявших продуктами дисковидные здания подземных складов, откуда разбегались транспортные линии, тоже скрытые под землей. А под голубым небом расширялся простор для человеческого жилья. Тормансианам открылись колоссальные парки, широкие степи, чистые озера и реки, незапятнанной белизны горные снега и шапка льда в центре Антарктиды. После долгой экономической борьбы города окончательно уступили место звездным и спиралевидным системам поселков, между которыми были разбросаны центры исследования и информации, музеи и дома искусства, связанные в одну гармоническую сетку, покрывавшую наиболее удобные для обитания зоны умеренных субтропиков планеты. Другая планировка отличала сады школ разных циклов. Они располагались меридионально, предоставляя для подрастающих поколений коммунистического мира разнообразные условия жизни.

Сами земляне сначала показались жителям Ян-Ях слишком серьезными и сосредоточенными. Их немногословие, нелюбовь к остротам и полное неприятие всякого шутовства, постоянная занятость и сдержанное выражение чувств в глазах болтливых, нетерпеливых, психически нетренированных тормансиан казались скучными, лишенными подлинно человеческого содержания.

Лишь потом жители Ян-Ях поняли, что эти люди полны беспечной веселости, порожденной не легкомыслием и невежеством, а сознанием собственной силы и неослабной заботы всего человечества. Простота и искренность землян основывались на глубочайшем сознании ответственности за каждый поступок и на тонкой гармонии индивидуальности, усилиями тысяч поколений приведенной в соответствие с обществом и природой.

Здесь не было искателей слепого счастья, и потому не было разочарованных, разуверившихся во всем людей. Отсутствова-

ли психологически слабые индивиды, остро чувствующие свою неполноценность и вследствие этого отравленные завистью и садистской злобой. На сильных и правильных лицах не отражалось ни смятения, ни настороженных опасений, ни беспокойства о судьбе своей и своих близких, изолирующих человека от его собратьев.

Тормансиане не увидели ни одного побежденного скукой человека. Уединялись для размышлений, переживаний, для отдыха после только что конченной трудной работы. Но временная неподвижность и глубокий покой были готовы мгновенно смениться могучим действием мысли и тела.

Живые видения прекрасной Земли разбудили острую, небывалую прежде тоску у маленькой кучки землян, отрезанных от родины невообразимой бездной пространства. Тормансиане старались отбросить неодолимую притягательность увиденного мира, убедить себя в том, что им показали специальные инсценировки. Но гигантский охват, всепланетный масштаб зрелища свидетельствовал о подлинности стереофильмов. И, уступая очевидности, жители Ян-Ях оказались плененными почти такой же ранящей печалью, как и жители Земли. Но причина этой печали была другой. Видение сказочной жизни появилось здесь, на вершине холма, в крепости грозных владык, обители страха и взаимной ненависти. Будто их подвели к широко распахнутым воротам сада, ничто не было скрыто от их жадных глаз и в то же время недоступно. А внизу теснился скученный многомиллионный город Средоточия Мудрости, чье название звучало иронически на пыльной и скудной планете.

— Может быть, довольно для первого раза? — спросила Фай Родис, заметив утомление на лицах зрителей.

Чойо Чагас покосился по сторонам. Его жена Янтре изо всех сил прижимала руки к груди. Инженер Таэль поднял голову и старался незаметно смахнуть слезы, скатившиеся в густую бороду. Такие же слезы Чойо Чагас увидел у Зет Уга. Вспышка необъяснимого гнева заставила его повысить голос:

— Да, довольно! Вообще довольно!

Недоуменно взглянув на владыку, Фай Родис выключила связь со звездолетом. СДФ погасили и убрали под крышки свои излучатели. Зрители направились к себе, а Фай Родис подошла к Чойо Чагасу, который знаком попросил ее задержаться. Когда в опустевшем зале остались лишь они двое, Чойо Чагас впервые взял Родис под локоть, слегка поморщился и отпустил ее руку. Родис засмеялась.

— Я привык к вашему лицу без щитка и забыл, что все остальное — металлическое. Иногда мне кажется, что земляне

просто роботы с головами живых людей, — пошутил владыка, вводя гостью в знакомую комнату с зелеными драпировками и хрустальным шаром.

— А может быть, мы в самом деле лишь роботы? — спросила Родис, вложив во взгляд и улыбку немного кокетства и женского вызова.

И Чойо Чагасу пришлось напрячь всю волю, чтобы не поддаться могучей притягательности земной женщины. Он отвернулся, открыл черный шкаф и достал нечто похожее на древнюю курительную трубку. Устроившись в кресле напротив Родис, он закурил. Сквозь резко пахнущий дымок владыка планеты присматривался к Фай Родис, и его узкие глаза подернулись пеленой забытья. Он молчал так долго, что Родис заговорила первая:

— Что означал ваш возглас «вообще довольно»? Разве вам не понравилась Земля?

— Фильмы технически великолепны. Мы никогда не видели подобного!

— Разве дело в технике? Я имею в виду нашу планету.

— Я не судья сказкам. Как я могу отделить ложь от правды, не зная о вашей планете ничего, кроме этих картинок?

Фай Родис встала, чуть опершись на край вычурного стола, и внимательно посмотрела на Чойо Чагаса.

— Сейчас вы лжете, — сказала она ровно, избегая повышения и понижения тона, принятого у тормансиан. — Помогите мне понять вас. Вы человек выдающегося ума, почему вы избегаете говорить прямо, правдиво выражая свои убеждения и цели? Чего вы боитесь?

Чойо Чагас медленно поднялся, холодный и надменный. Фай Родис не дрогнула, когда он остановился перед нею, вытянув шею и навалившись на стол сжатыми кулаками. Их молчаливый поединок длился до тех пор, пока владыка не отступил, вытирая лоб тончайшим желтым платком.

— Мы могли бы уничтожить вас, — оскалился он в недоброй и неуместной улыбке, — а вместо этого я еще вынужден отдавать вам отчет!

— Неужели эта жертва вас тяготит? — интонация Родис звучала неприкрытой усмешкой. — Вы опасаетесь, что явится второй звездолет и оба корабля сокрушат ваши города, дворцы, заводы? Я знаю, что вы и ваши сподручные спокойно примете гибель миллионов жителей Ян-Ях, разрушение тысячелетнего труда, исчезновение великих произведений человеческого гения, лишь бы остались жить вы! Не так ли?! — вдруг резко воскликнула Родис.

— Да, — вздрогнув, признался Чойо Чагас. — А что жалеть? Дрянь, ничтожных людишек с мелкими чувствами? Старый хлам отжившего искусства, лежащий бесполезными грудами в пыльных хранилищах? Вредных фантазеров «джи»?

— Так ведь они люди! — воскликнула Родис.

— Нет, еще нет!

— А разве вы помогаете им стать людьми? Я не могу понять вас. Самое прекрасное в жизни — помогать людям, и особенно когда имеешь для этого власть, силу, возможности. Может ли быть радость выше этой? Неужели вы даже не помышляли об этом, несчастный человек?

— Нет, это вы несчастная! — закричал владыка. — Истинна старая поговорка, что для женщины существует только настоящее и будущее, прошлого — нет. Какой вы историк, если не понимаете, что море пустых душ разлилось по планете, выпив, обожрав, истоптав все ее уголки!

Фай Родис уже успокоилась.

— Известно ли вам, что мозг человека обладает замечательной способностью исправлять искажения внешнего мира, не только визуальные, но и мыслительные, возникающие из-за искривления законов природы в неправильно устроенном обществе? Мозг борется с дисторсией, выправляя ее в сторону прекрасного, спокойного, доброго. Я говорю, разумеется, о нормальных людях, а не о психопатах с комплексом неполноценности. Разве вам не знакомо, что лица людей издалека всегда красивы, а чужая жизнь, увиденная со стороны, представляется интересной и значительной? Следовательно, в каждом человеке заложены мечты о прекрасном, сформировавшиеся за тысячи поколений, и подсознание ведет нас сильнее в сторону добра, чем это мы сами думаем. Как же можно говорить о людях, как о мусоре истории?

— Мне начинает нравиться ваша откровенность, — с кривой усмешкой сказал Чойо Чагас. — Но продолжайте!

— Знаю, что вы теперь не сомневаетесь в безвредности наших намерений. Сколько раз ваши люди пытались уловить хоть каплю вражды у любого из нас, даже после пробной атаки звездолета по вашему приказу! Здесь ведь ничего не делается без приказа Совета Четырех?!

— Да, — снова поддаваясь странной магнетической силе женщины Земли, подтвердил владыка.

— Если так, то дело в мнимой угрозе, якобы исходящей от нас. Я поняла, что вы хотите запретить показывать жизнь Земли народу Ян-Ях. Но вы должны действовать по каким-то побуждениям, продиктованным вашим видением мира, системой

взглядов. Мы, земляне, не увидели в вашей примитивной пропаганде никаких глубоких забот о совершенствовании вашего общества и людей. Сохранение существующей структуры нужно только горстке правителей. В истории Земли это погубило сотни государств и миллионы людей. Вы здесь не так давно пережили катастрофу перенаселения...

Фай Родис оборвала речь, с удивлением глядя на исказившиеся черты владыки Торманса. Чойо Чагас впервые потерял самообладание.

— Хватит! Не хочу! Ничего о Земле! Ненавижу! Ненавижу проклятую Землю, планету безграничного страдания моих предков!

— Ваших предков? — воскликнула Фай Родис, и у нее перехватило горло — ее догадка подтвердилась.

— Да, да, моих, как и ваших! Это тайна, охраняемая много столетий, и разглашение ее карается смертью!

— Почему?

— Чтобы не возникали мечты о прошлом, об ином мире, подтачивающие устои нашей жизни. Человек не должен знать о прошлом, искать в нем силу, — это дает ему убеждения и идеи, несовместимые с подчинением власти. Историю надо срезать от корня и начать с момента, когда дерево человечества привилось на Ян-Ях.

Чойо Чагас с минуту стоял в раздумье, затем сел, указав Родис на ее кресло. Он курил, сосредоточенно глядя на хрустальный шар, а гостья с Земли сидела недвижная, как статуя, в глубочайшей тишине покоев владыки. Чойо Чагас скользнул взглядом по ее отрешенной фигуре и, решившись, встал. Из потайного места он извлек набор инструментов, похожих на старинные ключи. Одним, коротким и толстым, он открыл незаметную дверцу из толстого металла, повернул что-то внутри и снова тщательно запер ее.

— Пойдемте, — просто сказал он, откидывая зеленую занавесь перед узкой, как щель, дверью.

Фай Родис, не колеблясь, последовала за ним. Чойо Чагас, опустив голову, шел, не оглядываясь, по длинному проходу, едва освещенному тусклым светом вечных газовых ламп. Он обернулся лишь у дверцы подъемника, пропуская Родис в кабину. Раздался скрежет редко работающего механизма. Кабина стремительно полетела вниз. У Фай Родис, почему-то ожидавшей подъема, перехватило дыхание. Они спустились на значительную глубину и вышли в коридор, по одной стороне которого шли железные опоры и рельсы. Чойо Чагас оглянулся, вводя свою спутницу в небольшой темный вагон и усаживаясь за рычаги управ-

ления. Он зажег путевой прожектор, и с грохотом, достойным старинных машин Земли, вагон помчался в непроглядную темь.

Родис, улыбнувшись взволнованному владыке, негромко запела, поддаваясь гипнотизирующему мельканию вертикальных разноцветных светящихся знаков, и заметила, что Чойо Чагас внимательно слушает, часто оглядываясь на нее в стремительно бегущих бликах сигнальных люминофоров.

— Что за песня? — отрывисто спросил он, ускоряя и без того бешеный бег вагона.

— «Нырнуть стремительно и непреклонно в глубокий и застойный водоем и отыскать, спасти из мути донной...» — начала переводить Родис на язык Ян-Ях.

— Только-то? — воскликнул Чойо Чагас.

— А что вы ожидали?

— Чего-нибудь воинственного. Очень бодрая и ритмичная мелодия, — сказал владыка, резко тормозя перед квадратом фиолетового люминофора.

Они вышли во мрак подземелья. Только черточки указателей слабо светились в полу, как бы плавая в темноте.

Чойо Чагас осторожно взял Родис за руку. Подойдя к квадратной колонне, он нашел в ней маленький люк, открыл его и прислушался.

— Надо убедиться, что выключатель в моей комнате сработал, — пояснил он безмолвной Родис, — иначе при попытке открыть сейф с дверными реле всякий будет убит на месте.

Вторым ключом из связки он отворил другой люк, взялся за похожую на стрелу рукоятку и с силой потянул на себя. Выдвинулся серебряный стержень, и в тот же миг с визгом распахнулись тяжелые, как ворота, двери в ярко освещенный обширный зал. Едва они вошли, как владыка нашел кнопку, и двери захлопнулись.

Родис осмотрелась, пока Чойо Чагас, нагнувшись над широким каменным столом, что-то передвигал на нем и щелкал тумблерами, похожими на рычаги старинных электронных машин, столько раз виденных Родис в исторических фильмах и музеях. Помещение тоже походило на музей. Высоко возносились застекленные колонки шкафов и стеллажей, ряды плотно задвинутых ящиков были испещрены потускневшими иероглифами. Ступеньки передвижных лестниц, посеревшие от пыли, кое-где хранили следы ног тех, кто поднимался по ним к верхним полкам.

Чойо Чагас выпрямился, торжественный и бледный. Он показался гостье с Земли древним жрецом, хранителем сокровенных знаний, да и в самом деле он был им.

— Вы знаете, куда мы пришли? — хрипло спросил владыка.

— Я поняла. Здесь хранится то, что вы... ваши предки привезли на звездолетах с Земли. — Фай Родис напряглась от волнения. Каково было историку ЭРМ попасть в хранилище сведений о самом, пожалуй, темном периоде эры великих переворотов накануне ЭМВ — Эры Мирового Воссоединения! Родис благоговейно коснулась громоздкого пульта, очевидно, снятого со звездолета далеких времен — одного из первых кораблей, отчаянно нырнувшего в неизведанные и оказавшиеся безмерно сложными глубины вселенной.

Чойо Чагас ободряюще кивнул смятенной Фай Родис и показал ей на ряд жестких стульев из металла и пластмассы в центре зала.

— Я понимаю, что здесь для вас интересно все. Но мы, не забывайте этого, продолжаем разговор. И вы будете смотреть фильмы, привезенные предками как память о планете, откуда они бежали. Бежали со слабой надеждой на спасение, но нашли девственную планету и новую жизнь, обернувшуюся старой. Когда сомнение или неясность пути одолевает усталые нервы, я прихожу сюда, чтобы насытиться ненавистью и в ней почерпнуть силу.

— Ненависть к чему, к кому?

— К Земле и ее человечеству! — сказал Чойо Чагас с убежденностью. — Посмотрите избранную мной серию. Мне не понадобится пояснять вам мотивы запрещения ваших стереофильмов. Увидев историю вашего рая, — с едкой горечью сказал владыка, — кто не усомнится в правде показанных вами зрелищ? Как могло случиться, чтобы ограбленная, истерзанная планета превратилась в дивный сад, а озлобленные, не верящие ни во что люди сделались нежными друзьями? Какие орудия, какие путы железного страха держат народы Земли в этой дисциплине? Впрочем, разве вы скажете? Вы умеете обольщать. Я сам испытал это. Помните легенду о Цирцее, волшебнице, превращавшей людей в свиней? Иногда мне кажется, что вы Цирцея...

— Цирцея — великолепный миф незапамятных времен, возникший еще от матриархальных божеств, о сексуальной магии богини в зависимости от уровня эротического устремления: или вниз — к свинству, или вверх — к богине. Он почти всегда истолковывался неправильно. Красота и желание женщин вызывают свинство лишь в психике тех, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного. Женщины в прежние времена лишь очень редко понимали пути борьбы с сексуальной дикостью мужчины, и те, кто это знал, считались Цирцеями. Встреча с Цирцеей была пробным камнем для вся-

кого мужчины, чтобы узнать, человек ли он в Эросе. Сексуальная магия действует лишь на низкий уровень восприятия Красоты и Эроса. Хотите попробовать? — предложила Родис и, неописуемо преобразившись, устремила на владыку взгляд широко открытых повелительных глаз, надменно изогнув свой царственно прямой стан.

Темная сила скрутила волю Чойо Чагаса, какая-то могучая пружина стала развиваться в нем, стесняя дыхание, стискивая челюсти и сводя мышцы неистовым желанием.

— Нет! — с ожесточением крикнул он.

Родис опустила взгляд, и владыка грузно уселся на край стола, нажав на рычажки.

Погас свет, стена подземелья исчезла, пробитая изображением, по глубине даже превосходящим обычные ТВФ. И Фай Родис забыла все, унеслась в далекое прошлое родной планеты.

Вначале шли только инсценировки. Чойо Чагас подобрал фильмы в исторической последовательности событий. Для самых древних времен еще не существовало фильмовой документации. Пришлось создавать реконструкции важнейших событий. Однако события эти неумолимо разрушали прекрасные сказки Земли о добрых царях, мудрых королевах, безупречных рыцарях — защитниках угнетенных и обездоленных. Легенды о доблестных полководцах и борцах за веру оборачивались чередой кровавых убийств, жестокого фанатизма и изуверства, разрушением красивых городов, стран и плодоносных островов.

Земная история, которую писали и учили далекие предки, была направлена на сокрытие истинной цены завоеваний, смены владык и цивилизаций. Но фильмы-реконструкции поздней ЭРМ ставили перед собой задачу показать, что усилия людей к созданию красоты, устроению Земли, мирному труду и познанию природы неизменно оказывались напрасными, заканчиваясь бедами и разрушениями. То озверелые людоеды пожирали более цивилизованное племя перед его заботливо украшенными и отделанными пещерами. То на фоне горящих городов ассирийские завоеватели избивали детей и стариков, насиловали женщин перед толпой зверски скрученных мужчин, привязанных к колесницам за ремни, продетые сквозь нижние челюсти. Нескончаемой вереницей проходили горящие селения, разграбленные города, вытоптанные поля, толпы истощенных людей, гонимых как стадо. Нет, никакой скотовод никогда не обращался так со своими животными. Совершенно очевидно, что человек ценился куда меньше скота. Более того, люди постоянно подвергались садистским мукам. Их медленно перепиливали пополам на площадях Китая, рассаживали на кольях по доро-

гам Востока, распинали на крестах в Средиземноморье, вешали на железных крючьях, как освежеванные мясные туши.

Техника массовых истреблений непрерывно «совершенствовалась». Отсечение голов, костры, кресты и колья не могли уничтожить скопления людей в завоеванных городах. Людей стали укладывать связками в полях, и конные орды скакали по ним. Копьями и саблями гнали обезумевшие толпы в горы, сбрасывая их с крутых обрывов. Заставляли выкладывать из живых людей стены и башни, переслаивая ряды тел пластами глины. Из этой фантасмагории массовых истреблений, в которых самым поразительным была абсолютная покорность человеческих масс, загипнотизированных силой победителей, Фай Родис запомнилась сцена падения Рима. Гордые римлянки с их детьми пытались найти убежище на Форуме. Беззащитные, лишенные привычной опоры отцов, мужей, братьев, перебитых в бою, — девочки, девушки, женщины и старухи в оцепенелом безвыходном отчаянии смотрели на приближающуюся толпу гуннов или германцев, опьяненных победой, с окровавленными топорами и мечами. Эта незабываемая сцена, поставленная искусным художником, стала для Родис олицетворением одной из ступеней инферно.

Как бы отвечая на сострадание Родис, фильм сменился перечислением преступлений римлян, доказывая справедливость возмездия, к сожалению, так редко настигавшего преступные государства и народы в ходе исторического процесса.

Из всех падений человека в дальнем и недавнем историческом прошлом деградация римлян не имела себе равных, разве в Германии в эпоху фашизма. Римляне, столь высоко возносившие себя над «варварами», сами были наихудшими дикарями в обращении с людьми.

Потакая самым низменным инстинктам, правители Рима превратили своих граждан в невежественную садистскую толпу, ненасытную в требовании «хлеба и зрелищ». Жестокость и полное отсутствие сострадания сделали мучения человека развлечением, а полное отсутствие представления о достоинстве иноплеменников и иноверцев создали атрофию совести и благородства.

Еще в дохристианский период римляне начали практиковать в цирках, как специально построенных для этой цели, так и в перестроенных греческих театрах, зрелища кровавых сражений людей с дикими зверями или между собою. Обычай этот, возрастая до чудовищных избиений, продолжался более пятисот лет, до эдикта императора Константина, запретившего игры с убийством людей.

Обычное притупление сильных ощущений заставляло императоров и консулов наращивать число убийств и разнообразить приемы.

Помпей отпраздновал свою победу, устроив венацию, или «охоту» в цирке. За пять дней игрищ было убито шестьсот львов и тысяча четыреста человек.

Император Тит, строитель огромного цирка в Риме — Колизея, — истребил девять тысяч зверей и двенадцать тысяч людей. В первый же день погибло семь тысяч человек и пять тысяч зверей. Христиане, зашитые в звериные шкуры или привязанные к столбам, были пожираемы заживо под улюлюканье и вой пятидесяти тысяч зрителей — так называемых свободных граждан великого города.

Император Троян погубил двадцать четыре тысячи человек и одиннадцать тысяч зверей. Слоны, бегемоты, львы, леопарды, медведи, гиены, крокодилы, тигры, кабаны — все гибло на потеху осатанелых толп. Тысячи нагих женщин, совсем юных девушек и детей были растерзаны на аренах хищниками, растоптаны слонами, носорогами и дикими быками.

Император Пробус насадил лес на арене Колизея и устроил «охоту» из ста львов, двухсот леопардов и трехсот медведей. Люди — «охотники» — должны были убивать хищников короткими копьями. На следующий день были убиты три тысячи кабанов, оленей и страусов.

Император Гордиан устроил празднование с тысячей медведей, а в день тысячелетия Рима две тысячи гладиаторов погибли на арене. Подобные представления, конечно, были не в одном Риме, а во всех больших городах.

Не меньшую бесчеловечность и духовную деградацию проявляли римляне и при своих завоеваниях. Вместо уважения к мужеству и геройскому сопротивлению своих врагов они учиняли подлую расправу над безоружным мирным населением, сгоняя побежденных вместе с семьями, детьми и стариками в рудники и каменоломни, где они медленно умирали в нечеловеческих условиях, не имея воды для умывания, жилищ и постелей. Христиане и евреи подвергались особенно жестокому обращению. Когда римские легионы подавили восстание в Иудее, то все ее население согнали в африканские каменоломни. Мужчины были кастрированы, ослеплены каленым железом на один глаз и в цепях, с клеймом на лбу должны были ломать знаменитый нумидийский мрамор для великолепных римских построек. Если представить себе колоссальное количество мрамора, употребляемое на форумы, дворцы, храмы, акведуки и даже дороги, то океан человеческих страданий не может не

вызвать в душе каждого настоящего человека отвращение и ненависть к неисправимому прошлому.

Такова была величественная цивилизация, оставившая гордые надписи «Глория Романорум» (Слава Римлян), которую народы Европы на протяжении многих веков считали недосягаемым образцом.

Возмездие, как всегда, пришло поздно и обрушилось, как обычно, на невинных. Но и гораздо более поздние государства тоже состязались в жестокостях. Французские короли, носившие подчас гордые прозвища, вроде Короля-Солнце, с неимоверной дикостью расправлялись с иноверцами — тоже французами.

Скованных одной цепью по несколько сот человек, их гнали на галеры Средиземного моря, где в ужасающих условиях, абсолютно нагие, прикованные к скамьям, они трудились на веслах пожизненно, не имея за собой никакой вины. Каждая галера нуждалась в 300–400 гребцах, а этих судов были тысячи на Средиземном море, в том числе и арабских, на которых мучились рабы-христиане.

Наиболее кровожадный султан Марокко Мулай-Измаил запер в своем гареме восемьдесят тысяч пленниц. Не отставали от этих владык и африканские царьки и царицы. Чтобы почтить смерть королевы черного народа Ашанти, три тысячи пятьсот рабов были убиты отсечением рук и ног, часть сожжены живьем. Перед этими жестокостями бледнеют древнейшие погребения царей, вроде фараона Джера, на могиле которого были убиты 587 человек, или скифских вождей на Кубани и в Причерноморье, с массовыми избиениями людей и лошадей на курганах, обильно поливающих кровью ничтожные останки.

Жемчужина древней культуры — Эллада, ставшая козьим пастбищем в начале Темных Веков; развалины еще более древней цивилизации морских народов Крита; стертая копытами азиатских полчищ культура Древней Руси; колоссальные избиения аборигенов Южной Африки вторгшимися с севера племенами завоевателей — все это, уже знакомое, не вызывало новых ассоциаций. Но Родис никогда не видела отрывков документальных съемок, вкрапленных в инсценированные фильмы о последних периодах ЭРМ. Массовые избиения приняли еще более чудовищный характер, соответственно увеличению населения планеты и могучей технике. Громадные концентрационные лагеря — фабрики смерти, где голодом, изнуряющим трудом, газовыми камерами, специальными аппаратами, извергающими целые ливни пуль, люди уничтожались уже сотнями тысяч и миллионами. Горы человеческого пепла, груды трупов

и костей — такое не снилось древним истребителям рода человеческого. Атомными бомбардировками за несколько секунд уничтожались огромные города. Вокруг нацело выжженного центра, где сотни тысяч людей, деревья и постройки погибали мгновенно, располагался круг разрушенных зданий, среди которых ползали ослепленные, обожженные жертвы. Из-под обломков неслась нескончаемый вопль детей, призывавших родителей и моливших о воде. И снова шли сцены массовых репрессий, перемежавшихся с битвами, где тысячи самолетов, бронированных пушек на суше или кораблей с самолетами на морях сталкивались в сплошном шквале воющего железа и гремящего огня. Десятки тысяч плохо вооруженных солдат упорно, напролом лезли на сплошную завесу огня скорострельного оружия, пока гора трупов не заваливала укрепления, лишая противника возможности стрелять, или же его солдаты не сходили с ума. Бомбардировка городов, где храбрые люди прошлого фотографировали рушащиеся и горящие здания. Обреченные на смерть летчики-самоубийцы мчались сквозь завесу снарядов и разбивались о палубы гигантских кораблей, вздымая огненные смерчи, летели вверх люди, орудия, обломки машин. Подводные корабли неожиданно появлялись из глубин моря, чтобы обрушить на врагов ракеты с термоядерными зарядами...

— Очнитесь, земножительница, — услышала Фай Родис Чойо Чагаса.

Она вздрогнула, и он выключил проектор.

— Вы не знали всего этого? — насмешливо спросил Чойо Чагас.

— У нас не сохранились столь полно фильмы прошлых времен, — ответила, приходя в себя, Фай Родис. — После ухода ваших звездолетов было еще великое сражение. Наши предки не догадались спрятать документы под землю или в море. Погибло многое.

Чойо Чагас бросил взгляд на часы, Родис встала.

— Я отняла у вас много времени. Простите, и благодарю вас.

Председатель Совета Четырех приостановился, что-то соображая.

— Я действительно больше не могу быть с вами. Но если вы хотите...

— Безусловно!

— Потребуется не один день!

— Я могу обходиться подолгу без пищи. Нужна только вода.

— Воду найдете здесь. — Чойо Чагас отпер третьим ключом еще одну маленькую дверцу. — Видите зеленый кран? Это моя линия водоснабжения, — усмехнулся он, — пейте без опаски.

Вы будете заперты, но сигнальный шкаф я оставлю открытым. Не пытайтесь выйти сами. Здесь слишком много ловушек. Материал по последнему веку вы не сможете посмотреть раньше чем через два дня. Выдержите?

Фай Родис молча кивнула головой.

— Я приду за вами сам. Микрокатушки с переснятыми оригиналами — в этих ящиках. Удачно прожить! — так говорят у нас при расставании.

Фай Родис протянула владыке руку земным жестом дружбы. И тот задержал ее, сжимая и вглядываясь в глубину сияющих «звездных» глаз своей гостьи, так поразительно отличавшихся от всего, что было ему знакомо и на родной планете, и в древних фильмах Земли, от которой отреклись его предки.

Внезапно этот странный человек отпустил, вернее, оттолкнул руку Родис и скрылся за дверью. Огромная броневая плита захлопнулась отрывистым ударом, похожим на звук механического молота.

Родис занялась упражнениями дыхания и сосредоточения, чтобы зарядить тело энергией для предстоящего труда. Не только просмотреть, но и сохранить в памяти увиденное. Слишком поздно думать о записи через СДФ, да и вряд ли переменчивый владыка планеты согласился бы повторить свой порыв.

Разобрав катушки, Родис увидела, что Чойо Чагас показал одну группу, обозначенную иероглифами, которые она прочла как «Человек — человеку». Второй и третий ящики были надписаны: «Человек — природе» и «Природа — человеку».

Фильмы «Человек — природе» показывали, как исчезали с лица Земли леса, пересыхали реки, уничтожались плодородные почвы, развеянные или засоленные, гибли залитые отбросами и нефтью озера и моря. Огромные участки земли, изрытые горными работами, загроможденные отвалами шахт или заболоченные тщетными попытками удержать пресную воду в нарушенном балансе водообмена материков. Фильмы-обвинения, снятые в одних и тех же местах с промежутком в несколько десятков лет. Ничтожные кустарники на месте величественных, как храмы, рощ кедров, секвой, араукарий, эвкалиптов, гигантов из густейших тропических лесов. Молчаливые, оголенные, объеденные насекомыми деревья — там, где истребили птиц. Целые поля трупов диких животных, отравленных из-за невежественного применения химикатов. И снова — неэкономное сожжение миллиардов тонн угля, нефти и газа, накопленных за миллиарды лет существования Земли, бездна уничтоженного дерева. Нагромождения целых гор битого стекла, бутылок, изо-

ржавевшего железа, несокрушимой пластмассы. Изношенная обувь накапливалась триллионами пар, образуя безобразные кучи выше египетских пирамид.

Ящик «Природа — человеку» оказался наиболее неприятным. В ужасающих фильмах последних веков, где сталкивались сокрушительная сила техники и колоссальные массы людей, человеческая индивидуальность, несмотря на огромность страдания, стиралась, растворяясь в океане общего ужаса и горя. Человек — интегральная единица в битве или предназначенной к уничтожению толпе — приравнивался по значению к пуле или подлежащему уборке мусору. Античеловечность и безысходный позор падения цивилизации, его масштабы так подавляли психику, что не оставляли места индивидуальному состраданию и пониманию мучений человека как близкого существа.

Фильмы третьего ящика рассматривали отдельных лиц в крупном плане, показывая страдания и болезни, возникающие из-за неразумной жизни, из-за разрыва с природой, непонимания потребностей человеческого организма и хаотического, недисциплинированного деторождения. Промелькнули гигантские города, брошенные из-за нехватки воды, — рассыпавшиеся груды обломков бетона, железа, вспузырившегося асфальта. Огромные гидроэлектростанции, занесенные илом, плотины, разломанные смещениями земной коры. Гниющие заливы и бухты морей, биологический режим которых был нарушен, а воды отравлены накоплением тяжелой воды при убыстренном испарении искусственных мелких бассейнов на перегороженных реках. Гигантские полосы безжизненной пены вдоль опустелых берегов: черные — от нефтяной грязи, белые — от миллионов тонн моющих химикатов, спущенных в моря и озера.

Затем потянулись скорбной вереницей переполненные больницы, психиатрические клиники и убежища для калек и идиотов. Врачи вели отчаянную борьбу с непрерывно увеличивающимися заболеваниями. Санитарно-бактериологические знания истребили эпидемические болезни, атаковавшие человечество извне. Но отсутствие разумного понимания биологии вместе с ликвидацией жестокого отбора слабых расшатали крепость организма, приобретенную миллионами лет отбора. Неожиданные враги напали на человека изнутри. Разнообразные аллергии, самым страшным выразителем которых был рак, дефекты наследственности, психическая неполноценность умножались и стали подлинным бедствием. Медицина, как ни странно, не считавшаяся прежде наукой первостепенной важности, опять-таки рассматривала отдельного человека как абстрактную численную единицу и оказалась не готовой к новым формам болезней.

Еще больше бед прибавила грубая фальсификация пищи. Хотя перед глазами человечества уже был печальный опыт с маниокой, бататом и кукурузой — крахмалистой пищей древнейших обществ тропических областей, — но даже в эпоху ЭРМ ему не вняли. Не хотели понять, что это изобилие пищи — кажущееся; на самом деле она неполноценна. Затем наступало постепенное истощение от нехватки белков, а на стадии дикости развивался каннибализм. Плохое питание увеличивало число немощных, вялых людей — тяжкое бремя для общества.

Фай Родис едва хватило сил смотреть на замученных раком больных, жалких, дефективных детей, апатичных взрослых; полных сил людей, энергия и жажда деятельности которых привели к износу сердца, неизбежному в условиях нелегкой жизни прошлых времен, и к преждевременной смерти.

Грознее всего оказались нераспознанные психозы, незаметно подтачивавшие сознание человека и коверкавшие его жизнь и будущее его близких. Алкоголизм, садистская злоба и жестокость, аморальность и невозможность сопротивляться даже минутным желаниям превращали, казалось бы, нормального человека в омерзительного скота. И хуже всего, что люди эти распознавались слишком поздно. Не было законов для ограждения общества от их действий, и они успевали морально искалечить многих людей вокруг себя, особенно же своих собственных детей, несмотря на исключительную самоотверженность женщин — их жен, возлюбленных и матерей...

«А вернее, — подумала Родис, — благодаря этой самоотверженности, терпению и доброте распускались пышные цветы зла из робких бутонов начальной несдержанности и безволия. Более того, терпение и кротость женщин помогали мужчинам сносить тиранию и несправедливость общественного устройства. Унижаясь и холуйствуя перед вышестоящими, они потом вымещали свой позор на своей семье. Самые деспотические режимы подолгу существовали там, где женщины были наиболее угнетены и безответны: в мусульманских странах древнего мира, в Китае и Африке. Везде, где женщины были превращены в рабочую скотину, воспитанные ими дети оказывались невежественными и отсталыми дикарями».

Эти соображения показались Фай Родис интересными, и она продиктовала их записывающему устройству, скрытому в зеркальном крылышке правого плеча.

Увиденное потрясло Фай Родис. Она понимала, что фильмы древних звездолетов прошли специальный отбор. Люди, ненавидевшие свою планету, разуверившиеся в способности человечества выбраться из ада неустроенной жизни, взяли с

собой все порочащее цивилизацию, историю народов и стран, чтобы второе поколение уже представляло себе покинутую Землю местом неимоверного страдания, куда нельзя возвращаться ни при каких испытаниях, даже при трагическом конце пути. Вероятно, это же чувство разрыва с прошлым заставило предков нынешних тормансиан, когда им удивительно посчастливилось найти совершенно пригодную для жизни планету без разумных существ, объявить себя пришельцами с мифических Белых Звезд, отпрысками могучей и мудрой цивилизации. Ничто не мешало бы и позднее показывать фильмы земных ужасов. На их фоне современная жизнь Торманса выглядела бы сущим раем. Но стало уже опасно разрушать укоренившуюся веру в некую высшую мудрость Белых Звезд и ее хранителей — олигархов. Наверное, существовали и другие мотивы.

Фай Родис устала. Сняв тонкую ткань псевдотормансианской одежды, она проделала сложную систему упражнений и закончила импровизированным танцем. Нервозная скачка мыслей остановилась, и Родис стала вновь способна к спокойному размышлению. Усевшись на конец огромного стола в классической позе древних восточных мудрецов, Родис сосредоточилась так, что все окружающее исчезло и перед ее мысленным взором осталась только родная планета.

Даже она, специалистка по самому критическому и грозному периоду развития земного человечества, не представляла весь объем и всю глубину инферно, через которое прошел мир на пути к разумной и свободной жизни.

Древние люди жили в этих условиях всю жизнь, другой у них не было. И сквозь этот частокол невежества и жестокости из поколения в поколение веками протягивались золотые нити чистой любви, совести, благодатного сострадания, помощи и самоотверженных поисков выхода из инферно. «Мы привыкли преклоняться перед титанами искусства и научной мысли, — думала Родис, — но ведь им, одетым в броню отрешенного творчества или познания, было легче пробиваться сквозь тяготы жизни. Куда труднее приходилось обыкновенным людям — не мыслителям и не художникам. Единственным, чем могли они защищаться от ударов жизни, были избитые и помятые в ее невзгодах мечты и фантазии. И все же... вырастали новые, подобные им, скромные и добрые люди незаметного труда, посвоему преданные высоким стремлениям. И за Эрой Разобщенного Мира наступила Эра Мирового Воссоединения, и Эра Общего Труда, и Эра Встретившихся Рук».

Только теперь не умом, а сердцем поняла Фай Родис всю неизмеримость цены, заплаченной человечеством Земли за его

коммунистическое настоящее, за выход из инферно природы. Поняла по-новому мудрость охранительных систем общества, остро почувствовала, что никогда, ни при каких условиях, во имя чего бы то ни было нельзя допускать ни малейшего отклонения к прежнему. Ни шага вниз по лестнице, обратно в тесную бездну инферно. За каждой ступенькой этой лестницы стояли миллионы человеческих глаз, тоскующих, мечтающих, страдающих и грозных. И море слез. Как велик и как прав был учитель Кин Рух, поставивший теорию инфернальности в основу изучения древней истории! Лишь после него окончательно выяснилось важнейшее психологическое обстоятельство древних эпох — отсутствие выбора. Точнее, выбор, столь осложненный общественным неустройством, что всякая попытка преодоления обстоятельств вырастала в морально-психологический кризис или в серьезную физическую опасность.

Вслед за мыслями об учителе перед Фай Родис возник образ другого человека, тоже не убоявшегося душевного бремени *исследователя истории* ЭРМ.

Организатор знаменитых раскопок, артистка и певица Веда Конг была для Родис с детских лет неизменным идеалом. Давным-давно тело Веды Конг испарилось в голубой вспышке высокотемпературного похоронного луча. Но великолепные стереофильмы Эры Великого Кольца по-прежнему несут через века ее живой обаятельный облик. Немало молодых людей увлекалось стремлением пройти тем же путем. В обществе, где история считается самой важной наукой, многие выбирают эту специальность. Однако историк, сопереживающий все невзгоды и труды людей изучаемой эпохи, подвергается подчас невыносимой психологической нагрузке. Большинство избегает грозных Темных Веков и ЭРМ, проникновение в которые требует особой выдержки и духовной тренировки.

Фай Родис почувствовала всю тяжесть прошлого, легшую на ее душу, тяжесть веков, когда история была не наукой, а лишь инструментом политики и угнетения, нагромождением лжи. Очень много усилий фальсификаторы прилагали, чтобы унизить рядовых людей древних времен и тем как бы компенсировать неполноценную, жалкую жизнь их потомков. Для людей новых, коммунистических эр истории Земли, бесстрашно и самоотреченно углублявшихся в прошлое, огромность встреченного там страдания ложилась черной тенью на всю жизнь.

Родис так глубоко ушла в свои раздумья, что не услышала лязга бронированной двери, осторожно открытой Чойо Чагасом. Верхнее освещение оставалось выключенным. Лишь бледные лучи фиолетовых газовых ламп перекрещивались в сумраке

подземного зала. Не сразу Чойо Чагас сообразил, что видит свою гостью в обтягивающем, как собственная кожа, скафандре, и жадно принялся ее разглядывать. Фай Родис вернулась к настоящему, легко соскочила со стола и под пристальным взглядом Чойо Чагаса пошла к стулу, на котором лежала ее одежда. Чойо Чагас поднял руку, останавливая Родис. Она недоуменно посмотрела на него, поправляя волосы.

— Неужели все женщины Земли так прекрасны?

— Я самая обыкновенная, — улыбнулась Фай Родис и спросила: — Мой вид в скафандре доставляет вам удовольствие?

— Конечно. Вы так необычно красивы.

Фай Родис свернула тонкую одежду в пышный жгут и обмотала вокруг головы, наподобие широкого тюрбана. Надетый слегка набекрень, тюрбан придал правильным и мелким чертам земной женщины беспечное и лукавое выражение.

Чойо Чагас зажег верхний свет и медлил, глядя на гостью с нескрываемым восхищением.

— Неужели в звездолете есть женщины еще лучше вас?

— Да. Олла Дез, например, но она не появится здесь.

— Жаль.

— Я попрошу ее станцевать для вас.

Они вернулись в зеленую комнату, покинутую Родис три дня назад. Чойо Чагас предложил ей отдохнуть. Родис отказалась.

— Я спешу. Я виновата перед спутниками. Мои друзья, наверное, тревожатся. Фильмы земного прошлого заставили меня забыть об этом. Но я так признательна вам за откровенность! Легко представить, насколько важна для историка эта встреча с документами и произведениями древнего искусства, утраченными у нас на Земле.

— Вы одна из очень немногих, видевших это, — сурово сказал Чойо Чагас.

— Вы связываете меня обещанием ничего не говорить жителям вашей планеты?

— Вот именно!

Фай Родис протянула руку, и опять Чойо Чагас попытался задержать ее в своей. Раздался легкий свист переговорного устройства. Владыка отвернулся к столику, сказал несколько неразборчивых слов. Вскоре в комнату вошел взволнованный инженер Таэль. Остановившись у двери в почтительной позе, он поклонился Чойо Чагасу, не сразу заметив Родис в глубине комнаты.

— Гости Земли ищут свою владычицу. Они явились в Зал Осуждения и привели с собой один из девятиножных аппаратов. Какие последуют приказания?

— Никаких. Владычица их здесь, она сейчас присоединится к ним. А вы останетесь для совета!

Инженер Таэль повернулся и остолбенел. Металлическая Родис, увенчанная задорным черным тюрбаном, под которым светились ее необыкновенные зеленые глаза, показалась ему могущественным созданием неведомого мира. Она стояла независимо и свободно, что было немыслимо для женщины Ян-Ях, полностью открытая и в то же время такая далекая и недоступная, что инженеру стало больно до отчаяния.

Фай Родис приветливо улыбнулась ему и обратилась к председателю Совета Четырех:

— Вы позволите вскоре повидаться с вами?

— Конечно. Не забудьте о вашей Олле и танцах!

Фай Родис вышла. Она теперь ходила без сопровождающего через пустынные коридоры и безлюдные залы. В первом зале с розовыми стенами, с клинописью черных стрел и ломаных линий стояла женщина. Родис узнала жену владыки, давшую свое имя целой планете. Красивые губы Янтре Яхах скривились в надменной улыбке, резче стал недобрый излом бровей.

— Я вижу вашу игру, но не ожидала от ученой предводительницы пришельцев такого бесстыдства и наглости!

Фай Родис молчала, вспоминая семантику забытых на Земле бранных слов, с которыми пришлось познакомиться на Тормансе. Это еще больше разозлило тормансианку.

— Я не позволю, чтобы вы разгуливали здесь в таком виде! — вскричала она.

— В каком виде? — недоуменно оглядела себя Фай Родис. — А, кажется, я понимаю. Но ваш муж сказал, что этот вид доставляет ему удовольствие.

— Сказал! — задохнулась от гнева Янтре Яхах. — Вы не соображаете, что вы непристойны! — Она с подчеркнутым отвращением оглядела Родис.

— Одеяние не годится для улицы при ваших нравах, — согласилась Родис. — Но в жилищах? Ваша одежда, например, мне кажется и более красивой, и более вызывающей.

Тормансианка, одетая в платье с низким корсажем, обнажающим грудь, и короткой, разрезанной на узкие ленты юбкой, при каждом движении открывающей бедра, казалась действительно более голой.

— Кроме того, — едва заметная улыбка скользнула по губам Родис, — в этом металле я абсолютно недоступна.

— Вы, земляне, или безмерно наивны, или очень хитры. Неужели вы не понимаете, что красивы, как ни одна женщина моей планеты? Красивы, необыкновенны и опасны для наших

мужчин... Даже только смотреть на вас... — Янтре Яхах нервно сжала руки. — Как мне объяснить вам? Вы привыкли к совершенству тела, это стало у вас нормой, а у нас — редкий дар.

Фай Родис положила руку на обнаженное плечо Янтре Яхах, и та отшатнулась, замолчав.

— Простите меня, — слегка поклонилась Родис. Она размотала тюрбан и мгновенно оделась.

— Но вы обещали мужу какие-то танцы?

— Да, и это придется выполнить. Я не думаю, что это может быть вам неприятно. Однако отношения с владыкой планеты — особое дело, касающееся контакта наших миров.

— И я тут ни при чем? — снова вспыхнула тормансианка.

— Да! — подтвердила Фай Родис, и Янтре Яхах скрылась, немая от ярости.

Фай Родис постояла в раздумье и медленно пошла через зал. Сильная усталость притупила ее всегдашнюю остроту чувств. Она пересекла второй, желтый с коричневым, зал и только вступила в последнюю, слабо освещенную галерею, соединявшую покой владыки с отведенной землянам частью дворца, как почувствовала чей-то взгляд. Родис мгновенно собралась в психическом усилии, называвшемся приемом отражения злонамеренности. Сдавленный звук, походивший на вскрик удивления и недоумения, послышался из темноты. Родис, напрягая волю, прошла мимо, а позади нее, низко пригнувшись, бежал человек, направляясь в ту сторону, откуда она пришла.

И тут-то внизу что-то тяжко грохнулось. Вопль СДФ, призывающий Родис, проник во все закоулки дворца. Пробежали стражники. Это был тот самый момент, когда «спасательная» компания провалилась сквозь пол Зала Мрака, или Зала Осуждения, как он официально назывался.

Люди Земли еще не понимали, что охрану дворца и низших начальников нельзя рассматривать как нормальных, пусть недостаточно образованных и воспитанных, но отвечающих за свои поступки людей. Нет, «лиловые» были морально ущербными, психологически сломленными существами, неспособными рассуждать и полностью освободившими себя от ответственности, преданными без остатка воле высших начальников. К такому заключению и пришли звездолетчики, обсудив случившееся после короткого отчета Фай Родис.

— Все мы наделали множество ошибок. — Родис обвела товарищей смеющимися глазами. — Мне ли корить вас, когда мне самой хочется как-то расшевелить, разворотить это чугунное упорство, желание сохранять чудовищные порядки?

— Нас совсем подавили хранилища информации, — сказала Чеди, — старинные храмы и другие брошенные помещения, набитые штабелями книг, бумаг, карт и документов, заплесневевших, иногда полусгнивших. Чтобы разобрать хотя бы одно такое хранилище, нужны сотни усердных работников, а примерное число хранилищ по всей планете — около трехсот тысяч.

— Не лучше дело и с произведениями искусства, — заметил Гэн Атал. — В Домах Музыки, Живописи и Скульптуры выставлено лишь то, что нравится Совету Четырех и их ближайшим приспешникам. Все остальное, старое и новое, свалено в запертых, никем не посещаемых зданиях. Я заглянул в одно. Там груды слежавшихся холстов и беспорядочные пирамиды статуй, покрытых толстым слоем пыли. Сердце сжимается при взгляде на это кладбище колоссального творческого труда, мечтаний, надежд, так «реализованных» человечеством Ян-Ях!

— В общем, все ясно, — сказала Эвиза Танет. — Находясь здесь, мы ничего не увидим, кроме того, что нам захотят показать. В результате мы доставим на Землю чудовищно искаженную картину жизни Торманса, и наша экспедиция принесет слишком малую пользу!

— Что же вы предлагаете? — спросил Вир Норин.

— Отправиться в гущу обычной жизни планеты, — убежденно ответила Эвиза. — На днях мы сможем снять скафандры, и наш металлический облик не будет смущать окружающих.

— Снять скафандры? А оружие убийц? — воскликнул Гэн Атал.

— И все же придется, — спокойно сказала Родис, — иначе нас будут сторониться люди Торманса. А только через них мы получим истинное представление о жизни здесь, ее целях и смысле. Нелепо рассчитывать, что наша семерка раскопает огромные залежи заброшенной информации и сможет разобраться в ней. Нам нужны люди из разных мест, разных общественных уровней и профессий. Профессия здесь очень важна, она у них одна на всю жизнь.

— И несмотря на это, они работают плохо, — заметила Чеди. — Тивиса и Тор осматривали биологические институты планеты и были поражены невероятной запущенностью заповедников и парков: истощенные, умирающие леса и совершенно выродившаяся фауна. Снимайте скорее скафандры, Эвиза!

— Придется потерпеть еще дней шесть.

Звездолетчики стали расходиться по комнатам, чтобы подготовить очередную передачу на «Темное Пламя».

— Вы хотели увидеть Веду Конг? Тогда пойдемте, — вдруг обратилась Родис к Чеди.

Долго безмолвствовавший черный СДФ засеменил из угла к дивану. Фай Родис достала из него «звездочку» памятной машины с еще нетронутой оберткой и развернула фольгу. Гранатово-красный цвет говорил о биографии лирического направления. Несколько манипуляций Родис — и перед высокой, задрапированной голубым стеной возникло женское видение. Стереофильмы ЭВК ничем не уступали современным, и Веда Конг, сквозь ушедшие в прошлое века, вошла и села перед Родис и Чеди в тонко плетенное металлическое кресло того времени.

— Я поставила на пятый луч, — шепотом сказала взволнованная Родис. — То, что я никогда не видела сама, — последнее десятилетие ее жизни. Когда она закончила расшифровку военной истории четвертого периода ЭРМ...

Чеди, устроившаяся в дальнем углу дивана, видела перед собой одновременно Веду Конг и Фай Родис, как бы сидящих друг против друга, женщину Эры Великого Кольца и женщину Эры Встретившихся Рук... Каждая школьница Земли знала Веду Конг, исследовательницу страшных подземелий ЭРМ, героиню древних сказок, возлюбленную двух знаменитых людей своего времени — Эрг Ноора и Дар Ветра, приятельницу легендарного Рен Боза. Чеди сравнивала знакомый образ с живой продолжательницей ее дела. Фай Родис не пришлось пробиваться сквозь толщи камня и опасности оградительных устройств. В бездне космоса на расстоянии, невообразимом даже для людей эпохи Веды Конг, она нашла целую планету, как бы уцелевшую от тех критических времен земного человечества. Чеди с детским восхищением рассматривала тонкое лицо Веды, нежное, с ласковыми серыми глазами, с мечтательной улыбкой. Голова чуть склонилась под тяжестью огромных кос. Годы не отразились на девичьей стройности ее фигуры, но Чеди, по сравнению с фильмами молодых лет Веды, показалось, будто скрытая печаль пронизывала все ее существо.

Великое многообразие человеческого облика на Земле, особенно в Эру Общего Труда, когда стали сливаться самые различные расы и народности, превосходило всякое воображение. Всевозможные оттенки волос, глаз, цвета кожи и особенности телосложения сочетались в потомках кхмеро-эвенко-индийцев, испано-русско-японцев, англо-полинезо-зулусо-норвежцев, баско-итало-арабо-индонезийцев и т. д. Перечисление этих бесчисленных комбинаций занимало целые катушки родословных. Широта выбора генетических сочетаний обеспечивала бесконечность жизни без вырождения, то есть беспредельное восхождение человечества. Счастье Земли заключалось в том, что человечество возникло из различных отдаленных групп и

создало на историческом пути множество обособлений, культурных и физических. К Эре Великого Кольца тип человека Земли стал более совершенным, заменив многоликие типы Эры Общего Труда. До конца этой Эры люди разделялись на две главные категории: неандерталоидную — крепкую, с массивными костями грубоватого сложения, и кроманьоидную — с более тонким скелетом, высоким ростом, более хрупкую психически и тонкую в чувствах. Дело генетиков было взять от каждой лучшее, слив их в одно, что и сделали на протяжении ЭВК. А к ЭВР чистота облика стала еще лучше выражена, как это видела Чеди, сравнивая аскетическую твердость как бы вырезанного из камня лица Фай Родис с мягким обликом Веды Конг.

Фай Родис отражала еще одну ступень повышения энергии и универсальности человека, сознательно вырабатываемой в обществе, избегающем гибельной специализации. Фай Родис во всем казалась плотнее, тверже женщины ЭВК — и очертаниями сильного тела с крепким скелетом, и посадкой головы на высокой, но не тонкой шее, и непреклонным взглядом глаз, расставленных шире, чем у Веды, и соответственно большей шириной лба и подбородка.

Помимо этих внешне архаичных черт большей психофизической силы и крепости тела, Родис и внутренне отличалась от Веды Конг. Если к Веде любой потянулся бы безоговорочно и доверчиво, то Родис была бы ограждена чертой, для преодоления которой требовались уверенность и усилие. Если Веда вызывала любовь с первого взгляда, то Родис — преклонение и некоторую опаску.

Веда Конг обратилась к невидимой аудитории:

«Две песни военного периода ЭРМ, недавно переведенные Тир Гвистом. Мелодии оставлены без изменения».

Чьи-то руки передали Веде легкий музыкальный инструмент с широким плоским резонатором и струнами, натянутыми на длинный гриф. Пальцы ее извлекли долгие звенящие звуки простой и тоскливой, как падающие слезы, мелодии.

«Молитва о пуле», — сказала Веда, и ее низкий сильный голос наполнил большую комнату дворца.

Обращение к какому-то богу с мольбой о ниспослании гибели в бою, потому что в жизни для человека уже более ничего не оставалось.

— «Смертельную пулю пошли мне навстречу, ведь благодать безмерна твоя», — повторила Чеди. — Как могло общество довести человека, видимо, спокойного и храброго, до молитвы о пуле?

Другая песня показалась еще более невероятной:

Счастлив лишь мертвый! Летят самолеты,
Пушки грохочут и танки идут,
Струи пуль хлещут, живые трепещут,
И горы трупов растут...

Веда Конг пела, склоняясь к рокочущим тоскливо и грозно струнам. Незнакомая горькая черточка искажала ее губы, созданные для открытой улыбки.

«Выйдешь на море — трупы на волнах...»

Едва исчезло изображение, Фай Родис встала и сказала с горечью:

— Веда Конг лучше нас ощущала всю безмерность страдания, перенесенного нашими предками.

— Неужели антигуманизм был так широко распространен в ЭРМ, неужели он определял течение всей жизни? — спросила Чеди.

— К счастью, нет. И все же антигуманизм пронизывал все, даже искусство. Самые большие поэты тех времен позволяли себе стихи вроде этих. — Родис произнесла низко и громко: — «Пули погуще по оробелым, в гущу бегущим грянь, парабеллум!»

— Невозможно! — изумилась Чеди. — Что такое парабеллум?

— Пулевое карманное оружие.

— Так это серьезно? Бить гуще пулями по бегущим, спасающимся от опасности? — Чеди помрачнела.

— Совершенно серьезно.

— Но к чему же это привело?

Вместо ответа Родис открыла стенку СДФ и вынула продолговатый ромбический футляр кристалло-волнового органа. Подняв его на разведенных пальцах левой руки, она несколько раз провела над ним ладонью правой. Зазвучала музыка, могучая и недобрая, катившаяся валом, в котором тонули и захлебывались диссонансные аккорды растянутых звуков. Но эти приглушенные жалобы крепли, сливались и скручивались в вихрь проклятья и насмешки.

Чеди невольно сжалась.

Звуки с визгом, то понижаясь, то повышаясь, расплывались в приглушенном рычании. В этот хаос ломающейся, скачущей мелодии вступил голос Фай Родис:

Земля, оставь шутить со мною,
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, — звездою,
Огнем пронизанной насквозь!

Оглушительный свист и вой, будто вспышка атомного пламени, взвились следом, и музыка оборвалась.

— Что это было? Откуда? — задыхаясь, спросила Чеди.

— «Прощание с планетой скорби и гнева», пятый период ЭРМ. Стихи более древние, и я подозреваю, что поэт некогда вложил в них иной, лирический, смысл. Желание полного уничтожения неудавшейся жизни на планете, охватившее его потомков, реализовалось, в частности, в бегстве предков тормансиан.

— И несмотря на все это, наша Земля возродилась светлой и чистой.

— Да, но не все человечество. Здесь, на Тормансе, все повторяется.

Чеди прильнула к Фай Родис, словно дочь, ищущая поддержки матери.

Глава седьмая
ГЛАЗА ЗЕМЛИ

«Темное Пламя» стоял как дикий утес на сухой и пустынной приморской степи. Ветер уже навеял ребристый слой тонкого песка и пыли на площадку спекшейся вокруг звездолета почвы. Ничей живой след не пересекал гребешков ряби. Иногда сквозь звукопроницаемые воздушные фильтры до землян доносились похожие на выкрики разговоры патрулировавших кругом охранников и громкий шум моторов транспортных машин.

Звездолетчики понимали, что охрана стоит здесь для того, чтобы воспрепятствовать контакту с тормансианами, а вовсе не для защиты гостей от мифических злоумышленников. Попытка нападения на «Темное Пламя» однажды ночью была актом государства. Она не застала звездолетчиков врасплох, а аппараты ночной съемки зафиксировали подробности «боя». Боя, собственно, не произошло. «Лиловые», внезапно обстрелявшие галерею и ринувшиеся в ее наземное устройство, были отброшены защитным полем и ранены собственными выстрелами. По недостатку опыта Нея Холли перестаралась, включив поле внезапно и на большую мощность. С тех пор никто не приближался к «Темному Пламени». Впервые попавшему сюда человеку могло показаться, что звездолет покинут в давние времена.

Экипаж ожидал полной акклиматизации, когда можно будет устроить открытую галерею и, сберегая запас воздуха Земли, распахнуть люки корабля. Див Симбел и Олла Дез мечтали совершить экскурсию в море, а Гриф Рифт и Соль Саин прежде

всего думали об установлении контакта с населением Торманса. С трудом они начали разбираться в жизни планеты, близкой по людям, чужой по истории, социальному устройству, быту и неизвестным целям. Терпеливое выжидание стало одним из основных качеств воспитанного землянина, и здесь оно переносилось бы легче, если бы не постоянная тревога за семерых товарищей, погрузившихся в поток жизни чужой планеты и предоставленных воле неизвестных ее законов. В любую минуту они должны быть готовы помочь товарищам.

Все каналы связи сводились к двум — сегменту 46 в хвостовом полушарии и двойному каналу, направленному на город Средоточия Мудрости. Они поднимались над планетой до отражательного заатмосферного слоя и оттуда каскадом падали вниз, накрывая воронкой широкую площадь. Излучатели главного канала походили на глаза в куполе «Темного Пламени», днем отливающие стеклянной синевой, а ночью горевшие желтым огнем. Эти бдительные глаза вселяли в тормансиан страх. В недрах корабля, внутри сфероида пилотской кабины, сидел неотлучный дежурный, следя за семью зелеными огоньками на верхней полосе наклонной доски пульта. Ночью обычно дежурили мужчины из-за древней привычки этого пола к ночному бдению, сохранившейся от тех незапамятных времен, когда с наступавшей темнотой около жилья или стоянки человека бродили опасные хищники.

Неделя шла за неделей, и регулярные свидания с товарищами по ТВФ смягчали остроту разлуки и опасений. Див Симбел даже предложил переключить оптические индикаторы на звуковую тревогу и отказаться от дежурства около пульта. Гриф Рифт отверг мнимое усовершенствование.

— Мы не имеем права лишать товарищей наших заботливых мыслей. Благодаря им они чувствуют поддержку и связь с этим кусочком земного мира, — командир звездолета обвел корабль широким гордым жестом. — Там, на Земле, каждый из нас находился в психическом поле доброй внимательности и заботы. Здесь все время чувствуется чужое, разбросанное и недоброе. Мы никогда еще не были так одиноки, а душевное одиночество еще хуже, чем отрешенность от привычного мира. Очень тягостно при тяжелых испытаниях.

В один из вечеров Гриф Рифт сидел перед пультом персональных сигналов, поставив локти на полированную доску и подперев кулаками тяжелую голову.

Позади него медлительно и бесшумно возник Соль Саин.

— Что вы бродите, Соль? — не поворачиваясь, спросил Рифт. — Неспокойно на душе?

— Я как бегун, весь выложившийся в рывок и остановленный задолго перед финишем. Трудно переносить вынужденное безделье.

— Вы взяли на себя упаковку получаемой информации?

— Пустяковая работа. Нам так мало удается добыть чего-нибудь стоящего.

— Беда в том, что тормансиане не сотрудничают с нами, иногда просто мешают.

— Подождите еще немного. Мы завяжем связь с людьми, а не с учреждениями власти.

— Скорей бы! Так хочется сделать хорошее для них. И успеть побольше. А сейчас хоть начинай курить какой-нибудь легкий наркотик.

— Что вы говорите, Соль!

Инженер Соль Саин поднял голову, и зеленые огоньки придали нездоровый оттенок его сухому лицу, туго обтянутому гладкой кожей.

— Может быть, это неизбежно в наших условиях?

— Что вы имеете в виду, Соль?

— Бессилие. Нельзя пробить самую прочную из всех стен — стену психологическую, которой окружили нас...

— Но почему нельзя? Я бы на вашем месте использовал свои знания и талант конструктора, чтобы подготовить наиболее важные инструменты для жителей Торманса. Они им очень нужны.

— И что, по-вашему, всего важнее?

— Индикатор враждебности и оружие. И то и другое, миниатюризованное до предела, размером с пуговицу, в виде маленькой пряжки или женской серьги.

— И оружие?

— Да! От бомбочек УБТ до лучевых пронизывателей.

— УБТ? Вы можете думать об этом и находить аморальным мое мимолетное желание закурить? Сколько жизней унес УБТ две тысячи лет назад у нас да и на других планетах!

— А сколько спас, сокрушив орды убийц?

— Я не могу признать вашу правоту. Это было необходимо в древние времена, и мы знаем об этом лишь из книг. Я не могу... — Соль Саин умолк, видя, как внезапно выпрямился командир.

Левый верхний зеленый глазок померк, мигнул раза два и снова засиял ровным светом. Сосредоточенное лицо Гриф Рифта ожило, большие, инстинктивно сжавшиеся кулаки разжались. Соль Саин облегченно вздохнул. Оба долго молчали.

— Вы очень любите ее, Рифт? — Соль Саин коснулся руки Гриф Рифта. — Я спросил не из любопытства, — твердо сказал он, — ведь я тоже...

— Кого? — отрывисто спросил Рифт.

— Чеди! — ответил Соль Саин, уловив тень удивления, мелькнувшую во взгляде командира, и добавил: — Да, маленькая Чеди, а вовсе не великолепная Эвиза!

Рифт смотрел на левый верхний огонек, осторожно касаясь пальцами внешнего ряда кнопок на пульте, будто поддаваясь искушению вызвать на связь столицу Торманса.

— Обреченность Родис отгораживает ее от меня, а за моей спиной тоже тень смерти. — Рифт встал, прошелся несколько раз по кабине и приблизился к Соль Саину с едва приметным смущением.

— Есть древняя песенка: «Я не знаю, что ждет в темноте впереди, и назад оглянуться боюсь!»

— И вы, упрекая меня в слабости, делаете такое признание?

— Да, потому что упрекаю себя тоже. И прощаю тоже.

— Но если они посмеют...

— Я сказал ей, что разрою всю планету на километр глубины, чтобы найти ее.

— И она запретила?

— Конечно! «Рифт, разве вы сможете это сделать с людьми?» — командир старался передать интонации Фай Родис, укоряющие, печальные. — «Вы не предпримете даже малых действий насилия...»

— А прямое нападение на «Темное Пламя»? — спросил Соль.

— Другое дело. Третий закон Ньютона они уже постигли на опыте. И жаль, что в этом обществе он не осуществляется при индивидуальном насилии. Вся их жизнь была бы куда счастливее и проще...

— Так вот зачем оружие!

— Именно!

— Но если его получают все?

— Ничего. Каждый будет знать, что рискует головой, и двадцать раз подумает, прежде чем затевать насилие. А если подумает, то вряд ли совершит.

Верхний левый глазок угас на мгновение, вспыхнул и мигнул несколько раз.

Облегченно улыбаясь, Рифт кинулся к пульту, включил систему краевых частот. Малый экран вспомогательного ТВФ послушно засветился, ожидая импульса. Гриф Рифт перекрыл обратную связь и обратился к Соль Саину:

— Меня встревожило, мне показалось... Но я вспомнил про уговор с Фай Родис. Когда ей захочется посоветоваться, она подаст сигнал в часы моего дежурства.

Соль Саин пошел к выходу.

— Оставайтесь! Я не жду секретов, тех вечных и милых секретов, единственных, что уцелели еще на нашей Земле, — с грустью сказал Рифт.

Соль Саин стоял в нерешительности.

— Может быть, с ней будет Чеди, — обронил Рифт.

Инженер-вычислитель вернулся в кресло.

Ждать пришлось недолго. Экран вспыхнул фиолетовым оттенком газосветных ламп планеты Ян-Ях. В фокусе был небольшой квадратный сад на уступе обращенной к горам части дворца. Гриф Рифт знал, что этот сад отведен для земных гостей, и не удивился, увидев Фай Родис в одном скафандре. С ней рядом шел тормансианин с густой черной бородой — по описанию Рифт узнал инженера Таэля. Соль Саин слегка подтолкнул командира, показывая на СДФ, стоящие в двух диагональных углах сада. «Экранировано для разговора наедине, — догадался Рифт, — но тогда зачем я?» Ответ на этот вопрос пришел не сразу. Фай Родис не смотрела в сторону звездолета и вообще вела себя так, как если бы не подозревала о включенном ею передатчике СДФ.

Она шла с опущенной головой, задумчиво слушая инженера. Мало практиковавшиеся в разговоре Ян-Ях, звездолетчики понимали его речь лишь отчасти. Шелестела на ветру высокая трава, метались диковатые, развернутые веером кусты, и тяжелые диски темно-красных цветов клонились на упругих стеблях. Маленький сад был полон беспокойства хрупкой жизни, особенно чувствовавшейся из недоступной даже космическим силам пилотской кабины корабля.

Сад окружало кольцо тьмы. На Тормансе ночное освещение сосредоточивалось в больших городах, важных транспортных узлах и на заводах. На всем остальном пространстве планеты темнота господствовала половину суток. Небольшой и удаленный спутник Торманса едва рассеивал мрак. Редкие звезды со стороны галактического полюса подчеркивали черноту неба. В направлении центра Галактики слабо светилось слитное пятно звездной пыли, тоскливо угасавшее в космической бездне.

Фай Родис рассказывала тормансианину о Великом Кольце, которое помогало земному человечеству уже около полутора тысяч лет, поддерживая веру в могущество разума и радость жизни, раскрывая необъятность космоса, избавляя от слепых поисков и тупиков на пути. А теперь то, что раньше проходило

зримо, но бесплотно на экранах внешних станций Земли, стало близким — с раскрытием тайны спирального пространства и звездолетами Прямого Луча.

— Наступила Эра Встретившихся Рук, и вот мы здесь, — закончила Родис. — Если бы не Великое Кольцо, могли бы пройти миллионы лет, прежде чем мы нашли бы друг друга, две планеты, населенные людьми Земли.

— Людьми Земли! — вскричал пораженный инженер.

— Разве вы не знаете? — нахмурилась Родис. Считая Таэля приближенным Совета Четырех, она думала, что ему известна тайна трех звездолетов и подземелья во дворце. Инженер Хонтээло Толло Фраэль оказался первым из трехименных тормансиан, узнавших тайну Совета.

Таэль беззвучно шевелил губами, силясь что-то сказать.

Родис приложила ладони к его вискам, и он облегченно вздохнул.

— *Я нарушила обещание, данное вашему владыке, но я не* могла догадаться, что заведующий информацией всей планеты не знает подлинной ее истории.

— Вы, я вижу, не понимаете до конца, какая пропасть отделяет нас, обычных людей, от тех, кто наверху и кто им прислуживает.

— Такая же, как между «джи» — долгоживущими и «кжи» — короткоживущими, теми, кто не получает образования и обязан быстро умереть?

— Больше. «Кжи» могут пополнить знания самостоятельно и сравняться с нами в понимании мира, а мы без чрезвычайных обстоятельств никогда ничего не узнаем, помимо того, что нам разрешено свыше.

— И вы не знаете, что передачи Великого Кольца иногда ловят здесь, на планете Ян-Ях?

— Не может быть!

Фай Родис слегка улыбнулась, вспомнив посещение библиотеки в *Институте Общественного Устройства.*

Польщенный интересом землян, начальник-«змееносец» провел их через огромный зал с обилием колонн, выступов, резного камня и позолоченного дерева, покрытого барельефами. Змеи, похожие на цветы, или цветы — на змей, — этот назойливый мотив повторялся на ступенчатых выступах верхней части стен, решетках хоров, капителях и подножиях колонн. Узкие окна прорезали массивы книжных шкафов, создавая на каменном полу перекрест веерных теней, а прозрачные купола потолка освещали высоко расположенные скульптуры животных, раковин и людей в искаженных безумием или яростью

масках. По центральной оси длинного зала на причудливых медных подставках стояли небесные глобусы, отгороженные друг от друга столами с цветными картами. Одного взгляда на них было достаточно землянам. Изображения других миров в таких подробностях и приближении не могли дать никакие телескопы. Следовательно, тормансиане изредка ловили передачи Великого Кольца.

Бедняга инженер продолжал смотреть на Родис удивленными глазами.

«Взгляд идеалиста», — подумала Родис, сравнив его с бегающими глазами «змееносцев» или жестким, пристальным взором лиловых охранников. Она сделала условный знак.

Гриф Рифт включил обратную связь.

— Познакомьтесь с вашими собратьями в звездолете, Таэль, — сказала Родис, показывая на стереоизображения Рифта и Саина, — только говорите медленно. У них недостаточно практики в языке Ян-Ях.

Звездолетчикам понравился нервный тормансианин, не таивший никаких злых мыслей.

Фай Родис медленно пошла вдоль цветочной куртины, предоставив Таэлю самому говорить с ее друзьями.

— Вы можете заполнить пропасть нашего незнания? Можете показать нам и Землю, и планеты других звезд, и наивысшие достижения их цивилизации? — возбужденно спрашивал инженер.

— Все, что мы изучили сами! — заверил его Рифт. — Но во вселенной известно так много явлений, перед которыми мы стоим, как дети, еще не умеющие читать.

— Нам хотя бы десятую часть ваших знаний, — улыбнулся инженер Таэль, — я говорю — нам. Есть много людей на планете Ян-Ях, куда более заслуживающих знакомства с вами, чем я! Как сделать это? Сюда, в этот дворец, им нет входа.

— Можно демонстрировать фильмы и говорить хоть с тысячей человек около звездолета, — сказал Гриф Рифт.

— И обеспечить их защиту, — добавил Соль Саин.

Они стали обсуждать проект. Родис не принимала участия. Гриф Рифт поглядывал на ее черную фигуру, стоявшую поодаль около какой-то странно искривленной скульптуры на развилке двух садовых дорожек.

— Самая главная трудность, как всегда, не в технике, а в людях, — подвел итог Гриф Рифт. — Оказывается, вы не умеете различить психическую структуру человека по его внешнему виду.

— Вы предвидели это, говоря об индикаторе враждебности, — напомнил Соль Саин.

— Пока его нет, что толку в моем предвидении!

Подошла Фай Родис и сказала:

— Пока мы не придумали психоиндикатора, придется нам взять на себя его роль. Эвиза, Вир и я, как более тренированные психически, будем отбирать знакомых и друзей Таэля. Так соберется начальная аудитория.

Когда в кабине звездолета исчезло изображение сада, Соль Саин сказал:

— Все это напоминает легенду об Иоланте, только наоборот.

— Наоборот? — не понял Рифт.

— Помните легенду о слепой девушке, не понимавшей, что она слепая, пока не явился к ней рыцарь? И тут есть все: и запретный сад, и ослепленный невежеством мужчина, и рыцарь из широкого мира, только в женском обличье. И даже в броне...

Гриф Рифт скупо улыбнулся, тихо постукивая пальцами по пульту.

— Всегда один и тот же вопрос: дает ли счастье знание или лучше полное невежество, но согласие с природой, нехитрая жизнь, простые песни?

— Рифт, где вы видели простую жизнь? Она проста лишь в сказках. Для мыслящего человека извечно единственным выходом было познание необходимости и победа над ней, разрушение инферно. Другой путь мог быть только через истребление мысли, избиение разумных до полного превращения человека в скота. Выбор: или вниз — в рабство, или вверх — в неустанный труд творчества и познания.

— Вы правы, Соль. Но как помочь им?

— Знанием. Только знающие могут выбирать свои пути. Только они могут построить охранительные системы общества, позволяющие избежать деспотизма и обмана. Результат невежества перед нами. Мы на разграбленной планете, где социальная структура позволяет получить образование лишь двадцатой части людей, а остальные восхваляют прелесть ранней смерти. Но довольно слов, я скроюсь на несколько дней и подумаю над индикатором. Передайте упаковку информации Менте Кор.

Соль Саин вышел. Длинная ночь Торманса тянулась медленно. Гриф Рифт думал: не было ли в намерении помочь жителям Торманса того запретного и преступного вмешательства в чужую жизнь, когда не понимающие ее законов представители высшей цивилизации наносили ужасающий вред процессу нормального исторического развития? Человечества некоторых планет отразили эти вмешательства в легендах о посланцах Сатаны, духах тьмы и зла.

Рифт стал ходить по кабине, обеспокоенно поглядывая на семь зеленых огней, как бы спрашивая ответа. Он хотел посоветоваться с Фай Родис, но не успел. Она сама познакомила их с тормансианином низшего разряда. Она выбрала удачный момент разговора, из которого землянам сразу стал ясен преступный разрыв информации.

Нет, неоспоримо право каждого человека на знание и красоту. Они не нарушат исторического развития, если соединят разорванные путеводные нити! Наоборот, они исправят злонамеренно приостановленное течение исторического процесса, вернут его к нормальному пути. Велико счастье спасти одного человека, какова же будет радость, если удастся помочь целой планете!

И в абсолютном безмолвии ночного корабля его командиру почудился голос Фай Родис, твердо и ясно сказавший ему: «Да, милый Рифт, да!»

В легких аварийных скафандрах Нея Холли, Олла Дез, Гриф Рифт и Див Симбел стояли на куполе звездолета. Высоко над ними белый баллон, слабо журча турбинкой, удерживавшей его против ветра, сверкал зеркалами электронного перископа. Перед Див Симбелом раскрылась во всех подробностях окружавшая звездолет местность. Пилот поднял руку, и Гриф Рифт повернул широко расставленные объективы дальномера-стереотелескопа в направлении, обозначившемся на лимбе. Все земляне, поочередно приникая к окошечку дальномера, согласились с выбором инженера-пилота.

Среди бесплодных обрывов коричневой земли, врезанных в гряду желтых прибрежных холмов, находилась циркообразная ложбина, резко ограниченная выступами опрокинутых слоев песчаника. Обращенная к звездолету сторона приморской гряды подрезалась крутым обрывом, защищавшим ложбину от ветра. На мористой стороне холмов к самой воде спускалась густая заросль кустарника.

— Место идеально! — сказал довольный Симбел. — Ограждаем защитными полями оба долготных края ложбины и еще со стороны хвосто-полярной вплоть до моря. Зрители будут приплывать ночью, выходить в кустах и переваливать в долину.

— А маяк? — спросил Гриф Рифт.

— Не нужен, — ответила Олла Дез. — Для защитного поля придется ставить башенку, она же будет служить и передатчиком ТВФ в километре от «Темного Пламени». Поднимем мачту со щелевым ультрафиолетовым излучателем, а их пусть снабдят люминесцентными гониометрами.

Наблюдавшие за звездолетом охранники увидели, как спустился белый баллон и чудовище, явившееся из неведомых

глубин космоса, заревело. Два протяжных гудка означали вызов представителя охраны.

Явившийся офицер понял, что стоявшие на куполе землянe намерены что-то делать в стороне от корабля. В этой изрытой оврагами местности не было ни души, и офицер подал разрешающий сигнал. Волны пыли и дыма побежали от звездолета, превращаясь в отвесную стену, закрывшую от наблюдения приморские холмы. Когда дым рассеялся, тормансиане увидели прямую дорогу, пробитую через кусты и овраги и кончавшуюся на возвышенной плоскости, где росли редкие деревья с колючими, обвислыми ветвями. Офицер охраны решил сообщить начальникам о неожиданной активности землян. Не успел он связаться по радиотелефону с Управлением Глаз Совета, как из недр «Темного Пламени» выползло сооружение, подобное низкому, вертикально поставленному цилиндру, и, величественно переваливаясь, отправилось по только что проложенной дороге. Через несколько минут цилиндр достиг конечной точки и завертелся там, выравнивая каменистую почву. Он вращался все быстрее и вдруг стал расти вверх, выдвигая оборот за оборотом спирально скрученную толстую полосу белого металла. Пока офицер охраны докладывал, среди деревьев уже поднялась сверкающая башенка, похожая на растянутую пружину и увенчанная тонким шестом с кубиком на верхушке.

Из звездолета никто не выходил, башенка стояла неподвижно. Все стихло над сухим и знойным побережьем. И тормансиане решили ничего не предпринимать.

В тот же вечер «Темное Пламя» передал Фай Родис карту местности и план импровизированного театра. Родис предупредила, что владыка Торманса напомнил ей о «состязании» в танцах. Олла Дез обещала за сутки приготовить свое выступление.

Даже Соль Саин вышел из своего уединения, когда включили большой стереоэкран звездолета.

Во дворце Цоам четыре СДФ дали развернутое изображение просторной круглой комнаты корабля и — обратной связью — весь Жемчужный зал дворца.

Знаменитая танцовщица Гаэ Од Тимфифт выступила со своим партнером, плечистым, невысоким, с мужественным и сосредоточенным лицом. Они исполнили очень сложный, в резких поворотах и кружениях акробатический танец, отражавший взаимную борьбу мужчины и женщины. Танцовщица была в короткой одежде из едва соединенных нитями узких красных лент. Тяжелые браслеты оковами стягивали левую руку. Высоко на шее сверкало ожерелье, похожее на ошейник.

Женщина падала, цепляясь за партнера, и простиралась на полу перед ним. В позе красивой и бессильной она лежала на боку, струной вытянув руку и ногу и подняв умоляющий взгляд. Покорно отдавая партнеру другую руку, она подгибала колено, готовая подняться по его желанию, — открытое олицетворение власти мужчины, ничтожества и в то же время опасной силы женщины.

Искусство и красота исполнителей, безупречная легкость и чеканность труднейших поз, страстный, чувственный призыв танцовщицы, чье тело было чуть прикрыто расходящимися лентами, произвели впечатление даже на владык Торманса. Чойо Чагас, посадивший Фай Родис рядом с собой, не обращая внимания на угрюмость Янтре Яхах, наклонился к гостье, снисходительно улыбаясь:

— Обитатели планеты Ян-Ях красивы и владеют искусством выражать тонкие ощущения.

— Безусловно! — согласилась Родис. — Нам это тем более интересно, что на Земле отсутствуют мужчины-танцовщики.

— Что? Вы не танцуете вдвоем?

— Танцуем, и много! Я говорю о специальных сольных выступлениях больших артистов. Только женщины способны передать своим телом все волнения, томления и желания, обуревающие человека в его поисках прекрасного. Отошли в прошлое все драмы соперничества, уязвленного самолюбия, порабощения женщины.

— Но тогда что же можно выразить в танце?

— У нас танец превращается в чародейство, зыбкое, тайное, ускользающее и ощутимо реальное.

Чойо Чагас пожал плечами.

— Фай зря старается, подбирая понятия, лишь отдаленно соответствующие нашим, — шепнула Мента Кор, сидевшая позади Див Симбела.

— Наверное, Олла не получит признания, — сказала Нея Холли, — после того как тут женщину крутили, гнули, чуть не избивали.

Заструилась мелодия. Как бегущая река с ее всплесками и водоворотами. Потом замерла, вдруг внезапно сменившись другой, печальной и замедленной, низкие звуки словно всплывали из зеркально тихой, прозрачной глубины.

Отвечая ей, в глубине импровизированной сцены, разделенной на две половины — черную и белую, — появилась нагая Олла Дез. Легкий шум послышался из зала дворца Цоам, заглушенный высокими и резкими аккордами, которым золотистое тело Оллы отвечало в непрерывном токе движения.

Менялась мелодия, становясь почти грозной, и танцовщица оказывалась на черной половине сцены, а затем продолжала танец на фоне серебристой белой ткани. Поразительная гармоничность, полное, немыслимо высокое соответствие танца и музыки, ритма и игры света и тени захватывало, словно вело на край пропасти, где должен оборваться невозможно прекрасный сон.

Увлеченные поэзией невиданного танца, жители Торманса то похлопывали по ручкам кресел, то недоуменно пожимали плечами, иногда даже переговаривались шепотом.

Медленно угасал свет. Олла Дез растворилась в черной половине сцены.

— Другого я и не ожидала! — воскликнула Янтре Яхах, и собравшиеся зашумели, поддакивая.

Чойо Чагас метнул на жену недовольный взгляд, откинулся на спинку кресла и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Есть нечто нечеловеческое, недопустимое в такой открытости и силе чувств. И опасное — оттого, что эта женщина столь непозволительно хороша.

Фай Родис видела, как вспыхнули щеки сидевшей рядом Чеди. Девушка посмотрела на нее с мольбой, почти приказывая: «Сделайте же что-нибудь!»

«Тупость никогда не должна торжествовать — последствия неизменно бывают плохими», — мелькнула в голове Родис фраза из какого-то учебника. Она решительно встала, поманив к себе Эвизу Танет.

— Теперь мы станцуем, — спокойно объявила она, как нечто входившее в программу.

Чеди обрадованно всплеснула руками.

— С меня достаточно! — едко сказала Янтре Яхах, покидая зал.

За ней покорно поднялись еще пять приглашенных во дворец тормансианок. Но Чойо Чагас лишь удобнее устроился в кресле, и мужчины сочли долгом остаться. Впрочем, земляне, смотревшие из звездолета, увидели, что женщины Торманса во главе с женой владыки притаились за серебристо-серыми драпировками.

Фай Родис и Эвиза Танет исчезли на несколько минут и потом явились в одних скафандрах, каждая неся на ладони прикрепленный к ней восьмигранный кристалл со звукозаписью. Две женщины: одна — цвета воронова крыла, другая — серебристо-зеленая, как ивовый лист, стали рядом, высоко подняв руки с кристаллами. Необычный ритм, резкий, со сменой дробных и затяжных ударов, загрохотал в зале. В такт

ритмическому грохоту танец начался быстрыми пассами простертых вперед, на зрителей, рук и резкими изгибами бедер.

От рук с повернутыми вниз ладонями опускались на тормансиан волны оцепеняющей силы. Повинуясь монотонному напеву, Эвиза и Родис опустили руки, прижав их к бокам и отставив ладони. Медленно и согласованно они начали вращаться, диковато и повелительно глядя из-под насупленных бровей на зрителей. Они крутились, торжествующе поднимая руки. Посыпались удары таинственных инструментов, созвучные чему-то глубоко скрытому в сердцах мужчин Торманса. Эвиза и Фай замерли. Сжатые рты обеих женщин приоткрылись, показав идеальные зубы, их сияющие глаза смеялись победоносно. Они торжественно запели протяжный древний иранский гимн: «Хмельная и влюбленная, луной озарена, в шелках полурастегнутых и с чашею вина... Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ!» Гром инструментов рассыпался дробно и насмешливо, заставив зрителей затаить дыхание. Неподвижные тела из черного и зеленого металла вновь ожили. Не сдвигаясь с места, они отвечали музыке переливами всех поразительно послушных и сильных мышц. Как вода под порывом ветра, оживали внезапно и мимолетно руки и плечи, живот и бедра. Эти короткие вспышки слились в один непрерывный поток, превративший тела Эвизы и Родис в нечто неуловимое и мучительно притягательное. Музыка оборвалась.

— Ха! — воскликнули Эвиза и Фай, разом опуская руки.

К ужасу оцепеневших за портьерами женщин, Чойо Чагас и члены Совета Четырех под влиянием гипнотической музыки наклонились вперед и вывалились из кресел, но тут же вскочили, сделав вид, будто ничего не произошло, и неистово забили ладонями о подлокотники, что означало высшую похвалу.

Родис и Эвиза выбежали.

— Как можно! — укоризненно сказала Олла Дез, внимательно наблюдавшая за диким танцем.

— Нет, это великолепно! Смотрите, тормансиан как шоком поразило! — вскричал Див Симбел.

В самом деле, зрители во дворце Цоам выглядели растерянными, а женщины, вернувшиеся на свои места, вели себя тихо, как пришибленные. Однако, когда появились Фай Родис и Эвиза Танет, их приветствовали гулкими ударами по креслам и одобрительными возгласами.

Родис повернулась к товарищам в звездолете, на пальцах показала, что батареи разрядились, и выключила СДФ. Олла Дез тоже прервала передачу с «Темного Пламени» и сказала:

— Родис иногда ведет себя как школьница третьего цикла.

— Но ведь они на самом деле были великолепны! — запротестовал Гриф Рифт. — Я не сравниваю их с вами. Вы — богиня танца, но только на Земле.

— Безусловно, я побеждена здесь, — согласилась Олла. — Родис и Эвиза умело воспользовались воздействием ритмов на подсознание. Совместное ритмическое пение, верчение в древности считали магией для овладения людьми, так же как военные маршировки и совместную гимнастику у йогов. Тантрические «красные оргии» в буддийских монастырях, мистерии в честь богов любви и плодородия в храмах Эллады, Финикии и Рима, танцы живота в Египте и Северной Африке, «чарующие» пляски Индии, Индонезии и Полинезии в прежние времена оказывали на мужчин не столько эротическое, сколько гипнотическое воздействие. Лишь много позднее психологи разобрались в сочетании зрительных ассоциаций — ведущего чувства человека в его ощущении красоты, прочно спаянного с эротикой, сотнями тысячелетий природной селекции наиболее совершенного. Гибкость и музыкальность женского тела недаром издревле сравнивалась с пляской змей. Будучи историком, Фай Родис отобрала все гипнотическое из древних танцев, и эффект оказался неотразимым, но когда она успела обучить Эвизу?

— Следовательно, нельзя обвинять Родис в легкомыслии и необдуманности действий. Этот танец она, видимо, готовила давно, чтобы показать их родство с нами, — убежденно сказал Гриф Рифт.

Вне стен садов Цоам на втором уступе предгорий рос небольшой лесок, деревья в нем до такой степени были похожи на земные криптомерии, что даже издалека они вызывали у Родис приливы тоски по родной планете. Криптомерии росли вокруг ее школы первого цикла. Первый цикл был самым трудным в детской жизни. После свободы и беспечности нулевого цикла наступала пора строгой ответственности за свои поступки. Маленькая Фай часто убегала в тень криптомериевой рощи, чтобы выплакаться.

И сейчас, оказавшись за пределами дворца, на прогулке с инженером Таэлем, Родис бросилась к дереву и прильнула к его стволу, пытаясь уловить родной запах смолы и коры, нагретой солнцем. Скафандр, выключив свойственное землянам обостренное осязание окружающего кожей всего тела, не дал ей почувствовать живое дерево, а от ствола пахло лишь пылью.

Чувство безвыходности, забытое со времен инфернальных испытаний, стеснило грудь Родис, и она опустила голову, что-

бы Эвиза и Вир не прочитали в ее лице ностальгию. Родное дерево обмануло. Сколько еще предстояло здесь обманов, прежде всего среди людей, совершенно подобных земным и столь отличных душевно!

Инженер Таэль под разными предлогами провел перед землянами около сотни сотоварищей и знакомых. Несмотря на удивительную однородность группы, гости с Земли посоветовали исключить около тридцати человек. Такой высокий отсев вначале ошеломил Таэля. Земляне объяснили, что они отметили не только прямых носителей зла или скрывающих поврежденную, неполноценную психику завистников, но и тех, чьи стремления к знанию и духовной свободе не были сильнее естественных для нетренированного человека недостатков психики.

Спустя восемь дней людей Торманса собралось достаточно, чтобы начинать сеансы. К удивлению землян, это были только «джи» — долгоживущие: техническая интеллигенция, ученые, люди искусства. Фай Родис потребовала, чтобы пригласили и «кжи» — краткоживущую молодежь. Инженер Таэль смутился.

— Они не получают достаточного образования, и мы почти не общаемся с ними. Поэтому я не знаю заслуживающих доверия... А главное, зачем это им?

— Я напрасно потратила время на вас, — сурово сказала Родис, — если вы до сих пор не поняли, что будущее может принадлежать или всем, или никому.

— У них классовое угнетение хуже, чем у нас при феодализме! — воскликнула Чеди. — Отдает рабским строем!

Тормансианин побагровел, губы его задрожали, и он устремил свои фанатические глаза на Родис с такой собачьей преданностью и мольбой, что Чеди стало неловко.

— Действительно, у нас резко разделены заслуживающие образования и необразованные. Но ведь они выбираются по реальным способностям из всей массы рождающихся детей. И они вполне счастливы, эти люди «кжи»!

— Совершенно так же, как и вы, «джи». Вы занимаетесь избранным делом, творите, делаете открытия. Тогда к чему ваши поиски и душевные томления? Нет, я вижу, что мы достигли еще немногого. Это мой промах! Прогулки отменяются, и мы с вами займемся исторической диалектикой.

Испуг, доходящий до отчаяния, не исчезал с лица Таэля.

«Он ждет беспощадной расправы за каждую ошибку, — догадалась Чеди. — Вероятно, здесь это способ обращения с людьми».

Несмотря на все препоны, показ фильмов состоялся через шестнадцать дней.

В жаркой ложбине, где стебли полусухой травы, колеблемые слабым ветром, были единственными признаками жизни, появился близкий, ошеломительно реальный мир Земли.

Гриф Рифт и Олла Дез воспользовались изгибом защитного поля как внутренней поверхностью экрана и, меняя кривизну, создали под обрывом холма большую сцену.

Для обитателей планеты Ян-Ях все было необычайным: плавание — украдкой на низких надувных плотах по темному морю, внезапное появление светящихся знаков на гониометре от невидимого ультрафиолетового маяка, высадка под прибрежными кустами, подъем в гору с ориентиром на размытое светящееся пятнышко какого-то звездного скопления, поиски двух невысоких деревьев, между которыми пролегал вход в запретную теперь для всех других ложбину, необыкновенный рассеянный и мрачный свет, исходивший ниоткуда и озарявший дно котловины с бороздами промоин, между которыми рассаживались взволнованные посетители. Это настолько отличалось от монотонной жизни Ян-Ях, с ее отупляюще однообразной работой и примитивными развлечениями, что создавало непривычную атмосферу нервного подъема.

Внезапно из непроницаемой тьмы защитного поля возникал круглый зал звездолета, где шестеро землян приветствовали гостей на их родном языке. Вначале все пришельцы далекого мира казались тормансианам очень красивыми, но одинаковыми. Мужчины — высокие, с решительными крупными лицами, серьезные до суровости. Женщины — все с чеканно правильными мелкими чертами, идеально прямыми носами, твердыми подбородками, густоволосые и крепкие. Лишь когда глаз привыкал к этим общим особенностям, обитатели Ян-Ях замечали индивидуальное разнообразие землян.

Кто-нибудь из звездолетчиков, чаще всего Олла Дез, коротко пояснял тему стереофильма, и звездолет исчезал.

Перед тормансианами плескалось невероятно прозрачное море с синей водой. Чистые пляжи черного, розового и красного песка манили соединиться с солнцем и морем. Но великолепные берега были почти безлюдны в отличие от заполненных людьми удобных для купаний мест на Тормансе. В разные часы появлялись люди, плавали, ныряли и потом быстро исчезали, разъезжаясь в открытых вагонах маленьких поездов, носившихся вдоль побережья.

Поразила жителей Ян-Ях гигантская Спиральная Дорога: снятое в упор приближение исполинского поезда внушало непривычному человеку первобытный страх.

Тропические сады, раскинувшиеся на необозримых пространствах, и такие же беспредельные поля сказочной пшеницы с колосьями больше кукурузных початков так резко контрастировали с бедными кустарниковыми садами и бобовыми полями Торманса, что Гриф Рифт решил больше не показывать щедрости родной планеты, чтобы не ранить гостей.

Автоматические заводы искусственного мяса, молока, масла, растительного желтка, икры и сахара как будто не имели никакого отношения к полям, садам плодовых деревьев и стадам домашних животных. Плоские прозрачные чаши уловителей радиации для производства белка составляли лишь небольшую часть огромных подземных сооружений, в которых при неизменных температурах и давлениях циркулировали потоки аминокислот. Широкие башни заводов сахара таинственно, приглушенно шумели, будто эхо отдаленной грозы. Это колоссальное количество воздуха всасывалось в их приемники, осаждая лишнюю углекислоту, накопившуюся за тысячи лет неразумного хозяйничания. Наиболее красивыми были снежно-белые колоннады фабрик синтетического желтка, сверкавшие на опушках кедровых лесов. Только увидев технический размах пищевого производства, тормансиане поняли, почему на Земле мало молочного скота — коров и антилоп-канн — и совсем нет убойного, нет птицеферм и рыбных заводов.

— Когда отпала необходимость убивать для еды, тогда человечество совершило последний шаг от необходимости к истинно человеческой свободе. Этого нельзя было сделать до тех пор, пока мы не научились из растительных белков создавать животные. Вместо коров — фабрика искусственного молока и мяса, — пояснял Гриф Рифт.

— Почему же у нас нет этого до сих пор? — обычно спрашивали тормансиане.

— Ваша биология, очевидно, занималась чем-то другим или была ущербной, была потеснена другими науками, менее важными для процветания человека. Положение, известное и в земной истории...

— И вы пришли к заключению, что нельзя достигнуть истинной высоты культуры, убивая животных для еды?

— Да!

— Но ведь животные нужны и для научных опытов.

— Нет! Ищите обходной путь, но не устраивайте пыток. Мир невообразимо сложен, и вы обязательно найдете много других дорог к раскрытию истины.

Врачи и биологи планеты Ян-Ях недоверчиво переглядывались. Но снова и снова возникали перед ними красивые, как

храмы, научные институты, многокилометровые подземные лабиринты памятных машин — хранилищ всепланетной информации. Сбывались слова древнего поэта, желавшего человеку быть «простым, как ветер, неистощимым, как море, и насыщенным памятью, как Земля». Теперь вся планета руками своих мудрых детей насыщалась памятью не только своей жизни, но еще тысячи других населенных миров Великого Кольца.

Многие инженерные сооружения уходили все глубже в земную кору. Вместо истощенных в древние эпохи рудников работали самообогащающиеся гидротермы, связанные с подкóровыми течениями в мантии на участках выделения ювенильных вод. Эти же гидротермальные восходящие токи на поверхности использовались в энергетических и обогревательных установках.

Пожалуй, самым удивительным для тормансиан показалось широчайшее распространение искусств. Практически каждый человек владел каким-либо видом искусства, сменяя его в различные периоды жизни. Легкость пользования информацией совпадала с возможностью видеть любые картины, скульптуры, добыть электронные записи любого музыкального произведения, любой книги. Множество Домов Астрографии, Книги, Музыки, Танца, по существу, представляли собою дворцы, где все желающие в покое и удобстве могли наслаждаться зрелищем космоса, его населенных планет и всего неисчерпаемого богатства человеческого творчества за тысячи лет документированной истории. Поистине невообразимое число произведений искусства было создано за два тысячелетия, прошедшие со времен ЭМВ — Эры Мирового Воссоединения!

Тормансиане видели школы, полные здоровых и веселых детей, великолепные праздники, на которых все казались одинаково молодыми и неутомимыми. Общественное воспитание не удивило жителей Ян-Ях. Куда более поразительным казалось отсутствие всяких стражей или наделенных особой властью людей, отгородившихся от мира в охраняемых дворцах и садах. Ни в одном из тысяч прошедших перед тормансианами лиц ни разу не мелькнуло выражение страха и замкнутой себялюбивой опаски, хотя настороженность и тревога нередко читались на лицах врачей-воспитателей, спортивных инструкторов. Зрителей поражало отсутствие шума, громкой музыки и речи, грохочущих и дымящих машин в городах Земли, удивляли улицы и дороги, похожие на тихие аллеи, где никто не смел потревожить другого человека. Музыка, пение, танцы, веселье, подчас отчаянно озорные игры на земле, на воде и в воздухе происходили в специально предназначенных для этого местах.

Веселые не смешивались с грустными, дети со взрослыми. И еще одна черта земной жизни вызывала недоумение. Личные помещения людей Земли, обставленные просто, производили на жителей Ян-Ях впечатление полупустых, даже бедных.

— Зачем нам что-нибудь еще, кроме самого необходимого, — отвечала на неизбежный вопрос Олла Дез, — если мы в любой момент можем пользоваться всей роскошью общественных помещений?

В самом деле, жители Земли работали, размышляли, отдыхали и веселились в огромных, удобных, окруженных садами зданиях, с красиво обставленными комнатами и залами, — дворцах и храмах искусств или наук. Любители старины восстанавливали суровые дома с толстыми стенами, узкими окнами и громоздкой, массивной мебелью. Другие, наоборот, строили просторные, открытые всем ветрам и солнцу висячие сады, вдававшиеся в море или повисавшие на кружащей голову высоте горных склонов.

— А у нас, — говорили тормансиане, — общественные здания, парки и дворцы переполнены людьми и очень шумны. Из-за множества посетителей их нельзя содержать в нужной чистоте, сохранить тонкость убранства. Поэтому наши личные квартиры похожи на крепости, куда мы укрываемся от внешнего мира, туда же мы прячем все, что нам особенно дорого.

— Трудно сразу понять, чем вызвано различие, — сказала Олла Дез. — Вероятно, вы любите шум, толчею, скопление народа.

— Да нет же, мы ненавидим это, как большинство людей умственного труда. Но неизбежно каждое красивое место, вновь отстроенный Дворец отдыха оказываются набитыми людьми.

— Я, кажется, понял, в чем дело, — сказал Соль Саин. — У вас нет соответствия между количеством населения и ресурсами. В данном случае не хватает общественных помещений для отдыха и развлечений.

— А у вас есть?

— Это первейшая задача Совета Экономики. Только в соответствии числа людей и реальных экономических возможностей основа удобной жизни и стабилизации ресурсов планеты на вечные времена.

— Но как вы достигаете этого? Регулировкой деторождения?

— И этим, и предвидением случайностей, флюктуации успехов и неуспехов, космических циклов. Человек должен все

это знать, иначе какой же он человек? Главная цель всех наук одна — счастье человечества.

— А из чего оно складывается, ваше счастье?

— Из удобной, спокойной и свободной жизни, с одной стороны. А также из строжайшей самодисциплины, вечной неудовлетворенности, стремления украсить жизнь, расширить познание, раздвинуть пределы мира.

— Но это же противоречит одно другому!

— Напротив, это диалектическое единство, и, следовательно, в нем заключено развитие!

Подобного рода беседы сопровождали каждую демонстрацию стереофильмов, а иногда превращались в лекции или взволнованные обсуждения. Тормансиане по складу своей психологии ничем не отличались от землян. Их предыстория прошла совместно. Поэтому и современная земная жизнь, пусть только в общих чертах, становилась для них понятной. И искусство Земли легко воспринималось обитателями Ян-Ях. С наукой дело обстояло хуже. Уж очень далеко ушли земляне в понимании тончайших структур мира.

Еще труднее воспринимались стереофильмы Великого Кольца. Странные существа, иногда похожие на землян, непонятные речи, обычаи, развлечения, постройки, машины. Кажущееся отсутствие обитателей на планетах около центра Галактики, где под километровыми сводами застыли или медленно вращались прозрачные диски, излучавшие голубое сияние. В других мирах встречались звездовидные формы, окаймленные тысячами ослепительных фиолетовых шаров, в отличие от дисков ориентированные вертикально. Тормансиане так и не поняли, что это: машины, конденсировавшие какой-то вид энергии, или психические воплощения мыслящих существ, пожелавших остаться нераспознанными даже для приемников Великого Кольца.

Очень зловещими казались планеты инфракрасных солнц, населенные высшей жизнью и входящие в Кольцо. Записи были сделаны до введения волновых инверторов, изобретенных на планете звезды Бета Чаши, позволявших видеть в любых условиях освещения Вселенной Шакти. Едва различимые контуры гигантских зданий, памятников, аркад таинственно чернели под звездами, и движение множества народа казалось грозным. Непередаваемо прекрасная музыка разносилась во тьме, и невидимое море плескалось с тем же гекзаметрическим шумом, как на Земле и планете Ян-Ях.

Олла Дез показала и некоторые оставшиеся нерасшифрованными записи, доставленные звездолетами Прямого Луча с

галактик Андромеды и М-51 в Гончих Псах. Дико вертевшиеся многоцветные спирали и пульсирующие шаровидные тысячегранники как бы просверливали океан плотной тьмы. Только экипаж «Темного Пламени», прошедший по краю бездны, догадывался, что эти изображения могли означать проникновение в Тамас, недоступный и незримый антимир, облегающий нашу Вселенную.

И все же передачи из далеких и странных миров, несмотря на свою необычайность, мало интересовали тормансиан. Зато их бесконечно волновали стереофильмы о землянах на других планетах, например, недавно заселенной планете Зеленого Солнца в системе Ахернара. Не могли не пленить их воображения великолепные красные люди с Эпсилон Тукана — с этой планетой Земля установила регулярное сообщение.

После того как ЗПЛ стали совершать рейсы на Эпсилон Тукана и обратно — протяженностью в сто восемьдесят парсеков — за семнадцать дней, на Земле, особенно среди молодежи, вспыхнула эпидемия влюбленности в красных людей.

Но оказалось, что браки между землянами и красными туканцами обречены на бесплодие: это принесло немало разочарований. Мощные биологические институты обеих планет сосредоточили свои усилия на преодолении неожиданного препятствия. Никто не сомневался, что трудная задача будет скоро разрешена и слияние двух человечеств, совершенно сходных, но разных по происхождению, станет полным, тем самым бесконечно увеличивая сроки существования человека Земли как вида.

Люди, переселившиеся на планету Зеленого Солнца, прожили там еще немного веков, но от радиации светила приобрели сиреневую кожу и внешне отличались от бронзово-смуглых землян гораздо больше, чем последние от желтых обитателей Ян-Ях. Но весь строй жизни пионеров земного человечества на Ахернаре ничем не разнился от их родины, что давало тормансианам уверенность в их собственном союзе с могущественной Землей. Приветливое и внимательное отношение звездолетчиков к своим гостям укрепляло эту надежду. Пусть земляне казались им холодноватыми и слегка отчужденными, тормансиане понимали далеко разошедшуюся разницу интересов и вкусов. Эти полностью открытые и чистые люди никогда, ни на мгновение не думали о своем превосходстве, и жители Ян-Ях чувствовали себя с ними просто и легко, как с самыми близкими.

Аудитория в пустыне состояла из образованных и умных «джи», которые очень скоро поняли, что союз Земли и Ян-Ях означает прежде всего крах их олигархического строя, разру-

шение системы «джи»—«кжи» и философии ранней смерти. Такая структура не могла вывести планету из ее современного нищенского состояния. В то же время этот строй обеспечивал высочайшие привилегии олигархической верхушке. Хотя сумма преимуществ оказывалась убогой в сравнении с открытой, ясной и здоровой жизнью коммунистического строя Земли, поверить в это и отдать свои привилегии олигархи Ян-Ях, конечно, не могли. Поэтому первое знакомство со стереофильмами Земли вызвало у правящей верхушки чувство враждебности и опасения. Они поняли, что жизнь Земли самим своим существованием оказывалась враждебной строю Торманса, опровергая единственно якобы правильный путь, избранный владыками, и сводя к нулю безудержное восхваление, которым занимались демагоги-пропагандисты Совета Четырех.

Посещение импровизированного театра в пустыне близ звездолета Земли, к которому запрещено было даже приближаться, составляло, с точки зрения владык Ян-Ях, государственное преступление и должно было наказываться. Но тормансиане были готовы на все, лишь бы попасть на передачу стереофильмов «Темного Пламени». Естественно, что земляне находились в постоянной тревоге за своих зрителей. Детектор биотоков для распознавания людей, уже названный Соль Саином ДПА, или диссектором психосущности, еще не удалось довести до рабочей готовности. Еще могли быть ошибки в случае искусной маскировки.

Положение спасла Нея Холли, помогавшая Соль Саину в конструировании ДПА. Она заметила увеличение зубца К в биотоках всех искренне и открыто жаждавших информации тормансиан. Всякое сомнение, недоверие или скрытая сильная эмоция вызывали неизбежно и непременно спад зубцов К.

В проходе между двумя деревьями устроили дополнительное поле, пропускающее только людей с определенным уровнем возбуждения зубцов К и отбрасывающее всех других. Так тормансиане получили дополнительную гарантию безопасности.

За три недели Олла Дез устроила восемнадцать демонстраций для нескольких тысяч обитателей Ян-Ях. В одну из последних демонстраций ученый-тормансианин с титулом «познавшего змея» и невероятным для языка землян именем Чадмо Сонте Тазтот усомнился в возможности общего происхождения человечества обеих планет.

— Человек Ян-Ях плох в самой своей сущности, — заявил ученый. — Она унаследована от предков, убивавших, ревновавших, хитривших и тем обеспечивших себе выживание; оттого все усилия лучших людей разбились о стену душевной ди-

кости, страха и недоверия. Если человечество Земли поднялось на такую высоту, то, очевидно, оно другого происхождения, с более благородными душевными задатками.

Олла Дез подумала, посовещалась с Рифтом и Саином и достала «звездочки» с фильмами о прошлом. Не документальные записи, а скорее экскурсы в разные исторические периоды, восстановленные по архивам, мемуарам и музейным коллекциям.

Пораженные до немоты тормансиане увидели чудовищные бедствия, глухую и скучную жизнь перенаселенных городов, общественные «дискуссии», где слова предостережения и мудрости тонули в реве одураченных толп. Перед великими достижениями науки и искусства, ума и воображения средний человек в те времена остро чувствовал свою неполноценность. Психологические комплексы униженности и неверия в себя порождали агрессивное стремление выделиться любой ценой.

Психологи Земли предсказали неизбежность появления надуманных, нелепых, изломанных форм искусства со всей гаммой переходов — от абстрактных попыток неодаренных людей выразить невыразимое до психопатического дробления образов в изображениях и словопотоках литературных произведений. Человек, в массе своей невоспитанный, недисциплинированный, не знающий путей к самоусовершенствованию, старался уйти от непонятных проблем общества и личной жизни. Отсюда стали неизбежны наркотики, из которых наиболее распространен был алкоголь, грохочущая музыка, пустые, шумные игры и массовые зрелища, нескончаемое приобретение дешевых вещей. Размножение на Земле в эпоху ЭРМ ничем не ограничивалось во имя конкуренции народов, военного преобладания одной нации над другой, в то время как на Тормансе, где уже не было военных конфликтов, деторождение не регулировалось в иных целях — для отбора тех пяти процентов способных к учению людей, без которых остановилась бы машина цивилизации.

Некоторые ученые Земли в отчаянии от назревающей опасности все убыстряющегося уродливого капиталистического развития призывали к тому, чтобы бросить все усилия на технологию искусственной пищи и синтетических товаров, полагая, что все беды происходят от недостатка материальных благ. Они связывали с этим глобальное разорение Земли, напоминая, что человек изначально был охотником и собирателем, а не земледельцем.

«Для наших правнуков, — писал один ученый, — наши теперешние заботы и опасения покажутся скверным сном невежественного ума. Мы должны переоткрыть забытые качества в нас самих и реставрировать до ее истинной красоты нашу Голубую Планету».

Во всяком случае, самые пламенные эскаписты* начали трезветь, когда земляне произвели первые колоссальные затраты на выход в космос, и поняли величайшие трудности внеземных полетов, сложность освоения межзвездных пространств и мертвых планет Солнечной системы. Тогда снова обратились к Земле, сообразив, что она еще долгое время должна служить домом земного человечества, спохватились и успели спасти ее от разрушения.

— Великая Змея! — воскликнул Чадмо Сонте Тазтот. — Это так похоже на нас, но как вы справились с этим?

— Трудным и сложным путем, — ответил Соль Саин, — осилить который мог лишь коллективный разум планеты. Не организованное свыше мнение неосведомленной толпы, а обдумывание сообща и признание правоты на основе понимания и правдивой информации. При великом множестве людей на Земле все это стало возможным лишь после изобретения компьютеров — счетных машин. С помощью этих же машин мы осуществили тщательную сортировку людей. Подлинная борьба за здоровье потомства и чистоту восприятия началась, когда мы поставили учителей и врачей выше всех других профессий на Земле. Ввели диалектическое воспитание. С одной стороны, строго дисциплинированное, коллективное, с другой — мягко индивидуальное. Люди поняли, что нельзя ни на ступеньку спускаться с уже достигнутого уровня воспитания, знания, здоровья, что бы ни случилось. Только вверх, дальше, вперед, ценой даже серьезных материальных ограничений.

— Но ведь на Ян-Ях тоже есть счетные машины, и достаточно давно! Мы называем их «кольцами дракона», — не успокаивался «познавший змея».

— Кажется, я догадался, в чем дело! — воскликнул Соль Саин. — На Земле у нас было великое множество народов, несколько больших культур, разные социальные системы. Во взаимопроникновении или в прямой борьбе они задержали образование монокультуры и мирового государства до тех пор, пока не поднялось общественное сознание и техника не обеспечила общество необходимой для подлинной коммунистической справедливости и коллективности аппаратурой. Кроме того, угроза всеуничтожающей войны заставила государства серьезнее относиться друг к другу в мировой политике, так называлась тогда национальная конкуренция между народами.

* Эскапизм — тенденция к бегству от действительности, от реальной жизни.

— А у нас на планете Ян-Ях, населенной одним, по существу, народом, при монокультуре развитие оказалось однолинейным.

— И вы не успели опомниться, как на всей планете воцарилась олигархическая система государственного капитализма! — воскликнула Мента Кор, и крайнее возбуждение тормансиан показало правильность ее утверждения.

После этой беседы инженер Таэль попросил внеочередного свидания с Фай Родис.

Тем временем Эвиза Танет определила, что выработка антител в организмах звездолетчиков достаточна для иммунитета. Она разрешила снять скафандры. Ликующие земляне тотчас были готовы сбросить надоевшую броню. Фай Родис отозвала в сторону Гэн Атала:

— Тивиса и Тор передали на «Темное Пламя», что они кончили осмотр институтов и заповедников. Теперь они хотят обследовать брошенные города и уцелевшие первобытные леса в зоне Зеркального моря. Власти предупреждают о какой-то опасности, но нам тем не менее необходимо познакомиться с заповедными областями планеты.

— Я понял вас. Втроем опасность не так страшна. Когда мне лететь?

— Завтра. Но Тивиса и Тор решили не снимать скафандров.

— А я сниму.

— Но если двое ваших спутников будут в металле, а вы — нет, то не нарушит ли это целостность группы? Вы будете звеном меньшей прочности...

— Да, придется еще походить металлическим.

Гэн Атал взглянул на Эвизу. Та ответила сочувствующим кивком, но инженер броневой защиты не прочитал в ее топазовых тигриных глазах нужного ответа. Он повернулся к Родис и грустно сказал, что идет готовить свой СДФ.

Родис укоряюще посмотрела на Эвизу, едва Гэн Атал скрылся за дверью. Эвиза рассмеялась, вздернув темнорыжую голову, и Родис пожалела, что Гэн Атал не видит ее в эту минуту.

— Мне так хотелось бы не огорчать его, но что я могу поделать с собой, — сказала Эвиза. — Пойдемте. Я отвыкла от нормального чувства тела, будто выросла в чешуе, как тормансианская змея.

Инженер Хонтээло Толло Фраэль, явившийся к Фай Родис, ждал ее в садике, где впервые узнал тайны своей планеты.

Фай Родис вышла к нему, напевая, легким и упругим шагом, в коротком домашнем платье Земли. Тугой корсаж с низко открытыми плечами и широкая юбочка, стянутая в талии черной лентой и ложащаяся свободными складками. Руки и от-

крытые до половины бедер ноги покрывал ровный красновато-коричневый загар, гармонировавший с бледно-золотым цветом платья. В этом одеянии предводительница землян утратила часть своего величия, сделалась моложе и, на взгляд тормансианина, еще прекраснее. Фай Родис уже привыкла к тому, что пустяковые перемены в облике или поступках производят неоправданно сильное впечатление на жителей Ян-Ях, и поспешила на помощь инженеру.

— Что-нибудь случилось? — спросила она, улыбаясь, и добавила: — Я становлюсь настоящей женщиной Ян-Ях, если так часто думаю об опасности.

— Опасности нет. Но надо посоветоваться, — инженер оглянулся.

Родис нажала кнопку на сигнальном браслете. Послышался мелкий топоток, и в сад явилась послушная девятиножка, сохранившая на своем куполе черно-вороной цвет скафандра своей хозяйки. Родис укрыла себя и инженера защитным полем.

— Я виделся с друзьями. Они заставили меня идти к вам. После просмотра фильмов о вашей... и нашей, — поправился он, — истории все думают только о том, как сделать жизнь похожей на земную. Прежде чем вы уйдете от нас на далекую Землю, вы должны оставить нам оружие.

— Оружие без знания принесет только вред. Не имея ясной, обоснованной и проверенной цели, вы создадите лишь временную анархию, после которой всегда водворяется еще худшая тирания.

— Что же делать?

— По диалектическим законам оборотной стороны железная крепость олигархического режима одновременно очень хрупка. Надо изучить ее узловые крепления, чтобы систематически ударять по ним, и все здание рассыплется, несмотря на кажущуюся монолитность, потому что оно держится лишь на страхе — снизу доверху. Следовательно, вам надо немного людей, мужественных, смелых, умных, чтобы развалить олигархию, и очень много просто хороших людей, чтобы построить настоящее общество.

— И поэтому вы так настаиваете на подготовке народа? — спросил Таэль.

— Диалектический парадокс заключается в том, что для построения коммунистического общества необходимо развитие индивидуальности, но не индивидуализма каждого человека. Пусть будет место для духовных конфликтов, неудовлетворенности, желания улучшить мир. Между «я» и обществом должна оставаться грань. Если она сотрется, то получится толпа, адап-

тированная масса, отстающая от прогресса тем сильнее, чем больше ее адаптация. Помните всегда, что настоящего, по существу, нет, есть только процесс перехода будущего в прошлое. Процесс этот нельзя задерживать, тем более останавливать. А ваша олигархия затормозила развитие общества Ян-Ях на его неизбежном пути к коммунизму, и главным образом потому, что вы помогали ей укреплять свое господство. Ваши ученые не должны становиться убийцами, несмотря на почести, привилегии, подкуп. Помните, что ваша общественная система основана на подавлении и терроре. Всякое усовершенствование этих методов неминуемо обернется против вас самих.

Ведь беда в том, что «кжи» называют вас убийцами, и они правы, хотя разжигание взаимных обид — испытанный прием олигархов.

— Вы не знаете, как глубоко зашло развращение людей, — упрямо сказал Таэль. — Я имею в виду демагогию, будто бы все люди одинаковы, и только стоит их соответственно обработать, воспитать (тоже одинаково), как мы получим единство мышления и способностей. На самом деле получилось обратное: фактическое неравенство породило море персональной зависти, зависть породила комплекс униженности, в котором потерялось классовое сознание, цель и смысл борьбы против системы. «Кжи» против нас, мы против них, а система веками остается неприкосновенной. Всеобщее отравление ненавистью и глубоким непониманием.

— Таэль, вы ли это? Начинаете уставать? А пример Земли? Ведь только серьезные и длительные усилия превратят безвыходные круги инферно в разворачивающуюся бесконечную спираль. Вот мы и пришли к тому, с чего начали.

— Нет, не к тому же. Вы согласились с «кжи» в обвинении нас?

— Да, Таэль. В капиталистической олигархии чем выше тот или иной класс, группа или прослойка стоит на лестнице общественной иерархии, тем больше в ней убийц, прямых и косвенных, потенциальных и реальных. Убийцы бывают разного плана — сознательные и бессознательные. Одни поступают так из прислуживания владыкам, другие от невежества, когда пост решающего значения занимает необразованный, темный человек. «Джи», хотя среди них немало темных и невежественных людей, в большинстве знающие и вообще интеллигентны. Становясь убийцами, они виноваты вдвойне. Виды убийства многообразны. Убивают несоответствием выполняемой работы и условий, в которых она проводится. Отравляют отходами производств и моющими химикатами реки и почвенные воды; не-

совершенными, скороспелыми лекарствами; инсектицидами; фальсифицированной удешевленной пищей. Убивают разрушением природы, без которой не может жить человек, убивают постройками городов и заводов в местах, вредных для жилья, в неподходящем климате; шумом, никем и ничем не ограничиваемым. Плохо оборудованными школами и больницами, наконец, неумелым управлением, порождающим великое множество личных несчастий, а те ведут к огромному спектру нервных болезней. И за все ответственны в первую очередь «джи» — ученые и технологи, ибо кому, как не им, исследовать причины, вызывающие убийственные последствия? А случаи, когда «джи» выступают прямыми убийцами, вооружая охранные силы, предназначенные для истребления инакомыслящих? Когда разрабатывают пытки и психологическое подавление, когда создают орудия массового убийства? По законам Великого Кольца эти деятели подлежат лишению возможности заниматься наукой, вплоть до физического удаления на дикие планеты.

Инженер Таэль неподвижно стоял перед Родис. Знакомое ей выражение растерянного ребенка все сильнее проступало на его лице. Фай Родис почувствовала, что следует поддержать тормансианина и его друзей, дав опору их нетренированной психике.

— Пожалуй, вам нужен один род оружия, необходимый для искоренения слежки, доносов, насилий. Это ИКП — пульсационный ингибитор короткой памяти. На корабле сделают несколько десятков ИКП, но вы не должны пускать их в ход ранее, чем размножите в сотнях тысяч экземпляров.

— Мне непонятно назначение ИКП, — устало сказал Таэль.

— Вы знаете о двух видах памяти? Они управляются в мозгу различными системами молекулярных механизмов. Лишив человека долгой памяти, вы превратите его в идиота. Но, сняв короткую память, все недавно полученные сведения и внушенные психоштампы, вы обезвредите самого опасного врага, не отняв у него возможности вернуться к любой деятельности.

— Хотя бы к прежней?

— Хотя бы. Но ему придется начинать все заново, как и его учителям.

— Но это же великолепно! Если еще это оружие небольшого размера...

— Оно миниатюризовано, чуть больше украшения, какие когда-то носили на пальцах. Прибавьте к нему крохотный диссектор ДПА для распознавания психики человека.

Таэль порывисто схватил руку Фай Родис и, опускаясь на колени, прижался губами к кончикам ее пальцев. Родис вздрогнула, чувствуя, что этот жест архаического поклонения не столь неприятен ей, как она подумала бы раньше.

Глава восьмая
ТРИ СЛОЯ СМЕРТИ

Судно на двух сигарообразных поплавках скользило по морской глади. Длинный залив Экваториального океана недаром носил название Зеркального моря. Расположенное в поясе спокойной атмосферы, ближе к хвостовому полюсу, море почти не знало бурь. Отсутствие впадающих в него крупных рек сохраняло воды первозданно чистыми, темными в глубине и ослепительно сверкающими в красных лучах светила Торманса.

Гэн Атал восхищался игрой красок за кормой, а Тивиса Хенако и Тор Лик любовались необыкновенной чистотой моря.

В трехгранном выступе каюты, у рычагов управления, сидели два тормансианина в лиловой униформе, безотрывно глядя вперед и лишь изредка обмениваясь односложными восклицаниями.

Они держали курс на кручу бочкообразной горы. Ее темно-серая каменная масса была разбита разветвленными жилами красной породы, словно кровавыми артериями.

Левее, под горой, берег был облицован каменными плитами. За набережной виднелись здания, в беспорядке отступавшие от моря. Брошенный город Чендин-Тот стоял близко от заповедной рощи, последней на планете Ян-Ях. Здесь издавна находилась область «приверженцев природы» — людей, не принявших всеобщей урбанизации и переселившихся в зоны с нездоровым климатом. Непомерное увеличение населения планеты заставило застроить и заповедный район. «Приверженцы природы» исчезли, влившись в общую массу городских жителей. Все же незначительный участок первобытного леса уцелел от всепожирающего потребительства шестнадцати миллиардов населения Торманса. Вероятно, это произошло случайно. Катастрофический кризис разразился раньше, чем последняя роща была срублена. Множество городов вымерло, и те, что находились в менее благоприятных климатических зонах, никогда не заселялись вновь.

Берег приближался. Земляне хотели подняться на крышу каюты, заменившую собою мостик, но провожатые энергично

воспротивились. Они говорили очень быстро, с акцентом жителей хвостового полушария — проглатывая согласные. Земляне, привыкшие к четкому произношению государственных радиопередач и медлительной речи чиновников, понимали своих спутников с трудом. Выяснилось, что в Зеркальном море водятся лимаи. Эти всепожирающие чудовища своими длинными щупальцами хватают с открытой палубы все живое и утаскивают в глубину. Количество их неисчислимо.

— Удивительная аналогия с земными морями, — сказала Тивиса. — Когда в Эру Разобщенного Мира истребили кашалотов, размножились большие головоногие, с которыми пришлось вести настоящую войну. Вообще истребление любого вида немедленно нарушало миллионолетнее равновесие природы. В силу избирательной направленности всякого злого дела, которую мы теперь называем Стрелой Аримана, уничтожению подвергались животные и растения — преимущественно красивые, заметные, менее приспособленные к новым условиям жизни. Оставались в основном вредные виды. Иногда они размножались фантастически быстро и буквально заливали волнами своей биомассы огромные пространства. Закон преимущественного выживания вредоносных форм там, где природа неумело коверкалась человеком, постигли на собственном опыте и тормансиане.

— Как жаль, что прекрасное хрустальное море населено такой мерзостью! Я хотела бы искупаться здесь, если бы не скафандр, — грустно закончила Тивиса.

— Ты не замечаешь повсюду на Тормансе одну странную закономерность? — спросил Тор Лик. — Во всех хороших местах, зданиях, даже в людях — скрыто плохое.

— Милый Афи (так на Земле ласково называли астрофизиков), — Тивиса взъерошила волосы Тора, — тебе пора вернуться в звездолет. Ностальгия приходит все чаще...

— Ты права. Я ступил на эту опустошенную планету, как в засохший сад, из которого нет выхода!

— Неужели целая планета так изменена человеком? — спросил Гэн Атал, который на миг представил неистощимую щедрость Земли.

— Ресурсы любой планеты ограниченны, — ответил Тор, — ничего нельзя брать, не отдавая. Возвратить взятое можно путем благоустройства планеты. Иначе, как случалось и у нас на Земле, неизбежно сокрушение устоявшихся форм жизни, истощение накопленных за миллионы веков энергетических ресурсов, что обрекает на нищету и убожество грядущие поколения. А мы сейчас на планете, которую разграбили не только

войны, но и безумное кроличье размножение. В отношении эксплуатации богатств природы они считали только доходы, не думая об убытках также и в человеческих ресурсах.

— Да, мы видели много печального, — согласилась Тивиса, — перебиты все звери, крупные птицы, выловлена рыба, съедобные моллюски и водоросли. Все это пошло в пищу во время катастрофического Века Голода. Погоня за количеством, за дешевизной и массовостью продуктов, без дальновидности, отравила реки, озера и моря. Реки высохли после истребления лесов и сильного испарения водохранилищ электростанций, за ними последовало обмеление и засоление озер. Почти повсюду пресная вода не дешевле пищи. Ее едва хватает на земледелие этой печальной планеты. Для опреснения недостаточно энергии. Значительных полярных шапок здесь нет — следовательно, нет и запасов пресного льда. А животноводство... Вы видели их скот? Биологически это те же козы, когда-то спасшие библейскую цивилизацию, но уничтожившие всю растительность по берегам Средиземного моря.

— Но они-то сами понимают, что наделали? — спросил Гэн Атал. — Вы виделись с учеными в биологических институтах?

— Мне думается, что понимают. Но биология их архаична и сводится главным образом к селекции, практической анатомии, физиологии и медицинским ее отраслям. Даже своих животных они не успели как следует изучить, а они исчезли. Это утрачено уже навсегда.

— «Навсегда»! Что-то я слишком часто слышу здесь это невыносимое человеку слово, — сказал Тор Лик и, замолчав, уставился на море.

Хрустальную воду впереди подернуло рябью. Сначала землянам показалось, что всплыли переплетенные водоросли. Но из неопределенной массы поднялась целая чаща извивающихся щупалец сине-зеленого цвета. Они вздымались на высоту до четырех метров над поверхностью моря, поворачиваясь и махая во все стороны расплющенными красными концами.

Судно сделало крутой поворот, землян бросило на стену каюты, а левая «сигара» поплавка поднялась над водой. Двигатели заревели, и за поднявшимся валом чудовище исчезло.

Оба тормансианина стали негромко спорить, и победил рулевой, энергично показывавший рукой куда-то в сторону от выложенного камнем берега.

— Мы не причалим прямо к городу, — пояснил своим пассажирам второй тормансианин, — у пристани очень глубоко и могут напасть лимаи. Никто еще не встречал их так близко от города. В стороне есть отмель, куда лимаи зайти не мо-

гут, и мы причалим. Придется только сделать большой обход пешком.

— Мы не боимся расстояния, — улыбнулась Тивиса.

— Но мы не боимся и этой мерзости, — вмешался Тор Лик, — наши СДФ отгонят их или уничтожат!

— Зачем разряжать батареи? — возразила Тивиса. — Хотя Гэн привез свежие, но у нас еще долгий путь.

— Тивиса права. Нам твердили о каких-то опасностях. Кроме того, при подводном нападении придется расходовать энергию вдвойне. — Тор Лик жестом покорности поднес руки ко лбу.

Под судном всплыл из глубины склон отмели. Водители разрешили пассажирам выбраться на палубу. В тяжелом, неподвижном воздухе ощущался привкус окиси азота. Как будто безжизненные химические процессы преобладали в здешней природе. Удивительно ровное дно зеленого цвета оказалось уплотненным илом. За кормой расплывались огромные клубы взбаламученного осадка.

— Ну какое тут купанье, Тивиса? — показал на дно Гэн Атал. — Здесь увязнешь с головой.

Взревели двигатели, вокруг закипела муть. Рулевой с размаху выбросил судно на прибрежный вал песка и мелкой гальки. Отсюда земляне без труда перебрались на берег по широкой доске и перевели своих девятиножек.

— Когда мы должны вернуться? — отрывисто спросил рулевой.

— Не нужно, — сказал Тор, и оба мореходa вздохнули с неприкрытым облегчением. — Мы пойдем в глубь страны и перевалим через хребет в направлении экватора, чтобы выйти на равнину Мен-Зин, — продолжал астрофизик, сверяясь с картой, — туда пришлют самолет.

— И мы осмотрим самый большой мертвый город хвостового полушария Кин-Нан-Тэ, — добавила Тивиса.

— Кин-Нан-Тэ! — воскликнул рулевой и умолк.

Товарищ подтолкнул его, одновременно кланяясь землянам и желая «пути змея: непреклонного и неотступного».

Мореходы раскачали судно. Оно сорвалось с отмели и унеслось в Зеркальное море.

Предоставленные самим себе, земляне сбросили одежды, скатали в тугие валики и пристегнули их к СДФ. Затем три разноцветные фигуры — темно-гранатовая, малахитово-зеленая и коричнево-золотая — пошли длинным неутомимым шагом вдоль берега к овальной пристанской площади. Покинутый город Чендин-Тот встретил их удручающим однообразием до-

мов, школ, бывших мест развлечений и больниц, которое характерно было для поспешного и небрежного строительства эпохи «взрыва» населения. Странная манера перемешивать в скученных кварталах здания разного назначения обрекала на безотрадную стесненность детей, больных и пожилых людей, сдавливала грохочущий транспорт в узких каналообразных улицах. Все это Тивиса и Тор наблюдали в «живых» городах.

В невзрачных параллелепипедах построек с одинаковыми проемами окон не было ничего таинственного, что обычно привлекает в покинутых городах. Земляне торопились пересечь унылые, покрытые пылью улицы. Застывшие в душном воздухе искривленные скелеты деревьев рассыпались при малейшем прикосновении. Тор наудачу зашел в здание, которое привлекло его цветным обрамлением входа. Проржавевшие крепления цементных перекрытий едва удерживали потолки. Тор Лик решился пройти вглубь. Плавно изогнутые контуры интерьера резко отличались от унылых прямоугольников большинства зданий. Через полукольцевой холл, заваленный обломками мебели, Тор Лик прошел в круглый зал, сразу напомнивший ему Землю. Осмотревшись, он увидел, что стены отделаны плитками полированного дунита и гиперстенового пироксенита — глубинных ультраосновных пород фундамента земной коры, очевидно, и здесь слагающих нижние зоны коры Торманса. Словно подчеркивая сходство, два валикообразных фриза сквозь пыль отсвечивали красным. Тор Лик узнал в них богатые крупными гранатами эклогиты.

— Где ты, Тор? — громко позвала Тивиса, входя следом.

— Ш-ш-ш! Уходи отсюда, здание еле держится.

— Что ты нашел интересного в этой пыльной комнате?

— Она отделана минералами из глубин Торманса, — ответил Тор, выходя на улицу, — совсем похожа на такую же в Уральском горном музее. Внутренний состав планеты, как и можно ожидать, очень близок к Земле. Следствие этого — почти однозначная гравитация и характер геологических процессов.

За городом простиралась голая равнина, полого поднимавшаяся к горам. Очень далеко в горячем мареве расплывались черные пятна. Стереотелескоп позволил увидеть, что это первые живые деревья.

Трое землян упорно шли по древней извилистой дороге из накатанного щебня, похожей на русло реки: за века колеса тяжелых повозок вдавили настил дороги в рыхлую почву. Вдруг Гэн Атал остановился так резко, что семенивший рядом СДФ поднял облачко пыли, врывшись в дорогу своими короткими лапками.

— Смотрите, мы идем через кладбище! — воскликнул инженер броневой защиты, показывая на бесконечное поле неприметных холмиков. Кое-где, нарушая однообразие, высились остатки ограды, плиты цемента вместо надгробий.

— Вы удивляетесь, Гэн? — сказал Тор Лик. — Впрочем, вы ведь только что из садов Цоам. Вокруг каждого большого города на десятки километров простираются подобные кладбища, возникшие в эпоху перенаселения, когда недостаток топлива заставил отказаться от сжигания трупов и вернуться к старому обычаю погребения. Гигантские кладбища Торманса — одно из красноречивых доказательств фосфорной катастрофы, происшедшей на планете. Если Торманс так похож по элементарному составу на Землю, то, как и на Земле, ресурсы фосфора на нем были весьма ограниченны. Тормансиане не только растворили фосфор в отбросах, снесенных в океан, откуда его не в состоянии извлечь их бедная энергетика. Они связали его в триллионах своих костяков и закопали на этих высохших кладбищах, выключив из круговорота планеты, не учитывая, что вообще все процессы против течения энтропии невозможны без фосфора.

— Да, странно, почему они не отказались от старинного увековечения праха?

— Видимо, им стало не под силу повернуть события, — сказал Гэн.

— Аннигиляция качества количеством, — сказала Тивиса. — В зеленых джунглях тигр казался великолепным зверем, почти мистически страшным. Но представьте десять тысяч тигров, выгнанных вот на такую равнину! Как ни опасна эта масса, но она всего лишь обреченное стадо, тигра в ней нет.

Гэн Атал почему-то вздохнул и более не проронил ни слова.

Редкая поросль простиралась во все стороны и уходила за горизонт на предгорной гряде холмов. Земляне подошли к первым деревцам. Темно-бурые короткие стволы возносили в свинцовое небо правильные воронки ветвей с грубыми листьями шоколадного цвета. Удивительная симметрия приземистых, поставленных вершиной вниз конусов напомнила о постоянном безветрии в окрестностях Зеркального моря. Путникам было очень жарко, хотя воздушная продувка скафандров работала вовсю. Воздух проносился под металлической «кожей» и вырывался через клапаны в пятках, отбрасывая при каждом шаге короткие струи пыли.

Бессумеречный вечер Торманса застал землян среди тех же деревьев, но более толстых и с такими густыми кронами, что в лиственной массе скрывались отдельные ветви. Длинные тени легли на сухую почву. Ничто живое не показывалось в оцепене-

лой роще. Когда же земляне устроились на отдых у росшего близ дороги дерева, на свет фонаря слетелись какие-то полупрозрачные насекомые. Земляне на всякий случай включили воздушный обдув из воротников скафандров. Тивиса медленно потянула воздух расширенными ноздрями и сказала:

— Великое дело — внушение. Патроны продува заряжены воздухом Земли, и, хотя я знаю, что это всего лишь атомарная смесь, абсолютно лишенная запаха и вкуса, мне чудится в здешней духоте ароматный ветер северных озер... Там я работала до экспедиции.

— Здесь любой вентилятор покажется северным ветром, по контрасту с духотой и пылью, — буркнул Тор Лик, извлекая охладительную подушку и пристраиваясь к боку СДФ.

Полусуточная ночь Торманса тянулась слишком долго, чтобы земляне могли позволить себе дожидаться рассвета. Первым проснулся Гэн Атал, одолеваемый страшными снами. Ему мерещились гигантские тени, суетившиеся поодаль, неопределенные фигуры, кравшиеся вдоль наклонного частокола камней, красные клубы дыма в зияющих черных пропастях. Некоторое время Гэн лежал, анализируя свои видения, пока не понял, что инстинкты подсознания предупреждают об угрозе, отдаленной, но несомненной. Гэн Атал поднялся, и в ту же минуту проснулась Тивиса.

— Мне снилось что-то плохое, тревожное. Здесь, на Тормансе, мне часто тяжело по ночам, особенно перед рассветом.

— Час Быка, два часа ночи, — заметил Гэн Атал. — Так называли в древности наиболее томительное для человека время незадолго до рассвета, когда властвуют демоны зла и смерти. Монголы Центральной Азии определяли так: Час Быка кончается, когда лошади укладываются перед утром на землю.

— Долор игнис анте люцем — свирепая тоска перед рассветом. Древние римляне тоже знали странную силу этих часов ночи, — сказала Тивиса и занялась гимнастикой.

— Ничего странного, — подал голос астрофизик. — Вполне закономерное чувство, сложившееся из физиологии организма еще с первобытных времен и особого состояния атмосферы перед рассветом.

— Для Афи все всегда связано с космосом! — Тивиса засмеялась.

Красно-золотой СДФ Гэна выдвинулся вперед. Высоко поднятая на гибком стержне лампа осветила дорогу. Дико заметались черные тени в промоинах и впадинах, совсем как во сне Гэн Атала. СДФ покачивался на неровностях дороги, и окружающий мрак то отступал, то набегал вплотную. В наплывах

темноты вверху на мгновение появлялись одинокие огоньки звезд. Справа, едва намечая правильный купол дальней горы, немощно светил спутник Торманса. Незаметно земляне достигли перевала. И снова оголенная пустыня... Начался спуск, столь же пологий, как и подъем. Впереди сквозь редевшую темноту виднелось нечто темное, закрывавшее весь еле зримый горизонт. Слабый и равномерный шум возник впереди и внизу. Земляне свыклись с безводьем огромных пространств планеты Ян-Ях и не сразу сообразили, что это журчит вода. Короткий рассвет погасил фонарь СДФ, угрюмые пурпурное светило вспыхнуло позади справа. Оно поднималось, светлея, и между гор открылась котловина. Где-то под склоном шумела речка, а за ней, на низких холмах, росла чаща гигантских деревьев. Даже у привыкших к стопятидесятиметровым эвкалиптам и секвойям Земли путешественников захватило дыхание. Колоннада сравнительно тонких стволов, не меньше двухсот пятидесяти или трехсот метров в высоту, вверху прикрывалась сплошной шапкой ветвей и листвы. Земляне спустились к речке, ожидая увидеть бегущий по гальке горный поток, а наткнулись на глубокую, темную, едва заметно текущую воду, подпруженную упавшим поперек обломком колоссального дерева. Осторожно балансируя по скользкой запруде, все шесть пешеходов — трое людей и три СДФ — перебрались на мягкий мохообразный покров. СДФ принуждены были делать скачки, чтобы не увязнуть короткими лапками. За полосой мха снова пошла сухая каменистая почва, прикрытая в лесной полосе толстым слоем отмерших листьев и ветвей. Под ногами идущих полусгнивший покров превращался в коричневый прах — вероятно, веками некому было топтать эти обветшалые остатки.

— Так вот как выглядели леса Торманса до прихода наших звездолетов, — негромко сказала Тивиса.

— Интересно, кто здесь обитал в те времена? — спросил Гэн Атал, пиная истлевшую массу листьев и плодов, взрывая темную пыль. — Вряд ли кто-либо мог прокормиться тут, внизу!

— В больших лесах Земли, — ответила Тивиса, — вся животная жизнь сосредоточивалась там. — Она подняла руку к терявшимся в высоте искривленным ветвям.

Словно откликаясь на ее жест, высокий, как свисток, вопль прорезал безмолвие леса, заставив людей замереть от неожиданности. Где-то далеко послышался ответный вопль, похожий на визг многооборотной алмазной пилы.

Тор Лик, выхватив стереотелескоп, пытался разглядеть что-нибудь в густой листве. На трехсотметровой высоте ему почудилось едва уловимое колебание веток.

— Ага! — весело воскликнул Гэн Атал. — Не все вымерло тут, за Зеркальным морем! Не все съели тормансиане!

— Если действует фактор СА, там вряд ли осталось что-либо путное, — поморщился Тор Лик. — Этот визг не вызывает у меня симпатии.

Земляне долго стояли, прислушиваясь и настроив фотоглаз СДФ на слабое освещение. Но гигантский лес, казалось, хранил в себе не больше жизни, чем кубики едва державшихся домов Чендин-Тота.

Еще два дня провели земляне в лесу, пробиваясь с холма на холм через нагромождения растительного праха. Иногда небольшие прогалины уходили вверх ослепительными трубами света. Высоко виднелось свинцово-серое небо в обрамлении мохнатых шоколадных ветвей. На третий день они остановились на опушке одной из прогалин.

— Мы напрасно теряем время, — решительно сказала Тивиса, — если здесь, в заповеднике и безусловно древнем лесу, уцелело ничтожное число животных, вроде этих визгунов, то у нас мало шансов не только наблюдать, но даже мельком увидеть их! Слишком велик их страх перед человеком. Какой контраст с Землей! Я эти дни часто вспоминала наших пернатых и мохнатых друзей. Как живут тормансиане без заботы о своих младших братьях? Ведь любовь к природе исчезает, если нет никого, чтобы разделять ее!

— Кроме вот этого! — прошептал Гэн, показывая на противоположную сторону поляны.

Там, за столбом света между стволами, притаилось животное величиной с медведя, только ниже ростом. Яркие, как у птицы, глаза следили за неподвижно стоявшими землянами без страха, как бы соразмеряя свои силы с силами пришельцев.

Тивиса сорвала с пояса наркотизаторный пистолет и послала серебряную ампулу в бок животного. Оно издало короткий низкий рев, подпрыгнуло и, получив вторую ампулу в заднюю ногу, понеслось прочь. Гэн Атал ринулся вдогонку. Тивиса умерила его пыл, сказав, что препарат на крупных пресмыкающихся действует в течение двух минут. Правда, если животное обладает низкой организацией, то препарат может потребовать и больше времени.

След, пропаханный в древесной гнили, привел к подножию дерева, исполинского даже среди гигантов этого леса. Оглушенное мощным наркотиком, животное с размаху налетело на ствол и повалилось навзничь. Невыносимая трупная вонь принудила землян вставить в носы фильтры и лишь затем по-

дойти вплотную к неведомому зверю. У него была черная, как тормансианская ночь, безволосая чешуйчатая кожа. Большие глаза, вытаращенные и остекленевшие, говорили о ночном образе жизни. Две пары согнутых лап располагались так близко одна к другой, что, казалось, выходили из одного места на туловище. Под тяжелой кубической головой виднелась еще одна пара конечностей, длинных, жилистых, с кривыми серповидными когтями. Широкая пасть была раскрыта. Безгубый рот обнажал двухрядные дуги конических притупленных зубов. От действия наркотика или от удара о дерево чудовище извергло вонючее содержимое своего желудка.

Тор Лик схватил Тивису за руку и показал на полупереваренный человеческий череп, выброшенный вместе с осколками других костей. Оба исследователя вздрогнули от оклика Гэн Атала:

— Осторожней, оно приходит в себя!

Задняя лапа дернулась раз, другой. «Не может быть! — подумала Тивиса. — Парализатор действует не менее часа». Она осмотрелась и отпрянула под взглядом нескольких пар глаз, таких же больших, прозрачных и красных, как у погруженного в сон чудовища, упорно смотревших на нее из темноты между деревьями. Одно из животных, полускрытое слоем трухи, ползло, извиваясь, к сраженному наркотиком зверю.

— Тор, скорее! — прошептала Тивиса.

Защитное поле СДФ отбросило наглую тварь, и ее рев заглох в непроницаемой стене.

Тор Лик поставил СДФ с другой стороны дерева, и Тивиса занялась исследованием анестизированного животного. Тем временем Гэн Атал извлек из своего СДФ прибор, похожий на парализующий пистолет Тивисы, и насадил на него круглую коробку с торчавшим в центре зазубренным шипом. Астрофизик помогал Тивисе. Они вдвоем перевернули чудовище, делая электронограммы.

Гэн Атал привел пистолет на максимальный удар и выстрелил вдоль ствола дерева, у подножия которого они стояли. Коробка намертво прилипла в развилке двух мощных ветвей на высоте более трехсот метров. Телеуправляемый мотор опустил на тончайшем тросе защелку. К ней Гэн Атал прикрепил плетеные ленты, соединил их двумя пряжками — и подъемное приспособление было готово.

Через несколько минут Тивиса взвилась на страшную высоту, поднятая скрытым в барабане двигателем. Она воспользовалась своим пистолетом, чтобы вбить несколько крючков для оградительного троса и подвески СДФ. Последним подняли

СДФ Гэн Атала. Едва выключилось защитное поле, как сторожившие за деревьями твари бросились к еще не очнувшемуся животному. Хруст костей и протяжный вой не оставили никакого сомнения в судьбе одного из последних больших животных Торманса, населявших планету до того, как она подверглась опустошению человеком.

Тонкий, крепкий, точно стальная пружина, ствол слабо покачивался от работы подъемного двигателя.

Тивису позабавило приключение. После пыльных равнин и тесных городов она впервые оказалась на пьянящей высоте. Тонкость ствола усиливала чувство опасности, а неопределенность положения, из которого надо было выходить, напрягая силы ума и тела, казалась заманчивой...

Гэн Атал вскарабкался еще выше. Из непроницаемой листвы послышался его торжествующий возглас:

— Так и есть!

— Что есть? — спросил Тор Лик.

— Воздушное течение, устойчивый ветер!

— Разумеется! Если только за этим мы лезли сюда, то следовало спросить меня.

— Как же тебе удалось без приборов обнаружить воздушное течение?

— А вы обратили внимание на повышенную влажность крон?

— Да, в самом деле. Теперь все понятно! Вот в чем объяснение громадной высоты деревьев. Они стараются достичь проходящего над горами постоянного тока воздуха, несущего влагу в безветренной стране... Все отлично! Поднимайтесь сюда, втащим СДФ и будем готовить планер.

— Планер?

— Ну конечно. Я предвидел возможность переправы через ущелья, реки или морские заливы.

Плотный зеленовато-коричневый покров виднелся метров на сто ниже башнеобразной кроны дерева, облюбованного путешественниками. В сторону экватора и осевого меридиана (Тивиса не раз говорила, что не может привыкнуть к «вертикальному» экватору Торманса и его «горизонтальным» меридианам) лесная чаша обрезалась серо-фиолетовыми обрывами гор. За ними находились некогда большая река, протекавшая по плодородной равнине Мен-Зин, и один из древнейших городов планеты Кин-Нан-Тэ. Земляне рассчитывали добраться до Нан-Тэ и вызвать туда самолет.

Гэн и Тор принялись разворачивать огромные полотнища тончайшей пленки, натягивая ее на рамы из нитей, быстро затвердевавших на воздухе.

Тивиса заряжала информационные катушки новыми наблюдениями. Когда взошло солнце, земляне спустились пониже и укрылись в листве, выжидая усиления воздушных потоков. От грубых, крючковидно изогнутых листьев шел сушивший горло одуряющий запах.

— Лучше надеть маски, — посоветовала Тивиса.

Мужчины повиновались, дышать стало легче. Тор Лик прислонился к стволу, с удовольствием глядя на Тивису. Она устроилась в развилке ветви, протянутой, как ладонь гиганта, и спокойно работала, мерно покачиваясь на трехсотметровой высоте, как будто всю свою еще недолгую жизнь лазала по деревьям.

Гэн Атал раздал патрончики с пищей и задумался.

— Не могу забыть про череп, извергнутый чудовищем, — вдруг сказал он. — Неужели эти твари — людоеды?

— Возможно, — ответила Тивиса. — Скорее, они питаются трупами. Обратите внимание на две особенности, как бы исключающие друг друга. Размером эти животные с крупного хищника, а зубы у них хоть и мощные, но короткие и тупые. Вероятно, это самые большие из тех наземных животных Торманса, которые уцелели потому, что переменили род питания. Произошло это в период катастрофы, в Век Голода, когда в трупах не было недостатка, если только сами люди не соперничали с этими животными в поедании их пищи.

— Ужасные вещи вы говорите, Тивиса, — поморщившись, сказал Гэн Атал.

— Природа выходит из своих тупиков самыми безжалостными путями. Каннибализм перестает быть запретным при низком развитии эмоций и интеллекта, когда приказ голодного тела затемняет чувства и парализует волю.

Тор Лик выпрямил уставшие ноги.

— Если человек был съеден, то окрестности не совсем безлюдны.

— Тупорылые хищники могут пробегать большие расстояния. А потом, ты разве забыл, что нам недавно говорили в Биологическом институте?

— О бродячих людях и целых поселках, укрывающихся в заброшенных областях? — вспомнил Тор Лик. — Может быть, это и есть опасность, от которой нас предостерегали?

— А возможно, они имели в виду лимаев или этих, — Тивиса показала вниз и швырнула туда пустой патрончик.

В ответ донесся раскатистый рев.

— Все-таки странно, что нас не предупредили, — сказал Тор Лик. — Или они сами ничего не знают?

— Трудно допустить! — возразила Тивиса. — Но, действительно, странно. Может быть, в заповедных лесах давно никто не был?

— По отсутствию влечения к природе, и это возможно, — ответил Тор. — Здесь от природы остались только обрывки, и то чисто утилитарного назначения, без глубины, внутренней души, сложных взаимосвязей. Какой тут может быть интерес к природе!

— Как же так? — удивился Гэн. — Вы посетили с десяток заповедников, и неужели ничто не заинтересовало вас, не привлекло хотя бы своей необычностью?

— Нам показали пятнадцать заповедников, — сказала Тивиса.

— Тем более. И во всех, наверное, нашли что-то? И людей, потомков тех, что бережно сохраняли природу в разных местах планеты?

— Гэн, поймите, что все заповедники Торманса — новые посадки на месте уничтоженных лесов и степей. В них нет ничего древнего, так же как и в немногих видах животных, уцелевших в зоологических садах, выродившихся и вновь возвращенных к мнимо дикой жизни среди правильных рядов растений. А мы не видели ни одного по-настоящему большого дерева.

— Так, значит, мы все впервые на островке древней природы Торманса! Однако мне не хотелось бы еще оставаться здесь. Трех дней вполне достаточно.

— Достаточно, Гэн! Ждать нечего. Возможно, мы еще вернемся сюда на винтолете, чтобы выследить визгунов, — сказала Тивиса.

Ветерок слабо зашелестел листвой. Земляне поспешно собрали второй ромбический планер из почти невесомой пленки, присоединили турбокоробки со складными воздушными винтами. Энергии в них хватало всего на две-три минуты взлета. Гэн с двумя СДФ составили экипаж первого ромба. Тивиса, Тор и третий СДФ разместились на каркасе второго планера. Завертелись винты, прозрачные ромбы один за другим соскользнули с верхушки дерева и медленно поплыли над ковром соединенных крон в сторону гор. Гэн Атал облегченно вздохнул. Пока крутились винты, планеры достигли опушки леса и, подхваченные восходящим потоком, долетели до второй ступени гор. Отвесные темно-лиловые стены высоких плоскогорий нельзя было преодолеть при слабых воздушных течениях. Гэн Атал направил планер в широкий проход, рассекавший обрывистые скалы.

К удивлению землян, они опустились среди холмов затвердевших глин, рядом с хорошей дорогой, лишь незначительно поврежденной осыпями и размывами.

Тор Лик хотел сложить свой планер, но Гэн махнул рукой.

— Заряды в турбокоробках израсходованы, проволока затвердела, и ее не согнуть, бесполезный груз.

Астрофизик с сожалением посмотрел на громадное ромбическое крыло, простершееся на склоне холма, и пошел к дороге.

Подъем по раскаленному ущелью занял несколько часов. Земляне остановились на отдых в тени крутого обрыва.

— По дороге мы можем идти и ночью, — сказал Тор Лик и стал надувать тончайшую подушку.

— Хотелось бы добраться до перевала еще засветло, — лениво возразил Гэн Атал. — Посмотрим, что там, за горами. Если дорога сохранилась лучше, то мы поедем на СДФ.

— Великолепно! — согласился Тор Лик. — Кто не любит кататься на СДФ! А Тивиса еще в школе славилась ловкостью в этом спорте... Кстати, где она? — астрофизик вскочил.

— Сказывается путешествие по Тормансу, — спокойно ответил Гэн Атал, — всех нас часто охватывают приступы напрасной тревоги. А Тивиса — вот, — он показал на высокий утес, сложенный из чередующихся слоев песчаника и мягкой белесой глины. Утес поднимался круто, расколотый трещинами и усыпанный отвалившимися глыбами, напоминая развалины титанической лестницы. Крошечная фигурка сверкала в лучах красного светила, Тивиса ловко прыгала с выступа на выступ по огромной круче.

Тор и Гэн помахали ей, призывая в тень обрыва, Тивиса энергично манила к себе.

Тор Лик встал и с сожалением посмотрел на свою мягкую подушку.

При виде обломков больших черных гладких костей у подножия утеса от их расслабленности не осталось и следа. Тивиса стояла на уступе, где отвалившаяся глыба открыла скелеты крупных животных. Несколько поодаль из песчаника выступал полуразрушившийся огромный череп еще одного зверя. Толстый обломок не то рога, не то бивня торчал из кручи, словно еще грозил врагам.

Трое землян молча созерцали скелеты; свет и сохранность окаменелых костей свидетельствовали о захоронении животных в обширных водоемах. Весь утес был усыпан костями. Это говорило о некогда процветавшей здесь могучей жизни.

Тивиса и Тор видели несколько скелетов ископаемых животных в музее биологического центра. Эти палеонтологиче-

ские коллекции не отражали подлинной истории жизни на Тормансе и не шли ни в какое сравнение с великой картиной прошлого, воссозданной в музеях Земли. Малый интерес тормансиан к прошлому своей планеты, возможно, был вызван общим упадком исторических исследований при олигархическом строе. Олигархия не любит истории. Но более достоверной была, пожалуй, другая причина. На Земле в глубоко лежащих слоях миллионолетней давности находились останки древних людей, обычно вместе с останками слонов. Самые могучие и самые слабые физически из крупных животных Земли как бы сопутствовали друг другу. Еще глубже в прошлое уходили слои, относящиеся ко времени, когда пралюди готовили первые орудия и овладевали огнем и, наконец, когда общие предки человека и обезьян разделили свои пути.

Человеку Земли были очевидны свои корни на родной планете. Он мог оценить весь путь великого восхождения от первичной жизни до мысли, пройденной за миллионы веков страдания, бесконечного рождения и смерти живой материи.

Почвы Торманса хранили свидетельства исторического развития жизни до уровня не выше животного, с интеллектом значительно ниже земных лошадей, собак, слонов, не говоря уже о китообразных. Здесь палеонтология доказывала, что человек — чужой пришелец, и хранила свидетельства преступного уничтожения им прежней жизни Торманса, какими бы Белыми Звездами человек ни прикрывал свое происхождение. Необозримые степи хвостового полушария, ныне пыльные, пустынные, были, очевидно, так же богаты жизнью, как беспредельные равнины волнующейся высокой травы с миллионными стадами животных и стаями птиц, уничтоженные в Северной и Южной Америке и Африке. Тивисе ярко припомнилась картина в Доме истории экваториальной зоны Африки. Выжженная беспощадным солнцем равнина с разбросанными кое-где зонтичными акациями усеяна выбеленными и рассыпавшимися в прах скелетами диких животных. Опираясь на радиатор быстроходной машины, на переднем плане стоит человек с многозарядной винтовкой, щуря скучающие глаза от дыма прилепленной к углу рта сигареты. Подпись на староанглийском языке игрой слов означала одновременно и «Конец дичи» и «Конец игры».

— Тивиса, что с тобой? — спросил Тор Лик.

— Задумалась! Принеси аппараты. Мы сделаем голограммы. — Тивиса прищурила раскосые глаза, уставшие от яркого света.

Трое путешественников и три верные девятиножки упорно преодолевали подъем, углубляясь в тень темно-фиолетовых обрывов главного массива.

Лучи светила уже скользили параллельно поверхности плоскогорья, когда ущелье расширилось. Горизонт стал уходить вниз. Позади осталась обширная впадина с первобытным лесом, а впереди, в направлении экватора, простирался каменный хаос разноцветных пород, размытых еще до высыхания планеты. Гребни, зубцы, правильные конусы и ступенчатые пирамиды, ущелья, как рваные раны, стены с архитектурно правильными ансамблями колонн, осыпи и сухие русла — все перемешалось в пестром лабиринте с пятнами густых теней, то синих, то фиолетово-черных.

Очень далеко в дымке, подсвеченной пурпурным низким светилом, хаотические нагромождения выравнивались, незаметно переходя в пустынную степь равнины Мен-Зин. Сквозь задымленный пылью горизонт едва проблескивала вода. Пурпурная дымка превращалась там в разорванную гряду синих облачков, низко лежавших над степью.

Здесь было прохладней, и земляне пустились под гору бегом. Извилистую дорогу местами перегораживали обвалы. Путешественники бежали час за часом, а рядом, не отставая, пылили три СДФ. Ниже пошла зона песков, навеянных ветром прошлых времен на откосы предгорий. Песчаные наметы пересекали дорогу на ее изгибах острыми гребешками.

Тивиса тяжело дышала, заметно устали и Тор с Гэном. Астрофизик внезапно остановился.

— Зачем, собственно, мы бежим, и еще в таком темпе? До воды на горизонте еще далеко, а сейчас стемнеет. Ведь точного срока прибытия в Кин-Нан-Тэ мы не назначали.

Тивиса рассмеялась и перевела дух.

— В самом деле? Вероятно, в нас неодолимо подсознательное желание уйти подальше от неприятных лесов и их обитателей. Отдых!

Вертикальные полосы кристаллов гипса пересекали срез холма, под которым устроились земляне. Для безопасности СДФ поставили вокруг лагеря, не включая поля, но оградившись барьером невидимых лучей, соединенным с автоматическим реле защиты.

— На случай, если и здесь водятся пожиратели голов, — улыбнулся Гэн Атал, настраивая ограждение.

Тор Лик попробовал связаться со звездолетом посредством отраженного луча, но безуспешно. Мощности СДФ не хватало для создания своего волновода, а без него столь дальняя связь требовала знания атмосферных условий.

...Тивиса проснулась от легкого шума и не сразу поняла, что это шелестит ветер, налетевший в предрассветный час из просторов равнины Мен-Зин. Росшие вокруг колючие кустики походили на скорбно склоненных карлиц со спутанными и спущенными до песка волосами. Они шевелились, горестно кивая головами. Возникло тоскливое чувство и тотчас исчезло. Тивиса не знала, было ли оно вызвано давно не слышанным шелестом ветра — всегдашнего спутника жизни на Земле — или этими печальными растениями тормансианской пустыни.

Снова двинулись в путь. Дорога улучшилась. СДФ втянули короткие жесткие лапки, заменив их валиками с мягкими грунтозацепами, выдвинулись подставки для ног, а в центре поднялся стержень для опоры и управления. Любители ездили на СДФ без опоры, надеясь на мгновенную реакцию и развитое чувство равновесия. Тогда простое передвижение превращалось в спорт. Тивиса в своем темно-гранатовом с розовой отделкой скафандре, с развевающейся гривой черных волос, красиво и ловко балансируя на ножных подставках, мчалась среди пустыни, Гэн Атал залюбовался ею и едва не полетел через голову, когда его СДФ притормозил перед поворотом.

Тивиса задала такой темп езды, что через два часа они уже спустились в широкую речную долину. Когда-то здесь текла могучая река. Лишенная после вырубки лесов питавшего ее водосбора, перегороженная плотинами, она превратилась в цепь озер, испарение которых становилось тем сильнее, чем меньше оставалось воды и суше делался климат. Вскоре только отдельные озерца густого рассола тянулись чередой вдоль наиболее глубокой полосы бывшего русла. Красные, твердые, как бетон, пески покрывали края долины. Ближе к воде они розовели, светлея, а вокруг озер резала глаза игрой световых лучей кайма бирюзовых, аметистовых и лиловатых кристаллов. Такие же кристаллы облепили пронизанные солью остатки мертвых древесных стволов, торчавших там и сям из мелкой голубой воды искривленными пнями, расщепами и корягами в тяжелом зное над неподвижной гладью озерков.

Земляне потратили некоторое время, объезжая топкую грязь, и пересекли русло там, где два холма высокого берега разделялись долиной притока, облегчая подъем на стометровый обрыв. Чувство пути и здесь не обмануло землян. Едва путешественники взобрались на берег, как увидели огромный город. Он располагался всего в нескольких километрах от реки. Только высота берега и своеобразная рефракция раскаленного над солевыми озерами воздуха помешала землянам еще с гор увидеть самый большой город хвостового полушария Кин-Нан-Тэ. Даже

издалека они заметили, насколько лучше сохранилась старая часть города, чем позже застроенные районы. Башни, похожие на архаические пагоды Земли, горделиво поднимались над жалкими развалинами, простиравшимися по периферии древнего города.

Восьмигранные, многоэтажные, чуть суживающиеся кверху башни с пышными орнаментами, выступами и балконами сверкали пестротой облицовки с повторяющимися изображениями пугающе искривленных лиц между извилинами все тех же змей или стилизованных розеток из дисковидных цветов Торманса. Другие пагоды казались опоясанными тонкозубчатыми гребенками из черного металла, чередовавшимися с этажами из серых металлических плит, испещренных иероглифами, или из решеток, прорезанных крестовидными отверстиями.

Башни высились на постаментах-аркадах. Когда-то их окружали сады и бассейны, теперь от них остались лишь трухлявые пни и ямы с керамической облицовкой.

Гэн Атал силился вспомнить, где на Земле он видел подобную архитектуру. В каких реставрированных городах древности? Не на востоке ли Азии?

Аэродромы, пригодные для посадки самолетов, располагались с экваториальной стороны Кин-Нан-Тэ. Путешественникам предстояло пересечь весь город, но они только порадовались такой возможности. Древний город стоило осмотреть, потратив даже лишний день. Земляне с трудом лавировали в развалинах строений последнего периода Кин-Нан-Тэ. Бури или легкие землетрясения, миновавшие город Чендин-Тот на берегу Зеркального моря, здесь разрушили непрочные, наспех выстроенные дома, превратив их в безобразные груды камней, плит и балок. Только гигантская чугунная труба древнего водопровода, опиравшаяся на скрученных в спиральные пружины железных змей, прямо и неуклонно прорезала хаос развалин. Не менее величественно выглядели колоссальные ворота на границе Старого города. У них было восемь символических проходов. Тяжелые порталы с угловатыми крышами опирались на квадратные колонны высотой метров в пятнадцать. Земляне прошли сквозь центральный проход, как бы вступая в другой мир. Здесь чувствовалась та же недобрая монументальность архитектуры, как и в садах Цоам, только откровеннее. Каждое из огромных зданий предназначалось для умаления человека, дабы он ощущал себя ничтожной легкозаменимой дешевой деталью общественного механизма, в котором он выполнял работу, не рассуждая и не требуя понимания.

Печать смерти еще острее ощущалась в центральной части города при взгляде на высохшие пруды, каналы, ист-

левшие деревья парков, крутые, смелые арки мостов, бесполезно горбящиеся над безводными руслами. Мерные шаги землян и четкий топоток СДФ, снова вставших на свои жесткие лапки, гулко раздавались на каменных плитах улиц и площадей.

Широкие лестницы вели к большим зданиям, окруженным колоннами, еще сохранившими яркую расцветку. Надменно кривились задранные углы крыш; дверные проемы в форме больших замочных скважин, казалось, скрывали нечто запретное. Вместо привычных капителей колонны увенчивались сложным переплетом кронштейнов. Основания их обычно изображали или связанных людей, раздавленных тяжестью, или чешуйчатые кольца змей.

Путешественники миновали скопление высоких зданий и очутились перед гигантской, видимо, очень старой башней. Часть из ее двенадцати карнизов обрушилась, обнажая внутреннюю структуру сложных проходов, черневших в толще обветшалых стен. На землян повеяло таинственностью, странное предчувствие овладело ими. Этому, видимо, способствовали и две зловещие статуи из грубого, побелевшего от известковых потеков металла, охранявшие подход к башне.

В странных одеждах, с яростно сжатыми кулаками и безобразно выпяченными животами, они стояли, расставив ноги. Лица, выполненные с особой экспрессией, каждой чертой выражали тупую жестокость. В широком, плотно сжатом рте, в глубоких морщинах, сбегавших от плоского носа к подбородку, в вытаращенных под тяжелыми косыми надбровьями глазах ощущалось неукротимое стремление убивать, мучить, топтать и унижать. Всю мерзость, на какую только способен человек, собрали искусные ваятели, как в фокусе, в этих отвратительных лицах.

— Здесь даже пахнет неприятно, — сказала Тивиса, нарушая тягостное молчание. Присев, она стала рассматривать жирные пятна на плите. — Кровь! Совсем свежая кровь!

Таинственное молчание древнего города становилось угрожающим. Кто мог оставить следы крови на плитах площади? Звери или люди?

Внезапно из какой-то дали до них донеслись непонятные звуки, им показалось, что это приглушенные расстоянием вопли людей и исходят они через окна башни.

Движимые одинаковым побуждением, путешественники хотели было проникнуть в башню, но им ни на шаг не удалось продвинуться внутрь. Обрушенные внутренние перекрытия закрывали нижнюю часть здания, не оставляя даже маленькой

лазейки. Они снова вышли на площадь и прислушались. Вопли теперь слышались ясней.

Звуки, отражаясь от зданий, приходили с разных сторон, то усиливаясь, то замирая. Наконец со стороны ворот, через которые они прошли, послышались отчетливые человеческие голоса. Тивисе показалось, что она различает отдельные слова на языке Ян-Ях.

— Видите, здесь, оказывается, есть жители! — обрадованно воскликнула она. Речь ее прервалась таким отчаянным воплем, что все трое содрогнулись. Крик слабел, пока не замер, заглушенный гомоном многих людей.

Тивиса беспомощно оглянулась. Ее познания в социологии низкоорганизованных обществ были слишком ограниченны, чтобы предвидеть события и найти наилучшую линию поведения. Тор Лик кинулся было вперед, туда, откуда доносились крики, но, подумав, вернулся к товарищам. Гэн Атал, не теряя времени, выдвинул излучатель защитного поля СДФ. Голоса приближались сразу с двух сторон — единственных выходов с площади в прилегающие улицы.

К башне примыкала стена из серого камня с узким проходом между двух столбов, увенчанных железными змеями. Гэн Атал предложил уйти под защиту стены.

На верхней площадке лестницы появилась толпа людей. Подножие башни скрывало от землян большую часть скопища. Никто не заметил путешественников, и те могли рассмотреть пришельцев. Это были молодые люди, вероятно принадлежавшие к группе «кжи», оборванные и неряшливые, с тупыми лицами, как будто одурманенные наркотиком. Среди них возбужденно метались женщины с нечесаными, грязными прядями слипшихся волос.

Впереди дюжие молодцы волокли двух истерзанных людей, женщину и мужчину. Нагих, в грязи, в поту и крови. Распустившиеся длинные волосы женщины скрывали опущенное на грудь лицо.

Со стороны, где находились ворота, послышался восторженный рев. Новая толпа кричащих, беснующихся людей выплеснулась на площадь, по-видимому служившую для собраний.

Тивиса взглянула на Тора с немым вопросом. Он приложил пальцы к губам и пожал плечами.

Из второй толпы выступил обнаженный до пояса человек, волосы на его голове были связаны узлом. Он поднял правую руку и что-то крикнул. В ответ с лестницы раздался смех. Перебивая друг друга, завопили женщины. Страшный смысл услышанного не сразу дошел до землян.

— Мы поймали двух! Одного убили на месте. Второго дотащили до ворот. Там он и подох, пожива для... — Путешественники не поняли незнакомое слово.

— А мы схватили еще двоих, из той же экспедиции! Есть женщина! Она хороша! Мягче и толще наших. Дать?

— Дать! — рявкнул полуголый с волосами узлом. Пленнице вывернули руки, и она согнулась от боли. Тогда один из молодцов сильным пинком сбил ее с лестницы, и женщина покатилась к статуям. Полуголый подбежал к оглушенной падением жертве и поволок ее за волосы на кучу песка около башни. Тогда мужчина-пленник вырвался от мучителей, но был схвачен человеком в распахнутой куртке, на голой и грязной груди которого была вытатуирована летящая птица. Пленник в яростном безумии, дико визжа, вцепился в уши татуированного. Оба покатились по лестнице. Пленник всякий раз, как оказывался наверху, ударял головой мучителя о ребра ступенек. Татуированный остался лежать у подножия. С ревом толпа хлынула вниз. Пленник успел добежать до полуголого, тащившего женщину. Тот свалил его искусным ударом, но не остановил. Схватив победителя за ноги, пленник впился зубами в щиколотку, опрокинув того на землю.

Подоспевшие на помощь оторвали пленника от упавшего, растянули ничком на плитах у статуй. Полуголый вскочил, ощерив редкие зубы широкого рта. В этой усмешке-оскале не было гнева, а только издевательское торжество, упоение властью над поверженным человеком.

Гэн Атал отделился от стены, но, прежде чем он сделал второй шаг, полуголый выхватил из-за пояса заершенный, как гарпун, кинжал и вонзил по рукоятку в спину пленника.

Трое землян, осуждая себя за промедление, выбежали на площадь. Торжествующий рев вырвался из сотни одичалых глоток, но толпа разглядела необычный вид людей и притихла. Тивиса склонилась над корчившимся пленником, осмотрела кинжал. Он был покрыт пластинками стали, пружинисто отделявшимися от клинка подобно хвойной шишке с длинными чешуями. Такое оружие можно было вырвать только с внутренностями. Тивиса мгновенно приняла решение: успокоив раненого внушением, Тивиса нажала две точки на его шее, и жизнь мученика оборвалась.

Женщина, не в силах встать на ноги, доползла до землян, умоляюще протягивая к ним руки. Полуголый вожак прыгнул к ней, но вдруг завертелся и с глухим стуком ударился головой о плиты. Тор Лик, который сбил его воздушной волной из незаряженного наркотизаторного пистолета,

бросился к женщине, чтобы поднять ее. Откуда-то из толпы вылетел такой же тяжелый нож и вонзился между лопатками женщины, убив ее наповал. Второй нож ударился о скафандр Тор Лика и отлетел в сторону, третий просвистел у щеки Тивисы. Гэн Атал, как всегда рассчитывая на технику, включил защиту своего СДФ, которому он заблаговременно приказал быть рядом.

Под рев возбужденной толпы и звон ножей, отлетавших от невидимого заграждения, земляне укрылись в проходе в стене. Не сразу нападавшие поняли, что имеют дело с непреодолимой силой. Они отступили на площадь и принялись совещаться. Осмотревшись, путешественники поняли, что находятся в огражденном массивными стенами бывшем парке. Труха рассыпавшихся пней лежала кучками между каменными столбами с надписями, плитами и скульптурами. Это было кладбище тех отдаленных времен, когда людей хоронили в городе, около знаменитых храмов. Стена кладбища не задержала бы нападения, поэтому Гэн Атал выбрал место для установки защитного поля недалеко от входа. Он поставил два СДФ на «осевых» углах квадрата, оконтуренного столбиками из синей керамики. Здесь для нападавших нагляднее была граница запретной зоны. После нескольких атак у них выработается рефлекс на непреодолимость, и тогда можно будет иногда выключать поле. Состояние батарей очень заботило инженера броневой защиты. Не ожидая подобных приключений, они израсходовали много энергии на быструю езду...

Тор Лик поднял перископ СДФ, одновременно служивший антенной. Приближался час, когда «Темное Пламя» создаст отражательное «зеркало» в верхних слоях атмосферы над городом Кин-Нан-Тэ. Путешественники вызовут самолет и смогут посоветоваться по поводу случившегося.

Индикатор связи показал синий огонек. Для экономии энергии решили вести переговоры без изображения, с выключенными ТВФ.

Потрясенная Тивиса бродила между могил и все никак не могла успокоиться, коря себя за опоздание с помощью пленникам.

Тор Лик подошел к ней и хотел обнять ее, но она отступила, отстранилась.

— Кто эти существа? Они неотличимы от людей и в то же время не люди. Зачем они здесь? — мучительно прозвучал ее вопрос.

— Вот это, наверное, та самая опасность, на которую намекали чиновники Торманса, — убежденно сказал Гэн. — Оче-

видно, они стыдятся признать, что на планете Ян-Ях существуют такие виды — обществом это не назовешь, — виды бандитских шаек, будто воскресших из Темных Веков Земли!

— Да, опасность куда страшнее, чем лимаи Зеркального моря и пожиратели черепов в лесу, — согласился Тор.

— Я вспомнил, к сожалению, поздно одну из лекций Фай Родис, — удрученно вздохнул инженер броневой защиты, — о чудовищной жестокости, накапливавшейся в психологии древних рас. Отсюда следовал вывод о разных уровнях инферно у разных народов в одно и то же время. Из-за униженности перед владыками жизни в любом образе — зверя, бога, властелина — возникает потребность торжества через изощренное мучение и издевательство над всеми попадающими во власть подобных нелюдей.

— Мне кажется, здесь не то! — возбужденно крикнул Тор Лик. — Как и всякое другое, тормансианское общество накапливало моральные ресурсы через воспитание в суровой школе жизни. Они израсходованы в тиранической эксплуатации, и наступила всеобщая аморальность, которую никакие грозные законы и свирепость «лиловых» сдержать не могут.

— Нет, я должна поговорить с ними! Гэн, выключайте поле. — Тивиса направилась к проему в стене.

Появление Тивисы вызвало крики толпы, заполнявшей площадь. Тивиса подняла руки, показав, что хочет говорить. С двух сторон подошли, очевидно, главари — полуголый с волосами, стянутыми в узел, и татуированный — в сопровождении своих подруг. Женщины, похожие друг на друга, как сестры, шли, виляя худыми бедрами.

— Кто вы? — спросила Тивиса на языке Ян-Ях.

— А кто вы? — спросил в свою очередь татуированный, он говорил на «низком», примитивном наречии планеты, с его неясным произношением, проглатыванием согласных и резким повышением тона в конце фраз.

— Ваши гости с Земли!

Четверо разразились хохотом, тыча пальцами в Тивису. Смех подхватила вся толпа.

— Почему вы смеетесь?

— Наши гости! — проорал полуголый, налегая на первое слово. — Скоро ты будешь наша... — И он сделал жест, не оставляющий сомнений в судьбе Тивисы.

Женщина Земли не смутилась и, не дрогнув, сказала:

— Разве вы не понимаете, что катитесь в бездну без возврата, что накопленная в вас злоба обращается против вас же? Что вы стали собственными палачами и мучителями?

Одна из женщин, злобная, ощетинившись, как разъяренная кошка, внезапно приблизилась к Тивисе.

— Мы мстим, мстим, мстим! — закричала она.

— Кому?

— Всем! Им! Кто умирает бессловесным скотом, и тем, кто вымаливает жизнь, служа холуем у владык!

— А кто такой холуй?

— Гнусный раб, оправдывающий свое рабство, тот, кто, обманывая других, ползает на животе перед владыками, кто предает и убивает исподтишка. О, как я их ненавижу!

«Эта женщина подверглась тяжелому унижению, насилию, поставившему ее на грань безумия», — подумала Тивиса и тихо спросила:

— Но кто обидел вас? Именно вас, лично?

Лицо женщины исказилось.

— А! Ты чистая, красивая, всезнающая! Бейте ее, бейте всех! Что стоите, трусы! — завизжала она.

«Психопатка!» — подумала Тивиса. Она вглядывалась в лица приближавшихся к ней людей и ужаснулась: ни одной мысли не было в них. Дикая и темная, плоская, как блюдечко, душа недоразвитого ребенка смотрела на нее глазами этих людей.

И Тивиса отступила в ворота как раз вовремя. Гэн Атал, следивший за переговорами с рукой на кнопке, замкнул защиту. Отброшенные преследователи покатились по плитам древней площади.

Тивиса схватилась за щеку, как всегда в минуту разочарования и неудач.

— Что ты можешь еще, Тихе? — спросил Тор Лик, называя ее интимным именем, придуманным еще во время подвигов Геркулеса.

— Будь вместо меня здесь Фай Родис! — с горечью сказала Тивиса.

— Боюсь, что и она не добилась бы от них ничего хорошего. Разве что применила бы свою силу массового гипноза... Ну, остановила бы их, а что дальше? Мы их тоже остановили, но не избивать же их лазерным лучом, спасая наши драгоценные жизни!

— О нет, конечно. — Тивиса умолкла, прислушиваясь к шуму толпы, доносившемуся через ограду кладбища.

— Может быть, им нужны наркотики? — спросил Гэн Атал. — Помните, как широко были распространены наркотики в старину, особенно когда химия изобрела наркотик дешевле, эффективнее, чем алкоголь и табак?

— Не сомневаюсь, что у них есть одурманивающие средства. Достаточно взглянуть, как они двигаются. Но суть бедствия в другом — в потере человечности. В давние времена случалось, что дикие звери воспитывали маленьких детей, случайно брошенных на произвол судьбы. Известны дети-волки, дети-павианы, даже мальчик-антилопа. Разумеется, могли выжить только индивиды, одаренные особым здоровьем и умственными способностями. И все же они не стали людьми. Дети-волки даже утрачивали способность ходить на двух ногах. Вот что делается с человеком, когда инстинкты и прямые потребности тела не дисциплинированы воспитанием.

— Неудивительно, — сказал Тор Лик. — Давно известно, что мозг человека стал могущественным, лишь развиваясь в социальной среде. Первые годы жизни ребенка имеют гораздо большее значение, чем думали прежде. Но...

— Но общество, а не стадо воспитало человека, — подхватила Тивиса. — Человек был групповым, но не стадным животным. А толпа — стадо, она не может накопить и сохранить информацию. Преступно лишать людей знаний, правды; омерзительная ложь привела человека к полной деградации. Руководимые лишь простейшими инстинктами, подобные люди сбиваются в стадо, где главное развлечение — садистские удовольствия. И перестроить их психику, как и детей-волков, непосредственно обращаясь к человеческим чувствам, нельзя. Надо придумывать особые методы... Как все-таки я жалею, что с нами нет Родис.

— Что мешает вызвать ее сюда? — спросил Тор.

— Афи, неужели ты не догадался, что Родис осталась заложницей во дворце владык? — сказал Гэн Атал. — И будет там, пока все мы не вернемся в «Темное Пламя».

— Смотрите, они перебрались через стену! — воскликнула Тивиса.

Осаждающие догадались, что защитное поле перекрывает только ворота, и полезли через стену. Скоро ревущее скопище уже бежало по кладбищу, тесня и толкая друг друга, в проходах между памятниками. У синих глазурованных столбиков нападающих отбросило назад. Заработали два угловых СДФ. Гэн Атал установил минимальное напряжение защитного поля, проницаемое для света и сильного оружия, которого у нападавших не было.

Никогда земляне не могли представить, что человек может дойти до такого скотства. Взбешенные неудачей, жители Кин-Нан-Тэ выкрикивали ругательства, кривлялись, плевались, обнажая, выставляя постыдные, с их точки зрения, части тела, даже мочились и испражнялись.

Низкий, похожий на отдаленный гром сигнал звездолета принес небывалое облегчение. Синий огонек СДФ заменился желтым. «Темное Пламя» запрашивал связь. Тор Лик выключил поле у ворот, где стал на страже Гэн, и третий СДФ начал передачу. Гриф Рифт спросил:

— Насколько хватит круговой защиты?

— Все зависит от того, как часто нас будут штурмовать, — ответил Тор.

— Рассчитывайте на самое худшее.

— Тогда самое большое — на восемь часов.

Гриф Рифт сверился с картой Торманса.

— Наш дисколет пролетит эти семь тысяч километров за пять часов. Скоростная ракета пришла бы через час, но при недостаточном знании физики планеты ее нельзя нацелить с нужной точностью. Может быть, вам пробиться за город?

— Нельзя. Боюсь, что без жертв не обойтись.

— Вы правы, Тор. Потому не стоит присылать и дискоид. Пусть тормансиане сами разберутся. Их самолеты пролетят до Кин-Нан-Тэ тоже не более пяти-шести часов. Сейчас свяжусь с Родис. Подключаю ТВФ и памятную машину. Дайте видеоканал для снимков. И держитесь!

Тор Лик наскоро передал круговую панораму и выключил связь. Вовремя! Гэн Атал подал знак опасности, и снова третий СДФ загородил ворота.

Время шло, а толпа с прежним упорством и тупостью бесновалась у границ, обозначенных синими столбиками. Гэн Атал досадовал, что не догадался захватить со звездолета батареи психического действия, созданные на случай нападения животных. Эти батареи разогнали бы одичавших тормансиан, вызвав у них чувство животного ужаса. Подобное защитное устройство здесь пригодилось бы как никогда прежде, но сейчас оставалось только ждать. Дикую толпу можно было бы уничтожить, но такая мысль даже в голову не могла прийти землянам.

В это время в садах Цоам Фай Родис объясняла инженеру Таэлю случившееся и просила его немедленно отправить самолеты на выручку.

— Полетами из-за недостатка горючего распоряжается только Совет Четырех.

— Так доложите сейчас же Совету, а еще лучше — самому владыке.

Таэль стоял в нерешительности.

— Вы понимаете, насколько у нас мал запас времени! — удивленно воскликнула Родис. — Что же вы медлите?

— Для меня очень непросто доложить владыке, — хрипло сказал Таэль, — будет скорее, если вы сами...

— Что же вы не сказали сразу! — И Фай Родис устремилась в покои председателя Совета Четырех.

На счастье, Чойо Чагас не выезжал сегодня. Через полчаса Родис ввели в зеленую комнату, ставшую уже постоянным местом ее встреч с владыкой Торманса.

— Я предвидел подобную возможность, — сказал Чойо Чагас, посмотрев на переданный со звездолета снимок, — поэтому управители на местах отговаривали ваших исследователей от рискованного путешествия.

— Но им же не объяснили степень опасности!

— Каждый зональный управитель стыдится, вернее, боится говорить об этих нелюдях. Их зовут «оскорбителями двух благ».

— Двух благ?

— Ну конечно, — долгой жизни и легкой смерти. Они отказались от той и другой и поэтому должны быть уничтожены. Государство не может терпеть своеволия. Но они спасаются в заброшенных городах, а недостаток транспорта затрудняет борьбу с ними, и они остаются позором для зонального управителя.

— Мы непозволительно медлим, — сказала Родис, — потерянные минуты могут обернуться гибелью наших товарищей. Хотя они надежно защищены, но емкость батарей ограниченна.

Узкие, непроницаемые глаза Чойо Чагаса пристально следили за Родис.

— Ваши девятиножки обладают убийственной силой. Я помню, как они разнесли дверь в этом дворце, — язвительно улыбнулся владыка.

— Конечно, у каждого СДФ есть резательный луч, инфразвук для обрушения препятствий, наконец, фокусированный разряд... Но я не понимаю вас!

— Такая проницательная женщина — и не может понять, что, вместо того чтобы расходовать энергию на защитное поле, надо истребить негодяев.

— Они этого не сделают!

— Даже если вы прикажете им?

— Я не могу отдать такого безнравственного приказа. Но если б даже и попыталась, все равно никто его не исполнит. Это один из главных устоев нашего общества.

— Непостижимо! Как может существовать общество на таких зыбких устоях?

— Объясню вам после, а сейчас прошу, не тратя времени, отдайте приказ! Мы можем послать свой дисколет, но он летает не быстрее ваших охранных самолетов, и главное — мы не зна-

ем, как обращаться с такой дикой толпой по вашим законам. Что вы применяете в подобных случаях? Успокоительную музыку или ГВР — Газ Временной Радости?

— Газ Радости! — сказал Чойо Чагас со странной интонацией. — Пусть будет так! На сколько часов у ваших людей хватит энергии? Разве нельзя послать им ракету с батареями с вашего всесильного корабля?

Родис взглянула на браслет, зафиксировавший момент получения сигнала из города Кин-Нан-Тэ.

— Запаса энергии хватит часов на семь. А посадить ракету точно без корректирующих станций не удастся. Мы убили бы своих товарищей: слишком мала площадь, на которой они окружены.

Чойо Чагас встал.

— Я вижу, как вас заботит их судьба. В конце концов, вы не так уж бесстрастны, как хотите казаться нам, обитателям Ян-Ях! — Он повернул маленький диск на столе и направился в соседнюю комнату. — Я приду через минуту!

Его ждал высокий худой «змееносец» со впалыми глазами и тонкогубым, по-лягушечьи широким ртом.

— Пошлите два самолета из резерва охраны в Кин-Нан-Тэ на выручку наших гостей с Земли, — начал владыка, глядя поверх склоненного в почтительном поклоне чиновника. — Защита у них проработает еще семь часов, — продолжал Чойо Чагас, — следовательно, через семь с половиной будет уже поздно. Слышите — через семь с половиной!

— Я понял, великий! — Чиновник поднял на владыку преданные глаза.

— «Оскорбители» должны быть истреблены все до последнего. На этот раз без пыток и процедур — просто уничтожены!

«Змееносец» поклонился еще ниже и вышел. Чойо Чагас вернулся в зеленую комнату, говоря себе: «Посмотрим, так ли они младенчески наивны, как заверяет эта Цирцея. Пусть это будет своего рода эксперимент».

— Приказ отдан! Мои приказы здесь выполняются!

Фай Родис поблагодарила взглядом и неожиданно насторожилась.

— О каком эксперименте вы думаете?

— Мне самому хотелось бы задать вам несколько вопросов, — поспешно сказал Чойо Чагас. — Будете ли вы после полученного урока стремиться в удаленные области планеты?

— Нет. Эта экскурсия была вызвана исключительно желанием наших исследователей увидеть первобытную природу Ян-Ях.

— Что ж, они ее увидели!

— Опасность пришла не из природы. «Оскорбители» — продукт человеческого общества, построенного на угнетении и отсутствии равенства.

— О каком равенстве вы говорите?

— Единственном! Равенстве одинаковых возможностей.

— Равенство невозможно. Люди так различны, следовательно, не равны и их возможности.

— При великом разнообразии людей есть равенство отдачи.

— Выдумка! Когда ограниченные ресурсы планеты истощены до предела, далеко не каждый человек достоин жить. Людям там много надо, а если они без способностей, то чем они лучше червей?

— Вы считаете достойными только тех, у кого выдающиеся способности? А ведь есть просто хорошие, добрые, заботливые работники!

— Как их определить, кто хорош, кто плох? — пренебрежительно улыбнулся Чойо Чагас.

— Но это же так просто! Даже в глубокой древности умели распознавать людей. Не может быть, чтобы вам были незнакомы такие старые слова, как симпатия, обаяние, влияние личности?

— А каким вы находите меня? — спросил Чойо Чагас.

— Вы умны. У вас выдающиеся способности, но вы и очень плохой человек, а потому очень опасный.

— Как вы это определили?

— Вы хорошо знаете себя, и отсюда ваша подозрительность, и комплекс величия, и необходимость постоянного попирания людей, которые лучше вас. Вы хотите обладать всем на планете. Хотя иррациональность такого желания вам ясна, оно сильнее вас. Вы даже отказываетесь от общения с другими мирами, потому что невозможно овладеть ими. К тому же там могут оказаться люди выше вас, лучше вас и чище вас!

— Чтица мыслей! — Чойо Чагас старался скрыть свои ощущения под обычным выражением презрительного высокомерия. — С некоторых пор... с некоторых пор я хочу владеть и тем, чего нет, чего не было еще на моей планете.

Чойо Чагас круто повернулся и вышел из комнаты.

Тивиса очнулась от самогипноза. С его помощью земляне по очереди избавлялись от зрелища беснующейся толпы — смотреть на это было свыше человеческих сил.

«Мстители» обладали неутомимостью психопатов. Вид троих землян, бесстрастно и неподвижно сидевших, поджав ноги, на каменной плите, приводил толпу в неистовство.

«Может быть, нам следовало изобразить испуг, чтобы они немного успокоились», — подумала Тивиса. Почти пять часов прошло со времени разговора со звездолетом. Тивиса не сомневалась, что помощь придет своевременно, но последние часы пассивного ожидания в осаде показались неимоверно долгими. А после пробуждения каждая минута усиливала тревогу. Большинство людей Земли в Эпоху Встретившихся Рук обладали способностью предвидения событий. Когда-то люди не понимали, что тонкое ощущение взаимосвязи происходящего и возможность заглянуть в будущее не представляет собою ничего сверхъестественного и в общем подобно математическому расчету. Пока не было теории предвидения, события могли предвидеть только люди, особо одаренные чувством связи и протяженности явлений во времени. Считалось, что они обладают особым даром ясновидения.

Теперь психическая тренировка позволяла каждому владеть этим «даром», естественно при разной степени способностей. Женщины издревле в этом были способнее мужчин.

Тивиса прислушивалась к своим ощущениям — они отчетливо суммировали гибельный итог. Неотвратимая смерть, словно эта колоссальная пагода за воротами, нависала над ними. В тоскливом желании отдалить познание неизбежного Тивиса села в изголовье безмятежно спящего Тора и грустно вглядывалась в бесконечно дорогое, мудрое и одновременно подетски наивное лицо. Сознание безвыходности подступало все сильнее, и с ним росли нежность и странное ощущение вины, как будто это она виновата, что не сумела защитить своего возлюбленного.

Астрофизик, почувствовав ее взгляд, поднялся, разбудил Гэн Атала. Мужчины прежде всего осмотрели СДФ.

— Минимальный расход установлен удачно, — тихо сказал Тор Лик, — но запас очень мал...

— Две нити из двадцати семи, и то лишь с резонансной накачкой, — согласился Гэн Атал, сидевший на корточках перед СДФ.

— В моем — три...

— Если самолеты не придут в рассчитанный срок, вызовем «Темное Пламя».

Встревоженный Гриф Рифт сообщил, что Родис была у самого владыки. При ней отдали приказ. Помощь должна прибыть с минуты на минуту. Рифт просил не выключать канала, пока он наведет справки.

Прошло еще полчаса... Сорок минут. Самолеты не появлялись над Кин-Нан-Тэ. Вечерняя тень огромной пагоды пересе-

кала все кладбище. Даже «мстители» приутихли. Они расселись на дорожках и могилах и, обхватив руками колени, следили за землянами. Догадывались ли они, что защитное поле, вначале скрывавшее путешественников тонкой стеной тумана, становится все прозрачнее? Время от времени кто-нибудь метал нож, будто пробуя силу защитной стены. Нож отлетал, звенел о камни, и все снова успокаивались.

Голос Гриф Рифта на милом земном языке вдруг ворвался в настороженную тишину кладбища, вызвав ответный шум толпы.

— Внимание! Тивиса, Гэн, Тор! Только что Родис говорила с Чойо Чагасом. Самолеты пробиваются сквозь бурю, свирепствующую на равнине Мен-Зин. Придут с опозданием. Экономьте батареи насколько возможно, сообщайте положение в любой момент, жду у пульта!

«Внезапная буря здесь, в самых спокойных широтах Торманса? И почему об этом стало известно только сейчас, когда в индикаторах батарей горела последняя нить?» Тор Лик сумрачно открыл задний люк СДФ и не успел вытащить атмосферный зондоперископ, как Гэн Атал протянул ему свой.

Тор Лик молча кивнул. Разговаривать стало труднее. Защитное поле уже не глушило рев толпы. Сверкающий цилиндр, взлетевший в небо, заставил «мстителей» приутихнуть. Всего две минуты потребовалось, чтобы убедиться в полном спокойствии атмосферы на много километров к экватору от Кин-Нан-Тэ, так же как и в отсутствии самолетов по крайней мере на расстоянии часа полета.

— Чойо Чагас лжет. Для чего им нужна наша смерть? — воскликнула Тивиса.

Мужчины промолчали. Гэн Атал вызвал «Темное Пламя».

— Поднимаю звездолет! Держитесь, сокращая поле, — коротко сказал Гриф Рифт.

Гэн Атал проделал в уме мгновенный расчет: взлет из стационарного состояния — три часа, посадка — еще час. Нет! Поздно!

— Пробивайтесь за город, раскидав толпу инфразвуком! — крикнул командир.

— Бесполезно. Далеко не уйдем. Мы слишком долго ждали, поверив в самолеты Чагаса, иначе бы постарались закрепиться в каком-нибудь здании, — с виноватой ноткой сказал инженер броневой защиты, — осталось одно. Но очень опасное... Позовите всех, Рифт, мы попрощаемся на всякий случай. Только скорее. — Гэн Атал поспешно выключил передачу.

Тивиса, обняв своих друзей, с бесконечной нежностью сказала Тор Лику:

— Мне было с тобой всегда светло, Афи, и будет до конца. Я не боюсь, только очень грустно, что здесь и это так... безобразно. Афи, у меня с собой кристалл «Стражей во Тьме»...

Из прозрачного многогранника зазвучала суровая мелодия ее любимой симфонии тревожным ожиданием неведомого.

Тивиса поднялась и медленно пошла по каменной дорожке, скользя взглядом по окружающим руинам, а мысли шли своей чередой, ясные, полные великой печали, приобщавшей ее к неисчислимому сонму мертвых, прошедших свой путь на утраченной Земле и здесь, на чужой планете, бьющейся в плену инферно.

Кладбище, как в старину на Земле, служило для привилегированных мертвецов, удостоенных захоронения в центре города, под сенью древнего храма. Тяжелые плиты были испещрены изящными иероглифами, сверкали позолотой.

Тивиса смотрела на статуи прекрасных женщин с горестно опущенными головами и мужчин в последнем порыве предсмертной борьбы; птиц, распластавших могучие крылья, уже бессильные поднять их в полет; детей на коленях, обнимавших камень, навсегда укрывший родителей.

Человек, придя на новую планету, стер с ее лица сформировавшуюся здесь жизнь, оставив лишь жалкие обрывки некогда гармонической симфонии. Он выстроил эти города и храмы, гордясь содеянным, возвел памятники тем, кто особенно преуспел в покорении природы или в создании иллюзий власти и славы. Неразумное потакание инстинктам, непонимание, что от законов мира нельзя уйти, а можно лишь согласовать свои пути с ними, привело к чудовищному перенаселению. По всей планете снова прошла смерть, теперь уже природы. И в итоге — брошенные города и навсегда забытые кладбища... А сегодня останки людей светлого мира Земли смешаются с тленом безымянных могил, останками бесполезной жизни.

«Бесполезной и бессмысленной»? Тивиса содрогнулась. Никогда на Земле ей не приходило в голову, что жизнь, устремленная в глубины вселенной, наполненная радостью помогать другим, собирать красоту, узнавать новое, ощущать собственную силу, может оказаться не имеющей смысла. Но здесь!..

Тивиса так ярко представила себе миллиарды ясных детских глаз, смотрящих в мир, не ведая о наполняющем его зле и горе; бесчисленных женщин, с любовью и надеждой ждущих счастья и клонящихся, как трава, под смертельным ветром жизни; мужчин, чье доверие и достоинство попраны тяжким катком лживой власти; животных, чьи ноздри раздувались, уши прядали, глаза озирались в напряженном внимании сохранить

свои мимолетные, как искорки, жизни. Зачем? Во имя чего эта жизнь? Здесь, в этом окружении смерти и отвратительно деградировавшей мысли, этот древний вопрос был обострен сознанием опасности.

Жестокая печаль предчувствия теснила Тивису, когда ее взгляд приковался к статуе девушки в покрывале. Бесстрашное лицо, гордый очерк тела, отчаяние сцепленных рук — вся трагическая сила печали о прошлом и упрямой веры в красоту грядущего, противоречивое сочетание которых и составляет человека.

Тор Лик и Гэн Атал торопились. Если тросик зондоперископа выдержит вес человека, то есть еще возможность выбраться из ловушки, в которой они очутились благодаря невиданному предательству.

Они всматривались в обвалившиеся этажи древней пагоды, выбирая место, где мог бы закрепиться баллон с парашютом. Второй цилиндр взлетел и мелькнул мгновенной вспышкой, исчезнув в темной нише. Гэн Атал осторожно подергал тоненький тросик, потянул сильнее... Прибор закрепился! Опоясанный более прочным тросом Гэн Атал с бесконечной осторожностью полез по почти невидимой нити на недоступный второй этаж пагоды. Предприятие требовало той необыкновенной выносливости и развития мышц, какими обладали только земляне. Медленно, медленно инженер броневой защиты продвигался вперед и вверх.

Тор и Тивиса стояли у СДФ, готовые втянуть Гэн Атала назад в случае обрыва тросика зонда. Тор Лик плечом почувствовал свою возлюбленную. Она казалась спокойной, но была напряжена, будто взведенная перед последним усилием пружина.

Гэн Атал уцепился за край обрушенного порога, посыпались камни. Он пошатнулся, припал на колено и отчаянным усилием втянул себя в нишу. Через несколько секунд, закрепив трос, он появился во весь рост в полутемной впадине. Толпа дико заревела, бросилась к барьеру. Земляне отступили к последнему СДФ. Тивиса схватилась за трос, симфония «Стражей Тьмы» замерла на долгой, протяжной ноте. Гэн Атал сверху увидел, как «мстители» пересекли границу синих столбиков.

— Тор, скорее, держите их инфразвуком, — у него самостоятельный заряд, — закричал он, — батареи гаснут! Только осторожней!

Тивиса и Тор взглянули вверх на гигантскую ветхую башню, закрывшую закатное чистое небо.

— Пусть! — согласилась Тивиса. — Держи меня крепче, Афи!

Тор Лик повернул рупор на толпу. Два СДФ у столбиков будто вздохнули: защитное поле погасло. С неистовым воем

«мстители» устремились к чете обнявшихся землян. Низкий, непередаваемо грозный рык инфразвука остановил, отбросил, разметал передние ряды, но задние напирали, давя упавших. Тор Лик включил всю силу заряда: закувыркались, попадали фигуры, с воплями поползли прочь, но не ушли: колоссальная башня рухнула неотвратимо, погребая землян и нападавших и засыпая древние могилы.

Глава девятая
СКОВАННАЯ ВЕРА

Вир Норин и Эвиза Танет, прилетевшие в Кин-Нан-Тэ, застали целое войско «лиловых». Гора обломков рухнувшей башни была уже разобрана, трупы «оскорбителей» убраны, оставшиеся в живых исчезли.

Тела трех землян лежали на кладбище в беседке из красного камня. Тивиса и Тор так и не разомкнули объятий. Уцелевшие лица их сохранили отражение предсмертного порыва безграничной нежности. Гэн Атала смогли узнать лишь по скафандру.

Эвиза и Вир освободили их от защитной одежды, которую исследователям так и не пришлось снять, и приступили к обряду погребения. Сильнейший разряд из СДФ — и на каменной плите остались лишь контуры тел, обозначенные слоем тонкого пепла. В немой печали Эвиза и Вир собрали и смешали золу: погибшие земляне сливались в последнем братстве.

Урну из платины и три СДФ со следами неудачных попыток взлома на колпаках доставили на «Темное Пламя».

Родис получила приглашение Совета Четырех. Владыки планеты выражали ей соболезнование по поводу гибели трех гостей с Земли. Случайно или намеренно Совет собрался в черном зале, прозванном землянами Залом Мрака.

Родис, бесстрастная и неподвижная, стоя выслушала краткую речь Чойо Чагаса. Председатель Совета Четырех, очевидно, рассчитывал на ответ, но Родис молчала. Никто не решился нарушить тревожную тишину. Наконец Фай Родис подошла к Чойо Чагасу.

— Я многому научилась на вашей планете, — сказала она без аффектации, — и теперь понимаю, как может лгать человек, принужденный к тому угрожающим положением. Но почему лжет тот, кто облечен могуществом великой власти, силой, какую дает ему вся пирамида человечества Ян-Ях, на вершине которой он стоит? Зачем это? Или вся система вашей жизни так пронизана ложью, что даже владыки находятся в ее власти?

Чойо Чагас встал, побледнев, и, растянув плотно сжатые губы, процедил:

— Что?! Как вы смеете...

— Руководясь достойными намерениями, я смею все. Вы заверили меня, что самолеты посланы, и напомнили, что ваши приказы исполняются неуклонно. На второе обращение вы ответили, будто самолеты задержаны бурей и пробиваются сквозь нее. Невежество в планетографии Ян-Ях заставило меня поверить, но Гэн Атал и Тор Лик обследовали атмосферу, разгадали обман и успели перед гибелью предупредить нас.

Родис умолкла. Лицо Чойо Чагаса исказилось. Он крикнул фальцетом на весь зал:

— Ген Ши!

— Слушаю, великий председатель!

— Выяснить, кто вел самолеты, кто сообщил про бурю и кто командовал операцией. Всех сюда! Я сам проведу расследование.

— Прошу вас, председатель Совета! — Фай Родис сложила ладони и склонила голову. — Не нужно больше жертв — их и так много. Ваши стражи убили много людей в городе Кин-Нан-Тэ, а мы, — Родис впервые дрогнула, — потеряли близких.

— Вы не понимаете, — со злобой возразил Чойо Чагас, — те, кто виноват, обесчестили меня. Совет, всех нас, представив лжецами и лицемерами!

— Что же изменится, если их казнят?

— Все! Нарушители приказа понесут кару, вы убедитесь в истинности наших намерений и правдивости лица.

Фай Родис задумчиво посмотрела на Чагаса. Немой укор Фай Родис стал нестерпим для владыки Торманса. Он опустился в кресло, неловко согнувшись, и, махнув рукой, распустил Совет.

Фай Родис поднялась по лестнице в «земное» крыло дворца, готовясь к трудному разговору с Гриф Рифтом. Командир настаивал на беседе вдвоем. Родис понимала, что эта просьба вызвана лишь желанием сосредоточить всю свою волю на ней одной.

Они оказались лицом к лицу, как если бы Родис вошла и села в пилотской кабине между стеной и пультом. Невидимая граница контакта фронтальных сторон стереопроекций заключала в себе все разделявшее их расстояние. Рифт и Родис, как все земляне с развитой и тренированной психикой, понимали друг друга почти без слов — слова служили лишь подтверждением чувств.

И, встретив взгляд Гриф Рифта, с укором созерцавшего «сигналы жизни» — зеленые огоньки, которых осталось лишь четыре, — Фай Родис твердо сказала:

— Это невозможно. Рифт. Бегство, отступление, называйте это как хотите, невозможно. Невозможно после того, как мы посеяли надежду, после того, как эта надежда начала вырастать в веру!..

Командир звездолета тяжело поднялся. Сжимая большие руки, чуть горбясь, он не отрываясь смотрел в зеленые глаза женщины, которую нельзя было не любить. Потом он выпрямился, расправил грудь. Все его существо выражало возмущение.

— Проклятая планета не стоит и тысячной доли наших потерь. Здесь ни к чему хорошему еще не готовы! Мы не можем допустить таких жертв! — Рифт показал рукой в сторону погасших навсегда «сигналов жизни».

Родис подошла к самой границе, разделявшей их проекции.

— Успокойтесь, Гриф, — мягко и тихо сказала она, поднимая к нему печальное лицо. — Мы оба, посвященные в знание, о каком нет и понятия здесь, не можем жить и быть свободными, пока есть несчастные. Как переступить порог высшей радости, когда тут целая планета в инферно, захлестываемая морем горя? Что против этого моя жизнь, ваша и всех нас? Спросите у моих трех спутников!

— Я знаю, что они скажут, — овладев собой, ответил Гриф Рифт, глядя мимо Родис. — Они скажут, что само присутствие их необходимо, что оно дает людям Торманса мечту и веру и этим объединяет в стремлении к цели.

— Вот вы и ответили. Рифт! Вы знаете, чем дольше мы здесь, тем лучше для них. При всем нашем несовершенстве для них мы живое воплощение всего, что несет человеку коммунистическое общество. Если мы убежим, то тогда гибель Тивисы, Тора и Гэна действительно будет напрасной. Но если здесь образуется группа людей, обладающих знанием, силой и верой, то тогда миссия наша оправдана, даже если мы все погибнем.

— Легенда о семи праведниках. Но вся планета — не городок, а нас слишком мало! — сумрачно усмехнулся командир звездолета.

— И снова вы забываете, что с нами Земля, ее знания, ее образ в столь успешно демонстрируемых вами стереофильмах. Прибавьте наши лекции, и рассказы, и нас самих. Скоро Чеди, Вир и Эвиза уйдут в город, если мой разговор с владыкой будет успешным.

— Вам говорил Таэль, что чиновники Совета возмущены демонстрацией фильмов? — спросил Гриф Рифт.

— Нет еще. Я ожидала этого. Надеюсь справиться с владыками, чтобы они не повредили тем, кто смотрел и будет смотреть. И не стойте так деревянно, милый!

Гриф Рифт беспомощно развел руками, избегая взгляда Родис. Вдруг он заметил позади нее на стене красочные контуры каких-то изображений: раньше их не было. Родис передвинула фокус экрана, а сама отступила в сторону.

Вся стена ее комнаты была расписана яркими грубоватыми красками Ян-Ях. Только что завершенная фреска, как сразу понял Гриф Рифт, символизировала восхождение из инферно.

По жутким обрывам, помогая друг другу, из последних сил карабкались люди. Внизу, на жирной траве, толпилось разнородное сборище, презрительно показывая на покрытых потом, жалких и бледных скалолазов. Поодаль стояли группки уверенных в своем превосходстве, смотревших отчужденно и равнодушно.

Трагически безнадежным казался этот подъем. Высоко вверху, почти на гребне стены, охватывавшей привольную низину, острым клином выдавался выступ — последняя ступень подъема. Голубое сияние поднималось из тени, отражаясь в скале. На самом краю выступа, скованная блестящей цепью, на коленях стояла женщина, кисти ее рук с жестокой силой были подтянуты к спине третьим оборотом цепи, охватившим живот и правое бедро. Звенья цепи вдавливались в нагое тело, чуть прикрытое на спине черной волной волос. Связанная, лишенная возможности протянуть руки карабкающимся и даже подать ободряющий знак, все-таки она была символом: непоколебимая уверенность знания! Словно она сконцентрировала в себе все радости утешения и надежды. Скованная Вера казалась независимой и свободной, будто бы не было жестоких пут, смерти и страдания. Случайно или намеренно Скованная Вера походила на Чеди...

— Зачем это здесь? — усомнился Гриф Рифт. — Поймут ли?

— Поймут, — уверенно сказала Родис, — я хочу оставить во дворце память о нас.

— Они уничтожат!

— Может быть. Но до того ее репродукции разойдутся по планете.

— Вы оказываетесь сильней меня всякий раз... — Рифт, замолчав, посмотрел на Родис как перед разлукой.

Та склонилась к самой границе фокуса, повела рукой успокаивающе и нежно.

— Мне стала сниться Амрия Мачен, высочайшая гора Азии. На горном плато, где роща гималайских елей граничит с

безлесным холмом, стоит буддийский древний храм — приют для усталых. В этом храме — месте отдыха и размышления перед властным порывом гор к небу — на рассвете и в предзакатные часы звучат огромные гонги цвета чистого золота из танталово-медного сплава. Протяжные могучие звуки устремляются в бесконечную даль, и каждый удар подолгу разносится в окружающей тишине.

Такое же ощущение вызывают звонницы древних русских храмов, восстановленные и снабженные титановыми колоколами. Эти серебристые колокола звенят столь же долгими нотами особенно чистого тона, притягивающими издалека волшебным неодолимым зовом. И будто я бегу на этот зов сквозь редкий утренний туман в серебре рассвета... а здесь рассвет приносит угрюмое напоминание незавершенного. И бежит лишь время...

Родис быстро простилась и выключила ТВФ.

В соседней комнате Эвиза Танет критически осматривала Чеди и Вир Норина, одевшихся для выхода за пределы садов Цоам, вниз, в гущу жизни столицы, населенной, по земным понятиям, с невероятной плотностью.

— Не получается, Чеди, — решительно заявила Эвиза, — за километр видна земная женщина. Если здесь народ действительно плохо воспитан, то за вами потянется целая толпа.

— Ну, а как вы?

— Я не намерена бродить по улицам в одиночестве, как вы с Норином, меня будут сопровождать местные коллеги. Они снабдят меня специальной одеждой медика, канареечно-желтого цвета. Поэтому с меня достаточно брюк и блузки.

— Выход один, — сказал астронавигатор, — пусть Таэль доставит нас, не привлекая ничьего внимания, к своим друзьям, и те помогут нам одеться.

— Если ему позволят, а нас отпустят. Во дворце ничего нельзя делать без специального разрешения. Это мы хорошо усвоили. — Чеди засунула руки за поясок, отвела назад плечи и состроила гримасу высокомерного недоброжелательства, свойственную всем «змееносцам» Торманса. Получилось так похоже, что Вир и Эвиза улыбнулись, немного рассеяв редкое для землян состояние жестокой печали, навеянное трагедией в Кин-Нан-Тэ.

Люди Эры Встретившихся Рук не страшились смерти и стойко встречали неизбежные случайности жизни, полной активного труда, путешествий, острых и смелых развлечений. Но бессмысленная гибель трех друзей на жестокой планете переносилась тяжелее, чем если бы это случилось на родине.

Не слишком ли мало их на Тормансе? Нет, если поразмыслить. Небольшой группе проще завязать контакт с людьми планеты, легче почувствовать ее психическую атмосферу, найти правильную манеру поведения и глубже понять тормансиан. Большая экспедиция отгородилась бы от мира Ян-Ях своим бытом и бытием. Понадобились бы десятки лет, пока два мира братьев по крови, но столь непохожих по своим представлениям и ощущению мира, открылись бы друг другу. Они правильно поступают, что бросаются в человеческое море Ян-Ях и растворяются в потоке ее жизни.

Подобные мысли заставляли землян тренировать себя в особенно суровой концентрации сил и чувств.

Их осталось четверо, скорее трое, для того чтобы осуществлять контакты с народом Торманса, Родис остается пленницей во дворце, и ее большая душевная сила не придет в соприкосновение с людьми Ян-Ях. Вероятно, этого и хочет избежать дальновидный Чойо Чагас. Неизвестно, разрешит ли он им жить в городе?..

Об этом и говорили Чеди, Вир и Эвиза, когда Родис вошла к ним. Родис побледнела от бессонных ночей у картины, которой она старалась отвлечь себя.

Эвиза показала на кресло, но Родис отрицательно покачала головой.

— Здесь и так слишком много сидят, как бывало у нас на Земле, когда человек — бегун и путешественник по природе — прочно уселся за столы или в кресла транспортных машин, отяжелив тело и разум.

— Что ж, верно, — согласилась Эвиза, думая о своем, и неожиданно спросила: — Фай, вам не кажется, что эту планету уже невозможно поднять из инферно? Что болезнь зашла слишком далеко, отравив людей испорченной наследственностью — дисгеникой? Что люди Торманса уже не способны верить ни во что и заботятся лишь об элементарных удовольствиях, ради которых они готовы на все? — Эвиза вопросительно посмотрела на Родис, та ободряюще кивнула, и Эвиза продолжала: — Если по планете бродят одичалые толпы, если пустыни наступают, съедая плодородные почвы, если израсходованы минеральные богатства, если деградация во всем и особенно в душах людей, то чем, какой силой они поднимутся? Когда женщинам Торманса три века назад предложили ограничить деторождение, они расценили это как посягательство на священнейшие права человека. Какие права? Не права, а обычные инстинкты, свойственные всем животным, инстинкты, идущие вразрез с нуждами общества. И до сих пор здесь не могут

понять, что свобода может быть лишь от великого понимания и ответственности. Никакой другой свободы во всей вселенной нет. Тормансианам вовсе не важно знать, что их дети будут здоровы, умны, сильны, что их ждет достойная жизнь. Они подчиняются минутному желанию, вовсе не думая о последствиях, о том, что они бросают в нищий, неустроенный мир новую жизнь, отдавая ее в рабство, обрекая на безвременную смерть. Неужели можно ожидать, что ребенок родится великим человеком, зная, что такая вероятность ничтожно мала? Разве можно так легкомысленно относиться к самому важному, самому святому?

Родис поцеловала Эвизу.

— Серьезные вопросы, Эвиза, возникали и у нас дома. В критическую эпоху Эры Разобщенного Мира, при начинавшемся крушении капиталистической европейской цивилизации, антропологи обратили внимание на индейцев хопи, обитавших в пустыне, на юго-западе Северной Америки. Они жили в условиях гораздо худших, чем на Тормансе, и тем не менее создали особое общество, по многим признакам близкое к коммунистическому, только на низком материальном уровне. Ученым ЭРМ хопи казались примером и надеждой: свободные женщины, коллективная забота о детях, воспитание самостоятельной трудовой деятельностью с самого раннего детства привели хопи к высокой интеллигентности и психической силе. К удивлению и смущению ученых-европейцев, после пятнадцати веков обитания в условиях трудных и суровых способности у детей хопи оказались выше, чем у одаренных белых детей. Поражали их высокая интеллигентность, наблюдательность, сложное и отвлеченное мышление. Естественно, из них вырастали люди, похожие на современных землян, серьезные, вдумчивые и очень активные, руководствовавшиеся не внешними соблазнами и приказами, а внутренним сознанием необходимости. Физически хопи также были совершеннее окружающих народов. Я помню фотографию одной девушки, она очень походила на Чеди...

— Следовательно, нищета Торманса не помешает восхождению? — оживившись, спросила Чеди.

— Я убеждена в этом, — решительно сказала Родис. — Что касается генетики, то сопоставьте период порчи генофонда с накоплением здоровых генов во время становления человека на нашей планете: несколько тысяч лет — и три миллиона. Ответ ясен.

— А что делать с безнадежно испорченной психологией? — спросила Эвиза.

— Вы повторяете ошибку психологов ЭРМ, в том числе и знаменитого тогда Фрейда. Они принимали динамику психических процессов за статику, считая постоянными, раз навсегда «отлитыми» особые сущности вроде «либидо» или «ментальности». На самом деле реально существуют лишь импульсные вспышки, которые легко координировать воспитанием и упражнением. Когда поняли эту простую вещь, начался поворот от психологии собственника и эгоиста капиталистического общества к коммунистическому сознанию. Неожиданно оказалось, что высокий уровень воспитания творит чудеса в душах людей и в устройстве общества. Пошла триггерная реакция — лавина добра, любви, самодисциплины и заботы, сразу же поднявшая и производительные силы. Люди могли бы предвидеть свой взлет, если бы вдумались, как сильны непередаваемо прекрасные предчувствия юности — доказательство врожденной красоты чувств, которую мы носим в себе, очень мало реализуя ее в прежние эпохи.

— Но ведь здесь отсутствует вера в людей, в лучшее будущее! — вступился за Эвизу астронавигатор.

— Вот потому тормансиане и пришли к мистицизму, — сказала Родис. — Когда человеку нет опоры в обществе, когда его не охраняют, а только угрожают ему и он не может положиться на закон и справедливость, он созревает для веры в сверхъестественное — последнее его прибежище. В конце Эры Разобщенного Мира мистика усилилась и в тираниях госкапитализма и в странах лжесоциализма. Лишенные образования, невежественные массы потеряли веру во всемогущих диктаторов и бросились к сектантству и мистицизму. Новый поворот исторической спирали вернул большинство человечества к атеизму познания. Если провести аналогию, то сейчас самый выгодный момент, чтобы в народе Торманса поселилась новая, настоящая вера в человека.

— Когда на Земле распространился мистицизм? — спросила Эвиза.

— В синем цикле семнадцатого круга. Историки для тех времен пользуются периодизацией, принятой в хрониках монастыря Бан Тоголо в Каракоруме. Уединившиеся там летописцы беспристрастно регистрировали мировые события ЭРМ, пользуясь двухполосной системой сопоставления противоречивых радиосообщений. Удаленность буддийского монастыря — причина, почему там сохранились летописи, — в те времена множество исторических документов в других странах погибло. В Бан Тоголо уцелела самая полная хронология, и мы пользуемся ее календарем.

— Великое сражение Запада и Востока, или битва Мары, было тоже в семнадцатом круге? — спросила Чеди.

— В год красной, или огненной, курицы семнадцатого круга, — подтвердила Фай Родис, — и продолжалось до года красного тигра.

— Забавная хронология! — сказала Эвиза. — Звучит архаически нелепо.

— Она не так уж нелепа, как кажется на первый взгляд. Каждый круг соответствует средней продолжительности человеческой жизни и потому воспринимается не только разумом, но и чувствами.

— А в Бан Тоголо сохранились летописи более раннего периода? — спросила Эвиза.

— Они уходят далеко в глубь времен, за Эру Смешения Формаций.

— В Темные Века? Тогда они приходятся между пятым и тринадцатым кругами. ЭРМ началась в пятнадцатом, — произвела быстрый расчет Чеди.

— А кончилась в черном цикле семнадцатого круга, — добавила Родис.

— Не пора ли прекратить изыскания, в каком бы круге мы ни находились? — предложила Эвиза. — Мы замучили Фай.

— В год синей лошади пятьдесят первого круга, — рассмеялась Родис. — Пойдемте ко мне. Мы много размышляли в последнее время. И даже забываем потанцевать...

Спустя неделю к Родис явился посланец Чойо Чагаса — сам начальник «лиловых» Ян Гао-Юар, или в сокращении Янгар, крупный человек с резкими чертами большого лица. Одно его имя заставляло инженера Таэля опасливо оглядываться.

Из-под приспущенных, словно в утомлении, век пристально, в упор смотрели ясные, ничего не выражающие глаза хищной птицы, безжалостные и неустрашимые. Впоследствии инженер Таэль объяснял, что начальник «лиловых» всегда смотрит прицеливаясь. Он был знаменитый на всю планету стрелок из пулевых пистолетов, какие имели офицеры стражи и сановники Ян-Ях.

Дерзко разглядывая гостью с Земли, впервые увиденную вблизи, Янгар передал приглашение владыки.

Фай Родис обещала прийти через несколько минут, но начальник «лиловых» не уходил.

— Мне приказано сопровождать.

— Я знаю дорогу в зеленый кабинет.

— Не туда! И мне приказано сопровождать!

«Обстоятельства изменились», — подумала Родис. Войдя к себе в комнату, она замерла на несколько минут, чтобы сосредоточиться и собрать энергию...

Начальник «лиловых» шел на шаг позади, не давая Фай Родис испытать его психическую стойкость.

Чойо Чагас, ожидая их, расхаживал по красным коврам. Высокие и узкие окна пропускали мало света, создавая любимый тормансианами розоватый полумрак. Владыка на этот раз не предложил гостье сесть. Родис, не увидев подходящей мебели, скрестив ноги, опустилась прямо на ковер. Чойо Чагас поднял брови, знаком отпустил Янгара и, пройдясь взад-вперед по залу, остановился перед Родис, подозрительно и гневно глядя на нее сверху вниз.

— Мы показывали фильмы только тем, кто жаждал знания, преодолевая неудобный путь до звездолета и риск быть захваченными вашими кордонами, — сказала Родис, не дожидаясь вопроса.

— Я запретил общественный показ! — с расстановкой проговорил владыка. — И предупредил, чтобы вы не вмешивались в дела нашей планеты!

— Общественного показа не было, — жестко ответила Родис. — Исполняя ваше желание, мы не демонстрировали фильмов всей планете. Вероятно, у вас есть на это причины?

— Я запретил показывать кому бы то ни было!

— На это не имеет право ни одно государство, ни одна планета во вселенной. Священный долг каждого из нас — нарушать такое беспримерное угнетение. Кто смеет закрывать мыслящему существу путь к познанию мира? Фашистские диктатуры прошлого Земли и других миров совершали подобные преступления, причиняя неимоверные бедствия. Поэтому когда в Великом Кольце обнаруживают государство, закрывающее своим людям путь к знанию, то такое государство разрушают. Это единственный случай, дающий право на прямое вмешательство в дела чужой планеты.

— Может ли судить какое-то там Кольцо о конкретном вреде или пользе в чужой жизни! — в бешенстве крикнул Чойо Чагас.

— Не может. Но запрет познавать искусство, науки, жизнь других планет недопустим. Для того чтобы установить с вами дружеские отношения и понимание, мы сделали уступку, не требуя всепланетного показа фильмов.

Чойо Чагас издал невнятный звук и быстрее прежнего заходил по залу.

— Мне жаль, — тихо сказала Родис, — что вы не оценили стереофильмов, привезенных нами. Они, в противовес гнетущему аду, собранному вашими предками там, внизу, доказывают конечную победу человеческого разума.

— Но контроль? Кто поручится за полную безвредность ваших фильмов? Это пропаганда чужих идей! Обман!

— Коммунистическое общество Земли не нуждается ни в пропаганде, ни в обмане. Поймите, владыка планеты! — Родис вскочила на ноги. — Зачем это Земле? Вы умный человек, как бы ни ограничивали вас диктаторские условия! Неужели вы не чувствуете, что наше единственное желание, до того как мы тронемся в обратный путь, как можно больше отдать вам, помочь вашим людям найти путь к иной жизни... безвозмездно! Нет выше радости для человека, чем отдавать и помогать, поймите же!

Она держала перед лицом сцепленные в порыве руки и замерла в полушаге от Чойо Чагаса, наклоняясь вперед, как воспитательница или мать тупого ребенка.

Страстная убедительность слов Фай Родис произвела впечатление на владыку. Он глубокомысленно уставился в пол и молча повел Родис в обычное место их встреч — в зеленую комнату с черной мебелью и гадальным шаром из горного хрусталя. Там он взял свою трубку и потянул из нее дым с резким запахом, уже знакомым Родис.

— Люди, — сказал Чойо Чагас, прикрывая веками узкие свои глаза, — тени, не имеющие значения в истории. Живут только их дела. Дела — это гранит, а жизни — песок. Таково древнее изречение...

— Оно знакомо и мне — от наших общих предков... Но вспомните, что толпа и властитель — диалектическое единство противоположностей — раздельно не существуют. И обе стороны невежественные, садистски жестокие, озлобленные друг на друга, особенно когда назревает противоречие социальной сложности и духовной нищеты.

— Тогда меня поражает, почему вы так заботитесь о безымянных толпах Ян-Ях? Это люди, с которыми можно сделать все, что угодно! Ограбить, отнять жен и возлюбленных, выгнать из удобных домов. Надо только применить старый, как наш и земной мир, прием — восхвалять их. Кричите им, что они велики, прекрасны, храбры и умны, и они позволят вам все. Но попробуйте назвать их тем, что они есть на самом деле — невеждами, глупцами, тупыми и беспомощными ублюдками, — и рев негодования заглушит любое разумное обращение к ним, хотя они живут всю жизнь в унижении куда худшем.

— Вы, очевидно, из фильмов, вывезенных с Земли, усвоили худший из способов управления людьми, — укоризненно сказала Родис. — Но и тогда уже нашими предками применялся другой метод: обращение к здравому смыслу людей, стремление объяснить им причины действий и доказать следствия. Тогда по глубоко заложенному в нас чувству справедливости и ощущению правоты мы сделаем гораздо больше и пойдем на трудные испытания, что и было доказано людьми прошлого. Нельзя выбирать всегда легкий путь — можно очутиться в безвыходном инферно.

— Трудный и плодотворный путь немыслим при большом количестве людей.

— Чем больше людей, тем больше выбор умов, соединенные усилия которых дали Земле ее ноосферу, могучую и чистую. Современный человек — результат слияния различных сходившихся в течение миллионов лет ветвей. Поэтому наследственность его хранит множество психологических сущностей и разница между индивидами очень велика. В этом ключ к совершенствованию и преграда для превращения человечества в муравьиное общество. Слияние различных типов психологических структур, которые всегда будут вести себя по-разному в общем потоке культуры, — величайшее чудо и свидетельство прекрасных качеств человека в направляющих рамках общественного сознания.

— А миллиарды дураков и психопатов, дробящих истину на мелочные откровения и создающих великую путаницу мнений? Один мудрец писал о знании как о жире, засоряющем мозг. Оно у них такое. Зачем им жить, тратя последние ресурсы планеты?

— Вы уже добились неуклонного падения рождаемости среди вашей интеллигенции. Вы стремитесь избавить людей от привязанностей, чтобы превратить их в орудие угнетения и власти! Что ж, это естественный результат тиранического отношения к людям.

— Сведения, полученные от инженера Толло Фраэля! — воскликнул Чойо Чагас, будто уличая Родис. — Кстати, он знал о передачах стереофильмов?

Тошнотворное чувство необходимости лгать подступило к Родис. В мире Торманса неуклонное соблюдение законов Земли всегда могло привести к тяжелым последствиям.

— Я давно догадалась, что он обязан доносить, — уклончиво ответила она.

Чойо Чагас по-иному понял мелькнувшее в лице Родис отвращение и самодовольно усмехнулся. Родис стало ясно, что угроза Таэлю миновала. Она опустила глаза, чтобы скрыть малейший оттенок своих эмоций от зорко следившего за ней Чойо Чагаса.

— Ответьте прямо, могли бы вы меня убить? — спросил вдруг он.

Родис уже не удивлялась внезапным скачкам мыслей Чагаса.

— Зачем? — спокойно спросила она.

— Чтобы устранить меня и ослабить власть.

— Устранить вас! На вашем месте мгновенно окажется другой, еще хуже. Вы-то хоть умны...

— Хоть! — с гневом вскричал владыка.

— Ваша общественная система не обеспечивает приход к власти умных и порядочных людей, в этом ее основная беда. Более того, по закону, открытому еще в Эру Разобщенного Мира Питером, в этой системе есть тенденция к увеличению некомпетентности правящих кругов.

Чойо Чагас хотел возразить, сдержался и вкрадчиво спросил:

— А технически — могли бы убить? И чем?

— В любой момент. Приказать умереть.

— Я тоже могу вас истребить в мгновение ока!

Родис пожала плечами с чисто женским презрением.

— В этом случае командир нашего звездолета обещал срыть поверхность всей Ян-Ях на километр вглубь.

— Но вы не совершаете убийств! И наверняка запретите ему!

— Меня тогда не будет в живых, — улыбнулась Родис, — а он командир!..

Чойо Чагас задумчиво постучал пальцами по столу, и как бы в ответ тихо прозвенел невидимый колокольчик.

По тому, как встревожился председатель Совета Четырех, Фай Родис стало ясно, что сигнал возвещает о чем-то очень важном. Она поднялась, но владыка, смотревший в аппарат, скрытый от Родис стенкой резного дерева, властно указал ей на кресло...

— Вас вызывает ваш корабль. К Ян-Ях приближается звездолет. Земной?

— О нет! — воскликнула Родис так уверенно, что владыка посмотрел на нее с подозрением. — Я не жду его скоро, — добавила она, поняв его мысли.

— А вы можете связаться с этим новым пришельцем?

— Конечно, если их планета входит в Великое Кольцо.

— Я хочу присутствовать!

Родис достаточно узнала обычаи Торманса. Владыку нельзя приглашать ни к себе, ни в какое другое место. К нему являются только по его зову.

Примчался Вир Норин с двумя СДФ. В зеленой комнате с неизменно поражавшей тормансиан реальностью возникла кабина «Темного Пламени» со звездолетчиками, собравшимися по тревоге. Олла Дез манипулировала селектором волн. Сигна-

лы приближавшегося корабля были вне спектра Великого Кольца. Вот Олла Дез потянула на себя черный рычаг в верхней части пульта и одновременно нажала ногой красную педаль, включая и вычислительную и памятную машины для расчета необычайного спектра передачи.

Кабина наполнилась протяжным дрожащим звоном ненастроенной несущей волны. На большом экране в кабине звездолета замелькали, строясь и рассыпаясь, куски изображений. Чойо Чагас прикрыл глаза, чтобы не поддаться приступу головокружения. Мелькание замедлилось, части раздробленной картины застревали в экране, словно пойманные в сети. Наконец из них сложилось видение необычайного корабля. У него было четыре плоскости из нескольких слоев грандиозных труб, перекрещивавшихся на гигантском продольном цилиндре, как четыре музыкальных органа, соединенных в косой крест. В трубах пульсировало бледное пламя, кольцом обегавшее все сооружение.

Изображение звездолета выросло, поглотило весь экран, растворилось в нем. Остался лишь серповидный выступ продольного цилиндра на фоне бездонной черноты космоса. Из полулунной выемки вылетали и уносились вперед светящиеся, подобные восьмеркам, знаки. Они чередовались в вертикальной и горизонтальной ориентировке, шли то отдельными группами, то непрерывной цепью. Видение продолжалось не более минуты и сменилось картиной внутреннего помещения корабля. Три плоскости пересекались под разными углами — чуждая архитектура с трудом угадывалась в ракурсе передатчика.

Внимание привлекли шесть неподвижных фигур, утонувших в глубоких сиденьях перед наклонной, в форме треугольника, стеной, блестевшей, как черное зеркало. Серебристо-лиловый тусклый свет пробегал змеящимися потоками по косым плоскостям потолка. Помещение то погружалось в сумерки, то вспыхивало слепящим огнем, без теней и переходов. Пульсация освещения мешала разглядеть подробности.

Все шесть фигур недвижно сидели по-человечески, одетые в нечто вроде темных плащей с заостренными капюшонами, скрывавшими лица таинственных существ.

Земляне не могли судить о размерах корабля. На экране не появилось ничего, хотя бы отдаленно знакомого космическому опыту Великого Кольца.

Редкие вспышки света, застывшие темные фигуры, странно изломанные и перекошенные крепления корпуса — все это действовало угнетающе. Непонятная сила неслась из глубины вселенной. По-видимому, корабль приближался. Настойчиво

нарастал вибрирующий стон, подобный звуку рвущегося металла. Этот звук, угасавший и возрождавшийся с новой силой при каждой световой вспышке, заставлял человека содрогаться в необъяснимом отвращении.

Вся трепеща — она не могла бы передать, что ощущала в эти минуты, — Олла Дез заглушила звуковой фон и включила передатчик «Темного Пламени». За немногие секунды машины определили цель и направили на нее луч, повторявший известный всей Галактике зов Великого Кольца.

Ничто не изменилось в передаче с неизвестного звездолета. Так же перебегали серебристые вспышки, так же недвижно и угрюмо сидели фигуры в непроницаемых капюшонах.

Олла Дез усиливала зов на той же волне, какой пользовался чужой звездолет. Столбик синего огня — указатель мощности каскада — поднялся до конца трубки. Олла Дез приоткрыла звуковой канал и сразу уменьшила его до минимума — этот горестный стон невозможно было слушать.

«Темное Пламя» звал, переходя на различные коды. Стонущий звук постепенно слабел. Стало очевидным, что чужой звездолет удаляется, не обращая внимания на сигналы. Некоторое время на экране виднелся четырехреберный очерк корабля, но и он слился с мраком космоса.

С веселым звоном в ряду индексов главного локатора побежала цепочка цифр.

— Курс 336-11 по северному лимбу Галактики, уровень четвертый, скорость 0,88, — сообщил Див Симбел.

— Идет поперек Галактики, примерно от Волос Вероники, выше уровня главных сгущений, — сказал Гриф Рифт.

— Странно, что движется в обычном пространстве. Его скорость невелика. На пересечение ему понадобится больше ста тысяч земных лет, — громко отозвался из дворца владыки Вир Норин.

От неожиданности Чойо Чагас и несколько присутствовавших сановников резко повернулись в его сторону.

— А живы ли те, что в корабле? — Мента Кор задала вопрос, мучивший всех звездолетчиков.

— И звездолет будет идти без конца? — спросил Чойо Чагас, обращаясь к Фай Родис.

За нее ответила Мента Кор:

— Пока не иссякнет запас энергии для автоматов, исправляющих курс, звездолет неуязвим. Но и после того, в разреженной зоне четвертого уровня, шансы на встречу со скоплением материи так незначительны, что он может пронизать всю Галактику и мчаться еще не один миллион лет.

— Миллион лет, — медленно произнес Чойо Чагас и, спохватившись, насупился.

— Разве принято на Земле отвечать, когда не спрашивают? — грозно сказал он, глядя только на Родис. — Да еще в присутствии старших?

— Принято, — ответила Родис. — Если разговор ведут несколько людей, отвечает тот, у кого раньше сформулировался ответ. Старшинство не имеет значения. Я подразумеваю возраст.

— А звание также не имеет значения?

— В обсуждении вопроса — никакого.

— Анархисты! — буркнул Чойо Чагас, поднимаясь.

По знаку Родис Олла Дез выключила связь. Прекратили свое мягкое гудение проекторы СДФ.

Завешанный яркими тканями зал дворца принял обычный вид, будто и не было угрюмого призрака корабля, промелькнувшего мимо планеты, посылая в пространство непонятный стонущий зов.

Землян потрясла встреча с межзвездным скитальцем. Нечто безвыходное, инфернальное было в метании света среди остро перекрещенных металлических плоскостей пустого зала корабля.

Гнетущая тоска овладела, видимо, не одними лишь землянами. Чойо Чагас, не сказав ни слова, побрел в свои покои несвойственной ему усталой походкой. Позади неслышно шли два «лиловых», презрительно оглядываясь на следовавшую в отдалении кучку приближенных.

Фай Родис напрасно опасалась, что ее спутников задержат еще на несколько дней. Инженер Таэль вручил Чеди, Эвизе и Вир Норину кусочки гибкого пластика, испещренные значками и покрытые прозрачной пленкой. Карточки давали право появляться во всех учреждениях, собраниях и институтах города Средоточия Мудрости. К великому удивлению землян, оказалось, что подобным правом обладали лишь немногие жители столицы. Большинство имели карточки иного рода, ограничивавшие их владельцев в правах. Человек без карточки считался вне закона. Его хватали и после дознания или высылали в другую область планеты, где требовался физический труд, или же, если этой потребности не было, обрекали на «легкую смерть».

Таэль проводил троих землян вместе с их СДФ за пределы запретной зоны садов Цоам и, передав провожатым, возвратился. Он нашел Фай Родис у прозрачной стены холла, в который выходили двери опустевших комнат. Без скафандра, в короткой широкой юбке с корсажем, она стала ближе, домашнее.

Родис всматривалась в сад, где вздрагивали ветви деревьев, жадно протянувшие к небу воронки своих ветвей. Таэлю вдруг подумалось, насколько милые его сердцу растения должны казаться для землян чужими. И одинокая Родис в ее легкомысленно юном, по мерке Ян-Ях, наряде представилась ему пленницей, тоскующей и беззащитной.

Инженер забыл обо всем. Долго сдерживаемое чувство вырвалось наружу с неожиданной для него самого силой. Он припал на колено, уподобляясь, сам того не зная, древним рыцарям Земли. Схватив опущенную руку Фай Родис, он стал горячо, выразительно и торопливо признаваться в своей любви.

Родис слушала его, не двигаясь и не удивляясь, будто все, что говорил тормансианин, давно ей известно.

Таэль смотрел в ее глаза, стараясь прочитать или хотя бы угадать ответ. Сияющие, как у всех землян, сказочные зеленые очи жительницы Земли под внешней ласковостью таили непоколебимую отвагу и бдительность, стояли на страже ее внутреннего мира. И, разбиваясь об эту незримую стену, гасли мечты и слова любви, поднявшие инженера на один уровень с Фай Родис. Таэль опустил голову и умолк, продолжая стоять у ног Родис в позе, которая уже казалась ему нелепой.

Фай Родис сжала его соединенные ладони и легко подняла. Она хотела положить руки на плечи Таэля, но он, зная их успокоительную силу, отшатнулся, почти негодуя. По известному человеческому закону, одинаковому для Земли и Торманса, мужчина, моливший о любви, мог легче перенести отказ, чем дружеское участие. Не жалость, нет, жалости к себе не почувствовал тормансианин, и за это был благодарен своей избраннице, не отстранившейся от него и в то же время такой невозможно далекой.

— Простите меня, — с достоинством сказал Таэль, — замечтался, и мне показалось... словом, я забыл, что у вас не может быть любви к нам, низшим существам заброшенной планеты.

— Может, Таэль, — тихо ответила Родис.

Инженер до боли сжал пальцы заложенных за спину рук. Снова, ломая волю и сдавливая грудь, захватила его опасная сила земной женщины.

— Тогда... — пробормотал он, вновь обретая надежду.

— Посмотрите глазами Земли, Таэль. Вы видели нашу жизнь. Найдите мне место в вашей, ибо любовь у нас только в совместном пути. Иначе это лишь физическая страсть, которая реализуется и проходит, исполнив свое назначение. Периоды ее бывают не часто, потому что требуют такого подъема чувств и напряжения сил, что для неравного партнера представляют смертельную опасность.

Для инженера менторский оборот, какой приняло ее объяснение, становился невыносимым и обидным, хотя он отлично понимал, что Фай Родис говорит с ним доверчиво, прямо и, главное, как с равным.

Инженер Таэль попрощался и побрел к выходу, стараясь держаться с независимостью и достоинством землянина.

Фай Родис огорченно посмотрела вслед и вдруг окликнула:

— Вернитесь, я должна сказать нечто важное.

Родис привела его в свою комнату и плотно прикрыла дверь. Загудел СДФ. Включив защитное поле, Родис рассказала о своем разговоре с Чойо Чагасом.

Тормансианин слушал ее со слабой улыбкой, которая у обитателей планеты Ян-Ях прикрывала горечь бессилия.

— Вы сказали, что я обязан доносить? — спросил он.

Родис кивнула.

— Так это совершенно верно! И я доносил все это время, иначе мне нельзя.

— Почему?

— День без донесения — и я не смог бы видеть вас. Никогда больше.

— Что же вы доносили?

— О, это опасная игра. Рассказать правду, которая не повредит вам, умолчать о важном, придумать полуправду. Имеешь дело с умными врагами, но полуправда, изобретенная для политического обмана, годится как оружие против них же.

— Зачем вы ведете подобную игру?

— Как зачем? А десятки тысяч людей Ян-Ях, видевших коммунистическую Землю? А знание, каким вы вооружили нас? А радость общения с вами? Мне выпал счастливейший жребий! Увидеть другую жизнь, сказочно прекрасную, стоять на границе двух миров! Понять, поверить, убедиться в возможности выхода для народа Ян-Ях!

— Простите, меня, Таэль, — почтительно, как старшему, сказала Фай Родис, — я знаю еще так мало и делаю обидные ошибки...

— Что вы, звезда моя! — воскликнул потрясенный Таэль, пятясь к двери.

Родис с силой потянула его за руку и усадила на большой диван — на нем не раз сидели земляне.

Инженера охватило странное чувство отрешенности. Будто все это происходило с кем-то другим, а он сам был посторонним свидетелем разговора обитателей разных миров.

Фай Родис забралась на диван, поджав ноги и обняв руками голые колени. Она смотрела теперь на тормансианского

инженера по-иному, понимая, откуда эти глубокие морщины, избороздившие его лоб; почему страдальчески и навсегда непреклонно нахмурились брови над светлыми и зоркими глазами мыслителя; почему пролегли глубокие складки, сбегавшие от крыльев носа далеко на щеки, минуя углы полных, всегда сжатых губ; почему ранняя редкая седина проступала в бороде и усах.

По своему обыкновению, Фай Родис положила пальцы на руку инженера, устанавливая телесный контакт, помогавший ощущать человека, столь далекого по своим привычкам и столь близкого в своих стремлениях.

Таэль глядел задумчиво и печально. Не раз испытанное им ощущение космических бездн, как бы разверзавшихся позади Родис, подступило снова, и тормансианин вздрогнул.

Родис сильнее надавила на его руку, тихо спросив:

— Будьте откровенны со мной, Таэль. Чем грозят вам, что стоит за плечами у вас и, очевидно, у каждого жителя Ян-Ях?

— Смотря по провинности. Если нарушу обязательство доносить, то меня ждет изгнание. Придется ехать куда-нибудь в далекий город, потому что в столице не будет для меня работы.

— А если обнаружится, что вы воспользовались общением с нами, чтобы передавать своим друзьям нашу информацию?

— Обвинят в государственной измене. Арестуют, будут пытать, чтобы я выдал участников. Тех будут пытать в свою очередь, они выдадут остальных и еще несколько сот непричастных, просто чтобы избавиться от невыносимых мук. Затем всех уничтожат.

Родис содрогнулась, хотя все это ей было знакомо. Но сейчас перед ней разворачивалась не история, не потонувшие в тысячелетиях переживания древних людей Земли. Сама жизнь Торманса в образе инженера Таэля смотрела на нее кротко и печально. В этом спокойствии было больше трагедии, чем в отчаянном крике. И экранированная тихо гудящим СДФ комната показалась Родис утлым плотиком во враждебном океане, где берег во все стороны равно далек и недостижим.

— Я их не боюсь, — сказал Таэль, — и не потому, что уверен в своей силе. Никто не может устоять. То, что рассказывается в легендах о несгибаемых людях, или ложь, или свидетельство недостаточного умения палачей. Есть люди высочайшего героизма, но, если применить к ним достаточно длительные и достаточно сильные пытки, они также сломаются, превратятся из человека в забитое, полумертвое животное, исполняющее в полусне приказы.

— На что же вы надеетесь?

— На свою слабость. Палачи вначале крушат человека физически. Вторая ступень — психическая ломка. Я погибну на первой ступени, и они не добьются ничего!

Фай Родис выпрямилась, вздохнув. Тормансианин не мог отвести глаз от ее высоко поднявшихся грудей. Непристойно и стыдно по морали Ян-Ях, но женщина Земли приняла взгляд инженера как естественную дань влечения мужчины.

Фай Родис думала, что природа, несмотря на неотступную жестокость процесса эволюции, все же оказывается более гуманной, чем человек. Человек, изобретший тонкие, глубоко проникающие внутрь орудия — стрелы, копья, пули, — резко увеличил инферно мучений на Земле, отбросив боевую тактику хищного зверя, основанную на шоке первого удара, разрыве больших сосудов и безболезненной смерти от потери крови. Жертвы человека стали погибать в ужасных мучениях от глубоких внутренних воспалений. А когда психически неполноценные докатились до садизма, они создали адскую технику мучений, немедленно использованную в политических и военных целях.

И вот дети Земли вернулись в подобный мир, давно стертый с лица их планеты!

Фай Родис провела рукой по волосам инженера.

— Слушайте, Таэль! Продолжайте их информировать, вы знаете, что у нас нет секретов. Мы возьмем вас в «Темное Пламя», вылечим, дадим крепость тела, психическую тренировку. Вы постигнете, как управлять своим телом, чувствами, подчинять себе людей, если это понадобится для вашего дела. И вы вернетесь сюда другим человеком. Потребуется всего лишь два-три месяца!

Тормансианин встал с дивана, решительно тряхнул головой.

— Нет, Родис, — он произнес земное имя непривычно для резкого языка Торманса — певуче и нежно, — я не могу стать идеально здоровым среди болезненных людей своей планеты. Не могу потому, что знаю, как много времени и сил надо тратить на себя, чтобы держаться на этом уровне. Я ведь не получил идеального тела как наследство от предков. Одно приближение к вашей силе потребует столько времени и внимания для себя, что меня не хватит на более важное: доброту, любовь, жалость и заботу о других, в чем я вижу свой долг. Мало любви и добра в нашем мире! Мало людей, одаренных и не растративших свои душевные силы на пустяки вроде карьеры — жизни, богатой материально, или власти. Я родился слабым, но с любовью к людям, и не должен уходить с этого пути. Спасибо вам, Родис!

Родис помолчала, вглядываясь в инженера, потом ее «звездные» глаза потухли, прикрытые опущенными ресницами.

— Хорошо, Таэль! Побуждения ваши прекрасны. Вы по-настоящему сильный человек. Будущее планеты — в руках таких, как вы. Но примите лишь один дар от меня. Он освободит вас от опасения возможных мук и поставит вне власти палачей. Если найдете нужным, то сможете передать его и другим...

Она снова посмотрела на инженера: понимает ли?

— Да, вы догадались верно. Я научу вас умению мгновенно умереть в любой момент, по собственной воле, не пользуясь ничем, кроме внутренних сил организма. Испокон веков все тираны больше всего ненавидели людей, самовольно уходивших из-под их власти над жизнью и смертью. Право распоряжаться жизнью и смертью стало неотъемлемым правом господина. И люди уверовали в этот фетишизм, поддержанный христианской церковью. За тысячелетия прошедших на Земле цивилизаций они не придумали ничего, кроме мучительных способов самоубийства, доступных и зверю. Только мудрецы Индии рано поняли, что, сделав человека владыкой собственной смерти, они освобождают его от страха перед жизнью... — Родис подумала и спросила: — Но, может быть, с вашим долгом «ранней смерти» все это не так существенно, как в древности на Земле?

— Очень важно! — воскликнул Таэль. — «Нежная смерть» тоже целиком в руках олигархии, и без позволения никто не войдет в ее дворец. А для нас, образованных долгожителей, зависимость жизни и смерти от владык абсолютна.

— Выберите время, — решительно сказала Родис, — при вашей психической нетренированности нам понадобится несколько занятий.

— Так много!

— Это нельзя усвоить без опытного учителя. Надо знать, как остановить сердце в любой желаемый момент. Едва обычный человек Ян-Ях начнет тормозить свое сердце, как мозг, не получая нужного ежесекундно кислорода и питания, сразу подхлестнет его. Поэтому для торможения сердца надо усыпить мозг, но тогда утрачивается самоконтроль и «урок» закончится смертью. Моя задача — научить вас не терять самоконтроля до последнего шага из жизни.

— Благодарю, благодарю вас! — радостно воскликнул Таэль. Смело взяв обе руки Родис, он покрыл их поцелуями.

Она высвободила руки и, подняв голову инженера, сама поцеловала Таэля.

— Никогда не могла подумать, что я отдам влюбленному в меня человеку дар умереть. Как бесконечно странна и печальна жизнь во власти инферно!..

Заметив, что Таэль смотрит на нее с недоумением, она добавила:

— В одной из древних легенд Земли говорится о богине печали, утешавшей смертных отравленным вином.

— Я помню эту легенду и теперь знаю, что она пришла от общих наших предков! Только у нас говорится, что вино приготовили из лоз, выраставших на могиле любви. У вас тоже?

— У нас тоже.

— И это так, богиня печали! До завтра? Хорошо?

Инженер Таэль сам выключил экранирование и, не обернувшись, вышел, осторожно закрыв тяжелую и высокую дверь.

Фай Родис улеглась на диване, положив подбородок на скрещенные руки. Она раздумывала о своей двойственной роли на планете Ян-Ях. Умный владыка, сделав ее негласной пленницей своего дворца, изолировал от людей Ян-Ях. И в то же время невольно дал ей возможность проникнуть в самое существо власти над планетой, изучить олигархическую систему, понять которую человеку высшего, коммунистического общества было бы чрезвычайно трудно. Основа олигархии, казалось, была предельно проста и практиковалась издревле на Земле, принимая различные формы — от тиранических диктатур в Ассирии, Риме, Монголии, Средней Азии до самых последних видов национализма на капиталистическом Западе, неизбежно ведших к фашизму.

Когда объявляют себя единственно — и во всех случаях — правым, это автоматически влечет за собой истребление всех открыто инакомыслящих, то есть наиболее интеллигентной части народа. Чтобы воспрепятствовать возрождению вольности, олигархи ставили задачей сломить волю своих подданных, искалечить их психически. И к осуществлению этой задачи повсеместно пытались привлечь ученых. К великому счастью, деградация биологических наук на Тормансе не позволила такого рода «ученым» добиться серьезных успехов в тех зловещих отраслях биологии, которые в отдельных странах Земли в свое время едва не привели к превращению большинства народа в тупых дешевых роботов, покорных исполнителей любой воли. Здесь, на обедневшей планете, средства духовной ломки были несложны: террор и голод плюс полный произвол в образовании и воспитании. Духовные ценности знания и искусства, тысячелетиями накопленные народами, изымались из обращения. Вместо них внушали погоню за мнимыми ценностями, за вещами, которые становились все хуже по мере разрушения эко-

номики, неизбежного при упадке морально-психического качества людей. На Земле, при разнообразии стран и народов, олигархия никогда не достигала столь безраздельной власти, как на Тормансе. В любой момент в любом месте планеты владыки могли сделать все, что угодно, бросив лишь несколько слов. Разъяснение необходимости или объяснение случившегося предоставлялось ученым слугам. Эта абсолютная власть нередко попадала в руки психически ненормальных людей. В свое время на Земле именно параноики с их бешеной энергией и фанатичной убежденностью в своей правоте становились политическими или религиозными вождями. В результате в среде физически более слабых резко увеличивалось число людей с маниакально-депрессивной психикой, основой жизни их становился страх — страх перед наказанием, дамоклов меч хронической боязни — как бы и каким-либо образом не ошибиться и не совершить наказуемый проступок.

На Тормансе владыки не боялись сопротивления и, к счастью, были лишены параноидального комплекса и мании преследования, и это обстоятельство, без сомнения, спасло жизни миллионам людей.

«О, эти сны о небе золотистом, о пристани крылатых кораблей!» — вспомнила Родис стихи древнего поэта России: больше всего любила она русскую поэзию того времени за чистоту и верность человеку. Сны сбылись совсем не так, как мечталось поэту. С развитием технической цивилизации все большее число людей исключалось из активного участия в жизни, ибо действовало в очень узкой сфере своей специальности, более ничего не умея и не зная.

До Эры Разобщенного Мира средний человек Земли был довольно разносторонне развитой личностью — он мог своими руками построить жилище или корабль, знал, как обращаться с конем и повозкой, и, как правило, всегда был готов с мечом в руках сражаться в рядах войска.

А потом, когда людей стало больше, они сделались ничего не значащими придатками узких и мелких своих профессий, пассивными пассажирами разнообразных средств передвижения.

Если представить себе человечество в виде пирамиды, то чем выше она, тем острее — и малочисленней — верхушка, состоящая из активной части людей, и шире основание. Если раньше отдельная личность была многогранна и крепка, то с ростом пирамиды, с потерей интереса к жизни она становилась слабее и неспособнее. Многие мыслители ЭРМ считали скуку, потерю интереса к жизни опаснее атомной войны! Какова бы ни была элита верхних слоев, все тяжелее становилось нижним

и углублялось инферно. При такой тенденции цивилизация, выросшая из технократического капитализма, должна была рухнуть — и рухнула! Иерархическая пирамида власти на Тормансе представлялась Родис как ступенчатое нагромождение резко расширяющихся книзу слоев. Оно опиралось на широкое «основание» — миллиард «кжи», необразованных, малоспособных, удостоенных «счастья» умереть молодыми.

«Наши ученые и мой Кин Рух были совершенно правы, — подумала Родис, — говоря об умножении инферно, раз нет выхода для нижних слоев пирамиды. Она должна быть разрушена! Но ведь пирамида — самая устойчивая из всех построек! Устранение верхушки ничего не решает: на месте убранных сейчас же возникнет новая вершина из нижележащего слоя. У пирамиды надо развалить основание, а для этого необходимо дать нужную информацию именно «кжи».

Родис вызвала «Темное Пламя» — надо было посоветоваться с Грифом.

Гриф Рифт возник перед ней в трех, увы, непереходимых шагах — он был обрадован внепрограммной встречей.

Родис рассказала про пирамиду, и Гриф Рифт задумался.

— Да, единственный выход. Кстати, это давняя методика всех подлинных революций. Приспеет время, и пирамида рухнет, но только когда внизу накопятся силы, способные на организацию иного общества. Пусть поймет ваш инженер, что для этого нужен союз «джи» с «кжи». Иначе Торманс не выйдет из инферно. Разрыв между «джи» и «кжи» — осевой стержень олигархии. Они не могут обойтись без тех и без других, но сами существуют лишь за счет их разобщения. «Кжи» и «джи» одинаково бьются в крепчайшей клетке, созданной усилиями обоих классов. Чем сильнее они враждуют, тем прочнее и безвыходнее клетка. Надо снабжать их не только информацией, но и оружием.

— Мы не можем вслепую раздавать оружие, — сказала Родис, — а всеобщая информация действует слишком медленно! Сейчас главное для них — средства обороны, а не нападения, точнее, средства защиты от деспотизма. Два мощных инструмента: ДПА — распознаватель психологии и ИКП — ингибитор короткой памяти — защитят зарождающиеся группы от шпионов и дадут им вырасти и созреть.

— Согласен. Но информацию следует распространять иначе, — сказал Рифт. — Мы начали наивно и создали опасную ситуацию. Я советую объявить владыкам о прекращении демонстрации фильмов. Вы скажете правду, а мы приготовим

миллион патронов, сотня которых незаметно уместится в любом кармане. Вместо сеанса стереофильмов мы станем раздавать патроны с видеоинформацией на все необходимые темы. Видевшие фильмы подтвердят, что информация — реальная правда, отобранная для путающихся во тьме.

— Сегодня я поняла, что, помимо ДПА, им нужна психологическая тренировка, чтобы освободить их от страха преследования и от фетишизирования власти. Слишком далеко разошлись здесь отношения людей с государством. Оно стоит над ними как недобрая и всемогущая сила. Пора им понять, что в правовом отношении каждый индивид и народ однозначны, а не антагонисты. Переход единичности во множественность и обратно — вот в чем они совершенно не разбираются, путая цель и средство, технику и познание, качество и количество.

Гриф Рифт невесело усмехнулся.

— Не понимаю, почему эта цивилизация еще существует. Ведь здесь нарушен закон Синед Роба. Если они достигли высокой техники и почти подошли к овладению космосом — и не позаботились о моральном благосостоянии, куда более важном, чем материальное, — то они не могли перейти порога Роба! Ни одно низкое по морально-этическому уровню общество не может его перейти, не самоуничтожившись, — и все же они его перешли!

— Как же вы не догадались, Рифт! Их цивилизация с самого начала была монолитна, так же как и народ, на какие бы государства они временно не разъединялись. Железная крышка олигархии прихлопнула всю планету, сняла угрозу порога Роба, но и уничтожила возможность выхода из инферно...

— Согласен! Но как быть со Стрелой Аримана?

— Увидим... — Родис насторожилась и поспешно добавила: — Сюда идут. До свидания, Гриф! Готовьте патроны информации, а о темах подумаем, когда соберете всех на совет. И побольше ДПА и ИКП! Все силы на них!

Родис выключила СДФ и уселась на диван, чувствуя приближение чужого человека.

В дверь постучали. Появился высокий и худой старый «змееносец».

— Великий председатель приглашает владычицу землян провести вечер в его покоях. Он ждет вас через... — Сановник поднял глаза на стену, где на больших часах осциллировали круговые светящиеся полоски, и увидел картину Фай Родис. Старик сбился с торжественной речи и поспешно закончил: — Через два кольца времени.

Поблагодарив, Родис отпустила посланного. «Опять нечто новое», — подумала она, подходя к зеркалу и критически оглядев свое скромное одеяние.

Женщины Земли, прирожденные артистки, любили играть в перевоплощение. Меняя обличье, они перестраивали себя соответственно принятому образу. Во время пути на звездолете Олла Дез перевоплощалась в маркизу конца феодальной эры, Нея Холли становилась шальной девчонкой ЭРМ, а Тивиса Хенако — гейшей древней Японии. Мужчин это занимало меньше — из-за бедности воображения и чисто мужской нелюбви к отработке подробностей.

Родис, вертясь перед зеркалом и перебирая подходящие обличья, остановилась на женщине старой Индии — магарани. Одежда индийской женщины — сари — подходила к случаю: и по простоте исполнения, и потому, что никакое другое платье так не сливается с его носительницей. Сари точно передает настроение и ощущения женщины. Оно может становиться и непроницаемой броней и как бы растворяться на теле, открывая все его линии.

Родис искусно воспользовалась немногими средствами, бывшими в ее распоряжении.

Настроив СДФ, она приняла ионный душ и электрический массаж, затем усилила пигментацию своей кожи до оттенка золотисто-коричневого плода тинги. Короткие волосы, разделенные на темени пробором и туго завитые на затылке, образовали большой узел. Отрезок титановой проволоки, полированной до зеркального блеска, Родис разломила на части и превратила в кольца, надев их как звенящие браслеты на запястья и щиколотки. Кусок белоснежной, украшенной серебряными звездами ткани превратился в сари, более короткое, чем в старину. Поставила темную точку между бровей, прошлась по комнате, чтобы приспособить свои движения к костюму. Пожалела, что нет с собой красивых серег.

Оставалось около получаса. Она сосредоточилась, вызвала в воображении медленно плывущие картины Древней Индии...

Веселая, немного возбужденная, под легкий звон своих браслетов она входила в зеленый кабинет, распространяя вокруг приятный, едва уловимый запах здорового тела, освеженного тонизирующим воздушным потоком.

Чойо Чагас встал несколько поспешнее, чем обычно. Он приветствовал Родис, как всегда, насмешливо, но явно обрадовался ей. Лишь в глубине узких глаз пряталась обычная недоверчивая настороженность.

Зет Уг и Ген Ши сидели у стола в черных креслах, а у драпировки стоял высокий и худой «змееносец», приходивший за Фай Родис. При ее появлении он вздохнул с облегчением и опустился на тяжелый табурет с причудливыми ножками. Из-за портьеры, скрывавшей внутреннюю дверь, уверенно вышла на середину комнаты очень высокая, статная женщина. По тому, как приветствовали ее члены Совета, Фай Родис оценила положение незнакомки в сложной иерархии Торманса. Она была значительно выше Родис, с длинными, может быть, слишком тонкими ногами, атлетическими плечами и царственной осанкой. Тонкое и жесткое лицо, острые раскосые глаза под прямыми бровями, высокая копна черных волос. Единственным украшением незнакомки были серьги, каждая из десяти горящих красными огоньками шариков, бросавших диковатые блики на чуть впалые щеки и высокие скулы женщины. Плечи и грудь ее были сильно открыты. Две узкие ленточки врезались в нежную кожу, поддерживая платье. В повседневной жизни на Тормансе ни при каких условиях не позволялось полностью обнажать грудь. Женщина, даже нечаянно сделавшая это, считалась опозоренной. В то же время по вечерам женщинам почему-то разрешалось появляться чуть ли не совсем нагими. Этой моральной сложности Родис еще не смогла постигнуть.

Фай Родис понравилась свирепая красота незнакомки и ее артистическое умение показывать себя: каждый завиток ее небрежно зачесанных волос располагался с рассчитанным эффектом.

Женщина спокойно оглядела земную гостью, едва прищурив холодные глаза и приоткрыв крупный, хорошо очерченный недобрый рот.

Чойо Чагас выждал несколько секунд, словно желая дать женщинам рассмотреть друг друга, а на самом деле бесцеремонно сравнивая их.

— Эр Во-Биа, мой друг и советник в государственных делах, — объявил он наконец, — а владычица землян известна всей планете.

Подруга Чагаса усмехнулась и вздернула гордую голову, словно сказав: «Я тоже известна всей планете!»

Она протянула руку Фай Родис, и та, по обычаю Ян-Ях, подала свою. Крепкая горячая рука женщины сильно сжала ее пальцы.

— Я думала, что путешественники космоса одеваются иначе, — сказала она, не скрывая удивления нарядом Родис.

— В путешествии — конечно. А в обычной жизни — как придет в голову.

— И вам пришел в голову сегодня именно этот наряд? — спросила Эр Во-Биа.

— Сегодня мне захотелось быть женщиной древних народов Земли, — ответила Родис.

Эр Во-Биа передернула плечами, как бы сказав: «Вижу насквозь ваши ухищрения».

Чойо Чагас усадил женщин у стола, на котором уже стояли пестрые чашки с душистым подкрепляющим напитком.

Председатель Совета Четырех находился в хорошем настроении. Он даже сам подал Родис ее чашку.

Фай Родис решила воспользоваться моментом. После разговора с Таэлем и Рифтом ей не давала покоя дума о легкомыслии, с которым они принялись показывать фильмы вопреки запрещению олигарха. Действительно, могущественные пришельцы с Земли не боялись властей Торманса. Об их силу разбились попытки властей помешать народу узнать о своей прекрасной прародине. И в то же время мудрые диалектики Земли забыли о другой стороне — о тех, кому они передавали запретную информацию, тем самым заставляя их совершать преступление. Каким бы диким ни казалось это в глазах людей коммунистического мира Земли, жаждущие знания подлежали серьезной каре. И они, астронавты, спровоцировали эту опасность! Оставаясь неприкосновенными, они сталкивали беззащитных людей Торманса один на один со страшным аппаратом власти, угнетения, предательства и шпионажа.

— Я и мои друзья обдумали свои проступки после моего разговора с вами, — негромко начала Родис.

— И? — нетерпеливо нахмурился Чойо Чагас, очевидно не желая говорить здесь о делах.

— И пришли к заключению, что были неправы. Мы прекратили свои передачи и приносим вам извинения.

— Вот как? — удивился и смягчился Чойо Чагас. — Приятная весть. Я вижу, наши беседы не пропадают даром.

— О нет! — воскликнула Родис с неподдельным энтузиазмом и совершенно правдиво, чем доставила владыке еще большее удовольствие.

Чойо Чагас осведомился у Родис, как подвигается картина. Она удивилась лишь на мгновение. Иначе не могло быть. О ее работе «доносили», наверное, много раз.

— Я вообразила ее законченной, на самом деле придется переделать. Концепция ошибочна! Чтобы найти путь из инферно, нужна прежде всего Мера, а не Вера.

— Жаль, — равнодушно сказал Чагас, — я рассчитывал увидеть ее... на днях.

Эр Во-Биа внезапно порозовела, блеснув глазами.

Бесцеремонно вошел начальник «лиловых» Янгар. Подойдя к владыке, он стал говорить ему что-то вполголоса. Фай Родис встала и отошла к шкафчику, любуясь мастерством старинного рисунка. Чойо Чагас недовольно отстранил Янгара и спросил, почему ушла Родис. Владыка планеты не любил, когда при нем люди вставали без разрешения.

— Я не хотела вам мешать. На планете Ян-Ях все спешно и все секретно.

— Напрасно. Ничего важного, — недовольно сказал Чойо Чагас, в то время как Янгар уставился на земную гостью, рассчитывая смутить ее своим холодным взглядом судьи и палача.

Чойо Чагас резким жестом отослал Янгара, а сам склонился на подлокотниках поближе к Родис.

Эр Во-Биа продолжала искоса наблюдать за Родис и вдруг не выдержала и бесцеремонно спросила ее, где и как на Земле учат искусству обольщения.

— Если вы подразумеваете умение вести себя и нравиться мужчинам в восхитительной игре взаимного влечения — то с детства. Каждая женщина Земли умеет подчеркивать в себе то, что оригинально, интересно, красиво. Мне кажется, что «обольщение», о котором думаете вы, — нечто иное.

— Это умение влюбить в себя мужчину, — сказала тормансианка.

— Тогда я не вижу разницы. Может быть, не только умение, но еще и врожденная способность. Мне показалось, будто вы сказали это слово с оттенком осуждения, как о чем-то плохом.

— Обольщение всегда в какой-то мере является обманом, фальшью. Я вас вижу впервые, но мне говорили, что вы не такая.

— Все присутствующие, кроме вас, знают меня и в других обликах... разных.

— И какой же настоящий?

— Тот, в каком я бываю чаще всего. Здесь, на планете Ян-Ях, я ношу облик начальницы земной экспедиции, историка, но и этот облик тоже не постоянен и со временем изменится. Я буду на Земле другой, совсем другой! — мечтательно закончила Родис.

Эр Во-Биа поднесла к губам чашку, сделала глоток и что-то негромко сказала Зет Угу. Подруга Чойо Чагаса внешне была эффектнее Родис. Писатели и придворные поэты Ян-Ях писали, что ее привлекательность действует подобно электрическому току. Ее женское существо просто-таки кричало. Литераторы Ян-Ях отмечали, что она вызывает такое страстное желание,

что даже цепное животное при виде ее способно оборвать свою привязь. Эр Во-Биа излучала таинственность. Она как бы стояла на черте, за которой лежала запретная область. Тысячелетия эта женская тайна обещала гораздо больше, чем давала, и все же оставалась привлекательной даже для испытанных людей.

Эр Во-Биа улыбнулась, и внезапно на юной гладкой коже проступили тонкие морщины, выдавая, что этой незаурядной женщине немало пришлось испытать на своем женском пути.

Фай Родис, несмотря на маску магарани, оставалась той же прямой, открытой и бесстрашной женщиной, которая поразила владыку с первой встречи. В ее внутреннем мире, очевидно, господствовали равновесие и умение быстро восстановить в себе покой. Качества, возможные лишь при избытке психологической крепости и воли. Именно потому, по контрасту с ущербной психикой Ян-Ях, эти ее блестящие человеческие качества — полное отсутствие неприязни, подозрительности или самодовольства — все же не притягивали к ней тормансиан. Неизменной оставалась пропасть между ней и всеми другими, даже самим Чагасом. «Даже с ним, великим и всемогущим!» — с негодованием признавал владыка. Он вспомнил отрывок из разговора между инженером Таэлем и Фай Родис — об этом ему доложили в свое время. Родис объясняла Таэлю, что на планете Ян-Ях целиком отсутствует один из очень важных психологических устоев творческой жизни — сознание бесконечности пространства с его недостижимыми границами и неисчислимыми, еще не открытыми человеком мирами. Бездонные глубины космоса существуют даже вне знания Великого Кольца и в самых неожиданных комбинациях законов материального мира. Инженер ответил, что сама Родис является для него воплощением этой беспредельности, и ее душа так же отлична от их психики, как бесконечность отличается от замкнутого и скучного мира Ян-Ях, главный стержень которого — в строгой иерархии.

«Умный комплимент инженера, — думал владыка, — но есть другое, о чем, бедняга, конечно, и подумать не смеет. Она женщина одного корня со всеми и потому неизбежно должна подчиниться воле и силе мужчины. Впрочем, я не думаю, что эта холодная, веселая и самонадеянная дочь Земли будет столь же хорошей любовницей, как моя Эр Во-Биа. Но все же надо испытать!»

И, как все владыки всех времен и миров, председатель Совета Четырех принялся, не откладывая, исполнять свое намерение.

Он встал, и тотчас же поднялись Зет Уг и Ген Ши. Эр Во-Биа осталась сидеть, положив ногу на ногу и покачивая туфель-

кой с вделанным в нее звездочкой-фонариком. Лучи фонариков, направленные вертикально, подсвечивали стройные ноги тормансианки, обрисовывая их во всю длину сквозь тонкую ткань платья.

Фай Родис, считая вечер оконченным, тоже встала, думая о картине в своей комнате. После беседы с Таэлем ей хотелось сегодня же взяться за кисти и краски. Но Чойо Чагас заявил, что ему надо безотлагательно обсудить с ней важный вопрос. Оба члена Совета, поклонившись, исчезли, покинув своего председателя, как показалось Родис, с удовольствием. Эр Во-Биа поднялась, бросила взгляд на Чойо Чагаса, задавая немой вопрос. Она дышала взволнованно, обнажив в деланной усмешке крупные синеватые зубы. Но Чойо Чагас словно бы и не заметил ее призыва. И тогда Эр Во-Биа пошла к выходу, не попрощавшись и не оглянувшись, оскорбленная, прекрасная и недобрая.

Чойо Чагас впервые при Родис захохотал, и она удивилась, как грубо прозвучал его смех. Владыка отодвинул среднюю занавесь и ввел Родис в ослепительно светлый коридор, где на скамейках друг против друга сидели два стража в зеленой одежде. Не обращая на них внимания, Чойо Чагас прошел к двери в конце коридора и проделал какие-то манипуляции с замком. Толстая дверь отворилась, и Фай Родис вошла в личную, никому не доступную комнату владыки, скрытую в толстых стенах дворца.

Гигантская хрустальная призма служила окном, отражая горящий закатный горизонт. Чойо Чагас нажал рычажок, призма повернулась, показалось сумрачное небо Торманса, а в комнате автоматически зажглись оранжевые светильники. Большое пятиугольное зеркало отразило белую с серебром магарани и рядом владыку в черной, расшитой серебряными змеями одежде.

Чагас сделал было шаг к широкому дивану, застеленному ворсистым ковром с узором из сплетенных колец, остановился за спиной Родис и через ее плечо посмотрел на отражение в зеркале. Она поняла, что должно произойти. Начатую игру следовало доводить до конца, не создавая запутанных противоречий. Родис ответила владыке равнодушным и снисходительным взглядом. Большие руки Чойо Чагаса обхватили ее тонкую талию. Мгновение, и Родис прикоснется к нему спиной, положит голову на его плечо... Ничего подобного не случилось. Непонятная сила сбросила его руки, мигом пропала его самонадеянность, и будто бы не было и желания. Он даже отшатнулся от нее, настолько это было поразительно.

— Лучше вернемся к прежнему, — тихо сказала Родис.

Чойо Чагас рухнул на диван, как бы спросонья ища на столике курительные принадлежности.

Фай Родис спокойно, без слов села боком на край дивана. Ошеломленный Чойо Чагас закурил. Впервые за многие годы он не знал, как поступить. Сделать вид, что ничего не произошло, или разгневаться?

Родис пришла ему на помощь. Игра кончилась, от магарани осталось лишь белое сари.

— Неужели владыка планеты так же покорен инстинктам, как и самый невежественный «кжи»? — спросила она, усвоив терминологию Ян-Ях.

Чагас с негодованием отверг это предположение.

— Поддавшись вашему очарованию, я не объяснился, как следовало б сделать, но в этом уж виноваты вы сами!

Родис всем своим видом выразила молчаливое недоумение.

— Неужели вам достаточно встретиться несколько раз с женщиной, непохожей на других, чтобы загореться несдержанной страстью? — спросила она, впадая в задумчивый тон, сильнее всего действовавший на владыку. — Можно понять людей, мало видевших, стоящих низко в вашей иерархической системе, стесненных узкой жизнью. Для них это, пожалуй, неизбежно, но вы!

На минуту лицо владыки приняло лиловый оттенок. Однако он тут же овладел собою.

— Вы говорите так, не понимая истинных мотивов. Я хотел убедиться в вашей привлекательности для меня, прежде чем просить вас об одной очень серьезной вещи!

— И что же, убедились?

— Убедился! — Злая усмешка на миг исказила лицо владыки, он стер ее привычным усилием воли.

— Знаете, мне впервые приходится просить, а не приказывать...

— Жаль. Подобное самовластие неизбежно портит людей. Разве в детстве и юности вы только приказывали? Ведь власть у вас не наследственная?

— К несчастью, нет. Воспоминания об унижениях детства и юности, хоть и потускневшие с годами, иногда обжигают как огнем!

— Естественно! Комплекс обиды и мести неизбежен для всякого, пробившегося к власти. Но разве любая просьба унизительна? Разве не приходилось вам просить мать, отца, учителей и менторов? Первую возлюбленную?

— Мы уклоняемся. Вернемся к моей просьбе, — сухо сказал владыка. — Вы с вашей бездонной интуицией и мягкой

симпатией кажетесь мне самой гениальной из всех виденных мною женщин. Я не говорю уже о знаниях, о психологическом могуществе и, наконец, о красоте, что также очень важно.

— Я помню разговор о восхвалении, — засмеялась Родис, — чем вы собираетесь меня унизить?

— Унизить? Великая Змея! Я хочу возвысить вас над всей планетой Ян-Ях, я хочу, чтобы вы отдались мне!

Фай Родис выпрямилась.

Чойо Чагас невозмутимо продолжал:

— Чтобы родить мне сына. Надеюсь, что на Земле научились управлять генетикой и вы можете родить ребенка нужного пола?

— Зачем вам сын от меня? К вашим услугам полмиллиарда женщин Торманса!

— Они находятся далеко позади вас по здоровью, совершенству тела и души. Ваш сын будет первым наследственным владыкой планеты Ян-Ях, или как он захочет ее назвать. Может быть, назовет ее вашим именем!

Краска негодования не была заметна на смуглой коже Родис.

— Так вы мечтаете о наследственной власти? Зачем?

— Цель ясна. Чтобы улучшить жизнь на планете. Достижение этой цели идет через укрепление власти до полной ее абсолютности. Владыка должен стать неизмеримо выше всех, богом планеты и ее народа!

— Мне кажется, вы преуспели в этом, — сдерживая возмущение, сказала Родис, — вы и ваши сподвижники стоите так высоко над массой населения Ян-Ях, как это было возможно лишь в самых древних государствах нашей Земли.

Чойо Чагас поморщился и вдруг, доверительно наклоняясь к собеседнице, зашептал:

— Поймите же, что у меня не настолько всеобъемлющий ум, чтобы перед ним искренне склонились все мои подданные!..

— Но вы достаточно умны, чтобы понимать это! Понимать невозможность для одного человека объять колоссальную сумму знания, которой требует научное управление планетой. Но у вас есть ученые, они помогут. Жаль, что вы не верите им и никому вообще.

— Да, да! Я не могу обойтись без них, без этих «джи», но не верю им. Ученые — обманщики, трусы и ничтожные прислужники. Во многих поколениях они обманывали правителей и народ Ян-Ях, и, насколько я знаю, то же было в старину на Земле. Они обещали, что планета может прокормить неограниченное количество людей, и совершенно не учли, что земля

истощится задолго до назначенной ими предельной цифры. Не учли вреда химических удобрений, отравивших растения и почвы, не учли необходимости определенного жизненного пространства для каждого человека. Не понимая всего этого, они не постеснялись выступить с категорическими заключениями. И в результате вызвали страшную катастрофу. Восемьдесят лет Голода и Убийств! Правда, за ошибки и наглость они расплатились. Тысячи ученых повесили вниз головами на воротах городов или перед их научными институтами. Ученые всегда обманывали нас, владык, и особенно математики и физики, в реальных успехах которых никто, кроме них самих, не мог разобраться. Так поступали жрецы и маги Земли. Нет, я не люблю ученых. Мелкие, тщеславные люди, избалованные легкой жизнью, а думают, что они знают тайны судьбы!

Фай Родис, заинтересованная его откровенностью, задумчиво улыбнулась.

— Вся их вина — в отсутствии двустороннего мышления, подлинной диалектики. Они не понимали, что при необъятном многообразии мира математические методы похожи на язык. Ведь язык тоже одно из самых логических строений человеческой мысли. Словами можно играть, доказывая все, что угодно, и можно подобрать математические доказательства чему угодно. Такими шутками нередко забавляются ученые Земли.

— Безнаказанно?

— Кто же наказывает за шутку? Не принимайте ее всерьез, не будьте так мелко обидчивы. Впрочем, вы сами похожи на математиков, издавая декреты и приказы и веря в то, что слова могут изменить развитие общества и ход истории.

— Кто же тогда может?

— Только сами люди!

— Вот мы и воздействуем на людей!

— Не так! Любое насилие обязательно порождает контрсилу, которая неумолимо будет развиваться и проявится не сразу, но неизбежно и подчас с неожиданной стороны.

— Вы располагаете примерами?

— Их достаточно. Возьмите продвижение людей в обществе, основанном на чинах и званиях. Такая система автоматически и неизбежно порождает некомпетентность на всех уровнях иерархии.

— Вот я и хочу укрепить всю систему, начав с ее вершины. Я заговорил об ученых, чтобы вы поняли, как я хочу дать Ян-Ях владыку, превосходящего силой ума современных ученых-холуев. Они выманивают у меня большие средства, обещая высокие технические достижения. На деле оказывается, что каждый шаг

на пути больших открытий чудовищно дорог и становится все более непосильным для планеты. Не случайно у нас запрещены космические полеты. Наука заводит в тупик, а я не могу уничтожить ее и не в силах предвидеть ее ошибки и обманы. Могу лишь держать своих ученых слуг в страхе, что в любой момент брошу на них массу «кжи», которые расправятся с ними с такой беспощадностью, что память об этом останется в веках.

— Такая память уже осталась и на Ян-Ях, и на Земле после китайского лжесоциализма, — вставила Родис.

— История повторяется.

— Вы ее повторили. Но ведь вы понимаете, что это ошибка человечества. Зачем же, раз допустив ее, вы хотите повтора?

— Чтобы добиться того, что не удалось предкам!

— И вы мечтаете о сыне с выдающимся умом, которому вы доверите планету? — тихо спросила Родис.

— Вот именно! Благородная цель! Вы уверяете, что прибыли сюда для блага моих людей. Вот возможность реально создать благо! — И Чойо Чагас облизал губы в искреннем волнении.

— Как вы наивны, владыка планеты! — вдруг громко сказала Фай Родис.

— Что?!

Родис успокаивающим жестом протянула к нему руку.

— Простите мою несправедливую резкость. Вы не можете выйти из ноосферы Ян-Ях. Все предрассудки, стереотипы и присущий человеку консерватизм мышления властвуют над высшим человеком в государстве. Мысли, думы, мечты, идеи, образы накапливаются в человечестве и незримо присутствуют с нами, воздействуя тысячелетия на ряд поколений. Наряду со светлыми образами учителей, творцов красоты, рыцарей короля Артура или русских богатырей были созданы темной фантазией демоны-убийцы, сатанинские женщины и садисты. Существуя в виде закрепившихся клише, мысленных форм в ноосфере, они могли создавать не только галлюцинации, но порождать и реальные результаты, воздействуя через психику на поведение людей. Очистка ноосферы от лжи, садизма, маниакально-злобных идей стоила огромных трудов человечеству Земли. Здесь, у вас, я физически чувствую колючую ноосферу грубости и озлобления. Вероятно, в этом повинны и ученые, которых вы так не любите. Пытаясь заменить человека машиной, они впали в опасную ошибку и распространили в ноосфере однобокое линейно-логическое мышление, принимаемое за сущность разума.

— Пусть так! Тогда тем нужнее сверхчеловек!

— Нет! Мозг человека физически изменяется медленно. Продолжительность даже нашей земной цивилизации ничтож-

на, и потому она не внесла в него существенных изменений. Всякое развитие всецело определяется обстоятельствами.

— Окружающей обстановкой?

— Не только. Миллионы способных людей погибли, не дав миру что могли только потому, что не нашлось соответствия их способностей с задачами общества и уровнем времени. Вот почему я не могу представить себе своего сына в роли владыки на столь низком уровне сознания.

— Как низком?!

— Да, председатель, стремление владычествовать, возвышаться над другими, повелевать людьми — один из самых примитивных инстинктов, наиболее ярко выраженный у самцов павианов. Эмоционально это самый низкий и темный уровень чувств!

— Вы хотите сказать...

— И добавлю еще, что если бы у вас действительно появился сын — будущий наследственный владыка — с более чем выдающимся интеллектом, то это наверняка принесло бы беду. По закону Стрелы Аримана...

— Что еще за Стрела?

— Так мы условно называем тенденцию плохо устроенного общества с морально тяжелой ноосферой умножать зло и горе. Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой все больше плохого, становиться вредоносной. Общество низшего, капиталистического типа не может обойтись без лжи. Целенаправленная ложь тоже создает своих демонов, искажая все: прошлое, вернее представление о нем, настоящее — в действиях и будущее — в результатах этих действий. Ложь — главное бедствие, разъедающее человечность, честные устремления и светлые мечты.

Я вижу, что у вас ничего не сделано для создания предохранительных систем против лжи и клеветы, а без этого мораль общества неуклонно будет падать, создавая почву для узурпации власти, тирании или фанатического и маниакального «руководства». Еще наши общие предки открыли закон неблагоприятных совпадений, или закон Финнегана, как полушутя назвали серьезную тенденцию всех процессов общества оборачиваться неудачей, ошибкой, разрушением — с точки зрения человека. Разумеется, это лишь частное отражение великого закона усреднения, по которому низкие или повышенные структуры отбрасываются процессом. Человек же все время пытается добиться повышения структур без создания к тому базы, стремится по-

лучить нечто за ничто. Развитие живой природы построено на слепой игре в пробы. Природа в развитии своих структур сыграла уже триллионы бросков «игральных костей», а человек гордится самыми первыми пробами, как мудрым экспериментом. На деле их нужно великое множество, чтобы догнать сложность природы и проникнуть в уже решенные ею вопросы.

Человеческое общество — создание людей, а не природы, поэтому тут не было миллионов проб и закон Финнегана для социальных структур превращается в Стрелу Аримана с направленной тенденцией уничтожения малых чисел, то есть совершенства. В природе она преодолевается отбором в огромной длительности времени, потому что природа справляется с ним, создавая в организмах многократно повторяющиеся охранительные приспособления и запасы прочности.

Превращение закона Финнегана в Стрелу в человеческом обществе становится бедствием, потому что — бьет именно по высшим проявлениям человека, по всему стремящемуся к восхождению, по тем, кто двигает прогресс, — я подразумеваю подлинный прогресс, то есть подъем из инферно.

— Как же вы преодолеваете Стрелу?

— Тщательнейшим взвешиванием и продумыванием наперед каждого дела, охраной от слепой игры. Вы должны начать с воспитания, отбирая людей, сберегая и создавая охранительные системы.

Чойо Чагас покачал головой.

— Невозможно. Слишком далеко зашло измельчание людей Ян-Ях. Повреждение генофонда привело к физической слабости и духовному конформизму. В наших условиях необходим быстрый оборот поколений. Вы сами сказали: чем чаще бросаешь кости, тем вернее выигрываешь.

— Природа не считается с жертвами в достижении цели. Человек мудрый так поступать не может. — Фай Родис, видя бесплодность разговора, встала.

— Так вы отказываетесь? — в вопросе Чагаса прозвучала угроза.

— Конечно. Если бы это могло изменить судьбу человечества Ян-Ях, я готова всегда была бы дать ему своего ребенка, как ни тяжело матери оставить свое дитя в чужом и далеком мире. Но произвести на свет будущего владыку, угнетателя и несчастного человека — никогда!

Чойо Чагас медленно поднялся, как бы соображая, что делать дальше.

— До свидания, председатель! — сказала Родис, снова прочитав его мысли. — Я готова всегда рассказывать вам о сравне-

нии наших двух планет, советовать, демонстрировать любые фильмы. Пока мои друзья в городе, пока я здесь — видите, вы даже не смогли обойтись без заложников, — судите сами об уровне вашего государства. А теперь не следует продолжать то, что не нужно!

Чойо Чагас откинулся на диван и задымил трубкой. Родис повернулась к нему спиной и подошла к двери. Всего две минуты ей понадобилось на раскрытие тайны запора. Дверь распахнулась, и Родис направилась по коридору в зеленую комнату. Оба стража не шелохнулись, глядя сквозь нее, как в пустоту.

Чагас из своего сумрачного обиталища смотрел на нее. Он физически ощущал походку Родис. В сияющем белом сари, сквозь складки которого ясно обрисовывалось ее тело, Фай Родис показалась ему недосягаемой, а себя он увидел унизительно смешным. Вне себя Чойо Чагас ринулся в коридор. Стражи вскочили, вытаращив испуганные глаза, чем еще больше разозлили владыку. Он принялся хлестать охранников по щекам, пока боль в ладонях не отрезвила его. Овладев собой, он вошел в зеленый кабинет, теперь навсегда связанный с образом владычицы Земли, и, подперев руками голову, сел к столу. Он чувствовал ту безнадежную пустоту вокруг себя, которая неизбежно образуется, когда из окружения устраняют порядочных людей, всегда несогласных с несправедливостью. Неумолимо идет процесс замены их ничтожествами и невеждами, готовыми восхвалять любые поступки владыки. Советники, охрана — все это человеческая дрянь. Верность их обеспечивается лишь подачками и привилегиями. Друзей нет, душевной опоры — ни в ком, все чаще подступает страх перед возможным заговором.

Гребенка террора время от времени прочесывала массы «джи», сановников-«змееносцев», ученых и «глаз владыки», оставляя неизгладимый ужас. Боязнь ответственности лишала людей инициативы. Боязнь любого риска и подыскивание оправданий на все случаи жизни были едва ли не главными в работе этих людей. Они сделались негодным человеческим материалом, подобно людям, пережившим катастрофу, которые более не могут вести борьбу ни с какими трудностями, так как прежние испытания парализовали их мозг и их волю.

Чойо Чагас ненавидел свое окружение, но не мог найти выхода из тупика, куда завело его продолжение старой политики Мудрого Отказа.

Чойо Чагас ударил по столу ребром ладони. «А зачем вообще искать выход? Смущение принесли с собой явившиеся с далекой прародины люди. Земля бесконечно далека в пространстве и времени — по существу недосягаема. Скоро звездолет уйдет во-

свояси, все будет по-прежнему. Пусть они занимаются бесплодной тратой времени и убираются поскорее! Сегодня он размечтался, подобно глупому «кжи», и уже не в первый раз! Красота, нет, что-то непостижимое в этой ведьме ломает его волю... Достаточно! Подумаешь, заложница! Стоит мне нажать кнопку вызова... нет, на морском мысу сидит дьявольский звездолет, и еще второй вытребован на подмогу. Отправить ее в город? Вряд ли это разумно. При острейшем уме и сатанинской обольстительности она вызовет брожение умов. Я прикажу Таэлю отвезти ее в Хранилище Истории. Пусть роется в горах документов, пока ее помощники проведут в городе разрешенный срок. Хранилище находится в старом храме, окруженном садом и стеной, и «глаза владыки» с Таэлем позаботятся, чтобы она не покидала назначенного места. Таэль, а если он тоже попадется под власть этой? Чепуха, он слишком жалок, чтобы вообразить себя другом Родис! Впрочем, проследим за обоими. Что-то ее уже напугало. Может быть, Таэль? Если она объявила об отказе от фильмопередач, то, значит, земляне стали понимать, кто здесь хозяин!»

Чойо Чагас протянул руку к шкафчику, нашарил тайную пружину и извлек из выскочившего ящичка шарик пахучего черного вещества. Он положил его в рот и, медленно жуя, уставился в глубину хрустального шара.

В это время Фай Родис, недовольно хмурясь, рассматривала себя в зеркало. Она чувствовала присутствие соглядатаев. Это постоянное подсматривание стало ее раздражать. Она включила экранирование, погладив свой черный СДФ, как единственно близкое и верное существо.

«Довольно играть!» — наряд магарани убран под колпак девятиножки. Фай Родис облилась ионным душем, избавляясь от ощущения, будто она испачкалась. Она вновь надела удобное платье с коротенькой широкой юбкой и с облегчением поднялась на подмостки. Взяв кисть, несколько минут вглядывалась в фигуру женщины — и осталась крайне недовольна своей работой.

Зазвучал сигнал вызова с «Темного Пламени».

— Вы утомлены, Родис? — спросил Гриф Рифт.

— Нет. Просто недовольна собой. Все у меня не ладится. Плохо я понимаю эту жизнь и делаю ошибку за ошибкой... О нет, ничего серьезного, — успокоила она, заметив тревогу на лицах друзей.

— А у нас все отлично, — сказала Олла Дез. — Час назад мы впервые искупались в море Торманса. И представь, все испытываем странное чувство неудовлетворенности, не понимаю почему.

— А я наконец догадалась, — сказала Нея Холли, — здесь состав солей и их концентрация иная, чем на Земле.

— Тогда и тормансиане не получают радости от моря, — сказала Фай Родис, — ведь их кровь, как и наша, унаследовала состав воды Мирового океана Земли. Они носят в крови земное море и, наверное, тоску по нему...

Короткое свидание окончилось. Родис, не достигнув обычного внутреннего спокойствия, снова взялась за картину, набрасывая фигуру сильной, знающей женщины, символизирующей Меру. Женщина склонилась к людям с протянутой рукой, готовая рывком поднять наверх первого, кто дотянется к ней. В ее лице — та же убежденность в конечной победе, что и у Таэля. Недавно, увидев новый вариант, Таэль сказал Родис, что «Мера» стала похожа на нее.

Родис проработала почти всю ночь, не подозревая, как скоро ей придется покинуть сады Цоам.

Глава десятая
СТРЕЛА АРИМАНА

Чеди Даан еще не привыкла к шуму тормансианской столицы. Неожиданные звуки доносились в ее крохотную комнатку на четвертом этаже дома в нижней части города Средоточия Мудрости. Построенные из дешевых звукопроводящих материалов, стены и потолки гудели от топотания живших наверху людей. Слышалась резкая, негармоничная музыка. Чеди старалась определить, откуда несется этот нестройный шум, чтобы понять, зачем так шумят люди, понимающие, что при плохом устройстве своих домов они мешают соседям. Весь дом резонировал, непрерывно резали слух стуки, скрипы, свист, вибрация водопроводных труб в тонких стенах.

Чеди поняла, что дома построены кое-как и не рассчитаны на такое неимоверное число жильцов. И улица планировалась без учета резонанса и становилась усилителем шума. Все попытки расслабиться и перейти к внутреннему созерцанию не удавались. Только Чеди отключала себя от нестройного хора звуков, как внезапно раздавались гулкие и резкие удары. Оказывалось, что хлопали двери в домах или экипажах. У общественно не воспитанных тормансиан считалось даже шиком покрепче хлопнуть дверями. Чеди прежде всего бросалось в глаза, что тормансиане совершенно не умели применяться к условиям своей тесной жизни и продолжали вести себя, будто вчера покинули просторные степи.

Чеди подошла к окну, выходившему на улицу. Тонкие неровные стекла искажали контуры противоположного дома, сумрачной громадой закрывавшего небо. Зоркие глаза Чеди замечали дымок насыщенных окисью углерода и свинца газов, поднимавшийся из подземных туннелей, предназначенных для тяжелого городского транспорта.

Впервые не воображением, как на уроках истории, а всем телом ощутила Чеди тесноту, духоту и неудобство города, построенного лишь для того, чтобы дешевле прокормить и снабдить необходимым безымянную массу людей — абстрактное количество потребляющих пищу и воду.

Нечего было думать о сосредоточении и отдыхе, пока не научишься отключаться от непрекращающейся какофонии.

К одежде тоже надо было привыкнуть. Чеди заставила затрепетать все мышцы тела, массируя кожу, зудевшую под одеждой. На верхнее одеяние нельзя было пожаловаться. Блуза стального цвета с высоким воротником, стянутая мягким черным поясом, и широкие брюки из того же материала нравились Чеди. Но ее заставили надеть и нижнюю одежду: совершенно незнакомый для жительницы Земли лифчик и жесткую юбочку. Новые друзья уверили Чеди, что появление на улице без этих странных приспособлений может привести к скандалу.

Чеди подчинилась и сидела полуобнаженной, пока хозяйка и ее сестра хлопотали, прилаживая одежду. Пепельные волосы Чеди еще в садах Цоам превратились в смоляно-черную жесткую гриву, какую девушки планеты Ян-Ях любили носить или беспорядочно растрепанной, или заплетенной в две тугие короткие косы. Контактные линзы изменили цвет глаз. Теперь, когда Чеди подходила к зеркалу, на нее смотрело чужое и чем-то неприятное лицо. Но две ее хозяйки не уставали восхищаться ею, суля многочисленные победы над мужчинами. Как раз к этому-то Чеди стремилась менее всего. Быстрое выполнение миссии зависело от полной свободы ее как наблюдателя.

Друзья Таэля провели Чеди сюда ночью. Улица Хей-Гой, то есть Цветов Счастья, была населена «кжи». Ее приняли чета молодых тормансиан и сестра хозяйки, жившая здесь временно.

Трехсложное имя этой молодой женщины сокращалось как Цасор. Она взялась быть спутницей Чеди по городу Средоточия Мудрости. Для молодых — и особенно красивых — девушек прогулки по столице Ян-Ях в вечерние часы были опасны, не говоря уже о ночи, когда и сильные мужчины не появлялись на улице без крайней надобности. Женщины подвергались оскорблениям или нападениям преимущественно со стороны одержимых половым психозом юнцов. Красота, вместо того

чтобы быть защитой, только сильнее привлекала молодых бандитов, как хищников привлекает запах крови.

Верный голубой СДФ с подогнутыми ножками улегся под кровать (здесь спали на высоких ложах из железа или пластмассы) и был укрыт приспущенным до полу покрывалом. Предосторожность, как объяснили Чеди, принятая, чтобы хозяев не заподозрили в связи с жительницей Земли. Официально Чеди числилась гостьей семьи инженера огромного завода, а контакт звездолетчицы с темными, непросвещенными «кжи» считался непозволительным. Хозяева могли поплатиться за это изгнанием из столицы. Угроза серьезная: в других местах планеты жить было труднее. Там люди получали за свой труд меньше и потому меньше имели денег на питание, на приобретение вещей и развлечения.

Обитатели города Средоточия Мудрости да еще двух-трех громадных городов на побережье Экваториального моря служили предметом зависти других, менее счастливых жителей Ян-Ях.

Сущность этого счастья оставалась непонятной Чеди, пока она не постигла, что богатство и бедность на планете Ян-Ях измерялись суммой мелких вещей, находившихся в личном владении каждого. Во всепланетном масштабе, в экономических сводках, в сообщениях об успехах фигурировали только вещи и полностью исключались духовные ценности. Чеди позднее убедилась, что самосовершенствование не составляло задачи человечества Ян-Ях.

И в то же время хозяева удивляли Чеди веселой безыскусственностью и любовью к скромным украшениям своего тесного жилища. Два-три цветка в вазе из простого стекла уже приводили их в восхищение. Если им удавалось достать какую-нибудь дешевую статуэтку или чашку, то удовольствие растягивалось на много дней. В каждом жилище находился экран видеоприбора с мощным звукопередатчиком. И по вечерам, когда семейные люди, то есть жившие парами и с детьми до возраста, соответствующего началу первого цикла Земли, сидели у себя, созерцая тусклые маленькие плоские экраны, грохот звукового сопровождения сотрясал стены, потолки и полы хлипких домов. Но их обитатели относились к этому с удивительным равнодушием. Молодой сон был крепок: никакой необходимости в чтении, раздумьях или тем более медитации они не чувствовали. Очень много свободного времени уходило на праздные разговоры, толки и пересуды.

На улице Цветов Счастья находилась школа — угрюмое здание из красного кирпича посреди чахлого, вытоптанного сади-

ка. Занятия в школе шли с утра до вечера. Время от времени школьный сад и прилегающая часть улицы оглашались ревом, диким свистом и визгливым смехом — это мальчики и девочки резвились в промежутках между уроками. Еще более сильный шум поднимался в вечерние часы: крики, топот, брань и драки — будто кошмарный сон о людях, превращенных злым волшебником в обезьян.

Ученики жили в длинном здании позади школы весь период, пока их, уже взятых от родителей, готовили к распределению по профессиональным училищам и разбивке на «джи» и «кжи». Чудовищная невоспитанность детей никого не смущала. Даже у взрослых считалось чуть ли не позором оказать помощь больному или пожилому, проявить уважение к старости, уступить в чем-либо другому человеку. Не сразу поняла Чеди, что не особая испорченность тормансиан, а распространенные психологические комплексы униженности и неполноценности были тут виной. Возрастание этих комплексов в мире абсолютной власти шло сразу в двух направлениях, захватывая все большее число людей и все сильнее завладевая каждым в отдельности.

Странное общество планеты Ян-Ях, казалось, совершенно не думало о том, как облегчить жизнь каждого человека, сделать его спокойнее, добрее, счастливее. Все лучшие умы направлялись только на удешевление производства, на умножение вещей — людей заставляли гоняться за вещами и умирать от духовного голода еще раньше физической смерти.

В результате получалось множество неудобств и от непродуманного строительства и от небрежной технологии и неквалифицированной работы. Молодые «кжи» получали только лишь примитивные ремесленные навыки — настоящим мастерством не обладал никто. Неудобства жизни вызывали миллионы ненужных столкновений между людьми, где каждый был по-своему прав, а виновато общественное устройство планеты, заставившее людей барахтаться в повседневных неприятностях, для устранения которых никто ничего не делал. Тормансиане не руководствовались ни моралью, ни религиозными правилами, не говоря уже о высшей сознательности. Начисто отсутствовала постоянная, строгая и разработанная во всех аспектах система воспитания людей как членов общества. Ничто не сдерживало стихийного стремления сделать назло другим, выместить свое унижение на соседе. Идиотские критические замечания, поношения, шельмование людей на производстве или в сферах искусства и науки пронизывали всю жизнь планеты, сдавливая ее отравленным поясом инферно. Очевидно, в даль-

нейшем при той же системе управления будет все меньше доброжелательности и терпимости, все больше злобы, насмешек и издевательств, свойственных скорее стаду павианов, чем технически развитому человеческому обществу.

Больше двух тысяч лет назад некоторые нации на Земле верили, что политические программы, будучи применены в экономике тоталитарной властью, могут изменить ход истории без предварительной подготовки психологии людей. Не умея улучшить судьбу народов, догматики очень сильно влияли на судьбы отдельных личностей. Стрела Аримана разила без промаха, потому что необоснованные перемены нарушали исстари и дорогой ценой достигнутую устойчивость общества. Необходимого усреднения социальных явлений не получалось. Наоборот, усиливалось метание из одной крайности в другую, без научного анализа и регистрации счастья и благополучия людей. Это составляло главное бедствие олигархических режимов и очень наглядно выражалось на Тормансе.

Дефекты социального устройства Торманса, ранее известные Чеди Даан, ставили ее в позицию отрешенного, хотя и благосклонного наблюдателя. Непосредственное соприкосновение с «дефектами» началось с первых дней жизни на улице Цветов Счастья, и тут ощущения Чеди стали совершенно иными.

Неожиданности пришли в первую же их прогулку с Цасор. Тормансиане шли по улице навстречу как попало, не придерживаясь определенной стороны. Те, кто посильнее, нарочно шли напролом, расталкивая встречных, заставляя тех шарахаться в сторону, и грубо огрызались на упреки. Везде, где проходы стесняли толпу — у ворот парков, дверей увеселительных дворцов, магазинов (на Тормансе, как и везде, где существовало неравенство распределения, сохранилась денежная система оплаты труда для двух низших классов общества), столовых и на транспорте, — крепкие мужчины и женщины расталкивали более слабых сограждан, стараясь пройти первыми. Все это уже знала Чеди и, несмотря на тренированную волю, часто ловила себя на том, что еле сдерживает приступы возмущения. Обязательное стремление обойти, опередить, хоть на минуту, других людей могло бы показаться болезненным идиотизмом человеку, незнакомому с инфернальной психологией.

Однажды Цасор, бледная и напуганная, сказала Чеди, что ее вызвали в местный Дом Собраний на «Встречу со Змеем» Такие встречи происходили в каждом районе города два-три раза в год. Как ни пыталась Цасор объяснить смысл и назначение этих встреч, суть дела осталась для Чеди непонятной. В конце концов Чеди решила, что это древний культовый обряд, во-

шедший в обычай у нерелигиозных людей современной Ян-Ях. Ужас, который внушало Цасор это приглашение, или, точнее, приказание, заставил Чеди заподозрить неладное и настоять на совместном посещении «Змея».

Большой, плохо проветренный зал быстро наполнялся народом. На сидевших в среднем ряду Цасор и Чеди никто не обратил внимания. Собравшиеся сидели в нервозном ожидании. На смуглых щеках одних проступал румянец волнения, другие, наоборот, выделялись желтой бледностью своих лиц. Некоторые в волнении прохаживались по широким проходам между рядами, опустив головы и что-то бормоча про себя, но не стихи, как сначала подумала Чеди. Тормансиане вообще очень редко читали вслух стихи, стесняясь чувств, выраженных в поэзии. Скорее всего, они бормотали какие-то заученные формулы или правила.

Зал вмещал около тысячи «кжи», то есть людей не старше двадцати пяти лет, по местному счету возраста.

Четыре удара в большой гонг наполнили зал вибрирующим гулом меди. Собравшиеся замерли в напряженных позах, выпрямив спины и устремив взоры на платформу небольшой сцены, к которой сходились, суживаясь, линии стен, потолка и пола.

Из темноты коридора, простиравшегося за освещенной сценой, выкатилось кубическое возвышение, раскрашенное переплетающимися черными и желтыми полосами. На нем стоял «змееносец» в длинной черной одежде, держа в руке небольшой фонопередатчик.

— Настал день встречи! — завопил он на весь зал, и Чеди заметила, как дрожат пальцы Цасор. Она взяла похолодевшие руки девушки в свои, спокойные и теплые, сжала их, внушая тормансианке душевное спокойствие. Цасор перестала дрожать и взглядом поблагодарила Чеди.

— Сегодня владыки великого и славного народа Ян-Ях, — «змееносец» поклонился, — проверяют вас через неодолимое знание Змея. Те, кто затаится, опустив глаза, — тайные враги планеты. Те, кто не сможет повторить гимна преданности и послушания, — явные враги планеты. Те, кто осмелится противопоставить свою волю воле Змея, подлежат неукоснительному допросу у помощников Ян Гао-Юара!

Цасор вздрогнула и чуть слышно попросила Чеди подержать ее за руку, так как сейчас начнется самое страшное. Поддаваясь внезапной интуиции, Чеди погрузила Цасор в каталептическое состояние. И вовремя!

На возвышении вместо исчезнувшего «змееносца» возник полупрозрачный шар. Он сверкал узором волнистых линий,

переливавшихся при вращении шара. Соответственно бегу многоцветных волн вибрировал, повышаясь в тональности, мощный звук. Шар вращал вертикальный столб радужного света и действовал на собравшихся гипнотически. Чеди пришлось напрячь всю волю, чтобы остаться беспристрастным наблюдателем. Звук оборвался, шар исчез. На возвышении с рассчитанной на эффект медлительностью поднялась, развивая громадные кольца, гигантская красная металлическая змея. В раскрытой пасти ее мерцал алый огонь, а в боковых выступах плоской головы злобно светились фиолетовые глаза. В зале потухли лампы. Змея, поворачивая голову во все стороны, пробегала лучами глаз по рядам сидящих тормансиан. Чеди встретилась взглядом с металлической гадиной и почувствовала удар — сознание ее на миг помутилось. Слабость поползла вверх, от ног, подступая к сердцу. Только сильная нервная система, закаленная специальным обучением, помогла звездолетчице отстоять свою психическую независимость. Змея склонилась ниже и раскачивалась, едва не касаясь головой переднего ряда. В такт ей раскачивались из стороны в сторону и сидевшие в зале, кроме оцепенелой Цасор и непокоренной Чеди. Заметив, что «змееносец» стоит в углу сцены, зорко наблюдая за публикой, Чеди, теснее прижав к себе спутницу, стала покачивать ее вместе с собой.

Змея испустила протяжный вопль, и его тотчас подхватила вся тысяча тормансиан. Они затянули торжественный и заунывный гимн, восхваляя владык планеты и счастье своей жизни, освобожденной от угрозы голода. Глядя на лишенные мысли лица и разинутые рты, Чеди поразилась безмерной глупости происходящего. Подумав, она поняла, что люди в гипнотическом трансе, помимо воли, прочно закрепляют в своем подсознании смысл песни, который будет вступать в борьбу со всяким инакомыслием, как внутренним, так и привнесенным извне от других людей или через книги.

Но страшная металлическая змея была всего лишь машиной. Подлинные вершители судеб «кжи» находились на заднем плане. Задумавшись, Чеди забыла о необходимости раскрывать рот вместе со всеми и притворяться поющей. Палец «змееносца» указал на нее. Позади выросла коренастая фигура «лилового» охранника, исключительную тупость которого не мог пробить даже гипноз красной змеи. Он положил руку на ее плечо, но Чеди достала карточку-«пропуск». «Лиловый» отпрянул с низким поклоном и рысцой побежал к «змееносцу». Они обменялись неслышными в реве толпы фразами. Сановник развел руками, красноречиво выражая досаду. Чеди не надо было

больше играть роль. Она сидела неподвижно, оглядываясь по сторонам. Возбуждение тормансиан росло. Несколько мужчин выбежали в проход между передним рядом стульев и сценой. Там они попадали на колени, выкрикивая что-то непонятное. Моментально четверо «лиловых» отвели их налево, в дверь, скрытую за драпировками. Две женщины поползли на коленях, за ними несколько мужчин... «Змееносец» руководил «лиловыми», как искусный дирижер. По его неуловимому жесту охранники вытащили из кресел двух мужчин и женщину. Схваченные упирались, оборачивались, говорили что-то неслышимое в общем шуме. Охранники грубо, бесцеремонно волокли людей в темный коридор за сценой.

Размахи змеиного тела укоротились, движение замедлилось, и наконец змея застыла, погасила глаза, устремив вверх треугольную голову.

Люди умолкли и, будто проснувшись, оглядывались в недоумении. «Они не помнят, что произошло!» — догадалась Чеди. Они научились скрывать свои чувства на общих собраниях, постоянно устраивавшихся на местах их работы. Там, как рассказывали Чеди, от «кжи» требовали публично одобрять и восхвалять мудрость олигархии. Вековая практика научила людей не придавать никакого значения этим требованиям, выказывая внешнее подчинение. Тогда олигархи нашли иные методы вторгаться в психику и раскрывать тайные думы.

Чеди незаметно разбудила Цасор.

— Не говорите со мной и не подходите! — шепнула звездолетчица. — Они знают, кто я. Идите домой, я доберусь сама.

Цасор, еще ошеломленная, понимающе подмигнула.

Чеди медленно встала и вышла, с удовольствием после духоты вдыхая прохладный воздух. Она остановилась у тонкой, квадратного сечения колонны из дешевого искусственного камня, все еще продумывая сцену всеобщего покаяния под гипнозом. Внезапно она почувствовала на себе упорный взгляд, обернулась и оказалась лицом к лицу с атлетически сложенным «кжи» в зеленой одежде с нашитым на рукаве знаком сжатого кулака. Небольшая группа людей среди «кжи» достигала возраста в 30 земных лет. Это были так называемые «спортивные образцы» — профессиональные игроки и борцы, ничем не занятые, кроме мускульных тренировок, развлекавшие огромные толпы на стадионах зрелищами, похожими скорее на массовые драки.

Спортивный «образец» смотрел на нее упорно и бесцеремонно, как и многие другие мужчины, встречавшиеся здесь Чеди. Еще в садах Цоам привыкла она к манере жителей Ян-Ях раздевать взглядом. На Земле в наготе, в естественном виде че-

ловека, никто не находил ничего особенного, ничего возбуждающего во всяком случае, тем более постыдного. Конечно, каждый должен быть чистым и не принимать неэстетичных поз, чему учили с первого года жизни. У жительницы Земли взгляды мужчин Ян-Ях могли вызывать только неприятное чувство, как взгляды сумасшедших.

«Образец» спросил:

— Приехала издалека? Недавно здесь? Наверное, из хвостового полушария?

— Как вы... — Чеди спохватилась, — ты угадал?

Тормансианин довольно усмехнулся.

— Там, говорят, есть красивые девки, а ты... — он щелкнул пальцами, — ходишь одна, хоть красивее всех, — незнакомец кивнул в сторону спускавшихся по ступеням. — Меня зовут Шот Ка-Шек, сокращенно — Шотшек.

— Меня Че Ди-Зем, или Чезем, — в тон ответила ему Чеди.

— Странное имя. Впрочем, вы там, в хвостовом, какие-то другие.

— А ты был у нас?

— Нет, — к облегчению Чеди, признался тормансианин. — А ты чья-нибудь?

— Не поняла.

— Ну, принадлежишь ты мужчине или нет? — Видя недоумение Чеди, Шотшек рассмеялся. — Тебя берет кто-нибудь?

— Нет, никто! — сообразила Чеди, мысленно ругая себя за тупость.

— Пойдем со мной в Окно Жизни.

Так назывались у тормансиан большие помещения для просмотра фильмов и артистических выступлений.

— Что ж, пойдем! — ответила Чеди. — А если бы у меня был мужчина?

— Я отозвал бы его в сторону, и мы бы поговорили с ним. — Шотшек пренебрежительно пожал плечами. Стало ясно, что для него подобные «переговоры» всегда кончались успешно.

Шотшек завладел рукой Чеди. Они направились к серой коробке ближайшего Окна Жизни.

Духота здесь напоминала Дом Собраний. Сиденья стояли еще теснее. В жаркой комнате сиял искрящийся громадный экран. Техника Ян-Ях позволяла создавать правдоподобные иллюзии, захватывающие зрителей красочной ложью. Чеди еще со звездолета видела много фильмов, и этот мало отличался от них. Хотя давным-давно планета Ян-Ях превратилась в единое государство, действие происходило в одну из прошлых войн. Герои действовали со всей хитростью и жестокостью древних лет.

Убийства и обман шли непрерывной чередой. Красивые женщины вознаграждали героев в постелях или подвергали их беспримерным унижениям. Одним из главных действующих лиц была женщина. Она по ходу действия убивала и пытала людей.

Бешеные скачки на верховых животных, гонки на грохочущих механизмах, плен, бегство, снова плен и бегство. Действие разворачивалось по испытанной психологической канве. Когда героиня оказалась в постели, чуть-чуть прикрытая одеялом (тормансианский запрет на определенные части тела), с нагим, но снятым со спины героем, Чеди почувствовала, как горячие и влажные руки Шотшека схватили ее за грудь и колено. Жалея, что она не обладает закалкой и психической силой Фай Родис, Чеди сделала попытку отстраниться. Тормансианин держал крепко. Не желая отвечать насилием, Чеди резко выставила клином локоть, высвободилась, встала и пошла к выходу под раздраженные крики тех, кому она загораживала зрелище. Шотшек догнал ее на дорожке, ведущей к большой улице.

— Зачем ты меня обидела? Что я сделал плохого?

Чеди посмотрела спокойно, даже печально, соображая, как выйти из создавшегося положения, не открывая своего инкогнито.

— У нас так не поступают, — тихо сказала она, — если в первый же час знакомства так обниматься, что же делать во второй?

Шотшек недобро захохотал.

— Будто ты не знаешь? Сколько тебе лет?

— Восемьдесят, — переведя двадцать земных лет в тормансианские, солгала Чеди.

— Тем более! Я думал — шестьдесят пять... пойдем!

— Куда?

— Ко мне. У меня комната с окном на канал. Я куплю вина и дината, и нам будет хорошо. — И Шотшек снова крепко обнял Чеди.

Она молча вырвалась и поспешила выйти из аллеи на улицу. Прохожие не смутили преследователя. Он догнал Чеди и, рванув за руку, заставил повернуться к себе лицом.

— Зачем ты пошла со мной? — зло спросил он.

— Я не думала, что так получится, простите!

— При чем тут «простите»? Пойдем, будет хорошо. Или я не понравился? Пойдем, не пожалеешь!

Чеди шагнула в сторону, и тогда Шотшек ударил ее по лицу ладонью. Удар не был особенно болезненным или оглушающим. Чеди получала куда более сильные на тренировках. Но впервые земную девушку ЭВР ударили со специальным намерением унизить, нанести оскорбление. Скорее удивленная,

чем возмущенная, Чеди оглянулась на многочисленных людей, спешивших мимо. Безразлично или опасливо смотрели они, как сильный мужчина бьет девушку. Никто не вмешался, даже когда Чеди получила удар покрепче.

«Достаточно!» — решила звездолетчица и исчезла. Психологическая игра в исчезновение известна каждому ребенку Земли и состоит в умении отвлечь внимание соперника, сосредоточить его на чем-нибудь постороннем, бесшумно зайти ему за спину и не выходить из сектора невидимости. Это можно проделать лишь на открытом месте, предугадывая все повороты «противника».

Шотшек озирался дико и недоуменно, пока Чеди не появилась в поле его зрения.

— Попалась! Не уйдешь! — завопил тормансианин, занося кулак.

Чеди молниеносно пригнулась и нанесла парализующие удары в два нервных узла. Шотшек рухнул к ее ногам. Он извивался, силясь подняться на непослушных ногах, и смотрел на Чеди с безмерным удивлением. Та подтащила его к стене, чтобы он мог опереться на нее спиной, пока не пройдет онемение. Компания юношей и девушек остановилась около них. Бесцеремонно показывая пальцами на поверженного Шотшека, они похохатывали и отпускали нелестные замечания. Чеди впервые столкнулась с манерой людей Ян-Ях грубо высмеивать все непонятное, издеваться над бедой своих же сограждан. Чеди стало стыдно. Она быстро пошла вниз по улице. В ушах продолжал звучать наглый смех, а в глазах все еще стояли полные изумления глаза Шотшека. Странное, новое чувство завладело ею. Похожее на грусть, оно стеснило ей сердце. Но грусть приносила с собой ощущение отрешенности, а сейчас Чеди будто запуталась в сетях неопределенной вины. Она еще не понимала, что к ней пришла жалость — древнее чувство, теперь так мало знакомое людям Земли. Сострадание, сочувствие, желание помочь владели человеком Эры Встретившихся Рук. Но жалость, которая родится из бессилия отвратить беду, оказалась внове для Чеди Даан и заставила ее тревожно осмысливать свое поведение. Недовольная собой, она старалась найти ошибку, не подозревая, что оба ее товарища — Эвиза и Вир — так же мучительно спотыкались на первых шагах жизни в столице.

Чеди спешила домой, чтобы в отсутствие Цасор не наделать еще каких-либо глупостей. Встречая изумленные взгляды прохожих, она не подозревала, насколько отличается от обитателей Ян-Ях своей осанкой — высоко поднятой головой и гордо выступающей грудью. Мужчины оглушительно свистели

вслед, выражая свое восхищение. Женщины оборачивались с негодованием и называли ее бесстыдницей. Чеди не догадывалась, что это всего лишь попытка возвыситься, опорочивая красивую конкурентку. Обычную на Тормансе недоброжелательность всех ко всем Чеди ощущала физически весомой тяжестью. Она с облегчением вздохнула, оказавшись за порогом крошечной квартирки. Ей стали близкими чувства людей древности, скрывавшихся в своем жилище от внешней жизни. Сейчас ей понравился удививший ее сначала беспорядок в квартире, манера тормансиан раскидывать свои вещи, создавая хаос из одежды, измятых брошюр (здесь читали печатные издания), оберток от пищи, косметических принадлежностей.

Цасор обрадовалась возвращению гостьи, вспомнив вдруг, что оставила ее без денег. Тут же она заставила Чеди взять несколько потертых пластмассовых квадратиков с иероглифами и кодовыми знаками. Снова Чеди удивилась небрежной щедрости «кжи», совершенно не оберегавших ни своего, ни чужого достояния. Они не пытались копить деньги, как то было принято в древние времена на Земле. Чеди лишь после поняла, что в короткой жизни «кжи», полностью зависящей от произвола правителей, которые могли в любой момент лишить их всего, вплоть до жизни, не было будущего. Не имело смысла копить деньги, беречь вещи... Даже дети не радовали людей без будущего. Все время шла глухая борьба между женщинами, не желавшими рожать, и государством, запрещавшим противозачаточные средства и аборты. Чтобы поднять падавшую рождаемость, недавно владыки удостоили матерей некоторыми привилегиями. Дело в том, что создалась угроза уменьшения численности людей, настолько ощутимая, что владык это стало беспокоить: покорные толпы — опора олигархии.

Послушно приняв деньги, Чеди рассказала Цасор о своих приключениях. Тормансианка очень испугалась.

— Это опасно! Оскорбить мужчину! Ты еще не знаешь, какие они мстительные! Я знаю, он завидует, мужчины очень завистливые... как и женщины, — подумав, прибавила Цасор. Чеди не поняла сразу, чему должен завидовать Шотшек, и лишь много времени спустя сообразила, что та же зависть к богатству, на этот раз не материальному, а духовному, вызывала эту ненависть, тем более сильную, что этот род богатства был совершенно недостижим для людей типа Шотшека.

— Но оскорбил-то он меня, — возразила она Цасор.

— Это не имеет значения. Мужчинам неважно, что чувствуем мы, женщины. Только бы их гордость была удовлетворена. И мы всегда виноваты... Интересно, как на Земле?

Чеди принялась рассказывать о действительном равенстве женщин и мужчин в коммунистическом обществе Земли. О любви, отделенной и независимой от всех других дел, о материнстве, полном гордости и счастья, когда каждая мать рожает ребенка не для себя и не как неизбежную расплату за минуты страсти, а драгоценным подарком кладет его на протянутые руки всего общества. Очень давно в ЭРМ, при зарождении коммунистического общества, сторонники капитализма издевались над этикой свободы брака и общности воспитания детей, не подозревая, насколько важно оно для будущего, и не понимая, на каком высоком уровне надо решать подобные вопросы.

Цасор слушала как завороженная, и Чеди любовалась ею. Тормансианка в повседневной одежде походила на мальчишку. Широкий пояс, поддерживавший брюки из грубой ткани, косо лежал на узких бедрах, а под него была заправлена голубая рубашка с глубоким разрезом расстегнутого ворота и закатанными рукавами. Жесткие волосы до плеч разделялись небрежным пробором, падая на тревожные, со страдальческим изгибом бровей глаза. Раскрытые губы крупного рта говорили о предельном внимании. Цасор прислонилась к притолоке двери, изогнув тонкий стан и скрестив руки.

Поддаваясь внезапному чувству (она не стала бороться с ним или стараться понять его), Чеди обняла Цасор, материнski нежно гладя ее волосы и щеки. Тормансианка вздрогнула, прижавшись к Чеди, и та сказала ей несколько ласковых слов на земном языке. Девушка спрятала горячий лоб на груди Чеди, как у матери, хотя разница в их возрасте была совсем невелика.

Они стояли обнявшись, пока не кончились летучие сумерки планеты Ян-Ях. В комнатке сразу наступила тьма — освещение улицы было слишком скудно. Цасор отпрянула от Чеди, зажгла свет и застеснялась. Скрывая смущение, Цасор принялась напевать, и Чеди поразилась музыкальной прозрачности и печали ее песен, вовсе не похожих на те, которые она слышала на улицах или в местах развлечений, с их грубыми ритмами, резкими диссонансами и крикливой манерой исполнения. Цасор пояснила, что сановники порицают меланхолические песни молодежи, безосновательно полагая, что они снижают и без того низкий тонус жизни. А старинные напевы, любимые старшим поколением «джи», содержат излишние воспоминания о прошлом и тоже вызывают грусть. Поэтому одобрение властей получают во всепланетных передачах только бодрые, восхвалительные и, конечно, бездарные песенки. Теперь Чеди стало понятно, отчего тормансиане поют так мало. Ей самой

все время хотелось петь, но на улице она опасалась привлечь внимание толпы, а дома — соседей. Чеди вспомнила, как люди Ян-Ях стесняются проявления нежности, любви и уважения, в то же время давая полную волю ругани, осмеянию и даже дракам. Она решила, что Цасор необходимо повидать других землян. В этот вечер Чеди ожидала свидания с Родис по СДФ.

Они пробрались в комнату Чеди, не зажигая света, тщательно задрапировали окно и лишь тогда выкатили из-под кровати серебристо-голубой СДФ. От поворота диска на браслете девятиножка зажгла сигнал и, загудев, поднялась на лапки. Она слегка испугала Цасор, принявшую ее за живое существо.

Когда луч-носитель был направлен по известным координатам, Фай Родис там не оказалось. Взволнованная, Чеди не сразу заметила немые сигналы, бежавшие по стене, на которую фокусировался СДФ. Наконец она заметила кружки, следовавшие цепочкой, и поняла, что Родис покинула сады Цоам, оставив там крошечный индикатор, включавшийся от луча СДФ.

Встревоженная, она попробовала вызвать Эвизу или Вир Норина. Прошел час, пока на экране наконец появилась Эвиза, одетая по-вечернему, в очень открытом, облегающем платье. Ткань аметистового цвета оттеняла ее топазовые, широко расставленные глаза и пунцовые губы.

Эвиза Танет успокоила Чеди: Фай Родис покинула сады Цоам и живет теперь в старом Храме Времени, расположенном в возвышенной части города и превращенном в хранилище древних книг. Эвиза жила у Центрального госпиталя и могла свободно соединяться с Родис. Чеди договорилась встретиться с Эвизой через четыре дня, после того как Эвиза побывает на межгородской конференции врачей.

— Приходите с утра, Чеди, — сказала Эвиза, — мы пообедаем в столовой госпиталя. Кстати, где вы питаетесь?

— Где застанет время в моих скитаниях по городу, в первой попавшейся столовой.

— Надо выбрать постоянную столовую, ту, где лучше кормят.

— Везде одинаково плохо. «Кжи» не любят свою работу в столовой. Цасор говорит, что они, как это... крадут. Берут себе самое лучшее.

— Зачем?

— Чтобы съесть самим, унести семье, обменять на квадратики... деньги. Оттого невкусна еда!

— Мне думается, ваша подруга не права. Здесь, на Тормансе, люди настолько напуганы Веком Голода, что стараются произвести как можно больше еды из каждого продукта, добавляя туда несъедобные вещества. Они портят таким образом на-

туральное молоко, масло, хлеб и даже воду. Естественно, что такая пища не может быть вкусной, а нередко она просто вредна. Отсюда громадное количество болезней печени и кишечника.

— Вот почему вода здесь такая невкусная. И разливают ее без пользы. Разве не лучше расходовать ее бережливо, но делать вкуснее? — сказала Чеди.

— Здесь на каждом шагу встречаются вещи, противоречащие здравому смыслу. Вечером они включают вовсю телеэкраны, музыка грохочет; надрываясь, что-то говорят специальные восхвалители; показывают фильмы, хронику событий, убийственные спортивные зрелища, а люди занимаются своими делами, разговаривают совсем о другом, стараясь перекричать передатчики.

Эвиза вопросительно посмотрела на Чеди, но та не нашла объяснения.

Разве можно было понять действия, происходящие вследствие чудовищного эгоизма: грубость в общении, небрежность в работе и речи, стремление отравить и без того горькую жизнь ближнего? Водители неуклюжих транспортных машин считали, например, доблестью проноситься по улицам в ночное время с шумом и грохотом. И тут принцип бесчеловечного удешевления превращал эти машины в смрадных чудовищ, извергающих дымную отраву и терзающих слух.

Даже простые инструменты для работы на Тормансе были сделаны бесчеловечно, без всякой заботы о нервах работника и сотен окружающих людей. Чеди не смогла описать всю мерзость визга механических пил, сверл, убийственный грохот молотков и скрежет лопат. Пришлось произвести специальную запись этих звуков, в полном недоумении, как не глохли тормансиане и не впадали в безумное бешенство. Необъяснимое для землян губительное устройство их машин было понятно тормансианам и, что еще хуже, казалось им естественным. Как в ЭРМ, в жертву дешевке приносилась высшая драгоценность общества — сам человек, его здоровье, психическая цельность и покой.

Нередко подобная техника становилась непосредственно опасной для жизни. Тысячи переплетений оголенных для дешевизны электрических проводов (тормансиане не знали плотной упаковки энергии в шаровых аккумуляторах) грозили смертью неосторожным. Опасные химикаты щедро и небрежно рассыпались повсюду, входили в производственные процессы, нещадно отравляя людей. К счастью, нехватка горючих ископаемых прекратила дальнейшее загрязнение атмосферы.

— Не печальтесь, Чеди! — сказала Эвиза с экрана СДФ. — Мы платим не так уж много, говоря словами тормансиан, что-

бы своими глазами увидеть такое невероятное общество. Родис говорит, что она именно так и представляла себе ЭРМ на Земле!

— Тогда что же тут невероятного? Только печально, если подумать о напрасных испытаниях и жертвах наших общих предков, уже прошедших через все это...

— Крепитесь, Чеди! Нам предстоит еще немало испытаний. Каждый день здесь обязательно случается что-нибудь неприятное, и я не хотела бы долго прожить на Тормансе, — призналась Эвиза.

Чеди услышала за стеной голоса возвращавшихся хозяев и попрощалась с Эвизой. СДФ сам забрался под кровать. Опустив одеяло, Чеди встретилась взглядом с Цасор. Тормансианка стояла, сложив руки, щеки ее пылали, а в глазах стояли слезы.

— Могучая Змея, как прекрасна Эвиза! — сказала она. — Даже сердце замирает, как у маленькой, когда слушала сказку.

— Что же в ней особенного? — улыбнулась Чеди.

— Все! Ты тоже хороша, но она!.. Только почему она такая жесткая, почему мало в ней любви и сострадания?

— Цасор! Как ты могла найти столько пороков у Эвизы? На Земле нет таких людей.

— Нет уж! Хотя, — девушка призадумалась, — сначала и ты мне показалась такой же. Может, и она другая? Но красива до невозможности! — И Цасор, смахнув непрошеные слезы, выскользнула из комнатки.

Чеди осталась стоять в задумчивости, вспоминая трогательную беззащитность детей и женщин Торманса. Взволнованную двухлетнюю кроху, заламывающую свои ручонки в смущении и ожидании, девушку, всю трепетавшую от первой грубости в ее любви, женщину, мечущуюся, чтобы угодить недоброму возлюбленному.

Везде слезы, трепет, страх и снова слезы — таков удел женщины Торманса, кроткой и терпеливой труженицы, борющейся в домашней жизни с комплексом униженности. Мужчина был владыкой и тираном. Острая жалость ранила Чеди, но диалектическое мышление напомнило ей, что кротость и терпение воспитывают грубость и невежество. В примитивных обществах и в Темные Века Земли мужчины опасались женщин с развитым интеллектом, их умения использовать оружие своего пола. Первобытный страх заставлял мужчин придумывать для них особые ограничения. Чтобы оградить себя от «ведьминых» свойств, женщину держали на низком уровне умственного развития, изнуряли тяжелой работой. Кроме этого, у всех тормансиан был общий страх, присущий людям урбанистического общества, — страх остаться без работы, то есть без пищи, воды

и крова, — ибо люди не знали, как добыть все это иначе, если не из рук государства.

Жестокость государственного олигархического капитализма неизбежно делает чувства людей, их ощущение мира мелкими, поверхностными, скоропреходящими. Создается почва для направленного зла — Стрелы Аримана, как процесса, присущего именно этой структуре общества. Там, где люди сказали себе: «Ничего нельзя сделать», — знайте, что Стрела поразит все лучшее в их жизни.

Впервые Чеди упрекнула себя за самонадеянность, с которой взялась изучать социологию такой планеты. Ей не хватало непоколебимой уверенности Эвизы и глубины Фай Родис.

А Эвиза Танет в эту минуту обдумывала свое выступление на конференции. Как не обидно, не вызывая чувства унижения, рассказать врачам Торманса о гигантской силе земной медицины рядом с поразительной бедностью их науки?

Она уже видела врачей — подвижников и героев, работавших не щадя сил, день и ночь, боровшихся с нищетой госпиталей, с невежеством и грубостью низшего персонала, ненавидевшего и проклинавшего свою работу, плохо оплачиваемую, грязную, непочетную. Больные в подавляющем большинстве были «джи», а низший персонал — «кжи». Эти разные классовые группы относились друг к другу с ненавистью, и положение больных становилось трагическим. Обычно близкие прилагали все усилия, чтобы помочь больным преодолеть болезни дома. С хирургией это было невозможно — душные, переполненные палаты послеоперационных больных с их специфическим запахом долго снились Эвизе, перебивая ее грезы и воспоминания о Земле.

Эвизу приютили инженеры из класса «джи», люди, стоявшие повыше на иерархической лестнице. Потому и комната и кровать у нее были немного просторней, чем у Чеди. Каждая ступень в иерархии Торманса выражалась в каком-либо мелком преимуществе — в размерах квартиры, в лучшем питании. Эвиза с удивлением наблюдала, с каким ожесточением люди боролись за эти ничтожные привилегии. Особенно старались пробиться в высший слой сановников, стать «змееносцами», где привилегии возрастали до максимума. В ход пускались и обман, и клевета, и доносы. Подкупы, рабское усердие и звериная ненависть к конкурентам — Стрела Аримана неистовствовала, отбрасывая с дороги порядочных и честных людей, умножая негодяев среди «змееносцев»...

В день конференции Эвиза, бодрая и цветущая, входила в служебное помещение Центрального госпиталя. Прошла через

камеру облучения и дезинфекционный коридор в маленький холл и остановилась там посмотреть на себя в зеркало. Из соседней, курительной комнаты через приоткрытую дверь доносились громкие голоса. Говорившие не стеснялись. Эвиза поняла, что разговор идет о ней. Собравшиеся на ритуал курения молодые врачи наперебой высказывали восхищение гостьей в такой форме, что Эвиза не знала, смеяться ей или негодовать.

— Меня в дрожь бросает, когда она проходит, — слышался высокий тенор, — желтые глазищи сияют, груди рвут платье, ноги, ах, какие ноги!..

Эвиза внезапно вошла в курительную комнату. Трое молодых врачей, дымивших трубками, приветствовали ее. Эвиза оглядела их смеющимися глазами, и те поняли, что она слышала если не все, то многое.

Они смущенно потянулись следом за Эвизой, спешно загасив трубки, а та придала своей походке характер эротического танца, чтобы «наказать» молодежь за грубую эротику разговора. Взволнованное дыхание позади свидетельствовало об успехе ее озорства.

Величественный главный врач госпиталя, во всегдашней одежде медиков Ян-Ях — ярко-желтом халате с черным поясом и желтой же мягкой шапочке, в очках, увидев Эвизу, растянул в улыбке тонкие неприятные губы хитреца и брюзги. Зоркие прищуренные глаза быстро обежали ее наряд, казавшийся ярким из-за полного соответствия с фигурой, настроением и гордым лицом хозяйки.

— Пойдемте в мою машину! — И, не дожидаясь согласия, главный врач повлек гостью к боковому выходу, где его ожидал длинный и узкий транспортный механизм.

Конференция должна была происходить в загородном дворце, машина добиралась туда по крутой дороге, обгоняя множество пешеходов. В одном месте Эвиза обратила внимание на старую «джи» с тяжелой коробкой на плечах и невольно сделала жест, чтобы машина остановилась. Но шофер даже не затормозил. На удивленный взгляд Эвизы главврач только нахмурился. Они подъехали к зданию с обветшавшими архитектурными украшениями из громадных каменных цветов. Высокая стена кое-где обвалилась, а трехъярусная надвратная башенка была разобрана. Но сад, окружавший здание, казался густым и свежим, без печати увядания, лежавшей на засыхавших парках и садах внутри города.

— Вы удивились, я заметил, что мы не подвезли старуху? — косясь на идущую рядом Эвизу, начал главный врач.

— Вы проницательны.

— У нас нельзя быть слишком добрым, — как бы оправдываясь, сказал тормансианин. — Во-первых, можно получить инфекцию, во-вторых, надо беречь машину, в-третьих...

Эвиза остановила его жестом.

— Можно не объяснять. Вы думаете прежде всего о себе, бережете машину, это примитивное изделие из железа и пластмассы, больше, чем человека. Все это естественно для общества, в котором жизнь меньшинства держится на смерти большинства. Только зачем вы посвятили себя медицине? Есть ли смысл лечить людей при легкой смерти и быстром обороте поколений?

— Вы ошибаетесь! «Джи» — самая ценная часть населения. Наш долг — исцелять их всеми способами, отвоевывая от смерти. Идеально, конечно, было бы, если бы мы могли сохранить один лишь мозг, отделив его от обветшалого тела.

— Наши предки ошибались точно так же, считая мозг и психику чем-то отдельным от тела, якобы не связанным со всей природой в целом. Находились люди, утверждавшие, что весь мир лишь производное человеческих представлений о нем. Здесь корни многих биологических ошибок. Мозг и психика не создаются сами по себе. Их структура и работа — производные общества, времени, суммы знаний в период становления индивида. Только путем непрерывного впитывания новых впечатлений, знаний, ощущений мозг у эмоциональных и памятливых людей преодолевает закономерную консервативность — и то лишь до известных пределов. Великий ученый через тридцать лет после вершины своей деятельности станет консерватором, безнадежно отставшим от эпохи. И сам не поймет этого, потому что его мозг настроен созвучно миру, оставшемуся позади, ушедшему в прошлое.

— Но можно моделировать новые условия, наращивать их...

— Пока моделируете, еще шире разойдутся кондиция мозга и условия среды. Ноосфера, то есть психическое окружение человека, изменяется несравненно быстрее биологической трансформации.

— Мы не теоретизировали, а боролись со смертью, на опыте постигая новые возможности продления жизни.

— И прибавили в колоссальный список преступлений природы и человека еще миллионы мучеников! Вдобавок многие открытия принесли людям больше вреда, чем пользы, научив политических бандитов — фашистов — ломать человека психически, превращать в покорного скота. Если подсчитать всех замученных на опытах животных, истерзанных вашими операциями больных, то придется строго осудить ваш эмпиризм.

В истории нашей медицины и биологии также были позорные периоды небрежения жизнью. Каждый школьник мог резать живую лягушку, а полуграмотный студент — собаку или кошку. Здесь очень важна мера. Если перейти грань, то врач станет мясником или отравителем, ученый — убийцей. Если не дойти до нужной грани, тогда из врачей получаются прожектеры или неграмотные чинуши. Но всех опаснее фанатики, готовые располосовать человека, не говоря уже о животных, чтобы осуществить небывалую операцию, заменить незаменимое, не понимая, что человек не механизм, собранный из стандартных запасных частей, что сердце — не только насос, а мозг — не весь человек. Этот подход наделал в свое время немало вреда у нас, и я вижу его процветающим на вашей планете. Вы экспериментируете над животными наугад, забыв, что только самая крайняя необходимость может как-то оправдать мучения высших форм животных, наделенных страданием не меньше человека. Столь же беззащитны и ваши «исцеляемые» в больницах. Я видела исследовательские лаборатории трех столичных институтов. Сумма страдания, заключенная в них, не может оправдать ничтожные достижения...

Главный врач дернул Эвизу за руку, столкнув ее с дорожки. Они очутились за разросшимся кустарником.

— Нагнитесь, скорее! — шепнул тормансианин так требовательно, что Эвиза повиновалась.

От ворот бежали несколько людей, гнавших впереди себя тучного человека с серым лицом и выпученными глазами. Силы оставляли бегущего. Он остановился, шатаясь. Один из преследователей ударил его коленом в лицо, согнув толстяка пополам. Второй сбил жертву с ног. Преследователи принялись топтать поверженного ногами.

Эвиза вырвалась из рук главного врача и побежала к месту расправы, крича:

— Остановитесь, перестаньте!

Безмерное удивление пробежало по озверелым лицам. Кулаки разжались, тени улыбок мелькнули на искривленных губах. В наступившем молчании слышны были только всхлипывания жертвы.

— Как вы можете, шестеро молодых, бить одного — толстого и старого? Или вам непонятен позор, стыд такого дела?!

Крепкий человек в голубой рубашке наклонился вперед и ткнул пальцем в Эвизу.

— Великая Змея! Как я не сообразил! Ты ведь с Земли!

— Да! — ответила Эвиза, опускаясь на колено, чтобы осмотреть раненого.

— Оставь эту падаль! Дрянь живуча! Мы его только слегка проучили.

— За что?

— За то, что он бумагомаратель. Эти проклятые писатели-холуи выдумывают небылицы о нашей жизни, перевирают историю, доказывая величие и мудрость тех, кто им разрешает жить подольше и хорошо платит. За одну фразу в их писанине, понравившейся владыкам, приходится расплачиваться всем нам. Таких мало бить, их надо убивать!

— Подождите! — воскликнула Эвиза. — Может, он не так уж виноват. Вы здесь не заботитесь о точности сказанного или написанного. Писатели тоже не думают о последствиях какой-нибудь хлесткой, эффектной фразы; ученые — о том темном, что повлечет за собой их открытие. Они торопятся скорее оповестить мир, напоминая кричащих наперебой петухов.

Предводитель расплылся в улыбке, открытой и симпатичной.

— А ты умница, земная! Только не права: эти знают, что врут. Они хуже девчонок, которых берут в садах за деньги. Те продают только себя, а эти — всех нас! Я их ненавижу. — Он пнул свою жертву, отползавшую на четвереньках.

— Перестаньте, несчастные! — Эвиза загородила собой писателя.

— Змея-Молния! Ты ничего не соображаешь, — прищурился главарь, — это они несчастные, а не мы. Мы уходим из жизни полные сил, не зная болезней, не зная страха, не заботясь ни о чем. Что может нас испугать, если скоро все равно смерть? А «джи» вечно дрожат, боясь смерти и долгой жизни с неотвратимыми болезнями. Боятся не угодить «змееносцам», боятся вымолвить слово против власти, чтобы их не перевели в «кжи» и не отправили в Храм Нежной Смерти. Опасаются потерять свои ничтожные преимущества в пище, жилье, одежде.

— Так их надо жалеть.

— Как бы не так! Знаешь ли ты, чем зарабатывается право на длительную жизнь? Придумывают, как заставить людей подчиняться, как сделать еду из всякой дряни, как заставить женщин рожать больше детей для Четырех. Ищут законы, оправдывающие беззакония «змееносцев», хвалят, лгут, добиваясь повышения.

— Так они хотят идти на более трудную работу?

— Э, нет! Чем выше у нас стоит человек, тем меньше работает. Вот и лезут, чтобы достигнуть чина «змееносца», и для этого готовы предать весь мир.

— А вы не предаете, даже встречаясь со Змеем? И не боитесь Янгара?

Предводитель «кжи» вздрогнул и оглянулся.

— Ты знаешь больше, чем я думал... Ну, прощай, земная, больше не увидимся!

— Я могу вас попросить исполнить нечто важное? Именно вас. — Эвиза посмотрела на вожака.

Он вспыхнул, как мальчик.

— Смотря что?

— Пойти в старый Храм Времени, где памятник, отыскать там нашу владычицу. Ее зовут Фай Родис. Поговорите с ней так же прямо и умно, как говорили со мной. Только сначала найдите инженера Таэля. Хоть он и «джи», но человек, каких на вашей планете еще не много.

— Ладно. — Главарь протянул руку.

— И скажите, что вас прислала Эвиза Танет.

— Эвиза Танет... какое имя!

Шестеро исчезли в саду. От ворот к Эвизе направлялась шумная группа врачей Центрального госпиталя, приехавших на большой общественной машине.

Из-за кустов вышел главный врач, подозвал помощников, и они молча потащили пострадавшего к машине.

— Кто это? — спросила Эвиза одного из коллег по госпиталю.

— Знаменитый писатель. Как они его отделали! — Говоривший расцвел довольной улыбкой, будто он полностью был на стороне «кжи».

Недоумевая, Эвиза пошла вместе с врачами к узкому порталу входа.

Внутри здание повторяло обычный стиль Торманса. Тяжелые двери вели в просторный вестибюль. Широкая лестница поднималась в обрамленный двухрядной колоннадой зал. В вестибюле толпилось множество людей. Их взоры мгновенно обратились на Эвизу. Гостью отвели наверх и усадили в боковой галерее на потертый диван. Все приехавшие продолжали оставаться внизу, выстроившись живым коридором.

— Они ждут кого-нибудь? — спросила Эвиза проходившего мимо пожилого человека в желтом медицинском халате.

— Разумеется, — строго ответил тот, — должны прибыть представители Высшего Собрания.

— Почему «прибыть», а не просто приехать?

Собеседник испуганно посмотрел на Эвизу, оглянулся и исчез между колоннами.

Ожидание длилось более получаса, пока выяснилось, что сановники не приедут. Стоявшую внизу толпу как будто прорвало. Со смехом и громким говором, характерным для тормансиан, все устремились по лестнице в зал. Главный врач

отыскал Эвизу и повел ее на возвышение, где расселись наиболее знаменитые медики столицы и почетные гости из других мест планеты. Эвиза отказалась, уверяя, что ничем не заслужила высокого места, и ей, рядовому и молодому врачу Звездного Флота, это неприлично. Она уселась у колонны на краю зала, чувствуя на себе внимание всей аудитории и озабоченная предстоящим выступлением.

Ораторы не торопясь сменяли друг друга. Говорили подолгу, о вещах более чем очевидных, заранее обусловливая направление начатых докладов. У тормансиан такое выступление почему-то называлось кратким вступительным словом. По всему чувствовалось, что эти потоки банальностей никого не интересовали. Эвиза видела это по скучающим лицам, по шуму в зале, который едва покрывался грохотом звукоусилителей, передающих речь ораторов.

Наконец распорядитель заседания объявил о желании врача с Земли выступить перед врачами Торманса.

Эвиза пошла поперек зала к трибуне, приветствуемая криками, хлопаньем по ручкам кресел и свистом восхищенной молодежи. Как ни диковат казался ей подобный рев и шум, он выражал добрые чувства. Поклонившись, Эвиза поблагодарила тормансиан. Когда она заговорила с непередаваемо мягким земным акцентом, который не смогли огрубить усилители, в зале наступила небывалая тишина. Тормансиане не сводили глаз с Эвизы, осматривая ее от пристальных и веселых топазовых глаз до сильных ног в странной синей сверкающей огоньками обуви, — они старались понять, чем так похожа и не похожа в одно и то же время эта женщина на женщин Ян-Ях.

— Ваши старшие хотели, чтобы я, познакомившись с медициной Ян-Ях, разобрала ошибки врачей и рассказала о достижениях Земли. Но мои познания в науке Ян-Ях ничтожны, и, главное, у меня нет основного критерия, необходимого, чтобы судить о любой науке, нет представления о ее доле в создании человеческого счастья. Поэтому выступать советчиком и критиком было бы с моей стороны нескромно и неуважительно. Все, что я могу, — это рассказать вам о препятствиях, преодоленных на Земле... Преподавание любого предмета, особенно больших разделов науки, у нас начинается с рассмотрения исторического развития и всех ошибок, сделанных на пути. Так человечество, борясь со свойственным людям стремлением забывать неприятное, ограждает себя от неверных дорог и повторения прошлых неудач, которых было много в докоммунистической истории. Уже в ЭРМ определилась огромная разница между силами и материальными средствами, какие человечест-

во тратило на медицину и на науку военного и технического значения.

Лучшие умы были заняты в физике, химии, математике. Шаг за шагом биология и медицина расходились с физико-математическими науками в своем представлении о мире, хотя внешне широко пользовались их методами и аппаратами исследования.

В результате окружающая человека природа и он сам как часть ее предстали перед человечеством как нечто враждебное, долженствующее быть подчиненным временным целям общества.

Ученые забыли, что великое равновесие природы и конструкция организма есть результат исторического пути невообразимой длительности и сложности, в соподчинении и взаимосвязи интегральных частей. Изучение этой сложности, хотя бы в общих чертах, требовало многовековой работы, а земное человечество принялось неосмотрительно и торопливо приспосабливать природу к переходящим утилитарным целям, не считаясь с необходимыми людям биологическими условиями жизни. И человек — наследник мучительного миллиардолетнего пути, пройденного планетой, — как неблагодарный и неразумный сын, принялся растрачивать, переводить в энтропию основной капитал, ему доставшийся: накопленную в биосфере энергию, которая, как взведенная когда-то пружина, послужила для технического прыжка человечества...

Эвиза остановилась, и тотчас же зал загрохотал стуком ладоней по дереву. Затронутая тема была близка планете Ян-Ях, дотла разоренной неразумием предков.

Эвиза, не привыкшая к подобной реакции собрания, стояла, беспомощно оглядывая шумящую аудиторию, пока председатель не утихомирил восторженных слушателей.

Эвиза вовсе не собиралась накалять страсти несдержанной аудитории, что вело к утрате разумного и критического восприятия. Она решила быть осмотрительнее.

Она рассказала, как близоруко ошибались те, кто торжествовал, побеждая отдельные проявления болезней с помощью средств химии, ежегодно создававшей тысячи новых, по существу, обманных лекарств. Отбивая мелкие вылазки природы, ученые проглядели массовые последствия. Подавляя болезни, но не исцеляя заболевших, они породили чудовищное количество аллергий и распространили самую страшную их разновидность — раковые заболевания. Аллергии возникали и из-за так называемого иммунного перенапряжения, которому люди подвергались в тесноте жилищ, школ, магазинов и зрелищ, а также

вследствие постоянного переноса быстрым авиатранспортом новых штаммов микробов и вирусов из одного конца планеты в другой. В этих условиях бактериальные фильтры, выработанные организмом в биологической эволюции, становились своей противоположностью, воротами инфекции, как, например, миндалины горла, синусы лица или лимфатические узлы. Утрата меры в использовании лекарств и хирургии повредила охранительные устройства организма, подобно тому как безмерное употребление власти сокрушило охранительные устройства общества — закон и мораль.

Существо врачевания, основанное на старых представлениях, отстало от жизни. Когда в процессе развития общества погибли религия, вера в загробную жизнь, в силу молитвы и в чудо, миросозерцание отсталого капиталистического строя зашло в безнадежный тупик неверия, пустоты и бесцельности существования. Это породило повальные неврозы пожилого поколения. Нагнетание угрозы тотальной войны как прием политической агитации, постоянное напоминание об этом в газетах, радио, телевидении способствовали психозам молодой части населения — противоречивым стремлениям скорее испытать все радости жизни и уйти от ее реальности. Насыщенность развлечениями, накал искусственных переживаний создали своеобразный «перегрев» психики. Люди все упорнее мечтали уйти в другую жизнь, к простым радостям бытия предков, к их наивной вере в ритуалы и тайны. А врачи пытались лечить по старым канонам прежних темпов, другой напряженности бытия.

Машины, благоустройство жилищ, техника быта существенно изменили нормальную физическую нагрузку людей. Медицина продолжала пользоваться опытом, накопленным в совершенно иных условиях жизни. Общее ослабление организма, мышечной, связочной и скелетной систем вело, несмотря на отсутствие тяжелой работы, к массовому развитию грыж, плоскостопия, близорукости, учащению переломов, расширению вен, геморрою, разрастанию полипов и слабости сфинктеров с ухудшением пищеварения и частыми явлениями аппендицита. Множество дефектов кожи было обязано плохому обмену веществ.

Врачи, озадаченные наплывом заболеваний, оперировали без конца, кляня скучную рутину «простых случаев» и не подозревая, что встретились с первой волной бедствия. А когда вслед за общим ослаблением людей все чаще стали встречаться болезни испорченной наследственности, лишь немногие передовые умы смогли распознать в этом Стрелу Аримана. Величайшее благодеяние — уничтожение детской смертности — обернулось бедствием, наградив множеством психически неполноцен-

ных, полных кретинов или физически дефективных от рождения людей. Тревожной неожиданностью стало учащение рождений двоен, троен, в общем снижающих уровень здоровья и психики. Борьба с новой бедой оказалась исключительно трудной. Ее можно было преодолеть лишь при высочайшей моральной ответственности всех людей и проникновении науки в самую глубь молекулярных генетических аппаратов.

Эвиза перечислила еще несколько коварных ловушек, выставленных природой на прогрессивном пути человечества. Путь этот заключался в возвращении к первоначальному здоровью, но без прежней зависимости от безжалостной природы. Суть дела заключалась в том, чтобы уйти от ее гекатомб, через которые она осуществляет улучшение и совершенствование видов животных, беспощадно мстя за неуклюжие попытки человека избавиться от ее власти.

— И это нам удалось! — воскликнула Эвиза. — Мы все здоровы, крепки, выносливы от рождения. Но мы поняли, что наше чудесное человеческое тело заслуживает лучшего, чем сидение в креслах и нажатие кнопок. Наши руки — самые лучшие из инструментов, созданных природой или человеком, — просят искусной работы, чтобы получить истинное удовлетворение. Мало этого, мы боремся за жизнь своего ума совершенно так, как и за жизнь тела. Вы можете узнать про все те усилия, какие потребовались нам в неравной борьбе. Неравной потому, что глубина и всеобъемлющая мощь природы до сих пор не исчерпаны и до сих пор неустанно человечество ведет сражение за свое умственное и физическое здоровье и готово к любому выпаду природных стихийных сил!

Окончание речи Эвизы вызвало новую волну одобрительного шума. Строгая, даже вдохновенная серьезность спала с нее, и она превратилась в жизнерадостную, с оттенком кокетства женщину, которая склонилась перед залом в свободном поклоне танцовщицы. Метаморфоза усилила рев восторга среди медицинской молодежи. Тормансианам вообще нравилась веселая серьезность землян, никогда не шутивших с большими чувствами, никого не осмеивавших, не пытавшихся позабавиться за счет другого...

Эвиза вернулась на прежнее место и снова наблюдала за докладчиками. Они говорили дельные вещи на уровне науки Торманса, сообщали новые открытия, но интересные идеи тонули в массе ненужных фраз. Мысль, как загнанная зверюшка, металась между словесными нагромождениями изречений, отступлений, реминисценций, схоластики доказательств.

Ученые Торманса очень много занимались отрицанием, словесно уничтожая то, чего якобы не может быть и нельзя изучать. Об известных явлениях природы твердили как о несуществующих, не понимая сложности мира. Это негативное направление науки пользовалось наибольшим успехом у массы людей Ян-Ях, потому что поднимало их ничтожный опыт и узкий здравый смысл до «последнего слова» науки.

Прошло немало времени, а Эвиза, за исключением психологических наблюдений, не извлекла почти ничего стоящего внимания. Привычку говорить во что бы то ни стало она объяснила желанием утвердить перед другими свою личность. Кроме того, извергая потоки слов, человек получал психологическую разрядку, необходимую в этом мире постоянного угнетения и раздражения. Вылавливать мысли в пространных речах становилось все более утомительно. Объявленный перерыв обрадовал Эвизу. Она встала, намереваясь найти уединенное место, чтобы походить, отдыхая, но куда там! — она оказалась окруженной шумной толпой возбужденных тормансиан и тормансианок всех возрастов — от юных практикантов до седовласых начальников госпиталей и профессоров медицинских институтов.

Эвиза нашла взглядом своего главврача. Он подошел, бесцеремонно расталкивая людей.

— Отвести вас в столовую подкрепиться? Расступитесь, коллеги «джи», наша гостья голодна и устала!

Эвизе не хотелось есть, особенно в незнакомой столовой. Она теряла аппетит от необъяснимой неприязни женщин, раздававших пищу. В жизни Торманса любая зависимость от человека отзывалась унизительной. Тот, кого просили, издевался и куражился, прежде чем исполнить свою прямую обязанность. Отвращение или в лучшем случае полная незаинтересованность в работе отличали «кжи». «Джи» дрожали перед ними, дожидаясь самой обычной услуги. На заводах и фабриках, где командовали лиловые «змееносцы», положение было иным. Малейшее сопротивление каралось без задержки, чаще всего отправкой во Дворец Нежной Смерти. Зато вне зорких глаз сановников и охранников «кжи» измывались над «джи» вовсю. И те безропотно терпели, зная, что в любой момент по решению Совета Четырех «кжи» могут сделаться их палачами. На Тормансе особенно боялись машин. Массовое применение механизмов в руках невоспитанных и озлобленных людей создавало повышенную опасность. Транспортные катастрофы стали повседневным явлением на Ян-Ях, обычными считались и дикие расправы с долгожителями.

Рассуждая, Эвиза шла рядом с главврачом по аллее к низкому дому, где помещались столовая и гостиница.

— Вы удивляетесь, почему я скрылся за кустами, а не побежал на помощь писателю? — вдруг спросил главврач, ища взгляда своей спутницы.

— Нет, — равнодушно ответила Эвиза. Ей была безразлична персональная мотивация поступка, неизбежно проистекавшего из общественной жизни Торманса.

— Я мог повредить руки и причинить вред множеству людей, лишив их возможности прооперироваться.

Неожиданно из-за деревьев выскочило множество людей и с криком устремилось к ним. Главврач посерел, лицо его исказилось от страха. Эвиза, оставшаяся спокойной, узнала молодых врачей, участников конференции. Они налетели вихрем, оттерли главврача и плотным кольцом окружили гостью с Земли. Эвиза вспомнила, как в один из первых дней в столице ее поразила толпа, окружавшая красивую, нелепо одетую женщину. Это была знаменитая артистка, объяснили потом Эвизе. Она рассыпала направо и налево заученные улыбки. Несколько мужчин в красной одежде грубо отталкивали столь же бесцеремонно напиравший народ. Стоило прийти в общественное место популярному человеку, как сотни молодых людей бросались к нему, прося что-нибудь на память.

Теперь сама звездолетчица оказалась в кольце любопытных, к счастью лишь врачей. Перед ней стояла смеющаяся, довольно миловидная тормансианка: смуглая кожа, черные волосы и блестящие узкие глаза ярко оттенялись облегавшим ее фигуру желтым одеянием.

— Не посетуйте, мы решили задержать вас. Заметили, что вам хочется уйти. Вряд ли мы еще раз встретимся с вами! У нас есть вопросы чрезвычайной важности, и вы не откажете нам...

— Не откажу, — так же весело ответила Эвиза, — если смогу. Мои знания очень ограничены. Что вас интересует?

— Секс! Расскажите, как у вас на Земле справляются с этой причиной множества бед, могучим кнутом в руках власти, призраком высочайшего и лживого счастья. Расскажите или хотя бы ответьте на вопросы, которые мы не смогли задать вам в зале конференции!

Эвиза заметила лужайку, огражденную меридиональной аллеей высоких и густых деревьев и защищенную от зноя. Ее предложение перейти туда приняли с восторгом. Низкая и жесткая трава запестрела одеждами рассевшихся в тени людей, а Эвиза устроилась перед ними на бугорке, поджав под себя ноги, посмеиваясь над собой, что она опять стала проповедницей. Сейчас перед ней была другая цель, чем на конференции. Здесь можно говорить без опасения травмировать формулировками,

которые всегда кажутся резкими при разнице в интеллектуальном восприятии. Эвиза посмотрела на темное небо Торманса, перевела взгляд на фиолетовые полосы теней и почувствовала, как ее подхватила музыкальная логика мысли.

Она постаралась поэтичнее передать тормансианам стихотворение древнего русского поэта.

«Голодом и страстью всемогущей все больны — летящий и бегущий, плавающий в черной глубине...» И певучую концовку: «И отсталых подгоняет вновь плетью боли голод и любовь!»

— Человек и на Земле, и у вас на Ян-Ях боролся, чтобы устранить из жизни эти причиняющие боль две силы. Сначала плеть голода — и получил массовое ожирение. Затем плеть любви, добившись пустоты и индифферентности сексуальной жизни. Человечество Ян-Ях то отвергает силу и значение секса, то превозносит это влечение, придавая ему доминантный вес в жизни. От метаний из одной крайности в другую не получается половое воспитание.

— А разве оно есть у вас? — последовал вопрос.

— Есть, и считается очень важным. Надо научиться быть хозяином своего тела, не подавляя желаний и не подчиняясь им до распущенности.

— Разве можно регулировать любовь и страсть?

— Неверное понятие. Когда вы катаетесь на гребне волны, то требуется искусство балансировки, чтобы не соскользнуть. Но если надо остановиться, то вы покидаете волну, отставая от нее...

Видя недоумение слушателей, Эвиза сообразила, что в морях Торманса нет больших прибойных волн и слушателям неизвестно катание на латах.

— Я говорила на собрании о двоякой зависимости. Богатство психики — от сильного и здорового тела, которое от многогранной психики насыщено отвагой, стремлениями, неутомимостью и чувственностью. Биохимия человека такова, что требует постоянной алертности мозга на одну пятую часть его мощности, а это поддерживается лишь уровнем кетостеронов — гормонов пола в крови. За это человек расплачивается, выражаясь вашими словами, постоянной эротической остротой чувства. Если тормозить это чувство слишком долго, то возникают нервные надломы и психосдвиги, то внезапное и порабощающее влечение к случайным партнерам, что в старину у нас звалось несчастной любовью.

— Следовательно, надо разряжаться и делать это импульсно, вспышками, — сказала тормансианка, начавшая беседу.

— Совершенно верно.

— А как же любовь? Ведь импульс не может длиться долго?

— Древняя ошибка! Человек поднялся до настоящей любви, но здесь у вас продолжают считать по-пещерному, что любовь только страсть, а страсть только половое соединение. Надо ли говорить вам, насколько истинная влюбленность богаче, ярче, продолжительнее? То великое соответствие всем стремлениям, вкусам, мечтам, что можно назвать любовью, и у нас на Земле не находится легко и просто. Для нас любовь — священное слово, означающее чувство всеобъемлющее и многогранное. Но и в самом узком своем смысле чисто физическая, половая любовь никогда не имеет одностороннего оттенка. Это больше чем наслаждение, это служение любимому человеку и вместе с ним красоте и обществу, иногда даже подчиняясь требованиям генетических законов вопреки своим личным вкусам, если они расходятся с ними, при желании иметь детей. А коварную силу неразряженных гормонов мы научились выпускать на волю, создавая внутреннее спокойствие и гармонию...

— Неужели на Земле не научились регулировать эту силу химически, лекарством? — задал вопрос знакомый Эвизе нейрохирург.

— Лучше не вмешиваться в сложнейшую вязь гормонов, держащих психофизиологическую основу индивида, а идти естественным путем эротического воспитания.

— И вы обучаете эротике девушек и юношей? Неслыханно! — воскликнул нейрохирург.

— На Земле это началось несколько тысяч лет назад. Храмовая эротика Древней Греции, Финикии, Индии, возведенная в религиозное служение. Девадази — храмовые танцовщицы — изучали и практиковали Эрос такой интенсивности, чтобы полностью исчерпать сексуальные стремления и перевести человека на иные помыслы. Таковы и тантрические обряды для женщин.

— Значит, на Земле всегда существовал культ страсти и женщины? — спросила немолодая слушательница. — У нас сразу же начнется разговор о разнузданности и разврате...

— Вовсе нет! В первобытных обществах, сложившихся задолго до коммунистических эр, женщины низводились до роли рабочего скота. Существовали якобы «священные» обряды специальных операций, как, например, клиторотомия, чтобы лишить женщину сексуального наслаждения.

— Зачем? — испуганно воскликнули тормансиане.

— Чтобы женщина ничего не требовала, а покорно исполняла свои обязанности прислуги и деторожающего механизма.

— Каковы же были у них дети?

— Темные и жестокие дикари, разве могло бы быть иначе?

— И вы справились с этим?

— Вы видите нас здесь, потомков всех рас Земли...

— Великая Змея! Сколько преград на пути к настоящей доброте в любви! — вслух подумала юная тормансианка, сидевшая, скрестив ноги, в первом ряду.

— Все достижимо при умном и серьезном подходе к вопросам пола. Нет ничего унизительнее и противнее для мужчины, чем женщина, требующая от него невозможного. Женщине оскорбительна необходимость самоограничения, обязанность «спасать любовь», как говорилось встарь. Оба пола должны одинаково серьезно относиться к сексуальной стороне жизни...

Раздалось пренебрежительное хмыканье. Высокий врач с какой-то блестящей брошью на груди встал и прошелся перед рядами слушателей, нагловато глядя на Эвизу.

— Ожидал других откровений от посланницы Земли. Эти стары, как Белые Звезды. Что вы практикуете — начальное, так сказать, знакомство каждой пары?

— Конечно! Чтобы стать парой надолго влюбленных.

— А если не выйдет надолго?

— Оба получат разрядку, будучи обучены Эросу.

— Абсолютно невозможно у нас! Или земляне не имеют главного чувства любви — ревности. Сказать всему миру: это моя женщина!

— Такой ревности нет. Это остаток первобытного полового отбора — соперничества за самку, за самца — все равно. Позднее, при установлении патриархата, ревность расцветала на основе инстинкта собственности, временно угасла в эротически упорядоченной жизни античного времени и вновь возродилась при феодализме, но из боязни сравнения, при комплексах неполноценности или униженности. Кстати, ужасная нетерпимость вашей олигархии — явление того же порядка. Чтобы не смели ставить кого-то выше, считать лучше! А наши сильные, спокойные женщины и мужчины не ревнивы, принимая даже временное непонимание. Но знают, что высшее счастье человека всегда на краю его сил!

Оппонент поглядел на Эвизу по-мужски оценивающе.

— Вероятно, это возможно лишь потому, что вы, земляне, так холодны, что ваша удивительно прекрасная внешность скорее отталкивает, чем привлекает.

Часть мужчин одобрительно захлопала.

Эвиза звонко рассмеялась.

— На пути сюда я слышала часть разговора между здесь присутствующими, которые оценивали мои достоинства в иных

совсем выражениях. И сейчас я чувствую внимание, адресованное моим ногам. — Эвиза погладила свои круглые колени, обнажившиеся из-под короткого платья. — Ни на минуту я не переставала ощущать направленное ко мне желание. Следовательно, холодность не мешает привлекательности, и мой оппонент не прав.

Женщины-врачи наградили Эвизу хлопками одобрения.

— Мы действительно холодны, пока не отпустили себя на волю в эротике, и тогда...

Эвиза медленно встала и выпрямилась, вся напрягшись, будто в минуту опасности. И тормансиане увидели метаморфозу звездолетчицы. Ее губы приоткрылись, будто для песни или несказанных слов, «тигровые» глаза стали почти черными. И без того вызывающе высокая грудь молодой женщины поднялась еще выше, стройная шея как-то выделилась на нешироких прямых плечах немыслимой чистоты и гладкости, краска волнения проступила сквозь загар на обнаженной коже. Спокойно рассуждавшей и приветливой ученой больше не было. Стала женщина, самая сущность ее пола, в вызывающей красоте и силе, зовущая, грозная, чуть-чуть презрительная...

Превращение показалось столь разительным, что ее слушатели попятились.

— Змея, истинная змея! — послышалось перешептывание ошеломленных тормансианок.

Воспользовавшись замешательством, Эвиза ушла с поляны, и никто не посмел остановить ее.

Чеди медленно шла по улице, негромко напевая и стараясь сдержать рвавшуюся из души песню. Ей хотелось выйти на большую площадь, ей давно уже недоставало простора. Тесные клетушки-комнатки, в которых теперь она постоянно бывала, невыносимо сдавливали ее. «Временами не справясь с тоскою и не в силах смотреть и дышать», Чеди отправлялась бродить, минуя маленькие скверы и убогие площади, стремясь выбраться в парк. Теперь она чаще ходила одна. Были случаи, когда ее задерживали «лиловые» или люди со знаком «глаза» на груди. Карточка неизменно выручала ее. Цасор обратила ее внимание на строчку знаков, подчеркнутую синей линией, обозначавшую «оказывать особое внимание». Как объяснила Цасор, это было категорическое приказание всем тормансианам, где бы они ни работали — в столовой, магазине, салоне причесок или в общественном транспорте, — услужить Чеди как можно скорее и лучше. Пока Чеди ходила с Цасор, она не

пользовалась карточкой и убедилась на опыте, как трудно рядовому жителю столицы добиться не только особого, а обыкновенного доброго отношения. Но едва появлялась на свет карточка, как грубые люди сгибались в униженных поклонах, стараясь в то же время поскорее спровадить опасную посетительницу. Эти превращения, вызванные страхом, настолько отталкивали Чеди, что она пользовалась карточкой только для обороны от «лиловых».

Уже несколько дней Чеди не удавалось связаться по СДФ ни с Эвизой, ни с Виром. Она не виделась и с Родис. Вир Норин жил среди ученых. Чеди решила не появляться там без крайней необходимости. Она рассчитывала на скорое возвращение Эвизы и недоумевала, что могло задержать ее больше чем на сутки. Чеди отправилась к подруге пешком, не смущаясь значительным расстоянием и нелепой планировкой города.

Километр за километром шла она, не глядя на однообразные дома, стараясь найти скульптуры и памятники, на любой планете отражавшие мечты народа, память прошлого, стремление к прекрасному. На Земле очень любили скульптуры и всегда ставили их на открытых и уединенных местах. Там человек находил опору своей мечте еще в те времена, когда суета ненужных дел и теснота жизни мешали людям подниматься над повседневностью. Величайшее могущество фантазии! В голоде, холоде, терроре она создавала образы прекрасных людей, будь то скульптура, рисунки, книги, музыка, песни, вбирала в себя широту и грусть степи или моря. Все вместе они преодолевали инферно, строя первую ступень подъема. За ней последовала вторая ступень — совершенствование самого человека, и третья — преображение жизни общества. Так создались три первые великие ступени восхождения, и всем им основой послужила фантазия.

А в городе Средоточия Мудрости, на площадях и в парках, стояли обелиски или изображения змей с поучительными надписями. Изредка попадались идолоподобные статуи великих начальников различных периодов истории Ян-Ях, несмотря на различие в одеждах, как близнецы, похожие друг на друга по угрожающим непреклонно-волевым лицам и позам. Совсем отсутствовали скульптуры, посвященные просто красоте человека, идеи, высотам достижений. Кое-где торчали нагромождения ржавого железа, искореженного будто в корчах больной психики своих создателей, — это были остатки скульптур эпохи, предшествовавшей Веку Голода, сохраненные на потеху современным обитателям Ян-Ях.

Проходя мимо общественных зданий, Чеди не видела витражей или фресок: видимо, могущество фантазии изобрази-

тельного искусства мешало владыкам, споря с ними во власти над душами людей. Разумеется, управлять темной и плоской психикой, знающей лишь примитивнейшие потребности и не видящей путей ни к чему иному, было проще...

Чеди повернула в узкий переулок между одинаковыми красными домами, украшенными старинными рисунками из черной керамики. Казалось, огромные капли смолы текли по широкой глади стен. Здесь находились квартиры «джи», приют Эвизы в столице. Чеди набрала известный код, открывающий дверь, и в маленькой передней громко спросила разрешения войти.

Глава дома, пожилой бактериолог, постоянно отсутствовал, находясь в Патрулях Здоровья. Послышался голос хозяйки, приглашавшей Чеди в соседнюю комнату. В кресле, с книжкой в руках, сидела женщина средних лет с заплаканным лицом. Оказалось, что Эвиза не являлась домой уже четвертый день. Женщина спросила с тревогой:

— Как вы думаете, ваша земная подруга еще придет сюда? Ведь здесь остались ее вещи!

— Конечно, придет. Но что с вами случилось?

— Беда! Как мне нужна ваша подруга! Только она может облегчить мою беду.

— Какую, может, я смогу помочь сейчас?

— Я... — Женщина всхлипнула. Слезы покатились по щекам.

Чеди положила руку ей на голову.

— Не могу, — женщина подняла книгу, — совсем не могу читать. Не вижу. Как же быть? Я немного зарабатывала выписками. А теперь? Что мне делать теперь? Как жить?

— Прежде всего успокойтесь. У вас муж и дети, вы им очень нужны.

— Страшно стать беспомощной. Вы не понимаете. Книги были моей единственной отрадой. Мне, никому не нужной, бесполезной, книги дают мне все! — И снова хлынули слезы. — Не вижу! А наши врачи не знают, как помочь.

Слезы беспомощности и безнадежности болью отозвались в душе Чеди. Она не умела бороться с жалостью, этим новым, все сильнее овладевавшим ею чувством. Надо попросить Эвизу помочь женщине каким-нибудь могущественным лекарством. В море страдания на Тормансе страдания женщины были лишь каплей. Помогать капле безразлично и бесполезно для моря. Так учили Чеди на Земле, требуя всегда определять причины бедствий и действовать, уничтожая их корни. Здесь же все оказалось наоборот. Причины были ослепительно ясными, но искоренить их в бездне инферно Торманса не могли ни Чеди, ни

весь экипаж «Темного Пламени». Чеди уселась рядом с плачущей женщиной, успокоила ее и только тогда пошла домой.

Стемнело. На скудно освещенных улицах столицы мелькали редкие прохожие, то появляясь в свете фонарей, то пропадая во тьме. От низкой луны с ее слабым серым светом падали чуть видимые прозрачные тени. Пожалуй, Чеди была единственной женщиной на опустелых улицах этого района. Она не боялась, как и всякий человек Земли. В старину основой бесстрашия чаще всего являлись тупая нервная система и самоуверенность, исходившая от невежества. Коммунистическое общество породило иную, высшую ступень бесстрашия: самоконтроль при полном знании и чрезвычайной осторожности в действиях.

Чеди не торопилась возвратиться в свою каморку и вспоминала серебряные лунные ночи Земли, когда люди как бы растворяются в ночной природе, уединяясь для мечтаний, любви или встречаясь с друзьями для совместных прогулок. Здесь с наступлением темноты все мчались домой, под защиту стен, испуганно оглядываясь. Беспомощность тормансиан перед Стрелой Аримана зашла далеко и поистине стала трагедией.

Чеди шла около часа, пока не достигла хорошо освещенной центральной части города Средоточия Мудрости. Вечерние развлечения привлекали сюда множество людей, преимущественно «кжи», приходивших для безопасности компаниями по несколько человек. «Джи» избегали появляться в местах, посещаемых «кжи».

Чеди тоже старалась избегать компаний «кжи», чтобы не прибегать к утомительному психологическому воздействию и тем более не пользоваться охранной карточкой владык. И на этот раз, увидев идущую навстречу группу мужчин, горланивших ритмическую песню под аккомпанемент звукопередатчика, Чеди перешла на другую сторону улицы и остановилась под каменными воротами. Туда-сюда сновали мимо люди, слышались восклицания и раскатистый хохот, столь свойственный обитателям Ян-Ях. Подошли двое юношей и попробовали заговорить с ней. Яркий красно-лиловый свет заливал широкую лестницу, падая косым каскадом с фронтона здания Дворца Вечерних Удовольствий, окруженного двойным рядом квадратных синих с золотом колонн. Внезапно юнцы исчезли, их словно ветер сдунул, дорогу загородили три «кжи» — «образцы». Они подошли, всматриваясь в Чеди и о чем-то говоря друг другу. Вдруг чья-то грубая рука схватила Чеди сзади, заставив обернуться. Острое чувство опасности подсказало ей уклониться в сторону. Страшный удар, нанесенный чем-то тяжелым, металлическим, задел ее голову, содрал кожу на затылке, разо-

рвал мышцу и раздробил правый плечевой сустав с ключицей и частью лопатки. Падая, Чеди инстинктивно повернулась на левую сторону. Тяжелый шок сжал ей горло и сердце, затемнил глаза, гася сознание. Толчок от падения пронзил ее тысячей раскаленных ножей в плече, руке и шее. Усилием воли Чеди подняла голову и дернулась, стараясь встать на колени. Перед ней точно издалека появилось знакомое лицо. Шотшек смотрел на нее с испугом, злобой и торжеством.

— Вы? — с безмерным удивлением прошептала Чеди. — За что?

При всей своей тупости тормансианин не прочитал на прекрасном лице своей жертвы ни страха, ни гнева. Только удивление и жалость, да, именно обращенную к нему жалость! Необычайная психологическая сила девушки что-то пробудила в его темной душе.

— Что стал? Бей еще! — крикнул один из его приятелей.

— Прочь! — Шотшек вне себя замахнулся на него.

Все бросились наутек. Еще раньше разбежались невольные свидетели расправы, и освещенная лестница опустела.

Чеди медленно склонилась на бок и распростерлась на камнях у ног Шотшека. В беспомощной сломленности девушки Земли уходило в небытие столько чистой и бесконечно далекой красоты, что Шотшек вдруг почувствовал невыносимую скорбь и раскаяние, словно его разорвали надвое. «Кжи» не умели справляться со столь необычными переживаниями. Шотшек смог преодолеть их только одним путем. Заскрежетав зубами, он выхватил длинную трехгранную иглу, с размахом вонзил ее себе в грудь, достав до сердца, и грохнулся, откатившись на несколько шагов от Чеди. Чеди не видела ничего — ни самоубийства Шотшека, ни того, как двое «лиловых», прибежав, повернули ее лицом, обыскали и, обнаружив карточку, в ужасе вызвали человека с «глазом».

— В Центральный госпиталь, немедленно! — распорядился тот.

Глава одиннадцатая
МАСКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Фай Родис не смогла увидеть владыку до своего неожиданного переезда в Хранилище Истории. Он уклонился от прощальной аудиенции. Высокий, худой «змееносец», служивший посредником между председателем Совета Четырех и Родис, объявил, что Великий предельно занят государственными де-

лами. Совпадение занятости с приключениями прошлой недели позабавило бы Родис, если бы не тревога за друзей, находящихся в городе. Перед отъездом из дворца Цоам она все же успела установить микродатчик координат.

Новое жилище Фай Родис, несмотря на мрачность архитектуры и запустение, показалось ей уютнее, чем дворец садов Цоам. Оно не оправдывало пышного названия Хранилища Истории, будучи всего-навсего старым храмом, некогда построенным в честь Всемогущего Времени. Не божества, а скорее символа, которому встарь поклонялись нерелигиозные тормансиане. Храм Времени составляли шесть длинных зданий из крупного синего кирпича. Они стояли параллельно, примыкая к открытой галерее, проходившей на высоте двух метров над землей и обрамленной низкой балюстрадой из переплетенных змей. Фронтоны каждого из шести зданий поддерживались витыми колоннами из грубого чугуна. Запущенный сад с низкими колючими деревьями и кустарником разросся между храмом и высокой красной стеной, по гребню которой время от времени прогуливались «лиловые» охранники со своими раструбами на груди. Сухая земля, нагретая за день, ночью излучала пахнущее пылью тепло.

Внутри зданий не было ничего, кроме связок книг. В центре каждого зала стояли высокие плиты из серого и красного зернистого камня, испещренного замысловатым узором старинных надписей. Перед плитами располагались каменные лотки для сбора подношений.

Боковые приделы на верхних этажах были заставлены шкафами и стеллажами, набитыми книгами. В свободных простенках громоздились штабеля полуистлевших рукописей, газет, репродукций или эстампов. Картина уже достаточно знакомая Родис: на планете Ян-Ях не было специально построенных хранилищ, довольствовались кое-как приспособленными пустовавшими старинными зданиями. Не было здесь и настоящих музеев с широко развернутой экспозицией, специально созданными оптическими диорамами, особым освещением и защитой от пыли и температурных изменений.

На верхних этажах сохранились многочисленные комнаты и комнатки неизвестного назначения, узкие коридоры, шаткие балконы и антресоли.

Когда «змееносец» повел Родис выбирать жилье, Таэль, неизменно сопровождавший земную «владычицу», успел шепнуть ей, чтобы она настояла на пятом от ворот здании. «Змееносец», ожидая, что Родис захочет поселиться поближе к воротам, обрадовался, но из трусливой осторожности спросил, почему ей понравился именно пятый храм.

— Здание лучше сохранилось, — не задумываясь, ответила Родис, — и, кроме того, на площадке лестницы там замечательная змея.

— В самом деле, в самом деле! — согласился «змееносец».

Фай Родис не кривила душой. Скульптура змеи в пятом храме действительно отличалась от двух типов изваяний, принятых на всей планете. Обычно изображали змею, поднимающуюся из широких колец, в угрожающей позе земной кобры. Или стоящую на кончике хвоста, развернутую вверх пружиной, с устремленной к небу пастью. Оба типа змеи выражали злобу и боевую готовность.

В пятом храме безвестный скульптор изобразил огромного чугунного змея в позе отчаяния: несимметричные, словно изломанные в судорогах извивы колец, мучительно отогнутая назад верхняя часть туловища, узкая пасть, раскрытая в немом крике. Змея, подобно людям, чувствовала свой плен и пыталась вырваться из него. Ваятель, без сомнения, предвосхищал концепцию инферно.

Родис отвели жилье из двух наскоро убранных, пропахших пылью и старой бумагой маленьких комнат в мезонине пятого здания. Внесли заранее привезенную мебель. Родис хотела выбрать две сравнительно уютные квадратные комнаты, соединенные с балконом, выходившим на обращенную к горам сторону храма. И снова Таэль, улучив минуту, посоветовал ей устроиться в двух асимметричных по очертаниям каморках, близких к торцу круто изогнутой крыши. «Змееносец» приказал «лиловым» расставить мебель (а весь скарб Родис состоял, как известно, из одного СДФ с сумкой запасных батарей), откланялся, объявив, что будет время от времени навещать владычицу землян для проверки удобств ее жилья и обслуживания.

— Великий и мудрый, — «змееносец» привычно согнулся, — повелел мне передать, чтобы ввиду крайней опасности вы не покидали Хранилище Истории. Здесь стража, способная отразить нападение. На улицах города всегда есть опасность, а владыка, — снова поклон, — убежден, что вы откажетесь от личной охраны.

— Откажусь!

— Великий Чойо Чагас все предвидел! А теперь я ухожу. Для помощи вам по-прежнему остается инженер Хонтээло Толло Фраэль.

«Змееносец» небрежно кивнул в сторону инженера и вышел. Под тяжелыми шагами проскрипел деревянный пол коридора и лестница. Тишина наступила в старом храме.

Стоявший молча, с отсутствующим видом Таэль ожил. Жестом призвав Родис к молчанию, он выхватил табличку для записей, начертил несколько знаков и протянул Родис. Та прочла: «Может ли СДФ служить детектором электронных устройств и химических ядов?» — утвердительно кивнула и оживила девятиножку. СДФ выставил мерцающий зеленоватый фонарик, луч которого обежал комнаты, но не изменил цвета. Зато черный шарик с лимбом для отсчетов сразу повел усиками, засекая два направления в первой комнате и четыре во второй. Следуя их указаниям, Таэль обнаружил в мебели, в шкафу и в нише окна шесть коробочек из темного дерева. Повинуясь указаниям инженера, Родис пронзила каждую разрушительным ультразвуком. Операция заняла всего несколько минут. Таэль вздохнул с облегчением и попросил Родис установить защитное поле.

— Теперь можно говорить свободно, — сказал он, занимая место на диване.

— Зачем такие предосторожности, — улыбнулась Родис, — пусть бы слушали и записывали.

— Ни в коем случае! — торжествуя, воскликнул инженер. — Сейчас вы все поймете! Чагас, выбрав уединенное место, сделал первую большую ошибку. В очень старых храмах есть лабиринты секретных помещений, забытые с течением времени и неизвестные владыкам, потому что дальновидные исследователи, историки и архитекторы, сумели сохранить тайну для нас, «джи». В двух подобных строениях — Зеркальной Башне, в хвостовом полушарии, и Куполе Белых Сот, в столице, сейчас размножают приборы ДПА и ИКП... А этот Храм Времени исследован недавно. Моему другу, архитектору по восстановлению старых зданий, удалось, и то случайно, найти древние планы. Вы здесь совершенно свободны. В любой момент под носом «лиловых» вы можете покинуть Хранилище Истории или встретиться здесь с кем захотите.

— Второе гораздо важнее, — обрадованно сказала Родис, — это гарантия безопасности для приходящих ко мне людей. Выход в город мне сейчас не нужен. Слежка за мной непременно навлечет на кого-нибудь беду. А вообще я могу всегда, когда захочу, пройти через стражу «лиловых».

— Неужели? — изумленно и благоговейно вскричал Таэль. — Как это возможно?

— Увидите, — обещала Родис, — но как нам посмотреть планы?

— Завтра я приведу архитектора, а сейчас покажу подземный ход. И мне пора уходить, чтобы не навлечь подозрения слишком долгим пребыванием у вас без свидетелей... Так вот. —

Инженер вошел в заднюю комнату, выбранную спальней, опустился на колени около толстой стены и, взяв ногу Родис, поставил ее носок против незаметной ямки у пола. Легко ударив по пятке, он заставил Родис нажать на скрытую защелку. Мощные пружины утянули в сторону узкую и толстую плиту, из вертикальной щели пахло затхлым воздухом подземелья. Инженер вошел в черную тьму, поманив за собой Родис. Там он зажег фонарик и показал на ржавый рычаг, поворотом которого проход закрывался.

— Сюда можно только войти, а возвращаться надо другим путем. В те времена не существовало автоматики, да она и не уцелела бы на протяжении многих веков, — сказал Таэль.

Они спустились по узкой каменной лестнице в толще стены, повернули дважды и стали подниматься. На последней ступеньке из стен торчала серповидная рукоятка. Родис нажала ее и невольно прищурила глаза от света, очутившись в своей спальне, только с другой стороны.

Таэль подпрыгнул, ухватился за конец карниза над окном и плавно опустился на нем, задвинув стену.

— Если кто-нибудь случайно повернет рукоятку, стена все равно останется закрытой. — Тормансианин сиял, как мальчик, обнаруживший сокровища. — Завтра мы будем ждать вас за стеной в это же время. Если окажется какая-либо помеха, дайте сигнал инфразвуком СДФ. Пищу для вас будут привозить из дворца Цоам. Не ешьте ничего, мы сами будем кормить вас. Зная ваш простой вкус, не сомневаюсь, что вы найдете нашу пищу съедобной. Но сегодня придется попоститься.

Фай Родис только улыбнулась.

— А теперь я должен проститься с вами, — сказал Таэль, взяв руку Родис и намереваясь поднести ее к губам. После «дара смерти» она разрешила инженеру эту нежность и сама иногда целовала его в лоб. Но сегодня она слегка отвела руку и сказала:

— Я пойду с вами.

— Как? Зачем? А «лиловые»?

Фай Родис улыбнулась. Она спустилась к статуе змеи и вышла на открытую галерею под редкозвездное ночное небо.

«Лиловые», топтавшиеся у входа в пятый храм, свысока приветствовали знакомого им Таэля и не заметили Родис.

У главных ворот собралось несколько «лиловых» с командиром во главе. Соблюдая формальности, он потребовал карточку Таэля, не замечая идущей с ним рядом земной женщины.

Наконец Родис и Таэль вышли на площадь к памятнику Всемогущего Времени. Родис видела его мельком из машины и

теперь решила рассмотреть. Четыре высоких фонаря бросали мертвенный ртутный свет на памятник.

— А как вы войдете обратно? — забеспокоился Таэль.

— Как вышла.

— Массовый гипноз! — догадался инженер. — У нас его применяют для общественного покаяния. Биологи разработали специальный аппарат в виде змеи. Сочетание музыки, ритмического движения и светового гипноза.

— У нас есть много людей с врожденными к тому способностями. Усиливая их особой тренировкой, люди становятся врачами, а я вот не стала врачом. Но бесполезный для историка дар неожиданно пригодился...

Вдали послышались чьи-то шаги. Инженер исчез за постаментом, а Родис принялась медленно обходить кругом древний памятник, пытаясь понять чувства народа Ян-Ях, жившего тысячелетие тому назад. Четыре воедино слитые мужские фигуры гигантского размера. «Всемогущему Времени», — прочитала Родис огромные золотые знаки на круглом пьедестале. Лицом к открытому пространству, откуда сходились поднимавшиеся из города тесные улицы, стоял, расставив ноги, каменный гигант с бесстрастным, ничего не выражавшим лицом. Обеими руками он держал широкий щит с надписью, из-за верхнего края которого перегибалась змея тормансианской породы со сжатой с боков головой. В раскрытой пасти торчали огромные ядовитые зубы. «Кто потревожит могилу Времени, будет укушен разбуженным змеем», — гласила надпись на щите. С правой стороны, скрывая улыбкой злое потаенное знание, Время, в его втором обличье, пропускало под простертой рукой череду безликих людей, выходивших из-под пьедестала. На другой стороне тот же гигант, жестоко растянув широкий рот и раздув ноздри приплюснутого носа, обрушивал на обогнувших сектор пьедестала толстую дубину, усаженную гвоздями. Люди корчились, защищая лица и головы, падали на колени, извиваясь, раскрывая чернеющие рты в застывших криках страдания. Там, где оружие уже не могло достать, шествие низвергалось в провал, закрытый едва заметной решеткой.

Четвертая сторона памятника, повернутая к храму, окаймлялась дорожкой из стекла того же цвета, что и камень памятника. Здесь четвертое лицо исполина озаряла улыбка, печальная, полная утешения и странного торжества. С ласковой осторожностью он склонялся над толпой стремившихся к нему молодых мужчин и женщин с сильными и красивыми телами. Они тянулись к гиганту, а он как бы приглаживал ладонью ниву

поднятых к нему рук и опрокидывал широкую чашу на обращенные к нему с надеждой и радостью лица.

Тихая и сосредоточенная, Фай Родис вернулась в свои отрезанные от всего мира апартаменты и связалась по СДФ с Эвизой, описав ей расположение нового жилья. Эвиза подключила Вир Норина, и Родис успокоилась, что ее изгнание не отразилось на товарищах. Очевидно, недовольство Чойо Чагаса было обращено только против нее.

Сейчас у Родис не было никого дороже Чеди, Эвизы и Вир Норина, затерянных в огромной столице. За Чеди Родис опасалась больше всего. Находясь среди самой невежественной и недисциплинированной части населения, Чеди не могла рассчитать всех мотивов их поступков. Но Эвиза уверяла, что у Чеди все благополучно и она накопила много интересных наблюдений. И Родис спокойно уснула на новом месте, не обращая внимания на постоянное потрескивание деревянных балок и половиц. В непроглядной темноте, подобно древней лампадке, горел крошечный огонек СДФ; он немедленно поднимет тревогу, если появится непрошеный гость или переменится химический состав воздуха...

К условленному времени Родис оделась по-тормансиански — в широкие брюки, блузу из гладкой черной материи и твердые башмаки. Вместо фонаря Родис надела диадему, автоматически зажигающуюся в темноте, и нажала носком в углубление стены. Прежде чем ступить в открывшийся проем, она установила СДФ в первой комнате на автоматическое включение поля. Обезопасив свое жилье от нежданных гостей, Родис задвинула за собой стенную плиту.

В конце первой лестницы ее ждали Таэль и архитектор. Знакомство началось, как обычно, с продолжительного взгляда и отрывистых, как бы невзначай сказанных слов. И немудрено — застенчивому малорослому архитектору, привыкшему к невежливости сановников и грубости внешнего мира, Родис, сходящая по лестнице в светоносной диадеме, показалась богиней. Таэль только усмехнулся, вспоминая свое собственное потрясение от первой встречи с Родис. Зигзагообразный спуск привел в галерею, кольцом аркад окружавшую центральный зал с низким сводом. Каменные скамьи прятались в нишах между аркадами. Архитектор подвел своих спутников к той из них, где стояли новенький стол и массивный цилиндр со столбиком двойного фонаря, включил его. Сильный красноватый свет залил подземелье. Архитектор слегка отступил назад, поклонился и назвал себя.

— Гах Ду-Ден, или Гахден.

Он расстелил сводный чертеж подземелий Храма Времени, и Родис поразилась их размерам. Два яруса проходов и галерей, пронизывая почву, разбегались по всем направлениям, выбрасывая шесть длинных рукавов за пределы сада и стены.

— Вот эта галерея выходит под статуей Времени, — пояснил архитектор, — но мы оставили ее закрытой, там слишком людное место. Ход номер пять, налево от нее, один из самых удобных. Он кончается в старом павильоне, занятом сейчас электрическими трансформаторами высокого напряжения, куда мы, «джи», имеем свободный доступ. Еще лучше четвертый ход, углубленный в толщу скалы на поднимающемся к горам склоне, там, на уступе, стоит старое здание химической лаборатории имени Зет Уга. Из подвала лаборатории опускается вертикальный колодец, доступный всем, кто посвящен в тайну храма. Другие ходы идут в открытые места и при частом пользовании могут быть обнаружены, но в случае бегства пригодятся.

— Зет Уг — один из членов Совета Четырех? — спросила Родис. — Я не знала, что он ученый-химик.

— Вовсе нет! — рассмеялся архитектор. — У нас любой институт, театр, завод может быть назван именем великих, которые не имеют никакого отношения ни к науке, ни к искусству, вообще ни к чему, кроме власти.

— Таков обычай, — как бы извиняясь, подтвердил Таэль.

— И я могу видеться с людьми в этом зале? — Родис оглядела просторное подземелье.

— Мне думается, нападающим здесь удобно окружить нас. Пойдемте в Святилище Трех Шагов, оно на втором ярусе.

Подземелья второго горизонта оказались просторнее. Кое-где в них уцелела мебель, сделанная из черного дерева или рыхлого чугуна, широко употреблявшегося на планете при нехватке чистых металлов. На вещах лежала тончайшая пыль. Тщательно отполированные стены покрывал твердый стекловидный слой. Под ним сохранились фрески, расписанные по блестящему черному фону двумя излюбленными красками Торманса — алой и канареечно-желтой. Комбинация двух цветов, огрубляя изображения, в то же время придавала им первобытную дикость и силу. Родис, невольно замедляя шаги, с восхищением рассматривала творения древних художников Ян-Ях. Таэль и Гахден не обращали на стенные росписи никакого внимания.

Насколько могла судить Родис, фрески выражали неизбежный приход человека к смерти по неумолимому течению времени.

На правой стороне галереи чувства жизни медленно нарастали от беззаботной детской игры до опытной зрелости и угасали в старости, во вспышке отчаяния, за которой следовал рез-

кий обрыв в смерть. Он выражался отвесной линией, срезавшей все, что подходило к ней. За этой гранью была только чернота. На том же черном фоне у черты скучилась группа людей, выписанных с особенной выразительностью. Деформированные возрастом и болезнями, люди упирались, сбиваясь в груду тел, но едва кто-либо прикасался к страшной линии, как во тьме исчезали, будто отсеченные, головы, руки, тела...

На левой, такой же черной стене шли уже не фрески, а барельефы, погруженные в стекловатый материал, из которого они проступали со сказочной реальностью. Художники изобразили здесь резкий переход от задумчивого отрочества к юности, выраженной нарастанием сексуальных чувств, будто весь мир сводился к ритмике танцующих юных тел в эротическом неистовстве.

Красные мужчины и огненно-желтые женщины сплетались в замысловатых позах. Однако этим удивительным изображениям все же не хватало божественного достоинства эротических скульптур Древней Индии и даже демонической глубины тантрических фресок Тибета или картин сатанистов Ирана.

Зеркально-черная тьма обрывала процессию фигур не в угасшем упадке, а в момент крещендо, кипения чувств. Левая стена, в противовес правой, отражала концепцию ранней смерти.

Идея быстрого оборота поколений с селекцией наиболее способных для технического прогресса, очевидно, возникла на Тормансе издавна.

Современное население планеты пожинало плоды мыслей, посеянных тысячу лет назад, — катастрофа перенаселенности оформила это в целую философию.

Черная галерея расширилась. Над головами идущих нависли чудовищные маски, грубо и пестро размалеванные. Огромные разверстые рты, искривленные язвительными усмешками, скалили не по-человечески острые зубы, презрительной издевкой щурились поразительно живые глаза. Ниже этих отвратительных рож тянулся ряд других масок, в естественном размере человеческих лиц, на них было написано выражение безнадежной меланхолии. Духовный упадок выражался в них так реально, что вызвал у Родис непреодолимо тяжелое чувство. Маски всегда были индикаторами психологических трудностей жизни, вызывающей необходимость сокрытия истинных лиц человека и общества. Аллегория масок здесь казалась предельно простой, но по грандиозности замысла и уровню исполнения они не уступали фрескам черной галереи. Родис высказала это архитектору. Оживившись, он попросил ее подождать. Вдвоем с

Таэлем они принесли высокую скамью, сняли с крючков чудовищные изображения, пустотелые, слепленные из легкого материала. Маски прикрывали протянувшийся во всю длину галереи фриз великолепных скульптур молодых прекрасных людей, с мужественными и благородными лицами, в их обнаженных телах не было ни стыдливости, ни животной сексуальности фигур черной галереи.

— Зачем ж их закрыли этими рожами? И когда? — спросила Родис.

— В эпоху установления всепланетной власти, — ответил Гахден, — чтобы выбить еще одну духовную опору человека. Те, кто издавна приходил сюда, созерцали и задумывались — становились душевно похожими на людей прошлого, перенимали их силу, мудрость, ясность. Приобретали мужество, мечту и волю — качества, нетерпимые для владык. И вот потому фризы завесили масками Века Голода и Убийств... Поставим их на место, Таэль!

— Не надо. Пусть те, что придут сюда к нам, увидят и дутые призраки, и настоящую жизнь Ян-Ях.

Архитектор привел их в квадратную залу — по ее углам в циническом смехе надрывались маски. Три широких уступа поднимались к стене против входа. На каждом уступе стояло по два ряда каменных скамей. В стене была ниша, в ней винный стол.

— Святилище Трех Шагов, — сказал архитектор, — здесь я предлагаю устроить место встреч.

— Место подходящее, — одобрил Таэль и посмотрел на Родис.

— Это решать должны вы, знающие жизнь Ян-Ях. Меня же интересует только святилище. Почему Трех Шагов?

— Вам это кажется важным? — спросил архитектор.

— Да. Я догадываюсь, но нужно подтверждение. Мне это существенно необходимо для более глубокого понимания прошлой духовной жизни Ян-Ях.

— Хорошо. Я узнаю, — пообещал Гахден, — а теперь я ухожу. Надо подготовить помещение и проводников.

Архитектор исчез во тьме, не зажигая фонаря. Фай Родис решила последовать его примеру, не применяя инфралокатора. Она сказала об этом Таэлю, но инженер возразил:

— Какое имеет значение: со светом или без света, если вы можете заставить людей не замечать вас?

— И привести за собой тех, кто будет скрываться в боковых переходах вне моего внимания?

— Я, наверное, никогда не научусь думать, как земляне. Сперва — о других, потом — о себе. От людей — к себе — таков

ход почти всякого вашего рассуждения. И вы улыбаетесь всем встречным, а мы, наоборот, заносчивым видом скрываем боязнь насмешки или оскорбления. Наша грубость все время выдает низкий психический уровень жизни в страхе. Между вами и нами полярная разница, — с горечью сказал Таэль.

— Но не столь серьезная, — улыбнулась Родис, — пойдемте со мной считать шаги и повороты. Или вы тоже должны уйти?

— Нет. Я хочу провести сигнализацию к вашим комнатам.

Они шли некоторое время молча. Родис помогала инженеру закреплять тончайшую проволоку.

— С вами хотят увидеться Серые Ангелы, — сказал Таэль.

— Ангелы? Да еще серые?

— Очень древнее тайное общество. Мы думали, что оно прекратило свою деятельность еще во время Веков Расцвета. Оказывается, они существовали, но бездействовали. Теперь, как они говорят, ваш ДПА возвращает их к жизни. Свидание с вами необходимо.

— Святилище Трех Шагов и Серые Ангелы, — задумчиво произнесла Родис, — удивительно! Неужели все это было и здесь?

— Что именно?

— Расскажу потом, когда Гахден добудет сведения о Трех Шагах и я повидаюсь с Серыми Ангелами.

Остаток дня Фай Родис провела, обдумывая дальнейшие действия. Уже восемнадцать дней ее спутники знакомятся с повседневной жизнью города Средоточия Мудрости. Еще немного, и миссия их закончится. Кроме Вир Норина и ее. Астронавигатору не так просто разобраться в интеллектуальной верхушке тормансианского общества. А она, Фай Родис, должна протянуть нити между разобщенными классами общества Ян-Ях — между людьми, многократно обманутыми историей, запутанными хитросплетениями политической пропаганды, утомленными скукой и бесцельностью жизни. Без цели не может быть осмысленной борьбы. Здесь самые выразительные слова и заманчивые идеи превратились в пустые заклинания, не имеющие силы. Еще хуже слова-оборотни, в привычное и привлекательное звучание которых исподволь вложен извращенный смысл. Дорога к будущему разбежалась тысячей мелких троп. Ни одна не внушает доверия. Все устои общества и даже просто человеческого общежития здесь полностью разрушены. Законность, вера, правда и справедливость, достоинство человека, даже познание им природы — все уничтожено владычеством аморальных, бессовестных и невежественных людей. Вся планета Ян-Ях превратилась в гигантское пепелище. Пепелище опустошенных душ, сила и достоинство которых тоже

растрачены в пустой ненависти, зависти, бессмысленной борьбе. И везде ложь. Ложь стала основой сознания и общественных отношений на несчастной планете.

Беда этого общества, что вся социальная борьба в естественном ходе исторического процесса спустилась на дикий бандитский уровень насилия, подобно племенной вражде, знавшей только цель захвата власти, еды, женщин.

Когда-то борющиеся стороны были связаны определенными морально-религиозными основами и цели были — внедрить свои верования, организацию общества и правила жизни. А теперь борьба за власть совсем упустила из виду человека. Все можно, власть позволена кому угодно — кто сумеет возвыситься. Эти гнусные методы всепозволения внедрились везде и применяются в семье и научной лаборатории, в театре и магазине, не говоря уже об органах власти. И полностью утрачены честь и достоинство человека, ставшие теперь мишенью для уничтожения.

Это ужасное состояние безверия, скепсиса, непонимания пути порождает кроме всего еще шизофрения. По секретным подсчетам, на Тормансе около шестидесяти процентов населения — психически больные. До сих пор «кжи» презирали все, а «джи», запуганные «змееносцами», жили в постоянном страхе. Теперь назревает кризис. «Джи» и «кжи» поняли, что жить так больше нельзя, необходимо сбросить обман и ложь, которыми их опутали. Если удастся показать им правильный путь, разрушить недоверие — тогда можно возвращаться домой!

«Кораблю — взлет!» Сколько еще дней придется ждать этих волшебных слов! Сколько еще дней придется провести в мансарде и подземелье, пока она приобретет право сказать эти слова Гриф Рифту, становящемуся от тревоги все нетерпеливее. На днях предстоит опять трудное свидание с ним по СДФ. Нужна еще одна девятиножка или хотя бы ее проектор для установки в святилище Трех Шагов.

Засыпая, Родис с грустью подумала о своей «Мере» как о живом существе, оставшемся в садах Цоам.

Она встала при первых лучах светила и едва успела проделать утренние упражнения, как появился «лиловый» и объявил о прибытии (они никогда не приходили, а только «прибывали») специального уполномоченного владыки Ян-Ях. Несколько удивленная ранним посещением, Фай Родис встретилась с низкорослым, полноватым сановником. Золотые змеи на груди и плечах свидетельствовали об очень высоком ранге непосредственного помощника Совета Четырех.

«Змееносец» передал привет от Чойо Чагаса. Земная гостья никоим образом не должна рассматривать свое переселение как

изгнание или немилость со стороны владыки. Великий и Мудрый решил, что во дворце ей одиноко и приятнее быть ближе к своим спутникам.

Родис, скрыв улыбку, поблагодарила, прибавив, что здесь она так же далека от города, как и во дворце.

Сановник вздохнул с притворным огорчением. Ян Гао-Юар, сказал он, примет меры, чтобы снабдить ее охраной, которая не мешала бы в прогулках по столице. Родис выразила вежливое сомнение. «Змееносец» спросил, хорошо ли заботятся о ней назначенные на то люди. Поговорив о пустяках, он встал. Скучающее, тупое лицо его сделалось настороженным, острые умные глаза забегали по сторонам. Он наклонился к Родис и едва слышно спросил, может ли она включить машину для защиты от подслушивания. Утвердительно кивнув, Родис повернула циферблат девятиножки, встала перед креслами и выдвинула пластинки излучателей. Магнитный луч обежал углы комнаты, складки занавесей и мебель на случай, если бы там установили новые аппараты. Успокоенный сановник вновь уселся в кресло и, не сводя упорного взгляда с Фай Родис, заговорил о недовольстве народа властью и современной жизнью. Некоторые высшие сановники, понимая это, готовы изменить действующее управление. В частности, у него в руках «лиловые» во главе с самим Ян Гао-Юаром. Если бы Фай Родис помогла ему, то власть Чойо Чагаса и всего Совета Четырех рухнула бы.

— Что я, по-вашему, должна сделать для этого? — спросила Родис.

— Очень немного. Дайте нам несколько ваших машин, — он покосился на СДФ, — и выступите по телевидению с заявлением, что вы на нашей стороне. Мы это беремся устроить.

— И что же произойдет после свержения власти?

— Вам, землянам, будет полная свобода передвижения по планете. Живите у нас сколько угодно, делайте что хотите! И когда придет второй звездолет, то для него также не будет никаких ограничений.

— Это для нас, гостей, а для народа Ян-Ях?

«Змееносец» нахмурился, словно Родис задала ему бестактный вопрос. Он начал пространно и путано говорить о несправедливостях, массовых казнях и пытках, глупых сановниках, ничтожестве трех членов Совета Четырех и большинства Высшего Собрания, специально подобранного Чойо Чагасом из наиболее невежественных и трусливых людей. Но Родис неумолимо возвращала его к существу вопроса, прося перечислить те реальные изменения в жизни планеты, которые последуют за свержением Совета Четырех.

«Змееносец», сердясь, закусывал губу, барабанил пальцами по креслу и, поняв, что невозможно отделаться общими словами, принялся перечислять:

— Мы увеличим количество увеселений. В короткий срок построим много Домов Любви, Окон Жизни, дворцов отдыха на берегах Экваториального моря. Снимем ограничения на сексуальные зрелища, уничтожим ответственность мужчин за начальную стадию воспитания детей... Все это для обоих классов. Ну, а особо для «джи». Надо снять запрещение на передачи из космоса. Я не вижу в этом никакой опасности для государства. Передачи редко уловимы и непонятны...

Родис молча изучала сановника, стараясь понять ход его мыслей, затем медленно проговорила:

— Вы отмените закон о ранней смерти; ни «джи», ни «кжи» больше не будет. Не станете кормить детей фальсифицированными продуктами! Затратите в сотни раз больше средств на воспитание, на лучшие школы, путешествия, на общее улучшение жизни. Построите больше больниц, столовых, жилищ. Создадите музеи. Иными будут науки, искусства. Мы поможем вам изменить и улучшить многое в жизни народа.

— О! Все это гораздо труднее. Планета слишком бедна после Веков Голода. Нельзя все так сразу. Многие наши устроения необходимы. И поверьте, «кжи» счастливы, по-своему конечно. — Он пристально посмотрел на Родис и изрек: — Знаете ли вы, что исторический процесс подобен маятнику, качающемуся взад и вперед, проходящему пики противоположностей и глубокий спад. С нашей победой маятник качнется в пик экономической интенсивности жизни — и тогда...

— Но это же неверно! Фактический ход истории иной. Маятник — всего лишь образ, придуманный людьми однолинейного мышления, не знающими диалектики. Образ родился из страданий в массах людей при мелких изменениях системы управления, без коренной ее перемены. Ведь ничего не изменится, если принять доктрину, противоположную предыдущей, перестроить психологию, приспособиться. Пройдет время, все рухнет, причиняя неисчислимые беды. Ваши экономисты не умеют предвидеть и обороняться от количественно-качественной естественной пульсации жизни. Дело человека — уничтожить эти «маятниковые» страдания.

— Оставим дальние последствия! Разве один только прирост развлечений, увеселений не будет ценным достижением для народа?

— Разумеется, не будет! Разрыв между нищей жизнью и развлечениями станет тем страшнее, чем сильнее иллюзия.

Обеднение и сужение индивидуальной и общественной жизни человека все сильнее расходятся с теми нереальными видениями, какими его отуманивают. Искусственное величие, напряженность, полнота чувств в иллюзиях вызывают расщепление психики между призрачным миром и реальностью жизни.

— Значит, вы не верите в нас, не считаете нужным переворот?

— Да. Я услышала лишь пустые слова. У вас и ваших сообщников нет знаний, не разработана программа и не исследована ситуация. Вы не знаете, с чего начать, к чему стремиться, кроме иерархических перестановок в высшем классе Ян-Ях.

«Змееносец» встал с каменным лицом. Сделав над собой усилие, он заявил, что есть еще просьба, в которой, он надеется, земляне ему не откажут.

— Сообщите нашим врачам меры для продления жизни. Как вы достигаете своей силы и красоты и живете вдвое дольше нашего.

— Зачем вам знать?

— Как зачем? — вскричал сановник.

— Все должно иметь цель и смысл. Долгая жизнь нужна тем, кто духовно богаче, кто может много дать людям, а если этого нет, тогда зачем? Вас миллионы ни о чем не заботящихся, кроме себя, своих привилегий, равнодушных паразитов, без совести, морали, долга. Вы уклоняетесь от своих прямых обязанностей и в то же время берете себе в сотни раз больше, чем здесь дается любому другому члену общества. Какие убеждения позволяют вам действовать подобно грабителям, довершая дело ваших глупых предшественников, истощивших ресурсы планеты и человечества Ян-Ях? Неужели не кружится у вас голова при взгляде в огромную пропасть между вами и народом?

«Змееносец» издал невнятный звук, сжал кулаки, топнул ногой и внезапно устремился к выходу.

— Стойте!

Необычайно резкий и неодолимо властный приказ земной женщины приковал его к месту. Повинуясь, он покорно уставился на Родис. Та неуловимо быстрым движением, характерным для землян, провела руками по его одежде, нашла во внутреннем кармане на груди тяжелую коробочку и вернулась к СДФ. Легкий щелчок — и все записи были стерты. И Родис вернула коробочку. Все это время сановник стоял столбом, повторял вслух: «Ничего не помню, совсем ничего не помню», — не чувствуя, как и в голове его стирается память о происшедшем разговоре. Фай Родис при своих природных способностях не нуждалась в ИКП. «Змееносец» побрел к двери, поклонился

и исчез. Родис выключила звукозащиту, и тотчас зазвучали сигналы вызова. Появилось изображение Эвизы, взволнованной и от этого еще более прелестной.

— Тяжело ранена Чеди. С раздроблением костей. Она у меня в госпитале.

Эвиза перечислила лекарства и инструменты, которые необходимо получить с «Темного Пламени», и сказала, что они с Норином сейчас отправятся к начальнику города, чтобы предупредить его об отправке с «Темного Пламени» автоматического дисколета и договориться о месте для его посадки.

— Чеди в сознании?

— Спит.

— Я приду.

Родис поставила ладонь ребром (сигнал конца связи) и переключила СДФ на маяк корабля.

Вир Норин и Эвиза пришли к начальнику города в большой дом на холме, недалеко от Центрального госпиталя. Сотни людей сновали по темным высоким коридорам, куда выходило множество массивных дверей. Всемогущие карточки оказали свое действие. Обоих землян провели к начальнику, даже к секретарям которого рядовые «кжи» и «джи» столицы попадали лишь после нескольких месяцев ожидания.

Огромная комната с исполинским столом подчеркивала значение сановника — крупного, холеного и безмерно важного, восседавшего в глубоком кресле. Он поднялся с заметным усилием, поклонился и снова плюхнулся на свое место, молча указав Виру и Эвизе на сиденья перед столом.

Вир Норин в нескольких словах изложил просьбу. Последовало долгое молчание. Сановник перелистал какие-то лежавшие перед ним бумаги, поднял взгляд, и земляне увидели знакомую тупую надменность, делавшую похожими всех «змееносцев».

— Случай особенный. Никогда автоматами не стреляли по городу. Я не могу разрешить.

— Но срочные посылки такого рода тысячи лет практикуются на Земле. Это абсолютно безопасно! — заверил Вир Норин.

— А вдруг что-нибудь испортится? Вдруг диск упадет в место жительства важных лиц...

— Поймите, этого быть не может!

— Все равно такого нет в постановлениях. Надо запросить Совет Четырех!

— Так запросите! Дело идет о жизни человека!

«Змееносец» стал испуганно-негодующим, как если бы в его лице верховной власти нанесли оскорбление.

— Даже если я отважусь воспользоваться прямой связью, чтобы доложить, то все равно получить разрешение сразу нельзя. И я не уверен, что решение будет положительным.

Эвиза вскочила, глаза ее засверкали. Встал и Вир Норин. Они посмотрели друг на друга и вдруг рассмеялись.

— Верно ли, что высокие начальственные лица предназначены для принятия ответственных решений? — мягко спросила Эвиза.

— Только так!

— В законах нет ничего разрешающего посылку автомата. Но нет и запрещающего, не так ли?

«Змееносец» выразил некоторую растерянность, но быстро оправился.

— Не предусмотрено законами — следовательно, не положено.

— Вы назначены именно для решения непредусмотренных ситуаций, иначе зачем вы здесь?

— Я здесь для того, чтобы соблюдать интересы государства, — надменно сказал «змееносец».

Вир Норин положил руку на плечо Эвизы.

— Не станем терять времени. Это не более чем узко запрограммированный робот. На его функцию хватило бы простой звукозаписи.

Сановник угрожающе поднялся. Астронавигатор протянул к нему руку ладонью вперед.

— На место! Спите! Забудьте!

«Змееносец» упал в кресло, закрыв глаза и свесив набок голову. Эвиза и Вир Норин вышли из кабинета, сказав двум женщинам-секретарям, что сановник беседует с Советом Четырех. Священный страх на лицах секретарш говорил о том, что начальник города хорошо выспится.

— Сажать беспилотный дискоид без всяких там постановлений, — решил Вир Норин. — Таэль найдет место. Груза автомат возьмет столько, сколько успеют набить, и для Таэля тоже! Скорее к СДФ! Родис договорилась с Рифтом, и Таэль уже около нее.

Таэль и его друзья установили приводной маяк в засохшем саду, примерно в километре от Центрального госпиталя. Робот-диск за семнадцать минут покрыл расстояние между звездолетом и городом Средоточия Мудрости. Эвиза и Вир Норин, взяв необходимое, бегом понеслись к госпиталю, а группа Таэля осталась выгружать присланные для них материалы и приборы. Гриф Рифт обещал ночью прислать еще один диск и передал инструкцию управления автоматом. Тормансиане могли укрыть робот в надежном месте или утопить в океане.

* * *

Чеди принесли в госпиталь без сознания. Сначала ее положили в заставленный койками коридор. Дежурный врач не поверил заявлениям «лиловых» — на беду, самого низшего ранга — и лишь хохотал в ответ на уверения, что девушка эта прилетела с Земли. Слишком невероятным казалось ее появление ночью, в обычной одежде «кжи», да еще раненной в уличной драке. Последнее сомнение, возникшее было при осмотре ее дивно совершенного тела, развеялось, едва Чеди в забытьи произнесла несколько слов на хорошем языке Ян-Ях, со звонким акцентом хвостового полушария. Врач определил повреждения как смертельные. Он не считал себя в силах спасти девушку. Не стоило напрасно мучить ее, выводя из благостного шока. И хирург махнул рукой, не ведая, что в это самое время «глаз владыки» отдавал приказание во что бы то ни стало разыскать Эвизу Танет.

Сильная воля Чеди помогла ей вынырнуть из красного моря боли и слабости, затопившего сознание. Она лежала без одежды, прикрытая желтой тканью, на узкой железной кровати, под резким светом ничем не прикрытой вакуумной лампы. Эти режущие глаза лампы встречались на Тормансе во всех служебных помещениях и в жилищах «кжи». Здесь, в госпитале, резкий свет казался невыносимым, но никто из распростертых на соседних койках стонущих, мечущихся в бреду не обращал на него внимания. В ночное время больных не посещали сиделки, медицинские сестры или врачи. Люди проводили долгую ночь Торманса наедине со своими страданиями, слишком слабые для того, чтобы подняться или заговорить друг с другом.

Чеди поняла, что она умрет, предоставленная своей судьбе. Преодолевая невероятную боль и кружение в мозгу, Чеди приподнялась, спустив ноги с кровати, и снова потеряла сознание. Пронзающий укол привел ее в себя. Открыв глаза, Чеди увидела прямо над собой горящее от волнения лицо Эвизы.

В сопровождении извивающегося от испуга за свою ошибку дежурного врача Чеди повезли в свободную операционную. Эвиза, убедившись, что непосредственная опасность отошла, связалась с Родис и Вир Норином.

Последующие дела, включая бесплодный разговор со «змееносцем», отняли больше двух часов. Чеди спала в операционной. Когда Эвиза примчалась как ветер, неся на плече сумку с необходимыми препаратами, весь врачебный персонал госпиталя был уже в сборе. Минутой позже прибежал Вир Норин, нагруженный двумя большими, туго скрученными тюка-

ми. Главный хирург нервно ходил перед дверями операционной, убежав из своего кабинета, где на большом экране попеременно появлялись то Зет Уг, то Ген Ши, требуя сведений о земной гостье. Предупрежденная Таэлем, Эвиза ничего не сказала о присланной со звездолета помощи. В госпитале думали, что она бегала за лекарствами не то домой, не то к своему товарищу.

Дезинфицируясь, Эвиза успела отдохнуть и немедленно взялась за операцию. Хирурги Торманса увидели странную технику земного врача. Эвиза смело распластала все пораженные участки продольными разрезами, тщательно избегая повредить не только мельчайшие нервные веточки, но и лимфатические сосуды. Она скрепила разбитые кости, вплоть до мелких осколков, какими-то красными крючками, изолировала главные кровеносные стволы, перерезала их и присоединила к ним маленький пульсирующий аппарат. Затем все операционное поле было пятикратно пропитано ОМН — раствором скоростной регенерации костей, мышц, нервов; разрезы соединены черными крючками. Появился второй прибор для массирования краев ран и одновременно втирания густой жидкости кожной регенерации — КР. Тотчас Эвиза разбудила Чеди, обильно напоив ее похожей на молоко эмульсией. Вир Норин, одетый братом милосердия, с бесконечной осторожностью снял Чеди с операционного стола. Земляне сейчас не заботились о соблюдении тормансианских приличий, не доверяя стерильности простынь. Астронавигатор нес на вытянутых руках совершенно нагую Чеди в отведенную ей маленькую палату. Там он положил ее на постель из особой, сверкающей серебром ткани и накрыл заранее натянутым на каркас прозрачным легким колпаком. Пепельно-голубая девятиножка Чеди уже стояла рядом с постелью. К ней подключили многоцилиндровый аппарат с системой трубок, концами закрепленных в колпаке. Эвиза Танет, отдыхая, вытянулась на твердом диванчике, слегка облокотясь на левую руку и закинув за голову согнутую правую. Она поглядывала на столбик индикаторов у своего изголовья, с проводами, укрепленными на висках, шее, груди и запястьях Чеди.

Вир Норин благодарно поглядел на Эвизу, крепко пожал локоть ее сильной руки, выступивший из-под густых, круто вьющихся волос ее затылка, и пошел к выходу, осторожно ступая по еще влажному от дезинфекции полу.

Астронавигатор не успел покинуть громадное здание госпиталя, как в палату к спящей Чеди и полусонной Эвизе вошел человек в измятом и застиранном желтом халате посетителя, с

забинтованным наискось лицом. Эвиза вскочила и кинулась ему на шею.

— Родис!

— Я пришла сменить вас, — и Родис провела пальцами по запавшей щеке Эвизы.

Эвиза зажмурилась, как ребенок от попавшего в глаз мыла, и отчаянно замотала головой.

— Не сейчас. Отойдет нервное напряжение, и я буду спокойна.

— Я отведу. Ложитесь!

— Я так давно не разговаривала с вами, даже по СДФ. Вам надолго разрешили уйти?

Родис рассмеялась по-девичьи звонко и беззаботно.

— Никто не разрешал, как и посадку дискоида. Если бы я стала отпрашиваться, они бы и завтра не решили великого вопроса. А я буду здесь с вами сколько понадобится.

— А этот маскарад?

— Дело Таэля и его друзей.

Родис облачилась поверх черной тормансианской в жемчужно-серебристую паутинку земной врачебной одежды.

— А где ваш СДФ, Родис?

— Выключен. Привезут к ночи и выпустят у входа в этот корпус. Я его позову сюда. Ну, ложитесь, а я похожу по комнате, отведу возбуждение иного рода. Давно не испытывала такой радости от долгой ходьбы, как сегодня. Кажется, целую вечность я живу в тесноте — естественной на корабле и ненужно принудительной на Тормансе.

— Чеди тоже не могла привыкнуть к такой жизни. Ее долгие прогулки были полезны для знакомства с людьми и обычаями, но в конце концов привели к катастрофе, — сказала Эвиза.

— Чем вызвано нападение?

— Она ничего еще не могла сказать. Напавший на Чеди тут же покончил с собой. Она вряд ли знает об этом.

Родис задумалась и сказала:

— Всему причиной сексуальная невоспитанность, порождающая Стрелу Аримана. Кстати, я слыхала про вашу лекцию об эротике Земли. Вы потерпели неудачу даже с врачами, а они должны были быть образованны в этом отношении.

— Да, жаль, — погрустнела Эвиза, — мне хотелось показать им власть над желанием, не приводящую к утрате сексуальных ощущений, а наоборот, к высотам страсти. Насколько она ярче и сильнее, если не волочиться на ее поводке. Но что можно сделать, если у них, как говорила мне Чеди, всего одно слово

для любви — для физического соединения, и еще десяток слов, считающихся бранью. И это о любви, для которой в языке Земли множество слов, не знаю сколько.

— Более пятисот, — ответила не задумываясь Родис, — триста — отмечающих оттенки страсти, и около полутора тысяч — описывающих человеческую красоту. А здесь, в книгах Торманса, я не нашла ничего, кроме убогих попыток описать, например, прекрасную любимую их бедным языком. Все получаются похожими, утрачивается поэзия, ощущение тупится монотонными повторениями. Олигархи (конечно, через своих образованных приспешников) отчаянно борются за сокрытие от людей их духовных способностей и связанных с этим великих сил человеческой природы. Точно так же они стараются умалить и обесценить физическую красоту, чтобы рядовой человек ни в чем не мог считать себя лучше или выше правителей. Их ученые слуги всегда готовы оболгать, отрицая духовные силы, и осмеять красоту.

В античное время Европы и Ближнего Востока, средневековой Индии, — продолжала Родис, — физическая любовь переплеталась с религией, философией, обрядностью. Затем последовала реакция: Темные Века, превознесение религии и отвергание, подавление сексуальности. Новая реакция — и в ЭРМ возродилась примитивная эротика с отмиранием религиозности, на более слабой физической основе. Не получилось, как в прежние времена, мощного взлета чувств. Этот период — последний в существовании капиталистических отношений в обществах Земли — дополнительно охарактеризовался утилитаризмом. Эротика, и политика, и наука — все рассматривалось с точки зрения материальной пользы и денег... Утилитаризм неизменно приводил к ограниченности чувств, а не только мышления. Вот почему тормансианам нужно сперва восстановить нормальное ощущение мира. Только потом они будут способны на подлинную эротику. Вы взяли слишком быстро с места, Эвиза! Но довольно!

Родис принялась водить пальцами по телу Эвизы, нажимая на определенные точки и говоря размеренно-музыкальные слова. Не прошло и нескольких минут, как Эвиза спала с детской безмятежностью. Морщинки огорчения укрывались только в уголках губ, но скоро и они исчезли. Затем Родис встала на колени и, выгнувшись назад, головой коснулась пола, распрямляя спину. Ее спутницы принадлежали к возрасту, когда силы быстро восстанавливаются в крепком и здоровом сне. Родис любовалась обеими и радовалась. Они сделали что сумели для изучения Торманса и, естественно, не могли изменить здешнюю

жизнь. Теперь они вернутся на «Темное Пламя». Ради крупиц, которые Эвиза и Чеди добавили бы еще в гигантскую задачу поворота истории Торманса, не стоило более рисковать их жизнью. Антрополог Чеди и врач Звездного Флота Эвиза еще побывают в разных местах вселенной, дадут Земле своих детей, проживут долгую, интересную жизнь. Безмерное унижение человека на Тормансе и перенесенные здесь страдания, тоска и жалость, родившаяся к собратьям, сотрутся, смягчатся и в конце концов перестанут тревожить их на Земле...

Дверь медленно приоткрылась, вошел СДФ и замер у ног Родис. Она сняла с его колпака тяжелый белый барабан и, с некоторым усилием поставив его на окно, ввинтила синий корпус в специальный выступ верхнего края. Среди снаряжения Эвизы Родис нашла высокий стакан, прозрачный до невидимости, и, повернув конус, налила в сосуд столь же прозрачную жидкость. Родис осторожно пригубила ее, лицо ее засветилось удовольствием. После минерализованной, нечистой, пахнущей ржавым водопроводом и дешевым бактерицидом воды столицы был неописуемо приятен вкус земной воды. Нея Холли не забыла прислать со звездолета и земной концентрированной пищи.

Родис принялась готовить еду для Чеди и Эвизы.

В палату поспешно вошел бледный и потный главный врач.

— Я не подозревал, что у меня здесь владычица землян, — поклонился он Родис, — вам неудобно и тесно. Но это устроим после, а сейчас пойдемте в мой кабинет. Вас требуют из садов Цоам. Кажется, — лицо главного приняло молитвенное выражение, — с вами хочет говорить сам Великий и Мудрый...

Фай Родис предстала перед экраном двусторонней связи Ян-Ях, на котором вскоре появилась знакомая фигура владыки. Чойо Чагас был хмур. Резкий жест в сторону главврача — и тот, низко пригнувшись, ринулся из кабинета.

Чойо Чагас оглядел Родис в ее серебристом халате, сквозь который просвечивал костюм простой женщины Ян-Ях.

— Менее эффектно, чем ваши прежние одеяния. Но так вы кажетесь ближе, кажетесь моей... подданной, — с расстановкой сказал он. — И все-таки я удивлен, узнав, что вы здесь.

— Если бы не катастрофа с Чеди, я не покинула бы Хранилища. Там очень интересные материалы, и вы поступили мудро, отослав меня туда.

Чойо Чагас слегка помягчел.

— Надеюсь, что вы убедились еще раз, насколько небезопасно общение с нашим диким и злым народом? Чуть не погибла четвертая наша гостья!

Фай Родис захотела спросить, по чьей вине народ Ян-Ях находится в таком состоянии, но раздражать владыку не входило в ее планы.

— Как вы намерены теперь поступить? — спросил Чойо Чагас.

— Как только наш антрополог поправится, я отошлю ее и врача на звездолет. Теперь это вопрос нескольких дней.

— А дальше?

— Я вернусь в Хранилище Истории. Закончу работу над рукописями. Наш астронавигатор продолжит знакомство с научным миром столицы. Еще дней двадцать — и мы простимся с вами.

— А второй звездолет?

— Должен быть уже близко. Но мы не станем злоупотреблять вашим гостеприимством. Вероятно, он не сядет. Останется на орбите до нашего отлета.

Владыка, как показалось Родис, испытал удовольствие.

— Хорошо. Вас устроят здесь наилучшим образом.

— Не надо беспокоиться. Лучше прикажите, чтобы нас соединяли с вами или младшими владыками без проволочек. Иначе мы не сможем разобраться, где кончается ваша воля и начинается тупость и страх сановников.

Чойо Чагас милостиво кивнул, некоторое время он молча смотрел на Родис, а потом, не сказав ни слова, внезапно исчез с экрана. Она возвратилась к Чеди, уже сидевшей в подушках и без колпака. И Чеди и Эвиза наслаждались водой и пищей Земли, жмурясь от удовольствия.

— Не воображала, что консервированная земная еда в действительности так вкусна, — сказала Чеди.

— После тормансианской, — сказала Родис, погружая пальцы в густые волосы девушки, вновь принявшие свой естественный пепельно-золотистый цвет. Освобожденные от контактных линз глаза сияли прежней синевой.

— Удивляюсь, — Чеди привстала на локте, но Эвиза мгновенно водворила ее на место, — как могут они травить себя, своих детей, губить свое будущее, фальсифицируя и удешевляя пищу так, что она становится отравой? Представьте, что на Земле кто-нибудь стал принимать такую отраву. Бессмысленно!

— У них, — сказала Родис, — этим ужасающим путем увеличивают количество пищи, удешевляя производство ее. А продают по прежней дорогой цене — это называется косвенным налогом в обществе Торманса, и доход идет олигархам.

— Уверена, что ни одна лаборатория здесь не возьмется анализировать состав продуктов, чтобы не выплывала наружу

его вредность, — сказала Эвиза, — надо взять образцы с собой на Землю.

— Отличная идея, — сказала Родис, — начнем сегодня же с госпиталя.

Родис долго, не торопясь, массировала на плече Чеди рубцы заживших разрезов со следами растворившихся черных крючков. Чеди уверяла, что совершенно здорова, но Родис и Эвиза боялись последствий внутренних повреждений. На маленькой тележке привезли книги развлекательного чтения. Чеди принялась проглатывать одну за другой со скоростью, непостижимой для тормансиан, но самой обычной для землян, мгновенно воспринимавших целые страницы.

К приходу Эвизы около постели Чеди выросла гора книг.

— Неужели так интересно? — спросила Эвиза.

— Я все искала что-либо путное. Не могла поверить, чтоб в технически развитой цивилизации можно было писать такие пустяки, похожие на земную литературу ЭРМ. Будто у них нет духовных проблем, тревог, болезней, несчастья. Истинные большие трагедии, великолепное человеческое геройство, скрытое в буднях серой повседневности, их не интересует. Видимо, и сам человек им не интересен и служит лишь фоном. Все сводится к временным глупостям, случайному непониманию или мещанскому недовольству. Здешние писатели ловко научились отвлекать и развлекать, пересказывая сотни раз одно и то же. Они же пишут и для телепередач, восхваляют счастье жить под мудрым руководством Чойо Чагаса, якобы избавившим их от скверного прошлого. Здесь история начинается с установления всепланетной власти теоретика олигархии великого Ино-Кау. Впечатление, что книги написаны для умственно неразвитых детей. Все книги — новые, мало читанные. Надо попросить какие-нибудь более старые издания.

Эвиза отправилась в библиотеку, долго рылась там, говорила с библиотекарем и вернулась в недоумении.

— Когда владыкой стал Чойо Чагас, — сказала Эвиза, — прежние книги под угрозой тяжкой кары изъяли из всех библиотек планеты, связали в сетки с камнями и утопили в море. Одиночные экземпляры переданы в специальные хранилища, где их нельзя ни читать, ни копировать. Запрещено всем, кроме особых доверенных лиц.

— Какое преступление против человека! — сурово заметила Родис.

— О, вы еще не все знаете, — сказала Чеди. — Здесь существует чудовищная система фильтрации. В каждом Доме Зрелищ, на телевидении, радио у них сидят «глаза владыки». Они

вправе остановить любое зрелище, выключить всю сеть, если кто-нибудь попробует передать неразрешенное. Могут убить за пение неразрешенных песен. У «глаз владыки» есть список, что можно исполнять и чего нельзя... И так во всем. Как жалко этих бедных людей! — Голос Чеди дрогнул.

Родис с Эвизой переглянулись, и Родис подсела к изголовью Чеди, напевая и скользя концами пальцев по ее лбу и лицу. Синие глаза, заблестевшие было от слез, закрылись. Еще минута, и девушка погрузилась в глубокий, спокойный сон.

— А теперь пойдем по госпиталю, — предложила Эвиза. — Время позднее, врачи разошлись. Я принесла свежий халат.

Фай Родис надела желтую одежду с такой же шапочкой, и обе земные женщины вышли на резкий свет в заставленный кроватями коридор.

Никогда не смогли бы забыть они четырех ночей, проведенных на добровольных обходах хирургического отделения Центрального госпиталя столицы. Родис делала открытие за открытием. Страдальцам почти не давали болеутоляющих лекарств. Медицина Торманса не создала анальгетиков, не входивших в обмен веществ организма и не дававших привыкания — наркомании. Могущественные средства, как гипнотический массаж и аутогенное внушение, вовсе не применялись. Врачи не обращали внимания на сердечную тоску и страх смерти, а нудная боль при переломах считалась неизбежной. Уничтожить ненужные страдания было, в сущности, пустяком, ускорив исцеление одних, облегчив последние дни других...

С одиночеством больных, их бесконечными ночами страданий в непроветриваемых палатах не велось никакой борьбы. В госпитале преобладали женщины, более живучие, чем мужчины. Они лежали месяцами. Землянам объяснили, что жен и матерей «джи» спасают потому, что у мужчин без них бывают нервные надломы и они, подкупая чиновников, пробираются во Дворцы Нежной Смерти, губя в себе нужных государству специалистов. Утрата достоинства смерти в таких госпиталях представляла естественный диалектический парадокс планеты, где смерть вменялась в государственную обязанность для большинства. Тем отчаяннее цеплялись за жизнь «джи» в переполненных больницах. Родис вспоминала с усмешкой свои инфернальные испытания. Здесь она спустилась на куда более низкие круги инферно.

А Эвиза в сотый раз мысленно соглашалась с предводителем шести «кжи». Те в самом деле умирали здоровыми, не зная жалкой борьбы за жизнь в грязи и боли.

Фай Родис переходила от одной кровати к другой, присаживаясь на краешек, утоляла боль гипнозом, успокаивала песней, учила внушать самим себе сон или развлекаться воображением. Эвиза, не обладавшая такой психической силой, делала целебный массаж нервов. Придя к утру в палату к Чеди, обе, изнеможенные, свалились и заснули, исчерпав свою нервную силу.

Молва о необыкновенной женщине мгновенно разошлась по всему госпиталю. Теперь Фай Родис, как богиню, со всех сторон встречали мольбы и протянутые руки. Окружающее горе навалилось на нее, давя, лишая прежней внутренней свободы. Родис впервые поняла, как далека она еще от подлинного духовного совершенства. Следствием ничтожества ее сил в океане горя неизбежно возникала жалость, отклоняя от главной цели. Ее помощь здесь не соответствовала задаче, отныне лежавшей на людях Земли: помощи народу Ян-Ях в уничтожении инфернальной общественной системы целиком и навсегда.

Через четыре дня, проведенных в госпитале, Фай Родис снова шла по скрипучим полам Храма Времени в сопровождении подруг и всех трех СДФ. Два из них несли еще слабую Чеди в пружинящем гамаке, подвешенном на опорных столбиках. Безмерно обрадованный Таэль встречал их у ворот, и даже стража, на сей раз подобранная из особо обученных людей, смягчилась при виде синих глаз Чеди, смотревших на окружающее с восторгом выздоравливающей. Радость Чеди была короткой. Узнав о возвращении на звездолет, Чеди сильно огорчилась, и Фай Родис стоило большого труда убедить ее в такой необходимости.

Беспокойство заставило Эвизу требовать, чтобы ее оставили здесь на случай болезни Родис или Вир Норина.

— Мое здоровье превосходно, — возражала Родис, — а лечить внушением я умею лучше любого из вас.

— А Вир?

— Вот он, мне кажется, заболел, но так, что врач, хотя бы и Звездного Флота, не нужен.

— Неужели? Наш испытанный астронавигатор? Вы шутите?

— Хотела бы.

— Но это безумие! И вы так спокойны!

— Безумие не большее, чем жизнь Чеди среди «кжи», чем ваша работа в госпитале, чем все идеи, заставившие нас вторгнуться в бытие негостеприимной, замученной планеты.

— Родис, вы думаете о чем-то опасном? Я вас не покину.

— Покинете! — Родис привлекла Эвизу к себе, и ее волосы цвета воронова крыла на секунду сплелись с темно-рыжими прядями Эвизы.

Все три женщины совершили прогулку по подземелью с масками в святилище Трех Шагов.

— Здесь мы поставим ваш СДФ, — сказала Родис, обращаясь к Эвизе, — его зелено-серый цвет с серебристым отливом очень гармонирует с черными столами и скамьями.

— А мой? — спросила Чеди, полюбившая пепельно-голубую девятиножку.

— Свой вы подарите Таэлю и научите пользоваться им.

— И он будет у нас гореть зеленым огоньком?

— Да! Браслет Эвизы возьму я, но выключу его прямую связь на «Темное Пламя», когда вы будете в безопасности, за стенками корабля.

— За стенками корабля... — повторила Эвиза. — Может быть, это стыдно для настоящего исследователя, но я буду счастлива. Насколько лучше жить в корабле, совершая оттуда вылазки в чужой мир, чем оказаться, как мы, оторванными от «Темного Пламени», несомыми потоками странной жизни, в которой все будто сговорились вредить себе и другим, создавать горе и беды везде, даже там, где нет причины для несчастий.

Родис и Норин провожали молодых женщин к громоздкой, пропыленной и разболтанной машине.

Чеди крепко обняла Родис, поцеловала астронавигатора, а затем, опустившись на колени, погладила свой СДФ.

Двое землян и тормансианский инженер стояли на балконе пятого храма. Машина ушла по верхней обходной дороге, столб пыли еще долго был виден над городом. Таэль уже научился распознавать настроение своих, казалось бы, невозмутимых земных друзей. И сейчас, глядя на спокойные, устремленные вдаль лица, инженер решил отвлечь Родис и Норина от дум.

— Я еще не поблагодарил вас за драгоценный подарок, — сказал он, показывая на СДФ.

— У нас не благодарят за подарки. Самая большая радость человека Земли — отдавать. Мы должны сказать вам спасибо, — сказала Родис.

Таэль почему-то смутился и перевел разговор:

— Меня всегда интриговало число ног у СДФ. Почему 9, почему нечетное, а не двусторонняя симметрия 2-4-6-8-10?

— Вопрос не так прост, — ответил Норин. — Выше билатеральной симметрии — триада. Геликоидальная нечетность выше двустороннего равновесия противоположностей, обычно применяемого на Земле и соответствующего поверхностной структуре окружающего мира. 5-7-9 дают особое преимущество в преодолении противоречий в бинарных системах и стойкость

в двусторонне противоречивом мире, то есть возможность переходить неодолимые препятствия. Нечетность, большая, чем единица, — это выход из инфернальной борьбы противоположностей, возможность избежать диалектического качания вправо-влево, вверх-вниз. В природе это многоосные фазовые системы или трехфазный ток, например. Нечетность как свойство подмечена еще в глубокой древности. Три, пять, семь, девять считались счастливыми и магическими числами. А у нас применяется методика косых, или геликоидальных, врезов в равновесные системы противоположных сил.

Таэль покачал головой.

— Все, что я понял, — это существование механизмов, работающих на более сложных принципах, чем внутренние противоречия. И эти механизмы, так сказать, выше стоят над силами диалектически построенного мира. Они могущественнее!

— Если хотите, так. В обычной жизни Земли СДФ нам не нужен. Роботы-спутники сопровождают нас только в трудных экспедициях в неизвестные дальние миры. Тут они незаменимы.

— И в плохо устроенном мире тоже незаменимы, — добавил Таэль.

Тень тревоги прошла по лицу Вир Норина, сделав его похожим на тормансианина.

— Вам надо идти, Вир? — сказала Родис, обняв его за шею и смотря в глаза. — Вас ждут! Вас что-то тревожит?

— Да, пришло неиспытанное, и оно породило тревогу.

— На Тормансе, где ничего не исполняется? Что же дальше, Вир?

— Не знаю. Я должен разобраться в себе, но дни летят...

— Да, времени так мало, Вир, хороший мой... — голос Родис смягчился от нежности.

Астронавигатор сбежал по лестнице и пронесся мимо оторопевшей стражи. Фай Родис стояла, упершись кончиками пальцев в перила балкона, в глубокой задумчивости, и потому Таэль, не прощаясь, ушел и увел в подземелье девятиножку.

Родис, не сводя глаз, долго смотрела на далекие голые горы, стоявшие в пурпурной дымке. Еще так остра в памяти катастрофа в городе Кин-Нан-Тэ, только что кончились осложнения с Чеди — и вот подступает что-то другое. И на этот раз она, Родис, не знает путей к решению. Что ждет Вира и его возлюбленную, кроме жертв с обеих сторон? И почему это обрушивается на Вир Норина, который на своих кораблях пронизал Галактику во многих направлениях, на человека такого ясного ума и энциклопедических знаний? Хотя по законам внезапных поворотов это, может быть, естественно у неодолимых пре-

град?! Очнувшись от своих дум, она не заметила, как наступили сумерки. Фай Родис пошла в свои комнаты.

Еще перед первой дверью Родис почувствовала присутствие кого-то, знакомого по прежним ощущениям. Уходя, она не насторожила девятиножку и сейчас, не зажигая света, включила ее. Едва слышно прозвенел ее браслет, сигнализируя об изменении воздуха в помещении. Девятиножка зажгла крошечный розовый глазок. Родис увидела плотно закрытую дверь в спальню. Некто подстерегающий спрятался в первой комнате — дверь притворили неспроста. Родис открыла дверь, и едва уловимый запах проник в ее ноздри, он был настолько слабый, что, не настроившись заранее, она, возможно, и не почувствовала бы его. Вдруг в голову ударило что-то пьянящее сознание. Темная сила, словно пружина, начала разворачиваться внутри Родис. Ее охватило дикое желание выть, хохотать, кататься по полу. Могучая воля Родис справилась с первым ударом яда. Она отступила назад к СДФ, извлекла и вставила в нос биофильтры. Теперь было время подумать. Все еще с мутным сознанием она отыскала препарат Т-9/32 — универсальное противоядие от всех возбудителей таламуса. Даже не будучи врачом, Родис определила, что в комнате распылено вещество, подавляющее сознание, высвобождающее базальные примитивные рефлексы таламической группы и серого бугра мозга. Противоядие помогло. Как хорошо, что она предвидела возможность применения подобных веществ, готовясь к высадке на Торманс!

Обретя прежнюю ясность мысли и зрения, Родис приказала СДФ осветить комнату и внезапно рванула в сторону тяжелую портьеру, закрывавшую нишу окна. Там, сжавшаяся кошкой, пряталась Эр Во-Биа. Прозрачная маска с маленьким газовым баллоном под челюстью прикрывала лицо красавицы, стремительно прыгнувшей навстречу Родис. Ее глубоко посаженные глаза с ожиданием и удивлением смотрели на Фай Родис, спрашивая: «Что же ты не падаешь?» В руке возлюбленная Чойо Чагаса держала сложный прибор, применявшийся на Тормансе для киносъемки.

Эр Во-Биа протянула свободную руку к широкому поясу, несомненно скрывавшему оружие.

— Стойте! — приказала ей Родис. — Говорите, зачем вы это сделали?

Пригвожденная к месту красавица замерла и заколебалась всем своим тонким телом, будто испытывала желание перевоплотиться в столь излюбленную на планете змею.

— Я хотела, — с усилием сквозь стиснутые зубы сказала она, — открыть твое настоящее «я», показать тебя. И когда ты

валялась бы, изнывая от звериных желаний, я сняла бы тебя, чтоб показать фильм владыке. — Эр Во-Биа подняла аппарат. — Он слишком много думает о тебе, слишком превозносит тебя. Пусть увидел бы!

Фай Родис смотрела в искаженное злобой прекрасное лицо. Совмещение низкой души и совершенного тела извечно удивляло чутких к красоте людей, и Родис не была исключением.

— На Земле, — наконец заговорила она, — мы считаем, что каждое недостойное действие немедленно должно уравновеситься противодействием. Снимите маску!

Животного ужаса женщины не смог скрыть и респиратор. Ей пришлось подчиниться неодолимой воле.

Через минуту Эр Во-Биа лежала на полу, запрокинув голову, закрыв глаза и оскалив зубы, испытывая то, что хотела вызвать в Родис.

— Янгар, Янгар! Я хочу тебя! Еще больше, чем прежде! Скорее! Янгар! — вдруг закричала Эр Во-Биа.

В ответ на ее зов тут же распахнулась дверь, и на пороге появился сам начальник «лиловых».

«Где-то здесь караулил!» — мгновенно догадалась Родис.

Поняв крушение замысла и разоблачение их тайны, Янгар выхватил оружие. Но каким бы метким стрелком он ни был, ему не под силу было соперничать с Фай Родис в скорости реакции. Она успела включить защитное поле. Обе пули, посланные в нее — в живот и в голову, — отраженные, ударили Янгара в переносье и между ключиц. Взор Янгара, нацеленный на Родис, медленно потух, кровь залила лицо, он опрокинулся навзничь, скользнул по стене и повалился на бок в двух метрах от своей любовницы.

Выстрелы, без сомнения, разнеслись по всему храму. Надо было действовать без промедления. Родис втащила Эр Во-Биа в спальню, прикрыла дверь, распахнула оба окна. Затем разжала ей зубы и влила лекарство. Конвульсивные движения Эр Во-Биа прекратились. Еще немного, и женщина открыла глаза, поднялась шатаясь.

— Кажется... я... — хрипло выдавила она.

— Да. Проделали все то, что ждали от меня.

И вдруг злоба на ее лице стерлась страхом, откровенным, безраздельным и жалким страхом.

— А камера? А Янгар?

— Там. — Родис показала на дверь в соседнюю комнату. — Янгар убит.

— Кто его убил? Вы?

Родис отрицательно покачала головой.

— Сам себя. Собственными пулями.

— И вы знаете все?

— Если вы говорите о ваших с ним отношениях, то да.

Эр Во-Биа упала к ногам Родис.

— Пощадите! Владыка не простит, он не перенесет своего унижения.

— Это я понимаю. Такие, как он, не могут допустить соперничества.

— Его месть невообразима! Изощренные палачи умеют пытать страшно!

— Как и ваш Янгар?

Прекрасная тормансианка поникла головой, моля о пощаде.

Родис вышла в соседнюю комнату и через мгновение вернулась с киноаппаратом.

— Возвращаю, — сказала она, протягивая руку, — за остаток яда.

Вздрогнув, Эр Во-Биа поспешно отдала крошечный пульверизатор.

— Теперь уходите. Через первое окно на галерее. Пригнитесь за балюстрадой. Дойдете до боковой лестницы заднего фасада, спуститесь в сад. Надеюсь, карточка владыки у вас есть?

Эр Во-Биа молчаливо стояла перед Родис, застыв в изумлении.

— И не бойтесь ничего. Никто на планете не узнает вашей тайны.

Тормансианка продолжала стоять, пыталась что-то сказать и не могла. Родис осторожно коснулась ее пальцами.

— Бегите, не стойте! Я тоже должна идти.

Родис повернулась, услышала за спиной странные всхлипывания Эр Во-Биа и вышла. В первой комнате перед защитной стенкой СДФ толпились охранники во главе с офицером, в углу лежало тело Янгара.

По-видимому, после разговора с Родис в госпитале владыка планеты отдал распоряжение о незамедлительной связи, так как он тут же появился на импровизированном экране СДФ. Охранники мигом ударились в бегство.

Родис сказала, что Янгар стрелял в нее. Чойо Чагас уже достаточно ознакомился с действием защитных экранов, чтобы понять, что за этим последовало. Впрочем, владыка ничуть не был огорчен гибелью начальника своей личной охраны и первого помощника Ген Ши по безопасности государства, более того, он, казалось, был даже доволен.

Родис некогда было раздумывать над столь сложными отношениями, она опасалась, что после гибели Янгара ее удалят

из храма. Владыка предложил ей ради безопасности перебраться снова во дворец, но она вежливо отказалась, сославшись на якобы непросмотренные материалы, которые живописно громоздились в трех комнатах, подготовленные Таэлем.

— Когда вы закончите работу? — с опаской спросил Чойо Чагас.

— Как условились — недели через три.

— Ах да! Перед отлетом вы должны погостить у меня несколько дней. Хочу еще раз воспользоваться вашим знанием.

— Вы можете пользоваться знанием всей Земли.

— Как раз этого я и не хочу. Вы предлагаете общее, а мне нужно частное.

— Я готова помочь и в частном.

— Хорошо, помните о моем приглашении! Сейчас я покину вас, ответьте только на один вопрос: что вам известно о людях, которых в прежние времена на Земле называли мещанами? Мне сегодня встретилось такое странное слово.

— Так называлось целое сословие, а затем это определение почему-то перешло на людей, которые умеют только брать, ничего не отдавая. Мало того, они берут в ущерб другим, природе, всей планете — тут нет предела жадности. Отсутствие самоограничения нарушало внутреннюю гармонию между внешним миром и чувствами человека. Люди постоянно выходили за рамки своих возможностей, пытаясь подняться выше в социальном статусе и получить связанные с этим привилегии... Все, что они получали, — это комплекс жестокой неполноценности, разочарования, зависти и злобы. Прежде всего в этой среде аморальности и нервных срывов необходимо было развивать учение о самовоспитании и социальной дисциплине.

— Так это похоже на моих сановников!

— Естественно.

— Почему «естественно»?

— Жадность и зависть расцветают и усиливаются в условиях диктатур, когда не существуют традиции, законы, общественное мнение. Тот, кто хочет только брать, всегда против этих «сдерживающих сил». Бороться же с ними можно только одним путем: уничтожая любые привилегии, следовательно, и олигархию.

— Совет хорош. Вы верны себе. Вот почему... — владыка задумался, будто не находил точного слова, — меня так тянет к вам.

— Наверное, потому, что я одна говорю вам правду?

— Если бы только это!

— Еще не так давно у нас существовали кабинеты совести. Туда приходили люди, чтобы оценить свои поступки, выяснить

их мотивы или узнать, как следует поступить, с помощью широкой информации, справедливых и ясных умов людей с глубокой интуицией.

Это предложение Родис не понравилось владыке.

Чойо Чагас сделал прощальный жест и удалился.

Через несколько минут охранники усердно замывали пол на том месте, где только что лежал труп Янгара, и с суеверным страхом оглядывались на ходившую по комнатам Родис. Ей пришлось выключить СДФ, и она опасалась чрезмерного любопытства «лиловых». Охранники исчезли. Вместо них появился запыхавшийся, едва живой Таэль.

— Моя ошибка! Моя глупость! — закричал он, остановившись на пороге.

Родис спокойно ввела его в комнату и прикрыла дверь — она инстинктивно усвоила эту необходимую для жителя Ян-Ях предосторожность, — а затем рассказала о случившемся.

Тормансианин успокаивался понемногу.

— Я сейчас ухожу и вернусь в подземелье. Мы там будем ждать вас. Не забудьте: сегодня у вас большой и важный прием! — Лукавые морщинки совсем по-земному мелькнули на губах тормансианина.

— Вы интригуете меня, — сказала Родис, улыбаясь.

Инженер смутился, чувствуя, что она читает его мысли, махнул рукой и убежал.

Заперев дверь и насторожив, как обычно, СДФ, Родис спустилась в подземелье.

В святилище Трех Шагов ее ожидали Таэль с Гахденом и незнакомый человек с резкими чертами лица и по-птичьему пристальным взором светло-карих глаз.

— Я поняла, — сказала Родис, прежде чем инженер и архитектор представили посетителя, — вы художник?

— Это облегчает нашу задачу, — сказал Гахден, — если вы поняли, что вам придется быть символом Земли. Ри Бур-Тин, или Ритин, — скульптор и должен исполнить желание многих людей создать ваш портрет. Он один из лучших художников планеты и работает поразительно быстро.

— Из худших! — неожиданно высоким и веселым голосом сказал скульптор. — Во всяком случае, по мнению тех, кто ведает у нас искусством.

— Разве искусством можно «ведать»? — удивилась было Родис, но тут же добавила: — Да, я забываю, что «ведать» у вас означает «охранять», охранять олигархию от посягательств на ее безраздельную власть над духовной жизнью.

— Трудно сказать лучше! — воскликнул скульптор.

— Но ведь есть люди, просто любящие искусство и помогающие ему. Те, которым известно, что и одна роза украшает весь сад.

— Нас любят только нищие, а «змееносцы» невежественны и относятся ко всему слишком утилитарно. Они содержат лишь прислужников от искусства, восхваляющих их. Настоящее искусство — долгий труд. Много ли сумеешь создать, если всю жизнь занят украшением дворцов и садов скульптурной дешевкой! А произведения настоящего искусства, литературы, архитектуры! Для человека это — щит, защита мечтой, не сбывающейся в природном течении жизни.

— Мы называем искусство не щитом, а вехами борьбы с инферно, — сказала Родис.

— Как ни называть, важно, чтобы искусство несло утешение, а не развлечение, увлекало на подвиг, а не давало снотворное, не занималось исканием дешевого рая, не превращалось в наркотик, — сказал Ритин.

— Я помню, как нашу Чеди поразило почти полное отсутствие скульптур в городе, парках и на площадях. Их считают ненужными?

— Не только. Если скульптура стоит без охраны или не защищена железной решеткой, ее немедленно изуродуют, испачкают надписями, а то и вовсе разобьют!

— У кого поднимется рука на красоту? Разве люди могут обидеть дитя, растоптать цветок, оскорбить женщину?

— И дитя, и цветок, и женщину! — хором ответили все трое тормансиан.

Родис только руками развела.

— Появление подобных людей в обществе вашего типа, видимо, неизбежно. Но известно ли вам процентное соотношение их с нормальными людьми? Возрастает ли их количество или уменьшается? Вот кардинальный вопрос.

Тормансиане безмолвно переглянулись.

— Знаю, знаю: статистика под запретом. И все же вам надо самим собирать сведения, сопоставлять, избавляться от общественной слепоты... — Фай Родис замолчала и вдруг засмеялась: — Я уподобляюсь олигархам и начинаю давать не советы, а как это?..

— Указания, — расплылся в широкой и доброй улыбке архитектор.

— Ну что ж, начинайте, Ритин! Мне встать, сесть или ходить?

Скульптор замялся, завздыхал, не решаясь сказать. Родис догадалась, но не спешила прийти к нему на помощь, глядя на него искоса и выжидательно. Ритин с трудом выговорил:

— Видите ли, земные люди — другие не только лицом, осанкой, но и телом... Оно у вас особенное. Ни в коем случае не легкое, но и не кажется тяжелым. При крепости и массивности тело ваше очень гибко и подвижно.

— Так вы хотите, чтоб я позировала без одежды?

— Если возможно! Только тогда я создам полный портрет женщины Земли!

Тормансиане не успели опомниться, как Родис оказалась еще более далекой и недоступной в гордой своей наготе.

Архитектор, молитвенно сложив руки, смотрел на нее. Он тут же вспомнил фигуры героев, которые были скрыты масками подземелья. В обычном наряде они показались бы грубоватыми. С Родис получилось наоборот: одетая, она казалась меньше и тоньше, а линии ее тела были гораздо резче, контрастнее, чем у скульптур предков в галерее.

Таэль замер, уставившись в пол, и даже прикрыл глаза ладонью. Внезапно он повернулся и скрылся во тьме галереи.

— Несчастный, он любит вас! — отрывисто, почти грубо бросил скульптор, не сводя глаз с Родис.

— Счастливый! — возразил Гахден.

— Берегись! И ты погибнешь! Но молчи! — властно сказал Ритин. — Вы умеете танцевать? — обратился он к Родис.

— Как любая женщина Земли.

— Тогда танцуйте что-нибудь такое, чтоб все тело включилось в танец, каждый мускул.

Скульптор принялся в бешеном темпе набрасывать эскизы на листах серой бумаги. Несколько минут прошли в молчании. Потом Ритин бессильно опустил руки.

— Нельзя! Слишком быстро! Вы двигаетесь так же стремительно, как и думаете. Делайте только концовки, я буду давать знак, и вы «застывайте»!

Так дело пошло лучше.

По окончании сеанса скульптор стал увязывать объемистую пачку набросков.

— Продолжим завтра!.. Впрочем, разрешите мне посидеть, подождать. Вы будете беседовать с «Ангелами», а я еще порисую вас сидящую. Никогда не думал, что люди высшей цивилизации будут такими крепкими!

— Так ошибались не только вы. Многие наши предки думали, что человек будущего станет тонким, хрупким и нежным. Прозрачным цветком на гибком стебельке.

— Вот-вот, вы угадали, даже говорите теми же словами! — вскричал скульптор.

— А чем жить, преодолевая, борясь с жизнью и одновременно радуясь ей? За счет машины? Какая же это жизнь? Чтоб стать матерью, я должна по сложению быть амфорой мыслящей жизни, иначе я искалечу ребенка. Чтобы вынести нагрузку трудных дел, ибо только в них живешь полно, мы должны быть сильными, особенно наши мужчины. Чтобы воспринимать мир во всей его красочности и глубине, надо обладать острыми чувствами. На столе у председателя Совета Четырех я видела символическую скульптуру. Три обезьяны: одна заткнула уши, другая закрыла лапами глаза, третья прикрыла рот. Так, в противоположность этому символу тайны и покорного поведения, человек обязан слышать все, видеть все и говорить обо всем.

— Когда вы объясняете, все становится на место, — сказал скульптор, — но мне от этого не легче с вашей многосторонней особой. Лепные наброски сделаю, когда войду в образ. Странный, небывало прекрасный образ, но не чужой — и от этого еще труднее. Поймите меня, такое нельзя сделать сразу!

— Не убеждайте, я все понимаю. И посижу с вами еще, после того как все уйдут. Но прежде чем явятся «Серые Ангелы», мне надо знать о святилище Трех Шагов. Вы что-нибудь выяснили, Гахден?

— Святилище создано во времена основания храма, когда религиозный культ Времени был в расцвете. Сюда получали доступ только те, кто прошел три ступени испытания, или три шага посвящения.

— Так я не ошиблась — эта вера принесена к вам с Земли! Вера в то, что достичь заслуг можно раз и навсегда, без длительного служения и без борьбы. И вот здесь за два тысячелетия они не смогли добиться даже равновесия сил горя и радости!

— О каких испытаниях вы говорите? — заинтересовался скульптор.

— В любой религии есть испытания перед посвящением в высшее, тайное знание. Их три, три шага к индивидуальному величию и мощи. Как будто может существовать некая особая сила безотносительно к остальному окружающему миру.

Первое испытание, так называемое «испытание огнем», — это приобретение выдержки, высшего мужества, достоинства, доверия к себе, как бы процесс сгорания всего плохого в душе. После испытания «огнем» еще можно вернуться назад, стать обычным человеком. После двух следующих — пути назад отрезаны: сделавший их уже не сможет жить повседневной жизнью.

— И все это оказалось суевериями? — спросил, слегка запинаясь, Таэль, появившийся из галереи.

— Далеко не все. Многое мы взяли для психологической тренировки. Но вера в верховное существо, следящее за лучшими судьбами, была наивным пережитком пещерного представления о мире. Даже хуже — пережитком религиозного изуверства Темных Веков, бытовавшим параллельно с убеждением, что человек во всех превратностях и катастрофах планеты должен быть спасен, потому что он — человек. Божье создание. Верящие в Бога забывали, что, даже будь Бог на самом деле, он не стал бы поощрять отсутствие высоких духовных качеств, стремлений и достоинства в своем творении — единственном наделенном разумом самопознания. Сумма преступлений человека, брошенная на весы природы, вполне обеспечивала смертный приговор этому неудачному и надменному созданию.

А с другой стороны, диалектика мира такова, что только человек обладает правом судить природу за слишком большой объем страдания на пути к совершенствованию. Огромной длительности процесс эволюции пока не смог ни избавить мир от страдания, ни нащупать верную дорогу к счастью. Если этого не сделает мыслящее существо, то океан страдания будет плескаться на планете до полной гибели всего живого от космических причин — потухания светила, вспышки сверхновой, — то есть еще миллиарды лет.

В подземелье, оглядываясь, вошли восемь человек с суровыми даже для неулыбчивых тормансиан лицами, в темно-синих плащах, свободно накинутых на плечи.

Архитектор хотел было подвести их к Родис, но шедший впереди небрежно отстранил Гахдена.

— Ты владычица земных пришельцев?.. Мы пришли благодарить тебя за аппараты, о которых мы мечтали тысячелетия. Многие века мы скрывались и бездействовали, а теперь можем вернуться к борьбе.

Фай Родис посмотрела на твердые лица вошедших — они дышали волей и умом. Они не носили никаких украшений или знаков, одежда их, за исключением плащей, надетых, очевидно, для ночного странствия, ничем не отличалась от обычной одежды средних «джи». Только у каждого на большом пальце правой руки было широкое кольцо из платины.

— Яд? — спросила Родис у предводителя, жестом приглашая садиться и показывая на кольцо.

Тот приподнял бровь, совсем как Чойо Чагас, и жесткая усмешка едва тронула его губы.

— Последнее рукопожатие смерти — для тех, на кого падет наш выбор.

— Откуда пошло название вашего общества? — спросила Родис.

— Неизвестно. На этот счет не осталось никаких преданий. Так мы назывались с самого основания, то есть с момента нашего появления на планете Ян-Ях с Белых Звезд или с Земли, как утверждаете вы.

— Я так и знала. Наименование вашего общества глубже по смыслу и куда древнее, чем вы думаете. В Темные Века на Земле родилась легенда о великом сражении Бога и Сатаны, добра и зла, неба и ада. На стороне Бога бились белые ангелы, на стороне Сатаны — черные. Весь мир был расколот надвое до тех пор, пока Сатана с его черным воинством не был побежден и низвергнут в ад. Но были ангелы не белые и не черные, а серые, которые остались сами по себе, никому не подчиняясь и не сражаясь ни на чьей стороне. Их отвергло небо и не принял ад, и с той поры они навсегда остались между раем и адом, то есть на Земле.

Угрюмые пришельцы слушали с загоревшимися глазами: легенда им понравилась.

— Имя «Серых Ангелов» приняло тайное общество, боровшееся со зверствами инквизиции в Темные Века, одинаково против зла «черных» слуг Господа и невмешательства, равнодушия «добрых белых». Я думаю, что вы и есть наследники ваших земных братьев.

— Поразительно! — сказал предводитель «Серых Ангелов». — Это придает нам еще больше уверенности.

— В чем? — неожиданно резко спросила Фай Родис.

— В необходимости террора, в переходе от единичных действий к массовому истреблению вредоносных людей, которые необычайно размножились в последнее время!

— Нельзя уничтожать зло механически. Никто не может сразу разобраться в оборотной стороне действия. Надо балансировать борьбу так, чтобы от столкновения противоположностей возникало движение к счастью, восхождение к добру. Иначе вы потеряете путеводную нить. Сами видите, прошли тысячелетия, а на вашей планете по-прежнему несправедливость и угнетение, миллионы людей живут ничтожно краткой жизнью. На нашей общей родине в старину почему-то никто никогда, повторяю — никогда не уничтожал истинных преступников, по чьей воле (и только по ней!) разрушали прекрасное, убивали доброе, грабили и разбрасывали полезное. Убийцы Добра и Красоты всегда оставались жить и продолжали свою мерзкую деятельность, а подобные вам мстители предавали смерти совсем не тех, кого следовало.

Искоренять вредоносных людей можно с очень точным прицелом, иначе вы будете бороться с призраками. Ложь и беззаконие создают на каждом шагу новые призраки преступлений, материальных богатств и опасностей. На Земле нарастание таких призраков не было своевременно учтено, и человечество, борясь с ними, лишь укрепляло их психологическое воздействие. Мы всегда помним, что действие равно противодействию, и соблюдаем равновесие. А у вас слепые нападения вызовут рост страдания народа, углубление инферно. В этом случае вы сами должны быть уничтожены.

— Так вы считаете нас ненужными? — последовал грозный вопрос.

— Более того — вредными, если вы не искорените главные источники зла, то есть, как в древности говорили охотники, не станете бить по убойным местам олигархии. Но это только один шаг вперед. Он бесполезен без второго и третьего. Недаром святилище это называется именем Трех Шагов.

Родис остановилась, внимательно смотря на предводителя «Серых Ангелов».

— Продолжайте, — тихо сказал он, — ведь мы пришли выслушать ваши советы. Поверьте, у нас нет иной цели, как облегчить участь народа, сделав счастливее родную планету.

— Я верю вам и в вас, — сказала Родис. — Но согласитесь: если на планете царствует беззаконие и вы хотите установить закон, то вы должны быть не менее могучи, пусть с незаметной, теневой стороны жизни, чем олицетворяющее беззаконие олигархическое государство. Неустойчивость плохо устроенного общества, по существу, состоит в том, что оно всегда на краю глубокой пропасти инферно и при малейшем потрясении валится вниз, к векам Голода и Убийства. Полная аналогия с подъемом на крутую гору, только здесь вместо силы тяжести действуют первобытные инстинкты людей. Так и вы, если не обеспечите людям большего достоинства, знания и здоровья, то переведете их из одного вида инферно в другой, скорее худший, так как любое изменение структуры потребует дополнительных сил. А откуда взять эти силы, как не от народа, уменьшая его и без того скудный достаток, увеличивая тяготы и горе!

— Но мы тонем в бедности! Значит, нам никогда не сдвинуться с места, не достичь объединения, чтобы противостоять активной разлагающей мощи подкупа, демагогии и веры в фетиши.

— А вы помните, что мощь эта — на самом низком уровне, на дне общественной постройки. Подняться над этим уровнем — значит одолеть ее и помогать другим.

— Бедность бывает разная, и материальная бедность планеты Ян-Ях еще не гибельна. Потому что она найдет выход в духовном богатстве. Но для этого нужна основа — библиотеки, музеи, картинные галереи, скульптуры, прекрасные здания, хорошая музыка, танцы, песни. И пресловутое неравенство распределения материальных вещей — не последняя беда, если только правители не стараются сохранить свое положение через духовную нищету народа. Великие реформаторы общества Земли прежде всего учили беречь психическое богатство человека. Сберечь его можно лишь в действии, в активной борьбе со злом и в помощи собратьям, иными словами — в неустанном труде. Борьба же вовсе не обязательно требует уничтожения. В борьбе следует применять свои особые средства, но лишь допустимые для пути Добра, без лжи, мучения, убийства и озлобления. Иначе победа будет для народа означать лишь смену угнетателей.

— Какой пример вы сможете назвать?

— На низком уровне — химические средства страха, слез и невыносимого запаха. Для уничтожения записей и доносов — зажигательные устройства. При прямом столкновении — парализаторные средства, пугающие инфразвуки, гипнотические очки и тому подобное оружие индивидуальной защиты от личного преследования. На высшем уровне — высокоразвитая психическая сила, распознавание мерзавцев, внушение, чтение эмоций.

Есть величайший фактор отражения, отбрасывания в психологическом плане, и он доступен каждому человеку, разумеется при соответствующей тренировке. То, что считается у вас магнетическими, колдовскими силами, давно применяется нами даже в детских играх «исчезновения» и «ухода в зазеркалье». Для того чтобы высшие силы человека ввести в действие, нужна длительная подготовка, точно такая же, какую проходят художники, готовясь к творчеству, к высшему полету своей души, когда приходит, как будто извне, великое интуитивное понимание. И здесь тоже три шага: отрешение, сосредоточение и явление познания.

— А как вы думаете, владычица землян, на Ян-Ях народ намеренно удерживают на низком духовном уровне? — спросил предводитель.

— Мне кажется — да!

— Тогда мы начинаем действовать! Как бы ни охраняли себя владыки и «змееносцы», они не спасутся. Мы отравим воду, которую они пьют из особых водопроводов, распылим в воздухе их жилищ бактерии и радиоактивный яд, насытим вредоносными, медленно действующими веществами их пищу. Тысячи лет они набирали свою охрану из самых темных людей. Теперь это невозможно, и «джи» проникают в их крепости.

— Ну и что? Если народ не поймет ваших целей, вы сами станете олигархами. Но ведь вам не это нужно?

— Ни в коем случае!

— Тогда подготовьте понятную всем программу действий, а главное — создайте справедливые законы. Законы не для охраны власти, собственности или привилегий, а для соблюдения чести, достоинства и для умножения духовного богатства каждого человека. С законов начинайте создание Трех Шагов к настоящему обществу: закона, истинно общественного мнения, веры людей в себя. Сделайте эти три шага — и вы создадите лестницу из инферно.

— Но это же не террор!

— Конечно. Это революция. Но в ней «Серые Ангелы», если они подготовлены, могут держать в страхе вершителей беззакония. Но без общего дела, без союза «джи» и «кжи» вы превратитесь в кучку олигархов. И только! С течением времени вы неизбежно отойдете от прежних принципов, ибо общество высшего, коммунистического порядка может существовать только как слитный поток, непрерывно изменяющийся, устремляясь вперед, вдаль, ввысь, а не как отдельные части с окаменелыми привилегированными прослойками.

Предводитель «Серых Ангелов» поднял ладони к вискам и поклонился Родис:

— Здесь надо еще много думать, но я вижу свет.

Завернувшись в плащи, «Серые Ангелы» удалились в сопровождении Таэля. Родис откинулась в кресле, положив ногу на ногу. Перед нею устроился скульптор Ритин; полностью уйдя в свои наброски, он потихоньку напевал что-то очень знакомое. Фай Родис вспомнила: это была древняя мелодия Земли, вспомнила и слова к ней: «Мне грустно потому, что я тебя люблю». Поразительно, как музыка, вставшая из глубины веков, соединила обе планеты, пробилась в чувствах землян и тормансиан одинаковой струйкой прекрасного. И в самой Фай Родис сквозь бремя долга и тревогу за будущее этого народа пробилась уверенность в успехе земной экспедиции.

Глава двенадцатая
ХРУСТАЛЬНОЕ ОКНО

Перед выходом на улицу Вир Норин осмотрел себя в зеркале. Он старался не выделяться среди жителей столицы и подражал им даже в походке. Люди отличного сложения и могучей мускулатуры на Тормансе были в общем не так уж редки: про-

фессиональные спортсмены — борцы, игроки в мяч, цирковые силачи. Но, пожалуй, наблюдательный глаз отличил бы Вир Норина и от них по молниеносной реакции, с которой он продвигался в толпе.

Вир Норин направлялся в медико-биологический институт. Ученые Ян-Ях соединили эти две ветви естественных наук.

На улице все подчинялось спешке бесконечного потока прохожих, подгоняемых постоянным опасением опоздать из-за неумения распоряжаться своим временем, из-за плохой работы транспорта и мест распределения, вернее, продажи товаров. Беспокойно торопились мужчины; женщины, тонкие, как стебельки, шли неровной походкой, испорченной неудобной обувью, таща непосильные для них сумки с продуктами. Это были «джи». «Кжи» шли гораздо быстрее. Тени усталости уже бороздили их лица, под глазами набухали оплывины, морщинки горечи окружали сухие, потрескавшиеся губы. Женщины все, как правило, сутулили плечи, скрывая груди, стыдясь их. Ходившие слишком гордо и прямо принадлежали к тем, кто продавал себя за деньги или обеспеченную жизнь, а обычная женщина, шедшая смело, с красивой осанкой, в любую минуту могла подвергнуться оскорблениям.

Поразительным образом эта сексуальная дикость уживалась с существованием роскошно обставленных Домов Еды, где в позднее время и за дорогую плату танцевали, пели и даже подавали кушанья обнаженные до пояса, а то и совсем нагие девушки. Очень неровные, неустойчивые общественные и личные отношения, в которых чувство человеческого достоинства и заботы сменялись злобой и грязной руганью, необъяснимая смесь хороших и плохих людей — все это напоминало Вир Норину неотрегулированный прибор, когда за стеклом испытуемого индикатора пики и спады сменяются в причудливом танце.

Вир Норин всегда радовался, если среди множества встречных прохожих, одинаково удрученных усталостью или заботой, ему попадались чистые, мечтательные глаза, нежные или тоскующие. Так можно было без всякого ДПА отличить хороших людей от опустошенных и сникших душ. Он сказал об этом Таэлю. Инженер возразил, что столь поверхностное наблюдение годится лишь для первичного отбора. Неизвестной остается психологическая стойкость, глубина и серьезность стремлений, опыт прошлой жизни. Астронавигатор согласился, но продолжал жадно искать эти признаки настоящей жизни в тысячах встречавшихся прохожих.

Институт, пригласивший Вир Норина, занимал новое здание простой и четкой архитектурной формы. Все говорило о

том, что в нем должны были хорошо сочетаться удобства работы и обслуживания. Громадные окна давали массу света. («Слишком много, — подумал Вир Норин, — при отсутствии затемняющих устройств и светофильтров».) Но тонкие стены не спасали от уличного шума, потолки были низкие, а вентиляция плохой. Впрочем, повсюду духота и теснота были неизменными спутниками жизни города Средоточия Мудрости. Старинные здания, построенные до начала жилищного кризиса, по крайней мере обладали массивными стенами и высокими этажами, поэтому в них было и тише и прохладнее.

Лиловый страж в вестибюле подобострастно вскочил, увидев карточку Совета Четырех. Первый заместитель директора спустился с верхнего этажа и любезно повел земного гостя по институту.

На третьем — биофизическом — этаже вычислительные машины рассчитывали приборы, по действию аналогичные ретикулярным компараторам Земли. Астронавигатора привели в освещенный неяркими розоватыми лампами проход, левую стену которого составляло окно из цельного хрустально-прозрачного стекла длиной в несколько метров, отделявшее коридор от помещения лаборатории. Громадный зал, полностью лишенный естественного света, низкий, подпертый четырьмя квадратными колоннами, был бы похож на выработанный горизонт подземного рудника, если бы не полосы голубоватых светящихся трубок в потолке и серебристо-серая отделка гладких стен. Унылое однообразие: ряды одинаковых столов и пультов, мужчины и женщины в желтых халатах и шапочках согнулись над столами в позах крайнего сосредоточения. Вир Норин успел заметить, что люди приняли эти позы, едва в проходе появился заместитель директора. Тормансианин довольно хихикнул.

— Удобно придумано! Прохаживаясь здесь, мы, администраторы, следим за каждым работающим. Много бездельников, надо подгонять!

— Других способов нет? — спросил Вир Норин.

— Это наилучший и самый гуманный.

— И так устроено в каждой лаборатории?

— В каждой, если институт помещается в новом здании. Старые оборудованы гораздо хуже, и нам, начальникам, приходится труднее. Ученые болтают во время работы о всякой чепухе, не дорожат временем, которое принадлежит государству. Нужно почаще их проверять.

Видимо, наука Ян-Ях, как все другие виды деятельности, носила принудительный характер. Разбитое на мелкие осколки

знание интересовало людей не более, чем всякая другая работа, в которой не видишь смысла и цели. Имели значение только ученая степень и должность, дающие привилегии. Обрывки научных сведений, добытых в рядовых институтах, обрабатывались и использовались учеными высшего класса, работавшими в лучше оборудованных и недоступных, точно крепости, институтах, охраняемых «лиловыми». Все сколько-нибудь талантливые ученые были собраны в столице и двух-трех крупных городах по обоим берегам Экваториального океана. В такое учреждение высшего класса и пришел Норин в поисках подлинных интеллигентов, искателей знания во имя счастья человечества Ян-Ях, таких как инженер Таэль и его друзья.

Астронавигатор и заместитель директора обошли здание. Все лаборатории были построены однотипно, различаясь лишь аппаратурой и числом работавших.

— Вернемся в секцию вычислительных машин, — предложил Вир Норин, — меня заинтересовал рассчитываемый аппарат. Если позволите, я расспрошу биофизиков.

— Они мало что смогут вам сказать. Сейчас они заняты характеристикой потоков входа и выхода. Казалось бы, простая вещь, но уловить количественные соотношения пока не удается.

— А вы знаете назначение прибора?

— Разумеется. Не имею данных о вашей компетенции, но попробую объяснить, — важно заметил заместитель директора. — Сетчатая, или ретикулярная, структура головного мозга переводит в сознание устойчивые ассоциации...

— Простите, это на Земле давно известно. Меня интересует лишь назначение аппарата. У нас нечто похожее служит для выбора наиболее эффективного сочетания людей в рабочих группах узкого назначения.

— Больно уж сложно! Нам нужен прибор для распознания и последующего вылущивания возвратных ассоциаций, неизбежно повторяющихся у всех без исключения людей. У многих они настолько сильны, что создают устойчивое сопротивление внедрению мудрости и воспитанию любви к Великому. — Заместитель директора автоматически согнулся в почтительном поклоне.

— Все понятно, — ледяным тоном сказал Вир Норин, — благодарю. Мне в самом деле незачем идти в лабораторию.

— Наши ученые хотят увидеться с вами, — поспешно сказал заместитель директора, — но сейчас они рассеяны по рабочим местам. Придется подождать, пока все соберутся. Может быть, вы придете к нам в «мастерскую»? Так называются вечерние наши собрания, где мы развлекаемся, проводим дискуссии или устраиваем просмотры каких-нибудь зрелищ.

— Что ж, — улыбнулся астронавигатор, — видимо, это я буду и развлечением, и зрелищем, и дискуссией.

— Что вы, что вы! — смутился заместитель директора. — Наши люди хотят побеседовать с земным коллегой, расспросить вас и ответить на ваши вопросы.

— Хорошо, — согласился Вир Норин и не стал задерживать его расспросами, понимая, что администратору необходимо провести соответствующую подготовку, — я приду вечером.

Он направился на главный почтамт. Там, как с гордостью рассказывали жители столицы, действовали современные машины. Они выдавали письма, по шестизначным символам мгновенно сортируя прибывшую корреспонденцию для тех, кто не хотел воспользоваться видеосвязью, опасаясь разглашения их личных тайн. Люди не знали, что при малейшем подозрении письма перебрасывались в соседнюю машину, просвечивающую и заснимавшую содержание на пленку. При вызове кода получатель автоматически фотографировался на ту же пленку...

Другие машины давали всевозможные справки, вплоть до определения способностей, и советы в выборе нужного в столице вида работы.

Старинное, хорошо построенное здание почтамта состояло из гигантского зала, окруженного пультами автоматических машин. Слегка светящиеся иероглифы над каждым пультом подробно объясняли, какие манипуляции следовало проделать, чтобы получить корреспонденцию, совет или справку. Очевидно, в тормансианских школах не обучали обращению с машинами общественного пользования. По залу прохаживались одетые в коричневую форму инструкторы, готовые прийти на помощь посетителям почтамта. Они разгуливали с надменно-недоступным видом, подражая двум «лиловым», разместившимся в разных концах зала. Вир Норин не заметил, чтобы посетители обращались к этим высокомерным и недобрым советчикам. Чеди была права, говоря, что они производят на нее отталкивающее впечатление — от них веет злобой и душевной пустотой.

Это «нелюди» из древних русских сказок, внешне в человеческом образе, но с душой, полностью разрушенной специальной подготовкой. Они сделают все, что прикажут, не думая и не ощущая ничего.

Вир Норин подошел к машине для определения способностей, стараясь проникнуться чувствами тормансианина, приехавшего в столицу издалека (чем дальше от центра, тем хуже обстояло дело с образованием и уровнем быта), чтобы найти здесь обновление своей жизни. Он проделал перечисленные в таблице манипуляции. В окошечке наверху вспыхнул оранже-

вый свет, и бесстрастный голос рявкнул на весь зал: «Умственные способности низкие, психическое развитие ниже среднестоличного, туп и глуп, но мышечная реакция превосходная. Советую искать работу водителя местного транспорта».

Вир Норин с недоумением посмотрел на автомат: индикаторы высокого пульта погасли, исчез и свет в верхнем окошечке. Позади засмеялись, астронавигатор оглянулся. Несколько человек подходили к автомату. Увидев замешательство Вир Норина, они поняли его по-своему.

— Чего стал, будто потерянный? Водительская работа для тебя, что ли, не хороша, вон какая здоровенная дубина! Проходи, не задерживай! — закричали они, слегка подталкивая астронавигатора. Вир Норин хотел было сказать им, что подобная характеристика не соответствует его представлению о себе, но понял, что объясняться бесполезно, и отошел в почти безлюдную часть зала, где продавались книги и газеты.

Впрочем, он быстро понял кажущуюся нелепость выводов автомата. Машина запрограммирована соответственно нормам Торманса, она не в состоянии понять показатели, ушедшие за пределы высшего уровня, и неизбежно посчитала их за пределами низшего уровня. То же самое случилось бы и с тормансианином выдающихся способностей — закономерность капиталистического общества, ведущая к Стреле Аримана. В здешней литературе пишут гораздо больше о плохом, чем о хорошем. Слово о злом и темном несет больше информации, чем о хорошем и светлом, потому что повседневный опыт количественно набирает больше плохого. По той же причине легче верят плохому и злому: зло убедительнее, зримее, больше действует на воображение. Фильмы, книги и стихи Торманса несравненно больше говорят о жестокостях, убийствах, насилиях, чем о добре и красоте, которые к тому же труднее описывать из-за бедности слов, касающихся любви и прекрасного.

Столкновения и насилия стали основой, содержанием всякого произведения здешнего искусства. Без этого жители Торманса не проявляют интереса к книге, фильму или картине. Правда, есть одно непременное условие. Все ужасное, кровь и страдания, должно или относиться к прошлому, или изображать столкновения с вторгнувшимися из космоса врагами. Настоящее было принято изображать спокойным и невероятно счастливым царством под мудрой властью владык. Только так, и не иначе! Для тормансианина искусство, относящееся к сегодняшнему дню, лишено всякого интереса. «Глухая скука от этого искусства расползается по всей планете», — как-то метко сказала Чеди.

Причина всех этих явлений одна: плохого в этом мире всегда было больше, чем хорошего. Количество трудностей, несчастий, скуки и горя, по приблизительным подсчетам Академии Горя и Радости для ЭРМ, превосходило счастье, любовь и радость в пятнадцать-восемнадцать раз по косому срезу среднего уровня духовных потребностей. Вероятно, на Тормансе сейчас то же самое. Опыт поколений, накапливающийся в подсознании, становится преимущественно негативным. В этом и заключается сила зла, мощь Сатаны, как говорили в древности религиозные люди. Чем древнее был народ, тем больше в нем накапливалось, подобно энтропии, этого негативного опыта. Тормансиане — потомки и братья землян — прожили лишних два тысячелетия в неустройстве, под ударами Стрелы Аримана, и в отрицании добра они куда древнее земного человечества...

Огорченно вздохнув, Вир Норин огляделся и встретился взглядом с девушкой, облокотившейся на выступ стены недалеко от книжного киоска: громадные глаза, по-детски тонкая шея и очень маленькие руки, нервно перебиравшие листки желтой бумаги, очевидно письма. Норину передалось ее чувство тревожной тоски. Редкие крупные слезы одна за другой катились из-под длинных ресниц девушки. Острое, дотоле не испытанное сострадание резануло астронавигатора. Не решаясь сразу вот так заговорить с незнакомкой, он раздумывал, как бы помочь ее горю. Более смуглая, чем у столичных жителей, кожа выдавала обитательницу хвостового полушария. Короткое и легкое платье открывало стройные, крепкие ноги. Странный цвет волос — черный с пепельной подцветкой — выделялся среди обычных черных с красноватым отливом голов тормансиан и гармонировал с серыми глазами девушки. Посетители почтамта сновали вокруг. Мужчины иногда окидывали ее наглыми взглядами. Девушка отворачивалась или опускала голову, притворяясь углубленной в письмо.

Чем больше наблюдал Вир Норин за незнакомкой, тем сильнее ощущал в ней душевную глубину, какую он редко встречал в тормансианах, обычно лишенных самовоспитания и психической культуры. Он понял, что она на грани большой беды.

Вир Норин знал, что подойти запросто к понравившемуся человеку и заговорить с ним здесь нельзя. Душевная нежность, столь естественная на Земле, вызывала на Тормансе только настороженность и отталкивание. Люди постарше, из «джи», боялись, что заговоривший с ними человек окажется тайным шпионом государства, провокатором, выискивающим мнимых антиправительственных заговорщиков из тех, что миновали испытание «Встречи со Змеем». Женщины помоложе боялись

мужчин. Размышляя, Вир Норин вновь встретился взглядом с незнакомкой и улыбнулся ей, вложив в эту улыбку всю внезапно родившуюся симпатию и готовность прийти на помощь.

Девушка вздрогнула, на секунду лицо ее отвердело, и в глазах встала непроницаемая завеса. Но сила доброты, которой светились глаза землянина, победила. Она печально и слабо улыбнулась в ответ, напомнив Вир Норину персонаж исторических фресок в музее Последней Эллады на острове Хиос. Тормансианка смотрела теперь на него внимательно и удивленно.

Вир Норин подошел к ней так быстро, что девушка отступила в испуге и вытянула руку, как бы намереваясь оттолкнуть его.

— Кто ты? Совсем другой. — Тормансианка опять посмотрела на астронавигатора и повторила: — Совсем другой.

— Немудрено, — улыбнулся Вир Норин, — я приехал издалека. Очень! Но я здесь в безопасности, а что угрожает вам? Какая невзгода приключилась с вами? — И он показал на листок письма.

— Как ты смешно говоришь, я ведь не из высоких людей столицы, — улыбнулась девушка и, борясь с подступавшими слезами, добавила: — У меня все рухнуло. Я должна возвращаться назад, а для этого... — Она умолкла и отвернулась, подняв голову к литому чугунному фризу и делая вид, что рассматривает сложную вязь иероглифов и змей.

Вир Норин взял маленькую обветренную руку. Тормансианка посмотрела на собственную ладонь, как бы удивляясь, почему она очутилась в такой большой руке.

Очень скоро Вир Норин знал все. Сю Ан-Те, или Сю-Те, приехала из хвостового полушария, из неизвестного астронавигатору города, где по каким-то важным причинам (он не стал расспрашивать) ей нельзя было больше оставаться, приехала в столицу к брату, работавшему на литейном заводе. Брат — единственный, кто был у Сю-Те на свете, он мечтал устроить ее в столице, выучить пению и танцам. При успехе она могла бы сделаться «джи». Это было всегдашней мечтой брата, беззаветно любившего сестру, — явление не частое в семьях тормансиан. Почему-то брату больше всего на свете хотелось, чтобы Сю-Те жила долго, хотя он сам оказался неспособен получить необходимое образование, для того чтобы стать «джи».

Пока Сю-Те добиралась до столицы, брат получил серьезную травму на производстве, и его раньше срока послали во Дворец Нежной Смерти. Жалкое имущество и, главное, сбережения, которые он откладывал, ожидая приезда Сю-Те, растащили соседи. Перед смертью он послал Сю-Те прощальное

письмо, зная, что по приезде она пойдет на почтамт получить инструкцию, как его найти в столице. И вот... Сю-Те протянула желтые листочки.

— Как вы теперь намереваетесь поступить? — спросил Вир Норин.

— Не знаю. Первой мыслью было пойти во Дворец Нежной Смерти, но там найдут, что я слишком молода и здорова, и отправят куда-нибудь, где будет хуже, чем там, откуда я приехала. Особенно потому... — Она замялась.

— Что вы красивы?

— Скажите лучше: вызываю желание.

— Неужели трудно найти доброго человека в таком большом городе и попросить у него помощи?

Сю-Те посмотрела на землянина с оттенком сожаления.

— Действительно, ты издалека, может быть, из лесов, какие, говорят, еще растут в хребтах Красных Гор и Поперечного кряжа.

Видя недоумение Вир Норина, Сю-Те пояснила:

— Мужчины охотно бы дали мне денег, которые пришлось бы тут же отработать.

— Отработать?

— Ну да! Неужели ты не понимаешь! — нетерпеливо воскликнула девушка.

— Да, да... А женщины?

— Женщины только оскорбили бы меня и посоветовали бы идти работать. Наши женщины не любят молодых, более привлекательных для мужчин, чем они сами. Женщина женщине всегда враг, пока не состарится.

— Теперь я понимаю вас. Простите чужеземца за бестолковый вопрос. Но может быть, вы согласитесь принять помощь от меня?

Девушка вся напряглась, раздумывая и изучая лицо Вир Норина, затем слабая усмешка тронула ее детский рот.

— Что ты подразумеваешь, говоря «помощь»?

— Сейчас мы пойдем в гостиницу «Лазурное Облако», где я живу. Там найдем комнату для вас, пока вы не устроитесь. Пообедаем вместе, если вы захотите быть моей спутницей. Затем вы займетесь своими делами, а я — своими.

— Ты, должно быть, могущественный человек, если живешь в верхней части города, в гостинице, и я сама не знаю, почему так смело говорю с тобой. Может, ты принял меня за другую? Ведь я — обыкновенная глупая «кжи» из далекой местности! И я ничего не умею...

— А петь и танцевать?

— Немного. Еще рисовать, но кто этого не умеет?

— Три четверти города Средоточия Мудрости!

— Странно. У нас в захолустье поют старые песни и много танцуют.

— И все-таки я не принимаю вас за другую. Я не знаю ни одной женщины в столице.

— Как это может быть? Ты такой... такой...

Вместо ответа Вир Норин подхватил девушку под руку, как это принято у жителей столицы, и стремительно повел ее в гостиницу. Сю-Те была быстра, ловка и сразу освоилась с походкой астронавигатора. Они поднялись на холм, к желтому с белым зданию «Лазурного Облака», и вошли в низкий вестибюль, затемненный так сильно, что даже днем его освещали зеленые лампы.

— Сю-Те нужна комната, — обратился Вир Норин к дежурному.

— Ей? — бесцеремонно ткнул пальцем в сторону девушки молодой тормансианин. — Документы!

Сю-Те покорно и взволнованно пошарила в небольшой сумочке у пояса и достала красную бумажку.

Дежурный даже присвистнул и не захотел ее взять.

— Ого, а где карточка приема в столицу?

Девушка, смущаясь, начала объяснять, что карточку должен был приготовить брат, но он...

— Все равно! — грубо перебил дежурный. — Ни одна гостиница в городе Средоточия Мудрости тебя не пустит! И не проси, это бесполезно!

Вир Норин, сдерживая накипевшее возмущение, совершенно неприличное для земного путешественника, пустился убеждать дежурного. Однако даже всесильная карточка гостя Совета Четырех не помогла.

— Я потеряю место, если пущу человека, не имеющего документов. Особенно женщину.

— Почему «особенно женщину»?

— Нельзя поощрять разврат.

Впервые Вир Норин ощутил на себе гнетущую зависимость тормансиан от любого мелкого начальника — обычно скверного человека.

— Но я ведь могу принимать друзей?

— Конечно. У себя — пожалуйста! Однако ночью могут прийти «лиловые» с проверкой, и тогда будут неприятности — для нее, конечно! Где же она?

Вир Норин оглянулся. В разгаре спора он не заметил, как Сю-Те исчезла. Чувство огромной утраты заставило его в мгно-

вение ока выскочить на улицу, ошеломив даже видавшего виды дежурного. Изощренная нервная чувствительность толкнула Вир Норина налево. Через минуту он увидел Сю-Те впереди. Она шла, опустив голову, продолжая сжимать в кулачке свой бесполезный красный «документ».

Ни разу еще Вир Норин не испытывал такого стыда за невыполненное обещание. И еще что-то примешивалось к этому — смутное и чрезвычайно неприятное, может, чувство древнего мужского достоинства, которое было попрано в глазах прелестной женщины, очутившейся к тому же в беде.

— Сю-Те, — позвал он.

Девушка обернулась, мгновенная радость промелькнула в ее лице, чуть подняв уголки скорбно сложенных губ, от одного вида которых стеснилось сердце землянина. Он протянул ей руку.

— Пойдемте!

— Куда? Я и так доставила тебе неприятности. Я вижу, ты здесь такой же чужой, как и я, и не знаешь, что можно и что не позволено. Прощай!

Сю-Те говорила с проникновенной убежденностью. Мудрая печаль светилась в ее больших глазах, невыносимая для земного человека, с рождения воспитанного для борьбы против страдания.

Астронавигатор не желал применять психическую силу, чтобы подчинить девушку своей воле, но ему нечем было убедить ее.

— Мы зайдем ко мне. Ненадолго! Пока я не поговорю с друзьями и не найду комнаты для вас, а заодно и для себя. Прежде мне гостиница была безразлична, а теперь отвратительна.

Сю-Те покорилась. Они снова вошли в вестибюль, где дежурный встретил их циничной усмешкой. Вир Норину захотелось наказать его: через несколько секунд дежурный подполз к Сю-Те, протягивая ей ключ от комнаты Вир Норина. На Тормансе все общественные учреждения и комнаты старательно запирались — слабая попытка бороться с чудовищно распространенным воровством. С умильной физиономией дежурный поцеловал запыленную ногу девушки. Она обомлела и пустилась бежать. Вир Норин поймал ее за руку и повел в отведенные ему двухкомнатные апартаменты, считавшиеся роскошью у столичных гостей.

Он усадил свою усталую и потрясенную до глубины души гостью в мягкое кресло. Заметив, что она нервно облизывает пересохшие губы, дал ей напиться; положив руку на горячий лоб Сю-Те, успокоил ее и лишь после этого вызвал из-под кровати девятиножку. СДФ темно-сливового цвета тихо загудел,

Сю-Те вскочила, переводя взгляд с машины на Вир Норина со смешанным выражением опаски и восторга.

Вир Норин принялся было вызывать Таэля, но нашел лишь дежурного по связи с землянами, из единомышленников инженера. Вир попросил дежурного найти ему пристанище среди «джи».

Окончив разговор, он переключил СДФ на прием, уселся рядом с Сю-Те и стал расспрашивать ее, пока не почувствовал, что она успокоилась и лишь борется с тяжелой усталостью. Ничего не стоило погрузить в крепкий сон девушку, послушно свернувшуюся клубочком в кресле. Сам Вир терпеливо выжидал, пока заговорит СДФ, тоже отдыхая перед прощением «мастерской» медико-биологического института. Прошло более двух часов. Раздался едва слышный вызывной сигнал, и на экране появился встревоженный Таэль, всегда опасавшийся несчастий.

Вир Норин тут же получил адрес. В кварталах, занятых домами «джи», где жил одинокий профессор Ассоциации Архитектуры, к услугам землян нашлось две удобные комнаты. Там обитала в основном техническая интеллигенция, среди которой немалую роль играли единомышленники Таэля, из числа смотревших фильмы «Темного Пламени».

Сю-Те проснулась и осматривалась, натягивая на колени измятое платье.

— Идите умойтесь, — весело предложил астронавигатор, — и мы пойдем обедать, а потом — на квартиру.

Комната найдена, только она будет рядом с моей. Это вам не помешает?

Сю-Те радостно хлопнула в ладоши.

— Вовсе нет! Так скоро? Ох, как я долго спала! Последние две ночи я ехала, стоя в коридоре, у меня кончились деньги...

— Так вы очень голодны! Идемте же!

Они зашли в большой Дворец Питания, хорошее, по меркам Ян-Ях, здание с оправленными в железо стеклянными дверями и отделкой из полированного камня.

Сю-Те, смущаясь своего легкого, дешевого платья — в эти часы женщины обычно носили брюки, — забилась в угол и оттуда с любопытством следила за незнакомой обстановкой и поведением столичных людей. Вир Норин тоже любил это делать в свободные минуты. Им подали обед. Украдкой поглядывая на свою спутницу, он удивлялся, как красиво, без жадности и без нарочитой манерности ела эта, без сомнения, очень голодная девушка. Совсем как жительница Земли. Вир Норин лишь после узнал, что Сю-Те не получила воспитания и ее приятные манеры объяснялись врожденной душевной деликатностью.

Недалеко от них, у полированной колонны из серого искусственного мрамора, сдвинув несколько столиков, расположилась шумная и развязная компания молодых людей. Вир Норин и Сю-Те могли свободно обмениваться впечатлениями, не привлекая ничьего внимания. Между столами танцующей походкой прохаживалась девушка в красно-коричневом платье, на редкость хорошо сложенная для тормансианки. Она ходила прямо и гордо, умное ее лицо с задумчивым и грустным выражением было вызывающе накрашено. Среди посетителей и подавальщиц она производила впечатление редкости, но легкий налет вульгарности прикрывал ее изящную манеру держаться. Ноги девушки в золотых туфлях с высокими каблуками ступали легко и вкрадчиво.

— Смотрите, какие красивые ноги! — воскликнула Сю-Те.

Астронавигатор покосился на маленькие ступни своей спутницы, обутые в сандалии-подошвы с двумя ремешками, сходившимися между большими и вторыми пальцами. Ровные, как у детей, ноги Сю-Те казались босыми и беззащитными. Она спрятала их под стол и повторила:

— Смотрите, как она печальна. Это участь всех красивых девушек. Может быть, ей надо сказать утешение, как и мне?

Астронавигатор промолчал, подумав, что Сю-Те недаром обратила внимание именно на эту девушку. И та и другая выделялись своей серьезностью среди других молодых женщин с их нервной крикливостью и кривляньем, считавшимися модными в столице Торманса.

— Я чувствую, ты совсем необыкновенный человек. Может быть, — в глазах Сю-Те мелькнул испуг, — переодетый «змееносец»?

— Вы когда-нибудь слыхали, чтобы хоть один «змееносец» помогал первым встречным? — улыбнулся Вир Норин.

— Никогда! — обрадовалась девушка. — Но почему ты не говоришь мне «ты», как принято у нас? Почему?

— Объясню потом.

Конец обеда прошел в молчании. Притихшая Сю-Те пошла за Вир Норином в поисках дома с обещанным жильем. Они заблудились в старой части города с тесными, кривыми улочками. Вир Норин остановил прохожего «кжи».

— Поднимайся направо, — сказал тот, — увидишь кварталы серых домов вроде бы из кирпича. Как залают собаки, можно считать, что пришел.

В кварталах домов «джи» Вир Норин и раньше видел немало собак, которых на поводках прогуливали женщины. В других местах города он не заметил никаких домашних животных. Для

землянина не было сомнения, что собаки завезены сюда с родной планеты, их поразительное сходство с земными не могло быть случайным.

— Здесь слишком много собак! — удивилась Сю-Те. — Зачем они?

— Наверное, у долгоживущих есть время, чтобы уделять его животным. Мне всегда собаки казались пленниками тесных домов и комнат, годных разве что для кошек...

— И для человека, — вставила Сю-Те.

— Да, к сожалению. Наиболее восторженными любителями собак иногда бывают одинокие неврастеники или обиженные чем-то люди. Для них привязанность собаки служит опорой, как бы убеждая их, что и они для кого-то высшие существа. Удивительно, насколько многолико это стремление быть высшим существом! Опасность, недооцененная психологами древности!

— Нашими психологами в древности? Ты знаешь историю?

— Немного.

— Как бы мне хотелось знать ее побольше! История была для меня самым интересным предметом в школе...

Хозяин квартиры оказался дома. Высокий, старый «джи» низко поклонился астронавигатору, осторожно пожал руку Сю-Те. В темной узкой передней Вир Норин обратил внимание на массивную входную дверь с несколькими сложными замками.

— Это не против ворья, — пояснил хозяин, — они, если захотят, все равно вломятся.

— Неужели?

— Конечно. Я думаю, немногие отдают себе отчет, насколько мы, «джи», беспомощны перед хулиганами и ворами. Обороняться нам нельзя. Даже если бы имели оружие! Приходится отвечать за причиненное увечье, если бы на тебя даже нападали с ножом. Меня удивляет, как еще мало «кжи» используют предоставленные им государством возможности: врываться в квартиры, избивать, оскорблять.

— Зачем же государству поощрять безобразия?

— Очень просто. Это дает разрядку недовольным жизнью и видимость свободы. Воры не так страшны, они ограничатся кое-какими вещами. Куда опасней «глаза владыки»! Они подбирают ключи, шарят по квартирам в надежде найти запрещенные книги, песни, личные дневники, письма.

— И это все запрещено?

— Вы с неба свалились?! Ах, простите, в самом деле... — Хозяин смешался.

Вир Норин попросил отвести их в комнаты.

Квадратные, задрапированные коврами и занавесями, они показались Сю-Те очень уютными. Выбрав по настоянию хозяина комнату, выступавшую — в виде фонаря — на улицу, она с трудом сдерживала слезы благодарности.

— Я знаю, молодые девушки любят мечтать, наблюдая идущую мимо жизнь, — неожиданно ласково сказал профессор.

— У вас есть дочери? — спросила Сю-Те.

— Была... Умерла во Дворце Нежной Смерти: оказалась «кжи» по способностям и не захотела воспользоваться моим правом.

— Каким? — тихо спросил Вир Норин.

— Правом сохранить одного человека из моей семьи, даже если он «кжи». Для ухода за будущим стариком, еще нужным для государства. И вот не осталось никого...

Вир Норин переменил тему разговора, попросив позволения попозже привести СДФ, чтобы не привлекать внимания.

Хозяин одобрил эту осторожность.

— А вас, Сю-Те, — сказал Вир Норин, — я попрошу не ходить никуда, пока не получите карточки для полноправного житья в столице.

— Не беспокойтесь! Я присмотрю за ней и никуда не выпущу вашу птичку. Верно, она похожа на гитау?

Вир Норин признался, что понятия не имеет об этом существе.

— Маленькая, с черно-пепельными головкой и хвостом, грудка у нее вишневая, спина и крылья ярко-синие, лазурные. Неужели не видели?

— Нет!

— Простите старика! Я все забываю, что вы не наш.

Вир Норин заметил, как вздрогнула Сю-Те.

До института Вир Норин добрался уже после наступления темноты. «Мастерская» еще только собралась. Как всегда, приход землянина вызвал нескрываемое любопытство, в среде ученых оно было особенно острым.

Вир Норин помнил предупреждения Таэля. На каждом собрании, помимо тайных агентов Совета Четырех, могли быть установлены приборы для записи речи и подслушивания разговоров. Бедность ресурсов не позволяла проделывать это на каждом собрании, но там, где присутствовал земной гость, звукозапись производилась наверняка. И он решил не вызывать разговоров, опасных для собеседников.

К удивлению астронавигатора, присутствующие вели себя непринужденно и высказывались довольно резко. Наслушавшись о произволе олигархов, Вир Норин даже встревожился.

За такие речи ученых должны были немедленно упрятать в тюрьму. Лишь позднее до него дошла психологическая тонкость политики Чойо Чагаса: пусть выговариваются — они все равно не могут не думать о положении общества, — пусть разражаются пустыми речами, зато не будут создавать конспиративных организаций, борьба с которыми привела бы к нежелательным изъятиям из среды ценных для государства интеллигентов.

Первым выступил молодой, аскетического вида ученый с гневным огнем в глазах и выступающим подбородком. Он говорил о бесполезности дальнейшего развития науки: чем шире становится ее фронт и глубже проникновение в тайны природы, тем больших усилий и материальных затрат требуется для каждого шага. Быстрые продвижения одиночек невозможны. Познание оказалось слишком многосторонним, все более сложные эксперименты замедляют ход исследований и, кроме того, громоздят горы неиспользуемой информации. При малой затрате средств на науку нет никакой надежды, что она сможет разрешить стоящие перед ней задачи, проникнуть в глубокие противоречия биологических механизмов и социального развития. Выходит, они, ученые, получают от государства привилегии за то, чего сделать не могут, то есть являются паразитами, живущими на ренту приобретенных званий. Раздробленное знание углубляется в вопросы, практически уже ненужные, потому что резервы планеты исчерпаны. Ученый закончил призывом отказаться от жреческой амбиции и обратить свои взоры к небу, откуда появляются звездолеты могучих цивилизаций, сумевших не разграбить доставшуюся им природу, и прежде всего — землян, братски похожих на людей Ян-Ях.

Сидевший около Вир Норина заместитель директора покачал головой и шепнул:

— Опасная речь, очень опасная.

— Ему что-нибудь угрожает?

— Серьезные последствия.

— Он будет наказан государством?

— Не думаю. Но коллеги не простят ему такого саморазоблачения.

Перед столом, где заседал совет «мастерской», встал другой ученый, бледный и хмурый, чеканивший слова с ядовитой насмешкой:

— Нельзя призывать на помощь другие цивилизации космоса. Они явятся завоевателями, и мы сделаемся их рабами. Это предвидел великий Ино-Кау в Век Мудрого Отказа, то есть в момент первого контакта с инопланетными культурами.

Пусть простит земной гость, но таков взгляд реалиста, а не романтического мечтателя!

— Я не удивляюсь! — подал реплику Вир Норин. — На Земле, еще в Эру Разобщенного Мира, знаменитый китайский ученый Янг требовал, чтобы мы не отвечали на вызовы, если они придут с других планет. В это же самое время немецкий астроном Хернер заявил, что в установлении связи с другими мирами он видит последнюю возможность избежать всепланетного самоубийства. Он подразумевал войну с использованием страшнейшего оружия, изобретенного к тому времени наукой.

Заместитель директора института, взяв слово, перечислил благодеяния, внесенные в биологическую медицину учеными института: лекарства, особенно галлюциногенные наркотики, и методы перестройки психики.

— Вот реальное опровержение инсинуаций первого оратора, будто наука не результативна в социальных делах. Она имеет прямое отношение к благам для человечества.

— Простите чужеземца, — вмешался Вир Норин, — каким образом?

— Информация, как бы обширна она ни была, сама по себе не порождает мудрости и не помогает человеку одолеть свои затруднения. Безмерная людская глу ость не дает возможности понять истинную природу несчастий. С помощью наших аппаратов и химикалий мы вбиваем в тупые головы основные решения социальных проблем. По заданию великого и мудрого Чойо Чагаса мы создали гипнотического змея, раскрывающего замыслы врагов государства. Наш институт изготовил машины для насыщения воздуха могущественными успокоителями и галлюциногенами, ничтожное количество которых способно изменить ход мыслей самого отчаявшегося человека и примирить его с невзгодами и даже смертью...

— Да, но наука не сумела даже выяснить смысл существования человека, — вдруг перебил заместителя директора новый оратор, человек с редкой и узкой бородкой, похожий на древних монголов. — Люди не больше понимают цель жизни, чем ужасные животные суши и океана, исчезнувшие с лица планеты Ян-Ях, поэтому я не склонен торжествовать, как наш высокоуважаемый начальник. В глазах невежественных людей, будь то «кжи» или высшие слои общества, наука всегда права, разбивая издревле установившиеся представления. Они думают, что наука сама по себе наиболее благородный инструмент человека, извращенная только скверной его натурой, что она — самая эффективная сила жизни. Короче говоря, в их представлении мы должны всегда идти только научным путем —

магическим, превращающим ученого в волшебника и оракула! Какая ирония! Нужно ли говорить, какой горький урок получили благодаря этому предрассудку народ и вся в целом планета Ян-Ях!

Разрыв между народом Ян-Ях и наукой был настолько велик, что породил полную некомпетентность большинства людей, относящихся к ученым с суеверным опасением. А мы платим им отсутствием малейшей заботы о судьбе народа.

Заместитель директора подал знак председательствующему, и тот прервал оратора:

— Второй раз в этот вечер выступления принимают недопустимую форму клеветы на науку и ее честных тружеников. Давайте лучше послушаем нашего гостя, его мнение о науке, оценку сегодняшних высказываний, хотя они не пошли по нужному направлению.

Вир Норин встал, извинился, если неточно понял говоривших, и сказал, что попытается изложить мнение землян о науке в самых общих чертах.

— Наука не знает и не может знать всей необъятности мира. И вера в то, что она уже нашла решение всех проблем, приведет к катастрофе. Так могут думать лишь ослепленные догматизмом или некритическим энтузиазмом люди. Ни одно из открытий, ни один из величайших законов не окончательны. Думают о полноте и законченности науки обычно догматические умы в математике, но ведь это одно и то же, как если бы историк решил, что история завершена. Чем больше развивается наше знание, тем больше загадок природы встает перед нами. Беспредельно богатство самых привычных явлений, неисчерпаемое в своем разнообразии, в извилистых путях исторического развития. Мы на Земле представляем науку как необъятную работу, устремляющуюся вдаль на миллиарды парсеков и в будущие поколения на тысячи веков. Так сложна и загадочна вселенная, что с прошедшими тысячелетиями развития науки мы утратили заносчивость древних ученых и приучились к скромности. Одно из основных положений, которому мы учим наших детей, гласит: «Мы знаем лишь ничтожную часть из того, что нам следует знать...»

Легкий шум удивления прошел по комнате, но ученые умели слушать, и Вир Норин продолжал:

— Природа, в которой мы живем и частью которой являемся, формировалась сотни миллионов лет, через историческую смену уравновешенных систем. В ее настоящем виде эта сложность настолько велика и глубока, что мы не можем играть с природой, пользуясь весьма ограниченными научными данны-

ми. Выигрыш будет очень редок, случаен, а проигрышей — без числа. Очень давно на Земле люди, поддаваясь желанию брать что-то без труда и усилий, за ничто, играли на ценности. Одной из распространенных игр была рулетка: легко вращавшееся колесо с перегородками, окруженное неподвижным лимбом. На колесо бросали шарик, и остановка колеса или шарика — об этом не сохранилось сведений — около определенных цифр на лимбе приносила выигрыши. Иначе деньги забирал владелец машины. В те времена люди не имели никакого понятия о законах этой игральной машины и, хотя подозревали всю случайность совпадений, продолжали играть, проигрывая все имущество, если своевременно не уходили из игорного дома.

Так и нам нельзя играть с природой, которая миллиарды лет играет сама наугад, ибо это — ее метод, подмеченный еще семь тысячелетий тому назад в Древней Индии и названный Раша-Лила — «божественная игра». Наша задача — найти выход из игорного дома природы. Лишь соединение всех сторон человеческого познания помогло нам подняться выше этой игры, то есть выше богов Индии. Мы могли и не успеть, ибо в сгущавшемся инферно нашей планеты Стрела Аримана могла бы причинить непоправимый ущерб. Я употребил термин, возможно, непонятный вам, — сгущение инферно. Чтобы не вдаваться в объяснения, определим его так: когда человек неумело проявляет мнимую власть над природой, он разрушает внутреннюю гармонию, добытую ценой квадрильонов жертв на алтаре жизни. «Когда мы поймем, что васильки и пшеница составляют единство, тогда мы возьмем наследие природы в добрые, понимающие ладони», — сказал один ученый. Таково, в самых общих словах, отношение к науке на Земле.

Что я могу сказать о вашей науке? Три тысячелетия назад мудрец Эрф Ром писал, что наука будущего должна стать не верой, а моралью общества, иначе она не заменит полностью религии и останется пустота. Жажда знаний должна заменить жажду поклонения. Мне кажется, что у вас эти соотношения как бы вывернуты наизнанку и даже кардинальный вопрос о вечной юности вы сумели решить ранней смертью. Какой я видел науку в институтах и на сегодняшней дискуссии? Мне кажется, главным ее недостатком является небрежение к человеку, абсолютно недопустимое у нас на Земле. Гуманизм и бесчеловечность в науке идут рядом. Тонкая грань разделяет их, и нужно быть очень чистым и честным человеком, чтобы не сорваться. Мало того, по мере развития гуманизм превращается в бесчеловечность, и наоборот, — такова диалектика всякого процесса. Спасение жизни любыми мерами превращается в

жестокое издевательство, а ДНС тогда становится благодеянием, однако в ином обороте, кто будет спорить о бесчеловечности ДНС? Вы ставите опыты над животными и заключенными, но почему не идете вы через психику, которая безмерно богаче и шире любого химического средства? Почему не охраняете психическую атмосферу от злобы, лжи в угоду чему бы то ни было, от путаных мыслей и пустых слов? Даже самые важные научные теории в духовно-моральном отношении находятся на уровне мышления каменного века, если не будут переведены в сознательную мудрость человеческой морали, подобно тому как многие открытия были пророчески предвидены в индийской и китайской древней философии.

Существование психической атмосферы стало известно еще в ЭРМ, когда один из величайших ученых Земли, Вернадский, назвал ее ноосферой. За тысячи лет до Вернадского к понятию ноосферы приблизились древние индийцы. Они дали даже более полное определение — небесная хроника Акаши. Она включала как бы историческую запись событий на планете, отражала чувства и достижения искусств. Вернадский считал ноосферу наполненной только нужными идеями и фактами, то есть информацией одной лишь науки.

Однако Вернадскому принадлежит еще одна великая идея, игнорирование которой чуть не погубило нашу общую родину — Землю — и привело к катастрофе у вас, на Ян-Ях.

Исходя из дисимметрии объема (пространства), занимаемого живым организмом, его правизны-левизны, неравенства явлений при вращении «по солнцу» и против него, Вернадский определил дисимметрическую причину этих явлений (принцип Кюри) и особую геометрию пространства жизни. Иным способом правизна-левизна создана быть не может. Отсюда получается необратимость явлений жизни, ибо пространство живого организма может обладать только полярными векторами (вектором времени или вектором смерти). Говоря иначе, живое строится исключительно по принципам диалектического развития.

Известно «число Лошмида» (величина атомных комплексов и предельная скорость волнообразного движения в газовой или водной атмосфере дыхания). Это число обусловлено размерами планеты и свойствами ее мертвого вещества. Поэтому существует предельное количество массы жизни, живой материи, могущей существовать на данной планете. Количество это — величина постоянная, мало колеблющаяся в геологическом времени. Нарушение этой постоянной ведет к массовому вымиранию. Но вернемся к ноосфере. О ней надо заботиться больше, чем об атмосфере, а у вас в небрежении и та и другая.

Ваши больницы устроены без понимания психологического воздействия среды; удивляюсь, как выздоравливают в них.

— Еще как выздоравливают! — заверил заместитель директора.

— Понимаю. Люди Ян-Ях не подобны туго натянутым струнам, как мы, земляне, и легче переносят инфернальные условия. У них нет другого выхода. Мы бы очень скоро расплатились здесь за нашу быстроту реакций, напряженность чувств и нагрузку памяти.

Благодеяния, о которых здесь говорилось, на мой взгляд, убийственны и не оправданы никакой государственной надобностью. Успокаивающие средства, примиряющие людей с недостатками жизни, подобны косе, срезающей под корень все: цветы и сорняки, хорошее и плохое. Видимо, ваша биологическая наука направлена на подавление внутренней свободы в целях поверхностной стандартизации индивидов, то есть создания толпы. Все перечисленные вами исследования ориентированы именно так. Как же можно отобрать прекрасное и сплести из него гирлянды человеческих судеб, помогать людям находить и ценить все светлое в жизни, если вы глушите эмоции, уничтожаете душу?

После страшных потрясений и дегуманизации ЭРМ мы стали понимать, что действительно можно уничтожить душу, то есть психическое «я» человека, через наружное и самовознося-щееся умствование. Можно лишить людей нормальных эмоций, любви и психического воспитания и заменить все это кондиционированием мыслительной машины. Появилось много подобных «нелюдей», очень опасных, потому что им были доверены научные исследования и надзор за настоящими людьми и за природой. Придумав мифический образ князя зла — Сатаны, человек стал им сам, в особенности для животных. Представьте на момент сотни миллионов охотников, избивавших животных только для удовольствия, гигантские скотобойни, опытные виварии институтов. Дальше шаг к самому человеку — и растут гекатомбы трупов в концлагерях, с людей сдирают кожу и плетут из женских кос веревки и коврики. Это было, человечество Земли от этого не спрячется и всегда помнит эпохи оправданного учеными зла. А ведь чем глубже познание, тем сильнее может быть причинен вред! Тогда же придумали методы создания биологических чудовищ — вроде мозгов, живущих в растворах отдельно от тела, или соединения частей человека с машинами. В общем, тот же самый путь к созданию нелюдей, у которых из всех чувств осталось бы лишь стремление к безграничной садистской власти над настоящим человеком, неизбежно вызванное

их огромной неполноценностью. К счастью, мы вовремя пресекли эти безумные намерения новоявленных сатанистов.

— Вы сами себе противоречите, посланец Земли! — сказал некто, вытягивая тонкую шею, на которой сидела большая голова с плоским лицом и злыми, узкими точно щели глазами. — То природа слишком беспощадна, играя с нами в жестокую игру эволюции, то человек, отдаляясь от природы, делает непоправимую ошибку. Где же истина? И где сатанинский путь?

— Диалектически — и в том и в другом. Пока природа держит нас в безвыходности инферно, в то же время поднимая из него эволюцией, она идет сатанинским путем безжалостной жестокости. И когда мы призываем к возвращению в природу, ко всем ее чудесным приманкам красоты и лживой свободы, мы забываем, что под каждым, слышите, под каждым цветком скрывается змея. И мы становимся служителями Сатаны, если пользоваться этим древним образом. Но, бросаясь в другую крайность, мы забываем, что человек — часть природы. Он должен иметь ее вокруг себя и не нарушать своей природной структуры, иначе потеряет все, став безымянным механизмом, способным на любое сатанинское действие. К истине можно пройти по острию между двумя ложными путями.

— Чудесно сказано! — вскричал первый оратор.

— Пусть простят меня коллеги, ученые Ян-Ях, если я не сумел выразить мудрость Земли, соединенную с гигантским знанием Великого Кольца Галактики. В конце концов я всего лишь астронавигатор. Только отсутствие других, более достойных людей заставляет меня говорить перед вами. Не подумайте, что я преисполнен гордости неизмеримо большим кругозором науки нашего мира. Я склоняю голову перед героическим стремлением к познанию на одинокой, отрезанной от всех планете. Каждый ваш шаг труднее нашего и потому ценнее, но только при одном абсолютном условии: если он направлен на уменьшение страданий человечества Ян-Ях, на подъем из инферно. Таков у нас единственный критерий ценности науки.

Вир Норин низко поклонился присутствующим, а те молчали, не то ошеломленные, не то негодующие.

Заместитель директора института поблагодарил Вир Норина и сказал, что, может быть, земная мудрость велика, но он с ней не согласен. Необходимо продолжить дискуссию, которая очень важна.

— Я тоже не соглашусь с вами, — улыбнулся астронавигатор, — следуя земной мудрости. Когда-то и у нас на Земле велось множество дискуссий по миллионам вопросов, издавались

миллионы книг, в которых люди спорили со своими противниками. В конце концов мы запутались в тонкостях семантики и силлогизмов, в дебрях миллионов философских определений вещей и процессов, сложнейшей вязи математических изысканий. В литературе шел аналогичный процесс нагромождения изощренных словесных вывертов, нагромождения пустой, ничего не содержащей формы.

И раздробленное сознание в тенетах этих придуманных лабиринтов породило столь же бессмысленные фантастические творения изобразительного искусства и музыки, где все достоверные черты окружающего мира подверглись чудовищной дисторсии. Добавьте к этому, что шизоидная трещиноватая психика неизбежно отталкивается от реальности, требуя ухода в свой собственный мир, мир порождений больного мозга, и вы поймете силу этой волны в историческом пути человечества Земли. С тех пор мы опасаемся изощренных дискуссий и избегаем излишней детализации определений, в общем-то ненужных в быстро изменчивом мире. Мы вернулись к очень древней мудрости, высказанной еще в индийском эпосе «Махабхарата» несколько тысяч лет назад. Герой Арджуна говорит: «Противоречивыми словами ты меня сбиваешь с толку. Говори лишь о том, чем я могу достигнуть Блага!»

— Постойте! — крикнул заместитель директора. — Вы что же, и математические определения считаете ненужными?

— Математика нужна только на своем месте, очень узком. Вы сами подвергли себя голоду, болезням и духовному обнищанию за пренебрежение к человеку и природе, за три неверия: в возможность борьбы с вредителями и повышения плодородия чисто биологическими средствами вместо химии; в возможность создания полноценной искусственной пищи; в великую глубину мысли и духовных сил человека. Вы отстранили себя от подлинного познания сложности живой природы, надев цепь односторонней и опасной линейной логики и превратившись из вольных мыслителей в скованных вами же придуманными методами рабов узких научных дисциплин. Та же первобытная вера в силу знака, цифры, даты и слова господствует над вами в трудах и формулах. Люди, считающие себя познавшими истину, ограждают себя, по существу, тем же суеверием, какое есть в примитивных лозунгах и плакатах для «кжи».

У древних индийцев была притча о могущественном мудреце, по воле которого все ползали перед ним. Но мудрец не обладал предвидением и был разорван тигром-людоедом, напавшим внезапно, когда мудрец не успел сосредоточить свою волю для отражения злого умысла. Поэтому ваш протест не

должен уподобляться встрече с тигром, а будет действен лишь после анализа обстановки.

Я еще очень мало знаю вашу планету, но пока я не увидел у вас настоящей науки. То, что здесь ею называется, есть только технология, узкий профессионализм, столь же далекий от самоотверженного труда в познании мира, как ремесленный навык от подлинного мастерства. Вы соревнуетесь в эфемерных прикладных открытиях, каких у нас ежедневно делается сотни тысяч. Это, конечно, и важно и нужно, но не составляет всей науки. Вопреки распространенным у вас мнениям, Ян-Ях не страдает от недостатка технологии или от ее избытка. У вас избыток техники в крупных центрах и недостаток в периферийных городках порождает крайне неравномерное ее использование и неумелое обращение.

Синтетическое познание и просвещение народа у вас даже не считаются обязательными компонентами научного исследования, а ведь это и есть основные столпы науки. Поэтому и получается то нагромождение дешевой информации скороспелых открытий, добытой без размышлений и долгого отбора, которое не дает вам взглянуть на широкие просторы мира познания. В то же время надменность молодых исследователей, по сути дела невежественных технологов, воображающих себя учеными, доходит до того, что они мечтают о переустройстве вселенной, даже не приблизившись к представлению о сложности ее законов.

— Преувеличение! — крикнул заместитель директора.

— Совершенно правильно! — согласился Вир Норин и отклонил попытки вызвать его на спор об оценке научной деятельности института.

Он вышел на улицу, со всегдашним удовольствием покинув плохо вентилируемое здание. Уже надвинулась тормансианская ранняя ночь с ее глухой, беззвездной тьмой, в которой тонула тусклая серая луна. На углу, над кубиком киоска, продающего дурманящее питье, горел фонарь. Там толпились мужчины, доносилась хриплая ругань. Ветерок принес смешанный запах напитка, курительного дыма и ночи.

Вир Норин пришел в гостиницу «Лазурное Облако», «разбудил» СДФ и вывел его по боковой лестнице на улицу. Затем оглядел в последний раз неуютное пристанище и с радостью подумал о квартире со многими замками и о встрече с Сю-Те, нежной, как и память о ней. Шагая в сопровождении девятиножки по пустынной аллее чахлого сквера, он припоминал слова профессора о гитау и решил заглянуть в музей естествознания. Но когда? Завтра очередная работа с Таэлем над материалами, присланными с дисколетом. Потом предстоит еще

встреча с учеными физико-математического института. Они жаждут неслыханных дотоле откровений, а он ничего не сможет рассказать даже из близких ему областей космофизики. Сблизить различные ходы мышления сумел бы выдающийся педагог или популяризатор, а не он, Вир Норин. Кроме того, эта тяга к откровениям в науке метафизична.

Астронавигатор остановился как вкопанный. Рядом взбила пыль его девятиножка. Поперек аллеи стояли шесть тормансиан, освещенных далеким ртутным фонарем. Вир Норин раздумывал: идти им навстречу или подождать. Он не боялся ничего, даже если бы шел совершенно один, а в присутствии СДФ не существовало вообще никакой опасности. Но он мог, обороняясь, нанести тормансианам повреждения, и этого следовало избежать.

— Ты земной? — отрывисто спросил один из молодых людей, несомненных «кжи», приближаясь к землянину.

Вир Норин утвердительно кивнул.

— Тогда ты нам нужен. У вас есть бешено красивая женщина. Я видел ее в загородном саду. Ее зовут Эвиза Танет. Эвиза Танет, — повторил, вернее, мечтательно пропел тормансианин.

— Это врач нашей экспедиции, медик Звездного Флота.

— Ух! — *неопределенно воскликнул «кжи».* — Так вот, она мне сказала, чтобы я шел к вашей владычице. У нее тоже красивое имя, не такое, как у Эвизы, но звучит приятно: Фай Родис. Сказала, чтобы я обязательно поговорил с ней, потому как это важно и для нас, и для вас. Почему — не знаю. Но я обещал. А получилось, что я, всем известный Гзер Бу-Ям, перед которым трепещут «кжи» и «джи», не могу исполнить обещание. Владычицу Фай Родис охраняет целое войско лиловой дряни, а «джи» мне не верят. Думают, что я подкуплен «змееносцами». А зачем мне этот подкуп?

— Наверное, незачем, — улыбнулся Вир Норин.

— То-то. Можешь ты поверить мне и устроить разговор с владычицей?

— Верю и могу.

— Когда?

— Сейчас. Пойдемте туда, где никто не ходит и есть какая-нибудь стена, за которой можно спрятать свет экрана.

— Вот это дело! — с удовольствием воскликнул «кжи» и повел Вир Норина в сторону от главной аллеи, где стояла длинная, поставленная поперек дорожки плита, испещренная назидательными изречениями. Такие плиты встречались в разных местах города, но Вир Норин никогда не видел, чтобы хоть кто-нибудь читал надписи.

Вир знал распорядок жизни Родис. Она должна была быть наверху. Действительно, на вызов его СДФ Родис откликнулась почти немедленно. Она появилась на импровизированном экране каменной плиты не в той черной тормансианской одежде, какую обычно носила в Хранилище Истории, а в коротком белом платье с голубой отделкой.

— Ух! — вырвалось у тормансианина восклицание не то изумления, не то восторга.

Астронавигатор рассказал о «кжи», ищущем встречи по просьбе Эвизы Танет. Родис подозвала Гзер Бу-Яма в освещенное поле передатчика, несколько секунд всматривалась в него и сказала:

— Приходите!

— Когда и как?

— Хотите сейчас? Идите, не привлекая внимания, к памятнику Всемогущему Времени, поверните направо от него, к восьмому дому по улице Последней Войны. Первый раз приходите один. Сколько времени вам потребуется? Я буду ждать вас и проведу к себе.

Родис выключила связь, и Вир Норин немедленно погасил свой СДФ.

— Вот это здорово! — обрадованно воскликнул «кжи». — Как все получается просто у настоящих людей! Ладно, передавай мой поклон Эвизе Танет! Жаль, что я ее больше не увижу.

— Почему же? Когда придете к Родис, попросите ее соединить вас со звездолетом и вызвать Эвизу Танет.

— Да ну? А о чем я буду с ней говорить? — вдруг испугался «кжи».

— Ну хоть поглядите на нее!

— И то. Ух, спасибо, друг! Мне пора. — Тормансианин протянул руку и крепко сжал ладонь Вир Норина.

Тот улыбнулся. Получить благодарность от жителя столицы Ян-Ях было нелегко.

Теперь, даже если бы астронавигатор вторично запутался в переулках старого района столицы, его привел бы к месту острый слух землянина. Собачий лай слышался издалека, так как псы были плохо воспитаны, подобно своим хозяевам.

Сю-Те выбежала в переднюю на лязг открываемых замков. С возгласом «Спасибо, спасибо!» она бросилась к Вир Норину и вдруг замерла, побежденная застенчивостью. Оказывается, ей уже достали кусочек голубой пластмассы с нужными знаками и штампами, дающий право на проживание в столице.

Вир Норин обрадовался, услышав своеобразный голос девушки, более низкий, чем горловые фальцетные голоса тор-

мансиан, но более высокий и звонкий, чем грудные меццо-сопрано женщин звездолета. Сю-Те с материнской заботой женщин Ян-Ях, обязанных прежде всего кормить мужчину, приготовила ужин из запасов хозяина и огорчилась, узнав, что Вир Норин по вечерам ничего не ест, а только пьет, и то какой-то особый напиток. Если бы звездолетчик знал, с каким трудом было связано приготовление пищи у тормансиан на их примитивных нагревательных приборах, он постарался бы что-нибудь съесть. Но, ничего не зная о горячих плитах и вечно пачкающихся кастрюлях, он спокойно отверг еду. Девушка попросила позволения прийти к нему, когда он отдохнет. У нее есть очень важный вопрос.

«Важный вопрос» был задан, едва она появилась на пороге, и Вир Норин не смог уклониться или хитрить под открытым взглядом, всей душой требовавшим правды.

— Да, Сю-Те, я не житель Ян-Ях, а совсем с другой, безмерно далекой планеты Земля. Да, я с того самого звездолета, о котором вы слышали, но мы, как видите, не банда космических разбойников и шпионов. Мы одной крови, наши общие предки больше двух тысяч лет назад жили на одной планете — Земля. Вы все оттуда, а вовсе не с Белых Звезд.

— Так и знала! — с гордым торжеством воскликнула Сю-Те. — Ты совсем особенный, и я сразу поняла это. Оттого легко и радостно с тобой, как никогда еще не было в моей жизни! — Девушка опустилась на колени, схватила руку астронавигатора, прижала к щеке и замерла, закрыв глаза.

Вир Норин с нежной осторожностью отнял руку, поднял маленькую тормансианку и усадил в кресло около себя.

Он рассказал ей о Земле, о их появлении здесь, о гибели трех землян. В СДФ было несколько «звездочек» для самого первого знакомства с жизнью Земли.

Так начались их совместные вечера. Неуемное любопытство и восхищение милой слушательницы воодушевляли Вир Норина, отгоняя предчувствие, томившее его с некоторых пор, что он не увидит больше родную, бесконечно любимую Землю.

С первых минут высадки на Торманс он всей кожей чувствовал недобрую психическую атмосферу. Общая недоброжелательность, подозрение и особенно глупейшая смешная зависть соревновались с желанием любой ценой выделиться из общей массы. Последнее земляне объясняли отзвуком прежнего колоссального умножения народа, в миллиардах которого тонули личности, образуя безымянный и безликий океан. Психическая атмосфера Ян-Ях уподоблялась плохой воде, в какую иногда попадает неосторожный купальщик. Вместо покоя и свежести

приходит чувство отвращения, зуда, нечистоты. В старину на Земле такие места называли «злой водой». Везде, где реки не текли с солнечных гор, где ручьи не освежались родниками, лесами и чистым дождем, а, наоборот, застаивались в болотах, мертвых рукавах и замкнутых бухтах, насыщаясь гниющими остатками жизни. Так и в психической атмосфере — тысячелетний застой, топтание на месте, накопление недобрых мыслей и застарелых обид ведет к тому, что исчезают «свежая вода», ясные чувства и высокие цели там, где нет «ветра» поисков правды и прощения неудач.

Вероятно, пребывание в плохой «психической воде» и породило смутное чувство трагического конца.

Вир Норин вспоминал о катастрофических последствиях, случавшихся на разных планетах, в том числе и на прежней, докоммунистической Земле, когда цивилизация неосторожно поднимала на поверхность вредные для жизни остатки архаических периодов развития планеты. Газы, нефть, соли, споры еще живых бактерий, надежно погребенные под многокилометровыми толщами геологических напластований, были извлечены на свет и вновь пущены в кругооборот биосферы, отравляя воды морей, пропитывая почву, скопляясь в воздухе. И так продолжалось тысячелетия. По сравнению с этой деятельностью опасная игра с радиоактивными веществами в Час Быка родной планеты перед рассветом высшего общества была кратковременной и не такой уж значительной. А здесь, на Тормансе, люди, разрушив равновесие природы, принялись за человеческую психику, разрушая ее отвратительным неустройством жизни. Подобно нефти и солям из глубин планеты, здесь из-под сорванного покрова воспитания и самодисциплины поднялись со дна душ архаические остатки звериной психологии — пережитки первобытной борьбы за выживание.

Но, в отличие от первобытного зверя, поведение которого жестко определялось железными законами дикой жизни, поведение невоспитанного человека не обусловлено. Отсутствие благодарности ко всему исходит из сознания «Мир — для меня» — и является главной ошибкой в воспитании детей. Зато человек из зависти старается вредить своему ближнему, а этот «ближний» приучен мстить во всей силе своего скотского комплекса неполноценности. Так во всей жизни Торманса нагнеталось всеобщее и постоянное озлобление, ощущение которого больно хлестало по чувствам землян, выросших в доброй психической атмосфере Земли.

Тем поразительнее для Вир Норина казалась Сю-Те, вся светившаяся заботой, добром и любовью, невесть как возник-

шими в мире Ян-Ях. Девушка уверяла, что она не одна, что таковы тысячи женщин планеты.

Это пугало астронавигатора, потому что страдание таких людей на жизненном пути было сильнее всех других. Через глаза Сю-Те Вир Норин видел глубину души, поборовшей тьму в себе и отчаянно оборонявшейся от окружавшего мрака.

Нелегко прорастали в землянине бдительная нежность и ранящая жалость, некогда так характерные для его предков и утраченные за ненадобностью в светлую эпоху коммунистических эр.

На третий день за завтраком Вир Норин заметил, что Сю-Те чем-то необычайно взволнована. Читая в ее открытой душе, он понял ее страстное желание увидеть нечто, о чем она мечтала давно, но не смеет его просить об этом. Вир Норин пришел ей на помощь и заговорил как бы вскользь о том, что у него сегодня свободное утро и он с большим удовольствием прогулялся бы вместе с ней, куда она захочет. И Сю-Те призналась, что она хотела бы съездить в Пнег-Киру, это недалеко от города, брат писал ей, что там — место величайшей битвы древности, в которой погиб какой-то их предок (на Тормансе люди не знали своей родословной), и обещал непременно повести ее туда. Ей хочется побывать там в память о брате, но ведь для одинокой девушки, плохо знающей столицу, это небезопасно.

Вир Норин и Сю-Те влезли в битком набитый вагон общественного транспорта, двигавшийся в дыму, с ревом, частыми рывками и толчками из-за нервного, а скорее грубого нрава водителя. Сквозь запыленные окна виднелись длиннейшие однообразные улицы, кое-где близ дома были посажены низкие полузасохшие деревца. В машине стояла невыносимая духота. Изредка, после громкой перебранки, открывали окна, в вагон врывалась горячая пыль, снова начиналась ругань, и окна опять закрывались. Вир Норин и Сю-Те стояли, стиснутые со всех сторон, цепляясь за протянутые поверху палки. Астронавигатора оттерли от спутницы. Он заметил, как Сю-Те изо всех сил старается отойти от молодого человека с широким носом и асимметричным лицом, который бесстыдно прижимается к ней. Стоявший перед нею другой, совсем юноша, с глубоко сидящими глазами фанатика, спиной подталкивал девушку к своему товарищу. Сю-Те встретилась взглядом с Вир Норином, вспыхнула от стыда и негодования и отвернулась, не желая вмешивать землянина в стычку с пассажирами. Может быть, у нее слишком живо было воспоминание о наглом дежурном из гостиницы, которому пришлось тогда униженно целовать ее ногу. Астронавигатор в долю секунды понял все, вынул руку и

рванул нахального парня назад от Сю-Те. Тот обернулся, увидел высокого, сильного человека, смотревшего без злобы, и, выругавшись, попытался было освободиться. Но его схватила не человеческая рука, а стальная машина — так ему показалось. С животным страхом тормансианин почувствовал, как пальцы впиваются в мышцы все глубже, передавливая и парализуя сосуды и нервы. В голове у него помутилось, подкосились колени, и парень взвыл в ужасе: «Не буду, простите, больше не буду!» Вир Норин отпустил нахала. А тот заорал на весь вагон, что его чуть-чуть не убили из-за девчонки, которая копейки не стоит.

К удивлению Вир Норина, большинство пассажиров приняло сторону лгуна. Все принялись кричать, угрожать, размахивать кулаками.

— Выйдем скорее! — шепнула побледневшая Сю-Те.

И они, растолкав людей, вышли на пустынной, раскаленной солнцем окраине. Сю-Те предложила идти дальше пешком. Ее маленькие ноги шагали резво и неутомимо. Она пела землянину старые песни и боевые гимны давних лет, резко отличавшиеся от рваной мелодии распространенных в столице песен. Иногда Сю-Те останавливалась, чтобы танцем проиллюстрировать мелодию, и он любовался ее фигурой и отточенностью движений. По сухой предгорной равнине они незаметно прошли оставшиеся двенадцать километров до каменной гряды, поросшей старыми редколистными деревьями, почти не дававшими тени. Закатная сторона гряды обрывалась в широкую впадину дна высохшего озера. Слабый ветерок вздымал там бурые столбы пыли.

Обелиск из голубоватого камня, расписанный черными, глубоко врезанными знаками, стоял на границе поля стародавней битвы, а неотделанные глыбы камней, разбросанные повсюду, означали места общих погребений. Их было много. Обширное поле, простиравшееся почти до горизонта, некогда было изрыто траншеями и валами. Время уничтожило их, медленно растущие деревья Торманса сменились не один раз на удобренной трупами почве, и теперь в тонкой сетке теней на сухой, пыльной земле торчали только камни. Не осталось ничего напоминавшего о ярости гигантской битвы, море страдания раненых, ужасе побежденных, сброшенных в топкое озеро. Безотрадная местность, полумертвые деревья, потрескавшаяся земля...

Жаркий ветер шуршал в ветвях, какие-то зеленые насекомые вяло ползали у корней. Сю-Те выбрала большой, пирамидально заостренный камень с изломами, отсвечивавшими бурокрасным цветом засохшей крови, и опустилась перед ним на колени. Приложив пальцы к вискам и склонив голову, она

шептала молитвы. Вир Норин ждал, пока она исполнит обряд. Когда девушка встала, он спросил:

— Кто бился здесь и кто кого победил?

— Предание говорит о сражении между владыками головного и хвостового полушарий. Погибли сотни тысяч людей. Победил владыка головного, и на всей планете установилась единая власть. Эту битву называют победой мудрости над темными хвостовыми народами.

— Ваши предки участвовали в сражении на стороне побежденных?

— Да.

— А если бы победили они, а не головные? Изменилась бы жизнь?

— Не знаю. Зачем ей меняться?! Столица была бы в Кин-Нан-Тэ, наверное. Дома бы строили по-другому, как принято у нас, башнями. Может быть, мои предки стали бы «змееносцами»...

— И вы хотели бы принадлежать к этой верхушке?

— Ой, нет! Вечно бояться, оглядываться, презирать все и быть всеми ненавидимой? Может быть, я просто невежественная и глупая, но мне не хотелось бы так жить. Лучше никак...

Это «лучше никак» пронизывало все сознание молодых тормансиан, принадлежавших к классу «кжи», и обусловливало неискоренимый фатализм. «Зачем?» — казалось им непобедимым аргументом.

Вир Норин еще раз обвел взглядом выжженное плато. Могучее воображение заполнило его грохотом боевых машин, воплями и стонами сотен тысяч людей, штабелями трупов на изрытой каменистой почве. Вечные вопросы: «Зачем? За что?» — на этом фоне становились особенно беспощадными. И обманутые люди, веря, что сражаются за будущее, за «свою» страну, за своих близких, умирали, создавая условия для еще большего возвышения олигархов, еще более высокой пирамиды привилегий и бездны угнетения. Бесполезные муки, бесполезные смерти...

Со вздохом Вир Норин обратился к спутнице:

— Пойдемте, Сю-Те!

Землянин и тормансианка спустились с холмов. Вир Норин предложил срезать напрямик изгиб старой дороги, держа направление на круглый холм с заброшенным зданием, серым и приземистым, смутно маячившим вдали. Они быстро дошли до холма. Астронавигатор заметил, что Сю-Те устала, и решил сделать привал в тени развалин. Сю-Те улеглась на землю, подперев голову руками. Вир Норин увидел, что она пристально

разглядывает стену и хмурит лоб в усилии припомнить забытое. Сю-Те вскочила и обошла вокруг развалин. Затем долго рассматривала надписи и барельефы с изображением огромной руки, протянутой жестом участливой помощи. Чуть успокоившись, она снова села рядом с Вир Норином, охватив колени руками, в позе, живо напомнившей ему Чеди, и долго в молчании смотрела вдаль, на миражи голубых озер, которые скрывали пыльный дым над городом Средоточия Мудрости.

— Сколько тебе лет? — вдруг спросила Сю-Те.

— По вашим годам, которые гораздо короче, чем на Земле, сто шестьдесят, или сорок два по счету Белых Звезд, одинаковому с земным.

— У вас это много или мало?

— Для прежней Земли, на вашем уровне развития, это средний возраст, не молодой и не старый. Теперь он сдвинулся в молодость. Мне двадцать два — двадцать три года, а Родис — двадцать пять. У нас долгое детство. Не инфантильность, а именно растянутое детство — в смысле восприятия мира. А сколько вам?

— Восемьдесят, или двадцать по счету Белых Звезд. Я приближаюсь к нашему крайнему возрасту, и мне осталось пять лет до того времени, когда я войду во Дворец Нежной Смерти. А тебя давно бы отправили туда. Нет, я говорю глупости, ты ведь ученый и здесь жил бы долго, ты «джи»!

— Никак не могу представить себе этот ужас!

— Никакого ужаса нет. В этом есть даже хорошее. Мы не проводим детство в душных школах, как будущие «джи», которых там пичкают ненужными для жизни знаниями. И мы не болеем, умирая в цвете сил...

— Вы огорчены, Сю-Те? Посмотрите мне в глаза!

Сю-Те перевела на Вир Норина печальный взор, как бы говоривший: «Я вижу весь свой жизненный путь до конца».

— Нет, — медленно сказала она, — мне хорошо, просто второй раз сегодня я встретилась с древней смертью.

— Как? И это памятник? Что тут было?

— Не памятник, а храм. Был в эпоху Голода и Убийств знаменитый врач Рце-Юти. Он изобрел средство Нежной Смерти. Его последователи и помощники построили этот храм Руки Друга над бездонным колодцем незапамятной древности. Рце-Юти сказал всем слабым, мучительно больным, усталым от жизни, преследуемым и запуганным: «Приходите сюда, и я успокою вас — дам вам нежную смерть. Она придет к вам ласковой и прекрасной, юной и зовущей. Лучшего на планете сейчас никто дать не может, и вы сами убедились во лжи пустых обещаний».

И множество людей приходило к нему. В первой комнате они смывали с себя грязь дороги, сбрасывали одежды и нагие вступали во второй сводчатый зал, где в ласковом сне умирали незаметно и безболезненно... Бездонный колодец поглощал их тела. Исстрадавшиеся, потерявшие надежду, здоровье, близких не переставали приходить, восхваляя мудрого врача. Это было давно...

— И из этого благодеяния возникла государственная обязанность умирать. Дворцы Нежной Смерти, деление народа на «кжи» и «джи» — мог ли предвидеть мудрец Рце-Юти такие ужасные последствия?

— Не знаю, — беспомощно ответила Сю-Те.

— И не надо. — Вир Норин погладил ее растрепавшиеся от ветра волосы.

А она потянулась к его лицу, и ее вздрагивающая, осторожная ладонь, казалось, коснулась самого сердца Вир Норина. Ему представились гигантские темные стены инферно, окружавшие Сю-Те, за которыми для нее не было ничего, никакой опоры для ее веры, ее души.

Усилием воли он поборол видение, улыбнулся и сказал ей об ее уме и очаровании и о том, как она нравится ему.

Сю-Те взглянула на него, доверчивая и сияющая, и встала упруго и быстро, как жительница Земли. Они пошли к сумрачному городу, и звенящий голос тормансианки разнесся по пустынной равнине:

«Свой последний год живу на свете, в городах других не побывав, никого хорошего не встретив...» — звонкая летящая мелодия напомнила Вир Норину что-то очень знакомое, слышанное еще в раннем детстве.

Глава тринадцатая
КОРАБЛЮ — ВЗЛЕТ!

Вир Норин расстался с Сю-Те на перекрестке улицы, которая вела к небольшому заводу точных приборов, где работало много друзей Таэля. Сю-Те хотела повидаться с одним из них, чтобы устроиться на работу.

Она вернулась домой возбужденная — все складывалось в согласии с ее мечтами. Но вскоре радость угасла, захлестнула мучительная тоска, когда она узнала, что срок пребывания землян на Ян-Ях подходит к концу. Только двое их осталось в городе Средоточия Мудрости, а все другие уже находились в звездолете.

Вир Норин в этот вечер долго ждал, когда она выйдет из своей комнаты, но Сю-Те не появлялась. Не понимая ее настроения — психическая интуиция не подсказывала ему ничего плохого, — Вир Норин наконец сам постучал к девушке.

Сю-Те сидела, положив голову на вытянутые вдоль стола руки. Выражения лукавой виноватости, свойственного ей, когда она считала себя в чем-то неловкой или признавалась в слабости, не возникло на ее лице при виде Вир Норина. Да, Сю-Те в самом деле походила на грустную птицу — гитау. Она вскочила, забеспокоилась, чтобы удобнее усадить Вир Норина, а сама опустилась прямо на пол, на твердую подушку, и долго в безмолвии смотрела на своего земного друга. Вир Норину передались ее чувства: она думала о нем и о близкой разлуке.

— Скоро твой звездолет улетит? — спросила она наконец.

— Скоро. Хочешь полететь с нами? — вырвался у него вопрос, который не следовало задавать.

На лице девушки спокойная печаль сменилась жестокой внутренней борьбой. Глаза Сю-Те налились слезами, дыхание прервалось. После долгого молчания она с трудом произнесла:

— Нет... Не думай, что я неблагодарна, как многие из нас, или что... я не люблю тебя. — Ее смуглые щеки потемнели еще сильнее. — Я сейчас вернусь!

Сю-Те скрылась в стенном шкафу для платья, который служил ей вместо комнаты для переодевания.

Вир Норин смотрел на пеструю вязь ковра, думая об ее отказе лететь на Землю. Природная мудрость, никогда не покидавшая Сю-Те, удерживает ее от этого шага. Она понимает, что это будет бегством, на Земле для нее утратятся цель и смысл жизни, только что появившиеся здесь, ей будет очень одиноко.

Чуть слышно стукнула дверца шкафа.

— Вир! — услышал он шепот, обернулся и замер.

Перед ним во всей чистоте искреннего порыва стояла обнаженная Сю-Те. Сочетание женской смелости и детской застенчивости было трогательным. Она смотрела на Вир Норина сияющими и печальными глазами, будто сожалея о том, что не может отдать ему ничего большего. Распущенные черно-пепельные волосы спадали по обе стороны круглого полудетского лица на худенькие плечи. Юная тормансианка стояла торжественная, ушедшая в себя, как бы исполняя некий обряд. Приложив ладони к сердцу, она протянула их сложенными к астронавигатору.

Вир Норин понимал, что, по канонам Ян-Ях, ему отдавали самое заветное, самое большое, что было в жизни у молодой женщины «кжи». Такой жертвы Вир Норин не мог отвергнуть, не мог оттолкнуть это высшее для Торманса выражение любви

и благодарности. Да он и не хотел ничего отвергать. Астронавигатор поднял Сю-Те, крепко прижав к себе.

Времени до рассвета осталось немного. Вир Норин сидел у постели Сю-Те. Она крепко спала, подсунув обе ладони под щеку. Вир смотрел на спокойное и прекрасное лицо своей возлюбленной. Любовь подняла ее над миром Ян-Ях, а сила и нежность Вир Норина сделали недоступной страху, стыду или смутной тревоге, уравняв с земными сестрами. Он заставил ее почувствовать собственную красоту, лучше понимать тонкие переходы ее меняющегося облика. А она? Она разбудила его память о прекрасных днях жизни...

Перед Вир Норином непрерывной чередой проходили, уводя в бесконечную даль, памятные образы Земли. Заповедная долина в Каракоруме, в бастионах лиловых скал, над которыми в непосредственной близости сияли снежные пики. Там, у реки цвета берилла, неумолчно журчавшей по черным камням, стояло легкое, парящее в воздухе здание испытательной станции. Дорога вниз шла плавными извилинами через рощу исполинских гималайских елей к поселку научного института прослушивания глубинных зон космоса. Астронавигатор очень любил вспоминать годы, проведенные на постройке новой обсерватории, на степном бразильском плоскогорье, низкие облеты безбрежных Высоких Льяносов с огромными стадами зебр, жирафов и белых носорогов, перевезенных сюда из Африки; кольцевые насаженные леса Южной Африки с голубой и серебристой листвой, серебряно-синие ночи в снежных лесах Гренландии; сотрясаемые грозным ветром здания одиннадцатого узла астросети на берегу Тихого океана.

Еще один узел на Азорских островах, где море так бездонно-прозрачно в тихие дни... Поездки для отдыха в святые для любого землянина древние храмы Эллады, Индии, Руси...

Ни малейшей тревоги о будущем, кроме естественной заботы о порученном деле, кроме желания стать лучше, смелее, сильнее, успеть сделать как можно больше на общую пользу. Гордая радость помогать, помогать без конца всем и каждому, некогда возможная только для сказочных халифов арабских преданий, совсем забытая в ЭРМ, а теперь доступная каждому. Привычка опираться на такую же всеобщую поддержку и внимание. Возможность обратиться к любому человеку мира, которую сдерживала только сильно развитая деликатность, говорить с кем угодно, просить любой помощи. Чувствовать вокруг себя добрую направленность мыслей и чувств, знать об изощренной проницательности и насквозь видящем взаимопонимании людей. Мирные скитания в периоды отдыха по беско-

нечно разнообразной Земле, и всюду желание поделиться всем с тобой: радостью, знанием, искусством, силой...

Склоняясь над спящей Сю-Те, Вир Норин испытывал необыкновенно сильное желание, чтобы и его тормансианская возлюбленная побывала во всех прекрасных местах родной ему планеты.

Молодые женщины бывают внутренне больше кочевниками, чем мужчины, больше стремятся к смене впечатлений, поэтому теснота инферно для них тяжелее. Он мечтал о том, чтобы на Земле бесчисленные ранения, нанесенные этой нежной душе, излечились бы без следа... И знал, что этому никогда не сбыться...

Сю-Те почувствовала его взгляд и, еще не очнувшись от сна и счастливой усталости, долго лежала с закрытыми глазами. Наконец она спросила:

— Ты не спишь, любимый? Отдохни здесь, рядом со мной. — Голос ее со сна был детски тонок. — Мне снился сон, светлый как никогда! Будто ты уехал от меня — о, ненадолго! — в маленький какой-то городок. Я отправилась на свидание с тобой. Это был наш и не наш город. Люди, встречавшиеся мне, светились добротой, готовые помочь мне искать тебя, звали отдохнуть, провожали там, где я могла заплутаться. И я шла по улице — какое странное название: улица Любви! — по тропинке через свежую и мягкую траву к большой, полноводной реке, и там был ты! — Сю-Те нашла руку Вир Норина и, снова засыпая, положила ее на щеку.

Вир Норин не шевелился, странный ком стоял у него в горле. Если сон, навеянный его мыслями, был для Сю-Те невозможной мечтой, то как еще мало любви растворено в океане повседневной жизни Торманса, в котором проживет свою коротенькую жизнь это чистое существо, будто перенесенное сюда с Земли! Мысль, давно мучившая его, сделалась невыносимой. Он медленно взял руку тормансианки и стал целовать коротко остриженные ноготки с белыми точками. Как и сплетения синих жилок на теле, и легко красневшие белки глаз, это были следы незамеченного в детстве нездоровья, плохого питания, трудной жизни матери. Сю-Те, не просыпаясь, улыбнулась, крепко смежив ресницы. Удивительно, как на бедной почве здесь вырастают такие цветы! Разрушена семья, создавшая человека из дикого зверя, воспитавшая в нем все лучшее, неустанно оборонявшая его от суровости природы. И без семьи, без материнского воспитания возникают такие люди, как Сю-Те! Это ли не доказательство правоты Родис, ее веры в первичную хорошую основу человека! На Земле тоже нет семьи в

старинном ее понимании, но мы не уничтожили ее, а просто расширили до целого общества...

Вир Норин бесшумно встал, оглядел завешанную коврами и портьерами комнату, прислушался к топоту и стукам, которые неслись со всех сторон просыпавшегося дома. На улице затявкала визгливая собачонка, прогрохотала транспортная повозка.

Печаль все сильнее завладевала Вир Норином — ощущение тупика, из которого он, бывалый, высоко тренированный психически путешественник, не видел выхода. Его привязанность к маленькой Сю-Те превратилась неожиданно и могуче в любовь, обогащенную нежной жалостью такой силы, какую он и не подозревал в себе. Жалость для воспитанного в счастье отдачи землянина неизбежно вызывала стремление к безграничному самопожертвованию. Нет, надо советоваться с Родис! Где Родис?..

А Фай Родис провела эту ночь в обсуждении проблем «кжи». Гзер Бу-Ям пришел в святилище Трех Шагов еще раз с несколькими товарищами. «Кжи» начали первый визит со спора и хвастовства своими преимуществами перед «джи» и прежде всего гораздо большей свободой во всех своих поступках. Фай Родис сразила их, сказав, что это мнимая свобода. Им позволяют лишь то, что не вредит престижу и экономике государства и не опасно для «змееносцев», огражденных от народной жизни стенами своих привилегий.

— Подумайте над вашим понятием свободы, и вы поймете, что она состоит в правах на низкие поступки. Ваш протест против угнетения бьет по невинным людям, далеким от какого-либо участия в этом деле. Владыки постоянно твердят вам о необходимости защищать народ. «От кого?» — задавались ли вы таким вопросом? Где они, эти мнимые враги? Призраки, с помощью которых заставляют вас жертвовать всем и, самое худое, подчиняют себе вашу психику, направляя мысли и чувства по ложному пути.

Гзер Бу-Ям долго молчал, затем принялся рассказывать Родис о беспримерном угнетении «кжи».

— Все это, — сказал он, — вычеркнуто из истории и сохранилось лишь в изустном пересказе.

Родис узнала о массовых отравлениях, убавлявших население по воле владык, когда истощенным производительным силам планеты не требовалось прежнее множество рабочих. И наоборот, о принудительном искусственном осеменении женщин в эпохи, когда они отказывались рожать детей на скорую смерть, а бесстрашные подвижники — врачи и биологи — распространяли среди них нужные средства. О трагедии самых прекрасных и

здоровых девушек, отобранных, как скот, и содержавшихся в специальных лагерях — фабриках для производства детей.

Попытка полной замены людей автоматическими машинами окончилась крахом, начиналась обратная волна, снова с массовым и тяжелым ручным трудом, так как с капиталистической позиции люди оказались гораздо дешевле любой сложной машины. Эти метания из стороны в сторону назывались мудрой политикой владык, изображались учеными как цепь непрерывных успехов в создании счастливой жизни.

Родис, как историк, знала закон Рамголя для капиталистической формации обществ: «Чем беднее страна или планета, тем больше разрыв в привилегиях и разобщение отдельных слоев общества между собою». Достаток делает людей щедрее и ласковее, но когда будущее не обещает ничего, кроме низкого уровня жизни, приходит всеобщее озлобление.

Ученые владыкам помогали во всем: изобретая страшное оружие, яды, фальсификаты пищи и развлечений, путая народ хитрыми словами, искажая правду. Отсюда укрепившаяся в народе ненависть и недоверие к ученым, стремление оскорбить, избить, а то и просто убивать «джи», как прислужников угнетателей. «Кжи» не понимают их языка, одинаковые слова у них означают совершенно не то, что у «джи».

— В отношении языка виноваты вы сами, — сказала Родис. — У нас, на Земле, было время, когда при множестве разных языков и разных уровнях культуры одинаковые слова обладали совершенно различным значением. Даже внутри одного языка в разных классах общества. И все же эту великую трудность удалось преодолеть после объединения земного человечества в одну семью. Бойтесь другого: чем ниже уровень культуры, тем сильнее сказывается прагматическая узость каждого словесного понятия, дробящегося на мелкие оттенки, вместо всеобщего понимания. Например, у вас слово «любовь» может означать и светлое, и гнуснейшее дело. Бейтесь за ясность и чистоту слов, и вы всегда сговоритесь с «джи».

— Сговориться о чем? Их правда не наша!

— Так ли? Правда жизни отыскивается тысячелетним опытом народа. Но быстрые изменения жизни при технически развитой цивилизации запутывают дороги к правде, делая ее зыбкой, как на слишком чувствительных весах, которым не дают уравновеситься. Найти правду, общую для большинства, с помощью точных наук не удавалось, потому что не были установлены критерии для ее определения. Эти критерии, иначе мера, оказались в какие-то периоды развития общества важнее самой правды. У нас, на Земле, это знали уже несколько тысячелетий

назад, в Древней Элладе, Индии, Китае... — Родис на миг задумалась и продолжала: — Порывы к прозрению встречались издавна в пророчествах безумцев, интуитивно понимавших всю величайшую важность меры. В Апокалипсисе, или «Откровении Иоанна» — одного из основателей христианской религии, — есть слова: «Я взглянул и увидел коня вороного и на нем всадника с мерою в руке...» Эта мечта о мере для создания подлинной правды человечества осуществилась после изобретения электронных счетных машин. Пришла возможность оценки горя и радости для гармонии чувства и долга. У нас есть огромная организация, занимающаяся этим: Академия Горя и Радости. У вас «джи» должны вместе с вами установить меру и найти правду, за которую надо биться совместно, ничего более не боясь...

Правда и есть истина, ложь порождается страхом. Но не настаивайте слишком на точности истин, помните об их субъективности. Человек хочет всегда сделать объективной ее, царицу всех форм, но она каждому показывается в ином одеянии.

Воспитание в правде не может быть облечено абстрактными формулировками. Прежде всего это действенный подвиг на всех ступенях жизни. Когда вы откажетесь от злословия, от общения с предателями правды, насытите свой ум добрыми и чистыми мыслями, вы приобретете личную непобедимость в борьбе со злом.

Так медленным убеждением, неотразимо и беспристрастно, Фай Родис протягивала нить за нитью от «кжи» к «джи». Остальное довершали личные контакты. Впервые «кжи» и «джи» встречались как равные в подземельях старого Храма Времени.

Таэль был поражен живостью ума, удивительной понятливостью в учении и полной открытостью всему новому у тех, кого они привыкли считать тупой и бездеятельной частью человечества. «Кжи» усваивали новые идеи даже быстрее, чем тренированные умственно, но и более косные «джи».

— Почему они не стремились к знанию, почему их развитие давно остановилось? — спрашивал инженер у Родис. — Ведь они, оказывается, ничем не хуже, чем мы!

— В самой формулировке «их», «они» — ваша глубочайшая ошибка. Это абсолютно те же люди, искусственно отобранные вашим обществом и обреченные жить в условиях примитивной борьбы за существование. Короткая жизнь дает развиться лишь самым банальным чувствам, «кжи» опускаются все время вниз под тяжестью неустроенной жизни. Так в первобытных лесах наших тропиков ушедшие туда десятки тысяч лет назад племена все силы тратили лишь на одно — чтобы выжить. От поколе-

ния к поколению они вырождались интеллектуально, теряя творческую энергию. Даже могучие слоны степной породы, гигантские бегемоты больших рек Земли превращались в лесах в карликовые, мелкие виды. Ваш «лес» — это короткая жизнь с перспективой близкой смерти в душной тесноте перенаселенных городов, с плохой пищей и неинтересной работой.

— Да, в общем, «кжи» — лишь дешевые промежуточные звенья между дорогими машинами, — сказал Таэль. — Нет ни мастерства, ни радости созидания. Машина делает лучше, быстрее, а ты у нее лишь «на подхвате», как выражается Гзер Бу-Ям. «Вы умираете больными и мудрыми, а мы — молодыми и глупыми, что лучше для человека?» — задали мне вопрос. Я пробовал им объяснить, что плохая работа каждого из нас, кто бы он ни был, бьет по своим же беззащитным братьям, родителям, детям, а не по ненавистным угнетателям. У тех есть охранительные меры. «Как вы можете так поступать?» — спросил я, и, кажется, они поняли.

— И все же у «них» есть преимущество перед «вами», — сказала Родис. — Смотрите, какие яркие фигуры — эта компания Гзер Бу-Яма! Им мало что нужно, и в этом они свободнее. Посмотрели бы вы, как вел себя Гзер Бу-Ям, когда увидел по СДФ Эвизу Танет! С какой детски наивной и светлой радостью он смотрел на нее! «Я увидел ее, свою мечту, еще раз и теперь могу умереть!» — воскликнул он. Вот вам и грубый, темный «кжи»!

Прозвучал тихий вызов СДФ, и Родис откликнулась. На экране появился Вир Норин и сказал:

— Я хочу привести к вам Сю-Те.

— Ее?

— Да. Для безопасности я приду в подземелье.

— Я жду вас.

При виде Фай Родис Сю-Те вздохнула коротко и резко, как всхлипнула. Родис протянула ей обе руки, привлекла к себе, заглянула в открытое, поднятое к ней лицо.

— Вы владычица землян?.. Глупая, я могла бы не спрашивать, — сказала Сю-Те, опускаясь на колени перед Родис, которая звонко рассмеялась и легко подняла девушку. Губы Сю-Те вдруг задрожали, по щекам покатились крупные слезы. — Скажите ему... Он говорит, что все не так, и я не понимаю. Ну зачем я земному человеку, если вы такие?.. Великая Змея, я желтый птенец Ча-Хик перед женщинами Земли!

— Скажу, — серьезно ответила Родис, усадив ее и взяв за руку.

Она долго молчала. Сю-Те взволнованно задышала, и Родис словно очнулась.

— Вы чутки и умны, Сю-Те, поэтому у меня не может быть слов, скрытых от вас. Вир, дорогой мой! Вам удался, если здесь можно говорить об удаче, миллионный шанс. Она не богиня, но существо иного рода — фея. Эти маленькие воплощения добра издавна пользовались особыми симпатиями в земных сказках.

— Почему особыми? — тихо спросила Сю-Те.

— Богиня — героическое начало, покровительница героя, почти всегда ведущая его к славной смерти. Фея — героика обычной жизни, подруга мужчины, дающая ему радость, нежность и благородство поступков. Это сказочное разделено отражало мечты людей прошлого. И найти здесь, на Тормансе, фею?! Что же вы будете делать, бедный мой Норин? — спросила Родис на земном языке.

— Не бедный! Если бы я мог взять ее с собой, но она говорит, что это невозможно!

— Она права, мудрая маленькая женщина.

— Понимаю и соглашаюсь. Но возможен другой, диаметрально противоположный выход...

— Вир! — воскликнула Родис. — Это же Торманс, планета мучений в глубоком инферно!

Вир Норин вдруг рассердился и, как настоящий тормансианин, принялся проклинать инферно, и Торманс, и человеческую судьбу на языке Ян-Ях, богатом этими заклятиями несчастья. Сю-Те испуганно вскочила, Родис обняла ее за тонкую, стянутую зеленым поясом талию и удержала на месте.

— Ничего. С мужчинами это бывает, когда они обижаются на собственную нерешительность.

— Я решил!

— Может быть, на вашем месте я сделала бы то же самое. Вир, — неожиданно согласилась Родис и продолжала на земном языке: — Вы погибнете, но принесете большую пользу, а ей дадите сколько-то месяцев, вряд ли лет, счастья. Берегите себя! Она умрет, как только придет ваш конец. Она не боится смерти. Самое страшное для нее — это остаться без вас. Только женщины Торманса в любви могут проявить столько мужества и стойкости, равно как и безразличия ко всему, что может с ней случиться. Где расчеты обратного пути?

— У Менты Кор. Мы приготовили их еще во время облета Торманса.

— Мы будем горевать о вас, Вир!

— А я? Но я надеюсь дожить до прилета второго ЗПЛ и увидеть если не вас, то соотечественников.

— Идите, Вир! Мы еще не раз увидимся в оставшееся время. Может быть, вы еще измените свое решение...

— Нет! — сказал он так твердо, что Сю-Те, не понявшая ни слова, вздрогнула. Вещим чутьем женщины догадываясь о сути разговора двух землян, она разразилась слезами, когда Родис простилась с обоими долгим поцелуем.

Вскоре после свидания с Родис Вир Норин явился в физико-технический институт — самый большой в столице, впитавший почти всех способных ученых планеты. Инженер Таэль предупредил Вир Норина, что в здешней «мастерской» он может говорить свободнее, чем в других. Инженер придавал большое значение предстоящему разговору.

Собравшиеся расположились в строгом порядке научной иерархии. Впереди, ближе к председательствующей группе, уселись знаменитые ученые, отмеченные властью. У многих на груди блестели особые знаки: фиолетовый шар планеты Ян-Ях, обвитый золотой змеей.

Позади маститых и заслуженных небрежно развалились представители средней прослойки, а в конце зала стеснилась молодежь. Этих пустили сюда в ограниченном количестве.

Вир Норин достаточно изучил ученый мир Торманса и знал, как последовательно проводилось в нем разделение привилегий, начиная от размеров жилища и денежной оплаты и кончая получением особо хорошей нефальсифицированной и свежей пищи со складов, снабжавших самих «змееносцев». Пожалуй, из всех несуразностей общества Ян-Ях Вир Норина больше всего удивляло, как могли продавать себя самые могучие умы планеты. Вероятно, во всем остальном, кроме их узкой профессии, они вовсе и не были могучими, эти талантливые обыватели.

Впрочем, многие ученые сознавали это. Большинство их вело себя надменно и вызывающе — именно так ведут себя обычно люди, скрывающие комплекс неполноценности.

— Мы знаем о вашем выступлении в медико-биологическом институте, — сказал председатель собрания, суровый и желчный человек, — но там вы воздержались от оценки науки Торманса. Мы понимаем деликатность людей Земли, но здесь вы можете говорить свободно и оценить нашу науку так, как она этого действительно заслуживает.

— Я снова скажу, что знаю слишком мало, для того чтобы охватить сумму познания и сравнить ее. Поэтому сказанное мной надо рассматривать лишь как самое общее и поверхностное впечатление. Правильно ли мнение, создавшееся у нас, пришельцев с Земли? Мне не раз приходилось здесь слышать, что точная наука берется разрешить все проблемы человечества Ян-Ях.

— Разве у вас, покорителей космоса, не так? — спросил председатель.

Вир Норин покачал головой.

— Даже если не требовать истин, основанных на непротиворечивых фактах, наука даже в собственном развитии необъективна, непостоянна и не настолько точна, чтобы взять на себя всестороннее моделирование общества. Один из знаменитых ученых Земли еще в древнее время, лорд Рейли, сформулировал очень точно: «Я не думаю, чтобы ученый имел больше прав считать себя пророком, чем другие образованные люди. В глубине души он знает, что под построенными им теориями лежат противоречия, которые он не в силах разрешить. Высшие загадки бытия, если они вообще постижимы для человеческого ума, требуют иного вооружения, чем только расчет и эксперимент»...

— Какая позорная беспомощность! Только и осталось призвать на помощь божество, — раздался резкий голос.

Вир Норин повернулся в сторону невидимого скептика.

— Основное правило нашей психологии предписывает искать в себе самом то, что предполагаете в других. Все та же трудноистребимая идея о сверхсуществах живет в вас. Боги, сверхгерои, сверхученые...

Земной физик, о котором я вспомнил, имел в виду гигантские внутренние силы человеческой психики, ее врожденную способность исправлять дисторсию мира, возникающую при искажении естественных законов, от недостаточности познания. Он имел в виду необходимость дополнить метод внешнего исследования, некогда характерный для науки Запада нашей планеты, интроспективным методом Востока Земли, как раз полагаясь только на собственные силы человеческого разума.

— Это годы безрезультатных размышлений, — возразили Вир Норину из дальнего угла аудитории, — у нас нет ни времени, ни средств. Правительство не дает нам больших денег, а вы смотрите на нашу бедность с вашей богатой планеты.

— Бедность и богатство в познании относительны, — возразил астронавигатор, — у нас на Земле все начинается с вопроса: какова польза человеку от самых отдаленных последствий, от самого малого расхода духовных и материальных сил? Вы говорите об отсутствии средств? Тогда зачем вы стремитесь к овладению первичными силами космоса, не познав как следует необходимых человеку вещей? Неужели вам еще не ясно, что каждый шаг на этом пути дается труднее предыдущего, ибо элементарные основы вселенной надежно скованы в доступных нам видах материи? Даже пространственно-временная протя-

женность неудержимо стремится принять замкнутую форму существования. Вы гребете против течения, сила которого все возрастает. Чудовищная стоимость, сложность и энергетическая потребность ваших приборов давно превысили истощенные производительные силы планеты и волю к жизни ваших людей! Идите иным путем — путем создания могучего бесклассового общества из сильных, здоровых и умных людей. Вот на что надо тратить все без исключения силы. Еще один из древних ученых Земли, математик Пуанкаре, сказал, что число возможных научных объяснений любого физического явления безгранично. Так выбирайте только то, что станет непосредственным шагом, пусть маленьким, к счастью и здоровью людей. Только это, больше ничего!

Прежде чем научиться нести чужое бремя, мы учимся, как не умножать это бремя. Стараемся, чтобы ни одно наше действие не увеличивало суммы всепланетной скорби, постигая диалектику жизни, гораздо более сложную и трудную, чем все головоломные задачи творцов научных теорий и новых путей искусства.

Самое трудное в жизни — это сам человек, потому что он вышел из дикой природы непредназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств.

Всепроникающей культуры, гармонии между деятельностью и поведением, между профессией и моралью у вас еще нет даже на самой вершине культуры Ян-Ях, какой считается здесь физико-математическая наука...

— А у вас, на Земле, не считается?

— Нет. Вершина, куда сходятся в фокусе все системы познания, у нас история.

Снова поднялся председатель собрания:

— Поворот, какой приняла наша беседа, вряд ли интересен для собравшегося здесь цвета учености Ян-Ях.

Вир Норин увидел, что его не поняли.

— Лучше познакомьте нас с земными представлениями об устройстве вселенной, — предложил человек с орденом «Змеи и Планеты» и большими зелеными линзами над глазами.

Вир Норин подчинился желанию своих слушателей.

Он рассказал о спирально-геликоидальной структуре вселенной, о мирах Шакти и Тамаса, о сложных поверхностях силовых полей в космосе, подчиняющихся закону пятиосных эллипсоидных структур, о тройственной природе волн развития — больших и малых, о спирально-ассиметричной теории вероятностей вместо линейно-симметричной, принятой в науке Ян-Ях и не позволяющей обойтись без высшего существа. Вир Норин

говорил о победе над пространством и временем после раскрытия загадок предельных масс звезд, издавна известных ученым Ян-Ях, как и землянам: величин Чандрасекара и Шварцшильда, а главное, после исправления ошибки диаграммы Крускала, когда окончились представления об антимире как совершенно симметричном нашему миру. На деле между Тамасом и Шакти имеется асимметрия геликоидального сдвига, и взрыв квазаров не обязательно отражает коллапс звезд в Тамасе.

Самым трудным было побороть представления о замкнутости вселенной в себе, в круге времени, замыкающемся на себя и вечно, бесконечно существующем. Математические формулировки, вроде преобразования Лоренца, не помогли, а только запутали вопрос, не давая мысли человека преодолеть все эти «замкнутые на себя» системы, сферы, круги времен, которые являлись лишь отражением хаоса инфернального опыта безвыходности. Лишь когда человек смог преодолеть инфернальные круги и понял, что нет замкнутости, а есть разворачивающийся в бесконечность геликоид, тогда он, по выражению индийского мудреца, раскрыл свои лебединые крылья поверх бурного бега времен над сапфирным озером вечности.

— ...Тогда, и именно тогда мы овладели удивляющими вас психическими воздействиями и предвидениями, тогда пришли к изобретению Звездолета Прямого Луча, поняв анизотропную структуру вселенной.

Звездолеты Прямого Луча идут по осям геликоидов, вместо того чтобы разматывать бесконечно длинный спиральный путь. И воображение ученого, основанное на логически-линейных методах изучения мира, подобно той же спирали, бесконечно наматывающейся на непреодолимую преграду Тамаса. Только в раннем возрасте, до кондиционирования человека системой устоявшихся взглядов, прорываются в нем способности Прямого Луча, ранее считавшиеся сверхъестественными: например, ясновидение, телеакцепция и телекинез, умение выбирать из возможных будущих то, которое совершится. Мы на Земле стараемся развить эти способности в возрасте, когда еще не кондиционирована величайшая сила организма — Кундалини, сила полового созревания.

Той же всеобщей закономерности подчинено и развитие жизни, неизбежно, повсюду на разных уровнях времени приводящей к вспышке мысли. Для этого необходимо постоянство внутренней среды в организме и способность накапливать и хранить информацию. Говоря иначе — независимость от внешних условий существования в наибольшей возможной степени, ибо полная независимость недостижима.

Чтобы получить мыслящее существо, восходящая спираль эволюции скручивается все туже, ибо коридор возможных условий делается все более узким. Получаются очень сложные организмы, все более сходные друг с другом, хотя бы они возникали в разных точках пространства. Мыслящий организм неизбежно резко выражен как индивид, в отличие от интегрального члена общества на предмысленном уровне развития, как муравей, термит и другие животные, приспособленные к коллективному существованию. Качества мыслящего индивида в известной мере антагонистичны социальным нуждам человечества. Хотим мы этого или нет, но так получилось в становлении земного человека — следовательно, и вашего. Это не очень удачно для искоренения инферно, но, поняв случайность, мы пришли к абсолютной необходимости дальнейшего, теперь уже сознательного скручивания спирали в смысле ограничения индивидуального разброса чувств и стремлений, то есть необходимости внешней дисциплины как диалектического полюса внутренней свободы. Отсюда проистекает серьезность, строгость искусства и науки — отличительная черта людей и обществ высшей категории — коммунистических.

Если вместо скручивания спирали общества будет идти разброс и раскручивание, то появится множество анархических особей (особенно в облегченных условиях жизни), соответственно пойдет разброс и в творчестве: раздробленные образы, слова, формы. По широте и длительности распространения подобного творчества можно установить периоды упадка общества — эпохи разболтанных, недисциплинированных людей. В науке Ян-Ях особенно сказался ее разболтанный характер и, как следствие, — неумение найти верный путь. Отдельные эффекты без гармонического музыкального строя, оркестрованного с первейшими нуждами человечества... Незрелым открытиям, не изученным глубоко и всесторонне, вы придаете надуманную важность, бросаете почти все силы и средства на то, что впоследствии оказывается в стороне от главного пути, щеголяя пречислением заумных формул и пустопорожних символов.

Вир Норин остановился, затем сказал:

— Простите, я не хотел касаться социальных вопросов, но, видимо, мы на Земле не можем мыслить иначе, как имея в виду главную цель — охрану покоя, радости и творческой работы людей!..

Ученые Торманса встретили окончание речи Вир Норина угрюмым молчанием. Они сидели, ни словом, ни жестом не выражая своих чувств, пока он, несколько удивленный реакцией аудитории, спускался с кафедры. Впрочем, он почувствовал

нарастающую неприязнь уже в начале своих социологических формулировок. Вир Норин поклонился и вышел из зала, всем своим существом ощущая взрывчатую враждебность привилегированных слушателей. Прикрыв за собой дверь, он услышал нестройный шум, тут же усилившийся до крика. Разумеется, провожать его никто не вышел, и Вир Норин, не терпевший церемоний прощания, даже обрадовался, что сэкономил время и раньше увидит Сю-Те. Спустя полчаса он подходил к своему дому. В душе зародилось неясное опасение: плохое назревало в его грядущей судьбе, и это плохое связано с выступлением в физико-техническом институте. Да, он произвел впечатление на ученых, но какое? Он вел себя не так, как нужно, не сумев остаться в рамках «чистой» науки Ян-Ях. Однако Таэль подчеркивал нужность именно такого выступления... Надо поговорить с Родис, она сумеет заглянуть в будущее дальше него...

Дурные предчувствия Вир Норина сразу же исчезли, когда он увидел Сю-Те. Никогда он не представлял, сколько истинного счастья можно испытать на краю опасности вот в такой маленькой комнате. Лицо Сю-Те было озарено беззаветной любовью, и Вир Норин чувствовал, как дороги ему каждый ее жест, смешливые морщинки, манера ходить, ее странный нежный голос, ни высокий, ни низкий, ни звонкий, ни глухой. Сю-Те всегда умела внести новое, нечаянное в их разговор, внезапно переходя от сияющей радости к тревожным думам о будущем, от самозабвенной, почти яростной страсти до печального сосредоточения в себе. Иногда, словно пробуждаясь, Сю-Те смотрела на Вир Норина, как в бездну жизни, готовая и душу и тело бросить туда, отдать все до последнего вздоха. Порой призраком беды вдруг вставало перед ней темное будущее, возникало пронзительное чувство хрупкости ее счастья со странным пришельцем из межзвездных пространств, непостижимым для ее ума, и тогда Сю-Те бросалась к астронавигатору и замирала, прильнув к нему с закрытыми глазами, едва дыша.

Она часто пела и начинала обычно с проникновенно-печального, а потом с задором пускалась в сложную вязь ритмического танца. Она поверяла ему детские мечты, рассказывала свои юные переживания с тонкостью чувств и наблюдений, доступных не всякой женщине Земли. И снова пела, засматривая в будущее, как в темную реку, медленно текущую в неизвестную даль. И ему хотелось тогда забыть обо всем, чтобы подольше оставаться с Сю-Те, в щедрости ее любви, и самому отдавать себя столь же безоглядно. Невозможная мечта: слишком сложна была ситуация на чужой планете, где он сделался катализатором нарождающихся сил сопротивления и

борьбы за человеческое существование, за выход из инферно! Предстояло еще пережить тяжкий момент, когда звездолет со всеми его друзьями уйдет на родную планету. Ожидание мучило Вир Норина, хотя впереди было еще немало дней совместной работы с Родис и частых встреч по СДФ с экипажем звездолета.

Так думал Вир Норин, но он ошибся.

После того как он покинул институт, из толпы спорящих вышел низкорослый человечек с кожей настолько желтой, что походил на больного. Он был вполне здоров, просто принадлежал к этнической группе обитателей высоких широт головного полушария. Нар-Янг уже заработал себе двойное имя, будучи известным астрофизиком. Он поспешил в кабинет на четвертом этаже института, заперся там и, ободряя себя курительным дымом, принялся за вычисления. Лицо его то кривилось в саркастической усмешке, то расплывалось в злобной радости. Наконец он схватил записи и поехал в приемную Высшего Совета, где находился переговорный пункт для вызова наиболее ответственных сановников по не терпящим отлагательства делам государственного значения.

На видеоэкране появился надменный «змееносец».

Окрыленный открытием, Нар-Янг потребовал соединить его с Владыкой. Тайна, которую он раскрыл, настолько важна и велика, что он может доверить ее лишь самому Чойо Чагасу.

«Змееносец» из глубины экрана долго всматривался в астрофизика, обдумывая что-то, и наконец его злое и хитрое лицо выразило подобие улыбки.

— Хорошо! Придется подождать, сам понимаешь.

— *Конечно, понимаю...*

— Так жди!

Экран погас, и Нар-Янг, опустившись в удобное кресло, предался честолюбивым мечтам. За такое донесение его наградят орденом «Змеи и Планеты», званием Познавшего Змея, дадут красивый дом на берегу Экваториального моря. И Гаэ Од-Тимфифт, знаменитая танцовщица, которой он давно домогается, станет уступчивой...

Дверь с грохотом распахнулась. Ворвались двое здоровенных «лиловых». За спинами их маячил бледный дежурный по приемной. Прежде чем астрофизик опомнился, его вытащили из кресла и, заламывая руки назад, потащили к выходу. Испуганный и возмущенный Нар-Янг закричал о помощи, угрожая пожаловаться самому Чойо Чагасу. Удар по голове, на миг затуманивший зрение, оборвал его излияния. Опомнившись уже в машине, бешено прыгавшей по неровной дороге в гору, уче-

ный попытался спросить схвативших его людей, куда и зачем его везут. Крепкая пощечина прекратила вопросы.

Его вытолкнули из машины перед глухими воротами темно-серого дома, обнесенного чугунной стеной. Сердце Нар-Янга затрепетало в смешанном чувстве страха и облегчения. Жители столицы боялись резиденции Ген Ши, первого и самого грозного помощника Чойо Чагаса. Астрофизика рысью погнали вниз, в полуподвальный этаж. В ярко освещенной комнате ошеломленный Нар-Янг зажмурил глаза. Одно мгновение потребовалось охранникам, чтобы срезать с его одежды застежки, снять пояс, распороть снизу доверху рубашку. Подтянутый, суховатый ученый превратился в жалкого оборванца, уцепившегося за свои постыдно сползающие брюки. Жестокий пинок в спину — и, дрожа от страха и ярости, он оказался у большого стола, за которым сидел Ген Ши. Второй на планете владыка улыбался приветливо, и Нар-Янг почувствовал уверенность.

— Мои люди перестарались, — сказал Ген Ши. — Я вижу, вам неточно передали приказ, — обратился он к «лиловым», — привезти не преступника, а важного свидетеля.

Ген Ши помолчал, разглядывая желтокожего астрофизика, потом тихо сказал:

— Ну, выкладывай сообщение! Надеюсь, ты решился потревожить владыку по действительно важной причине, иначе, сам понимаешь, — от улыбки Ген Ши приободрившийся было Нар-Янг зябко поджал пальцы на ногах.

— Сообщение важное настолько, что я изложу его лишь самому великому, — твердо сказал он.

— Великий занят и повелел два дня его не тревожить. Говори, да побыстрее!

— Я хотел бы видеть владыку. Он разгневается, если я скажу кому-нибудь другому. — Ученый опустил глаза.

— Я тебе не кто-нибудь, — угрюмо сказал Ген Ши, — и не советую упорствовать.

Нар-Янг молчал, стараясь преодолеть страх. Они не посмеют ничего ему сделать, пока он владеет тайной, иначе она погибнет вместе с ним.

Астрофизик молча помотал головой, боясь выдать словами свой испуг. Ген Ши так же молча закурил длинную трубку и дымящимся концом ее показал в угол комнаты.

Мигом к Нар-Янгу подскочили «лиловые», содрали с него брюки; другие охранники сняли чехол с предмета, стоящего в углу комнаты. Ген Ши лениво встал и приблизился к грубому деревянному изваянию умаага. Прежде этих животных, ныне почти вымерших, разводили на планете Ян-Ях для езды верхом

и в упряжке. Морда умаага была оскалена в зверской усмешке, а спина стесана в виде острого клина.

«Лиловый» спросил:

— Простое сиденье, владыка, или?..

— Или! — ответил Ген Ши. — Он упрямый, а сиденье требует времени. Я спешу.

«Лиловый» кивнул, вставил рукоятку в лоб деревянной скотины и стал вращать. Клиновидная спина, точно пасть, стала медленно раскрываться.

— Что ж, надевайте ему стремена! — спокойно сказал Ген Ши, выпуская клубы дыма.

Прежде чем охранники схватили его, Нар-Янг понял свою участь. В народе давно уже ходила молва о страшном изобретении Гир Бао, предшественника Ген Ши, с помощью которого могли добиться любого признания у мужчин. Их сажали верхом на умаага, и деревянные челюсти на спине изваяния начинали медленно сдвигаться. Дикий ужас сломил все упрямство и человеческое достоинство астрофизика. С воплем «Все скажу!» он пополз к ногам Ген Ши, вжимаясь в пол и моля о пощаде.

— Отставить стремена! — скомандовал владыка. — Поднимите его, посадите, нет, не на умаага — в кресло!

И Нар-Янг, проклиная себя за низость доноса, дрожа и захлебываясь, рассказал, как сегодня утром земной гость проговорился на заседании физико-технического института, не догадавшись о выводах, какие ученые Ян-Ях сделают из обрисованной им картины вселенной.

— И ты один нашелся умный?

— Не знаю... — Астрофизик замялся.

— Можешь называть меня великим, — снисходительно сказал Ген Ши.

— Не знаю, великий. Я сразу же пошел чертить и вычислять.

— И что же?

— Звездолет пришел из невообразимой дали космоса. Не меньше тысячи лет потребуется, чтобы сообщение отсюда достигло Земли, две тысячи лет на обмен сигналами.

— Это значит?! — полувопросительно воскликнул Ген Ши.

— Это значит, что никакого второго звездолета не будет... Я ведь присутствовал в качестве советника на переговорах с землянами... И еще, — заторопился Нар-Янг, — показанное нам заседание земного совета, разрешавшее уничтожить Ян-Ях, — обман, блеф, мистификация, пустое запугивание. Никого стирать с лица планеты они не будут! У них нет на это полномочий!

— Ну, такие дела возможны и без полномочий, особенно если далеко от своих владык, — подумал вслух Ген Ши и вдруг

грозно ткнул пальцем в ученого: — Никто об этом не знает? Ты никому не проговорился?

— Нет, нет, клянусь Змеем, клянусь Белыми Звездами!

— И это все, что ты можешь сообщить?

— Все.

Опытное ухо Ген Ши уловило заминку в ответе. Он поиграл изломанными, как у большинства жителей Ян-Ях, бровями, пронизывая жертву безжалостным взглядом.

— Жаль, но все же придется прокатить тебя на умааге. Эй, взять его!

— Не надо! — отчаянно завопил Нар-Янг. — Я сказал все, о чем догадался. Только... Вы помилуете и отпустите меня, великий?

— Ну? — рявкнул Ген Ши, сокрушая последние остатки воли ученого.

— Я слышал разговор двух наших физиков, случайно, клянусь Змеем! Будто они разрешили загадку защитного поля землян. Его нельзя преодолевать мгновенными ударами вроде пуль или взрыва. Чем сильнее удар, тем больше сила отражения. Но если рассечь его медленным напором поляризованного каскадного луча, то оно поддается. И один сказал, что хотел бы попробовать свой квантовый генератор, недавно изготовленный им в рабочей модели.

— Имена?

— Ду Бан-Ла и Ниу-Ке.

— Теперь все?

— Полностью все, великий. Более я ничего не знаю. Клянусь...

— Можешь идти. Дайте ему иглу и плащ, отвезите куда надо.

К натягивающему брюки Нар-Янгу подошли «лиловые».

— Еще двоих за этими физиками! Нет, берите только Ду Бан-Ла. С женщиной придется возиться, они всегда упорнее!

Старший из «лиловых», низко кланяясь, исчез за дверью. Другие подвели ученого к выходу. Едва он ступил за порог, как офицер в черном, молча стоявший в стороне, выстрелил ему в затылок длинной иглой из воздушного пистолета. Игла беззвучно вонзилась между основанием черепа и первым позвонком, оборвав жизнь Нар-Янга, так и не успевшего научиться простой истине, что никакие условия, мольбы и договоры с бандитами невозможны. Остатки старой веры в слово, честь или жалость погубили множество тормансиан, пытавшихся выслужиться перед олигархами и поверивших в «законы» и «права» шайки убийц, какими были, по существу, Совет Четырех и его высшие приближенные.

Ген Ши движением пальца удалил черного офицера и перешел в соседнее помещение с пультами и экранами переговорных аппаратов. Повернув голубую клемму, он вызвал Кандо Лелуфа, иначе Ка Луфа, третьего члена Совета Четырех, ведавшего учетом хозяйства планеты. Это был полный маленький человек в пышной парадной одежде, напоминавший Зет Уга, но с большой челюстью, женским маленьким ртом и писклявым голосом.

— Кандо, тебе придется отменить свой прием, — без долгих предисловий объявил Ген Ши. — Немедленно приезжай ко мне, отсюда будем командовать некой операцией. Подвертывается редкий случай совершить задуманное...

Не прошло и получаса, как оба члена Совета Четырех, дымя трубками, обсуждали коварный план.

Чойо Чагас время от времени удалялся в секретные покои своего дворца (даже Ген Ши не знал, что там находится, в этих подземельях под башней). На этот раз владыка отсутствовал только сутки, и это означало, что по крайней мере еще сутки полная власть над всей планетой будет в их руках. За это время многое можно сделать!

План был прост: арестовать Фай Родис и Вир Норина, пытками заставить их сказать все, что нужно, по телевидению и как можно быстрее убить. Земляне не будут воевать со всей планетой. Хорошо было бы, конечно, вызвать звездолет на активные действия, если пытками заставить владычицу землян приказать нанести удар по садам Цоам и уничтожить Чойо Чагаса, как виновника. Могущество звездолета велико. От садов Цоам останется яма, в которой исчезнут ближайшие помощники и охрана владыки, не говоря уже о нем самом. Тогда Ген Ши и Ка Луф становятся без излишних потрясений и риска первыми лицами в государстве, а Зет Уг — там видно будет! Всех свидетелей убрать, в том числе и дурака Таэля, не умеющего толком шпионить!

— На будущее надо позаботиться о глубоких подземных укрытиях. Ведь звездолеты с Земли, раз познав дорогу, обязательно будут являться сюда. Прикажу, чтобы всех, кого хватают в столице, не отправляли во Дворец Нежной Смерти или дальние места, а создали из них армию подземных рабочих, — изрек Ген Ши.

— Мудрейшая мысль! — пискнул Ка Луф.

Пока заговорщики совещались наверху, в нижний этаж притащили избитого, но еще сопротивлявшегося физика Ду Бан-Ла. Этот оказался упорнее легковерного доносчика Нар-Янга, и «лиловым» пришлось посадить его на умаага. Потеряв голос от нечеловеческого крика, обливаясь потом и слезами, физик сдался и под конвоем палачей поехал за своим аппаратом.

* * *

Фай Родис с наступлением ночи спустилась в подземелье. Сегодня происходило большое совместное собрание «кжи» и «джи» — обсуждались реальные шаги к слиянию сил в общее сопротивление. Слушая говоривших, Родис не переставала обдумывать, как помочь Вир Норину и его милой фее Сю-Те. Она не сомневалась в решении всех Советов Земли. Сюда не пошлют экспедиций, пока не прорастут семена посеянного людьми «Темного Пламени», или, при худшем исходе, станет ясным, что Час Быка не кончается и демоны продолжают властвовать на Тормансе. В таком случае можно применить закон Великого Кольца об уничтожении режимов, закрывающих мыслящим существам путь к всестороннему познанию мира, остановивших их развитие, сохраняя инферно. Никто не станет повторять ошибок древних колонизаторов Земли, селившихся в чужих странах, не зная ни истории, ни психологии, ни обычаев народов-аборигенов, тем более если эти народы обладали высокоразвитой собственной культурой.

Вот хорошая идея: договориться с Чагасом о том, чтобы Вир Норин легально остался здесь, на планете Ян-Ях, в качестве историка, наблюдателя и корреспондента до прихода следующего корабля. Или еще лучший предлог — мнимый, «вызванный» ею звездолет якобы задерживается, и астронавигатор останется для связи и посадки. Это даст Вир Норину какой-то срок спокойной жизни...

Из окружающей темноты пришло ощущение грозной опасности, сгустившейся внезапно, как пригнанные шквалом зловещие тучи. Чуткая психика Фай Родис предупредила ее. Впервые за все время пребывания на Тормансе она почувствовала, что на нее надвигается смертельная опасность.

Враги были близко. Увлечение совещанием, думы о Вире ослабили ее нормальную чуткость, и она опоздала на час или больше. Подозвав Таэля, Родис передала ему свои опасения. Инженер внимательно взглянул на нее, и холодок пробежал по его спине. Ласковая, почти нежная осторожность земной женщины сменилась грозной решительностью, неуловимой быстротой движений и мыслей. Воля, словно туго натянутая струна, вибрировала в ней, отзываясь на чувствах окружавших людей.

Родис посоветовала расходиться по двум главным и дальним ходам. Она предварительно просмотрела их психически: нет ли западни? Никто не должен попасть в лапы «лиловых», иначе пойдет разматываться страшная нить расследования.

Потом поспешила наверх в сопровождении Таэля, концентрируя всю свою волю на призыве к Вир Норину. Минуты шли, но Родис не уловила отзыва.

— Попытаюсь связаться с Владыкой, — сказала она Таэлю у подножия лестницы, которая вела в ее спальню.

— Вы подразумеваете Чойо Чагаса? — спросил Таэль, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— Да. С другими нельзя иметь дела. Они не только безответственны, они враждебны Чагасу.

— Великая Змея и Змея-Молния! Ведь Чойо Чагаса нет, и теперь я понимаю...

— Как нет? (У Родис мелькнуло воспоминание о тайном хранилище вывезенных с Земли вещей.)

— Он удалился на двое суток в секретную резиденцию и передал управление, как обычно, Ген Ши.

— Так они хотят захватить нас в отсутствие Чойо Чагаса! Пытками заставить что-то сделать для них, а то и просто убить нас, чтобы на корабле покарали Чагаса, это несомненно. Таэль, милый, спасайте Вир Норина. Берите СДФ из святилища, отведите подальше и связывайтесь с ним. Он у себя, я сумею разбудить его, а вы условьтесь, куда ему спрятаться. Скорее, Таэль, нельзя медлить. В первую очередь они попытаются захватить меня. Скорее! Я тоже буду вызывать его из своей комнаты.

— А вы, Родис? Как же? Если им удастся?

— Мой план прост. Я буду обороняться защитным полем СДФ, пока не поговорю со звездолетом. Дайте координаты места в заброшенном саду, где сажали дисколет при ранении Чеди. На подготовку дискоида потребуется часа полтора. Еще около двадцати минут, пока прилетит Гриф Рифт. Батарей девятиножки хватит на пять часов, даже при непрерывном обстреле. Запас времени у меня огромный. Когда спрячете Вир Норина, возвращайтесь с девятиножкой и ждите меня около выхода из четвертой галереи. Я поставлю мой СДФ на самоуничтожение при разрядке и уйду вниз, пока они будут беситься вокруг. Не бойтесь, я ориентирую взрыв вверх, чтобы не повредить здания и не обнаружить хода в подземелье. Оно нам еще пригодится.

— Я не боюсь ничего, кроме... — Инженер подавил прорвавшееся вдруг рыдание. — Я боюсь за вас, Родис, моя звезда, опора, любовь! Надвигается нечто небывало ужасное!

Фай Родис сама боролась со зловещей тоской, острым клином пробивавшейся из окружающей тьмы через ее стойкую психику. Вероятно, тормансианину передавалось ее чувство.

— Идите, Таэль. Можете опоздать с Норином.

— Позвольте мне подняться с вами! Всего две минуты. Я должен убедиться, что они не пролезли в вашу комнату.

— Не смогут. Я загородила вход, как всегда, когда спускаюсь в подземелье.

Очень осторожно они сдвинули блок стены в темной спальне Родис. Приложив палец к губам, она подкралась к двери во вторую комнату, услышала сильное гудение девятиножки и выглянула за порог. У настежь распахнутой из коридора двери сгрудилось множество людей в черных халатах, капюшонах и перчатках — ночных карателей. Широкий проход между помещениями верхнего этажа был заполнен «лиловыми», маячившими в размытых контурах защитного поля. Задние суетились, таща нечто тяжелое, а передние стояли неподвижной шеренгой, не пробуя ни стрелять, ни бросаться в атаку.

Фай Родис незамеченной отступила в спальню.

— Спешите, Таэль!

Инженер сделал шаг к оставленному открытым входу и оглянулся. Вся его преданность и любовное преклонение перед Родис отразились в лице с силой предсмертного прощания.

Родис обняла Таэля, поцеловав его с такой силой чувства, что в глазах у того помутилось. На миг Таэлю припомнились фильмы о Земле, о холодноватой и нежной любви землян, странно сочетавшейся с неистовой страстью...

Он уже бежал по крутой лестнице в непроницаемый мрак подземелья, а Родис, подпрыгнув, нагнула карниз и задвинула отверстие в стене.

Столица засыпала рано, и в этот час в квартале «джи» царило безмолвие. Вир Норин внезапно проснулся. В заглушенной коврами комнате Сю-Те едва слышалось ровное дыхание спящей. Беззвучный голос звал его из мрака: «Вир, Вир, очнитесь! Очнитесь, Вир! Опасность!»

Он вскочил, мгновенно стряхнув сон: Родис! Что случилось?

Разбудив Сю-Те, он побежал к себе, включил девятиножку и увидел темную комнату Родис. Через несколько секунд видение растворилось и появился Таэль...

Ужас и восхищение охватили Сю-Те в сумасшедшей скачке на СДФ по темным улицам города Средоточия Мудрости. На куполе девятиножки мог уместиться лишь один человек. Вир Норин взял девушку на руки. Фантастическая координация и чувство равновесия землянина удерживали его на мчавшейся с максимальной скоростью маленькой машине. На развилке дорог, за городом, астронавигатор остановился. По совету Таэля он медленно объехал большой круг, опрыскав почву особым составом, когда-то принесенным ему Таэлем. Это утаенное от

владык изобретение обладало свойством надолго парализовать обонятельные нервы. Теперь не страшны собаки, если их пустят по следу. Оставалось не больше двух километров пути до посадочной площадки дискоида.

Тем временем Родис вышла из спальни, и враги заметили ее сквозь неплотную защиту. Они засуетились, показывая на нее и делая знаки стоявшим позади. Родис усилила поле, серая стена скрыла движущиеся фигуры, а проход погрузился во тьму. Невидимая для врагов, Родис вызвала верхним лучом свой корабль. Там, у щитка, на котором остались лишь два зеленых огонька землян и третий — Таэля, сидела Мента Кор. Она мгновенно разбудила Гриф Рифта. Он явился через несколько секунд. Общий сигнал тревоги зазвучал по звездолету. Весь экипаж принялся готовить дискоид — последний из трех, взятых с Земли. Рифт, в тревоге склоняясь над пультом, просил Фай Родис не выжидать более, уходить в подземелье.

— Девятиножка справится без вас. Я давно опасался чего-нибудь подобного и не переставал удивляться вашей игре с Чойо Чагасом.

— Это не он.

— Тем хуже. Чем ничтожнее власть имущие, тем они опаснее. Я прилечу, не теряя ни секунды. Светлое небо, неужели вы наконец будете на корабле, а не в аду Торманса?

— Здесь множество людей ничем не хуже нас. Они обречены от рождения до смерти оставаться здесь — невыносимая мысль. Я очень тревожусь за Вира.

— Да вот он, Вир! Сидит под деревьями у посадочной площадки. Немедленно уходите!

— Иду, не обрывайте связь, наблюдайте за комнатой. Хочется знать, сколько выдержит моя верная девятиножка. И мы простимся с ней уже с «Темного Пламени».

Родис взяла со столика катушку еще не переданных на звездолет записей и, послав Гриф Рифту воздушный поцелуй, направилась в спальню.

Раздался такой оглушительный визг, что Родис на мгновенье замерла. Из мрака защитного поля, точно морда чудовища, раскаленным клином высунулся неведомый механизм. Распоров защитную стену, он свистящим лучом ударил в дверь спальни, отбросив Родис к окну, близ которого стояла девятиножка.

Вне себя Гриф Рифт вцепился в край пульта, приблизив к экрану исказившееся в страхе лицо.

— Родис! Родис! — старался он перекричать свист и визг луча, за которым в комнату влезало какое-то сооружение, про-

двигаемое черными фигурами карателей Ген Ши. — Любимая, небо мое, скажите, что сделать?

Фай Родис стала на колени перед СДФ, приблизив голову ко второму звукоприемнику.

— Поздно, Гриф! Я погибла. Гриф, мой командир, я убеждаю вас, умоляю, приказываю: не мстите за меня! Не совершайте насилия. Нельзя вместо светлой мечты о Земле посеять ненависть и ужас в народе Торманса. Не помогайте тем, кто пришел убить, изображая бога, наказующего без разбора правого и виноватого, — самое худшее изобретение человека. Не делайте напрасными наши жертвы! Улетайте! Домой! Слышите, Рифт? Кораблю — взлет!

Родис не успела утешить себя памятью о милой Земле. Она помнила о лихих хирургах Торманса, любителях оживления, и знала, что ей нельзя умереть обычным путем. Она повернула рукоятки СДФ на взрыв с оттяжкой в минуту, могучим усилием воли остановила свое сердце и рухнула на девятиножку.

Ворвавшиеся с торжествующим ревом каратели остановились перед телом владычицы землян — на минуту оставшейся им жизни...

У командира Звездолета Прямого Луча впервые за долгую жизнь вырвался вопль гнева и боли. Зеленый огонек Фай Родис на пульте погас. Зато там, где стоял ее СДФ, в черное небо взвился столб ослепительного голубого огня, вознесший пепел сожженного тела Фай Родис в верхние слои атмосферы, где экваториальный воздушный поток понесет его, опоясывая планету.

ЭПИЛОГ

Давно окончилась «звездочка» памятной машины — фильма об экспедиции на Торманс, а ученики сидели, окаменев от впечатлений. Учитель не тревожился за крепкую психику девушек и юношей Эры Встретившихся Рук и дал им прочувствовать увиденное. Первыми очнулись Ками и Пуна, всегда самые быстрые.

— Я постарела на тысячу лет! — воскликнула Пуна. — Какой страшный мир! И в нем живут наши земные люди. Я чувствую себя отравленной, и надолго. Может быть, мне нельзя смотреть инферно?

— Не постарела, а поумнела, — улыбнулся ей учитель. — Умнеть всегда нелегко. Теперь вы становитесь взрослее, если постигли, что познания, которые дает вам школа, и испытания, кото-

рым она вас подвергает, совсем не для того, чтобы набить ваши головы простой суммой законов и фактов. Это коридор необходимости, через который надо пройти каждому, чтобы выпрямить свои инстинкты, научиться чувству общественного сознания, и прежде всего осторожности в действиях и тонкости в обращении с людьми. Коридор предельно узок и труднопроходим.

— Теперь я все понимаю, — согласилась Пуна, — и даже казавшиеся ненужными охранительные системы. Это абсолютно необходимо! Чем сложнее структура общества, тем легче оно может обрушиться в инферно. И еще, — заторопилась девушка, — все: мысли, поступки и мечты — должно уменьшать страдания и увеличивать свободу всем другим людям.

— О да, ты права! — волнуясь, сказал Кими. — У меня другое, очень странное впечатление. Земля стала в тысячу крат милее и прекраснее. Я сейчас понял, как уютен наш дом в бесконечности мира и чего стоило его создать. Но все это как будто тонкий занавес, скрывающий за собой бездну тьмы и в прошлом человечества и в судьбе планет. Я буду историком, как она, буду работать в Академии Горя и Радости.

— «Она» — это Фай Родис, конечно? — спросил учитель.

— Да! — гордо ответил Кими. — И вы убедитесь, что я не ошибся в выборе.

— Внучка Фай Родис учится в школе третьего цикла в южном полушарии, около Дурбана, — лукаво сказал учитель.

— Как? — вспыхнул Кими.

— У Фай Родис оставалась на земле дочь, ставшая женой сына Гриф Рифта. У них дочь и сын, — пояснил учитель, — есть потомки и других звездолетчиков. Я знаю о сыновьях Чеди и дочерях Эвизы, которые явились на свет уже после возвращения их с Торманса, — добавил он.

— Хотя одна вернулась с физической раной и, наверное, обе — с душевными, — заметила Дальве. — Нельзя безнаказанно пройти через инферно, как пришлось им обеим. Мне в первый раз стало страшно, когда я поняла, как хрупка человеческая культура. Они, тормансиане, достигли космоса, одолели невообразимое пространство, получили от судьбы хорошую планету...

— Да! И, разграбив ее, скатились в темную пропасть, в инферно, убивая и озлобляясь, — добавила сдавленным от волнения голосом Иветта.

— Все у них обратно нашему миру, будто в Тамасе. Яркая индивидуальность, большие способности вместо служения обществу делают из человека замкнутого эгоиста, зачем-то самого себя превозносящего, — сказала мечтательная Кунти.

А Миран, еще более хмурый, чем всегда, добавил:

— Я воспринял всю глубину падения тормансиан, когда выяснилось их отношение к художникам. Они не понимали, что люди искусства крупицами отвоевывали у смерти во времени, у разброса в пространстве красоту, мечту, идеал несостоявшегося, но возможного, слагая лестницу подъема из инферно, прочь от размытых чувств и мгновенного счастья природы.

— Отлично сказано, Миран, — похвалил учитель. — Именно в том, чтобы помогать подыматься из инферно, и состоит назначение художника. Без этого есть лишь слепой талант, как бы велик он ни был. Спектр очарования природы: звериная сила тела, чувство бесконтрольного приволья, водоворот вечного кочевья, охоты, сражения, «злые» чары темной страсти — все, что составляет анимальную сущность диких сыновей и дочерей Земли. Этому могучему и древнему волшебству вы противопоставите свет и безграничную вселенную ноосферы — поверх темных глубин побежденного самим собой «я».

— А что случилось дальше с экипажем «Темного Пламени» здесь, на Земле? — спросила Пуна.

— Вы прочитаете об этом во многих романах, увидите в нескольких фильмах, посвященных дальнейшей судьбе вернувшихся, — ответил учитель.

— Мы говорим о вернувшихся, — сказал Кими, — а что случилось на Тормансе? Известна ли судьба Вир Норина и Таэля? Неужели звездолет улетел сразу после гибели Родис, бросив все на произвол судьбы? Не могли наши люди сделать так!

— Не могли! — согласился учитель. — И я ждал этого вопроса. Вот дополнительная «звездочка», записанная на «Темном Пламени». Она короткая. Советую посмотреть ее немедленно, пока остра память о пережитом...

Вир Норин за минуту до катастрофы переключился на звездолет и видел все в боковом створе его экрана, так же как и Таэль, через девятиножку Эвизы, взятую из святилища.

Таэль повалился на каменный пол здания, где он ждал Родис. Звон СДФ заставил его подняться. Вир Норин требовал, чтобы ему немедленно добыли черный балахон с капюшоном, как у карателей.

— Что вы будете делать, Вир? Родис, единственной во вселенной Фай Родис больше нет!

— Но есть погубивший ее аппарат. Я не сомневаюсь, что он только один. Иначе они убили бы одновременно нас обоих. Таэль, будьте землянином! Действуйте! Я иду к вам.

Сю-Те, заплаканная, страдающая, но не сломленная, осталась ждать Вир Норина у развалившихся стен старинной садовой постройки под охраной девятиножки.

Когда Вир Норин прибежал в лабораторию имени Зет Уга, Таэль уже добыл костюм ночного карателя. Вир Норин спустился в подземелье. Миновав галерею, ведущую в пятый храм, он уверенно вышел на площадь к памятнику Всемогущему Времени. У главных ворот храма «лиловые» в обычной своей форме разгоняли толпу разбуженных взрывом обывателей. От Вир Норина испуганно шарахались встречные, а двух карателей, дежуривших в воротах, он заставил себя не видеть. По саду рыскали едва заметные фигуры, выслеживавшие кого-то. Вир Норин подумал о проницательности и быстроте мышления Фай Родис, спасшей от большой опасности ядро зарождавшихся сил сопротивления Торманса.

Беготня черных карателей облегчила задачу. Никем не замеченный, Вир добрался до пятого храма и, хорошо зная его устройство, поднялся по западной лестнице в верхний коридор, где по-прежнему толпилось не менее полусотни черных. Медленно, как бы невзначай, продвигаясь вдоль стены, астронавигатор слышал обрывки фраз, складывавшихся в ясную картину:

— Чего ждем? Вот сам приедет... А другого изловили?.. Прикончили? Эх, теряем время! Разве не видишь — этот, чей аппарат, убил себя!

Около аппарата, наполовину вдвинутого в комнату Родис, лежал обезглавленный труп. Очевидно, изобретатель, не желая более служить владыкам, сунул голову под рассекающий луч.

— Эй ты там! Чего суешься? Иди сюда! — окликнул Вир Норина распоряжавшийся здесь человек с нашитой на балахоне серебряной змеей.

Вир Норин бестрепетно подошел, вонзая свой взгляд в темноту прорезей балахона.

— Да, правильно, я приказал тебе стоять тут! Никого не подпускай к машине, отвечаешь медленной смертью в кислотной бочке!

Вир Норин поклонился, встал около машины, сутулясь, чтобы скрыть свой рост. Улучив минуту, он рассовал в разных местах аппарата четыре соединенных проводами кубика, постоял немного и вышел тем же путем, каким пробрался сюда.

К удивлению и страху карателей, тщательно охраняемый аппарат вдруг стал сам по себе накаляться, вызвал пожар, который едва потушили. Остался безобразный корявый слиток металла, похожий на скульптуры прошедших времен. Ген Ши неистовствовал, приказав взорвать дом, где жил Вир Норин. Заминированное по всем правилам инженерного искусства здание обрушилось, вызвав панику во всем районе. Оно погребло бы под своими развалинами не только Вир Норина, но и не менее

трехсот жильцов, если бы они не были заблаговременно удалены посланцами Таэля. Инженер знал своих владык и их чудовищное пренебрежение к человеческой жизни...

Взрыв здания замел следы Вир Норина в городе Средоточия Мудрости. Теперь дело было за надежным убежищем для астронавигатора и его подруги.

А пока Вир Норин, расхаживая перед СДФ, объяснял своим спутникам причины, по которым он остается на Тормансе. Если раньше у него были колебания, неуверенность в правоте поступка, то сейчас нет и следа сомнений.

Фай Родис погибла, не успев укрепить светлого дела, — он останется для помощи тормансианам. Он отдает себе отчет и в том, что ему не заменить Родис, и что налицо смертельная опасность, и как огромна утрата прекрасной Земли. Но у него появилась душевная опора, корень в чужой почве, утешение великой любовью. Вир подтолкнул к экрану смущенную Сю-Те. Она стояла с распухшими от слез глазами и носом, с горящими щеками, опустив голову, маленькая, добрая и прелестная.

Земляне поняли: разлука не будет безысходной для их друга, а гибель во имя гигантской цели никогда не пугала жителей Земли.

— Выполняйте завет Родис, милые друзья! — сказал Вир Норин. — Помните ее последние слова. Только мы с вами слышали их, Рифт!

— Какие? Что же вы молчите? — спросила Чеди, заплаканная не меньше Сю-Те. Она стояла в стороне от других, прижавшись к Эвизе Танет. В этой скорбной и тоскующей позе, записанной видеохроникой корабля, их и запечатлели авторы памятника «Темному Пламени».

— Узнаете из записи. У меня не хватит силы повторить. Но последние два слова начальницы экспедиции вы должны узнать немедленно: «Кораблю — взлет!»

Гриф Рифт побелел. Казалось, командир сейчас упадет. Эвиза бросилась было к Рифту, но он отстранил ее и выпрямился.

— Есть что-нибудь нужное вам и Таэлю, Вир Норин? — спросил он мертвым, без интонации, голосом.

— Да! Пошлите нам последний дискоид. Отдайте все фильмы о Земле, все материалы для изготовления ДПА и ИКП, все запасные батареи СДФ и... — Астронавигатор запнулся: — Немного земной еды и воды. Чтобы тормансианские друзья время от времени пробовали вкус нашего мира. Как можно больше лекарств, не требующих специальных познаний. Все!

— Будем готовить, — отвечал Гриф Рифт, — давайте посадочное место.

Командир коснулся пульта, и пилотский сфероид звездолета опоясался огнями — сигнал подготовки к отлету. Сердце Вир Норина заболело от тоски. Он молча поклонился соотечественникам и выключил СДФ.

Звездолет «Темное Пламя» прервал всякое общение с Тормансом, будто находился на ядовитой для земной жизни планете. Убрали выходные галереи и балконы. Гладкий корпус корабля неподвижно высился в горячем воздухе дня и мрака ночи, как мавзолей погибшим землянам. Внутри у экранов бессменно сидела Олла Дез. Ее изощренные руки и слух ожидали сигналов Вир Норина или Таэля, но оба молчали. Даже совсем незнакомый с Тормансом человек мог уловить в планетных передачах нотки смятения и беспокойства, хотя не было сказано ни слова о гибели Родис и мнимой смерти Вир Норина. Зачем-то выступил Зет Уг с короткой речью о дружбе между землянами и обитателями Ян-Ях. Ни Ген Ши, ни Ка Луф не появлялись в передачах. Чеди с Эвизой объясняли спутникам обычай скрывать от народа все чрезвычайные происшествия, тем более если случалось что-нибудь «наверху», как в просторечии звалась олигархическая верхушка.

Прошли сутки. Неожиданно прекратились все передачи по общим каналам планеты. Чойо Чагас вызывал «Темное Пламя» по секретной сети, обещая разъяснить случившееся, и заверял, что приняты меры к расследованию и наказанию виновников. Ему не отвечали. Говорить с ним было не о чем. Просить позаботиться об астронавигаторе — означало передать его в руки людей, у которых не было ни чести, ни верности слову, ни добрых намерений. Договариваться о возвращении экспедиции, о доставке медицинского и технического оборудования, фильмов, произведений искусства? Это противоречило всей политике олигархического общества. Да и о каких договорах могла идти речь, если на планете не было законов, советов Чести и Права, никто не считался с общественным мнением!

Владыка приказал вызывать звездолет до вечера, а затем перейти к угрозам. Настала ночь, и по-прежнему над кустарниками побережья высился безмолвный купол огромного корабля. И все же еще раз звездолетчикам удалось увидеть свое «Темное Пламя» со стороны.

После прекращения связи с Вир Норином по галактическим часам «Темного Пламени» прошло восемь стотысячных секунды, примерно соответствовавших четырнадцати земным часам. Олла Дез отказывалась покинуть пост, хотя ей предлагали смену все остальные члены экипажа, окончившие подготов-

ку к посылке дискоида и отлету. Только Мента Кор и Див Симбел продолжали настройку пилотных установок.

Гриф Рифт, гоня неотвязные мысли о Родис, раздумывал над списками погруженных в дисколет вещей, стараясь не упустить решающе важного, как будто Вир Норина покидали на необитаемой планете. Отсутствие связи начинало тревожить командира. Думать о каких-либо новых жертвах среди землян или тормансианских друзей было невыносимо. А столица упорно молчала, и неизвестность происходящего томительно растягивала время даже для терпеливых землян.

Рифт подумывал, не ответить ли Чойо Чагасу и осторожно выспросить о судьбе Таэля, когда наконец зазвенел вызов и на экране появился Вир Норин... Сыщики «лиловых» все же добрались до подземелья Храма Времени, но нашли его пустым и обработанным уничтожающим запахи составом. Архитекторы отыскали обширное убежище на окраине столицы, недалеко от высохшего озера. Туда, на древнее поле битвы, и надо сажать беспилотный дискоид.

Вир Норин дал координаты и посторонился. Инженер Таэль в низком поклоне приветствовал земных друзей и поднес к приемнику СДФ два стереоснимка. Без пояснений Вир Норина звездолетчики не узнали бы, кто эти сановники, сидевшие мертвыми в роскошных черных креслах, с искаженными от ужаса лицами. Страшные неизвлекаемые ножи Ян-Ях торчали из скрюченных тел. Ген Ши и Ка Луф понесли заслуженную кару, не дождавшись суда и следствия Чойо Чагаса, на котором они сумели бы вывернуться. Сотни рабски послушных людей запутали бы владыку нагромождением лжи. Но вмешались другие судьи — «Серые Ангелы», возобновившие свою деятельность с неслыханным могуществом.

— Наказаны смертельно еще двадцать главных виновников нападения, — с гневным торжеством сообщил инженер.

— Чего вы этим добьетесь? — спросил Гриф Рифт.

— Это было необходимо. Надо быть систематичными и абсолютно беспощадными в защите от беззакония, лжи и бесчестия. Вы сами на Земле тщательно соблюдаете в общественных отношениях третий закон Ньютона: действие равно противодействию, — противопоставляя немедленное противодействие, а не пытаясь дожидаться, как в древности, вмешательства Бога, судьбы, владыки... Подолгу ждали люди воздаяния своим палачам, а века шли, накопляя зло и усиливая власть скверных людей. Тогда ваше общество взяло на себя функцию божественного воздаяния Немезиды: «Мне отмщение, и аз воздам!» — быстро искоренив подлости и мучения. Вы не представляете,

сколько накопилось у нас человеческой дряни за много веков истребления лучших людей, когда преимущественно выживали мелкодушные приспособленцы, доносчики, палачи, угнетатели! Мы должны руководствоваться этим, а не слепо подражать вам. Когда тайно и бесславно начнут погибать тысячи «змееносцев» и их подручных — палачей «лиловых», — тогда высокое положение в государстве перестанет привлекать негодяев. Мы многому научились от Родис и от всех вас, но способы борьбы придется разрабатывать нам самим. Прекрасные картины Земли и могучий ум Вир Норина будут нашей опорой на долгом пути. Нет слов благодарности вам, братья! Вот этот памятник навсегда останется с нами, — Таэль показал снимок «Темного Пламени», сделанный телеобъективом с ближних к звездолету высот.

Олла Дез немедленно пересняла его. В поле зрения вошла Сю-Те, что-то сказавшая Вир Норину.

— Дискоид опустился в ста метрах от нас! — воскликнул Вир Норин и чуть слышно добавил: — Теперь все.

Таэль, Сю-Те и Вир Норин стали перед девятиножкой. Восемь землян выстроились прощальной шеренгой. Чеди, не выдержав молчания, крикнула:

— Мы прилетим, Вир, обязательно прилетим!

— Когда окончится Час Быка!.. И мы постараемся, чтобы это свершилось скорее, — ответил Вир Норин. — Но если демоны ночи задержат рассвет и Земля не получит от нас известия, пусть следующий звездолет придет через сто земных лет.

Вир Норин протянул правую руку к браслету. Экран ТВФ корабля стал черным и немым. Одновременно на пульте потух зеленый огонек астронавигатора. Единственный глазок — не человека Земли, а тормансианина Таэля — остался гореть как символ восстановленного братства двух планет.

Обратный путь «Темного Пламени» оказался гораздо труднее полета к Тормансу, еще раз доказав опасное несовершенство ЗПЛ. По каким-то причинам звездолет уклонился от рассчитанной траектории. Вместо того чтобы упасть, подобно ястребу на добычу, прямо с высоких широт Галактики к восьмому обороту ее спирали, он пронизал три спиральных рукава и вышел к внешнему краю нашего острова Шакти в пояс «рентгеновских», или нейтронных, звезд столь необычной плотности, что кубический сантиметр их вещества на Земле весил бы сто миллионов тонн. Между этими опорными столбами массивного вещества в местах соприкосновения с наиболее плотными участками Тамаса горели особые завихрения материи Шакти. В них, как в бездонных воронках, кружилось в кажущемся убегании поглощаемое Тамасом излучение. Они располагались по пери-

ферии Галактики, как бы обратно веществу нашей Вселенной. Явление долго оставалось нераскрытым. Во времена первого знакомства с окраинной зоной мира Шакти эти воронки называли квазарами. Сложное устройство внешних областей Галактики и Метагалактики не излагалось в «звездочке» возвращения «Темного Пламени». Ученики поняли только грозную опасность, в какой очутился корабль.

В ТВФ они увидели короткие путевые записи памятной машины звездолета: исхудалую, черную от бессменной работы Менту Кор, неделями не спавшего командира Гриф Рифта, измученных инженеров пилотных и вычислительных установок Див Симбела и Соль Саина. Каждый имел своего «телохранителя». Соль Саина опекала Эвиза, Симбела — Чеди, Рифта — Олла Дез, а Нея Холли успевала и следить за биозащитой и охранять Менту Кор, поить ее и кормить, массировать, усыплять, когда наступали передышки.

«Темное Пламя» вырвался из внешней силовой зоны без повреждений, но с истраченными запасами энергии. Второе, более удачное скольжение по краю бездны — и звездолет пробился в двадцать шестую область восьмого оборота, откуда осталось около трех месяцев пути до Земли. Он опустился на то же самое плоскогорье Реват, откуда ушел одиннадцать месяцев тому назад на планету Торманс.

— Что произошло на Земле после прибытия корабля, известно каждому землянину и не ново для вас, — сказал учитель, погасив ТВФ, и остановился, как бы выжидая.

— Срок, данный Таэлем, кончился! — вдруг сообразил Кими, и его поддержали все остальные. — Пора отправлять ЗПЛ. Туда, на Торманс!

— Неужели ничего не сделано?! — вскричала Айода. — И никто не обращался в Совет Звездоплавания?

Учитель лукаво следил за разгорающейся тревогой молодых людей. Наконец он поднял руку, споры утихли, и все повернулись к нему.

— Вы были в прошлом году в пустыне Намиб и пропустили одно событие, взволновавшее всю планету. Снова, как три века назад, ЗПЛ цефеян шел в обычном пространстве около Торманса и был привлечен сигналами автоматической станции на спутнике планеты. Кодом Великого Кольца станция просила все ЗПЛ, направляющиеся в двадцать шестую область восьмого рукава Галактики, совершить посадку на планете и взять сообщение...

— Для нас, для Земли? — вскочила Пуна. — И звездолет взял?

— Взял. Какой ЗПЛ может отказаться принять почту на гигантские расстояния, только ему доступные?

— Что было в сообщении? — хором спросили ученики.

— Не знаю. Написанное языком Торманса, оно переводится и проверяется в лаборатории изучения этой планеты. Очень объемистая информация обо всем, что случилось за столетие, больше — за сто тридцать лет. Но вот эти три стереоснимка я приготовил вам...

— И вы молчали? — Айода укоризненно бросила на учителя темный, огненный взгляд.

— Молчал до времени, теперь вы подготовлены к их восприятию, — невозмутимо ответил учитель.

Щелкнул выключатель ТВФ.

Они узнали площадь и памятник Всемогущему Времени. Старого храма — места гибели Родис — не было. Вместо него широко раскрывалось небу полулунное сооружение. Лестница вела на громадную и крутую арку, окруженную на верхней площадке открытой галереей. Оба конца галереи, прикрытые прозрачными зонтами неизвестно как державшихся куполов, резко, высоко и смело выдвинулись, нависая над площадью и окружающими постройками.

— Это памятник Земле, — тихо сказал учитель, — от планеты, не называющейся более Ян-Ях, а созвучно земному прозвищу Торманс получившей имя Тор-Ми-Осс. На их языке оно означает то же самое, что Земля для нас. Это и планета, и почва ее, на которой человек трудился, выращивая пищу, сажая сады и строя дома для будущего, для своих детей, для уверенного пути человечества в безграничный мир.

На втором снимке на фоне сооружения была скульптурная группа из трех фигур.

— Фай Родис! — воскликнул Кими, и учитель молча кивнул, волнуясь не меньше детей.

Родис, изваянную из черного камня, в открытой обнаженности ее черного скафандра, несли на руках два человека с лицами Таэля и Гзер Бу-Яма, высеченные из темно-желтой, почти коричневой горной породы. Оба мужчины, «кжи» и «джи», положили сильные руки на плечи друг другу. На них свободно, скрестив ноги, сидела Фай Родис, обернув лицо к Гзер Бу-Яму и обнимая за шею Таэля.

Скульптор почему-то изобразил Родис в широком, небрежно намотанном тюрбане, так, как некогда увидел ее Таэль. Камень статуи, похожий на знаменитые черные опалы Австралийского материка, весь искрился внутренними цветными огнями. Так миллионы звезд пронизывают мрак тропических ночей Земли, о которых часто рассказывала тормансианам Родис, вдохновляя их красотой мира.

Долго смотрели земляне на изображение, доставленное с расстояния в тысячу световых лет, пока учитель не заставил себя включить третий, и последний, снимок — левого павильона.

Здесь тоже были скульптуры: Вир Норин и Сю-Те. Астронавигатор «Темного Пламени», увековеченный в темно-красном металле, лежал, уронив обессилевшие руки, опираясь плечами и головой на СДФ и закрыв глаза в вечном сне. Тормансианка Сю-Те, из чистейшего белого камня, поднимала на детских ладонях оброненные земным человеком драгоценные дары — матовый кубик ИКП и блестящий овал ДПА.

В обеих фигурах была та волшебная недоговоренность реализма, которая заставляет каждого видеть в живой форме чудо своей индивидуальной мечты.

— Светлое небо! — сказал Ларк, подражая звездолетчикам. — Значит, на Тормансе кончился Час Быка? Неужели это сделали мы, земляне: Родис, Норин, Чеди, Эвиза и все они, стоящие сейчас на плоскогорье Реват вокруг своего корабля?

— Нет! — ответил учитель. — Обитатели Торманса сделали это сами, и только они сами могли подняться из инферно. Жертвы олигархического режима Торманса даже не подозревали, что они жертвы, находящиеся в незримой тюрьме замкнутой планеты. Они воображали себя свободными, пока с прибытием нашей экспедиции не увидели истинную свободу, обновили веру в здравую человеческую натуру и ее огромные возможности, — они, которые до сих пор лишь слепо влачились за лживыми обещаниями материального успеха. И тут же сразу встал вопрос: кто ответит за израненную, истощенную планету, за миллиарды напрасных жизней? До сих пор всякая неудача прямо или косвенно оплачивалась народными массами. Теперь стали спрашивать с непосредственных виновников этих неудач. И тогда стало ясно, что под новыми масками затаилась та же прежняя капиталистическая сущность угнетения, подавления, эксплуатации, умело прикрытая научно разработанными методами пропаганды, внушения, создания пустых иллюзий. Тормансиане поняли, что нельзя быть свободными и невежественными, что необходимо серьезное психологическое воспитание, что надо уметь различать людей по их душевным качествам и пресекать в корне все причиняющие зло действия. Тогда, и не раньше, совершился поворот в судьбе планеты. Нельзя думать, что они уже всего достигли, но они открыли себя, и свой мир, и нас — своих братьев, как любящих друзей. Виденный вами памятник — неоспоримое свидетельство их вдохновенной благодарности. Прибытие нашего звездолета и действия землян послужили толчком. Родис и ее спутники восстановили в тормансианах две

гигантские общественные силы: веру в себя и доверие к другим. Ничего нет более могучего, чем люди, соединенные доверием. Даже слабые люди, закаляясь в совместной борьбе, чувствуя, что на них полагаются полностью, становятся способными на величайшее самоотвержение, веря в себя, как в других, и в других, как в себя... Как суммируете вы значение экспедиции?

— Уничтожен еще один остров инферно во вселенной, избавлены от ненужных мук миллиарды людей настоящего и будущего, — дружно ответили ученики.

Учитель поклонился своим детям.

— Нельзя дать лучшего ответа, и я очень доволен.

— Мы должны поехать еще раз на плоскогорье Реват, — сказала Иветта, — мы увидим теперь их совсем-совсем живыми!

— Вы скоро увидите живых тормансиан, — улыбнулся учитель. — По рекомендации Машин Общего Раздумья туда направлен Звездолет Прямого Луча с планеты Зеленого Солнца. И я думаю, что он уже на планете Тор-Ми-Осс.

Как создавался «Час Быка» (Беседа с Иваном Ефремовым)

В № 1-4 нашего журнала был опубликован новый роман выдающегося советского писателя-фантаста Ивана Ефремова — «Час Быка».

Наш корреспондент побывал у Ивана Антоновича Ефремова и попросил писателя ответить на ряд вопросов.

ВОПРОС. В предисловии к роману «Час Быка» вы говорите, что это произведение «явилось неожиданностью» для вас самого. Как же возникла идея романа?

ОТВЕТ. Да, я собирался писать историческую повесть и популярную книгу по палеонтологии, однако работа над романом отодвинула все на задний план.

Нас, фантастов, отличает от писателей других жанров даже то, как зарождается идея будущего романа или повести. Часто приходится слышать признания, что толчком к созданию произведения писателю послужил какой-то образ, какие-то жизненные ситуации, даже просто возникшая вдруг деталь. И наверное, это так и есть.

Нам, фантастам, в этом смысле гораздо труднее. Наш «реальный предмет» мы можем увидеть лишь в воображении. Ибо всегда это будущее, иногда безмерно удаленное от сегодняшнего дня. Поэтому для нас толчком к созданию того или другого произведения всегда служит долгое и пристальное раз-

мышление над основными тенденциями развития различных общественных структур в мире.

Я признаю только такой, глубокий подход к жанру научной фантастики. Если начинающий писатель садится за стол лишь потому, что ему захотелось вдруг пофантазировать, а фантазировать, он полагает, легко, ибо-де нет никакого контроля, у такого «писателя» получится не фантастика, а пустое фантазерство, досужий вымысел, далекий от литературы.

Я убежден, что уже сегодня мы можем представить себе, какими путями будет развиваться общество в далеком будущем.

Писатели-фантасты по-разному подходят к решению этой главной проблемы будущего... И наверное, первым толчком к написанию «Часа Быка» послужило желание поспорить, возразить некоторым авторам современных «антиутопий», романов-предупреждений. Это желание возникло у меня давно, в начале шестидесятых годов. Я обнаружил тенденцию в нашей научной фантастике (не говорю уже о зарубежной!) — рассматривать будущее в мрачных красках грядущих катастроф, неудач и неожиданностей, преимущественно неприятных.

Конечно, и о трудностях, о неудачах, даже о возможных катастрофах надо писать. Но при этом писатель обязан показать выход из грозных ловушек, которые будущее готовит для человечества. А у авторов «антиутопий» выхода-то никакого нет. Все или фатально, или подчинено прорвавшимся диким, животным инстинктам человека.

Тут надо сказать вполне определенно, что большинство западных писателей-фантастов идет от Фрейда. Его учение — это их базис, основа, платформа, с которой они стартуют в литературу. И получается пропаганда все тех же фрейдистских идей о неизбежной победе зооинстинктов человека над всем социальным, разумным, прогрессивным. Отсюда отрицание возможности построения высшего, коммунистического общества, «предсказание» извечной борьбы или грызни между людьми, которые погрязли в звериных, эгоистических, половых инстинктах.

Наши молодые литераторы, пробующие свои силы в жанре научной фантастики, едва ли знакомы настолько глубоко с учением Фрейда, чтобы умело бороться с ним. К сожалению, зачастую они безоружны, ибо нет у нас достаточно полных психологических трудов, критически рассматривавших бы фрейдизм. Тут у нас огромный пробел в психологии. Таким образом, молодые литераторы оказались как бы застигнутыми врасплох тем огромным потоком зарубежной научной фантастики, основанной на учении Фрейда, которая хлынула к нам с конца пятидесятых годов.

Влияние ее на молодые умы было бесспорным. В результате воспринималась лишь внешняя сторона, лишь видимость глубокого подхода к проблемам будущего. Рождались невольные подражания, так как многие авторы зарубежных «антиутопий» — весьма талантливые писатели.

У наших некоторых молодых подражания возникали, видимо, из желания уйти от тех розовеньких утопий, в которых счастливое коммунистическое общество изображалось достигнутым как бы само собой, люди эпохи всеобщего, всепланетного коммунизма получались наделенными едва ли не худшими недостатками, чем мы, их несовершенные предки, — эти неуравновешенные, невежливые, болтливые и плоскоиронические герои будущего оказывались очень похожи на скверно воспитанных бездельников современности.

Мне уже тогда, в начале шестидесятых годов, представлялось необходимым что-то противопоставить всем подобным утопиям, равно как и «антиутопиям». Надо было опровергнуть несколько главных тезисов современных фрейдистов, которые, то есть тезисы, получили распространение в западной литературе. Они гласят: человек должен иметь свое жизненное пространство, и он его инстинктивно охраняет, человек в основе своей не земледелец, а охотник, бродяга и убийца, инстинкт разрушения в человеке гораздо сильнее инстинкта созидания.

С этим я был не согласен, с этим я должен был вступить в борьбу.

Вот так зарождалась идея «Часа Быка»...

ВОПРОС. Над романом вы работали три года. Каков был первоначальный замысел и претерпел ли он значительные изменения в процессе работы?

ОТВЕТ. Три года я роман писал. А работал, вернее сказать, обдумывал роман гораздо дольше, как я уже говорил — с начала шестидесятых годов.

Здесь уместно напомнить случай с одним японским художником. Некий фабрикант заказал у него картину за очень высокую цену. Когда же фабрикант узнал, что свою картину художник писал всего два часа, он потребовал от художника вернуть деньги. Тогда художник ответил: «Я писал картину всю жизнь и еще два часа».

Вообще в каждое произведение вкладываешь как бы весь свой душевный и практический опыт, накопленный за всю жизнь. Но всякий раз он строго ограничен рамками определенной задачи, определенного замысла. Первоначально я думал, что напишу листов пять-шесть, небольшую повесть. И этим ограничусь.

Мне хотелось в художественной форме провести марксистскую мысль о том, что человек перешел на другую ступень чисто биологического развития, биологической борьбы, что в нем главное теперь — его социальные, общественные взгляды. Подтверждение тому — история развития самого человека.

Человек существо мыслящее, он наделен памятью. Постепенно в нем вырабатывались инстинкты взаимопомощи. И они будут неминуемо накапливаться в том обществе, которое лучше организовано.

Таким образом, первоначально я мыслил себе небольшое произведение, где показал бы будущее коммунистическое общество в контрасте с обществом, порожденным капитализмом. Уже тогда я представлял себе планету, на которую переселилась группа землян. Они повторяли пионерские завоевания Запада, но на гораздо более высокой технической основе. Мне представлялось, что государственный строй на такой планете должен быть олигархическим. К ним прилетает звездолет с Земли, где многие века уже существует высшая форма общества — коммунистическая.

Но когда я начал работу, то понял, что в небольшой по объему повести мне не удастся достаточно полно выразить идею и показать людей. Особенно когда зажили своей жизнью мои герои. И первоначальный замысел стал как бы расползаться в стороны, вглубь и вширь, захватывал многие попутные вопросы, которые нельзя было обойти.

Однако я бы не сказал, что первоначальный замысел претерпел у меня значительные изменения. В смысле идеи, основных линий романа все осталось так, как и было задумано с самого начала. Изменились лишь отдельные ситуации, персонажи, которые хотели жить по-своему, развиваться, следуя логике своего характера.

Например, по первоначальному замыслу главной героиней романа должна была быть Чеди Даан. Но затем Чеди не смогла выдержать той психологической и идейной нагрузки, которая все возрастала по мере создания, углубления романа. Чеди Даан постепенно отодвигалась на задний план, а носителем всех моих основных мыслей, моих чувств в этом романе становилась Фай Родис.

Должен заметить, что и в вопросе о том, претерпевает ли первоначальный замысел значительные изменения, писатели-фантасты отличаются от других. Мы знаем случаи, когда известные романисты признавались, что первоначальный замысел был один, а написал он совсем другое, и от замысла почти ничего не осталось.

У меня такого никогда быть не может. Потому что специфика научной фантастики заставляет с самого начала совершенно точно определить себе предмет исследования. Я только тогда сажусь за стол, когда весь будущий роман сложился в голове.

ВОПРОС. Ощущаете ли вы во время литературной работы влияние событий в мире? Как это сказалось на романе «Час Быка»?

ОТВЕТ. Безусловно, события в мире оказывают сильное влияние. И в «Часе Быка» это сказалось особенно.

В начале шестидесятых годов я побывал в Китае. Уже тогда мне бросились в глаза националистические тенденции, которые получили развитие сейчас. Обожествление «великого кормчего», желание держать народ в невежестве, в незнании того, что происходит в мире, и лишь заставлять тупо заучивать цитаты из «трудов» «председателя», отношение к народу как к «чистому листу бумаги», на котором можно все, что угодно, «написать», — это, разумеется, не могло не отразиться на замысле романа.

Вот и получилось, что планета Торманс в общественном отношении выглядела государством, выросшим как бы на слиянии того, что представляют собой современные США и современный Китай. Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что я, как писатель, как фантаст, постарался представить весьма отдаленное будущее. Общественный уклад жизни на планете Торманс ни в коей мере нельзя сравнивать с тем, что мы имеем сегодня на Земле. Я писал не памфлет.

Вообще влияние международных событий неминуемо ощущают все фантасты, ибо мы прежде всего стараемся увидеть, каким будет общество далекого будущего.

Изучение космического пространства пока на девяносто процентов приносит успех. Досадные неудачи были вызваны какими-то побочными явлениями, земными техническими неполадками, а не «силами космоса», с которыми, по утверждению авторов «антиутопий», человеку-де тягаться не под силу.

ВОПРОС. Составляете ли вы предварительный план романа? С чего вы начинаете работать над романом?

ОТВЕТ. Обязательно составляю план. Без предварительной большой работы над планом мной не написан ни один роман.

Но и к составлению плана я подхожу постепенно. Ибо сразу трудно охватить, предусмотреть все возможные линии, сюжетные повороты, фабульные ходы. Сначала на листе бумаги я записываю очень краткий конспект, основную идею будущего романа. О романе «Час Быка» эта запись выглядела так: «Люди будущего нашей Земли, выращенные в период многовекового

существования высшей, коммунистической формы общества, и контраст между ними и такими же землянами, но сформировавшимися в угнетении и тирании олигархического строя иной планеты».

Затем я завожу специальную тетрадь с пометкой «Ч. Б.» — «Час Быка», ибо одновременно работаю и над другими произведениями, имею тетради с другими пометками. Теперь наступают дни раздумий. Процесс перехода от первоначальной, что ли, заявки к более оформленному замыслу долог и незаметен. В тетрадь с пометкой «Ч. Б.» заносятся какие-то мысли, факты, заметки, возможные сюжетные ходы, отдельные фразы, детали, имена, названия, предметы — словом, все, что может сгодиться.

Постепенно тетрадь пухнет от записей. Я их перечитываю и могу уже как бы возвести определенные столбы, опору будущего сюжета. Затем я пишу второй конспект, который гораздо шире первого. Это сюжетный конспект. К нему добавляются наметки будущей фабулы, отдельные картины, целые абзацы, наметки характеров героев и т. д.

Из сопоставления первого и второго конспектов можно строить план. Но и это еще не тот рабочий план, которым я буду руководствоваться в дальнейшем. Это только план поэтапного развития идей в произведении. Я считаю, что для романиста такой план особенно важен. Здесь представляется возможность хорошо обдумать ступени той «лестницы», по которой писатель собирается повести своих героев.

И надо, чтобы все ступени были прочны, ни одна из них не шаталась, не было бы провалов. Прослеживая развитие идей, я как бы цементирую основу будущего романа, фундамент, на котором будет построено здание.

И только после этого я вновь возвращаюсь ко всем моим записям, касающимся «Ч. Б.», и на основе всего накопленного составляю развернутый рабочий план.

Однако это все же голый скелет. Здесь нет еще ни кусочка плоти. Впереди непочатый край работы, все самое трудное впереди.

ВОПРОС. Определенно ли знаете вы в начале работы, чем закончится роман? Видите ли вы последнюю главу романа?

ОТВЕТ. Да, я знаю вполне определенно, чем закончится роман. Вижу и последнюю главу. Мне это всегда ясно. И всегда мои романы заканчиваются именно так, как я и предполагал. Для меня здесь не бывает никаких неожиданностей.

Линии отдельных героев фабульно могут измениться, как это имело место с Чеди Даан и Фай Родис, но сюжетно герои, их судьбы не меняются.

И здесь, мне думается, уместно будет заметить, что именно эта сторона работы — неумение заранее видеть конец, непродуманность, неясность — особенно характерна для молодых, начинающих фантастов. Иногда их «фантазия» убегает так далеко, уводит в такие дебри, что авторы сами приходят в ужас, как выбраться, как свести концы с концами. И это вовсе не потому происходит, что герои будто бы «сами живут». Ничего подобного! В таком несовершенном произведении и герои — схемы. Все беды тут происходят от неумения заранее увидеть конечную цель своего повествования.

Вот почему молодым писателям, пробующим себя в жанре научной фантастики, надо научиться заранее обдумывать все повествование и, может быть, даже начинать с конца, пробовать написать последнюю главу. Тогда прояснится и середина и начало.

К такому убеждению я пришел из собственного многолетнего опыта.

Кстати, Лев Толстой именно так и начинал работу над многими своими романами. Сначала он писал последнюю главу или середину. А Достоевский долго мучился над планами. Многие писатели не начинают писать, пока не услышат даже звучания последней фразы своего произведения.

Когда я садился писать первую главу «Часа Быка», я, пожалуй, мог бы тогда же написать и последнюю.

ВОПРОС. Хотелось бы знать о специфике работы над созданием образов героев романа.

ОТВЕТ. Герои моих романов во многом отличаются от героев литературных произведений, отражающих сегодняшний день нашей жизни, даже от героев других писателей-фантастов. Прежде всего — это люди очень далекого будущего, это люди высшей формации многовекового коммунистического общества. Они отличаются от нас своим совершенством во всем.

При создании таких образов трудности очень велики. Их гораздо больше, чем при создании образов наших современников. Я не буду говорить о том, как создается образ, строится характер в художественной литературе вообще, — это должно быть известно читателю из многочисленных литературоведческих работ.

Но, помимо всего этого обязательного, писатель-фантаст, на мой взгляд, должен внести в образы своих героев черты далекого будущего. Герой должен остаться живым, ощутимым, а не «голубым», не абстрактным.

Вот в чем самая большая трудность.

Некоторые фантасты, например братья Стругацкие у нас, наделяют своих героев теми же чертами, которые вообще при-

сущи человеку сегодняшнего дня, теми же положительными чертами, страстями, недостатками. И искусственно переносят их в самое отдаленное будущее. Разумеется, делать это легко, для этого даже и не надо быть писателем-фантастом. Но поступать так — значит поступать неправильно.

Ведь, несомненно, человек будущего будет во многом отличаться от человека сегодняшнего дня. А предметом литературы всегда был человек. Следовательно, писатель-фантаст обязан прежде всего сказать что-то новое, что-то свое о человеке грядущего. Если он не может сказать ничего нового, то тут нет и литературы.

Когда я пишу своих героев, я убежден, что эти люди — продукт совершенно другого общества. Их горе — не наше горе, их радости — не наши радости. Следовательно, они могут в чем-то показаться непонятными, странными, даже неестественными. И я создаю образы своих героев, исходя из этого.

В моем воображении герои живут, я их воспринимаю, чувствую, хотя знаю, что иные их поступки вызовут, быть может, некоторое недоумение у читателей. Но без этого нельзя. Люди будущего, повторяю, будут отличаться от нас. Эта проблема, проблема создания героев в научно-фантастических произведениях, может решаться, по-моему, только так.

В данном случае я говорю о принципе, о подходе, о специфике. Если герои в чем-то кажутся искусственными, схематическими, абстрактными, в этом, наверное, сказались недостатки писательского мастерства. Но принцип правилен. Надо на эту высокую гору лезть, пытаться создать правдивый, высокохудожественный образ человека далекого будущего, а не подлаживаться, не приспосабливаться, не переносить искусственно человека нынешнего в то далекое время.

Хочу проиллюстрировать свои мысли таким жизненным примером. Мне приходилось наблюдать, как воспринимали наших людей за границей и как мы воспринимаем иных иностранцев. Мы люди высшей формации, социалистической. Мы отрешились от многих старых привычек. Поэтому иностранцам мы кажемся иногда непонятными, странными. А иностранцы кажутся нам подчас просто чудаками. Нас разделяют какихнибудь пятьдесят лет. А героев моего романа отделяют от современного человека многие и многие века существования всеобщего коммунистического общества.

Вот в чем специфика создания героев романа «Час Быка».

ВОПРОС. Обычно писатель знает какие-то реальные прототипы своих героев. Естественно, у героев «Часа Быка» их нет. На кого же они похожи?

ОТВЕТ. В том смысле, в каком мы говорим о прототипах романа Льва Толстого «Война и мир» или романа Максима Горького «Мать», у меня ничего подобного быть не может. Мне приходится героев создавать, моделировать заново. Но какие-то отдаленные прототипы, конечно, есть.

Я ловил себя на том, что отдельные черточки людей мне знакомых начинал мысленно сопоставлять с чертами тех или иных персонажей задуманного романа. Иногда это помогало ярче, рельефнее представить себе моего героя.

Чаще это происходило так. Я моделирую общую основу, те качества, которыми должны обладать мои герои. Эта основа накладывается как бы на какой-то прототип из современности, который, на мой взгляд, ближе всего стоит к модели. В результате сопоставлений, тщательной работы получается герой романа.

В этом отношении я, наверно, стою ближе к тому, как создают героев писатели-романтики. Наши герои имеют много общих черт: они всегда деятельны, мужественны, благородны, они побарывают обстоятельства, а не наоборот. Нужно только суметь наделить героя конкретными чертами. Но это и есть самое трудное. Если это удается, то читатель испытывает необыкновенную силу притягательности, магии героя. Он хочет ему подражать, быть таким же. Влияние таких героев на молодого человека благотворно, жизненно необходимо, драгоценно.

ВОПРОС. В новом романе особенно интересен образ Фай Родис. Наверное, не случайно начальником столь ответственной экспедиции вы избрали именно женщину?

ОТВЕТ. Да, не случайно. Ведь задание у экспедиции весьма деликатное. И мне казалось, что для его успешного выполнения более всего подошла бы именно женщина. По природе своей женщина более тонка, участлива, мягка, она ближе стоит к природе, нежели мужчина.

Нельзя было сбрасывать со счетов и эмоциональность женщины, ее обаяние, красоту. И этим она, конечно, сильнее мужчины. Я хотел показать, как эта сторона — женственность — более всего подействовала при непосредственных контактах с людьми другого мира. Кроме того, женщина по природе своей более жалостлива. И это тоже я учитывал, когда создавал образ Фай Родис.

ВОПРОС. Вы более других фантастов касаетесь эротических проблем будущего. Почему вы это делаете?

ОТВЕТ. Разумеется, не из прихоти. Я это делаю вполне сознательно, обдуманно, преднамеренно, потому что придаю эротическим проблемам будущего очень важное значение. У меня в этой области особая система взглядов. К проблемам взаимо-

отношения полов, к эротике будущего я отношусь вполне серьезно.

Мне приходится просматривать зарубежные журналы, проспекты кинокартин. И вот я заметил, что иллюстрации ко многим фильмам все более и более приближаются к откровенной порнографии. Изображается не просто красивое обнаженное тело, а обязательно в какой-нибудь соблазнительной позе.

Секс распространился не только в западном кино, он проник в литературу, в научную фантастику тоже. К сожалению, читая произведения иных молодых авторов, убеждаешься, как несерьезно, легковесно мыслят они о проблемах взаимоотношений полов в будущем. Одни пропагандируют отмирание семьи, «свободную любовь», имея в виду беспорядочные половые связи, другие выступают в роли ханжей, заменяя все естественные проявления любви одними лишь вздохами.

Когда я работал над этой линией романа, я мысленно обратился к человеческой истории. И вот о чем я подумал: в древнем мире, как известно, существовали гетеры, известно и об оргиях, которые устраивали римские императоры, но почему же в произведениях искусства тех времен мы не встречаем пресловутого секса?

Да потому, что искусство творили подлинные художники, настоящие мастера. Они воплотили в своих бессмертных произведениях различные эротические оттенки, которые вызывают у зрителя лишь чувство соприкосновения с чем-то прекрасным.

Передо мной стояла сложная задача. Я хотел добиться подобного эффекта, описывая некоторые эротические отношения далекого будущего, когда люди не только отбросили разные предрассудки, но и многие века совершенствовались в высшей форме общества.

Например, мне совершенно ясно, что абсолютно нагое женское тело — прекрасное, совершенное — выглядит куда более скромно, чем кокетливо прикрытое в определенных местах. Я описал танец нагой Оллы Дез перед многочисленными зрителями: «Легкий шум послышался из зала дворца Цоам, заглушенный высокими и резкими аккордами, которым золотистое тело Оллы отвечало в непрерывном токе движения. Менялась мелодия, становилась почти грозной, и танцовщица оказывалась на черной половине сцены, а затем продолжала танец на фоне серебристой белой ткани. Поразительная гармоничность, полное, немыслимо высокое соответствие танца и музыки, ритма и игры света и тени захватывало, словно вело на край пропасти, где должен оборваться невозможно прекрасный сон...»

Мне кажется, что здесь я попытался воспеть нечто прекрасное. А в этом состоит задача писателя.

ВОПРОС. Многие страницы вашего романа проникнуты настоящей поэзией. Видимо, без такого возвышенного поэтического чувства нельзя успешно работать в жанре научной фантастики?

ОТВЕТ. Мне так всегда казалось. Фантастика, кроме всего прочего, это поэзия ухода в другой мир, а мир прекрасного будущего. Это «магия». А чтобы создать притягательность в героях, в описаниях каких-то картин будущего, каких-то сцен, без поэтического чувства не обойтись.

Поэтому одна лишь холодная рассудочность, один лишь научный подход не создадут в жанре фантастики нечто действительно высокохудожественное. Писатель-фантаст ищет краски, слова, чтобы передать достаточно правдиво картины далекого будущего. И если он владеет поэтическим даром — это его счастье.

Я мечтаю когда-нибудь написать роман, сложив его как песню.

ВОПРОС. Правильно ли будет сказать, что ваши произведения рождаются где-то на стыке поэзии и науки?

ОТВЕТ. Не совсем правильно. В науке есть своя поэзия. А в поэзии — своя наука. И граница тут, мне кажется, довольно зыбкая. Если взять мои ранние произведения, рассказы, то в них главное, основное, быть может, единственное — это наука. Рассказы о научных открытиях, гипотезах. А вот некоторые критики считают, что и там уже были поэтические страницы.

Шли годы, и я сам чувствовал, как в моем писательском опыте все большее место завоевывала эмоциональность, отражение чувств. Теперь меня больше всего волнует эмоциональная сущность и человека и окружающего мира. Но ведь это неотделимо от науки, от психологии. Без их знания не понять и человека.

Если же возникает вопрос, что для меня главнее: человек или наука, чему я отдаю предпочтение, живому человеку далекого будущего или самому умному роботу, — то, конечно, безоговорочно — человеку. Ничто не важно для меня, кроме человека.

Сама по себе наука — абстракция. Поэтому и все рассказы, где действуют лишь умные машины, абстрактны, их нельзя считать произведениями литературы. Ибо литература всегда и везде, в любом жанре признает только живые, правдивые характеры людей.

Все усилия писателя должны быть направлены на достоверный показ человека, его судьбы. Вот с такой меркой подходил я к созданию образов героев романа. Для меня прежде

всего был важен человек, его новый облик, а не достижения науки и техники далекого будущего. Человек первичен, а все остальное вторично.

ВОПРОС. Считаете ли вы, что язык научной фантастики отличается от языка произведений других жанров литературы?

ОТВЕТ. Да, считаю. И отличие тут довольно большое. Я бы разделил язык, которым мы пользуемся, на три основные группы: язык обиходный, язык профессиональный, язык эмоциональный. Вот из этого и складывается современный литературный язык, которым пишут большинство писателей.

Но язык моих романов, я это знаю, отличается от общепризнанного литературного. Чтобы это было понятнее, я попробую привести примеры. У арабов существует более ста названий для меча, пятьдесят имен для льва. Значит, в этом была какая-то необходимость — иметь такие оттенки. У нас слово, обозначающее поцелуй, — одно. У древних греков было восемь слов, обозначающих поцелуй.

То, что, скажем, Чехов мог обозначить одним словом, я могу лишь выразить целой фразой или абзацем, а то и несколькими абзацами. Иначе читатель просто не поймет, о чем я ему сообщаю. Ведь я пишу о времени столь отдаленном, о людях, событиях, машинах, столь непохожих на сегодняшние. И это все требует особого языка, который я так бы и назвал: язык научной фантастики.

ВОПРОС. Если это так, расскажите подробнее о языке научной фантастики.

ОТВЕТ. Некоторые произведения научной фантастики страдают бедностью языка. И авторов таких произведений правильно критикуют. Все, о чем я говорил чуть выше, нельзя понимать как отрицание общих требований к языку писателей-фантастов. Я говорю не о бедности языка, а о его богатстве. Я считаю, что язык писателя-фантаста должен быть гораздо богаче среднего общелитературного.

Чехов мог в одной фразе объяснить, как сидит человек в телеге, держит вожжи, кричит на лошадь. Но попробуйте объяснить в одной фразе, как сидит астронавигатор у пульта звездолета, управляет сложнейшими механизмами, чтобы читатель все понял, все увидел. Это сделать невозможно. В этом я и вижу прежде всего специфику языка научной фантастики. Мы пишем длинно, мы более описательны, мы привлекаем гораздо больше специальных слов, терминов, профессионализмов, сравнений, деталей и т. д.

Наверное, поэтому у нас получаются такие толстые рукописи. Но от этого никуда не уйдешь.

А если взять описания Галактики? Они сложны. Надо все объяснять. Необходимость таких, иногда длинных объяснений составляет слабое место языка фантастов, неизбежно слабое. Это я знаю. Но наш язык только таким и может быть. Это не дефект. Я очень много работаю над словом, над поисками нужного, единственного. Так иногда устаю, словно кирпичи таскал.

Но это чувство знакомо каждому писателю. Я тут ничего нового не открыл.

ВОПРОС. Какими средствами вы достигаете реалистичности в изображении и людей и событий далекого будущего?

ОТВЕТ. Знаю, как это трудно — увидеть, вообразить картины далекого будущего. Иным это кажется даже невозможным. Но я вижу и своих героев и все картины до мелочей вполне рельефно, как нечто реальное, существующее.

Такая способность у меня есть, наверное, потому, что в душе я художник-живописец. А без этого, без зрительной памяти, писать правдиво в нашем жанре просто невозможно.

Теперь я полагаю, что такая способность у меня вырабатывалась постепенно, в течение многих лет. В путешествиях, которых в моей жизни было очень много, я привыкал грезить наяву. Это случалось, когда долгие дни идешь, например, по пустыне Гоби. И вот возникают перед глазами не то что миражи, а картины, написанные игрой твоего воображения, картины необычные, странные, но вполне реальные.

Я стер некоторые «белые пятна» на карте Сибири. Тогда не было вертолетов, не было таких совершенных средств связи, какие есть сейчас. Я попадал в обстановку полной оторванности от всего мира. И вот тут мое воображение поражали картины полуфантастические, хотя они возникали на почве реального, увиденного.

Я очень сильно развил зрительную память. Иные пейзажи, увиденные давным-давно, легко возникают в моем воображении как первозданные. И вот, когда я разведывал многие глухие уголки Сибири, куда до меня и нога человека не ступала, мне приходилось запоминать иные картины, пейзажи, а затем по возможности точно все это описывать в дневнике, в отчетах экспедиций.

Привыкал я и к долгому, скрупулезному обдумыванию увиденного. Иногда приходилось восстанавливать в памяти картины по несколько раз. Сопоставлять, как бы накладывать их одна на другую. Так я и натренировал свою зрительную память, способность в нужное время воссоздать необходимую мне картину зрительно.

В своей писательской практике я иду не от слова, а от зрительного образа. Я должен сначала увидеть героя, его движение, жест или какую-то картину, деталь звездолёта или пейзаж незнакомой планеты, а потом уже пробую все записать. Как видите, тот же процесс, что применял я в своей научно-геологической практике горного инженера. Но теперь я вижу картины, создаваемые моим воображением, и записываю их, пользуясь всеми средствами художественной прозы.

При этом я не сторонний наблюдатель. Я активный свидетель всего того, что вижу. Это и помогает мне реалистично, правдиво изображать и людей и события далекого будущего, каким, конечно, я его представляю.

Если б у меня не было богатого опыта путешественника и исследователя, мне пришлось бы очень трудно.

ВОПРОС. Иван Антонович! «Блокнот молодого литератора» и впредь думает помещать интервью с писателями, произведения которых будут публиковаться в нашем журнале. Вы очень заинтересованно отвечали на все наши вопросы. Можно ли из этого сделать вывод, что ваше отношение к такому начинанию БМЛ положительное?

ОТВЕТ. Самое положительное! Во-первых, беседа с вами освобождает меня от ответов на многие письма, в которых читатели задают один и тот же вопрос: как я работаю? Но не это, разумеется, главное. Я впервые встречаю в журналистике такой жанр: беседу с автором сразу вслед за опубликованием его романа. Часто встречаешь интервью, взятые у писателя или перед тем, как он собирается что-то написать, или через некоторое время, и довольно продолжительное, после выхода произведения в свет, когда и сам писатель кое-что, быть может, подзабыл...

Беседу вел Георгий Савченко

ПЯТЬ КАРТИН

Крес — оператор головной антарктической станции ППВ — склонился над графиком, когда голос друга позвал его из глубины экрана. Обрадованный и немного ошеломленный внезапностью, он всматривался в лицо школьного товарища. Такой же — и не такой... Они всегда в чем-то изменяются, возвращаясь из далей космоса. Это не штрихи резца времени, неизбежно оттеняющие лица оседлых жителей Земли.

Что-то как бы оттиснутое на самой сущности человека, отчего иначе складывается улыбка и смотрят глаза.

— Не ждал тебя так скоро. Всего два дня, как показывали ваше прибытие. Почему вы сели на старинный космодром Байконур вместо Эль-Хомры?

— Расскажу после. Меня включили на четыре минуты — узнать шифр твоего гостевого канала.

Крес назвал необходимые цифры и добавил:

— Мы можем увидеться сегодня же в двадцать часов по среднепланетному Восточного полушария. Подошла моя очередь посмотреть пять картин, а ты их тоже не видел. Мне откроют гостевой канал, хоть это и совпало с дежурством в направляющей башне. Кстати, увидишь еще двух старых друзей. Я пригласил нашего Алька — он так и остался художником. И еще будет Та...

— Она уже вернулась с Пяти Темных Звезд? И ты все же продолжаешь называть ее по-школьному? А где же Не Та?

— И ее увидишь, потому что она, ее группа, нашла пять картин. Она даст объяснения на выставке в Совете звездоплавания.

Скупо отмеренные минуты истекли. Крес вернулся к графику транспортировки. Громадность задачи не смущала его, участвовавшего в затоплении пустынь Калахари и Намиб в Южной Африке. Теперь предстояло перебросить целое море пресной воды на материк Австралии. Там сотни лет назад нерасчетливое орошение пустынь подземными водами привело к массовому засолению почв, а недра материка могли дать лишь сильно минерализованный кипяток.

Опреснение морской воды не составляло проблемы, но ядовитая дистиллированная вода должна была подвергаться сложной химической обработке. Давно стало известно, как

много веществ, хоть и в самых ничтожных количествах, было растворено в сложной структуре воды — минерала, когда-то считавшегося самым простым. Без этих веществ вода не могла служить жизни, а колоссальные ее количества, нужные для орошения целого материка, требовали столько труда, что не оправдывались ни земледелием, ни скотоводством Австралии.

Как всегда, выход из тупика нашелся раньше, чем думали, и в неожиданном направлении. Изобрели способ переноса водяных молекул в потоках заряженных частиц. Создавалось нечто вроде ураганного ветра, поднимавшегося исполинской дугой в стратосферу и переносившего любые количества воды. А здесь, на ледяном щите Антарктического материка, небольшая термоядерная станция давала кубические километры пресной воды.

Совет экономики планеты торжествовал, что отказался в свое время от проекта растопления антарктических льдов и повышения уровня океанов. Незачем было мешать пресную воду с соленой, когда теперь стало возможным излить любое ее количество в любую точку планеты. После промывки засоленной почвы Австралии предстояло затопление Сахары, промывка Большой Соляной пустыни Ирана, создание пресноводных озер-морей в Центральной Азии.

Крес соединился со станцией, запрятанной глубоко в толще льда. Все было готово для создания заряженного потока. Непередаваемо низкое гудение излучателей затрудняло разговор даже в хорошо изолированном помещении главного пульта. Крес включил сигналы предупреждения.

Через пятнадцать минут полоса атмосферы между Антарктикой и Австралией в две тысячи километров шириной станет опасной для самолетов на высоте теплой зоны стратосферы. Западная часть Австралийского материка, и без того обезлюдевшая, была эвакуирована несколько дней назад.

Крес еще раз проверил настройку и вошел в крохотную кабинку, молниеносно взвившуюся на 1600-метровую башню наблюдения. Некогда люди старались упрятать все наиболее важное под землю — отголосок эпох опасностей и войн. Теперь большинство наблюдательных и управленческих постов находилось на высоких башнях. Считалось, что человек, вознесенный над землей, лучше чувствует себя и как бы стягивается в узел напряжения и внимания.

Комната на башне раскачивалась, но не дрожала под нескончаемым ветром Антарктики. Гасители вибраций надежно охраняли человека и его приборы. Крес удобно уселся, окинув взглядом четыре больших экрана. В двух крайних виднелись похожие на медленно качавшиеся цветы направляющие башни

на островах Макуори и принца Эдуарда. Их отделяло от Креса больше четырех тысяч километров. Кривизна земной поверхности не позволяла на таком расстоянии увидеть даже высочайшую гору мира — Джомолунгму, но сеть спутников-реле, вращавшихся синхронно с планетой, обеспечивала любую дальность телепередач.

Долгий вибрирующий сигнал — и башня все же вздрогнула. Крес всем существом почувствовал, как ураганный поток воздуха понесся над голубым озером растопленного льда, подхватывая воду и взмывая вверх с нарастающей скоростью.

Через несколько минут животворный ливень обрушится на пустыни Западной Австралии. Одна за другой башни сообщали о прохождении потока. Макуори, Тасмания, Балларат, Мосгрейв... Замыкающая башня на Гранитах докладывает о разрядке потока. Непрерывный каскад льет с неба над половиной материка. Лишь в конце дежурства можно будет снизить интенсивность наполовину, меньше нельзя. Еще не достигнута возможность работы на любом режиме.

Крес оглядел ленты графиков, медленно проползавшие в окошечках приборов. Мелодично и ритмично пели охранители-автоматы. Все хорошо! И оператор переключил боковые экраны на свой личный канал. Ровно в двадцать часов его приветствовали возникшие на экранах друзья.

Только что вернувшийся звездолетчик Ниокан, художник Альк со своей ласковой и беспомощной повадкой удивленного ребенка. Круглолицая Та с контрастом смешливо приподнятых уголков губ и тревожно сосредоточенных глаз. Едва успели они рассмотреть друг друга и обменяться несколькими словами, как на четвертом экране появилась Не Та. Она стояла в круглом помещении под сверкавшим тысячегранником многоканального приемника ТВФ. Это была запись, сделанная около двух месяцев тому назад, и Не Та, конечно, не могла увидеть своих друзей. Она не изменилась. Может быть, стали немного резче ее аскетические черты и ярче горящие глаза библейской пророчицы.

Исследовательница древнего искусства не скрывала своего счастья. Действительно, найти среди миллиардов произведений живописи, накопившихся за столетия всеобщего мира на планете, когда ничто не могло разрушить творения искусства, нужные картины было исключительной удачей.

В прошлом искусство сильно отставало от жизни. Было поразительно, с каким упорством художники на пороге выхода людей в космос продолжали писать свои ландшафты и натюрморты или забавлялись пустяковыми открытиями в перспективе или игре цветов, которые временами достигали полного от-

рицания содержания и формы. Годы поисков не помогли найти даже одной-единственной космической картины, написанной по канонам того времени — на холсте, прочными минеральными красками на масляной основе.

Было известно множество черно-белых графических изображений, служивших иллюстрациями древних книг о будущем, которые считались второсортной беллетристикой и печатались на самой скверной бумаге, не позволявшей давать хорошие репродукции и рассыпавшейся в прах через тридцать лет. Только обложки этих дешевых книг печатались в красках, и для них создавались цветные иллюстрации — видимо, единственный вид спроса на фантазии о далеких мирах.

Ни музеи, ни специальные художественные издания не занимались подобными картинами, очевидно, весьма низко оценивая этот круг человеческих мечтаний. Это было тем более поразительно, что как раз в этот период истории художники создали колоссальное количество нелепых произведений. Орнаментальное искусство соответственно распространившимся психосдвигам вдруг стало расцениваться как выражение глубочайших идей, под названием абстрактной живописи или скульптуры. В подобную же форму облекалось множество подделок под искусство, ибо в те времена жило множество людей с плохо развитым вкусом, но гнавшихся за так называемой модой, то есть массовыми увлечениями в музыке, одежде, искусстве и даже облике человека.

Не сразу было понятно, что дробление и искажение формы, перспективы и цветопереходов представляют собою закономерное в шизоидной психике стремление к извращению окружающей реальности. За это время миллионы нелепейших картин и чудовищных скульптур, больше похожих на обломки утилитарных деталей, заполонили музеи, наравне с произведениями противоположных направлений — ничем не прошибаемого натуралистического плана. Среди них потонули картины и скульптуры подлинных художников, искателей новых выражений человеческого духа в наступающую новую историческую эру.

Наконец, перебирая микрофильмы старых альбомов, исследователи нашли художника, специально посвятившего себя космосу.

Эксперты разошлись во мнениях относительно его имени. Некоторые думали, что это был «сокол» — русское название хищной птицы. Другие основывали имя на другом русском слове — «сок», означавшем жидкость из растений или плодов.

Не Та упорно продолжала поиски, и так были найдены пять картин.

Находка вызвала живейший интерес — был найден единственный русский художник космоса, творивший в самом начале космической эры.

Ему дали нежное прозвище «Сокол Русский», и планета смотрела теперь на цветные электронные репродукции пяти картин.

Сопровожденные объяснениями Не Той пять картин явились на экран во всем блеске своих красок.

На первой картине белый след быстро несущегося звездолета прорезал угрожающе фиолетовое, исчерченное пурпуром небо планеты Венеры. Бледные зелено-голубые огни электрических бурь неистовствовали над фиолетовым океаном.

Вторая и третья картины изображали различные аспекты планеты двойной звезды — красного гиганта и голубого карлика.

Резкие колебания температуры делали невозможной жизнь земного типа, но она тем не менее существовала в виде кремниевых кристаллов. Одна картина показывала красное солнце, другая — голубое и дисковидный звездолет с Земли, проникший в мир двойного солнца и кристаллической жизни.

Четвертая картина была посвящена первой встрече земных людей и мыслящих существ другого мира.

Художник не попытался изобразить эти существа, вероятно, потому, что тогда господствовали взгляды о множественности форм мыслящей материи. Он написал встречу с творением инопланетной цивилизации — гигантским электронным мозгом, управляющим работой автоматических устройств планеты.

Пятая, и последняя, картина изображала автоматическую станцию, заброшенную на пробу атмосферы Сатурна, на кольцо планеты среди осколков скал — остатков спутников, разорванных ее притяжением.

Медленная череда древних картин повторилась еще раз. Затем экран показал отдельные детали живописи и угас, предоставив зрителям по-своему пережить встречу с картинами русского художника.

— Что поразило меня больше всего — это буйство воображения! — воскликнула Та. — Ведь они еще ничего не могли видеть в космосе, исключая свою собственную планету, конечно, да еще Луну. Но смотрите, как многое здесь передано верно. Какое вдохновение мог получить этот землянин, который не был никогда на других планетах, и он мог написать на картине то, что реально люди увидели лишь сотни лет спустя!

— Я также удивлен, — присоединился Альк. — Особенно когда я понял, что это было тогда, когда человек уже потерял

свое первобытное чувство восприятия... И в то же время еще не достиг синтеза эмоций и интеллекта.

— Но я могу понять, — возразил Крес. — Человеческий мозг, отражая необъятные просторы космоса, инстинктивно схватывал его законы, воспроизводя их в изобразительном искусстве. Вот и вышло, что художник предугадал изумрудные оттенки дисперсного сияния ледяных просторов Сатурна, так же как лиловое небо Венеры и ее электрические бури.

— Научная фантастика того времени показала еще более поразительную способность видеть то, что еще не видели тогда, — задумчиво заметил Ниокан.

— И все же ни одна из пяти картин не передает ощущения первой высадки на неизвестную планету. Я подразумеваю восторг ожидания плюс тревогу возможной опасности, вероятность ужасного разочарования.

— Особенно если ожидаете встречу с разумной жизнью, — вмешалась Та.

— О да, когда вам мерещатся строения и мосты в горах и оврагах или каналы и поля на равнинах. И чем ближе вы подходите, тем яснее становится, что эти дела рук человеческих — иллюзия, игра перенапряженного воображения.

— Или вспомните особенные, странные планеты, на которых даже облака кажутся угрожающе нацеленными на вас копьями. Плотный туман вьется гигантским драконом и смотрит на вас упорно и слепо, скрывая под собой мрачные, зловеще выглядевшие горы. — И Та опустила голову, как бы вспомнив темные планеты, впечатления от которых еще не стерла сияющая, прекрасная Земля.

— Главное все же, — заметил Ниокан, — это общее чувство бесконечности космоса тут, рядом, за порогом нашего земного дома.

— Действительно, нет предела нашему желанию исследовать его бездны, ни границ этого исследования. Разнообразие Вселенной неисчерпаемо! — спокойно заметил Крес.

Его три друга ответили жестом согласия.

— Очевидно, наши предки в начале космической эры еще не развили то очень реальное восприятие невероятного, которое простирается повсюду в необъятных просторах Вселенной, — начал Ниокан, — даже у нас оно подавляет слабовольных, причиняя агорафобию.

— Я не думаю, — возразила Та. — Вспомните наших пещерных предков, которые смотрели на бесконечную непознанную планету, в которой исчезали и растворялись индивидуальные жизни. Где тогда была для них граница мира? Лишь тыся-

челетия позднее древние греки изобрели их, заключили в них свой мир и определили тем самым его познаваемость...

Последние слова потонули в громовом эхе резкого звука.

— До свидания, друзья! — закричал Крес, выключая гостевой канал.

Башня задрожала, и на боковых экранах возникли озабоченные лица тасманского и кергуэленского операторов.

— Внезапный ураган? — поспешно предположил Крес.

— Да, на высоте около пяти километров, — ответил тасманец.

— Отлично! Это не нарушит режим операции, — удовлетворенно сказал Крес.

— Надо снять жесткость башен. — И тасманец закрепил свои предохранительные лямки.

Крес повторил его действия и нажал на большой красный рычаг.

Вибрация прекратилась.

Подобно спелому колосу ржи, башня нагнулась, припадая к земле, качаясь упруго надо льдами, смутно белевшими сквозь мглу бури. Оператор приспособил свое сиденье к наклону башни. На неукрощенной ледяной шапке Антарктики такие внезапные бури продолжались недолго.

Крес усилил подачу направляющего тока и терпеливо ждал окончания бури, стараясь представить себе людей прошлого, первыми проложивших дороги в космическое пространство, и тех первых устроителей общества, которые начали предвидеть и покорять до этого неустойчивую и неопределенную судьбу человечества Земли.

1965

СОДЕРЖАНИЕ

Сердце Змеи 5

Туманность Андромеды

От автора 65
Глава первая. Железная звезда 66
Глава вторая. Эпсилон Тукана 90
Глава третья. В плену тьмы 114
Глава четвертая. Река времени 142
Глава пятая. Конь на дне морском 158
Глава шестая. Легенда синих солнц 174
Глава седьмая. Симфония фа минор цветовой тональности 4,750 мю 193
Глава восьмая. Красные волны 214
Глава девятая. Школа третьего цикла 230
Глава десятая. Тибетский опыт 240
Глава одиннадцатая. Остров Забвения 258
Глава двенадцатая. Совет звездоплавания 274
Глава тринадцатая. Ангелы неба 293
Глава четырнадцатая. Стальная дверь 314
Глава пятнадцатая. Туманность Андромеды 324
На пути к роману «Туманность Андромеды» 336

Час Быка

От автора 351
Пролог 353
Глава первая. Миф о планете Торманс 367
Глава вторая. По краю бездны 379
Глава третья. Над Тормансом 396
Глава четвертая. Отзвук инферно 427
Глава пятая. В садах Цоам 443
Глава шестая. Цена рая 471
Глава седьмая. Глаза Земли 499
Глава восьмая. Три слоя смерти 527

Глава девятая. Скованная вера 560
Глава десятая. Стрела Аримана 599
Глава одиннадцатая. Маски подземелья 634
Глава двенадцатая. Хрустальное окно 674
Глава тринадцатая. Кораблю — взлет! 706
Эпилог 730
Как создавался «Час Быка» 741

Пять картин 755